

Padro Dunning

Къ портрету Радко-Дмитріева.

За послѣдніе два съ половиной мѣсяца восторженная любовь нашихъ войскъ къ начальнику назвала своего выдающагося героя генерала Радко-Дмитріева.

Радко Дмитріевичъ Дмитріевъ, болгаринъ по происхожденію, уроженецъ Сливненскаго округа и Котленскаго уѣзда, родился 24 сентября 1859 года. Окончивъ курсъ въ Котленскомъ реальномъ училищѣ, онъ во время нашей русско-турецкой войны поступилъ добровольцемъ проводникомъ Л. Гв въ Уланскій Его Величества полкъ и съ этимъ полкомъ совершилъ весь походъ 1877—78 г., отличаясь личной храбростью и особыми военными дарованіями.

Послѣ войны Радко-Дмитріевъ поступилъ въ Софійское военное училище, и, окончивъ тамъ военное образованіе, вышелъ въ 1879 году прапорщикомъ въ Румелійскія войска, гдѣ, уже въ чинѣ подпоручика, получилъ роту въ 1-й Филиппопольской пѣхотной дружинѣ.

Въ 1880 онъ былъ командированъ въ Петербургъ и прослушалъ тамъ лекціи въ 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, черезъ годъ поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба, окончивъ тамъ полный курсъ, былъ откомандированъ въ 1-ю Филиппопольскую пѣхотную дружину. Затѣмъ онъ служилъ въ Болгарскомъ генеральномъ штабѣ и занималъ должность адъютанта, начальника штаба Ямбольскаго отряда и Восточнаго корпуса.

Во время войны 1885 года Радко-Дмитріевъ, занимая должности помощника начальника штаба и начальника штаба корпуса особенно отличился при атакѣ Драгоманскаго прохода, при атакѣ гор. Пирота и Планицы.

Послѣ войны, Радко-Дмитріевъ былъ годъ начальникомъ хозяйственнаго отдѣла Болгарскаго военнаго министерства ¹⁾.

Въ 1887 году Радко-Дмитріевъ уѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу въ 15-й Гренадерскій Тифлисскій Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича полкъ, гдѣ на слѣдующій годъ получилъ въ командованіе роту; командовалъ ротой до 9 августа 1898 года, болѣе 10 лѣтъ, когда онъ былъ произведенъ въ подполковники и принялъ баталіонъ. Въ 1898 году онъ отправился опять въ Болгарію, поступилъ на военную службу и достигъ тамъ до высшихъ назначеній.

Во время пребыванія въ Россіи Радко-Дмитріевъ женился на русской. Супруга его, Ольга Николаевна воспитанница Екатерининскаго Института.

Передъ отправленіемъ подполковника Радко-Дмитріева въ Болгарію спросили мнѣнія одного нашего начальника о возможности откомандированія Радко-Дмитріева и еще другого Болгарскаго офицера N, и онъ отвѣтилъ такъ: „будетъ ли N откомандированъ или нѣтъ—это не будетъ имѣть никакого значенія для русской и болгарской арміи, что же касается до подполковника Радко-Дмитріева, то не слѣдуетъ лишать болгарскую армію такого офицера, которому предстоитъ блестящая боевая будущность“.

Предсказаніе это исполнилось, и въ войну 1912—1913 года Радко-Дмитріевъ былъ ужъ въ чинѣ генерала, командующимъ 3 болгарской арміей, гдѣ подъ Лозенградомъ, Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ дѣйствовалъ противъ турокъ блестяще, по-наполеоновски, сдѣлался любимцемъ болгарскихъ войскъ и болгарскимъ народнымъ героемъ; храбрость его была также изумительна и при появленіи во время боя въ рядахъ войскъ, Радко-Дмитріевъ былъ привѣтствуемъ восторженными ура и офицеровъ и солдатъ.

Въ началѣ 1913 года Радко-Дмитріевъ былъ временно командированъ въ Петербургъ и здѣсь испросилъ себѣ разрѣшеніе поступить, въ случаѣ войны, въ ряды русской арміи, чтобы имѣть возможность исполнить завѣтную мечту его жизни отблагодарить Россію за все то, что Россія сдѣлала для болгарскаго народа и для него лично.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Радко-Дмитріеву передавали, что въ одной русской семьѣ, передъ взятіемъ Адрианополя, одна умирающая видѣла отчетливо видѣніе, какъ на-

¹⁾ „Русскій Инвалидъ“ 5 сентября с. г.

ступающія и облегающія турецкую крѣпость славянскія войска ее взяли. Радко-Дмитріевъ былъ пораженъ тѣмъ, что русской женщиной такъ были близки къ сердцу славянскія дѣла. Послѣ этого было рѣшено въ этой семьѣ благословить Радко Дмитріева фамильнымъ образомъ. По странной случайности образъ оказался иконой Спаса Нерукотворнаго, совершенно схожимъ съ тѣмъ образомъ, который былъ съ Суворовымъ во всѣхъ походахъ, сохранялся прежде въ Новомъ Іерусалимѣ и находится нынѣ въ Суворовской церкви. Разница была въ томъ, что суворовскій образъ поврежденъ пулей.

Этотъ образъ сопутствуетъ Радко-Дмитріеву и въ настоящей войнѣ.

Послѣ турецкой войны Радко-Дмитріевъ былъ назначенъ болгарскимъ посломъ въ Россію.

Началась русско-нѣмецкая война, и генералъ Радко-Дмитріевъ, исполняя свою завѣтную мечту, вступить въ ряды русскихъ войскъ, послалъ болгарскому правительству прошеніе объ отставкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая во вниманіе, что Болгарія остается нейтральной, я прошу освободить меня отъ занимаемаго мною поста посланника и уволить съ военной службы. Какъ болгаринъ, я не могу въ эту историческую минуту остаться въ сторонѣ и считаю своимъ святымъ долгомъ отдать свои силы Россіи, которой Болгарія обязана своимъ національнымъ существованіемъ“¹⁾.

Получивъ изъ Болгаріи разрѣшеніе, и будучи принятъ на русскую службу Радко-Дмитріевъ уѣхалъ въ армію, дѣйствующую противъ австрійцевъ.

Корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, изъ Галиційскаго фронта, преисполнены въ теченіе сентября описаніемъ боевыхъ дѣяній Радко-Дмитріева, которыя мы приведемъ въ подлинникахъ.

Одинъ генералъ²⁾, находящійся на передовыхъ позиціяхъ въ Австріи, пишетъ:

„Войска Радко-Дмитріева не участвовали во взятіи Львова. Они подошли ко Львову въ тотъ моментъ, когда австрійскія войска, подкрѣпленные германскими, пытались сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе, чтобы прорвать нашу линію и взять обратно Львовъ. Противъ этихъ австро-германскихъ силъ были

¹⁾ „Новое Время“ отъ 26 іюля с. г.

²⁾ „Вел.-Отеч. Война“. 9 сентября с. г. № 39.

двинуты войска Радко-Дмитріева, который и принялъ на себя весь ударъ остервенѣвшихъ враговъ.

Радко-Дмитріевъ въ теченіе трехъ дней выдерживалъ натискъ врага, превосходившаго силы его корпуса въ 4—5 разъ. Трое сутокъ русскія войска дрались непрерывно день и ночь. Ни разу, ни одна часть за эти три сутокъ не отдыхала. Въ концѣ концовъ утомленіе было такъ велико, что нѣкоторые солдаты засыпали тутъ же во время боя съ оружіемъ въ рукахъ.

Благодаря крайнему напряженію и мужеству, войска Радко-Дмитріева отразили всѣ атаки австро-германцевъ и продержались до того времени, когда къ мѣсту битвы подошли свѣжія наши войска. Австро-германцы были опрокинуты и отступили въ безпорядкѣ.

Какъ извѣстно, за этотъ подвигъ Радко-Дмитріевъ былъ награжденъ Георгіемъ 4-й степени¹⁾.

Раненый подъ Львовомъ подполковникъ С. такъ рассказываетъ ¹⁾ о Радко-Дмитріевѣ:

„Безъ помпы, безъ позы, просто и скромно дѣлаетъ свое дѣло любимецъ арміи. Повсюду, гдѣ опасность, гдѣ нуженъ его совѣтъ и указаніе,—можно видѣть его грузную фигуру въ простомъ походномъ мундирѣ. Его выносливость невѣроятна. Подъ Львовомъ послѣ 20-часовой работы онъ спалъ только три часа, чтобы снова сѣсть на коня на нѣсколько сутокъ. Солдаты съ восторгомъ и умиленіемъ говорятъ о немъ.

Херсонскій депутатъ Государственной Думы М. П. Дмитріевъ, пріѣхавшій въ Одессу и все время состоявшій при генер. Радко-Дмитріевѣ, такъ характеризуетъ ²⁾ этого героя:

„Невѣроятный по своей силѣ бой у Городка въ результатѣ далъ намъ торжествовать все время побѣду. Что это былъ за бой, трудно себѣ представить. Никто изъ насъ во все время боя не отдохнулъ ни одной минуты. Правда, въ этой битвѣ намъ пришлось приложить много энергіи и силъ. Противъ насъ дѣйствовали три корпуса противъ одного! Но наши войска показали чудеса храбрости. Радко-Дмитріевъ не можетъ нахвалиться русскимъ солдатомъ. Это, говоритъ онъ, титаны. Съ такими войсками я рѣшусь пойти на самаго страшнаго врага. Болгары, говоритъ онъ, это только ученики русскихъ. Какъ офицеръ, состоявшій все время при немъ, я могу подтвердить, что ген. Дмитріевъ пользуется сказочной популярностью среди

¹⁾ „Искры“ 14 сент. с. г. № 36.

²⁾ „Новое Время“ сентябрь.

войскъ. Солдаты, офицеры только о немъ и говорятъ. И дѣйствительно, это рѣдкій командиръ. Онъ постоянно впереди, рядомъ съ солдатомъ. Часто случалось, что онъ выходилъ за цѣпь и велъ впередъ войска. Его „впередъ“! электризуетъ войска. Онъ любитъ солдата и заботится о немъ. Онъ часто на собственномъ автомобилѣ доставляетъ раненыхъ на перевязочный пунктъ. Подъ М. ген. Радко такъ велъ бой, что наши потери не только были ничтожны, но войска ничуть не утомились. Это сдѣлали его блестящіе маневры и умѣлое руководство артиллеріей. Въ походѣ ген. Радко ведетъ жизнь простого солдата. Подъ Городкомъ ему приходилось все время спать на мокрой соломѣ. Обозъ былъ далеко. Питаться приходилось Богъ знаетъ чѣмъ. Намъ удалось за четыре дня разъ съ трудомъ раздобыть молоко для ген. Радко-Дмитріева.

Прибывшій изъ дѣйствующей арміи уполномоченный Краснаго Креста Д. Д. Даньшичъ передаетъ ¹⁾ о Р. Д. нижеслѣдующее:

„Кому суждена слава народнаго героя, такъ это Радко-Дмитріеву. Во всѣхъ нашихъ арміяхъ, дѣйствующихъ противъ австрійцевъ, солдаты всѣ до одного обожаютъ своего „Радку“. Въ войскахъ о немъ сложились уже цѣлыя легенды, хотя я долженъ сказать, что выдуманнаго въ этихъ легендахъ очень мало.

Радко-Дмитріевъ всегда впереди со своими полками, всегда самъ ведетъ солдатъ въ наступленіе, всегда въ самомъ опасномъ мѣстѣ, примѣромъ своимъ вдохновляя воиновъ.

Его лозунгъ—„впередъ“. Когда пробуютъ его увѣрить, что лучше бы подождать, онъ спокойно и увѣренно повторяетъ: „Впередъ“. Ему продолжаютъ доказывать, что надо подождать подкрѣпленія или обова. Не мѣняя тона, Радко-Дмитріевъ говоритъ: „Энергично впередъ“.

— Да, это—генераль, это, дѣйствительно, начальникъ, герой, что и говорить,—только и слышишь отъ солдатъ. Офицеры безъ ума отъ него не меньше солдатъ. Многіе офицеры съ восторгомъ передавали со всѣми подробностями о подвигахъ Радко-Дмитріева. Австрійцы боятся его и ненавидятъ, какъ самаго лютаго врага“.

Ред.

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ отъ 9 сент. с. г.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.
Вильгельмъ II-й на Лейпцигскихъ торжествахъ
въ 1913 году.

Во все время Лейпцигскихъ торжествъ въ 1913 году императоръ Вильгельмъ II усиленно подчеркивалъ свое необычайное вниманіе къ наследнику австрійскаго престола, покойному эрцъ-герцогу Францу Фердинанду. Онъ постоянно съ нимъ говорилъ чрезвычайно любезно, постоянно сидѣлъ съ нимъ и въ то же самое время обнаружилъ свое совершенное равнодушіе къ другимъ Августѣйшимъ гостямъ Саксонскаго Короля въ Лейпцигѣ. Когда австрійцы совершенно неожиданно для оберъ-гофмаршала Саксонскаго Короля, управлявшаго всѣми церемоніями, заявили о необходимости поѣхать со всѣми Августѣйшими гостями послѣ открытія нѣмецкаго памятника, на могилу австрійскаго фельдмаршала кн. Шварценберга, то оказалось, что у императора Вильгельма уже былъ готовъ роскошный вѣнокъ, который Вильгельмъ II и возложилъ на могилу кн. Шварценберга. У нѣмецкаго кейзера не хватило достаточнаго политическаго такта возложить вѣнокъ на могилы русскихъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ за освобожденіе Германіи, и въ особенности на могилу генерала Шевича, которому оторвало голову, когда онъ шелъ во главѣ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи въ атаку на французскихъ кирасиръ, несшихся къ холму трехъ монарховъ, гдѣ находился также прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III.

Въ теченіе всего 1913 года Вильгельмъ II ничего не упоминалъ о историческихъ дѣяніяхъ русскихъ въ Германіи въ 1813 году, и лишь глазъ на глазъ съ предсѣдателемъ русскаго Лейпцигскаго комитета по сооруженію храма памятника сказалъ ему одному, что онъ пожаловалъ ему орденъ Краснаго Ора 1-й степени въ память совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій русскихъ и пруссаковъ въ 1913 году.

Вильгельмъ II-й на Нарвскихъ маневрахъ въ Россіи въ 1890 г.

Во время нарвскихъ маневровъ въ 1890 г. Вильгельмъ II-й прибылъ въ Ревель моремъ, а оттуда въ Нарву по желѣзной дорогѣ. Ко времени его прибытія на особой платформѣ въ Нарвѣ находились Особы Императорской Фамиліи,—почетный караулъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка и высшія начальствующія лица. Передъ остановкой поѣзда германскій императоръ обнаружилъ необычайную нервность и желаніе возможно скорѣе попасть на платформу — онъ вышелъ на переднюю площадку вагона, и, не дождавшись остановки поѣзда, хотѣлъ выскочить на платформу, но сорвался съ площадки и очутился между платформой и вагономъ, успѣвъ, однако, здоровой рукой ухватиться за стойку площадки вагона. Стоявшій позади германскаго императора дюжій генераль-адъютантъ мгновенно схватилъ правой рукой подъ мышки своего императора и вытащилъ его на площадку.

Вскорѣ Вильгельмъ II-й опять выскочилъ на платформу и второй разъ удачно.

Вообще неоперившійся еще нѣмецкій кейзеръ подобострастно велъ себя въ отношеніи Державнаго Вождя Русской арміи.

У насъ была фотографія, снятая штабсъ-капитаномъ Асѣвымъ на холмѣ позиціи Ополе: особенно величественна была фигура Россійскаго монарха и особенно подобострастна была поза Вильгельма II-го.

Эта фотографія была передана впоследствии начальнику штаба Петербургскаго округа Г. Р. Васмунду.

Къ великому сожалѣнію, генераль Васмундъ ее затерялъ, и послѣ смерти фотографію нигдѣ не могли найти.

Міровоззрѣніе германцевъ на историческія событія 1813—1814 г.г.

Цѣлью германскихъ историковъ за послѣднее столѣтіе было искоренить въ сознаніи нѣмцевъ все то, что, къ несчастію, сдѣлала Россія къ спасенію и возсозданію Пруссіи и Германіи въ 1807, 1813, 1814, 1866, 1870—1871 г.г.

5-го октября 1913 г., передъ открытіемъ въ Лейпцигѣ германскаго памятника народовъ, камеральный совѣтникъ Тиме, говорившій 40 минутъ рѣчь о событіяхъ войны 1813—1814 г.г., между прочимъ сказалъ о Россіи, что она въ 1812 г. выгнала Наполеона изъ предѣловъ Россіи, и больше ничего. На самомъ нѣмецкомъ памятникѣ битвы народовъ, какъ и вообще на всѣхъ нѣмецкихъ памятникахъ о войнѣ 1813 г., ничего объ участіи Россіи не упоминалось.

Въ виду этого ярко выраженаго забвенія историческаго хода событій, комитетъ по устройству храма памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія вырѣзалъ на камнѣ передъ храмомъ надпись и по-русски и по-нѣмецки: „Памяти 22.000 русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г. за освобожденіе Германіи“.

Намъ удавалось слышать слова простого нѣмецкаго народа послѣ прочтенія этой надписи:

Вотъ выдумали, говорили нѣмцы, прочитавъ эту надпись: это мы, нѣмцы, освободили Германію, это мы, нѣмцы, разбили Наполеона, это мы, нѣмцы, пришли въ Парижъ, при чемъ же тутъ русскіе.

П. Вороновъ.

Russkaja Starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1914.

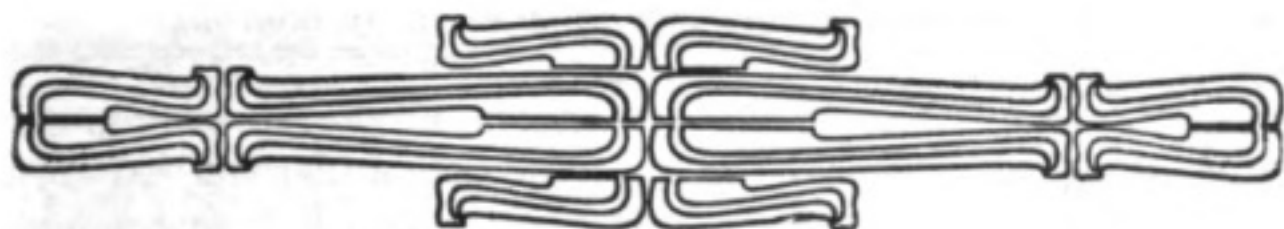
ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ТОМЪ СТО ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова.

2 октября 1814 г.—2 октября 1914 г.

Русское общество не будетъ имѣть возможности вспомнить день рожденія своего великаго поэта съ подобающею ему честью. Глубоко національное движеніе, охватившее нашу страну противъ дерзкаго и вдобавокъ оказавшагося безчестнымъ врага, отниметь часть нашего воодушевленія при мысли о прошломъ,—мы захвачены настоящимъ и будущимъ. Но будущее и за великими представителями нашего самосознанія, и въ частности за Лермонтовымъ. Объ этомъ и хочется сказать нѣсколько словъ.—Развитіе русской литературы всегда вели отъ Пушкина и Гоголя, мѣсто Лермонтова, которому не отказывали ни въ любви, ни въ уваженіи, было однако какъ бы внѣ этого поступательнаго движенія, онъ оказался и здѣсь „вѣчнымъ странникомъ“, не нашедшимъ себѣ постояннаго пристанища среди равныхъ и подобныхъ. Теперь мы знаемъ, что это не такъ. Мысль о вліяніи лермонтовской стихіи на послѣдующую нашу литературу, возникшая въ недавнее время, представляется въ высшей степени плодотворной; отсюда можно ждать богатыхъ выводовъ, которые могутъ привести къ иному пониманію поэта, столь любимаго въ школьномъ возрастѣ и забываемаго позднѣе. Сила его еще не измѣрена, цѣнность его еще не указана. Во всякомъ случаѣ предстоитъ переоцѣнка. Народность поэта во многомъ была заподозрѣна, хотя почему-то наши крупные мудрые писатели съ народнической складкою (Ап. Григорьевъ, Достоевскій, Ключевскій) обращались съ особо сочувственною мыслью къ этому „западнику“. Намъ кажется умѣстнымъ вспомнить здѣсь слова Достоевскаго, который въ своемъ „Дневникѣ Писателя“ (за 1877 г.), говоря

о томъ, что поэтъ „навѣрно-бъ кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой“, добавляетъ, что „чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ... Остался-бы Лермонтовъ жить и мы-бы имѣли великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а, можетъ быть, и истиннаго „печальника горя народнаго“...“

И вотъ, когда, установивъ связь Лермонтова съ послѣдующими нашими великими поэтами и мудрецами и, подмѣтивъ въ его стихахъ черты подлинно народнаго духа, вольютъ это въ сознание нашего общества, тогда настанетъ для поэта будущее, котораго онъ заслуживаетъ и которое уяснить намъ многое и въ другихъ писателяхъ, до тѣхъ поръ остававшееся или незамѣченнымъ или непонятымъ.

В.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ.

Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ.

№ 1.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностран- ныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 10 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посланникъ только-что въ 6 часовъ вечера передалъ, заступающему Пашича, Министру Финансовъ Пачу ультимативную ноту своего Правительства, дающую 48-часовой срокъ для принятія заключающихся въ ней требованій. Гизль добавилъ на словахъ, что, въ случаѣ непринятія ея цѣликомъ, въ 48-часовой срокъ, ему предписано выѣхать изъ Бѣлграда съ составомъ Миссіи. Пашичъ и прочіе Министры, уѣхавшіе на агитацію по выборамъ, вызваны и ожидаются въ Бѣлградъ завтра, въ пятницу, въ 10 часовъ утра. Пачу, сообщивъ мнѣ содержаніе ноты, проситъ защиты Россіи и говоритъ, что ни одно Сербское Правительство не можетъ согласиться на предложенія Австріи.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 2.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Бѣлградъ, 10 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Переводъ ноты, переданной сегодня Австро-Венгерскимъ Посланникомъ Сербскому Правительству:

18 (31) марта 1909 г. Сербскій Посланникъ въ Вѣнѣ сдѣлалъ по приказанію своего Правительства Императорскому и Королевскому Правительству слѣдующее заявленіе:

„Сербія признаетъ, что права ея не были затронуты совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ ст. 25 Берлинскаго трактата.

Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербія обязуется впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи по вопросу объ аннексіи, которую она занимала съ прошлой осени и обязуется кромѣ того измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, чтобы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія.

Между тѣмъ исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюля доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ монархіи, распущенный тонъ въ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, оно допускаетъ всѣ манифестаціи, которыя могли

возбудить въ сербскомъ населеніи ненависть къ монархіи и презрѣніе къ ея установленіямъ.

Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событія 15 прошлаго іюня показали всему міру ея прискорбныя послѣдствія. Изъ показаній и признаній виновниковъ преступнаго покушенія 15 іюня явствуетъ, что сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружіе и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убійцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ народной одбраны, и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разслѣдованія не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положеніе, которое оно занимало въ теченіе ряда лѣтъ по отношенію къ дѣйствіямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территоріи монархіи.

Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствія монархіи. Для достиженія этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ австро-венгерской монархіи, то-есть всю совокупность тенденцій, входящихъ въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленія этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ официального органа отъ 26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгрии, то-есть совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ австро-венгерской монархіи частей ея территоріи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники сербскіе участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометтировали такимъ образомъ тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правитель-

ство торжественно обязалось въ своей деклараціи, отъ 18 (31) марта 1909 года.

Королевское правительство, порицая также дѣйствія населенія нѣкоторой части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять“.

Это заявленіе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ Его Величества Короля по арміи и будетъ опубликовано въ официальномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того, обязуется:

1) Не допускать никакія публикаціи, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ монархіи и проникнутыя общей тенденціей, направленной противъ ея территоріальной неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое „Народная Одбрана“, конфисковать всѣ средства пропаганды этого общества и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденій въ Сербіи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской монархіи. Королевское правительство приметъ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать образованію вновь такихъ обществъ.

3) Незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній, какъ въ отношеніи личнаго состава учащихся, такъ и въ отношеніи способовъ обученія, все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи.

4) Удалить съ военной и административной службы вообще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству, вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленного противъ территоріальной неприкосновенности монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15 іюня, находящихся на сербской территоріи, при чемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ.

7) Срочно арестовать коменданта Воя Танкесича и нѣкоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометтированнаго результатами сараевского разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевского покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству объясненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими официальное положеніе, позволили себѣ послѣ покушенія 15 іюня высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ.

Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 час. вечера въ субботу ¹²/₂₅ текущаго мѣсяца.

(Подп.). *Штрандтманъ.*

№ 3.

Письменное сообщеніе, врученное лично Австро-Венгерскимъ Посломъ въ С.-Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 11 іюля 1914 г. въ 10 часовъ утра.

(Переводъ).

Императорское и Королевское Правительство было поставлено въ необходимость вручить въ четвергъ ¹⁰/₂₃ сего мѣсяца, черезъ Императорскаго и Королевскаго Посланника въ Бѣлградъ, слѣдующую ноту Королевскому Сербскому Правительству:

(слѣдуетъ текстъ ноты)

см. документъ № 2.

№ 4.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи.

С.-Петербургъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Благоволите передать Австро-Венгерскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ нижеслѣдующее:

Обращеніе Австро-Венгріи къ державамъ черезъ поль-суютокъ по предъявленіи ею ультиматума въ Бѣлградѣ лишаетъ державы возможности предпринять въ остающійся короткій срокъ что-либо полезное въ видахъ улаженія возникшихъ осложненій. Поэтому, для предотвращенія неисчислимыхъ и для всѣхъ одинаково нежелательныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести образъ дѣйствій Австріи, мы считали бы необходимымъ, чтобы послѣдняя прежде всего продлила поставленный ею Сербіи для отвѣта срокъ. Выразивъ готовность предоставить державамъ ознакомиться съ данными слѣдствія, на которыхъ она основываетъ свои обвиненія, Австрія должна бы дать державамъ возможность составить себѣ сужденіе о дѣлѣ. Въ случаѣ, если бы державы при этомъ убѣдились въ справедливости нѣкоторыхъ Австрійскихъ требованій, онѣ могли бы преподать Сербіи соответствующіе совѣты. Отказъ Австріи отъ предлагаемой нами постановки дѣла явно противорѣчилъ бы международной этикѣ и лишилъ бы сдѣланное ею сегодня намъ заявленіе смысла.

Сообщается въ Лондонъ, Берлинъ, Римъ, Парижъ, Бѣлградъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 5.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Императорскимъ Представителямъ въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи.

С.-Петербургъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на переданную Вамъ телеграмму Кудашеву отъ сего числа; мы надѣемся, что Правительство, при коемъ вы

аккредитованы, согласится сънашимъ взглядомъ и срочно предпишетъ своему Представителю въ Вѣнѣ высказаться въ этомъ же смыслѣ.

Сообщается въ Бѣлградѣ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 6.

Телеграмма Его Королевскаго Высочества Королевича Регента Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Бѣлградъ, 11 іюля 1914 г.

Вчера вечеромъ Австро-Венгерское Правительство передало Сербскому Правительству ноту относительно покушенія въ Сараевѣ. Сербія въ сознаниі своихъ международныхъ обязательствъ заявила съ первыхъ дней ужаснаго преступленія, что она осуждаетъ это злодѣяніе и готова открыть слѣдствіе на своей территоріи въ томъ случаѣ, если слѣдствіе, которое ведется Австро-Венгерскими властями, докажетъ соучастіе нѣкоторыхъ его подданныхъ. Но требованія, заключенныя въ нотѣ Австро-Венгерскаго Правительства, не совмѣстимы съ достоинствомъ Сербіи, какъ независимаго Государства, и излишнимъ образомъ для нея унижительны. Требуется между прочимъ, въ категорической формѣ, отъ насъ декларация Правительства въ официальной газетѣ, приказъ Короля по арміи, въ которомъ мы осуждали бы враждебный духъ противъ Австріи и вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказывали бы себѣ самимъ упреки за преступное попустительство по отношенію къ нашимъ будто бы коварнымъ проискамъ; далѣе намъ ставятъ условіемъ присутствіе Австро-Венгерскихъ чиновниковъ въ Сербіи какъ для совмѣстнаго участія съ нашими въ слѣдствіи, такъ и для наблюденія за остальными мѣропріятіями, указанными въ нотѣ. Намъ даютъ 48-ми часовой срокъ для принятія всего, въ противномъ случаѣ Австро-Венгерская Миссія выѣдетъ изъ Бѣлграда. Мы готовы принять тѣ требованія Австро-Венгріи, которыя совмѣстимы съ положеніемъ независимаго Государства, а также и тѣ, кои Ваше Величество намъ посовѣтуетъ принять, мы строго накажемъ всѣхъ тѣхъ, участіе коихъ въ покушеніи будетъ доказано. Среди требованій находятся и такія, которыя вызы-

вають и перемѣны въ нашемъ законодательствѣ и для сего намъ необходимо время. Срокъ назначенъ слишкомъ короткій. Австро-Венгерская армія сосредоточивается около нашей границы и можетъ насъ атаковать по истеченіи срока. Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе. Ваше Величество дало намъ столько доказательствъ Своего драгоцѣннаго благоволенія, что мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Его Славянскомъ и Благородномъ сердцѣ. Я являюсь выразителемъ чувствъ Сербскаго народа, который въ эти трудныя времена молитъ Ваше Величество принять участіе въ судьбахъ Сербіи.

(Подп.) *Александръ.*

№ 7.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Берлинъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Всѣ утреннія газеты, даже и тѣ немногія, которыя признаютъ неприемлемость для Сербіи поставленныхъ ей условій, относятся весьма сочувственно къ рѣшительному тону, принятому Австріей. Особенно рѣзокъ—оффиціозный „Локаль-Анцейгеръ“, который говоритъ, что обращенія Сербіи въ Петербургъ, Парижъ, Аѣины и Букарестъ излишни, и заканчиваетъ, что нѣмецкій народъ вздохнетъ свободно, узнавъ, что, наконецъ, станетъ яснымъ положеніе на Балканскомъ полуостровѣ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 8.

**Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Копія оффиціально переданной въ Бѣлградѣ ноты была сообщена Австрійскимъ Посломъ Французскому Правительству.

Впослѣдствіи Министра посѣтилъ Германскій Посолъ и прочиталъ ему сообщеніе, въ коемъ воспроизводились австрійскіе доводы и затѣмъ указывалось, что, въ случаѣ отказа Сербіи, Австрія вынуждена будетъ прибѣгнуть къ давленію, а въ случаѣ надобности и къ военнымъ мѣрамъ; въ заключеніе говорилось, что Германія считаетъ, что этотъ вопросъ подлежитъ непосредственному разрѣшенію между Австріей и Сербіей и что въ интересахъ Державъ ограничить дѣло предоставленіемъ его заинтересованнымъ сторонамъ. Присутствовавшей при разговорѣ Управляющей Политическимъ Департаментомъ спросилъ Посла, должно ли считать Австрійское выступленіе ультиматумомъ или нѣтъ. Другими словами, послѣдуютъ ли неминуемо военныя дѣйствія, если Сербія не подчинится безпрекословно Австрійскому требованію. Посолъ уклонился отъ прямого отвѣта, сославшись на неимѣніе инструкцій.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 9.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Пашичъ вернулся въ Бѣлградъ. Онъ предполагаетъ дать Австріи въ установленный срокъ, то-есть завтра субботу въ 6 часовъ вечера, отвѣтъ съ обозначеніемъ пріемлемыхъ и непріемлемыхъ пунктовъ. Нынѣ же будетъ послана просьба Державамъ о защитѣ независимости Сербіи. Затѣмъ, сказалъ Пашичъ, если война неизбежна—мы будемъ воевать.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 10.

Правительственное Сообщеніе.

С.-Петербургъ, 12 іюля 1914 г.

Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство

зорко слѣдить за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной.

№ 11.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Графъ Берхтольдъ въ Ишлѣ. За невозможностью самому туда поспѣть во-время, я ему протелеграфировалъ наше предложеніе о продленіи срока ультиматума и повторилъ его на словахъ Барону Маккіо. Послѣдній обѣщалъ сообщить ихъ своевременно Министру Иностранныхъ Дѣлъ, но прибавилъ, что можетъ съ увѣренностью предсказать безусловный отказъ.

(Подп.) *Кудашевъ.*

№ 12.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Продолженіе моей телеграммы отъ сего числа. Получилъ только-что, черезъ Маккіо, отрицательный отвѣтъ Австро-Венгерскаго правительства на наше предложеніе о продленіи срока ноты.

(Подп.) *Кудашевъ.*

№ 13.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

(Телеграмма).

Бѣлградъ, 12 іюля 1914 г.

(получена съ замедленіемъ 14 іюля 1914 г.).

Передаю отвѣтъ, врученный Сербскимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Австро-Венгерскому Посланнику въ Бѣлградѣ сегодня до истеченія срока ультиматума.

Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранить всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между Австро-Венгерскою монархіею и королевствомъ сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ деклараціею сербскаго правительства отъ 18;31 марта 1909 г., не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцеговинѣ.

Королевское правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ—манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное, и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ официальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіею и Австро-Венгеріею, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

Вслѣдствіе этого для королевскаго правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица, изъ сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія, совершеннаго въ Сараевѣ.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участию въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соответствующія сообщенія.

Слѣдуя такимъ образомъ желанію императорскаго и королевскаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности, оно обязывается опубликовать на первой страницѣ официальнаго органа отъ 13/26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и такимъ образомъ скомпрометтировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей деклараціей отъ 18/31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложитъ всѣ усилія. Заявленіе это будетъ объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля его королевскимъ высочествомъ наслѣдникомъ королевичемъ Александромъ, и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ официальнаго военнаго органа“.

1) Королевское правительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины, въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австро-венгерской монархіи, а равно всѣ публи-

каціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгрии, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи, внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество „Народна Одбрана“ и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе королевское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закрываетъ какъ общество „Народна Одбрана“, такъ и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгрии.

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служить или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгрии, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской монархіи, будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнительно имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно какъ и свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соответствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго

судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако, въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

7) Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту коменданта Войслава Танкосича, что же касается Милана Цыгановича, подданнаго австро-венгерской монархіи и состоявшаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому и королевскому правительству съ просьбой сообразованія сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское правительство усилить и расширить мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торго оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собою разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабаць—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу виновниковъ сараевского преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и посившихъ, согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи характеръ, какъ только императорское и королевское правитель-

ство сообщить ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и доказать, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское правительство увѣдомить императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по восполнѣдованіи распоряженія и осуществленія каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское правительство не было бы удовлетворено настоящимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово какъ всегда пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ деклараціи, сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18/31 марта 1909 года“.

(Подп.) *Штрайтманъ.*

№ 14.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран- ныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 12 іюля 1814 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму отъ 11 іюля.

Передалъ ея содержаніе Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ сказалъ, что Англійское Правительство также просило его посовѣтовать въ Вѣнѣ продленіе срока ультиматума; онъ телеграфировалъ объ этомъ въ Вѣну, протелеграфируетъ и о нашемъ шагѣ, но опасается, что за отсутствіемъ Берхтольда, уѣхавшаго въ Ишль, и за недостаткомъ времени его телеграммы не будутъ имѣть результатовъ, къ тому же онъ сомнѣвается, удобно ли Австріи уступать въ послѣднюю минуту и не усилить ли это самоувѣренность Сербіи. Я возразилъ, что Велкая Держава, какъ Австрія, можетъ уступить безъ ущерба престижу, и привелъ всѣ соотвѣтствующіе доводы, но болѣе опре-

дѣленныхъ обѣщаній не получилъ. Даже на намеки, что слѣдовало бы воздѣйствовать въ Вѣнѣ во избѣжаніе возможныхъ грозныхъ послѣдствій, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ каждый разъ отвѣчалъ отрицательно.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 15.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Получилъ телеграмму 11 іюля о продленіи срока Австрійскаго ультиматума и сдѣлалъ предписанное сообщеніе.—Французскому Представителю въ Вѣнѣ даны соотвѣтствующія инструкции.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 16.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма)

Получилъ телеграмму 11 іюля. Грей телеграфировалъ Англійскому Послу въ Вѣнѣ поддержать наше выступленіе относительно продленія срока ультиматума. Онъ мнѣ при этомъ сказалъ, что Австрійскій Посоль былъ у него и объяснилъ, что Австрійская нота должна была бы быть разсмотрѣна не какъ ультиматумъ, а какъ выступленіе, вызывающее, въ случаѣ отсутствія отвѣта или неудовлетворительнаго отвѣта къ назначенному сроку, разрывъ дипломатическихъ сношеній и немедленный отъѣздъ Австро-Венгерскаго Посланника изъ Бѣлграда, но не немедленное начало военныхъ дѣйствій. Грей добавилъ, что, въ виду сего объясненія, онъ, въ своихъ инструкціяхъ Послу, указалъ послѣднему, что, если будетъ поздно возбуждать вопросъ

о продленіи срока ультиматума, можетъ быть остановка военныхъ дѣйствій могла бы служить предметомъ обсужденія.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 17.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англии.

С.-Петербургъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Въ случаѣ дальнѣйшаго обостренія положенія, могущаго вызвать соотвѣтствующія дѣйствія Великихъ Державъ, мы рассчитываемъ, что Англія не замедлитъ опредѣленно встать на сторону Россіи и Франціи, чтобы поддержать то равновѣсіе въ Европѣ, за которое она постоянно выступала и въ прошломъ и которое будетъ несомнѣнно нарушено въ случаѣ торжества Австріи.

(Подп.) *Сазоновъ*.

Переводъ.

№ 18.

Письменное сообщеніе, переданное Германскимъ Посломъ въ Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 12 іюля 1914 года.

Мы узнаемъ изъ авторитетнаго источника, что извѣстіе, распространенное нѣкоторыми газетами о томъ, что выступленіе Австро-Венгерскаго Правительства въ Бѣлградѣ произошло по наущенію Германіи, совершенно ложно. Германское Правительство не было ознакомлено съ текстомъ Австрійской ноты до ея врученія и не повліяло на ея содержаніе. Свѣдѣнія о занятіи Германіей рѣшительнаго положенія лишено всякаго основанія. Германія, какъ союзникъ, конечно поддерживаетъ Австрію, претензіи коей къ Сербіи она считаетъ законными. Прежде всего она хочетъ, какъ она это заявляла съ самаго начала Австро-Сербскаго препирательства, чтобы этотъ конфликтъ былъ бы локализованъ.

№ 19.

**Повѣренный въ дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму 11 іюля.

Сегодня въ утренней газетѣ появились, хотя и не совсѣмъ въ точномъ видѣ, вчерашнія заявленія Германскаго Посла съ комментаріями, въ коихъ подчеркивался характеръ угрозы этого шага. Германскій Посолъ, крайне смущенный этими разоблаченіями, посѣтилъ сегодня утромъ Управляющаго Политическимъ Департаментомъ и сказалъ ему, что его слова отнюдь не имѣли приписываемаго имъ характера угрозы. Онъ объяснилъ, будто Австрія вручила свою ноту Сербіи, безъ опредѣленнаго уговора съ Берлиномъ, но что, впрочемъ, Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи и что, конечно, какъ выразился онъ, „разъ стрѣла выпущена“, Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 20.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей мнѣ сказалъ, что Германскій Посолъ заявилъ ему, что Германское Правительство не было освѣдомлено о содержаніи текста Австрійской ноты, но что оно всецѣло поддерживаетъ Австрійское выступленіе. Посолъ при этомъ спросилъ, согласится ли Англія воздѣйствовать въ Петербургѣ въ примирительномъ смыслѣ. Грей отвѣтилъ, что это совершенно невозможно. Министръ при этомъ добавилъ, что пока осложненія происходятъ между Австріей и Сербіей, Англійскіе интересы затронуты лишь косвенно, но что онъ долженъ предвидѣть, что Австрійская мобилизація вызоветъ мобилизацію Россіи и что

съ этого момента возникнетъ положеніе, въ коемъ заинтересованы будутъ всѣ Державы. Англія въ этомъ случаѣ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 21.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посланникъ, несмотря на крайнюю примирительность Сербскаго отвѣта на ультиматумъ, только-что въ 6^{1/2} вечера увѣдомилъ Сербское Правительство нотою, что онъ, не получивъ въ установленный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, со всѣмъ составомъ Миссіи покидаетъ Бѣлградъ. Въ Нишѣ на 14-е іюля созывается Скупщина. Туда же сегодня вечеромъ выѣзжаетъ Сербское Правительство и Дипломатическій Корпусъ.

(Подп.) *Штрандтманъ*.

№ 22.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей сказалъ Германскому Послу, что, по его мнѣнію, Австрійская мобилизація должна вызвать мобилизацію Россіи и что тогда возникнетъ острая опасность всеобщей войны и что онъ видитъ лишь одинъ выходъ для мирнаго его разрѣшенія: чтобы, въ виду Австрійской и Русской мобилизаціи, Германія, Франція, Италія и Англія воздержались бы отъ немедленной мобилизаціи и предложили бы сначала свои добрыя услуги. Грей мнѣ сказалъ, что этотъ планъ нуждается, прежде всего, въ Германскомъ согласіи и обязательствѣ Германіи не мобилизовать. Въ виду этого онъ сначала обратился по этому поводу съ запросомъ въ Берлинъ.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 23.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Италіи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Италія могла бы сыграть первостепенную роль въ дѣлѣ обезпеченія мира, если бы оказала должное воздѣйствіе на Австрію и заняла бы опредѣленное отрицательное положеніе къ конфликту, ибо послѣдній не можетъ остаться локализованнымъ. Было бы желательно, чтобы Вы высказали убѣжденіе въ томъ, что не придти на помощь Сербіи для Россіи невозможно.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 24.

**Управляющій Консульствомъ въ Прагѣ Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Прага, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Мобилизація объявлена.

(Подп.) *Казанскій.*

№ 25.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Австро - Венгріи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

У меня былъ сегодня съ Австро-Венгерскимъ Посломъ продолжительный разговоръ въ дружественномъ тонѣ. Разсмотрѣвъ съ нимъ предъявленныя Сербіи 10 требованій, я указалъ на то, что кромѣ неудачной формы, въ которую они облечены, нѣкоторыя изъ нихъ фактически совершенно не выполнимы, даже если бы Сербское Правительство и заявило о своемъ согласіи ихъ принять. Такъ, на примѣръ, пункты 1-й и 2-й не могутъ

быть осуществлены безъ измѣненія Сербскихъ законовъ о печати и о союзахъ, на что едва-ли возможно будетъ получить согласіе Скупщины; выполненіе же пунктовъ 4-го и 5-го неизбежно привело бы къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ и угрожало бы даже террористическими актами, направленными противъ членовъ Королевскаго Дома и Пашича, что едва-ли соответствуетъ цѣлямъ Австріи. Что касается другихъ пунктовъ, то мнѣ кажется, что съ извѣстными видоизмѣненіями въ подробностяхъ было бы не трудно въ отношеніи ихъ найти почву для соглашенія, если обвиненія, въ нихъ заключающіяся, будутъ подтверждены достаточными доказательствами.

Въ интересахъ сохраненія мира, который, по словамъ Сапари, одинаково дорогъ и для Австріи, какъ и для всѣхъ Державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ нынѣшнему натянутому положенію. Съ этой цѣлью мнѣ казалось бы очень желательнымъ, чтобы Австро-Венгерскій Посоль былъ уполномоченъ войти со мною въ частный обмѣнъ мыслей для совместной переработки нѣкоторыхъ статей Австрійской ноты 10-го іюля. Такимъ путемъ быть можетъ удалось бы найти формулу, которая, будучи приемлемой для Сербіи, дала вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу. Переговорите въ смыслѣ этой телеграммы съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ осторожной и дружественной формѣ. Сообщается Посламъ въ Германіи, Франціи, Англии и Италіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 26.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Германіи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщивъ содержаніе моей телеграммы въ Вѣну отъ сего числа Германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, благоволите выразить ему надежду, что онъ найдетъ возможнымъ, съ своей стороны, посовѣтовать въ Вѣнѣ пойти навстрѣчу нашему предложенію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 27.

**Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Директоръ Политическаго Департамента сообщилъ мнѣ, что когда онъ передалъ Австрійскому Послу содержаніе сербскаго отвѣта на ультиматумъ, Посолъ не скрылъ своего изумленія по поводу того, что Гизль имъ не удовлетворился. Уступчивость Сербіи должна, по мнѣнію Директора Политическаго Департамента, произвести въ Европѣ очень выгодное впечатлѣніе.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 28.

**Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ вновь посѣтилъ Германскій Посолъ, давшій слѣдующія объясненія: „Австрія объявила Россіи, что она не ищетъ територіальныхъ пріобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи. Ея единственная цѣль — обезпечить собственное спокойствіе. Отъ Россіи слѣдовательно зависитъ предотвратить войну. Германія чувствуетъ себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи предохранить миръ и твердо надѣется, что Франція употребитъ свое вліяніе въ Петербургѣ въ умѣряющемъ смыслѣ“. Министръ замѣтилъ, что Германія могла бы съ своей стороны предпринять аналогичные шаги въ Вѣнѣ, въ особенности послѣ выказанной Сербіей уступчивости. Посолъ отвѣтилъ, что это не представляется возможнымъ, въ виду рѣшенія не вмѣшиваться въ Австро-Сербскій споръ. Тогда Министръ спросилъ, не могли ли бы четыре Державы—Англія, Германія, Італія и Франція—предпринять шаги въ Петербургѣ и Вѣнѣ,

разъ дѣло сводится по существу къ спору между Россіей и Австріей. Посольскій сослался на отсутствіе инструкцій. Въ заключеніе Министръ отвѣтилъ отказомъ согласиться на Германское предложеніе.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 29.

**Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Директоръ Политическаго Департамента высказалъ, какъ личное мнѣніе, что послѣдовательныя германскія выступленія въ Парижѣ имѣютъ цѣлью запугать Францію и вызвать воздѣйствіе ея въ Петербургѣ.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 30.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Берлинъ, 18 Іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Послѣ полученія въ Берлинѣ извѣстія о мобилизаціи Сербскихъ войскъ большая толпа народа, состоящая, по словамъ газетъ, отчасти изъ австрійскихъ элементовъ, произвела рядъ шумныхъ манифестацій, сочувственныхъ Австріи. Повдно вечеромъ манифестанты нѣсколько разъ скоплялись передъ зданіемъ Императорскаго Посольства, издавая враждебныя по адресу Россіи возгласы, при чемъ полиція почти отсутствовала и не принимала никакихъ мѣръ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 31.

Посоль въ Англии Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 13 іюля, прошу телеграфировать мнѣ, согласуются ли, по Вашему мнѣнію, непосредственные Ваши переговоры съ Вѣнскимъ Кабинетомъ съ проектомъ Грея о медиации 4 Правительствъ. Узнавъ изъ телеграммы Англійскаго Посла въ Петербургѣ, что Вы готовы принять эту комбинацію, Грей рѣшилъ ее превратить въ официальное предложеніе, которое имъ было сдѣлано вчера вечеромъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 32.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ во Франціи и Англии.

С.-Петербургъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, Англійскій Посоль запросилъ, согласна ли Россія, чтобы Англія взяла инициативу созванія въ Лондонѣ конференціи изъ Представителей Франціи, Германіи и Италиі, чтобы вчетверомъ обсудить возможные выходы изъ положенія.

Я отвѣтилъ Послу, что мои непосредственные переговоры съ Австрійскимъ Посломъ хотя и начались, но что еще нами не получено отвѣта на сдѣланное мною предложеніе совмѣстнаго пересмотра ноты. Русское Правительство готово принять Англійское предложеніе, это, или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ, если бы непосредственные наши объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ не наладились.

Сообщается Посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи и Италиі.

(Подп.) *Сазоновъ*.

№ 33.

**Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ во Франціи,
Англии, Германіи, Австро-Венгрии и Италіи.**

С.-Петербургъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ознакомился съ отвѣтомъ, переданнымъ Сербскимъ Правительствомъ Барону Гизлю. Онъ превышаетъ всѣ наши ожиданія своей умѣренностью и готовностью дать самое полное удовлетвореніе Австріи. Если только Вѣнскій Кабинетъ не ищетъ предлога для войны противъ Сербіи, недоумѣваемъ, въ чемъ могутъ заключаться еще требованія Австріи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 34.

**Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Германскій Посолъ сегодня вновь подробно обсудилъ положеніе съ Директоромъ Политическаго Департамента. Посолъ очень настаивалъ на исключеніи всякой возможности медиации или конференціи.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 35.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Совѣщался съ Управляющимъ Министерствомъ Иностран-ныхъ Дѣлъ, въ присутствіи Бертело, сейчасъ же по возвращеніи своемъ въ Парижъ. Они подтвердили мнѣ подробности,

касающіяся выступленій Германскаго Посла, о коихъ Вамъ сообщалъ Севастопуло въ своихъ телеграммахъ. Сегодня утромъ баронъ Шенъ письменно подтвердилъ сдѣланное имъ вчера заявленіе, а именно: 1) Австрія объявила Россіи, что она не ищетъ приобрѣтеній и не посягаетъ на цѣлость Сербіи. Ея единственная цѣль—обезпечить собственное спокойствіе. 2) Отъ Россіи слѣдовательно зависитъ предотвратить войну. 3) Германія и Франція, вполне солидарныя въ горячемъ желаніи не нарушать мира, должны воздѣйствовать на Россію въ умѣряющемъ смыслѣ. При этомъ баронъ Шенъ особенно подчеркнул выраженіе о солидарности между Германіей и Франціей. По убѣжденію Министра Юстиціи, вышеизложенныя выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнною цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь Французское Правительство на путь представленія въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометтировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 36.

Посоль въ Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Изъ Вашихъ телеграммъ отъ 13 сего іюля явствуетъ, что Вамъ еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ Сербскаго Правительства. Полученная мною телеграмма изъ Бѣлграда съ этимъ извѣстіемъ была тоже въ пути двадцать часовъ. Отправленная по тройному тарифу третьяго дня въ одиннадцать часовъ утра въ Вѣну телеграмма Французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ приказаніемъ поддержать наше выступленіе доставлена была по назначенію лишь въ шесть часовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на Австрійскомъ телеграфѣ она была задержана умыленно.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 37.

Посоль въ Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, здѣшній Австрійскій Посоль сообщилъ Управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, что отвѣтъ Сербіи признанъ въ Вѣнѣ неудовлетворительнымъ и что завтра во вторникъ Австрія предприметъ „энергическія дѣйствія“, цѣль которыхъ принудить Сербію дать ей надлежащія гарантіи. На вопросъ Министра—въ чемъ будутъ состоять эти дѣйствія, Посоль отвѣтилъ, что онъ точно объ этомъ не освѣдомленъ, но что рѣчь можетъ идти о переходѣ черезъ сербскую границу, объ ультиматумѣ и даже объ объявленіи войны.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 38.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я просилъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ поддержать въ Вѣнѣ Ваше предложеніе, чтобы Сапари былъ уполномоченъ, путемъ частнаго обмѣна мнѣній съ Вами, выработать приемлемую для обѣихъ сторонъ редакцію австро-венгерскихъ требований.—Яговъ отвѣтилъ, что ему извѣстно объ этомъ и что онъ придерживается мнѣнія, выраженнаго Пурталесомъ, что, разъ Сапари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ Германскому Послу въ Берлинѣ. На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ идти въ этомъ примирительномъ направленіи, онъ возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступить.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 39.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Берлинъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня до моего посѣщенія Министра Иностранныхъ Дѣлъ у него былъ Французскій Посолъ, пытавшійся склонить его къ принятію Англійскаго предложенія о томъ, чтобы Англія, Германія, Італія и Франція воздѣйствовали въ цѣляхъ мира одновременно въ Петербургѣ и Вѣнѣ. Камбонъ предлагалъ, чтобы эти Державы преподали въ Вѣнѣ совѣтъ въ слѣдующей формѣ: „Воздержаться отъ всякаго акта, который ухудшилъ бы существующее въ настоящій моментъ положеніе вещей“. Этой замаскированной формулой избѣжали бы упоминаніе о необходимости воздержаться отъ вторженія въ Сербію.— Яговъ отнесся къ предложенію рѣзко отрицательно, несмотря на настоянія Посла, указавшаго какъ на хорошую сторону предложенія на смѣшанную группировку Державъ, чѣмъ избѣгается противопоставленіе Союза и Согласія, на что такъ часто жаловался самъ Яговъ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 40.

Телеграмма Его Императорскаго Величества Государа Императора Его Королевскому Высочеству Королевичу Александру Сербскому отъ 14 Іюля 1914 года.

Ваше Королевское Высочество, обратившись ко мнѣ въ исключительно тяжелую минуту, не ошиблись въ чувствахъ, которыя я питаю къ Вамъ, и въ Моёмъ сердечномъ расположеніи къ Сербскому народу. Теперешнее положеніе вещей привлекаетъ Мос самое серьезное вниманіе, и Мое Правительство принимаетъ всѣ усилія, дабы устранить настоящія затрудненія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Ваше Высочество и Королевское Правительство проникнуты желаніемъ облегчить эту задачу, не пренебрегая ничѣмъ, дабы придти къ рѣшенію, которое, сохраняя достоинство Сербіи, предупредило бы ужасы новой войны.

Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли. Если же вопреки Нашимъ самымъ искреннимъ желаніямъ Мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи.

(Подп.) *Николай.*

№ 41.

Посоль въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отсутствуетъ.—Имѣлъ сегодня продолжительный разговоръ съ Макіо, при чемъ указалъ ему въ вполнѣ дружественной формѣ на то неблагоприятное впечатлѣніе, которое произвело въ Россіи предъявленіе Австріей Сербіи вполнѣ неприемлемыхъ для всякаго, хотя бы маленькаго, независимаго государства—требованій, прибавивъ къ этому, что шагъ этотъ, могущій повести къ самымъ нежелательнымъ осложненіямъ, вызвалъ въ Россіи глубокое недоумѣніе и всеобщее осужденіе. Надо полагать, что Австрія рассчитывала подъ вліяніемъ завѣреній Германскаго Представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализаціи конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ. Заявленіе Императорскаго Правительства о невозможности для Россіи остаться равнодушной къ такому шагу вызвало здѣсь большое смущеніе.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 42.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей только-что отвѣтилъ Германскому Послу, спросившему его о возможности воздѣйствія въ Петербургѣ, что это воздѣйствіе должно быть произведено въ Вѣнѣ и что таковое лучше

всего могло бы быть сдѣлано Берлинскимъ Кабинетомъ. Грей при этомъ указалъ Послу, что сербскій отвѣтъ на австрійскую ноту превосходить по умѣренности и примирительному духу все, что можно было ожидать. Грей добавилъ, что онъ изъ этого заключаетъ, что Россія посовѣтовала въ Бѣлградѣ дать умѣренный отвѣтъ и что онъ думаетъ, что сербскій отвѣтъ можетъ служить базой мирному и приемлемому разрѣшенію вопроса. При такихъ условіяхъ, продолжалъ Грей, если Австрія, несмотря на этотъ отвѣтъ, пойдетъ на военныя дѣйствія, это будетъ означать, что она намѣрена уничтожить Сербію. — Вопросъ, поставленный на этой почвѣ, вызоветъ положеніе, при которомъ можетъ послѣдовать война, въ которую будутъ втянуты всѣ державы. Грей, наконецъ, заявилъ, что Великобританское Правительство готово самымъ искреннимъ образомъ содѣйствовать Германскому Правительству, пока дѣло идетъ о сохраненіи мира, въ противномъ случаѣ Англія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствія.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 43.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англіи.

С.-Петербургъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Изъ частныхъ бесѣдъ съ Пурталесомъ у меня все болѣе складывается убѣжденіе, что ключъ положенія въ Берлинѣ и что Германія благопріятствуетъ непримиримости Австріи. Берлинскій Кабинетъ, который могъ бы остановить все развитіе кризиса, не проявляетъ, видимо, никакого воздѣйствія на свою союзницу. Здѣшній Посолъ находитъ отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ.

Считаю весьма тревожнымъ такое положеніе Германіи и полагаю, что Англія могла бы лучше другихъ Державъ предпринять шаги въ Берлинѣ для соотвѣтствующаго воздѣйствія.

Сообщается Послу во Франціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 44.

Генеральный Консулъ въ Фіуме Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Фіуме, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Осадное положеніе объявлено въ Славоніи, Хорватіи и Фіуме и одновременно съ этимъ мобилизованы резервисты всѣхъ классовъ.

(Подп.) *Саліати.*

№ 45.

Посоль въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Только - что въ дружественной формѣ объяснился съ Берхтольдомъ въ смыслѣ Вашего предложенія, чтобы Австро-Венгерскій Посоль былъ уполномоченъ войти съ Вами въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей Австрійской ноты. Я указалъ ему при этомъ на желательность для самой Австріи такого разрѣшенія вопроса, который улучшилъ бы отношенія ея съ Россіей и далъ бы ей серьезныя гарантіи для будущихъ отношеній Монархіи съ Сербіей. Я обратилъ при этомъ также вниманіе Берхтольда на предстоящую опасность, угрожающую Европейскому миру въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Австріей и Сербіей. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполне сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что Австро-Венгерское Правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Отвѣтъ Сербіи служитъ доказательствомъ неискренности ея завѣреній для будущаго, добавилъ Министръ.

Сообщается Посламъ въ Германіи, Франціи, Англии и Повѣренному въ Дѣлахъ въ Сербіи.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 46.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Берлинъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Здѣшнее Бюро Вольфа не напечатало сообщенный ему текстъ сербской отвѣтной ноты и пока таковой полностью не появился ни въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, повидимому не желающихъ давать ему мѣсто на своихъ столбцахъ въ сознаніи того отрезвляющаго впечатлѣнія, которое онъ бы произвелъ въ Германскихъ читающихъ кругахъ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 47.

Посоль въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Приказъ о всеобщей мобилизаціи подписанъ.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 48.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

Петербургъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Вслѣдствіе военныхъ дѣйствій между Австро-Венгріей и Сербією—необходимо скорѣйшее воздѣйствіе Англии съ цѣлью посредничества и немедленная пріостановка военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи. Иначе посредничество послужитъ лишь предлогомъ для оттяжки разрѣшенія вопроса и дастъ возмож-

ность Австріи тѣмъ временемъ совершенно раздавить Сербію и занять господствующее положеніе на Балканахъ.

Сообщается въ Парижъ, Берлинъ, Вѣну и Римъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 49.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Германіи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Отъ имени Канцлера, Германскій Посолъ передалъ мнѣ, что Германія не переставала и не перестаетъ оказывать умѣряющее воздѣйствіе въ Вѣнѣ и будетъ продолжать таковое, несмотря на фактъ объявленія войны.

Я просилъ Посла передать Канцлеру выраженіе искренней признательности за дружескій характеръ его заявленія. Сообщивъ ему о принятыхъ нами нѣкоторыхъ военныхъ мѣрахъ и о томъ, что онѣ отнюдь не направлены противъ Германіи, я сказалъ, что онѣ не предрѣшаютъ и наступательныхъ дѣйствій противъ Австріи. Мѣры, принятые нами, объясняются мобилизаціей Австрійской арміи.

На предложеніе Посла продолжать непосредственныя объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, я отвѣтилъ изъявленіемъ готовности на это, если совѣты Германіи будутъ услышаны въ Вѣнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, я указалъ на готовность Россіи прибѣгнуть къ четверной конференціи, мысль о коей не встрѣчаетъ, какъ будто, сочувствія Германіи.

Наилучшимъ способомъ использовать всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію кризиса намъ представляются параллельные переговоры четверной конференціи Англии, Франціи, Италіи и Германіи и одновременно наши непосредственныя сношенія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, какъ это было въ наиболѣе острые моменты прошлагодняго кризиса.

Мы полагаемъ, что послѣ уступокъ, сдѣланныхъ Сербіей, найти компромиссъ по остающимся пунктамъ разногласій не представлялось бы труднымъ, если бы Австрія проявила добрую волю и Германія направила бы усилія въ томъ же примирительномъ смыслѣ.

Прошу Васъ содержаніе этой телеграммы довести до свѣдѣнія Правительства, при коемъ Вы аккредитованы.

Сообщается Посламъ въ Англии, Франціи, Австро-Венгрии и Италіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 50.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Англии и Франціи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Во время моей бесѣды съ Германскимъ Посломъ, мною еще не была получена телеграмма нашего Посла въ Австро-Венгрии, изъ коей явствуетъ, что Вѣнскій Кабинетъ отклоняетъ обмѣнъ мнѣній между нами. Въ виду этого всецѣло предоставляемъ Англии инициативу тѣхъ шаговъ, которые будутъ сочтены ею целесообразными.

Сообщается въ Вѣну, Римъ, Берлинъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 51.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Берлинъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

На мой вопросъ, получилъ ли онъ изъ Вѣны отвѣтъ по поводу Вашего предложенія частныхъ переговоровъ въ Петербургѣ, Статсъ-Секретарь отвѣтилъ отрицательно.

По его словамъ ему крайне трудно вліять на Вѣну, тѣмъ болѣе открыто. Камбону онъ даже прибавилъ, что въ случаѣ слишкомъ явнаго давленія Австрія поспѣшитъ поставить Германію предъ совершившимся фактомъ.

Статсъ-Секретарь сказалъ, что получилъ сегодня телеграмму Пурталеса, изъ которой онъ констатируетъ, что Вы болѣе нежели первые дни склонны найти пріемлемый для всѣхъ компромиссъ. Я сказалъ, что Вы вѣроятно съ самаго начала были склонны къ компромиссу при условіи, конечно, чтобы онъ былъ пріемлемъ не только для Австріи, но и для насъ. Далѣе, онъ сказалъ мнѣ, что мы будто бы начали мобилизовать на австрийской границѣ, и онъ опасается, что это затруднитъ для Австріи возможность съ нами сговориться, тѣмъ болѣе, что Австрія мобилизуетъ лишь противъ Сербіи и не дѣлаетъ приготовленій на нашей границѣ. Я отвѣтилъ, что, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, Австрія мобилизуетъ и около нашей границы, а потому у насъ должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры. Я при этомъ добавилъ, что принятія, быть можетъ, и нами военныя мѣропріятія отнюдь не направлены противъ Германіи.

(Под.) *Броневскій.*

№ 52.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Болгарскій Посланникъ, отъ имени своего Правительства, заявилъ Пашичу о томъ, что Болгарія будетъ соблюдать нейтралитетъ.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 53.

Посоль въ Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ къ моменту пріѣзда Президента Французской Республики было составлено краткое

обозрѣніе настоящаго политическаго положенія въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Австрія, опъсаясь внутренняго разложенія, воспользовалась предлогомъ убійства Эрцгерцога, дабы попытаться добиться гарантій, которыя могутъ принять форму завладѣнія либо военными сообщеніями Сербіи, либо даже Сербской территоріей. Германія поддерживаетъ Австрію. Сохраненіе мира зависитъ отъ одной Россіи, ибо рѣчь идетъ о дѣлѣ, которое должно быть „локализовано“ между Австріей и Сербіей, а именно о наказаніи за предыдущую политику Сербіи и гарантіи относительно будущности. Изъ этого Германія заключаетъ, что необходимо дѣйствовать умѣряющимъ образомъ на Петербургъ. Этотъ софизмъ опровергнуть какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ баронъ Шенъ тщетно пытался привлечь Францію къ солидарному съ Германіей воздѣйствію на Россію съ цѣлью сохранить миръ. Тѣ же оговорки были сдѣланы въ Лондонѣ. Въ обѣихъ столицахъ было отвѣчено, что воздѣйствіе должно быть произведено въ Вѣнѣ, ибо чрезмѣрные требованія Австріи, ея отказъ обсудить немногія возраженія Сербіи и объявленіе войны угрожаютъ вызвать общую войну. Франція и Англія не могутъ произвести умѣряющаго воздѣйствія на Россію, которая показала до сихъ поръ величайшую умѣренность, особенно посоветовавъ Сербіи принять что было возможно изъ австрійской ноты. Нынѣ Германія, повидимому, отказывается отъ мысли воздѣйствія только на Россію и склоняется къ посредническому воздѣйствію какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Германія, такъ и Австрія стремятся затянуть дѣло. Германія возражаетъ противъ конференціи и не указываетъ ни на какой практической образъ дѣйствій. Австрія ведетъ явно затяжные переговоры въ Петербургѣ. Одновременно съ этимъ она предпринимаетъ активныя дѣйствія, и если эти дѣйствія будутъ допущены, требованія ея соразмѣрно возрастутъ. Весьма желательно, чтобы Россія оказала полное содѣйствіе проекту медиации, съ которымъ выступитъ сэръ Э. Грей. Въ противномъ случаѣ, Австрія, подъ предлогомъ „гарантіи“, можетъ фактически измѣнить территориальный статутъ восточной Европы.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 54.

Посоль въ Англии Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщилъ содержаніе Вашихъ телеграммъ отъ 15 іюля Грей. Онъ заявилъ сегодня Германскому Послу, что непосредственные переговоры между Россіей и Австріей не удались и что газетные корреспонденты сообщаютъ изъ Петербурга, что Россія мобилизуетъ противъ Австріи вслѣдствіе мобилизациі послѣдней. Грей добавилъ при этомъ, что Германское Правительство въ принципѣ высказалось сочувственно къ медиациі, но встрѣчаетъ затрудненія въ формѣ. Грей настоялъ на томъ, чтобы Германское Правительство указало на ту форму, которая, по мнѣнію Германіи, могла бы позволить четыремъ Державамъ осуществить свою медиацию во избѣжаніе войны; въ виду согласія Франціи, Италиі и Англии медиациа можетъ осуществиться лишь въ случаѣ согласія Германіи встать на сторону мира.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 55.

Посоль во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Вивіани только что подтвердилъ мнѣ полную рѣшимость Французскаго Правительства дѣйствовать въ единеніи съ нами. Эта рѣшимость встрѣчаетъ поддержку самыхъ широкихъ круговъ и партій, включая радикаль-соціалистовъ, которые только что принесли ему резолюцію о безусловномъ довѣрїи и патриотическомъ настроеніи ихъ группы. Тотчасъ по прїѣздѣ въ Парижъ, Вивіани спѣшно телеграфировалъ въ Лондонъ, что въ виду прекращенія непосредственныхъ переговоровъ между Петербургомъ и Вѣною, необходимо, чтобы Лондонскій Кабинетъ какъ можно скорѣе возобновилъ въ той или другой формѣ свое предложеніе о медиациі Державъ. До меня Вивіани сегодня

принималъ Германскаго Посла, который возобновилъ ему завѣренія о миролюбивыхъ стремленіяхъ Германіи. На замѣчаніе Вивіани, что если Германія желаетъ мира, она должна поспѣшить примкнуть къ предложенію Англій о медиации, баронъ Шенъ отвѣтилъ, что слова конференція или арбитражъ пугаютъ Австрію. Вивіани высказалъ, что дѣло не въ словахъ и что не будетъ трудно пріискать иную форму медиации. По мнѣнію барона Шена для успѣха переговоровъ между Державами необходимо узнать, что имѣетъ въ виду потребовать отъ Сербіи Австрія.—На это Вивіани отвѣтилъ, что Берлинскому Кабинету весьма легко запросить объ этомъ Австрію, а покуда предметомъ обсуждения можетъ служить отвѣтная сербская нота и добавилъ, что Франція искренно желаетъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила дѣйствовать въ полномъ единеніи со своими союзниками и друзьями и что онъ, баронъ Шенъ, могъ убѣдиться, что эта рѣшимость встрѣчаетъ живѣйшее сочувствіе страны.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 56.

Телеграмма Его Королевскаго Высочества Королевича Александра Сербскаго Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

Глубоко тронутый телеграммой, которою Вашему Величеству угодно было осчастливить меня вчера, я поспѣшаю выразить Вашему Величеству отъ всего сердца мою благодарность. Прошу Ваше Величество быть увѣреннымъ, что сердечное отношеніе, которое проявляетъ Ваше Величество къ моей странѣ, для насъ въ особенности цѣнно и наполняетъ нашу душу надеждой, что будущее Сербіи, сдѣлавшись предметомъ благосклоннаго попеченія Вашего Величества, обезпечено. Тяжкія времена не могутъ не скрѣпить узъ глубокой преданности, которыми связана Сербія съ Святой Славянскою Русью, и чувства вѣчной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будутъ свято храниться въ душахъ всѣхъ сербовъ.

(Подп.) *Александръ.*

№ 57.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я сообщилъ текстъ Высочайшей отвѣтной телеграммы на имя Королевича Александра Пашичу, который, прочтя ее, перекрестился и сказалъ: „Господи, Великій Милостивый Русскій Царь“. Затѣмъ онъ обнялъ меня, не въ силахъ сдерживать охватившее его волненіе. Престононаслѣдникъ ожидается ночью въ Нишъ.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 58.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу во Франціи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Германскій Посолъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего Правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій. Между тѣмъ, таковыя стали приниматься нами только вслѣдствіе состоявшейся уже мобилизаціи Австріи и очевиднаго нежеланія послѣдней согласиться на какой бы то ни было способъ мирнаго улаженія своего спора съ Сербіей.

Такъ какъ мы не можемъ исполнить желанія Германіи, намъ остается только ускорить наши вооруженія и считаться съ вѣроятной неизбѣжностью войны. Благоволите предупредить объ этомъ Французское Правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать ему нашу искреннюю благодарность за сдѣланное мнѣ отъ его имени Французскимъ Посломъ заявленіе, что мы можемъ въ полной мѣрѣ разсчитывать на союзническую поддержку Франціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ это заявленіе для насъ особенно цѣнно. Сообщается Посламъ въ Англію, Австро-Венгрію, Италию и Германію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 59.

**Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностран-
ныхъ Дѣлъ.**

Нишъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Королевичъ-регентъ издалъ вчера подписанный всѣми Министрами манифестъ по случаю объявленія Австріей войны Сербіи. Заключительныя слова его гласятъ: „Защищайте всѣми силами Вашъ домашній очагъ и Сербію“. Торжественно открывая Скупщину, регентъ отъ своего имени прочелъ тронную рѣчь, въ которой вначалѣ отмѣтилъ, что мѣсто ея созыва указываетъ на важность происходящихъ событій. Затѣмъ идетъ изложеніе фактовъ послѣднихъ дней — Австрійскій ультиматумъ, Сербскій отвѣтъ, усилія Королевскаго Правительства сдѣлать все совмѣстное съ достоинствомъ Государства, чтобы избѣжать войны, и наконецъ вооруженное нападеніе болѣе могущественнаго сосѣда на Сербію, бокъ о бокъ съ которой стоитъ Черногорія. Перейдя къ разсмотрѣнію отношенія Державъ къ конфликту, Королевичъ прежде всего подчеркнул чувства, одушевляющія Россію, и Всемилоствѣйшее сообщеніе Государя Императора о томъ, что Россія ни въ какомъ случаѣ не оставитъ Сербіи. При каждомъ произнесеніи имени Его Императорскаго Величества и Россіи громовое и лихорадочное „живіо“ оглашало залъ засѣданія. Проявленія симпатій со стороны Франціи и Англіи тоже были упомянуты отдѣльно и вызвали одобрительное „живіо“ депутатовъ. Заключается тронная рѣчь заявленіемъ объ открытіи сессіи Скупщины и выраженіемъ пожеланія, чтобы были приняты всѣ мѣры къ облегченію работы Правительства.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 60.

**Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Германіи,
Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Итали.**

С.-Петербургъ, 17 іюля 1914 г.

Германскій Посоль, только-что бывший у меня, спросилъ, не можемъ ли мы удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла

бы дать Австрія,—не нарушать цѣлостности Сербскаго Королевства, и указать на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы приостановить наши вооруженія; я продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ нижеслѣдующее заявленіе: „Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія“.

Благоволите срочно телеграфировать, какъ отнесется Германское Правительство къ этому новому доказательству нашей готовности сдѣлать возможное для миролюбиваго разрѣшенія вопроса, такъ какъ мы не можемъ допустить, чтобы подобные переговоры могли бы служить лишь для выигрыша времени Германіей и Австріей для военныхъ приготовленій.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 61.

Посоль въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Узнаю, что сейчасъ отданъ приказъ о мобилизаціи германскихъ армій и флота.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 62.

Посоль въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сейчасъ телеграфировалъ мнѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и сообщилъ, что пущенное только-что извѣстіе о мобилизаціи германской арміи и флота невѣрно, что листки газетъ

были напечатаны заранее въ предвидѣніи всякихъ возможностей и пущены въ продажу въ часъ дня, теперь же конфискованы.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 63.

Посоль въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 года.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 16 іюля и передалъ текстъ Вашего предложенія Министру Иностранныхъ Дѣлъ, у котораго я только-что былъ; онъ сказалъ мнѣ, что получилъ тождественную телеграмму отъ Германскаго Посла въ С.-Петербургѣ, и затѣмъ заявилъ мнѣ, что находить наше предложеніе неприемлемымъ для Австріи.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 64.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 17 Іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщивъ содержаніе Вашихъ телеграммъ отъ 16 и 17 іюля Грею, который признаетъ положеніе крайне серьезнымъ, но желаетъ продолжать переговоры. Я замѣтилъ Грею, что съ тѣхъ поръ, какъ Вы обратились къ нему съ предложеніемъ принять все, что онъ могъ бы предложить, клонящееся къ сохраненію мира. лишь бы Австрія не могла бы воспользоваться этими промедленіями для того, чтобы раздавить Сербію, положеніе, въ которомъ Вы находились, повидимому измѣнилось. Тогда наши отношенія съ Германіей не были испорчены. Послѣ выступленія Германскаго Посла въ Петербургѣ съ заявленіемъ о Германской мобилизаціи, таковыя измѣнились и его требованіе получило отъ насъ лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать Великая Держава. Когда Германскій Посоль вернулся къ

Вамъ и спросилъ у Васъ Ваши условія, Вы ихъ формулировали въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Я при этомъ настоятельно повторилъ Греш о необходимости принять во вниманіе новое положеніе, созданное по винѣ Германіи, благодаря выступленію Германскаго Посла. Грей отвѣтилъ мнѣ, что онъ это понимаетъ и приметъ въ соображеніе эти доводы.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 65.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 17 іюля 1914 года.

(Телеграмма).

Германскій Посоль спросилъ Грея, почему Англія принимаетъ военныя мѣры какъ сухопутныя, такъ и морскія. Грей ему отвѣтилъ, что эти мѣры не имѣютъ агрессивнаго характера, но что положеніе таково, что каждая Держава должна приготовляться.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 66.

Посоль въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Несмотря на всеобщую мобилизацію, я продолжаю обмѣнъ мыслей съ графомъ Бертольдъ и его сотрудниками. Всѣ они настаиваютъ на отсутствіи у Австріи какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній противъ Россіи и какихъ-либо завоевательныхъ стремленій относительно Сербіи, но всѣ настаиваютъ также на необходимости для Австріи довести начатое дѣло до конца и дать Сербіи серьезный урокъ, который представлялъ бы нѣкоторую гарантію для будущаго.

(Подп.) *Шебеко*.

№ 67.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Англии и Италіи.

С.-Петербургъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму отъ 17 іюля. По порученію своего Правительства, Англійскій Посоль передалъ мнѣ пожеланіе Лондонскаго Кабинета внести нѣкоторыя измѣненія въ предложенную мною вчера Германскому Послу формулу. Я отвѣтилъ, что согласенъ на Англійское предложеніе. Ниже передаю Вамъ видоизмѣненную сообразно съ этимъ формулу:

„Если Австрія согласится остановить движеніе своихъ войскъ на Сербской территоріи и если, признавая, что Австро-Сербскій конфликтъ принялъ характеръ Европейскаго вопроса, она допуститъ, чтобы Великія Державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать Австро-Венгерскому правительству безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ сувереннаго государства и своей независимости, — Россія принимаетъ на себя обязательство сохранить свое выжидательное положеніе“.

(Подп.) Сазоновъ.

№ 68.

Посоль въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ только-что сказалъ мнѣ, что, затрудненные уже мобилизаціей противъ Австріи, переговоры наши становятся еще болѣе затруднительными въ виду принимаемыхъ у насъ серьезныхъ военныхъ мѣръ противъ самой Германіи. Извѣстія объ этомъ получаютъ здѣсь будто бы со всѣхъ сторонъ и неминуемо должны будутъ вызывать соответствующія мѣры со стороны Германіи. На это я ему отвѣтилъ, что по имѣющимся у меня достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ всѣми соотечественниками, пріѣзжающими въ

Берлинъ, и въ Германіи означенныя мѣры противъ насъ въ полномъ ходу. Несмотря на это Министръ Иностранныхъ Дѣлъ утверждаетъ, что здѣсь вызваны были лишь офицеры изъ отпусковъ и возвращены войска съ маневровъ.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 69.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англии.

С.-Петербургъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я обратился къ Великобританскому Послу съ просьбой передать Грѣю выраженіе самой искренней признательности за усвоенный имъ въ переговорахъ съ Германіей и Австріей дружественный и твердый тонъ, благодаря чему не утрачена еще надежда на мирный выходъ изъ нынѣшняго положенія.

Я просилъ его также передать Англійскому Министру, что я полагаю, что только въ Лондонѣ переговоры имѣютъ еще нѣкоторые шансы на какой-либо успѣхъ, облегчая Австріи необходимость компромисса. Сообщается Послу во Франціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 70.

Секретная телеграмма Императорскимъ Представителямъ за границую.

19 іюля 1914 г.

Въ полночь Германскій Посолъ заявилъ мнѣ, по порученію своего Правительства, что если черезъ 12 часовъ, то-есть въ полдень, субботу, мы не приступимъ къ демобилизаціи не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, Германское Правительство вынуждено будетъ отдать приказъ о мобилизаціи. На мой вопросъ, равносильно ли это войнѣ, Посолъ отвѣтилъ, что нѣтъ, но что мы къ ней чрезвычайно близки.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 71.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грэй сказалъ мнѣ, что онъ телеграфировалъ въ Берлинъ, что по его мнѣнію послѣдняя формула, принятая Русскимъ Правительствомъ, является тѣмъ основаніемъ для переговоровъ, которое представляетъ наиболѣе шансовъ для мирнаго разрѣшенія конфликта. Онъ выразилъ при этомъ надежду, что ни одна Великая Держава не начнетъ военныхъ дѣйствій до разсмотрѣнія этой формулы.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 72.

Посоль въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Великобританское Правительство обратилось къ Германскому и Французскому Правительствамъ съ вопросомъ, будутъ ли они уважать нейтралитетъ Бельгіи. Франція отвѣтила въ утвердительномъ смыслѣ. Германское же Правительство заявило, что оно не можетъ отвѣчать въ категорической формѣ на этотъ вопросъ.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 73.

Посоль во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посоль былъ вчера вечеромъ у Вивіани и заявлялъ ему, что Австрія не только не имѣетъ намѣренія нарушить территоріальную цѣлость Сербіи, но готова обсудить съ другими Державами свой споръ съ Сербіей по существу. Фран-

цузское Правительство крайне озабочено чрезвычайными военными приготовлениями Германіи на Французской границѣ, ибо оно убѣждено, что подъ покровомъ такъ называемаго „Кригсцундандъ“ происходитъ настоящая мобилизація.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 74.

Посоль въ Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

По полученіи здѣсь телеграммы отъ Французскаго Посла въ Петербургѣ о томъ, что Германскій Посоль сообщилъ Вамъ о рѣшеніи Германіи объявить сегодня общую мобилизацію, Президентъ Республики подписалъ мобилизаціонный декретъ. На улицахъ расклеиваются афиши о призывѣ запасныхъ. Германскій Посоль только-что посѣтилъ Вивіани, но не сдѣлалъ ему никакого новаго сообщенія, сославшись на невозможность расшифровать полученныя имъ телеграммы. Вивіани, сообщивъ ему о состоявшемся мобилизаціонномъ декретѣ, въ отвѣтъ на Германскую мобилизацію, высказалъ ему удивленіе, что Германія приступила къ подобной мѣрѣ въ моментъ, когда еще продолжается дружескій обмѣнъ мыслей между Россіей, Австріей и Державами, онъ присовокупилъ, что мобилизація еще не предвѣщаетъ войны и что подобно тому, какъ Русскій Посоль остался въ Вѣнѣ, а Австрійскій въ Петербургѣ, Германскій Посоль можетъ оставаться въ Парижѣ.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 75.

Посоль въ Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Со словъ Президента, за послѣдніе дни Австрійскій Посоль усиленно увѣрялъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и его самого, что Австрія выразила намъ готовность уважать не только

территориальную цѣлость Сербіи, но и ея державныя права, но что мы преднамѣренно замолчали это заявленіе. Я категорически отрицалъ это.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 76.

**Note remise par l'Ambassadeur d'Allemagne à S.-Petersbourg
le 19 Juillet 1914 à 7 h. 10 du soir.**

Le Gouvernement Impérial s'est efforcé dès les débuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui en avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angleterre s'était appliqué à accomplir un rôle médiateur auprès des Cabinets de Vienne et de St. Pétersbourg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalité de ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante motivée par aucun présage militaire de la part de l'Allemagne l'Empire Allemand c'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et imminent. Si le Gouvernement Impérial eût manqué de parer à ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence même de l'Allemagne. Par conséquent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement, de Sa Majesté l'Empereur de Toutes les Russies en insistant sur la cessation des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à (n'ayant pas cru devoir répondre à) ¹⁾ cette demande et ayant manifesté par ce refus (cette attitude) ¹⁾ que son action était dirigée contre l'Allemagne, j'ai l'honneur, d'ordre de mon Gouvernement, de faire savoir à Votre Excellence ce qui suit:

Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, relevant le défi se considère en état de guerre avec la Russie.

St. Pétersbourg, le 19 Juillet /1 Août 1914.

(signé)

E. Pourtalès.

¹⁾ Слова, помѣщенные въ скобкахъ, находятся въ оригиналѣ. Повидимому заранѣе было приготовлено 2 варианта и по ошибкѣ оба включены въ ноту.

переводъ.

**Нота, врученная Германскимъ Посломъ въ С.-Петербургъ
Министру Иностранныхъ Дѣлъ 19 Іюля 1914 года въ 7 ча-
совъ 10 минутъ вечера.**

Императорское Правительство старалось съ начала кризиса привести его къ мирному разрѣшенію. Идя навстрѣчу пожеланію, выраженному Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ, Его Величество Императоръ Германскій въ согласіи съ Англіей прилагалъ старанія къ осуществленію роли посредника между Вѣнскимъ и Петербургскимъ Кабинетами, когда Россія, не дожидаясь ихъ результата, приступила къ мобилизаціи всей совокупности своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Вслѣдствіе этой угрожающей мѣры, не вызванной никакими военными приготовленіями Германіи, Германская Имперія оказалась передъ серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мѣръ къ предотвращенію этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существованіе Германіи. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденнымъ обратиться къ Правительству Его Величества Императора Всероссійскаго, настаивая на прекращеніи помянутыхъ военныхъ мѣръ. Въ виду того, что Россія отказалась (не нашла нужнымъ отвѣтить на) ¹⁾ удовлетворить это пожеланіе и выказала этимъ отказомъ (принятымъ положеніемъ) ¹⁾, что ея выступленіе направлено противъ Германіи, я имѣю честь, по приказанію моего Правительства, сообщить Вашему Превосходительству нижеслѣдующее: Его Величество Императоръ мой Августѣйшій Повелитель отъ имени Имперіи, принимая вызовъ, считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей.

С.-Петербургъ, 19 іюля/1 августа 1914 года.

(Подп.) *Ф. Пурталесъ.*

№ 77.

**Сообщенія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ о событіяхъ
последнихъ дней.**

20 іюля 1914 года.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство ино-

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 52. *Ред.*

странныхъ дѣлъ считасть долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10 іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгрія, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставляется 48 часовъ.

Имперское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, по истеченіи уже 17-ти часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключающейся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, не совмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считаая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-Венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ, умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгрія и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой дер-

жавы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, официально объявило Сербіи войну, и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевского злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кievскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ навстрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіей мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства, съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ, или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ—Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, — продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако, и эта попытка Россіи не увѣнчалась успѣхомъ, Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предложенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе, Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла указать, на ка-

кихъ условіяхъ мы еще согласились бы приостановить наши вооруженія, министр иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что такимъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, и заявленія ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, не совмѣстимыхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей неприемлемымъ для Австро-Венгріи. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ Россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля приостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посоль передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

№ 78.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Императорскимъ Представителемъ за границую.

(Телеграмма).

С.-Петербургъ, 20 іюля 1914 г.

Несомнѣнно ясно, что уже нынѣ Германія стремится переложить на насъ отвѣтственность за разрывъ. Наша мобилизація

была вызвана громаднѣйшей отвѣтственностью, которая создавалась бы для насъ, если бы мы не приняли всѣхъ мѣръ предосторожности въ то время, какъ Австрія, ограничиваясь переговорами, носившими характеръ проволочки, бомбардировала Бѣлградъ и произвела полную мобилизацію.

Государь Императоръ Своимъ словомъ обязался передъ Германскимъ Императоромъ, что не предприметъ никакихъ вызывающихъ дѣйствій, пока продолжаются переговоры съ Австріей. Послѣ такого реченія и послѣ всѣхъ доказательствъ миролюбія Россіи, Германія не имѣла права и не могла сомнѣваться въ нашемъ утвержденіи, что примемъ съ радостью всякій мирный выходъ, совмѣстный съ достоинствомъ и независимостью Сербіи. Иной исходъ былъ бы совершенно несовмѣстимъ съ нашимъ собственнымъ достоинствомъ и, конечно, поколебалъ бы равновѣсіе Европы, утвердивъ гегемонію Германіи. Этотъ Европейскій, міровой, характеръ конфликта безконечно важнѣе повода, его создавшаго. Рѣшивши объявить намъ войну въ то время, когда между Державами велись переговоры, Германія этимъ приняла на себя тяжелую отвѣтственность.

Сазоновъ.

№ 79.

Note remise par l'Ambassadeur d'Autriche Hongrie à S.-Petersbourg au Ministre des Affaires Etrangères le 24 Juillet à 6 h. du soir.

D'ordre de son Gouvernement le soussigné Ambassadeur d'Autriche-Hongrie a l'honneur de notifier à Son Excellence Monsieur le Ministre des Affaires Etrangère de Russie ce qui suit:

„Vu l'attitude menaçante prise par la Russie dans le conflit entre la Monarchie Austro-Hongroise et la Serbie et en présence du fait qu'en suite de ce conflit la Russie d'après une communication du Cabinet de Berlin a cru devoir ouvrir les hostilités contre l'Allemagne et que celle-ci se trouve par conséquent en état de guerre avec la dite Puissance, l'Autriche Hongrie se considère également en état de guerre avec la Russie à partir du présent moment.

Szapary.

St.-Petersbourg.

6 Août/24 Juillet 1914.

Переводъ.

**Нота, переданная Австро-Венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 24 іюля 1914 г.
въ 6 ч. вечера.**

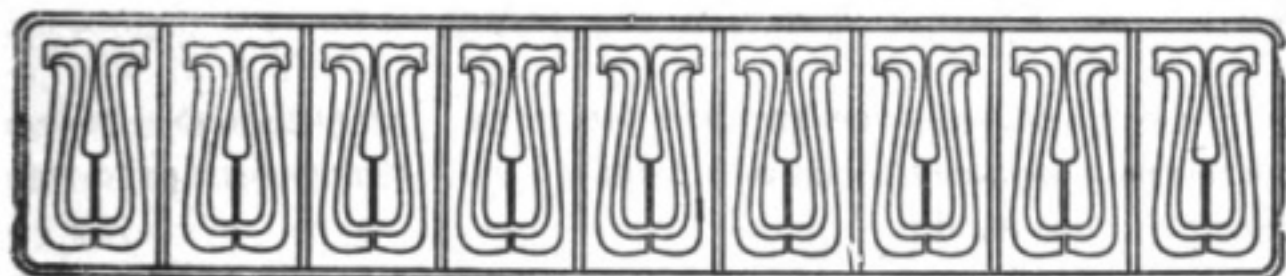
По приказанію своего Правительства нижеподписавшійся, Посоль Австро-Венгрии, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Его Превосходительства Господина Министра Иностранныхъ Дѣлъ Россіи нижеслѣдующее:

„Принимая во вниманіе угрожающее положеніе, занятое Россіею въ конфликтѣ между Австро-Венгерской Монархіею и Сербіею, и въ виду факта, что вслѣдствіе этого конфликта Россія, согласно сообщенію Берлинскаго Кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи и что послѣдняя находится поѣтому въ состояніи войны съ названною Державой, Австро-Венгрія считаетъ себя также въ состояніи войны съ Россіею, считая съ настоящаго момента“.

(Подп.) *Сипари.*

С.-Петербургъ, 6 августа, 24 іюля 1914 года.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XII ¹⁾.

Пионеръ гагской конференціи.

Задача г-жи Новиковой, сначала до конца, говоритъ Стэдъ, состояла въ томъ, чтобъ возбудить въ мирѣ и въ войнѣ соглашеніе между Россіей и Англіей.

Не изъ сентиментальной идеи она преслѣдовала свой планъ, но потому что смерть ея брата открыла ей причину бѣдствій, которымъ подверглось человѣчество изъ-за дурныхъ отношеній между Англіей и Россіей. Тридцать лѣтъ назадъ ей показалось, что нѣтъ иной надежды на улучшеніе въ судьбѣ восточныхъ славянъ, какъ единодушное содѣйствіе этихъ 2-хъ странъ. Она поняла, что соглашеніе Лондона съ Петербургомъ умиротворитъ Азію. Во время ужасовъ Балканской войны она защищала идею англо-русскаго соглашенія, какъ единственную мѣру для предупрежденія подобныхъ несчастій. Впослѣдствіи она придавала болѣе обширное значеніе той же идеѣ. Вредный, ненужный антагонизмъ русскаго и англійскаго правительствъ не только отдалялъ освобожденіе восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига, не только наполнялъ Азію безпокойствомъ и угрозами войны, но онъ же былъ главной причиной усиленныхъ вооруженій Европы.

Двадцать лѣтъ назадъ, говоритъ Стэдъ, мы вооружались противъ Россіи, какъ вооружаемся теперь противъ Германіи и какъ въ прежніе годы вооружались противъ Франціи. Англо-

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1914 г.

русское соглашеніе остановило бы тогда разорительное соперничество вооруженій, какъ теперь то же сдѣлало бы англо-германское соглашеніе.

Въ началѣ 1894 года явилось успокоительное затишье въ англо-русской политикѣ. Наступилъ временно всесвѣтнѣйшій миръ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началась война Японіи съ Китаемъ,—новая кровавая страница въ исторіи человѣчества. Къ счастью, это длилось не долго; въ эту самую минуту г-жа Новикова предлагаетъ, въ англійской печати, желательную мысль о международномъ согласіи прекратить вооруженія. Ольгѣ Алексѣевнѣ было конфиденціально сообщено, что Императоръ Александръ III былъ очень занятъ мыслью, какъ сократить обременительныя траты на военныя надобности и что онъ ничего такъ не желалъ, какъ взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ, если бы другія державы послѣдовали его примѣру. Попытка Ольги Алексѣевны изучить направленіе общественнаго мнѣнія была вмѣстѣ съ тѣмъ пробнымъ шаромъ для циркуляра Императора Николая II.

Не въ первый разъ Россія и Англія разсуждали объ этомъ предметѣ. Если въ 1894 году русская женщина обратилась къ британцу, то восемьдесятъ лѣтъ до того англичанинъ представилъ этотъ вопросъ Россіи.

Первый монархъ, изложившій это дѣло передъ европейскими державами, былъ принцъ регентъ, впоследствии Георгъ IV король Англіи, который послѣ Вѣнскаго конгресса предложилъ собрать международную конференцію изъ военныхъ людей, уполномоченныхъ всѣми великими державами Европы, рѣшить, какое должно быть нормальное количество войскъ въ мирное время. Русское правительство уже тогда восторженно поддержало эту идею. Князь Меттернихъ далъ согласіе за Австрію. Было рѣшено, что вопросъ будетъ разсматриваться на слѣдующей конференціи, которая никогда не состоялась. Въ 1816 году лордъ Кастлре предупредилъ предложеніе г-жи Новиковой 1894 года. Въ обоихъ случаяхъ отвѣтъ былъ благопріятный, но, увы, въ обоихъ случаяхъ добрыя намѣренія не превратились въ факты.

Второй монархъ, возбудившій вопросъ о созывѣ международной конференціи для обсужденія возможности разоруженія, былъ Наполеонъ III, но на его предложеніе Пруссія и Австрія отвѣтили категорическимъ отказомъ. Третій вѣнценосецъ, поднявшій этотъ вопросъ, былъ Вильгельмъ II въ 1893 году.

Два года передъ тѣмъ лордъ Салзберри обратилъ его вни-

маніе на такую мѣру, говоря, что за шесть лѣтъ, кончая 1888 г., семь европейскихъ государствъ должны были израсходовать на морскія и военныя нужды около тысячи милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и что хорошо было бы найти способъ уменьшить это бѣдствіе. Кайзеръ сильно заинтересовался этой темой и предполагалъ созвать европейскій конгрессъ, чтобъ придумать практическое ея примѣненіе для обезпеченія общаго мира.

Нѣмецкая пресса обсуждала вопросъ, но французская отвѣчала съ такой враждебностью, что рѣчь о нихъ замолкла. Однако императоръ все еще держалъ конгрессъ и въ бытность свою въ Римѣ, въ 1893 году, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ папой. Судя по письму Криспи, отъ 6-го іюля 1893 года, опубликованному въ „Deutsche Revue“ въ сентябрѣ 1907 года, Вильгельмъ, при знаменитомъ свиданіи своемъ съ Львомъ XIII въ Ватиканѣ, предложилъ папѣ созвать европейскій конгрессъ для обсужденія вопроса о разоруженіи. Криспи замѣтилъ: „Папа одобрилъ идею, не потому чтобы онъ вѣрилъ, что что-нибудь можетъ быть сдѣлано, а потому, что вопросъ этотъ могъ повести къ международному столкновенію, отъ котораго ему могла быть прибыль“.

Мысли кайзера обратились къ международному разоруженію вслѣдствіе отказа рейхстага императорскому плану прибавить 89.894 человекъ къ германской арміи. Двѣ недѣли спустя, послѣ разговора въ Ватиканѣ, рейхстагъ былъ распущенъ и ничего болѣе не было слышно о конференціи.

Императоръ Александръ III, извѣстный своею ненавистью къ войнѣ, также принялъ во вниманіе этотъ вопросъ. Какъ бы первымъ отголоскомъ его разсужденій была статья г-жи Новиковой въ началѣ 1894 года, въ которой она выражала мнѣніе, что готовится возбужденіе этого вопроса. Она говоритъ:

„Хотя я дочь человека, получившаго Георгія на полѣ битвы, сестра двухъ военныхъ и жена третьяго, я всегда мечтала о мирѣ и даже теперь я, лично, твердо убѣждена, что Россія, съ своимъ замѣчательно миролюбивымъ Государемъ, охотно согласилась бы на общее разоруженіе, если-бъ это великое дѣло было принято одновременно всѣми великими державами“.

„Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ извѣстный французъ Жюль Симонъ, — предлагая есе выполнимую реформу о сокращеніи военной службы всего на одинъ годъ. Не довольствуясь этимъ, онъ замѣчаетъ: Друзья не должны успокоиться.

пока не совершится эта мѣра, иначе банкротство Европы неизбежно.

„Сокращеніе военной силы, на половину или на двѣ трети, превратило бы существующія арміи Европы въ милицію, сильную для обороны, но слабую для нападенія. Защита, а не вызовъ, былъ бы тогда всеобщій лозунгъ.

„Затрудненіе, конечно, въ томъ“, — продолжаетъ русскій авторъ, — „чтобы такая прекрасная мѣра была одновременно принята всѣми великими державами, но Россія, военный характеръ которой неоспоримъ, была бы, я увѣрена, готова поддержать мысль, надъ которой подсмѣивался Кинглекъ, называя ее „квакерской“. Дѣйствительная власть въ самообладаніи и сохраненіи мира“.

Отвѣтъ на этотъ призывъ г-жи Новиковой послѣдовалъ немедленно. Первыми откликнулись въ Лондонѣ, представители свободныхъ церквей, пригласившіе Ольгу Алексѣевну на конференцію по этому предмету, на „Собраніе друзей“ въ Девонширъ-хаусъ, 17-го апрѣля 1894 года. На этой конференціи было выражено сильное желаніе, чтобы британское правительство взяло на себя починъ воззваній къ другимъ государствамъ объ единомышленныхъ дѣйствіяхъ. Текстъ меморандума, подписаннаго 35.000 человекъ, включая восемьдесятъ членовъ парламента и шесть епископовъ, любопытный прообразъ циркуляра 1898 года.

„Безпрестанный, неукротимый ростъ вооруженій достигъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, которые требуютъ общаго содѣйствія для облегченія тяготы. Расходы на военные и морскія надобности дѣйствительно грозятъ банкротствомъ государствамъ, вредятъ промышленности и народному богатству, отвлекая непосильными приготовлениями къ войнѣ суммы, могущія служить на общественныя улучшенія и преобразованія.

Это разорительное соперничество въ вооруженіяхъ—неизбѣжное и печальное слѣдствіе полнаго отсутствія международнаго соглашенія. Только такимъ соглашеніемъ оно можетъ быть остановлено.

„Поэтому мы почтительнѣйше, но горячо предлагаемъ открыть сообщенія съ европейскими державами, начавъ съ того, чтобы въ этомъ же столѣтїи обезпечить всеобщій для арміи и флота максимумъ смѣты настоящаго года.

Г-жа Новикова не произносила рѣчей на конференціи, говоритъ Стэдъ, но въ слѣдующемъ № „Review of Reviews“ я

написалъ статью, почти всецѣло продиктованную ею на эту тему.

Все другіе вопросы являются ничтожными въ сравненіи съ этой великой задачей; съ этимъ связанъ весь соціальный вопросъ. Все въ застоѣ потому, что нѣтъ наличныхъ денегъ. Министры и монархи ломаютъ себѣ голову, какъ покрыть безпрестанные дефициты. Все планы усовершенствованій, требующіе денегъ,—а денегъ требуетъ всякій проектъ,—отклоняются ради дани, налагаемой богомъ войны на казначейства всего міра. Хорошо,—продолжаетъ Стэдъ,—что теперешнее наше правительство ничего такъ не желаетъ, какъ взять на себя инициативу въ этомъ направленіи. Извѣстно, что Русскій Императоръ искренно желаетъ того же, германскій и австрійскій императоры раздѣляютъ эту мысль. Для Италіи уменьшеніе войскъ едва-ли не вопросъ жизни и смерти. Франція остается сомнительнымъ элементомъ. Одинъ Царь можетъ произвести давленіе на нее. Въ его искренности сомнѣваться нельзя.

Пока эта памятная записка собирала подписи, тогдашній премьеръ лордъ Розбери пригласилъ г-на Сталь и спросилъ, дѣйствительно ли таково настроеніе русскаго правительства, какъ утверждаетъ г-жа Новикова. Сталь отвѣчалъ откровенно, съ присущей ему простотой, что если говоритъ г-жа Новикова, то это должна быть правда, потому что она часто бываетъ освѣдомлена о томъ, что русское правительство думаетъ или дѣлаетъ. Тогда какъ мнѣ, — сказалъ старый посолъ, улыбаясь, ничего не говорятъ, пока не рѣшатся дѣйствовать.

Вслѣдъ за этимъ лордъ Розбери изъявилъ свое согласіе на общую мѣру, по тутъ возникла война между Китаемъ и Японіемъ, а тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кимберлей отказался поддержать лорда Розбери. На этомъ дѣло прервалось.

Война между Китаемъ и Японіей началась въ іюнѣ 1894 года. 9-го ноября 1897 года лордъ Салзберри, тогдашній премьеръ, произнесъ весьма сильную рѣчь о соперничествѣ въ вооруженіи между народами. Онъ сказалъ:

„Единственная наша надежда на соединеніе державъ. Пусть онѣ сплотятся въ международную конституцію, которая гарантировала бы длинные годы свободной торговли, цвѣтущей промышленности и непрерывнаго мира. Тогда Европа могла бы соперничать съ Америкой въ благоденствіи.

Какъ въ подтвержденіе этихъ словъ Императоръ Николай II-й подписалъ циркуляръ 24-го августа 1898 года, вслѣдствіе

котораго состоялась первая Гаагская конференція. Текстъ этого документа Стэдъ приводитъ, чтобы показать, какъ близокъ онъ былъ къ той статьѣ, которую писала г-жа Новикова четыре года передъ этимъ.

Императорскій циркуляръ былъ объявленъ въ телеграммѣ Рейтера отъ 27-го августа 1898 года.

Циркуляръ отъ 12—24 августа 1898 года.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ 12—24 августа 1898 года всѣмъ прибывающимъ въ С.-Петербургъ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготящихся надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

„Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соответствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вождѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское Правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпеченія всѣмъ народамъ истиннаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира было поставлено цѣлью международной политики. Во имя мира, великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ, въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ, свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.

„Однако, усилія эти не могли пока привести къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на приобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя сегодня, пред-

ставляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

„Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

„Очевиднымъ, поэтому, представляется, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранее содрогается мысль человѣка.

„Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усиліе всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣваніе народовъ.

Отвѣтъ, общественнаго мнѣнія на это воззваніе былъ въ началѣ, — говоритъ Стэдъ, — до такой степени равнодушный, что въ половинѣ декабря русское министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило отказаться отъ конференціи, замѣнивъ ее рядомъ комиссій для изученія предмета, ивложеннаго въ циркулярѣ Государя. Убѣдившись въ полномъ индифферентизмѣ общества, Стэдъ, посовѣтовавшись съ нѣсколькими друзьями, рѣшилъ объявить крестовый походъ въ пользу мира. Сентъ: Джемская зала была отдана въ его распоряженіе днемъ и церковь д-ра Кли-

форда вечеромъ того же дня. Присутствовали представители всѣхъ церквей. Стэдъ говоритъ: „Передъ самымъ началомъ собранія, Лессаръ, въ послѣдствіи русскій посолъ въ Пекинѣ, пришелъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ русскаго посольства. Надѣюсь, что ваше собраніе будетъ успѣшно, сказалъ онъ, потому что, если вашъ крестовый походъ не будетъ принятъ сегодня, конференція не состоится. Въ Петербургѣ пришли въ такое уныніе отъ равнодушія и скептицизма къ циркуляру, что тамъ хотятъ отказаться отъ конференціи. Будутъ назначены комитеты, но о конференціи мы больше слышать не будемъ. Ждутъ, чтобы увидѣть, повліяете ли вы. Въ случаѣ вашего успѣха, они будутъ продолжать, все зависитъ отъ вашего крестоваго похода.

Крестовый походъ мира былъ объявленъ единодушно и восторженно.

Отвѣтъ былъ немедленный и результатъ удовлетворителенъ.

Рѣчь зашла о паломничествѣ, черезъ всю Европу, представителей похода отъ каждой страны въ Петербургъ. Эта мысль возбудила большой энтузіазмъ среди англичанъ. Къ несчастью, германское правительство испугалось посѣщенія Берлина международными крестonosцами. Боялись народныхъ волненій и взрыва шовинизма при встрѣчѣ съ французскими представителями, если бы эти послѣдніе требовали разоруженія и мира на улицахъ Берлина.

Ко мнѣ опять пріѣхалъ Лессаръ просить отъ имени русскаго правительства оставить мысль о паломничествѣ. Государь съ радостью принялъ бы паломниковъ, но въ виду предупрежденія Берлина, что они могутъ нарушить миръ въ Европѣ. Его Величество надѣялся, что настаивать на нашемъ намѣреніи мы не будемъ. Другого исхода не было, какъ подчиниться русскому рѣшенію.

Вмѣсто паломничества по всей Европѣ я одинъ былъ посланъ,—говоритъ Стэдъ,—въ Петербургъ, доложить Государю о народномъ отвѣтѣ на его циркуляръ. Онъ принялъ меня крайне милостиво въ Царскомъ Селѣ, но ему было извѣстно все, что я собирался сообщить, ежедневно читая мою газету „Война противъ войны“.

Въ началѣ 1908 года сэръ Эдуардъ Грей сильно настаивалъ на необходимости поднять вопросъ о разоруженіи на Гаагской конференціи. Стэдъ говоритъ, что предупреждалъ его о бесполезности такой попытки, но онъ отвѣчалъ, что необходимо настаивать на обсужденіи предположеній, которыя британское

правительство намѣрено представить. Къ тому же, посредствомъ настоятельныхъ увѣщаній, германское правительство согласилось, наконецъ, не препятствовать обсужденію на конференціи вопроса о разоруженіяхъ, предоставляя себѣ право воздержаться отъ преній.

Русское правительство, въ силу своихъ громогласныхъ миролюбивыхъ заявленій, не могло отказаться отъ этого вопроса, такъ какъ русскій Государь былъ творцомъ первой Гаагской конференціи въ 1898 году. Но съ тѣхъ поръ произошло много перемѣнъ. Въ войнѣ съ Японіей погибъ русскій флотъ. Принять въ 1908 г. принципъ неувеличенія вооруженія было бы теперь, по мнѣнію русскаго правительства, равносильно запрещенію возстановить его бывшія силы. Напрасно я доказывалъ, говоритъ Стэдъ, что къ какому бы рѣшенію конференція ни пришла, право Россіи возстановить свои силы, бывшія до войны, несомнѣнно признается.

Къ числу моихъ оппонентовъ вдругъ присоединилась г-жа Новикова. На этотъ разъ она не написала статью, выражающую взглядъ русскаго правительства, какъ въ 1894 году. Она избрала болѣе прямой путь.

Г-жа Новикова подружилась съ сэромъ Генри Кампбель Баннерманъ и его женой, гораздо ранѣе, чѣмъ рѣчь шла о его премьерствѣ.

Въ гнѣвѣ на то, что казалось ей предложеніемъ воспрепятствовать Россіи возстановленіе военныхъ силъ, г-жа Новикова написала своему другу Баннерману слѣдующее письмо:

Лондонъ 25 февр. 1907 г.

„Дорогой сэръ Генри! Мнѣ очень жаль, что не могу повидаться съ Вами и обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами. Вы всегда такъ откровенны и правдивы и слову Вашему такъ можно довѣряться.

„Позвольте просить Васъ мнѣ объяснить, какая выгода для Англіи въ томъ, чтобы Россія не возвращалась къ своему прежнему величію и не возстановила бы своего флота! Правда ли, что въ этомъ и Ваша программа для Гаагской конференціи? Англія, союзница Японіи всегда, конечно, помогаетъ японцамъ, но въ чемъ же тутъ польза для англійской политики?

„Я очень огорчена: больно думать, что Англія готова всегда оскорбить чувства Россіи.

Вамъ искренно преданная О. Новикова.

5*

Сэръ Генри поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

Уайтхолъ 27 февр. 1907 г.

„Дорогая Г-жа Новикова! Мнѣ очень жаль, что Вы были обезпкоены и раздосадованы, совершенно ни на чемъ неоснованными слухами.

„Я могу сказать только, что никогда не слыхалъ слова, могущаго дать поводъ думать что мы желаемъ оставить Россію въ ея теперешнемъ положеніи, безъ флота или арміи.

„Ни со стороны моихъ сослуживцевъ, ни людей безъ всякой отвѣтственности, поэтому могущихъ говорить легкомысленно и даже смѣло, никогда не доходила до меня подобная идея. Наоборотъ всѣ сочувствуютъ объявленной политикѣ правительства,—поощрять дружескія отношенія къ Вашей странѣ. Такова была наша политика при оппозиціи, такою она остается теперь, съ тѣхъ поръ какъ я въ ея главѣ. Мы хотимъ придти къ обоюдному доброму согласію по всѣмъ вопросамъ; мнѣ кажется, что г. Извольскій и сэръ Никольсонъ много надъ этимъ потрудились и достигнуть цѣли, если будутъ предоставлены самимъ себѣ. Надѣюсь, что будутъ. Что касается антирусской демонстраціи въ Гаагѣ, я по чести не понимаю, что Вы хотите этимъ сказать. Россія изобрѣла Гаагскую конференцію и главный предметъ ея была необходимость остановить разорительную погоню за издержками. Мы пламенно ее поддерживали тогда и остаемся того же мнѣнія теперь. Это не относится къ А. или Б. и не содержитъ нелѣпую идею насиловать къ сокращенію не желающую его страну. Но мы желаемъ укрѣпить общественное мнѣніе Европы въ пользу мира, третейскаго суда и избавленія отъ расходовъ на армію.

„Мы не лицемеримъ въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, мы не скрываемъ, что главная задача выгоды нашего собственнаго плательщика податей, чтобы употребить его деньги на болѣе полезные предметы. Но это не можетъ быть ко вреду или обидѣ нашимъ сосѣдямъ.

„Я искренно надѣюсь, если Васъ преслѣдуетъ кошмаръ здѣшнихъ злонамѣренныхъ умысловъ противъ Вашей страны, что Вы отъ него избавитесь, такъ какъ это положительное заблужденіе; я видѣлъ два раза Мартенса, разъ онъ завтракалъ у меня, и я увѣренъ, что онъ не вынесъ никакого дурнаго впечатлѣнія.

„Надѣюсь, что Вы здоровы, несмотря на заботы? Я былъ боленъ двѣ недѣли, теперь поправился, но рѣшительно не имѣю времени ни на что.

Вѣрьте искреннему моему уваженію и преданности.

Г. Кампбель-Баннерманъ.

Письмо это не удовлетворило г-жу Новикову. Но отъ нея ли гнѣвныхъ жалобъ, или по другой причинѣ, вѣроятно по разнымъ причинамъ, британское правительство не подняло вопроса о разоруженіи въ Гаагѣ, несмотря на смѣлыя заявленія сэра Эдуарда Грея; въ предшествовавшемъ году, англійскимъ представителямъ была дана инструкція воздержаться отъ всякаго опредѣленнаго предложенія о разоруженіи. Это воздержаніе можно было приписать ея вліянію.

Отношенія Ольги Алексѣевны къ сэру Генри Кампбель Баннерману и его женѣ оставались очень хорошими. Лэди Баннерманъ всегда очень цѣнила своего русскаго друга, но иногда любила пошутить надъ ней. Такъ однажды она спросила г-жу Новикову, почему она не пріѣзжаетъ къ нимъ завтракать, какъ всегда въ бывшее время.

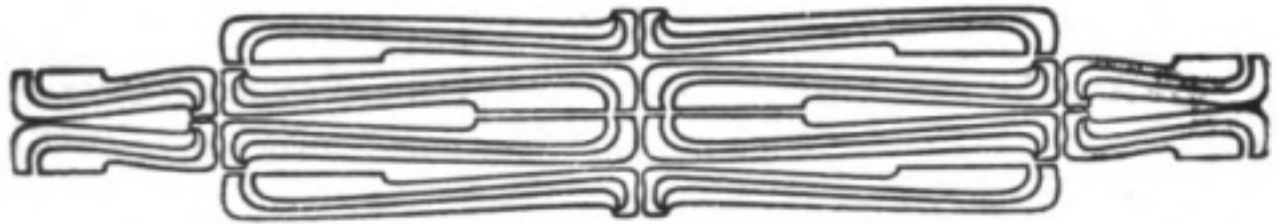
„О, отвѣчала Ольга Алексѣевна, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Вы въ Даунъ-Стритъ. Сэръ Генри, какъ премьеръ, долженъ часто видѣться съ министрами и дипломатами, я могу помѣшать“.

„Скажите, пожалуйста“, возразила лэди Баннерманъ, „съ какихъ это поръ Вы боитесь министровъ и дипломатовъ?“.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника графа Гакетгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года ¹⁾).

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Петербургъ $\frac{7 \text{ декабря}}{18 \text{ декабря}}$ 1761 г.

Состояніе здоровья Императрицы медленно, но улучшается: по свидѣніямъ, заслуживающимъ довѣрія, она съ третьяго дня чувствуетъ себя немного лучше.

На-дняхъ ея величество обратилась къ Сенату съ рескриптомъ, въ которомъ свидѣтельствовала о томъ, какъ прискорбно ей было узнать, что сенаторы, вопреки своимъ обязанностямъ, не обсуждаютъ и не рѣшаютъ никакихъ дѣлъ, и требовала отвѣта — является ли бездѣйствіе сенаторовъ слѣдствіемъ ихъ лѣни или же неспособности. Въ томъ и въ другомъ случаѣ она съумѣетъ принять надлежащія мѣры!

Этотъ грозный рескриптъ сильно напугалъ гг. сенаторовъ и оказалъ то хорошее дѣйствіе, что теперь они исправно собираются на засѣданія и усердно занимаются дѣлами даже до поздней ночи.

Наборъ новыхъ войскъ въ Лифляндіи и въ завоеванныхъ провинціяхъ, о чемъ я имѣлъ честь сообщить Вашему Превосходительству въ моей депешѣ отъ 16-го октября, не только одобренъ, но признанъ необходимымъ Сенатомъ; поэтому со-отвѣтствующій приказъ врученъ Сенатомъ Императрицѣ для подписи; но Государыня, какъ говорятъ, держитъ его у себя, не подписывая, уже четыре недѣли, такъ какъ она не хочетъ и слышать о новомъ наборѣ войскъ, несмотря на то, что ее убѣж-

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1914 г.

даютъ въ его необходимости, давая ей понять, что армія ея должна была естественно сильно уменьшиться послѣ столькихъ слѣдовавшихъ одна за другой кампаній и многихъ болѣзней.

По произведенному здѣсь подсчету потерь, понесенныхъ корпусами Румянцева, Фермора и Берга, оказалось, что за эту только кампанію одинъ городъ Кольбергъ имъ уже стоилъ около 12-ти тысячъ человѣкъ.

Шведскій посланникъ получилъ отвѣтъ отъ своего двора на свой запросъ по поводу нѣкоторыхъ требованій этикета, о которыхъ я имѣлъ честь подробно сообщать Вашему Превосходительству въ моей депешѣ отъ 30-го октября. Шведскій дворъ приказалъ ему сообразоваться съ дѣйствіями посланниковъ союзныхъ съ Швеціей странъ и одного съ нимъ ранга.

Недоразумѣніе, возникшее вслѣдствіе отказа г-жи де-Бретейль и г-жи д'Альмодоваръ подчиниться требованіямъ двора относительно цѣлованія руки,—еще не улажено: ихъ мужья еще не получали никакихъ указаній по поводу возникшаго спора. Между тѣмъ предполагаютъ, что все это кончится отозваніемъ г. де-Бретейля, и что французскій дворъ пришлетъ сюда нежеланатаго посланника. Что касается г-жи д'Альмодоваръ, то полагаютъ, что ей будетъ предписано вовсе не являться ко двору, пока ея мужъ здѣсь посланникомъ.

Г. де-Бретейль получилъ вчера съ эстафетой, прибывшей отъ его двора, письма отъ 15-го ноября, но между тѣмъ онъ не говорилъ мнѣ, чтобы онъ получилъ хотя-бы одно слово относительно нашего дѣла. По-прежнему не получаетъ на этотъ счетъ указаній и графъ де-Мерси. Признаюсь, что такое промедленіе представляется мнѣ изумительнымъ, и я не могу ничѣмъ другимъ его объяснить, какъ только тѣмъ, что тотъ и другой дворъ, не надѣясь на успѣхъ нашего дѣла, лукавятъ, рассчитывая своими мнимыми проектами выиграть время, а насъ заставить его потерять.

Мнѣ горько и больно высказывать подобныя предположенія, и я сильно желалъ бы въ нихъ ошибиться, но продолжающееся болѣе трехъ мѣсяцевъ молчаніе, даже имѣя въ виду дальность разстоянія и время необходимое дворамъ для переговоровъ между собой, представляется мнѣ неестественнымъ и не можетъ не наводить на подобныя подозрѣнія.

Прибылъ украинскій гетманъ графъ Разумовскій. Этотъ вельможа рассчитываетъ провести здѣсь часть зимы.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ 11 декабря 1761 г.
22 „

Въ прошлую субботу, бесѣдуя съ канцлеромъ, я исполнилъ приказанія, данныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ въ депешѣ отъ 31-го октября: я сообщилъ этому вельможѣ, что король, узнавъ изъ моихъ донесеній о его болѣзни, былъ опечаленъ этимъ обстоятельствомъ и, выражая надежду, что здоровье его возстановится, приказалъ мнѣ засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе. Какъ мнѣ казалось, канцлеръ былъ польщенъ вниманіемъ короля; поручивъ мнѣ передать королю свою почтительнѣйшую благодарность, онъ въ то же время просилъ засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству благодарность за хорошій пріемъ, оказанный русскимъ матросамъ въ Копенгагенѣ, прибывшимъ туда на фрегатѣ изъ Архангельска; какъ увѣдомлялъ г. Корфъ, матросамъ, принужденнымъ перезимовать тамъ, были отведены въ городѣ магистратомъ хорошія квартиры.

Затѣмъ канцлеръ, по собственному побужденію, сказалъ мнѣ, что, получивъ наканунѣ извѣстія изъ арміи, онъ узналъ, что главнокомандующій со своимъ штабомъ стоитъ уже въ Маріенбургѣ и что Румянцевъ и Бергъ продолжаютъ осаду Кольберга, по-прежнему обѣщая овладѣть этой крѣпостью въ продолженіе зимы. Но канцлеръ доказалъ, что онъ плохо вѣритъ ихъ обѣщаніямъ: онъ находитъ, что оба русскіе генералы поступаютъ безразсудно (*n'ont pas de têtes*), и онъ очень ими недоволенъ. По его мнѣнію, имъ слѣдовало, чтобы взять этотъ городъ, дѣйствовать рѣшительно и попытаться овладѣть имъ однимъ ударомъ, хотя-бы даже съ рискомъ потерпѣть пораженіе.

Несомнѣнно, что здѣсь принимаютъ очень близко къ сердцу взятіе этого едва укрѣпленнаго городка и что Императрица требуетъ во что бы то ни стало, чтобы имъ овладѣли въ теченіе этой зимы, полагая, что, если и на этотъ разъ осада будетъ снята, то это явится неизгладимымъ пятномъ для побѣдоноснаго ея царствованія.

Здѣсь уже заряжены и нацѣлены пушки въ ожиданіи извѣстія о сдачѣ этого города.

Здоровье Императрицы все еще плохо, и хотя она и на ногахъ, но нѣсколько разъ на дню отдыхаетъ на кровати.

Такъ какъ газеты говорятъ о новомъ торговомъ договорѣ Россіи съ Англіей, то я считаю своимъ долгомъ разъяснить Вашему Превосходительству, что является въ этихъ слухахъ ложнымъ и что основательнымъ.

Дѣйствительно срокъ торговаго договора, заключеннаго на 15-ти лѣтній срокъ 30 лѣтъ тому назадъ и возобновленнаго 15 лѣтъ тому назадъ, уже два года, какъ истекъ во второй разъ. Такъ какъ въ настоящее время Англіей былъ поднятъ вопросъ о возобновленіи договора въ прежней его силѣ и снова срокомъ на 15 лѣтъ, то здѣшній дворъ изъявилъ на это свое согласіе, и проектъ новаго договора былъ переданъ г. Кейту, который и послалъ его въ Лондонъ, гдѣ заняты теперь его обсужденіемъ.

Такъ какъ проектъ вноситъ въ старый договоръ нѣкоторыя поправки и ограниченія, для англичанъ невыгодныя, то г. Кейтъ имъ недоволенъ и сомнѣвается, чтобы онъ былъ одобренъ его дворомъ, хотя, несмотря на измѣненія, англичанамъ въ торговомъ отношеніи предоставляется значительно больше привилегій и выгодъ, чѣмъ другимъ странамъ.

Впрочемъ, долженъ прибавить, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ англичане принуждены были платить 13⁰/₀ таможеннаго сбора за товары, по условіямъ трактата отъ этого сбора изъятые.

Только-что получено изъ Помераніи извѣстіе о томъ, что осада Кольберга продолжается съ прежней твердостью; городъ окопанъ траншеями и уже нѣсколько дней, какъ начали пробивать въ его стѣнахъ брешь.

Отрядъ корпуса Румянцева одержалъ побѣду надъ большимъ прусскимъ отрядомъ арміи генерала Платена, при чемъ русскіе захватили пушку и взяли въ плѣнъ 60 человекъ.

Передаютъ, что въ окрестностяхъ Кольберга, подъ его выстрѣлами, часто появляются прусскіе отряды; передаютъ за вѣрное, что соединенныя войска генерала Платена и принца Вюртембергскаго расположатся на зимнія квартиры въ Помераніи.

Гакстгаузенъ.

Безъ даты.

Ваше Превосходительство, вчера послѣ полудня прибылъ отъ генерала Румянцева курьеръ съ важной вѣстью о сдачѣ Кольберга.

По донесеніямъ, полученнымъ до сихъ поръ, 12-го декабря разыгрался жаркій и упорный бой между прусскою арміею, численностью, какъ утверждаютъ, въ 32 т. человекъ и состоявшей изъ 4-хъ корпусовъ, подъ командою генераловъ Литена, Платена, Шенкендорфа и принца Вюртембергскаго, и корпу-

сомъ генерала Румянцева, численностью, какъ говорятъ, въ 24 т. человѣкъ.

О томъ—сколько потеряли русскіе,—умалчиваютъ; говорятъ только, что потери ихъ очень незначительны, но что одинъ изъ первыхъ гренадерскихъ батальоновъ изрубленъ, будучи окруженъ непріателемъ, и отъ него уцѣлѣло только 16 человѣкъ.

Послѣ этого дѣла, несмотря на то, что осажденные продолжали съ еще большей, чѣмъ прежде, стойкостью защищаться, комендантъ города, не надѣясь на помощь, принужденъ былъ 16-го декабря сдаться на волю побѣдителей.

Гарнизонъ, состоявшій изъ 6-ти батальоновъ, былъ объявленъ плѣннымъ, но въ виду его мужественной обороны ему предоставлено было выйти изъ города со всѣми воинскими почестями.

Въ крѣпости найдено было русскими болѣе 100 пушекъ и мортиръ; къ этому добавляють весьма значительную сумму денегъ.

Вотъ свѣдѣнія, которыя имѣются пока объ этомъ замѣчательномъ событіи.

Румянцевъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи, что на дняхъ онъ пришлетъ бригадира Мельгунова съ ключами отъ города и съ подробнымъ описаніемъ дѣла.

До сихъ поръ еще не возвѣстили народу стрѣльбой изъ пушекъ объ этой важной новости, какъ это принято здѣсь дѣлать въ подобныхъ случаяхъ.

Причина этому та, что уже нѣсколько дней, какъ Императрица снова сильно больна.

Е. в. великая княгиня только-что написана Шумахеру: „Императрица очень плоха, кровопусканія не остановили кровохарканія, и она все болѣе и болѣе слабѣетъ“.

Всѣ здѣсь очень взволнованы этими тревожными обстоятельствами и все болѣе опасаются за жизнь Императрицы.

Вслѣдствіе той же причины взятіе Кольберга, объ обстоятельствахъ котораго, повидимому, сильно преувеличенныхъ, я только-что рассказалъ Вашему Превосходитеству, не произвело здѣсь того ликованія, какое могло бы произвести въ другое время.

Я не былъ у канцлера, чтобы поздравить его съ этимъ событіемъ, такъ какъ считаю этотъ визитъ неудобнымъ при возникшихъ между нами и здѣшнимъ дворомъ отношеніяхъ, и къ тому же при данныхъ обстоятельствахъ неимѣющихъ большого значенія.

Но зато я предполагаю быть у матери генерала Румянцева, ближайшей фрейлины Императрицы, чтобы оказать, въ качествѣ частнаго лица и друга ея дома, вниманіе по поводу этого событія.

Великій князь, видя, что Императрица слабѣетъ и будучи освѣдомленнымъ о тяжеломъ состояніи ея здоровья, озабоченъ, въ это критическое время, больше, чѣмъ когда-либо соблюденіемъ своихъ интересовъ.

Не будучи по природѣ щедрымъ и не имѣя къ тому же для этого достаточно средствъ, на дняхъ онъ подарилъ офицерамъ перваго гвардейскаго полка, чтобы заручиться ихъ дружбой, прекрасную золотую шкатулку, осыпанную брилліантами.

На случай, если бы суждено было совершиться печальному событію—кончинѣ Императрицы, я умоляю Ваше Превосходительство испросить у короля разрѣшеніе сжечь всѣ бумаги нашихъ архивовъ, такъ какъ я неволиѣ увѣренъ, что мой домъ не подвергнется разграбленію во дни безпорядковъ и смятенія, которые, по всей вѣроятности, здѣсь возникнутъ и которыхъ страшатся всѣ иностранцы; я могу пострадать прежде, чѣмъ кто-либо другой.

Здѣсь слишкомъ хорошо извѣстны тѣ опасности, которымъ подвергаешься въ этой странѣ во время переворотовъ и революцій, какъ со стороны черни, такъ въ особенности со стороны солдатъ—гвардейцевъ (отличающихся необузданностью и въ которыхъ еще живъ духъ стрѣльцовъ), чтобы не принять своевременно нѣкоторыхъ, диктуемыхъ благоразуміемъ, предосторожностей.

Къ своему прискорбію, я опять долженъ сообщить Вашему Превосходительству, что гг. де-Мерси и де-Бретейль продолжаютъ увѣрять меня, что они по-прежнему не получаютъ отъ своихъ дворовъ никакихъ указаній относительно насъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не говорю о нашемъ дѣлѣ ни съ канцлеромъ, ни съ ними, о немъ такъ же мало рѣчи, какъ если бы его вовсе не существовало.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{18 \text{ декабря}}{29 \text{ "}}$ 1761 г.

Съ прошлой пятницы мы находились въ постоянной тревогѣ за состояніе здоровья Императрицы; эта тревога возросла до такой степени, что мы, наконецъ, потеряли послѣднюю надежду на то, чтобы здоровье Императрицы могло восстановиться но съ вечера третьяго дня мы снова надѣемся.

Императрица, отказывавшаяся до сихъ поръ отъ всѣхъ лѣкарствъ, уступила наконецъ горячимъ просьбамъ окружающихъ ее лицъ и согласилась принять лѣкарство англійскаго врача Монсей. Благодаря этому лѣкарству она спокойно спитъ, лихорадка и кровохарканіе прекратились, появилась сильная испарина и ея рана на ногѣ открылась; однимъ словомъ—она испытываетъ большое облегченіе, и врачи находятъ, что кризисъ миновалъ, и Императрица на пути къ выздоровленію. Даже сама Государыня приписываетъ эту счастливую перемѣну въ ея здоровью лѣкарству г. Монсей, утверждая, что это оно оказало такое чудесное дѣйствіе, благодаря чему г. Монсей, какъ говорятъ, замѣтно пріобрѣлъ ея довѣріе и милость: она не желаетъ совѣтоваться съ другими врачами и слѣдуетъ только его предписаніямъ.

Впрочемъ г. Монсей стоило большого труда склонить Императрицу принять его лѣкарство: только послѣ того, какъ онъ въ теченіе четырехъ дней проносилъ свое снадобье въ карманѣ, убѣждая всѣхъ и каждого, что въ немъ все спасеніе Императрицы и умоляя приближенныхъ ей женщинъ и другихъ окружающихъ ее лицъ убѣдить Императрицу послѣдовать его совѣту, она позвала его, чтобы разспросить о дѣйствіи лѣкарства; г. Монсей принужденъ былъ въ ея присутствіи выпить болѣе трети всего снадобья, послѣ чего она рѣшилась наконецъ его выпить, съ тѣхъ поръ Императрица относится къ нему не только, какъ къ человѣку, спасшему ей жизнь, но какъ къ подданному, готовому ради нея пожертвовать своей жизнью.

Кромѣ женщинъ, къ Императрицѣ имѣютъ доступъ только камергеръ Шуваловъ и старый графъ Разумовскій: доктора входятъ только тогда, когда ихъ позовутъ, какъ это было третьяго дня, когда Императрица была при послѣднемъ издыханіи.

Въ то же утро былъ призванъ канцлеръ; была ли тогда рѣчь о какихъ-либо распоряженіяхъ по завѣщанію — неизвѣстно. Впрочемъ, подобное предположеніе представляется мало вѣроятнымъ, такъ какъ, хотя Императрица и была тогда очень плоха, но врядъ ли нашелся бы такой смѣльчакъ, который рѣшился бы ей объ этомъ сказать.

Императрица желала бы вовсе скрыть свою болѣзнь отъ народа. Вчера въ первый разъ, спустя довольно много дней, смѣна гвардейскаго корпуса произошла, какъ обыкновенно, съ барабаннымъ боемъ, предъ окнами Императрицы.

Послѣдніе дни здѣсь царятъ печаль и уныніе, написанныя на каждомъ лицѣ; всѣ сидятъ по домамъ, терпѣливо ожидая грядущаго переворота.

Вѣроятно, по наступленіи кончины Императрицы, будетъ собрана гвардія и Великаго Князя объявятъ императоромъ.

Третьяго дня въ костелѣ было всенародно совершенно богослуженіе о здравіи Императрицы.

Г. де-Бретейль полагаель, что онъ поступилъ очень хорошо, присутствуя на этомъ богослуженіи, но между тѣмъ совершеніе этого всенароднаго и формальнаго акта возбудило неудовольствіе двора; старались даже выяснить—кто былъ его инициаторомъ: называли графа Санти, но послѣдній это отрицалъ.

Какъ ни прискорбно было бы для меня сообщить Вашему Превосходительству о кончинѣ Императрицы, но если это несчастье совершится, то я сдѣлаю это какимъ бы то ни было способомъ. Я думалъ предложить Вашему Превосходительству, въ случаѣ, если бы въ одинъ изъ почтовыхъ дней вы не получили бы отъ меня письма, считать это за вѣрный признакъ совершившагося здѣсь крупнаго событія, но такъ какъ нельзя положиться на правильность почтъ, которыя могутъ быть задержены или при переходѣ черезъ Гафъ или же вслѣдствіе другихъ какихъ-либо случайностей, то это могло бы вызвать ложную тревогу и напрасно обезпокоить.

Пересылка писемъ будетъ дѣломъ не только труднымъ, но почти невозможнымъ, такъ какъ, въ случаѣ кончины Императрицы, прекратится всякое почтовое сообщеніе, между тѣмъ отправлять курьеровъ бесполезно, такъ какъ ихъ не будутъ пропускать и задержать на первой же остановкѣ.

На случай неудачи, я войду въ соглашеніе съ Поссе, которому также важно во время увѣдомить свой дворъ объ этомъ событіи, и мы отправимъ нарочныхъ, знающихъ языкъ этой страны, снабдивъ ихъ обоюдно нашими письмами; кружными путями, чтобы избѣжать русскія станціи, они направятся къ шведской границѣ.

Кромѣ того я передамъ свои письма тѣмъ лицамъ, которыхъ отправятъ г.г. де-Мерси, де-Бретейль и де-Прассе, адресовавъ ихъ на имя г. Остена, который переправитъ ихъ съ эстафетой въ Гамбургъ.

Если бы случилось, что великій князь не вступилъ на престолъ, то я полагаю, что исполню волю короля, если буду дѣй-

ствовать сообразно съ тѣмъ, какъ будутъ дѣйствовать другіе посланники, но тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство дать мнѣ на этотъ счетъ самыя подробныя указанія.

Къ г. де-Бретейлю прибылъ курьеръ, но онъ увѣряетъ, что послѣдній ничего не привезъ ему относительно нашего дѣла; по его словамъ, гр. де-Шуазель сообщилъ ему только о томъ, что онъ бесѣдовалъ съ гр. Ведель-Фрисъ, который, желая получить высочайшія разъясненія, послѣ этого отправилъ въ Копенгагенъ курьера.

Сообщеніе изъ Польши о томъ, что Императрицей объявленъ грозный указъ противъ конфедераціи—невѣрно, и хотя князь Волконскій съ своимъ корпусомъ и находится въ Польшѣ, но ему опредѣленно приказано обращаться съ польскимъ шляхетствомъ возможно мягче и осторожнѣе. Новый казацкій отрядъ, въ 6 т. человекъ, движется по Польшѣ для того, чтобы соединиться съ главнымъ войскомъ.

Къ англійскому посланнику прибылъ на дняхъ отъ его двора курьеръ; съ тѣхъ поръ распространился слухъ, что онъ отозванъ.

Вчера пріѣхалъ бригадиръ Мельгуновъ, привезшій ключи отъ Кольберга и трофеи, а также подробное описаніе дѣла 12-го декабря и послѣдовавшей затѣмъ сдачи города, которое до сихъ поръ еще не опубликовано. Онъ рассказываетъ, что въ осажденномъ городѣ находилась одна изъ принцессъ Вюртембергскихъ, принадлежащая къ Прусскому королевскому дому, и что комендантъ города обратился къ генералу Румянцеву съ просьбой разрѣшить принцессѣ уѣхать, но что послѣдній не счелъ себя въ правѣ это сдѣлать безъ особаго на то приказанія Государыни. Предполагаютъ, что эта принцесса, такъ же, какъ и бывшій комендантъ Кольберга г. Гейденъ, будутъ препровождены сюда этой зимой.

Сегодня Государынѣ исполнилось 53 года; день ея рожденія при дворѣ не празднуется и съ крѣпостного вала, противъ обыкновенія, не стрѣляли изъ пушекъ, такъ какъ Ея Величество несовсѣмъ здорова, но, благодаря Богу, она чувствуетъ теперь себя много лучше и съ каждымъ днемъ поправляется.

Нѣсколько часовъ тому назадъ былъ расклеенъ приказъ, переводъ котораго я имѣю честь приложить.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{1 \text{ января}}{21 \text{ декабря}}$ 1762/1 г.

Императрица находится все въ томъ же тяжеломъ состояніи кризиса. Съ нею очень часто происходятъ обмороки, и третьяго дня тревога потерять ее дошла снова до крайнихъ предѣловъ. Хотя она сильно страдаетъ, но не сознаетъ опасности и поэтому плохо слѣдуетъ совѣтамъ докторовъ, полагаясь больше на свою сильную натуру, которая много разъ ее выручала, чѣмъ на лѣкарства. Недавно, будучи въ сильной испаринѣ, она пожелала перемѣнить бѣлье, несмотря на всѣ увѣщанія докторовъ и крики и настоянія приближенныхъ ей женщинъ.

Спектакли прекратились, и даже въ частныхъ домахъ запрещены всякія увеселенія, а также отданъ приказъ служить во всѣхъ церквахъ молебны о выздоровленіи Императрицы.

Третьяго дня утромъ канцлеръ получилъ отъ барона Корфа депешу, отъ 15-го сего мѣсяца, которую тотъ отправилъ курьеромъ изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, откуда г. Остерманъ переслалъ ее сюда съ эстафетой. Канцлеръ ничего не передавалъ мнѣ относительно ея содержанія, но онъ говорилъ г.г. де-Бретейлю и де-Прассе, что баронъ Корфъ не сообщилъ ему ничего особеннаго, ради чего стоило бы присылать курьера.

Г.г. де-Мерси и де-Бретейль по-прежнему продолжаютъ оставаться безъ указаній относительно нашего дѣла, которое вслѣдствіе этого совершенно заглохло.

Приказъ, переводъ котораго я имѣлъ честь отправить Вашему Превосходительству съ послѣдней почтой, имѣетъ весьма большое значеніе. По этому приказу, 17 тысячъ ссыльныхъ и каторжниковъ получаютъ свободу и имъ возвращаются права и владѣнія, которыми они пользовались до своего осужденія. Говорятъ, что стоимость имущества, которое казна теперь имъ возвратитъ, достигаетъ одного милліона рублей ¹⁾).

Теперь будетъ освобожденъ г. Гордтъ, заключенный здѣсь въ крѣпости. Это дѣло ведетъ г. Кейтъ, который отъ имени своего двора ходатайствовалъ о томъ, чтобы на этого заключеннаго смотрѣли не какъ на государственнаго преступника, но какъ на военноплѣннаго и поэтому подлежащаго освобожденію.

Желая угодить Англій, здѣшній дворъ сообщилъ о такой интерпретаціи шведскому двору и послѣдній изъявилъ на это свое согласіе или же просто подчинился желанію Россіи. Указъ

¹⁾ Шведскій полковникъ, перешедшій къ Прусскому королю, оставилъ записки („Р. Арх.“. 1877 II, 294).

объ освобожденіи г. Гордта находится уже въ кабинетѣ Императрицы и ждетъ только ея подписи. Утверждаютъ, что, послѣ его освобожденія, Императрица подаритъ ему нѣсколько тысячъ червонцевъ въ вознагражденіе тѣхъ непріятностей, которыя онъ потерпѣлъ во время своего заключенія.

Есть слухи, что г. Тотлебенъ умеръ въ крѣпости, но у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы поручиться за достоверность этого извѣстія.

Пока не произойдетъ обмѣна, генералу Вернеру разрѣшено оставаться въ Пруссіи, въ его имѣніи.

Въ прошлый вторникъ—день рожденія Ея Величества,—какъ обыкновенно, была иллюминація, въ полдень въ крѣпости было сдѣлано 12 выстрѣловъ, но такъ какъ заряды были слабые, то въ городѣ выстрѣлы едва были слышны.

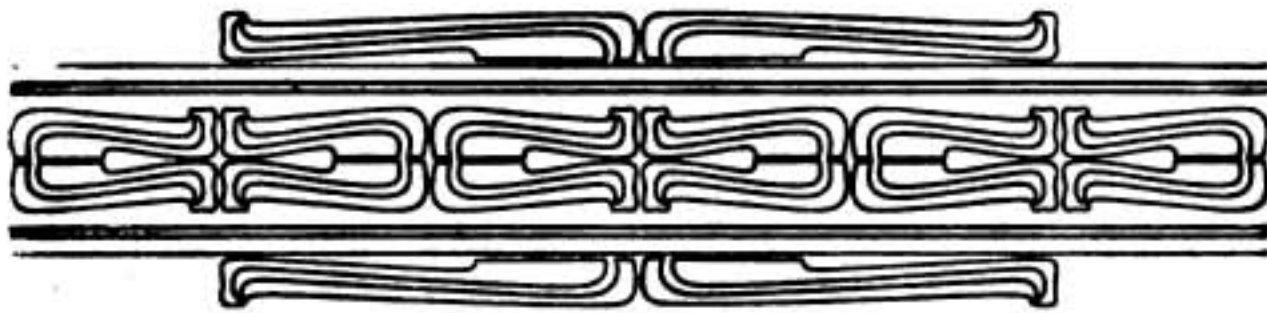
Положеніе дѣлъ въ Курляндіи по-прежнему очень запутанное, несмотря на то, что принцъ Карлъ намѣревается отправиться въ Варшаву, гдѣ онъ проведетъ зиму.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о генералѣ М. Д. Скобелевѣ.

Въ 1882 году, годъ смерти Мих. Дмитр., я былъ старшимъ полковникомъ въ лейбъ-гвардіи Волынскомъ полку, 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной въ то время, какъ и теперь, въ Варшавѣ. Командиръ нашего полка Ст. В. Рыкачевъ, прекрасный и благороднѣйшій человѣкъ, лично храбрый, незадолго передъ тѣмъ отличившійся въ турецкой войнѣ, командуя при штурмахъ Плевны Вологодскимъ пѣхотныхъ полкомъ, онъ за отличіе былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ нашего полка. Недостаткомъ его была—слабость характера, онъ постоянно колебался и переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому и въ концѣ концовъ оставался всегда мнѣнія послѣдняго—докладчика у него въ кабинетѣ.

Въ то время у насъ въ полку, какъ и во многихъ полкахъ, расположенныхъ въ Ц. Польскомъ, среди офицерскаго состава, обрисовывалось не скажемъ двѣ партіи, а двѣ группы офицеровъ—нѣмецкой и польской національностей. Цѣль ихъ была общая, постоянно пропагандировать, что въ Россіи нѣтъ способныхъ людей, что лучшіе служащіе люди въ Россіи — это нѣмцы и поляки. Если случайно, во главѣ какой-либо части, оказывалось лицо одной изъ этихъ національностей, то непременно около него группировался свой кружокъ, на который онъ опирался и лицамъ которой оказывалъ свою протекцію.

Нашъ полкъ былъ особенно связанъ съ генераломъ Скобелевымъ.

Послѣ первыхъ неудачныхъ плевненскихъ штурмовъ въ 1877 г., Императоръ Александръ II рѣшилъ двинуть на театръ войны гвардію. Нашъ полкъ прибылъ первымъ изъ гвардіи въ окрестности Плевны. Когда мы еще двигались по желѣз-

нымъ и потомъ совершали переходы по грунтовымъ дорогамъ, то непрерывно встрѣчали транспорты больныхъ и раненыхъ. Трудно себѣ представить тотъ жгучій интересъ, съ которымъ мы разспрашивали возвращавшихся съ войны: что тамъ дѣлается, гдѣ наши войска, какая обстановка, какіе приемы употреблять въ бою, какія вещи съ собою брать и т. д. Но какъ раненые, такъ и больные, особенно дезинтерики, которыхъ, я помню, было очень много, отвѣчали вяло, равнодушно, какъ бы говоря:—я вотъ ушелъ и теперь тамъ все пропало. Но какъ только разговоръ касался Скобелева, даже истощенные дезинтерики приходили въ восторгъ отъ его храбрости, умѣнья управлять войсками, успѣховъ и отваги; видно было, что это уже былъ настоящій народный герой, что онъ уже успѣлъ захватить душу арміи, душу солдатъ въ свои руки и что они готовы съ нимъ идти куда угодно.

Участокъ нашего полка при обложеніи Плевны (Волинская гора впереди Картужабинскаго ущелья и рѣчки Чернетки) былъ рядомъ съ участкомъ войскъ генерала Скобелева. Намъ часто приходилось дѣйствовать совмѣстно, поддерживая другъ друга и задаваясь однѣми и тѣми же цѣлями.

Случалось довольно часто видѣть величественную фигуру Скобелева, спокойно объѣзжавшаго войска нашего отряда или скачущаго во весь опоръ на лѣвый флангъ къ отряду Ганецкаго (день сдачи Плевны 28 ноября 1877 года). Вотъ почему участники Турецкой войны, оставшіеся еще ко дню смерти Скобелева въ составѣ Волинскаго полка, были поражены смертью доблестнаго генерала. У меня явилась мысль, что нашему полку необходимо возложить серебрянный вѣнокъ на могилу Скобелева, и я отправился къ командиру полка просить разрѣшенія собрать общество офицеровъ, для обсужденія этого вопроса. Рыкачевъ въ тотъ періодъ былъ подъ вліяніемъ партіи нѣмцевъ и поляковъ и мое предложеніе принялъ не вполне сочувственно.—„Хотя я и не вполне раздѣляю ваше мнѣніе и восторги о Скобелевѣ, сказалъ Рыкачевъ, но разрѣшаю вамъ собрать общество г.г. офицеровъ и узнать его мнѣніе. Я не буду на собраніи“.

Общество было мною собрано и ему былъ предложенъ поставленный выше вопросъ. Вся масса офицеровъ держала себя спокойно, молчаливо, суетились и кричали только отдѣльныя личности и болѣе всѣхъ полковникъ Х. (нѣмецъ) и капитанъ А. (полякъ).

Должно признать, что за послѣднее время мы сдѣлали боль-

шой шагъ впередъ въ развитіи своего національнаго чувства и самолюбія. Въ настоящее время, я полагаю, общество самаго захудалаго армейскаго полка, расположеннаго въ самомъ глухомъ углу Россіи, не въ силахъ было бы спокойно выслушать ту невѣроятную оскорбительную клевету, которую говорили Х. и А. о Скобелевѣ и притомъ передъ свѣже раскрытой могилой и обществомъ одного изъ лучшихъ въ то время гвардейскихъ полковъ. Общество однако спокойно разошлось, постановивъ возложить вѣнокъ отъ полка на могилу почившаго.

Я пошелъ доложить о рѣшеніи общества командиру полка, который, не желая рѣшить самъ, поручилъ мнѣ доложить объ этомъ начальнику дивизіи.

Начальникомъ 3-ей гвардейской дивизіи въ то время былъ генералъ В. Д. Дандевилъ. Французъ по происхожденію, онъ и вся семья его были православные и по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ вполнѣ русскіе люди. Кромѣ того, онъ былъ большимъ поклонникомъ Скобелева.

Когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, то выразилъ мнѣ свою глубокую благодарность за мое предложеніе и добавилъ:—Но у васъ прошло не такъ гладко, какъ вы рассказываете, вамъ таки пришлось порядочно повоевать съ Х. и А.—Оказалось, что ему были извѣстны уже всѣ подробности засѣданія и мнѣнія Х. и А.

Когда я выразилъ удивленіе, что они такъ нахально и открыто выражали свое дерзкое мнѣніе передъ всѣмъ обществомъ офицеровъ, онъ возразилъ:

— Не удивляйтесь, теперь во всѣхъ полкахъ нѣмцы соединились съ поляками, чтобы вмѣстѣ отстаивать свои интересы и вести борьбу съ русскими. Кромѣ того они имѣютъ сильную опору въ С.-Петербургѣ и здѣсь въ краѣ, а такіе командиры, какъ Рыкачевъ, имъ не опасны. Я васъ попрошу побывать теперь у Панютина. Тамъ вы встрѣтите совсѣмъ другой пріемъ, расскажите ему, къ какому рѣшенію вы пришли, сообщите, что я этому дѣлу очень сочувствую и что если всѣ полки дивизіи придутъ къ такому же рѣшенію, то я возьму это дѣло въ свои руки, и мы устроимъ чудные вѣнки.

Отъ Дандевиля я прямо отправился въ С.-Петербургскій полкъ, который былъ расположенъ лагеремъ на Мокотовскомъ полѣ. Мнѣ сказали, что генералъ Панютинъ въ лагерное время ежедневно обѣдаетъ въ офицерскомъ собраніи, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ офицеровъ, куда меня и направили. Когда я рассказалъ ему въ чемъ дѣло, онъ неожиданно поднялся во весь свой громадный ростъ и своимъ необыкновенно зычнымъ голо-

сомъ крикнулъ: шампанскаго. Когда всѣ встали, онъ сказалъ: „г.г., предлагаю тостъ за полковника Агапѣева, пришедшаго къ намъ съ прекраснымъ предложеніемъ“ и рассказалъ все дѣло, добавивъ: мы, конечно, господа, отъ волянцевъ не отстанемъ, и я прошу полкового адъютанта теперь же собрать мнѣніе всѣхъ офицеровъ. Черезъ полчаса къ концу обѣда полковой адъютантъ представилъ уже постановленіе общества офицеровъ о вѣнкѣ на могилу генерала Скобелева. Съ этими постановленіями Панютинъ отправился къ начальнику дивизіи.

Дандевиль былъ художникъ въ душѣ, хорошо рисовалъ и обладалъ большимъ вкусомъ. Когда всѣ четыре полка выразили желаніе возложить вѣнки на гробъ Скобелева, Дандевиль взялъ это дѣло въ свои руки, создалъ прелестные рисунки вѣнковъ, и они были отправлены съ депутаціей въ Рязанскую губернію на могилу Скобелева.

Штабъ 4 армейскаго пѣхотнаго корпуса и квартира корпуснаго командира Скобелева были въ Минскѣ, гдѣ онъ и проживалъ послѣдніе дни передъ смертью. Военнымъ начальникомъ въ Минскѣ былъ въ то время мой родной братъ, полковникъ И. Ер. Агапѣевъ, который, по приказанію Скобелева, исполнялъ обязанности коменданта въ городѣ и долженъ былъ почти ежедневно являться къ нему съ рапортомъ, что давало ему возможность хорошо познакомиться съ лицами, окружавшими Скобелева и составлявшими штабъ его корпуса.

Въ томъ же 1882 году, проѣздомъ изъ Москвы въ Варшаву, я остановился у брата въ Минскѣ и узналъ отъ него нѣкоторыя подробности о смерти Скобелева.

Извѣстно, что Скобелевъ отличался чисто русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосољствомъ. Намъ, волянцамъ, это было извѣстно еще подъ Плевной. Уѣзжая изъ Минска въ свою послѣднюю поѣздку въ Москву, онъ взялъ съ собою нѣсколько лицъ, служившихъ у него въ штабѣ, которыя каждый день у него обѣдали. вмѣстѣ съ нимъ, также пріѣхалъ въ Москву баронъ Розенъ, который, кажется, былъ командиромъ одного изъ полковъ въ 4 корпусѣ. По пріѣздѣ въ Москву, баронъ Розенъ узналъ, что Скобелевъ представилъ его къ очередной наградѣ и что онъ ее уже получилъ, почему и отправился съ утра на другой же день пріѣзда Скобелева въ Москву въ гостиницу „Дрезденъ“, гдѣ онъ остановился, чтобы принести благодарность и пригласить Скобелева съ его свитой на обѣдъ. Когда онъ былъ допущенъ въ номеръ къ Скобелеву, то засталъ его заказывающимъ старшему повару гостиницы обѣдъ для себя и свиты.

Заказъ былъ уже оконченъ, и поваръ собирался уходить. Узнавъ въ чемъ дѣло, Скобелевъ изъявилъ свое согласіе быть на обѣдѣ, предложенномъ Розеномъ, и сказалъ ему:

— Такъ какъ я только-что заказалъ обѣдъ на сегодняшній день, то вамъ нечего придумывать — другой; примите мой заказъ. Обѣдъ очень хорошій.—Такъ и было рѣшено обѣдать въ Дрезденской гостиницѣ.

Въ условленный часъ собрались на этотъ послѣдній обѣдъ Скобелева. Всего было человекъ 6—7; въ числѣ ихъ были: изъ пріѣхавшихъ со Скобелевымъ изъ Минска личный адъютантъ Скобелева г. Эрдели, военный врачъ Бернадскій, по національности полякъ, душой преданный Скобелеву и участвовавшій съ нимъ во многихъ его туркестанскихъ походахъ; былъ также прежній адъютантъ Скобелева Баранокъ, славившійся при военномъ министрѣ Ванновскомъ открытіями злоупотребленій по интендантской части и среди уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и находившійся въ то время въ составѣ чиновъ московской полиціи.

За обѣдомъ Скобелевъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ проводилъ любимую свою въ то время мысль, что наша армія значительно лучше прусской. Иронически посматривая на барона Розена, онъ все доказывалъ, что война между нами и Пруссіей почти неизбежна, что *если волею Госудира Императора, онъ будетъ призванъ командовать арміей, то съ радостью и гордостью приметъ такое назначеніе и своею головою отвѣчаетъ, что прусская армія будетъ разбита, и мы побѣдимъ.*

Вся компанія послѣ обѣда отправилась въ „Яръ“ послушать цыганъ. Тамъ были замѣчены какіе-то обрывочные разговоры между Скобелевымъ, докторомъ и Баранкомъ, изъ которыхъ присутствующіе могли только заключить, что Баранокъ устраивалъ Скобелеву свиданіе съ какими-то женщинами.—„А та будетъ?“—спрашивалъ Скобелевъ. Баранокъ утвердительно кивалъ головой. Изъ „Яра“ вся компанія взяла извозчиковъ и поѣхала по Тверской обратно въ городъ. Извозчикъ Скобелева, при разслѣдованіи причинъ смерти Скобелева, показалъ, что генераль, сядя въ экипажъ, слегка покачивался и что было замѣтно, что онъ выпивши. Впереди поѣхалъ Баранокъ, за нимъ Скобелевъ, а затѣмъ и всѣ остальные. У одного изъ домовъ по Тверской Баранокъ остановился и подошелъ къ экипажу Скобелева, высадилъ его и повелъ въ домъ, затѣмъ, Скобелевъ остался въ домѣ, а Баранокъ вернулся, и всѣ вмѣстѣ продолжали свой дальнѣйшій путь въ городъ.

На другое утро Москва была поражена вѣстью о неожиданной смерти Скобелева.

Послѣ похоронъ всѣ бывшіе со Скобелевымъ въ Москвѣ и служившіе въ штабѣ 4 армейскаго корпуса возвратились въ Минскъ. Видъ ихъ былъ печальный и сконфуженный. Они были молчаливы и неохотно рассказывали о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Видно было, что они чувствовали свою вину передъ русскимъ обществомъ, передъ всей Россіей въ томъ, что не умѣли сохранить отъ опасности и уберечь жизнь такого дорогого для государства челоуѣка, какимъ былъ Скобелевъ. Особенно обвиняли доктора...

Братъ мой жилъ тогда въ своемъ домѣ на Подгорной улицѣ. Рядомъ съ нимъ на углу жилъ начальникъ штаба 4 корпуса, генералъ Духонинъ. Какъ товарищъ брата по Дворянскому полку, Духонинъ просилъ брата позволить ему продѣлать изъ своего дома въ садъ брата калитку и пользоваться въ немъ прогулками. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Духонинъ, въ мезонинѣ нанимала комнатку классная дама Минской гимназій, молодая дѣвушка Головкина. Она, при встрѣчѣ со Скобелевымъ у Духониныхъ, у которыхъ Скобелевъ довольно часто бывалъ, очень ему понравилась. У Духониныхъ составилъ планъ женитьбы его на Головкиной, въ томъ вниманіи, что для народнаго героя самое подходящее жениться на бѣдной незнатной дѣвушкѣ, что это еще больше увеличитъ его популярность. Духонины, особенно мадамъ, очень покровительствовала и устраивала свиданія Скобелева съ Головкиной въ саду брата, въ хорошенькой бесѣдкѣ съ цвѣтными стеклами, которая до сихъ поръ существуетъ. О женитьбѣ Скобелева тогда же у насъ стали появляться рассказы (Невѣста, бѣлаго генерала). Почему это разстроилось, мнѣ неизвѣстно.

Петръ Агапѣевъ.

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова.

31-го декабря 1837 года умеръ въ Мединскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, помѣщикъ, отставной гвардейскій поручикъ Василій Илларіоновичъ Афремовъ, оставивъ послѣ себя имѣніе, заключавшее 200 душъ, въ селѣ Дерновѣ и деревнѣ Гришиной. Имѣніе это досталось покойному по наслѣдству отъ отца и матери. Такъ какъ В. И. скончался бездѣтнымъ, то мѣстный уѣздный судъ сдѣлалъ вызовъ наслѣдниковъ. Наслѣдниками къ имѣнію явились: со стороны Афремова — генераль-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай и штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичи Арсеневы, племянникъ ихъ прапорщикъ Николай Дмитриевичъ Арсеневъ и внукъ, сынъ Маріи Михайловны Арсеневой, по мужу Лермонтовой, корнетъ л.-гв. гусарскаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, а со стороны матери умершаго Афремова—отставной гвардіи поручикъ Александръ Петровичъ Дураковъ.

Права Арсеневыхъ и Лермонтова на наслѣдство основывались на родословной, ревизскихъ сказкахъ, исповѣдныхъ свидѣтельствахъ, купчихъ крѣпостяхъ, дарственныхъ записяхъ, раздѣльныхъ актахъ присутственныхъ мѣстъ и справкахъ Вѣдъчиннаго Департамента. Изъ родословной видно, что родоначальникамъ фамиліи Афремовыхъ былъ Евдокимъ Афремовъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: Тимофея (умершаго бездѣтнымъ) и Ивана, капитана 2-го ранга, и дочь Параскеву. Затѣмъ родъ раздѣляется на двѣ нисходящія линіи, мужскую и женскую,—именно: Иванъ Евдокимовъ имѣлъ сына Илларіона, прапорщика, а этотъ послѣдній—сына Василя, отставнаго гвардіи поручика, умершаго бездѣтно, послѣ котораго и осталось имѣніе.

Такимъ образомъ, Василій Илларионовичъ Афремовъ, по мужской линіи, правнукъ Евдокима Афремова, дочь котораго Параскева была въ замужествѣ за прапорщикомъ Никитою Исаевичемъ Ивашкинымъ и имѣла отъ этого брака дочь Евфимію, выданную замужъ за отца Арсеньевыхъ, капитана Василя Васильевича Арсеньева. У В. В. и Е. Н. Арсеньевыхъ были дѣти: Николай, Никита, Василій, Григорій, Михайлъ, Дмитрій и Александръ, прямые наслѣдники имѣнія Афремова. Но ко времени открытія наслѣдства двое изъ нихъ умерли, оставивъ по себѣ Дмитрій сына Николая, а Михайлъ дочь Марію, которая, по замужеству съ Юрьемъ Лермонтовымъ, имѣла сына Михаила. Слѣдовательно, дѣти В. В. Арсеньева являлись правнуками Евдокима Афремова по женской линіи и троюродными братьями Василю Илларионовичу Афремову. Справедливость родословной была удостовѣрена елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и засвидѣтельствована Елецкимъ уѣзднымъ судомъ.

Медынскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ доказательства на наслѣдство послѣ Афремова, 15-го марта 1839 года призналъ наслѣдниками по Афремовѣ Арсеньевыхъ и Лермонтова и, со стороны матери его, поручика Дуракова. Арсеньевы, Лермонтовъ и Дураковъ были введены во владѣніе имѣніемъ безспорно; но Арсеньевы и Лермонтовъ, признавая неправымъ дѣйствіе суда, отдававшего во владѣніе Дуракова часть имѣнія Афремова, дошедшаго къ послѣднему отъ матери, объявили на это рѣшеніе неудовольствіе, и дѣло, по апелляціонной жалобѣ ихъ, перешло на разсмотрѣніе Калужской палаты гражданскаго суда. Однако жъ, въ то время, когда дѣло объ имѣніи Афремова находилось въ гражданской палатѣ, Арсеньевы и Лермонтовъ уже болѣе года пользовались правами владѣнія отсужденной имъ части имѣнія и даже доставшуюся имъ часть наслѣдства запродали, 3-го августа 1839 года, коллежскому ассесору Владиміру Ефимовичу Миронову, бывшему ихъ повѣреннымъ. Принося апелляціонную жалобу, просители едва ли думали, что дѣло приметъ неблагопріятное для нихъ теченіе; напротивъ, они ожидали, можетъ быть, лучшихъ результатовъ отъ взгляда высшей инстанціи и ужъ никакъ не рассчитывали, чтобы въ ихъ споръ вступило третье лицо, — казна. Но казна-то именно и предъявила свои претензіи. Калужскій губернский казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ получилъ предубѣжденіе противъ правильности преждевременнаго, по народному говору, предоставленія Медынскимъ уѣзднымъ судомъ

имѣнія Афремова упомянутымъ наслѣдникамъ. Онъ приказалъ уѣздному стряпчему собрать по дѣлу подробныя справки и, найдя представленныя наслѣдниками доказательства ихъ правъ недостаточными, предъявилъ искъ о признаніи означеннаго имѣнія выморочнымъ. 30 сентября 1840 года Ключаревъ просилъ, между прочимъ, гражданскую палату имѣніе Афремова изъ частнаго владѣнія отобрать, со всѣми доходами, и отдать въ опеку, а доходы хранить въ приказѣ общественнаго призрѣнія.

Калужская гражданская палата обратила находившееся въ ея разсмотрѣніи апелляціонное дѣло въ уѣздный судъ, предписавъ въ разсмотрѣніи доказательствъ стряпчаго Ключарева въ пользу казны и въ постановленіи вновь рѣшенія, не стѣсняясь прежнимъ, поступить по законамъ, давъ дѣлу дальнѣйшій ходъ установленнымъ порядкомъ, съ предоставленіемъ права апелляціи участвующимъ въ дѣлѣ частнымъ лицамъ. Медыньскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ вновь доказательства, представленныя повѣренными Арсеньевыхъ и Лермонтова, коллежскимъ ассесоромъ Мироновымъ, въ совокупности съ возраженіемъ губернскаго стряпчаго Ключарева, призналъ доказательства достаточными и 2-го октября 1841 года опредѣлилъ: оставивъ во владѣніи ихъ имѣніе покойнаго Афремова, наложить на оное запрещеніе, впредь до совершеннаго разрѣшенія иска въ пользу казны. Между тѣмъ, гражданская палата, не ожидая рѣшенія уѣзднаго суда, сдѣлала, въ августѣ 1841 года, суду предписаніе взять имѣніе Афремова въ вѣдѣніе опеки. Медыньскій уѣздный судъ, рѣшивъ дѣло въ пользу довѣрителей Миронова, обратился въ гражданскую палату съ вопросомъ: надлежитъ-ли, въ виду означеннаго постановленія суда, передавать спорное имѣніе въ вѣдѣніе дворянской опеки?

Палата, однако, настояла на своемъ опредѣленіи объ опекѣ, съ тѣмъ, чтобы собираемые съ имѣнія доходы отсылались въ приказъ общественнаго призрѣнія, объяснивъ при томъ, что чрезъ таковое средство наслѣдники, если за ними будетъ имѣніе окончательно утверждено, ничего не потеряютъ и могутъ впоследствии означенными доходами воспользоваться. На дѣйствія палаты и прокурорскаго надзора Арсеньевы подали въ январѣ 1842 года жалобу Правительствующему Сенату (по 7-му департаменту), а въ ноябрѣ обратились съ таковою же къ ревизовавшему въ то время Калужскую губернію сенатору, тайному совѣтнику Дмитрію Никитичу Бѣгичеву.

Въ жалобѣ своей послѣднему Арсеньевы указывали, что въ

тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учреждено управленіе государственными имуществами, всѣ обязанности казенныхъ дѣлъ стряпчихъ по отношенію къ государственнымъ имуществамъ перешли къ стряпчимъ и окружнымъ начальникамъ означеннаго управленія; что губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій принялъ на себя обязанность и власть ему неприсвоенная, при чемъ главнымъ основаніемъ къ опроверженію доказательствъ на право наследства выставилъ то, что представленныя просителями двѣ родословныя были безъ надлежащихъ удостовѣреній присутственныхъ мѣстъ и въ одной изъ нихъ не показано племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова, тогда какъ лица эти значатся по другой родословной.

Объяснивъ всѣ недостатки, по ихъ мнѣнію, въ производствѣ дѣла, Арсеньевы просили сенатора оградить ихъ въ правахъ неотъемлемой собственности, съ предоставленіемъ права распоряжаться имѣніемъ, оставивъ оное только подъ запрещеніемъ крѣпостей и сдѣлокъ, впредь до окончанія дѣла.

Разсмотрѣвъ, вслѣдствіе такой жалобы, подлинное производство объ утвержденіи Арсеньевыхъ и Лермонтова въ правахъ наследства къ имѣнію Афремова, Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ нашелъ, что „слѣдуетъ обратить вниманіе, что дѣло уже было въ разсмотрѣніи Калужской гражданской палаты и имѣніе находилось въ управленіи наследниковъ по рѣшенію судебнаго мѣста, то какимъ образомъ могли дойти свѣдѣнія до губернскаго стряпчаго; былъ ли протестъ со стороны уѣзнаго стряпчаго, или овъ по какимъ-либо другимъ основаніямъ возбудилъ опять производство дѣла, которое уже вошло въ законную силу. Надобно справиться и сообразить съ закономъ, въ какихъ именно случаяхъ и по чьему распоряженію можетъ быть возобновлено дѣло, вошедшее уже въ законную силу, и имѣетъ ли право гражданская палата возвращать апелляціонное дѣло, не входя ни въ какое разсмотрѣніе. Почему прокуроръ сдѣлалъ заключеніе свое о возобновленіи дѣла, которое рѣшено безъ всякихъ отъ кого-либо жалобъ и протеста уѣзнаго стряпчаго, этого по дѣлу не видно“.

По отношенію къ выдачѣ стряпчему свидѣтельства на переносъ дѣла сенаторъ Бѣгичевъ высказалъ свое сомнѣніе. „Правильно ли это“?—говоритъ онъ—„И можно ли возстановлять апелляцію по прошествіи установленнаго срока.—Законы о правахъ владѣнія одинаковы какъ для казны, такъ и для частныхъ людей и ежели допустить безусловно и безъ соблюденія общихъ основныхъ правилъ объ апелляціи возобновлять

дѣла, вошедшія въ законную силу, въ такомъ случаѣ никто не можетъ быть покойнымъ владѣльцемъ своего имѣнія и всякій прокуроръ и стряпчій можетъ завести въ процессъ и имѣніе подвергнуть разстройству, требуя, чтобъ оно до окончанія процесса было взято въ опекуное управленіе“.

Указаніе просителей на принятіе губернскимъ стряпчимъ на себя обязанностей стряпчаго государственныхъ имуществъ признано Бѣгичевымъ въ данномъ случаѣ не существеннымъ. „Ежели“,—говоритъ онъ,—„дѣло сіе разсматривать въ отношеніи къ правамъ апелляціи, то ни тотъ, ни другой стряпчій не могли возобновлять это дѣло по прошествіи апелляціоннаго срока“. Ссылка стряпчаго на разницу въ представленныхъ просителями родословныхъ, какъ на основаніе къ опроверженію правъ Арсеньевыхъ на наслѣдство, была признана сенаторомъ неуважительною, такъ какъ отсутствіе въ одной изъ родословныхъ имени племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова „есть дѣло постороннее между частными лицами и нисколько не можетъ служить основаніемъ къ отсужденію имѣнія въ казну“. Видя изъ дѣла, что Арсеньевыми и Лермонтовымъ были представлены, кромѣ означенныхъ родословныхъ, ревизскія сказки, исповѣдныя свидѣтельства, купчія крѣпости, дарственныя записи, раздѣльные акты и справки вотчиннаго департамента, Дмитрій Никитичъ нашель, что „всего этого по точному смыслу закона о правахъ наслѣдства слишкомъ достаточно, по основанію ст. 156 т. 10 и правъ состоянія 9 тома“. Стряпчій сослался на то, что по закону при всякомъ опредѣленіи близости родства за доказательство пріемлются приходскія (метрическія) книги и, смотря по званію лицъ, коихъ родство отыскивается, — родословныя дворянскія книги, городовыя обывательскія книги, ревизскія сказки и прочіе акты состояній, вслѣдствіе чего признавалъ представленіе метрическихъ книгъ обязательнымъ. Сенаторъ же Бѣгичевъ выразилъ, что въ законѣ того, чтобы „метрическія книги были непремѣнно представляемы и основывать только на нихъ утвержденіе правъ наслѣдства, не только не сказано, напротивъ постановлено, смотря по званію лицъ, принимать другіе документы въ основаніе“. Наконецъ, допущеніе стряпчаго къ подписанію неудовольствія на рѣшеніе уѣзднаго суда отъ 2 октября 1841 г. Д. Н. Бѣгичевъ призналъ явнымъ нарушеніемъ закона, потому что уничтожено было первое рѣшеніе суда и сдѣлано другое, противорѣчащее, а настояніе гражданской палаты о взятіи имѣнія въ опеку заставило его не мало

потрудиться для отысканія тѣхъ основаній, по которымъ палата „не разсмотрѣвъ дѣла въ существѣ его, постановила требовать, чтобы имѣніе было взято въ опеку“.

Въ то время, какъ сенаторъ Бѣгичевъ собиралъ, для выясненія дѣла, справки, пришелъ указъ Сената о взятіи имѣнія Афремова въ опеку, вслѣдствіе чего Д. Н. 17 іюля 1843 г. предписалъ Елецкому земскому суду объ объявленіи Арсеньевымъ, что за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената онъ, Бѣгичевъ, не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій по поданной ими просьбѣ объ означенномъ предметѣ, а 3 сентября предложилъ Калужской палатѣ гражданскаго суда войти въ ближайшее разсмотрѣніе и постановить законное опредѣленіе о томъ: слѣдуетъ ли сложить запрещеніе съ имѣнія Арсеньевыхъ.

Вышеупоминаемый указъ Правительствующаго Сената явился результатомъ разсмотрѣнія дѣла объ имѣніи Афремова, по поданному Александромъ Васильевичемъ Арсеньевымъ прошенію.

Арсеньевъ 5 января 1842 г. жаловался Правительствующему Сенату, во 1-хъ, на Калужскую гражданскую палату въ томъ, что она допустила стряпчаго казенныхъ дѣлъ начать искъ чрезъ 1½ года послѣ того, какъ онъ и другіе наследники были введены во владѣніе имѣніемъ Афремова, и въ противность 258 ст. 2 т. Св. Учр. губ. возвратила дѣло въ уѣздный судъ безъ разсмотрѣнія; что палата, основываясь на одномъ представленіи губернскаго стряпчаго, предписала взять имѣніе Афремова въ опеку и симъ частнымъ заключеніемъ уничтожила рѣшеніе судебного мѣста, вошедшее въ отношеніи владѣнія имѣніемъ въ законную силу; что мѣра, придуманная палатою, ограничивая ихъ право, стѣсняетъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и можетъ возродить въ крестьянахъ мысль отчужденія въ вѣдомство казны, отчего работы исполняются медленно и тѣмъ приносится ощутительный вредъ; во 2-хъ, на губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ, который дѣйствуетъ де изъ одного желанія стѣснять ихъ въ правѣ наследства и въ противность закону,—почему просилъ дать дѣлу законное теченіе, устранивъ этого стряпчаго отъ ходатайства по оному, имѣніе же возвратитъ во владѣніе его и другихъ наследниковъ.

Одновременно съ жалобою Арсеньева, въ Сенатъ были внесены рапортъ губернскаго правленія и протестъ на изложенное въ этомъ рапортѣ мнѣніе губернскаго прокурора. Губернское правленіе нашло, что не должно посылать къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ, для рукоприкладства, выписокъ

изъ дѣлъ, производящихся въ первой степени суда объ искахъ казны, потому что тяжбы о правѣ на недвижимыя имѣнія между казною и частными лицами производятся по общему порядку судопроизводства вотчинныхъ дѣлъ, а по этому порядку тяжущіеся являются по вызовамъ сами въ судъ и дѣлаютъ рукоприкладства къ выпискамъ; по дѣламъ же казны съ частными лицами въ судѣ первой степени ходатайствуютъ и выслушиваютъ рѣшенія уѣздные стряпчіе, а къ губернскому стряпчему обязанность эта отнесена тогда, когда дѣло перейдетъ въ судъ второй степени; по приведеніи же въ 1839 г. въ дѣйствіе учрежденія объ управленіи государственными имуществами, всѣ тѣ обязанности присвоены стряпчимъ палаты государственныхъ имуществъ и окружнымъ начальникамъ; слѣдовательно, отъ нихъ зависитъ, по степени производства дѣла, ходатайствовать и переводить дѣла узаконеннымъ порядкомъ, по инстанціямъ изъ одного въ другое судебное мѣсто, — почему, по мнѣнію губернскаго правленія, нельзя обвинять и подвергать высканію Мединскій уѣздный судъ въ непредставленіи выписки изъ дѣла объ имѣніи Афремова, для рукоприкладства, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ и въ необъявленіи ему рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ. Не считая, однако, себя въ правѣ оставить безъ удовлетворенія требованіе гражданской палаты, губернское правленіе представило о томъ Правительствующему Сенату, испрашивая разрѣшенія: къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство на пріобрѣтеніе имѣнія въ казну по праву выморочному, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ и окружному начальнику?

Въ протестѣ калужскаго губернскаго прокурора противъ изложеннаго заключенія было высказано: 1) что губернское правленіе, рассматривая поступокъ уѣзднаго суда, не должно было входить въ сужденіе дѣйствія равнаго мѣста, — палаты, обсудившей уже тѣ поступки; 2) что, при встрѣчѣ сомнѣнія, правленіе должно было обратиться къ 257 и 329 ст. 2 т., а не къ Правительствующему Сенату; 3) что палата государственныхъ имуществъ не можетъ ходатайствовать по этому дѣлу, ибо она защищаетъ имѣнія, уже вошедшія въ ея управленіе, настоящее же имѣніе еще не поступило въ казенное вѣдомство, а присваивается въ частную собственность, и при томъ Афремовъ умеръ въ 1837 г., когда всѣ имѣнія защищались стряпчимъ казенныхъ дѣлъ; 4) что ходатайство по сему дѣлу предостав-

лено было стряпчему казенныхъ дѣлъ гражданской палатою, въ чемъ уполномочило его и губернское правленіе 21 марта 1841 г.; 5) что дѣло это начато стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, почему онъ и обязанъ, какъ истецъ, читать выписки и быть апелляторомъ, а не окружный начальникъ и не стряпчій государственныхъ имуществъ; 6) что стряпчій казенныхъ дѣлъ доводилъ до свѣдѣнія палаты государственныхъ имуществъ дѣйствія свои и возраженія не получалъ, и что, наконецъ, онъ, прокуроръ, самъ по жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева на него и стряпчаго казенныхъ дѣлъ не получилъ отъ министра запрещеніе дѣйствовать послѣднему по сему дѣлу.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, нашель: 1) что при тѣхъ притязаніяхъ, которыя объявлены на имѣніе Афремова со стороны казны губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ и палатою государственныхъ имуществъ и которыя не были въ виду уѣзднаго суда при первоначальномъ его рѣшеніи, гражданская палата, обративъ поступившее къ ней дѣло въ уѣздный судъ къ новому рѣшенію, поступила правильно и съ закономъ согласно; 2) что при такомъ казенномъ искѣ и состоявшемся въ уѣздномъ судѣ вторичномъ рѣшеніи въ пользу частныхъ лицъ, судъ обязанъ былъ въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла соблюсти въ точности установленный въ законѣ порядокъ; отступивъ же отъ того порядка и допустивъ медленность и даже противорѣчіе въ исполненіи предписанія палаты, уѣздный судъ подвергъ себя справедливому выговору; 3) что ходатайства о правахъ казны въ дѣлахъ и недвижимыхъ имуществахъ относятся къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ, слѣдовательно, на ихъ отвѣтственности лежитъ и въ настоящемъ дѣлѣ защита казеннаго права, безъ участія въ томъ губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ; наконецъ, 4) что при слѣдственномъ ходѣ, который должно будетъ принять это дѣло, рѣшеніе судебного мѣста, подлежащее дальнѣйшей ревизіи, не можетъ быть приведено въ исполненіе, за силою 2166 ст. 10 т. св. зак. гражд., почему и имѣніе Афремова, хотя и присуждено уѣзднымъ судомъ частнымъ лицамъ, не можетъ быть имъ отдано впредь до совершеннаго окончанія сего дѣла, а должно находиться въ опекуновомъ управленіи, ибо права частныхъ лицъ на оное окончательно еще не утверждены. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ полагалъ: Калужской гражданской палатѣ предписать,

чтобъ, по выполненіи Медынскимъ уѣзднымъ судомъ апелляціоннаго обряда, какъ въ отношеніи частныхъ лицъ, такъ и казны на вышеизложенномъ основаніи, дѣло это представлено было на ревизію въ палату, которая также въ производствѣ онаго и въ дальнѣйшемъ его ходѣ обязана будетъ поступить по правиламъ 2067 ст. 10 т. и 3 прим. къ ней въ продолженіи свода. Затѣмъ, утвердивъ распоряженіе гражданской палаты о взятіи имѣнія Афремова въ опекунское управленіе, — въ жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева отказать.

На такое заключеніе Правительствующаго Сената обер-прокуроръ Дмитріевъ подалъ свое мнѣніе. Признавая опредѣленіе Сената въ отношеніи порядка производства дѣла и предоставленія защиты казеннаго права стряпчему палаты государственныхъ имуществъ правильнымъ и съ законами согласнымъ, онъ, однако, полагалъ мѣру охраненія спорнаго имѣнія ограничить положеніемъ на оное запрещенія впредь до окончательнаго рѣшенія, не подвергая его опекунскому управленію, какъ потому, что объявившіе на то имущество наслѣдственныя права подкрѣпляютъ ихъ родословными и справками вотчиннаго департамента, признанными судебнымъ мѣстомъ достаточными, такъ и по той причинѣ, что по вызовамъ чрезъ газеты въ теченіе $\frac{1}{2}$ года, кромѣ объявившихъ свои права, никто не явился, а по закону (764 ст. 10 т.) по истеченіи сего срока на лицо находящіеся наслѣдники вступаютъ во владѣніе оставшимся наслѣдствомъ; что же касается до правъ казны, то они объявлены также по прошествіи того срока и впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла могутъ быть достаточно обезпечены наложеніемъ на то имѣніе запрещенія.

Министръ юстиціи гр. В. Н. Павинъ, усматривая, что въ означенномъ дѣлѣ заключается общій вопросъ, къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство о принадлежности имѣнія въ казну, по праву выморочному, — къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ, призналъ нужнымъ опредѣленіе Сената препроводить на заключеніе министра государственныхъ имуществъ, а 11 декабря 1842 г. получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, что, по его мнѣнію, уѣздные и губернскіе казенныхъ дѣлъ стряпчіе, если по производящимся въ судебныхъ мѣстахъ дѣламъ усмотрятъ основанія къ заключенію о выморочности имѣнія, должны доводить о томъ до свѣдѣнія губернскаго прокурора, въ представляемыхъ ему по установленному порядку

вѣдомостяхъ, по соображеніи съ коими, стряпчіе государственныхъ имуществъ обязаны будутъ начать иски и имѣть въ защиту правъ казны надлежащее ходатайство.

Такое заключеніе министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева было передано гр. Панинымъ на разсмотрѣніе Сената, который, оставаясь при прежнемъ мнѣніи относительно порядка производства дѣла объ имѣніи Афремова и охраненія онаго, согласился, однако, съ министромъ государственныхъ имуществъ въ томъ, что возбужденіе ходатайствъ о правахъ казны по выморочнымъ имѣніямъ принадлежитъ къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ. О состоявшемся постановленіи Сената Калужская гражданская палата была увѣдомлена указомъ 26 мая 1843 года.

Въ этомъ порядкѣ дѣло, по апелляціонной жалобѣ окружнаго начальника, поступило вновь въ Калужскую палату гражданского суда, гдѣ была составлена изъ онаго выписка и сдѣланъ вызовъ тяжущихся къ выслужанію ея и рукоприкладству, съ назначеніемъ на явку срока. Переданная губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчому, выписка была возвращена безъ просмотра и рукоприкладства якобы по устраненію его означеннымъ выше рѣшеніемъ Сената отъ участія въ дѣлѣ. Когда же она поступила на тотъ же предметъ въ палату государственныхъ имуществъ, то и эта палата возвратила выписку, съ увѣдомленіемъ, что, за силою того же распоряженія, она поручить стряпчому государственныхъ имуществъ выслушать выписку и сдѣлать рукоприкладство не осмѣливается. Между тѣмъ, пока шла эта переписка, назначенный судебною палатою для выслушанія выписки срокъ истекъ.

Вмѣсто того, чтобы, по истеченіи срока, приступить къ рѣшенію дѣла, палата вошла, въ декабрѣ 1844 года, съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ и испрашивала разрѣшенія, кому изъ стряпчихъ слѣдуетъ выслушать выписку?

Въ маѣ 1845 года вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ 7 департаментомъ Сената, признавшимъ, что наблюденіе за этимъ дѣломъ должно принадлежать стряпчому палаты государственныхъ имуществъ.

Но въ то время, когда представленіе Калужской палаты гражданского суда находилось въ Сенатѣ еще не выслушаннымъ, а именно 26 апрѣля 1845 года, одинъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичъ Арсеньевъ, подалъ министру юстиціи просьбу объ ускореніи раз-

рѣшенія Сенатомъ упомянутаго вопроса, при чемъ въ просьбѣ этой, между прочимъ, говорилъ: „Въ самомъ началѣ сего дѣла и въ производствѣ онаго всѣ существующія, подлежащія къ дѣлу статьи закона не были исполнены въ буквальномъ ихъ смыслѣ, но вездѣ и во всякомъ случаѣ видно одно: лишить насъ неповоленнымъ образомъ имѣнія.

Имѣніе заложено бывшимъ владѣльцемъ его въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и, за неплатежъ слѣдующей ежегодно части капитала и процентовъ, подвергнуто было совѣтомъ продажѣ, но не продавалось только потому, что со стороны нашей были приняты къ тому надлежащія мѣры. Опекунъ же имѣнія, будучи обязанъ не допускать продажи, чрезъ представленіе доходныхъ денегъ, самъ прибылъ въ опекунскій совѣтъ въ день торговъ, для покупки того имѣнія. Къ тому жъ имѣніе разрушается въ составѣ господскаго строенія и не поддерживается. Оранжерея, чрезъ продажу деревьевъ, уничтожена безъ нашего согласія и даже свѣдѣнія. Хлѣбные амбары разрушились, и хлѣбъ хранится въ каретномъ сараѣ.

Что имѣніе принадлежитъ намъ, и никогда, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсуждено отъ насъ, это укажетъ самое окончаніе дѣла; но какъ въ производствѣ этого дѣла допускается весьма разительная медленность, то для окончанія онаго, судя по тому, сколько оно уже продолжается, потребны еще многіе годы, въ теченіе которыхъ, по теперешнему охраненію имѣнія, все господское строеніе разрушится, а можетъ быть и все имѣніе будетъ продано за неплатежъ въ опекунскій совѣтъ и частнымъ лицамъ долга. Слѣдовательно, мы, въ первомъ случаѣ, при возвращеніи имѣнія, должны будемъ принять развалины и на возведеніе строенія употребить многотысячную сумму, а въ послѣднемъ—должны лишиться и самаго имѣнія, потому только, что оно находится въ опекунскомъ управленіи, не имѣя даже въ виду, кѣмъ и когда мы можемъ быть удовлетворены въ потерѣ нашей. Вотъ причины, побудившія меня,—говоритъ Арсеньевъ,—обратиться къ вашему сіятельству. Взгляните на это дѣло съ какой вамъ угодно стороны, справедливы ли дѣйствія моихъ противниковъ? На чемъ основываясь, они оспариваютъ имѣніе у насъ? Вы увидите рѣзкое стѣсненіе намъ и неисполненіе законовъ. Тогда какъ наши мудрые монархи изданіемъ ихъ стараются доставить благоденствіе своимъ подданнымъ. Ваше сіятельство! вы одинъ изъ главныхъ блюстителей исполненія законовъ и дабы никто не стѣснялся судебнымъ процессомъ, подобно тому какъ мы, а по

тому я осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ обратить на это дѣло особенное вниманіе ваше и, устранивъ всякаго рода медленность, доставить окончаніе дѣлу въ кратчайшее время и тѣмъ не лишитъ насъ того, что принадлежитъ намъ по закону“.

Результатамъ просьбы было предписаніе и. д. калужскаго губернскаго прокурора „наблюсти въ гражданской палатѣ, дабы, по полученіи указа Правительствующаго Сената, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не было допущено ни малѣйшей медленности“.

Результатъ спора Арсеньевыхъ съ казною изъ-за имѣнія Афремова намъ неизвѣстенъ.

Небезынтересными, между прочимъ, являются нѣкоторыя бумаги, входящія въ составъ описаннаго дѣла. Такъ, напримѣръ, донесеніе калужскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго Ключарева прокурору отъ 11 апрѣля 1841 г., въ которомъ онъ противъ прошенія А. В. Арсеньева говоритъ: „чтобы показать всю затѣянность въ дѣлѣ Арсеньева и Миронова, столько увлекшихся неумѣренными выраженіями на справедливое пріобрѣтеніе казны по праву выморочному имѣнія, которое будто бы Арсеньевъ получилъ по правамъ законовъ, смѣло принимаю на себя обязанность уличить его въ явномъ обманѣ. Это доказывается тѣмъ: 1) что на наслѣдство послѣ Афремова объявили права не одни Арсеньевы и Лермонтовъ, но еще маіоръ Николай Петровъ Афремовъ, который, не прося отдать ему имѣнія вотчинника, обѣщался представить доказательства, однако таковыхъ не представилъ; впрочемъ, на основаніи 10 т. Св. зак. 767 ст., имѣетъ десятилѣтній срокъ. Арсеньевы же, подобно однофамильцу Афремову, не представивъ никакихъ доказательствъ о родствѣ своемъ съ покойнымъ вотчинникомъ, просили отдать имъ имѣніе его и получили. Это, по мнѣнію г. Арсеньева, Медынскій уѣздный судъ поступилъ законно. 2) г. Арсеньевъ пишетъ, что дѣло его священно по совѣсти и закону; но изъ обстоятельствъ того дѣла ясно видно, что онъ получилъ съ прочими наслѣдниками имѣніе Афремова безъ представленія доказательствъ, тогда какъ непременно былъ обязанъ предварительно доказать близость родства метрическими свидѣтельствами и дворянскими родословными книгами. Изъ сего рождается вопросъ: развѣ преслушаніе законовъ есть дѣло священное? 3) Не вмѣшался я въ дѣло о имѣніи Афремова, какъ выразился г. Арсеньевъ въ извѣтѣ своемъ, а началъ искъ въ пользу казны на основаніи 727 ст. 10 тома, по непредставленію Арсеньевыми и Лермонтовымъ о родствѣ съ вотчинникомъ Афремовымъ доказательства, которыя должны

быть тѣмъ болѣе пояснены, что они ведутъ родство свое въ боковой линіи по женскому колѣну. 4) О приобрѣтеніи въ казну имѣнія Афремова по праву выморочному я знакомымъ моимъ не рассказывалъ, равно и повѣренному Арсеньева Миронову; но, дабы напрасно не войти въ производство иска, любопытствовалъ у судьи Медынскаго уѣзднаго суда относительно справедливости отдачи онымъ судомъ имѣнія, но былъ обмануть его увѣреніемъ; и этотъ разговоръ, вѣроятно, былъ переданъ судьей совѣтнику губернскаго правленія Миронову, по короткому ихъ знакомству. 5) Арсеньевъ выказываетъ повѣреннаго своего хорошо и десятки лѣтъ извѣстнымъ въ безпристрастіи.

Напротивъ, по дѣламъ, производимымъ въ Орловской уголовной палатѣ, по бытности Миронова елецкимъ уѣзднымъ стряпчимъ, онъ извѣстенъ съ другой стороны; да и жители Калужской губерніи знаютъ качество сего чиновника, а особенно по иску купеческой вдовы Натальи Макаровой, производящемуся въ Калужскомъ уѣздномъ судѣ, о заложенномъ ему, Миронову, за 3 т. руб. жемчугъ, цѣнимомъ ею въ 12 т. руб., означеннымъ судомъ, согласно опредѣленію его, Мироновъ требуется въ оный для говоренія суда по формѣ, но оказываетъ уклоненіе отъ явки на судъ. Для убѣжденія же въ истинѣ сказаннаго, можетъ служить настоящее дѣло еще сильнѣйшимъ доказательствомъ: а) совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ купилъ у Арсеньевыхъ и Лермонтова такое имѣніе, которое, по праву выморочному, можетъ поступить въ казну; б) сдѣлался повѣреннымъ въ такомъ дѣлѣ, которое производится въ мѣстѣ его служенія; в) учинилъ противозаконную сдѣлку съ опекуномъ Вельяшевымъ, который избличался, вмѣстѣ съ засѣдателемъ Медынскаго уѣзднаго суда Дурновымъ, въ злоупотребленіяхъ по имѣнію Афремова; о чемъ, по замѣченнымъ Калужскою гражданскою палатою противозаконнымъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе требованія ея губернскимъ правленіемъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій г. гражданского губернатора Тобіасъ для изслѣдованія оныхъ, не сдѣлано ли что имъ,—миѣ неизвѣстно; д) далѣе, Мироновъ получилъ отъ него же, опекуна, положенный Правительствующимъ Сенатомъ на покойнаго Афремова штрафъ, слѣдующій въ казну, и онаго до сего времени не внесъ. Развѣ все сіе означаетъ безпристрастіе Миронова. 6) Арсеньевъ поставляетъ въ обвиненіе миѣ то, что начинать иски о выморочныхъ имѣніяхъ есть дѣло стряпчаго палаты государственныхъ имуществъ; но это обвиненіе неумѣстно потому, что казенныхъ дѣлъ стряпчій не устраненъ отъ

участія въ дѣлахъ казны; напротивъ, обязанность его состоитъ въ защищеніи правъ казны, сколько по должности, столько по вѣрноподданнической присягѣ. Притомъ Арсеньевъ считаетъ себя въ семъ дѣлѣ совершенно правымъ, то отчего же онъ убѣгаетъ ходатайства моего по сему дѣлу и представленія узаконенныхъ доказательствъ,—чрезъ что, само собою разумѣется, разрѣшилось бы всякое сомнѣніе, а безъ представленія оныхъ имѣнія получить не возможно, поелику оное будетъ слѣдовать, по праву выморочному, въ казну. Какія же Арсеньевъ представилъ доказательства, имѣющія силу 156 ст. 10 тома, я отъ гражданской палаты свѣдѣнія не имѣю, но безошибочно могу заключить, что если бы оныя были представлены въ палату, то какое было бы основаніе со стороны оной исполнить мое требованіе и предоставить опредѣленіемъ своимъ означенному дѣлу ходъ, установленный между частными людьми и казною.

Впрочемъ, справедливо кажется то только, что безпристрастный Мироновъ написалъ Арсеньеву, — почто имъ пропущенъ въ родословной внукъ Лермонтовъ, это обстоятельство, по его мнѣнію, не рождаетъ никакого сомнѣнія въ настоящемъ дѣлѣ и не давало мнѣ права заключать, что имѣніе можетъ быть выморочное, и поэтому не слѣдовало мнѣ начинать иска. Каково сужденіе его въ отношеніи къ своему интересу! И по всей справедливости долженъ теперь согласиться, что при исполненіи моемъ строго воли законовъ, ему, дѣйствительно, нуженъ по дѣлу сему такой назидатель, который бы волю и мнѣніе его считалъ священными, какъ и самую волю законовъ, да способствовалъ Миронову дѣлать подобнаго рода неблаговидныя спекуляціи. 7) Настоящее прошеніе есть произведеніе одного и того же повѣреннаго Миронова; истина сего доказывается тѣмъ: а) что прошеніе его сіятельству (министру юстиціи гр. Панину) переписывалъ служащій въ Калужскомъ губернскомъ правленіи губернской регистраторъ Алексѣй Михайловъ сынъ Рыковъ, тотъ самый, который переписывалъ вашему высокоблагородію (прокурору) отъ повѣреннаго Миронова два прошенія по сему же дѣлу. Извольте сообразить духъ тѣхъ прошеній съ поданнымъ на имя его сіятельства и вы, вѣрно, найдете одинъ и тотъ же, б) что отношеніе мое Калужской палатѣ государственныхъ имуществъ, пущенное отъ 22-го января сего года за № 19, которымъ я отзывался ей представлять доказательства мои въ семъ дѣлѣ, по тому уваженію, что оныя обязаны представить Арсеньевы и Лермонтовъ, а мое дѣло есть

повѣрить оныя, сдѣлалось уже извѣстнымъ такъ скоро г. Арсеньеву, живущему Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздѣ, и что онъ въ поданномъ къ его сіятельству прошеніи успѣлъ все помѣстить и прошеніе сіе 19-го февраля получено уже въ С.-Петербургѣ. Какимъ образомъ могъ Арсеньевъ собрать всѣ эти свѣдѣнія въ короткое время, не имѣя для сего особаго сотрудника, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ ни кто иной, какъ повѣренный его совѣтникъ губернскаго правленія Мионовъ; но какъ и сей послѣдній могъ получить означенное свѣдѣніе? Я остаюсь въ семъ случаѣ въ молчаніи. Одно лишь скажу, что ему палатою государственныхъ имуществъ, какъ извѣстно мнѣ, въ списаніи копій съ моихъ отношеній было отказано формально. 8) Личностей я съ Мионовымъ никакихъ не имѣлъ, и если знаю его, то какъ чиновника по службѣ, но отъ связей знакомства моего съ нимъ всегда былъ далекъ; слѣдовательно, какимъ образомъ могла возродиться во мнѣ мысль, столь чуждая каждаго благонамѣреннаго человѣка, къ мщенію за то только, что Мионовъ сдѣлался повѣреннымъ штабсъ-капитана Арсеньева и что онъ съ братьями продалъ ему имѣніе? Здѣсь нѣтъ никакого повода съ моей стороны къ принятію столь гнусныхъ мѣръ, совершенно чуждыхъ по характеру моему; но что Мионовъ, встрѣтивши въ предпринятой имъ операціи относительно покупки имѣнія Афремова препятствіе и что мною уже открыты всѣ противозаконныя его спекуляціи, правдоподобіе имѣлъ причину питать ко мнѣ злобу и собственно, смѣю уже сказать, изъ мщенія составилъ изъ ложныхъ заключеній для г-на Арсеньева прошеніе, оставаясь въ ложномъ убѣжденіи, что онъ можетъ поселить въ начальствѣ моемъ невыгодное обо мнѣ имѣніе; приписавъ наконецъ высшей степени оскорбленія для гг. Арсеньевыхъ изъявленное мною на судью Медынскаго уѣзднаго суда г. Дурново и секретаря Чернышева подозрѣніе; но это обстоятельство основано было на извѣстности мнѣ короткаго знакомства оныхъ лицъ съ Мионовымъ, по случаю состоянія у него въ томъ же уѣздѣ имѣнія, а не менѣе того и на преждевременной отдачѣ ими Арсеньевымъ и Лермонтову имѣнія Афремова, безъ доказательствъ, положенныхъ 156 ст. 10 т. Свода Гражд. законовъ; какія же полагаетъ г. Арсеньевъ употребленныя мною фразы обидными для него и повѣреннаго Мионова, того въ просьбѣ своей его сіятельству не объяснилъ; съ моей же стороны вся переписка заключалась въ томъ: а) что имѣніе Афремова отдано Арсеньевымъ и Лермонтову безъ представленія законныхъ

доказательствъ. Это есть сущая справедливость! б) что имѣніе сіе слѣдуетъ по-прежнему подвергнуть вѣдомству дворянской опеки. Это необходимо! в) что оно до представленія положенныхъ вышеозначенною статьею доказательствъ есть выморочное, по разуму 727 ст. того же тома. Это неспоримо и д) что Мироновъ обязанъ внести въ казну штрафныя деньги, полученные имъ отъ опекуна Вельяшева. Въ этомъ всякій долженъ быть увѣренъ, безъ убѣжденія моего! Что же въ сей перепискѣ есть обиднаго? я понять не могу. 9) Я не придумывалъ начать искъ въ семь дѣлъ, но былъ къ этому обязанъ моею должностію,—для чего же бы иначе казна имѣла своего стряпчаго, какъ не для соблюденія правъ и пользы ея? Но г-нъ Арсеньевъ выразился, будто бы я, чрезъ начатіе иска по сему дѣлу, вышелъ изъ предѣловъ моей обязанности, власти и даже удалился отъ исполненія силы закона. Это сказано имъ весьма много! Я, по мнѣнію повѣреннаго Миронова, въ продолженіе всѣхъ моихъ дѣйствій нарушилъ одну только форму, что вмѣсто иска, предъявилъ чрезъ уѣзднаго стряпчаго мое неудовольствіе на послѣдовавшее уже неправильное рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда по означенному дѣлу, а по отказу того суда я не медля обратился съ жалобою въ Калужскую палату гражданскаго суда на невыдачу мнѣ уѣзднымъ судомъ свидѣтельства на право апелляціи, равно какъ съ предъявленіемъ претензіи о обращеніи того имѣнія въ казну по праву выморочному и взятіи онаго въ завѣдываніе опеки. Не тотъ ли же самый ходъ, если бы я обратился въ вышеозначенный судъ съ своимъ искомъ,—ибо доказательство съ моей стороны одно и то же, что имѣніе Афремова преждевременно отдано Арсеньевымъ, безъ предъявленія законныхъ правъ на пріобрѣтеніе сего наслѣдства. Слѣдовательно, какое я сдѣлалъ отступленіе отъ порядка законнаго и чѣмъ стѣснилъ права собственности ихъ? Онъ получилъ имѣніе Афремова съ наслѣдниками по однѣмъ разнорѣчивымъ родословнымъ, самымъ имъ съ прочими подписаннымъ, а между тѣмъ безъ всякаго основанія присвоили себѣ право оскорблять честь людей, обязанныхъ по должности своей имѣть наблюденіе за подобными дѣлами; и почему именно участіе мое въ настоящемъ дѣлѣ кажется имъ излишнимъ,—не понимаю! По мнѣнію моему, для праваго со стороны казны ходатайства все равно, чье бы оно ни было, ибо его ограждаетъ законъ. Если же повѣренный г-на Арсеньева, совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ, остается въ томъ убѣжденіи, что открывать иски для пользы казны не входитъ въ составъ

должности губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, то противу сего остается сказать одно только, что защищать права казны входитъ въ составъ обязанностей всякаго вѣрноподданнаго, а ватмевать въ подобныхъ случаяхъ истину, какъ позволилъ себѣ г. Мионовъ, занимающій столь значительную въ общемъ губернскомъ управленіи должность, есть дѣло, по мнѣнію моему, противное и долгу и совѣсти“.

Въ рапортѣ министру юстиціи гр. Панину, отъ 18-го мая 1841 года № 98, калужскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ, указывая, что имъ получена копія съ договора Миорова съ Арсеньевымъ и Лермонтовымъ о продажѣ послѣдними первому имѣнія, и представляя эту копію въ министерство, говорилъ: „рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда, по которому отдано Арсеньевымъ и Лермонтову то имѣніе, состоялось 15-го марта 1839 года, а 3-го августа они продали его Мионову, тогда какъ рѣшеніе не пришло еще въ законную силу и повѣренный ихъ Мионовъ изъявилъ на оное неудовольствіе и подалъ въ Калужскую палату гражданскаго суда апелляціонную жалобу; съ сего договора 4⁰/₀ пошлинъ не взято, но покупательъ Мионовъ, въ качествѣ повѣреннаго, доселѣ управляетъ тѣмъ имѣніемъ полновластно и безотчетно, несмотря на требованіе мое отъ гражданской палаты и мѣстнаго уѣзднаго суда о взятіи того имѣнія, по-прежнему, въ вѣдѣніе дворянскій опеки; Мионовъ обявался заплатить лежащія на имѣніи долги, и нѣкоторые уже перевелъ на свое имя, а другіе, какъ равно и казенное взысканіе, донинѣ не заплатилъ, чѣмъ самымъ обременяетъ имѣніе накопленіемъ процентовъ, а мѣстный уѣздный судъ и Калужское губернское правленіе, производя переписку, не принимаютъ рѣшительныхъ мѣръ къ удержанію Миорова отъ злоупотребленій во вредъ казны“.

Приводимъ текстъ договора, записаннаго въ крѣпостную книгу подъ № 89-мъ.

„1839 г. августа 3 дня. Генералъ-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевъ дѣти Арсеньевы, Смоленскаго уланскаго полка юнкеръ Николай Дмитріевъ Арсеньевъ, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Михайла Юрьевъ сынъ Лермонтовъ заключили сей договоръ съ коллежскимъ ассесоромъ Владиміромъ Ефимовымъ сыномъ Мионовымъ, въ томъ, что мы доставшееся намъ по праву наслѣдства отъ умершаго гвардіи поручика Василя Ларіонова сына Афремова, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда, село Дерново,

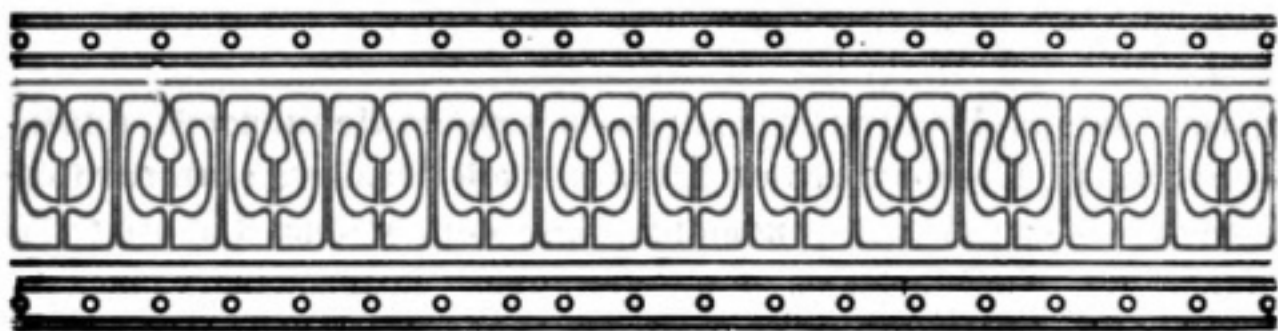
заключающеся изъ дворовыхъ людей и крестьянъ 168 душъ, со всею къ онымъ землею по крѣпостнымъ актамъ и по генеральному размежеванію всѣми угодьями, какъ-то: лѣсомъ, прудомъ, рѣкою, мельницею, господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ—и сихъ послѣднихъ всякаго рода имуществомъ, господствомъ, господскою усадьбою и садами, и всѣмъ тѣмъ движимымъ имѣніемъ, какое осталось по немъ, со всѣми исками въ пользу умершаго Афремова, а по немъ намъ, и съ тѣми исками, какіе оказаться могутъ на опекунѣ, управлявшемъ тѣмъ имѣніемъ, унтеръ-офицерѣ Николаѣ Петровѣ Вельяшевѣ, продали ему, г. Миронову, за 84.000 ассигнаціями, съ переводомъ долга московскому опекунскому совѣту, какой окажется по настоящее число, и съ платежемъ извѣстныхъ намъ долговъ покойнаго Афремова, а именно: артиллеріи прапорщицѣ Елисаветѣ Рыбниковой, по заемному письму 9 декабря 1882 года. 2.000 рублей, ротмистру Василию Дурнову 5 августа 1827 г., 2.500 рублей, фейерверкершамъ 3 класса Аниѣ Ягуновой, 1 февраля 1836 г., 5.000 руб., штабсъ-капитаншѣ Аниѣ Козловой, 19 апрѣля 1835 г., 2.126 руб. 3 коп., калужскому купцу Дмитрію Посанцеву по счету 216 руб. 80 коп. ассигнаціями, если на оныя нѣтъ законныхъ опроверженій къ платежу, а затѣмъ остальные деньги заплатить ему, Миронову, намъ, Арсеньевымъ и Лермонтову, при написаніи сего условія 10.000 руб. ассигнаціями, и потомъ, за уплатою или переводомъ долговъ опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, по расчету при совершеніи купчей. Я же, Мироновъ, соглашаясь на сіе, предоставляю себѣ право заплатить по расчету долги опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, остальную сумму господамъ Арсеньевымъ и Лермонтову. Но прежде совершенія купчей, по утвержденіи сего условія явкою въ надлежащемъ мѣстѣ, обязуемся мы, Арсеньевы, Лермонтовъ и Мироновъ, просить опекунскій совѣтъ о согласіи на совершеніе купчей въ непродолжительномъ времени, и затѣмъ условіе сіе хранить во всякомъ случаѣ свято и ненарушимо и нигдѣ объ уничтоженіи онаго не просить; въ противномъ же случаѣ, кто если начнетъ изъ насъ, Арсеньевыхъ и Лермонтова, или наслѣдниковъ нашихъ о семъ дѣло, или г. Мироновъ и по немъ наслѣдники его, то тотъ обязанъ заплатить неустойку 50.000 руб. ассигн., и затѣмъ условію сему имѣть опредѣленную силу. Подлинное условіе должно быть изъ насъ у Миронова, а копія у Арсеньева и Лермонтова. Къ сему условію штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ за себя и по довѣренностямъ ге-

нераль-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василя, подполковника Григорія, маіора Никиты Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сему условію коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ сынъ Мироновъ руку приложилъ. 1839 года августа 3 дня, Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ сіе условіе явлено и въ книгу подлинникомъ подъ № 89 записано. Пошлинъ съ акта 10 руб. взято. Засѣдатель дворянства Цѣлыковскій, секретарь Почтеновъ, губернский регистраторъ Королевъ. Къ сей запискѣ штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ, за себя и по довѣренностямъ генераль-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василя, подполковника Григорія, маіора Николая Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго Уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сей запискѣ коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ Мироновъ руку приложилъ, а условіе къ себѣ получилъ того жъ числа.

Съ подлиннымъ вѣрно: секретарь Почтеновъ, повытчикъ Цѣлыковскій.

Н. А. Мурзановъ.

Изъ „Записокъ“ графа Ѳ. Г. Головкина.

Графъ Ангальтъ ¹⁾.

Ангальтъ, гр. Фридрихъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ Фридриха Великаго, который считалъ его первокласснымъ тактикомъ и котораго онъ уступилъ саксонскому двору, какъ человекъ, въ преданности котораго онъ былъ твердо увѣренъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію и былъ принятъ придворными, какъ богъ Марсъ. Онъ получилъ почти одновременно чинъ генералъ-поручика арміи и званіе генералъ-адъютанта Ея Величества и Андреевскую ленту.

Честъ быть родственникомъ, хотя довольно отдаленнымъ, Императрицы Екатерины ²⁾ и репутація, которую онъ пріобрѣлъ, дѣлали совершенно естественнымъ такіе знаки милости.

Между тѣмъ, будучи совершенно незнакомъ съ русскими нравами, Ангальтъ желалъ сдѣлаться популярнымъ еще не научившись русскому языку, и сталъ смѣшнымъ еще раньше, чѣмъ пріобрѣлъ уваженіе. Его длительные разговоры и тяжеловѣсная любезность, мало звойственная русскимъ, давали гвар-

¹⁾ Графъ Фридрихъ (Федоръ Евстафьевичъ) Ангальтъ, дальній родственникъ императрицы Екатерины II, урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, род. 1732, умеръ 1794 г. Онъ пріобрѣлъ особую извѣстность, какъ директоръ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, своимъ гуманнымъ взглядомъ на воспитаніе и любовью къ дѣтямъ. Желчный и насмѣшливый, гр. Ѳ. Г. Головкинъ отмѣчаетъ въ „Запискахъ“ своихъ преимущественно отрицательныя свойства Ангальта. Въ исторіи шляхетнаго корпуса время управленія гр. Ангальта было золотымъ вѣкомъ.

²⁾ Онъ былъ сынъ наследнаго принца Ангальтъ-Дессаускаго Вильгельма-Густава отъ морганатическаго брака съ дочерью пивовара Герре (Herre).

дейскимъ офицерамъ, которыхъ онъ во время своего дежурства при дворѣ приводилъ въ отчаяніе частыми обходами по прусскому образцу и наставленіями, поводъ выдумывать на его счетъ смѣшные анекдоты. Потемкинъ, который вообще покровительствовалъ иностранцамъ, за исключеніемъ военныхъ, потому что его собственныя военныя заслуги были ничтожны, подшучивалъ надъ нимъ до крайности, и даже Государыня, всегда поддерживавшая его, смѣялась отъ души, когда позволяли себѣ рассказывать при ней объ Ангальтѣ. Большое легкомысліе, а также необыкновенное самомнѣніе Ангальта совершенно унизили этого достойнаго человѣка, котораго смѣшная важность, тяжеловѣсная бесѣда и нѣмецкій акцентъ и безъ того лишали всякаго уваженія. Когда открылась война съ Швеціей, графъ Ангальтъ упорно отказывался служить подъ начальствомъ кого-либо. Онъ хотѣлъ получить санъ главнокомандующаго, который онъ, можетъ быть, и заслуживалъ. Несмотря на полученный отказъ, Ангальтъ не переставалъ просить объ этомъ назначеніи, и такъ какъ директоръ сухопутнаго кадетскаго корпуса, графъ де-Бальмень отправлялся въ дѣйствующую армію, то и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы назначить Ангальта на его мѣсто. Однажды, когда Ангальтъ былъ дежурнымъ при Императрицѣ, онъ отправился осматривать корпусъ и потерялъ свою трость, бывшую принадлежностью генераль-адъютантскаго званія и знакомъ власти почти неограниченной въ дворцовомъ обиходѣ. Всѣ поиски были тщетны; но спустя нѣкоторое время, трость эту принесъ лодочникъ, перевозившій графа черезъ Неву и нашедшій ее въ своей лодкѣ. Это событіе произвело при дворѣ больше шума, чѣмъ измѣна отечеству.

Добродушный генералъ былъ очень доволенъ возможностью царствовать въ своемъ заведеніи будущихъ героевъ, но выказалъ даже въ этомъ случаѣ такую мелочность и педантичность, что истинныя свойства его ума и сердца оставались незамѣтными для людей, мало его знавшихъ. Въ обществѣ появились его рѣчи къ ученикамъ, похожія скорѣе на проповѣди, чѣмъ на разговоры начальства съ учениками; появились отчеты о числѣ дверей и оконъ и даже въ училищѣ „говорящая стѣна“ или собраніе изреченій, которыя онъ писалъ на стѣнахъ корпуснаго сада. Должность президента экономическаго общества въ Петербургѣ, а также участіе въ занятіяхъ различныхъ академій, сдѣлали его общество совершенно невыносимымъ для тѣхъ, кто придаетъ болѣе значенія внѣшности, чѣмъ внутреннему достоинству человѣка. А такъ какъ такіе люди состав-

ляютъ, къ несчастію, девять десятыхъ всего общества, то этотъ честный человѣкъ, со здравымъ умомъ и неутомимымъ трудолюбіемъ, сдѣлался посмѣшищемъ для высшаго общества и бичемъ для своихъ подчиненныхъ. Слова: „смѣшенъ, какъ графъ Ангальтъ“ стали поговоркой.

Дѣйствительно, онъ иногда съ самымъ скромнымъ видомъ говорилъ двусмысленныя вещи. Графъ Иванъ Салтыковъ, получивъ командованіе арміей въ Лифляндіи, часто повторялъ безъ всякаго повода: „Я порядкомъ поколочу пруссаковъ“. Однажды, когда онъ произнесъ это оригинальное изреченіе, графъ Ангальтъ закричалъ ему въ присутствіи двора: „Ахъ, генераль другіе великіе люди выражались не такъ: принцъ Евгенийъ сказалъ о французскихъ генералахъ: „если это Вилльруа, то я его побью, если Вандомъ, то мы поборемся, если Катина, то я самъ буду разбить“.

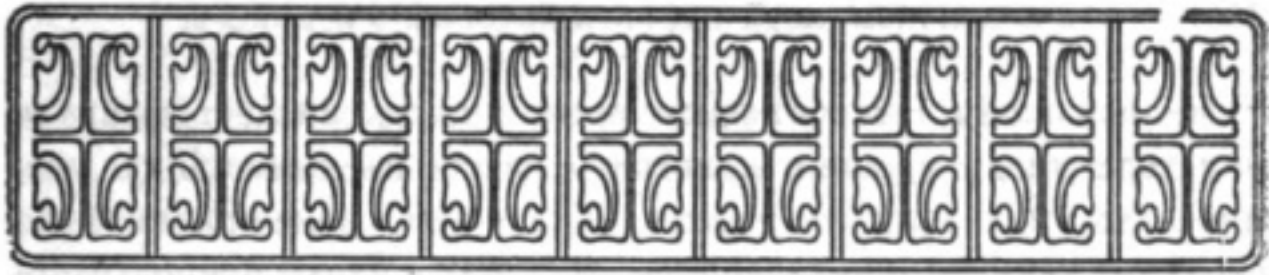
Другой разъ, когда онъ разговаривалъ послѣ обѣдни съ г. Эстергази объ Императрицѣ, оберъ-шенкъ Нарышкинъ прервалъ ихъ разговоръ шуткой: „Знаете ли, что я началъ свою карьеру лейтенантомъ корабля?“ „Ахъ, сударь, изъ-за этого не стоило прерывать насъ. Вы сдѣлали, какъ всѣ: вы начали съ воды, а кончили грязью“.

Послѣ французской революціи, французскіе дворяне искали себѣ мѣста въ Россіи, но то, что было легко до казни короля, сдѣлалось затруднительнымъ послѣ этого событія. Одинъ 17-лѣтній молодой человѣкъ, ученикъ военной школы, виконтъ де-Ламоть-Барасе написалъ изъ Альтоны трогательное письмо графу Ангальту, въ которомъ называлъ его благодѣтелемъ молодежи и съ восхищеніемъ вспоминалъ о „говорящей стѣнѣ“. Задѣтый за слабую струнку, графъ собралъ всѣхъ кадетъ, прочиталъ имъ, рыдая, письмо и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не былъ посланъ приказъ о принятіи де-Ламота на первый же пароходъ отправлявшійся изъ Гамбурга къ берегамъ Невы.

Графъ Ангальтъ умеръ на своемъ посту въ 1794 году все такимъ же смѣшнымъ, но уважаемымъ человѣкомъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ ¹⁾).

Высочайше утвержденнымъ уставомъ 1833 года на русскій языкъ въ гимназіяхъ Царства Польскаго назначено было въ филологическомъ отдѣленіи 24 полутора-часовыхъ урока, т. е. 36 часовъ, а въ техническомъ 21 урокъ, т. е. 31 часъ въ недѣлю; почти такое же число уроковъ назначено было и на польскій языкъ. По уставу 1840 года число уроковъ русскаго языка сокращено было до 33 часовъ въ недѣлю. Такимъ образомъ, съ самаго начала реформъ въ Царствѣ Польскомъ русскому языку было придано значеніе, какъ языку государственному. Подъ вліяніемъ печальныхъ событій 1861—1863 годовъ въ Царствѣ Польскомъ, по инициативѣ графа Велепольскаго былъ выработанъ Высочайше утвержденный 8-го мая 1862 года уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ. По уставу 1862 года въ гимназіяхъ вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ; число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 на 14; всѣ уроки русскаго языка отнесены на послѣобѣденное время; преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; въ I и II классѣ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

Въ 187³/₄ учебномъ году къ классическимъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа примѣненъ Высочайше утвержденный 30 іюля 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и съ этого времени началось преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ на основаніи новаго устава, коимъ по числу уроковъ польскій языкъ былъ поставленъ въ то же положеніе, въ какое уставомъ 1862 года былъ поставленъ русскій языкъ.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1914 г.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія въ 28 день февраля 1882 года число уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ увеличено до 19 часовъ въ недѣлю; но поляки, конечно, не были довольны такимъ увеличеніемъ и постановкою преподаванія польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа; не былъ доволенъ и варшавскій генераль губернаторъ Гурко, и на этой почвѣ между нимъ и попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтинымъ возникли пререканія, сущность которыхъ сдѣлалась извѣстной полякамъ, послѣ того, какъ въ Варшавѣ были распространены копіи изъ Высочайшаго отчета Гурко за 1890 годъ, кѣмъ-то выкраденнаго и отпечатаннаго въ Лондонѣ. Свѣдѣнія объ этомъ разногласіи между генераль губернаторомъ и попечителемъ округа были опубликованы также въ „Очеркахъ Привислиня“. Преемники Гурко и Апухтина генераль-губернаторъ князь Имеретинскій и попечитель Лисинъ были сторонники расширенія правъ поляковъ, поэтому первымъ дѣломъ обоихъ было ходатайство о болѣе удовлетворительной постановкѣ преподаванія польскаго языка, и Высочайшимъ повелѣніемъ въ 22 день февраля 1899 года преподаваніе польскаго языка было уравнено съ иностранными языками, именно разрѣшено преподавателямъ польскаго языка объясняться съ учениками по-польски въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо по соображенію съ интересами преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ приняты мѣры къ расширенію программы преподаванія польскаго языка и литературы: попечителемъ предложено было педагогическимъ совѣтомъ гимназій выработать программу польскаго языка и литературы и составить списки литературныхъ произведеній для класснаго чтенія, разбора и заучиванія наизусть. Подъ руководствомъ директора, въ Радомской гимназій работала комиссія, составлявшая программу польской литературы. Я самъ видѣлъ, какую трудность представляла выработка подобной программы. Польская литература второй половины восемнадцатаго вѣка и девятнадцатаго вѣка въ столь значительной степени проникнута тенденціозностью, глубокимъ польскимъ патріотизмомъ, а часто прямою ненавистью къ Россіи и ко всему русскому, что выборъ поэтическихъ произведеній, удовлетворяющихъ художественнымъ требованіямъ и чуждыхъ узкой тенденціозности, представлялъ громадныя затрудненія. Въ Варшавѣ же, въ комитетѣ, образованномъ попечителемъ—при учебномъ округѣ и состоявшемъ изъ преподавателей польскаго языка въ Варшавскихъ учебныхъ

заведеніяхъ окончательныя выработка программы сопровождалась страстными спорами и горячностію дебатовъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, при чемъ споры отличались не только страстностію, но и рѣзкостью сужденій, такъ какъ поляки въ это время находились въ возбужденномъ состояніи и были окрылены надеждами и упованіями, тѣмъ болѣе, что обсужденіе программъ совпало съ временемъ открытія въ Варшавѣ памятника великому польскому національному поэту Мицкевичу, который до этого времени, въ значительной части своихъ поэтическихъ произведеній и по многимъ фактамъ своей эмигрантской жизни, находился подъ запретомъ.

Открытіе памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, 11 декабря 1899 года, воодушевляло поляковъ въ такой степени, что, кажется, варшавская администрація имѣла основаніе раскаяваться въ томъ, что разрѣшила постановку памятника Мицкевичу. Въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, сильно опасались беспорядковъ въ день открытія памятника, поэтому программа торжества была сужена до крайности и были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожностей, благодаря которымъ, можетъ быть, и не было особыхъ инцидентовъ при открытіи памятника. За нѣсколько дней до открытія памятника были весьма осторожно разносимы по домамъ и квартирамъ и совались въ двери и въ ящики у дверей прокламаціи, съ приглашеніемъ собраться во время открытія памятника, на углу улицы Сольцы и Іерусалимской аллеи. Но изъ этого приглашенія ничего не вышло, ибо полиціей были приняты мѣры. Громадная толпа студентовъ, душъ 500 — 600, медленно надвигавшаяся по Новому Свѣту, по направленію къ памятнику, съ цѣлію очевидно произвести демонстрацію, была во-время разсѣяна полиціей. Видимо предполагалось собрать депутатовъ отъ Варшавскихъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній, благо открытіе памятника совпало съ началомъ рождественскихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ. У учениковъ Радомской гимназіи въ это время обнаружилось сильное желаніе, по важнымъ и неотложнымъ обстоятельствамъ, ѣхать въ Варшаву, какъ разъ ко дню открытія памятника Мицкевичу; но такъ какъ предписано было не отпускать въ Варшаву учениковъ безъ уважительной причины и безъ сопровожденія ихъ родителями, то разрѣшенія на поѣздку не давались; но, несмотря на это, два ученика, изъ коихъ одинъ еврей, побывали въ Варшавѣ въ качествѣ депутатовъ, что въ виду близости разстоянія между Варшавой и Радомомъ было легко осуществить. Стремленіе поляковъ имѣть,

при открытіи памятника Мицкевичу, представителей отъ Радома, тѣмъ болѣе понятно, что въ дѣлѣ возбужденія вопроса о постановкѣ этого памятника Радомъ игралъ выдающуюся роль. „Gazeta Radomska“ первая возбудила вопросъ о постановкѣ памятника національному польскому поэту Мицкевичу; эта же газета смѣло, но неудачно подняла вопросъ о реставраціи находящагося въ Радомской губерніи памятника Костюшко. Въ день открытія памятника Мицкевичу полиціи въ Варшавѣ было чрезвычайно много; по дворамъ домовъ, на улицахъ Трембацкой, Краковскому предмѣстью и другимъ, были размѣщены казацкія сотни; за день до открытія памятника, въ самый день открытія и послѣдующіе два—три дня съ утра до глубокой ночи гуляли по Варшавѣ военные отряды. Самое открытіе памятника послѣдовало ровно въ 10 часовъ утра и ограничилось религіознымъ торжествомъ освященія памятника и возложеніемъ вѣнковъ у подножія его. Ни пѣнія, ни рѣчей не было. Сенкевичъ хотѣлъ было сказать рѣчь; цензура заставляла его четыре раза передѣлывать рѣчь, и въ результатѣ власти все-таки не дали разрѣшенія на произнесеніе ея. Овацій также предъ памятникомъ никакихъ не было; даже въ тотъ моментъ, когда съ памятника спало покрывало и обнаружилась статуя Мицкевича, не раздалось ни одного звука, послѣдовало чисто гробовое молчаніе. Предполагавшійся послѣ открытія памятника въ домѣ Кроненберга обѣдъ, прибыть на который далъ свое согласіе князь Имеретинскій, не состоялся. Манифестаціи при открытіи памятника можно было ожидать прежде всего со стороны учащейся молодежи, которая къ концу девятидесятихъ годовъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ Варшавскомъ университетѣ, открыто водновалась и демонстрировала.

За годъ до открытія памятника Мицкевичу, въ Варшавскомъ университетѣ произошла шумная демонстрація, на политической почвѣ, противъ профессоровъ Зилова и Филевича. Означенные профессора провинились противъ поляковъ тѣмъ, что въ день открытія въ Вильнѣ памятника Муравьеву, послали изъ Варшавы комитету по устройству памятника привѣтственную телеграмму.

Демонстрація сперва произошла на лекціи Филевича; начался свистъ, шиканье, площадная брань и крики: „пошелъ вонъ“! Профессоръ предложилъ студентамъ, не желавшимъ его слушать, оставить аудиторію, что немедленно и было исполнено студентами поляками, и профессоръ продолжалъ читать

лекцію однимъ русскимъ студентамъ. На другой день, на лекціи профессора Зилова демонстрація превзошла всякія ожиданія: кромѣ свиста, крика и брани, пущены были въ ходъ галоши, и профессоръ принужденъ былъ прекратить лекцію. На университетскомъ дворѣ собралось нѣсколько сотъ студентовъ, и какъ ни храбро они держали себя, но при появленіи полиціи, значительная часть студентовъ разбѣжалась, даже убѣгали чрезъ университетскій садъ.

Въ Царствѣ Польскомъ демонстраціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ барометромъ, указывающимъ, какъ объ этомъ упомянуто выше,—неспокойное состояніе мѣстнаго общества, а распространеніе демонстрацій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ предвѣстникомъ начала активныхъ выступленій беспокойныхъ элементовъ этого общества. Возникновенію такихъ выступленій учащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ способствовало не только политическое настроеніе польскаго общества, подъ вліяніемъ ослабленія въ краѣ режима и усиливающихся иллюзіи поляковъ, но также этому способствовали и нѣкоторыя мѣры и реформы министерства народнаго просвѣщенія, которыя въ корнѣ подтачивали школьную дисциплину и старый, хотя и пользовавшійся симпатіями, но твердо установившійся въ школахъ учебный строй.

ХІІІ.

Правительственныя мѣропріятія по школьной дисциплинѣ.

Къ числу мѣръ, имѣвшихъ вліяніе на дисциплину и строй среднихъ учебныхъ заведеній, принадлежатъ: 1) предоставленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній права обжалованія въ министерство рѣшеній начальства среднихъ учебныхъ заведеній, касающихся воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведеній и при томъ, чрезъ посредство того же инкриминируемаго начальства. Это распоряженіе приказано было объявить и разъяснить воспитанникамъ и текстъ его выставить на видномъ мѣстѣ для свѣдѣнія учащихъ. Предоставленіе воспитанникамъ права опротестовывать рѣшеніе своего ближайшаго начальства, посредствомъ апеллированія къ высшей учебной инстанціи, не только подрывало авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, но, предоставляя право подачи жалобъ ученикамъ, а не ихъ

родителямъ, подрывало авторитетъ родительской власти, подъ охраною и заботами которой находятся воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, какъ несовершеннолѣтніе. Нужно только представить себѣ картину, какъ ученикъ пригособительнаго или перваго класса является къ директору гимназіи съ бумагою въ рукахъ и на вопросъ директора: „что вамъ нужно“, съ апломбомъ отвѣчаетъ: „я подаю господину министру жалобу на распоряженіе вашего превосходительства по касающемуся меня дѣлу“. Къ счастью, этотъ циркуляръ, какъ мертворожденной, не вызывалъ серьезныхъ инцидентовъ, можетъ быть, потому, что въ польской семьѣ дѣти находятся въ строгомъ повиновеніи родителямъ, а родители понимали нецѣлесообразность предоставленія дѣтямъ дѣйствій, составляющихъ прерогативу родителей, или считали непрактичнымъ—боевымъ выступленіемъ ихъ дѣтей противъ начальства обострять взаимныя отношенія учащихъ и учащихся; но все же этотъ циркуляръ подрывалъ авторитетъ начальства въ глазахъ учащихся и колебалъ школьную дисциплину.

Если упомянутый выше циркуляръ министерства только подрывалъ авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, то тѣ приемы, съ которыми министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій принялся за реформированіе гимназій, окончательно подрывали и ниспровергали весь строй старой гимназіи. Реформа Ванновскаго началась съ признанія классической системы образованія непригодною и подлежащей совершенному упраздненію и замѣнѣ древнихъ языковъ естественновѣдѣніемъ и другими предметами. Если бы реформа Ванновскаго могла быть произведена въ теченіе одного года, чтобы въ теченіе же перваго года реформы новый порядокъ былъ примѣненъ во всѣхъ классахъ, то нравственное состояніе учениковъ было бы менѣ трагическимъ, нежели то, въ которомъ они очутились въ началѣ реформы: изученіе древнихъ языковъ признано было безцѣльнымъ и бесполезнымъ; эти языки въ низшихъ классахъ гимназіи въ первый же годъ реформы были упразднены, а между тѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ приходилось еще въ теченіе пяти лѣтъ изучать то, что самимъ министерствомъ признано было негоднымъ для цѣлей образованія. Въ циркулярѣ министра о реформѣ средней школы слишкомъ ярко просвѣчиваетъ не только нерасположеніе къ классической системѣ образованія, но видна и фанатическая ненависть его къ прежней гимназической системѣ образованія, самое имя которой онъ хотѣлъ искоренить изъ памяти, проектируя гимназіи на-

звать средними школами и даже ненавистный ему „аттестатъ зрѣлости“ замѣнить словомъ „свидѣтельство“.

Легко представить, каково было нравственное состояніе учениковъ, которымъ приходилось изучать то, что официально признано не имѣющимъ ни образовательнаго, ни практическаго значенія. Только тотъ закалъ, который давала воспитанникамъ классическая система образованія, могъ сдѣлать ихъ настолько корректными, что они, даже и при дискретированіи изучаемаго ими предмета, сознавали необходимость закончить свое образованіе въ томъ направленіи, которому они посвятили значительное число лѣтъ своего школьнаго образованія. Но даже и самые корректные изъ учениковъ не могли не чувствовать фальшивости устоевъ своей школы, каковая фальшивость вмѣстѣ съ другими обстоятельствами не могла, въ свою очередь, не колебать режима и школьной дисциплины. При такомъ состояніи школы достаточно было нѣсколькихъ толчковъ и постороннихъ вліяній, чтобы вывести ее изъ равновѣсія и устойчивости. Гимназіи коренной Россіи были легко выведены изъ своей устойчивости революціонною пропагандою и нахлынувшею волною освободительнаго движенія, среднія же учебныя заведенія Царства Польскаго были выведены изъ своей устойчивости новыми вѣяніями въ краѣ и броженіемъ въ мѣстномъ обществѣ еще за долго до начала революціонной волны въ Имперіи, при чемъ толчкомъ, выведшимъ ихъ окончательно изъ равновѣсія, было обстоятельство, повидимому, имѣвшее мало отношенія къ учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго учебнаго округа.

XIV.

Вржесненская школьная экзекуція въ Пруссіи и беспорядки въ Сѣдлецкой гимназіи.

Обстоятельство, выведшее окончательно среднія учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа изъ устойчивости, было слѣдующее. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Пруссіи, въ Силезіи и Познани, проводился съ особенною настойчивостью нѣмецкій культуръ-кампфъ. Въ польскихъ школахъ въ Силезіи и Познани энергично вводилось преподаваніе Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ и налагались кары на родителей за уклоненіе ихъ дѣтей отъ изученія Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ, а дѣти подвергались за это дисциплинарнымъ взысканіямъ до тѣлесныхъ наказаній розгами, включительно, при

чемъ съ особенною настойчивостью и жестокостью проводилась эта мѣра въ Вржеснѣ. Противъ дѣйствій Пруссіи предпринять былъ цѣлый походъ не только въ польской, но и русской прессѣ, при чемъ особеннымъ усердіемъ въ этомъ отношеніи отличалось „Новое Время“, которое въ яркихъ корреспонденціяхъ изъ Познани и Силезіи, особенно изъ Вржесны, изображало жестокость прусскаго правительства въ дѣлѣ проведенія нѣмецкаго языка въ школьномъ преподаваніи Закона Божія, а такъ какъ „Новое Время“ считалось газетою, получающею внушенія изъ высшихъ сферъ, во всякомъ случаѣ „Новое Время“ было газетою подцензурною, то многіе справедливо думали, что русское правительство не сочувствуетъ прусскимъ требованіямъ относительно преподаванія Закона Божія въ польскихъ школахъ Силезіи и Познани не на родномъ языкѣ поляковъ и что, слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа Законъ Божій преподается для католиковъ на русскомъ языкѣ, то это происходитъ или по недоразумѣнію или вслѣдствіе того, что мѣстная бюрократія дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ въ цѣляхъ обрусѣнія и что въ данное время насталъ благопріятный моментъ довести до свѣдѣнія правительства о своевременности отмѣны оставшагося отъ прежнихъ лѣтъ распоряженія о преподаваніи въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ римско-католическаго Закона Божія на русскомъ языкѣ.

При организаціи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ на началахъ общегосударственныхъ правительство не сразу произвело реформу и въ видѣ переходной мѣры, какъ объ этомъ уже упоминалось, устроены были учебныя заведенія, приспособленныя къ потребностямъ разныхъ въ Царствѣ Польскомъ населеній и, между прочимъ, открыты были мужскія гимназіи для греко-уніатскаго населенія въ Сѣдлецѣ и Холмѣ, прогимназіи въ Замостьѣ и Грубешовѣ, и въ то время какъ въ польскихъ гимназіяхъ большинство предметовъ, въ томъ числѣ и Законъ Божій, преподавались на польскомъ языкѣ, въ уніатскихъ гимназіяхъ всѣ предметы преподавались на русскомъ языкѣ, не исключая и Закона Божія для католиковъ, по тѣмъ соображеніямъ, что населеніе въ перечисленныхъ выше мѣстностяхъ было русское, хотя и перешедшее въ католичество, но понимавшее русскую рѣчь. Не было основанія населеніе окатоличенное ксендзами еще ополячивать введеніемъ преподаванія школьныхъ предметовъ на польскомъ языкѣ. Когда дѣленіе гимназій по національностямъ было уничтожено и за тѣмъ въ

1873/4 учебномъ году былъ примѣненъ къ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа Высочайше утвержденный 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа узаконено введенное еще раньше преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ Закона Божія, который для католиковъ преподавался на польскомъ языкѣ, но въ учебныхъ заведеніяхъ, обслуживавшихъ униатское населеніе, преподаваніе Закона Божія оставлено на русскомъ языкѣ; еще прочтѣе утвердилось преподаваніе этого предмета на русскомъ языкѣ, когда въ 1875 году уничтожена была унія и Сѣдлецъ, Холмъ, Замостье и Грубешовъ признаны были древне-русскими мѣстностями.

Когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ начался новый режимъ, у поляковъ явились ожиданія и надежды на уступки русскаго правительства и когда въ русской прессѣ и отчасти въ русскомъ обществѣ начало проявляться суровое осужденіе прусскаго правительства за его репрессивныя мѣры противъ мѣстнаго польскаго населенія, не подчинявшагося распоряженіямъ правительства объ изученіи Закона Божія католиками на нѣмецкомъ языкѣ, поляки рѣшили добиться преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, гдѣ онъ преподавался на русскомъ языкѣ.

Трудно сказать, были ли выставлены въ авангардѣ этого требованія воспитанники ихъ родителями, по обыкновенію поляковъ начинать все безпорядки и революціи при выступленіи въ авангардѣ учащейся молодежи, или воспитанники, подъ вліяніемъ вѣяній въ обществѣ и внѣшнихъ возбужденій, сами выступили съ требованіями преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ, обнаружилось только, что въ одно прекрасное утро въ Сѣдлецкой мужской гимназіи на этой почвѣ не только возникъ прискорбный инцидентъ, но произошелъ форменный бунтъ. На урокъ Закона Божія ученики 5 класса обратились къ своему законоучителю ксендзу съ просьбою излагать имъ предметъ на польскомъ языкѣ.

Ксендзъ отвѣтилъ ученикамъ, что своею волею, безъ разрѣшенія духовной или свѣтской власти, онъ не имѣетъ права перемѣнить языкъ преподаванія и сдѣлалъ имъ надлежащія разъясненія и наставленія относительно незаконности ихъ требованія. Послѣ этого въ классѣ, словно по сигналу, раздался свистъ, шумъ, крикъ: „вонъ изъ класса“ и вслѣдъ за этимъ

произведенъ былъ полный разгромъ сперва класса, въ которомъ были выбиты окна, поломана мебель, а затѣмъ, когда ученики 5 класса были поддержаны бунтарями въ другихъ классахъ, произведенъ былъ разгромъ и всей гимназіи. Очевидно, бунтъ произошелъ не внезапно, подъ впечатлѣніемъ возбужденія, а былъ подготовленъ предварительно и входилъ въ планъ дѣйствій воспитанниковъ, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ требованія.

Послѣдствіемъ бунта было исключеніе изъ гимназіи 58 учениковъ согласно опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, а мѣстной администраціей приняты были крутыя мѣры противъ бунтарей: иногородніе ученики выселены были на мѣста ихъ жительства, имъ воспрещена была отлучка съ мѣста ихъ жительства и надъ всѣми исключенными установленъ былъ полицейскій надзоръ; но послѣднія мѣры оказалась мертворожденными. Можно было предполагать, что бунтъ въ Сѣдлецкой гимназіи, окончившійся строгою карою виновныхъ, не будетъ имѣть неблагопріятныхъ послѣдствій для другихъ гимназій; но оказалось, что этотъ бунтъ былъ тѣмъ толчкомъ, который вывелъ изъ устойчивости поколебленныя уже учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа и послужилъ сигналомъ къ безпорядкамъ въ другихъ заведеніяхъ. А почва для этого была благопріятна и была уже вполнѣ подготовлена.

XV.

Отраженіе Сѣдлецкихъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

Въ Варшавѣ, ко времени бунта въ Сѣдлецкой гимназіи, была полная разнузданность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; на урокахъ учителей русскаго языка, особенно изъ числа слабохарактерныхъ, происходилъ шумъ, разговоры, учителей часто гнали изъ классовъ, устраивали всякія вредныя шалости: втыкали въ классныя кресла иголки, гвозди, на которые неосторожные учителя садились и причиняли себѣ пораненія. Въ Люблинской гимназіи совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ на праздникѣ древонасажденія: изъ толпы учениковъ брошены были комья земли, а ученики младшихъ классовъ, не дождавшись окончанія торжества и построенія въ строевыя колонны, побѣжали въ гимназію впередъ и побили въ зданіи окна; въ Плоцкой гимназіи на актѣ по случаю юбилея Гоголя, 21 февраля 1902 года, произошли безпорядки, съ битьемъ оконъ въ зданіи;

ученики Варшавскихъ гимназій порвали на улицѣ полученныя ими отдѣльныя изданія сочиненій на юбилейномъ актѣ, такъ что Краковское Предмѣстье, Новый Свѣтъ и улицы, прилегающія къ гимназіямъ, сплошь были устѣяны изодранными въ ключья сочиненіями Гоголя. Такимъ неспокойнымъ настроеніемъ учебныхъ заведеній задумали воспользоваться исключенные изъ заведенія воспитанники Сѣдлецкой гимназіи. Изъ числа 53 учениковъ Сѣдлецкой гимназіи, удаленныхъ изъ учебнаго заведенія, часть была исключена безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, а часть съ правомъ поступленія въ другія гимназіи, кромѣ Сѣдлецкой; но и исключенныхъ по послѣдней категоріи, въ виду участія ихъ въ крупномъ проступкѣ, ни одинъ директоръ не рѣшался принять въ свою гимназію. Исключенные всюду встрѣчали отказъ. Въ виду такого положенія дѣла, родители исключенныхъ учениковъ ходатайствовали о разрѣшеніи ихъ дѣтямъ поступить въ гимназію Варшавскаго учебнаго округа; съ такою же просьбою они обращались и къ министру народнаго просвѣщенія, но въ обѣихъ инстанціяхъ въ ихъ просьбѣ имъ было отказано. Тогда родители исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи рѣшили дѣйствовать на директоровъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа терроромъ и устрашеніемъ—рѣшили угрозою неприятныхъ для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній послѣдствій заставить ихъ ходатайствовать предъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа о разрѣшеніи принять во ввѣренныя имъ учебныя заведенія исключеннымъ изъ Сѣдлецкой гимназіи учениковъ.

Для осуществленія этой цѣли исключенные изъ Сѣдлецкой гимназіи ученики были подѣлены на небольшія группы и отправившись въ тѣ города, гдѣ есть гимназіи,—съ миссіей взять съ учениковъ мѣстныхъ гимназій клятвенное обѣщаніе, что они будутъ просить свое ближайшее начальство о принятіи исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназіи воспитанниковъ въ мѣстную гимназію; въ случаѣ же отказа директоровъ въ ихъ просьбѣ произвести въ гимназіи бунтъ и сигналомъ бунта въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ устрашить директоровъ остальныхъ гимназій и такимъ образомъ угрозою террора побудить ихъ быть уступчивыми и принять исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи.

И дѣйствительно, послѣ исторіи въ Сѣдлецкой гимназіи въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа начали обнаруживаться инциденты, выходящіе изъ ряда

обыкновенныхъ ученическихъ проступковъ, хотя до прямого бунта дѣло еще не доходило въ большинствѣ гимназій. Между тѣмъ до свѣдѣнія директора Радомской гимназій дошло, что сѣдлецкіе агитаторы пріѣзжали въ Радомъ и уговаривали учениковъ Радомской гимназій выступить предъ мѣстнымъ начальствомъ съ ультиматумомъ ходатайствовать предъ попечителемъ о разрѣшеніи поступить въ Радомскую гимназію тѣмъ изъ исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназій, которые обратятся съ прошеніемъ объ этомъ. Съ такою же миссіей агенты посѣтили и Лодзинскую гимназію, но и въ Радомѣ и въ Лодзи потерпѣли неудачу: воспитанники Радомской гимназій категорически отказались не только отъ бунта, но и отъ предъявленія начальству гимназій ходатайства о принятіи исключенныхъ учениковъ въ Радомскую гимназію, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ надежды на удовлетвореніе гимназіей такого ходатайства, въ виду извѣстнаго имъ вѣянія въ Радомской гимназій и установившагося режима въ ней. Но первая неудача не обезкуражила агитаторовъ, они продолжали различными способами муссировать провинціальныя гимназій и по мѣрѣ того, какъ дисциплина падала въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа и увеличивалось неспокойное настроеніе въ обществѣ, шансы ихъ на возбужденіе воспитанниковъ этихъ гимназій и выступленіе ихъ въ защиту предъявленныхъ ими требованій усиливались.

Напоръ былъ сдѣланъ агитаторами преимущественно на Радомскую гимназію, какъ на самую многолюдную гимназію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и при томъ состоящую преимущественно изъ учениковъ поляковъ, такъ какъ русскіе ученики составляли въ ней 16% общаго числа 760 учениковъ; кромѣ того, Радомъ представлялъ вообще благопріятную почву для агитаціи и пособничества агитаторамъ со стороны мѣстнаго общества, среди котораго находилось значительное число личностей, сочувствовавшихъ возникавшему движенію въ польскомъ обществѣ и пользовавшихся мѣстнымъ авторитетомъ.

Въ это время получены были директоромъ Радомской гимназій свѣдѣнія, что въ городъ вторично пріѣхали сѣдлецкіе агитаторы, а вскорѣ было обнаружено и мѣсто, гдѣ они дѣйствовали: обратило вниманіе директора появившееся въ эту пору у учениковъ Радомской гимназій необыкновенное увлеченіе каткомъ. На катокъ начали отпрашиваться ученики, не умѣющіе кататься на конькахъ, а когда одинъ ученикъ 6 класса, не умѣвшій кататься на конькахъ, мальчикъ весьма скромный и

отличнаго поведенія, самовольно ушелъ съ урока на катокъ, дѣло показалось директору подозрительнымъ. Директоръ поручилъ дежурнымъ на каткѣ помощникамъ классныхъ наставниковъ наблюсти за поведеніемъ учениковъ на каткѣ, и тѣ доложили, что на каткѣ появились ученики посторонней гимназіи, которые ведутъ съ учениками Радомской гимназіи оживленныя сношенія. Потомъ было обнаружено, что агенты дѣйствовали не только на каткѣ, но и на боковыхъ улицахъ города и распространяли прокламаціи среди учениковъ. Были приняты мѣры къ наблюденію за учениками и усиленъ надзоръ за ними. Послѣ этого прѣвзжіе ученики исчезли; но дѣло, видимо, было сдѣлано.

Однажды является къ директору гимназіи учитель С. и докладываетъ, что на слѣдующій день, въ 11 час. утра, въ Радомской гимназіи долженъ произойти бунтъ; ученики обратятся къ нему съ просьбою ходатайствовать передъ попечителемъ округа о разрѣшеніи принять въ Радомскую гимназію тѣхъ воспитанниковъ Сѣдлецкой гимназій, которые подадутъ ему объ этомъ прошенія и, что въ случаѣ отказа его въ удовлетвореніи просьбы учениковъ Радомской гимназіи, они, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, произведутъ бунтъ: будутъ бить окна, ломать мебель и вообще произведутъ разгромъ гимназіи. Поблагодаривъ учителя С. за предупрежденіе, директоръ вмѣстѣ съ нимъ обсудилъ мѣры предупрежденія безпорядковъ. Учитель С. пользовался большимъ авторитетомъ у учениковъ и поэтому имъ обѣщалъ на слѣдующій день прибыть въ гимназію съ утра, хотя у него не было допоздненныхъ уроковъ, съ цѣлью воздѣйствія на учащихъ и вразумленія ихъ. Хотя учитель С. былъ стойкій польскій націоналистъ, но отличался благоразуміемъ и тактичностью: онъ понималъ всю безцѣльность агитаціи и безразсудность поступка учениковъ Радомской гимназіи, такъ какъ ихъ выступленіе никакого пракческаго результата имѣть не могло, а влекло только за собою безплодно новыя жертвы, поэтому директору тѣмъ цѣннѣе было его предупрежденіе, служившее выраженіемъ заботы его о благѣ воспитывающейся молодежи, увлекающейся и непрактичной, и о благѣ учебнаго заведенія. О готовившемся бунтѣ, безъ сомнѣнія, знали и другіе учителя-поляки, такъ какъ онѣ имѣли сношенія съ польскимъ обществомъ, содержали у себя на квартирѣ учениковъ, а многіе имѣли сыновей и родственниковъ, воспитывавшихся въ гимназіи, но никто изъ нихъ, кромѣ учителя С., не предупредилъ директора о грозившей опасности. Извѣстіе о готовившемся бунтѣ директоръ получилъ въ 11 часовъ ночи, и нельзя сказать

чтобы онъ спокойно провелъ ночь и наступившее утро; но директоръ понималъ, что только смѣлостью и твердостью можно предупредить катастрофу, и рѣшилъ дѣйствовать энергично, на собственный рискъ. Предложивъ инспектору и класснымъ наставникамъ быть въ 11 часовъ при своихъ классахъ, директоръ въ 10 часовъ вошелъ въ 7 классъ, который долженъ былъ стать во главѣ бунта, и обратился, во время урока, къ ученикамъ съ слѣдующими словами: „Я, господа, много разъ предупреждалъ васъ, чтобы вы избѣгали сношеній съ людьми, которые могутъ имѣть на васъ вредное вліяніе, возбуждать васъ къ нарушенію порядка, школьной дисциплины и существующихъ распоряженій, но вы не послушались моихъ совѣтовъ и предостереженій и вошли въ сношенія съ прибывшими въ Радомъ агитаторами, которые уговорили васъ просить меня ходатайствовать предъ господиномъ попечителемъ округа о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназій ученикамъ поступить въ Радомскую гимназію и, въ случаѣ отказа моего въ таковой просьбѣ вашей, произвести въ Радомской гимназій бунтъ. Бунтъ назначенъ сегодня въ 11 часовъ и долженъ начаться въ 7 классѣ. Я скажу вамъ еще болѣе: мнѣ извѣстны фамиліи тѣхъ изъ васъ, которые входили въ переговоры съ учениками Сѣдлецкой гимназій и которые должны стоять во главѣ бунта. Я теперь не называю фамилій этихъ учениковъ, ибо перечисленіе ихъ мною по фамиліямъ равносильно окончанію ихъ гимназической карьеры и повлечетъ за собою для нихъ непоправимыя бѣдствія, а я надѣюсь, что главные агитаторы ваши и вы всѣ сознаете безразсудность и преступность задуманнаго вами поступка, раскаетесь, и своимъ дальнѣйшимъ хорошимъ поведеніемъ искупите необдуманное увлеченіе воздѣйствіями на васъ агитаторовъ и сознаете ложность понятой вами товарищеской солидарности, которая привела васъ къ краю пропасти“. Затѣмъ почти въ теченіе цѣлаго часа директоръ развивалъ имъ мысль о серьезности ихъ проступка, нелѣпости и нецѣлесообразности принятаго ими на себя заступничества за учениковъ чужой гимназій, равно и о легкомысленности ихъ, что онъ возьметъ на себя ходатайство за учениковъ Сѣдлецкой гимназій, преступно нарушившихъ школьную дисциплину, при чемъ степень виновности cadaго изъ учениковъ этой гимназій ему совершенно неизвѣстна, а извѣстна, только педагогическому совѣту Сѣдлецкой гимназій. Первые слова директора, что въ 11 часовъ въ Радомской гимназій назначенъ бунтъ, что во главѣ бунта стоитъ седьмой классъ,

сказанныя смѣло и авторитетно, произвели на учениковъ ошеломляющее дѣйствіе; многіе изъ нихъ поблѣднѣли и стояли, какъ статуя, во время рѣчи директора. Въ 11 часовъ ударилъ звонокъ, началась перемѣна, затѣмъ по окончаніи третьяго урока наступила большая перемѣна, и ученики разошлись по корридорамъ и квартирамъ въ обычномъ порядкѣ и, такимъ образомъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, бунтъ не состоялся, бѣдствіе было предотвращено и спасены многіе десятки дурно настроенныхъ и увлекающихся юношей, наиболѣе впечатлительныхъ и способныхъ къ необдуманымъ поступкамъ.

Бунтъ былъ предотвращенъ, но состояніе гимназіи было тревожное; можно было опасаться вспышки и какихъ-либо громкихъ инцидентовъ, тѣмъ болѣе, что агитаціонное воздѣйствіе на учениковъ не прекращалось и время отъ времени возникали слухи о возможности бунта въ одно прекрасное утро; наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что снова пріѣзжали агенты, взяли съ учениковъ клятву произвести въ гимназіи бунтъ, и что бунтъ окончательно назначенъ въ день празднованія юбилея Жуковского, перенесеннаго съ 12 апрѣля, по случаю страстной недѣли, на 25 апрѣля, на день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Вслѣдствіе циркулированія такихъ слуховъ, нѣкоторые изъ учителей гимназіи, при обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ программы празднованія въ Радомской гимназіи юбилея Жуковского, по случаю 50-лѣтія со дня его кончины, обратились къ директору съ просьбою, въ виду неспокойнаго состоянія учениковъ Радомской гимназіи, ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія Радомскою гимназіею юбилея. Директоръ заявилъ педагогическому совѣту, что не только не допуститъ ходатайства предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія юбилея, но и самую мысль объ этомъ считаетъ позорною и равносильною страху предъ ученическими угрозами, что празднованіе юбилея по предварительно выработанной программѣ состоится во всякомъ случаѣ и что, если произойдутъ безпорядки, то виновные понесутъ суровое наказаніе, при чемъ гимназія не остановится предъ какимъ бы то ни было числомъ жертвъ и пощады не окажетъ никому изъ виновныхъ, такъ какъ, въ случаѣ бунта въ гимназіи послѣ сдѣланныхъ ученикамъ предостереженій и вразумленій, проступокъ ихъ будетъ грубымъ и возмутительнымъ актомъ съ ихъ стороны, и что о такомъ рѣшеніи педагогическаго совѣта должны быть поставлены въ извѣстность

родители и родственники учениковъ, къ которымъ и слѣдуетъ обратиться съ просьбою воздѣйствовать надлежащимъ образомъ на ихъ дѣтей и питомцевъ. Въ такомъ смыслѣ педагогическій совѣтъ сдѣлалъ постановленіе огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Директоромъ гимназіи принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ по предотвращенію безпорядковъ и по воздѣйствію на учащихся и вразумленію ихъ. Прежде всего обращено было вниманіе на учениковъ сомнительнаго поведенія и сдѣланы имъ строгія предостереженія; родители такихъ учениковъ приглашены были въ гимназію и имъ разъяснено настроеніе ихъ дѣтей и поручено принять надлежащія мѣры къ вразумленію ихъ и наблюденію за ихъ поведеніемъ. Этимъ были парализованы неспокойные элементы гимназіи. Затѣмъ классными наставниками были посѣщены родители и опекуны всѣхъ остальныхъ учениковъ старшихъ классовъ.

При посѣщеніи классными наставниками родителей учениковъ наблюдались характерныя и интересныя сцены. Является, напримѣръ, классный наставникъ 7 класса учитель Гацкевичъ въ квартиру родителей неблагонадежныхъ учениковъ К...скихъ, застаётъ дома одну мать и сообщаетъ ей, что онъ прибылъ, по порученію директора гимназіи, сообщить, что какъ ей, вѣроятно, извѣстно, воспитанники Радомской гимназіи, подъ вліяніемъ воздѣйствія на нихъ разныхъ подстрекателей, намѣреваются произвести въ гимназіи, 25 апрѣля, въ день празднованія гимназіей юбилея поэта Жуковскаго, безпорядка, что въ числѣ воспитанниковъ, которые дали агентамъ обѣщаніе участвовать въ бунтѣ, находятся дѣти ея, и что директоръ проситъ родителей сказанныхъ учениковъ К... принять мѣры къ вразумленію ихъ дѣтей и предохраненію ихъ отъ проступка, участіе въ которомъ повлечетъ за собою строжайшую кару для виновныхъ. Мать изумлена; спрашиваетъ своихъ дѣтей, дѣйствительно ли правда, что они дали обѣщаніе участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Дѣти долгое время молчатъ, но наконецъ уступаютъ мольбамъ и слезамъ матери и сознаются, что они дали товарищамъ слово участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Мать въ отчаяніи, видя грозящее ея дѣтямъ бѣдствіе—исключеніе изъ заведенія и потерю всѣхъ трудовъ и затратъ, положенныхъ на ихъ воспитаніе. Является отецъ, узнаетъ, въ чемъ дѣло. Отецъ и мать начинаютъ уговаривать дѣтей опомниться, пощадить себя и пожалѣть родителей. Трагическое положеніе родителей усиливается, такъ какъ всѣ увѣщанія родителей не дѣйствуютъ на

учениковъ; мать начинаетъ истерически рыдать, плачутъ и дѣти, и сквозь слезы старшій сынъ говоритъ родителямъ, что они дали товарищамъ слово участвовать въ бунтѣ и измѣнить своему слову не могутъ, что они могутъ дать родителямъ только обѣщаніе не принимать на себя инициативы безпорядковъ, но когда бунтъ произойдетъ, отъ участія въ немъ они отказаться не могутъ. Такова сила товарищескаго вліянія, которое въ современныхъ дѣтяхъ сильнѣе вліянія родителей!

Гимназіей выработаны были мѣры предосторожностей по наблюденію за учениками въ день празднованія юбилея Жуковскаго. Предназначенныя для раздачи учащимся брошюры о Жуковскомъ и отдѣльныя изданія сочиненій его были снабжены печатью гимназіи, именемъ и фамиліей ученика и перенумерованы. Во время торжества ученики были размѣщены въ актовомъ залѣ не сплошною массою по обѣимъ сторонамъ залы, а въ шахматномъ порядкѣ. Ученики вводились въ залъ классъ за классомъ, при чемъ самые классы были размѣщены въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ: рядомъ съ седьмымъ классомъ стоялъ второй, съ пятымъ классомъ восьмой и т. д., при каждомъ классѣ находится подлежащій классный наставникъ; впереди залы, на виду пѣвчихъ и музыкантовъ находился директоръ, позади залы стоялъ инспекторъ, такъ что ученики находились подъ перекрестнымъ взглядомъ классныхъ наставниковъ и лицъ учебнаго персонала. Въ такомъ порядкѣ предложено было директоромъ класснымъ наставникамъ и выводить учениковъ изъ залы по окончаніи акта, вводить ихъ въ надлежащій классъ, въ классахъ раздавать учащимся именныя брошюры и, по окончаніи этой операціи, выводить учениковъ изъ класса и на улицѣ сопровождать ихъ, пока классъ не разойдется по разнымъ улицамъ и не разобьется на малыя группы.

Юбилейный актъ прошелъ спокойно, хотя безъ воодушевленія и въ напряженномъ состояніи и никакихъ инцидентовъ не произошло, за исключеніемъ того, что среди музыкантовъ и пѣвчихъ кто-то рассыпалъ нюхательный табакъ. Болѣе значительный инцидентъ произошелъ по окончаніи акта, на улицѣ, но и тотъ могъ осуществиться только благодаря непредусмотрительности и неисполненію распоряженія директора гимназіи класснымъ наставникомъ седьмого класса, самаго неспокойнаго и подозрительнаго по поведенію. Наставникъ седьмого класса, вопреки распоряженію директора гимназіи, выпускалъ учениковъ по мѣрѣ раздачи имъ брошюры, а не цѣлымъ классомъ и не сопровождалъ ихъ на улицѣ, по выходѣ ихъ изъ гимназіи.

Нѣкоторые ученики 7 класса, по выходѣ изъ гимназіи, на Рванской улицѣ, торжественно порвали розданныя имъ юбилейныя брошюры о Жуковскомъ. Вскорѣ они сами испугались своего проступка, вызвали сторожей изъ нѣкоторыхъ домовъ по Рванской улицѣ и просили ихъ замести клочья разорванныхъ брошюръ, поэтому, когда директоръ, спустя минутъ двадцать, проходилъ по Рванской улицѣ по пути въ интернатъ, то никакихъ слѣдовъ уничтоженія брошюръ не замѣтилъ. Въ интернатѣ директоръ обратилъ вниманіе только на тотъ фактъ, что, сидя за столомъ, въ ожиданіи обѣда, никто изъ учениковъ не имѣлъ передъ собою полученныхъ брошюръ, какъ это было во время юбилея Гоголя.

Злостное уничтоженіе нѣкоторыми учениками полученныхъ ими брошюръ не могло укрыться отъ гимназіи, такъ какъ этотъ проступокъ учениковъ произошелъ на улицѣ, на виду расходившейся съ акта многочисленной публики и о немъ директоръ узналъ въ тотъ же день. Такъ какъ брошюры были розданы учащимся именныя, то легко было узнать, кто изъ учениковъ уничтожилъ свою брошюру.

Приказано было ученикамъ всѣхъ классовъ принести въ гимназію полученныя ими брошюры, и по повѣркѣ обнаружилось, что уничтожили свои брошюры 17 учениковъ 7 класса и около 10 учениковъ другихъ классовъ, при чемъ у малютокъ вырывали изъ рукъ брошюры ученики старшихъ классовъ и даже поджидавшіе ихъ въ Саксонскомъ саду ремесленники; были даже случаи уничтоженія брошюръ на дому членами семьи, въ которой жили ученики. Воспитанники младшихъ классовъ, представившіе удовлетворительныя объясненія уничтоженія брошюръ, никакимъ взысканіямъ не были подвергнуты. 17 же учениковъ 7 класса были подвергнуты наказанію арестомъ отъ 4 до 8 часовъ, на хлѣбѣ и водѣ. Но нѣкоторые арестъ обратили для себя въ триумфъ. Такъ какъ ученики были разсажены подъ арестъ поодиночкѣ, то пришлось занять и классы, выходящіе на улицу, и вотъ ученики, сидѣвшіе въ этихъ классахъ, улучивъ удобную минуту, раскрывали окна, и въ окна имъ бросали цвѣты и сласти, а по выходѣ изъ-подъ ареста подвергнутые аресту ученики отправились въ городской садъ и тамъ панненки подносили имъ, какъ героямъ и мученикамъ идеи, цѣлые букеты цвѣтовъ. Таково было настроеніе нѣкоторыхъ элементовъ польскаго общества, поэтому неудивительно, что молодые и впечатлительные юноши поддавались вліянію этихъ элементовъ и агитаторовъ, которые прибыли въ

Радомъ даже ко дню юбилея наблюдать эффектъ грандіознаго бунта учениковъ Радомской гимназіи, не состоявшагося лишь благодаря принятымъ гимназіей мѣрамъ, несмотря на всѣ происки и агитаціи. Въ день самаго юбилея директоръ встрѣтилъ на улицѣ ученика Сѣдлецкой гимназіи, будто бы прибывшаго въ Радомъ заказать сапоги, которыхъ сколько угодно можно было купить въ томъ городѣ, куда онъ былъ высланъ на жительство къ родителямъ. Директоръ распорядился, чтобы онъ немедленно уѣхалъ изъ Радома.

Тяжела была въ это время педагогическая служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, особенно въ отвѣтственной должности директора гимназіи, обязанности котораго, состоящія въ спокойномъ и систематическомъ воспитаніи и умственномъ развитіи юношества, усложнялись посторонними задачами, отвлекавшими его отъ прямого и плодотворнаго дѣла воспитанія и обученія.

Такимъ образомъ вмѣсто грандіознаго погрома въ гимназіи, на который рассчитывали агитаторы, все „событіе“ ограничилось рваньемъ 17 учениками 7 класса выданныхъ имъ брошюръ о Жуковскомъ. Объ этомъ событіи директоръ донесъ попечителю округа и департаменту министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ это время существовало распоряженіе министерства, чтобы начальники учебныхъ заведеній немедленно доносили, одновременно и попечителю округа и департаменту просвѣщенія, о всѣхъ случаяхъ нарушенія школьной дисциплины. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано тѣмъ, что начальники учебныхъ заведеній не всегда доносили окружному начальству о случаяхъ нарушенія въ учебныхъ заведеніяхъ дисциплины, и въ свою очередь окружное начальство не очень усердно посвящало министерство въ детали тѣхъ инцидентовъ и прямыхъ нарушеній дисциплины, которые участившись въ это время въ учебныхъ заведеніяхъ; одновременно должно было доносить и о наложенныхъ на учениковъ взысканіяхъ за нарушеніе дисциплины. Ни изъ министерства народнаго просвѣщенія, ни изъ округа никакихъ замѣчаній и указаній не было сдѣлано по поводу донесенія. Видимо высшее начальство не очень удивилось происшествію въ Радомской гимназіи, послѣ того, что ему извѣстно было объ инцидентахъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такъ взглянулъ на это дѣло и варшавскій генералъ-губернаторъ Чертковъ, посѣтившій около этого времени Радомъ; при докладѣ ему директоромъ, во время представленія мѣстныхъ

чиновъ, о происшедшемъ въ гимназiи эпизодѣ, онъ сказалъ директору: „Вы, вѣроятно, обладаете большою педагогическою опытностью“, на что директоръ отвѣтилъ ему словами: „Служу по министерству народнаго просвѣщенiя тридцать седьмой годъ“. Видимо и генераль-губернаторъ не придавалъ особаго значенiя происшедшему въ гимназiи инциденту.

То, что произошло въ Радомской гимназiи въ это смутное время, не было слѣдствiемъ дезорганизаціи этого учебнаго заведенiя, а было результатомъ окружающихъ обстоятельствъ и постороннихъ воздѣйствiй. Что гимназiя не была глубоко потрясена, что и порывъ къ беспорядкамъ и случившійся эпизодъ произошли подъ внѣшнимъ напоромъ и явились какъ бы данью со стороны учениковъ духу времени и возбужденiямъ агитаторовъ, подтвержденiемъ можетъ служить то обстоятельство, что послѣ эпизода 25 апрѣля жизнь гимназiи протекала сравнительно спокойно, въ обыденномъ темпѣ, безъ измѣненiя установленнаго режима: 14 мая, по случаю празднованiя годовщины священнаго коронованiя Ихъ Императорскихъ Величествъ, и 7 iюня, день годичнаго акта въ гимназiи, прошли спокойно, при обычной обстановкѣ, въ присутствii учащихъ и публики, при участii гимназическаго оркестра и хора, и оба торжества закончились исполненiемъ народнаго гимна.

Съ концомъ 1902—1903 учебнаго года окончилась моя педагогическая дѣятельность и служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, продолжавшаяся свыше 35 лѣтъ. 1 августа 1903 года я вышелъ въ отставку и, благодаря этому, къ счастью, не былъ непосредственнымъ наблюдателемъ тѣхъ печальныхъ событiй, которыя произошли въ освободительную эпоху въ Царствѣ Польскомъ вообще и въ Варшавскомъ учебномъ округѣ въ частности.

В. Г. Смородиновъ.

Младенчество и первая юность Одессы въ раз- сказѣ итальянцевъ-современниковъ.

Римскій книгопродавецъ - антикварій dr. Ванъ Риль (Van Riel) доставилъ мнѣ теньскую брошюрку 1817 года in 8, напечатанную во Флоренціи, въ типографіи Якоря (Insegna dell'Anchora), подъ названіемъ „Notizie di Odessa“, „Извѣстія объ Одессѣ“. Брошюра вышла въ свѣтъ, когда Одессѣ наступило гражданское совершеннолѣтіе: 21 годъ. Но содержаніе брошюры застаётъ Одессу еще моложе, такъ какъ большая часть описанія относится къ первымъ годамъ царствованія Александра I. Принадлежитъ оно довольно нескладному, за то очень дѣльному перу г. Л. К. (Sig. L. C.). Подъ этими инициалами скрывается, должно быть, какой-нибудь весьма практической арматоръ изъ Ливорно. Специалисты по исторіи Одессы, можетъ быть, и узнаютъ, кто это такой, — я не знаю. Послѣ записки Л. К. брошюра дѣлаетъ хронологическій скачекъ на 10 лѣтъ впередъ и показываетъ Одессу уже въ 1816 году, въ моментъ ея посѣщенія великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, впоследствии императоромъ. Отношеніе итальянской брошюры къ Одессѣ, въ общемъ, панегирическое. Авторы не скрываютъ, что ихъ прямая цѣль — расшевелить итальянскихъ негоціантовъ къ развитію торговаго обмѣна съ новымъ портомъ, будущность котораго они изображаютъ грандіозною: „Одесса должна встать вровень, — если только она не превзойдетъ ихъ, — съ главнѣйшими ввозными рынками обширной Русской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ, брошюра не носитъ характера „заманиловки“ и не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ молодого города. Напрасно было бы искать въ брошюрѣ какихъ-либо историческихъ, этнографиче-

скихъ, поэтическихъ и эстетическихъ взглядовъ. Для авторовъ-практиковъ, Одесса простое новое поле, гдѣ можно сдѣлать капиталецъ, *dove si fanno soldi*, и все, что требуется для охотника *fare soldi*, въ ней есть, а на большемъ не взыщите. Видовъ Одессы и бытовыхъ картинъ Новороссіи къ брошюрѣ не приложено, но есть планъ порта и рейда, сдѣланный инженеромъ Ла Пи (La Pie) и — одесскій биржевой бюллетень отъ октября 1816 года (ст. стіля), изъ коего слѣдуетъ, что ведро малаги въ этотъ день стоило отъ 40 до 45 р. ассигнаціями, четверть крупчатки (*grano tenero*) отъ 41 до 43^{1/2}, пшеницы отъ 41 до 45, а серебряный рубль—4 р. 4 копѣйки ассигнаціями.

Авторы осыпаютъ хвалами Екатерину II, Александра I и, въ особенности, дюка де Ришелье. Послѣдній, кажется, лишь однимъ ихъ разогорчилъ: закрывъ городъ со стороны моря какими-то сооружеиіями, лишилъ негоціантовъ удовольствія видѣть, какъ приходятъ суда.

Богатырскій ростъ Одессы, дѣйствительно, рисуется въ итальянской брошюрѣ почти чудотворно.

Можно пропустить безъ вниманія краткую исторію превращенія турецкой деревушки Хаджибея въ портовый городъ Одессу: брошюра не вноситъ въ эту исторію какихъ-либо новыхъ чертъ.

Въ 1794 году Одесса едва извѣстна.

Въ 1796 году въ ея, еще лишь сооруженный, портъ вошло 60 судовъ подъ флагами австрійскимъ, неаполитанскимъ, русскимъ и греческимъ.

Въ 1799 году въ ней 5 церквей, капелла, синагога, 506 каменныхъ домовъ, 300 торговыхъ заведеній (*botteghe*), 5 гостиницъ, 36 складовъ и 18 фонтановъ. Число жителей обоого пола достигло 4.847, изъ нихъ 400 иностранцевъ и 300 евреевъ.

Въ 1802 году въ Одессѣ около 800 домовъ, а иностранцы получили свое особое управленіе. Франція учреждаетъ въ Одессѣ генеральное консульство, Австрія, Англія, Испанія, Неаполь, республики Рагузы и Ионическихъ острововъ присылаютъ въ нее консуловъ.

Въ 1803 году въ Одессѣ было уже 5 первоклассныхъ коммерческихъ фирмъ и нѣсколько маклеровъ.

Въ 1804 число жителей достигло почти 10.000, а число домовъ—1.400.

20 іюня 1816 года (день, когда въ Одессу прибылъ в. кн. Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ) Одесса считала

въ себѣ 35.000 жителей, 1.780 каменныхъ домовъ, 220 деревянныхъ, 250 магазиновъ и драматическій театръ, въ которомъ играли по-русски и по-итальянски.

Авторы брошюры находятъ Одессу удачнѣйшею находкою, которую когда-либо дѣлало русское правительство. Выстроена она въ результатѣ Очаковскаго разгрома и какъ бы культурнымъ оплотомъ противъ Турціи. Но, въ воспитаніи и развитіи своемъ, она счастливое дитя раздѣла Польши. Нельзя было искусѣе вырыть каналъ для стока богатствъ изъ доставшихся Россіи польскихъ областей, Галиціи, которою завладѣла Австрія, и вассальныхъ туркамъ княжествъ, съ Бессарабіей, какъ создавъ этотъ русскій приморскій городъ между Днѣстромъ и Бугомъ, рынокъ-ключъ къ Константинополю и Средиземному морю. По взглядамъ нашихъ итальянцевъ, Одесса — городъ, неуязвимый въ торговомъ отношеніи. Даже войны Россіи съ Оттоманскою Портою приглушили новорожденную одесскую коммерцію лишь на короткій срокъ, послѣ котораго съ тѣмъ большею энергіей развивалась — искусственно задержанная — потребность Средиземнаго бассейна въ ея вывозѣ. Что касается до Наполеоновскихъ войнъ, то онѣ оказались для Одессы такими же кормильцами и поильцами, какъ раздѣлъ Польши. Одесса, до извѣстной степени, стала крѣпнуть на костяхъ тѣхъ, кто сложилъ свои головы въ европейскихъ кампаніяхъ 1813—1815 гг. „Нужда въ сѣстныхъ припасахъ, которую испытывала Европа въ эти послѣдніе три года, настолько перетянула коммерческой балансъ въ пользу одесскаго рынка, что мудро и вычислить громадныя суммы, хлынувшія (изъ Европы) въ кассы его негоціантовъ для закупа хлѣба“. Множество негоціантовъ французскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, не считая своихъ, русскихъ, понесли въ Одессу свои капиталы и свою энергію.

Такъ какъ постоянный житель Одессы и Херсона, будучи обладателемъ недвижимой собственности или за поручительствомъ собственниковъ, пріобрѣталъ право снаряжать и отправлять суда свои подъ русскимъ флагомъ, то съ этого времени русскій коммерческой флагъ становится гостемъ постояннымъ, повсемѣстнымъ и частымъ во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря. Вотъ какъ итальянцы рисуютъ картину роста одесскаго порта.

Въ 1796 году одесскій портъ обновленъ 60 флагами.

Въ 1802 году одесскій рейдъ, немного лѣтъ назадъ едва посѣщаемый случайно захожими турецкими барками, принялъ

338 судна, изъ коихъ 272 ушли съ грузомъ. Вывозъ поднялся до 1.520.671 р. 7 коп., а ввозъ до 772.047 р. 94 коп. Балансъ въ пользу Россіи давалъ уже 758.628 р. 76 к., не считая ввозныхъ пошлинъ.

Въ 1803 году число судовъ возрастаетъ до 552. Что касается вывоза, то лишь подольскаго и украинскаго хлѣба было въ этомъ году погружено на сумму 1¹/₂ милл. рублей.

Въ 1805 году Одесса пріютила уже 1.002 судна. Болѣе всего англійскихъ—509, затѣмъ отъ разныхъ германскихъ государствъ и вольныхъ городовъ—213, есть уже американцы—70, меньше всего португальцевъ—12; итальянцевъ почему-то совсѣмъ не было. Своихъ русскихъ еще только 29. Въ томъ числѣ, всего 360 пришли съ торговымъ грузомъ, 112 частію съ грузомъ, частію съ балластомъ, и остальные всѣ только съ балластомъ. А выпустилъ обратно одесскій портъ въ томъ же году 960 судовъ, изъ нихъ съ хлѣбнымъ грузомъ 815. „Въ три съ половиною года Одесса перегнала коммерческія операціи портовъ Петербургскаго и Кронштадтскаго, а вѣдь для того, чтобы достигнуть такихъ цифръ, этимъ двумъ портамъ надо было развиваться болѣе 80 лѣтъ“.

Въ 1816 году въ теченіе весны послѣ 1 марта,—такъ какъ, въ эпоху паруснаго флота, Черное море зимою считалось несудоходнымъ,—въ одесскій портъ прибыли 498 судовъ подъ всевозможными флагами, со ввозомъ иностранныхъ товаровъ на 1¹/₂ милліона рублей. И 249 изъ этихъ судовъ уже вышли изъ порта обратно съ грузомъ русскихъ продуктовъ на сумму 15.220.000 рублей. Во вторую половину года величайшее множество судовъ прибывало за хлѣбными грузами, главный подвозъ которыхъ въ Одессу былъ въ августѣ. Поэтому жизнь въ Одессѣ,—въ особенности съѣстные припасы,—въ эту пору начинала дорожать и въ сентябрѣ, что называется, кусалась. О значительности выпускаемыхъ Одессою грузовъ авторъ брошюры предлагаетъ судить по тому, что „уже одинъ портъ въ Ливорно еженедѣльно принимаетъ пять-шесть судовъ изъ Одессы, не считая зафрахтованныхъ въ другіе порты Средиземнаго и Адриатическаго моря“. Весь вывозъ Одессы въ Средиземный бассейнъ авторъ опредѣляетъ для 1816 года не менѣе, какъ въ 50 милліоновъ рублей. „Несмотря на то, что ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ въ этомъ году выше предыдущихъ, торговый балансъ такъ рѣзко склоняется въ пользу одесскаго рынка, что обезпечиваетъ ему необычайныя прибыли (straordi-

pario vantaggio)". Главный предмет одесскаго вывоза, конечно, какъ и теперь, былъ—польское (т. е. изъ Подольской, Волынской губ. и изъ Бессарабіи) зерно. Уже въ 1803 году Одесса нагрузила имъ 600 судовъ. „Зерна—два сорта: пшеница (grano duro) и крупчатка (grano tenero). Последній труднѣе поддается перевозкѣ, такъ какъ портится въ пути, а между тѣмъ хлѣбныя магазины въ Одессѣ такъ ненадежны, зачастую страдая небрежностью въ необходимомъ присмотрѣ" (si trascurino piuttosto le diligenze). Другихъ товаровъ—ни изъ Россіи, черезъ Херсонъ на баркахъ, ни изъ Польши на возахъ,—почти не поступало. Синьоръ Л. К. упоминаетъ сало, коноплю, ленъ, воскъ, шерсть, поташъ, заячьи шкурки, но—лишь въ качествѣ второстепенныхъ товаровъ, не игравшихъ сколько-нибудь важной роли въ одесскомъ вывозѣ. Изъ Херсона хлѣбъ приходилъ на „тумбасахъ" (tombase)—родъ барокъ или галіотовъ (alleggi). Этого слова нѣтъ у Даля и въ старомъ академическомъ словарѣ. Перевозъ обходился въ 40—50 к. съ четверти (9½ пудовъ—330 французскихъ фунтовъ). Итальянецъ не хвалитъ этого пути: онъ не опасенъ за исключеніемъ развѣ только поздней осени, но капризенъ въ срокѣ, ибо зависитъ отъ вѣтровъ. Иной разъ для него достаточно одной ночи, а случается, что эти 180 верстъ барка ползетъ 10—15 дней.

Доставка польскаго хлѣба продолжалась съ мая по конецъ августа. „Возчики отправляются въ путь весною цѣлымъ отрядомъ или караваномъ, переходы ихъ опредѣляются усталостью воловъ; останавливаются таборами и пускаютъ воловъ пастись на необитаемыя степи вокругъ дороги,—такимъ образомъ, они свершаютъ путь, не истративъ ни копейки". Въ иной день входило въ Одессу 500, 700 даже 1.000 возовъ, запряженныхъ волами. Отсюда возникали большія затрудненія съ водопоемъ для столь огромнаго количества скота. Воды въ колодцахъ едва хватало по нуждѣ туземныхъ обывателей, и вотъ приходилось искать ее Богъ знаетъ, какъ далеко. Къ тому же воды не только было мало, но она была и дурного качества. Поэтому изъ двухъ-трехъ тысячъ воловъ, вошедшихъ въ Одессу, то и дѣло пропадала большая часть отъ худого водопоя. „Надо бы противъ этой бѣды еще нарыть колодцевъ, а, въ частности, воспользоваться водою источника, который не слишкомъ далеко отъ города" (Большой фонтанъ?).

Найти въ Одессѣ суда для фрахта было очень трудно. Поэтому они фрахтовались обыкновенно въ тѣхъ портахъ Средиземнаго моря, въ которые должны были возвратиться съ одес-

скимъ грузомъ. Въ Ливорно фрахты на Одессу въ октябрѣ 1816 года таксировались туда и обратно отъ 4 до 5 лиръ съ мѣшка (sacco, около $\frac{1}{3}$ четверти) плюсъ страховка въ 4 или 5 проц., „по обычаю ливорнезскому“.

Заботы правительства объ экспортѣ выразились въ 1803 году пониженіемъ на 25⁰/₀ таможенныхъ ставокъ, во всѣхъ портахъ Чернаго моря, какъ на ввозъ, такъ и на вывозъ. Но дѣйствительною эта мѣра оказалась только для вывоза, пошлины котораго оплачивались государственными ассигнаціями. Ввозныя же пошлины, хотя и пониженныя на 25⁰/₀, уплачивались непременно голландскими риксдалерами, по курсу 140 копѣекъ, гораздо низшему ихъ дѣйствительной стоимости. Кромѣ чисто таможенной доходности, эта мѣра преслѣдовала цѣль—развить въ странѣ обращеніе серебряной монеты. Понятно, что раздобываться голландскими риксдалерами было не такъ-то легко для импортеровъ изъ портовъ Чернаго моря. Поэтому таможеннымъ было разрѣшено принимать уплату пошлинъ банковыми билетами, но съ громаднымъ учетомъ послѣднихъ: изъ—50⁰/₀ суммы, подлежащей оплатѣ. Если счетъ таможи равнялся 100 рублямъ, то, согласно указу, уплатѣ подлежали въ немъ только 75, но, по разницѣ принудительной и настоящей курсовой цѣны на риксдалеры, эти 75 рублей таможенныхъ равнялись 112 р. 50 коп. бумажнымъ. Такъ что 100 рублей пошлины для экспортера равнялись 75 рублямъ ассигнаціями, а для импортера—112 р. 50 к. Съ транзита одесскаго на Молдавію и Валахію, черезъ таможи Могилевскую и Дубоссарскую, на Австрію черезъ Радзивиловъ, на Пруссію черезъ Кекзинцы, ввозныя пошлины были сняты указомъ Александра I, а вывозныя взымались, на названныхъ таможахъ, лишь въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ обложенія, слѣдуемаго съ заявленной суммы. Кромѣ таможенныхъ пошлинъ платилась пошлина полицейская (*Dazio di Polizia*) въ размѣрѣ одного процента съ заявленной стоимости. Безъ этой уплаты нельзя было получить необходимую таможенную квитанцію (*polizza di carico bollata*). Другимъ одновременнымъ указомъ Александръ учредилъ въ Одессѣ товарное депо. Ввозимые товары могли оставаться въ складахъ депо, безъ уплаты пошлинъ, 18 мѣсяцевъ; пошлины и полежалое очищались только по продажѣ товара для ввоза внутрь имперіи. Это облегченіе имѣло тѣмъ больше значенія, что пошлины въ Россіи были высокія, и очищать ихъ немедленно для негоціантовъ значило вынимать изъ дѣла своего немалую часть оборотнаго капитала. Провозъ товаровъ внутри имперіи на колесахъ такси-

ровался 6 октября 1816 года въ 2 р. (ассигнаціями) съ пуда на Броды и въ 2¹/₂ рубля—до Москвы.

Какъ въ Херсонѣ, такъ и въ Одессѣ, подобно тому, какъ и нынѣ въ левантинскихъ портовыхъ городахъ, находила широкое обращеніе монета иностраннаго чекана. Черезъ Броды и Константинополь въ Одессу притекали испанскіе піастры, талеры съ изображеніемъ Маріи Терезіи и голландскіе дукаты. Поэтому мѣняльнй промыселъ былъ широко развитъ, но отличался такою же произвольностью курсовъ, какъ сейчасъ въ Салоникахъ, Бейрутѣ и т. п., гдѣ на одномъ рынкѣ одну и ту же монету можно размѣнять по тремъ разнымъ валютамъ. Мѣдной монеты было мало, и промѣнъ мѣди на ассигнаціи былъ добычею ажіотажа до учрежденія Александромъ I размѣннаго банка, обязаннаго принимать мѣдь и ассигнаціи *al pari*.

Еще въ 1804 году одесскій денежный рынокъ замкнутъ и хаотиченъ. Биржа или сходка (*adunanza*) негоціантовъ учреждена была въ Одессѣ одновременно съ самимъ городомъ, но она долго не имѣла твердыхъ курсовъ, открытыхъ на иностранные рынки. Въ октябрѣ 1816 года они были установлены, и напечатанъ былъ первый биржевой бюллетень (въ брошюрѣ онъ приведенъ), съ курсами ввоза и вывоза, по сдѣлкамъ, засвидѣтельствованнымъ биржевыми маклерами.

Можетъ быть, кого-нибудь заинтересуетъ вексельный курсъ перваго одесскаго биржевого бюллетеня.

Cambi di Odessa li 6 Ottobre 1816 V. S.

Vienna a 2 mesi data 41¹/₈ a 41¹/₂ Rubli.

Constantinopoli a 21 giorno vista 78¹/₂ a 79.

Livorno d..... 4,68 a 4,67.

Genova 75 72.

Это, въ своемъ родѣ, была эра. Начиная съ 1816 года, расширяются страховыя операціи одесскаго рынка. Его состояніе начинаетъ внушительно отзываться на всѣхъ рынкахъ Средиземнаго моря, а въ особенности на Константинопольскомъ. „Въ настоящее время взоры всѣхъ спекулянтовъ въ портахъ средиземнаго бассейна—обращены въ сторону Одессы, и, по видимому, ея коммерція все будетъ расти и расти“ (*ha la buona apparenza di un continovo aumento*).

Авторъ брошюры особенно совѣтуетъ ѣдущимъ въ Одессу запасаться испанскимъ серебромъ (*pezze forti*), которое въ Одессѣ во всеобщемъ употребленіи, ходя по 260 копеекъ за монету. „А если пошлете по почтѣ въ Москву, съ страховкою

по $\frac{1}{2}\%$ со ста, то можете размѣнять по гораздо болѣе высокой валютѣ". Почта въ Одессѣ установилась правильно съ 1803 года, при чемъ итальянецъ хвалить ея дешевизну. „Плата за пересылку писемъ была уменьшена на половину"—противъ чего? Противъ общаго русскаго тарифа или прежняго мѣстнаго?—онъ не говоритъ. Контракты по срочнымъ поставкамъ свидѣтельствовались правительственнымъ маклеромъ. Должно быть, контракты соблюдались плохо, и управа на нарушителей была слабая. „Казалось бы приличнымъ,—говоритъ нашъ итальянецъ,—заставить русскихъ купцовъ исполнять свои обязательства (impregni) съ иностранными негоціантами съ тою же аккуратностью, которая требуется отъ купцовъ петербургскихъ; но возражаютъ на это: а ну, какъ—черезчуръ суровымъ примѣненіемъ закона—мы отобьемъ отъ Одессы охотниковъ завести въ этой новой колоніи коммерческія дѣла"? Столкновения интересовъ на почвѣ коммерціи или судоходства подлежали разбирательству спеціальнаго Совѣстнаго третейскаго суда (Tribunale dei arbitri). Стороны выбирали своихъ судей, а если не могли согласиться о таковыхъ, то правительство назначало ихъ ex officio.

Авторъ хвалить живительный климатъ Одессы, здоровый воздухъ, мягкую температуру. „Безграничныя равнины, ее окружающія, очень плодородны, но не обрабатываются за недостаткомъ рукъ. Эти обширныя степи или пустыни, буквально голыя, въ которыхъ кругозоръ только горизонтомъ ограниченъ, совершенно лишены лѣсовъ. Поэтому городу недостаетъ дровъ для топлива". Число домовъ и магазиновъ, хотя и быстро умножалось, однако не успѣвало за приростомъ населенія, пополняемаго наплывомъ иностранцевъ, и прогрессомъ коммерческихъ оборотовъ. Поэтому квартирныя платы стояли высочайшія. Дороги были и съѣстные припасы, въ особенности, вся привозная. Наоборотъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ каждую весну настолько обиленъ, что значительно превосходилъ потребности провинцій, непосредственно обслуживаемыхъ Одесскимъ портомъ. Бутылка лучшаго испанскаго вина стоила 2 р. ассигнаціями: по тогдашнему курсу—50 копеекъ серебр. Около того же фунтъ кофе мокка, а низшіе сорта—въ половину. Икра—5 рублей пудъ (22 ассигн.) и т. п. Навозили всего этого такъ много, что привозъ 1803 г. былъ не распроданъ къ веснѣ 1804. Ввозъ иностранныхъ водокъ въ Одессу былъ строжайше запрещенъ. Въ 1804 году Императоръ разрѣшилъ ввозъ рома, но обложилъ его высокою пошлиною.

Улицы юной Одессы были широкія и длинныя, но не мощенныя, и тысячи возовъ, ежедневно по нимъ проходившихъ, мѣсили на нихъ то грязь, то пыль, что не мало отравляло жителямъ существованіе. Желавшимъ строиться отводились даровые участки земли съ единственнымъ обязательствомъ построиться на нихъ въ теченіе двухъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ участокъ отбирался. Въ энергически строящемся городѣ всегда чувствовалась недостача рабочихъ рукъ; правительство старалось привлечь ихъ въ Одессу всевозможными льготами и средствами поощренія. Упоминаетъ брошюра о томъ, какъ русское правительство и, въ частности, одесская администрація старались развить эмиграцію въ Новороссію изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи. Переселенцамъ давали домъ, пару воловъ, плугъ, снабжали ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ по мѣрѣ надобности, а, главное, освобождали ихъ на 25 лѣтъ впередъ отъ налоговъ и рекрутчины.

Брошюра восхваляетъ одесскій портъ, но весьма отрицательно относится къ крѣпости, выстроенной генералъ-маіоромъ де-Больтою, и одобряетъ Ришелье, который обратилъ ее въ карантинъ, такъ какъ „крѣпость, расположенная на берегу моря, въ верстѣ отъ города, плохая защита послѣднему. Выстроена она очень хорошо, но валы (гапрагі) слабоваты, а близость глубокаго оврага дѣлаетъ ее неспособною къ долговременной защитѣ“. Для того, чтобы поддержать соорудительныя средства города въ тяжелыхъ расходахъ по работамъ въ Карантинѣ (Lazaretto) и Портѣ, императоръ Александръ, между прочими льготами и привилегіями, передалъ одесскому городскому обществу откупъ по продажѣ спиртныхъ напитковъ и десятую долю таможеннаго дохода, который уже въ 1803 г. достигъ 70.000 рублей. Очень хвалятъ итальянцы Карантинъ одесскій, скопированный въ статутѣ своемъ съ марсельскаго Bureau de la Santé. „Вамъ позволяютъ совершенно разгрузиться и принять обратный грузъ, 15 дней спустя послѣ вашего прихода, слѣдовательно, еще во время нашего карантина (считая таковой въ 35—40 дней). Затѣмъ, принявъ грузъ, вы можете отплыть—при условіи не сношиться съ городомъ. Всѣ эти порядки весьма благопріятны для торговли, а, между тѣмъ, нисколько не повредили покуда здоровью края,—настолько благоразумны и предусмотрительны принятыя противъ того мѣры“.

Вотъ, кажется, и все, что можно извлечь изъ итальянской одессофильской брошюры, которая видѣла и воспѣла, бряцающая если не на лирѣ, то на счетахъ, зарю прекраснаго города, про-

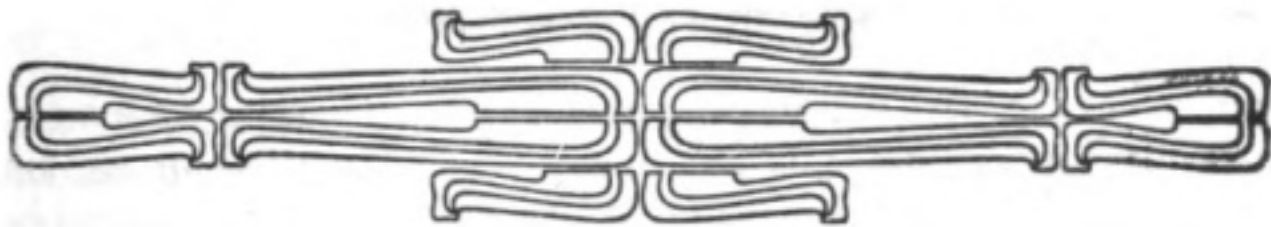
стоявшаго сто лѣтъ особнякомъ въ семьѣ русскихъ городовъ. И почти не знаю Одессы, и потому для меня нечувствительны тѣ, можетъ быть, наивности, ошибки или маленькія лжи ради заманчивости, которыя авторы-итальянцы могли допустить по невѣжеству либо по чрезвчуръ послѣдовательному одессофильству и желанію заразить родную Тоскану своимъ энтузіазмомъ къ новому порту и хозяину его дюку де-Ришелье, „доказательствами благодѣяній и покровительства котораго засыпаны иностранцы, обильно обитающіе въ городѣ... Жители Одессы каждодневно благодарятъ судьбу свою съ тѣмъ, что у нихъ такой генераль-губернаторъ“...

Ну, такъ слышите ль, ребята,
 Какъ живали въ старину?
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Ваши дѣды и отцы!..

Тѣ читатели, которые изучали Аскольдовы вѣка Одессы, благоволятъ ужъ сами внести должныя поправки въ легенду, если таковая въ томъ нуждается, и обратить ее въ исторію.

Александръ Амфитеатровъ.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ ¹⁾).

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Въ теперешнихъ воспоминаніяхъ, больше всего у насъ держится въ памяти то удовольствіе, которое мы всѣ, юнкера, испытывали послѣ нѣсколькихъ недѣль слушанья лекцій, читавшихся для насъ профессорами Московскаго университета. Тогда же на первыхъ порахъ между нами ходило много разказовъ о томъ, что Б. А. Шванебахъ, не устанно сновашій по корридорамъ училища и не пропускавшій случая поговорить со встрѣчавшимися ему юнкерами, на вопросъ, который онъ задавалъ, то одному, то другому изъ нихъ,—довольны ли пребываніемъ въ заведеніи, получалъ отъ нихъ почти всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ, точно отъ сговорившихся: да, очень довольны, не находятъ словъ благодарить за лекціи, кои намъ читаются въ аудиторіи.

— Ну, слава Богу, отвѣчалъ Б. А., изъ этого я вижу, что Николай Васильевичъ Исаковъ очень кстати затѣялъ это дѣло и провелъ его для насъ; не имѣй онъ добрыхъ отношеній съ университетомъ, не сохрани ихъ и не позаботься о томъ, чтобы намъ подарить эти лекціи, никогда намъ не посчастливилось бы такъ въ этомъ отношеніи, не довелось бы послушать первыхъ и лучшихъ профессоровъ нынѣшняго времени;—въ добрый часъ, будемъ продолжать поучаться, добавлялъ при этомъ Б. А.

* * *

Николай Васильевичъ Исаковъ, въ то время (1863 г.) свиты Его Величества генералъ-маіоръ, занималъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ 1840-мъ году онъ окончилъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ апрѣль 1914 г.

курсъ ученя въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры въ одну изъ батарей полевой конной артиллеріи. По своему семейному положенію онъ, съ первыхъ дней своей службы, сталъ извѣстенъ Государю Императору Николаю Павловичу, находился вообще на виду и вскорѣ послѣ выпуска изъ Николаевской военной академіи, курсъ которой окончилъ въ первые же годы пребыванія въ офицерскихъ чинахъ,—былъ отличенъ назначеніемъ въ званіе флигель-адъютанта.

Послѣ исполненія различныхъ должностей въ штабахъ, онъ вообще обращалъ на себя вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ по службѣ и, какъ выдѣлявшійся офицеръ, скоро былъ переведенъ въ свиту Государя. Здѣсь онъ былъ застигнутъ временемъ отпращиванія Его Величества въ венгерскую 1849 года кампанію, во время которой Государь призналъ необходимымъ находиться при арміи, когда Россія, по его державному велѣнію, взялась отстоять отъ захвата возставшей Венгріей престолъ юнаго австрійскаго императора Франца-Иосифа,—нынѣ, на закатѣ дней своихъ, уже не въ первый разъ поражающаго весь міръ самою черною неблагодарностью противъ Россіи, облагодѣтельствовавшей его, очевидно не въ добрый часъ совершенно не кстати. Молодой флигель адъютантъ Н. В. Исаковъ былъ взятъ на театръ военныхъ дѣйствій; тамъ былъ волею Царя отправляемъ въ разныя командировки, въ которыхъ точностью, исполнительностью, здравостью сужденій и умѣлостью своего обращенія снискалъ особое къ себѣ расположеніе Государя.

Къ времени вступленія на престолъ Государя Александра Николаевича, онъ уже, по своему старшинству въ чинахъ, подошелъ къ чину генераль-маіора, въ каковой и былъ произведенъ въ день коронаціи 26 августа 1856 года, а затѣмъ, въ 1859 году, по указанію министра народн. просв. Евграфа Петровича Ковалевскаго, призванъ былъ въ должность попечителя Московскаго учебнаго округа ¹⁾.

Въ 1862 году Государь намѣтилъ его къ назначенію на постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ должность, которую въ моментъ кончины Императора Николая I занималъ Государь, будучи Наслѣдникомъ, а впослѣдствіи занялъ ген.-ад. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Передавая эту должность генералу Исакову, Государь на

¹⁾ Е. П. Ковалевскій былъ призванъ на постъ министра въ 1859 году; ранѣе онъ состоялъ попечителемъ Моск. учебн. округа и только-что успѣлъ быть замѣщенъ Бахметевымъ, на мѣсто котораго и указалъ П. В. Исакова.

него возложилъ исполненіе преобразования военно-учебныхъ заведеній не безъ того, что въ назначеніяхъ Н. В. Исакова игралъ роль Я. И. Ростовцевъ при своей жизни. Известно, что Яковъ Ивановичъ между прочимъ занималъ до самой своей кончины должность члена главнаго правленія училищъ при министрѣ народнаго просвѣщенія, какъ во времена А. С. Норова, такъ и подъ предсѣдательствомъ его преемника Е. П. Ковалевскаго;—въ этой должности онъ много потрудился вмѣстѣ со своимъ сочленомъ ген.-ад. П. Н. Игнатьевымъ; оба они хорошо знали и не мало отличали молодого Н. В. Исакова.

Такъ со словъ Б. А. Шванебаха всѣ мы и знали, что Ник. Вас. Исакову были мы обязаны полученіемъ возможности слушать по нѣкоторымъ наукамъ лекціи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія,—Московского университета.

Въ 1866 году я былъ произведенъ въ офицеры. Лѣтъ черезъ двѣнадцать,—вскорѣ послѣ войны 187¹/₈ годовъ, случилось мнѣ въ Петербургѣ заѣхать съ визитомъ къ знакомой дамѣ—вдовѣ штабсъ-ротмистра л. гв. конно-гренадерскаго полка Е. Н. Леонтьевой. Просидѣвъ съ полчаса, я уже собрался уходить, но услышалъ отъ нея до ласковости любезное приглашеніе подождать.

— Сейчасъ пріѣхалъ мой добрый знакомый—Ник. Вас. Исаковъ, я хочу васъ ему представить, сказала она.

Я приготовился начать свои возраженія, какъ вдругъ величественная, давно знакомая, красивая фигура генерала уже показалась на порогѣ.

— Зачѣмъ же представлять, сказалъ Ник. Вас., подходя къ ручкѣ красавицы Екатерины Николаевны,—мы съ капитаномъ давно знакомы и знакомы разносторонне: теперь познакомились по свитѣ, въ которой состоимъ сослуживцами, а были знакомы раньше,—съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчались въ стѣнахъ Александровскаго военнаго училища,—обратился онъ ко мнѣ и очень любезно спросилъ:—вы помните ту нашу встрѣчу, когда отъ васъ я выслушалъ одинъ изъ первыхъ рапортовъ?

Дѣйствительно, въ первый годъ своей бытности юнкеромъ, я, будучи дежурнымъ по 3-ей ротѣ, раза два рапортовалъ ему, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, во время его наѣздовъ въ училище.

— Какъ же не помнить, сказалъ я. Генералъ Шванебахъ доложилъ вамъ тогда, какъ юнкера были довольны профессорскими лекціями, а также въ какой степени удачно и хорошо многіе изъ нихъ занимались записываніемъ за Соловьевымъ и за другими профессорами. Вы тогда со вниманіемъ разсмотрѣли

нѣкоторыя тетради и высказались о крайней полезности веденія тѣхъ записей; мы же считали себя безконечно обязанными вамъ за то, что вы устроили намъ эти лекціи...

— Это не я, нѣтъ, не я, вдругъ спѣшно перебилъ меня Н. В.; этимъ вы были всецѣло обязаны генералу Шванебаху.

— Какъ ген. Шванебаху? А онъ еще тогда намъ очень часто и опредѣленно указывалъ на васъ, а затѣмъ, не далѣе какъ третьяго дня, на очередномъ нашемъ товарищескомъ обѣдѣ, происходившемъ въ татарскомъ ресторанѣ, отъ начала до конца подтвердилъ, что именно вы затѣяли и устроили это дѣло, облагодѣтельствовавъ имъ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ сознаться, что самому мнѣ это и въ голову не пришло; правда, я очень обрадовался, когда генералъ (въ ту пору впрочемъ еще полковникъ) Шванебахъ, явившись однажды ко мнѣ, подалъ мнѣ эту мысль, а затѣмъ обстоятельно развилъ возможность и указалъ важность этого нововведенія. Я очень охотно взялся переговорить съ профессорами, но только при помощи его же, Б. А. Шванебаха, мнѣ удалось убѣдить ихъ въ возможности этого съ той стороны, что слушатели способны воспринять и усвоить лекціи... Вы знаете, что изъ восьми профессоровъ, къ которымъ я обратился съ просьбой,—двое или трое наотрѣзъ отказались, да такъ никогда и не дали своего согласія; они остались при твердомъ нежеланіи „метать бисеръ“. Не только большого, но громаднаго труда стоило Борису Антоновичу помочь мнѣ убѣдить тѣхъ, которые впоследствии снабжали васъ знаніями,—они сначала тоже упорно отказывались; онъ ихъ уговорилъ и привлекъ къ чтенію; въ этомъ его неисчерпаемая заслуга. А что онъ, какъ вы подчеркиваете, сваливаетъ на меня,—это его манера; въ этомъ отношеніи и Государь его прекрасно знаетъ: „во всемъ, по словамъ Шванебаха, заслуга Слуцкаго, Юшенова, Исакова и кого угодно, только не его; онъ самъ, Шванебахъ, ничего не сдѣлалъ“, говоритъ не рѣдко про него Государь. И еще у него есть привычка всегда во всемъ оправдать, защитить каждаго! Государь вспоминаетъ: случалось мнѣ противъ нѣкоторыхъ быть восстановленнымъ разными толками и слухами, доводившимися до меня, и только Шванебахъ, горячо отстаивая ихъ добрымъ словомъ, совершенно мирилъ меня съ ними. Всегда онъ за каждымъ найдетъ какую-либо заслугу; про себя ничего никогда не выставитъ; честь ему и слава, это рѣдко благородный начальникъ! такъ Государь высказывается о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ...

Молчаливый, суровый Н. В. Исаковъ вообще казался намъ человѣкомъ не только въ высшей степени уравновѣженнымъ, но и во всемъ спокойнымъ до равнодушія. Я очень удивился сильной экспансивности, проявленной имъ въ томъ его со мной разговорѣ; нельзя было не приписать этого присутствію и вліянію такой красивой, обаятельной дамы, какою являлась Екатерина Николаевна. Кромѣ красоты, любезности и ласковости, она вообще проявляла массу жизненной опытности и знаній, которыхъ начиталась и набралась въ безконечныхъ заграничныхъ путешествіяхъ; она часто подолгу жила въ Испаніи, во Франціи и въ особенности въ Англіи.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, при ней находились двое сыновей, воспитывавшихся въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ; впоследствии они окончили курсъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и одинъ изъ нихъ получилъ большую извѣстность, сдѣлавшись правою рукою негуса Менелика II.

Кто не помнитъ Леонтьева, случайнаго абиссинскаго министра, игравшаго въ свое время видную роль!

Много носилась она со своими симпатичными сынками, сколько помнится, въ тотъ разъ она обратилась къ генералу Исакову относительно затрудненія, встрѣтившагося при переходѣ одного сына изъ класса въ классъ и просила назначить, — когда она могла бы къ нему, какъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, заѣхать; въ отвѣтъ на это онъ, по-рыцарски, самъ заѣхалъ ее навѣстить съ полнымъ желаніемъ выслушать ея просьбу.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ случилось, при свиданіи съ Борисомъ Антоновичемъ, сообщить ему о томъ, какъ рѣшительно и твердо Н. В. Исаковъ отказывается принять на себя приписываемое ему дѣло приглашенія профессоровъ; онъ сконфузился, разсмѣялся, однако, въ смущеніи, продолжалъ сваливать все на Ник. Васильевича.

* * *

Изъ числа профессоровъ, великодушно взявшихъ на себя чтеніе намъ лекцій, мы заранѣе были крайне заняты личностью Сергѣя Михайловича Соловьева, уже тогда представлявшаго собою знаменитость.

Въ частности мы, — бывшіе воспитанники 1-го и 2-го Московскихъ корпусовъ, интересовались имъ больше всего по той причинѣ, что учителя, преподававшіе у насъ русскую исторію,

между прочимъ Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій ¹⁾, бывшій ученикъ Соловьева,—много рассказывали намъ объ его научныхъ трудахъ, объ принятыхъ имъ методахъ преподаванія и о взглядахъ его на исторію, какъ науку. Мы уже знали, что С. М. Соловьевъ, съ 1851-го года, ежегодно издавая по одному тому своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, къ началу чтенія у насъ въ училищѣ лекцій, издалъ 12 томовъ и съ точною пунктуальностью, проявлявшеюся имъ всегда во всемъ,—аккуратно продолжалъ изъ года въ годъ издавать ихъ дальше. Мы также знали, что его преподаваніе и изученіе исторіи отнюдь не представляло собой простого перечисленія фактовъ исторіи или наименованія правителей странъ и главъ государствъ. Вообще мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали тогда же, изъ устъ самого Соловьева, услышать подведеніе подъ извѣстныя разсужденія всего того, что произошло въ нашемъ отечествѣ съ момента призыва нами Рюрика, Синеуса и Трувора. Поэтому мы приготовились все это слушать внимательно и слушали съ громаднымъ интересомъ его живое, нерѣдко поэтически излагавшееся, чтеніе. С. М. Соловьевъ читалъ намъ въ младшемъ классѣ курсъ новой всеобщей исторіи, а въ старшемъ—исторію Россіи,—все по установленной, утвержденной и извѣстной намъ программѣ.

С. М. Соловьеву шелъ въ то время сорокъ третій годъ. — Ничего не ожидая отъ Михаила Николаевича Капустина ²⁾, который долженъ былъ намъ читать „законовѣдѣніе“, мы вдругъ какъ-то особенно раскрыли на него свои глаза и отдали его персонѣ свои юныя мысли. Извѣстно, какой перечень законовъ, свода ихъ и законодательныхъ документовъ преподавался въ кадетскихъ корпусахъ по утвержденнымъ программамъ этого предмета. Мы ихъ слушали послѣдній годъ не съ особенно большимъ вниманіемъ, и нельзя сказать, чтобы наука эта была у насъ въ громадномъ фаворѣ.

Когда довелось намъ слушать чтеніе Капустина, признаться сказать, не всѣмъ изъ насъ было ясно и одинаково понятно,—какимъ образомъ и для чего этотъ молодой тридцатипятилѣтній профессоръ, при чтеніи этой науки, вклеилъ въ нее и съ нею сдѣлалъ массу именъ ученыхъ,—экономистовъ, социаль-

¹⁾ Впослѣдствіи видный профессоръ Казанскаго университета, а затѣмъ директоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея.

²⁾ Впослѣдствіи онъ преподавалъ законовѣдѣніе Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу—нынѣ благополучно царствующему Государю Императору.

ныхъ реформаторовъ, энциклопедистовъ, позитивистовъ, философовъ. Однако мы ими сразу сильно заинтересовались. Казенная программа была отброшена въ сторону, а на составленномъ, вѣроятно съ одобренія высшей военной власти, профессоромъ Капустинымъ программномъ листкѣ, по которому мы были обязаны отвѣчать на репетиціяхъ и особенно на экзаменахъ, рябили дотолѣ незнакомыя намъ имена: родоначальника сенъсимонизма—Сенъ-Симона, его ученика Огюста Конта, Фурье, Оуэна, Прудона, д'Аламбера и друг.

Если ученіе пныхъ изъ этихъ господъ не было для всѣхъ насъ тогда одинаково понятно, то весь характеръ и тонъ преподаванія о нихъ насъ тогда сразу крайне заинтересовалъ и увлекъ, онъ втягивалъ насъ въ улавливанье всевозможныхъ свѣдѣній; мы съ особымъ удовольствіемъ набирали ихъ изъ его мастерски составлявшихся и не менѣе искусно сообщавшихся намъ крайне интересныхъ лекцій.

Все наше начальство, въ перебой, пользовалось свободной минутой для посѣщенія лекцій этого профессора; Б. А. Шванебахъ нерѣдко на нихъ просиживалъ, а послѣ того старался вести съ нами бесѣды о пройденномъ, давалъ намъ не мало поясненій и еще больше развѣтывалъ предъ нами интересъ къ новой для насъ наукѣ. И онъ и другіе разспрашивали насъ,—насколько все это для насъ интересно и понятно; кромѣ того сами себѣ они задавали вопросъ,—дѣйствительно ли все слышанное нами приносило намъ ту пользу, которой несомнѣнно профессоръ ожидалъ, вводя эти знанія въ нашъ курсъ и выбирая ихъ изъ того, что онъ въ университетѣ преподавалъ въ читавшемся имъ тамъ курсѣ международнаго права.

Лекціи профессоровъ Бабста, — по статистикѣ и Лясковскаго—по химіи чрезвычайно привлекали наше вниманіе, — и какъ новыя для насъ науки, начинавшіяся нами съ этого класса, и какъ науки, читавшіяся намъ съ особымъ искусствомъ: Бабстъ вводилъ массу таблицъ и цифровыхъ данныхъ, неизвѣстныхъ намъ до того времени и съ новыхъ точекъ освѣщавшихъ разные факты и событія; Лясковскій же занималъ насъ крайне интересными химическими опытами и манипуляціями; и, если теперь иногда можетъ намъ казаться что онъ своими опытами дѣйствовалъ на насъ, какъ фокусами на дѣтей, то во всякомъ случаѣ тогда мы именно изъ-за этого чувствовали вовлеченіе себя этимъ самымъ въ болѣе серьезное усвоеніе преподававшагося намъ курса этой науки.

Надо помнить, что тѣ годы были годами особаго развитія

обѣихъ этихъ наукъ—статистики и химіи, каждая изъ нихъ, сама по себѣ, въ тѣ именно годы подвигалась усиленно впередъ ¹⁾).

Казалось намъ тогда, что жаль было того времени, которое доводилось нерѣдко тратить на слушаніе чтеній профессора Юркевича: онъ былъ, видимо, хорошій ученый, богатый даромъ слова, надѣленный вообще способностями, всѣ силы свои направлялъ къ тому, чтобы насъ своимъ чтеніемъ заинтересовать, но представлялось вполне яснымъ, что мы не доросли тогда до умѣнья вполне схватить положенія преподававшихся намъ этимъ профессоромъ наукъ—логики и психологій; мы терялись въ разборѣ преподававшагося намъ въ нихъ матеріала и съ легкостью, быть можетъ въ нѣкоторой степени предсудительною, какъ бы успокоивались на томъ, что науки тѣ являлись крайне сухими.

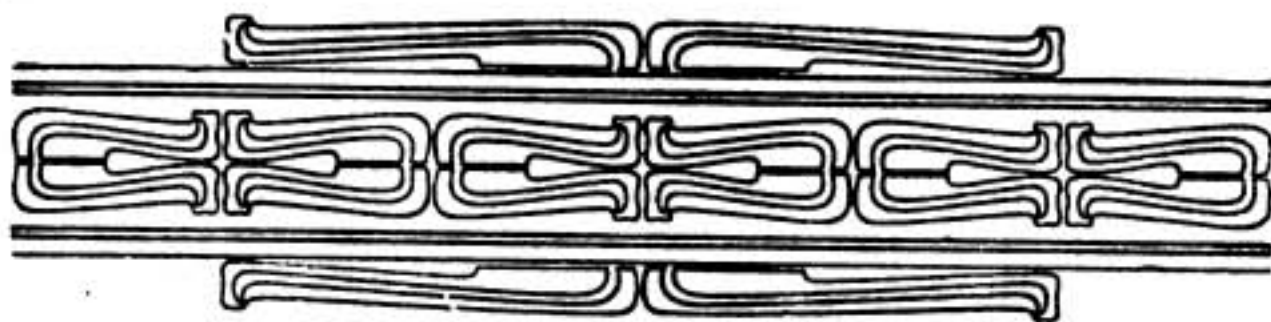
Вообще же обо всѣхъ чтеніяхъ профессоровъ у насъ возбуждалось тогда очень много разнообразныхъ разговоровъ; они насъ непривычно оживили, заставивъ предаваться совершенно новымъ для насъ сужденіямъ и давъ пищу небывалому народненію того развитія, которое ясно показывало въ насъ усиленную работу мысли, а также возбужденіе большей и большей жажды знаній. Впечатлѣніе было такое, что весь нашъ кругозоръ съ теченіемъ времени быстро становился шире; массу сочиненій, мало доступныхъ нашему пониманію и даже вовсе непонимавшихся нами, стали мы прочитывать съ большою легкостью и съ полнымъ интересомъ,—пересказывали мы другъ другу прочитанное, торопились дѣлиться вновь пріобрѣтшимися знаніями, съ жадностью схватывая отъ другихъ то, что они вычитывали и чѣмъ они могли съ нами дѣлиться.

Такимъ образомъ, не забывая совѣта Б. А. Шванебаха, мы больше и больше „поучались“, знаній набирались и благодарили судьбу, которая такъ щедро намъ все это послала. Все это мы очень цѣнили, а если о чемъ теперь приходится жалѣть, то лишь о томъ, что не такъ долго продолжалось это чтеніе такихъ „учителей“ (съ переходомъ черезъ два года въ Мих. артил. учил. мы этого лишились).

К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Статистическіе конгрессы, теорія Кетле, нашъ центральный статистическій комитетъ, статистическій совѣтъ, работы К. Арсеньева, Бабста, Тройницкаго, А. Бушена. По химіи усиленные работы Менделѣева, Бутлерова, Попова (А. Н.) (Казань, Варшава).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. ¹⁾

Глава XXX.

Дгейское море шумѣло и ревѣло бурями и штормами осенняго равноденствія. Волны съ протяжнымъ стономъ, толкая другъ друга, бросались къ подножіямъ скалъ Архипелага, шептались между собой, уходили неизвѣстно куда возвращались обратно легіонами и рассказывали намъ о томъ, что слышали онѣ у береговъ европейскаго материка Турціи.

Съ воцареніемъ Абдуль-Гамида наша сконфуженная дипломатія ушла еще дальше за кулисы предестныхъ декорацій на Босфоръ. Новый султанъ также покинулъ роковую арену Дольма-Бахче, гдѣ все еще бродили, какъ ему казалось, грозные фантомы, игравшіе судьбами оттоманскаго трона, побѣдителя древней Византіи, и удалился въ Кіоскъ „Звѣзды“ ²⁾ подъ охрану албанской стражи, не довѣряя своей особы туркамъ, захваченнымъ тогда психозомъ дворцовыхъ переворотовъ. Окруживъ себя людьми, беззавѣтно ему преданными, онъ сразу выигралъ, такимъ образомъ, нѣсколько лишнихъ шансовъ противъ ночныхъ визитеровъ съ ножницами въ карманахъ...

Здѣсь будетъ кстати добавить такую интересную подробность изъ интимной жизни султана Гамида въ новой его резиденціи, служившей при Абдуль-Азисѣ лѣтней дачей и получившей свое названіе въ честь любимой его одалиски, прекрасной черкешенки „Ильдызь“. Но Абдуль-Гамидъ превратилъ это убѣ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Звѣзда по-турецки „Ильдызь“—отсюда Ильдизъ-Кіоскъ.

жище богини любви въ сложную крѣпость, за стѣнами которой населеніе въ 15.000 человекъ окружало повелителя мусульманскаго міра.

Проникнуть за ограду этой цитадели, минуя стражу вѣрныхъ албанцевъ, не было ни малѣйшей возможности: черезъ каждые нѣсколько шаговъ стояли они за внѣшними стѣнами Ильдызъ-Кіоска; вокругъ зданій дворца и у каждой двери аппарата дежурили тѣлохранители зейбеки, арнауты, лазы, черкесы безусловно преданные до обожанія своему господину. Они также всѣми фибрами своей души раздѣляли глубокую антипатію Абдуль-Гамида къ прогрессивному Мидхатъ-пашѣ, забравшему себѣ тогда привилегію мѣнять султановъ по личному усмотрѣнію.

Если еще добавить къ сказанному, что нѣсколько сотъ евнуховъ и черныхъ рабовъ съ великолѣпно дрессированными собаками обходили дозоромъ обширные сады, окружавшіе резиденцію падишаха, то картина этого вооруженнаго лагеря говорила сама за себя. Къ тому же людямъ, о которыхъ я говорю сейчасъ, такъ хорошо платили, такъ хорошо имъ жилось подъ крыломъ намѣстника пророка на земномъ шарѣ, что мысль о предательствѣ не могла даже родиться съ ихъ стороны.

Но мятежная душа Абдуль-Гамида не знала покоя, блуждая въ области грозныхъ явленій и призраковъ убійць его дяди.

А между тѣмъ истина требуетъ сказать, что манія преслѣдованія, которой несомнѣнно былъ захваченъ Абуль-Гамидъ-имѣла свое оправданіе. Дѣло въ томъ, что по установленному обычаю оттоманскаго двора царствующій султанъ изъ предосторожности не имѣетъ постояннаго аппарата, гдѣ бы онъ спалъ и работалъ всегда, какъ обыкновенный смертный: онъ проводитъ ночь въ одной изъ комнатъ своего обширнаго дворца или въ спальнѣ у какой-нибудь одалиски, а гдѣ именно, объ этомъ знаетъ только одинъ главный евнухъ его гаремовъ.

Такого порядка держался и Абдуль-Азисъ, что однако не спасло его отъ руки предателя, открывшей двери заговорщикамъ въ роковую для него ночь 30 мая 1876 года, а иначе Редифъ-пашѣ не пришлось бы такъ легко и свободно найти свою жертву въ лабиринтахъ обширнаго зданія.

Все это было слишкомъ хорошо извѣстно Абдуль-Гамиду, и онъ принималъ мѣры, чтобы довести сложную систему охраны его личности до возможнаго совершенства.

Первые дни царствованія этого монарха были ознаменованы перемиріемъ на двѣ недѣли съ Черногоріей и Сербіей: Керимъ-

паша вернулся къ своимъ позиціямъ, а въ армію Черняева стали прибывать наши волонтеры; но Марсъ уже ковалъ другой мечъ для европейской войны на берегахъ Дуная, и „неизбѣжное должно было совершиться“, какъ увѣряли сановники Порты, когда генералъ Игнатьевъ, пользуясь временнымъ затишьемъ на Балканахъ, предложилъ разрѣшить славянскій вопросъ, не поднимая снова оружія путемъ мирныхъ соглашеній и не нарушая суверенныхъ правъ Оттоманской имперіи.

На это султанъ отвѣтилъ, что миръ онъ подпишетъ остриемъ меча въ Бѣлградѣ и на вершинѣ „Черной Горы“.

Такимъ образомъ, Блистательная Порта, чрезмѣрно увѣренная въ безкорыстную дружбу западныхъ державъ, не шла ни на какія уступки съ нашей дипломатіей, а борьба съ оружіемъ въ рукахъ во славу знамени Полумѣсяца казалась ей весьма желательной и единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія государства.

Тѣмъ временемъ башибузуки и черкесы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на голосъ общественной совѣсти, продолжали свою ужасную работу въ Болгаріи и Македоніи при благосклонномъ участіи авторовъ конституціи.

Тогда наша дипломатія предъявила турецкому правительству ультиматумъ, въ которомъ было заявлено требованіе отозвать съ театра возстанія Малоазіатскіе редифы, совершавшіе злодѣянія надъ мирнымъ населеніемъ Балканскихъ вилайетовъ.

Документъ этотъ прочитали тамъ, гдѣ слѣдовало, а затѣмъ, вѣроятно, бросили въ корзину подъ столъ — съ нами тогда не церемонились...

Чтобы задержать движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду и, такимъ образомъ, подойти вплотную къ рѣшенію вопроса о мирѣ, генералъ Игнатьевъ кончилъ тѣмъ, что пустилъ въ ходъ угрозу покинуть территорію Оттоманской имперіи, а для апофеоза своего ультиматума перебрался даже на стаціонеръ, какъ бы отплывая въ Россію. Но вся шумиха эта ровно ничего не измѣнила въ планахъ и комбинаціяхъ тѣхъ, кто безъ всякихъ церемоній тащилъ насъ къ берегамъ Дуная съ тѣмъ, чтобы трофеи побѣдителя, кто бы онъ ни оказался, раздѣлить между собой, такъ какъ прежде всего обѣ зачинщицы, поднявшія знамя возстанія, Боснія и Герцоговина, чрезвычайно нравились „рыжему швабу“¹⁾. Мы теперь это знаемъ, но въ

¹⁾ Австрія.

тѣ времена роль Австріи была какъ-то затушевана, и наша дипломатія не совсѣмъ понимала ее. Это фактъ, и къ нашему глубокому прискорбію онъ существовалъ.

Впрочемъ, я должна здѣсь оговориться: вся бѣда заключалась въ томъ, что не понималъ ее главный руководитель нашей политики, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ, а тамъ на мѣстѣ все-таки разбирались кое-какъ въ потемкахъ этой дипломатической комедіи на берегахъ Босфора.

Для иллюстраціи сказаннаго достаточно будетъ, если я передамъ здѣсь мои воспоминанія объ одномъ великосвѣтскомъ раутѣ, гдѣ присутствовали и наши посольскіе чиновники.

Въ началѣ августа 1876 года, въ тревожные и смутные дни царствованія Мурада, мы были въ Константинополѣ. Эта повѣдка уже описана мною въ XXIV главѣ настоящей книги, а теперь я снова возвращаюсь къ ней.

Лѣтній сезонъ продолжался: въ роскошныхъ виллахъ—дворцахъ европейскихъ посольствъ танцевальныя вечера, рауты смѣнялись на утро блестящими кавалькадами за городъ, веселыми экскурсіями на Малозіатскій берегъ и другими затѣями великосвѣтскаго общества.

Въ число „избранныхъ“ попали и мы, какъ принадлежавшіе къ семьѣ дипломатическаго корпуса, и, такимъ образомъ, я была на раутѣ французскаго посла графа Боргоенъ.

По роскошной анфиладѣ комнатъ, ярко освѣщенныхъ огнями люстръ и кенкетовъ, двигалась нарядная толпа гостей: дамы въ шикарныхъ туалетахъ; морскіе офицеры, расшитые мундиры турецкихъ пашей, ихъ адъютанты, изъ которыхъ многіе были польскіе эмигранты и венгерцы; знатные иностранцы-туристы, а также мѣстные богачи-коммерсанты и банкиры. Здѣсь же проводили время въ интимныхъ бесѣдахъ съ дипломатами Мидхадъ, Саффеть, Рушди, Эдхемъ, Нури, Серверъ-паши и другіе, имена которыхъ ежедневно украшали столбцы газетъ всего міра.

Но центромъ вниманія общества служилъ Гобартъ-паша, чистокровный англичанинъ, приглашенный послѣ Крымской войны командовать турецкимъ флотомъ. Въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ малиновой фескѣ на головѣ, какъ всѣ иностранцы, состоявшіе на службѣ у Оттоманскаго государства, адмиралъ показался мнѣ сначала даже комичнымъ въ своемъ недосыгаемомъ величій: прямой, какъ палка, скрестивъ руки на груди и не сгибающій колѣнъ, онъ двигался между нами, точно

статуя командора, вызванная Донъ-Жуаномъ на пиръ къ живымъ людямъ.

Меня окликнулъ дядя именно въ тотъ моментъ, когда я съ исключительнымъ вниманіемъ разсматривала фигуру турецкаго адмирала, о которомъ Стамбульская пресса говорила, что онъ разнесетъ нашъ флотъ въ пухъ и прахъ, если Россія объявитъ войну имперіи падишаха.

— Marie зоветъ тебя—не хочешь ли закусить? — спросилъ дядя,—идемъ въ буфетъ: мы тамъ своей компаніей заняли отдѣльный столикъ.

Я послѣдовала за нимъ. Въ обширной галлерей дворца куда мы вошли, былъ сервированъ холодный ужинъ à la fourchette. За однимъ изъ столовъ, убранныхъ вазами съ цвѣтами и фруктами, сидѣла моя тетушка Marie, Ону съ женою, Макѣвъ, attaché посольства Гриневъ и какой-то сильный брюнетъ греческаго типа, Аристархъ Варваца, какъ мнѣ называли его. Я заняла мѣсто рядомъ съ госпожей Ону и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ собесѣдники передавали другъ другу очень интересныя новости; но больше всего говорили о Мидхатъ-пашѣ.

— Въ концѣ концовъ онъ сломитъ себѣ шею на этихъ авантюрахъ, — продолжалъ Ону: — „турецкая республика“ и Мидхатъ—президентъ?!

— А кто же будетъ замѣщать „пророка“ на землѣ? Кто, будетъ калифомъ?—улыбаясь, спросилъ дядя.

— Почему и не такъ?! Вспомните сказку Шехерезады „Калифъ на часъ“,—возразилъ Гриневъ.

— Неужели онъ зашелъ такъ далеко?—спросила Marie, въ тонѣ грустнаго недоумѣнія.

— Ну, а какъ онъ устроилъ бы дѣло съ „тѣнью Аллаха“, которой полагается лежать только на лицѣ падишаха?! — задорно перебилъ Гриневъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ! онъ такой ловкій дипломатъ, — подалъ реплику всегда остроумный Макѣвъ, — ну, отразить ее на собственной физиономіи—вотъ и все!..

— Нѣтъ, до президентства ему не дойти,—убѣжденно заговорилъ серьезный Ону:—а что конституція будетъ подписана—это вѣрно и очень даже скоро...

— А! Максимовъ и Вурцель! надо пригласить ихъ въ нашу компанію — не правда-ли? — обращаясь къ намъ, спросилъ Гриневъ, замѣтивъ въ толпѣ передъ однимъ изъ буфетовъ своихъ

товарищей. И онъ еще разъ окликнулъ ихъ. Оба подошли къ нашему столу и усѣлись за нимъ.

— Откуда такъ поздно?—спрашивали ихъ.

— Катались по Босфору,—угрюмо отвѣтилъ желчный Максимовъ, видимо чѣмъ-то раздраженный. За то веселый, жизне-радостный Д. Вурцель такъ и сіялъ улыбками. Онъ принесъ въ своихъ карманахъ цѣлую коллекцію памфлетовъ и каррикатуръ, перлы остроумія левантійской печати, гдѣ каждая строка дышала злобой на Россію, и гдѣ рассказывали невѣроятныя вещи о „Московскомъ правительствѣ“.

— Ну, и гадость какая!—закипѣлъ негодованіемъ маленькой, живой, какъ ртуть, П. Б. Максимовъ, картавя и дѣлая энергичные жесты, при чемъ нѣсколько листовъ полетѣли со стола. Интересно было бы знать,—продолжалъ онъ угрюмо,—кто страшаетъ всю эту мерзость?..

— Ахъ, какая наивность!—перебилъ Вурцель,—точно не знаете?

— Положимъ, что знаю!—согласился Максимовъ,—а все-таки не могу заставить себя думать иначе—мерзость и подлость!..

— Никто и не собирается оспаривать ваши афоризмы, отвѣтилъ Макѣевъ:—подлость, какъ ни рассматривай ее, хотя бы въ микроскопъ, тѣмъ не менѣе останется подлостью..

— Нѣтъ! нѣтъ!—какъ бы продолжая свою мысль, говорилъ Максимовъ,—такъ нельзя: съ нашимъ Горчаковымъ мы далеко не уйдемъ: это чловѣкъ фразы и безграничнаго самообожанія..

— „La Russie ne boude pas, mais se recueille“—что можетъ быть эффектиѣ?!—добавилъ Гриневъ, дѣлая серьезное лицо, тогда какъ ему хотѣлось смѣяться и шутить.

— Да, дѣйствительно, на эффектахъ далеко не уѣдешь,—замѣтилъ Ону,—а какъ обидно сознавать, что эти трескучіе, свѣтовые эффекты не даютъ хода серьезной работѣ здѣсь и приходится только лавировать. Но истина въ томъ, что теперь всѣ дороги ведутъ не въ Римъ, какъ говорили прежде, а въ Берлинъ, именно въ Берлинъ, господа,—подчеркнулъ онъ, замѣтивъ на лицахъ собесѣдниковъ нѣмой вопросъ, такъ какъ германскаго вліянія на зыбкой почвѣ Балканскаго вопроса въ тѣ времена не существовало.

— Въ Берлинъ?!—повторилъ какъ эхо Варваца, мѣстный уроженецъ и владѣлецъ обширныхъ факторій въ Малой Азій. Видимо ему доставляло большое удовольствіе то обстоятельство, что онъ, простой коммерсантъ, и вдругъ попалъ въ сферу закол-

дованнаго круга посольскихъ чиновниковъ, съ которыми можно было вести бесѣду, какъ съ обыкновенными людьми.

— Вѣроятно, мнѣ такъ кажется, извините пожалуйста, вы хотѣли сказать, что всѣ дороги ведутъ теперь въ Лондонъ, а не въ Берлинъ?—смущаясь, говорилъ онъ,—я, напримѣръ, не вижу здѣсь ни одного нѣмца, за исключеніемъ барона Вертера, германскаго посла и его штата, а въ Малой Азіи у насъ даже не имѣютъ о нихъ понятія—знаютъ, что Бисмаркъ взялъ Наполеона III въ плѣнъ—только и всего...

— Только и всего?—безстрастно повторилъ Ону и обратился къ дядѣ съ какимъ-то вопросомъ о Хіосѣ. Между ними завязался дѣловой разговоръ, а я принялась за газетные листки, принесенные Вурцелемъ.

— Ну, вотъ и наши старые знакомые!—передавая мнѣ одинъ изъ рисунковъ, хохоталъ Гриневъ, и такъ громко, что всѣ находившіеся за другими столиками, поворачивали головы въ нашу сторону.

— Вѣроятно „le knout, les cosaques“?—улыбаясь, спросила моя тетушка.

— Нѣтъ! нѣтъ! здѣсь уже вариантъ—не угодно ли!—отвѣтилъ ей Гриневъ, указывая на изображеніе фигуръ кн. Горчакова, Биконсфильда и Андраши...

Правда, и обидно казалось намъ все это, а тѣмъ не менѣе нельзя было также и не сказать, что въ иллюстраціи, о которой идетъ рѣчь, нашъ блистательный князь находилъ себѣ вѣрное отраженіе.

Исторія уже давно нарисовала его портретъ; но тогда въ дипломатическихъ кругахъ о немъ рассказывали много анекдотовъ. О Бисмаркѣ, напримѣръ, какъ говорили въ посольствѣ, онъ выражался такъ: „ахъ, этотъ шутъ гороховый—я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ“. Или еще: „я далъ понять этой нѣмецкой колбасѣ, что ему ровно нечего дѣлать на Балканахъ—онъ знаетъ, что со мной шутки плохи“... Къ несчастію, на Берлинскомъ конгрессѣ ему пришлось говорить „съ нѣмецкой колбасой“ уже другимъ языкомъ...

Соль карикатуры заключалась въ томъ, что за спиной вѣнскаго дипломата сидѣлъ Бисмаркъ и показывалъ оттуда Горчакову популярную въ нашемъ житейскомъ обиходѣ комбинацію изъ трехъ пальцевъ, а внизу, подъ фигурой „великолѣпнаго князя“ стояло знаменитое его изреченіе: „и эти пигмеи воображаютъ себѣ, что могутъ провести меня“!..

— Австрія, собственно говоря, большая дура!—разсматривая картинку, сказалъ Максимовъ:—она не замѣчаетъ даже, что на ея плечахъ ѣдетъ къ Средиземному морю самъ господинъ Бисмаркъ, а не генералъ Игнатьевъ, какъ мерещится ей во снѣ и на яву...

— И охота же вамъ, господа, заниматься политикой?—окликнула насъ проходившая мимо хозяйка дома, графиня Боргоэнь:—будемъ лучше танцовать, а міровые вопросы оставимъ пока до времени...

— Вы правы, какъ и всегда, графиня, — отвѣтилъ ей Макѣевъ.

Она улыбнулась и граціознымъ жестомъ руки пригласила насъ слѣдовать за ней.

Стеклянная веранда, куда мы вошли, была освѣщена цвѣтными фонарями, музыка гремѣла и пары кружились, словно мотыльки вокругъ огня.

Глава XXXI.

Вслѣдъ за окончаніемъ перемирія Абдуль-Гамидъ снова двинулъ свою армію въ предѣлы Сербіи и Черногоріи: Керимъ-паша развернулъ наступательныя дѣйствія къ Алексинацу, а затѣмъ уже ничто не могло остановить его побѣдоноснаго шествія на столицу князя Милана.

Такъ закончилась первая глава исторіи царствованія Абдуль-Гамида, а слѣдующая за ней уже обнимаетъ эпоху дарованной имъ конституціи и паденія всемогущаго диктатора Мидхатъ-паши.

Но такъ какъ я веду рассказъ о своихъ чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, то оставляю пока арену борьбы на Балканахъ и возвращаюсь опять въ Хіосъ, откуда и пришлось наблюдать ходъ міровыхъ событій до момента объявленія нами войны Турецкой имперіи.

Послѣ раута у Кіамиль-паши въ честь воцаренія Абдуль-Гамида, а именно на другой день, въ понедѣльникъ утромъ, меня разбудили и передали записочку отъ Элиме съ такимъ содержаніемъ: „Вчера мы только смотрѣли издали, какъ веселились франки, а сегодня паша разрѣшилъ и намъ устроить пирушку въ гаремѣ для нашихъ друзей, въ числѣ которыхъ просимъ и васъ пожаловать къ намъ—будетъ музыка и танцы баядерокъ. Гости соберутся къ 5 часамъ, но если вы придете раньше; то я сообщу вамъ „удивительную новость“, о которой еще никто пока не знаетъ“...

— Вѣроятно, какая-нибудь сплетня,—думала я, читая эти строки и раздражаясь противъ ихъ автора:—ну, чѣмъ она можетъ удивить меня, когда все уже сказано и все рѣшено безповоротно...

Тетюшка моя получила отдѣльное приглашеніе; но, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, она уполномочила меня замѣнить ея особу на раутѣ у губернаторши. Я не заставила себя ждать и къ назначенному времени была уже въ гаремѣ.

— Бѣдный, бѣдный ягненочекъ! Значить, такова священная воля Аллаха!—говорила нараспѣвъ красавица Ашима, обмѣниваясь со мной привѣтствіями.

— Въ Коранѣ сказано, что Аллахъ не любитъ франковъ,—угрюмо добавила толстая Базя:—вотъ оно такъ и случилось!..

— Не всѣхъ, не всѣхъ!—возразила ей добродушная Лазя.

— Ну, конечно, не всѣхъ, а только злыхъ и обманщиковъ,—подтвердила Ашима.

— Да въ чемъ дѣло? что случилось? Элиме, вы писали мнѣ о какой-то „удивительной новости?“ улыбаясь, спрашивала я съ дѣланнымъ равнодушіемъ, чтобы не дать ей замѣтить моего волненія.

— А! вамъ кажется смѣшно?!—блеснувъ на меня своими хищными глазами, отвѣтила она:—ну, вотъ увидимъ дальше, какъ-то вы будете смѣяться?!

— Тогда скажите въ чемъ дѣло, а затѣмъ уже торжествуйте побѣду,—возразила я.

Ашима, укоризненно взглянувъ на меня, покачала своей прелестной головкой,—видимо ей хотѣлось что-то объяснить мнѣ,—но Элиме перебила:

— Если бы вы поменьше ломались и не важничали бы такъ, не скрывали вашихъ секретовъ отъ меня, то, конечно, все уже давно было бы устроено! А теперь,—продолжала она въ тонѣ судьи, облеченнаго властью карать и миловать,—вамъ придется „сбирать жатву послѣ бури“¹⁾, такъ какъ вашъ прекрасный бей на дняхъ увѣжаетъ въ армію, и только одному Аллаху извѣстно, какъ тяжело мнѣ будетъ, если вы умрете отъ горя...

— Напрасно беспокоитесь!—былъ мой отвѣтъ,—умирать, какъ видите, еще не собираюсь! А о томъ, что Тафти-бей уѣдетъ на Балканы, я уже знала вчера...

Это несказанно озадачило турчанокъ:

¹⁾ Турецкая поговорка.

— Что-о-о?! что вы сказали?!—протянули онѣ и какъ на пружинахъ завертѣлись вокругъ меня.

Я повторила мои слова.

— Нѣтъ! вы не могли этого знать вчера, такъ какъ бумага изъ Константинополя получена сегодня утромъ,—теряясь въ догадкахъ, возражала Элиме.

— Да! вы не могли знать этого,—робко подала свой голосъ Ашима.

— Здѣсь что-то другое?!—размышляла моя турецкая подруга:—или вы гадали на картахъ и узнали, или же вамъ приснилось, какъ тогда, передъ затменіемъ луны?..

— Ай, какъ страшно—она колдуетъ опять!—прошептала за моей спиной толстая Базя и шарахнулась въ сторону.

— Нѣтъ, зачѣмъ приснилось!—еле сдерживая себя, чтобы не расхохотаться, говорила я,—у насъ есть такая книжка и по ней можно читать будущее...

Турчанки боязливо переглянулись между собой.

— А! календарь!—нашлась моя собесѣдница,—вотъ откуда вы узнали... но тамъ пишутъ ученые?—презрительно добавила она.

— Нѣтъ, другая!—возразила я этой дѣвицѣ, для которой слово „ученый“ было синонимомъ дьявола,—и называется она астрологіей...

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ по волѣ Аллаха и его пророка,—отозвалась губернаторша, лишь бы сказать что-нибудь пріятное своей гостьѣ; но Элиме не сдавалась еще:

— Астрологія?.. астрологія?—повторяла она, какъ бы не довѣряя, что такое мудреное слово могло существовать на человѣческомъ языкѣ:—дѣйствительно, по волѣ Аллаха и камни говорятъ—въ Коранѣ я сама читала объ этомъ... Значить, и моя судьба написана въ астрологіи?..

— Ну, да!—подтвердила я, забавляясь ея невѣроятной глупостью,—и ваша такъ же, какъ и всѣхъ людей...

Она хотѣла что-то сказать или спросить, но ее перебили: евнухъ распахнулъ двери, и вошла дама безъ яшмака на лицѣ—слѣдовательно, христіанка.

Вся комната вдругъ огласилась шумными восклицаніями на арабскомъ говорѣ; обѣ хозяйки дома бросились обнимать,

цѣловать ее, точно она свалилась къ нимъ прямо съ неба, а невольницы прикасались губами къ ея платью и визжали отъ избытка чувствъ.

— Это подруга матери нашей ханумъ,—возвращаясь ко мнѣ, рассказывала Элиме,—она такая же франка, какъ и вы, а мужъ ея, военный докторъ. Они пріѣхали изъ Алеппо, а теперь будутъ жить здѣсь. Мы очень любимъ Атину—она добрая, хорошая!..

— Вотъ какъ?! мужъ этой дамы турокъ?—сорвалось у меня невольно громкимъ восклицаніемъ...

--- Нѣтъ: Даула-эфенди французъ и жена его также—разсѣянно отвѣтила турчанка, видимо уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, тогда какъ мнѣ, наоборотъ, хотѣлось еще поговорить на эту тему.

— Даула?—переспросила я,—а какъ зовутъ его?

— Измаилъ-эфенди,—отвѣтила она.

— Имя и фамилія чисто арабскія,—возражала я.

— „Даула“, на этомъ словѣ каждый французъ вывернетъ себѣ языкъ.

— А это потому такъ случилось,—убѣжденно сказала она,—что оба они, мужъ и жена, родились въ Сиріи и тамъ заставили ихъ принять греческую вѣру отъ патріарха...

— Ай,—какіе анекдоты рассказываете вы, Элиме!—не сдерживая громкаго смѣха, перебила я:—впрочемъ, не все ли равно, что они вдругъ оказались „православными французами“ Даула—тѣмъ лучше для нихъ...

Но я не договорила мысли: въ томъ моментъ забѣгали евнухи и рабыни, двери распахнулись, и въ рамкахъ ихъ обрисовались фигуры турецкихъ дамъ, закутанныхъ въ широкіе плащи и въ бѣлыхъ яшмакахъ на лицахъ. Элиме пошла встрѣтить ихъ, и, такимъ образомъ, рауть былъ открытъ.

Тогда началась церемонія „Селяма“ по всѣмъ правиламъ восточнаго гостепрѣимства: хозяйки говорили изысканные комплименты, а имъ отвѣчали изреченіями изъ Корана съ призываніемъ имени пророка и его благословенія.

А тѣмъ временемъ, пока моя собесѣдница еще не вернулась ко мнѣ, я пользуюсь этими минутами, чтобы передать здѣсь краткую исторію четы Даула, такъ какъ для наблюдателя она характерна сама по себѣ.

Оба, мужъ и жена родились отъ чистокровныхъ сирійскихъ арабовъ, которыхъ называютъ въ отличіе отъ африканскихъ „бѣлыми арабами“. Стараніями нашихъ миссіонеровъ въ Палестинѣ, дѣти ихъ были обращены въ православіе и посѣщали греческія школы.

По просьбѣ отца, мальчика назвали Исмаиломъ, а дѣвочкѣ дали самое популярное у грековъ имя „Аеины“. Затѣмъ, Исмаиль выросъ и, окончивъ курсъ наукъ медицинской школы въ Каирѣ, поступилъ на службу къ хедиву. Но случилось такъ, что онъ не угодилъ кому-то при дворѣ, и ему пришлось вернуться домой, въ свой родной городъ Алеппо, гдѣ онъ и женился на Аеинѣ.

Благодаря протекціи какого-то греческаго милліонера ему было предложено вакантное мѣсто доктора въ Хиосской цитадели.

Супруги Даула отрицали свою арабскую родословную и называли себя французскими эмигрантами, не имѣя на то ни малѣйшаго права.

Такимъ образомъ получился анекдотъ; но мои герои не замѣчали его. Впрочемъ они не составляли исключенія: сирійскій арабъ никогда не скажетъ иностранцу о своемъ кровномъ родствѣ съ Востокомъ, а непременно укажетъ на западъ...

Церемоніаль привѣтствій былъ законченъ: мнѣ также наговорили очень много хорошихъ вещей, а затѣмъ Элиме увела меня въ сторону и мы усѣлись рядомъ, какъ добрыя подруги.

— Вотъ теперь мы однѣ и будемъ говорить, не стѣсняясь,— предложила она въ тонѣ благодушнаго настроенія. Но мнѣ становилось не по себѣ.

— Скажите мнѣ, какъ другу, правда ли, что и вы также уѣзжаете изъ Хиоса?—продолжала она съ лукавой усмѣшкой.

Меня охватилъ ужасъ, и я растерялась. А между тѣмъ отвѣчать надо было. Но хитрое созданіе, такъ ловко загнавшее меня въ тупикъ, уже летѣло, закусивъ удила, къ намѣченной цѣли, не ожидая признанія съ моей стороны:

— Вотъ и прекрасно!—говорила она въ тонѣ побѣдителя,— мы это устроимъ.—Атина обѣщала мнѣ свою протекцію, и мы увеземъ васъ къ Тафти...

— При чемъ она здѣсь?!—только и наплась я сказать.

— Ну, тогда увидите!—подала она реплику и умчалась на крыльяхъ за предѣлы фантазіи.

Въ жестокой тревогѣ я не слушала ее и ломала себѣ голову надъ тѣмъ, какъ выйти изъ положенія, созданнаго вокругъ меня турчанкой.

— А моя судьба также записана въ книгу, о которой вы рассказывали?—прозвучалъ нѣжный голосъ, точно флейта дивной симфоніи.

— Вотъ куда она ведетъ!—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Но какъ извернуться тутъ? Что придумаешь?...

Впрочемъ... И я рѣшилась, какъ зарвавшійся игрокъ, на послѣднюю ставку:

— Ну, конечно, и ваша также,—съ апломбомъ заговорила я, въ то же время уклоняясь отъ ея объятій, съ которыми она кинулась было ко мнѣ:—а если хотите узнать, какая она будетъ дальше, то скажите мнѣ, подь какой звѣздой вы родились—вотъ и все.

Вопль горестнаго разочарованія былъ отвѣтомъ на мою импровизацію:

— Подь какой звѣздой я родилась?!.. Аллахъ! откуда мнѣ знать—моя мать давно умерла!..

Но меня ослѣпила еще другая мысль, на которой я и остановилась:

— Успокойтесь, дорогая Элиме!—продолжая играть роль ясновидящей,—сказала я:—мы найдемъ вашу звѣзду, но при одномъ условіи...

— Какое? — какое? — я готова на всѣ жертвы, лишь бы найти ее!—былъ отвѣтъ.

Здѣсь нервная энергія стала покидать меня: еще моментъ, и она поняла бы мою игру; но, преодолевъ себя, я договорила серьезно:

— А! въ такомъ случаѣ поклянитесь мнѣ Кораномъ, что на время, пока я буду искать звѣзду, вы ни разу не произнесете моего имени, ни съ кѣмъ не будете говорить о моихъ дѣлахъ, ни писать мнѣ—словомъ, вамъ придется какъ бы забыть о моемъ существованіи, а иначе нельзя, и такъ сказано въ этой книгѣ. А теперь выбирайте!

Минуту, другую она колебалась, такъ какъ задача, предложенная ей, была не изъ легкихъ по ея темпераменту:

— А какъ долго это протянется?—спросила она.

— Ну, недѣли двѣ, три не болѣе,—сказала я.

— Хорошо! завтра приходите опять, а сейчасъ неудобно,— отвѣтила хитрая турченка, видимо желая отдалить часъ испытанія.

— Нѣтъ! нѣтъ! сію минуту, перебила я:—завтра будетъ уже поздно, такъ какъ оборвется нить, которая связываетъ меня съ вашей звѣздой.

Это подѣйствовало на нее: уже безъ всякихъ колебаній и уловокъ она произнесла формулу клятвеннаго обѣщанія и, такимъ образомъ, моя тайна была ограждена.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ чужой странѣ.

Поздней осенью—въ годъ Японско-Китайской войны былъ я командированъ въ гор. Гиринъ (Чуань-Чень). Цѣль моей командировки была чисто специальная, а потому я и умолчу о ней и прямо перейду къ изложенію того, что можетъ составить предметъ моихъ, такъ сказать,—неофициальныхъ воспоминаній.

Получивъ предписаніе отъ своего начальства, я съ мѣста началъ суетиться и горячиться, бѣгая по разнымъ канцеляріямъ и управленіямъ за всѣми необходимыми для путешествія бумагами и документами. Попутно съ этимъ разспрашивалъ я и о деньгахъ, которыя обращаются въ той странѣ, куда я ѣхалъ, и которыми необходимо было, слѣдовательно, запастись—и на этотъ счетъ, какъ это ни странно, на первыхъ же порахъ пришлось выслушать нѣсколько разнообразныхъ мнѣній и совѣтовъ, какъ это всегда и во всѣхъ случаяхъ, между прочимъ, бываетъ. Одни совѣтовали взять съ собою серебряные рубли, другіе говорили, что надо имѣть только мексиканскіе доллары и больше ничего, третьи увѣряли, что кромѣ японскихъ долларовъ въ странѣ не обращается никакой другой монеты; и тутъ же эти люди, чтобы поддержать свой авторитетъ, начинали увѣрять меня въ томъ, что они и сами неоднократно бывали и въ Маньчжуріи, и въ Китаѣ, рассказывали даже нѣкоторыя происшествія, бывшія съ ними во время ихъ путешествій, знакомили меня съ порядками, въ странѣ существующими, словомъ: старались выказать себя знатоками, не могущими подать несообразный совѣтъ. Нѣкоторые увѣряли, что необходимо взять съ собою только серебро въ слиткахъ, ставя такимъ образомъ крестъ и надъ рублими, и надъ долларами; были наконецъ и такіе „знатоки“, которые ставили кре-

сты вообще надъ всѣми денежными знаками и совѣтовали замѣнить ихъ простой и хорошей нагайкой, съ помощью которой, якобы, все, что угодно, можно раздобыть во всѣхъ концахъ Китая.

Всѣ эти „знатоки“, совѣтчики и преподаваемые ими совѣты не могли не показать нашей малой любознательности въ отношеніи изученія и знакомства съ пограничной съ нами страной и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—не могли не убѣдить cadaго въ нашемъ симпатичномъ національномъ добродушіи, потому что во всѣхъ этихъ совѣтахъ, если даже и не было правды по отношенію къ тому вопросу, на который они должны были отвѣчать, то была все же цѣнная и симпатичная правда русскаго добродушія, въ силу какового русскій человекъ, если даже и не вполне освѣдомленъ относительно того, о чемъ вы у него спрашиваете, то все же онъ постарается хоть чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе къ вашему затруднительному положенію.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ пришлось ограничиться только лишь проявленіями этого сочувствія и не получить отъ этого ничего опредѣленнаго по части разрѣшенія интересующихъ меня вопросовъ, то я и рѣшилъ на мѣстѣ денегъ не мѣнять, а предварительно выяснить этотъ вопросъ у нашего пограничнаго комиссара—въ Новокіевскомъ.

Былъ и другой вопросъ, который ставилъ меня въ такое же затруднительное положеніе: будучи мало знакомъ съ климатическими условіями той страны, куда мнѣ надлежало держать путь, я не зналъ — какъ поступить съ вопросомъ по поводу собственнаго обезпеченія теплой одеждой. Зналъ я только то, что весь путь мнѣ придется совершить верхомъ и такъ какъ слишкомъ уже теплая одежда обыкновенно отличается и соотвѣтствующей громоздкостью, отнюдь не способствующею этому способу передвиженія, то правильное и вполне соотвѣтствующее обстоятельствамъ разрѣшеніе этого вопроса было для меня весьма важнымъ обстоятельствомъ.

Не успѣлъ я объ этомъ заикнуться, какъ сейчасъ же на помощь мнѣ явились снова „знатоки“,—снова начались самыя искреннія увѣренія въ томъ, что они неоднократно путешествовали и по Маньчжуріи, и по Китаю и чуть ли даже не по Тибету, видѣли даже столицу Далай-Ламы и многія другія чудеса и диковинки; что же касается до такихъ пустяковъ, какъ климатическія условія страны, то, конечно, они ихъ изучали и „прекрасно“ знали и проч. и проч. Но только въ концѣ концовъ выходило такъ, что если бы, при разрѣшеніи этого во-

проса, руководствоваться всѣми преподанными совѣтами, то пришлось бы взять съ собою приблизительно около 10 пудовъ равнаго теплаго хлама, для перевозки котораго и пришлось бы воспользоваться всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами, заключающимися только лишь въ двухъ маленькихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошадакахъ забайкальской породы.

Помню, одинъ изъ такихъ „знатоковъ“ совѣтовалъ мнѣ взять съ собою теплое пальто на мерлушкѣ, поверхъ котораго обязательно еще надлежало надѣвать огромный мѣховой тулупъ, съ громаднымъ воротникомъ, который, будучи поднятъ и закрученъ на уровнѣ шеи башлыкомъ, или шарфомъ, совершенно плотно закутаетъ голову и не пропуститъ вѣтра.

— Да вѣдь, позвольте, протестовалъ я, — въ такихъ „путахъ“ и на сѣдло не вскарабкаешься!

— А казаки зачѣмъ:—они васъ подсадятъ и будете сидѣть.

— И воротникъ непременно поднимать слѣдуетъ?

— Непременно, иначе продуетъ; и не только поднимать, но и завязывать, какъ я уже сказалъ, чтобы не опустился.

— Но тогда ни впередъ, ни по сторонамъ и смотрѣть невозможно будетъ.

— Да это лишнее. Зачѣмъ вамъ смотрѣть. Лошадь вашу казакъ въ поводу поведетъ, а вы сидите себѣ. По опыту говорю вамъ, иначе невозможно путешествовать: климатъ слишкомъ суровъ.

Сбитый окончательно съ толка, я рѣшилъ уже дѣйствовать на свой страхъ и не обращаться уже ни къ кому за разъясненіями и за совѣтами, а купить себѣ только легкое и теплое пальто, рассчитывая на то, что если въ немъ будетъ холодно ѣхать верхомъ, то уже навѣрно будетъ легко и тепло идти пѣшкомъ. Во время самаго путешествія, я убѣдился въ томъ, что подобное рѣшеніе было вполне цѣлесообразное.

Ѣхать въ страну, гдѣ русскій языкъ совершенно никому не извѣстенъ (за весьма малыми исключеніями), конечно, нельзя безъ переводчика. Что же касается до извѣстныхъ книжечекъ, въ которыхъ съ помощью русскаго алфавита написаны самыя, якобы, общеупотребительныя фразы, коими, по мнѣнію авторовъ этихъ книжечекъ, должны непременно обмѣниваться люди, въ первый разъ другъ съ другомъ встрѣчающіеся, то такими могутъ запасаться въ дорогу люди уже слишкомъ довѣрчивые, убѣжденные въ томъ, что стоитъ только прочесть по этой книжкѣ какую-нибудь фразу, въ родѣ на примѣръ: Лиджеръ-

дау-Нингута-ю-до-шау-ли-ди (сколько верстъ отсюда до Нингуты), то китаецъ сейчасъ же и пойметъ о чемъ его спрашиваютъ, и даже не только пойметъ, но и умилится передъ умѣніемъ иностранца разговаривать съ нимъ по какой-то книжкѣ. Не тутъ-то было. Не пойметъ онъ васъ, хотя-бы вы эту фразу читали бы ему 10—20 разъ—(конечно, есть такія фразы, которыя онъ быть можетъ и сразу пойметъ, но онѣ составляютъ собою исключенія). Онъ будетъ добродушно посмѣиваться и заглядывать вмѣстѣ съ вами въ книгу и будетъ лепетать вамъ какой-то непонятный вадоръ, въ которомъ не только трудно уловить отдѣльныя слова, но даже и звуки,—настолько они не обычны для непривычнаго уха. Вообще китайскій языкъ очень труденъ какъ для произношенія, такъ и для пониманія, и почти незамѣтные и неуловимые для уха оттѣнки очень не рѣдко мѣняютъ кореннымъ образомъ смыслъ словъ; передать правильно многія китайскія слова съ помощью русскаго алфавита невозможно, за неимѣніемъ въ этомъ алфавитѣ соответствующихъ знаковъ для обозначенія многихъ почти неуловимыхъ звуковъ.

И такъ, мнѣ необходимъ былъ переводчикъ.

Изъ русскихъ, живущихъ на нашемъ крайнемъ востокѣ, есть не мало владѣющихъ довольно сносно китайскимъ языкомъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать со мною: время года было позднее, способъ же передвиженія—не совсѣмъ удобный,—тѣмъ болѣе на холодѣ; къ тому же и значительнаго денежнаго вознагражденія я, за неимѣніемъ на это достаточныхъ средствъ, не могъ дать, и пришлось, такимъ образомъ, искать переводчика между живущими во Владивостокѣ китайцами. Снова обратился я за совѣтомъ къ свѣдущимъ по этой части людямъ, и мнѣ очень любезно пообѣщали прислать „сегодня же вполне подходящаго и умѣлаго“ переводчика. Отъ удовольствія, что такъ скоро удалось разрѣшить этотъ вопросъ, я даже руки потирать началъ и ждалъ появленія моего спутника съ нетерпѣніемъ.

И вотъ, онъ, наконецъ, пришелъ, и между нами произошелъ такой разговоръ.

— Здравствуй!

— Задаляеству (протягивается грязная рука, которую я съ радостью пожимаю).

— Хорошо говоришь по-русски?

— Така, моя мала-мала шалтай-болтай люски.

— Вотъ мнѣ нужно въ Гиринь ѣхать, такъ не желаешь ли ѣхать со мною за переводчика?

— Дилинъ, моя знай Дилинъ-Шинка холоса Дилинъ (очень хорошъ Гиринъ).

— Ну, а переводчикомъ-то при мнѣ хочешь быть? вопрошаю я снова и тутъ же начинаю замѣчать, что лицо моего собесѣдника принимаетъ растерянное выраженіе; онъ молчитъ и мнется.

— Переводчикомъ хочешь быть? Сколько возьмешь въ мѣсяць за то, что будешь переводчикомъ?

— Пелевотика — моя не знай перевотика; моя таки мала-мала шалтай-болтай люски; моя не знай пелевотика.

Вижу, что толку отъ этого молодца добиться трудно, такъ какъ на одномъ „шалтай-болтай“ далеко не уѣдешь, но, тѣмъ не менѣе, стараюсь объяснить все это смущеніемъ моего собесѣдника и, дабы подбодрить его, начинаю поддѣлываться подъ его жаргонъ и говорю: моя Гиринъ ходи; китайски моя не говорю; твоя китайски человекъ—китайски скажи, что моя русски говори.

— Э... э... э... шанго, шанго; тунда, тунда (хорошо; понимаю, понимаю) подхватываетъ мой собесѣдникъ съ радостной улыбкой.

— Одинъ мѣсяць сколько рубли твоя бери?

Непродолжительное размышленіе — и за тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ:

— Одинъ мѣсяць—сыто люблю, говорить онъ и, чтобы быть болѣе понятнымъ, выставляетъ передо мною свои грязныя ладони, съ торчащими врозь пальцами и десять разъ двигаетъ этими ладонями по направленію моего лица.

— Это значить сто рублей?

— Э-э-сыто любли; одинъ мѣсяць сыто любли.

Беру осторожно за плечи и, поворачивъ лицомъ къ двери, указываю на таковую моему собесѣднику и онъ молча исчезаетъ, понявъ сразу, что дальнѣйшіе переговоры будутъ излишни; я же остаюсь одинъ, какъ говорится: „при пиковомъ интересѣ“.

Въ концѣ концовъ всѣ хлопоты мои во Владивостокѣ окончились почти полнѣйшей неудачей: денежный вопросъ я, въ виду сбывчивости показаній, не выяснилъ, переводчика не нанялъ и единственное, въ чемъ я имѣлъ успѣхъ—это въ полученіи изъ разныхъ канцелярій и управленій всѣхъ необходимыхъ для путешествія бумагъ и съ этимъ — только съ этимъ я очутился утромъ промозглаго осенняго дня на палубѣ на-

рохода „Новикъ“, который стоялъ подъ парами, покачиваясь на мутныхъ волнахъ „Золотого рога“, готовый къ отплытію въ Посъеть. Было пасмурно. Дулъ свѣжій осенній вѣтеръ и накрапывалъ мелкій и холодный дождикъ, пополамъ со снѣгомъ. Всюду и на всемъ лежалъ отпечатокъ тяжелой и давящей тоски,—вѣрной спутницы ненастной осени. Японцы-матросы бродили по палубѣ съ понурымъ и хмурымъ видомъ; ихъ обыкновенное оживленіе и подвижность также видимо уступили мѣсто этой ненастной апатіи. Вѣроятно, они теперь съ грустью вспоминали про чудную природу своей родины, вѣчно зеленой и вѣчно согрѣтой и обласканной солнечнымъ лучемъ; они, вѣроятно, теперь сравнивали природу своей родины съ природой погруженнаго въ осеннюю мглу уголка нашей страны. Паръ, со злобнымъ шипѣніемъ вырывающійся откуда-то снизу, равными клочьями метался въ разныя стороны, какъ бы ища себѣ пріюта, но, не находя такового, таялъ и исчезалъ, не желая, вѣроятно, даже и смотрѣть на эту отвратительную осеннюю слякоть.

Стоять на палубѣ въ надеждѣ найти что-нибудь интересное въ окрестныхъ видахъ мнѣ не хотѣлось, да и заботы по предстоящему путешествію не давали какъ-то возможности сосредоточиться на чемънибудь постороннемъ. Хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, чтобы немного разсѣять свою тоску, и я пошелъ въ каюту, надѣясь хоть тамъ кого-нибудь встрѣтить, но и тутъ ничего веселаго я не встрѣтилъ. Общество составляли: полушьяный казакъ, который какъ-то сразу и ни съ того ни съ сего началъ увѣрять прочихъ пассажировъ, что водка для него—смерть, въ отвѣтъ на что пассажиры старались не смотрѣть на него и даже отворачивались, а онъ, вертя головой, продолжалъ бурчать себѣ подъ носъ и настаивать на томъ, что для него водка и смерть—синонимы и безпрестанно подливая въ рюмку изъ полуопорожненной бутылки. Тутъ же сидѣлъ какой-то грязный и плотный мужчина, оказавшійся впоследствии богатымъ гуртовщикомъ; былъ какой-то пожилой китаецъ въ шелковой кофтѣ и еще нѣсколько неопредѣленныхъ личностей. Такъ въ этой компаніи и пришлось доплыть до Посъета, куда пароходъ прибылъ уже къ вечеру.

Лѣтомъ, въ хорошую погоду Посъеть очень живописенъ. Прилегающіе къ нему холмы покрыты тогда изумрудной зеленью, и въ тихо колышущіяся волны смотрится тогда безконечно далекое—лазурное небо. Маленькіе, бѣленькіе домики, разбросанные въ безпорядкѣ группами по склонамъ горъ, смо-

трать привѣтливо и радостно, и во всемъ тогда видна здѣсь какая-то тихая уютность, такъ умиротворительно дѣйствующая всегда на душу. Иной разъ „и скучно, и грустно, и некому руку подать“, а встрѣтишь такой тихій и уютный уголокъ—и грусти какъ не бывало; начинаешь снова все любить и во всемъ находить радость и счастье.

Но теперь Посыеть былъ мраченъ. Онъ закутался въ промозглую сырую пелену осоняго тумана, и гористые берега моря смотрѣли мрачно. Долго не задерживаясь, я нанялъ лошадей и поѣхалъ въ Новокіевское, до котораго считается только шесть верстъ. Дорога все время тянется до берегу залива — по склонамъ безлѣсныхъ и лишенныхъ всякой растительности холмовъ. Было уже совершенно темно, когда телѣжка моя захлопала своими колесами по лужамъ и грязи, покрывающимъ немощенныя улицы этого урочища, населеннаго почти исключительно военнымъ элементомъ. Такъ какъ ни гостиницъ, ни постоялыхъ дворовъ въ то время въ урочищѣ не было, то я и рѣшилъ ѣхать незваннымъ гостемъ къ одному знакомому офицеру, утѣшая себя той мыслью, что и всякій на моемъ мѣстѣ не могъ бы не потревожить своимъ незваннымъ посѣщеніемъ того, или другого изъ своихъ знакомыхъ.

Здѣсь пришлось мнѣ пробыть цѣлую недѣлю, и за это время были окопчательно выяснены всѣ тѣ вопросы, надъ которыми тщетно приходилось ломать голову во Владивостокѣ. Оказалось, что по Маньчжуріи можно было свободно путешествовать, имѣя съ собою серебряныя рубли, которые всегда можно было размѣнять на вѣсовое серебро въ любомъ изъ городовъ;—объ этомъ мнѣ сообщили въ канцеляріи пограничнаго комиссара. Былъ такъ же нанятъ и переводчикъ—пѣкій Чанъ-фу, человѣкъ съ довольно хитрой фізіономіей и съ огромной и толстой косою. Этотъ Чанъ-фу, хотя и не важно говорилъ по-русски, но дѣлать было нечего: приходилось мириться съ тѣмъ, что нашель; и за это—слава Богу. Прибыли сюда же и шесть казаковъ, на своихъ крѣпкихъ и мохнатыхъ забайкальскихъ лошадакахъ. Эти казаки были назначены мнѣ въ конвой, и о нихъ я еще скажу въ свое время, а теперь упомяну про тѣ запасы, которые были приобрѣтены для путешествія. Многого, конечно, нельзя было брать, такъ какъ весь грузъ, который можно было поднять на двухъ вьючныхъ лошадахъ, не долженъ былъ превышать 12 пудовъ и въ виду этого было взято только самое необходимое, какъ-то: крупа, масло, сушеная зелень, спиртъ, свѣчи, пудъ сухарей, кирпичный чай, запасныя подковы, бу-

мага и книги, и все это составило вышеозначенный предѣльный грузъ. Все взятое, за исключеніемъ, пожалуй, спирта, дѣйстви-тельно оказалось необходимымъ въ пути, такъ какъ ни греч-невой крупы, ни масла, ни всего прочаго достать было нельзя. Что касается, напримѣръ, масла, то въ Китаѣ не только его, но даже и молока невозможно достать ни за какія деньги, по-тому что, повидимому, китайцы считаютъ предосудительнымъ дѣломъ отнимать у животныхъ ихъ молоко и тѣмъ лишать ихъ дѣтенышей предназначеннаго имъ природой питанія. Ки-тайцы употребляютъ въ пищу исключительно только расти-тельные масла—травяное, бобовое и т. п. Что касается спирта, то можно было не брать его съ собою, такъ какъ имѣлась пол-ная возможность получить почти всюду китайскую водку — сулю, которая вполне можетъ замѣнить собою спиртъ. Считаю не лишнимъ упомянуть про то снаряженіе, которое было у каждаго изъ насъ и которое оказалось вполне практичнымъ и удобнымъ для путешествія: у меня было пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна, подбитое слегка ватой, кожанныя мѣховыя шаровары, мѣховыя легкіе сапоги, мохнатая сибирская папаха и башлыкъ. Подобное снаряженіе оказалось удобнымъ, легкимъ и теплымъ, и мнѣ кажется, что я имѣю полное право посовь-товать запасаться именно подобнымъ снаряженіемъ всѣмъ тѣмъ, кто долженъ будетъ отправляться въ далекое зимнее путеше-ствіе верхомъ. Мои казаки имѣли ихъ форменное снаряженіе и вооруженіе, за исключеніемъ только сапогъ, каковыя были замѣнены теплыми сибирскими ичигами, во вьюкѣ, каждый казакъ имѣлъ новый и хорошій полушубокъ. Одинъ только Чанъ-фу отличался отъ насъ своимъ костюмомъ и своимъ сна-ряженіемъ и въ то время, какъ никто изъ насъ не имѣлъ даже и намека на какую бы то ни было постельную принадлежность, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своей мягкой подуш-кой съ красной наволокой; эту подушку онъ всегда приторачи-валъ поверхъ сѣдла и возсѣдалъ на ней съ важностью китай-скаго богдыхана. Позади подушки у него была приторочена большая овечья шуба, которую онъ въ вѣтряную погоду съ трудомъ напяливалъ на множество ватныхъ кофтъ и под-кофтъ,—юбокъ и подъюбокъ, составляющихъ его странный, не-уклюжій и невозможный для верховой ѣзды костюмъ, въ кото-ромъ онъ напоминалъ какую-то бабу-торговку, или старьев-щицу, но уже ни коимъ образомъ—не мужчину. Его физіоно-мія, лишенная всякой растительности, принадлежала къ катего-ріи такихъ, на которыя посмотришь, усумнишься и подобно

Чичикову, встрѣтившему Плюшкина, начнешь самъ себя вопрошать: „Ой баба—ой нѣтъ. Конечно—баба“ и т. д.

Заговорилъ про Чанъ-фу, такъ ужъ заодно буду продолжать о немъ и постараюсь познакомить съ нимъ читателя. Чанъ-фу, или Чанъ-по, какъ называли его казаки, произвелъ на меня на первыхъ порахъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Очень уже онъ началъ сразу лебезить и выхвалять мнѣ свою честность и знаніе русскаго языка. Но уже по одному тому, что онъ зналъ русскій языкъ немногимъ лучше, чѣмъ тотъ „шалтай болшай“, съ которымъ я познакомился во Владивостокѣ, можно было заключить, что и во всемъ прочемъ онъ способенъ хвастливо лгать и будетъ обманывать меня при каждомъ удобномъ случаѣ, а эти случаи могли встрѣтиться ему на каждомъ шагу, такъ какъ всѣ денежные расчеты (за постой и за фуражъ) съ хозяевами постоялыхъ дворовъ велись, конечно, черезъ него, какъ черезъ единственнаго „истолкователя нашихъ мысленій“ при всѣхъ общеніяхъ съ обывателями. Спросить, положимъ, хозяинъ постоялаго двора, за все взятое во время ночлега, извѣстную сумму, и ничто не могло мѣшать Чанъ-фу увеличить эту сумму по собственному произволу и извлечь отъ этого подобающій гешефтъ, тѣмъ болѣе, что всѣ денежные расчеты производились почти исключительно на вѣсовое серебро. Почти каждый разъ при такихъ расчетахъ Чанъ-фу начиналъ меня увѣрять, что онъ служить честно и безкорыстно, но этимъ онъ какъ-то еще больше подрывалъ къ себѣ довѣріе. Бывало, скажетъ съ особеннымъ какимъ-то вздохомъ: „О, барыня, моя шинка холоса человѣка; чужой деньги моя бери нѣтъ; другой чужой деньги бери, моя нѣтъ бери“, такъ почему-то сейчасъ же и начинаешь думать, что все это не такъ. А онъ скажетъ и еще разъ глубоко и тоскливо вздохнетъ и даже иной разъ поохаетъ, какъ бы давая этимъ понять, что ему очень тяжело говорить мнѣ объ этомъ, но что онъ принужденъ говорить потому, что люди, къ сожалѣнію, плохо вѣрятъ въ честность себѣ подобныхъ и въ самомъ честномъ человѣкѣ, каковымъ онъ выставлялъ въ данномъ случаѣ себя, способны видѣть вора и мошенника.

Его обращеніе со мною было самое вѣжливое, но почему-то мнѣ всегда казалось, что эта вѣжливость напускная и что онъ на самомъ дѣлѣ не симпатизируетъ мнѣ, потому что, будучи хитрымъ, онъ не могъ не понять, что эта хитрость, которую онъ всегда думалъ скрыть отъ меня подъ маскою заискиванія и чрезмѣрной вѣжливости,—уже разгадана. Называлъ онъ меня

то Вашимъ Превосходительствомъ, то капитаномъ; чаще же всего просто барыней; и почему барыней, а не бариномъ,—про это не знаю. Каждый разъ я его поправлялъ, не барыня, а баринъ и все-таки это не помогало и до самаго послѣдняго дня нашего знакомства я остался въ его понятіи—„барыней“. По-русски онъ говорилъ не важно, хотя при первомъ знакомствѣ мнѣ и показалось, что онъ говоритъ довольно сносно, что произошло отъ того, что разговоръ нашъ дальше самыхъ обыкновенныхъ фразъ, имѣющихъ цѣлю обусловить наши взаимныя отношенія въ будущемъ,—не шелъ, но чѣмъ больше я общался съ нимъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что онъ не подготовленъ къ принятой на себя обязанности. Наиболе употребляемыя и любимыя имъ, при всякихъ разговорахъ слова были: „уважайтъ и уцни“ (уважать и учить), и этимъ послѣднимъ словомъ онъ почему-то особенно кичился, вставляя его всюду въ разговоръ и очень часто, конечно,—ни къ селу, ни къ городу

Въ общемъ же, несмотря на всѣ эти недостатки, онъ все же для меня былъ полезенъ и старательно несъ свою службу какъ переводчикъ, за что, конечно,—спасибо ему. Не вспоминаю его лихомъ за то, что, быть можетъ, онъ и обсчиталъ меня на нѣсколько десятковъ рублей. Соблазнъ былъ для него слишкомъ великъ и необыченъ; нужда же, среди которой онъ влачилъ свое существованіе—и еще того больше, въ виду чего строгій судъ надъ темнымъ человѣкомъ при такихъ условіяхъ едва-ли возможенъ.

Шесть казаковъ забайкальцевъ были остальными моими спутниками. Всѣ они были симпатичные и славные люди, расторопные, смѣлые, слышленные и лихіе наѣздники. За старшаго въ командѣ былъ урядникъ Дементьевъ, — красивый и статный брюнетъ, съ закрученными къ верху, небольшими усиками и съ лихо заломленной на правое ухо папахой. Прочихъ казаковъ звали: Дементьевъ, Кавалистъ, Жаркой, Замблаевъ и Злыгостевъ. Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ ихъ былъ Дементьевъ — однофамилецъ съ урядникомъ. Это былъ блондинъ съ выразительными и добрыми синими глазами, очень положительный, скромный и молчаливый. Всѣ казаки относились къ нему, видимо, съ большимъ почтеніемъ, и его авторитетъ въ ихъ глазахъ повидимому имѣлъ больше вѣса, нежели авторитетъ урядника—его однофамильца. Послѣдній былъ большою поклонникъ женскаго пола, и всѣ жизненные интересы сводились у него къ изученію „науки страсти нѣжной“. Бывало, встрѣтятся гдѣ-нибудь на дорогѣ безобразная и грязная пред-

ставительница прекраснаго пола, и казаки, негодуя на ея безобразіе, начинаютъ отплевываться, какъ отъ „нечистой силы“, а онъ, подкрутивъ свой усъ, не преминетъ подмигнуть ей глазкомъ.

Кавалистъ былъ острякъ, весельчакъ и малый, какъ говорится: „на всѣ руки“. Всегда, во время дороги, сыпались его шутки и остроты и, благодаря этому, веселое настроеніе очень рѣдко покидало казаковъ—и безпрестанно слышался ихъ здоровые смѣхъ, такъ что завидно даже становилось, глядя на ихъ веселую компанію. Много пользы приносятъ такіе люди въ солдатской средѣ; ихъ остроты заставляютъ забывать и голодъ, и холодъ, и „прочія солдатскія нужды, которыя порою бываютъ неизбежны“.

Жаркой обладалъ очень недурнымъ теноромъ, и часто бывало его развеселая пѣсня оглашала окрестность; къ нему нерѣдко присоединялись и другіе, и тогда начинала звучать своеобразная забайкальская мелодія, то безконечно грустная, угрюмая и тяжелая—то размашистая и разухабистая. Замбалаевъ былъ бурять, что не могло, конечно, мѣшать какой-то особой душевной мягкости, скромности и симпатичности этого человека, мнѣ онъ даже казался красивымъ, несмотря на свои раскосые глаза и выдающіяся скулы. Онъ былъ прекрасный наѣздникъ и джигитъ—по всей вѣроятности—одинъ изъ первыхъ среди казаковъ своего полка. Его черные, какъ смоль, волосы и смуглый цвѣтъ кожи почему-то всегда смущали китайцевъ, которые дарили его бѣльшимъ вниманіемъ, нежели прочихъ казаковъ, считая его не за русскаго казака, а за переодѣтаго корейца (кауля). Злыгостевъ зналъ кузнечное мастерство и, какъ почти всѣ люди этой профессіи, онъ былъ мраченъ и угрюмъ. Свое мастерство онъ не только зналъ, но даже любилъ и увлекался имъ—и самымъ любимымъ его занятіемъ было—ковать и перековывать лошадей. Иной разъ казалось бы смѣло можно было бы ограничиться „подтягиваніемъ“ начавшей „хлябать“ у какой-нибудь изъ лошадей подковы, анъ, смотришь:—пришли на привалъ, и Злыгостевъ достаетъ уже свой „струментъ“, отдираетъ клещами подкову и пригоняетъ ее заново.— Да ты бы, парень, только подтянулъ бы ее,—нашто перековываешь,—говорятъ ему казаки, закуешь еще неровень часъ. Но Злыгостевъ даже не удостоиваетъ отвѣтомъ вопрошающаго; онъ работаетъ молча и проворно, а иногда вмѣсто отвѣта даже прикажетъ этому вопрошающему подержать лошадь, что послѣдній и исполнялъ всегда безпрекословно.

3-го ноября, въ три часа пополудни, мы, наконецъ, вполнѣ снаряженные, покинули Новокиевское. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ добрыхъ пожеланій и напутствій со стороны вѣкоторыхъ знакомыхъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, и теперь мнѣ почему-то хотѣлось вѣрить, что всѣ эти пожеланія были совершенно искренни и правдивы. Мы отправлялись путешествовать въ не совсѣмъ спокойное время и въ страну, которая испытывала уже тягость неудачной войны съ японцами. Будучи уже неоднократно побиты на поляхъ сраженій, китайцы, въ силу своей особой подозрительности, начинали подозрѣвать, что они воюютъ не съ одними только японцами, но что въ рядахъ ихъ враговъ противъ нихъ идутъ и другіе народы и по преимуществу—русскіе. И вотъ, по мнѣнію китайцевъ, всѣ тѣ пораженія, которыя они уже потерпѣли, надлежало приписать помощи этихъ постороннихъ войскъ, т. к. одни японцы, по ихъ мнѣнію, были настолько слабы, что никоимъ образомъ не были бы въ состояніи побѣдить ихъ храбрыхъ солдатъ. Такіе толки, помню, въ то время были распространены среди китайскаго населенія, живущаго въ предѣлахъ Уссурійскаго края; ходили они въ еще большей степени, какъ я и убѣдился въ этомъ,—и въ предѣлахъ Маньчжуріи, гдѣ не только простой народъ вѣрилъ этимъ бреднямъ, но даже и власти были склонны придавать имъ подобающее значеніе. Конечно, путешествовать при подобномъ условіи по этой странѣ было не такъ уже безопасно, какъ по какой-нибудь Тамбовской губерніи.

Объ этомъ, между прочимъ, говорила и полученная мною инструкція, которой предписывалось соблюдать величайшую во всемъ осторожность, отнюдь не навлекая на себя какихъ бы то ни было подозрѣній въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы тронулись въ путь. Солнце уже сильно клонилось къ горизонту и было прохладно. Желтая высохшая трава, колеблемая вѣтромъ, безжизненные склоны горъ, одинокіе стога—невеселая кругомъ была картина.

До горы „Леденіуса“, отстоящей въ 6—7 верстахъ отъ Новокиевскаго, насъ проводилъ генеральнаго штаба капитанъ С., у котораго я прожилъ цѣлую недѣлю и съ которымъ сошелся, какъ съ роднымъ. На вершинѣ горы мы съ нимъ разстались; онъ поѣхалъ обратно, а я сразу какъ-то почувствовалъ полнѣйшее одиночество. Что-то какъ бы оторвалось въ душѣ, когда уѣхалъ отъ меня этотъ хорошій человекъ и славный товарищъ. На вершинѣ горы тянулъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, но, спус-

стившись къ подошвѣ на противоположную сторону, мы очутились среди невозмутимой тишины. Снова высохшая, желтая трава, снова безжизненная, всхолмленная окрестность, и только далеко-далеко рисуются синеватымъ, мощнымъ силуэтомъ красивыя горныя панорамы; но и тамъ, я знаю,—нѣтъ жизни; и тамъ та же безмолвная пустыня, которую огласить иной разъ только орелъ своимъ дикимъ клекотомъ, да зареветь и зарыкаетъ голодный тигръ—царь здѣшнихъ равнинъ и горъ, покрытыхъ глухими лѣсами. Нѣтъ тамъ,—на этихъ далекихъ горахъ, жилья человѣческаго. Не наполнилъ еще человѣкъ собою настолько землю, чтобы оживить и пробудить отъ безконечнаго сна многіе уголки на ея поверхности. Надъ этими далекими горами повисла тяжелая и мрачная туча, и казалось, что она настолько тяжела, что даже эти мощныя горы поникли подъ ея тяжестью. Солнце садилось, и вотъ уже послѣдній лучъ скользнулъ по землѣ,—скользнулъ и потухъ. Мракъ мало-по-малу спускался на землю, распространяя всюду холодную и мертвящую дрему.

Что-то тамъ ждетъ насъ за этими далекими, синими горами? Тамъ за ними живетъ народъ—своеобразный, оригинальный;—живетъ онъ не одну тысячу лѣтъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сосѣдями, для которыхъ не перестаетъ быть загадкой. Онъ отказался отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ отказывается отъ него какой-нибудь философъ, или мыслитель, ушедшій въ міръ своихъ думъ. Онъ оберегаетъ свое жилище отъ посѣщеній постороннихъ людей, которые, если и являются къ нему, то только лишь, какъ непрощенные гости—и онъ давно уже заперъ двери этого жилища и огородилъ его огромной каменной стѣной, которая протянулась на тысячи верстъ на удивленіе народамъ; и они, удивленные и охваченные любопытствомъ проникнуть за эту громадную стѣну, съумѣли найти въ ней проходы и подобрать ключи къ запертымъ дверямъ и, сдѣлавъ это, они тысячами повалили въ жилище этого замкнутаго философа, повалили ватѣмъ, чтобы нарушить его покой и помѣшать ему думать его крѣпкую думу, съ которой онъ уже сроднился, потому что жилъ ею въ теченіе тысячелѣтій.

Кавкази мои были молчаливы и мрачны; не было слышно въ этотъ первый день похода ни шутокъ, ни разговоровъ, и лишь только топотъ лошадиныхъ ногъ о промерзлую почву дороги нарушалъ безмолвіе и тишину спускавшейся ночи.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Горы совершенно скрылись за дымной пеленой, которая какъ-то быстро выдвѣлилась въ по-

кровѣ сумрака, и тѣнь земная, скользнувъ по небесному куполу, сдернула съ него покрывало, изъ подъ котораго и замерцали безчисленныя—далекія звѣзды. Гдѣ-то далеко-далеко, извиваясь огненными змѣями по невидимымъ склонамъ горъ, пылали палы, и чудилось, что эти огненные змѣи летятъ на землю откуда-то изъ безконечнаго пространства, дабы поглотить ее въ пламени. Было чѣмъ любоваться въ этой мрачной, но прекрасной картинѣ.

Уже повдно вечеромъ мы прибыли къ мѣсту стоянки сотни приморскаго коннаго дивизіона, находящемуся въ 8 верстахъ отъ границы и слывущему подъ названіемъ „хунчунскаго караула“. Отсюда необходимо было послать извѣщеніе хунчунскому фудутуну о нашемъ проѣздѣ черезъ границу: безъ этой предосторожности насъ, конечно, могли бы не пропустить.

Пришлось такимъ образомъ задержаться въ теченіе слѣдующаго дня на этомъ караулѣ и, по правдѣ говоря, остановка эта была для насъ не только необходима, но и полезна: мы сдѣлали 25-ти верстный переходъ, и этого было достаточно, для того, чтобы подмѣтить нѣкоторыя неудобства какъ въ укладкѣ вьюковъ, такъ равно и въ ихъ приспособленіи; кое-что пришлось передѣлать, и слѣдовательно время у насъ даромъ не пропало.

Раннимъ утромъ 5-го ноября мы тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный и холодный, потому что навстрѣчу намъ съ запада тянулъ довольно сильный NW, который имѣетъ весьма скверную привычку прогуливаться здѣсь въ теченіе цѣлой осени, а иногда, увлеченный этими прогулками, не перестаетъ увлекаться ими и зимой, принося съ собою леденящій холодъ и цѣлое снѣжное море.

Зимой быть застигнутымъ этимъ „гулякой“ гдѣ-либо въ пути—въ безлюдномъ мѣстѣ—чистая бѣда: ложись и помирай. Да и осенью-то не особенно пріятно попасть въ сферу его холоднаго дыханія. Иной разъ съ утра день обѣщаетъ быть теплымъ, свѣтлымъ и прекраснымъ; солнце свѣтитъ, воробьи чирикаютъ и, отправляясь изъ дома, на вопросъ своего слуги—подать ли пальто, отвѣчаешь отрицаніемъ, вполнѣ увѣренный, что и такъ-то будетъ жарко;—и вдругъ сразу налетаетъ этотъ NW—а онъ всегда налетаетъ сразу, какъ лихой эскадронъ на неожиданнаго его противника,—и пошла потѣха: солнце прячется либо за тучу, либо за облака пыли, песку; случается нерѣдко, что даже мелкая галька не можетъ остаться неподвижной подъ его стремительнымъ напоромъ. Въ воздухѣ слышится свистъ и вой, какъ будто бы 100 чертей и 300 вѣдьмъ съ

лысой горы творять свою адскую тризну. Всякая тварь, не исключая и человѣка, старается скорѣе скрыться въ своей „норѣ“. А онъ, то рветъ и мечетъ: грохочетъ желѣзными листами крышъ, хлопаютъ ставнями; вздрагиваютъ дома, свиститъ телеграфная проволока и тоскливо и жалобно подвываютъ телеграфные столбы. Положимъ, надо правду сказать, что къ такимъ рѣшительнымъ налетамъ NW не всегда прибѣгаетъ, а дѣлаетъ ихъ, ну, раза два въ мѣсяцъ, чтобы, такъ сказать, люди не забывали бы про его мощь и силу; обыкновенно же онъ дуетъ съ тоскливой монотонностью, которая способна извести не только путника, но и человѣка, сидящаго дома.

Вотъ именно при подобной „тоскливой монотонности“ и мы выступили въ путь, готовясь перейти границу.

Когда выѣхали за околицу хунчунскаго караула, то вдругъ съ одной изъ придорожныхъ сорныхъ кучъ поднялся большой, черный песъ и, понуря голову, поплелся за нами. Не знаю, имѣлъ онъ въ своей собачьей головѣ заранѣе обдуманное намѣреніе—прогуляться съ нами въ Гиринъ, или же таковое рѣшеніе явилось у него безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, но только онъ всталъ съ кучи и, встряхнувшись своимъ громоздкимъ тѣломъ, присоединился къ намъ. „Пойду съ ними, чортъ вольми:—все лучше, чѣмъ такъ-то лежать“, казалось, говорила вся его апатичная фигура.

Впослѣдствіи мы всѣ горячо полюбили Соболюку (такъ его звали), и я не могу воздержаться, чтобы не вспомнить его добрымъ словомъ.

Глядя на довольно тощій видъ присоединившагося къ намъ четвероногого слутника, я не хотѣлъ сначала принимать его въ составъ нашей компаніи, опасаясь, что его брненное тѣло не выдержитъ трудностей походной жизни, а потому и приказалъ казаку какъ-нибудь удалить незнакомца. Но онъ не имѣлъ, повидимому, никакого намѣренія покидать насъ, и когда его гнали, то отходилъ въ сторону, садился и начиналъ какъ-то грустно на насъ поглядывать: почему это, молъ, при всемъ его желаніи и при полной готовности сопутствовать людямъ,—послѣдніе все же гонять его отъ себя. Онъ сидѣлъ и размышлялъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы не уходили отъ него шаговъ на 200, и потомъ флегматично поднимался на ноги и рысцой догонялъ хвостъ нашей маленькой колонны. Его снова отгоняли и снова:—ретировка въ сторону, сидѣніе и размышленіе.

Такъ повторялось нѣсколько разъ. Надо полагать, что ему

было грустно смотрѣть на нашу настойчивость и испытывать нашу холодность, и вотъ онъ рѣшился испытать послѣднее средство; если ужъ это не поможетъ, такъ и не хочу съ вами знаться—идите тогда одни въ свой Гиринь, а я вернусь.

Такъ, надо полагать, думалъ онъ, подкрадываясь къ фазану, который сидѣлъ недалеко въ сторонѣ и на которомъ онъ и рѣшилъ испытать это послѣднее средство. Конечно, поймать фазана ему не удалось, но за то онъ всѣхъ насъ позабавилъ отчаянной гонкой за летающей птицей,—гонкой, въ которой онъ не видѣлъ передъ собою препятствій, прыгая черезъ канавы и оглашая воздухъ отчаяннымъ и визгливымъ лаемъ. Когда же достаточно поглумившійся надъ нимъ фазанъ усѣлся преспокойно на одинъ изъ кустовъ, то Соболяка, вырвавъ подъ этимъ кустомъ своими ногами изрядной величины яму, принужденъ былъ ограничиться только подобнымъ проявленіемъ своей ярости, и послѣ этого ему уже ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться къ намъ съ высунутымъ отъ усталости языкомъ и съ разинутой пастью. И тутъ—судьба его была рѣшена, и ему было позволено сопутствовать намъ, потому что большинствомъ голосовъ онъ былъ признанъ забавнымъ цсомъ.

Соболяка не принадлежалъ къ категоріи бездомныхъ скитальцевъ; онъ состоялъ на вѣдженіи сотни, стоящей на Хунчунскомъ караулѣ; имѣлъ, вѣроятно, вкусный и питательный столъ, квартиру въ видѣ собачьей будки; наконецъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи быть можетъ любую изъ сорныхъ кучъ, лежа на каковыхъ, могъ предаваться либо сладкому отдыху, либо, наконецъ, заниматься рѣшеніемъ какихъ-нибудь головоломныхъ для собачьей головы вопросовъ. И вотъ онъ промѣнялъ всѣ эти блага и удобства на трудности зимняго скитанія и этимъ показалъ, что онъ далеко не заурядный песъ,—что онъ философъ въ своемъ родѣ. А можетъ быть онъ былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ жизни и принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которымъ не сидится на мѣстѣ и которымъ всюду скучно на землѣ. Не знаю и не берусь отвѣчать на эти вопросы и скажу только одно, что онъ былъ добрый и славный песъ, котораго мы всѣ отъ души не только полюбили за время этого путешествія, но и привязались къ нему такъ, какъ можно привязаться къ разумному существу.

Съ собаками онъ былъ строгъ, суровъ, но справедливъ; самъ ни одну изъ нихъ не задиралъ, но задиравшимъ его спуску никогда не давалъ. Будучи и самъ очень ловокъ и силенъ, онъ нерѣдко схватывался съ такими „экземплярчиками“, которые

были значительно сильнѣе его и только, благодаря своей безграничной отвагѣ, не былъ никогда битъ. Всегда, послѣ выиграннаго имъ „сраженія“, онъ гордо выбѣгалъ впередъ, съ поднятымъ пушистымъ хвостомъ, и сначала продолжалъ злобно, но тихо ворчать, но, мало-по-малу, это ворчанье переходило въ тихое и тоскливое попискиваніе, которое не вызывалось физической болью (ранъ и контузій на немъ никогда не бывало), а скорѣе болью нравственной. Этими попискиваніями онъ какъ бы выражалъ свою скорбь по содѣянному и жаловался на то, что вотъ, молъ, какіе подлецы на бѣломъ свѣтѣ завелись:— и не хотѣлъ бы ихъ бить, а приходится.

Случалось и такъ, что на него набрасывалось 5—6 здоровенныхъ псовъ, но и тогда онъ не трусилъ, а прибѣгалъ къ такой тактикѣ: останавливался и, не вступая въ бой ни съ однимъ изъ непріятелей, показывалъ имъ только свои бѣлые зубы—и сердито ворчалъ; непріятели, въ свою очередь, поступали такъ же, но нападать не рѣшались, если же кто-либо изъ нихъ, оцетинивъ шерсть и съ выраженіемъ крайней ярости на мордѣ, дѣлалъ нѣсколько крадущихся шаговъ впередъ, то Соболя, не отступая ни на шагъ, начиналъ щелкать зубами съ такой силой, что можно было подумать—не палитъ ли онъ уже въ своихъ враговъ изъ пистолета. Въ такихъ случаяхъ „сраженій“ никогда не происходило; враги расходились, ворча и роя съ досады землю, а Соболя выбѣгалъ впередъ и начиналъ „скорбѣть духомъ по содѣянному“.—Этотъ въ обиду себя не дастъ; молодчага ты у насъ, Соболя, говорили казаки, лаская добродушнаго пса. Къ слабѣйшимъ себя Соболя былъ великодушень и либо не обращалъ никакого вниманія на какую-нибудь ничтожную пустолойку: пусть, молъ, лаеетъ, коли охота; либо ужъ если подобная „мелочь“ очень его донимала, то онъ легонько хваталъ ее за шиворотъ и отбрасывалъ въ сторону, послѣ чего „мелочь“ поджимала хвостъ и исчезала.

Какъ выше было сказано, намъ приходилось прежде всего миновать крѣпость Хунчунъ, отстоящую въ 25 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни и въ 17 верстахъ отъ границы. Хунчунъ—довольно сильная крѣпость, имѣющая нѣсколько отдѣльныхъ фортовъ, построенныхъ по правиламъ науки и вооруженныхъ, какъ говорили, тяжелыми, дальнобойными пушками. Принадлежа къ территоріи Гиринской провинціи, Хунчунъ считался главнымъ городомъ округа, и представителемъ какъ гражданской, такъ и военной власти здѣсь былъ фудутунъ Энъ-Сянь, въ подчиненіи у котораго находился до-

волью сильный гарнизонъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. По положенію своему крѣпость эта могла бы назваться труднодоступной для атаки: обширная и открытая равнина, окружающая ее со всѣхъ сторонъ, преимущественно же со стороны нашей границы, какъ нельзя болѣе способствовала обстрѣлу всѣхъ подступовъ, и китайцы, сознавъ это, насыпали здѣсь сильныя батареи. Словомъ, они постарались создать въ данномъ случаѣ „тѣло“ и, на сколько это было можно, успѣли въ этомъ. Что же касается до той „души“, которая могла бы оживить это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать этого они были не въ состояніи, за неимѣніемъ въ самихъ себѣ всѣхъ, необходимыхъ для этого, элементовъ.

Въ 8 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни,—по невысокому горному отрогу пролегаетъ наша государственная граница съ Китаемъ. На самой высшей точкѣ этой возвышенности дорога пересѣкаетъ границу и здѣсь—съ одной стороны стоитъ уныло покривившійся каменный пограничный столбъ, а съ другой—большая глинобитная фанза (домъ), служащая для жительства китайскаго пограничнаго патруля. Всѣ мы сильно озябли, благодаря встрѣчному вѣтру, а потому и зашли въ эту фанзу обогрѣться. Всего только восемь верстъ проѣхали, а замерзли, какъ мухи зимой, думалъ я, входя въ фанзу, которая оказалась наполненною разнымъ народомъ. Большинство изъ бывшихъ тутъ людей были, конечно, солдаты, но ни по наружной осанкѣ, ни по одеждѣ они не отличались отъ прочихъ посѣтителей, большинство изъ которыхъ были грузовые извозчики; эти послѣдніе, побросавъ свои огромныя арбы, нагруженныя какими-то тяжестями на дорогѣ, забѣжали сюда погрѣться, покурить и покалякать. Известно, что всѣ восточные народы ужасные охотники до этого „каляканія“, и китайцы въ этомъ отношеніи нисколько не отстаютъ ни отъ персовъ, ни отъ турокъ, съ которыми они смѣло могутъ конкурировать въ краснорѣчіи. Здѣсь сплошь и рядомъ приходилось наблюдать картинки, приблизительно, такого содержанія: приходитъ какой-нибудь промерзшій до костей путникъ и сейчасъ же устремляется къ наполненному горячими углями очагу, гдѣ и начинаетъ отогрѣвать свои окоченѣвшія руки. Сначала онъ ни на кого не смотритъ, и все его вниманіе сосредоточено на тепловыхъ лучахъ. Лучи эти, мало-по-малу, начинаютъ оказывать свое благотворное дѣйствіе, и попутно съ этимъ часть вниманія переходитъ отъ нихъ на постороннее, и путникъ, продолжая

потирать свои руки, начинаетъ оглядываться по сторонамъ; онъ что-то высматриваетъ и какъ бы къ чему-то даже принюхивается, такъ что можно даже подумать, что онъ сильно голоденъ и намѣревается „стащить“ что-нибудь съѣдобное, если только оно „плохо лежитъ“. Но нѣтъ, „онъ этого не ищетъ и не къ съѣдобному бѣжитъ“, а вотъ его взоръ облюбовалъ уже какого-то незнакомца, который сидитъ тутъ же по близости на канѣ (нары) и флегматично куритъ свою трубку. Онъ сначала осматриваетъ сидящаго, переводя глаза то на него, то на угли, и какъ бы что-то обдумываетъ и на что-то рѣшается и, наконецъ, приступаетъ къ дѣлу. Бесѣда сначала ведется отрывистыми фразами, и собесѣдники какъ бы нарочно дѣлаютъ видъ, что не имѣютъ особеннаго желанія продолжать обмѣнъ мыслей, а если и дѣлаютъ это, то только приличія ради. И вдругъ одинъ изъ собесѣдниковъ затронулъ какой-то, повидимому, интересный вопросъ. Лица у обоихъ сразу сбрасываютъ официальность и даже какъ бы просвѣтляются. Тотъ, который грѣлъ свои руки, уже достаетъ изъ-за пазухи длинную трубку, со стекляннымъ, или фарфоровымъ мундштукомъ на одномъ концѣ и съ мѣдной чашечкой на другомъ; не торопясь, онъ набиваетъ эту чашечку мелко искрошеннымъ табакомъ, доставая его при помощи этой же чашечки изъ кисета, при чемъ дѣлаетъ это съ какимъ-то особеннымъ, если можно такъ сказать, „подковыромъ“ и начинаетъ съ наслажденіемъ посасывать, втягивая въ себя табачный дымъ съ такою силою, что можно подумать, что онъ могъ бы проникнуть до самыхъ пятокъ, если бы въ организмъ были бы соотвѣтствующіе для сего „дымоходы“. Его собесѣдникъ, обрадованный возможностью поговорить, мѣняетъ уже свою трубку (іенду) на металлическій кальянъ (сю-іенду) и клопоча имъ, какъ чахоточный клокочетъ своими изъязвленными легкими, безпрестанно сплевываетъ на сторону и, подкладывая все новые и новые заряды въ свою сю-іенду, показываетъ уже свою способность къ краснорѣчію.

И откуда, въ самомъ дѣлѣ, у этихъ сыновъ востока берется такое краснорѣчіе! Вѣдь иной разъ слушаешь, слушаешь такого говоруна и начнешь сомнѣваться въ томъ—не заучилъ ли онъ своей ровной рѣчи по какой-нибудь книгѣ. Мысли у нихъ, какъ ручей,—текутъ непрерывно одна за другой, текутъ гладко, безъ запявки, какъ текутъ онѣ у актера, говорящаго со сцены хорошо заученный монологъ. Не часто встрѣчаются такіе говоруны между нашимъ простонародіемъ,—на востокѣ же сплошь и рядомъ приходится на нихъ наталкиваться. Неоднократно,

за время этой поѣздки, приходилось наблюдать, какъ собесѣдники, позабывъ про всѣ свои дѣла, проводили часъ-другой въ оживленной бесѣдѣ, мѣняя свои іенды на сю-іенды, и всегда при этомъ мнѣ казалось, что они курятъ первѣйшаго сорта табакъ, вывезенный изъ Гаванны, или изъ какого-нибудь инаго „табачнаго“ мѣста.

И вотъ, въ этой фанзѣ, набитой на половину солдатами, на половину же извозчиками, люди раздѣлились на группы, болтали, курили и грѣлись около очага съ углями. Нѣкоторые пили чай изъ грязныхъ фарфоровыхъ катаяскихъ чашекъ, а нѣкоторые залегли уже на панъ и, зажегши лампочки, сосали съ наслажденіемъ изъ своихъ большихъ и толстыхъ трубокъ (та-іендъ) опиумъ, безпрестанно скатывая изъ опійной массы конусообразные, похожіе на наперстки, столбики и наклеивая ихъ надъ отверстіемъ трубки.

Скажу нѣсколько словъ о способѣ куренія опиума.

Китайцы курятъ опиумъ изъ большихъ и толстыхъ трубокъ, называемыхъ „та-іенда“. Эта та-іенда по своему наружному виду напоминаетъ собою флейту, только она не черная, а желтая и, конечно, не имѣетъ клапановъ. Дѣлается она изъ какого-та дерева, — очень крѣпкаго. На одномъ концѣ та-іенда имѣетъ отверстіе, служащее продолженіемъ канала трубки — и этотъ конецъ берется курильщикомъ въ ротъ и въ силу того, что та-іенда имѣетъ въ діаметрѣ около дюйма—губы курильщика, плотно обхвативъ конецъ трубки, придаютъ какое-то особенное выраженіе лицу, каковое мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось отвратительнымъ. Смотришь на человѣка и видишь, что онъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а началъ сосать эту безобразную трубку, и сразу преобразился въ какого-то отвратительнаго идіота: глаза какъ-то бессмысленно впяляются въ одну точку; вся фізіономія принимаетъ выраженіе сладострастной сонливости, но все это до тѣхъ поръ — пока трубка находится во рту курильщика;—бросилъ онъ курить, и снова человѣкъ, какъ человѣкъ.

Другой конецъ трубки закрытъ по ея оси, но на боковой ея поверхности просверлено отверстіе, сообщающееся съ каналомъ. Въ это отверстіе ввинчивается особый придатокъ, имѣющій форму какъ бы небольшой чашечки. Придатокъ этотъ сплошной и только по своей оси имѣетъ узенькій каналъ, сообщающійся такимъ образомъ съ боковымъ отверстіемъ трубки. Придатокъ этотъ и служитъ для прилаживанія къ нему приготовленной для куренія порціи опиума. Самый опиумъ въ пе-

приготовленномъ для куренія состояніи представляетъ собою довольно мягкую массу, кофейнаго цвѣта и издающую довольно пріятный запахъ; но для того, чтобы курить, необходимо предварительно хорошенько прокипятить его на огнѣ, и для этого употребляется особая маленькая лампочка, — необходимая принадлежность при куреніи.

Курильщикъ, отдѣливъ отъ общей массы небольшой кусочекъ сырого опиума, скатывалъ его между ладонями и, наколовъ на тонкую шпильку, начинаетъ поворачивать его, какъ на вертелѣ надъ пламенемъ лампочки. Опиумъ пузырится, скворчитъ, какъ скворчитъ яичница, когда ее жарятъ на сковородѣ и начинаетъ пузыриться. Курильщикъ ловко дѣйствуетъ своимъ вертеломъ и, безпрестанно подставляя къ огню менѣе нагрѣтую поверхность, не даетъ капать черезчуръ уже нагрѣтому и разжиженному опиуму.

Прокипятивъ такимъ образомъ отдѣленную имъ порцію, курильщикъ снимаетъ ее съ вертела и, остудивъ, прокатываетъ ее между ладонями и затѣмъ—снова на вертелъ;—такія манипуляціи продѣлываются раза 4—5 и по мѣрѣ кипяченія и прокатыванія опиумъ мѣняетъ свой кофейный цвѣтъ на черный, что происходитъ, главнымъ образомъ, отъ той грязи, которая пристаётъ къ его липкой поверхности отъ рукъ курильщика.

Когда процессъ кипяченія оконченъ, то сформированный въ видѣ наперстка комочекъ опиума прилѣпляется къ деревянному придатку,—какъ разъ надъ каналомъ послѣдняго, затѣмъ прокалывается шпилькой, и въ немъ, такимъ образомъ, получается сквозной каналъ, служащій продолженіемъ канала придатка. Та-иенда обхватывается съ одного конца губами, фізіономія курильщика принимаетъ идиотское выраженіе, и онъ, лежа на правомъ боку и держа постоянно опиумъ надъ пламенемъ лампочки, съ наслажденіемъ и полной грудью начинаетъ втягивать пары этого одуряющаго и ядовитаго зелья, которое скворчитъ, хрипитъ и пузырится надъ огнемъ. Правой рукой, вооруженной шпилькой, курильщикъ постоянно помѣшиваетъ полужидкую гущу, не давая ей возможности расплзаться и расплываться, а также наполнять собою отверстіе придатка.

Наконецъ, одинъ зарядъ выкурень, тогда готовится другой, третій и т. д. Иной разъ это куреніе продолжается въ теченіе часа, или двухъ, но я не скажу, чтобы приходилось видѣть тѣ послѣдствія отъ этого куренья, про которыя говорятъ и пишутъ. Каждому приходилось слышать, что курильщики опиума начинаютъ въ концѣ концовъ галлюцинировать,

но, повторяю, что не только не приходилось самому наблюдать что-нибудь подобное, но и отъ китайцевъ я объ этомъ не слышалъ, и всѣ спрашиваемые по этому поводу давали отрицательные отвѣты: „все одно, кака табака кули; голова нѣтъ боли; малъ-мало кули — малъ-мало-сыпи; — ишика холоса (немного кури—немного спи—очень хорошо). Чанъ-фу былъ заядлымъ любителемъ куренья и всегда смѣялся, когда я у него спрашивалъ, не видитъ ли онъ прекрасныхъ „бабушекъ“ (женщинъ), или чертей, или иныхъ чудесъ въ этомъ родѣ: „твоя, барыня, табака кули—бабусика нѣтъ смотили, зачѣмъ моя они кули-бабусика смотили,—моя сыпи ничего не смотили“. Послѣ этого онъ добавлялъ: „худой человекъ многа худой болтай, твоя скажи зачѣмъ другой люди худой болтай“ (ты скажи другимъ, зачѣмъ они худое говорятъ).

Не скажу, конечно, чтобы опиумъ не оставлялъ бы никакихъ дурныхъ послѣдствій въ организмѣ человека, и во всякомъ случаѣ послѣдствія эти значительно болѣе вредны, нежели послѣдствія отъ куренія табака; всѣ курильщики опиума желтолицы, вялы, худосочны и малосильны. Если же они въ извѣстный, обычный для нихъ часъ не будутъ почему-либо въ состояніи предаться куренію, то дѣлаются просто больными людьми—въ прямомъ значеніи этого слова; у нихъ начинается болѣть голова, появляется головокруженіе и слабость во всѣхъ членахъ, и въ концѣ концовъ они чувствуютъ себя неспособными ни къ какой работѣ и, дабы избавиться отъ этого неприятнаго состоянія, они, за неимѣніемъ достаточнаго для куренія запаса опиума, скатываютъ изъ бранныхъ остатковъ его пилюли величиною съ горошину и проглатываютъ ихъ по одной, либо по двѣ въ день. Чанъ-фу въ дорогѣ нерѣдко прибѣгалъ къ этому средству и увѣрялъ, что „малъ-мало они куси — все одно,—малъ мало кули“.

Итакъ, мы вошли въ фанзу, служащую казармой для пограничнаго китайскаго караула. Видя, что всѣ мы изрядно таки прозябли, китайскіе солдаты раздобыли гдѣ-то небольшой кувшинчикъ сули и начали насъ угощать, съ полнымъ и симпатичнымъ радушіемъ гостепріимныхъ хозяевъ. „Кушай, кушай, балята“ (братъ), говорили они, поднося моимъ казакамъ эту крѣпкую водку, и это „кушай, балята“ звучало непритворнымъ искреннимъ добродушіемъ.

Немного согрѣвшись, мы поѣхали дальше и, спустившись по пологому склону пограничной возвышенности, вступили въ долину, окружающую Хунчунъ. На громадное пространство рас-

кинулась ея ровная поверхность. Тамъ и сямъ были видны отдѣльно стоящія фанзы и около нихъ группы деревьевъ; видны были снятые посѣвы, а въ дали, закутанный синеватымъ туманомъ, виднѣлся и самый Хунчунъ. Дальше, на самомъ горизонтѣ, громоздились горы—и ихъ нѣжно-фіолетовыя очертанія были прекрасны. Вершины нѣкоторыхъ горъ были уже покрыты снѣгомъ. Полагаю, что если всѣмъ намъ должна была нравиться раскрывшаяся передъ нами картина, то на Чанъ-фу она должна была произвести самое сильное впечатлѣніе: онъ долженъ былъ знать, что эта чудная панорама включаетъ въ себя все то, что уже не принадлежитъ намъ—русскимъ, а принадлежитъ имъ—китайцамъ—и громадная равнина—и эти горы, и прозрачный воздухъ, и даже это далекое синее небо въ его воображеніи было уже ихъ небо, потому что оно распростерлось надъ ихъ страной. У него даже явилось желаніе возвеличить въ моихъ глазахъ красоту этой панорамы и возвысить цѣнность всего китайскаго надъ русскимъ.

„Русски земля такой гору нѣту, сказаль онъ мнѣ,—только китайени земля такой гору есть; твоя смотили:—верху гора шипка бѣлый есть,—усе серебро есть“.

„Зачѣмъ синега, протестоваль онъ на мое возраженіе;—моя шаптай-болтай нѣтъ, моя палявда говоли:—усе серебро“.—И онъ началъ распространяться по поводу несмѣтныхъ богатствъ, лежащихъ на вершинахъ этихъ „Китайскихъ горъ“, „гору ходи, сыколько хочешь бели—усе твое; Китайски человекъ дянги сыколько хочешь бели“ и т. д. распространялся онъ на эту тему. Я слушалъ его потому, что хотѣлось испытать—до чего можетъ дойти, простибельная человекю, хвастливость при восхваленіи имъ своей родины—и тутъ пришлось убѣдиться въ томъ, что она можетъ иной разъ доходить „до геркулесовыхъ столбовъ“,—до того, что даже и снѣгъ, на горахъ лежащій,—становится серебромъ.

Въ 8 верстахъ отъ пограничной черты, какъ разъ на серединѣ разстоянія между этою послѣднею и Хунчуномъ, находится небольшой иніань, въ которомъ расположена какая-то часть войскъ (надо полагать, что нѣсколько десятковъ кавалеристовъ), служащая, вѣроятно, для связи крѣпости съ пограничнымъ карауломъ. Иніань—это родъ маленькой крѣпосцы. Несмотря на свою полнѣйшую непримѣнимость и бесполезность въ военномъ отношеніи, иніани почему-то очень распространены въ Китаѣ—и всюду, гдѣ только содержатся у китайцевъ гарнизоны,—какъ на крайнемъ востокѣ, такъ и на крайнемъ западѣ—въ

какомъ-нибудь Чугучанѣ, Кульджѣ и т. под. пунктахъ,—непремѣнно возведены эти несчастные и первобытные иніани.

Иніань, если на него посмотрѣть въ планѣ, имѣетъ видъ четырехъугольника. Стѣны его дѣлаются либо изъ камня, либо изъ кирпича, или же просто изъ глины (глинобитныя), высота и толщина стѣнъ различны: отъ одной до двухъ сажень и отъ 1½ до 3 арш. На верху, стѣны снабжены зубцами, между которыми, такимъ образомъ, образуются бойницы. По угламъ иногда возведены небольшія башни съ бойницами же.

По срединѣ одного изъ фасовъ продѣлываются ворота и надъ ними иногда устраивается небольшая башня. Передъ воротами нерѣдко насыпается земляной валъ (траверзъ), на который китайцы смотрять не какъ на прикрытіе отъ выстрѣловъ непріятеля, а какъ на преграду отъ злого духа, который почему-то, яко бы, не можетъ проникнуть во внутренность иніаня на соблазнъ его гарнизона, при условіи существованія передъ воротами подобнаго препятствія. Не знаю—быть можетъ все это и вздоръ, но мнѣ приходилось это слышать отъ китайскихъ солдатъ. Внутренность иніаня застраивается фанзами, въ которыхъ и размѣщается горнизонъ.

Такой же иніань встрѣтился намъ и на срединѣ пути между границей и Хунчуномъ. Еще не доходя шаговъ 200 до этого иніаня, я увидѣлъ бѣгущаго къ намъ навстрѣчу человѣка, который держалъ передъ собою лоскутъ красной бумаги. По той осторожности, съ которой бѣжавшій держалъ эту бумагу, взявъ ее бережно только двумя пальцами (чтобы не замарать) и держа все время почти на уровнѣ своего носа. можно было подумать, что онъ держитъ въ рукахъ какую-то драгоценность. Впослѣдствіи, когда бѣжавшій, запыхавшись, остановился передъ нами, то эта „драгоценность“ оказалась визитной карточкой офицера, начальствующаго надъ гарнизономъ иніаня, а принесшій ее человѣкъ оказался однимъ изъ солдатъ этого гарнизона. Китайцы вообще очень щепетильны по части обмѣна визитными карточками; они даже какъ бы священнодѣйствуютъ, тогда передаютъ свои красныя съ черными буквами (цзверами) визитныя карточки, и этикетъ требуетъ, чтобы замѣнъ данной карточки, получившій непременно не замедлилъ бы дать и свою и тѣмъ выразилъ бы чувство своего уваженія къ подателю. Если этого не сдѣлать, то можно обидѣть даващаго карточку, или же прослыть въ его глазахъ за невоспитаннаго невѣжу. Вообще разнаго рода этикеты еще крѣпко держатся среди китайцевъ и видимо нисколько ихъ не тяготятъ и исполняются ими всегда съ

полнымъ сознаниемъ, что такъ необходимо поступать. Невольно припоминаешь при этомъ наши праздничные поздравительные визиты, которые мы дѣлаемъ далеко не всегда съ полнымъ сознаниемъ ихъ цѣлесообразности,—и все же дѣлаемъ.

Передавъ мнѣ визитную карточку, посланный сообщилъ, что его начальникъ проситъ насъ заѣхать хотя бы на полчаса, чтобы погрѣться и выпить чаю. Пришлось, конечно, согласиться.

Вѣхавъ во внутреннее помещеніе иніаня, мы увидѣли толпу китайскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. У дверей фанзы, построенной какъ разъ противъ воротъ, стоялъ какой-то пожилой уже человѣкъ, въ малиновой шелковой кофтѣ и въ китайской мѣховой шапкѣ, къ верху которой былъ прикрѣпленъ соболій хвостъ, который и свѣшивался сзади шапки. Это послѣднее обстоятельство дало возможность заключить о томъ, что та голова, на которой покоилась вышеозначенная шапка съ хвостомъ, принадлежала человѣку, возведенному въ офицерскій чинъ, ибо, какъ извѣстно, китайскіе офицеры, по установленной формѣ, имѣютъ такіе хвосты на головныхъ уборахъ, генералы же замѣняютъ ихъ павлиньими перьями.

Физиономія этого офицера оказалась добродушной и симпатичной. Главнымъ ея украшеніемъ были умные глаза съ искорками, а второстепеннымъ—мясистый и слегка сизоватый носъ, подъ которымъ красовались небольшіе, тонкіе и висящіе къ низу усы, а ниже ихъ на подбородкѣ выросло нѣсколько десятковъ волосковъ, длинныхъ и тонкихъ, кои и составили собою весьма жиденькую козлиную бородку. Мы поздоровались съ нимъ за руку, при чемъ онъ долго трясъ мою руку, раскачивая ее въ стороны и этимъ желая выразить возможно больше радушія при встрѣчѣ. Во время этого „трясенія“ изъ-за его спины на меня начали смотрѣть два другихъ человѣческихъ лица. И они незамедлили обнаружить себя и познакомиться, при чемъ одно изъ этихъ лицъ оказалось принадлежащимъ переводчику: служащему здѣсь же въ иніанѣ, на случай веденія какихъ-либо переговоровъ съ нашими казаками, нерѣдко посылаемыми по дѣламъ службы изъ пограничной сотни въ Хунчунъ; другое же лицо принадлежало человѣку, который назвалъ себя фудутуновымъ братомъ („малъ-мало Фудутунъ баята есть“). Этимъ послѣдній тутъ же и пояснилъ, что онъ посланъ самимъ фудутуномъ къ намъ навстрѣчу и что фудутунъ ждетъ уже насъ съ обѣдомъ въ своемъ дворцѣ.

Фудутуновъ братъ произвелъ на меня также хорошее впечатлѣніе; его худощавое и безъусое лицо было симпатично;

что же касается до переводчика, то помню, онъ сразу показался мнѣ нахальнымъ и заносчивымъ парнемъ, гордящимся не въ мѣру тѣми скудными свѣдѣніями по русскому языку, которыя онъ только въ силу своего самомнѣнія могъ считать достаточными для отправленія обязанности переводчика. Къ тому же онъ мнѣ показался еще какимъ-то упрямымъ и тугимъ на соображеніе человѣкомъ.

Онъ обладалъ замѣчательно подвижными бровями, которыя во время разговоровъ безпрестанно перемѣщались отъ переносицы до шапки и обратно, а иногда одна бровь оставалась у переносицы, а другая ни съ того, ни съ сего дѣлала прыжокъ подъ шапку и тамъ оставалась въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и тогда изъ его лица сама собою „выкраивалась“ довольно таки омерзительная „рожа“. Такую эквилибристику бровями онъ продѣлывалъ въ томъ случаѣ, если ему приходилось дѣлать особыя усилія, дабы извлечь изъ скуднаго запаса немногихъ русскихъ словъ, которыя онъ съ грѣхомъ пополамъ могъ проносить, именно тѣ слова, изъ которыхъ можно было бы сложить какую-либо фразу, выходящую изъ рамокъ самыхъ элементарныхъ оборотовъ рѣчи.

Для меня улавливать смыслъ его переводовъ было сущимъ наказаніемъ и, помню, что отъ такого напряженнаго вниманія я становился красенъ, какъ ракъ, и обливался потомъ, какъ бы расколовъ передъ этимъ нѣсколько охапокъ дровъ; онъ же, желая во что бы то ни стало щегольнуть своими познаніями, не рѣдко замѣнялъ мнѣ Чанъ-фу при разговорахъ съ фудутуномъ во время моего пребыванія въ Хунчунѣ.

По приглашенію хозяина, мы вошли во внутреннее помѣщеніе фанзы. Наружной двери почему-то не затворили, а потому въ фанзѣ было холодно и не было лишь только изводящаго вѣтра, который снова заставилъ насъ изрядно прозябнуть.

Прямо противъ двери была устроена въ стѣнѣ задрапированная краснымъ сукномъ ниша, что придавало внутреннему помѣщенію фанзы парадный и довольно красивый видъ. Изъ этой ниши, при помощи посланныхъ въ ней ковровъ и разбросанныхъ подушекъ и валиковъ, получалась широкая тахта, красное же сукно, драпируясь надъ ней красивыми складками, напоминало собою балдахинъ. Мѣдная, хорошо вычищенная жаровня, наполненная горячими углями, стояла возлѣ этой ниши и распространяла теплоту и угаръ, который былъ довольно ощутителенъ для человѣка, не привыкшаго къ такому способу нагрѣванія своего жилища. Въ самой нишѣ помѣщался ма-

ленькій на низенькихъ ножкахъ столикъ (чжу-оуза), на которомъ уже дымился налитый въ фарфоровыя чашечки чай и были поставлены бисквитныя печенья и китайскіе пряники съ орѣхами. Чашечки были покрыты фарфоровыми крышками, дабы чай скоро не охлаждался. Обыкновенно, когда пьютъ чай, то не снимаютъ этихъ крышекъ, а шумно и сочно втягиваютъ жидкость черезъ зазоръ между боковой поверхностью крышки и внутренней поверхностью чашки, при этомъ и чайная трава не можетъ уже попадать въ ротъ. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ у китайцевъ чай не заваривается подобно тому, какъ это дѣлается у насъ, т. е. въ чайникахъ; чай непосредственно насыпается въ чашку, которая и наполняется послѣ этого кипяткомъ и лишь только въ дорогѣ, гдѣ-либо на постояломъ дворѣ, или въ фанзѣ простолюдина можно было встрѣчать чайники для заварки чая.

Мы усѣлись вокругъ столика. Хозяинъ закурилъ свою трубку, сдѣлавъ предварительно ея такое движеніе, какъ бы намѣреваясь передать ее мнѣ (это обычай вѣжливости), и мы приступили къ обмѣну мыслями. Въ роль переводчика вступилъ „тугой парень“, и тутъ онъ прежде всего показалъ всѣмъ намъ, какъ высоко онъ можетъ поднимать свои брови и какія „рожи“ онъ можетъ выкраивать изъ своей фізіономіи. Чанъ-фу нѣсколько разъ старался сбить его съ позиціи, но „тугой парень“, какъ человекъ болѣе смѣлый и рѣшительный, всегда сразу оттиралъ его, стараясь говорить громче его; въ силу чего Чанъ-фу поджималъ свои губы и накладывалъ на нихъ „печать молчанія“. Мнѣ какъ-то неловко было устранить его и тѣмъ показать его начальнику полнѣйшую непригодность его подчиненнаго къ занимаемой имъ должности. Говорили по обыкновенію про дорогу, про погоду, перешли потомъ къ вопросу относительно дружбы и взаимныхъ симпатій русскихъ съ китайцами—и фудутуновъ братъ при этомъ не безъ хитрости спросилъ о томъ, что вѣрны ли, де, слухи, которые ходятъ въ народѣ относительно пособничества русскихъ японцамъ, и „тугой парень“ перевелъ этотъ вопросъ также не безъ хитрой улыбочки.

Съ полчаса мы провели въ подобной бесѣдѣ, попивая чай и, наконецъ, фудутуновъ братъ предложилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, такъ какъ фудутунъ давно уже ждетъ насъ съ обѣдомъ. Послѣ этого, ничего не оставалось сдѣлать, какъ поблагодарить любезнаго хозяина и проститься съ нимъ. Теперь уже къ нашей „кавалькадѣ“ прибавились двѣ личности:

фудутуновъ братъ и „тугой парень“, при чемъ послѣдній все время гарцовалъ на своей мохнатой лошади, показывая свою удачу и умѣніе ѣздить верхомъ. Фудутуновъ же братъ, какъ человѣкъ уже солидный, не увлекался этимъ и пребывалъ все время въ грустной меланхоліи.

Чанъ-фу, по мѣрѣ приближенія къ Хунчуну, началъ выказывать признаки все большаго и большаго волненія. Полагаю, что ему въ первый разъ въ жизни приходилось вступать въ близкое общеніе съ такими высокопоставленными въ китайской чиновной іерархіи лицами, какъ фудутунъ, а тутъ онъ, черезъ какихъ-нибудь полчаса долженъ будетъ невольно переступить порогъ Фудутунова жилища и предстать передъ священныя для него очи самого фудутуна. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, волненіе его было совершенно естественно. Онъ нѣсколько разъ подѣлжалъ ко мнѣ и, называя меня то Вашимъ Превосходительствомъ, то барыней, предупреждалъ меня о строгости китайскихъ этикетовъ, которые онъ просто называлъ законами; говорить, что мнѣ необходимо будетъ присѣсть передъ фудутуномъ при свиданіи съ нимъ, такъ какъ это дѣлаютъ всѣ китайцы, при чемъ старался даже объяснить мнѣ, какимъ образомъ надлежитъ совершить это присѣданіе и какъ въ это время надлежитъ держать руки. „Твоя, барыня, не знай, — наша законъ строга есть“, безпрестанно повторялъ онъ, волнуясь все болѣе и болѣе. Въ концѣ концовъ, онъ дошелъ до того, что началъ уже строить планы о наградахъ, если мы съ нимъ сумѣемъ обворожить фудутуна, при чемъ мнѣ онъ сулилъ въ награду какой-то орденъ, который дастъ мнѣ фудутунъ, а свое вниманіе останавливала на какой-то непонятной для меня „шишкѣ“, про которую онъ безпрестанно упоминалъ въ своихъ мечтахъ. „Моя фудутуна холоса скажи—фудутуна минѣ киленки любя—шанка шишка минѣ давай“. (Если я фудутуну понравлюсь — онъ полюбитъ меня и наградитъ шишкой). Сначала я не понялъ, что эта за таинственная шишка, составляющая предметъ его вождѣленій, но впоследствии оказалось, что эта шишка въ воображеніи Чанъ-фу была ни чѣмъ другимъ, какъ шарикомъ на шанкѣ, играющимъ такую же роль у китайскихъ офицеровъ и чиновниковъ, какую играютъ у насъ погоны и другіе знаки отличій. „Моя фудутунъ шишка давай,—моя офицерски будь“, пояснялъ онъ мнѣ, захлебываясь отъ пріятнаго предвкушенія возможности украсить свою голову шанкой „съ шишкой“. Было и жалко и смѣшно слушать его наивныя мечты, но все же онѣ были интересны именно въ силу ихъ крайней

наивности; въ нихъ слышался какъ бы отголосокъ нашихъ матеріалистическихъ стремленій, при чемъ, въ данномъ случаѣ, мы далеко не ограничиваемся только лишь наивнымъ дѣтскимъ липетомъ.

День уже сильно клонился къ вечеру и стало еще холоднѣе, когда мы приблизились къ нескованной еще ледянымъ покровомъ р. Хунчункѣ, на противоположномъ берегу которой были видны черепичныя крыши городскихъ строеній, возвышающіяся надъ зубцами окружающей городъ глинобитной стѣны. На паромѣ мы переправились черезъ рѣку и направились къ мрачнымъ городскимъ воротамъ, двигаясь среди большой толпы, поджидавшей насъ на берегу. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти, при чемъ вся эта толпа поражала глазъ полнымъ однообразіемъ своего костюма. Я убѣжденъ въ томъ, что если бы можно было взять по большой толпѣ отъ равныхъ народностей и, поставивъ всѣ эти толпы на какой-нибудь огромной площади, окинуть ихъ всѣмъ взоромъ, то самой разнообразной по костюму будетъ именно китайская толпа. если при этомъ не принимать, конечно, во вниманіе толпы изъ какихъ-нибудь алеутовъ, чукчей, самоѣдовъ или африканскихъ дикарей. На этой площади китайская толпа будетъ выдѣляться однообразнымъ синимъ пятномъ, выражая этимъ однообразіемъ нѣчто цѣнное и однообразное, за что намъ невольно хочется снять передъ ней шапку и поклониться ей. Чувствуется, что эта толпа какъ бы глубже и серьезнѣе всякой другой разноцвѣтной толпы, а поэтому и достойна большаго вниманія и уваженія. Правда, не красивъ и не изященъ китайскій костюмъ, особенно женскій, но костюмъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ національному вкусу, потому что покрой его выработался быть можетъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ во времена сѣдой древности, которую чтитъ китаецъ и во всемъ старается жить въ сферѣ тѣхъ же потребностей, въ которыхъ жили нѣкогда его отдаленные и почитаемые имъ свято-предки.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городскимъ воротамъ, сопровождавшая насъ толпа росла и росла. На городской стѣнѣ стоялъ какой-то человекъ и дулъ во всю мочь въ длинную и прямую съ широкимъ раструбомъ трубу.

По словамъ Чанъ-фу — это была встрѣча въ честь нашего приближенія къ городу. Человекъ, потрясавшій воздухъ „гласомъ трубнымъ“, извлекалъ изъ своей трубы однообразный, дребезжащій звукъ и, не знаю почему, но мнѣ въ этомъ звукѣ

послышались какія-то дикія и какъ бы грозныя ноты; вмѣстѣ съ симъ въ нихъ чудилось выраженіе какъ бы гордости. Представлялась почему-то фигура сказочнаго богатыря, который, выходя на единоборство съ противникомъ, мощно потрясаетъ оружіемъ, сознавая свое производство надъ врагомъ. Помню, всегда впослѣдствіи, когда приходилось слышать звуки этой китайской трубы—ухо мое улавливало въ немъ это гордое сознаніе своей мощи и силы.

Мы прошли мрачными сводами городскихъ воротъ и очутились въ городѣ. Улица была узка и грязна. По бокамъ вплотную одна къ другой, лѣпились грязныя и унылыя фанзы и лавченки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ. Въ воздухѣ носился своеобразный и свойственный только китайскому жилью какой-то грязный и масляный запахъ; впрочемъ, запахъ этотъ, какъ кажется, исходилъ не столько изъ домовъ, сколько отъ людей, запрудившихъ собою улицу; эти люди шли и впереди насъ, и съ боковъ, и сзади; всѣ кричали, галдѣли и размахивали руками. Появились какіе-то конные люди—очевидно, солдаты, одѣтые въ красныя куртки, съ нашитыми на груди большими литерами изъ чернаго сукна. Солдаты эти были посланы намъ навстрѣчу, дабы облегчить намъ возможность движенія по запруженнымъ народомъ улицамъ города. Тѣ круглыя и гладко отполированныя небольшія палки, которыми они на сей разъ были вооружены, прямо говорили о возложенной на этихъ солдатъ миссіи. И дѣйствительно: только и было видно, какъ эти палки, безпрестанно мелькая въ воздухѣ, шлепали по спинамъ тѣснящихся вокругъ людей, послѣ чего эти спины прятались въ толпѣ, а вмѣсто нихъ появлялись другія спины, по которымъ продолжали погуливать отполированныя отъ неустаннаго соприкосновенія съ ними палки. Не будь въ наличности какъ этихъ солдатъ, такъ равно и ихъ палокъ, намъ бы, вѣроятно, долго еще пришлось бы прочищать себѣ дорогу въ толпѣ, но, благодаря ихъ содѣйствію, мы сравнительно довольно быстро добрались до центра города, гдѣ, обнесенный глухой, каменной стѣной, возвышался дворецъ фудутуна. Мы въѣхали въ ворота, продѣланныя въ стѣнѣ, и только тогда почувствовали себя свободными отъ преслѣдованія толпы, такъ какъ ворота вслѣдъ за нами закрылись и никто не былъ черезъ нихъ пропущенъ. За воротами оказался довольно обширный четырехъугольный дворъ, на которомъ мы и спѣшились.

На одной изъ сторонъ двора возвышалась большая, крытая черной черепицей, каменная фанза, имѣвшая по срединѣ своего

мрачнаго и унылаго фасада сквозныхъ воротъ, въ которыя можно было разсмотрѣть другой—внутренній дворъ и на немъ человекъ 50 солдатъ, построенныхъ для встрѣчи—въ одну шеренгу. На крыльцѣ этой фанзы, влѣво отъ воротъ, помѣщалась какая-то крытая синей матеріей двухколесная колымага; оказалось потомъ, что это былъ выѣздной экипажъ самого фудутуна. Надо правду сказать, что этотъ экипажъ, по своему устройству, далеко не могъ удовлетворять даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ отъ этого типа повозокъ, и пожалуй не будетъ ошибкой, если мы назовемъ его не экипажемъ, а какимъ-то допотопнымъ старьемъ, которое, появившись на свѣтъ бѣлый во времена сѣдой старины,—такъ съ тѣхъ поръ и не мѣняло своей внѣшности. Такія же точно повозки мнѣ приходилось впоследствии видѣть въ Нингутѣ и въ Гиригѣ, и въ нихъ по большей части ѣздили богатые по внѣшности и чиновные по наружнымъ отличіямъ люди. Экземпляръ, который теперь красовался у воротъ дворца, состоялъ изъ небольшого кузова, въ общемъ напоминающаго собою бабью голову, закутанную въ синій платокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у этой головы должны были находиться уши, были продѣланы небольшія квадратныя отверстія, со вставленными въ нихъ стеклами. Внутренность этой „бабьей головы“, хотя въ общемъ была велика, если ее приравнять къ вмѣстимости ея прототипа, но все же въ нее при полномъ желаніи и даже усиліи нельзя было бы помѣститься двумъ сѣдокамъ,—и одному-то, если онъ будетъ, что называется, „человѣкомъ съ вѣсомъ“, не совсемъ, полагаю, удобно путешествовать, сидя въ тѣсотѣ и поддерживая постоянное общеніе съ боками и съ верхомъ кузова при посредствѣ своихъ боковъ, спины и головы. Имѣющій столь странное сходство съ закутанной въ платокъ головой кузовъ (бываютъ же люди, похожіе на таракановъ, а кажется, что можетъ быть общаго между челѣкомъ и тараканомъ) былъ утвержденъ непосредственно на толстой деревянной оси, продѣтой черезъ ступицы огромныхъ и неуклюжихъ колесъ, окованныхъ толстѣйшими шинами и украшенныхъ мѣдными кнопками и пуговками. Столь простое соединеніе кузова съ ходомъ не говоритъ, конечно, въ пользу удобнаго и спокойнаго передвиженія въ подобномъ экипажѣ.

Тутъ же около этой колымаги помѣщались въ особой стойкѣ какія-то алебарды на длинныхъ и тонкихъ черенкахъ.

Оставивъ казаковъ на дворѣ, я въ сопровожденіи Чанъ-фу, „тугого парня“ и фудутунова брата, направился черезъ ворота на второй дворъ. Чанъ-фу волновался, вздыхалъ и растерянно

улыбался; брови тугого парня совершали безпрестанныя передвиженія отъ переносицы къ шапкѣ и обратно, и только лишь фудутуновъ, братъ, какъ человѣкъ уже бывалый, сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Такъ мы вошли на этотъ дворъ, представлявшій собою квадратъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ высокими каменными фанзами, окна которыхъ съ замысловатыми и довольно художественными переплетами выходили на этотъ дворъ. Все это, какъ оказалось потомъ, были различныя помѣщенія для служащихъ, самъ же фудутунъ занималъ помѣщеніе, достигнуть до котораго можно было, пройдя еще одинъ такой же дворъ.

Дворъ, на который мы теперь вступили, былъ вымощенъ тесаннымъ плитнякомъ, и тутъ, вытянувшись стрункой, стояла шеренга солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. Головы всѣхъ этихъ солдатъ были повязаны темными башлыками,—на подобіе турецкихъ чалмъ. Солдаты стояли безъ ружей и, приглядываясь къ нимъ, я замѣтилъ, что всѣ они были здоровые и красивые парни—надо думать, отборные люди изъ всего хунчунскаго гарнизона; а можетъ быть это были какіе-нибудь тѣлохранители фудутуна, не знаю про это. Они стояли молодцами; видна была выправка. Ихъ красныя куртки и темныя, красиво повязанныя чалмы придавали всему фронту довольно эффектный видъ, чего, по правдѣ говоря, я даже не рассчитывалъ встрѣтить, тѣмъ болѣе, что раньше приходилось слышать, что китайскіе солдаты совсѣмъ не похожи на солдатъ, что у нихъ нѣтъ ни выправки, ни вообще того, что принято подразумѣвать подъ словами „воинскій видъ“.

Впослѣдствіи, правда, пришлось убѣдиться въ томъ, что подобный отзывъ о китайскомъ войскѣ почти справедливъ, такъ что на этихъ хунчунскихъ молодцовъ надо смотрѣть какъ на исключеніе изъ общаго правила.

Пройдя этотъ дворъ, мы снова подошли къ воротамъ, продѣланнымъ посреди фасада одной изъ фанзъ, построенныхъ на фассѣ этого двора, при чемъ ворота, до сего времени плотно закрытыя, при нашемъ приближеніи вдругъ распахнулись и обнаружили за собою такой же точно дворъ, какъ и тотъ, по которому мы только-что прошли. Здѣсь, у этихъ воротъ, мы были встрѣчены какимъ-то очень полнымъ, но блѣднолицымъ человѣкомъ, оказавшимся впослѣдствіи чиновникомъ, на обязанности котораго, повидимому, лежала хозяйственная часть домоправительства фудутуна, ибо всѣ распоряженія „по съѣдобной части“

во время обѣдовъ и завтраковъ исходили отъ этого жирнаго человѣка, который, по правдѣ говоря, былъ дѣйствительно мастеромъ своего дѣла, т. к. все время питалъ насъ на славу; полагаю, что если бы можно было прожить въ теченіе мѣсяца подъ благосклоннымъ покровительствомъ этого человѣка, то можно было бы значительно уплотнить и утяжелить свою фигуру. Движенія встрѣтившаго насъ человѣка были медлительны и плавны; отъ всей фигуры его сразу повѣяло какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ; казалось, что онъ былъ гордъ этимъ спокойствіемъ и, вѣроятно, способенъ былъ презирать всѣхъ тѣхъ людей, которые въ состояніи волноваться и беспокоиться. Бываютъ такіе люди, на которыхъ посмотришь и какъ-то невольно сравнишь ихъ съ тѣми обломками скалъ, которые валяются на морскомъ берегу: имъ (этимъ обломкамъ) нѣтъ дѣла до того, что предъ ними волнуется и шумитъ вѣчно живое и вѣчно прекрасное море; они не видятъ шумно надвигающагося вала, который черезъ секунду обрушится на нихъ и зальетъ ихъ своей пѣной, изъ-подъ которой они все равно снова выглянутъ на свѣтъ Божій и, обсохнувъ, будутъ лежать по-прежнему грузно и неподвижно. Они холодны и безучастны къ послѣднимъ усиліямъ изнемогшаго въ борьбѣ съ волною пловца и если онъ, разбившись объ нихъ, окраситъ ихъ своею кровью, то и тогда они по-прежнему будутъ столь же грузны и неподвижны. Не радуется и не веселитъ ихъ спокойная и все же дышащая и живая поверхность моря, когда въ нее смотрится заходящее солнце; они одинаково слѣпы и глухи къ тихой и нѣжной гармоніи весенняго вечера и къ ужасной фугѣ урагана, ревущаго ненастной, осеннею ночью... На берегахъ житейскаго моря не рѣдко встрѣчаются такіе же „камни“—и встрѣтившій насъ теперь жирный незнакомецъ почему-то сразу показался мнѣ похожимъ на одинъ изъ такихъ камней.

Онъ флегматично сунулъ мнѣ въ руку красную визитную карточку фудутуна и, остановивъ свой взоръ на Чанъ-фу, началъ что-то говорить монотонно и важно, безпрестанно причмокивая губами. Можно было подумать, что онъ, наѣвшись до полусоннаго состоянія, пережевываетъ послѣдній, жирно намащенный блинъ и въ то же время отдаетъ приказаніе о томъ, чтобы ему приготовили помягче и поудобнѣ постель для пріятнаго отдохновенія. По правдѣ говоря, я готовъ былъ уже повѣрить въ то, что смыслъ его словъ, обращенныхъ къ Чанъ-фу, былъ именно въ этомъ родѣ, но оказалось, что этотъ смыслъ былъ нѣсколько иной, т. к. жирный незнакомецъ передавалъ

мнѣ черезъ переводчика приглашеніе фудутуна отобѣдать у него сегодня.

Во время этихъ переговоровъ, мы остановились въ воротахъ, отдѣляющихъ одинъ дворъ отъ другого, и когда переговоры кончились, то прослѣдовали дальше. Жирный незнакомецъ присоединился къ нашему шествію и тутъ же вступилъ въ разговоръ съ фудутуновымъ братомъ, не мѣняя своего монотоннаго, тихо, но важно звучащаго голоса. Чанъ-фу волновался все болѣе и болѣе; онъ тяжело дышалъ и шопотомъ даже взывалъ къ Богу, повторяя безпрестанно: О Господи! О Господи! Черезъ ворота онъ не прошелъ свободно, а какъ-то провилянулъ бочкомъ, какъ бы протискиваясь черезъ какую-то тѣснину, хотя надобности въ подобномъ протискиваніи рѣшительно никакой не усматривалось. Къ подобному протискиванію онъ прибѣгъ, желая выразить этимъ свое ничтожество и вмѣстѣ съ симъ свою почтительность.

На этомъ второмъ дворѣ стояла стрункой шеренга такихъ же молодцовъ, какъ и на первомъ дворѣ; на порогѣ же фанзы, занимающей противоположный воротамъ фасъ двора, стоялъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ малиновую шелковую кофту, отороченную собольимъ мѣхомъ. Чанъ-фу, завидя его, подбѣжалъ ко мнѣ и съ трепетомъ шепнулъ на ухо: „смотри, барыня, наша фудутунъ есть“. Сказавъ это, онъ глубоко вздохнулъ и отдалъ себя въ руки судьбы. Полагаю, что въ данную минуту онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ чувствуетъ плохой ученикъ, заслышавъ, что учитель громко назвалъ его фамилію, вызывая его къ экзаменаціонному столу.

Подойдя къ фудутуну, я увидѣлъ, что онъ былъ далеко еще не старый человѣкъ съ изжелто-смуглымъ лицомъ; портили его большіе и желтоватые зубы, которые онъ показывалъ, складывая ротъ въ привѣтливую улыбку. Онъ поздоровался со мною за руку, безъ всякихъ присѣданій, говоря въ то же время какое-то привѣтствіе. Чанъ-фу, съ необычайнымъ волненіемъ на лицѣ, былъ уже тутъ и приготовился переводить мнѣ рѣчь фудутуна; но предварительно онъ присѣлъ передъ нимъ, сложивъ свои руки ладонями во внутрь и опустивъ ихъ между колѣнами. Фудутунъ ласково потрепалъ его по плечу какъ бы ободряя, и послѣ этого Чанъ-фу окончательно умилился духомъ. Онъ началъ внимательно и подобострастно слушать, стараясь не проронить ни одного слова, и переводилъ мнѣ по частямъ то, что говорилъ фудутунъ, издавая при этомъ какое-то особенное шипѣнье и храпѣнье: фудутунъ скажетъ нѣсколько словъ — сы,

сы, сы — шипитъ уже Чанъ-фу и потомъ переводитъ смыслъ этихъ словъ на русскій языкъ; фудутунъ послѣ этого продолжаетъ говорить... хо, хо, хо,—хрипитъ Чанъ-фу и снова переводитъ, потомъ опять — реплики фудутуна, сы, сы, сы и хо, хо, хо и т. д. Это, какъ онъ мнѣ потомъ объяснилъ: „если одна человѣка шинка люби и уважаитъ другой человѣка—така говоли есть (если одинъ человѣкъ любить и уважаетъ другого, то онъ такъ долженъ съ нимъ разговаривать). Конечно, рѣчь фудутуна онъ перевелъ въ отрывистыхъ и не очень связныхъ выраженіяхъ и безпрестанно повторяя свои излюбленные слова: „люби и уважаитъ“, все-таки оставилъ меня въ невѣдѣніи относительно того—кто кого долженъ былъ любить и уважать—я ли фудутуна или фудутунъ меня. Приди къ совершенно правильному въ данномъ случаѣ выводу, что оба мы должны были взаимно уважать другъ друга, и, видя, что Чанъ-чу окончательно „зарапортовался“ и потерялъ почву подъ ногами, я поспѣшилъ прервать его краснорѣчіе и передалъ черезъ него съ своей стороны привѣтствіе гостепріимному хозяину, поблагодаривъ его и за устроенную имъ встрѣчу—и послѣ этого фудутунъ пригласилъ меня во внутренніе апартаменты, при чемъ мы съ нимъ, подобно Чичикову и Манилову, препирались нѣкоторое время жестами о томъ,—кто первый долженъ переступить порогъ входной двери и, въ концѣ концовъ, фудутунъ, какъ хозяинъ, настоялъ на томъ, чтобы я вошелъ первымъ.

Мы вошли сначала въ переднюю, изъ которой направо и налево было двери въ находящіяся по ея бокамъ жилыя помещенія. Эти двери были устроены очень оригинально: собственно говоря, если хотите, — дверей и не было, а въ стѣнахъ были продѣланы совершенно круглыя отверстія, имѣющія по сажени въ діаметрѣ. Эти отверстія нижнимъ своимъ краемъ не соприкасались съ поломъ, а возвышались надъ нимъ приблизительно на одну четверть, образуя такимъ образомъ порогъ. Роль дверей играла, въ данномъ случаѣ, плотная синяя матерія, которая, свѣшиваясь складками, драпировала эти отверстія. Отдернувъ эту матерію, фудутунъ пригласилъ меня въ комнату — налево, и мы вошли. Комната эта была не очень велика и освѣщалась большимъ окномъ, со вставленной въ него причудливой рѣшетчатой рамой, рисунокъ которой отличался изяществомъ въ своеобразномъ китайскомъ вкусѣ. Въ центрѣ этой рамы было вставлено небольшое, имѣющее около одного фута въ сторонѣ, квадратное толстое стекло, а остальные фигурки переплета были

заклеены полупрозрачной бумагой, изготовляемой специально для этого назначенія; эта бумага, рассеивая солнечный свѣтъ, дѣлаетъ освѣщеніе комнаты особенно мягкимъ и пріятнымъ для глазъ.

У противоположной отъ окна стѣны были устроены высокія, покрытыя краснымъ сукномъ, ковриками и подушками—нары, и къ нимъ вела одна ступенька, также покрытая сукномъ. Мѣдная жаровня, съ горящими углями, стояла близъ этихъ паръ и слегка умѣренно царящій въ этой комнатѣ холодъ. У окна помѣщался прекрасной работы лакированный краснаго дерева столъ, и около него кресло. На столѣ въ особомъ ящичкѣ помѣщалась тутъ дощечка для ея натиранія и нѣсколько кистей—но судя по этимъ предметамъ, можно было заключить, что это былъ письменный столъ фудутуна. Тутъ же на другомъ такомъ же столѣ помѣщались большіе бронзовые подъ стекляннымъ колпакомъ часы—очевидно чей-нибудь подарокъ фудутуну. Колпакъ, покрывавшій часы, былъ покрытъ довольно толстымъ слоемъ пыли, изъ чего и можно было заключить, что онъ, разъ надѣтый, такъ и не снимался никогда и механизмъ заключеннаго въ немъ бронзоваго узника давнымъ давно почивалъ въ бездѣйствіи.

Въ общемъ въ комнатѣ было прохладно, а потому фудутунъ, войдя въ нее, остался въ такой же теплой кофтѣ, въ которой онъ былъ на дворѣ, и снялъ съ головы только свою форменную, украшенную перомъ шляпу и замѣнилъ ее мѣховой шапкой безъ пера; шапку же съ перомъ онъ передалъ какому-то молодому человѣку съ шарообразной, отъ излишней полноты, фигурой, и сей шарообразный юноша, взявъ ее бережно въ обѣ руки,—поставилъ ее на столѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пыльнымъ колпакомъ, заключающимъ въ себѣ „бронзоваго узника“.

Въ комнатѣ этой при нашемъ входѣ оказался еще одинъ человѣкъ,—довольно высокаго роста, худощавый, съ мясистыми толстыми, лишенными всякой растительности губами и съ необыкновенно длиннымъ и мясистымъ носомъ.

Природа и безъ того была очень щедра къ нему, наградивъ его такими дарами, какъ толстыя губы и мясистый носъ, и навѣрно многіе изъ насъ, получивъ подобныя дары, сказали бы:—и слава тебѣ Господи;—будетъ съ насъ и этого и перестали бы помышлять объ какихъ бы то ни было придаточныхъ украшеніяхъ собственной персоны.—Но очевидно, стоящій передъ нами незнакомецъ разсуждалъ нѣсколько иначе и, не будучи

удовлетворенъ щедрыми дарами природы, прибавилъ ко всѣмъ этимъ украшеніямъ еще одно, состоящее изъ непомерно длинныхъ ногтей на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Я посмотрѣлъ на эти ногти и удивился—искусству и терпѣнію ихъ владѣтеля;—да и было чему удивиться, такъ какъ каждый ноготь имѣлъ около дюйма длины. Я всегда какъ-то странно бывалъ предубѣжденъ противъ людей, отпускающихъ себѣ длинные ногти,—но это вѣдь мое личное, и быть можетъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе; мнѣ почему-то всегда кажется, что человѣкъ съ длинными и выхоленными ногтями долженъ быть непременно большимъ эгоистомъ. Быть можетъ, впрочемъ, все это и вздоръ и говорю объ этомъ только потому, что къ слову пришлось.

Фудутунъ тотчасъ же представилъ мнѣ этого франта и оказалось, что онъ былъ правитель его канцеляріи—„малъ-мало писарь начальникъ“ (начальникъ надъ писарями) перевелъ мнѣ Чанъ-фу. Мы сѣли, а на нарахъ—около жаровни, фудутунъ—въ креслѣ—около своего письменнаго стола, а „писарь начальникъ“—рядомъ со мною—по другую сторону жаровни. Чанъ-фу стоялъ посреди комнаты, безпрестанно присѣдая передъ фудутуномъ.

Драпировка, прикрывающая входной кругъ, опустилась, но изъ-за нея то и дѣло выглядывали любопытныя фізіономіи тугого парня, фудутунова брата, жирнаго незнакомца и шарообразнаго юноши. Слышно было, что за занавѣской собралась кромѣ нихъ еще цѣлая толпа какихъ-то людей, очевидно жаждущихъ посмотрѣть на все происходящее въ комнатѣ.

Разговоръ у насъ завязался не вдругъ, и мы сразу какъ-то почувствовали неловкость, которую по большей части ощущаютъ люди при первомъ знакомствѣ, когда они уже пожали другъ другу руки и, занявъ мѣста, начинаютъ сознавать, что необходимо приступить къ разговору. Взглянувъ на хозяина, я увидѣлъ на его лицѣ растерянную улыбку, и это отнюдь не придало мнѣ бодрости. Необходимо было хоть о чемъ-нибудь начать говорить, дабы вывести и себя и его изъ несовсѣмъ ловкаго положенія. Онъ молчалъ и какъ-бы надѣялся на то, что быть можетъ я прерву это молчаніе; я же въ свою очередь такъ же молчалъ, не будучи въ состояніи, какъ на грѣхъ, ничего придумать и надѣясь на то, что быть можетъ онъ не придумаетъ ли чего-либо. И вдругъ я припомнилъ, что когда проѣзжалъ черезъ мѣсто стоянки нашей пограничной стражи, то командиръ послѣдней, неоднократно бывшій у фудутуна, предупредилъ меня, что этикетъ требуетъ непременно освѣдо-

миться о состояніи здоровья китайскаго императора, и я, уцѣпившись за это какъ за якорь спасенія, сейчасъ же приступилъ къ наведенію достодожныхъ справокъ. „Она слава Богу здорова“ перевелъ Чанъ-фу отвѣтъ фудутуна, и послѣ этого я началъ сознавать, что вотъ вотъ наступитъ снова неловкое молчаніе, которое во что бы то ни стало необходимо будетъ снова чѣмъ-нибудь нарушить, въ головѣ же мелькала проклятая мысль:—ну а дальше, дальше-то что? мысль, съ которой почва начинаетъ уходить изъ-подъ ногъ, на лицѣ выступаетъ потъ и чувствуется положительное умственное безсиліе. Но къ счастью фудутунъ не замедлилъ и мнѣ задать подобный же вопросъ, и мы, такимъ образомъ обмѣнявшись любезностями, начали уже водить глазами по угламъ и по потолку комнаты, думая—о чемъ бы намъ еще поговорить.

Тутъ я вспомнилъ о погодѣ и о томъ, что очень холодно, и началъ разговоръ на эти избитыя темы, а въ головѣ въ то же время не умолкало сознаніе того, что все это очень глупо и то-есть вотъ ни чуточки насъ обоихъ не интересуесть. Это сознаніе всегда должно возникать у двухъ людей, говорящихъ о погодѣ, потому что говорятъ объ ней тогда, когда ничего не могутъ придумать болѣе умнаго и занимательнаго и не желая въ этомъ сознаться предпочитаютъ все-же подобный разговоръ неловкому молчанію. Такъ было и теперь.—Отъ погоды мы вѣроятно перешли бы къ разговору о квартирахъ, но такъ какъ повода къ этому рѣшительно ужъ никакого не было, то квартирный вопросъ былъ нами устраненъ, и вмѣсто этого мы заговорили про дорогу, и здѣсь я началъ чувствовать, что почва подъ ногами начинаютъ крѣпнуть, такъ какъ этотъ вопросъ не могъ быть не интереснымъ. Фудутунъ говорилъ, что дорога на Гиринъ плоховата и не вполне безопасна, такъ какъ въ странѣ, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, появилось много разбойниковъ (хунгузовъ) и что въ силу этого онъ принужденъ будетъ назначить конвой для нашей охраны, иначе ему можетъ быть большая непріятность, если въ дорогѣ съ нами случится какое-нибудь несчастіе, для предупрежденія котораго онъ не принялъ никакихъ мѣръ. Не знаю конечно, была ли на самомъ дѣлѣ уже такая опасность при движеніи по дорогѣ безъ китайскаго конвоя и думаю, что конвой этотъ навязывался намъ только подъ видомъ яко-бы нашей охраны, на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ былъ играть чисто полицейскую при насъ роль, т. е. не спускать съ насъ ни на минуту подозрительнаго китайскаго ока.

Такъ какъ такая опека не согласовалась съ предполагаемымъ мною во время пути образомъ дѣйствій, то я всячески старался отговорить фудутуна, благодарилъ его за любезную заботу о нашей безопасности, ссылаясь на моихъ хорошо вооруженныхъ казаковъ и просилъ не беспокоиться и не утруждать китайскихъ солдатъ труднымъ зимнимъ походомъ,—но фудутунъ и слышать не хотѣлъ „Русски казака холоса-китайски казака холоса; хунгузы шибко бояся, русски-китайски казака смотили—шипко пугай есть (русскій казакъ хорошъ и китайскій хорошъ; хунгузы очень ихъ боятся; посмотрять на русскихъ и китайскихъ казаковъ и очень испугаются) переводилъ мой Чанъ-фу настояніе фудутуна, и послѣ этого онъ неоднократно добавлялъ: „О барыня, она (фудутунъ) русски шипко любви и уважантъ;—шипко холоса наша фудутунъ есть“. Такимъ образомъ въ подобныхъ разговорахъ мы провели съ полчаса, когда закрывающая входной кругъ драпировка приподнялась и тѣмъ дала возможность появленію въ комнатѣ шарообразнаго юноши, который и не замедлилъ заявить, что обѣдъ уже готовъ. Фудутунъ пригласилъ всѣхъ насъ въ другую комнату, кругообразный входъ въ которую находится по другую сторону прихожей. Комната эта оказалась значительно большихъ размѣровъ, въ сравненіи съ той, въ которой мы только что сидѣли. По срединѣ стоялъ круглый лакированный изъ краснаго дерева обѣденный столъ, не покрытый скатертью, да это было и совершенно лишнее, потому что его чистая и гладкая, какъ зеркало, поверхность была лучше, опрятнѣе и красивѣе всякой скатерти, вдоль стѣнъ были разставлены сдѣланные изъ краснаго же дерева стулья, хотя между ними было нѣсколько и вѣнскихъ. На одной изъ стѣнъ въ черныхъ багетныхъ рамкахъ красовались какіе-то огромные квадраты, изъ красной бумаги, съ изображенными на нихъ огромными китайскими литерами. Эти литеры, какъ объяснилъ мнѣ впоследствии фудутунъ, были начертаны якобы собственноручно Императоромъ и изображали собою пожеланіе всякаго счастья и благополучія владѣльцу этихъ красныхъ листовъ, имѣющихъ около 1-го квадратнаго аршина каждый. Если только это дѣйствительно было такъ,—то предоставляю каждому судить—на сколько этотъ обычай святъ и глубокъ по своему внутреннему значенію. На одной изъ стѣнъ красовалось большое зеркало въ багетной золоченой рамѣ, а съ потолка надъ обѣденнымъ столомъ свѣшивалась уже зажженная лампа, съ бѣлымъ фарфоровымъ абажуромъ. Столъ весь былъ установленъ всевоз-

можными закусками въ китайскомъ вкусѣ, разставленными въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ и тарелочкахъ. Чего тутъ только не было: были и разные маринады, какъ-то грибки обыкновенные, грибки дубовые, растущіе на дубовой корѣ и приготовляемые по особому способу,—маринованная капуста, лукъ, еще какая-то зелень, пряники, пастила, орѣхи, квашенныя яйца, совершенно темнаго цвѣта, разныхъ сортовъ мясо, нарѣзанное тоненькими ломтиками, и много разныхъ разностей,— всего уже и не припомню.

Фудутунъ, ставъ около стола и сдѣлавъ особенно граціозный жестъ руками, пригласилъ насъ всѣхъ занять мѣста за столомъ. Повидимому обѣдъ былъ званый, такъ какъ за столомъ кромѣ фудутуна, его помощника (писарь начальника) и меня заняли мѣста фудутуновъ братъ и три какихъ-то офицера, изъ коихъ одинъ былъ уже совсѣмъ старичекъ и два помоложе. Всѣ эти господа вошли въ столовую одновременно съ нами, но гдѣ они были до этого—не знаю. Старичекъ былъ представленъ мнѣ какъ начальникъ надъ всей пѣхотой гарнизона, остальныхъ же двухъ Чанъ-фу отрекомендовалъ такъ: „пушка начальникъ“ и „малъ мало земля копай“ и на мой вопросъ—что это должно обозначить, онъ пояснилъ мнѣ: что „его шипка холоса знай, какъ пушка земля копай;—его шипка много уцъни есть“ (онъ очень хорошо знаетъ, какъ окапывать пушки землей—онъ очень ученый), изъ чего я и заключилъ, что этотъ „земля копай“ былъ специалистъ по инженерной части. Начальникъ надъ всей пѣхотой былъ повидимому очень добродушный старичекъ, любитель поговорить и посмѣяться; что же касается до „пушки начальника“ и въ особенности до „малъ-мало земля копай“, то они держали себя очень сдержанно и солидно. Чанъ-фу также былъ удостоенъ общей трапезы и, водворившись рядомъ со мною, умиленно вздохнулъ и произнесъ: „О Господи—шипко холоса“.

Около каждаго изъ сидящихъ былъ поставленъ обѣденный приборъ, состоящій изъ фарфороваго блюдечка, чашки, двухъ палочекъ изъ чернаго дерева и небольшой ложечки, по формѣ своей напоминающей чайное сѣтце. Мнѣ былъ совершенно незнакомъ способъ дѣйствія китайскими палочками, замѣняющими собою при ѣдѣ наши вилки и ножи, и фудутунъ тщетно старался показать мнѣ способъ дѣйствія этимъ застольнымъ оружіемъ; такъ у меня дѣло и не пошло и я предпочелъ дѣйствовать ложечкой. За столомъ прислуживали шесть юношей, которыми командовалъ „жирный незнакомецъ“, исполняя, такимъ

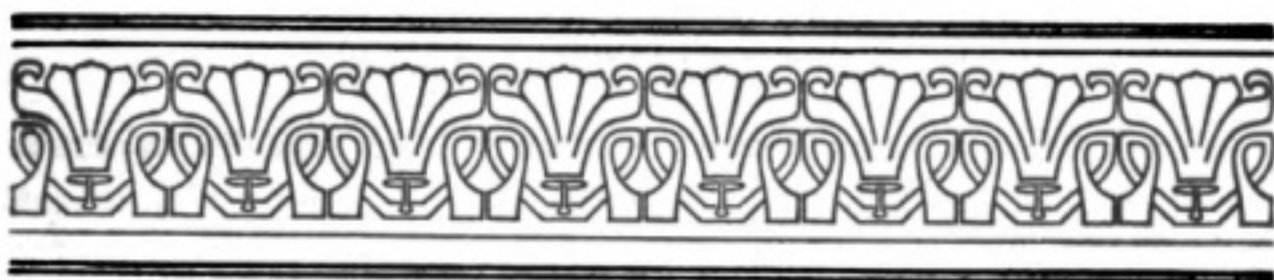
образомъ роль стольника. Всѣ подчиненные ему юноши, среди которыхъ былъ и знакомый уже намъ „шарообразный юноша“, имѣли на своихъ головахъ китайскія черныя шапочки, украшенныя бронзовыми шариками, изъ чего я и могъ заключить, что юноши сіи уже чиновны и быть можетъ теперешняя ихъ служба—была только началомъ служебной карьеры каждаго изъ нихъ, ибо ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что эта карьера можетъ быть начинаема именно такимъ образомъ. Мой Чанъ-фу, на вопросъ объ этомъ, не задумываясь, отвѣчалъ:—„О барыня—усе, малъ-мало чина есть; каки ваша чина, така наша чина—усе одно“ (все это чиновники; какъ ваши чиновники, такъ и наши все одно) и сказавъ это, онъ нашелъ нужнымъ добавить: „О наша законъ шипко серди есть (нашъ законъ очень строгъ). „Шарообразный юноша“ исполнялъ обязанности виночерпія и, обойдя всѣхъ присутствующихъ, онъ налилъ въ фарфоровую чашку каждаго, изъ имѣющагося у него металлическаго кувшинчика какую-то прозрачную жидкость, выпивъ которую, я пришелъ къ довольно справедливому заключенію, что жидкость эта по своему химическому составу имѣетъ большее сходство съ нашей родной „очищенной“; что вкусъ ея не лишенъ извѣстной пріятной горечи, остроты и крѣпости и что она очень хорошо, какъ говорится: „проходить по всѣмъ жилкамъ и суставамъ“, производя въ организмѣ человека тѣ же всѣмъ извѣстныя пертурбаціи, какъ и жидкости, изготовляемыя Поповыми, Смирновыми, Штритерами и прочими радѣтелями на пользу человекѣвъ“. Выпивъ, мы всѣ слегка крякнули, показавъ такимъ образомъ полноту своихъ чувствъ—и послѣ этого приступили къ закускѣ. Тщетно я старался ухватить двумя палочками кусокъ какого-то мяса; палочки торчали въ моей рукѣ, какъ какія-то рогулины и ни за что не хотѣли повиноваться державшимъ ихъ пальцамъ. Фудунъ и всѣ сидящіе за столомъ добродушно улыбались надъ моей неопытностью и только лишь „малъ-мало земля копай“ сохранялъ на своей фізіономіи какую-то особенную официальную неподвижность. Видя, что всѣ мои старанія въ данномъ случаѣ не приводятъ къ желательнымъ результатамъ, я положилъ свои палочки и рѣшилъ дѣйствовать ложкой и едва только эта послѣдняя потянулась къ закускѣ, какъ фудунъ поспѣшилъ положить въ нее своими палочками тоненькій ломтикъ какого-то мяса; „писарь начальникъ“ добавилъ къ нему маленькій дубовый грибокъ;—фудунуновъ братъ—маленькую луковицу;—начальникъ надъ пѣхотой—маленькій величиной съ

орѣхъ пирожокъ; „пушка начальникъ“ также положилъ что-то такое, и даже Чанъ-фу, окончательно умиленный, хотѣлъ было положить въ мою ложку кусокъ квашеннаго темнаго яйца, но видя, что въ ней уже нѣтъ мѣста и что она нагружена до предѣла—препроводилъ этотъ кусокъ въ свой собственный ротъ. „Маль-мало земля копай“ не выразилъ намѣренія добавить чего-нибудь къ содержимому моей ложки и по-прежнему сохранялъ на своемъ лицѣ официальную неподвижность. Чанъ-фу тутъ же мнѣ и объяснилъ, задыхаясь отъ восторга, что „кто палкой ложка клади шипка того люби“ (если кто подкладываетъ пищу другому своими палочками—это значитъ, что онъ очень его любитъ и уважаетъ). Послѣ этого онъ добавилъ: „О барыня, нашъ законъ холоса“, и этимъ показалъ, что оцѣнка закона у него всецѣло зависитъ отъ настроенія.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лермонтовъ и „Московскій Вѣстникъ“.

Въ дѣтской „оперѣ“ Лермонтова „Цыгане“¹⁾, составленной изъ стиховъ Пушкина и Загоскина²⁾, имѣется, между прочимъ, такая строчка:

Цыганка (изъ „Московского Вѣстника“ пѣсню).

Сама пѣсня не приведена, но молодой поэтъ, видимо, былъ намеренъ довольно безцеремонно вставить ее въ „оперу“.

Просматривая „Московскій Вѣстникъ“ за 1827—1830 гг., я нашелъ въ части 10-ой за 1828 г. „Цыганскую пѣсню“³⁾, которая, видимо, и заинтересовала Лермонтова:

Добры люди, вамъ спою я,
Какъ цыгане жизнь ведутъ;
Всѣмъ чужіе, вѣкъ кочуя
Бѣдно бѣдные живутъ.
Но мы пѣснями богаты,
Пѣсня—другъ и счастье намъ:
Съ нею радости, утраты
Дружно дѣлимъ пополамъ.
Пѣсня все намъ замѣняетъ,
Пѣснями вся жизнь красна,
И при пѣсняхъ пролетаетъ
Вольной пѣсенкой она.

Стихотвореніе не подписано, и кому оно принадлежитъ, я не знаю.

¹⁾ Академическое изданіе сочиненій Лермонтова, т. I, стр. 71—72.

²⁾ См. Лермонтовъ, т. I, стр. 363, прим. 43; срв. также: Висковатовъ, „М. Ю. Лермонтовъ“, стр. 54.

³⁾ Стр. 320.

Однако, если внимательно присмотрѣться вообще къ стихотворному отдѣлу журнала, то окажется, что иногда Лермонтовъ не только собирался, но и заимствовалъ изъ нѣкоторыхъ другихъ произведеній, хотя и безъ обозначенія своего источника. Стихотворенія, которыя такъ плѣнили поэта, помѣщены въ томъ же 1828 г. Изъ нихъ я исключаю пьесы Пушкина, напечатанныя въ этомъ и другихъ годахъ и оказавшія воздѣйствіе на Лермонтова, такъ какъ это уже было мной отмѣчено ¹⁾. Стихотворенія Лермонтова, зависящія отъ „Московского Вѣстника“, всѣ относятся къ 1829 г., подобно „Цыганамъ“.

Слѣдуя порядку Академическаго изданія, сначала укажемъ на стих. „Преступникъ“ ²⁾. Какъ оказывается, въ немъ замѣтны отзвуки „Русской разбойничьей пѣсни“ ³⁾ С. Ш. (С. Шевырева). Такъ, начало стихотворенія Лермонтова:

Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?

отражаетъ начало же „пѣсни“ Шевырева:

Атаманъ честной,
Мой отецъ родной,
Ты потѣшь меня:
Разскажи точь въ точь...

Также и строки:

Пришло Гудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну (Лермонтовъ) ⁴⁾.

объясняются изъ того же источника:

Ты веревкой повить,
На которой Жидъ
Въ ту самую весну,
Мной повѣшенъ на сосну ⁵⁾.

Какъ видимъ, вліяніе не слишкомъ яркое, но несомнѣнное. Имъ же объясняется самая мысль Лермонтова—написать разбойничью повѣсть. Въ послѣднемъ, впрочемъ, сказалось и вліяніе „Братьевъ Разбойниковъ“ Пушкина ⁶⁾. Въ противовѣсъ про-

¹⁾ См. мою книгу „Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова“.

²⁾ Лермонтовъ. I, стр. 40 и сл.

³⁾ „Моск. Вѣст.“, часть 9-ая, стр. 119.

⁴⁾ Стр. 45.

⁵⁾ Стр. 121.

⁶⁾ Л. I, стр. 359, прим. 8.

изведенію Шевырева, повѣсть Лермонтова лишена народнаго элемента ¹⁾.

Слѣды внимательнаго чтенія этого же журнала замѣтны и въ стихѣ „Къ дровьямъ“, въ послѣдней строфѣ его:

Но нерѣдко, средь веселья
Духъ мой страждетъ и груститъ,
Въ шумѣ буйнаго похмѣлья
Дума на сердцѣ лежитъ ²⁾.

Тотъ же мотивъ тоски на пиру находимъ въ стихотвореніи нѣкоего Н. П... в...; въ послѣдней строфѣ его находимъ строку, несомнѣнно, не случайно совпадающую съ Лермонтовской:

За утѣхами земными
Пьяный юноша бѣжитъ,
Но какая, въ слѣдъ за ними
Дума на сердцѣ лежитъ ³⁾.

Наконецъ, въ стих. „Къ Пу ну“ ⁴⁾—отзвукъ строкъ Хомякова ⁵⁾. Срв. у Лермонтова:

Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.

и у Хомякова:

Тамъ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.

Другихъ слѣдовъ зависимости Лермонтова отъ „Московскаго Вѣстника“ (кромѣ элементовъ вліянія Пушкина), кажется, отмѣтить не возможно. Но я эти немногія замѣчанія ставя въ очередь вопросъ о связи Лермонтова съ современной ему журналистикой ⁶⁾.

Б. В. Нейманъ.

¹⁾ Владиміровъ, „Историческіе и нар.-быт. сюжеты въ поэзіи Лермонтова“, стр. 4. Срв. у Шевырева такія строки: „Не въ Божьемъ дому—мы вѣнчались:—Во сыромъ бору—сочетались“ (стр. 119). О стремленіи Шевырева къ народности говоритъ и самый размѣръ стиха.

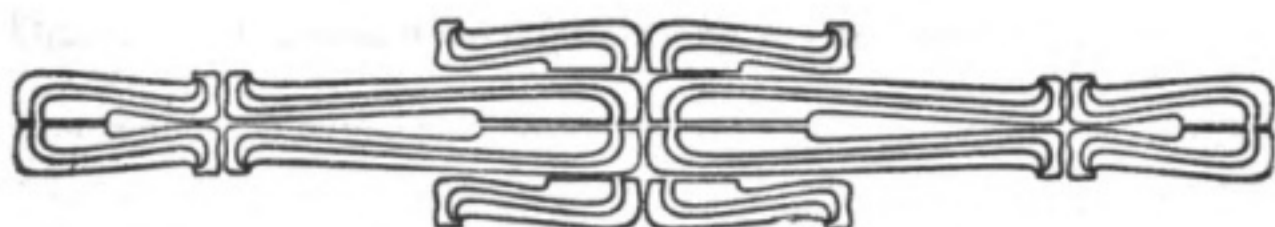
²⁾ Д. I, стр. 46.

³⁾ „Моск. Вѣст.“, ч. 10, стр. 9.

⁴⁾ Д. I, стр. 46—67.

⁵⁾ „Моск. Вѣст.“, ч. 9, стр. 4.

⁶⁾ Срв. краткія замѣчанія Владимірова по тому же вопросу *op. cit.*, стр. 8—9.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

„Умомъ Россіи не объять,
Ее аршиномъ не измѣрить;
У ней особенная статья,
Россіи можно только вѣрить“.

Тютчевъ.

Есть ли бы въ декабрьскіе дни 1905 года, передъ сдачей Портъ-Артура, и въ дни московскаго возстанія кто-нибудь изъ русскихъ, прозрѣвъ будущее, сказалъ о необычайномъ единеніи Россіи въ 1914 г., въ русско-нѣмецкую войну—то его назвали бы сумасшедшимъ.

Съ большимъ сомнѣніемъ посмотрѣли бы также на того, кто сказалъ бы это же въ началѣ іюля 1914 г., во время забастовокъ рабочихъ въ Петербургѣ, и въ дни трамвайныхъ баррикадъ. Поэтому нисколько не удивительно, что германскій посолъ гр. Пурталесъ въ донесеніяхъ своему кейзеру слишкомъ сгустил краски о внутреннемъ положеніи Россіи.

Развѣ предполагалъ кто-нибудь, что съ началомъ войны Россія сдѣлается трезвенницей и хулиганство исчезнетъ маниемъ руки.

Со дня предъявленія ультиматума Австріей Сербіи 10 іюля сего года политическія событія шли съ такой головокружительной быстротой, что трудно было предположить наканунѣ то, что произойдетъ завтра. Положеніе это сохранило свою силу на все время войны. Съ 10-го по 20 іюля было время тревожное; одинъ день казалось, что война будетъ, а на другой день думалось, что усиленіемъ дипломатіи войны удастся избѣгнуть. Въ полночь съ 18 на 19 іюля гр. Пурталесъ предъявилъ ультиматумъ.

матумъ министру иностранныхъ дѣлъ о демобилизаціи Россіи черезъ 12 часовъ.

Конечно, никакого отвѣта на это наглое требованіе не послѣдовало, и 19-го іюля въ 7 ч. вечера германскій посолъ привезъ С. Д. Сазонову ноту съ объявленіемъ войны Россіи Германіей. Объявлена всеобщая арміи и флота мобилизація и закрыты всѣ винныя лавки.

Оба повелѣнія громадной государственной важности. Оба залогъ нашей, несомнѣнной, побѣды.

За все время своего существованія Россія никогда не поднимала всѣхъ своихъ силъ сразу, а неизмѣнно по частямъ, и всегда за это была наказуема.

Другая мѣра мобилизаціи—трезвость переродила сразу всю святую Русь. Ее совсѣмъ не узнать. Преступность и хулиганство сразу понизились. Происшествій нѣтъ, доносятъ повсюду градоправители.

Позабылъ отмѣтить, что за все это время въ городѣ происходили грандіозныя патріотическія манифестаціи, при чемъ манифестантовъ тянуло къ зданіямъ сербскаго, французскаго и англійскаго посольствъ.

Манифестаціи происходили съ большимъ достоинствомъ и внушительностью.

20 іюля. Объявленъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Германіей. Манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ объединилъ, сплотилъ всѣ партіи: такъ сильна непріязнь всѣхъ къ нѣмцамъ. Война съ тевтонами будетъ народная. Слишкомъ долго терпѣла во всемъ матушка Русь иго нѣмецкое. Слишкомъ пришиблены были русскіе нѣмцами. У простого народа это нѣмецкое засилье выражалось такъ: „нѣмецкому мастеровому платятъ неизвѣстно почему вдвое, втрое и вчетверо больше, чѣмъ русскому“. Нахальство и наглость нѣмецкаго бронированнаго кулака перешли всякую мѣру. Пора прикончить съ нѣмцемъ и съ его чрезмѣрными вооруженіями навсегда. Автору этой статьи въ одной его работѣ въ сентябрѣ прошлаго года вычеркнули слова „нѣмецкое засилье“, такъ еще было сильно это засилье въ прошломъ году.

Всѣхъ русскихъ, особенно петербуржцевъ, интересуетъ вопросъ, что будетъ дѣлать Англія. Многіе относятся къ этому вопросу очень нервно, конечно, ввиду замышляемой германцами высадки на балтійскомъ побережьи. Я уже давно не сомнѣваюсь въ словахъ лорда Берфорда, сказанныхъ въ Петербургѣ

два года назадъ: въ войнѣ будущаго Англія совместно съ Россіей будетъ сражаться противъ общаго врага.

Этимъ сближеніемъ Англіи съ Россіей мы много и очень много обязаны Ольгѣ Алексѣевнѣ Новиковой, проводившей въ жизнь съ 1876 г. необходимость сближенія обоихъ народовъ и прозванной за это Биконсфильдомъ депутатомъ отъ Россіи.

Великій Князь Николай Николаевичъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Нельзя не привѣтствовать это назначеніе, ввиду крайне энергичнаго характера Великаго Князя.

Сегодня германскія войска перешли французскую границу и заняли бельгійскій г. Люксембургъ.

Италія объявила нейтралитетъ.

21 июля. Германскій крейсеръ бросилъ нѣсколько снарядовъ въ Либаву.

Русская мобилизація въ городахъ и деревняхъ протекаетъ въ величавомъ спокойствіи. Пьяныхъ нѣтъ. Люди и лошади прибываютъ своевременно. Населеніе держитъ себя героически. Нѣтъ бахвальныхъ криковъ: въ Берлинъ и Вѣну. Желѣзныя дороги работаютъ прекрасно. Ничего подобнаго я не видалъ ни въ русско-турецкую, ни въ русско-японскую войну.

Крохотная Бельгія объявила войну Германіи.

22 июля. Германскіе разъѣзды заняли Калишъ, Бендинъ и Ченстоховъ Германія объявила войну Франціи.

23 июля. Англія объявила войну Германіи. Первая неудача германцевъ въ Бельгіи.

Вчерашняго числа былъ разгромъ германскаго посольства.

По словамъ одной изъ газетъ ¹⁾ дѣло происходило такимъ образомъ, „вся толпа съ національными флагами и съ пѣніемъ гимна очутилась у посольства. Несмотря на героическія усилія конной полиціи, стекла въ нижнемъ этажѣ зданія были моментально выбиты. Черезъ пять-десять минутъ послѣ начала разгрома толпа бросилась къ крѣпко забронированнымъ желѣзнымъ воротамъ зданія. Послѣ нѣсколькихъ атакъ крѣпкія ворота не выдержали натиска толпы. Двумъ-тремъ десяткамъ манифестантовъ удалось проникнуть во дворъ зданія. Дальнѣйшій доступъ толпы во дворъ былъ прекращенъ энергичными мѣрами полиціи. Пока манифестанты вели переговоры съ полиціей съ просьбой допустить ихъ въ помѣщеніе дворца, незначительная кучка манифестантовъ, проникнувшая во дворъ, показала на крышѣ посольскаго зданія. Площадь огласилась

¹⁾ „Новое Время“ отъ 23-го июля.

криками „ура“ и „браво“. Кричали: „вонъ коней и фигуры, долой нѣмецкій штандартъ“. Черезъ нѣсколько минутъ на землю полетѣлъ германскій штандартъ и откуда-то добытое германское знамя. То и другое въ этотъ моментъ было превращено въ жалкіе остатки. Возбужденіе толпы росло. Новый натискъ на ворота посольскаго зданія еще далъ возможность проникнуть группѣ манифестантовъ внутрь двора. Въмѣсто герба, сброшеннаго потомъ въ Мойку, появился русскій флагъ. Въ нижнемъ этажѣ посольскаго дома манифестантамъ какимъ-то образомъ удалось найти выключатель и зажечь электричество. Найденный во второмъ этажѣ посольства въ тронной залѣ портретъ Вильгельма былъ брошенъ на костеръ, а висѣвшее на стѣнѣ громадное знамя было разорвано на клочки. Тронъ разломали и бронзовыя украшенія зала также, шелковая мебель испорота. Въ разбитыя окна верхняго этажа полетѣли бумаги, бѣлье, картины, статуи, бронза и т. д. Въ столовой былъ разбитъ весь хрусталь и все стекло. Въ погребѣ было уничтожено громадное количество шампанскаго. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что большинство картинъ высокой художественной цѣнности было отъ погрома сохранено. А затѣмъ внутри произошло пожаръ. Царскіе портреты, находившіеся въ залѣ посольства, манифестанты взяли и съ пѣніемъ гимна пронесли по улицамъ“.

Слышалъ достовѣрныя подробности о разгромѣ германскаго посольства.

Не сочувствуя этому разгрому, я не могу замѣтить, что все зданіе имѣло вызывающій, тевтонскій, характеръ, такой же точно, какъ нѣмецкій памятникъ битвы народовъ, открытый въ прошломъ году въ Лейпцигѣ. Проектъ постройки зданія германскаго посольства утвержденъ Вильгельмомъ II.

Разсказывали, что двѣ лошади, расположенныя на крышѣ посольства, изображали Россію и Францію, которыхъ два тевтона вели въ своемъ поводу.

На другой сторонѣ площади, въ такомъ же стилѣ, выстроенная гостиница Асторія, гдѣ помѣщалась штабъ-квартира германскаго досмотра.

Все внутреннее убранство германскаго посольства было разбито на мелкіе кусочки и все осталось въ зданіи въ цѣлости, ни одинъ мелкій кусочекъ чего бы то ни было не похищенъ никѣмъ изъ разгромщиковъ.

Въ зданіи посольства были найдены прокламаціи на рус-

скомъ языкѣ къ рабочимъ съ призывомъ къ забастовкѣ и постройкѣ баррикадъ.

На крышѣ посольства былъ безпроводочный телеграфъ.

Когда приступили по распоряженію свыше къ снятію съ крыши тевтоновъ и ихъ лошадей, то всѣ безъ исключенія рабочіе считали своимъ долгомъ сѣсть на нѣмецкую лошадь и нѣсколько на ней покуражиться.

Тевтонскія лошади оказались внутри пустыми, все тѣло лошади было составлено изъ мелкихъ, отдѣльныхъ, металлическихъ кусковъ.

26-ю іюля. За это время Австрія объявила войну Россіи, германцы потерпѣли сильную неудачу у Льежа, а англичане высадили десантъ въ Бельгіи.

Сегодня удалось присутствовать на историческомъ засѣданіи Государственной Думы.

Въ большой залъ Таврическаго дворца собрались всѣ члены Государственной Думы, пріѣхалъ предсѣдатель совѣта министровъ, всѣ министры, при чемъ представители правительства скромно стали среди представителей народа, на самомъ крайнемъ его концѣ. Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко подошелъ къ правительству и предложилъ ему занять подобающее его значенію мѣсто.

Впереди правительства шелъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, преклонный годами, но сильный духомъ человекъ, который на своихъ согбенныхъ плечахъ главы правительства вынесъ могучее и соответствующее достоинству Россіи рѣшеніе въ отвѣтъ наглому нѣмцу.

Особенно сильное впечатлѣніе произвело исполненіе въ началѣ молебна „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“.

Самое засѣданіе Государственной Думы прошло въ необычайномъ настроеніи.

Это не была, раздѣленная на партіи, Государственная Дума, а это было собраніе людей, горячо любящихъ свою родину Россію. Дѣленіе на партіи было только по мѣстамъ, занимаемымъ членами Государственной Думы. Здѣсь были всѣ единомышленники, всѣхъ одушевляло одно чувство всѣ свои силы и способности принести отечеству для отраженія наглаго врага.

Засѣданіе неоднократно прерывалось долго несмолкаемыми криками ура Государю Императору, пѣніемъ народнаго гимна всѣми членами Государственной Думы, и бурными оваціями министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову, сербскому посла-

нику М. И. Сполайковичу, великобританскому послу сэру Джорджу Бьюкэнену, французскому послу Морису Палеологу и бельгійскому посланнику гр. Конраду де Буиссере-Стеенбеке де Бларіенъ, а равно и всѣмъ членамъ Г. Д., произносящимъ въ этотъ знаменательный день исповѣданіе своей партіи безграничной любви къ родинѣ и неудержимаго стремленія постоять за Россію всѣми силами противъ нѣмца.

Бурными рукоплесканіями Г. Д. были отгвѣнены рѣчи представителя польскаго народа Яронскаго и представителя латышей и эстонцевъ Гольдмана, при чемъ послѣдняя вдохновенная рѣчь воспроизводится точно:

„Г.г. члены Государственной Думы. Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятели прогремѣлъ въ томъ краѣ, представителемъ котораго я являюсь. Это было у г. Либавы, Курляндской губ. Но повелитель Германіи глубоко ошибался, если онъ ожидалъ, что эти выстрѣлы найдутъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ какихъ-нибудь враждебныхъ выступленіяхъ противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „да здравствуетъ Россія“ (слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса: bravo). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей и эстонцевъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто только подъ защитою русскаго орла (рукоплесканія), и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ какъ нераздѣльная часть великой Россіи. (Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія). Поэтому вы можете видѣть теперь у насъ такой подъемъ духа, такой энтузіазмъ стать на защиту своего дорогого отечества, что для нарисованія правильной картины объ этомъ—самыя яркія краски были бы совершенно блѣдны. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣшаютъ намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патриотами Россіи и стать на защиту своего отечества, стать плечомъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ море крови, въ которомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тиранъ Европы (рукоплесканія и голоса: вѣрно), въ это море волютъ латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю крови, чтобы этотъ постоянно угрожающій міру человѣкъ, напештывающей всегда злѣйшіе совѣты своимъ сосѣдямъ (голоса:

правильно), чтобы этотъ человекъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы тамъ (рукоплесканія). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы (голоса: вѣрно, правильно). У насъ много счетовъ съ нашими прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные, тяжелые дни отечества, тогда мы представимъ это вашему разсмотрѣнію, г.г. народные представители, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира уже не будетъ многихъ такихъ предразсудковъ, которые до сихъ поръ, можетъ быть, у одного-другого могли быть. Поэтому въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль: отбить натискъ общаго врага. Для достиженія этой цѣли я въ настоящую историческую минуту торжественно заявляю съ этой трибуны отъ имени латышскаго и, по порученію эстонскихъ депутатовъ, эстонскаго народа, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: да здравствуетъ Россія (слѣва, въ центрѣ и справа бурныя и продолжительныя рукоплесканія“).

31 іюля. За этотъ промежутокъ времени германскіе крейсера Гебенъ и Бреслау укрылись въ Дарданеллахъ.

Франція и Англія объявили войну Австро-Венгріи: продолжались неудачные для германцевъ бои у Льежа, происходили бои у Лонгви между французами и германцами; начались столкновенія между русскими и австрійцами въ пограничныхъ пунктахъ.

Англичанами блокировано Сѣверное море. Сербы и черногорцы успѣшно дѣйствуютъ противъ Австріи.

Занятъ былъ пруссаками Калишъ, и они, по словамъ газеты, произвели тамъ ужасающія звѣрства.

Калишъ. „Новое Время“ отъ 29 іюля.

(Разсказъ очевидца).

„Вотъ что рассказываетъ только-что пріѣхавшій изъ Калиша — Нѣмцы вошли въ Калишъ на другой день послѣ объявленія войны, т.-е. 20 іюля къ вечеру. Въ городѣ появился

баталіонъ прусской пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Сейчасъ же началась жестокая реквизиція. Солдаты были расквартированы. Дѣлалось это съ особливою прусскою грубостью. Такъ, на примѣръ, у владѣльца книжнаго магазина Михели изъ четырехъ комнатъ квартиры три были отданы подъ постой пруссаковъ. Въ этихъ трехъ комнатахъ поселилось 12 солдатъ. Въ понедѣльникъ все шло сравнительно благополучно. По утрамъ расквартированныя солдаты встрѣчали своихъ хозяевъ словами: „Gute Morgen“, а вечеромъ, уходя спать, прощались привѣтствіемъ: „Gute Nacht“. Мѣстнымъ стражникамъ пруссаки предписали оставаться въ формѣ и нести полицейскую службу, какъ раньше.

Но потомъ все круто измѣнилось. Дѣло въ томъ, что прусскіе кавалерійскіе патрули ушли изъ Калиша къ сѣверо-востоку на развѣдки. Тамъ они столкнулись съ русскими кавалеристами и въ стычкѣ потерпѣли полное пораженіе. Когда оставшіеся въ Калишѣ пруссаки объ этомъ узнали, началась месть,—озлобленная, дикая и подлая. Прежде всего къ начальнику прусскаго отряда былъ потребованъ президентъ города Буковинскій. Съ него потребовали денегъ въ видѣ контрибуціи съ города. Буковинскій заявилъ, что у него никакихъ денегъ нѣтъ. Тогда прусскій полковникъ позвалъ солдатъ и приказалъ его бить. Несчастнаго избили до полусмерти и выбросили окровавленнаго на улицу. Курьеръ магистрата, увидѣвъ Буковинскаго полумертвымъ, вынесъ на улицу подушку и матрацъ и положилъ раненаго. Пруссаки схватили его, отвели къ ближайшему забору и разстрѣляли.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дикихъ экзекуцій надъ мирными обывателями. Къ прусскому полковнику привели управляющаго казначействомъ Соколова.

— Принесите сейчасъ всю наличность казначейства, приказалъ Пруссакъ.

— У меня никакой наличности нѣтъ, — отвѣчалъ Соколовъ.

— Принесите книги.

Осмотрѣли книги, изъ которыхъ выяснилось, что въ казначействѣ должно находиться 200.000 руб.

— Гдѣ деньги?—закричалъ полковникъ.

— Вотъ телеграмма,—сказалъ Соколовъ,—которой мнѣ предписано сжечь всю наличность.

— Вы сожгли?

— Сжегъ.

— Разстрѣлять!—закричалъ пруссакъ.

Соколова тутъ же на улицѣ разстрѣляли.

Затѣмъ привели трехъ стражниковъ, которые стояли неподалеку.

Всѣ они были въ формѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

— Почему вы въ формѣ?—спросилъ полковникъ.

— По вашему предписанію,—отвѣчали они.

— Разстрѣлять всѣхъ троихъ.

Стражниковъ тутъ же прикончили.

Далѣе началась полная вакханалія. Хватали мирныхъ, преимущественно богатыхъ обывателей и объявляли ихъ заложниками. Первыми были захвачены обыватели съ нѣмецкими фамиліями—три богатыхъ фабриканта: Френкель, Дейчманъ и Миллеръ. Френкель отъ жестокаго обращенія съ нимъ умеръ. Двое другихъ были заперты въ погребѣ. Наконецъ схватили председателя окружнаго суда Зеланда. Трупъ Френкеля запретили хоронить...

Во вторникъ, предъ уходомъ изъ Калиша, нѣмцы дошли до невѣроятнаго варварства. Солдаты ходили по улицамъ и пачками стрѣляли въ населеніе. Перебили много народа. Наконецъ, къ ночи пруссаки ушли, и обыватели вздохнули съ облегченіемъ.

Вотъ картина, нарисованная очевидцами. Ее одѣнать не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Германцы понесутъ за нее возмездіе. Но пока пусть знаютъ объ этихъ событіяхъ въ Америкѣ, правительство которой приняло на себя защиту германскихъ подданныхъ“.

Всѣ военныя операціи могутъ только тогда пріобрѣсти надлежащую планообразность, могутъ правильно начинаться, развиваться и заканчиваться, когда предварительно, еще задолго до войны, будетъ произведена надлежащая политическая подготовка. Въ этомъ отношеніи пресловутая германская дипломатія бронированнаго кулака оказалась не только не на высотѣ возсозданной репутаціи, а напротивъ того ниже всякой критики, дутой. Въ то самое время, когда на сторонѣ Россіи оказались Франція, Англія, Сербія, Черногорія, Бельгія и, вѣроятно, Японія, при нейтралитетѣ Италіи и Румыніи, Германія идетъ въ бой только въ союзѣ съ лоскутною Австрійскою монархіей.

Германская политическая мудрость новѣйшихъ Бисмарковъ оказалась призракомъ, и исходъ войны можно предсказать и теперь—неудачнымъ для двухъ союзниковъ.

На что, особенно, надѣялся нѣмецкій кейзеръ въ предстоящей войнѣ: на то ли, что Россія уступитъ, на внутреннія ли волненія въ Россіи, на суффражистокъ ли и ульстерцовъ Англіи, на то ли, что Англія не будетъ воевать за свое морское могущество, или на свои цеппелины, подводныя лодки, блиндируемые пулеметы и особыя орудія Круппа. Думаю, что на все это вмѣстѣ. Эти расчеты оказались наивными, и нѣмецкой арміи и нѣмецкому народу придется расплачиваться за политическое недомысліе Вильгельма II.

Несомнѣнно установлено, что приготовленія къ войнѣ въ Австріи и Германіи были начаты въ іюнѣ сего года. И теперь является вопросъ, кто же былъ зачинщикомъ настоящей войны: императоръ ли Вильгельмъ, наускивающій Австрію на Сербскую авантюру, или это была политика Австріи?

Люди, знавшіе близко германскаго кейзера, говорятъ, что второе рѣшеніе вѣрное. По ихъ мнѣнію кейзеръ по своему трусливому характеру на первое рѣшеніе не способенъ, оно не въ его характерѣ. Его самомиѣніе, непризнаваніе ничьего авторитета, трудность для него разобраться въ сложныхъ политическихъ вопросахъ, такъ какъ онъ не читаетъ никакихъ книгъ, и никого изъ близкихъ не слушаетъ, повели къ тому, что онъ попался на удочку австрійцамъ и сталъ ихъ послушнымъ орудіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. П.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 7-го по 28-е августа 1914 г.

Климентовъ, А. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основа декадентства (символизма). Одесса. 1914. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (18×25). 261+2 вен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 28 л. 1.000 экз.

Корикъ, Г. „Энциклопедія литературная и научная“, для учащихся и учащихся. Выпускъ 13-й. И. С. Тургеневъ. Одесса. 1914. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Тип. Одесскихъ Новостей. 8° (18×27). 208+15 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 21 л. 2.500 экз.

Л. С. М. Къ матеріаламъ для исторіи Кіевской духовной Академіи. (Два студенческія Актовья рѣчи). (Оттискъ изъ журн. „Труды Кіев. дух. Академіи“ 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 23 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Михновъ, С. Д., проф. Сто лѣтъ назадъ. (Отрывки изъ старинной медицинской литературы). Отд. от. изъ „Труды и прот. засѣд. Мед. общ. им. Н. И. Пирогова при Императорскомъ Юрьевск. унив.“ годъ V) Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8° (17×24). 24 стр. Въсь 3 л. 50 экз.

Поповъ, В. И. Исторія серебрянаго рубля въ связи съ исторіей рисунка. Подъ ред. Д. И. Нагуевскаго. Казань. 1914. Изд. Кн. маг. Голубева. 2-е (Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8° (17×25). 18 стр. Ц. 20 к. Въсь 2 л. 650 экз.

Пятидесятилѣтіе Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ 1864 17/IV 1914. Юбилейная записка. Вильна. 1914. Тип. Г. Завадзкаго. 4° (21×29). 47 стр. съ портр. Въсь 16 л. 300 экз.

Шевченко, Т. Г. Его жизнь и поэзія. (Къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія поэта). Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (15×22). 78 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Въсь 8 л. 3.000 экз.

Яницкій, Н. Ѳ. Писцовая книга Бѣжецкой пятины Новгородской области 1564 года. (Отт. изъ „Университ. Извѣстій“ за 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкій (Меринговская, 6). 8° (17×25). 15 стр. Въсь 4 л. 100 экз.

Альбовскій, Е. Харьковскіе казаки. Вторая половина XVII ст. (по архивнымъ источникамъ). 1-я книга 1-го тома Исторіи Харьковскаго полка. Слб. 1914. Изд. Музея 4-го Уланскаго Харьковскаго полка. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (16×24). X+247 стр. Съ портр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 1 л. 600 экз.

Байз, К. Исторія искусствъ. Переводъ подъ редакціей и съ прибавленіемъ главъ о русскомъ искусствѣ проф. унив. св. Владимира г. Павлуцкаго. Кіевъ. 1914. Изд. С. В. Кульженко. 3-е знач. доп. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4. соб. д.). 8° (20×29). IV+451+XV стр. съ 370 рис. и 42-мя фотот. Ц. 3 р. 50 к. Въсь 3 ф. 8 л. 3.000 экз.

Богомазова, З. Книга и ея прошлое. (Библиотека по исторіи культуры, № 1). М. 1914. Изд. Изд-ва Новое Сотрудничество. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 16° (18 × 17). 46 + 2 нен. стр. съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Богородицкій Тихвинскій монастырь Курской губерніи основанный фельдмаршаломъ, гр. Б. П. Шереметевымъ 1713—1913 г. По сохранившимся документамъ домашняго и мѣстнаго архивовъ. М. 1914. Изд. гр. Сергія Шереметева, въ С.-Петербургѣ. Тип. Синодальная. 8° (18 × 27). 334 стр. съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 400 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. I. (Отъ Петра I до Карамзина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5), 19-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (16 × 25). VIII + 485 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 12 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. II. (Отъ Карамзина до Пушкина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ, 19-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (16 × 25). VII + 476 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Русская хрестоматія. Въ двухъ томахъ. Т. I. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5), 37-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (18 × 26). VII + 403 стр. Ц. 2 р. 25 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 5 л. 15.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Новгородскій домъ Святой Софіи (Опытъ изученія организациі и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины). Часть I. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17 × 24). XIV + 554 + 127 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 515 экз.

Дунаевъ, Б. И. Библиотека старорусскихъ повѣстей. XVIII в. Петровская эпоха. Гисторія о Россійскомъ матросѣ Васи́лѣи Каріотскомъ и о прекрасной королеви́ Иракли́и флоренской земли. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 23). 44 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 4.000 экз.

Евгеньевъ, В. Николай Александровичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. М. 1914. Изд. Кн-ва К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 8° (16 × 23). II + 312 стр. + 1 табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 2.000 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета Историко-филологическаго факультета. Выпускъ VIII, изданный подъ ред. проф. А. П. Доброклонскаго. А. П. Доброклонскій. Преп. Θεодоръ исповѣдникъ и игуменъ Студійскій II часть. Его творенія. Выпускъ I. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (19 × 27). 569 + 2 нен. стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 300 экз.

Зелинскій, В. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. IV. „Братья Карамазовы“. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 8° (16 × 24). VIII + 536 стр. Адр. склада (Спиридоновка, д. Бойцова). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.200 экз.

Ильменскій, А. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. 1904—1914 г. Спб.

1914. Тип. Аргусъ. 8° (17 × 24). 72 стр. съ рис. Адр. склада Гороховая, 18. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Исторія западной литературы (1800—1910) подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Книга 7. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. с. д.). 8° (19 × 28). 377—490 стр. Съ рис. + 14 л. рис. табл. Вѣсъ 1 ф. 5100 экз.

Каталогъ общества изящныхъ искусствъ имени В. В. Верещагина. Николаевъ. 1914. Тип. бр. Бѣлолицкихъ. 16° (15 × 19). 51 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Каталогъ русскаго отдѣла. Международная выставка печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ 1914 г. Спб. Изд. Комиссаріата русскаго отдѣла. Тип. Сиріусъ. 8° (18 × 24). 269 стр. 1 портр. и 1 рис. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Ключевскій, В. проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1914. Изд. 5-е. Тип. П. П. Рябушинскаго. 8° (15 × 23). 464 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ ф. 11 л. 10.000 экз.

Колосовъ, Н. Конспектъ по исторіи русской педагогикѣ. Пермь. 1914. Тип. Н-ковъ Каменскаго. 8° (14 × 21). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Конспектъ лекціи графа Ильи Львовича Толстого о своемъ отцѣ Л. Н. Толстомъ. Харьковъ. 1914. Тип. Дрейшпуль. 4° (25 × 28). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Кузнецовъ, Л. А. Краткій историческій очеркъ г. Петропавловска Акмолинской области. Петропавловскъ. 1914. Тип. Т-ва Печатнаго дѣла „Прогрессъ“. 8° (16 × 24). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Новгородская Церковная Старина. Труды Новгородскаго Церковно-археологическаго общества. Томъ I. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (18 × 27). III + 198 + I. II стр. Съ 11 рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.300 экз.

Обозрѣніе преподаванія на 1914—1915 учебн. годъ на Историко-Филологическомъ факультетѣ Университета Св. Владиміра. Съ приложеніемъ росписанія лекцій. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18 × 25). 25 стр. Съ 1 табл. Вѣсъ 5 л. 1.500 экз.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ ред. В. Н. Бенешевича. 1912 г. Выпускъ II (до 1 января 1913 года). 1. Языкознаніе. 2. Русская литература, исторія и древности. Спб. 1914. Тип. Имп. Академ. Наукъ (Вас. Остр., 9 линія, 12). 8° (16 × 24). 146—472 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 930 экз.

Олюнина, Е. А. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ. Матеріалы къ исторіи домашней промышленности въ Россіи. Семинарій по политической экономіи подъ руководствомъ І. М. Гольдштейна при Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Вып. X. М. 1914. Тип. т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 8° (14 × 21). XI + 368 + 1 неч. стр. и 1 листъ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз.

Орѣшниковъ, А. Дополненія къ нумизматикѣ Ольвин, Херсонеса и Покта. (От. изъ 3 тома „Нумизматическаго Сборника“). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 10 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Памятная книжка Полтавской губерніи на 1914 г. Полтава. 1914

Тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 25). XXXII + 509 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 13 л. 725 экз.

Петровскій, А. Ф. Берегите могилы (къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія Т. Г. Шевченко). Одесса 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (14 × 21). 13 - 2 нев. стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 2.000 экз.

Попруженко, М. Г. Указатель статей помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (21 × 29). 63 стр. Вѣсь 10 л. 180 экз.

Рибасъ, Л. М. де. Библиографическіе матеріалы по исторіи Новороссіи. Указатель статей, замѣтокъ и разныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Календаряхъ“ „Новороссійскомъ календарѣ“, „Памятной книжкѣ“ и „Адресъ календаря Одесскаго градоначальства“, а также въ „Трудахъ Одесскаго статистическаго комитета“ съ 1832—1914 годъ. Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (21 × 29). 25 стр. Вѣсь 8 л. 50 экз.

Россія въ ея прошломъ и настоящемъ (1613—1913). Подъ ред. В. П. Федорова. Въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 4° (27 × 35). 128 + 6 + 26 + 14 + 4 + 12 + 8 + 16 + 8 + 76 + 15 + 8 + 40 + 6 + 36 + 10 + 34 + 16 + 40 + 32 + 48 + 16 + 8 + 15 + 16 + 10 + 18 + 14 + 26 + 14 + 14 + 10 + 46 + 2 + 28 + 14 + 17 + 8 + 24 + 24 + 16 + 20 + 14 + 6 + 12 + 4 + 12 + 12 + 4 + 8 + 14 + 10 + 12 + 4 + 4 + 6 + 2 + 6 + 2 + 8 + 2 + 2 + 42 + 6 стр. съ портр. Вѣсь 18 ф. 8 л. 5.000 экз.

Сборникъ Археологическаго Музея Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. Подъ ред. В. Е. Данилевича. Вып. I. Кіевъ. 1914. Тип. А. И. Гросмана (Владимірская, 48). 8° (15 × 22). 48 стр. Вѣсь 7 л. 200 экз.

Серафимъ, игумень. Георгіевскій женскій монастырь, именуемый „Св. Кустики“ въ Уфимской епархіи, Бирскомъ уѣздѣ. Кунгуръ. 1914. Тип. М. Ѳ. Летунова. 8° (17 × 26). 54 стр. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, выпускъ 1-й: Русская литература XVIII—XIX в.в. Сентиментальное и народническое направленія въ XVIII—XIX в.в. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К°, 5-е. Тип. М. Волковича (Садовая. 60 уголъ Б. Подъяческ.). 8° (16 × 22). 192 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 20 л. 3.000 экз.

Скворцовъ, Г. А. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі „Патріархъ Адрианъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ Русской Церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка“. Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 12 стр. Вѣсь 1 л. 1.000 экз.

Соболевъ, П. Г. Странникъ по Новгороду и Старой Руссѣ съ рисунками и планами. Спб. 1914. Изд. Б. А. Суворина. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (12 × 18). 127 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 12 л. 1.000 экз.

Труды Бессарабскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. IX-й выпускъ. Въ память столѣтія Кишиневской епархіи. 1813—VII 21 1913 г.г. Подъ ред. Василія Курдиновскаго. Кишиневъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (16 × 24). VIII + 366 + 48 + 33 + 35 + VIII стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 28 л. 350 экз.

Ухачъ-Огоровичъ, Н. А. Куропаткинъ и его помощники. Отвѣтъ барону Фонъ-Теттау. Умань. 1914. Тип. А. Галкина (Садовая,

д. Фрейденберга). 8° (14 × 22). 111 стр. Складъ: В. А. Березовскаго (Спб. Колокольная, 14). Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Шляпкинъ, И. А., проф. Программа по исторіи русской литературы, въ объемѣ университетскихъ полукурсовыхъ и коммисіонныхъ испытаній. Спб. 1914. Тип. Г. Шумахера и В. Брукера (Екатерининск. кан., 94). 8° (14 × 22). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 150 экз.

Агренева-Славянская, Ольга. Южно-славянская легенда о Дунаѣ. Спб. 1914. Тип. К. С. Антокольскаго (Разъѣзжая, 20). 8° (14 × 23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Андріашевъ, А. М. Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. Шелонская пятна по писцовымъ книгамъ 1498—1576 г.г. I. Списки селеній. М. 1914. Изд. Имп. Об-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвижен. пер., с. д.). 8° (18 × 27). LXXVI + 552 стр. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 300 экз.

Арсеньевъ, Ю. В. и Трутовскій, В. К. Путеводитель по Оружейной Палатѣ. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (14 × 20). 303 стр. съ рис. Вѣсъ 29 л. 51.000 экз.

Барщевскій, И. Иконопись. Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А. Барщевскаго. 16° (12 × 17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Барщевскій, И. Какіе предметы разумѣлись подъ названіемъ „целинныхъ“. Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А. Барщевскаго. 16° (12 × 18). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Барщевскій, И. Нѣсколько словъ изъ исторіи искусства скомоховъ. Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А. Барщевскаго. 16° (12 × 18). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Библиографическій указатель литературы по народной словесности на русскомъ языкѣ. Вып. II. 1912 годъ. М. 1914. Изд. Коммиссія по народной словесности при этнограф. отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. Тип. А. И. Сивгиревой. 8° (16 × 24). 46 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Биццли, П. М. Западное вліяніе на Руси и начальная лѣтопись. Одесса. 1914. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18 × 26). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Вилнцскій, С. Г., проф. Домъ Романовыхъ и триста лѣтъ русскаго общественнаго самосознанія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ публичномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета въ день празднованія 300 лѣтій царствованія Дома Романовыхъ, 21-го февраля 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Христогелоса (ул. Кондратенко, 8) 8° (17 × 26). 16 стр. Вѣсъ 3 л.

Виноградовъ, В. П. Уставныя чтенія, какъ предметъ изученія съ историко-гомилетической и историко-литературной точки зрѣнія. Рѣчь Сергіевъ-Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицк.-Серг. Лавры. 8° (16 × 24). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Гёрнесъ, Морницъ, д-ръ. Первобытная культура. Часть I. Каменный вѣкъ (Дометаллическія времена. Древній и новый каменный вѣкъ въ Европѣ. Сходныя культуры на другихъ материкахъ). Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Э. К. Волкова. Авторизованный пер. съ посл. нѣм. изд. Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Götschen“). Рига. 1914. Изд. Наука и жизнь. Тип. П. Керковиусъ (Домская пл., 5). 16° (11 × 16). 183 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Горскій, прот. Древне-христіанская практика причащенія Св.

Таинъ, по памятникамъ письменности и искусства. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троице-Серг. Лавры. 8° (15 × 22). 60 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Дворжицкій, К. А. Императоръ Александръ II въ Эмсѣ. 1874 г. Спб. 1914. Тип. „Т-ва Худож. Печати (Ивановская, 14). 16° (12 × 18). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Дурново Николай. Хрестоматія по исторіи русскаго языка. Посobie при преподаваніи рус. яз. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Памятники XI—XV в. М. 1914. Изд. В. С. Спиридонова (Моховая, д. Варвар. Акд. Общ.). Тип. Синодальная. 8° (18 × 27). 47 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 2.100 экз.

Завѣтъ Мих. Дм. Скобелева. Спб. 1914. Тип. С. Е. Булыгина (Фонтанка, 151). 8° (15 × 33). 1 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Замотинъ, И. И. М. Ю Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Тип. Учебнаго округа (Краков. Предм., 3). 8° (15 × 23) 154 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1315 экз.

Извѣстія Одесскаго Библиографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ III. Выпускъ 2. Мартъ—Апрѣль 1914 г. Одесса. 1914. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8° (18 × 27). 65—126 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Ильменскій, А. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ 1904—1914. Къ десятилѣтію со дня Его рожденія. Спб. 1914. Тип. Имп. училища глухонѣмыхъ (Мойка, 54). 8° (17 × 24). 56 стр. съ 19 рис. и 4 портр. Вѣсъ 11 л. 10.000 экз.

Исторія еврейскаго народа. Т. XI. Исторія евреевъ въ Россіи. При ближайшемъ участіи А. И. Браудо, М. Л. Вишницера, Ю. Гессена. С. М. Гинзбурга, П. С. Марека и С. Л. Цинберга. Т. I. М. 1914. Изд. Т-во Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (18 × 26). III + 526 стр. + 30 рис. + 3 геогр. карты. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 5.800 экз.

Исторія постановки памятника Императору Александру I Благословенному въ Кишиневѣ. Кишиневъ. 1914. Изд. Книгоизд. Д. И. Платонова. Тип. Гузика. 8° (16 × 24). 16 стр. съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья поэты. А. С. Хомяковъ. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., 11). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (14 × 21). 51 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 7.000 экз.

Кубаловъ, Б. Последніе годы самостоятельнаго существованія Галицко-Волинскаго княжества. Иркутскъ. 1914. Тип. Макушина и Посохина. 8° (16 × 24). 55 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Курбскій, князь. Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія оригинальныя. Русская историческая бібліотека, издаваемая Императорскою Археологическою Коммиссіею. Томъ тридцать первый. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (20 × 29). XXV + 622 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 500 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Редакція В. В. Калаша. Томъ III. М. 1914. Изд. Печатникъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 27). XLVIII + 340 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 4.950 экз.

Муратовъ, П. Древнерусская иконопись въ собраніи И. С. Острохова. М. 1914. Изд. к-ва К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 4° (29 × 37). 40 стр. + 43 листа рис. Ц. 16 р. Вѣсъ 3 ф. 500 экз.

Некрасовъ, Н. А. Полное собраніе стихотвореній въ двухъ то-

махъ. Томъ I—1842—1872; Томъ II—1873—1877. Спб. 1914. Изд. 12-е. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16 × 23). XXIX + 608 + 566 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 4 ф. 10 л. По 12.000 экз.

Н и в н с к і й, Д. I. Народная словесность. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Спб. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (15 × 22). 222 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія предметовъ и распредѣленія лекцій и практическихъ занятій по Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьков. Универ. 1914—1915 г. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Клещевскій пер., 8). 8° (14 × 22). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Образцовъ, В. Н., проф. Празднованіе трехстолѣтія Дома Романовыхъ Императорскимъ Новороссійскимъ университетомъ 21 февраля 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Христогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (17 × 26). 30 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Объ украинской вышивкѣ XVIII вѣка и современномъ ея возрожденіи (Отд. оттиски изъ №№ 24 и 25 „Черниг. Земской Недѣли“ за 1914 г.). Черниговъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (14 × 23). 21 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Памятная книжка для слушателей Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Александра II. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 16° (13 × 17). 32 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

По путямъ великой арміи. Юбилейный сборникъ развѣдокъ офицеровъ Виленскаго военнаго округа въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года. Ред. Томилинь. Ч. I. Вып. I. Вильна. 1912. Изд. и тип. Штаба Виленскаго военнаго округа. 8° (18 × 22). 132 + X стр. Вѣсъ 27 л. 1.000 экз.

По путямъ великой арміи. Юбилейный сборникъ развѣдокъ офицеровъ Виленскаго военнаго округа въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года. Ред. Томилинь. Ч. I. Вып. II. Вильна. 1912. Изд. и тип. Штаба Виленскаго военнаго округа. 8° (17 × 22). 61 + XI—XII стр. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Ремезовъ, А. Нѣсколько словъ о новой книгѣ по сектовѣдѣнію. Рецензія на книгу В. В. Розанова: „Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы)“. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (16 × 24). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Часть II. М. 1914. Изд. 9-е. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (16 × 23). 352 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 10.000 экз.

Спаварисъ, И. О двухъ намогильныхъ памятникахъ съ турецкими надписями, хранящихся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. (По поводу статьи о нихъ Н. Θ. Катанова). Одесса. 1914. Тип. Е. Христогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (19 × 29). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Спаварисъ, И. Сообщение о металлической чашѣ съ арабской надписью. Одесса. 1914. Тип. Е. Христогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (19 × 29). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Титовъ, Θ. Прот. Отзывъ о печатномъ сочиненіи настоятеля церкви при Имп. Россійскомъ генеральномъ консульствѣ въ г. Ургѣ, въ Монголіи прот. Милія Чефранова подъ заглавіемъ: „Блаженный Софро-

ній, 3-й Епископъ Иркутскій (Москва, 1907 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Труды 1-го съѣзда представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и соответствующихъ имъ установлений. 6-го—8-го мая 1914 г. Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19 × 27). VII+107 стр. Вѣсъ 20 л. 1.200 экз.

Уставъ историко-археологическаго комитета С.-Петербургской епархіи. Спб. 1914. Тип. Александро-Невскаго О-ва Трезвости (Обводный, 116). 16° (12 × 16). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Францевъ, В. А. Изъ переписки Гр. Н. П. Румянцова, Гр. Н. П. Румянцовъ и П. И. Кеппенъ. Варшава. 1914. Тип. Учебнаго Округа (Краков.-Предм., 3). 8° (14 × 24). 114 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Штернъ, Э. Р. фонъ Отчетъ о раскопкахъ на островѣ Березани лѣтомъ 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (Ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 28). 33 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Федотовъ, П. М. Пятидесятилѣтіе Керченской Александровской гимназій (1863—1913). Историческая записка. Керчь. 1914. Тип. Х. Н. Лаго. 8° (18 × 25). 117 + 44 стр. Съ рис. Вѣсъ 27 л. 100 экз.

Алфавитный указатель библиотеки И. С. Остроухова. М. 1914. Тип. Городская. 8° (15 × 22). 265 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 120 экз.

Антикварная книжная торговля В. П. Ключкова. Каталогъ № 559. Спб. 1914. Тип. Арнольда (Литейный, 59). 8° (16 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Антикварный каталогъ русск. рѣдкихъ и др. книгъ № 45. Кн. Маг. Н. М. Фадѣева въ Москвѣ (Моховая, д. Бенкендорфа). М. 1914. Тип. „Крестнаго Календаря“. 8° (17 × 26). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Аванасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Томъ I. Подъ ред. И. П. Кочергина. Казань. 1914. Изд. Издат. Молодыя силы. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8° (17 × 25). СХХVIII + 228 стр., съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.050 экз.

Богдановъ, А. Роль коллектива въ Исторіи. Библиотека „Впередъ“ № 2. Тифлисъ. 1914. Тип. Гермесъ (Графская, 6). 8° (15 × 21). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Бразуль-Брушковскій, Д. Лермонтовъ и Кавказъ. Юбилейная памятка 1841 г.—15 іюля—1914 г. Пятигорскъ. 1914. Изд. I. Шнипа Тип. Сукиасянца. 8° (17 × 20). 32 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 4.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Новгородскій домъ Святой Софіи. (Опытъ изученія организаци и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины. Часть I. Записки Историко-филологическаго факультета Имп. Спб. университета. Часть СХХ. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17 × 24). XII + 544 + 129 стр. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 400 экз.

Десятилѣтіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 30-го іюля 1904—30-го іюля 1914 г. Спб. 1914. Тип. Викторія (Знаменская, 17). 4° (29 × 45). 2 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Дмитріевскій, А. А., проф. Въ Бозѣ почившій Митрополитъ Петербургскій Антоній и его сношенія по дѣламъ церковнымъ съ православнымъ востокомъ. Казань. 1914. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 22 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Захватъ дворянскими учрежденіями управленія земскими дѣлами Прибалтійскаго края. Краткій очеркъ столѣтней попытки русскаго правительства упорядочить земское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ. Ревель. 1914. Тип. І. Фельсберга и А. Тетермана. 8° (16 × 23). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Извѣстія Кавказскаго музея. Томъ VII. Вып. 3—4. Тифлисъ. 1914. Изд. Кавказскаго музея. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кав-зѣ. 8° (16 × 24). 205—453 стр. + 10 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 500 экз.

Иловайскій, Д. Н. Вѣроятное происхожденіе св. княгини Ольги и новый источникъ о князѣ Олегѣ. М. 1914. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (18 × 26). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 350 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXX. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° 8° (19 × 28). 17—144 стр. съ 4 рис. Вѣсъ 30 л. 6.100 экз.

Каталогъ музея Псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1914. Тип. Губ. земства. 8° (15 × 22). 89 стр. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Кондаковъ, С. Н. Юбилейный справочникъ Императорской Академіи Художествъ. Спб. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (22 × 30). 351 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 4 ф. 4 л. 1.200 экз.

Литовская метрика, отдѣлы первый — второй. Часть третья: Книги Публичныхъ Дѣлъ. Томъ первый. Русская историческая библіотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссіею. Томъ XXX. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттиссенъ. 8° (19 × 27). IV + 895 + 44 + 2 нен. стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 500 экз.

Новый Энциклопедическій Словарь. Двадцатый Томъ. Штамарака-Каринскій. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), Н. А. Ефронъ (Спб.). Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. Общ. Брокгаузъ и Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19 × 28). 960 стр. Съ рис. и карт. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 16.000 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ВЫОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь
Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ поданнымъ

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи Оттоманскаго Правительства и вовлекли въ войну съ НАМИ ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый Германцами Турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на НАШЕ Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли МЫ Россійскому Послу въ Царьградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго утѣснителя христіанской вѣры и славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному Русскому оружію одолѣвать Турецкія полчища, — покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага НАШЕЙ Родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ МЫ непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Изъ записной книжки Русской Старины.

Высокомѣрное отношеніе германскихъ, высшихъ, начальниковъ къ австрійскимъ на лейпцигскихъ торжествахъ, въ октябрѣ 1913 года.

Въ настоящее время идутъ большіе нелады между союзными высшими военачальниками германскими съ австрійскими. Эта взаимная непріязнь нѣмецкихъ военачальниковъ ясно была видна, еще годъ тому назадъ, на лейпцигскихъ торжествахъ, въ началѣ октября 1913 года. Въ Лейпцигѣ съѣхались тѣ высшіе военачальники германцевъ и австрійцевъ, которые въ настоящую войну стоятъ во главѣ союзныхъ армій и корпусовъ. Со стороны Германіи тамъ находились всѣ союзные германскіе монархи, и въ числѣ ихъ Рупрехтъ Баварскій и герцогъ Баденскій, а также фельдмаршалы фонъ-деръ Гольцъ, Бокъ-Полякъ, генералы фонъ Мольтке, ф. Гаузенъ, ф. Клугъ, Бюловъ, Эйхгорнъ, Эмихъ, Лисингенъ, Плессенъ, Кирхбахъ, ф. Кессель, Притвицъ-Гафронъ, ф. Линкеръ и адмиралъ Тирпицъ.

Со стороны австрійцевъ были, генералъ Конрадъ ф. Гетцендорфъ, ф. Кробатинъ, фамилія Шварценберговъ и многіе другіе.

Во все время лейпцигскихъ торжествъ отношеніе высшихъ германскихъ начальниковъ къ австрійскимъ было самое пренебрежительное: ни одинъ германскій начальникъ не отличался вѣжливостью къ австрійцамъ, ихъ, какъ бы невзначай, толкали, нигдѣ не уступали мѣста, и никогда за ихъ здоровье не поднимали, по нѣмецкому обычаю, бокала.

Австрійцамъ не отводили особенно почетныхъ мѣстъ на торжественныхъ завтракахъ и обѣдахъ.

Это очень бросалось въ глаза особенно потому что въ то же самое время отношенія германцевъ къ чинамъ нашей военной депутаціи состоявшей изъ чиновъ комитета по постройкѣ храма-памятника на полѣ лейпцигскаго сраженія ¹⁾ было самое любезное и даже предупредительное.

Утромъ, 5-го октября, когда всѣ военныя депутаціи собрались передъ нѣмецкимъ памятникомъ, къ предсѣдателю нашего лейпцигскаго комитета, начальнику генеральнаго штаба, генерала отъ кавалеріи Жилинскому, подошелъ германскій военный агентъ въ Петербургѣ майоръ фонъ Эггелингъ и доложилъ ему, что начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ фонъ Мольтке желаетъ съ нимъ познакомиться. Генералъ Жилинскій отвѣтилъ, что это также и его желаніе, и не тронулся съ мѣста. Майоръ Эггелингъ ушелъ и въ скоромъ времени отъ группы германскихъ начальниковъ отдѣлилась колоссальная и грузная фигура генерала фонъ Мольтке, и заколыхалась по направленію къ русской депутаціи. Ф. Мольтке остановился за четыре шага передъ нашимъ начальникомъ генеральнаго штаба, и тотъ только тогда сдѣлалъ шагъ впередъ и знакомство состоялось.

Особенно охотно знакомились германскіе начальники и вступили въ бесѣду съ генералъ-лейтенантомъ Колюбакинымъ отлично знающимъ нѣмецкій языкъ, военную исторію и нѣмецкій бытъ.

За обѣдомъ, 5-го октября, у Саксонскаго короля нѣкоторые изъ германскихъ генераловъ, послѣ тоста саксонскаго короля за гостей, поднимали бокалы за здоровье рядомъ, съ ними сидѣвшихъ, представителей русской военной депутаціи.

Передъ германцами сидѣло много австрійскихъ генераловъ и къ нимъ не потянулась съ бокаломъ ни одна германская рука.

Лишь одинъ императоръ Вильгельмъ изощрялся въ любезностяхъ къ австрійскому престолонаслѣднику Францу-Фердинанду.

¹⁾ Депутація состояла: изъ предсѣдателя — генерала отъ кавалеріи Жилинскаго, товарища предсѣдателя генералъ-лейт. Воронова, о. Протопресвитера Шавельскаго, генералъ-лейтенанта Колюбакина, командировъ полковъ—л.-гв. Измайловскаго, л.-гв. Павловскаго, л.-гв. 1-й арт. бригады, л.-гв. казачьяго Его Величества, военнаго инженера, полковника Яковлева, академика Покровскаго. и кандидата правъ Леянова.

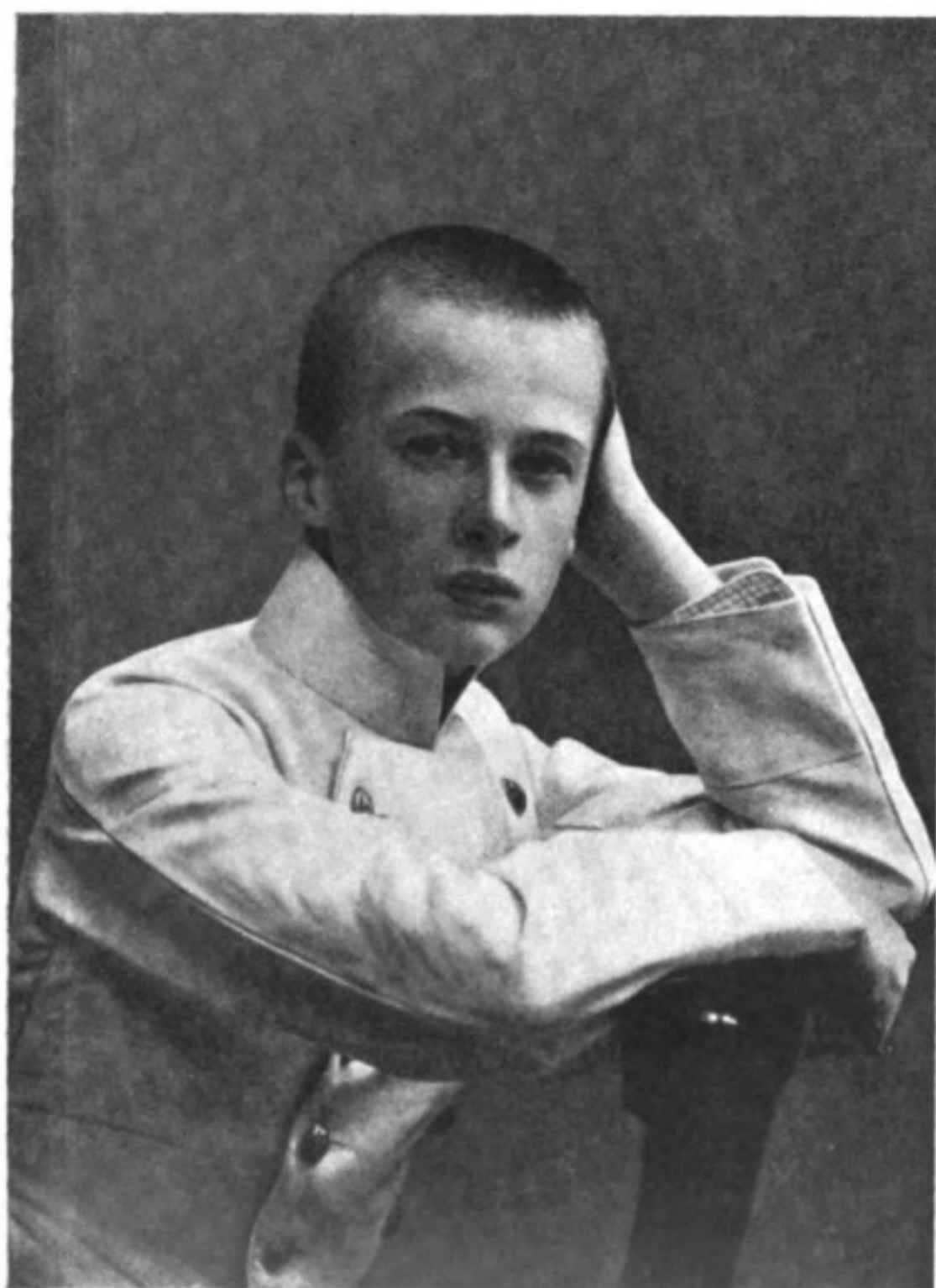
Планъ войны Германіи съ Россіей въ 1914 г.

Возвращаясь по желѣзной дороги изъ Лейпцига въ Петербургъ въ половинѣ октября 1913 года всѣмъ русскимъ невольно бросалось въ глаза оборудованіе узловъ желѣзно-дорожныхъ станцій громаднымъ количествомъ рельсовыхъ путей и платформъ—у Кенигсберга, Инстербурга, Диршау, Галле и Лейпцига. Даже и въ октябрѣ прошлаго года, при нашемъ проѣздѣ, копошились рабочіе на рельсовыхъ путяхъ.

На вопросъ, предложенный нами одному свѣдующему лицу—мы получили слѣдующій отвѣтъ: „Планъ войны Германіи съ Россіей и Франціей, уже окончательно разработанный къ веснѣ 1913 года, состоялъ въ томъ, что Германія, оставивъ часть силъ противъ Россіи, бросаетъ противъ Франціи большую часть войскъ, быстро разбивъ французскую армію, и взявъ Парижъ, перебрасываетъ всѣ силы на восточный фронтъ. Вотъ почему такъ усилила Германія правоспособность своихъ желѣзныхъ дорогъ“. Увѣряютъ, что будто бы съ запада на востокъ пѣмцы могутъ отправлять по нѣскольку сотъ поѣздовъ въ сутки.

П. Вороновъ.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
КНЯЗЬ
ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1915 году
въ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1915 г. въ сорокъ шестой годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ѡ. Кони.—Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣателя.“ „Житейскія встрѣчи“. Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѡеодора Алексѣевича и Петра Великаго. А. С. Ладинскаго.—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена, члена научнаго института въ Гарлемѣ. Переводъ съ голландскаго. И. Щелкунова.—Житъе-бытѣ Петра Великаго въ Даніи въ 1716 г. (Полный церемоніаль выѣзда царя въ Копенгагенъ, подробная записка о его первомъ появленіи на датской территоріи, рассказы о развѣдочныхъ поѣздкахъ Петра къ шведскому берегу, бесѣда Петра съ профессоромъ астрономіи, оригинальная поѣздка царя верхомъ на лошади на высокую астрономическую башню, обѣды, праздники, гулянія, маскарадъ, театральное въ честь царя представленіе, арестъ царя, его похождение, рукоположеніе Петромъ датскаго пастора и др.). А. В. Полторацкаго.—Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 г. А. Е. Кауфмана.—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника.—Записки гр. Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. В. Х. Мелека.—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора со многими лицами), Н. К. Васильевой.—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II. О. І. Щелкунова. Пребываніе Императора Александра III въ Даніи. А. И. Георгіевскаго.—Мои воспоминанія и размышленія. (Восп. касаются поэта Алмазова, Буслаева, Бестужева-Рюмина. П. Н. Батюшкова, гр. Валуева, Грановскаго, Галахова, Горбунова, Градовскаго, Данилевскаго, гр. Делянова, Ю. Г. Жуковскаго, Каткова, Кудрявцева, Краевскаго, К. П. и М. П. Кауфмановъ, Е. П. Ковалевскаго, Корниловыхъ, Леонтьева, Лохвицкаго, Любимова, Маркевича, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, М. Н. Муравьева, Менделѣва, А. Н. и Л. Н. Майковыхъ, Никитенко, Островскаго, Погодина, Пирогова, о. Раевскаго, гр. Д. А. Толстого, Тютчева, Щербины). Е. А. Рагозиной.—Изъ дневника Русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. С. Шумигорскаго.—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѡ. И. Головкина. Рассказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова, И. К. Марк ва. Незданная статья епископа Никодима о митрополитѣ Филаретѣ Н. Высоцкаго.—Изъ нравовъ московскаго духовенства. В. А. Бочкарева.—Культурные запросы русскаго общества на порогѣ царствованія Екатерины II.—Андерсона. Дневникъ И. М. Снѣгирева В. Муштафина.—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валуеву. М. Н. Катковъ и гр. Валуевъ въ ихъ перепискѣ. А. фонъ-Таль.—Изъ воспоминаній Е. И. Ламанскаго. (Восп. касаются Петрашевскаго, Канкринъ, Вронченко, Брока, Княжевича, М. Н. Муравьева, Я. И. Ростовцева, Штиглица, Чевкина, Рейтерна, Грейга, Абазы, Бунге и др.). В. С. Арсеньева.—Изъ бумагъ Болотова. А. А. Танкова.—Курскій мятежный столпъ. от. М. Пашкевича.—Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 года Донесенія вятскаго губернатора Павлу I съ Высочайшей резолюціей. Л. Н. Созонова.—Изъ нравовъ минувшаго. И. И. Гринцевича.—Воспоминанія Портъ-Артурца о Кондратенко. К. К. Фрома.—Записки ген. Мамацева. Бар. А. А. Фрейганга. Письма Драгомирова Радецкому. Последніе дни Радецкаго. Записки Н. В. Исакова.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ съ предисловіемъ П. Н. Колубакина. (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимовъ и др.). Е. А. Андриашевой.—„Воспоминанія стараго педагога“. Воспоминанія Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградекаго, Веселовскаго и др. М. Л. Гофмана. Поэмы Боратынскаго и другія статьи по исторіи литературы. Воспоминанія участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣателей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 5% съ cadaго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13

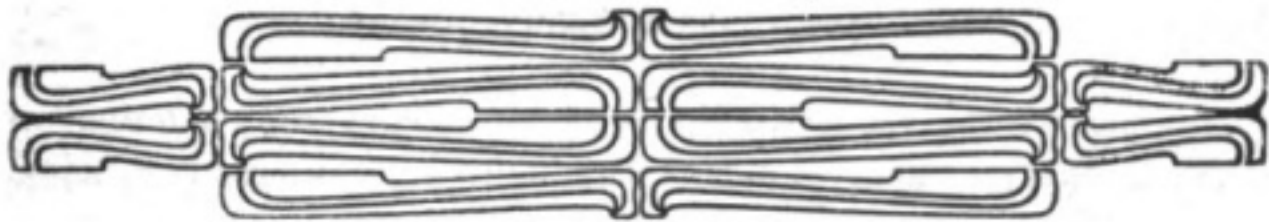
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по проверкѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Историческое заседание Государственной Думы 26 июля 1914 года.

Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего Указа Правительствующему Сенату отъ 20 июля 1914 г.

Привѣтственное слово Его Императорскаго Величества Государя Императора

Государственному Совѣту и Государственной Думѣ, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 июля 1914 г.

„Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные тревожные дни, переживаемые всей Россіей.

Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи.

Тотъ огромный подъемъ патриотическихъ чувствъ, любви къ родинѣ и преданности Престолу, который какъ ураганъ пронесся по всей землѣ Нашей, служить въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ речательствомъ въ томъ, что наша великая Матушка Россія доведетъ непосланную Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свой силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ славянъ.

И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Миѣ перенести непосланныя Миѣ испытанія и что всѣ, начиная съ Меня, исполнять свой долгъ до конца.

Великъ Богъ земли Русской!“.

Слово временно исполняющаго обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубева, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г.

„Ваше Императорское Величество!

Государственный Совѣтъ повергаетъ передъ Вами, Великій Государь, проникнутыя безпредѣльною любовію, вѣрноподданинческія чувства и всеподданнѣйшее благодареніе за предоставленіе законодательнымъ установленіямъ нынѣ же принять участіе въ разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ тяжкимъ испытаніемъ, которое, вопреки миролюбивымъ усиліямъ Вашего Величества, наступило вслѣдствіе объявленія Россіи войны двумя сосѣдними монархіями.

Единеніе возлюбленнаго Государя и населенія Имперіи Его усугубляетъ ея мощь.

Мы готовы на всѣ жертвы для охраненія чести и достоинства единаго, нераздѣльнаго государства Россійскаго.

Съ усердною молитвою къ Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ о сохраненіи нашей Родины подъ святымъ покровомъ Всевышняго, мы мужественно и спокойнозираемъ на грядущее.

Доблестное русское воинство побѣдоноснымъ отраженіемъ враговъ да увѣнчаетъ славою Державнаго Вождя всея Россіи.

На благо и счастье дорогого Отечества да здравствуетъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ!“.

Слово Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г.

„Ваше Императорское Величество!

Съ глубокимъ чувствомъ восторга и гордости вся Россія внимала словамъ Русскаго Царя, призывающаго Свой народъ къ полному съ нимъ единенію въ трудный часъ непосланныхъ Отечеству тяжкихъ испытаній.

Государь! Россія знаетъ, что воля и мысли Ваши всегда были направлены къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда, и что любвеобильное сердце Ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой Вамъ жизни Вашихъ подданныхъ.

Но пробилъ грозный часъ. Отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся историческихъ событій. Объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, а честь народная намъ дороже жизни. Пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимой стѣной своего вѣнценоснаго Вождя съ твердой вѣрой въ небесный Промыселъ.

Государь! Настала пора упорной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность Русской земли, и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній, ни колебаній. Призванное къ государственной жизни, по волѣ Вашего Величества, народное представительство нынѣ предстало предъ Вами. Государственная Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу Отечества.

Безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій, Государственная Дума отъ лица Русской земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено!“.

Привѣтственное слово Его Императорскаго Величества Государя Императора,

сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г. въ отвѣтъ на слова временно исполняющаго обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубева и Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко.

„Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патріотическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ.

Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха.

Съ нами Богъ!“.

**Засѣданіе Государственной Думы, созванной на
основаніи Высочайшаго Указа Правительствующему
Сенату отъ 20 іюля 1914 г.**

*Засѣданіе открывиется въ 3 ч. 37 м. пополудни подъ председа-
тельствомъ М. В. Родзянко.*

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ. Приглашаю гг. Членовъ Государственной Думы стоя выслушать Высочайшій указъ. Приглашаю публику на хорахъ встать. (*Всѣ встаютъ*).

„Указъ Правительствующему Сенату.

Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу.

Вслѣдствіе сего, на основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Въ С.-Петербургѣ.

20 іюля 1914 г.“.

Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Доло несмолкаемые клики: ура*). Приглашаю гг. Членовъ Государственной Думы стоя выслушать Высочайшій манифестъ. (*Всѣ встаютъ*).

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Варунъ-Секретъ.

Божіею Милостію,

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ поданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала

на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особливо силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достоинствомъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятія мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся какъ одинъ человекъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Предсѣдатель. Государю Императору ура! (*Домо несмолкаемые клики: ура*).

Гг. Члены Государственной Думы. Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, совзвать Государственную Думу во имя единенія Русскаго Царя съ вѣрнымъ Ему народомъ. Государственная Дума уже отвѣтила своему Государю на Его призывъ на сегодняшнемъ Высочайшемъ приѣмѣ. Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства. Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій отрадно видѣть то величавое и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко и безъ лишнихъ словъ подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величіе и силу русскаго духа. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и клики: ура*). Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: руки прочь! (*Бурныя рукоплесканія и клики: ура*). Не дерзайте касаться нашей Святой Руси. Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять. (*Бурныя рукоплесканія*). Смотрите, можемъ мы сказать: вы думали, что насъ разъединяетъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народности, населяющія необъятную Русь, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда. (*Бурныя рукоплесканія*). И не повѣситъ головы въ уныніи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему пережить; все вынесутъ его могучія плечи, и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая нераздѣльная родина, во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія. (*Бурныя рукоплесканія*). Гг. Члены Государственной Думы, въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идетъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный бодрый флотъ. (*Рукоплесканія*). Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья олицетворяютъ наше отечественное величіе съ присущей имъ доблестью. Помоги имъ Всевышній Господь, укрѣпи ихъ и защити, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними, съ нашими героями. Мы, остающіеся дома, приедемъ долгъ работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей. И пусть тамъ въ арміи нашей знаютъ, что не на словахъ только, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до острой нужды.

(Бурныя рукоплесканія. Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ; долю несмолкаемые клики: ура).

Позвольте доложить Государственной Думѣ телеграмму, полученную отъ Сербской народной скупщины, въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ текстъ составленъ на французскомъ языкѣ. „С.-Петербургъ. Предсѣдателю Государственной Думы изъ Ниша. Вслѣдствіе единогласнаго постановленія народной скупщины имѣю честь передать вамъ самый горячій привѣтъ, который шлетъ Государственной Думѣ народная скупщина отъ имени всего сербскаго народа. Постановленіе скупщины было принято среди восторженныхъ кликовъ въ честь Русскаго Императора и русскаго народа. Сербская армія спѣшитъ къ границамъ и, горя воодушевленіемъ, готова умереть, защищая угрожаемый сербскій народъ. Прошу васъ передать Государственной Думѣ, что всѣ мы въ Сербіи отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что не только сербскому народу грозитъ опасность, но что война объявлена всему славянству. Да здравствуетъ Его Величество Императоръ Всероссійскій! Да здравствуетъ русскій народъ!“— Да здравствуетъ мужественная Сербія! Ура! *(Клики: ура: Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Сербскаго посланника М. И. Спалайковича).* Позвольте доложить Государственной Думѣ телеграмму, полученную отъ Черногорской народной скупщины, въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ текстъ изложенъ на черногорскомъ языкѣ. „Черногорская народная скупщина, какъ вѣрный истолкователь чувствъ и желаній сербскаго народа, созванная въ тяжелый и полный испытаній моментъ для всего сербскаго и вообще славянскаго народа, привѣтствуетъ дорогихъ своихъ братьевъ въ Думѣ, а черезъ нихъ и всю мощную Россію, вѣковую защитницу сербства, и проситъ ее вѣрить, что сербскій народъ, какъ постоянный борецъ за великую славянскую идею, и на этотъ разъ готовъ принести въ жертву все, что имѣетъ, чтобы защитить свои священныя національныя права, такъ какъ увѣренъ, что его праведное дѣло защититъ Богъ, правда и мощная Россія, всегдашняя сербская защитница. Во имя этого мы восклицаемъ: да здравствуетъ великая и мощная славянская мать, Россія! Да здравствуетъ великій мощный Императоръ Всероссійскій Николай II и Его возвышенный Домъ! Да здравствуетъ великая русская Дума!“— Да здравствуетъ мужественная Черногорія! *(Клики: ура; Члены Государственной Думы стоя привѣт-*

ствуютъ бурными рукоплесканіями находящаяся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Сербскаго посланника *М. И. Спалайковича*). Гг. Члены Государственной Думы. Здѣсь, среди публики, присутствуютъ представители великихъ націй и нашихъ вѣрныхъ друзей Англіи и Франціи. Я предлагаю выразить имъ громкій привѣтъ: да здравствуютъ Англія и Франція! (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящихя въ ложѣ дипломатическаго корпуса Великобританскаго посла сэра Джорджа Бьюкэна и Французскаго посла Мориса Палеолога*). Гг., здѣсь присутствуетъ также представитель мужественной бельгійской націи, съ безпримѣрной храбростью сражающейся нынѣ, защищая отъ вторженія непріятельскаго свое отечество. Да здравствуетъ Бельгія! (*Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящаяся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Бельгійскаго посланника гр. Конради де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Блареніенъ*). Я предлагаю Государственной Думѣ, въ отвѣтъ на полученныя уже привѣтствія, отвѣтить такими же привѣтственными телеграммами Сербской и Черногорской народной скупщинамъ. (*Голоса: просимъ*). Независимо отъ этого, я предлагаю отъ имени Государственной Думы послать привѣтъ парламентамъ Французскому, Англійскому и Бельгійскому. (*Бурныя рукоплесканія и голоса: просимъ*). Угодно поручить это сдѣлать Совѣщанію? (*Голоса: просимъ*).

Позвольте доложить, что Министромъ Финансовъ внесены законопроекты: 1) о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію ресурсовъ казны на веденіе военныхъ дѣйствій (24 іюля 1914 г. № 8591), и 2) о мѣрахъ по денежному обращенію въ виду военнаго времени (24 іюля 1914 г., № 10461). Слово принадлежитъ г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ. Гг. Члены Государственной Думы. 20 іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ о возобновленіи вашихъ занятій, прерванныхъ всего мѣсяць тому назадъ среди глубокаго, казалось бы, мира. Въ этотъ мѣсяць совершились событія величайшей исторической важности. Одно за другимъ, какъ удары грома, обрушивались они на русскую и европейскую жизнь, давно подготовляемая незримымъ ходомъ исторіи, и все-таки внезапныя. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ смѣнитъ меня и представитъ вамъ очеркъ событій, приведшихъ къ европейской войнѣ. Россія не хотѣла войны. Правительство добросовѣстно искало мирнаго исхода изъ создавшихся осложненій, не оставляя даже слабой надежды отдалить надвинувшуюся кровавую бурю. Но есть предѣлъ и

русскому миролюбію. Вполнѣ сознавая лежащую на немъ тяжкую отвѣтственность, Императорское правительство не могло, однако, покорно отступить передъ брошеннымъ ему вызовомъ. Это значило бы отказаться отъ положенія Россіи среди великихъ державъ. Это была бы роковая ошибка, она насъ унизила бы, но не измѣнила бы не нами предрѣшеннаго хода событій. Война начата, и теперь намъ остается только повторить прозвучавшія на весь міръ слова: „Мы доведемъ эту войну, какая бы она ни была, до конца“. (*Продолжительныя рукописканія*). За всю многовѣковую исторію Россіи, быть можетъ, только одна отечественная война, только 1812 годъ, равняется по своему значенію съ предстоящими событіями. Повѣрьте мнѣ, гг., правительство ничуть не ослѣплено самонадѣянностью, оно ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что эта война потребуетъ крайняго напряженія силъ, многихъ жертвъ и мужественной готовности къ испытующимъ ударамъ судьбы. Но правительство непоколебимо вѣрить въ конечный успѣхъ, ибо оно безпредѣльно вѣрить въ великое историческое призваніе Россіи. (*Рукописканія*). По объявленіи намъ войны, правительство не могло не остановиться на вопросѣ о средствахъ для покрытія военныхъ издержекъ. Война застаётъ насъ въ финансовомъ положеніи, которое не внушаетъ опасеній правительству. Министръ Финансовъ сообщить вамъ о мѣропріятіяхъ, намѣченныхъ въ первую очередь. Необходимость этихъ мѣропріятій была одной изъ причинъ созыва законодательныхъ учрежденій. Но это вѣдшая и не самая важная причина. Созывъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы внушенъ былъ болѣе глубокою мыслью, ясно раскрытою въ словахъ Высочайшаго указа: „Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу“. (*Рукописканія и юлоса*: bravo). Законодательныя учрежденія должны знать, что и впредь они будутъ досрочно созываемы, если по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ это будетъ признано необходимымъ. (*Рукописканія*). На вашу долю, гг., выпала великая и отвѣтственная задача быть выразителями народныхъ думъ и народнаго чувства. Правительство исполняло и исполнитъ свой долгъ до конца; теперь ваша чередъ, гг. Члены Государственной Думы. Въ эту торжественную историческую минуту я отъ имени правительства призываю васъ всѣхъ, безъ различія партій и направленій, проникнуться завѣтами Царскаго манифеста: да будутъ забыты

внутреннія распри (*рукоплесканія и юлоса*: bravo) и сплотиться вмѣстѣ съ нами вокругъ единого знамени, на которомъ начертаны величайшія для всѣхъ насъ слова: „Государь и Россія“. (*Рукоплесканія*).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ. (*Пуришкевичъ*: да здравствуетъ Сазоновъ! *Продолжительная рукоплесканія*).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ. Гг. Члены Государственной Думы. Въ трудныя минуты отвѣтственныхъ рѣшеній правительство почерпало силы въ сознаніи полного единомыслія своего съ народной совѣстью. (*Голоса*: bravo). Когда наступитъ время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе — я твердо въ это вѣрю — не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились: Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ, она не могла отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ своей исторіи, она не могла перестать быть великой Россіей. (*Бурныя рукоплесканія*). Наши враги стремятся перенести на насъ отвѣтственность за бѣдствія, которыя они навлекли на Европу, но ихъ лживыя навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдитъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни. Въ сознаніи необъятныхъ задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преуспѣяніемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія; только благодаря этому миролюбію въ Европѣ былъ предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться, когда въ 1912—1913 гг. возникла борьба на Балканахъ. Не въ ней, не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ тщеславномъ бряцаніи оружіемъ, въ поспраніи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ. Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ. Нужно ли напоминать вамъ о всѣхъ попыткахъ Австро-Венгріи подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ? Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь, не обинуясь, сказать, что ея стараніемъ удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками. Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ. Вы знаете поводъ войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь смѣлымъ шагомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то время

Россія униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой насъ связываютъ узы исторіи, происхожденія и вѣры. Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи былъ предъявленъ ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи. Было явно, что для насъ не вступить въ дѣло — значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы Балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиною Германіи для Европы есть законъ. На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія. Не менѣе насъ наши доблестные союзники прилагали свои усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости, и послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта. Въ этомъ направленіи были честно до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзниковъ. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ. Мы твердо стояли на одномъ условіи: готовые принять всякій компромиссъ, способный безъ умаленія ея достоинства быть принятымъ Австріей, мы исключали все, что могло вадѣть самостоятельность и независимость Сербіи. Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія; несомнѣнно, что, если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы еще во время однимъ властнымъ словомъ остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса. Между тѣмъ, Германія, которая за самые послѣдніе дни не переставала высказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергла одно за другимъ дѣлавшіяся ей предложенія и, съ своей стороны, выступала съ пустыми завѣреніями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правительствомъ погромъ—естественное продолженіе погромовъ беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 15-го іюня. Явная цѣль всего этого была выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія Сербіи. При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизовала половину своей арміи. Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоугодно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ герман-

скимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ на тѣхъ, полныхъ умѣренности, началахъ, о которыхъ я упомянулъ. Этотъ голосъ не былъ услышанъ. Германія объявила войну сначала намъ, потомъ нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала поирать общепризнанныя права государствъ, нейтралитетъ коихъ обезпеченъ торжественною подписью ея самой, наравнѣ съ другими государствами. Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи. (*Бурныя рукописканія находящіяся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Бельгійскому посланнику гр. Конраду де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Блареніенъ*). Образъ дѣйствія Германіи не могъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра (*бурныя рукописканія*) и, прежде всего, благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами встала на защиту поправнаго права и справедливости. (*Бурныя рукописканія находящіяся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Французскому послу Морису Палеологу*). Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворяли Англію (*бурныя рукописканія находящіяся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Великобританскому послу сэру Джорджу Бьюкэну*), Англію, которая, какъ одинъ человекъ, сплотилась въ общемъ чувствѣ — необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи. Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго возникла война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣтаетъ для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ. Германія намъ объявила войну 19-го іюля, а черезъ пять дней послѣ нея и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ свой споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ. Непріятельскія войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положеніе великой державы. Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ. Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками. Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія; они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи и презрѣвъ ея исторію, они рассчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставившій Россію въ самыя тяжелыя годы ея исторіи, не покинетъ и теперь нашу родину, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ общемъ чув-

ствѣ любви и самопожертвованія. (*Въ центрѣ, справа и слева продолжительныя рукоплесканія и голоса: bravo, вѣрно*). Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ (*голоса: bravo*), убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги. (*Члены Государственной Думы стоя приветствуютъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ продолжительными и бурными рукоплесканіями; голоса: bravo; голоса справа: молодчина, вотъ это здорово*).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ г. Министру Финансовъ.

Министръ Финансовъ Баркъ. Гг. Члены Государственной Думы. Для веденія войны государству приходится на-ряду съ военной мобилизаціей произвести также мобилизацію финансовую, и на Министерствѣ Финансовъ лежала обязанность прежде всего озаботиться кассовыми средствами, которыя могли быть предоставлены какъ на военныя нужды, такъ и на поддержаніе торговли и промышленности, при одновременномъ сохраненіи золотыхъ запасовъ. Съ этою цѣлью немедленно послѣ объявленія войны намъ Германіей было внесено представленіе въ Комитетъ Финансовъ о томъ, чтобы Государственный банкъ приостановилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото и чтобы банку было предоставлено право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства. Представленіе это, по одобреніи Комитета Финансовъ, было внесено въ Совѣтъ Министровъ, было тамъ подвергнуто обсужденію и также имъ одобрено. Положеніе Совѣта Министровъ удостоилось 23-го сего іюля Высочайшаго утвержденія. Необходимость предоставленія кассовыхъ средствъ для нуждъ торговли и промышленности теперь, въ это тяжелое время, является особенно настоятельнымъ; необходимо, чтобы нормальная жизнь страны, по возможности, не потерпѣла ущерба, чтобы не было никакой паники, а была бы полная увѣренность и спокойствіе среди населенія и среди торговопромышленныхъ классовъ, которые могутъ рассчитывать на помощь Государственнаго банка, Министерства Финансовъ и Правительства. Надлежитъ пояснить, что въ случаѣ использованія Государственнымъ банкомъ того права, которое ему предоставляется теперь новымъ законопроектомъ, Государственный банкъ можетъ выпустить кредитныхъ билетовъ, не обеспеченныхъ золотомъ, на сумму полтора миллиарда рублей. Считаю, что теперь золотыхъ запасовъ въ Госу-

дарственномъ банкѣ имѣется на 1.700,000,000 руб., мы видимъ, что золотое покрытіе болѣе чѣмъ на половину превыситъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Достаточно для сравненія привести, что именно въ Германіи, съ которой мы ведемъ войну, въ нормальное время по закону требуется металлическое покрытіе для кредитныхъ билетовъ всего въ размѣрѣ одной трети, тогда какъ у насъ и въ военное время будетъ болѣе одной половины покрытія. (*Голоса: браво; рукоплесканія*). На веденіе войны потребуются, конечно, огромныя средства; текущій счетъ Государственнаго казначейства въ банкѣ скоро будетъ исчерпанъ, и поэтому необходимо было предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства. Приостановленіе размѣна требовалось неотлагательно, такъ какъ каждый день промедленія вель бы къ сокращенію золотыхъ запасовъ, — сохраненіе же золота является вѣрнѣйшимъ залогомъ для скорѣйшаго возстановленія металлическаго обращенія, когда обстоятельства военнаго времени минуютъ. И вотъ почему Правительство сочло себя вынужденнымъ провести эту мѣру въ экстренномъ порядкѣ, въ порядкѣ ст. 87, и представляетъ такую на ваше утвержденіе. Позвольте въ проектъ, который внесенъ Министерствомъ Финансовъ, внести одну поправку: въ ст. 3 исключить слова: „въ случаѣ истребованія находящихся на его счетахъ суммъ казны“. Такимъ образомъ, редакція раздѣла III будетъ гласить: „Предоставить Государственному банку учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени“; разрѣшите еще внести нѣкоторыя редакціонныя поправки. Независимо отъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, на Министерствѣ Финансовъ лежитъ обязанность изыскивать источники средствъ на веденіе войны. Прежде всего, на военныя нужды предоставлена вся свободная наличность, которая къ началу войны составляла 500.000,000 руб.; на-ряду съ этимъ, Правительство признало необходимымъ пересмотрѣть смѣты всѣхъ вѣдомствъ, — произвести въ нихъ возможныя сокращенія и всю экономію обратить въ военный фондъ. На этотъ предметъ Правительство испрашиваетъ вашихъ полномочій. Смѣтныя сокращенія могутъ дать не менѣе 250.000,000 руб. Такимъ образомъ, на первое же время войны у насъ имѣется свободныхъ средствъ 500.000,000 рублей наличности и 250.000,000 рублей экономіи, итого 750.000,000 р. (*Рукоплесканіе и голоса: браво*). Само собою разумѣется, что придется прибѣгнуть и къ кредитнымъ операціямъ, но ре-

ализация займовъ зависитъ отъ условій денежнаго рынка; вотъ почему важно предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства; это будетъ краткосрочный долгъ казны Государственному банку, который будетъ подлежать покрытію изъ выручки займовъ при ихъ реализаціи. Къ этой мѣрѣ мы прибѣгали въ японскую войну. Тогда было выпущено краткосрочныхъ обязательствъ на сумму 400.000.000 руб., которыя очень скоро были покрыты. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать также о необходимости повышенія налоговъ. Надлежитъ замѣтить, что расходы на войну обыкновенно въ меньшей части покрываются изъ налоговыхъ источниковъ. Такъ было во Франціи въ 1870 г., въ Англіи во время англо-бурской войны и въ послѣднюю русско-японскую войну. Это вполне понятно, такъ какъ повышение существующихъ налоговъ или установленіе новыхъ является чрезвычайно тягостнымъ для населенія и не можетъ дать немедленныхъ результатовъ. Но, тѣмъ не менѣе, Правительство считало себя обязаннымъ представить на ваше одобреніе повышение цѣны на вино и на табакъ, въ виду того, что вино и табакъ не являются предметами первой необходимости. (Голоса: правильно). Увеличеніе же цѣны на вино можетъ косвенно привести и къ сокращенію потребленія вина (голоса: правильно), а эта первостепенной важности для хозяйственной жизни страны задача не должна быть упускаема изъ вида, въ особенности въ тяжелую годину военныхъ испытаній, когда всячески необходимо укрѣпить народную энергію, трудоспособность и выносливость. (Голоса: браво). Позвольте внести еще одну поправку въ этотъ законопроектъ и предложить также увеличеніе акциза и на пиво и включить ст. 4 и 5 въ отдѣлѣ III такого содержанія: акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не свыше трехъ рублей съ пуда поступающаго въ заторъ солода; съ пивоваренныхъ заводовъ, производящихъ затираніе солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше двухъ рублей тридцати копѣекъ съ пуда учтеннаго солода. Ожидаемыя поступления отъ повышеній, только-что мною предложенныхъ, исчисляются примѣрно въ 200.000.000 руб. въ годъ. Не лишне попутно отмѣтить, что въ связи съ мѣрами, которыя были приняты Правительствомъ за послѣдніе мѣсяцы, доходъ отъ казенной продажи питей представляется въ слѣдующемъ видѣ: за шесть мѣсяцевъ

1914 года—414¹/₂ милл. руб., а въ 1913 году—417.000.000 руб., что даетъ сокращеніе за шесть мѣсяцевъ противъ 1913 года на 2¹/₂ милл. руб., тогда какъ въ 1913 году противъ 1912 года было увеличеніе на 43.000.000 руб. (*Рукоплексканія*). Если же мы сравнимъ превышеніе всѣхъ доходовъ 1914 и 1913 гг., то получимъ такія цифры: за шесть мѣсяцевъ 1913 года противъ предшествующаго 1912 года общее превышеніе всѣхъ доходовъ составило 150.000.000 руб., въ томъ числѣ водка дала превышеніе 43.000.000 руб. Въ 1914 году общее превышеніе доходовъ противъ 1913 г.—161.000.000 р., противъ 150.000.000 р., при чемъ водка дала уменьшеніе на 2¹/₂ милл. руб. (*Рукоплексканія*). Позвольте мнѣ еще упомянуть о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняло Министерство Финансовъ для огражденія кредита страны отъ потрясеній и для поддержанія оборотовъ торговли и промышленности. Государственный банкъ широко пошелъ навстрѣчу исключительнымъ потребностямъ въ кредитѣ и оказываетъ поддержку кредитнымъ учрежденіямъ предоставленіемъ имъ средствъ, необходимыхъ какъ на выплату вкладовъ по текущимъ счетамъ, такъ и на продолженіе нормальныхъ операцій; вмѣстѣ съ тѣмъ 21-го іюля введенъ общій мораторіумъ, разрѣшающій кредиторамъ не протестовать векселей срочныхъ послѣ 17-го іюля. Теперь введенъ еще частичный мораторіумъ, гаспространяющійся на нѣкоторыя губерніи, отсрочивающій также взысканія на два мѣсяца по векселямъ, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ могутъ особенно неблагопріятно отозваться военныя дѣйствія. Позвольте мнѣ еще сообщить о тѣхъ послѣдовательныхъ мѣрахъ, которыя приняло Министерство Финансовъ, начиная съ 11-го іюля, т. е. съ того дня, когда сталъ извѣстенъ ультиматумъ Австріи, предъявленный Сербіи. Этотъ ультиматумъ сталъ извѣстенъ утромъ 11-го іюля; вечеромъ того же дня чиновники Министерства Финансовъ выѣхали въ Берлинъ для того, чтобы оттуда взять большое количество процентныхъ бумагъ, находившихся у берлинскихъ корреспондентовъ. (*Голоса: браво; рукоплексканія*). Этихъ бумагъ было около двадцати милліоновъ, и онѣ были привезены въ Петербургъ. Кромѣ того, былъ данъ приказъ немедленно переводить суммы Государственнаго казначейства и Государственнаго банка, которыя находились въ Берлигѣ, въ Россію, въ Англію и во Францію. (*Голоса: браво; рукоплексканія*). Всѣ эти суммы были переведены, за исключеніемъ небольшого остатка Государственнаго банка, необходимаго для платежей по текущимъ аккредитивамъ. Такимъ образомъ, когда была открыта

война съ Германіей, суммъ казны не было въ Берлинѣ. (*Голоса: браво; рукоплесканія*). Такихъ суммъ было около 100.000.000 рублей. Тогда уже Государственному банку было поручено широко идти навстрѣчу требованіямъ по открытію кредитовъ, необходимыхъ для выплаты вкладовъ и поддержанія хозяйственной жизни страны. Относительно продажи валюты какъ Министерство Финансовъ, такъ и Государственный банкъ продавали валюту только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Когда же былъ объявленъ мораторіумъ во Франціи, всякая продажа валюты, т. е. иностранныхъ переводовъ, была прекращена. Въ настоящее время денежное наше положеніе таково: на текущемъ счетѣ казны имѣется 560.000.000 руб. Государственный банкъ располагаетъ достаточнымъ правомъ выпуска кассовыхъ средствъ при одновременномъ сохраненіи крупныхъ золотыхъ запасовъ. И въ дѣловомъ мірѣ нѣтъ растерянности, есть, конечно, разумная забота о завтрашнемъ днѣ, но господствуетъ спокойствіе и твердая надежда на то, что по минованіи войны здоровыя силы нашей великой родины дадутъ намъ возможность скоро возстановить нормальную хозяйственную жизнь страны. Позвольте въ заключеніе остановиться еще на одномъ чрезвычайно важномъ вопросѣ, забота о коемъ лежитъ на всѣхъ насъ и въ частности на финансовомъ вѣдомствѣ. Я говорю объ обезпеченіи семей запасныхъ, призванныхъ на войну. (*Рукоплесканія и голоса: браво*). Когда кормилецъ семьи идетъ на защиту родины, и правительство и общество должны принять всѣ мѣры, чтобы семьи ушедшихъ были обезпечены. (*Рукоплесканія и голоса: браво*). Въ дѣлѣ организаціи помощи огромное содѣйствіе могутъ оказать мѣстные органы самоуправления. (*Рукоплесканія и голоса: браво*). На основаніи дѣйствующаго закона Правительство уже ассигновало необходимыя на первое время средства, но вы можете быть вполне увѣрены, что Правительство и въ дальнѣйшемъ готово идти на самыя широкія затраты на эту неотложную надобность. (*Бурныя рукоплесканія и голоса: браво*).

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ.

Перерывъ отъ 4 ч. 29 м. до 5 ч. 34 м. пополудни.

Предсѣдатель. Засѣданіе продолжается. Приглашаю Государственную Думу стоя выслушать Высочайшій манифестъ. (*Всѣ встаютъ*).

Божією Милостію,
МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 Императоръ и Самодержецъ
 Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая,
 и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы Русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятели умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя вѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимой твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Долго несмолкаемые клики: ура; голоса: гимнъ! Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*). На основаніи ст. 134 Наказа Государственной

Думѣ надлежитъ разрѣшить голосованіемъ безъ преній вопросъ о томъ, угодно ли въ настоящемъ засѣданіи приступить къ обсужденію разъясненій правительства или же отложить до другого засѣданія. Ставлю на голосованіе, угодно ли Государственной Думѣ приступить къ обсужденію разъясненій правительства въ настоящемъ засѣданіи? (*Баллотировка*). Принято. Переходимъ къ обсужденію. Членъ Государственной Думы Керенскій.

Керенскій (Саратовская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Трудовая группа поручила мнѣ огласить слѣдующее заявленіе: „Тяжкое испытаніе пало на родину и великая скорбь охватила всю страну!

Тысячи и тысячи молодыхъ жизней обречены на нечеловѣческое страданіе, нищета и голодь идутъ разрушать благосостояніе сиротѣющихъ семей трудящихся массъ населенія.

Мы непоколебимо увѣрены, что великая стихія россійской демократіи вмѣстѣ со всѣми другими силами дадутъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу (*рукоплесканія слева, въ центръ и справа*) и защитятъ свои родныя земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній! Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ въ великихъ страданіяхъ укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи (*рукоплесканія слева, въ центръ и справа*) и родится единая воля—освободить страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ!

Неискуцима отвѣтственность правительствъ всѣхъ европейскихъ государствъ, во имя интересовъ правящихъ классовъ толкнувшихъ свои народы на братоубійственную войну. Соціалисты всѣхъ нынѣ воюющихъ странъ—Франціи, Англіи, Бельгійи и Германіи—пытались протестовать противъ разразившейся нынѣ войны. Мы же—русская демократія—не могли даже въ этотъ послѣдній страшный часъ во-время свободно возвысить свой голосъ противъ надвигавшейся войны. Но глубоко вѣруя въ единство всѣхъ трудящихся классовъ всѣхъ странъ, мы шлемъ свой братскій привѣтъ всѣмъ протестовавшимъ противъ подготовлявшейся братоубійственной бойни народовъ.

Русскіе граждане! Помните,—что нѣтъ враговъ у васъ среди трудящихся классовъ воюющихъ странъ. Защищая до конца все родное отъ попытокъ захвата со стороны враждебныхъ намъ правительствъ Германіи и Австріи, помните,—что не было бы этой страшной войны, если бы великіе идеалы демократіи—свобода, равенство и братство—руководили дѣятельностью правящей Россіи и правительствъ всѣхъ странъ.

Между тѣмъ власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри: не даетъ она амнистіи борющимся за свободу и счастье страны, не хочетъ примириться съ нерусскими народностями государствъ, все простившими и одушевленно борющимися вмѣстѣ съ нами за общую родину, и, вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе трудящихся классовъ народа, именно на нихъ возлагаетъ главную тяжесть военныхъ издержекъ, усиливая бремя косвенныхъ налоговъ.

Крестьяне и рабочіе,—всѣ, кто хочетъ счастья и благополучія Россіи, въ великихъ испытаніяхъ закалите духъ вашъ, соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее.

А вамъ, нашимъ братьямъ, проливающимъ кровь за родину, низкій поклонъ и братскій привѣтъ“. (*Рукопесканія слыва, въ центрѣ и на отдѣльныхъ мѣстахъ слова*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Хаустовъ.

Хаустовъ. (Уфимская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Отъ имени социаль-демократической фракціи и російской социаль-демократической рабочей фракціи я уполномоченъ заявить нижеслѣдующее: „Страшное, небывалое бѣдствіе обрушилось на народы всего міра. Милліоны рабочихъ оторваны отъ мирнаго труда, разорены и брошены въ кровавый водоворотъ; милліоны семей обречены на голодъ. Война началась. Когда европейскія правительства готовились къ войнѣ, европейскій пролетаріатъ, во главѣ съ германскимъ, выступилъ съ дружнымъ протестомъ противъ подготовляемой правящими кругами войны. Рядъ сложившихся обстоятельствъ помѣшалъ рабочимъ Россіи выступить открыто съ тѣмъ же протестомъ противъ войны. Но въ моменты грандіозныхъ демонстрацій европейскаго пролетаріата противъ войны сердца російскихъ пролетаріевъ бились вмѣстѣ съ ихъ сердцами. Настоящая война, порожденная политикой захватовъ, является войной, отвѣтственность за которую несутъ правящіе круги всѣхъ воюющихъ теперь странъ. Пролетаріатъ, постоянный защитникъ свободы и интересовъ народа, во всякій моментъ будетъ защищать культурныя блага народа отъ всякихъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили. (*Рукопесканія*). Сознательный пролетаріатъ воюющихъ странъ не могъ помѣшать возникновенію войны и тому разгулу варварства, который онъ съ собой несетъ. Но мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ международной солидарности всѣхъ трудящихся массъ всего міра пролетаріатъ найдетъ средства къ скорѣйшему прекращенію войны. И пусть условія мирнаго договора будутъ продиктованы не дипломатами,

а самимъ народомъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказываемъ глубокое убѣжденіе, что эта война окончательно раскроетъ глаза народнымъ массамъ Европы на дѣйствительный источникъ насилій и угнетеній, отъ которыхъ они страдаютъ, и что теперешняя вспышка варварства будетъ въ то же время и послѣдней вспышкой". (*Рукоплеканія на отдѣльныхъ мѣстахъ крайней лѣвой: шиканье справа*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы бар. Фелькерзамъ.

Бар. Фелькерзамъ (Курляндская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Отъ имени моихъ ближайшихъ политическихъ друзей имѣю честь заявить, что искони вѣрноподанное нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края всегда готово встать на защиту престола и отечества, что мы не только будемъ голосовать за всѣ предложенные военные кредиты, но по примѣру нашихъ предковъ готовы жертвовать жизнью и имуществомъ за единство и величіе Россіи. (*Въ центръ, справа и слѣва бурныя рукоплеканія и голоса: браво*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Яронскій.

Яронскій (Кѣлецкая губ.). Въ тотъ историческій моментъ, когда славянство и германскій міръ, руководимый вѣковымъ врагомъ нашимъ—Пруссіей, приходятъ къ роковому столкновенію, положеніе польскаго народа, лишеннаго своей самостоятельности и возможности проявленія своей свободной воли, является трагическимъ. Трагизмъ этотъ усугубляется не только тѣмъ, что нашъ край является театромъ войны, со всѣми ея ужасами, но что разорванный на три части польскій народъ увидитъ сыновъ своихъ во враждебныхъ другъ другу станахъ; но разъединенные территориально, мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое. (*Въ центръ, справа и слѣва бурныя рукоплеканія и голоса: браво*). Это намъ подсказываетъ не только то правое дѣло, за которое вступилась Россія, но и политическій разумъ. Міровое значеніе переживаемаго времени должно отодвинуть на второй планъ всѣ внутренніе счеты. (*Въ центръ, справа и слѣва бурныя рукоплеканія и голоса: браво*). Дай Богъ, чтобы славянствомъ, подъ главенствомъ Россіи, былъ данъ тевтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польшей и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальденѣ. (*Въ центръ, справа и слѣва бурныя рукоплеканія и голоса: браво*). Пусть пролитая наша кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приведутъ къ соединенію

разорваннаго на три части польскаго народа. (*Въ центрѣ, справа и слева бурныя рукоплесканія и голоса: браво*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Гольдманъ.

Гольдманъ (Курляндская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ, представителемъ котораго я являюсь. Это было у г. Либавы, Курляндской губ. Но повелитель Германіи глубоко ошибался, если онъ ожидалъ, что эти выстрѣлы найдутъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ какихъ-нибудь враждебныхъ выступленияхъ противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „да здравствуетъ Россія!“ (*Слева, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса: браво*). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей и эстонцевъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто только подъ защитою русскаго орла (*рукоплесканія*), и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ какъ нераздѣльная часть великой Россіи. (*Слева, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія*). Поэтому вы можете видѣть теперь у насъ такой подъемъ духа, такой энтузіазмъ стать на защиту своего дорогого отечества, что для нарисованія правильной картины объ этомъ — самыя яркія краски были бы совершенно блѣдны. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣшаютъ намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патриотами Россіи и стать на защиту своего отечества, стать плечомъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ море крови, въ которомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тиранъ Европы (*рукоплесканія и голоса: вѣрно*), въ это море волеютъ латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю крови, чтобы этотъ постоянно угрожающій міру человѣкъ, нашептывающій всегда влѣйшіе совѣты своимъ сосѣдямъ (*голоса: правильно*), чтобы этотъ человѣкъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы тамъ (*рукоплесканія*). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патриотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы (*голоса: вѣрно, правильно*). У насъ много счетовъ съ нашими прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные, тяжелые дни

отечества, тогда мы предоставимъ это вашему разсмотрѣнію, гг. народные представители, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира уже не будетъ многихъ такихъ предразсудковъ, которые до сихъ поръ, можетъ быть, у одного-другого могли быть. Поэтому въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль: отбить натискъ общаго врага. Для достиженія этой цѣли я въ настоящую историческую минуту торжественно заявляю съ этой трибуны отъ имени латышскаго и, по порученію эстонскихъ депутатовъ, эстонскаго народа, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: да здравствуетъ Россія! (*Смѣва, въ центрѣ и справа бурныя и продолжительныя рукоплесканія*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Ичасъ.

Ичасъ (Ковенская губ.). Гг. народные представители, въ этотъ историческій моментъ по порученію своихъ товарищей, сидящихъ здѣсь, въ Думѣ, безъ различія партій, и отъ своего имени, отъ имени литовцевъ, я имѣю возможность заявить, что судьбы нашего народа всегда были связаны съ судьбами славянства. Еще тогда, когда наше славное литовское государство существовало, былъ данъ отпоръ тевтонскому натиску и подъ знаменемъ нашего славнаго великаго князя Витовта литовцами и славянами былъ сокрушенъ Тевтонскій орденъ, который едва только теперь поднимаетъ свою голову; и литовскій народъ, на землю котораго упали первые выстрѣлы, который въ первыхъ рядахъ вынужденъ сражаться, идетъ на эту войну, какъ на священную; онъ забываетъ всѣ свои обиды, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны, и надѣется, что литовцы, раскроенные надвое, послѣ сокрушенія нѣмецкой силы будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ. (*Смѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса: браво*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Фридманъ.

Фридманъ (Ковенская губ.). Гг. Члены Государственной Думы, на меня выпала высокая честь выразить тѣ чувства, которыя въ настоящій историческій моментъ воодушевляють еврейскій народъ. Въ великомъ порывѣ, поднявшемъ всѣ племена и народы Россіи, евреи выступаютъ на поле брани плечомъ къ

плечу со всѣми народами ея. Въ исключительно тяжелыхъ правовыхъ условіяхъ жили и живемъ мы, евреи, и тѣмъ не менѣе мы всегда чувствовали себя гражданами Россіи и всегда были вѣрными сынами своего отечества, и никакія силы не отторгнутъ насъ отъ нашей родины Россіи, отъ земли, съ которой мы связаны вѣковыми узами въ Россіи; и въ защиту нашей родины отъ иноземнаго нашествія мы выступаемъ не только по чувству совѣсти, но и по чувству глубокой привязанности. Въ настоящій часъ испытанія, слѣдуя раздавшемуся съ высоты Престола призыву, мы, русскіе евреи, какъ одинъ человекъ, станемъ подъ русскими знаменами и положимъ всѣ свои силы на отраженіе врага. (*Слѣва, въ центръ и справа бурныя рукоплесканія и юлоса: браво*). Еврейскій народъ исполнитъ свой долгъ до конца. (*Бурныя рукоплесканія слѣва, въ центръ и справа; юлоса: браво*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Милюковъ.

Милюковъ (г. С.-Петербургъ). Гг. Члены Государственной Думы. Фракція народной свободы неоднократно говорила въ Государственной Думѣ о тѣхъ вопросахъ, которые здѣсь были затронуты двумя первыми ораторами, говорившими съ этой каѳедры. Ея мнѣніе по этимъ вопросамъ всѣмъ хорошо извѣстно, и, конечно, никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ измѣнить этихъ мнѣній; когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россіи. Она надѣется, что, пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящая, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли. Но въ эту минуту всѣхъ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы, и иная задача, грозная и величественная, стоитъ предъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ съ своего пути къ міровому господству. Наше дѣло—правое дѣло: мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства отъ германскаго преобладанія (*юлоса слѣва: браво*), всего міра отъ невыносимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ тружениковъ (*юлоса слѣва: браво*) и вызывающихъ все новыя и новыя вооруженныя столкновенія. Въ этой борьбѣ мы всѣ заодно, мы не ставимъ условій и требованій, мы просто кладемъ на всѣ борьбу нашу твердую волю одолѣть насильника. (*Слѣва, въ центръ и справа рукоплесканія и юлоса: браво*). Вотъ почему центральный комитетъ

нашей партіи, руководимый этими соображеніями, обратился къ своимъ единомышленникамъ съ воззваніемъ, къ которому фракція всецѣло присоединяется и которое мы считаемъ своимъ долгомъ огласить съ этой высокой каѣдры: „Въ тяжелую минуту, когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли ему навстрѣчу и готова пролиться родная кровь за спасеніе родины; когда тѣ, кто остались, въ силу вещей призваны къ великимъ жертвамъ духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были и въ какомъ бы положеніи ни встала ихъ война, до конца исполнять свой долгъ россійскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ первый долгъ—сохранить нашу страну единой и нераздѣльной (*бурныя рукоплесканія въ центръ, справа и слева*) и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами. Отложимъ же внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія (*бурныя рукоплесканія въ центръ, справа и слева*) и будемъ твердо помнить, что теперь—первая и единственная задача наша поддержать борцовъ вѣрой въ правоту нашего дѣла, съ спокойною бодростью и надеждою на успѣхъ нашего оружія. Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть наши защитники не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ, навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“.

(*Бурныя рукоплесканія слева, въ центръ и справа*).

Люцъ (Херсонская губ.). Германскіе круги въ своемъ стремленіи *Drang nach Osten*, очевидно, имѣли предположеніе видѣть форпосты въ лицѣ нѣмцевъ русско-подданныхъ, населяющихъ всю Россію. Наступилъ, гг. Члены Государственной Думы, часъ, когда нѣмцы, населяющіе Россію, вѣрноподданые Его Величества сумѣютъ защитить достоинство и честь великаго государства и снять то оскорбленіе, которое могло быть нанесено однимъ предположеніемъ, что русско-подданные нѣмцы могутъ измѣнить своему отечеству, честь и достоинство котораго они никогда не забудутъ и никогда его не забывали. Я знаю, гг., настроеніе нѣмцевъ, населяющихъ Россію. Они мнѣ не поручали выравить этого чувства, но я знаю, что они всегда считали своей матерью и своей родиной великую Россію и за достоинство и за честь этого великаго государства они всѣ,

какъ одинъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію,—сложить свои головы. Ближайшее будущее, гг. Члены Государственной Думы, покажетъ, какъ они, по зову Монарха на поле брани, на защиту народовъ Россіи, сумѣютъ постоять за то довѣріе, которое имъ было оказано раньше. (*Голоса: браво; бурныя рукоплесканія въ центръ, справа и слева*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Балашевъ.

Балашевъ (Подольская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. На часахъ исторіи пробила великая минута, и въ это тяжелое, въ это славное время Россія призвана исправить нѣкоторыя свои историческія ошибки, ошибки XVIII столѣтія, ошибки 1845, 1848 и 1870 гг. Всюду по всей необъятной шири поднялась та волна, тотъ порывъ духовный, та непреоборимая психическая сила, которая является вѣрнымъ залогомъ окончательнаго торжества праваго и справедливаго дѣла. Поклянемтесь же всѣ, всѣми силами, забывши все, кромѣ великой цѣли, которою мы задались, что мы будемъ бороться до той минуты, пока эта вѣчная угроза правдѣ, справедливости и миру, этотъ воинственный натискъ воинственнаго германизма не будетъ сначала сломленъ, а затѣмъ окончательно уничтоженъ. (*Бурныя рукоплесканія справа, въ центръ и слева*). Въ полномъ беззавѣтномъ единеніи съ нашимъ Самодержцемъ пройдемъ сквозь строй всѣхъ испытаній, какія бы они ни были, и достигнемъ великой святой цѣли. (*Бурныя рукоплесканія справа, въ центръ и на отдельныхъ мѣстахъ слева*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы гр. Мусинъ-Пушкинъ.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ. (Московская губ.). Гг. Члены Государственной Думы! Избранники Земли Русской! Братья! Бываютъ минуты въ жизни государства, когда всѣ мысли, все чувство, весь порывъ народный долженъ выразиться въ одномъ кличѣ. И пусть будетъ этотъ кличъ: Богъ, Царь, народъ! И нашъ пароль: Побѣда! (*Бурныя рукоплесканія въ центръ, справа и слева*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Марковъ 2-ой.

Марковъ 2-ой (Курская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Мы только-что съ упоеніемъ выслушали голоса, патристическіе голоса народностей, населяющихъ Россію; мы не слышали только представителей одного народа, это именно русскаго народа, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо когда война въ Россіи, то, конечно, объяснять свое поведеніе русскому народу не приходится, и не для этого вышелъ я,

чтобы быть представителемъ русскаго народа,—всѣ вы являетесь его представителями. (*Голоса: браво*). Я вышелъ для того, чтобы рассказать вамъ, какъ въ одномъ изъ городовъ Россіи, въ Курскѣ, часть русскаго народа провожала свою армію, ту часть арміи, которая находится въ Курскѣ. Было болѣе 20.000 людей, среди которыхъ, я думаю, не было ни одного, который не отправилъ бы въ армію или брата, или сына, или мужа; было много женщинъ; они шли проводить полки, идущіе на войну, они шли проводить тѣхъ своихъ родныхъ по духу и по крови, которые, быть можетъ, никогда не вернутся и сложатъ свои головы на защиту дорогого отечества. Я былъ среди нихъ нѣсколько часовъ: народъ благословлялъ войска иконами, и я не слышалъ ни одного слова, ни одного упрека по поводу того: зачѣмъ война. Весь народъ, какъ одинъ, и я оттѣняю, среди нихъ было много фабричныхъ, слесарей желѣзной дороги, всѣхъ тѣхъ, кого именуютъ пролетаріатомъ, и ни одинъ голосъ не возвышался противъ войны, ни одинъ голосъ не упрекалъ никого: зачѣмъ война; всѣ говорили только объ одномъ, всѣ думали только объ одномъ: Господи, пусть будетъ побѣда. Только о побѣдѣ думаетъ русскій народъ на всемъ пространствѣ великой матушки-Россіи, это единственная мысль, которая занимаетъ въ это время, и никакія мысли, никакіе торги, никакія условія не ставятся народомъ своей великой арміи и своему могущественному флоту. Весь народъ ждетъ и молится о побѣдѣ, молится о дарованіи побѣды православному русскому воинству и только. Вотъ, гг., въ виду этого, если мы — представители русскаго народа въ его полной совокупности, то, мнѣ кажется, что мы исполнимъ крикъ нашей души, мы исполнимъ свой святой долгъ, если мы обратимся къ высшимъ представителямъ нашей доблестной русской арміи, нашего доблестнаго русскаго флота—къ Военному и Морскому Министрамъ и попросимъ ихъ передать войскамъ и флоту тѣ чувства, которыя мы всѣ здѣсь раздѣляемъ. Я, гг., здѣсь провозглашаю ура нашему великому войску и ура нашему флоту! (*Справа, въ центръ и слѣва рукоплесканія. Члены Государственной Думы стоя приветствуютъ продолжительными и бурными рукоплесканіями Военнаго Министра Сухомянова и Морского Министра Григоровича; клики: ура*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Годневъ.

Годневъ (Казанская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Для васъ не можетъ быть страннымъ, что я выступаю въ данномъ случаѣ не какъ русскій, а какъ представитель инород-

цевъ Казанской губ., отъ которой нѣтъ ни одного представителя. Казанское царство, какъ вы знаете, преимущественно магометанское, и татары не имѣютъ своего представителя, — слѣдовательно, не могутъ вамъ выразить своихъ чувствъ. Позвольте мнѣ, какъ представителю и избраннику ихъ, а равнымъ образомъ избраннику чувашскаго населенія и черемискаго населенія Казанской губ., заявить, что, живя съ ними десятки лѣтъ, я могу передать ихъ чувства: они, какъ одинъ человекъ, будутъ бороться, какъ и мы, русскіе, противъ того нашествія, которое въ настоящее время сдѣлано на нашу Россію. Поэтому примите черезъ меня отъ нихъ завѣренія, что они всецѣло желаютъ полнѣйшей побѣды русскому оружію и сложатъ свои головы, какъ русскіе, за Россію. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слева*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Протопоповъ.

Протопоповъ (Симбирская губ.). Въ настоящій часъ, часъ великихъ, тяжелыхъ испытаній народныхъ, часъ, въ который вся Россія безъ различія классовъ и состояній сплотилась и объединилась вокругъ единой мысли, вокругъ единого святого завѣта—защиты родной земли, слова казались бы излишніи. Весь міръ свидѣтель нашего единенія, — единенія, которое съ Божьей помощью приведетъ насъ къ побѣдѣ. Политическіе друзья мои послали меня сюда на эту кафедру въ этотъ историческій моментъ не для того, чтобы сказать, выразить свое мнѣніе, свои чувства,—они извѣстны и внѣ сомнѣній,—они послали меня для того, чтобы сказать и выразить твердое убѣжденіе, нашу непоколебимую вѣру, что предъ лицомъ грознаго нашествія дѣянїями мы все будемъ вмѣстѣ, мы все одинаково готовы пожертвовать достояніемъ своимъ, жизнью близкихъ намъ людей, своею жизнью и безмѣрно и беспредѣльно бороться противъ попытки врага, старающагося сломить силы и свободу великой родины нашей. Мы вѣримъ, что на неправое подняшаго мечъ—Господь и что Россія теперь въ этой исторической борьбѣ, какъ и въ прежніе годы тяжелыхъ испытаній, сплотившись вокругъ своего Царя, выйдетъ изъ этой борьбы единой, нераздѣльной, правдиво выросшей, обновленной и окрѣпшей. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слева*).

Предсѣдатель. Спясокъ ораторовъ исчерпанъ. Объявляю пренія законченными. Внесена формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, которую я буду сейчасъ имѣть честь огласить: „Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны все средства для

сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія предъ надвигающейся военной грозой всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя готовы стать на защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаніи этого Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семей запасныхъ, Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга“. Формулу эту ставлю на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято единогласно. (*Справа, въ центръ и слева рукоплесканія и юлоса: гимнъ! Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*). Внесено за надлежащимъ количествомъ подписей предложеніе разсмотрѣть стоящія на повѣсткѣ законопроекты, не передавая ихъ въ комиссію, въ настоящемъ же засѣданіи и въ порядкѣ спѣшности (*юлоса: просимъ*). Ставлю это предложеніе на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято единогласно. Переходимъ къ обсужденію перваго законопроекта—о мѣрахъ по денежному обращенію въ виду военнаго времени. Желающихъ говорить нѣтъ? Угодно признать законопроектъ спѣшнымъ? (*Баллотировка*). Принято. (*Законопроектъ принимается въ трехъ обсужденіяхъ безъ преній*). Членъ Государственной Думы Шидловскій 1.

Шидловскій 1 (Воронежская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Какъ вамъ извѣстно, въ 1912 г. былъ изданъ законъ объ обезпеченіи семей запасныхъ. Позвольте нынѣ предложить вамъ принять въ видѣ формулы перехода слѣдующее пожеланіе: „Государственная Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы въ дополненіе предусмотрѣнныхъ закономъ 25 іюня 1912 г. мѣръ были привлечены къ дѣлу обезпеченія семей запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы въ тѣсномъ единеніи съ административными органами“. (*Въ центръ, справа и слева рукоплесканія и юлоса: браво*).

Предсѣдатель. Формулу перехода за неимѣніемъ желающихъ говорить ставлю на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято. Переходимъ къ разсмотрѣнію законопроекта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію ресурсовъ казны на веденіе военныхъ дѣйствій. Желающихъ говорить нѣтъ? Угодно признать законо-

проектъ спѣшнымъ? (*Баллотировка*). Принято. (*Законопроектъ принимается въ трехъ обсужденіяхъ безъ преній*). Оба законопроекта будутъ переданы въ Государственный Совѣтъ. Приглашаю Государственную Думу стоя выслушать Высочайшій указъ. (*Всѣ встаютъ*).

„Указъ Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26 іюля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе 1 февраля 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Въ Петергофѣ.

24 іюля 1914 г.

Государю Императору ура! (*Доло несмолкаемые клики: ура; урлога: гимны! Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*).

Объявляю засѣданіе Государственной Думы закрытымъ.

Засѣданіе закрывается въ 6 ч. 25 м. вечера.

Приложенія.

Одобренные Государственною Думою въ засѣданіи 26 іюля 1914 г. проекты законовъ.

I. О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію средствъ казны въ виду обстоятельствъ военнаго времени.

I. Предоставить Совѣту Министровъ произвести сокращеніе отпущенныхъ по государственнымъ росписямъ расходовъ на 1914 и предыдущіе годы кредитовъ, не исключая и такихъ, которые разрѣшены законами и штатными расписаніями, а также не производить расходовъ, разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ на счетъ источниковъ, не предусмотрѣнныхъ росписями, если состоявшіеся о нихъ законы еще не приведены въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы списки всѣхъ сдѣланныхъ сокращеній были представлены Государственному Совѣту и Государственной Думѣ по открытіи ближайшей сессіи.

II. Предоставить Совѣту Министровъ образовавшіяся отъ исполненія государственныхъ росписей на 1914 и предыдущіе годы сбереженія обратить на потребности военнаго времени.

III. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній предоставить Совѣту Министровъ:

1) устанавливать во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная продажа питей, цѣны на вино въ размѣрахъ, не превышающихъ слѣдующихъ высшихъ предѣльныхъ цѣнъ: а) для очищеннаго вина крѣпостью въ 40°—въ *двенадцать* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ за ведро; б) для ректификованнаго спирта—въ *тридцать два* копѣйки за градусъ, и в) для вина высшей очистки (столоваго) и водочныхъ издѣлій—въ *шестнадцать* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ за ведро;

2) акцизъ съ вина и спирта, выкуриваемаго изъ всякаго рода припасовъ, кромѣ выкуриваемаго на фруктово-и виноградо-водочныхъ заводахъ изъ виноградныхъ матеріаловъ и сырыхъ фруктовъ и ягодъ всякаго рода, взимать въ размѣрѣ не свыше *двадцати* копѣекъ съ градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) по металлическому спиртомѣру или не свыше *двадцати* рублей съ ведра безводнаго спирта;

3) акцизъ съ выкуриваемаго на фруктово-и виноградо-водочныхъ заводахъ спирта изъ виноградныхъ матеріаловъ и сырыхъ фруктовъ и ягодъ всякаго рода взимать въ размѣрѣ не свыше *четырнадцати* копѣекъ съ градуса ($\frac{1}{100}$ ведра) по металлическому спиртомѣру или не свыше *четырнадцати* рублей съ ведра безводнаго спирта;

4) акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не свыше *трехъ* рублей съ пуда поступающаго въ заторъ солода;

5) съ пивоваренныхъ заводовъ, производящихъ затирание солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше *двухъ* рублей *тридцати* копѣекъ съ пуда учтеннаго солода;

6) съ выпускаемыхъ съ табачныхъ фабрикъ издѣлій, кромѣ облагаемыхъ пониженнымъ бандеролемъ, взимать, независимо отъ акциза, уплачиваемаго за бандероли, дополнительный акцизъ въ размѣрѣ не свыше *восьми* рублей съ пуда или не свыше *двадцати* копѣекъ съ фунта заключающагося въ этихъ издѣліяхъ табака, и

7) акцизъ съ табака-махорки взимать въ размѣрѣ не свыше *двенадцати* копѣекъ съ фунта.

IV. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній предоставить Министру Финансовъ:

1) въ соотвѣтствіи съ введеніемъ дополнительнаго акциза съ табачныхъ издѣлій и повышеніемъ акциза съ табака-махорки (отд. III п. 6 и 7), поднять указанная въ приложеніи къ статьѣ 912 (по Прод. 1912 г.) Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ (Св. Зак., т. V) предѣльныя продажныя цѣны этихъ издѣлій. и

2) опредѣлить сроки, съ которыхъ должны быть введены въ дѣйствіе предусмотрѣнныя въ предыдущемъ (III) отдѣлѣ мѣропріятія, а равно порядокъ и условія ихъ осуществленія, съ тѣмъ, чтобы распоряженія по сему предмету могли быть обращены къ исполненію по телеграфу.

II. О нѣкоторыхъ мѣрахъ финансоваго характера въ виду обстоятельствъ военнаго времени.

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній временно, впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ, постановить:

1. Размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету пріостанавливается.

2. Сверхъ разрѣшенной къ выпуску суммы государственныхъ кредитныхъ билетовъ (Св. Зак., т. XI, ч. 2, Уст. Кред., изд. 1903 г., разд. III, ст. 1), государственному банку предоставляется выпускать кредитные билеты на сумму не свыше *одного миллиарда двухсотъ милліоновъ* рублей.

3. Государственному банку предоставляется учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ военнаго времени.

Привѣтственныя телеграммы, посланныя по постановленію Государственной Думы.

I.

Предсѣдателю Сербской Народной Скупщины.

Государственная Дума, выслушавъ при восторженныхъ кликахъ телеграмму Сербской Народной Скупщины, единогласно поручила мнѣ передать Скупщинѣ ея сердечную благодарность за братскій привѣтъ. Въ настоящую минуту, когда всѣ славянскія сердца слились въ одномъ порывѣ возмущенія

противъ нарушителей европейскаго мира, весь Русскій народъ съ глубокимъ восхищеніемъ слѣдитъ за геройскими подвигами сербской арміи, мужественно принявшей на себя первый ударъ врага и блестяще отразившей всѣ его нападенія. Государственная Дума твердо вѣритъ, что соединенными усилями державъ, ставшихъ на сторону праваго дѣла, общій врагъ будетъ сломленъ и Европѣ и славянству надолго будетъ обезпечено культурное развитіе.

Да здравствуетъ Король Петръ, Королевичъ Александръ! Да здравствуетъ доблестная сербская армія! Да здравствуетъ Народная Скупщина и мужественный, стойкій, братскій Сербскій народъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаиль Родзянко.*

II.

Предсѣдателю Черногорской Народной Скупщины.

Государственная Дума шлетъ Черногорской Народной Скупщинѣ сердечную благодарность за горячій братскій привѣтъ. Рѣшеніе выступить противъ исконнаго врага славянства, обрушившагося на Сербскій народъ, встрѣчено единодушными кликами восторга въ засѣданіи Государственной Думы, которая шлетъ пламенный привѣтъ геройской арміи и всему мужественному братскому Черногорскому народу. Въ начавшейся борьбѣ Русскій народъ не отступится ни передъ какими жертвами и доведетъ ее до славнаго конца.

Да здравствуетъ Его Величество Король Николай! Да здравствуетъ Народная Скупщина и весь доблестный Черногорскій народъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаиль Родзянко.*

III.

Предсѣдателю Французской Палаты Депутатовъ.

Пробилъ часъ великаго испытанія для обѣихъ дружественныхъ и союзныхъ націй. Всѣ русскія сердца бьются въ унисонъ съ сердцами Французскаго народа, всѣ помыслы обращены къ усилиямъ доблестныхъ армій, которыя въ теченіе четверти столѣтія брательны въ мирѣ и теперь призваны на поляхъ

битвѣ освятить тѣсныя узы дружбы и любви, соединяющія обѣ великія націи. Государственная Дума, созванная на чрезвычайную сессию, поручила мнѣ передать Палатѣ Депутатовъ ея горячій братскій привѣтъ. Выразительница чувствъ всего Русскаго народа, Государственная Дума твердо увѣрена, что подвиги обѣихъ армій, поддержанныхъ могучей помощью Англіи, сломятъ усилія нарушителей европейскаго мира и вернутъ Европу на мирный путь культуры и прогресса.

Да здравствуетъ наша вѣрная союзница благородная Франція! Да здравствуетъ ея храбрая армія и доблестный флотъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

IV.

Спикеру Англійской Палаты Общинъ.

Государственная Дума, созванная на чрезвычайную сессию, въ виду исключительныхъ событій, переживаемыхъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, проситъ Палату Общинъ Великобританіи во имя тѣсной дружбы, соединяющей наши великія націи, принять ея искренній горячій привѣтъ. Вся Россія съ восторгомъ встрѣтила рѣшеніе Англійскаго народа оказать свою могучую поддержку дружественнымъ націямъ въ развертывающейся нынѣ исторической борьбѣ. Богъ да благословитъ оружіе дружественныхъ націй тройственнаго согласія, мужественно сражающихся за правое дѣло.

Да здравствуетъ Его Величество Король Георгъ и его доблестные флотъ и армія! Да здравствуетъ Англійскій Парламентъ! Да здравствуетъ Великобританія!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

V.

Предсѣдателю Бельгійской Палаты Депутатовъ.

Государственная Дума выразила свой восторгъ геройскимъ подвигамъ славной Бельгійской арміи въ ея борьбѣ съ германскими войсками и поручила мнѣ передать Бельгійскому парламенту, что весь Русскій народъ горитъ желаніемъ покарать дерзкаго врага, осмѣлившагося нарушить европейскій миръ и напасть на нейтральную Бельгію. Въ эту торжественную ми-

нута Государственная Дума шлетъ горячій привѣтъ Бельгійскому парламенту и проситъ вѣрить, что все народы, населяющіе великую Россію, объединены съ Бельгійскимъ народомъ одною мыслию, однимъ горячимъ желаніемъ скорѣйшей побѣды надъ врагомъ, нарушившимъ право и справедливость!

Да здравствуетъ Его Величество Король Альбертъ! Да здравствуетъ Палата Депутатовъ! Да здравствуетъ мужественный Бельгійскій народъ и его славная армія!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

Донесенія датскаго посланника Гакетгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года¹⁾.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Петербургъ, $\frac{24 \text{ декабря } 1761 \text{ г.}}{4 \text{ января } 1762 \text{ г.}}$
въ 6 час. вечера.

Ваше превосходительство, уже десять дней, какъ Великая Княгиня, будучи слишкомъ озабочена мыслью о предстоящемъ событіи, ничего не отправляла въ Варшаву. Обращаю вниманіе вашего превосходительства на то, что я не порывалъ съ нею сношеній, что меня въ данное время очень радуешь²⁾.

Спѣшу отправить эстафету, такъ какъ это единственный способъ, которымъ я могу сейчасъ воспользоваться для того, чтобы переслать свое письмо: я не могъ достать у канцлера, къ которому нѣтъ теперь доступа, проходного свидѣтельства для курьера, къ тому же курьеръ былъ бы задержанъ на первой же остановкѣ. Я даже не увѣренъ, будетъ ли отправлена и эстафета, но все же я хочу попытаться использовать этотъ способъ; завтра я напишу вашему превосходительству съ очередной почтой. Такъ какъ я адресую свое письмо шведскому пограничному комиссару почтъ и такъ какъ я въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ комиссаромъ, то я надѣюсь, что эстафета съ моимъ письмомъ будетъ отправлена.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, октябрь 1914 г.

²⁾ Переписка Екатерины съ Понятовскимъ. О ней имѣли свѣдѣніи Мерси и Кастера, но ни тогъ, ни другой не знали, черезъ какія руки она проходила. Одинъ только Гельбигъ указывалъ на посредничество Остена въ этомъ дѣлѣ. До назначенія Остена посланникомъ въ Варшавѣ переписка эта шла черезъ датскаго резидента въ Польшѣ, Кура.

Если Императрица умретъ, я буду въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ сообщить вашему превосходительству эту новость, такъ какъ всѣ пути будутъ отрѣзаны: почта не будетъ дѣйствовать, курьеры и эстафеты не будутъ пропускаться, и такъ продолжится до тѣхъ поръ, пока не совершится переворотъ и не возстановится спокойствіе. Но тѣмъ не менѣе вы, ваше превосходительство, можете быть увѣрены, что я использую всѣ доступные и безопасные пути и способы.

Тѣмъ временемъ, я убѣдительно прошу ваше превосходительство дать мнѣ новыя указанія относительно того, какъ долженъ я дѣйствовать въ это критическое для насъ время.

Не смѣю ничего здѣсь больше прибавить, несмотря на то, что я многое имѣлъ бы сказать вашему превосходительству.

Молю Бога, чтобы завтра я имѣлъ возможность сообщить лучшія вѣсти, чѣмъ тѣ, которыя имѣются сегодня: передавать такія печальныя извѣстія доставляетъ мнѣ невыразимую душевную скорбь. Вы легко можете себѣ представить, ваше превосходительство, мое горе и то тягостное и крайне непріятное положеніе, въ которомъ я нахожусь.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, $\frac{24 \text{ декабря } 1761 \text{ г.}}{4 \text{ января } 1762 \text{ г.}}$

Ваше превосходительство, прошу дешифрирующаго не останавливаться на точкахъ и запятыхъ, разставленныхъ между шифромъ, такъ какъ это шифръ буквъ С и Е, которыя я передаю такимъ образомъ для того, чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе непонятными.

Такъ какъ со вчерашняго дня Императрица находится въ крайне опасномъ положеніи и доктора потеряли всякую надежду на ея выздоровленіе, полагая, что дни и часы ея сочтены, то я счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ необычному способу и отправить это письмо эстафетой, для того, чтобы, какъ бм ни было печально это извѣстіе, сообщить его, не теряя времени, вашему превосходительству.

Въ ночь съ пятницы на субботу она спала семь часовъ подъ рядъ (въ теченіе семи дней она не спала трехъ часовъ подъ рядъ, то внезапно пробуждаясь, то находясь въ какомъ-то состояніи забытья, близкомъ къ летаргїи); сонъ ея въ то время былъ глубокимъ и спокойнымъ; всѣ были чрезвычайно обра-

дованы этимъ обстоятельствомъ, и доктора стали снова питать самыя большія надежды на ея выздоровленіе.

Канцлеръ, съ которымъ я видѣлся въ тотъ же день на конференціи, засвидѣтельствовалъ мнѣ по этому поводу свою радость; онъ дружески бесѣдовалъ со мной о многомъ, что впрочемъ совсѣмъ не касалось нашего дѣла, и сказалъ мнѣ, что съ Государыней на этотъ разъ было хуже, чѣмъ когда бы то ни было, что, вслѣдствіе кровохарканья, она потеряла много крови, что ея болѣзнь есть совокупность многихъ болѣзней, но что ей очень помогли сдѣланныя пять дней тому назадъ кровопусканія и что теперь можно было вполне надѣяться на ея выздоровленіе. Болѣе того, онъ сказалъ мнѣ, что на первый день Рождества будетъ совершено молебствіе за взятіе Кольберга и что въ тотъ же день при дворѣ состоятся празднества. Я выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что онъ мнѣ сообщилъ, и онъ, продолжая разговоръ, сказалъ, что баронъ Корфъ прислалъ ему эстафетой письмо, но что онъ не сообщалъ ничего особенно интереснаго; канцлеръ прибавилъ, что здоровье его по-прежнему плохо.

Въ этотъ день царила всеобщая радость, но уже со вчерашняго дня эта радость смѣнилась уныніемъ и тревогой за жизнь Императрицы, конецъ которой, повидимому, уже близокъ. Третьяго дня у нея возобновились обмороки и, вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе кровохарканья, продолжающагося и до сихъ поръ, она потеряла много крови; она очень слаба и говорить тихимъ, какъ бы угасающимъ голосомъ. Вчера — уже очень поздно — ее приобщили св. Таинъ, и она провела очень плохую ночь. Всѣ проявленія ея болѣзни весьма опасны: врачи замѣчаютъ, какъ по качеству крови при кровохарканіи, такъ и при повторенныхъ нѣсколько разъ кровопусканіяхъ, что кровь ея не только испорчена, но что у нея появились, въ связи съ новымъ болѣзненнымъ явленіемъ на ногахъ, несомнѣнные признаки водянки. Эти явленія, въ связи съ состояніемъ агоніи, въ которомъ она находится, и заставляютъ опасаться за ея жизнь. Мнѣ не удалось узнать, — точно такъ же какъ и ни одному изъ моихъ товарищей, — сдѣлала ли она вчера какое-либо распоряженіе. Съ трудомъ допускаю мысль о томъ, — такъ же, какъ и всѣ другіе посланники, — чтобы это распоряженіе было ею сдѣлано, и можно почти навѣрное сказать, что на престолъ спокойно взойдетъ Великій Князь.

Гакстгаузенъ.

Приписка. Меня увѣряютъ, что г-нъ Стахievъ ¹⁾, о которомъ ваше превосходительство должны знать изъ донесеній г-на Шака ²⁾ и который представляетъ изъ себя креатуру Великаго Князя, будетъ переведенъ изъ Стокгольма въ Копенгагенъ, въ распоряженію г-на Корфа. Сейчасъ, въ 4 часа пополудни, я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что Императрица при смерти и что она призвала къ себѣ Великаго Князя и Княгиню, которые и находятся сейчасъ у ея постели, проливая, вѣроятно, слезы. Это заставляетъ думать, что она не сдѣлала завѣщанія и что восшествіе Великаго Князя на престолъ совершится довольно спокойно.

Пока всѣ здѣсь въ большомъ горѣ и полномъ отчаяніи.

Петербургъ, 25 декабря 1761 г.
5 января 1762 г.
5 час. вечера.

Имѣю честь сообщить вашему превосходительству о кончинѣ Императрицы, которая только-что послѣдовала. Его Высочество Великій Князь, законный наслѣдникъ Имперіи, взошелъ на престолъ. Сенатъ, собравшійся во всемъ своемъ составѣ, гвардейскіе полки и прочіе вельможи приносятъ ему присягу.

Я не могу ничего больше прибавить и вынужденъ отложить болѣе подробное сообщеніе объ этомъ достопримѣчателномъ событіи до болѣе спокойнаго времени.

Такъ какъ надо предполагать, что новый Императоръ отправится вскорѣ въ Москву для своей коронаціи, то ваше превосходительство соблаговолите испросить по этому поводу приказанія короля для того, чтобы я, сообразуясь съ ними, могъ своевременно принять необходимыя мѣры.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, 29 декабря 1761 г.
9 января 1762 г.

Я не сомнѣваюсь, что вашему превосходительству извѣстно о смерти Императрицы изъ одного изъ моихъ трехъ писемъ, помѣченныхъ № 69 и отправленныхъ мною тремя различными путями.

¹⁾ Александръ Стахievичъ Стахievъ, назначенный секретаремъ русской миссіи въ Копенгагенъ. Въ Стокгольмѣ онъ былъ при П. И. Панинѣ, который имѣлъ о немъ хорошее мнѣніе.

²⁾ Шахъ—датскій посланникъ въ Стокгольмѣ.

Подателю настоящаго письма было вручено четвертое того же содержанія; до границы его долженъ былъ провести подкупленный мною человекъ, знакомый съ мѣстными условіями, но, къ несчастью, въ послѣдній моментъ его удержала жена, которая со слезами умоляла его не подвергать себя опасности; вслѣдствіе этого отъѣздъ курьера задержался до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удалось, наконецъ, достать ему проходного свидѣтельства. Во всякомъ случаѣ это первый чужеземный курьеръ, отправляющійся отсюда послѣ смерти Императрицы. Между тѣмъ, благодаря этой задержкѣ, я имѣю возможность сообщить вашему превосходительству много интересныхъ событій, происшедшихъ за это время.

Для того, чтобы у вашего превосходительства была нить всѣхъ событій, происшедшихъ съ той поры, какъ я отправилъ эстафетой мою почтительнѣйшую денешу отъ 4-го января, я долженъ сообщить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ послѣднія минуты и кончину Императрицы.

Въ субботу $\frac{22 \text{ декабря}}{2 \text{ января}}$ она снова начала сильно харкать кровью, и ея обмороки еще болѣе участились.

Въ ночь съ субботы на воскресенье врачи—и даже тѣ изъ нихъ, которые продолжали еще надѣяться на благополучный исходъ ея болѣзни, должны были признать опасность и придти къ убѣжденію, что положеніе ея безнадежно, тѣмъ болѣе, что началось уже общее зараженіе, все болѣе и болѣе распространявшееся, и нижняя часть уже тѣла ея омертвѣла.

Тогда фельдмаршалъ Разумовскій и камергеръ Шуваловъ, во все время болѣзни Императрицы почти отъ нея не отходившіе, а также окружавшія ее женщины предупредили ее объ опасномъ положеніи, въ которомъ она находилась; въ то же время врачи прибѣгли къ сильно дѣйствующимъ средствамъ, которыя даютъ умирающимъ; Императрица изъявила уже свое согласіе принимать всякія лѣкарства, какія ей предложатъ (въ теченіе всей своей болѣзни она отказывалась отъ нихъ или же принимала съ отвращеніемъ). Но такъ какъ уже невозможно было остановить кровохарканія и непрерывное состояніе эпилепсіи стало еще болѣе жестокимъ, то признали, что лѣкарства бесполезны и что конецъ ея уже близокъ.

Тогда снова заговорили съ нею о смерти, и она пожелала въ ту же ночь принять св. Таины; ее приобщили и соборовали. Въ понедѣльникъ, утромъ, въ одинъ изъ рѣдкихъ промежутковъ, когда она чувствовала себя спокойнѣе, она призвала Ве-

ликаго Князя и Великую Княгиню и простилась съ ними. Она простилась также съ окружавшими ее и со всѣми дамами и вельможами своего двора. Говорятъ, что она проявила при этомъ много спокойствія и смиренія и что прощаніе ея было очень трогательно.

Около полудня конвульсіи возобновились, и она впадала изъ одного обморочнаго состоянія въ другое. Не предполагали уже, что она проживетъ до вечера, но между тѣмъ въ такомъ же состояніи, но будучи уже почти все время безъ сознанія, она провела ночь съ понедѣльника на вторникъ.

Во вторникъ утромъ, въ наступившей короткій промежутокъ просвѣтлѣнія, она снова повзала къ себѣ Великую Княгиню, но, не могла произнести слабымъ, умирающимъ голосомъ, ничего кромѣ отдѣльныхъ слоговъ и безсвязныхъ словъ, пока, наконецъ, въ 3^{1/2} часа пополудни Государыни не стало.

Въ 4 часа смерть Императрицы была обнародована, и предъ дворцомъ продефилировали три пѣшіе гвардейскіе полка и одинъ конный, которые въ общей сложности составляютъ корпусъ отъ 9 до 10 тысячъ человекъ и которымъ еще наканунѣ былъ отданъ приказъ быть готовыми къ сбору. Тѣмъ временемъ, пока войска собирались, тѣло Императрицы было поднято съ постели, обмыто и выставлено для поклоненія собравшимся съ утра при дворѣ сенаторамъ и другимъ вельможамъ; они выразили свое соболѣзнованіе Великому Князю и Великой Княгинѣ и тотчасъ же приняли присягу.

Послѣ этого, когда гвардія была уже выстроена въ нѣсколько рядовъ вдоль дворцовой площади и по прилегающимъ большимъ улицамъ, въ 4^{1/2} часа, вышелъ Его Высочество Великій Князь, въ формѣ Преображенскаго полка, которою онъ два дня тому назадъ замѣнилъ форму голштинскаго образца, сѣлъ на лошадь и, съ открытой головой и держа шляпу въ рукѣ, во главѣ коннаго гвардейскаго полка, прослѣдовалъ отъ одного ряда войскъ къ другому, весьма ласково и запросто раскланиваясь со всѣми; обращаясь къ гвардейцамъ, онъ громко говорилъ по-русски: „ребята, я надѣюсь, что вы не оставите меня сегодня“. Въ отвѣтъ гвардейцы кричали, что они не покинутъ его и что они съ своей стороны надѣются не быть покинутыми имъ. Затѣмъ, къ раздавшимся радостнымъ крикамъ, присоединилось—„да здравствуетъ нашъ новый Императоръ Петръ III“.

Такъ совершился этотъ крупный переворотъ, который составляетъ замѣчательную эпоху въ лѣтописяхъ сѣвера и Европы—

менѣе, чѣмъ въ два часа все было рѣшено и приведено въ порядокъ.

Затѣмъ новый Императоръ вернулся во дворецъ, гдѣ онъ принялъ присягу отъ командировъ и офицеровъ гвардіи. Послѣ этого войска разошлись; имъ отданъ приказъ вернуться въ казармы и оставаться тамъ, соблюдая полное спокойствіе, о чемъ было предписано позаботиться оберъ и унтеръ-офицерамъ. Кромѣ того Императоръ имѣлъ осторожность, въ предупрежденіе волненій и безпорядковъ, распорядиться закрыть на эту ночь всѣ кабаки и разставить около нихъ патрули.

Вечеромъ при дворѣ былъ ужинъ, на которомъ присутствовалъ Императоръ и болѣе ста человекъ вельможъ и придворныхъ дамъ. Въ тотъ же день, въ 6 ч. вечера, ко мнѣ явился церемоніймейстеръ г. Лефортъ, въ сопровожденіи секретаря, и сказалъ, что онъ пришелъ по приказанію двора, чтобы объявить о кончинѣ Императрицы и восшествіи на престолъ Императора Петра III-го, а также, чтобы предупредить о томъ, что Императоръ приметъ посланниковъ, съ изъявленіями соболѣзнованія и поздравленіями, завтра, въ 11 ч. утра.

Въ тотъ же вечеръ Императоръ назначилъ генераль-прокурора Глѣбова на мѣсто отрѣшеннаго имъ сенатора князя Шаховскаго, нѣкоего же Нарышкина — гофмаршаломъ своего двора. Сомнительно, чтобы гр. Сиверсъ ¹⁾, гофмаршалъ двора покойной Императрицы, сохранилъ свой постъ.

Нѣкто князь Голицынъ ²⁾, гвардейскій офицеръ, произведенъ въ капитаны и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; четверо другихъ князей Голицыныхъ, поручиковъ гвардіи, назначены камеръ-юнкерами; во всѣхъ трехъ гвардейскихъ полкахъ нѣтъ ни одного офицера, который не былъ бы повышенъ на одинъ или нѣсколько чиновъ.

На другой день, въ среду, къ назначенному времени мы отправились ко двору, послѣ того, какъ въ 7 ч. утра того же дня приходилъ секретарь для того, чтобы предупредить, что одновременно съ Императоромъ будетъ принимать и Императрица, при чемъ дамы должны быть въ парадныхъ платьяхъ, а мы въ парадной формѣ, что и было всѣми нами точно выполнено.

¹⁾ Гр. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, ум. въ 1774 г.

²⁾ Капитанъ Преображенскаго полка Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ въ томъ же 1761 г. назначенъ генераль-адъютантомъ. По смерти Петра III-го вышелъ въ отставку. Въ 1796 г. императоръ Павелъ принялъ его на службу генераломъ-отъ-инфантеріи.

Г. де-Бретейль, котораго я засталъ уже тамъ, сказалъ мнѣ, что онъ написалъ канцлеру, что онъ и его жена готовы имѣть честь поцѣловать руку Императрицы, но не въ качествѣ французскаго посланника и его супруги, но какъ частныя лица, и что это не должно вести ни къ какимъ послѣдствіямъ и не служить примѣромъ ни для него, ни для его замѣстителей.

То же заявилъ устно обоимъ церемоніймейстерамъ двора испанскій посланникъ. Относительно жены голландскаго посланника и моей не было никакихъ переговоровъ, и онѣ, вмѣстѣ съ двумя другими дамами, поцѣловали, какъ обыкновенно, руку Императрицы. Но между посланниками было рѣшено, что никто изъ нихъ не поцѣлуеъ руки Императора, если австрійскій посланникъ (не цѣлующій руки не только у Императора, но даже у Императрицы) этого не сдѣлаетъ. Я заговорилъ объ этомъ со шведскимъ посланникомъ, зная, что на своихъ аудіенціяхъ у Императора, тогда еще великаго князя, онъ всегда цѣловалъ у него руку точно такъ же, какъ и я поцѣловалъ руку у великаго князя на своей приѣмной у него аудіенціи, слѣдуя совѣту г. Остена, увѣрившаго меня въ Данцигѣ, что онъ и г. Мальцанъ¹⁾ всегда также поступали. Я заявилъ шведскому посланнику о своей готовности поцѣловать руку Императору, какъ принцу, принадлежащему къ дому моего короля и повелителя, тѣмъ болѣе, что я это дѣлалъ еще тогда, когда онъ былъ только предполагаемымъ наслѣдникомъ имперіи. Но посланникъ продолжалъ упорно стоять на своемъ, ссылаясь на то, что онъ никогда не цѣловалъ руки у великаго князя публично, и что, по даннымъ ему инструкціямъ, онъ обязанъ во всемъ, что касается этикета, поступать такъ, какъ будутъ поступать другіе посланники, одного съ нимъ ранга.

Когда, послѣ обѣдни, Императоръ и Императрица вошли въ большую залу, всѣ посланники поцѣловали руку Императрицы, что и я имѣлъ честь исполнить, но убѣдившись, что никто изъ нихъ не поцѣловалъ руки Императора, и рѣшилъ, что одному мнѣ не слѣдовало этого дѣлать; я пропустилъ мимо себя всѣхъ посланниковъ — англійскаго, французскаго, испанскаго, шведскаго и голландскаго, и изъ всего дипломатическаго корпуса только одинъ уполномоченный Саксонія—г. Прассе, слѣдовавшій за мной, поступилъ иначе.

Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство по поводу

¹⁾ Мальцанъ, камергеръ, датскій посланникъ, имѣвшій приѣмную аудіенцію 16-го окт. 1751 г. и умершій въ Петербургѣ въ 1757 г.

этого случая сообщить мнѣ, желаетъ ли его величество, чтобы я, несмотря на отказъ другихъ посланниковъ, цѣловалъ руку Императора, и притомъ публично или нѣтъ, или же—чтобы вовсе не цѣловалъ его руки. Долженъ сказать, что я не замѣтилъ, чтобы нашъ поступокъ произвелъ дурное впечатлѣніе на Императора: каждому изъ насъ онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, исключая г. Бретеяля и г. Прассе и, какъ всегда, отличая своимъ особымъ вниманіемъ г. Кейта, къ которому, полчаса спустя послѣ своего восшествія на престолъ, онъ послалъ человѣка, пользующагося его довѣріемъ, чтобы извѣстить его объ этомъ счастливомъ для него событіи.

Насъ оставили при дворѣ отобѣдать, и мы имѣли честь быть за однимъ столомъ съ ихъ величествами, которые такъ же, какъ и мы, сидѣли не по этикету; обѣдъ былъ сервированъ на сто человѣкъ. Дамой Императора была М-ше Воронцова (въ тотъ же день, утромъ, назначенная Императрицей камеръ-фрейлиной, должность, которой до сихъ поръ не существовало); кавалеромъ Императрицы, сидѣвшей все же во главѣ стола, былъ фельдмаршалъ Трубецкой.

Въ тотъ же день Императрица назначила гр. Скавропскаго, брата жены канцлера, гофмейстеромъ своего двора, — также только-что учрежденная должность.

Императрица удваиваетъ свои усилія, чтобы подчинить себѣ Государя, своего супруга, и управлять имъ, но я сомнѣваюсь, чтобы ей удалось этого достигнуть. М-ше Воронцова беретъ надъ нею верхъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ настолько благоразуменъ, чтобы, въ это критическое для него время, во многомъ совѣтовался съ нею; ясно, что многое было предпринято по ея совѣту, но несмотря на это я смѣю предсказывать, что ей никогда не удастся пріобрѣсти вліянія на своего супруга, и, быть можетъ, когда онъ почувствуетъ себя болѣе прочно на престолѣ, онъ будетъ еще менѣе съ нею считаться и, при своей несдержанности—не будетъ соблюдать по отношенію къ ней даже внѣшнихъ приличій.

Всѣ здѣсь поражены, не высказывая этого вслухъ, тѣмъ, что этотъ крупный переворотъ могъ совершиться такъ спокойно,—не вызвавъ ни сопротивленія, ни мятежа. Я приписываю это многимъ причинамъ. Весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ для Государя было то, что Императрица умерла въ городѣ, а не за городомъ, что могло бы повлечь за собой замѣшательство и многія затрудненія. Не менѣе благопріятна для него была самая длительность ея болязни, такъ какъ это да-

вало ему возможность приготовить почву, приобретая щедрыми обещаніями расположеніе сенаторовъ и другихъ вліятельныхъ вельможъ и принявъ къ своему двору нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Если бы смерть Императрицы случилась внезапно, то это лишило бы его возможности принять эти мѣры; къ тому же неожиданная смерть повергла бы всѣхъ въ отчаяніе и могла бы вызвать смятеніе и, быть можетъ, даже бунтъ.

Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что за шесть дней до смерти Императрицы существовало намѣреніе возвести на престолъ маленькаго великаго князя, назначивъ его мать опекуной и учредивъ совѣтъ изъ числа сенаторовъ, и сдѣлавъ великаго князя-отца генералиссимусомъ, но затѣмъ признали трудности выполненія этого проекта, такъ какъ предвидѣли, что это могло бы вызвать мятежь со стороны партіи приверженцевъ великаго князя, которая могла бы у него оказаться, такъ какъ дворянство присягало ему, какъ наследнику престола, и въ теченіе многихъ лѣтъ признавало его права. Кромѣ того, когда Императрица была при смерти и попытались, предложивъ ей нѣсколько вопросовъ, узнать—не пожелаетъ ли она выразить свою волю, то она будто бы отвѣчала, что воля ея давно уже выражена, что великій князь—наследникъ престола и что въ послѣднія минуты своей жизни она должна подумать о болѣе важномъ, чѣмъ о мірскихъ дѣлахъ.

Особенно стоялъ за маленькаго великаго князя духовникъ покойной Императрицы ¹⁾, который, повидимому, пытался уговорить ее лишиться трона великаго князя-отца; подозрѣваютъ, что имъ руководилъ камергеръ Шуваловъ,—но Императрица и слышать не хотѣла объ этомъ. Ихъ величества, освѣдомленные объ этомъ прежде другихъ, съумѣли, при помощи происковъ приближенныхъ къ императрицѣ женщинъ, ловко отразить этотъ ударъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что о намѣреніи духовника извѣстно и Императору, и Императрицѣ: третьяго дня я былъ свидѣтелемъ того, какъ священникъ этотъ вошелъ въ залу, и ни Императоръ, ни Императрица не дали ему поцѣловать руки; они не сдѣлали этого даже тогда, когда священникъ бросился передъ ними на колѣни, хотя по мѣстному обычаю не только священники цѣлуютъ руку у государей, но и они послѣ этого

¹⁾ Протоіерей Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянской, духовникъ Импер. Елизаветы, ум. въ 1771 г.; онъ въ то же время былъ духовникомъ и велик. Екатерины Алексѣевны и заступался за нее передъ Императрицей Елизаветой.

цѣлуютъ самого священника. Въ то же время у Императора вырвались слова, съ которыми онъ обратился къ гр. Мерси: „признаюсь, что на этотъ разъ мнѣ стоило большого труда сдержаться“. Хотя гр. Мерси отлично зналъ, что онъ хотѣлъ сказать, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ.

Счастье Императора, что не нашлось достаточно рѣшительныхъ людей, чтобы стать во главѣ смѣлаго предпріятія, и что гр. Петръ Шуваловъ, въ рукахъ котораго находится артиллерійскій корпусъ въ 6 т. человекъ, опасно боленъ и не въ состояніи дѣйствовать. Это самый могущественный и вліятельный вельможа въ странѣ. Камергеръ Шуваловъ слишкомъ робокъ, чтобы на что-нибудь рѣшиться.

Я болѣе, чѣмъ увѣренъ въ томъ, что при дворѣ произойдетъ теперь полная перемѣна курса. Мнѣ извѣстно отъ человека, заслуживающаго полного довѣрія и близкаго друга г. Кейта, что Императоръ третьяго дня, пожимая ему руку, сказалъ: „надѣюсь, что мой братъ, король Великобританіи, останется теперь мною доволенъ: сегодня я отправилъ приказъ въ армию о томъ, чтобы были прекращены враждебныя дѣйствія противъ прусскаго короля“.

Что причиняетъ мнѣ истинное огорченіе и что будетъ для насъ большой потерей—это то, что канцлеръ, который чувствовалъ себя въ воскресенье очень плохо, навѣрно, недолго останется на своемъ посту. Думаю, что онъ будетъ просить уволить его въ отставку и такъ какъ Императоръ не чувствуетъ къ нему особаго расположенія, и еще менѣе—къ его женѣ, то онъ будетъ очень радъ исполнить его просьбу.

Пока графиня Воронцова ¹⁾ продолжаетъ быть гофмейстериной, точно такъ же, какъ и канцлеръ продолжаетъ исполнять свои обязанности.

Вѣроятно, мы увидимъ много новыхъ выскочекъ, и весьма возможно, что на сцену снова выступятъ многіе изъ тѣхъ, кто находился до сихъ поръ въ ссылкѣ и забвеніи. Къ ихъ числу принадлежатъ бывшій канцлеръ, графъ Бестужевъ, приказъ объ освобожденіи котораго уже отправленъ Императоромъ, а также знаменитый Лестокъ, который такимъ же указомъ будетъ освобожденъ и вернется сюда; Лестоку Императоръ въ значительной степени обязанъ престоломъ, такъ какъ онъ возвелъ на престолъ покойную Императрицу, его тетку, и ѣздилъ въ

¹⁾ Гр. Анна Карловна Воронцова, рожд. гр. Скавронская, была въ связи съ саксонскимъ посланникомъ Шрассе.

Киль за нынѣшнимъ Императоромъ для того, чтобы привезти его въ Россію.

О молодомъ Іоаннѣ нѣтъ и не было и рѣчи, даже во время болѣзни Императрицы. Покойной Императрицѣ два раза въ недѣлю докладывали о здоровьѣ несчастнаго принца и его успѣхахъ въ наукахъ, несмотря на то, что онъ находился въ Шлиссельбургѣ, т. е. на разстояніи всего 24-хъ часовъ ѣзды отсюда.

Покойная Императрица оставила большія богатства, не только драгоценными вещами громадной стоимости, но и наличными деньгами: найдено до 600 пуд. слитковъ серебра и 67 пуд. золота (пудъ равняется 32-мъ датскимъ фунтамъ), сверхъ того, на 1½ милліона имперіаловъ и еще приблизительно на 2 милліона неотчеканеной монеты.

Императоръ теперь расплачивается со всѣми своими долгами, а также съ долгами покойной Императрицы, достигающими въ общей сложности 700 т. р. Третьяго дня онъ послалъ въ Киль 20 тыс. имперіаловъ, что составляетъ 200 т. р., такъ какъ имперіаль равняется 10-ти рублямъ.

Кромѣ того, третьяго же дня онъ подарилъ М-ле Воронцовой 5 т. имперіаловъ чтобы она заплатила свои долги и въ тотъ же день ужиналъ съ нею *tête à tête*.

Въ среду вечеромъ, Государь посѣтилъ графа Петра Шувалова, который по-прежнему опасно боленъ, и назначилъ его своимъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Фельдмаршалъ Разумовскій и камергеръ Шуваловъ—въ большемъ горѣ; къ тому же они оба больны. Есть основанія думать, что они оба сохраняютъ свои мѣста: желая оказать, въ память своей тетки, вниманіе камергеру, Императоръ не только посѣтилъ его, но и отнесся къ нему весьма благосклонно и приказалъ передать ему 50 тыс. руб. и сказать, что эти деньги Императрица предполагала выдать ему въ наступающемъ январѣ.

Хотя г. Олсуфьевъ и продолжаетъ занимать свой постъ и хотя онъ горячо извинялся передъ Императоромъ за свои по отношенію къ нему поступки, къ которымъ иногда вынуждали его распоряженія Императрицы, но тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы онъ надолго сохранилъ свое мѣсто, и судя по его огорченному виду онъ самъ подозрѣваетъ, что его ждетъ отставка. Если графъ Бестужевъ возвратится изъ ссылки, то паденіе Олсуфьева мнѣ кажется неизбежнымъ, такъ какъ это злѣйшій врагъ Бестужева, во многомъ способствовавшій его гибели.

Фельдмаршалъ Бутурлинъ отозванъ и командованіе арміей передано фельдмаршалу Салтыкову.

Императоръ и Императрица чествуютъ и отличаютъ своимъ особымъ вниманіемъ фельдмаршала князя Трубецкого, оказавшаго въ это рѣшающее время такія важныя услуги Императору, своимъ вліяніемъ, дѣятельнымъ участіемъ и совѣтами содѣйствуя его восшествію на престолъ. Его назначили подполковникомъ Преображенскаго полка, и ему даны полномочія производить во всей гвардіи перемѣны, какія онъ найдетъ нужными; его сыновья получили званіе камергеровъ.

Голштинскіе генералъ-лейтенанты гг. Брокдорфъ, Шильденъ и Блекъ произведены въ генералы-аншефы голштинской арміей. Второй изъ нихъ — г. Шильденъ — отправляется въ Ораніенбаумъ, чтобы привести къ присягѣ голштинскій корпусъ, состоящій изъ одной тысячи человекъ; этому корпусу приказано никуда оттуда не двигаться.

Несмотря на это, г. Брокдорфъ, повидимому, недоволенъ; онъ поступилъ весьма опреметчиво, сказавъ недавно, что онъ до сихъ поръ очень удивленъ тѣмъ, что все произошло здѣсь такъ спокойно, и прибавивъ, что онъ будетъ просить объ отставкѣ, такъ какъ Россія теперь не для него. Повидимому, Императоръ относится къ нему теперь безъ всякаго уваженія и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его, а Императрица дуется на него и не скрываетъ своего къ нему презрѣнія.

Г. Бредалъ ¹⁾, родившійся здѣсь и очень хорошо говорящій по-русски, пожалованъ орденомъ св. Андрея; предполагаютъ, что получитъ назначеніе.

Я думаю, что г. Сальдернъ, котораго Императоръ очень высоко цѣнитъ, будетъ первымъ совѣтникомъ въ голштинскихъ дѣлахъ.

Голштинцы утверждаютъ, что притязанія Императора на Голштинію и Шлезвигъ выражаются огромной суммой въ 47 милліоновъ талеровъ.

При дворѣ совсѣмъ неожиданно появилась маленькая, 12-ти лѣтняя, принцесса Гольштейнъ-Бекская ²⁾, которая до сихъ

¹⁾ Голштинскій оберъ-егермейстеръ Петръ Петровичъ Бредалъ, сынъ бывшаго русскаго адмирала.

²⁾ Принцесса Ек. Петр. Гольштейнъ-Бекская въ 1767 г. вышла замужъ за кн. Ив. Петр. Барятинскаго; ея мать, рожд. графиня Головина, имѣла громадное имѣніе, которое, по приказанію Петра III-го, было отнято у нея и отдано въ управленіе ея мужу, принцу Гольштейнъ-Бекскому.

поръ никто нигдѣ не видѣлъ; она назначена фрейлиной и въ прошлую среду была на парадномъ обѣдѣ Императора.

Кто-то предложилъ Императору распустить теперь голштинское войско, на что послѣдній отвѣтилъ, что онъ просить его не говорить ему ни о его войскѣ, ни о голштинскихъ дѣлахъ.

Императоръ пожаловалъ также орденъ св. Андрея начальнику полиціи барону Корфу, сказавъ публично, что это вознагражденіе за его хорошее обращеніе съ пруссаками въ то время, когда онъ былъ кенигсбергскимъ губернаторомъ.

Баронъ Корфъ, находящійся въ Копенгагенѣ, совсѣмъ не пользуется его расположеніемъ, и можно навѣрное сказать, что онъ долго у насъ не останется, если, впрочемъ, еще раньше не произойдетъ полнаго разрыва и посланники не будутъ отозваны.

Я замѣтилъ, что Императоръ, несмотря на многочисленную охрану дворца — въ 300 человекъ, приказалъ, подъ самыми своими окнами, поставить еще человекъ пятьдесятъ чрезвычайной охраны, что заставляетъ думать, что опасенія его еще не совсѣмъ улеглись.

Обратили вниманіе, что Императоръ всѣ эти дни воздерживался отъ вина, и говорятъ даже, что онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, не ложился спать, для того, чтобы во всякое время быть готовымъ дѣйствовать. Но, кажется, что сейчасъ его опасенія излишни, и ему не грозитъ рѣшительно никакой опасности.

Благодаря тому, что все здѣсь такъ круто измѣнилось, вѣнскій и версальскій дворы, повидимому, совершенно теряютъ то вліяніе, которымъ они пользовались до сихъ поръ, и я увѣренъ, что теперь гг. Мерси и Бретейль, послѣ безплоднаго ожиданія въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, о чемъ я съ горечью вспоминаю сто разъ въ день, получили, наконецъ, отъ своихъ дворовъ указанія дѣйствовать въ пользу нашего дѣла, но теперь они не смогутъ ими воспользоваться, такъ какъ имъ впору будетъ позаботиться только о томъ, чтобы поддержать свое положеніе и доставить своимъ дворамъ хотя бы сотую долю того, на что послѣдніе надѣются; не подлежитъ сомнѣнію, что Императоръ и Императрица терпѣть не могутъ французовъ и желаютъ прусскому королю скорѣе добра, чѣмъ зла.

Не много пройдетъ времени прежде, чѣмъ мы убѣдимся въ истинности этого предположенія. Пока Императоръ еще остерегается, но когда онъ будетъ думать, что положеніе его упрочилось и онъ почувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ своихъ по-

ступковъ, онъ потеряетъ всякую мѣру и будетъ дѣйствовать сообразно системѣ, которую самъ себѣ создалъ.

Я сомнѣваюсь, какъ я уже говорилъ, чтобы Императрицѣ удалось пріобрѣсти вліяніе на его умъ, и поэтому я не могу быть увѣреннымъ, чтобы ей удалось когда-нибудь выполнить свой излюбленный планъ, который заключается въ томъ, чтобы перевести сюда графа Понятовскаго и создать ему положеніе. Быть можетъ, ей удастся доставить ему богатство и кому-нибудь изъ членовъ ея семьи — польскій тронъ, мысль, которую она, какъ мнѣ кажется, легко могла бы внушить своему супругу, какъ вслѣдствіе удовольствія, которое онъ испыталъ бы, назначивъ, по примѣру Петра Великаго, на польскій престолъ короля, такъ и вслѣдствіе его недоброжелательства по отношенію къ саксонскому двору.

Черезъ нѣкоторое время герцогу Курляндскому будетъ угрожать опасность лишиться своихъ владѣній; они могутъ перейти къ принцу Георгу Голштинскому.

Я воздержусь отъ прочихъ своихъ предположеній и разсужденій, такъ какъ и тѣ и другія могутъ оказаться ложными или преждевременными, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что сами событія текущей эпохи, такой богатой матеріаломъ для наблюденій, приведутъ васъ, Ваше Превосходительство, къ самымъ неизбѣжнымъ, самымъ естественнымъ выводамъ и очень важнымъ размышленіямъ.

Утверждаютъ, что тотчасъ послѣ похоронъ Императрицы дворъ отправится въ Москву для коронованія Императора и Императрицы и что обрядъ коронованія будетъ совершенъ еще до Пасхи.

Въ виду этого я вынужденъ просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ, не теряя времени, (не найдетъ ли Его Величество нужнымъ, при настоящихъ условіяхъ, отозвать меня отсюда или не желаетъ ли Его Величество, чтобы я, вмѣстѣ съ другими посланниками, послѣдовали за дворомъ въ Москву (несмотря на горячее желаніе припасть къ ногамъ Его Величества), но я знаю, что мой долгъ повиноваться и всѣмъ жертвовать на службѣ лучшему изъ королей, поэтому я съ покорностью и почтительностью подчинюсь всякому рѣшенію, какое королю заблагоразсудится принять на этотъ счетъ. Но я позволю себѣ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на слѣдующее обстоятельство: не въ интересахъ ли короля (въ томъ случаѣ, конечно, если не произойдетъ между обоими дворами полного разрыва, отчего да хранить насъ Господь) при-

слать новому Императору, его кувену, спеціального посла въ военномъ рангѣ; такое сугубое вниманіе оказало бы, быть можетъ, самое хорошее дѣйствіе и является, надо думать, единственнымъ средствомъ, могущимъ тронуть Императора и вызвать въ немъ милостивыя чувства, достойныя дома и крови, къ которымъ принадлежитъ король. Я считаю это соображеніе вѣскимъ и поэтому убѣдительно прошу Ваше Превосходительство обратить на него вниманіе короля.

Я очень желалъ бы, чтобы рѣшеніе короля было, по возможности, скорымъ, такъ какъ, быть можетъ, благодаря этому рѣшенію наше дѣло выйдетъ изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ оно находится со времени разрыва договора, или же оно поведетъ къ полному разрыву между обоими дворами. Если король прикажетъ мнѣ остаться, я почтительнѣйше прошу снова снабдить меня самыми точными инструкціями.

По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ честь сообщить, вы, Ваше Превосходительство, легко можете судить объ истинномъ положеніи дѣлъ современныхъ, а также въ значительной степени о будущихъ событіяхъ, къ которымъ надо быть готовымъ, вслѣдствіе перемѣны курса. Въ случаѣ, если бы мое пребываніе здѣсь продлилось, я прошу Ваше Превосходительство почтительнѣйше представить на усмотрѣніе Его Величества тѣ большіе расходы, которые потребуются на переѣздъ въ Москву, вторичное обзаведеніе тамъ и, въ особенности, во время коронаціонныхъ торжествъ и увеселеній, когда устройство празднествъ и большихъ званыхъ обѣдовъ является дѣломъ необходимымъ и неизбѣжнымъ. Я хочу вѣрить въ возможность возобновленія дружескихъ отношеній между нами и русскимъ дворомъ, и поэтому мнѣ кажется, если датскій посланникъ не можетъ превзойти другихъ посланниковъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ не долженъ, въ подобныхъ случаяхъ, ради поддержанія чести короля и своего народа, ни въ чемъ отставать отъ нихъ. Поѣздка и пребываніе въ Москвѣ, несомнѣнно, удвоятъ мои расходы; я увѣренъ, что король слишкомъ справедливъ, чтобы не принять этого въ соображеніе, и поэтому полагаюсь на его великодушіе и съ полнымъ довѣріемъ вручаю заботу о своихъ интересахъ Вашему Превосходительству.

Еще прошу Ваше Превосходительство передать мнѣ распоряженія короля по поводу траура, который я долженъ буду носить, и сообщить, желаетъ ли Его Величество, чтобы я на этотъ счетъ сообразовался съ указаніями, которыя будутъ даны

этимъ дворомъ и которымъ прочіе посланники считаютъ себя обязанными слѣдовать, или же я долженъ буду носить трауръ такъ, какъ это установлено у насъ.

Но если Его Величеству угодно будетъ согласиться на мое отозваніе, то я прошу Ваше Превосходительство войти въ соглашеніе съ министерствомъ финансовъ относительно того, чтобы я могъ получить первую четверть своего жалованья до истеченія срока, который наступитъ только въ концѣ марта, и уѣхать, не оставивъ долговъ.

Соблаговолите также, Ваше Превосходительство, приказать г-ну Гиссу выдать по моимъ ассигновкамъ, сдѣланнымъ мною въ уплату 4-хъ эстафетъ, которыя я имѣлъ честь отправить Вашему Превосходительству, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ—когда я платилъ г-ну Берингшольду, г. Гиссъ дѣлалъ затрудненія, ссылаясь на то, что у него нѣтъ никакихъ распоряженій по этому поводу отъ министерства финансовъ. Предоставляю на обсужденіе Вашего Превосходительства слѣдующее соображеніе, не будетъ ли полезнымъ, въ виду такихъ условій, чтобы въ моемъ распоряженіи постоянно была небольшая сумма денегъ, размѣры которой опредѣлилъ бы самъ король, для того, чтобы я имѣлъ возможность, дѣлая небольшіе подарки, поощрять усердіе тѣхъ, которые въ это серьезное время могли бы сказать намъ какую-либо услугу. Я льщу себя надеждой, что король будетъ увѣреннымъ въ томъ, что я буду расходовать эти деньги расчетливо и съ разборомъ.

Мнѣ остается сказать Вашему Превосходительству, что согласно приказаніямъ отъ 7-го сентября, уже больше трехъ мѣсяцевъ, какъ я принялъ въ свой домъ и къ своему столу молодого Туксена, доставляя ему все необходимое. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что этотъ молодой челевѣкъ, который между прочимъ совершенно для меня бесполезенъ, находясь у меня, безъ надзора своего дяди, все болѣе и болѣе сбивается съ пути; хотя я, насколько возможно, слѣжу за нимъ, но я не могу помѣшать ему сдѣлать какое-либо сумасбродство или совершенно опуститься. Такъ какъ этотъ молодой челевѣкъ служитъ только лишнимъ поводомъ для непріятностей и расходовъ, то я былъ бы очень благодаренъ, если бы Ваше Превосходительство коскорѣ избавили бы меня отъ него и разрѣшили бы отправить его въ Данію съ первымъ же судномъ. Но такъ какъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, работы значительно прибавилось и нѣтъ возможности одному все зашифровывать, то я просилъ бы Ваше Превосходительство

разрѣшить мнѣ принять, вмѣсто молодого Туксена, въ качествѣ переписчика—старшаго сына одного основавшагося здѣсь купца—англичанина, по имени Бардевика, родомъ изъ Ольденбурга, англійскаго подданнаго; старикъ очень старателенъ и былъ мнѣ полезенъ во многихъ случаяхъ; его сынъ—22-хъ лѣтъ, хорошаго, скромнаго поведенія и пишетъ красивымъ почеркомъ.

Я могъ бы, съ согласія Вашего Превосходительства, привести его къ присягѣ на вѣрность королю или дать ему подписать присягу и прислать вамъ. Онъ удовлетворится, живя у меня на всемъ готовомъ, жалованьемъ 200 кронъ въ годъ, которое получаетъ молодой Туксенъ, въ надеждѣ, что Ваше Превосходительство окажетъ ему поддержку, если онъ заслужитъ этого своимъ усердіемъ.

Говорятъ о трехъ нововведеніяхъ, которыя Императоръ, какъ онъ сказалъ, будто бы, объ этомъ въ среду, намѣревается ввести, а именно отмѣнить монополію, значительно понизить таможенную пошлину и, наконецъ, запретить впредь носить богатая одежды и употреблять дорогія ткани.

Императоръ, подаривъ камергеру Шувалову 50 тыс. руб., объявилъ всенародно, что онъ всегда готовъ въ точности выполнить обѣщанія, данныя покойной теткой, память которой для него священна по многимъ основаніямъ, и что всякій, кому Императрица обѣщала сдѣлать денежный или какой-либо другой подарокъ, долженъ только заявить объ этомъ, и обѣщаніе ея будетъ тотчасъ же выполнено.

Освобожденъ нѣкто Груманъ, родомъ норвежецъ и католикъ по религіи, служившій многимъ государямъ и въ томъ числѣ—прусскому королю, въ качествѣ гусарскаго полковника; взятый въ плѣнъ во время осады Берлина, какъ начальникъ полиціи, онъ былъ отправленъ въ Кенигсбергъ; тамъ, своимъ пронырствомъ, онъ пробилъ себѣ дорогу сюда. Здѣсь Императоръ освободилъ его и снабдилъ деньгами для покрытія издержекъ по его путешествію въ дилижансѣ къ Государю, его послѣднему повелителю; подозрѣваютъ, что ему дано какое-либо порученіе относительно примиренія Россіи съ Пруссіей, теперь такъ легко достижимаго.

Отправленъ также приказъ генералу Чернышеву прекратить враждебныя дѣйствія противъ прусскаго короля и его корпусу быть въ бездѣйствіи впредь до новаго приказа.

Утверждаютъ, что братъ этого генерала,—посланникъ при французскомъ дворѣ, будетъ отозванъ, и выражаютъ сомнѣніе

по поводу того, чтобы постъ его былъ замѣщенъ; по крайней мѣрѣ на это надѣется г. Кейтъ, который является тайнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ.

М-ше Воронцовой отведено помѣщеніе во дворцѣ. Если канцлеръ, ея дядя, котораго между прочимъ Императоръ посѣтилъ третьяго дня, долженъ будетъ оставить свой постъ, то весьма возможно, что его замѣстителемъ будетъ князь Голицынъ ¹⁾, находящійся сейчасъ въ Лондонѣ, вся семья котораго находится въ большой милости; къ тому же его постоянно перевозитъ г. Кейтъ.

Его двоюродный братъ, получившій на дняхъ званіе камергера, въ знакъ особаго къ нему вниманія, будетъ отправленъ въ Лондонъ съ извѣстіемъ о восшествіи императора на престолъ; говорятъ, что онъ, быть можетъ, останется тамъ посланникомъ.

Судьба г. Гросса ²⁾ предоставляется мнѣ весьма шаткой, въ виду того, что у него нѣтъ здѣсь друзей, кромѣ канцлера, и онъ ненавистенъ какъ Императору, такъ и Императрицѣ.

Императоръ отдалъ приказъ полковнику Опитцу, пользующемуся его довѣріемъ, немедленно отправиться въ Киль и подробно донести о положеніи тамъ всѣхъ дѣлъ, въ особенности о состояніи нашей арміи и нашего вооруженія.

Прежде, чѣмъ закончить эту депешу, я долженъ просить Ваше Превосходительство съ первымъ же курьеромъ увѣдомить меня, какъ я долженъ буду поступить въ случаѣ, если бы Императоръ, по своей прежней къ намъ ненависти, приказалъ мнѣ удалиться отсюда.

Если бы, не дай Богъ, это случилось раньше, чѣмъ я могъ бы получить распоряженія Вашего Превосходительства, то я полагаю, что честь короля требуетъ, чтобы я, не подвергая своего званія униженію, уѣхалъ бы отсюда какъ можно скорѣе.

Въ теченіе трехъ дней сряду здѣсь носили цвѣтныя одежды и городъ по вечерамъ былъ иллюминированъ.

Вчера ко мнѣ приходили, чтобы сообщить о томъ, что всѣ будутъ носить черныя одежды, но форма траура еще не установлена. Такъ какъ покойная Императрица не любила чернаго цвѣта и во время ея царствованія почти не носили траура, то у здѣшнихъ купцовъ нѣтъ чернаго сукна и другихъ принад-

¹⁾ Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ р. 1723 † 1807.

²⁾ Андрей Леонтьевичъ Гроссъ † 1765.

лежностей траура. Цѣна толстаго чернаго сукна доходить уже до 6 руб. за аршинъ, и поэтому этотъ трауръ будетъ стоить всѣмъ очень дорого. Долженъ еще замѣтить по поводу траура, что дворъ дастъ распоряженіе носить его въ теченіе цѣлаго года, при чемъ ливреи и все убранство должно быть чернаго цвѣта.

Прилагаемый счетъ изъ министерства на имя г-на Кебке заставляеть меня просить Ваше Превосходительство удалить его на время отсюда для того, чтобы онъ не подвергъ себя и то званіе, которымъ его удостоилъ король, всенародному униженію. Я уладилъ это дѣло съ канцлеромъ недѣлю тому назадъ и надѣюсь, что вопросъ о немъ не будетъ больше подниматься, лишь бы только онъ сдержалъ свое обѣщаніе и уплатилъ бы по счету, но я сильно опасаюсь, нѣтъ ли у него еще другихъ дѣлъ, требующихъ устройства.

Я имѣю также честь послать Вашему Превосходительству перечень наиболѣе крупныхъ назначеній и манифестъ, изданный по случаю восшествія на престолъ Императора.

Вчера и сегодня вся буржуазія и служащіе всѣхъ казенныхъ учрежденій принимали присягу, каждый въ церкви своего прихода и вѣроисповѣданія.

Сейчасъ только узналъ изъ вѣрнаго источника, что Императоръ отправилъ вчера своего адъютанта, камергера Гудовича, въ Цербстъ съ извѣщеніемъ о его восшествіи на престолъ; онъ везетъ съ собой донесенія г-на Кейта и ѣдетъ черезъ Бреславль; ему поручено другое извѣщеніе, которое предназначается для короля и которое онъ завезетъ ему по пути.

Вчера отправленъ также курьеръ въ Стокгольмъ; Его Величество въ своемъ письмѣ къ шведскому королю говоритъ, что онъ не желалъ бы—и надѣется, что желаніе его будетъ исполнено,—чтобы шведская армія удалилась и спокойно пребывала на своихъ квартирахъ.

Отправленный генералу Чернышеву приказъ гласитъ слѣдующее: онъ долженъ отдѣлиться отъ австрійской арміи и заявить генералну Лаудону о томъ, что ему не разрѣшается болѣе дѣйствовать съ нимъ сообща.

Изъ всего этого вы, Ваше Превосходительство, можете видѣть, какъ плохо умѣетъ новый Императоръ скрывать свои чувства, и вы поразитесь, конечно, тѣмъ, съ какой необычайной, неслыханной быстротой дѣлаются всѣ дѣла въ Россіи, которыми теперь всѣ здѣсь, повидимому, такъ увлечены. Прусскій король—его герой, передъ которымъ онъ преклоняется,

котораго онъ считаетъ образцомъ и которому онъ стремится подражать. Мы могли бы предоставить ему это удовольствіе, лишь бы только у него не явилось желанія нарушить нашъ покой; какъ это ни больно, но указанія на то, что у него есть это желаніе, настолько убѣдительно, что не оставляютъ во мнѣ почти никакого сомнѣнія, и я думаю, что отчасти онъ добивается и дружбы прусскаго короля съ той цѣлью, чтобы обезпечить себѣ свободный проходъ черезъ его страну и тѣмъ удобнѣе пройти въ Голтштинію и предаться тамъ своему мщенію противъ насъ.

Его фавориты довольно смѣло говорятъ объ этомъ всѣмъ, кто только хочетъ ихъ слушать; англійскій посланникъ, прекрасно освѣдомленный относительно того, что происходитъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что онъ объявитъ намъ войну. Я знаю навѣрное, что этотъ посланникъ воспользовался отъѣздомъ г. Гудовича, чтобы написать г-ну Митчелю¹⁾ о томъ, что по всему видить, что Россія порветъ съ нами и что онъ даже думаетъ, что Гудовичу поручено войти по поводу этого въ переговоры съ прусскимъ королемъ, но что онъ проситъ его употребить все свое вліяніе, какимъ онъ пользуется при прусскомъ королѣ, чтобы помѣшать ему дать на это свое согласіе, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы затушить настоящую войну, разгорится новая, еще болѣе кровопролитная и жестокая.

Я высказалъ бы за это свою благодарность г-ну Кейту, если бы я такимъ образомъ не выдалъ его друга, сообщившаго мнѣ то, что довѣрилъ ему самъ г. Кейтъ; вы также, Ваше Превосходительство, будьте добры сдѣлать видъ, что вы ничего не знаете объ этомъ обстоятельстве, пока я не увѣдомлю васъ, что о немъ сообщилъ мнѣ г. Кейтъ.

Тѣмъ временемъ, я прошу Ваше Превосходительство быть увѣреннымъ—и почтительнѣйше увѣрить въ томъ же короля,—что я, имѣя передъ собой такую печальную перспективу, не только не теряю мужества и не падаю духомъ, но что я еще съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью, если это возможно, и всѣми средствами, какія только можетъ подсказать мнѣ мой разумъ, но не компрометирующими короля, буду стремиться къ тому, чтобы предотвратить первый ударъ этой грозы до тѣхъ поръ, пока черезъ курьера, котораго я буду ждать съ большимъ нетерпѣніемъ, мнѣ не станутъ извѣстны распоряже-

¹⁾ Англійскій посланникъ въ Берлинѣ.

нія короля и онъ своей волей и указаніями не придасть увѣренности моимъ поступкамъ.

Принцъ Голштейнъ-Бекскій, губернаторъ Ревеля, ѣдетъ сюда и находится уже въ пути; его назначать генералъ-фельд-маршаломъ. Это его дочь приняли ко двору; она будетъ воспитываться какъ принцесса крови, подъ руководствомъ самой Императрицы.

Г. Сальдернъ назначенъ совѣтникомъ конференціи, а камергеръ Вольфъ получилъ орденъ Александра Невскаго.

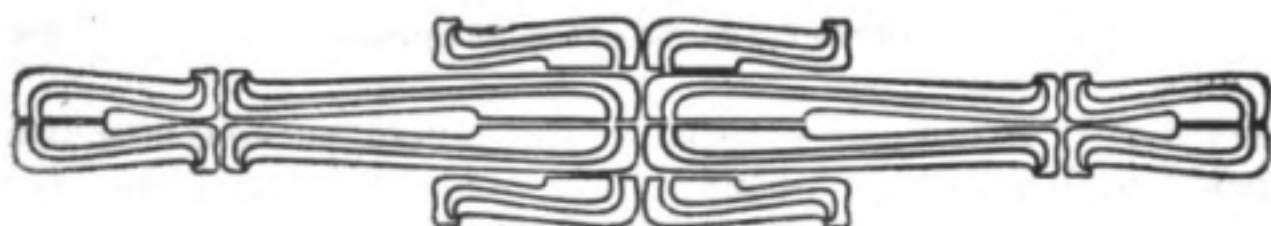
Его Величество значительно увеличилъ жалованье гвардейскимъ офицерамъ, а также солдатскій паекъ.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

Князь Олегъ Константиновичъ умеръ отъ раны, полученной въ бою съ непріятельскимъ разѣздомъ, на который онъ бросился во главѣ гусаръ.

Занимаясь, въ теченіе двухъ лѣтъ (1910—1912 г.), преподаваніемъ Его Высочеству статистики и политической экономіи, я имѣлъ возможность, за этотъ періодъ времени, слѣдить за развитіемъ разностороннихъ способностей даровитаго князя Олега Константиновича. Пусть моя замѣтка, хотя въ слабой степени, напомнитъ свѣтлый образъ почившаго князя-героя.

Послѣ окончанія курса въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, Его Высочество кн. Олегъ Константиновичъ не пожелалъ получить спеціально военное образованіе и, съ разрѣшенія Государя Императора, поступилъ въ спеціальныя классы Александровскаго лицея. Принятое рѣшеніе вызывалось сознаніемъ необходимости получить въ высшемъ учебномъ заведеніи основательную теоретическую подготовку въ области общественныхъ и государственныхъ наукъ. Тѣ событія, которыя пришлось пережить Россіи съ измѣненіемъ сложившагося въ теченіе вѣковъ уклада народной жизни, подъ вліяніемъ перехода отъ общиннаго землепользованія крестьянъ къ частному, по видимому, явились тою внутреннею причиною, которая побудила юношу—князя отрѣшиться отъ традиціонной системы образованія и перейти къ изученію экономическихъ и юридическихъ наукъ.

Поступивъ въ Лицей, князь Олегъ Константиновичъ первые два года изучалъ читаемые въ Лицеѣ предметы на дому, подъ руководствомъ И. Г. Щегловитова, Э. Л. Радлова, Б. В. Никольскаго, Н. К. Кульмана и др. ученыхъ и сдавалъ экзамены въ Лицеѣ.

Организаціей учебными занятіями завѣдывалъ воспитатель августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Константина Константиновича Н. Н. Ермолинскій, настойчиво поддерживавшій въ нихъ убѣжденіе въ необходимости знанія не только для удовлетворенія личныхъ вкусовъ, но и для болѣе успѣшнаго выполненія вызываемыхъ высокимъ положеніемъ князей обязанностей предъ родиной.

Слушая первые два года лекціи на дому, князь Олегъ Константиновичъ умѣло воспользовался уроками преподавателей, пытливо добиваясь отвѣтовъ на сомнительные или неясные вопросы научныхъ дисциплинъ.

Получивъ приглашеніе читать лекціи Ихъ Высочествамъ Гавріилу Константиновичу и Олегу Константиновичу, я, не имѣвъ случая до этого времени встрѣчаться съ Ихъ Высочествами, приступилъ къ чтеніямъ не безъ нѣкотораго смущенія, но съ перваго знакомства августѣйшіе слушатели проявили такой интересъ и, скажу больше, энтузіазмъ къ предмету изученія, что появленіе къ нимъ во дворецъ являлось удовольствіемъ. Мнѣ памятно первое появленіе въ Павловскомъ дворцѣ, въ одномъ изъ флигелей котораго помѣщались Гавріиль, Олегъ и Игорь Константиновичи. Кабинетъ князя Олега Константиновича, гдѣ мы занимались, былъ украшенъ рѣдкими гравюрами и нѣкоторыми предметами, связанными съ памятью Великаго Преобразователя Россіи. Обстановка кабинета указывала на характеръ и вкусы ховяина: на столахъ лежали книги, которыя такъ любилъ почитать. Послѣ первой лекціи, князь Олегъ Константиновичъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „В. Т. Я буду очень стараться. Благодарю за интересную лекцію. Я буду у Васъ работать“. И этими первыми сердечными словами опредѣлилось его отношеніе къ предмету изученія. Это не была случайная фраза, напротивъ, послѣдующимъ серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ онъ доказалъ, въ какой степени слово его не расходится съ дѣломъ.

Между среднею и высшею школою какъ у насъ, такъ и за границею, нѣтъ преемственной связи, и поэтому поступающіе въ высшія учебныя заведенія должны преодолѣть не мало затрудненій, пока не освоятся основательно съ научными понятіями и методами.

Въ такомъ положеніи оказался и князь Олегъ Константиновичъ: въ теченіе перваго года ему трудно давалось усвоеніе юридическихъ и экономическихъ наукъ, въ особенности послѣднихъ. Мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать слѣдующее:

„изученіе философіи, литературы, меня не затрудняетъ, но экономическія науки для меня трудны: мнѣ объ нихъ ничего не приходилось слышать раньше“.

При его дарованіяхъ и настойчивомъ упорномъ трудѣ, затрудненія исчезли, и къ концу перваго учебнаго года для насъ, преподающихъ, были замѣтны сдѣланные имъ быстрые успѣхи въ усвоеніи преподаваемыхъ наукъ. Несомнѣнно этому содѣйствовала и окружающая обстановка.

Жизнь въ Павловскомъ дворцѣ, расположенномъ среди чуднаго парка, являющагося однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, представляетъ особыя удобства для успѣшной умственной работы. Окружающія условія содѣйствовали гармоническому развитію способностей даровитаго юноши. Чистая, разлитая вокругъ, духовная атмосфера благотворно вліяла на воспримчивую душу князя Олега и создавала тѣ привлекательныя черты въ характерѣ покойнаго, которыя такъ плѣняли въ немъ всѣхъ его знавшихъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ онъ проявлялъ благородство души и сердечность. Если ему приходилось слышать что-либо для него непріятное, но вызванное справедливостью, то это нисколько не мѣшало проявленію съ его стороны самыхъ милыхъ, сердечныхъ отношеній.

Въ теченіе преподавательской дѣятельности мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать молодыхъ людей съ столь развитымъ сознаниемъ долга, какъ у князя Олега Константиновича. Замедленіе въ выполненіи принятыхъ на себя работъ его мучило. Какъ-то зимою въ восьмомъ часу утра раздался телефонный звонокъ. Я подошелъ и слышу голосъ князя. На мой вопросъ, что это, Ваше Высочество, Вы такъ рано встали—онъ отвѣтилъ: „Я не сплю съ четырехъ часовъ, меня мучитъ моя работа о Ософанѣ Прокоповичѣ“.

При прекрасныхъ природныхъ дарованіяхъ, у него выработался приѣмъ схватить суть вопроса, не запутываясь въ мелочахъ. Родовая, семейная черта—прекрасная память облегчала ему быстрое усвоеніе прочитаннаго, а развитая, въ силу особыхъ условій жизни, наблюдательность помогала быстро понимать характеръ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться.

Помыслы князя Олега Константиновича были направлены къ основательному усвоенію знаній, необходимыхъ для служенія родинѣ, и несомнѣнно, въ послѣдующей жизни, при его трудо-способности и дарованіяхъ, изъ него выработался бы крупный государственный дѣятель.

Послѣдній годъ князь Олегъ Константиновичъ слушалъ лекціи въ лицѣ, и мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ рѣже. При свиданіяхъ, онъ охотно дѣлился впечатлѣніями учебной жизни и съ особеннымъ удовольствіемъ передавалъ о хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ своими однокурсниками, которые, по общимъ отзывамъ, его очень любили.

За это время я замѣтилъ въ немъ новую черту: помимо литературныхъ работъ, посвященныхъ Пушкину, изученію возвращенію Теофана Прокоповича на государство и др., въ немъ пробудился интересъ къ историческимъ занятіямъ, и онъ высказывалъ намѣреніе написать исторію жизни и дѣятельности ближайшаго сотрудника Императора Александра II, своего дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича, въ связи съ его эпохой.

Всѣхъ, соприкасавшихся съ княземъ Олегомъ Константиновичемъ, онъ подкупалъ искренностью и благородствомъ характера, вниманіемъ и доброжелательностью. Онъ добродушнѣйшимъ образомъ смѣялся, когда я, смотря на его чудные, добрые глаза, говорилъ ему: „Ваше Высочество, Вы знаете секретъ покорять сердца людей“.

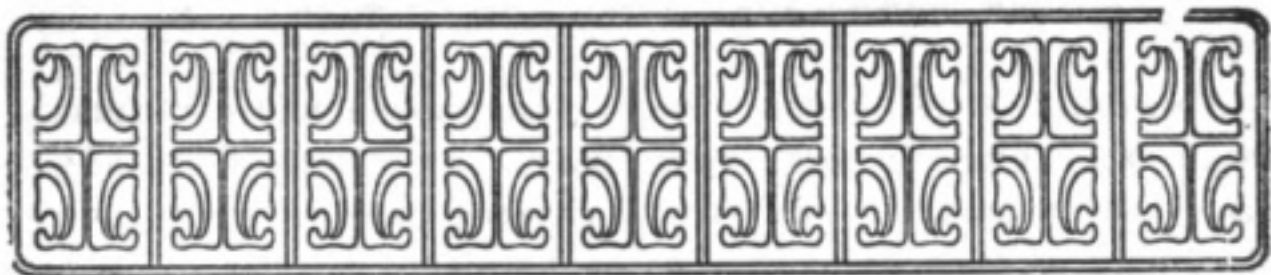
Ко всему нечестному онъ относился съ нескрываемою безглицью и рѣзкостью.

Казалось, свѣтлое будущее открывалось предъ этимъ даровитымъ юношей. Высокая честность, любовь къ труду, упорная настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей и благородные помыслы сочетались въ его душѣ.

Судьба сложилась иначе. Она не пожалѣла его, и человѣкъ высокихъ помысловъ, благородныхъ порывовъ, окончилъ жизнь въ цвѣтущемъ возрастѣ, оставивъ по себѣ свѣтлую память у всѣхъ его знавшихъ.

В. Т. Судейкинъ.

Послѣдняя въ родѣ графовъ Скавронскихъ.

Въ 1913-мъ году въ „Новомъ Времени“ было напечатано историческое изслѣдованіе подѣ заглавіемъ: „Родственники и свойственники Дома Романовыхъ“¹⁾. Въ этомъ изслѣдованіи имѣется досадный пропускъ относительно потомства родственниковъ Императрицы Екатерины I-й—графовъ Скавронскихъ: въ немъ сказано, что потомство Скавронскихъ по мужской линіи пресѣклось съ кончиною графа Павла Мартыновича упомянуто потомство Скавронскихъ по женской линіи, но совершенно забыта послѣдняя въ родѣ Скавронскихъ и по женской линіи — графиня Юлія Павловна фонъ-деръ-Палень, по 1-му мужу — графиня Самойлова.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію біографическихъ данныхъ о графинѣ Юліи Павловнѣ, я считаю необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ея родословной, которыя помогутъ читателю уяснить духовный обликъ этой замѣчательной по красотѣ и по превратности судьбы женщины.

Со стороны матери Юлія Павловна происходила изъ рода Скавронскихъ.

У брата Императрицы Екатерины I-й — графа Карла Самуиловича Скавронскаго²⁾ и его жены Маріи Ивановны былъ сынъ Мартынъ Карловичъ (род. 24-го іюня 1714 г., сконч. 28-го іюля 1776 г.). 15-го января 1754 г., по настоянію Императрицы Елизаветы Петровны, онъ женился на баронессѣ Маріи Нико-

¹⁾ Вл. Анд.—ъ. „Новое Время“. 1913 г. 23-го и 25-го мая №№ 13.360 и 13.362.

²⁾ Осторожныя историческія изслѣдованія не рѣшаются назвать К. С. Скавронскаго роднымъ братомъ Екатерины I-й, а устанавливаютъ лишь фактъ близкаго родства между ними.

ГРАФИНЯ САМОЙЛОВА.

лаевнѣ Строгановой (род. въ 1731 г., сконч. въ 1805 г.), богатѣйшей невѣстѣ того времени ¹⁾. Будучи безцвѣтенъ, какъ государственный дѣятель, Мартынъ Карловичъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ добрый человекъ. Чуждый интригъ, мягкій и покладистый, онъ хорошо умѣлъ ладить съ людьми. Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ за нѣсколько дней до смерти, онъ проявилъ трогательныя заботы о семьѣ и, что особенно характерно,—о своихъ многочисленныхъ крестьянахъ ²⁾: „что касается до людей и крестьянъ, писалъ М. К.,—главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомерною службою и поборами“.

Овдовѣвъ, графиня Марія Николаевна съ сыномъ Павломъ Мартыновичемъ (род. въ 1757 г., сконч. 23-го ноября 1793 г.) почти навсегда покинула Россію и поселилась въ Италіи, которую она также страстно любила, какъ и ея сынъ. По словамъ одного изъ современниковъ, Павелъ Мартыновичъ „былъ великій чудакъ, никакая земля не правилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то еролашь, давалъ концерты“. Онъ покровительствовалъ музыкантамъ и пѣвцамъ, въ его домѣ разрѣшалось говорить только речитативомъ.

10-го ноября 1781 г. П. М. женился на племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго—Екатериинѣ Васильевнѣ Энгельгардъ (род. въ 1761 г., сконч. въ 1829 г.). Князь И. М. Долгорукій пишетъ: „ихъ ³⁾ было нѣсколько сестеръ, всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрана, прочную фортуна на всю жизнь. Дошла очередь до Екатерины Васильевны; она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатый графъ Скавронскій... Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ“.

Свадьба была отпразднована въ присутствіи Императрицы Екатерины II-й. Выйдя замужъ, гр. Е. В. Скавронская продолжала свою связь съ Потемкинымъ.

¹⁾ У ея отца было болѣе 40.000 душъ крестьянъ.

²⁾ М. К. владѣлъ обширными помѣстьями, напр., пожалованнымъ ему селомъ Кимрами, конфискованнымъ у графини Екатерины Ивановны Головкиной, рожденной Ромодановской.

³⁾ 5 сестеръ—дѣвцы Энгельгардъ.

Съ восхищеніемъ о ея красотѣ отзывались Сегюръ, князь Циціановъ и извѣстная художница Виже-Лебрень, которая писала: „La comtesse était douce et jolie, comme un ange“ ¹⁾.

Отъ брака Павла Мартыновича съ Екатериной Васильевной были дочери Марія Павловна ²⁾ и Екатерина Павловна.

Со смертью Павла Мартыновича, занимавшаго постъ русскаго посланника въ Неаполѣ, угасло потомство графовъ Скавронскихъ по мужской линіи.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти (въ 1798 г.) вдова его вышла замужъ за графа Юлія Помпеевича Литту (1765—1839) ³⁾. По случаю этого брака Державинъ посвятилъ новобрачной стихи. Поэтъ восклицаетъ:

„Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
 „Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
 „Что вѣкъ тобой мнить наслаждаться:
 „Тотъ долженъ искренно признаться,
 „Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

Графиня Екатерина Павловна Скавронская (сконч. въ 1857 г.) въ 1-мъ бракѣ была за героемъ Отечественной войны 1812 г.— княземъ Петромъ Ивановичемъ Багратиономъ, а во 2-мъ за лордомъ Гоуденъ. Оба эти брака были бездѣтны.

Графиня Марія Павловна Скавронская также была замужемъ дважды. 1-й разъ она вышла за графа Павла Петровича Фонъ-деръ-Паленъ (род. 7 іюля 1775 г., сконч. 9 февр. 1834 г.), сына того Палена, который былъ душою заговора, стоившаго жизни Императору Павлу ⁴⁾. Влюбленный въ гр. Марію Павловну и встрѣтивъ несочувствіе со стороны ея родныхъ, лихой кавалерійскій генералъ ⁵⁾ похитилъ красавицу, обвинчался съ

¹⁾ „Графиня была добра и прелестна какъ ангелъ“. Въ 1790 году Виже-Лебрень написала настьлю ея портретъ. Гравюра съ него (работы Р. Моргенъ) находится въ собраніи Вел. Кн. Николая Михайловича.

²⁾ Гр. Е. В. Скавронская со старшей дочерью Маріей Павловной изображена на портретѣ, писанномъ Анжеликой Кауфманъ (1741—1807).

³⁾ Его портретъ кисти англійскаго художника, принадлежавшій покойному Вел. Кн. Владиміру Александровичу, былъ на выставкѣ русскихъ портр. XVIII-го вѣка въ 1905 г. въ Таврическомъ Дворцѣ.

⁴⁾ Гр. Петръ Алексѣевичъ Фонъ-деръ-Паленъ (род. 17 іюля 1745 г., сконч. 13 февр. 1826 г.) въ 1801 году состоялъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

⁵⁾ Въ Отечественную войну 1812 г. онъ причинялъ французамъ жестокой вредъ внезапными палетами на нихъ со своей кавалеріей во время отступленія великой арміи.

нею и невольно заставилъ ее вести кочевой образъ жизни, передвигаясь на походѣ за кавалерійской частью, которой онъ командовалъ.

Отъ этого брака въ 1803-мъ году, въ простой крестьянской избѣ, родилась Юлія Павловна графиня Фонъ-деръ-Паленъ, названная Юліей въ честь ея бабушки гр. Юліи Ивановны Фонъ-деръ-Паленъ (1751—1814) ¹⁾.

Юлія Павловна рано лишилась родительскихъ заботъ: уже въ 1804-мъ году ея родители развелись, мать вышла за гр. Адама Петровича Ожаровскаго, а отецъ вступилъ во 2-й бракъ съ Аграееной Ивановной Лермонтовой, рожденной Орловой (сконч. въ 1810-мъ году) ²⁾, а по ея кончинѣ и въ 3-й бракъ съ Екатериной Васильевной Орловой (сконч. въ 1853-мъ году). Юлія Павловна воспитывалась въ домѣ бабушки, граф. Екатерины Васильевны Скавронской. Графъ Литта, не имѣя дѣтей, сердечно къ ней привязался и питалъ истинно отцовскія чувства; онъ завѣщалъ ей все свое громадное состояніе, часть котораго передалъ ей еще при жизни, когда она, будучи фрейлиной, въ 1825-мъ году вышла за флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова.

Мужъ доводился ей дальнимъ родственникомъ, ибо его отецъ гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ (1744—1814)—Екатерининскій генераль-прокуроръ, приходился племянникомъ князю Потемкину, а любимой племянницей послѣдняго была бабушка гр. Юліи Павловны—гр. Екатерина Васильевна Литта (рожденная Энгельгардъ).

Гр. Н. А. Самойловъ началъ службу въ л.-гв. Преображенскомъ полку, затѣмъ состоялъ адъютантомъ командующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генерала Ермолова. 17-го августа 1821 г. онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта.

Жениха и невѣсту благословляли къ вѣнцу Императоръ Александръ I-й и Императрица Марія Ѳеодоровна, устроившая для молодыхъ въ Павловскѣ въ „Розовомъ Павильонѣ“ блестящій балъ.

Графъ Н. А. Самойловъ былъ красивъ, Юлія Павловна

¹⁾ Рожденная баронесса Шепингъ.

²⁾ Отъ этого брака было трое дочерей: Екатерина Павловна (замужемъ за княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Грузинскимъ), Елизавета Павловна (замужемъ за княземъ Дадіани) и Елена Павловна (замужемъ за Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ).

была „красива, умна, прелестна, обворожительно любезна“ ¹⁾ и тѣмъ не менѣе супруги недолго прожили вмѣстѣ. По словамъ однихъ современниковъ, причиною ихъ разлада была близость графини съ французскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Лафферона, по словамъ другихъ—съ Барантомъ-сыномъ; Тургеневъ говоритъ, что нѣкто А. Я. Мишковскій, управляющій ихъ имѣніями, войдя въ довѣренность къ графу Самойлову, сдѣлался его сотоварищемъ въ кутежахъ и въ то же время пріобрѣлъ особенно милостивое распоряженіе графини. Юлія Павловна на колѣняхъ умоляла мужа простить ее, но все было тщетно, и супруги разошлись.

Разставшись съ мужемъ, графиня одно время жила близъ Петербурга въ своемъ имѣніи „Графской Славянкѣ“, доставшемся ей изъ рода Скавронскихъ, гдѣ собирался цвѣтъ столичнаго общества. Императоръ Николай Павловичъ былъ недоволенъ постоянными собраніями въ Славянкѣ, и это дали понять графинѣ Самойловой. Юлія Павловна, говорятъ, отвѣтила: „Ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ Самойловой, и гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить“. Однако же Юлія Павловнѣ пришлось перебраться въ Петербургъ; здѣсь она начала кататься на Стрѣлку, на Елагинъ островъ, туда стали пріѣзжать ея поклонники, и затѣмъ эти катанія на Стрѣлку вошли въ моду.

1832-й годъ графиня провела въ Италіи. Въ Римѣ она встрѣтила знаменитаго художника Карла Павловича Брюллова ²⁾, питавшаго къ ней чувства болѣе нѣжныя, чѣмъ дружба. Въ то время Брюлловъ страдалъ меланхоліей и терзался нравственными муками ³⁾. Юлія Павловна сумѣла быстро развеселить художника; онъ съ увлеченіемъ написалъ съ нея нѣсколько великолѣпныхъ портретовъ, про одинъ изъ которыхъ Бутурлинъ говоритъ: „Самойлова изображена во весь ростъ сходящей съ лѣстницы Миланскаго театра съ маскою въ рукѣ, къ ней прижимается ея прелестная воспитанница Джіованина въ костюмѣ гречанки“ ⁴⁾. На другомъ портретѣ графиня обни-

¹⁾ По словамъ Августѣйшаго историка Вел. Ки. Николая Михайловича, „elle était belle, intelligente, charmante, aimable à ravir“.

²⁾ К. П. Брюлловъ 1799 - 1852.

³⁾ Увлеченная имъ, а послѣ отвергнутая италіянка бросилась въ рѣку и погибла.

⁴⁾ Портретъ передавъ изъ Царскосельскаго Александровскаго дворца въ Музей Императора Александра III-го въ С.-Петербургѣ, XXII-й залъ № 1556.

маетъ лѣвою рукою свою другую воспитанницу Амадилію Пачини, а правою рукою передаетъ арапченку шаль; къ графинѣ ласкается собачка ¹⁾. На третьемъ портретѣ графиня въ видѣ амазонки ²⁾. Наконецъ, она изображена Брюлловымъ на первомъ планѣ на лѣвой сторонѣ картины. „Послѣдній день Помпей“ ³⁾.

Между тѣмъ друзья Самойловыхъ стремились примирить супруговъ, и, повидимому, ихъ старанія должны были увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ графиня сдѣлала распоряженіе приготовить Славянку къ пріѣзду ея и графа. Но... судьба судила иначе: графъ скончался 23-го іюля 1842 г., за нѣсколько дней до пріѣзда въ Славянку и до примиренія съ женою ⁴⁾. Съ его смертію пресѣкъся родъ графовъ Самойловыхъ: онъ былъ послѣдній въ родѣ и не имѣлъ дѣтей.

Юлія Павловна была глубоко опечалена кончиной мужа; однако ея живой, веселый характеръ сказывался и въ эти тяжелые дни: слезы чередовались со смѣхомъ. „Въ Петербургѣ никто не повѣритъ, какъ мнѣ грустно“, жаловалась графиня своимъ хорошимъ знакомымъ, а черезъ минуту она же съ громкимъ смѣхомъ бѣгала вокругъ стола, возя на обшитомъ плезами огромномъ шлейфѣ траурнаго платья своихъ друзей — маленькихъ дѣтишекъ.

Послѣ смерти мужа Юлія Павловна жила въ Италіи. Въ Миланѣ она имѣла свой дворецъ, а въ Ballagio ⁵⁾ дачу—villa Giulia. Здѣсь собирались литераторы, художники и музыканты; графиня была въ дружбѣ съ композиторами Россини, Беллини, Доницетти.

Въ 1846 г., при проѣздѣ графини черезъ одинъ маленькій итальянскій городъ, у нея сломался экипажъ и ей невольно пришлось задержаться въ пути. Случайно она узнала, что вечеромъ въ мѣстномъ театрѣ шла „Лючія“. Въ театрѣ графиня влюбилась въ дебютировавшаго тенора—замѣчательнаго красавца съ грустнымъ выраженіемъ лица; черезъ нѣсколько дней

¹⁾ Принадлежитъ г. Гинцбургу въ г. Кіевѣ. Былъ на историко-художественной выставкѣ русскихъ портретовъ въ 1905 г. въ Таврическомъ Дворцѣ.

²⁾ Въ Третьяковской галлерей (въ Москвѣ). Во 2-й комнатѣ (вверху) № 124. На портретѣ дата—1832 г.

³⁾ Въ Музеѣ Императора Александра III. Залъ XXIV-й.

⁴⁾ 21-го іюня 1827 г. онъ былъ, „за болѣзнью“, уволенъ въ отставку полковникомъ.

⁵⁾ На озерѣ Комо.

она вышла замужъ за этого итальянца, и графиня Самойлова превратилась въ синьору Пери (Péru) ¹⁾.

Лишившись русскаго подданства, Юлія Павловна была принуждена продать свои многочисленныя помѣстія въ Россіи и въ томъ числѣ свою любимую Славянку. Вотъ разсказъ современника, графа Корфа о продажѣ Славянки: „графиня Самойлова, пользовавшаяся большой, но не совсѣмъ лестной репутаціей, по смерти перваго мужа, вышла вторично за границу за иностранца, что лишило ее русскаго подданства и заставило продать недвижимыя имѣнія, въ томъ числѣ и „Графскую Славянку“, имѣніе истинно царское. Николай I-й велѣлъ немедленно купить ее, но покупка не состоялась, и графъ Воронцовъ купилъ имѣніе. Тогда Государь велѣлъ немедленно купить Славянку тѣмъ болѣе, что онъ, какъ родственникъ (по Скавронскимъ), имѣлъ право выкупа“.

Недолго пользовалась Юлія Павловна супружескимъ счастьемъ во 2-мъ бракѣ: въ томъ же 1846-мъ году Пери умеръ въ Венеціи отъ чахотки. Тѣло его въ гробу было выставлено въ соборѣ Св. Марка (San Marco), а затѣмъ погребено въ Парижѣ на кладбищѣ Pere Lachaise.

На письменномъ столѣ Юліи Павловны стояли портреты гр. Самойлова и г. Пери; она часто любила сравнивать ихъ красоту, все же отдавая предпочтеніе итальянцу.

Потеря графскаго титула огорчила Юлію Павловну. Живя въ имѣніи Груссэ (Groussay) близъ Парижа и располагая громадными средствами, она купила графскій титулъ, выйдя въ 1863 г., шестидесяти лѣтъ отъ роду, за раззорившагося французскаго дипломата графа Карла де Морнэ (de Morneau), шестидесяти четырехъ лѣтъ. Тотчасъ послѣ свадьбы новобрачные разѣхались, и Юлія Павловна должна была ежегодно выплачивать своему супругу огромную субсидію, что пагубно отразилось на ея благосостояніи.

Несмотря, однако, на разныя перемѣны своей фамиліи, Юлія Павловна до конца своей жизни подписывалась „Юлія Самойлова“.

Своихъ дѣтей у Юліи Павловны никогда не было; но, любя дѣтей, она постоянно заботилась о приемышахъ-дѣвочкахъ. Такъ, у нея были приемныя дочери: Джіованина, выданная ею

¹⁾ Въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ въ статьѣ „Скавронскіе“ и въ статьѣ Вл. Михневича „Семейство Скавронскихъ“ („Историческій Вѣстникъ“ 1885 г. февр., мартъ и апрѣль) неправильно указано, что вторымъ мужемъ Юліи Павловны былъ „французскій докторъ Перри“.

замужъ и снабженная большимъ приданымъ, и Амадія Пачини—дочь композитора, написавшаго оперу „Сафо“.

Юлія Павловна, послѣдняя въ родѣ Скавронскихъ, унаслѣдовавъ выдающуюся красоту своей бабушки графини Екатерины Васильевны, сосредоточила въ своей личности хорошія черты характера своихъ предковъ: подобно прадѣду—Мартыну Карловичу, она была добра, отзывчива и проста въ обращеніи съ окружающими людьми, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Крестьяне Славянки обожали свою „графинюшку“, какъ они ее называли. Она часто посѣщала ихъ избы и охотно принимала приглашенія на пироги и т. п. Она щедро благотворила бѣднымъ: пенсіи, награды и пособія текли обильнымъ ручьемъ. Подобно дѣду—Павлу Мартыновичу, она широко покровительствовала искусствамъ. Портретъ ея прилагается къ настоящей статьѣ.

Юлія Павловна скончалась въ Парижѣ 19 марта 1875 г. и, по завѣщанію, погребена на кладбищѣ Pere Lachaise въ одномъ склепѣ съ тѣмъ, кого она такъ страстно любила—съ итальянскимъ пѣвцомъ Пери. Подъ конецъ жизни она разстроила свое огромное состояніе и умерла въ сравнительно скромной обстановкѣ.

Кромѣ вышперечисленныхъ портретовъ работъ Брюллова извѣстны слѣдующіе портреты Юліи Павловны: портретъ кисти англійскаго художника, изображающій ее маленькой дѣвочкой ¹⁾; портретъ работы Греведона ²⁾, акварель Босси (1835 г.) ³⁾; наконецъ, миниатюра, изображающая графиню въ старости ⁴⁾.

В. А. Бернадскій.

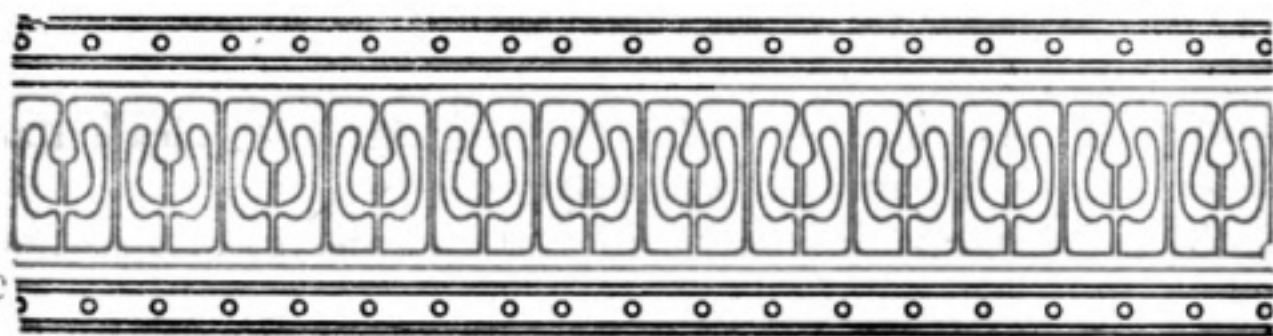

¹⁾ Собственность гр. М. Браницкой.

²⁾ 1830 г. Собр. Е. Е. Рейтерна. Былъ на выставкѣ женскихъ портретовъ кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій 1911 г.

³⁾ Собственность кн. А. А. Куракина.

⁴⁾ Собственность Вел. Кн. Николая Михайловича.

Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѡ. Г. Головкина.

Принцъ Нассау-Зигенъ ¹⁾.

Принцъ Нассау-Зигенъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ авантюристовъ эпохи, предшествовавшей французской революціи, во время которой онъ продолжалъ играть ту же роль съ большимъ для себя успѣхомъ.

Незаконный сынъ челоѡка, который долженъ былъ публично признать себя отцомъ его, принцъ священной римской имперіи, какъ говорили въ то время, милостію парижскаго парламента и Императрицы Всероссійской, Нассау-Зигенъ впервые появился при Версальскомъ дворѣ, отличаясь прекрасной рыцарской наружностью, рѣдкой осторожностью въ интригахъ и замѣчательною молчаливостію. Это сначала придавало ему видъ скромнаго и разсудительнаго челоѡка и въ продолженіе долгаго времени скрывало его глубокое невѣжество. Я говорю „глубокое“, потому что онъ не умѣлъ ни писать, ни считать, не зналъ, гдѣ находятся мѣстности, въ которыхъ онъ самъ не былъ и почти не умѣлъ читать писанное.

Осада Гибралтара была началомъ военной его дѣятельности, но онъ при этомъ надѣлалъ массу ошибокъ, хотя за нимъ

¹⁾ Принцъ Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ (р. 1743, † 1808 г.), адмиралъ, приглашенный на русскую службу Императрицей Екатериной II, прославился своими дѣйствіями противъ турецкаго флота, какъ сподвижникъ Потемкина, при осадѣ Очакова. Вызванный въ Петербургъ для начальствованія гребнымъ флотомъ въ войнѣ Дании со шведами, принцъ Нассау-Зигенъ сначала имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ со шведскимъ флотомъ, но вслѣдъ затѣмъ, по собственной неосторожности потерпѣлъ пораженіе при Свекзундѣ въ самомъ концѣ войны, закончившейся Верельскимъ миромъ. Послѣ этого Нассау-Зигенъ оставилъ Россію.

осталась репутація храбраго и мужественнаго человѣка. Со времени Американской войны онъ находился постоянно подъ ружейными выстрѣлами, а промежутки между ними были наполнены смѣлыми искательствами, результаты которыхъ были всегда для него выгодны — я говорю о наградахъ и пенсіяхъ. Поэтому онъ всегда пользовался положеніемъ очень богатаго человѣка, не владѣя ни пядью земли. Онъ былъ въ одно и то время генераль-лейтенантомъ во Франціи и Испаніи и вице-адмираломъ въ Россіи.

Вездѣ милость, которой онъ пользовался, и довѣріе, которое, казалось, ему оказывали, возбуждали къ нему зависть, но вездѣ его холодная осанка и благородный видъ мѣшали открыто нападать на него. Онъ получалъ большое жалованье и подарки, но проживалъ все и, держа домъ на широкую ногу, бывалъ часто наканунѣ полнаго банкротства. Я былъ очень друженъ съ нимъ, потому что это былъ настолько же честный, насколько и ограниченный человѣкъ; я позволю себѣ сказать, что я часто пользовался его услугами, такъ какъ онъ былъ очень отзывчивъ. Хотя онъ былъ несчастенъ въ своихъ предпріятіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ пользовался въ Россіи почетнымъ и блестящимъ положеніемъ, потому что Екатерина II его поддерживала, вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Онъ былъ начальникомъ Черноморскаго и Балтійскаго флотовъ, велъ очень важные переговоры, получилъ голубую ленту и большой крестъ ордена Св. Георгія, но кончилъ такъ же плохо и въ Россіи, какъ въ другихъ странахъ. Послѣ отъѣзда изъ Россіи принцъ Нассау-Зигенъ поселился въ Венеціи во дворцѣ Logedan, названіе котораго соблазнило его больше, чѣмъ сама мѣстность. Онъ устроилъ здѣсь пѣчто въ родѣ убѣжища для эмигрантовъ, гдѣ каждый платилъ или служилъ, смотря по своимъ средствамъ. Я самъ пробылъ у него тамъ 2 мѣсяца, когда, возвращаясь изъ Неаполя въ Россію, я хотѣлъ выждать время, чтобы узнать причины своего отозванія.

Бѣдные принимались здѣсь безъ всякаго затрудненія и ничего не платили. Принцесса Нассауская отлично ихъ принимала; но пора поговорить о ней.

Она была полькой по фамиліи Готска ¹⁾, разведенная съ княземъ Сангушко, и какъ мнѣ кажется, еще съ однимъ; она была прекрасна и была въ восхищеніи, что имѣла возможность

¹⁾ Шарлотта Гоудзка по *біографіи Дидо*. — Гриммъ называетъ ее также Годска и очень хвалитъ ее, см. „Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“ Т. XLIV, 157.

соединить свою судьбу съ судьбою короля авантюристовъ. Она была образована, благоразумна, сговорчива или дерзка, смотря по настроенію или обстоятельствамъ, но была большой лгуньей. По возвращеніи ея въ день Пасхи изъ церкви св. Марка, мы ради шутки спросили ее, о чемъ проповѣдывали въ церкви. „Объ астрономіи“. Можно себѣ представить наше удивленіе! — „Какъ, объ астрономіи? въ день Пасхи?“ — „Да, объ астрономіи“. И вотъ она импровизируетъ цѣлую прекрасную рѣчь. „Ужасно такъ лгать послѣ причастія, значительно сказалъ ей епископъ de Lombes¹⁾, но пужно предположить, что проповѣдь, сказанная вами, вѣроятно, лучше той, которую вы выслушали“. Но ее ничто не приводило въ смущеніе. Во время шведской войны, стоившей столькихъ слезъ Россіи, послѣ печальной битвы при Свекзундѣ, во время которой погибло 12 тысячъ человѣкъ, казна, знамена, всѣ галеры и я не знаю сколько фрегатовъ, когда мужъ ея велъ себя, какъ герой, она легкомысленно говорила: „Я не знаю, о чемъ кричать и шумять эти русскіе скоты, ...во всемъ этомъ я вижу только славу принца Нассаускаго“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, она страстно хотѣла быть статсъ-дамой и сильно домогалась этого отличія. Екатерина, соблюдавшая приличія, находила, что эта милость, какъ бы она ни была высока въ Россіи, была ниже женщины, мужъ которой былъ членомъ владѣтельнаго дома; она пыталась дать ей понять это, но безуспѣшно. Желая быть любезной къ принцессѣ, Императрица искала средство удовлетворить ее, не нарушая обычаевъ, и рѣшила послать ей свой портретъ во весь ростъ—весьма рѣдкое отличіе—и драгоценности, стоившія не менѣе тѣхъ брилліантовъ, которые окружали маленькій портретъ, носимый на груди статсъ-дамами. Но принцесса страшно разгнѣвалась, говоря, что съ ней обращаются, какъ со старымъ посломъ или съ женщиной, пріѣхавшей кланяться. Екатерина въ своемъ безграничномъ великодушіи и желая успокоить ее, на другой день во время парада, подошла къ принцессѣ и спросила ее: „Вы уже выбросили мой портретъ черезъ окно?—Нѣтъ еще“, былъ отвѣтъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта дерзость на дворъ, преклонившійся предъ Государыней. Я не знаю, посоветовали ли принцессѣ Нассауской или ей приказалъ ея мужъ, котораго она боялась, только черезъ нѣсколько дней она уѣхала въ Польшу.

¹⁾ Александръ-Генрихъ де *Шовиньи де Бло* род. 11 января 1751 г., посвященъ въ епископы Ломбеца (Геръ) 30 марта 1788 г.

Иногда у нея были довольно смѣшныя выходки. Она встрѣтилась въ Спа съ Густавомъ III. Король этотъ, зная, что женщины не могутъ его любить, сталъ высказывать ей необузданную страсть. Однажды, когда онъ бросился къ ея ногамъ, говоря, что умереть, если она не отдастся ему, она сказала: „Какъ, ваше величество, вы можете думать, что я васъ не люблю! Между тѣмъ вы имѣете самое убѣдительное доказательство — я васъ не люблю такъ, чтобы вамъ отдаться“.

Во время своего пребыванія въ Венеціи, принцъ Нассаускій, утомленный праздностью, захотѣлъ снова попытать счастья на службѣ въ Испаніи. Въ Барселонѣ его заставили долго ждать разрѣшенія отправиться въ Мадридъ, но когда онъ его получилъ, никто тамъ не хотѣлъ его принимать. Послѣ многихъ хлопотъ ему приказали быть въ манежѣ въ то время, когда извѣстный князь мира (Годой) будетъ кататься верхомъ. Онъ поспѣшилъ быть тамъ; фаворитъ его не замѣтилъ; королева холодно спросила его, видалъ ли онъ когда-нибудь болѣе прекраснаго кавалера. Несчастный принцъ клялся, что онъ никогда не могъ даже представить себѣ что-нибудь болѣе совершенное. Все-таки на другой день онъ получилъ приказаніе оставить Испанію.

Между тѣмъ, принцесса Нассауская только-что получила въ наслѣдство отъ своего брата Готскаго земли въ Польшѣ. Ея пылкое воображеніе подсказывало ей такіе способы употребленія состоянія, которые она сама лишь была способна осуществить. Нарушили контрактъ съ владѣльцемъ дворца Loge-dan, эмигранты разбрелись кто куда, остановились въ Вѣнѣ, чтобы развѣдать почву, но она показала имъ неблагодарной, и тогда отправилась въ помѣстья ихъ высочествъ. Первымъ дѣломъ принцессы въ этихъ помѣстьяхъ было отнять у крестьянъ земли которыми они пользовались и на нихъ насадить..., но я боюсь, что меня заподозрятъ въ подражаніи рассказамъ принцессы. Тѣмъ не менѣе, нужно упомянуть объ этомъ, такъ какъ это извѣстно: она употребила всѣ земли подъ посѣвъ лаванды, сѣмена которой съ большими издержками были выписаны изъ Франціи. Собирались захватить въ свои руки всю торговлю лавандовой водой на всемъ сѣверѣ и востокѣ. Балтійское и Черное море должны были покрыться судами, нагруженными благовонными товарами, и милліоны должны были стекаться со всѣхъ сторонъ...

Въ самый разгаръ этого прекраснаго дѣла принцесса внезапно умерла, а принцъ, поѣхавшій въ Парижъ узнать, не на-

значить ли его старый товарищъ по хитростямъ, Талейранъ, имперскимъ маршаломъ, вернулся обратно, успѣвши только быть свидѣтелемъ на свадьбѣ бывшаго Отенскаго епископа съ одной содержанкой ¹⁾).

Онъ сталъ понемногу сходить съ ума, и дѣло дошло до того, что этотъ столь важный человекъ, съ виду такой разсудительный, сохранившій рыцарскія манеры, умеръ въ старинномъ придворномъ женскомъ платьѣ, въ фижмахъ, въ лентахъ, спускавшихся съ его сѣдой головы, и съ шлейфомъ, поддерживаемымъ двумя пажамъ въ парадной ливреѣ. Отъ этого незаконнорожденного существа остались тоже только незаконнорожденные дѣти, изъ которыхъ одна вышла замужъ за *d'Арриона*, сдѣланнаго пэромъ въ то время, когда Деказь вздумалъ унизить во Франціи палату пэровъ. *Sic transit gloria mundi!*

И разскажу еще одинъ случай изъ жизни принца, потому что онъ мнѣ кажется замѣчательнымъ.

Принцъ Нассаускій, отправленный Императрицей къ графу д'Артуа, находившемуся въ Веронѣ, просилъ меня рекомендовать ему довѣреннаго секретаря. Я вспомнилъ объ одномъ молодомъ эльзасцѣ—первомъ приказчикѣ и любовникѣ одной французенки-интриганки, превратившейся послѣ многихъ приключеній въ продавщицу модъ и просившей меня пристроить его куда-нибудь.

Принцъ принялъ его безъ колебаній и нашелъ въ немъ много талантовъ; но ихъ отношенія сложились совсѣмъ не такъ, какъ у прочихъ людей. Обыкновенно, посолъ пишетъ черновую, которую затѣмъ переписываетъ секретарь начисто; здѣсь же посолъ диктовалъ, секретарь исправлялъ слова посла, и тогда уже принцъ съ трудомъ переписывалъ черновую, которую онъ часто не умѣлъ читать... Этотъ секретарь, вытасченный изъ-за прилавка, казавшійся мнѣ сперва только большимъ нѣмецкимъ мальчикомъ, сталъ господиномъ д'Анстетъ, ²⁾), полночнымъ министромъ Императора Александра въ самыхъ важныхъ случаяхъ, имѣвшимъ красную ленту, однимъ словомъ, особой, которую Бонапартъ ненавидѣлъ до смерти и объявилъ своимъ поданнымъ. Его порокъ — пьянство высказался однажды довольно странно.

¹⁾ Это было послѣ установленія во Франціи имперіи Наполеона.

²⁾ Анстетъ, Ив. Осип. д. т. с. † 1835 г. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1789 г. и въ этомъ же году былъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго.

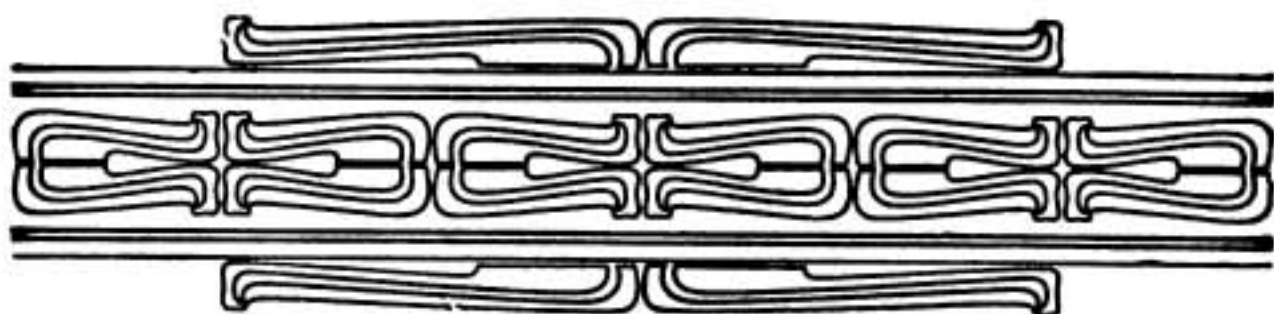
Присутствуя на церемоніи, во время которой лордъ Абердинъ принималъ Императора Александра—кавалера ордена Подвязки ¹⁾, и будучи пьянъ, онъ сталъ говорить громко во время богослужебной тишины: „Какой фарсъ!“ Императоръ, который бытъ можетъ раздвлялъ его мнѣніе, ограничился приказомъ, чтобы впредь не совѣщались о дѣлахъ съ его частнымъ секретаремъ д'Анстетомъ послѣ обѣда.

Тогда любили выскочекъ; настоящій баринъ затерялся между ними.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

¹⁾ Это произошло во время поѣздки Императора Александра въ Англию въ 1815 году.

Дневникъ И. М. Снегирева.

Дневникъ московскаго профессора и цензора Ивана Михайловича Снегирева (род. 23 апрѣля 1793 † 9 декабря 1868) обнимаетъ время за 1821—1865 гг. Рукопись его почти вся въ свое время поступила въ собственность покойнаго собирателя А. А. Титова, который и напечаталъ ее въ „Русскомъ Архивѣ“, кромѣ недостававшихъ у него тетрадей за 1826—1833 гг. Часть этихъ „выпавшихъ“ записей нашлась въ библиотекѣ тоже нынѣ покойнаго М. И. Пыляева,— обстоятельство, оставшееся неизвѣстнымъ А. А. Титову. Послѣ смерти М. И. Пыляева одинъ только дневникъ Снегирева—съ іюня 1825 г. по 1828 г. включительно—былъ приобрѣтенъ извѣстнымъ петербургскимъ библиофиломъ, не такъ давно сошедшимъ въ могилу. Куда дѣвались тетради дневника періода 1829—1833 гг.,—вопросъ, пока остающійся безъ отвѣта.

Личность И. М. Снегирева и его роль въ исторіи нашей науки и общественности достаточно освѣщены въ литературѣ и говорить объ этомъ лишній разъ едва-ли нужно. Его дневники, веденные съ щепетильною аккуратностью и рѣдкою откровенностью, крайне характерны для обрисовки „всей Москвы“ первой половины прошлаго столѣтія. Предлагаемая читателямъ „Русской Старины“ страницы любопытны отраженіемъ общественнаго настроенія „старой столицы“ на переломѣ двухъ эпохъ—„Александровской“ и „Николаевской“, историческою вѣхою между которыми явилось 14 декабря 1825 г.

В. Андерсонъ.

Іюнь. 1825 г.

16. Я служилъ въ своемъ приходѣ панихиду по батюшкѣ; потомъ былъ на лекціи своей въ Универс. Зашелъ къ Я. Е. Арсеньеву ¹⁾, котораго нашелъ лучше и веселѣе прежняго: я читалъ ему переписку Филарета съ Серафимомъ насчетъ Катихизиса; отъ него прошелъ къ Боборыкиной, училъ и обѣдалъ, потомъ къ кн. Черкасской ²⁾. Внесъ за свой чинъ 102, росписавшись у казначея Универс.

17. Получилъ при письмѣ отъ Броневскаго изъ Тулы его рукопись: 1 ч. *Письма морского офицера* ³⁾; послѣ обѣда занимаюсь музыкою и логикою. Утромъ послалъ къ генералу Писареву ⁴⁾ его книгу Историческую Академію, свою книгу: *Извѣстія Академ. и письмо къ Филарету* о присланныхъ имъ лѣтописцахъ въ истор. общ.

18. Подписалъ прочитанныя мною рукописи: Бронев. пер. *Единбургская тюрьма* ч. 1 ⁵⁾ и *полный тѣсенникъ*, въ 3 част. 2 изд. По дорогѣ заѣхалъ въ Петровскій монастырь къ празднику Боголюбской Богородицы, потомъ въ лавку Ширяева, который звалъ меня къ себѣ, наконецъ въ универс. на свою лекцію, на коей былъ для продолженія экзамена професс. Чумаковъ ⁶⁾. Послѣ урока у Боборыкиной зашелъ я къ Я. Е. Арсеньеву, который звалъ меня съ собою въ Ярославль: я отвѣчалъ, что боюсь, чтобы ему не быть въ тягость—впрочемъ посоветуюсь съ маменькою и своими обстоятельствами. Обѣдалъ и урокъ давалъ у кн. Черкасской.

19. Послѣ урока въ воспитательномъ домѣ былъ у тетушки Е. П., отъ нея въ дождикъ домой. Отдохнувъ послѣ обѣда, занимаюсь съ Чулковымъ музыкою и логикою. Потомъ пошелъ

¹⁾ Яковъ Евграфовичъ Арсеньевъ, умеръ въ чинѣ д. с. с. 9 августа 1839 года.

²⁾ Марія Васильевна Боборыкина, мать поэта Николая Николаевича Б—на, р. 12 іюля 1776 г., ум. 15 іюня 1860 г.

³⁾ Владиміръ Богдановичъ Броневскій (1784—1835), морской писатель; изданъ въ Москвѣ, въ 1826 г., *Письма морского писателя*.

⁴⁾ Генералъ-лейтенантъ Александръ Александровичъ Писаревъ, род. 16 авг. 1780 г., ум. 23 іюня 1848 г. Занималъ одно время должность попечителя Московскаго университета.

⁵⁾ Работа, повидимому, осталась ненапечатанною. Въ 1825 г. дѣйствительно вышелъ въ Москвѣ переводъ „Единбургской темницы“, но онъ подписанъ буквами „А... З... г.“.

⁶⁾ Фѣдоръ Ивановичъ Чумаковъ, проф. математики, р. 24 декабря 1782 г., ум. въ 1837 г.

къ Полевому ¹⁾ и провелъ съ нимъ вечеръ въ разговорахъ о литер. и литер. сплетняхъ. Полевой говор., что я очень смѣлъ въ пропускѣ книгъ и будто вошелъ въ славу, которой бы и не желалъ: замѣтилъ мнѣ одно мѣсто изъ пропущенной мною книги *два Ивана*, гдѣ будто осмѣивается священнослужитель. Я предоставлялъ это читать г-пу Ректору, и онъ ничего не сказалъ противъ этого.

20. Съ утра дождь. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ дома и занимался чтеніемъ журналовъ: получилъ извѣстіе, что пріятель мой стат. совѣтн. Дм. Алекс. Бороздинъ скончался 1 д. іюня.—Былъ кн. Одоевской ²⁾ съ предложеніемъ не пропускать ст. Шелехова въ Мнем. 4: ³⁾ онъ живетъ на преснен. прудахъ въ домѣ кн. Одоевскаго.

Пилать Бѣлугинъ—вотъ прекрасное названье!
Хотите ль знать, друзья, ему истолкованье?
Свой своему вѣдь по неволѣ братъ
Бѣлуга Дмитріевъ, а Писаревъ Пилать.

Насчетъ предложенія кн. Одоевскаго не пропускать въ Мнем. статьи Шелехова я отвѣчалъ, что не иначе на это согласусь, какъ по замѣчанію Ценз. Комит. Вмѣстѣ съ кн. Одоевск. поѣхали ко всеобщей на Троиц. Подв., отстоявъ ее, распростились.

21. Поутру написалъ письмо къ М. Ф. Телепневой. Пріѣзжалъ проститься Е. П. Телепневъ, отъѣзжающій въ Орелъ. Со Л. А. Цвѣтаевымъ ⁴⁾ ѣздилъ на обѣдъ, званый къ Ширяеву ⁵⁾, у коего былъ также Дружининъ ⁶⁾, Мерзляковъ ⁷⁾, Давыдовъ ⁸⁾. За столомъ Давыд. говорилъ, что приготовительные классы не нужны: Л. А. и А. О. его опровергнули.

¹⁾ „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“, Василія Паритнаго. 3 части, М. 1825 г.

²⁾ Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

³⁾ Статьи этой въ „Мнемозинѣ“ нѣтъ.

⁴⁾ Профессоръ по кафедрѣ „правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ“ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, ум. 7 февр. 1835 г.

⁵⁾ Книгопродавецъ Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ, ум. въ 1841 г.

⁶⁾ Петръ Михайловичъ Дружининъ, директоръ училищъ Московской губерніи, ум. 20 іюля 1827 г.

⁷⁾ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, проф. поэзи и краснорѣчія, р. 1778 г., ум. 26 іюня 1830 г.

⁸⁾ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, засл. проф. русской словесности, потомъ предсѣдатель второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, р. 15 іюня 1794 г., ум. 15 ноябля 1863 г.

22. Былъ на выносѣ тѣла Дм. Алекс. Боровдина; оттуда проѣхалъ въ универс. на экзам. Етико-Полит. отдѣленія, на коемъ былъ и Филаретъ съ Викариємъ, и дѣлалъ самъ вопросы изъ богословіи и св. исторіи, объяснялъ превращеніе лотов. жены въ соляной столбъ и вынесеніе Еноха естественнымъ образомъ, говоря также, что виноградъ до потопа не былъ пьянъ.

23. Былъ на экзаменѣ своемъ изъ лат. класса въ В. Д.: отвѣчали порядочно. Съ универс. лекціи я проѣхалъ къ Бобарыкиной; отъ нея къ Л. А. Цвѣтаеву на именины супруги его; обѣдалъ: гостей было много и весело; Канту не совѣтывалъ мнѣ пить чай. М-ель Софія Тикверк. подарила мнѣ двѣ розы. Протоп. Иванъ Дмитр. разсказывалъ анекдоты о Платонѣ, о знакомствѣ его съ Дмитр. Сѣменовымъ, о гнѣвѣ Императора Павла I на него. Анна Алекс. ¹⁾ вызвалась мнѣ сватать невѣсту; а Аграфена Нерон. сказала, что Ив. Мих. женихъ вездѣ и нигдѣ. За ужиномъ разговаривали о пословицахъ, служившихъ законами: тоже что *обычаи* предковъ у римл. Киселевъ замѣтилъ пословицу: „При овцахъ онъ слыветъ въ молодцахъ, а при молодцахъ онъ овца“ (говоря о Груст.) Фехтмейстеръ въ Москвѣ Мортъе изнасиловалъ своихъ двухъ дочерей и по доносу жены своей теперь судится. Ивашковскій ²⁾ сказывалъ, что при Новиковѣ издана книжка съ переводами изъ Арго, гдѣ есть толкованіе нѣкоторыхъ русск. пословицъ. Разѣхались за полночь.

24. Ѣздилъ поздравить И. П. Давыд. съ чиномъ и вмѣстѣ съ нимъ слушалъ обѣдню въ Пансіонѣ. Слышалъ отъ него, что 23 іюня въ Срѣт. монаст. чуть было Филарета не ушибло упавшею оконницей, когда онъ подошелъ къ жертвеннику взять сосуды. Обѣдалъ у П. М. Иракліонова.—Вечеру у меня были кн. Н. Г. Вяземскій ³⁾ и В. Б. Броневскій—разсуждали о воспитаніи юношества и духѣ противорѣчія, нынѣ господствующемъ въ юношествѣ—просили меня о своихъ книгахъ.

25. Былъ у кн. Вяземскаго и познакомился съ зятемъ его Болтинымъ; первый поручилъ мнѣ прочесть его переводъ *новѣйшія путешествія*; другой спрашивалъ о компт. экзаменѣ. Послѣ универс. лекціи заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, у коего засталъ Дмит. Мих., разговоръ зашелъ объ *убоихъ домахъ*, на кои св. Дмитрій Рост. завѣщевалъ отнести себя послѣ смерти

¹⁾ Анна Алексѣевна Платонова.

²⁾ Семень Мартыновичъ Ивашковскій, проф. греческаго языка (1774—1850).

³⁾ Князь Николаѣ Григорьевичъ Вяземскій, сенаторъ (1769—1846).

въ своей *духовной*. Дмитр. Михайл. рассказывалъ, какъ ребята играли въ Красномъ селѣ близъ Тихвинской въ королѣ, и король велѣлъ одному принести съ убогаго дома мертвеца, и когда онъ же опять отнесъ на себѣ мертвеца, то тотъ такъ крѣпко обхватилъ его руками, что никакъ онъ не могъ освободиться до тѣхъ поръ, пока обѣщалъ покойника поминать во всю жизнь. Екатерина II проѣздомъ въ Москву послѣ мора, увидѣвъ убогій домъ и узнавъ о назначеніи его, запретила строить.

Послѣ урока по просьбѣ М. В. Б. обѣдалъ вмѣстѣ съ женою и зятемъ ея брата; отъ нея проѣхалъ къ кн. Черкасской, которая рассказывала, какъ въ Курскѣ нищіе, поймавши одного ребенка, изувѣчили его, подрѣзавъ жилы, чтобы, возбуждая имъ состраданіе въ прохожихъ, собирать болѣе денегъ.

26. Былъ на похоронахъ приходскаго нашего дьячка и сына Демидова,—и слышалъ вопль и рыданіе, которое потрясло мою душу. Оттуда на экзаменъ слов. отдѣленія въ универс.; сказалъ А. А. Антон. ¹⁾, что я намѣренъ ѣхать въ Ярославль, если позволятъ обстоятельства: онъ просилъ меня объ немъ помолиться, обѣщавъ дать билетъ. Экзаменъ Гаврилова ²⁾ показался мнѣ плохимъ; Давыдовъ хорошо спрашивалъ и худо ему отвѣчали, кромѣ двухъ или трехъ отличныхъ ³⁾. У Каченовскаго экзаменъ шелъ довольно хорошо. Съ Васильев. обѣдали у Давыдова; первый насъ смѣшилъ своими рассказами; предлагалъ издавать вмѣстѣ журналъ.

27. Утромъ занимался своими дѣлами; поѣхалъ въ универ., гдѣ получилъ письмо отъ архіеп. Псковскаго Евгенія и I тетр. *Жизни Платона* съ его примѣчаніями и отмѣтками. На экзаменѣ Лодера ⁴⁾ сказалъ это профес. Цвѣтаеву. Былъ у Сандунова ⁵⁾, читалъ ему письма Филарета къ Серафиму насчетъ Катихизиса; онъ выпросилъ списать до вторн. Въ 12 час. пошелъ въ свой классъ, гдѣ сверхъ обыкн. ожидали меня мои слушатели, съ коими я занимаюсь повтореніемъ логики до 3 час.: въ срединѣ

¹⁾ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, ректоръ Московскаго университета; годъ его рожденія неизвѣстенъ, умръ въ 1848 г.

²⁾ Магвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, проф. слав. языка и словесности (1759—1829).

³⁾ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, проф. исторіи, статистики и славянской литературы (1775—1842).

⁴⁾ Христіанъ Ивановичъ Лодеръ, проф. медицины (1753—1832).

⁵⁾ Николай Николаевичъ Сандуновъ, проф. уголовного и гражданскаго судопроизводства (1769—1832).

повторенія пріѣхалъ ко мнѣ на лекцію генералъ Арсеньевъ, съ коимъ вмѣстѣ повѣхалъ къ нему обѣдать и послѣ обѣда разговаривалъ съ его женою, очень умною и любезною, такъ равно и дочерью, очень милою и, повидимому, добродушною дѣвицею. Я рассказывалъ имъ анекдоты нравственнаго содержанія. Они отпустили меня на своихъ дрожкахъ съ сыномъ, кои изломались у самаго дома моего. Былъ у всенощной; подходилъ къ окошку Марфы Петр., чтобы утѣшить ее въ потерѣ сына.

28. Послѣ дождя прекрасное утро. Заходилъ Нефедьевъ съ Хрущевымъ, идучи въ Троиц. Лавру благодарить преп. Сергія за студенчество. Послѣ обѣдни въ своемъ приходѣ съ маменькою зашли къ Аннѣ Алекс. Платоновой на полчаса. Ѣздилъ въ Люблино и не засталъ хозяина; выкупался тамъ и погулялъ; проѣхалъ къ Гусеву—были мнѣ рады, давно меня не выдавши. Отъ нихъ къ частн. прист. Ивану Федоров. Полтаранову, который принялъ меня ласково; у него познакомился съ г. Верстовскимъ¹⁾, человѣкомъ очень умнымъ, и его зятемъ П. Н. Страховымъ, ученикомъ моего батюшки. Съ семействомъ хозяина и его гости гуляли въ Демидовомъ саду, очень пріятномъ и хорошо обдѣланномъ: онъ раздѣляется на голл., англійск. и русск.; мнѣ понравились пруды съ островками, галлерей и бесѣдки. Разговоръ былъ о вредномъ вліяніи Пушкина стиховъ на нравственность юношества, о блестящемъ вѣкѣ Екатерины II. Верстов. звалъ меня къ себѣ неотмѣнно—обѣщалъ. Послѣ веселаго ужина, въ 11 час. разѣхались.—Безъ меня былъ у меня кн. Н. Г. Вяземскій и кн. Трубецкой.

Іюль 1825 г.

1. Въ церкви Зачатія св. Анны въ приходѣ св. Екатерины, былъ крестнымъ воспріемникомъ у дьякона сей церкви, сына Сергія. Холодная церковь очень древняя изъ бѣлаго камня, возобновлена послѣ пожара Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, который далъ въ нее вкладу подсвѣчникъ и образъ своего ангела, см. *Степенную Книгу*. Иконостасъ древнѣе Успенскаго соб. Царь Алексій былъ возобновителемъ и вкладчикомъ въ стар. храмъ, въ коемъ четыре престола: 1, зачатіе св. Анны. 2, св. IX мученикъ, 3, св. мученика Мины, Виктора. 4, св. муч. Екатерины. Замѣчательно мѣдное паникадило, повидимому

¹⁾ Вѣроятно, композиторъ Алексій Николаевичъ Верстовскій (1799—1862).

Голланд. работы.—Заѣхалъ къ Никол. Мокренскому священн. Андрею Иван. ¹⁾, возвратилъ ему его книгу, Собрание Проповѣдей и подарилъ ему свою біогр. преосв. Августина, а онъ мнѣ свой Латин. Лексиконъ, прося дѣлать отмѣтки.

5. Въ 8 часу вечера выѣхали изъ Москвы съ Я. Ю. Арсеньевымъ въ Ярославль; дорога была грязна и дурна; въ 11 час. пріѣхали на ночлегъ въ Большіе Мытницы, пили чай изъ громовой воды.—По грязной дорогѣ пустились въ дальній путь, на коемъ понадалось намъ павстрѣчу много экипажей и пѣшихъ Богомольцевъ.

Дорогой я читалъ *Записки морск. путеш. В. Броневск.* Обѣдали въ Талицахъ, съ Марією Васил. вмѣстѣ и съ Я. Е. Арсеньевымъ. Небо было сумрачно; моросилъ дождикъ изрѣдка.—

6. Послѣ обѣда отправились въ Хотьковъ ²⁾, куда пріѣхали ввечеру и остановились на постояломъ дворѣ. Заходилъ къ схимницѣ Евпраксіи сперва одинъ, потомъ съ Марією Вас., Никол. Никол. и кн. Друцкимъ. Старица была намъ рада, говорила много навидательнаго, благословила всѣхъ насъ крестиками, подчивала хлѣбомъ; мнѣ особенно совѣтывала жениться, говоря, что бракомъ очищаются грѣхи юности, приводила на память *Пс.* Помилуй мя Боже... — Утромъ съ Я. Е. Арсеньевымъ служили панихиды; потомъ ходили къ схимн. Евпраксіи, которая просила его употреблять въ лѣкарство отъ паралича воды, настоенной землею, взятою съ трехъ перекрестковъ, на кои должно положить для птицъ и звѣрей по куску хлѣба: это отъ Петра могилы. Замѣтилъ ее пословицу: *надобно, чтобъ была молитва въ устахъ, а дѣло въ рукахъ.* Она сказывала, что будто Импер. Алекс. I, послѣ нашествія непріятелей бывши въ Троиц. Лаврѣ, читалъ тамъ молитву Царя Манассіи посреди церкви.

7. Послѣ повдней обѣдни съ Мар. Вас. заходилъ къ схимницѣ Палладіи, худой маленькаго роста старушкѣ, лѣтъ восьмидесяти. Она рассказывала съ пріятною простотою и откровенностію о томъ, какъ ее назадъ тому лѣтъ сорокъ оглушило громомъ и опалило молніею; повторяя часто: *Великъ Господь, и Велики дѣла Ею.* Ей, повидимому, лѣтъ около 80-ти. Потомъ она всѣхъ насъ благословила, крестя съ лѣваго плеча на правое. Я зашелъ къ пону Ивану, который былъ мнѣ очень радъ, со-

¹⁾ Священникъ Андрей Ивановичъ Лебедевъ, составитель нѣсколькихъ словарей.

²⁾ Хотьковъ монастырь.

вѣтоваль жениться, не выбирая богатой жены: тоже говорила и схимница. Отъ него я узналъ, что между Вдвиженск. и Рязанцами есть мѣстечко *Бълме бош*, или *Бълскій станъ*, гдѣ за 50 или болѣе лѣтъ была на холмѣ роща, которую можно было видѣть изъ Ростокіна. Въ 3 часу пріѣхали въ Троицкую Лавру по пріятной дорогѣ и въ свѣтлую погоду: отслушавъ вечерню въ Лаврѣ, служилъ молебенъ преподобному Сергію; списалъ на паперти надпись, о спасеніи отъ мора Троицкой Лавры въ 1771 г., тамъ же на каменной доскѣ вырѣзано о спасеніи ея отъ французовъ, а на чугунной исчисленіе того, что сдѣлано при Платонѣ для Лавры. Я познакомился съ ректоромъ академіи Поликарпомъ, который звалъ меня къ себѣ: онъ показался мнѣ откровеннымъ и добрымъ человѣкомъ. О. Іона, прежде ни съ кѣмъ не говорившій, со мною говорилъ и служилъ мнѣ молебенъ.

8. Поутру напившись чаю, пошли къ обѣднѣ; видѣли прощаніе Филарета съ монахами и слышали его поученіе: послѣ осматривали достопамятности Лавры: видѣлъ *Синодикъ*, на коемъ подписалъ 1792 г. Платонъ, чтобы совершать по уставу поминовеніе всегда непременно и неизмѣнно. На обеликѣ, выдвиги. Платономъ, замѣтили часы солнечные проф. Панкевича ¹⁾. Зашелъ къ архимандриту ректору Поликарпу, который принялъ меня ласково, подчивалъ виномъ и кулебякою, за которою и сидѣла старушка мать его: онъ сказывалъ, что М. Платонъ встрѣчалъ въ Лаврѣ Павла I въ убогой ризѣ преп. Сергія. Павелъ I спросилъ: что это за ветхая риза? Драгоценность, превосходящая всѣ сокровища Лаврскія: риза преп. Сергія. По просьбѣ моей, онъ отправилъ меня къ бібліотекарю Евлампію, посмотрѣть бібліотеку акад., помѣщенную въ 4-хъ комнатахъ. Бібліотекаръ человѣкъ просвѣщенный и ласковый показывалъ мнѣ рѣдкія книги: переводы *Скорина 5-и книжіе Моисеево* ²⁾, безъ перваго листа, однако съ листомъ заглавнымъ и съ рисунками, рѣзанными, повидимому, на деревѣ. Есть Славянскія рукописи Харатейныя, стояція вниманія, но еще не описанныя, между прочимъ, я замѣтилъ въ *Троицкой Лѣтописи путешествіе* по Азіи при Тверскомъ князѣ Михаилѣ Борисовѣ въ 4—*Великій кругъ міротворнаго теченія*, въ листѣ. Въ сіе книгохранилище поступили бібліотеки по завѣщанію М. Пла-

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, преподаватель прикладной математики Моск. унив. (1757—1812).

²⁾ Георгій Скорина, русскій ученый и топографъ XVI в.; его издавіе выходило въ Прагѣ, Вильнѣ и Нѣжинѣ.

тона, Архієпископа Тверск. Мефодія, и Августина; тамъ поставлены и портреты дателей. — Я спрашивалъ о собственной жизни Платона, имъ самимъ писанной—О. Евлампій сказалъ, что ея нѣтъ въ библіотекѣ, а должна быть она въ Вифаніи; показывалъ мнѣ рукописныя Платоновы сочиненія съ его надписаніемъ. Я простился съ О. Е. пріятельски, и тотчасъ отправился въ 3 час. въ Переяславль; ночевали въ Тереберевѣ, гдѣ застали праздникъ сельскій,—хороводы и пѣсни.

9. Утромъ пустились въ дорогу.—гористую, но по мѣстоположенію веселую, на коей попадались намъ сельбища съ церквами и усадьбы; на поляхъ видна рожь, овесъ, гречиха и ленъ. За 7 верстъ отъ Переяславля на Собнякѣ остановились у древней каменной часовни, поддерживаемой 4-мя столбами въ Мавританскомъ вкусѣ, посмотрѣть на Переяславль и на озеро Клепшино, которое казалось зеркаломъ. Видъ прекрасный. Во 2-мъ часу вѣхали по полю въ городъ, въ которомъ есть красивые домики и довольно церквей, хорошо построенныхъ. Замѣчательнъ по древности своей старый соборъ; онъ стоитъ розысканія относительно въ исторіи и археологіи. Заходилъ въ городское уѣздное училище, двухъэтажный каменный домъ, довольно хорошій, кромѣ служебъ. Смотритель Устинъ Егор. Гинне показался мнѣ пріятнымъ нѣмцемъ; показывалъ мнѣ вѣдомости училищныя; видѣлъ учителя Виноградова: сказалъ я имъ, чтобы они приготовили вѣдомости и экзаменъ къ моему пріѣзду изъ Ярославля. Я осматривалъ строеніе кн. Андреевскаго училища, не нашедши учителя; былъ въ церкви, видѣлъ мощи подъ спудомъ и богатую раку серебряную: замѣтилъ древній образъ св. Николая. Въ 5-мъ часу обѣдали; пошелъ маленькій дождикъ. Ввечеру ѣздили съ М. В. Б. и Я. Е. въ монастырь св. Никиты Столпника; видѣли его столбъ, гдѣ онъ спасался, надѣвали на себя его цѣпи, очень тяжелыя. На дорогѣ близъ монастыря есть каменная часовня, кн. Черниговскаго. Озера, кажется, выше города. Вечеръ скученъ, о люди.

10. Послѣ обѣдни пустились въ Ростовъ; и погода и дорога хороши. На пути замѣтилъ не далеко отъ упраздненнаго города Петровска, гору или городище Соколку, гдѣ вѣроятно было капище. За 25 верстъ съ горы, въ деревнѣ виденъ Ростовъ, въ который мы пріѣхали ввечеру и остановились противъ Яковлевскаго монастыря, смежнаго съ Спасскимъ.

11. Вставши рано, слушалъ раннюю обѣдню въ Яков. монастырѣ. Служилъ молебенъ св. Дмитрію и прикладывался къ мощамъ его. Соборная церковь, украшенная великолѣпно, древ-

няго водчества; походилъ по берегу озера мутнаго и съ виду печальнаго. Въ водѣ недостатокъ большой. Въ Кремлѣ, огражденномъ довольно высокими стѣнами съ башнями, въ числѣ коихъ замѣтны двѣ набатныя или подборныя на стѣнѣ; находится съ лѣвой стороны соборъ Успенскій, построенный В. К. Константиномъ Всеволод. 1218 года, въ серединѣ онаго бывшій Григорьевскій монастырь ветчайшій, а съ правой, садъ, въ сторонѣ конный дворъ. Въ соборѣ осматривалъ я съ Протоп. Андреемъ Тимоф. ризницу, гдѣ замѣтилъ присланный отъ Патр. Филарета крестъ наперсный золотой, Яшмовые сосуды, внутри обдѣланные золотомъ, снаружи коихъ вырѣзаны Деисусъ и слово: *Пійте*. Между прочимъ есть и деревянный Потиръ. Замѣчательнъ покровъ, на коемъ по атласу вышитъ золотомъ св. Леонтій въ многокресчатой ризѣ свящ. съ омофоромъ и въ бѣломъ клобукѣ — во весь ростъ, внизу слѣдуетъ надпись: „Сдѣланъ бысть Покровъ сей, повелѣніемъ Василя, Божіею милостію Госуд. и В. кн. всея Руси, и Вел. кн. Владимирскаго и Московскаго и Новгородскаго и Тверскаго и Псковскаго и Югорскаго и иныхъ, въ лѣто 7022, въ лѣто господства его“.— Въ соборѣ четверо мощей святителей: Игнатія, Исаія, Леонтія, и Феодора: надъ мощами св. Леонтія въ алтарѣ, хранится кресчатая его риза, бѣлый его вязаный клобукъ.—Библіотека порядочная; замѣтилъ *Каталогъ Архіереевъ Ростовскихъ*, съ котораго просилъ я списать мнѣ копію. — Ростовскій соборъ въ 1264 г. покрытъ былъ оловомъ и сдѣланъ полъ изъ краснаго мрамора; въ 1780 послѣ пожара возобновленъ; въ такомъ видѣ и до нынѣ. Многія драгоценности тогда утратились, а другія перевезены въ Ярославль вмѣстѣ съ Чудотв. иконою Владимирскія. При соборѣ есть особенные звоны: Іонинскій, Іоакимовскій и Георгіевскій, такъ названы въ честь Архіереевъ,— Іоны Сысоевича, великаго домостроителя, Іоакима и Георгія Дашкова. На колоннѣ въ 4 яруса, и весьма длинной 14 колоколовъ октавы; въ большомъ колоколѣ 2 тыс. пуд., этотъ звонъ наблюдается горожанами издревле. Государь въ 1823 г. и Митроп. Платонъ проѣздомъ въ Ярославль около 1793 г. слушали съ удовольствіемъ сіи три звона. Я заходилъ въ уѣздное училище, помѣщенное въ наемномъ двухъэтажномъ домѣ. Смотритель Фадѣевъ показался мнѣ умнымъ человѣкомъ, довольно оборотливымъ; въ верхнемъ этажѣ онъ живетъ и помѣщаются классы. Послѣ обѣда онъ явился ко мнѣ на квартиру съ приглашеніемъ въ гости къ Головѣ Васил. Михайл. Хлѣбникову, который принялъ меня ласково, разсуждалъ объ учил. домѣ,

предлагалъ купить домъ Наджинскаго; отъ него я захалъ въ училище, осмотрѣлъ его и спрашивалъ учениковъ, сдѣлалъ имъ наставленіе, видѣлъ отведенное въ центрѣ губернаторомъ мѣсто для постройки училищнаго дома. Отъ Хлѣбникова, коему предлагалъ я быть почетн. смотрителемъ, я узналъ, что *убогій домъ* въ Ростовѣ упоминается св. Дмитриемъ Ростовскимъ, находится въ Лазаревскомъ приходѣ, 2-го квартала внѣ города, куда и при Арсеніи бывалъ изъ собора крестный ходъ и уничтожился съ кончиною Елизав. Петр.— Всенощную слушалъ въ Яковлевскомъ монастырѣ; осматривалъ съ Н. К. Бобар. ризницу, облаченій богатыхъ нѣтъ: есть шапка тафтяная съ писан. образами, въ коей св. Дмитрій лежалъ въ землѣ 42 года—книга поправленная имъ и другая съ подписью, подаренная св. Дмитриемъ Сотнику Кондратьеву: видѣли богатые покровы; въ алтарѣ достойны замѣчанія, 4 шитые по бархату образа.

12. Съ М. В. Боборыкиной и Я. Е. Арсеньевымъ поѣхали въ соборъ къ обѣднѣ: слушали звоны Ростовскіе и обѣдню; по батюшкѣ я служилъ панихиду. Послѣ зашелъ вмѣстѣ съ смотрит. учил. къ протоп. Андрею, который угостилъ насъ закускою, показывалъ архіерейскіе дома и церкви: Воскресенскую, осв. 1655 г. при Іонѣ Сысоевичѣ: внутри зодчество необыкновенное; алтарь возвышается на 4 ступени, иконостаса нѣтъ, вмѣсто его стѣнопись, хорошо сохранившаяся. у царскихъ вратъ и на горнемъ мѣстѣ сдѣлана сѣнь или шатеръ, поддержив. четырьмя столбами; иконопись на двухъ мѣстныхъ образахъ и на царскихъ дверяхъ древняя, окна узкія вверху, въ стѣнахъ есть голосники. Кругомъ сей церкви родъ галлерей крытой съ окнами росписанная. Черезъ башню по стѣнѣ прошли мы въ церковь см. Дмитрія, позднѣйшаго зодчества, опять по стѣнному переходу въ церковь Іоанна Богослова иконостасъ разрушенъ, на стѣнѣ видна надпись, что сія церковь высокая, издали видная, о пяти главахъ, крытыхъ гонтомъ, совершена и подписана навадъ тому 148 года; но она древнѣе; подъ престоломъ найдены заключенныя въ камнѣ мощи (частицы), который стоитъ теперь на престолѣ въ Воскресенскомъ надъ воротами церкви между двумя башнями готическ. На полу лежатъ два клироса съ навѣсомъ, поддержаннымъ 4 мѣдными столбами: два мѣстныхъ образа очень древни, краска на полѣ Іерусалима такъ зелена отъ времени, что едва можно разглядѣть лице Спасителя и Богоматери. Переходы покрыты стѣнописью; сводъ треснуть, валится и грозитъ паденіемъ. По узкому переходу, едва освѣщенному узкими окошками, пробирались мы въ Григорьевскую

церковь, принадлежащую бывшему Григор. монастырю, известному по своему книгохранилищу. Иконостасъ разрушенъ временемъ; образовъ нѣтъ; сводъ крестообразный, какъ у Спаса на Бору. Кресты на 5 главахъ, четвероконечные, какихъ нѣтъ въ древнихъ церквахъ. По переходамъ и лѣстницамъ полуразвалившимся мы пришли въ архіер. домъ, гдѣ есть *блнная столовая*, квадратная зала сажень около 8, поддерживаемая однимъ по срединѣ столбомъ, какъ въ Гран. моск. палатѣ, видны остатки на сводѣ лѣпной работы; въ ней митроп. Ростов. давали столы пышные; при семъ домѣ есть крестовая церковь во имя Спаса Преобр. зодчествомъ похожая на Воскресенскую. Посреди двора есть огромный трехъ этажный домъ. Близъ церкви Иоанна Богосл. домъ двухъ этажный, въ коемъ была *красная столовая*, гдѣ обѣдалъ Петръ I въ бытность свою въ Ростовѣ, и гдѣ находилась консисторія; ее посѣщалъ и митроп. Платонъ. Въ Ростовѣ по многоводію погреба дѣлаются верховые или подвалы; въ озерахъ и колодцахъ вода дурна, много есть ключей соленыхъ. Въ 14 в. отъ Ростова въ селѣ Дебловѣ, начинается Которосль, которая вмѣстѣ съ Сарою протекаетъ черезъ Ростовское озеро и сливается подъ Ярославлемъ съ Волгою. Въ 3 часу послѣ обѣда выѣхали изъ Ростова въ Ярославль ночевать въ Шопшѣ.

13. Въ 1 часу пополудни пріѣхали въ Ярославль, который начинаетъ быть виденъ верстѣ за 8. Послѣ обѣда былъ у Яросл. Богом., служилъ молебенъ, прикладывался къ мощамъ въ монастырѣ ки. Константина, Θεодора: на внѣшней стѣнѣ церкви есть двѣ явленныя иконы Сошествіе Св. Духа и Знаменіе Богородицы.

Въ самой церкви, возобновленной при царѣ Іоаннѣ Вас. образа очень древніе, такъ какъ и стѣнопись: иконостасъ дуренъ и не соответствуетъ зодчеству храма и образамъ. Строенія въ городѣ много каменнаго, дома красивые, публичныя заведенія огромныя; торговля обширная, купцы богатые, улицы чистыя, много площадей. Отстраиваемая гимназія будетъ большой и красивый домъ, въ срединѣ города, на видномъ мѣстѣ: на стѣнѣ оной во дворѣ есть чудотворная икона Спаса, избавившая городъ отъ чумы. На строеніи встрѣчался я съ директ. гимназій Павломъ Петров. Абатуровымъ, который показывалъ мнѣ производство работъ, и показался мнѣ человѣкомъ благонамѣреннымъ, скромнымъ и ловкимъ въ обхожденіи, а жена его дамою скромною и умною. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда. Кстати попался также и подрядчикъ Левъ Дмит. Кро-

пинъ, котораго я вмѣстѣ съ директ. убѣждалъ сдѣлать уступку 800 р. въ пользу гимназiи, принявъ на себя нужныя поддѣлки на эту сумму. Возвратясь домой, вечеръ провелъ съ М. В. Б.

14. Утромъ прислалъ за мною карету директ., съ коимъ я толковалъ о дѣлахъ гимназiи и Рост. уѣзд. училища, потомъ поѣхали въ гимназiю, гдѣ нашли учителей собранныхъ: они мнѣ рекомендовались: я съ каждымъ говорилъ о его предметѣ, о способѣ преподаванiя и учебныхъ пособiяхъ; осматривалъ библиотечку, довольно изрядную, но не достаточную въ латин. книгахъ, потомъ свидѣтельствовалъ учил. сумму и нашелъ по журналу iюня, 1825 года, строевой 6, 7864, гимназической 3.500. училищ. 1.275, итого 11.561; 4, за выдачею подрядчику 3.000 въ iюлѣ. Кабинеты физич. и естест. исторiи бѣдны. Учителя всѣ люди вѣжливые и довольно свѣдущiе, особливо Рудневъ. живутъ въ согласiи между собою; директ. послѣ 4 час. занятiй нашихъ о дѣлахъ училища, пригласилъ меня и учителей къ обѣду. Увѣрили подрядчика въ уступкѣ 800 (работами), написали отъ его имени отзывъ и заставили его подписать. Послѣ обѣда ѣздилъ съ письмами отъ Л. А. Цвѣтаева къ И. И. Смирнову и Крылову; не заставши ихъ, оставилъ имъ письма. Юродливый Феодоръ, весьма уважаемый въ Ярославлѣ, сказалъ мнѣ о пребыванiи здѣсь Бартеневой, къ которой я тотчасъ и отправился—она, невѣстка ея и сынъ мнѣ были рады; съ ними просидѣлъ я до полночи.

15. Утромъ вмѣстѣ съ директ. ѣзидлъ я къ губернатору, у котораго съ ярослав. полицмейстеромъ познакомился, его зовутъ Александр. Иван. Алексѣевымъ, товарищемъ моего батюшки.

Губернаторъ ¹⁾ принялъ меня вѣжливо и человѣкъ онъ умный и велерѣчивый: говорилъ мнѣ, что онъ противъ воли принялъ на себя званiе полечителя Демид. учил., повелѣ Государь и что онъ, какъ почетный членъ, уважаетъ университетъ и что ему непрiятно имѣть съ нимъ какое-либо неудовольствiе. Ему желательно, чтобы при Демид. учил. былъ совѣтъ, который бы управлялъ дѣлами, относясь къ Москов. универ.; ибо не всякiй губернаторъ можетъ и захочетъ обременять себя дѣлами училищными. На просьбу мою о постройкѣ дома для ростовск. уѣздн. училища, онъ отвѣчалъ, что весьма радъ и готовъ на это и въ дополненiе умѣющей сумѣя сдѣлаетъ и

¹⁾ Губернаторомъ былъ тогда тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ.

вспоможеніе, что постройку поручаетъ директору, которому сдѣлаетъ объ этомъ отношеніе, а между тѣмъ въ Ростовѣ выберетъ для надзора надъ постройкою въ тамошняго сословія людей благонадежныхъ. Я спросилъ, позволить ли онъ мнѣ внести его обѣщаніе въ свое донесеніе университету—онъ позволилъ. Говорилъ также о заведеніи въ Романовѣ училища; ибо тамъ много раскольниковъ, которые безъ училища болѣе укореняютъ и распространяютъ свои мнѣнія. Я напомнилъ ему о Львовѣ (П. Ю.) и о карт. Ярославск. губ.: Безобразовъ тотчасъ мнѣ ее показалъ: она любопытна и важна для соображеній полит., нравственныхъ и статистич., онъ составляетъ другую карту: о ходѣ дѣлъ, суммѣ преступленій и наказаній, тяжбъ правильн. и неправильн. Отъ него я узналъ, что Ярославль первый далъ присягу царю Михаилу Ѳеодоровичу, потому что въ Костромѣ не успѣли сего сдѣлать, торопясь депутаты въ Москву съ избраннымъ царемъ Алекс. Михайл. Водилъ меня на балконъ и казалъ мнѣ прекрасный видъ на Волгу, на плывущія по ней суда разныя и зеленые берега, на коихъ по мѣстамъ видны луга, роши и селенія. Картина разнообразная и прекрасная! Наконецъ, послѣ часовой бесѣды, мы простились съ губернаторомъ, который пригласилъ меня къ обѣду, и поѣхали на обѣдъ къ кн. Урусову имениннику: у него я видѣлъ священника церкви Дмитрія Солунскаго, который сказывалъ мнѣ о *путешествіи въ Ярославль митроп. Платона*, въ 1792 г. сдѣланномъ и описанномъ, но не напечатанномъ и ходящемъ по рукамъ, о существующей въ Ярославлѣ почти внѣ города церкви Владимірскія Богоматери при убогихъ домахъ, кои уничтожены съ учрежденіемъ въ Яросл. Намѣстничества 1777 г.; указывалъ мнѣ близъ церкви мѣсто дома, гдѣ жилъ знаменитый нашъ актеръ Дмитревскій; такъ какъ и Волковъ, уроженецъ Ярославск.; рассказывалъ примѣры отмѣнной доброты Дмитревскаго. Вечеръ провелъ у Бартеневой; на квартиру поздно возвратился, долго ѣздили по улицамъ, не находя моей квартиры. Ночь была прекрасная, погода тихая.

16. Утромъ ѣздилъ я къ обѣднѣ въ Спасскій монастырь, гдѣ видѣлъ дерев. гробы четвер. ящики Ярослав. чудотвор. Ѳеодора, Константина и Романа—близъ чудотворн. иконы Богоматери Яросл. Наканунѣ былъ я съ Бартеневымъ у Николы Надзина на берегу Волги; церковь построена при царѣ Михаилѣ Ѳеодор. Икона св. Николая во весь ростъ, древняго письма, иконостасъ временъ, повидимому, Императ. Елисавет. Петров., риза свящ. владу Михаила Ѳеодор. изъ персид. золотого ковра.

На древнемъ образѣ во весь почти ростъ св. Іоанна Предтечи внизу есть надпись слѣд.: „Поставлена бысть сія икона Іоанномъ Дементьевымъ Богомолочимъ“. Дьячекъ сказывалъ, что сей иконѣ 270 лѣтъ и что икона св. Николая Надзина приплыла Волгою и остановилась у этого мѣста, гдѣ нынѣ церковь. Осмотрѣвъ по сдѣланной подрядчикомъ запискѣ производящееся строеніе, вмѣстѣ съ директор. я отправился пѣшкомъ черезъ Которосль на Тугову гору, съ коею виденъ весь Ярославль и его окрестности: она верстахъ въ двухъ отъ Кремля; на ней кладбище и церковь св. Параскевы Пяти., замѣчанія въ ней достойны рѣзныя Царскія врата, очень древнія, изъ прежней деревянной церкви, да образъ Спасовъ, греческаго письма, величиною 6 вершк., сверху надпись: „Христе Боже нашъ, всякъ надѣяся на Тя не постыдится“; а внизу изъ написи приложенной на доскѣ къ сему образу видно, что онъ привезенъ въ Москву іерусалим. патриархомъ Феолофиломъ, посвятившимъ въ патриархи ростовск. и ярославск. митрополита Филарета, которому онъ далъ въ благословеніе, а Филаретъ поднесъ сыну своему Михаилу. Императрица Анна пожаловала сей образъ духовнику своему Троицк. Лавры, архимандриту Варлааму Антипьевичу, а сей благословилъ онымъ крестника своего священника церкви св. Николая Надзина, поставленнаго свят. Дмитріемъ. Отъ потомка сего священника купца Холщевникова отданъ сей образъ въ Туговскую церковь и перенесенъ въ оную преосв. архіеп. Арсеніемъ (1790 г.) съ крестнымъ ходомъ. На обратномъ пути смотрѣли слитіе Которосли съ Волгою; первая течетъ въ послѣднюю съ запада и образуетъ при извилистомъ впаденіи маленькій мысъ: прежде, говорятъ, Которосль имѣла другое теченіе, коего слѣды хотя изглаживаются, однако и до нынѣ видны: тутъ была рѣка Медвѣдица: отчего будто и гербъ Ярославля: медвѣдь съ бердышемъ въ лапѣ. Обѣдавъ въ трактирѣ и походивъ, въ 4 часа пополудни пришелъ въ гимназію на экзаменъ трехъ учениковъ изъ ярославск. семинар., назпачаемыхъ въ медиц., двухъ семинар. профессоровъ и члена медиц. управы; я ихъ экзаменовалъ вмѣстѣ съ учител. и проф. изъ риторики, логики, лат. языка и проч., двухъ нашли достойными; въ 9 часу пошелъ на свою новую квартиру Семена Федор. Сторожева, которую я занялъ за отъѣздомъ Я. Е. Арсеньева въ Толгскій монастырь, спалъ покойно.

17. Утромъ занимался своими дѣлами; написалъ письмо къ дядѣ въ Кинешму П. П. Кондр. — Обѣдалъ у К. С. Бартеневой, которая приняла меня ласково; послѣ обѣда я прошелъ къ

церкви Николая Мокраго, построенной при царѣ Алексѣи гостями двумя братьями Лузиными: въ ней есть два царскія мѣста деревянныя съ рѣзьбою и позолотою, съ гербами на обѣихъ сторонахъ, подобны архитектурѣ, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; сія мѣста замѣняютъ клироса: полъ церкви холодный изъ мраморныхъ четырехугольныхъ плитокъ. Замѣчательны образа св. Николая мѣстный древняго Греческаго письма и образъ Богоматери мѣстный, кругомъ коего праздники написаны весьма мелко и искусно изографомъ Семеномъ Спиридоновымъ Холмогорцемъ. Есть ризы богатая съ дробницами жемч. и съ камнями по прежней оцѣнкѣ въ 3,500 р. съ стихаремъ. При холодной пятиглавой церкви есть два придѣла, помѣщаемые въ двухъ башняхъ, пристроенные къ главной, переходы съ окнами большими изъ стобы росписанной, надъ креслицемъ къ сѣв. двер. герб. орелъ; колоколя съ боевыми часами. Теплая церковь обь одной главѣ. Священникъ умный и любознательный о. Андрей пригласилъ меня къ себѣ; разсуждали о переводѣ св. писанія и причиненныхъ оныхъ расколамъ. Слова Платона въ *уветцѣніи* къ раскольникамъ. Оттуда въ дождикъ пошелъ къ Владимирск. при убогихъ домахъ; въ Рыбинск. пер.: церковь старинная о трехъ главахъ, въ Маврит. вкусѣ, какъ въ Москвѣ, у Рождества въ паутинкахъ: тутъ прежде было кладбище, кое перенесено къ Леонтію чуд., куда бываетъ ежегодно крестный ходъ изъ собора мая 23 дня, въ воспоминаніе прежняго хода на убогіе дома. Остатки прежнихъ убогихъ домовъ шагахъ въ ста отъ церкви: въ ямахъ, гдѣ были амбары или сараи, берутъ песокъ и кости лежатъ грудями обнаженныя, тамъ черепъ, тамъ остовъ, тамъ лоскутки одеждъ, и гнилыя доски отъ гробовъ. Зрѣлище печальное, наводящее уныніе. Судя по пространству земли, усѣянной костями, сихъ домовъ было довольно. Оттуда пѣшкомъ пришелъ на свою квартиру въ сумерки; поужиналъ съ хозяиномъ, легъ спать, поручивъ себя Богу. Въ полночь прогуливался по горницѣ и по сѣнямъ.

18. Отправясь на Волгу утромъ рано, заходилъ въ Казанскій монастырь, близъ бульвара, который простирается до самаго берега и идетъ вдоль онаго по возвышенности, какую составляетъ оный. Крутой берегъ отъ города хорошо обдѣланъ камнями, на верху по бульвару, идущему отъ театра небольшого зданія, есть прекрасныя бесѣдки, два взвода покатые изъ города съ каменными мостами, соединяющими бульвары, обсаженные березками и липками и одинъ сходъ по лѣстницѣ отъ

Губернат. дома; откуда видъ прекрасный: величаво текущая рѣка, временемъ при вѣтрѣ волнующаяся или рябѣющая, плывущія по ней суда съ распущенными парусами, будто крыльями, протяжные крики или пѣсни бурлаковъ, и перевозчиковъ—все это наполняетъ душу какимъ-то торжественнымъ чувствомъ. Вода въ рѣкѣ Вол. изжелта-песочнаго цвѣта; берега ея покрыты мелкими и крупными каменьями, раковинъ мало; мѣстами до четырехъ сажень и меньше трехъ. Покупавшись въ одной изъ двухъ купаленъ, пошелъ въ ряды, кои всѣ камен. и суть слѣдующіе:

1. Москотильный.
2. Красный, гдѣ торгуютъ ситцами.
3. Овощный, гдѣ двѣ лавки мануфактурныхъ издѣлій Яросл. фабр.
4. Яблочный.
5. Мучной.
6. Сапожный.
7. Кожевенный.
8. Мѣховой или пушной.
9. Чулочный.
10. Шляпный или шапочный.
11. Уздяной.
12. Мѣдный.
13. Желѣзный или скобный.
14. Сундучный.
15. Мыльный.
16. Масляный.
17. Свѣчной.
18. Рыбный.
19. Кирпичный.
20. Мелочной, есть 4 винныхъ погреба.
21. Серебряный.

Пивныхъ заводовъ III: Змѣевскій, Папилов. и Постниковъ. Послѣ обѣда ходилъ къ Алексѣеву, который принялъ меня ласково; у него я познакомился съ директоромъ Демид. учил. Майковымъ Михаиломъ Александрович. Разговоръ былъ о театрѣ, объ Универс. Моск. и Карамзин. исторіи, въ коей онъ находитъ предосудительнымъ чрезмѣрное увеличеніе жестокостей царя Іоанна Вас. и романизмъ; о вредномъ вліяніи Карамзина на русскую словесность.

Распростились до свиданія; я пошелъ въ Спасск. монастырь ко всеобщей, оттуда на квартиру - бесѣды съ хозяиномъ. Дуня дѣвушка перестлала мнѣ постель, и меня раздѣла. Ночное странствіе. Безъ сна встрѣтилъ я утро грѣхомъ и молитвою.

19. Слушалъ обѣдню въ Спасск. монас., коего соборная церковь, какъ значится въ надписи надъ дверьми, освящена при В. К. Васил. Іоан., росписана Ярославск. иконописцами при Іоан. Васильевичѣ; иконостасъ въ ней сдѣланъ и очень неприличный при преосв. Антоніи, который умеръ сидя въ изголовьи своего гроба, по его приказанію къ нему принесеннаго въ келью. Профес. словесности показалъ мнѣ Семинарію, въ коей до 400 чел. учениковъ. Зданіе старинное, ветчайшее; отсюда я прошелъ въ сиротскій домъ, довольно большое зданіе съ церковью Всѣхъ Скорбящихъ Богоматери; оно основано Намѣстникомъ Ярослав. Алексіемъ Петров. Мельгуновымъ

вмѣстѣ съ Ярославск. купцомъ Кучумовымъ въ 1786 году: въ немъ изрядное зало дворянское собраніе. Портретная комната, гдѣ выставлено 24 портрета благотворителей сего дома, уѣздное училище, въ коемъ 140 учен. и 3 учит. и приготовит. классъ. Сверхъ того здѣсь воспитывается 60 воспитан. благородныхъ, разночин., и не законнорожденныхъ; штатное число 64. У учениковъ уѣзднаго училища я спрашивалъ, чему они учатся: отвѣчали посредственно. Порядокъ и чистота отличны: столъ сытенъ, посуда исправна, классы вмѣстительны. Видѣлъ двѣ больницы, мужск. на 12 кров., а жен. на 10 кров. при сидѣлк. Я заходилъ въ церковь и нашелъ тамъ губернатора и мног. чиновниковъ: пѣніе стройное; каждое воскресенье поютъ молебень всѣхъ скорбящихъ Богоматери; встрѣтился съ проф. Ханенкою ¹⁾, коему сказалъ поклонъ отъ А. А. Антонова. Съ Х. гуляли по Волжскому бульвару, любовались со стрѣлки, гдѣ сливается Которосль съ Волгою, окрестностями; познакомился въ домѣ у гебернатора съ братомъ Дѣлова, который показывалъ мнѣ въ саду собраніе разныхъ каменьевъ изъ Волги. Губернаторъ принялъ меня очень ласково; я ему подарилъ экз. Біогр. Августина: за что благодарилъ онъ, сказавъ, что сего пастыря онъ весьма уважалъ. Губернаторша Анна Феод. очень любезная, миловидная и умная женщина, мать восьми дѣтей, хорошо воспитываемыхъ. За столомъ разговаривали о древностяхъ Ярославскихъ, о которыхъ и я сдѣлалъ свои замѣчанія, имъ принятыя. Послѣ обѣда пошли на балконъ; я познакомился съ родственницею губерн., дамою очень умною и чувствительною, полков. Струйск., съ вице-губернат. Яковомъ Иванов. Горанскимъ, ученикомъ моего батюшки съ прежнимъ своимъ товарищемъ Макаровымъ, совѣтникомъ губерн. правленія. Губернат. одаренъ пылкимъ воображеніемъ и умомъ проницательнымъ: спорилъ съ профес. Шмидтомъ ²⁾ о гени и учености, о преимуществѣ перваго на другого. Я напомнилъ губернатору о Ростовск. уѣздн. учил.; онъ обѣщалъ содѣйствовать построенію онаго всѣми силами и готовъ дать пособіе; если будетъ недостатокъ: только жаловался, что некому поручить стройку. Онъ желаетъ лучше выстроить вновь училище на отведенномъ мѣстѣ. Говорилъ, что онъ жалѣетъ, что Демидово училище изъято изъ вѣдомства Москов. университета; въ этомъ

¹⁾ Михаилъ Осиповичъ Ханенко, проф. древнихъ языковъ въ бывшемъ Демидовскомъ Ярославскомъ училищѣ (1779—1839).

²⁾ Федоръ Ивановичъ Шмидтъ, инспекторъ Демидовскаго училища, авторъ „Краткаго описанія г. Ярославля“ (1766—1845)

винить онъ кн. А. Голицина; сказалъ, что онъ весьма уважаетъ Москов. университетъ и желалъ бы имѣть съ нимъ сношенія. Увидѣлся и познакомился съ проф. Феодор. Андреев. Шмидтомъ: это явленіе въ нравствен. мірѣ: ученъ и простъ, пылокъ и уступчивъ, твердъ и трусливъ; учитъ и разсуждаетъ какъ ученый, поетъ и играетъ какъ шутъ, влюбляется какъ старый Селадонъ, смѣшонъ въ обращеніи, въ 60 лѣтъ, дитя совершенное, радуется бездѣлкѣ и сердится за бездѣлку, хочетъ быть свѣтскимъ и бываетъ педантомъ, за ученость его уважаютъ, за доброту любятъ, надъ странностями его смѣются. На другой день я былъ у него съ Н. Н. Бобар. и кн. Друцкимъ, я заставилъ его пѣть пѣсню: *Заря утренняя*; потомъ взяли его съ собою домой, гдѣ онъ забавлялъ дамъ. Ночь плохо спалъ и разсуждалъ о причинахъ безсонницы.

20. Обѣдню слушалъ въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣтился съ Ярославск. купцомъ Свѣшниковымъ, человекѣмъ отъ природы умнымъ начетчикомъ: онъ показывалъ мнѣ въ собор. церкви образъ Преображенія, писанный Рублевымъ, Ярослав. уроженцомъ, сказывалъ, что будто въ Москов. благов. соборѣ полъ изъ Ростова, что близъ села Коровникова есть въ водѣ камень въ 9 арш. Съ М. В. Бобар. и Я. Е. Арсеньев. осматривали *Сиротскій домъ*, гуляли по бульвару Волжскому, были на стрѣлкѣ, откуда любовались теченіемъ Волги и положеніемъ ея береговъ. Я обѣдалъ у М. В. Б.: время провели пріятно, ввечеру только ходилъ къ Крылову и не засталъ его.

21. Отобѣдавъ у К. С. Бартеневой, я на лодкѣ отправился въ Толгскій монастырь Волгою, напередъ выкупавшись въ ней, время было тихое; лодку вверхъ рѣки тянули бичевою, я пробовалъ тянуть. Волга представляла рябѣвшую поверхность; берега ея круты и красивы, будучи усѣяны то рощами, то лугами, то селеніями; намъ попадались навстрѣчу разныя суда. Вѣтры на Волгѣ, по словамъ перевозчика, *низовый*, широкій, восточный луговень; *верховый* (западн. и сѣв. или чистый), полуденникъ въ плесахъ. Отъ Ярославля верстахъ въ трехъ, по теченію Волги, есть островокъ, длинный, обтекающая съ другой стор. Волги, наз. *Воложкою*. Толгскій монастырь стоитъ на красивомъ мѣстѣ берега Волжскаго, при р. Толкоболкѣ, отчего называется: Толкоболъкая волость. Монастырь обнесенъ кам. стѣною, имѣетъ садъ съ кедрами. Холодная соборная церковь перестроена при царѣ Феод. Алекс., образъ чудотворный, богато украшенъ жемчугомъ и камнями, съ теплою соединена переходами. Монастырь этотъ сущ. въ 14-мъ вѣкѣ, въ

немъ по преданію содержался Іоаннъ Антонъ. Въ бібліотекѣ монас. есть между хорошими печатными книгами и рукописями, по большей части церковнаго содержанія; сборники стоятъ прилежнѣйшаго разсмотрѣнія; есть рукописи по моему замѣчанію вѣка 16; есть полная *Д. Зизаніева слав. грамматика*. Перевозчики дорогой рассказывали мнѣ народное преданіе о томъ, какъ завелись ерши въ Ростовскомъ озерѣ, будто одинъ ершь нечаянно вечеромъ изъ Которосли попалъ въ озеро Ростовск. и упросилъ рыбъ позволить ночевать ему у нихъ. Не когда на другой день стали рыбы выгонять изъ озера, онъ ихъ сталъ колоть, такъ что они принуждены были позволить ему жить у себя. Не къ этому ли преданію относится послов.: *Вселился, какъ ракъ къ нимъ ершь, въ Ростов. озеро*, и не относится ли также исторія о Феодорѣ Ростовск. епископѣ. Ввечеру причадили къ взвозу; вечеръ провелъ пріятно для себя, съ М. В. Б., шутили, разсуждали и отужинавъ разошлись спать.

22. По случаю отправленія принесенной изъ Ростова въ Ярославль чудотв. Владим. иконы, въ соборѣ служилъ Толгск. архиманд. Аронъ; прежде обѣдни, ѣздилъ прощаться съ губернаторомъ, который въ этотъ день никого не принималъ; послѣ обѣдни заходилъ къ Ханенкѣ, у которой завтракалъ съ отставн. проф. Покровскимъ; онъ него я зашелъ къ полицмейст. Алексеѣву, который принялъ меня очень ласково, рассказывалъ о вновь появившихся въ Романовѣ раскольникахъ, кои не признаютъ надъ собой никакой власти, не хотятъ повиноваться, почитая и Государя еретикомъ; разсуждая о мѣрахъ, я совѣтовалъ не брать жестокихъ, ибо жестокостью производится законеніе. По случаю именинъ обѣдалъ у М. В. Б., одно недомѣніе на часъ нарушило было мое веселіе, но тучи прошли скоро и возсіяло въ сердцѣ солнце покоя и радости. Послѣ обѣда съ С. Ф. Сторожевымъ, осматривали находящуюся за городомъ Которослью, полотняную, скатертную и затрапезную фабрики, основатель коей, Затрапезовъ, погребенъ на паперти церкви св. Петра и Павла; онъ родился въ 1605 г., и за свои услуги и полезныя изобрѣтенія пожал. коллеж. совѣтн.

Фабрика состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ кам. двухъэтажн., называемыхъ свѣтлицами, гдѣ находится станъ для тканья полотень, нақтышей бумажн. и шелк. корольков., холстинокъ, скатертей и салфетокъ, тика, пестреди и затрапеза. Нитки суровыя шанхтуются растворомъ гречневой муки; бѣлятъ на особомъ бѣлильномъ дворѣ шадрикомъ. Рабочихъ мужскаго пола 1.260 чел., кромѣ женщинъ, коихъ простирается до 2.000. Близъ

фабрики въ слободѣ Толчковѣ, есть церковь св. Іоанна Предт. о 15 глав. архитектуры греческой. Вечеръ провелъ съ К. С. Барт.; на прощаньи она просила меня оставшіяся у меня ея деньги употребить на овесъ лошадей моихъ, я отказался и просилъ ее не обижать меня.

23. Пошедши утромъ рано въ Спасск. монастырь помолиться, я обошелъ ряды хорошо выстроенные и довольно богатые; въ монастырѣ у обѣдни встрѣтился съ В. З., которая обрадовалась мнѣ, какъ и я ей, говорили насчетъ дружбы и любви; она сказала мнѣ, что меня любить и клянется меня любить и быть моимъ другомъ, что не откажется никакъ выйти замужъ за меня, если только будетъ свободна, что она еще до сихъ поръ никого не любила; я ее проводилъ до дому, совѣтывалъ подумать о клятвѣ,—она сказала, что обдумала, только чтобъ я не измѣнилъ; я ей совѣтывалъ помнить свои обязанности и хранить ихъ; въ залогъ дружбы, данъ былъ жаркій поцѣлуй и объятья. Вотъ каковъ; молился, чтобы избавиться отъ искушеній, а самъ иду на нихъ. Она обѣщала писать мнѣ и открывалась... Гдѣ же К....ъ? Я не доволенъ былъ собою, молился въ тайнѣ, чтобы нѣсколько успокоиться; отправились въ путь; изъ окошка глазами провожала меня Дуня; М. В. смѣялась надо мною, предлагала мнѣ купить ее и сказала, что совѣтывала госпожѣ ея продать. Въ позднюю обѣдню мы оставили Ярославль, дорогой вспоминая о немъ.

24. На дорогѣ къ Ростову, заѣзжали въ Петровск. монастырь, гдѣ видѣлъ деньги, данныя будто св. Петромъ апостоломъ.

25. Петру ордын. царевичу на построение сей обители; П. Ц. умеръ 1250 году, а прочихъ надписей не разобрать; въ Бѣлогостицкомъ, стоящемъ на прекрасномъ мѣстѣ, есть древняя икона Казанскія, вокругъ коей вставлены кресты и рѣзные образа князей Темкиныхъ, погребенныхъ подъ церковью Соборною, древней архитектуры. Въ Аврааміевомъ монаст. кромѣ мощей я видѣлъ шитую золотомъ попушенную горностаемъ его шапку съ надписью, данной ему съ жезломъ отъ Іоанна Бого-слова на низложеніе Велесова идола мѣднаго четвероконечнаго креста; жезлъ взятъ цар. Іоанн. Васил. тогда, когда онъ шелъ подъ Казань. На крыльцѣ Соборн. цер. на стѣнѣ есть слѣд. надпись: „Во многихъ временахъ ненавистникъ добра дьяволъ, вселился въ Ростовѣ въ камень, и многи мечты творя челоукомъ“. Преподобному Авраамію много о семъ молящуся како его изгнати, приде къ нему старецъ бесѣдова: отче, поиди въ

Царьградъ на изысканіе дому Іоанна Богослова и обрященіи и побѣдиша врага. Преп. Авраамій поиде, и въ малыхъ поприщехъ срѣте апостол. и евангел. Іоанна Богослова и даетъ трость. Преп. Авраамій поиде на мѣсто, помолился и избоде тростию врага и камень бысть прахъ“. Замѣчательнъ образъ Богоматери мѣстный Корсунскій, сказали, что будто есть и другіе образа Корсунскіе въ семь монаст. вкладу царя Іоанна: образъ Смоленск. Богоматери съ надписью „Написанъ бысть сей образъ „Смоленск. Богоматери при царѣ Іоаннѣ Васил.“. Повѣнчанъ кн. Юрія Іоанн. Ростовскаго Темкина“.

Монахъ сказывалъ, что при разбираниі стѣны въ предѣлѣ св. Іоанн. Богосл. найдено нѣсколько серебр. денегъ древнихъ, закладенныхъ въ стѣнѣ. За отсутствіемъ казначея не видали ни сихъ денегъ, ни ризницы. До обѣда были у вечерни въ Ростов. Яковлевск. монастырѣ. На другой день по утру, пригласивъ съ вечера Соборн. протоіерея Андрея Тихвинскаго въ учил. уѣздн. Сдѣлалъ экзаменъ изъ преподаваемыхъ предметовъ, по просьбѣ моей экзаменовалъ и протоіерей (кѣму я предлагалъ быть почетн. смотрителемъ сего училища), въ Законѣ Бож. и въ ариѣметикѣ; въ первомъ отвѣчали посредственно, зная болѣе механически, въ первомъ, а въ другой изрядно грамм. по славян. Еще есть водосвятная мѣдная луженая чаша, въ срединѣ на днѣ вырѣзанъ крестъ. Преподается плохо, изъ исторіи Всеобщ. и Русск. (не конченной ими), отвѣчали посредственно. Освидѣтельствовавъ сумму и библиотечку, все нашелъ въ исправности. Совѣтывалъ дополнить библиотечку нужнѣйшими классич. книгами, коихъ не достаетъ; обѣщавъ доставить имъ сочиненіе св. Дмитрія, какъ пастыря ростовск. отъ Я. Е. Арсеньѣва, отъ себя нѣкоторыя книги, I часть не дост. Истор. Словесн. протоіерей хотѣлъ подарить клас. книгъ. Послѣ экзамена, продолжавшагося съ 7—12 час., закусивъ не много, разошлись; я принявъ рапорты отъ смотрит. и учит., простился съ протоп., прося его памятовать меня; объ этомъ же я онъ просилъ меня.

Послѣ обѣда тотчасъ отправились въ Переяславль. Хотѣли было заѣхать въ Варницкій мон. навѣстить Августина архіерея оренб., но отдумали. Я встрѣтился съ М. А. Ф. И погода, и дорога, и мѣстоположеніе, дѣлали насъ веселыми, такъ что я съ М. В. и Я. Е. безпрестанно хохотали.

26. Въ дорогѣ я праздновалъ именины маменьки своей воспоминаніемъ сладостнымъ и умилительнымъ для сердца. М. В. Б. и Я. Е. поздравленіемъ доставили мнѣ много удоволь-

ствія и тронули меня до слезъ, коихъ я стыдился передъ ними, не зная самъ отчего. У обѣдни я не былъ, только вмѣсто жертвы подалъ нищому скудную милостыню о здравіи маменьки, я переносился мыслию въ мирный уголокъ свой и благодарилъ Бога, что Онъ сдѣлалъ сердце мое способнымъ къ такимъ ощущеніямъ, кои удваиваютъ бытѣ наше и придаютъ ему цѣну. Къ обѣду пріѣхали мы въ Переяславль, до обѣда ходилъ на озеро, котораго берега покрыты были народомъ, хороводы женщинъ и дѣвушекъ гуляли съ веселыми пѣснями. Съ удовольствіемъ я плескался въ струяхъ Плещеева; вода чиста какъ дно, по колѣно. Освѣжившись, пошелъ обѣдать. Потомъ съ Я. Е. Арсеньевъ ѣздилъ въ церковь ки. Андрея Смоленск. въ Даниловск. монаст., стоящій на высокомъ мѣстѣ, откуда видны озеро и городъ; зданія въ обители ветчайшія, Соборная церковь съ сѣв. стороны въ стѣнѣ треснула. Потомъ были у Корнилія Блажен. въ Борисоглѣбск. церкви, гдѣ встрѣтился съ М. В. Б. Священникъ оной старикъ смѣтливый Иванъ Федор. Ремезовъ, просилъ меня кланяться отъ него ки. С. М. Голицыну. По пріѣздѣ домой, городничій Василій Федор. Варсонофьевъ сперва черезъ учителя Парскаго, потомъ черезъ сына своего, моего ученика зазвалъ меня къ себѣ на ужинъ. Онъ показался мнѣ добрымъ, рассказывалъ мнѣ о достопамятностяхъ города, о нравахъ жителей. Я просилъ учителя П. доставить мнѣ записку о Переяславлѣ и числѣ домовъ и жителей.

27. Зашедши въ церковь помолиться, оттуда пришелъ въ уѣздн. училище, гдѣ нашелъ собранныхъ учителей и учениковъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ, въ коихъ учатся и дѣвушки. Въ приходскомъ учатъ два дьякона и священникъ, я сдѣлалъ ученикамъ каждаго училища по нѣскольکو вопросовъ, читаютъ и пишутъ порядочно, катехизисъ знаютъ буквально. Я сдѣлалъ замѣчаніе учителямъ, чтобы они старались внушить смыслъ, а не слова одни и выраженіе. Ученики 2 класса изъ Закона Божія и Св. Исторія отвѣчали препорядочно; изъ исторіи и географіи довольно хорошо, въ матем. не далеко. Грамматику русскую они порядочно знаютъ, я совѣтывалъ упражнять ихъ въ правописаніи, а въ руководство для исторіи взять Кайданова, для географіи Арсеньева, для ариѳметики Перевозчикова. Сдѣлавъ приличное наставленіе ученикамъ, повидимому, умнымъ и благонравнымъ дѣтямъ и простившись съ учителями, кои проводили меня до воротъ, я сѣлъ съ М. В. въ карету и поѣхалъ въ путь. Весь день въ дорогѣ, не очень хорошей, къ

Лисавамъ и отъ Лисава гористой и неровной. Бозпокойно приѣхали повдно ночью въ Троиц. Лавру; отъ дороги Я. Е. чувствовалъ себя не такъ хорошо; и мнѣ что-то соскучилось. Мы остановились въ мон. гостиницѣ и не много развеселились.

28. По утру ходилъ къ ранней обѣднѣ, прикладывался къ мощамъ пр. Сергія, побесѣдовалъ съ гробовымъ монах. Ионою, который водилъ насъ въ трапезу монас., около нея бываетъ крестный ходъ въ Срѣтенье, потомъ зазвалъ насъ къ себѣ и говорилъ много назидательнаго; бесѣда его понравилась М. В., онъ просилъ меня кланяться Котел. и просилъ послѣ обѣда повѣхать въ Вифанію, съ М. В. Б. и Я. Е. осматривали церковь вверху на горѣ Преображенія съ двумя сѣнями по сторонамъ, а въ низу Лазарево Воскресеніе, гдѣ въ пещерѣ на лѣвой сторонѣ, подлѣ гроба преп. Сергія находится памятникъ надъ гробомъ М. Платона съ мѣдною на верху доскою, на коей надпись: надъ гробницею поставлена картина, изображающая Платона, лежащаго во гробѣ, и портретъ его вышитый шелкомъ. Въ Лазаревс. церкви на паникадилѣ, принесенпомъ въ даръ, слѣпцомъ однимъ, написано Платономъ: *даръ слѣпцою Святодаву*. Кругомъ хорова, примыкающихъ съ обѣихъ сторонъ къ Преображ. церкви, поставлены изображенія св. отцовъ, учителей, между коими находится и портретъ М. Платона, надъ ними вверху Спаситель, есть нѣсколько картинъ, одна приписана Рафаэлю, Мар. Магд. и рѣзной на кости образъ импер. Маріи Феодор. надъ картиною, изображены младенцы приход. къ І. Хрис. (работы дѣвицы Воеводской, написано Платономъ: *Благословляетъ васъ Христосъ, птенцы незлобны; О если бы могли и мы быть вамъ подобны*).

Профессоръ Виф. Сем. П. И. Лилсевъ показывалъ мнѣ Вифан. библіотеку, въ коей есть изрядныя и довольно рѣдкія книги; хранятся рукописныя проповѣди Платона, изъ коихъ видно, что онъ вдругъ писалъ ихъ, мало поправляя. Я видѣлъ тамъ же переписку Платонову: письма Екатерины II, Павла I, Александра I, когда онъ еще не былъ 15 лѣтъ, обѣихъ супругъ Павла I Наталіи и Маріи. Письма Павловы дружескія; въ нихъ онъ повѣрялъ ему скорби сердечныя и радости, припоминая ему о счастливыхъ лѣтахъ жизни, когда онъ учился у него. Замѣчательны и дружескія письма Потемкина, Дмитр. Сѣчен. поздравительное письмо Амвросія Кам. 1770 года съ Архіеп. Тверск. Патріарх. Греческихъ, Сербск. Архіереевъ и другихъ вельможъ: есть и черновые отвѣты Платона нѣкоторые. Поблагодаривъ учтиваго библіотекаря, у коего я спраши-

валъ о жизни Платона, имъ самимъ написанной, на что отвѣчалъ онъ незнаніемъ, отправились въ Троиц. Лавру, въ ризницу. За темнотою вечера и за торопливостью ризничнаго, не могли хорошо разсмотрѣть; между прочими рѣдкостями замѣчательны Евангелія рукопис. В. К. Влад. Андр. 7060 года, В. К. Семеона Іоани. образъ древній преп. Сергія, который былъ посланъ М. Платономъ Государю въ 1812 году, и находился съ нимъ въ Парижѣ. Цѣны на вещи, кажется, увеличены по невѣжеству, или изъ хвастовства: многія древнія утвари достойны точнѣйшаго разсмотрѣнія, М. Платонъ привелъ въ порядокъ ризницу, умноживъ ее одеждами (между прочимъ 50 паръ ризъ свящ. и дьякон.) и утварями.— Я заходилъ къ о. Іонѣ, побесѣдовалъ съ нимъ о себѣ самомъ, онъ совѣтовалъ, для избѣжанія грѣховъ, уклонять самую мысль о грѣхѣ, какъ внушеніе дьяв. и не настаивать, втайнѣ молиться, помышлять о чемъ-нибудь добромъ. Я разсказалъ о происшествіи Ярозл. касательно женит., онъ на это сказалъ, что лучше участь свою повѣрять Богу, которая не исповѣдимыми судьбами доведетъ меня до угла безъ усилій съ моей стороны и по молитвамъ матери моей дастъ мнѣ подружіе. Въ заключеніе бесѣды нашей, я просилъ его помолиться обо мнѣ, а онъ—кланяется университетскимъ.

29. Послѣ ранней обѣдни и лобзанія мощей пр. Сергія, отправились въ путь; въ Мытищахъ ночевали, и напившись чаю на другой день.

30. Пріѣхали въ Москву къ обѣду. Маменька была крайне рада. Вмѣстѣ съ почтеннымъ Я. Е. мы тамъ обѣдали и распростились, благодаривъ другъ друга. Ввечеру я заходилъ къ Л. А. Цвѣтаеву, благодарить его и жену его за посвщеніе маменьки моей и разсказывалъ ему о занятіяхъ своихъ въ путешествіи.

31. Ѣздилъ въ университет. повидаться съ своими, отвезъ Гаврилову статью, напис. изъ Бронев. путешествія о Неаполѣ; въ правленіи Каченовскій, увидѣвъ меня, пригласилъ къ себѣ обѣдать. Оттуда я заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву и М. В. Бобарык. поблагодарить ихъ за сопутничество; они приняли меня ласково и въ свою очередь благодарили меня:—надѣвъ на себя фракъ кн. А. Друцкаго, я поѣхалъ къ Каченовскому, у коего засталъ Григ. Иван. Спасск. издателя Сибир. Вѣстника, съ братомъ: разговоръ былъ о Сибири и Китаѣ: о народахъ и языкахъ тамошнихъ. Китайцы наз. Русск. Алазияцами. Онъ писалъ намъ развратное и соблазнительное поведеніе въ Китаѣ

нашего Архиман. Иоакима, коего мѣсто заступилъ Петръ Каменскій, лицо почтенное, по своему ученію и поведенію и принявшій монашество по волѣ Государя. Рѣчь дошла до Греча и Булгарина: ихъ Спасскій описалъ самыми черными красками, особливо перваго. По отъѣздѣ Спасскаго я еще посидѣлъ съ Каченовс. и говорили объ универс. професс., о пансіонѣ университет., изъ котораго онъ самъ вышелъ и ввѣлъ сына. И такъ мое пророчество сбылось. Приѣхавъ домой, засталъ у себя кн. Шапкина съ просьбою о продолженіи цензуровать его журналъ.

Августъ.

1. Отправился въ Симоновс. мон. къ обѣднѣ, прекраснымъ утромъ: въ церкви встрѣтился съ П. П. Бекетовымъ. Послѣ обѣдни зашелъ къ архиман. Герасиму отдать ему обѣщанный экз. жизни пр. Августина. Обѣдалъ у Селивановскаго и познакомился съ С. В. Руссовымъ ¹⁾, который по просьбѣ моей обѣщаль доставить въ общество истор. свои пьесы; остатокъ провелъ у Татаринов.

5. Былъ у А. А. А., который объявилъ мнѣ о новомъ попечителѣ А. А. Писаревѣ, съ которымъ я въ тотъ же день видѣлся и рекомендовался какъ подчиненный прежнему пріятелю: онъ просилъ меня не отдаляться отъ него и звалъ въ субб. съ кѣмъ я хочу въ Люблино; отдалъ мнѣ статьи, доставленные въ Петров. общество митроп. Евгеніемъ.

6. Отслушавъ обѣдню въ Новоспасскомъ мон., зашелъ на закуску къ Архиман. Поликарпу, у коего видѣлся съ Троиц. бібліотекаремъ Евлампіемъ. Обѣдалъ у Татаринова, который собирается ко мнѣ для объясненія своихъ домашнихъ обстоятельствъ; отчего я уклонялся, не желая быть судьей или посредникомъ въ чужихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда пришли пѣсенники и тѣшили насъ пѣніемъ; предъ ужиномъ случилась размолвка у А. И. съ зятемъ, который разсердясь ушелъ, а къ ужину опять пришелъ. Ночью я отправился съ полнымъ кучеромъ домой вмѣстѣ съ Зейдлеромъ.

8. Поработавъ утромъ, отправился въ Люблино, куда приглашалъ съ собою Л. А. Цвѣтаева, отказавшагося подъ предлогомъ экзамена въ Институтѣ. По дорогѣ я заѣхалъ къ Гусеву и Соколову; они были мнѣ рады, и у послѣдняго за слу-

¹⁾ Степанъ Васильевичъ Руссовъ, очень разносторонній писатель, академикъ, † 1842 г.

чившимся дождемъ и громомъ обѣдалъ; но въ Люблино поспѣлъ къ обѣду; тамъ видѣлъ генер. Хитрова, коему отдалъ описаніе Іерусалима, и П. С. Полуденскаго, коему обѣщаль доставить письма Филарета о Катихизисѣ, и который звалъ меня къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда отправились всей компаніей на Самарову гору, прекрасное мѣстечко на Москвѣ р. близъ Перервинскаго мон. гдѣ я былъ съ женою Писарева и Хитрова у всеобщей.

16. Заѣзжалъ къ С. Д. Нечаеву и просилъ его, именемъ А. А. Писарева, написать для истор. общ. біографію Власова: разсуждали съ ними о сходствѣ водчества древн. русск. церквей съ Индійск. пагодами. Отъ него проѣхалъ я было къ обѣднѣ въ Алексѣев. мон., но, не заставъ оной, помолился и приложился къ иконамъ и завернулъ къ Дружинину, котораго нашелъ не здоровымъ послѣ поѣздки въ Серпухов. и мнѣ очень радѣли: я сказывалъ ему о своей визитаціи въ Ярославль; онъ приглашалъ меня въ Люблино съ собою. Отъ него я прошелъ къ Кудрявцеву и далъ ему записку, какія мнѣ нужно списать въ Вифаніи письма Платоновы; онъ обѣщаль исходатайствовать ихъ у проф. Лилеева. Потомъ къ имениннику Д. А. Соколову съ поздравленіемъ: онъ былъ очень радъ мнѣ, пенялъ мнѣ за мое забвеніе его и убѣдилъ съ Неждан. остаться у него обѣдать, хоть я и не хотѣлъ, увидѣлъ Нат. Іог. съ матерью, съ которыми и не кланялся.

23. Узнавъ, что новый попечитель будетъ въ университет. Пансіон. къ обѣднѣ, туда поѣхалъ и слушалъ обѣдню, послѣ коей всѣ представлялись; онъ самъ подошелъ ко мнѣ и обладалъ меня, спросилъ, гдѣ его ожидаютъ профессора. Изъ панс. церкви проѣхалъ онъ въ университет. церковь св. Георгія и посмотрѣлъ ее съ ректоромъ и священникомъ, отправился въ аудиторію, гдѣ сказалъ привѣтственную рѣчь профессорамъ, за которую благодарилъ его ректоръ — рекомендовался имъ; велѣлъ снять съ бюста Александра I закрывавшее оный полотно, чтобы Государь (примолвилъ, былъ свидѣтелемъ нашихъ чувствій). Потомъ прошелъ въ столовую, гдѣ и обѣдалъ со студентами; Мудровъ хотѣлъ было подчивать шампанскимъ; однакожь онъ отказался пить за столомъ студенческ. и выпилъ вмѣсто этого кружку квасу. Антонскій пригласилъ попечителя къ себѣ на кофе. Я обѣдалъ у Давыдова съ Мягковымъ, Перещиковымъ, Маловымъ. На дорогѣ домой, коляска моя изломалась, и я дошелъ пѣшкомъ. Вечеру у меня были Романовскій, Виф. Сем. профессоръ П. И. Лилеевъ съ В. В. Кудряв-

цевымъ: рассказывали поочередно анекдоты и веселились въ саду. Пиллесь смотрѣлъ мою библіотеку—я подарилъ ему съ Кудрявцев. своеизданіе пословицъ: онъ обѣщаль доставить мнѣ нѣкор. письма Платона.

24. Съ попечителемъ обѣдалъ у генерала Хитрова, который показаль мнѣ свой кабинетъ и рѣдкости разнаго рода, между прочимъ хлѣбъ, данный ему Архиманд. Фотіемъ съ тѣмъ, что если черезъ три года не сгниетъ: то значить, что дружба ихъ продолжится, и что одинъ не измѣнитъ другому. Послѣ обѣда онъ показываль записки свои, изъ коихъ позволиль мнѣ сдѣлать выписки и помѣстить въ Истор. Журн. Гаврилова, предварительно давъ ему знать о этомъ. А. А. Писаревъ довезъ меня въ своей коляскѣ до дому, откуда я пошелъ ко всеобщей и къ проф. Цвѣтаеву, у коего посидѣлъ съ часъ. Обѣдалъ у Арсеньева; вечеръ провелъ у инст. Протопопа Василя Ивановича. Маменька возвратилась изъ Троицкой Лавры.

25. Послѣ уроковъ у кн. Черкасской и М. В. Бобар. отправился на экзаменъ студент. въ универ., на коемъ были Ризенко ¹⁾, Щепкинъ ²⁾ и Антонскій; сидѣли до 9 час. Вечеру у всеобщей у Андриана и Наталіи.

26. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Арсеньева на именинахъ его дочери Наталіи Петровны. Было довольно весело; Радзиваловъ мастерски играль на балалайкѣ. Отъ нихъ прошелъ на часокъ къ Матушкиву, который подчиваль меня прилежно. Ночью у Краснолев. кричали караулъ—поймали вора и били.

27. Послѣ уроковъ у кн. Черкасской и Бобар. пріѣхаль въ университет. на студенч. экзаменъ, на коемъ были отличные молодые люди; я экзаменоваль изъ Закона Бож., Истор., Геогр. и Русск. языка. Просиль за Кудрявцева сына; но А. А. не согласился и отложилъ экзаменъ до другого раза.

28. Въ В. Д. видѣлся съ Т. Д., которая прощалась со мною со слезами; я просиль не забывать меня. Вечеру былъ у проф. Цвѣтаева и читаль съ нимъ изъ жизни Платона объ Москов. Академ. и духовныхъ витіяхъ, имъ воспитанныхъ; я съ нимъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ.

29. До обѣдни заѣхаль въ В. Д., опять видѣлся съ Т. Д. и приглашалъ ее къ себѣ въ гости—плакала; предлагаль ей бо-

¹⁾ Василий Павловичъ Ризенко, проф. медицины (1784—1827).

²⁾ Павелъ Степановичъ Щепкинъ, проф. чистой математики (1793—1896).

гатаго и хорошаго жениха—отказалась. Обѣдню слушалъ у фразди. въ церкви св. Іоанна Предт. у Луз. моста, обѣдалъ у генер. Хитрова ¹⁾, съ которымъ перечиталъ его статью *Посольство во Францію 1801 къ I-му Консулу*, для Истор. Журнала. Женѣ его, умной дамѣ, читалъ акафистъ, сочиненный одною дѣвицею.

30. По утру прѣвзжалъ Алексан. Васил. Гвоздевъ благодарить за мое имъ пособіе при студент. экзаменѣ и звать къ себѣ на именины обѣдать. Съ Арсеньевымъ ѣздилъ поздравлять А. А. Писарева: онъ принялъ насъ ласково, сказавъ, что я его забылъ; обѣщалъ къ Арсеньеву вмѣстѣ со мною заѣхать; отъ него рѣшили проѣхать къ Антонскому, который встрѣтилъ насъ ласково, совѣтовалъ Я. Евгр. ѣхать со мною въ Воскресен. монас. къ обѣднѣ. Гдѣ насъ зазвала къ себѣ на чай Магдалина; выпивъ чашку, кофе у Я. Е., отправился домой, гдѣ ожидали меня Гвоздева лошади. Надобно было ѣхать и обѣдать: тамъ встрѣтилъ Щепкина; хозяйева приняли меня ласково, благодарили, за обѣдомъ пили за мое здорье. Не надобно упоевать свое тщеславіе. Уже ввечеру отпустили меня домой. Часу въ 3-мъ пополудни, былъ громъ и дождь, помѣшавшій освѣщенію.

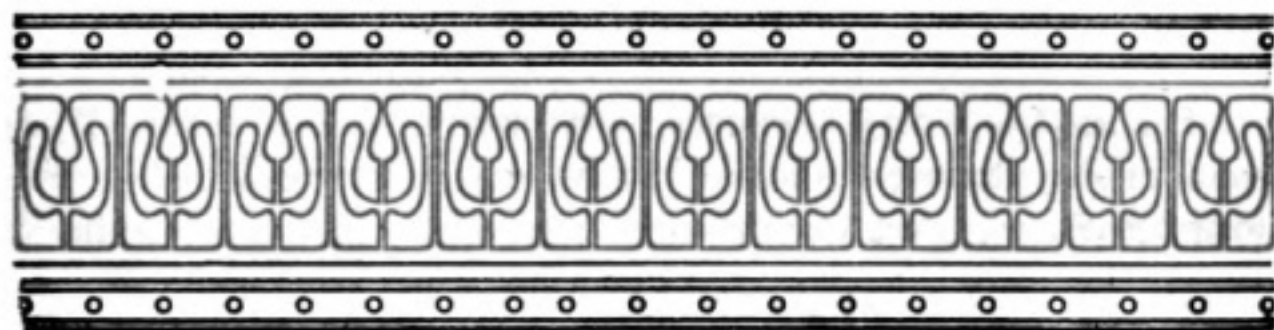
31. Весь день дома; докончилъ визитац. отчетъ. Ввечеру былъ у меня Гусева зять, Ник. Матв. съ благодѣтелемъ своимъ Лебедевымъ—просили о сынѣ, поступающемъ въ студенты: я экзаменовалъ его; изрядно.

Сообщ. В. Андерсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Николай Захаровичъ Хитровъ, ген.-маіоръ, почетн. членъ Моск. унив. и дѣйств. членъ общества Исторіи и Древности Россійскихъ (род. 1779); былъ не чуждъ литературѣ. Его жена, дочь фельдмаршала М. И. Кутузова-Смоленскаго.

Исторія и судьба.

Клѣтка Пугачева.

Въ архивахъ Московскаго губернскаго правленія хранится отъ 1864 года небольшое дѣло канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора, озаглавленное такъ: „О передачѣ въ публичный музей клѣтки и кандаловъ, въ которыхъ содержался въ Москвѣ бунтовщикъ Пугачевъ“.

Дѣло это началось донесеніемъ московскаго военнаго генераль-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, которому отъ 5-го октября 1864 года генераль-губернаторъ писалъ: „Въ Московскомъ губернскомъ тюремномъ замкѣ сохраняются желѣзная клѣтка и кандалы, въ которыхъ привезенъ былъ въ Москву и содержался до времени казни извѣстный бунтовщикъ Пугачевъ“.

„Московскій оберъ-полиціймейстеръ, приписывая вещамъ этимъ историческое значеніе, ходатайствуетъ о разрѣшеніи передать оныя въ Московскій музей“.

„Не встрѣчая съ своей стороны препятствій къ приведенію въ исполненіе означеннаго предположенія оберъ-полиціймейстера, долгомъ считаю сообщить о семъ на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ почтить отзывомъ“.

На этой бумагѣ сдѣлана карандашемъ слѣдующая помѣтка: „Его Высокопревосходительство намѣренъ осмотрѣть клѣтку и цѣпь лично, о чемъ просилъ ему напомнить“. 20 октября.

Такъ вопросъ о мѣстѣ нахождения клѣтки и кандаловъ Пугачева остался неразрѣшеннымъ, и онѣ остались въ Московской губернской тюрьмѣ.

Но въ 1865 году вопросъ объ этихъ памятникахъ Пугачева снова дѣлается предметомъ министерской переписки, и на этотъ разъ въ дѣлѣ принимаетъ участіе министръ юстиціи.

Въ сообщеніи отъ 10 апрѣля 1865 года министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ писалъ московскому военному генералъ-губернатору:

„Министръ юстиціи увѣдомилъ меня, что при осмотрѣ въ Москвѣ мѣстъ заключенія арестантовъ, подвѣдомственныхъ судебнымъ мѣстамъ, онъ нашелъ въ Московской губернской тюрьмѣ кандалы и желѣзную клѣтку, въ которыхъ содержался государственный преступникъ *Пугачевъ*, и что такую историческую древность было бы, по его мнѣнію, приличнѣе хранить въ Московскомъ музеѣ, чѣмъ въ тюремномъ замкѣ.

„Раздѣляя мнѣніе тайнаго совѣтника Замятина, я имѣю честь сообщить о семъ Вашему Высокопревосходительству для зависящихъ съ вашей, милостивый государь, стороны по сему предмету распоряженій, покорнѣйше прося о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

На поляхъ этой бумаги министра внутреннихъ дѣлъ написано карандашомъ: „приказано отвѣтить, что едва-ли было бы удобно выставять въ музеѣ напоказъ орудіе казни“.

Въ этомъ смыслѣ и посланъ былъ въ 1865 году, апрѣля 23-го для московскимъ генералъ-губернаторомъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій отвѣтъ:

„Отношеніемъ № 3427, Ваше Высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить предположеніе г. министра юстиціи о помѣщеніи въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ хранящихся нынѣ въ здѣшнемъ губернскомъ тюремномъ замкѣ кандаловъ и клѣтки, въ которыхъ содержался государственный преступникъ Пугачевъ.

„Принимая во вниманіе, что Московскій музей есть хранилище предметовъ науки и искусства, и что при постоянномъ стеченіи тамъ посѣтителей, быть можетъ было бы неудобно выставять предъ публикою орудія казни, я долгомъ считаю сообщить о семъ предварительно на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства и покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Такъ писалъ московскій генералъ-губернаторъ въ этотъ разъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу „предположенія“ министра юстиціи. Видимо мнѣніе московскаго генералъ-губер-

натора князя В. А. Долгорукова возымѣло свое дѣйствіе, такъ какъ Императорскій Румянцевскій музей получилъ въ свое вѣдѣніе клѣтку Пугачева только въ 1870 году, и съ этого времени она находится въ этомъ знаменитѣйшемъ древнехранилищѣ въ отдѣленіи памятниковъ отечественной старины.

Въ каталогѣ Румянцевскаго музея о клѣткѣ и кандалахъ Пугачева сказано слѣдующее: „Ручныя кандалы съ замкомъ и отдѣльными тремя ключами отъ товарища прокурора 1870 года“. „Желѣзная клѣтка, въ которой содержался Пугачевъ въ Московскомъ тюремномъ замкѣ, собственно желѣзный васлонъ, сдѣланный угломъ изъ полосъ желѣза съ такою же покрывкою и дверью и прибывавшійся къ углу камеры для помѣщенія арестанта—стоя“.

„Мѣра клѣтки въ вышину 2 аршина 12 вершковъ, въ ширину по одной сторонѣ 8^{1/2} вершковъ, по другой, гдѣ дверка, 11 вершковъ. Дверка вышиной 1 аршинъ 12 вершковъ. Кандалы вѣсомъ 22 фунта, въ длину 1 арш. 4 верш. Однимъ желѣзнымъ пруткомъ соединяются вмѣстѣ наложенными съ наручниками. Изъ Московскаго тюремнаго замка въ 1870 году“.

Пугачевская клѣтка, какъ бы въ соотвѣтствіе историческаго сказанія о ней, въ Румянцевскомъ музеѣ занимаетъ мѣсто въ углу стѣны, при чемъ на стѣнѣ зданія при клѣткѣ находится черная доска съ слѣдующимъ печатнымъ текстомъ на ней: „Яицкій казакъ Емельянъ Пугачевъ, пойманный въ концѣ 1774 года, привезенъ былъ въ Москву въ деревянной клѣткѣ и посаженъ на монетномъ дворѣ, находящемся тогда у Воскресенскихъ воротъ, влѣво отъ Иверской часовни при входѣ на монетный дворъ подъ нынѣшнимъ помѣщеніемъ 2-го департамента уѣзднаго суда“.

„Пугачевъ сидѣлъ прикованнымъ къ стѣнѣ за желѣзною рѣшеткою и показывался народу въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ до дня своей казни“, т. е. до 10 января 1775 года.

„Желѣзная клѣтка Пугачева, состоящая изъ сихъ рѣшетчатыхъ стѣнокъ, находилась сначала въ юго-западной башнѣ Московскаго тюремнаго замка, которая потому и названа Пугачевскою. А въ 1851-мъ году устроена здѣсь въ настоящемъ видѣ съ присоединеніемъ ножныхъ кандаловъ Пугачева, въ которыхъ вѣсу 22 фунта“.

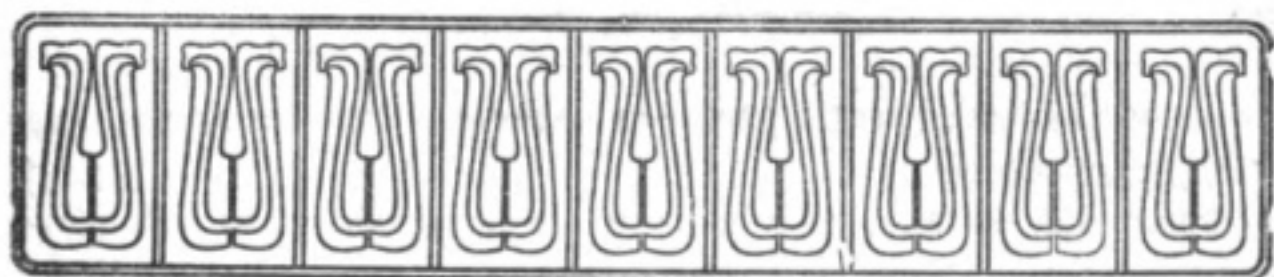
Такова исторія и судьба Пугачевской жизни.

На основаніи приведенныхъ свѣдѣній о Пугачевской клѣткѣ слѣдуетъ придти къ заключенію: 1, что хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ клѣтка устроена въ Москвѣ по доставленіи

сюда съ Волги Пугачева, замѣнивъ собою деревянную, въ которой онъ доставленъ былъ въ Москву; 2, клѣтка эта до 1851 года находилась въ зданіи монетнаго двора; 3, изъ монетнаго двора Пугачевская клѣтка въ 1851 году перемѣщена была въ Московскую губернскую тюрьму и 4, изъ тюрьмы перемѣщена въ 1870 году въ Румянцевскій музей и находится здѣсь среди многотысячныхъ памятниковъ отечественной древности, что, конечно, Емельяну Пугачеву и во снѣ не снилось!..

Н. И. Соловьевъ.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIII ¹⁾.

Армянскій вопросъ.

Изъ массы неразрѣшимыхъ задачъ, составляющихъ восточный вопросъ, самая трудная задача: армянскій вопросъ. Со времени Берлинскаго конгресса на Арменію обрушилась больше всего племенная и религіозная ненависть, однако армянамъ были даны два ручательства за сохраненіе имъ жизни и имущества: одно, законное, берлинскимъ трактатомъ, другое, частное: англо-турецкимъ договоромъ. Останься въ силѣ Санъ-Стефанскій договоръ, турецкое правительство отвѣтственно было бы передъ русскимъ правительствомъ за хорошее управленіе Арменіей. Берлинскій трактатъ эту отвѣтственность уничтожилъ. Въмѣсто этого державы подписали международный договоръ въ Берлинѣ, которымъ обезпечивались армянамъ нужныя для ихъ безопасности реформы. Параграфъ LXI точенъ и спеціаленъ. Глава 16-я Санъ-Стефанскаго договора слѣдующая.

Такъ какъ эвакуація русскихъ войскъ изъ мѣстъ, занимаемыхъ ими, въ Арменіи, которыя должны быть возвращены Турціи, можетъ подать поводъ къ треніямъ, вредящимъ добрымъ отношеніямъ между этими двумя странами, Турція обязуется привести безотлагательно въ исполненіе улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, населенныхъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападенія курдовъ и черкесовъ.

30-го мая 1878 г. меморандумъ, подписанный въ Лондонѣ маркизомъ Салзберри и графомъ Шуваловымъ, гласитъ (№ 7): „обѣщанія, касательно Арменіи, по предварительному условію Санъ-Стефанскаго договора, не должны быть даны исключительно Россіи, но и Англіи“.

На германскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 9-го іюля, лордъ Салзберри прочиталъ слѣдующій параграфъ безъ возраженій, „съ согласія уполномоченныхъ Великобританіи и Турціи“:

„Блистательная порта принимаетъ на себя исполнить, безотлагательно, улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, обитаемыхъ армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападеній курдовъ и черкесовъ. По временамъ, должно быть дано державамъ, наблюдающимъ за ними, знать о томъ, что предпринято по этому поводу“.

Эти слова, принятыя безъ преній, сдѣлались, съ легкимъ измѣненіемъ, 6-й статьей Берлинскаго трактата, оканчивающейся такъ: періодически будетъ сообщено о предпринятыхъ по этому поводу шагахъ державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ исполненіемъ.

Блистательная Порта, по обыкновенію, ничего не сдѣлала. Параграфъ остался мертвой буквой, никакихъ улучшеній, никакихъ реформъ. Англо-турецкое соглашеніе, навязанное публикѣ, говоритъ Стэдъ, какъ новое и особенное обезпеченіе покровительства Арменіи, обратилось въ главное препятствіе какимъ бы ни было соединеннымъ мѣрамъ въ ея защиту.

Г-жа О. А. Новикова, послѣ побѣды либераловъ въ 1880 г., пояснила въ „Сѣверномъ эхо“ русскую точку зрѣнія, описавъ страданія армянъ, причиняемыя имъ турками.

„Если бы Россія стремилась, въ своей политикѣ, къ увеличенію владѣній, ей было бы весьма выгодно настоящее положеніе вещей.“

„Но Россія не ищетъ присоединенія Арменіи. Въ доказательство чего она желаетъ исполненія параграфа берлинскаго трактата и если бы державы потребовали его исполненія, не было бы причины армянамъ смотрѣть на принадлежность ихъ Россіи, какъ на единственное спасеніе. Будетъ ли новое правительство честно содѣйствовать намъ, заставляя турокъ исполнить свои обѣщанія, или, другими словами, поможетъ ли оно намъ заставить султана уступить настолько своей власти, чтобъ бѣднымъ армянамъ организовать что-нибудь въ родѣ авто-

номин, какъ защиту противъ опустошеній курдовъ и грабежа турокъ“.

На этотъ разъ Гладстонъ не откликнулся на ея призывъ. Онъ былъ такъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ заставить турокъ исполнить свои обязательства къ Греціи и Черногоріи, что представилъ армянъ самимъ себѣ. Когда армянскіе уполномоченные пріѣхали въ Лондонъ просить защиты ихъ правъ, обезпеченныхъ договоромъ, Брайтъ отвѣтилъ съ рѣзкой прямою, что „Европа ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, и Англія также. Поѣзжайте въ Петербургъ и просите русскихъ Вамъ помочь. Они одни могутъ это сдѣлать“.

Но Брайтъ и Гладстонъ не хотѣли помнить, что англо-турецкій договоръ обязывалъ англичанъ, на все время занятія ими Кипра, защищать военной силой Турцію противъ Россіи.

Поэтому дѣло армянъ было въ безнадежномъ положеніи. Берлинскій трактатъ мертвая буква, и единственная держава, которой вмѣшательство могло принести дѣйствительную пользу, лишена возможности это сдѣлать, тѣмъ самымъ способомъ, который очевидно предназначался для обезпеченія реформъ въ Азіатской Турціи. Смѣлая и прямодушная политика была бы очистить Кипръ, передавъ его временно Греціи, пока обѣщанныя реформы въ Фессаліи и Эпирѣ совершились бы. Къ несчастью, кабинетъ Гладстона уклонился отъ такого геройскаго поступка. Въ результатѣ англо-турецкій договоръ былъ тридцать лѣтъ препятствіемъ для русскихъ дѣйствій въ защиту Арменіи.

Только внимательно вникнувъ въ этотъ фактъ, можно понять, почему въ 1896 г. политика Россіи въ Арменіи была въ оппозиціи съ политикой, поддерживаемой Гладстономъ, и какъ случилось, что самыя послѣднія письма между Гладстономъ и г-жей Новиковой значительно не носили своего обычнаго дружескаго характера. Хладнокровный читатель убѣдится, что въ этомъ вопросѣ была права г-жа Новикова.

Въ сентябрѣ 1889 г. Ольга Алексѣевна помѣстила въ Цель-Мель газетѣ статью о Критѣ и Арменіи.

Гладстонъ тотчасъ написалъ ей, привѣтствуя возвращеніе ея къ роли защитницы угнетенныхъ восточныхъ христіанъ:

„Хорденъ 16 сентября 1889 г.

„Дорогая г-жа Новикова.—Я радъ, что Вы взяли за критскій и въ особенности за армянскій вопросъ. Эти жестокости въ Арменіи—нашъ позоръ. Если мы не имѣемъ власти

ихъ остановить, мы не должны болѣе братья за дѣло, и похищать Кипръ взаимно;—кража обременительная.

„Если проведу нѣкоторое время въ Лондонѣ, то я надѣюсь быть у Васъ. Вѣрьте моей преданности.

Гладстонъ“.

„Я читалъ „Марію Башкирцеву“, теперь читаю „Преступленіе и наказаніе“. Какъ видите, мой взглядъ обращенъ на Россію“.

Это письмо интересно уже потому, что это послѣднее, въ которомъ говорится безъ тѣни недовѣрія и гнѣва о Россіи и Арменіи. Просьба г-жи Новиковой, получившая согласіе Гладстона, не имѣла однако результата.

Только въ 1895 г. Гладстонъ, повидимому, пришелъ къ заключенію, что нельзя рассчитывать на помощь Россіи армянамъ. Россія, Англія и Франція дѣятельно улаживали критскій вопросъ. Но Арменія далека была отъ брани и пушекъ, для нея ничего не было сдѣлано.

Гладстонъ, какъ всегда, когда хотѣлъ не официально обратиться къ Русскому Правительству, накануне своей прогулки по морю, писалъ г-жѣ Новиковой слѣдующее:

„Хорденъ, 10 января 1895 г.

„Дорогая г-жа Новикова, не хочу отправляться въ Ваше сосѣдство, не воспользуясь адресованнымъ конвертомъ, который Вы были такъ добры, что дали мнѣ. Мы завтра садимся на большой пароходъ; морская вода всегда мнѣ благопріятствовала, и я надѣюсь на нее, какъ на лучшее средство, чтобы избавиться отъ кашля. Въ 85 лѣтъ кашель гость неприятный, который мучить меня послѣдніе десять дней.

„Надѣюсь взглянуть на Петербургъ, но мнѣ говорятъ, что онъ слишкомъ далекъ. Это единственная большая столица, которой я не видалъ. Оба наши правительства (вмѣстѣ съ Франціей) заняты общимъ предпріятіемъ. Значенія для ихъ чести оно не имѣетъ, въ смыслѣ христіанства и долга. Это не будетъ новый Наваринъ! А насколько менѣе значительна была причина Наварина!..

„У насъ было такое же положеніе относительно Греціи и Черногоріи въ 1880 г. Я живо помню отличный образъ дѣйствій Россіи въ этомъ дѣлѣ. Я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ мое знакомство, очень краткое, къ сожалѣнію, съ княземъ Лобановымъ, во время его пребыванія въ Лондонѣ.

Надѣюсь, что его бібліотека процвѣтаетъ. Если Вы когда-нибудь съ нимъ увидите, я бы просилъ Васъ напомнить ему обо мнѣ. Англійскому правительству вполнѣ извѣстны мои чувства, и я надѣюсь, оно не порицаетъ ихъ. Меня очень убѣждаютъ принять общественную дѣятельность, но этого я всѣми мѣрами избѣгаю. Благослови Богъ справедливую политику!..

Искренно Вашъ Гладстонъ“.

„Не скрою отъ Васъ, что въ Англіи упрекаютъ Россію въ нежеланіи сильныхъ мѣръ въ Арменіи.

„Но я надѣюсь, что это не основательно“.

Положеніе Россіи, въ то время, было ясно представлено сэръ Франкомъ Лассель, англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ письмѣ къ лорду Салзберри, отъ 3-го іюля 1895 г., изъ котораго взята слѣдующая выдержка:

„Сегодня днемъ, въ разговорѣ со мной, князь Лобановъ сказалъ, что онъ видѣлъ письмо Гладстона къ корреспонденту, имени котораго нечего упоминать, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что видимо есть разница мнѣній между Англіей и Россіей въ армянскомъ вопросѣ. Князь Лобановъ сообщилъ корреспонденту Гладстона, желавшаго получить отъ него совѣтъ, какъ отвѣчать, что несомнѣнно есть разница мнѣній между двумя государствами и что Россія, по своему географическому положенію и по количеству армянъ, живущихъ въ ней, не можетъ согласиться ни на какой планъ автономіи въ Малой Азій. Россія всегда была покровительницей христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ, и она была бы счастлива доставить еще болѣе обезпеченія ихъ благосостоянію и жизни, но выгоды собственныхъ границъ не позволяютъ ей пока предаваться челоуколюбивымъ мечтамъ, которыя преобладаютъ, повидимому, въ Англіи; интересы Англіи не могутъ быть такимъ же образомъ затронуты, благодаря ея островному положенію и отдаленности отъ Арменіи.

За три года до своей смерти, Гладстону было въ 1895 г. восемьдесятъ пять лѣтъ, и это былъ предпоследній годъ его политической дѣятельности. Это былъ годъ многихъ памятныхъ событій, говоритъ Стэдъ. Въ началѣ его, Джемсонъ Ридъ вовлекъ въ войну Южную Африку и въ приготовленія къ войнѣ. До конца года, Европа была встревожена и челоучество возмущено избіеніемъ армянъ въ Константинополь. Последнее усиліе Гладстона проявиться послѣднюю рѣчь было побужденіе правительства лорда Розберри рѣшиться, если нужно безъ вся-

каго посторонняго участія, силой принудить султана. Онъ встрѣтилъ препятствіе со стороны лорда Салзберри, отказавшагося отъ лидерства въ партіи либераловъ, указывая этимъ на свое убѣжденіе, что планъ Гладстона вовлечетъ насъ въ Европейскую войну.

Онъ провозгласилъ, что идея, будто бы каждое независимое дѣйствіе съ нашей стороны сдѣлаетъ насъ отвѣтственными за возбужденіе европейской войны, ошибочна и что эта ошибка плачевнѣе всѣхъ когда-либо совершенныхъ въ исторіи дипломатіи. Онъ особенно былъ раздраженъ противъ Россіи, правительство которой, при князѣ Лобановѣ, противилось всякому вооруженному вмѣшательству въ Турціи. Это объясняетъ небывалый тонъ его письма г-жѣ Новиковой.

Гладстонъ очень сердился. Г-жа Новикова писала въ Теймсъ и въ Дели Кроникль въ защиту политики князя Лобанова. На ея письмо къ нему по этому предмету, онъ отвѣчалъ 22 октября 1895 г. „Я буду держаться своего мнѣнія“. Его письмо доказываетъ, говоритъ Стэдъ, какъ больно ему было видѣть торжество султана, но выраженія его письма были таковы, что приводятъ ихъ нежелательно.

Князь Лобановъ былъ непоколебимъ несмотря на упреки Гладстона. Ольга Алексѣевна помѣстила статью въ Обсерверъ, представляя сопротивленіе Россіи вооруженному вмѣшательству во избѣжаніе того, что ея согласіе означало бы войну Россіи съ Турціей, которой неприкосновенность гарантирована Англійей. Но Гладстонъ не успокаивался. 3-го февраля 1896 г. онъ пишетъ ей изъ Біарица: „Я читалъ Ваше письмо въ Обсерверъ. Что касается прежняго времени, Вы знаете мое сильное и нескрываемое признаніе Вашихъ заслугъ. Но относительно несчастнаго армянскаго вопроса я молчу. Очень вѣроятно, что Англія сдѣлалась не популярна въ Арменіи, заслуженно или нѣтъ, это мы вскорѣ узнаемъ. Изъ недавней рѣчи Бальфура я заключаю, что министры намѣрены бросить обвиненіе въ другую сторону. Надѣюсь, что они дадутъ намъ возможность судить. Я знаю одно, что, помимо вины султана, гдѣ-то кроется страшная вина и стыдъ“.

7-го марта Гладстонъ пишетъ г-жѣ Новиковой: „Искренно благодарю Васъ за книгу Бэрбекъ. Думаю, что я ей сочувствую одинаково съ Вами. Въ Лондонѣ есть общество восточной церкви, которое, я полагаю, было бы радо поощрить изданіе сочиненія генерала Кирѣева, если оно одобрено епископами и правоспособными авторитетами.“

„Не могу признать, чтобы Ваши доводы относительно Арменіи меня удовлетворили. Меня огорчаетъ и возмущаетъ поведеніе Европы и плачевное положеніе тѣхъ, которые окажутся самыми главными виновниками этого поведенія,—кто бы они ни были.

„Мы рѣшили ѣхать домой на будущей недѣлѣ и въ Хорденѣ я долженъ быть, скажемъ, 13-го. Мнѣ кажется, что сочиненія Пюрсея въ громадномъ распространеніи. Дѣйствительно это историческое событіе, и мы далеко еще не покончили съ нимъ. Слишкомъ часто тамъ фигурируетъ мое имя.

Преданный Вамъ
Гладстонъ“.

Книга Пюрсея была „Жизнь кардинала Маннинга“.

Въ то время, говорить Стадъ, какъ Гладстонъ представлялъ Россію величайшимъ препятствіемъ къ вооруженному вмѣшательству въ Малой Азіи, довольно странно было видѣть, что турки твердо были убѣждены, что злодѣйства въ Арменіи выдуманы, въ интересахъ Россіи. Въ собраніи мусульманъ въ Лондонѣ былъ симпатичный докладъ о томъ, что—

„Пункты, на которыхъ настаивали и обсужденіе которыхъ велось съ большимъ искусствомъ, заключались въ томъ, что никакихъ достовѣрныхъ фактовъ о злодѣйствахъ въ Арменіи не имѣется; что волненія эти политическія, а не религіозныя; что религію слѣдуетъ устранить изъ вопроса и что русскіе полуофициальные агенты и M-me Olga Novikoff играютъ главную роль въ этомъ дѣлѣ.

Страшное негодованіе произвелъ, въ Западной Европѣ, орденъ Меджидіе, которымъ султанъ наградилъ князя Лобанова. Около того времени г-жа Новикова послала Гладстону статью подъ названіемъ „Souvenirs“, помѣщенную ею въ Nouvelle Revue, и упомянула, при этомъ, объ Арменіи. Въ отвѣтъ на это было получено открытое письмо, въ которомъ Гладстонъ благодарилъ ее за „Воспоминанія“, несомнѣнно весьма интересныя, но объ Арменіи, послѣ ордена князю Лобанову онъ отказывался слово сказать.

Послѣ этого не было обмѣна писемъ до сентября, когда вмѣсто того, чтобы успокоиться, Гладстонъ еще больше горячился, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

Хорденъ 1 сентября 1896.

„Дорогая г-жа Новикова. Дѣйствительно цѣлый вѣкъ, и какой ужасный вѣкъ, мы не переписывались.

„Я не сомнѣваюсь въ полномъ нашемъ единомысліи о союзѣ христіанства, этой великой, но отдаленной цѣли.

„Нашимъ предметомъ всегда былъ Востокъ, предметъ дошедшій до самой мрачной ступени и покрывшій Англію не-изгладимымъ позоромъ, писать о немъ я вамъ не могу, въ особенностяхъ объ участіи въ немъ Россіи, иначе какъ въ выраженіяхъ, которыя вы, русская, не могли бы читать терпѣливо:

„Дай Богъ, чтобы намъ скоро представились новыя темы для переписки. Мои воспоминанія о Лобановѣ—когда онъ былъ въ Англіи—какъ о самомъ пріятномъ, добромъ и образованномъ человѣкѣ. Вѣрьте моей молчаливой, но искренней преданности.

Гладстонъ“.

Г-жа Новикова отвѣчала, и это было послѣднее ея письмо къ Гладстону.

Маріенбадъ. 9-е сентября 1896.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ,—Вы слишкомъ великодушны, разрѣша я мнѣ потерять терпѣніе.

„Помня всегдашнюю доброту Вашу, добраго стараго времени, я не могу ошибочно понять благородную причину, которая руководитъ Вашимъ перомъ. Но Вы, можетъ быть, тѣмъ не менѣе огорчены и я считаю себя обязанной, въ защиту моего отечества, сообщить Вамъ, что произошло на одномъ изъ коронаціонныхъ баловъ: Лобановъ, казалось, искалъ случая поболтать со мной, и мы усѣлись вмѣстѣ на диванѣ. „Я радъ случаю лагодарить Васъ за всѣ Ваши усилія привести къ дружескимъ отношеніямъ Англію и Россію“, сказалъ князь.

„Но, признайтесь“, отвѣчала я, улыбаясь, „что министерство иностранныхъ дѣлъ мало даетъ мнѣ въ этомъ поддержки“.

„Лобановъ сталъ очень серьезенъ. „Вы намекаете на ужасный Армянскій вопросъ“, спросилъ онъ.

„Именно, отвѣтила я твердо“. Но, прервалъ онъ, какъ можемъ мы, русскіе, не звать значенія и важности договора о Кипрѣ, обязывающаго Англію идти противъ Россіи, при каждой опасности, грозящей цѣлости Турціи“.

„Да, это правда, замѣтила я, но въ Англіи существуетъ положительная переѣна мнѣній о святости этого договора“.

„Несомнѣнно“, отвѣчалъ онъ, не думайте, что я такъ мало освѣдомленъ, я знаю все объ этой переѣнѣ къ лучшему, тѣмъ не менѣе этотъ Англо-Русскій договоръ не уничтоженъ: Мо-

жете ли Вы, хотя бы минуту подумать, что, откажись Англія отъ своихъ обязательствъ по этому договору, мы бы не отвѣтили немедленно предложеніемъ иной точки зрѣнія?!!

Насъ перервалъ, подошедшій къ намъ, сэръ О'Коноръ, британскій посолъ. Все, что я слышала отъ своихъ, не менѣе Вашего людей заинтересованныхъ въ христіанскомъ дѣлѣ, я это изложила во французской статьѣ, которую посылаю Вамъ съ этой почтой и которую, я надѣюсь, Вы будете такъ добры, что прочтете. Это маленькая вещь безъ большого значенія, все же прочтите ее; быть можетъ, Вы на минуту надъ ней призадумаетесь“.

„Декларация Чемберлена была новымъ ударомъ для насъ; онъ, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо стремится удержать во владѣніи Англіи Критъ, который Греція приняла бы съ такой благодарностью. Надѣюсь, что Вы будете видѣть нашего Государя, когда онъ пріѣдетъ въ Англію.

Всегда Вамъ благодарная,
Ольга Новикова“.

Гладстонъ, все еще страдая отъ мысли, что его бывшая союзница ему измѣнила, отвѣчалъ 13 сентября съ нѣкоторой ѣдкостью, что давнымъ давно султанъ былъ увѣдомленъ о томъ, что договоръ о защитѣ Азіатской Турціи, по условію Кипрскаго договора, уничтоженъ благодаря нарушеніямъ его обѣщаній о реформахъ.

Г-жа Новикова не отвѣчала прямо Гладстону, но рѣзкость его совсѣмъ ее не убѣдила; неудивительно, что даже огромный престижъ Гладстона не могъ ее убѣдить въ томъ, что Россія не права въ своей сдержанности. Споръ обратился на Англо-Турецкій договоръ 1878 г., посредствомъ котораго Биконсфильдъ похитилъ Кипръ. Лордъ Розберри говорилъ, что договоръ уничтоженъ, но насъ занимаетъ споръ съ Гладстономъ, говоритъ Стэдъ. Читая письмо Гладстона, трудно себѣ представить, какъ онъ могъ, съ другой стороны, утверждать, что Англо-Турецкій договоръ вовсе не уничтоженъ, а въ дѣйствительности давалъ Россіи законную причину для войны. Онъ, такимъ образомъ, излагаетъ дѣло въ статьѣ, помѣщенной имъ въ октябрѣ 1896 г. въ Nineteenth Century:

„Мы имѣемъ право требовать отъ султана немедленнаго исполненія своихъ обязательствъ, согласно нашему договору, и поступить съ нимъ за неисполненіе, какъ по міровымъ законамъ наказываются инныя нарушенія договоровъ

„Мы обязались, передъ лицомъ свѣта, добиться хорошаго управленія для Арменіи и Азіатской Турціи.

„За это обязательство мы получили то, что считали цѣннымъ прибавленіемъ къ территоріи нашего государства.

„Все это мы совершили, не въ согласіи съ Европой, а по личному нашему договору и на нашу личную отвѣтственность.

„Англія можетъ давать за себя самыя торжественныя обязательства при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, но она теперь претендуетъ на право обратиться къ другому или другимъ лицамъ, къ государству или государствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ ея обязательствамъ, чтобъ они опредѣлили: должна ли она употребить всѣ имѣющіеся у нея способы, чтобъ ихъ выполнить.

„Если такое правило можетъ быть принято, я почтительнѣйше предложилъ бы старое слово честь вычеркнуть изъ нашихъ лексиконовъ и пропустить на нашемъ языкѣ“.

Гладстонъ могъ быть правъ или не правъ въ этомъ спорѣ, но въ томъ и другомъ случаѣ его доводы очевидное доказательство правильности русскихъ взглядовъ, что договоръ въ полной силѣ и можетъ во всякую минуту служить орудіемъ, оправдывающимъ воинственныя дѣйствія. Не трудно поэтому понять принятое Россіей положеніе. Посудите, что такое англо-турецкій договоръ и къ чему онъ насъ обязываетъ. Г-нъ Томасъ Гибсонъ Больсъ, писавшій въ *Quarterly Review*, весьма легко доказалъ, что съ турецкой точки зрѣнія договоръ въ полной силѣ. Потому, говоритъ онъ, что, единственно въ силу этого договора, Англія занимаетъ Кипръ и управляетъ имъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, продолжаетъ и теперь имъ управлять, такимъ образомъ она занимаетъ и управляетъ имъ явно и открыто, не для чего иного, какъ для того, чтобъ дать себѣ возможность выполнить свое обязательство защищать оружіемъ Азіатскую Турцію отъ нападенія Россіи“.

Гладстонъ и Больсъ замѣчательно оппозиціонные туркофиль и туркофобъ, были заодно въ вопросѣ о дѣйствительности договора. Это облегчило полемику г-жи Новиковой. Въ „Таймсѣ“ и „Дели Кроникль“, она энергично защищала политику князя Лобанова отъ нападеній Гладстона и другихъ. Она указывала на то, что лордъ Биконсфильдъ исключительно оправдывалъ англо-турецкій договоръ потому, что онъ обязывалъ насъ и впредь оружіемъ защищать султана, если бы черезъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ Россія перешла Турецкую границу.

Г-жа Новикова говорила: „Политика князя Лобанова основана на словахъ Биконсфильда: - Хотя произнесенныя въ 1878 году, они дѣйствительны теперь какъ офиціальныи документъ, какъ убѣжденіе англійскаго премьера въ политикѣ, которую Англія, несомнѣнно, приметъ, если бы мы поддержали армянъ оружіемъ, въ этомъ году“.

Лордъ Биконсфильдъ сказалъ:

„Кто бы ни былъ министромъ и какая бы партія ни стояла у власти, положеніе правительства было бы таково... Могли быть колебанія, долженъ быть недостатокъ рѣшимости и твердости, но никто не можетъ сомнѣваться, что въ концѣ концовъ Англія сказала бы: „Этого не должно быть“. Мы должны помѣшать завоеванію Малой Азіи, мы должны принять участіе въ этомъ дѣлѣ“. Никто, я думаю, разсуждающій объ этомъ вопросѣ, не можетъ усумниться, что такова должна бы быть послѣдняя политика.

„Поэтому, продолжалъ онъ, чтобъ устранить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ, голосъ Англіи долженъ прозвучать ясно, твердо и рѣшительно „впередъ“. И этого онъ достигъ заключеніемъ кипрскаго договора. „Случайностей“, сомнительныхъ и колеблющихся, не будетъ больше. Англія, разъ навсегда, обязывается защищать Азіатскую границу Оттоманской Имперіи, противъ нападенія Русской арміи во всякомъ спорѣ.

„Это, объявлялъ онъ, новѣйшая политика Англіи, олицетворяемая кипрскимъ договоромъ. Лордъ Салзберри описывалъ этотъ договоръ, какъ предпріятіе „безусловно“ ватѣянное, чтобъ препятствовать всякому захвату Россіей въ Малой Азіи.

„Это откровенно, возражала г-жа Новикова,—значить, кипрскій договоръ—документъ, приготовленный для того, чтобы препятствовать Россіи чѣмъ бы то ни было помочь армянамъ. Значить, это война Англіи, на морѣ и сушѣ вокругъ всего свѣта, противъ Россіи, если она хотя бы эскадронъ вооруженной полиціи послала бы въ Арменію. И при существованіи этого договора, Вы обвиняете Россію въ томъ, что она не присоединилась къ дѣйствіямъ противъ султана, который защищенъ отъ всякой отвѣтственности за свои инстинкты, полнымъ ручательствомъ „новѣйшей политики Англіи“ при договорѣ и безъ договора, т. е. при реформахъ и безъ реформъ война съ Россіей за всякое прикосновеніе къ Малой Азіи.

„Мнѣ, конечно, скажутъ, да и сказалъ мнѣ уже самъ Гладстонъ, что договоръ не включаетъ въ себѣ требованія покровительствовать злодѣю Арменіи иначе, какъ при условіи ре-

формъ и, что султанъ давно увѣдомленъ о томъ, что за нарушение имъ обязательствъ договоръ теряетъ свою силу.

„Для меня, признаюсь, это новость, и въ Россіи намъ ничего не извѣстно объ уничтоженіи договора съ Англіей. Мы были бы очень рады, если бы официальное сообщеніе объ этомъ фактѣ стало немедленно опубликовано.

„Я думаю, что это успокоило бы совѣсть многихъ людей въ этой странѣ, и въ Европѣ это возстановило бы довѣріе къ Англіи, такъ грубо поколебленное подписаніемъ этого договора. Объясняется наше невѣдѣніе Вашего внезапнаго рѣшенія тѣмъ, что Кипръ, который Вами занятъ и управляемъ единственно въ силу англо-турецкаго договора, все еще въ Вашемъ владѣніи. Уничтоженіе договора тогда только признается вѣрнымъ, когда вслѣдъ за нимъ будетъ эвакуированъ Кипръ.

„Когда это произойдетъ, устранится главное препятствіе къ соединенному побужденію султана и возможно будетъ новое направленіе“.

Въ Дели Крониклѣ г-жа Новикова писала слѣдующее: „Когда я слышу обвиненія Россіи въ томъ, что она не занимаетъ Арменію, я просто удивлялась.

„Англія могла бы насъ упрекать лишь, если бъ истратила хоть половину того, что за одну войну мы истратили для всѣхъ племенъ Восточныхъ Христіанъ“.

„Неужели Вы забыли о кипрскомъ договорѣ. Неужели Вы не знаете, что Англія провела линію между Россіей и Арменіей, переступить которую мы можемъ только подъ страхомъ войны, не только съ Турціей, но и съ Англіей, какъ союзницей той самой страны, звѣрскія преступленія которой Вы желаете, чтобы мы прекратили безъ посторонней помощи.

„Договоръ существуетъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ публично уничтоженъ, такъ же публично, какъ онъ былъ тайно заключенъ. Иначе Россія повѣрить Англіи не должна.

„Россіи нуженъ миръ. Она страстно желаетъ, чтобы дали ей вздохнуть, окрѣпнуть безъ угрозы войны и безъ войны. Россія съ радостью приняла бы всякое практическое предложеніе общаго разоруженія Европы при условіи ареста всякихъ дальнѣйшихъ вооруженій; поэтому Россія противится легкомысленному способу нѣкоторыхъ англичанъ, съ какимъ они бросаютъ горящіе факелы на пороховые склады Европы. Но, если мы должны силой преодолѣть упорство султана и дать дѣйствительную гарантію порядочнаго управленія его угнетае-

мымъ подданнымъ, не станемъ рѣшаться на такой рискъ, не имѣя опредѣленной цѣли.

„Поставить всѣ владѣнія султана въ вѣдѣніе европейскихъ комиссій—это стоило бы сдѣлать, но соглашаться на войну, чтобъ улучшить управленіе трехъ провинцій, населенныхъ частью армянами и частью курдами, на границѣ Россіи,—въ этомъ я сомнѣваюсь.

Г-жа Новикова, въ своей статьѣ „Предложенія новаго направленія“, выражаетъ мысль, что стоило бы восточный вопросъ поднять, въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ быть опредѣленъ разъ навсегда. Это была послѣдняя ея статья, которую читалъ князь Лобановъ. Въ ней необыкновенно характерно звучитъ струна излюбленнаго ею англо-русскаго сближенія, которая тридцать лѣтъ звучала во всемъ, что когда-нибудь было написано ею:

„Къ несчастью, много трудностей, слишкомъ много давнихъ затрудненій, которыя слѣдуетъ устранить и которыя могли бы быть устранены, если бы помнили, что разрѣшить ихъ безъ помощи Россіи нельзя. Мнѣ иногда востокъ напоминаетъ замки, которые открываются только сложениемъ извѣстныхъ буквъ. Онъ именно такой замокъ, никакой ключъ его не откроетъ, пока буквы не сложатся такъ:

„Я говорю Entente, хотя это иностранное слово, но я его предпочитаю слову союзъ. Entente значитъ доброе согласіе на свободу дѣйствій въ извѣстныхъ зонахъ, содѣйствіе (въ случаѣ нужды) въ другихъ направленіяхъ и всюду доброе товарищество. Союзъ можетъ значить все, что хотите: слишкомъ много или слишкомъ мало. Союзы часто, вмѣсто помощи, приносятъ вредъ. Нѣкоторые союзы заключаются скорѣе для того, чтобы умѣрить пылъ друга, нежели усилить его дѣятельность.

„Entente настоящее слово. Кошутъ описывалъ себя „птицей, вѣщающей смерть“, а я, говоритъ г-жа Новикова, хотѣла бы быть „Птицей, вѣщающей жизнь“,—утренней птицей, летящей съ востока, предвѣстницей мира, надежды, грядущаго благоденствія, и я желала бы, чтобы всѣ, сочувствующіе мнѣ въ моей работѣ въ Англій, помогали бы мнѣ еще больше, чѣмъ прежде, въ дѣлѣ, которое, конечно, не въ моихъ личныхъ силахъ.

„Свѣта, свѣта, больше свѣта, какъ говорилъ умирающій Гете“, вотъ что необходимо, при изученіи такихъ трудныхъ вопросовъ, какъ тѣ, которые волнуютъ Востокъ.

„Ко мнѣ отнеслись довольно строго за то, что я упрекала Англійю въ ея прошлыхъ ошибкахъ, вмѣсто того, чтобъ под-

держатъ ее въ добрыхъ дѣлахъ. Но обвиненія не справедливы. Я напомнила Вамъ о прошедшихъ дѣлахъ, для того, чтобъ особенно отмѣтить мои доводы о признаніи Вами Вашей отвѣтственности въ настоящемъ и въ будущемъ.

„Вы спрашивали: какова политика Россіи? Я отвѣчала: политика Россіи въ томъ, чтобы Англія сдѣлала первый шагъ. Инициатива Ваша, сказала я, Россія же не преминетъ содѣйствовать Вамъ въ каждомъ дѣлѣ, обезпечивающимъ миръ и покровительство несчастнымъ армянамъ“.

„Вотъ Вы сдѣлали первый шагъ. Вы взяли на себя починъ, но съ какимъ результатомъ? Г-нъ Гладстонъ, съ всегдашнимъ безстрашіемъ и прямою, представляетъ яркую картину теснѣшняго положенія вещей. „Я представляю себѣ въ умѣ жалкаго султана развѣвающимъ, торжественно, свой флагъ, а противники у его ногъ, Россія, Франція и Англія“.

„Торжество Его блистательнаго Величества значить продолженіе оскорбленій и страшныхъ злодѣяній. Анархія заразительна. Нужна вся власть Русской дисциплины, чтобъ противодействовать такому вредному сосѣдству нашего населенія на Кавказѣ. Политическая паника — нездоровая атмосфера; она дѣйствуетъ на нервы соприкасающихся народовъ.

„Простите мою откровенность: иначе говорить не могу. Что доказали послѣднія событія? Полное безсиліе Англіи въ добромъ покровительствѣ подчиненнымъ восточнымъ племенамъ. Колоссальная способность ея дѣлать зло уже была извѣстна издавна.

„Когда она старается перемѣнить политику и хочетъ настаивать на требованіи реформъ у султана, ей это не удастся и не можетъ удаться потому что единственное ея орудіе, флотъ, можетъ только быть примѣнимъ въ Константинополѣ, что повело бы къ разрушенію Оттоманской имперіи; а этого всѣ государства стремятся избѣжать.

„Больной человѣкъ, очень боленъ, почти при смерти; пронзивъ его сердце, ему бы нанесли очевидный конецъ, но этого боятся!

„Уничтожить султана значило бы ускорить общую схватку надъ гибелью его имперіи.

„Въ этомъ весь Восточный Вопросъ? Оставить неприкосновеннымъ территоріальное *status quo*, номинальный авторитетъ султана въ Константинополѣ; но есть и другое рѣшеніе вопроса: но подъ эгидой европейской комиссіи надъ всѣми подчиненными провинціями.

„Вѣрная политика должна терпѣть существованіе султана въ Константинополь, примѣняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственно возможную борьбу въ видѣ оккупация тѣхъ провинцій, населеніе которыхъ занимается злодѣйствами надъ христіанами.

„У Англіи нѣтъ арміи, чтобы предпринять такую борьбу, но другія державы имѣютъ всѣ средства для защиты христіанъ.

„Болгарія, съ разрѣшенія Европы, можетъ занять и управлять Македоніей. Франція уже разъ занимала Ливанъ; думаю, что, въ случаѣ надобности, она согласится это повторить, нѣтъ надобности, чтобы сфера ея оккупации ограничивалась Сирійскимъ берегомъ. Россія и только Россія въ состояніи умиротворить Арменію. Говоря откровенно, я бы сказала, что если бы лордъ Салзберри и державы бросили всякую ревность и попросили бы Россію занять Эрзерумъ и Тренизандъ, это быстро водворило бы порядокъ въ Арменіи и научило бы курдовъ уважать волю Европы.

Роль полицейскаго для Европы мало имѣетъ въ себѣ привлекательнаго, но Арменія насъ тревожитъ, и никто другой не можетъ отвѣчать за спокойствіе въ Сасунѣ.

„Пока державы будутъ заниматься протоколами и ираде, ничто не измѣнится къ лучшему, но сцена мгновенно измѣнится въ тотъ день, когда Европейскій полкъ займетъ Турецкую провинцію. Султанъ знаетъ, когда Европа имѣетъ въ виду дѣло, а не болтовню. Если султанъ данъ Богомъ „какъ проклятье человѣчеству“, какъ сказалъ Гладстонъ, то поддерживаетъ его въ злодѣйскомъ владычествѣ зависть Англіи къ Россіи.

Князь Лобановъ читалъ съ большимъ интересомъ статьи г-жи Новиковой объ Арменіи, помѣщенныя въ „Daily Chronicle“, говоритъ Стэдъ, и часто приводилъ ихъ въ дипломатическихъ разговорахъ. По наружному виду ея политика, не первый разъ, казалось, противъ Русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ всегда Ольга Алексѣевна была вѣрна традиціонной роли Россіи, какъ покровительницы христіанскаго Востока. Въ своей оживленной полемикѣ г-жа Новикова говорила: Если Гладстонъ, сурово относившійся къ Кипрскому договору, выставляетъ его теперь причиной единоличной борьбы Англіи съ Турціей, Русскіе не могутъ смотрѣть на него какъ на несуществующій. Договоръ этотъ всегда былъ незаконнымъ и противорѣчилъ существующимъ договорамъ; но Англія была связана имъ, добровольно связана, и не избавится отъ этого обязательства, пока надъ Кипромъ вѣется Англійскій флагъ. Дѣло, однако, хуже, чѣмъ мы думали, мы полагали, что Гладстонъ, по крайней

мѣрѣ, смотрѣлъ на эту сдѣлку какъ на пустую шутку, ничего не стоящую, хотя творецъ его лордъ Салзберри видѣлъ въ немъ дѣйствительность, теперь мы узнаемъ, что и Гладстонъ придаетъ ему значеніе и силу, такъ что онъ можетъ служить основаніемъ для вмѣшательства Англіи въ Турецкія дѣла.

„Если это такъ, то *casus belli* прстивъ Россіи, со стороны англійскаго правительства, готовъ, если та станетъ защищать Арменію безъ опредѣленнаго мандата всей Европы. Въ договорѣ этотъ пунктъ категориченъ.

„Иногда кажется, что Англія забываетъ свои обязательства, не только къ Арменіи, но даже къ султану. Я часто слышу возгласы: „Смѣшно говорить, что Англія обязана защищать султана, ибо это былъ договоръ, основанный на необходимыхъ реформахъ; но несоблюденіе этихъ реформъ измѣняетъ характеръ всего условія.

Отчего же договоръ этотъ формально не уничтоженъ?

„Въ случаѣ спора объ этомъ важномъ вопросѣ, нѣтъ надобности обращаться къ авторитетамъ, а лишь къ документу

„Англичане забыли, кажется, текстъ этого договора. Вотъ главные его параграфы. Ни одинъ честный человекъ, прочитавъ ихъ, не можетъ не придти къ заключенію, во-1-хъ, что обязательство Англіи состоитъ въ поддержкѣ оружіемъ силъ султана, при защитѣ его Азіатскихъ границъ отъ Россіи, а занятіе Кипра разрѣшено султаномъ взамятъ обѣщанія его защищать.

Вотъ самый текстъ: „Ея Величество Королева и Его Императорское Величество, взаимно одушевленные искреннимъ желаніемъ укрѣпить и распространить, къ счастью, уже существующую дружбу между обѣими Имперіями, рѣшили заключить оборонительный договоръ, съ цѣлью охранять въ будущемъ, Азіатскія территоріи Его Величества султана. Ихъ Величества избрали своихъ уполномоченныхъ, которые должны слѣдовать слѣдующимъ правиламъ:

„Ст. 1. Если Россія удержитъ въ своемъ владѣніи Батумъ, Ардаганъ или Карсъ или въ будущемъ Россія будетъ пытаться завладѣть какой бы то ни было территоріей Его Величества султана, установленной послѣднимъ мирнымъ договоромъ, Англія обязуется защищать права султана силой оружія.

„Взамѣнъ, Его Величество султанъ обѣщаетъ Англіи произвести необходимыя реформы, на счетъ которыхъ вырабатываются условія между обѣими державами, для покровительства

христіанамъ и другихъ подданныхъ Порты въ этихъ владѣніяхъ.

„А для того, чтобы Англія могла приготовить нужные запасы для выполненія своихъ обязательствъ, Его Величество султанъ согласенъ на занятіе и управленіе англичанами острова Кипра.

„Ст. 2 говоритъ о ратификаціи въ мѣсячный срокъ“.

Договоръ подписанъ въ іюль 1878 г. 1-го іюля появилось прибавленіе, послѣдній параграфъ котораго слѣдующій:

„Если Россія возвратитъ Турціи Карсъ и другія завоеванные ею въ Арменіи мѣста, за послѣднюю войну, англичане эвакуируютъ островъ Кипръ и договоръ 4-го іюня уничтожается.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, принимая во вниманіе статью прибавленія, что если бы Россія возвратила что-нибудь завоеванное, Кипръ будетъ возвращенъ Турціи, вмѣстѣ съ тѣмъ это ясно доказываетъ, что занятіе Кипра, не касалось реформъ.

„Россія, слѣдовательно, обязана признавать фактъ, что пока Вашъ флагъ развѣвается надъ Кипромъ, договоръ не уничтоженъ и при первой серьезной попыткѣ отмстить за злодѣянія въ Сасунѣ, султанъ немедленно пріобрѣтаетъ право, въ силу кипрскаго договора, призвать на помощь британскую армію и британскій флотъ въ защиту своихъ владѣній.

„Я бы желала, чтобъ мнѣ пояснилъ Гладстонъ или другой англійскій сановникъ, какую точку зрѣнія можетъ имѣть Россія, кромѣ той, которой придерживается и высказывается князь Лобановъ, а именно:

„Что Англія связана по рукамъ и по ногамъ обѣщаніемъ помогать султану при малѣйшемъ шагѣ со стороны Россіи. Занятіе Кипра было уступлено съ намѣреніемъ, чтобъ Вы успѣли сдѣлать нужныя приготовленія для защиты Турецкой Азіатской границы отъ Россіи и больше ни для чего.

„Это обѣщаніе не касается реформъ, обѣщанныхъ султаномъ въ награду за обязательство защищать его вполне и безостановочно, безъ всякихъ условій присоединить Ваши войска къ его войскамъ для защиты его границы отъ Россіи.

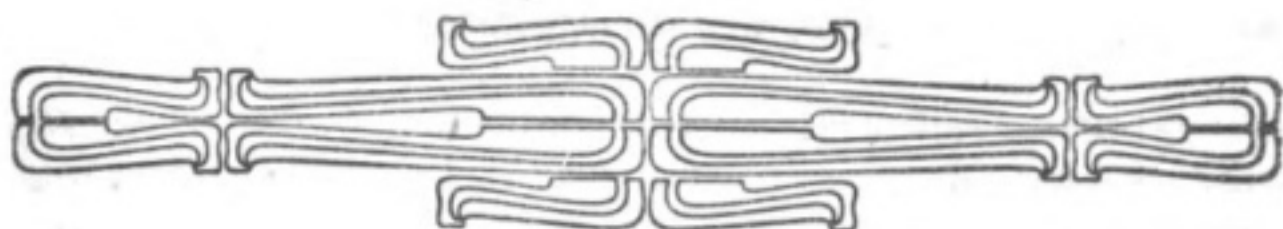
„И что Вы остаетесь связанными Вашимъ договоромъ помогать Турціи противъ Россіи все время, что Вами занятъ Кипръ, каковы бы ни были неисправности со стороны султана въ совершеніи реформъ“.

„Этотъ кипрскій договоръ объясняетъ многое; я не думаю, чтобъ сдержанность князя Лобанова иначе была намъ даже понятна.

Будемъ надѣяться, что ужасы послѣднихъ событій заставятъ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ наконецъ отказаться отъ своего упорнаго туркофильства.

Е. С. М.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ ¹⁾.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Вообще аудиторія, какъ новинка, которой въ корпусахъ не было въ заводѣ,—производила на насъ всесторонне прекрасное впечатлѣніе. Мы ее, какъ храмъ науки, облюбовали. Но однажды въ одной изъ аудиторій случилась, вызванная едва-ли не больше всего ея обстановкой, исторія, которая навсегда оставила въ насъ недобрую память по себѣ, несмотря на всю мелочность свою.

Лекціи въ аудиторіи вообще читались по тѣмъ предметамъ, кои приходилось преподавать одинаково и одновременно для всего класса въ 150 чел.; въ отдѣленіяхъ, соответствовавшихъ мелкимъ корпуснымъ классамъ, мы занимались только практическими занятіями въ родѣ черченія — артиллерійскаго и инженернаго,—а также языками; военныя науки—каковы: фортификація, артиллерія, тактика, военная исторія, военная администрація читались всѣмъ ста пятидесяти слушателямъ сразу въ аудиторіи.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло благополучно; мы въ аудиторіи младшаго класса съ большимъ вниманіемъ слушали полковника Чепелевскаго по артиллеріи, полковника Казанскаго по тактикѣ, капитана Зайцева по военной администраціи и другихъ, какъ вдругъ начались у насъ нѣкоторыя, — сначала небольшія, неудовольствія противъ инженера капитана Озерникова, преподававшаго намъ фортификацію.

Дѣло въ томъ, что при чтеніи главной части этой науки, преподаватель чертитъ на большой доскѣ чертежи, такъ называемыхъ „фронтонъ укрѣпленій“; чертежи, эти какъ извѣстно,

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

представляли собой нѣчто сложное и, для того, чтобы она хорошо запоминалась, необходимымъ условіемъ являлось постепенное, на глазахъ слушателей, воспроизведеніе каждаго чертежа; по мѣрѣ того, что чертежъ создается, онъ запоминается и врѣзывается въ память. Капитанъ Озерниковъ, вопреки этому общепринятому правилу, приказывалъ состоявшему въ его распоряженіи чертежнику заранѣе чертить на доскѣ фронтъ, а во время лекціи самъ палкой лишь указывалъ по готовому рисунку ходъ создаванія чертежа этого фронта. Не имѣя возможности взять въ толкъ дѣло постепеннаго полученія чертежа, мы терпѣливо проморгали глазами двѣ лекціи или два фронта; но, по окончаніи второй лекціи, нѣкоторые изъ насъ рѣшились мягко высказать капитану Озерникову неудобство и даже безцѣльность такого сообщенія намъ свѣдѣній по этому важному отдѣлу фортификаціи. Капитанъ Озерниковъ обратившимся къ нему съ деликатно высказаннымъ заявленіемъ юнкерамъ ничего не отвѣтилъ, и мы полагали, что онъ само собой къ очередной лекціи отдастъ чертежнику надлежащее приказаніе о томъ порядкѣ, который придется завести по этой части въ будущемъ.

Явившись затѣмъ на лекцію, мы съ удивленіемъ и съ грустью увидѣли, что чертежникъ Коломнинъ опять заготовилъ мѣломъ на доскѣ чертежъ фронта, воспроизведеніе котораго мы надѣялись увидѣть на нашихъ глазахъ.

— Я присутствовалъ, сказалъ Коломнинъ, при томъ, когда вы, господа юнкера, обращались къ капитану, и потомъ объ вашей просьбѣ ему даже напомнилъ; несмотря на то, онъ отдалъ мнѣ прямое приказаніе начертить къ сегодняшнему чтенію „капонирный“ фронтъ по-прежнему¹⁾, т. е. заблаговременно.

Выслушавъ это и видя, что уже скоро придетъ самъ капитанъ „читать намъ лекцію“, одинъ изъ юнкеровъ—Васичъ I-й, бывший кадетъ Орловскаго корпуса, взялъ мокрую губку и, въ присутствіи чертежника, стеръ его работу. Едва успѣлъ онъ окончить этотъ свой трудъ, какъ въ аудиторію вошелъ Озерниковъ и началъ взбираться по ступенькамъ на кафедру.

— Это что значитъ? Коломнинъ, гдѣ чертежъ фронта? отчего его нѣтъ?—закричалъ онъ грубо, крайне жельно и раздражительно.

— Чертежъ я стеръ,—отвѣтилъ подошедшій къ капитану

¹⁾ Въ нашемъ курсѣ преподавались тогда чертежи фронтовъ — ба-етіоннаго, тевальнаго, капонирнаго, полигональнаго.

юнкеръ Васичъ; мы васъ просили. для нашего облегченія, чертитъ фронты при насъ съ постепеннымъ ихъ воспроизведеніемъ; вы на нашу просьбу не обратили вниманія, а потому я нашелъ и нужнымъ и правильнымъ его стереть, такъ прямо вамъ объ этомъ и заявляю.

Озерниковъ позеленѣлъ, ни слова не отвѣтилъ и, взявъ въ руку мѣлъ, подошелъ къ доскѣ. Всѣ усѣлись на свои мѣста въ ожиданіи начала лекціи и въ надеждѣ увидѣть постепенное воспроизведеніе чертежа самимъ преподавателемъ.

Озерниковъ провелъ по серединѣ доски пунктирную линію, какъ полагается при созданіи чертежа и изъ середины той линіи опустилъ внизъ пунктиромъ же перпендикуляръ.

Доска была очень мокрая, мѣлъ на нее не садился, обваливался, проведенныя далѣе двѣ линіи обсыпались.

— Намъ ничего не видно, — заявило нѣсколько голосовъ, — позвольте доску вытереть досуха.

Озерниковъ не обращалъ вниманія и продолжалъ свое черченіе.

— Мы ничего не видимъ, — раздались опять голоса со скамеекъ, занятыхъ слушателями.

Тогда Озерниковъ обернулся къ намъ и, съ пѣной у рта, произнесъ:

— Господа, вы не воображайте, что вамъ здѣсь будетъ все сходить, какъ сходило въ корпусахъ; здѣсь вамъ ничто не будетъ пропускаемо и оставляемо безнаказаннымъ, за все вы будете строжайше отвѣчать и спуска вамъ давать не будутъ...

Какъ будто сговорившись, юнкера въ разныхъ углахъ обширной аудиторіи закричали, столы и скамьи затряслись, поднялся неимоверный шумъ, въ крикъ нельзя было понять словъ; Озерниковъ очень растерялся и, бросивъ мѣлъ, быстро побѣжалъ съ каеэды къ выходной двери.

Никогда никто впослѣдствіи не узналъ, какимъ образомъ и почему та дверь оказалась запертою на ключъ; капитанъ, ожидавшій возможности уйти безпрепятственно, началъ стучаться и ломиться; тутъ онъ пережилъ самыя тяжелыя, — критическія минуты, такъ какъ крики юнкеровъ болѣе и болѣе усиливались, отчего убѣгавшему „профессору“ должно было казаться, что юнкера вотъ-вотъ насѣдаютъ на него и кричатъ чуть не на его спицѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя несомнѣнно показались ему вѣчностью, дверь вдругъ отворилась, и глазамъ всѣхъ предсталъ изъ корридора инспекторъ классовъ, — полковникъ Слуц-

кій со своимъ помощникомъ гв. артиллеріи поручиковъ Юшенковымъ; рядомъ съ ними стоялъ корридорный служитель, который, видимо, только-что отперъ имъ дверь.

Озерниковъ ушелъ съ начальствующими лицами, начавъ растерянно и раздражительно рассказывать имъ, что именно произошло въ аудиторіи.

Такимъ образомъ лекція та окончилась ненагатою, и мы провели полтора часа безъ профессора въ пересудахъ всего случившагося.

На Б. А. Шванебаха вся эта исторія произвела крайне тяжелое впечатлѣніе. Озерниковъ сразу, при встрѣчѣ съ нимъ въ инспекторской комнатѣ, освѣтилъ ему ее крайне невыгодно для юнкеровъ, сказавъ: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ,—юнкера, очевидно, не могутъ отстать отъ кадетской привычки бунтовать.

Этихъ словъ было достаточно для того, чтобы разогорчить Бориса Антоновича, который именно пребывалъ въ полной вѣрѣ относительно того, что время бунтовъ миновало и въ училищѣ имъ мѣста не будетъ...

— Успокойтесь, капитанъ,—сказалъ онъ Озерникову, видя его раздраженіе,—успокойтесь, а затѣмъ расскажите мнѣ спокойно, что у васъ вышло и изъ-за чего?

Выслушавъ его рассказъ, полковникъ Шванебахъ объявилъ юнкерамъ, что желаетъ выслушать каждаго, кто самъ захочетъ придти къ нему, дабы откровенно дать вѣрныя, правдивыя показанія по поводу всего того, что ими надѣлано въ этомъ эпизодѣ. Много юнкеровъ отозвалось на призывъ, и почти три дня самъ Б. А. чинилъ имъ допросъ.

На третій день къ вечеру исторія была сочтена оконченною, при чемъ Васичу и нѣкоторымъ другимъ юнкерамъ, опредѣленіемъ училищной конференціи, были объявлены выговоры и замѣчанія за все то, что оказалось и что каждый самъ про себя рассказалъ на импровизированномъ домашнемъ дознаніи. Чтеніе лекцій фортификаціи въ нашемъ — младшемъ классѣ было передано командиру 4-ой роты капитану л.-гв. Московскаго полка Попелло-Давыдову, который до перевода къ намъ въ училище состоялъ въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ именно преподавателемъ фортификаціи; въ его преподаваніи мы получили общеустановленное при лекціяхъ воспроизведеніе чертежей.

Съ Озерниковымъ намъ пришлось навсегда разстаться; съ тѣхъ поръ, до конца года, онъ преподавалъ фортификацію и

фортификаціонное черченіе лишь въ старшемъ классѣ; когда мы перешли въ старшій классъ, онъ занялъ мѣсто преподавателя въ младшемъ классѣ, наполненномъ юнкерами, вновь переведенными изъ кадетскихъ корпусовъ, мы же до конца нашего пребыванія въ училищѣ остались въ рукахъ М. Я. Попелло-Давыдова ¹⁾.

Исторія эта замолкла и заглохла; мы тогда ничего больше о ней не узнали. Впослѣдствіи намъ, уже офицерамъ,—В. А. не разъ говорилъ: быть бы бѣдѣ, но мнѣ посчастливилось построить оправданіе юнкеровъ на томъ, что они скромно, тихо и вѣжливо съ самаго начала просили преподавателя провести и установить правильный способъ преподаванія, онъ не внялъ ихъ просьбамъ, чѣмъ могъ накликать большую бѣду, вызвавъ что-либо очень сложное и грубое, болѣе значительное, чѣмъ происшедшая всышка.

По Москвѣ, которая любила, какъ кумушка, всякіе слухи ловить и на разные лады перемывать, пошелъ говоръ о томъ, что „училищные юнкера, находящіеся на дѣйствительной службѣ, взбунтовались“. Слава Богу, мнѣ удалось эту вздорную молву остановить и во-время пресѣчь.

Все окончилось относительно благополучно, бунта во всемъ этомъ не было и тѣни, а Васичъ, позволившій себѣ стереть чертежъ, вполне достаточно былъ наказанъ, получивъ за это выговоръ вмѣстѣ съ другими, сознавшимися въ своихъ выкрикахъ школьническаго характера.

— Надо было слушать, продолжалъ В. А. Шванебахъ—съ какимъ достоинствомъ, спокойствіемъ и добродушіемъ юнкера все про себя рассказывали и какъ ихъ сознанія были симпатичны въ сравненіи съ тѣми желчными оговорами, которыми Озерниковъ старался всю исторію окрестить въ бунтъ! Онъ не лгалъ, но, разсердившись сразу, получилъ на все случившееся совершенно ложную точку зрѣнія и на ней по-своему твердо стоялъ, какъ бы не желая и не умѣя опомниться.

— Какъ мнѣ впредь читать лекціи и вообще заниматься съ толпой взбунтовавшихся юнкеровъ,—твердилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на все, что я ему сообщалъ изъ юнкерскихъ показаній. Наслушавшись вдоволь этихъ и такихъ его наговоровъ, рассказывалъ Шванебахъ, я собралъ конференцію изъ всѣхъ чиновъ училища и въ присутствіи ихъ съ большою твердостью

¹⁾ Мих. Яковл. Попелло-Давыдовъ вскорѣ былъ переведенъ въ Пажескій корпусъ ротнымъ командиромъ, а послѣ того былъ назначенъ директоромъ Псковскаго кадетскаго корпуса.

высказалъ Озерникову или, проще говоря, сурово ему внушилъ, что бунта никакого не было, хотя онъ,—капитанъ, все сдѣлалъ для вызова его; слава Богу, у юнкеровъ сердце не лежало къ этому, они всѣ оказались безусловно расположенными,—наносившіяся имъ, неумѣстными нотаціями его, оскорбленія сносить совершенно спокойно и съ полнымъ благоразуміемъ.

— Что же касается вопроса, задаваемого вами мнѣ,—сказалъ Бор. Ант-чъ Озерникову,—какъ вамъ преподавать толпѣ бунтовщиковъ, считаю, что вы должны мнѣ здѣсь сегодня официально и открыто заявить о своемъ желаніи сдать это преподаваніе кому-либо другому—это вамъ мой совѣтъ, мое положительное заключеніе и окончательное рѣшеніе.

Такъ это дѣло, грозившее большими осложненіями, быстро разсыпалось и окончилось ничѣмъ, благодаря лишь тому, что начальникъ училища, принявъ исторію близко къ сердцу, энергично, по свѣжимъ слѣдамъ, самъ ее разслѣдовалъ, а когда увидѣлъ, что она не стоитъ выведеннаго яйца,—закончилъ ее своимъ мудрымъ судомъ.

* * *

Училищная конференція, о которой здѣсь упомянуто, играла большую роль въ нашей жизни, хотя вообще о ней и объ ея дѣятельности юнкерской массѣ было извѣстно немного. Б. А. Шванебахъ, открывая первое засѣданіе этой конференціи въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1863 года, объявилъ, что все передаваемое на ея обсужденіе, какъ тяжелое для юнкеровъ (т. е. касающееся ихъ проступковъ), такъ и пріятное для нихъ (производство въ портупей-юнкера, другія повышенія и т. п.) должно обсуждаться при условіи совершенно свободнаго выраженія каждымъ членомъ мнѣнія своего,—этого, какъ во всемъ служебномъ, неизмѣнно требуетъ законъ и это должно быть установлено по совѣсти; я же, сказалъ онъ, здѣсь напомню только положительно объ одномъ—а именно, чтобы, на тѣхъ же основаніяхъ закона и совѣсти,—ничто отсюда не выходило никакими побочными путями; а затѣмъ, и доводится до свѣдѣнія юнкеровъ и вообще становится общеизвѣстнымъ можетъ разъ навсегда лишь то, о чемъ состоится постановленіе „объявить въ приказѣ“ или „сообщить по принадлежности“,—остальное положительно все должно здѣсь замирать. Объ этомъ я настоятельно прошу и даже требую, надѣясь, что повторять сказаннаго мнѣ не придется.

И нужно отдать справедливость сослуживцамъ Б. А. Шванебаха, до какой степени они свято исполняли это „требованіе“ его.—Такъ между прочимъ относительно переданнаго на ихъ обсужденіе событія, вызваннаго пресловутымъ фортификаціоннымъ чертежемъ, намъ тогда стало извѣстно только лишь о замѣчаніяхъ и выговорахъ, разсыпанныхъ по адресу нѣкоторыхъ изъ насъ; подробности же всего, что тамъ произошло комичнаго въ связи съ растерянностью, проявленною капитаномъ Озерниковымъ, вообразившимъ, будто бы на обсужденіе конференціи (онъ состоялъ ея членомъ) выставленъ и ею разбирается его весь подвигъ, мы узнали черезъ много лѣтъ, уже начавши сѣдѣть на службѣ въ офицерскихъ чинахъ.

* * *

Дѣятельность конференціи имѣла немалую связь съ однимъ обстоятельствомъ, которое произошло еще до начала вступленія училища въ жизнь, т.-е. до сформированія его.

О томъ, что мнѣ предстоитъ теперь рассказать, я знаю изъ совершенно особаго и вѣрнаго источника. Былъ у насъ на службѣ въ гвардейской конной артиллеріи товарищъ Алексѣй Дмитріевичъ Милютинъ ¹⁾—сынъ военнаго министра; онъ былъ почти однихъ лѣтъ со мной, и мы, прослуживши нѣсколько лѣтъ въ строю, разошлись какъ бы для того, чтобы впоследствии сойтись на гражданской службѣ: въ началѣ 1873 года насъ разлучила прогремѣвшая тогда на всю Россію и ставшая общезвѣстною печальная „исторія Квитницкаго“; ватѣмъ почти черезъ 20 лѣтъ,—въ концѣ іюля 1892 года, я, состоя въ должности курскаго вице-губернатора, получилъ себѣ новаго начальника-губернатора въ лицѣ ген.-маіора Алексѣя Дмитріевича Милютина—въ ту пору уже графа.

Не мѣсто здѣсь распространяться о томъ, что мы, разойдясь въ 1873 году, какъ говорится, „на холодкахъ“, испытали немного пріятныхъ чувствъ, когда судьба насъ вновь свела въ столь близкихъ другъ къ другу положеніяхъ; впоследствии мнѣ быть можетъ доведется подробно рассказать, какъ отношенія наши изъ самыхъ холодныхъ постепенно сдѣлались самыми лучшими исключительно благодаря тому, что графъ Алексѣй Дмитріевичъ былъ человекомъ полнымъ рыцарства и джентльмэнства, какимъ его и считала Курская губернія въ теченіе

¹⁾ Выпуска 1865 г. изъ пажекаго корпуса; родился въ 1844-мъ году.

всѣхъ десяти лѣтъ управленія имъ ею.—Все это представляется крайне интереснымъ, но отлагается мною. Теперь же я привелъ здѣсь вообще свѣдѣнiе объ этой моей жизненной встрѣчѣ лишь для того, чтобы мимоходомъ указать источникъ, изъ котораго, между прочимъ, довелось мнѣ получать массу богатыхъ фактическихъ данныхъ о прошломъ, ставшемъ извѣстнымъ А. Д.—чу отъ отца и передавшемся мнѣ во время простыхъ товарищескихъ бесѣдъ, происходившихъ между нами среди дѣла при нашей совмѣстной службѣ въ Курской губерни.

* * *

Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ должности военнаго министра, Дмитрiй Алексѣевичъ Милютинъ, вернувшись однажды домой изъ обычно посѣщавшихся имъ засѣданiй, сообщилъ, что пришлось ему натолкнуться на большой курьезъ; въ комитетѣ о военно-учебныхъ заведенiяхъ, преобразование которыхъ было тогда рѣшено, рассматривался вопросъ объ установленiи внутренняго порядка въ нарождавшихся въ ту пору трехъ военныхъ училищахъ—Павловскомъ, Константиновскомъ и Александровскомъ, выдѣлявшихъ изъ корпусовъ въ свой составъ спеціальныя классы (лѣто 1863 года). Это, какъ выразился тогда Д. А. Милютинъ, являлось дѣломъ окончательной отполировки положенiя о создавшихся новыхъ военноучебныхъ заведенiяхъ.

Въ это время, когда все шло своимъ порядкомъ, одинъ изъ членовъ комитета заявилъ свое мнѣнiе о томъ, что въ военныхъ училищахъ, которыя соединять въ себѣ спеціальныя классы кадетскихъ корпусовъ, не слѣдовало бы допускать наложенiя иныхъ взысканiй кромѣ выговоровъ, замѣчанiй, указанiй и т. п.

Нѣкоторые изъ членовъ комитета, не вполне вникнувъ въ суть этого предложенiя, возразили, что оставлять юнкеровъ безъ взысканiй нельзя, они перейдутъ въ училища изъ кадетскихъ корпусовъ, которыхъ распущенность за послѣднiе годы сдѣлалась общезвѣстною и нетерпимою.

Было дано разъясненiе о томъ, что безнаказанности никто не предвидитъ и допуска ея вовсе никто не предусматриваетъ; все предложенiе строить такой порядокъ, при которомъ можно будетъ избѣжать наказанiй, не вяжущихся съ возрастомъ и съ положенiемъ кадетъ старшаго возраста; мелочность въ дѣлѣ наказанiй для нихъ должна отпасть—останутся лишь крупныя

поступки или преступления, за которыя училищная власть будетъ имѣть возможность налагать серьезныя взысканія; между ними въ видѣ крайней мѣры надо считать исключеніе изъ училища или переводъ въ армію юнкерскимъ званіемъ.

Предложеніе, показавшееся въ первую минуту курьезнымъ, было на разные лады переработано, высказано было стремленіе отбросить изъ этого дѣла всю мелочность и поставить его серьезно; — въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что все школьническое должно было отойти изъ быта юнкеровъ, проведены были новыя взгляды, при чемъ авторъ, — каковымъ оказался намѣченный на должность начальника одного изъ училищъ полковникъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ, — представилъ свои разъясненія въ подробномъ докладѣ, выслушанномъ комитетомъ и его председателемъ Дм. Алекс. Милютинымъ. — Массу промежуточныхъ взысканій, говорилъ Шванебахъ въ своемъ докладѣ, мое предложеніе даетъ возможность избѣгать; аресты, карцеры и другія наказанія, являющіяся неподходящими для того полуофицерскаго званія и положенія, которое юнкеръ, поступающій въ училище, принимаетъ, должны отпасть, такъ какъ то, что учиняется юнкерами, не является продѣлкой, а носитъ характеръ поступка, зрѣло, продуманно совершеннаго: соотвѣтственно этому и взысканіе не должно быть налагаемо воспитателемъ, какъ на школьника, иногда подъ вліяніемъ минутной вспышки и безъ какихъ-либо, подъ систему подведенныхъ соображеній; поэтому, предлагается, — мелкіе проступки игнорировать, а крупныя передавать на обсужденіе конференціи; члены ея, зная, что за выговоромъ и замѣчаніемъ нерѣдко, по очереди, идетъ исключеніе изъ училища, будутъ умѣрять себя въ дѣлѣ примѣненія строгости особенно излишней; не безъ того, что и сами юнкера, чувствуя возможность полученія, по градаціи своихъ поступковъ, вслѣдъ за выговоромъ взысканія самой строгой оцѣнки, несомнѣнно явятся сдержанными и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ менѣе распущенными.

Результатомъ выслушанія этого разъяснительнаго доклада и происшедшихъ послѣ того дебатовъ явилось постановленіе, разрѣшившее вообще мѣру, предложенную полковникомъ Шванебахомъ, ввести въ видѣ пробы въ его училищѣ, на его отвѣтственность. Говорили будто бы, по донесеніи объ этомъ Государю, Его Величество приказалъ уравнивать въ этомъ отношеніи всѣ три училища; тогда же было для насъ выяснено мало, но намъ извѣстно, что за два года нашего пребыванія въ Александровскомъ военномъ училищѣ кромѣ выговоровъ болѣе или

менѣ строгихъ другихъ взысканій не практиковалось, такъ о карцерѣ и помину не было. — Конференція обсуждала каждый серьезный поступокъ и рѣшала, стоитъ ли поступокъ вниманія и строгаго наказанія или можетъ быть окончень, какъ не стоящій наказанія.

Главное въ моей мысли было, говорилъ намъ впоследствии Б. А., чтобы избавить моихъ юнкеровъ отъ всякой возможности проявленія придирчивости по отношенію къ нимъ. — Отъ нея нельзя отдѣлаться, если за мелочныя продѣлки полагаются большія наказанія, если мелочамъ дается значеніе и если пустяки третируются какъ что-либо значительное. Впоследствии, согласно закона, были введены баллы за поведеніе; они тоже обсуждались конференціей.

Объ нихъ особо Б. А. Шванебахъ въ своихъ разсужденіяхъ комитету сообщилъ, что они представляютъ собою дѣло казенное, введенное закономъ въ видѣ оцѣнки умѣнья держать себя и вообще и, какъ нормировка всякихъ умѣній и знаній, ставятся наравнѣ съ научными, фронтовыми, строевыми ¹⁾ и иными отмѣтками. Баллы тѣ вѣдала также училищная конференція.

Государь Императоръ, выслушавъ подробности предложеній Шванебаха, совершенно одобрилъ и оцѣнилъ ихъ, сказавъ военному министру: передайте Шванебаху, что его предложенія въ моихъ глазахъ представляются въ полной мѣрѣ человѣчными; все, что онъ вамъ докладывалъ, я считаю вполне справедливымъ; эта исторія, добавилъ Государь, мнѣ живо напоминаетъ случай, который лѣтъ десять тому назадъ вышелъ у меня съ дѣломъ назначенія директора въ создававшійся тогда, по волѣ покойнаго отца моего, кадетскій корпусъ въ Кіевѣ.

Случай этотъ, какъ впоследствии рассказывалъ Милютинъ-министръ сыну, состоялъ вотъ въ чемъ: когда въ 1853 году формировался новый кадетскій корпусъ—Кіевскій, Императоръ Николай Павловичъ поручилъ Цесаревичу Александру Николаевичу, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, доложить,—кто будетъ имъ избранъ въ должность директора того корпуса?

Черезъ нѣсколько времени, остановившись на выборѣ полковника Образцоваго пѣхотнаго полка фонъ Вольскаго, Цесаревичъ доложилъ о немъ Государю и при этомъ добавилъ:

Баллы за поведеніе, какъ и за фронтъ, за гимнастику, за верховую ѣзду, вмѣстѣ съ классными, фигурировали въ среднемъ годовымъ выводѣ.

это тотъ достойный штабъ-офицеръ, о которомъ мнѣ не разъ докладывали, какъ объ начальникѣ, тщательно избѣгавшемъ употребленія розогъ и наложенія на подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ тѣлеснаго наказанія, а при томъ умудрявшемся держать свою часть,—роту, батальонъ,—въ полномъ порядкѣ безъ того, чтобы она была, или казалась по сравненію съ другими частями, слабою въ поведеніи или распущеною. — Это меня и понудило избрать его въ директоры.

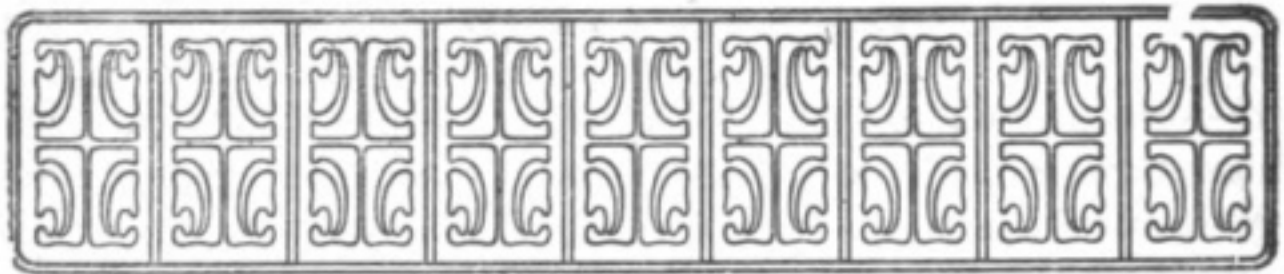
— Ну тебѣ въ этомъ и книга въ руки, отвѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ августѣйшему сыну, тѣмъ самымъ одобрявъ его выборъ; дай Богъ чтобы расчеты твои оправдались, въ чемъ я однако ни на минуту не сомнѣваюсь.

Мѣры, предлагаемыя Шванебахомъ, также ведутъ всецѣло къ снисходительности. Изъ фонъ-Вольскаго вышелъ прекрасный директоръ, говаривалъ впоследствии не разъ Императоръ Александръ II, и долго онъ опекалъ корпусъ; увѣреннымъ остаюсь, что и Шванебаху также посчастливится при предложенныхъ имъ совершенно соответствующихъ мѣрахъ снисхожденія и гуманности; оттого, тѣмъ съ большею радостью благословляю его на постъ начальника моего училища, нынѣ учреждаемаго.

А. Е. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны¹⁾.

1 августа. Верховный Главнокомандующій обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ полякамъ:

ПОЛЯКИ!

Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благоую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да воссоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста,—символь страданія и воскресенія народовъ.

Верховный главнокомандующій,
генераль-адъютантъ *Николай*.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь, 1914 г.

Воззваніе это имѣеть громадное политическое значеніе теперь и еще большее значеніе оно будетъ имѣть для Россіи въ послѣдствіи, при заключеніи мира.

Первымъ георгіевскимъ крестомъ въ эту войну награжденъ казакъ Козьма Крючковъ, убившій 11 нѣмцевъ и получившій 16 ранъ пикой.

3 августа. Японское правительство вручило ультиматумъ германскому послу объ очищеніи Кіао-Чао въ теченіи мѣсяца, требуя отвѣта къ 10 августа.

На восточномъ прусскомъ фронтѣ русская кавалерійская дивизія спѣшила не имѣя возможности дѣйствовать въ конномъ строю, и заставила германскую пѣхоту отступить. Русская конница заняла Маркграбовъ. Слава Богу, первое столкновеніе съ германцами, и ихъ пѣхота отступаетъ передъ нашей спѣшенной конницей. Полный успѣхъ.

4 августа. Слышалъ рассказы двухъ русскихъ дамъ, спѣшно пріѣхавшихъ съ эстляндскаго побережья. Онѣ рассказывали, что тамъ приготавливаютъ триумфальныя арки.

17 августа. По независимымъ отъ насъ причинамъ пришлось прервать мои замѣтки. Много событій громадной важности произошло за это время и у насъ и у союзниковъ на западномъ фронтѣ. У насъ началось наступленіе въ восточной Пруссіи, произошелъ дерзкій натискъ Австрицевъ въ Польшу, а у союзниковъ тевтонскія полчища устремились черезъ Бельгію въ Парижъ. Наши силы съ десятаго августа увеличились могучимъ союзникомъ Японіей, которая, сознавая, что была въ прошлую войну игрушкой германской политики, начинаетъ проявлять къ Россіи самую сердечную и матеріальную благожелательность. Недаромъ передъ Японской войной пріѣзжалъ въ Россію маркизъ Ито съ предложеніемъ тѣснаго союза съ Россіей. Тевтонскія интриги, теперь на свою голову, разрушили всѣ начинанія этого замѣчательнаго японскаго политическаго дѣятеля.

Японія послѣ войны съ нами осталась ни при чемъ, совсѣмъ разоренной, а Германія за свой нейтралитетъ устроилась новымъ торговымъ договоромъ съ нами и получила сотни милліоновъ ежегодно съ Россіи контрибуціи.

Для Россіи японская война оказала прекрасные результаты: послѣдствіемъ ея была отличная подготовка къ настоящей великой войнѣ и могучее веденіе Россіей самой войны.

Подъ 3-мъ августа у насъ въ замѣткахъ было отмѣчено блестящее первое дѣло русской конницы противъ германской

пѣхоты. Затѣмъ началось наступленіе всѣхъ трехъ родовъ русскаго оружія въ восточной Пруссіи. За это время наши войска начали бить нѣмцевъ, взяли Бильдерсвердейль, Гумбингенъ, нанесли пораженіе германцамъ 5, 6, 7, 8 августа, взяли Лыкъ, Гольдкапъ, Скалупенъ, Интерсбургъ, Даркменъ, Ангенсбургъ, Бишофсбургъ, Зенсбургъ, ст. Рефлисъ, Алекштейнъ. Германскіе корпуса не могли удержать побѣдоноснаго наступленіе русскихъ и очищали, послѣ боя, указанные нами города. Русскіе завладѣли территоріей до р. Алле на 180 верстъ отъ нашей границы.

Для огражденія Данцига нѣмцы уже стали разрушать плотины въ Эльбингской низменности для ея затопленія.

Мы заняли раіонъ Пруссіи, упитанный въ 1806—1807 году русской кровью и удобренный русскими костями на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, Гейльсберга, Гутштадта и Фридланда. Какая иронія судьбы: что прежде мы освобождали, теперь завоевываемъ.

Наступленіе въ восточную Пруссію имѣло громадное нравственное значеніе; это было первое съ германцами столкновеніе на нѣмецкой землѣ, гдѣ каждый домъ, каждая деревня, каждый лѣсъ, каждый мостъ, дорога, всѣ возвышенности, словомъ все было блистательно подготовлено въ ихъ странѣ въ инженерномъ отношеніи. Всѣ пункты были преграждены колючей проволокой, соединены подземными телефонами, беспроволочными телеграфами съ изощренной шпіонской организаціей.

И все это не помогло: нѣмцевъ били и они иногда обращались въ бѣгство. Одинъ изъ участниковъ этихъ боевъ пишетъ ¹⁾:

„Въ этотъ моментъ мы видали паническое бѣгство нѣмцевъ, подобнаго которому мнѣ встрѣчать не приходилось. Не только солдаты бросали ружья, но офицеры кидали въ сторону свои каски, отстегивали сабли, освобождались отъ всего, что могло бы имъ мѣшать въ ихъ бѣгствѣ. Черезъ нѣсколько минутъ наша кавалерія вступила въ улицы селенія. Здѣсь обнаружилось коварство врага. Раненые поднимались и стрѣляли намъ въ спины, а при входѣ въ деревню то тутъ, то тамъ изъ оконъ раздавались револьверные выстрѣлы“.

„Духъ нашихъ войскъ выше всякой похвалы“, пишетъ тотъ же участникъ этихъ боевъ; „въ настоящей войнѣ вырисовывается новое цѣнное качество русскаго солдата—исключительная настойчивость съ полнымъ сознаниемъ и пониманіемъ обстановки. Народъ нашъ въ нѣсколько лѣтъ необычайно культурно выросъ, появилась замѣтная привычка самостоятельности и

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 авг. с. г.

иниціативы, и она-то даетъ на полѣ сраженія богатые результаты“.

Показанія участниковъ первыхъ боевъ очень знаменательны. Они даютъ возможность произвести правильную оцѣнку событій: *въ первыхъ же бояхъ съ русскими разрушенъ фантомъ непобѣдимости германцевъ и они начинаютъ бѣжать отъ русскихъ войскъ.*

Одно лишь не правится въ очень лихомъ наступленіи ген. Реннекампа въ восточной Пруссіи, это то, что оно ведется въ пренебреженіи инженерной подготовки взятой страны; въ данномъ положеніи яркая противоположность инженерной подготовки германцевъ.

Занятіе нами значительной части восточной Пруссіи имѣеть для пруссаковъ особое важное политическое и матеріальное значеніе. По всей восточной Пруссіи разбросаны самыя культивированныя имѣнія прусскихъ знатнѣйшихъ дворянъ-аграріевъ. Это ихъ родовыя имѣнія, на которыя владѣльцы потратили много средствъ и довели ихъ до высокой степени культуры. Даже самъ Вильгельмъ II владѣеть тамъ большими имѣніями, своимъ заводомъ племенныхъ лошадей и рогатаго скота. Совершенно понятно, какой вопль подняли наводнившіе Берлинъ бѣженцы—аграріи изъ восточной Пруссіи, тѣ самыя аграріи, которые имѣли и имѣютъ громадное вліяніе на германскую политику.

Конечно ихъ моленія доходятъ до глубины сердца нѣмецкаго кайзера и кайзеровское рѣшеніе, вѣроятно, скоро состоится.

Геройскимъ сопротивленіемъ бельгійской арміи, въ особенности у Льежа и Намюра, германцы задержались почти на три недѣли, а затѣмъ, несмотря на высадку англійскихъ войскъ въ Булони, 10 августа начали энергичное наступленіе къ Парижу съ сѣверо-востока, и съ востока черезъ Эльзасъ и Лотарингію. Французы отступаютъ, упорно задерживая на каждой позиціи германцевъ, при энергичной поддержкѣ англичанъ и бельгійцевъ.

Французы начинаютъ съ 15-го августа укрѣплять Парижъ.

Говорятъ, будто Вильгельмъ рассчитывалъ 11 августа обвѣдать въ Парижѣ.

Во всякомъ случаѣ на столицу міра надвигается нашествіе тевтонскихъ полчищъ, которое жаждетъ сожрать Парижъ, и наложить на него чудовищную контрибуцію.

Вѣроятно въ это время насъ попросили союзники поддержать съ юга еще наступленіе войскъ генер. Ренненкампа; это вѣроятно и вызвало экспедицію генерала Самсонова.

Успѣшность дѣйствій французскихъ армій всецѣло зависитъ отъ талантовъ главнокомандующаго генерала Жоффра. Его въ Россіи мало знаютъ.

Одно высокопоставленное лицо, знающее много лѣтъ генерала Жоффра, рассказывало мнѣ про него: „это человекъ громадныхъ военныхъ дарованій и желѣзной воли. Все, что онъ предположилъ, онъ неуклонно исполнить съ изумительной систематичностью“. Не знаю, насколько оправдаются эти предсказанія.

Главнокомандующимъ германскихъ армій, дѣйствующихъ противъ французовъ, назначенъ начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ фонъ Мольтке. Тоже очень способный и характерный человекъ, говорятъ свѣдущіе люди. Главное достоинство генерала ф. Мольтке заключается въ его огромномъ вліяніи на императора Вильгельма II и въ его умѣннн отговорить отъ военныхъ мечтаній своего кайзера, или какъ говорилъ одинъ генералъ — „необычайномъ умѣннн генерала ф. Мольтке стащить своего императора съ неба и поставить его на землю“.

Вопросъ заключается въ томъ, что хватить ли у Мольтке силъ и здоровья удержаться во время войны, такъ какъ онъ страдаетъ печенью и почками и передъ самой войной дѣйствительно лѣчился въ Карлсбадѣ, въ то время, какъ его кайзеръ, для отвода глазъ передъ войной, услаждалъ себя прогулкой въ норвежскихъ шхерахъ.

Если же, говорятъ свѣдущіе люди, „императоръ Вильгельмъ II самъ начнетъ управлять военными операціями, то кромѣ пользы своему противнику онъ ничего не принесетъ“.

Теперь, 17 августа, когда планъ войны германцевъ совершенно ясно обозначился: „оставивъ на первое время противъ насъ, въ числѣ другихъ войскъ, 6 полевыхъ корпусовъ съ остальными, однѣми, германскими силами стремительно идти къ Парижу“, — теперь можно поставить вопросъ, правильно ли это рѣшеніе германцевъ. На нашъ взглядъ нѣтъ. Имъ слѣдовало послать тѣ германскія силы, которыя тамъ есть, на Парижъ, и обязательно усилить ихъ половиной австрійской арміи, наступающей черезъ Эльзасъ, Лотарингію къ той же цѣли. Второй части австрійской арміи надо было пока оборонительно сидѣть на прикарпатскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, не предпринимая противъ Россіи никакихъ авантюръ, грозящихъ катастрофами австрійцамъ.

Самоувѣренность ли Вильгельма тутъ повліяла, что молъ сами германцы съ французомъ справятся, или у Мольтке не

хватило силъ убѣдить своего кайзера, или по чему другому этого не сдѣлано, но война безповоротно нѣмцами проиграна, такъ какъ теперь уже плана этого исполнить невозможно.

18 августа. Началась перевозка германскихъ войскъ съ германскаго западнаго фронта на восточный. Въ южной части Мазурскихъ озеръ произошло неудачное для насъ сраженіе войскъ генерала Самсонова съ германцами.

20 августа. Нѣсколько дней тому назадъ, австрійцы, оставивъ значительную часть арміи противъ наступающихъ въ Галиціи русскихъ войскъ, съ главными силами вторгнулись въ Польшу и начали наступленіе на сѣверо-востокъ. Очень рады австрійскому наступленію.

Армія генерала Рузскаго одержала блистательную побѣду въ Галиціи надъ австрійцами, какъ значитса въ приводимой телеграммѣ Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 20 августа:

Счастливъ порадовать Ваше Величество побѣдой, одержанной арміей генерала Рузскаго подъ Львовомъ послѣ семидневнаго непрерывнаго боя. Австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами бѣгутъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Непритель понесъ громадныя потери и взято много плѣнныхъ. До этого же рѣшительнаго боя, арміей генерала Рузскаго взято за семь дней сорокъ четыре орудія, множество ручнаго оружія, большое число пулеметовъ.

Генераль-адъютантъ

Николай.

21 августа. Опять блистательная побѣда.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 21 августа 1914 г.

Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству, что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня въ одиннадцать утра взяла Львовъ, а армія Брусилова городъ Галичь. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а за взятіе Львова Георгіемъ 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои Георгіемъ 4-й степени. Подробностей еще нѣтъ.

Генераль-адъютантъ

Николай.

22 августа. Въ послѣднихъ бояхъ на галиційскомъ фронтѣ принялъ видное участіе генералъ Радко Димитріевъ; во главѣ вѣрренныхъ его командованію „доблестныхъ“ русскихъ войскъ, онъ достигъ замѣчательныхъ успѣховъ.

Нашимъ союзникамъ приходится тяжело. Французское правительство выѣхало изъ Парижа въ Бордо. Начался массовой выѣздъ изъ Парижа. Германцы уже въ 60 верстахъ отъ Парижа.

23 августа. 10-й австрійскій корпусъ отбитъ въ своей попыткѣ прорваться между Люблиномъ и Холмомъ. Взято 5.000 плѣнныхъ. Германцы энергично наступаютъ во Франціи.

24 августа. Германскія войска оставляютъ Парижъ въ сторонѣ.

Произошло событіе громадной политической важности: Россія, Франція и Великобританія подписали декларацию, которой обязуются не заключить отдѣльнаго мира въ теченіе нынѣшней войны.

25 августа. Въ Галиціи нами блестящимъ образомъ взята укрѣпленная позиція у Николаева, при чемъ взяты 40 орудій и большіе запасы.

Гарнизонъ Парижа отразилъ германцевъ на р. Уркъ.

Бельгійцы взорвали свои плотины у Малина и утопили много нѣмцевъ съ орудіями.

26 августа. Продолжается перевозка германскихъ войскъ съ запада противъ Россіи.

27 августа. Нѣмцы стараются скрыть перевозку войскъ съ запада противъ Россіи, а также и количество перевезенныхъ войскъ.

Атакованная съ трехъ сторонъ австрійская, томашевская, армія отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ изложить наступленіе австрійцевъ, обождемъ официальнаго о томъ донесенія. Слава Богу для Россіи, что австрійцы полѣзли на насъ въ Польшѣ, и мы ихъ туда заманили. Лѣзутъ они прямо быку на рога.

Японія присоединилась къ деклараціи Россіи, Франціи и Великобританіи.

Искуснымъ маневромъ Жоффра Парижъ огражденъ отъ тевтонскаго нашествія. Обходъ праваго французскаго фланга гер-

манцами не удался. Французы понемногу начинаютъ переходить въ наступленіе. Жоффръ начинаетъ медленно, шагъ за шагомъ, методически выширать германцевъ изъ Франціи. Онъ бережетъ французскую армію и яростнымъ атакамъ германцевъ противопоставляетъ, сильныя, французскія укрѣпленія, порой онъ переходитъ въ контръ-атаки. Начинается общее, медленное отступленіе нѣмцевъ изъ Франціи.

Войну эту германцы ведутъ какъ гунны, вандалы и отчаянные сверхънегодяи. Свои неудачи они вымѣщаютъ на беззащитномъ населеніи занятыхъ ими областей.

Германцы безжалостно грабятъ населеніе, налагаютъ чудовищныя контрибуціи, разстрѣливаютъ мужчинъ и женщинъ, насилуютъ женщинъ и дѣтей, уничтожаютъ памятники искусствъ и водчества, сожигаютъ драгоценныя книгохранилища.

Въ подтвержденіе приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ за этотъ мѣсяць рядъ выдержекъ изъ корреспонденцій и телеграммъ, которыя особенно поразили воображеніе петроградскаго обывателя.

— „Меня не будутъ больше бить? Мнѣ не грозитъ больше опасность?“

Эти крики внезапно помѣшавшагося раздаются въ Петропавловской больницѣ Петрограда.

Вчера туда помѣстили русскаго подданнаго, мальчика лѣтъ 12—13, сына профессора Рижскаго университета Симона. Мальчикъ весь избитъ и проявляетъ признаки остраго помѣшательства ¹⁾.

Мальчикъ обучался въ нѣмецкой школѣ въ Кенигсбергѣ. Когда нѣмцы объявили намъ войну, все русскіе подданные, какъ уже извѣстно, подверглись разгрому. Въ Кенигсбергѣ была устроена облава на русскихъ, которыхъ бросали въ тюрьмы, предварительно избивъ.

Рабочій, пріѣхавшій вчера изъ Германіи и привезшій съ собой мальчика, рассказываетъ слѣдующее: „Посадили меня вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Сначала меня поколотили, выбили глазъ. Ночью вдругъ слышу нечеловѣчскій дѣтскій крикъ, раздавшійся въ корридорѣ тюрьмы, какъ разъ около окна камеры, гдѣ сидѣлъ я. Ясно были слышны удары по тѣлу. Затѣмъ въ окно что-то влетѣло. Вслѣдъ за паденіемъ слышу стоны... Предо мной на полу лежалъ весь избитый и

¹⁾ „Вечернее Время“ 4 авг. с. г.

окровавленный мальчикъ, впавшій вскорѣ въ безсознательное сознаніе...

Рабочій привезъ этого мальчика съ собою“.

Штурманъ каботажнаго плаванія И. А. Носовъ, плававшій на грузовомъ нѣмецкомъ пароходѣ „Оскаръ“, пишетъ, какъ его истязали нѣмцы на пароходѣ 19 іюля ¹⁾.

„Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ, по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ: выкупаться. Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21-го іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія надъ нами. Кромѣ плевковъ и пощечинъ, нѣмцы заставили негра противуестественно насъ насиловать. Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военно-плѣнными застрѣвшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ на произволъ судьбы нѣмцевъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ“.

Приводимъ рассказы какъ расправлялись нѣмцы на западномъ фронтѣ въ Баденвилъе ²⁾:

„Подтверждается извѣстіе о томъ, что германскія войска подожгли городокъ Баденвилъе, разстрѣлявъ въ немъ женщинъ и дѣтей.

Одинъ изъ сыновей императора Вильгельма, прибывъ въ Баденвилъе, произнесъ передъ солдатами рѣчь, въ которой сказалъ, что французы дикари и что съ ними надо поступать, какъ съ таковыми. „Истребляйте ихъ сколько можете“, — сказалъ принцъ“.

Приводимъ другія описанія дѣяній современныхъ гунновъ въ Бельгіи.

„Бельгійскій посланникъ опубликовалъ сообщеніе, опровергающее обвиненіе нѣмцами гражданскаго населенія Бельгіи въ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Посланникъ въ свою очередь обвиняетъ нѣмцевъ въ звѣрскихъ поступкахъ, совершенныхъ надъ поселянами, женщи-

¹⁾ „Биржев. Вѣд.“ 6 авг. с. г.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“ 6 авг. с. г.

нами и дѣтьми ¹⁾). Онъ приводитъ неопровержимыя доказательства того, что нѣмцы калѣчатъ и сжигаютъ заживо поселянъ, похищаютъ молодыхъ дѣвушекъ, насилуютъ дѣтей. Онъ рассказываетъ, что, на примѣръ, полковникъ Вандаммъ лежалъ раненый послѣ боя и былъ убитъ германскими пѣхотинцами, стрѣлявшими изъ револьвера ему въ ротъ. Въ другомъ случаѣ германская конница занимала деревню Ленсино и была атакована бельгійской пѣхотой, при чемъ одинъ германскій офицеръ былъ убитъ въ бою бельгійскими войсками, а затѣмъ похороненъ по приказанію командовавшаго бельгійскаго офицера.

Ни одинъ мирный житель не участвовалъ въ этомъ бою. Тѣмъ не менѣе, въ названную деревню вторглись значительныя отряды германской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты съ пулеметами и артиллерійскимъ огнемъ, уничтожили двѣ фермы и шесть находившихся въ отдаленіи домовъ. Затѣмъ все мужское населеніе было собрано въ одно мѣсто и ему было приказано выдать все имѣющееся оружіе. Однако, несмотря на то, что не было обнаружено огнестрѣльнаго оружія, съ признаками недавней стрѣльбы, вторгшіеся германцы разбили поселянъ на три группы, изъ которыхъ одна была связана по рукамъ, при чемъ 11 человѣкъ были поставлены въ ровъ, гдѣ ихъ потомъ нашли съ черепами, пробитыми пулями германскихъ ружей“.

Лондонскія газеты полны подробностями объ ужасныхъ звѣрствахъ нѣмецкихъ войскъ въ Лувенѣ. Погромъ гражданскаго населенія продолжался непрерывно. Переходя изъ дома въ домъ, нѣмецкіе солдаты предавались грабежу, насиліямъ и убійствамъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Члены городского совѣта, оставшіеся въ живыхъ, были загнаны въ соборъ и тамъ заколоты штыками. Знаменитая мѣстная бібліотека, содержавшая 70.000 томовъ, сожжена.

Совершая всѣ эти звѣрства и варварства, нѣмецкіе солдаты заявляли, что они мстятъ за пораженіе нѣмецкихъ войскъ у Малина.

Вотъ какія данныя сообщаетъ бельгійская миссія о поступкахъ германцевъ въ Неерхеспенѣ и Орсмалѣ“: Въ Неерхеспенѣ (Neerhespen) германцы разрѣзали одному старику руку на 3 продольныхъ полосы, а затѣмъ повѣсили его за ноги и сожгли живого. Въ Орсмалѣ (Orsmael) у нѣкоторыхъ лицъ были отрѣ-

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 13 авг. с. г.

заны половые органы. Молодые дѣвушки и дѣти были изнасилованы ¹⁾.

Далѣе приводимъ описаніе дѣяній германцевъ и въ Россіи.

Начальникъ сувалкского губернскаго жандармскаго управленія представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ слѣдующее донесеніе отъ 8 августа с. г. за № 3991 ²⁾:

„29 іюля с. г. въ 12 час. дня непріятельскіе разѣзды, въ числѣ 25 чел., прибыли въ посадъ Сударги, Владиславовскаго уѣзда, и, ворвавшись въ квартиру земскаго стражника Абакумова и удаливъ изъ дома его жену, нанесли стражнику Абакумову рану въ грудь и отрѣзали у него уши и носъ“.

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ напечатаы выдержки изъ письма офицера по пути въ дѣйствующую въ Пруссіи армію. Одна изъ этихъ выдержекъ гласитъ ³⁾:

„Въ Млавѣ мнѣ пришлось пробыть нѣсколько часовъ, которыми я воспользовался, чтобы пойти въ православную церковь и провѣрить дѣйствительность разсказовъ о возмутительномъ поступкѣ нѣмцевъ. Разсказы эти оказались правдивыми.

Я самъ видѣлъ въ церкви икону Богородицы, въ которой негодная-нѣмцы выцарапали глаза. Видъ иконы приводитъ въ содроганіе все существо и душу наполняетъ страшнымъ негодованіемъ. Такихъ гадкихъ, низкихъ, бессмысленныхъ поступковъ отъ націи, считающейся культурной, ожидать было трудно“.

Вотъ какъ описываются дѣянія въ Калишѣ знаменитаго по своимъ злодѣйствамъ коменданта Прейскера ⁴⁾.

„Съ утра въ пятницу 25-го іюля (7-го августа) черезъ Калишъ стали проходить саксонскія войска, пѣхота и уланы, сопровождаемые пресловутымъ 155 полкомъ, во главѣ съ комендантомъ Прейскеромъ. Часть войскъ направилась по Ставишинскому шоссе, другая часть, пройдя по городу, возвращалась въ прежній лагерь. Отъ стрѣльбы изъ пушекъ, винтовокъ и пулеметовъ повреждены были многіе телефонные столбы и телефонные провода, которые въ большемъ количествѣ застилали улицы. Лошадь одного молодого офицера такъ запуталась въ проволоку, что упала на переднія ноги; офицеръ, не отдавая себѣ отчета въ происшедшемъ, выстрѣлилъ изъ револьвера. Выстрѣлъ послужилъ поводомъ къ всеобщей паникѣ; опять на-

¹⁾ „Новое Время“ 24 авг. с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 16 авг. с. г.

³⁾ „Бирж. Вѣд.“ 20 авг. с. г.

⁴⁾ „Бирж. Вѣд.“ 17 авг. с. г.

чалось обстрѣливаніе оконъ домовъ, нѣкоторыхъ открытыхъ магазиновъ и разстрѣлъ людей, случайно проходившихъ по улицамъ. Стрѣляли изъ пулеметовъ по всему городу, солдаты врывались въ дома и магазины, грабили, поджигали и вырѣзывали цѣлыя семьи—женщинъ, дѣтей и старцевъ. Убито и ранено нѣсколько сотъ человекъ. Въ зданіи магистрата, гдѣ, по приказанію коменданта, собрались городскіе служащіе, зарублены были топоромъ на-смерть городской кассиръ Пашкевичъ и 3 сторожа. На Бабиной и Вроцлавской улицахъ лежала масса труповъ людей, дѣтей и даже лошадей. Въ общей свалкѣ и паникѣ нѣмцы опять стрѣляли по своимъ и потеряли убитыми и ранеными много солдатъ. Населеніемъ города овладѣлъ панической страхъ въ ожиданіи мести тевтоновъ, которые не заставили себя долго ждать.

Вскорѣ костромъ запылало красивое зданіе магистрата и начались пожары въ разныхъ мѣстахъ города. Небольшіе оставшіеся въ городѣ отряды войскъ, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ и побросавъ, по свидѣтельству очевидцевъ, убитыхъ солдатъ своихъ въ огонь, быстро удалились изъ города. Въ 8^{1/4} час. началась по городу пушечная пальба (пулями, гранатами и шрапнелью), продолжавшаяся непрерывно до 5^{1/2} час. утра. Сдѣлано было въ городѣ около 400 выстрѣловъ, послѣ каждаго выстрѣла раздавались шумъ обваливающихся частей зданій и истерическій крикъ женщинъ и дѣтей“.

28 августа. Германцы уже отступили на 40 верстъ отъ Парижа и все еще отвозятъ свои войска отъ французскаго фронта на русскій. Выходить, что нашими дѣйствіями въ восточной Пруссіи и противъ австрійцевъ мы оттянули отъ союзниковъ на себя не малое количество тевтонскихъ силъ и оказали Франціи и Англій существенную помощь.

Сегодня въ Петроградѣ состоялась конфискація яхтъ и лошадей австрійскихъ и германскихъ подданныхъ.

Съ особой грустью долженъ отмѣтить, что еще теперь велико нѣмецкое засилье: нѣкоторые русскіе позорно дозволяютъ себѣ прикрывать русскимъ именемъ нѣмецкое имущество. Пора бы окончательно прикончить разъ навсегда съ этимъ поганымъ, нѣмецкимъ, имуществомъ, будь ли оно земельное фабричное, торговое или акціонерное, все равно. Если теперь не прикончимъ съ нимъ, то уже никогда не прикончимъ.

Нѣмцы воображаютъ, что они страшная сила въ Петроградѣ и имъ все возможно.

Для того, чтобы точно выяснитъ, какъ онаглѣли нѣмцы въ

Петроградъ приводимъ здѣсь выдержку изъ письма къ А. Л. Пиленко одной дамы о порядкахъ въ одной женской гимназіи¹⁾.

„Въ этой гимназіи ежегодно торжественно праздновалось тезоименитство кайзера. Этотъ день былъ самымъ высокаторжественнымъ въ училищѣ,—днемъ, къ которому приурочивались всякія чтенія изъ высоконравственной жизни кайзера, рассказы о его доблести, декламировались на эту тему стихи, а затѣмъ шло угощеніе, танцы, спектакли, живыя картины и „hoch Wilhelm“ съ лимонадомъ въ бокалахъ“. Насколько общій складъ преподаванія соотвѣтствуетъ задачамъ онѣмечиванія русскихъ дѣтей, можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя приводитъ моя корреспондентка относительно одной „обрусѣвшей нѣмки, русской подданной, два года назадъ отдавшей свою дочь въ указанную гимназію“. „Эта дама еще недавно отъ души ругала эксплуататорами и кровопійцами наживающееся здѣсь тевтонское племя, отрясая отъ себя все нѣмецкое. А теперь ея нельзя узнать. Когда объявили мобилизацію, эта особа, саркастически улыбаясь: говорила: „смѣхотворное бряцаніе оружіемъ! какъ ни невѣжественны русскіе, имъ не можетъ быть непонятнымъ, что воевать съ культурной націей имъ не подъ силу“. Когда война была объявлена, то моя знакомая стала говорить такъ: „Вильгельмъ самый храбрый изъ всѣхъ государей въ мірѣ, и знаетъ, что дѣлаетъ; если онъ объявилъ міровую войну, значитъ, эта война необходима; онъ ее предвидѣлъ и затѣялъ на благо своего культурнаго народа, который сломитъ все некультурное и подчинитъ себѣ“. Сынъ этой дамы выразилъ желаніе поступить добровольцемъ въ русскую армію. Но, говорятъ, мать надавала ему пощечинъ и теперь не выпускаетъ изъ квартиры“.

29 августа. Перевезенныя германцами войска съ западнаго фронта въ Восточную Пруссію сосредоточились на р. Алле и начали наступать на войска ген. Ренненкампа, которыя стали отходить къ нашей восточной границѣ.

Не утерпѣло сердце Вильгельмово и двинуло свои полчища въ защиту имѣній своихъ и восточно-пруссскихъ аграріевъ. Между тѣмъ, казалось бы, что обстановка повелѣвала германцамъ выручить добываемую русскими австрійскую армію.

Глубокій обходъ нашихъ отступающихъ войскъ германцами черезъ Мышинъ и Хоржеле отраженъ.

Высоко интересна, приводимая ниже, корреспонденція Ник.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 авг. с. г.

Брешко-Брешковскаго объ уничтоженіи казаками прусскаго блиндированнаго поѣзда ¹⁾).

„Засѣвшіе на время въ Ченстоховѣ пруссаки желали продвинуться вглубь Петроковской губерніи на сѣверо-востокъ. Въ ихъ планы входило, оставивъ за собою Новорадомскъ, укрѣпиться въ городкѣ Каменьскѣ.

Такъ какъ часть желѣзнодорожной линіи была въ ихъ рукахъ, они рѣшили использовать прибывшій изъ Германіи блиндированный поѣздъ въ составѣ пятнадцати длинныхъ, закованныхъ въ желѣзо вагоновъ, и гигантскаго паровоза въ непроницаемой кирасѣ.

Нагруженный нѣсколькими пулеметами и полубатальономъ солдатъ, этотъ, убѣжденный въ своей неуязвимости, поѣздъ-драконъ двинулся изъ Новорадомска по направленію въ Каменьску.

И все было бы хорошо для нѣмцевъ, если бы не эти „ужасные казаки“, недремлющими, стоглазыми Аргусами бодро и неустанно повсюду рыскающіе.

Полусотня, раскинувшись лавою, двигалась, развернувшись, съ обѣихъ сторонъ полотна, пересѣкавшаго сосновый лѣсъ. Впереди грохотъ и шумъ. Молодой офицеръ, недавно выпущенный изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, съ помощью своего „Цейсса“ убѣдился, что навстрѣчу ему несется блиндированный поѣздъ. Слѣдовательно, этотъ поѣздъ непріятельскій, ибо своихъ оттуда нельзя было ждать.

Но что съ нимъ подѣлаешь, съ этимъ огнедышащимъ дракономъ, у котораго даже Ахиллесовой пяты нѣтъ? Обстрѣлять изъ винтовокъ--не почувствуешь. Все равно, что носорогъ, укушенный мирной комнатной мухой.

Но вдругъ молодого офицера осѣнилъ планъ, за осуществленіе котораго онъ принялся тотчасъ же.

Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ половины. Первая должна была такъ обстрѣливать блиндированное чудовище и такъ „маневрировать“, чтобъ нѣмцы заподозрили въ тылу у казаковъ значительный русскій отрядъ. Вторая половина удалыхъ станичниковъ была брошена стремительнымъ, бѣшенымъ вихремъ черезъ лѣсъ въ тылъ поѣзда, чтобъ забраться туда незамѣченной и возможно скорѣй и спѣшиѣй разворотить у какого-нибудь крутого откоса путь.

¹⁾ „Биржев. Вѣд.“ 28 авг. с. г.

Какъ по-писанному вышло.

Поѣздъ, смѣло и дерзко обстрѣлянный казаками, гарцовавшими подъ ливнемъ отвѣтныхъ пуль, заподозрилъ для себя впереди неладное. Навѣрное ждать его у Каменьска большой русскій отрядъ. И „береженаго Богъ бережетъ“ — панцырный драконъ заднимъ ходомъ рѣшилъ вернуться обратно. И, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

А въ это время сзади верстахъ въ шести спѣшившіеся казаки уже развинтили рельсы и, засѣвъ невдалекѣ въ сосѣдней рощѣ, ждали, что будетъ...

Поѣздъ отступалъ спокойно, увѣренно заднимъ ходомъ, не имѣя основанія подозрѣвать за спиной какихъ-либо неприятныхъ случайностей. И—катастрофа! Вагоны, увлекая другъ друга, сплющиваясь и давя наполнявшую ихъ человѣческую гущу, вмѣстѣ съ паровозомъ ринулись внизъ съ крутого, глинистаго откоса. Казаки, выскочившіе изъ рощи, были тутъ какъ тутъ. Своими шашками искрошили мигомъ тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которымъ посчастливилось унести свои головы отъ крушенія. По странной случайности всѣ пулеметы оказались неповрежденными, сдѣлавшись военною добычею нашей.

За этотъ подвигъ, который безъ преувеличенія можно назвать геніальнымъ, и молодой начальникъ полусотни и всѣ его молодцы-казаки представлены къ высокой наградѣ.

Нѣсколько дней подрядъ вижу въ Петроградѣ запасныхъ идущихъ по Обводному каналу съ удалыми русскими пѣснями. Это производитъ сильное, бодрящее настроеніе на все мѣстное населеніе. Идущіе поперекъ пути запасныхъ, трамваи останавливаются, и всѣ ѣдущіе въ нихъ выходятъ наружу и повсюду только и слышатся одобрительные, сочувственные возгласы.

Даже дѣти въ Петроградскихъ городскихъ садахъ увлеклись воинственной обстановкой: они ходятъ съ игрушечными ружьями и револьверами, играютъ въ войну и отдають честь мимоходящимъ офицерамъ.

30 августа. Германцы направляютъ свои усилія на восточно-пруссскій фронтъ. Прекращено пассажирское движеніе по всѣмъ германскимъ дорогамъ. Такъ сильно упорное желаніе Вильгельма выручить отъ русскихъ земли прусскихъ аграріевъ.

Да позволено мнѣ, петроградскому обывателю, коснуться большаго для Россіи въ настоящее время вопроса нашихъ прибалтійскихъ аграріевъ, составляющихъ въ прибалтійскомъ краѣ горсточку, но пользующихся, въ силу особыхъ преданій, необычайнымъ въ этомъ краѣ вліяніемъ. Читая въ русскихъ га-

ветахъ корреспонденціи о нѣмецкихъ порядкахъ въ этомъ краѣ, дивишься и не знаешь, какъ это могло случиться?

Намъ лично пришлось слышать въ знаменитомъ, историческомъ засѣданіи рѣчь курляндскаго депутата Гольдмана. Это была самая блестящая, самая патріотическая рѣчь изъ всѣхъ сказанныхъ въ этотъ день. Этой вдохновленной рѣчи бурно рукоплескали всѣ депутаты Государственной Думы, всѣ министры и весь присутствующій народъ, а „митавскій полицеймейстеръ фонъ Шнее призналъ эту рѣчь враждебной нѣмцамъ и воспретилъ митавскимъ латышскимъ газетамъ воспроизвести ее даже въ передачѣ петроградскаго телеграфнаго агентства“¹⁾.

По словамъ этой же корреспонденціи, въ этомъ же краѣ вся мѣстная патріотическая печать подвергается тяжкимъ репрессіямъ и въ то же время—какъ „нѣмецкая печать, систематически замалчивающая все то, что говоритъ противъ нѣмцевъ, и подвергающая сомнѣнію сообщенія о нашихъ и нашихъ союзниковъ побѣдахъ и о чинимыхъ нѣмцами звѣрствахъ и варварствахъ,—эта печать у насъ чувствуетъ себя совершенно какъ въ Пруссіи“.

„Чтобы болѣе или менѣе безпристрастно судить объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Курляндской губерніи,—сказано въ этой же корреспонденціи,—надо имѣть въ виду, что изъ 10 уѣздовъ этой губерніи 7 подчинены нѣмцамъ, занимающимъ должности уѣздныхъ начальниковъ; изъ 8 должностей старшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ 6 занимаютъ нѣмцы; изъ 18 должностей младшихъ помощниковъ — 15 занимаютъ нѣмцы; изъ 10 должностей комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—7 занимаютъ нѣмцы; предводители дворянства всѣ безъ исключенія нѣмцы; въ губернскомъ правленіи, въ канцеляріи губернатора, въ воинскихъ присутствіяхъ и въ разнаго рода приѣмныхъ и реквизиціонныхъ комиссіяхъ—всюду слышится только нѣмецкая рѣчь, такъ какъ во главѣ ихъ находятся почти исключительно нѣмцы“.

Въ другой корреспонденціи положеніе края излагается такимъ образомъ²⁾: „Нѣмецкимъ языкомъ край теперь обособленъ, приглушенъ и въ тысячахъ мелочей высасывается въ пользу германизма. Здѣсь каждый нѣмецъ имѣетъ въ своемъ языкѣ привилегію на начальническія мѣста, на лучшіе оклады, на

¹⁾ „Новое Время“ 23 авг. с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 27 авг. с. г.

лучшее обращеніе съ собою, чѣмъ можетъ разсчитывать латышъ или русскій.

Недавно съ этимъ мирились, подчиняясь привычкѣ, но теперь несообразность этого ясна всѣмъ, однако взявшіе верхъ балты не умѣютъ остановиться даже и въ эти времена общей войны всѣхъ славянъ противъ нѣмцевъ.

И вотъ что въ Прибалтикѣ происходитъ.

Для латышей эта война патріотическая, истинно національная. Они понимаютъ, что съ побѣдой нѣмцевъ они будутъ обращены въ рабочій скотъ побѣдителей, а побѣда русскихъ освободитъ ихъ навсегда отъ гнета нѣмечины надъ ними!

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курляндской губерніи мобилизація фактически совершилась даже нѣсколькими часами ранѣе ея объявленія: призывные собрались по одному только слуху о ней.

Реквизиціонныя комиссіи работали безупречно, что касается самого населенія: лошади, скотъ, припасы, все предъявлялось точно и открыто, хотя годъ тяжелый—весна была два мѣсяца безъ дождя.

И вездѣ—въ здѣшнихъ временныхъ комиссіяхъ, которыя забирали людей и оцѣнивали припасы, лошадей и скотъ для войны съ нѣмцами, вездѣ со стороны штатской невоенной части начальства объясненія спрашивались и давались, спрашиваются и даются до сихъ поръ—на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ одной курляндской комиссіи латышъ-крестьянинъ даже спросилъ:

— Да, скажите, для какой арміи берутъ моихъ лошадей—русской или прусской“?

„Есть въ Прибалтійскомъ краѣ одно учрежденіе, которое чрезвычайно волнуетъ и тревожитъ мѣстное населеніе, именно потому, что оно, это населеніе, рѣшительно не хочетъ стать „германскимъ наслѣдіемъ“, а учрежденіе это именно эту цѣль и имѣетъ предъ собою.

Это—„Deutscher Verein“.

„Какія бы цѣли на словахъ ни давали этому ферейну его руководители, цѣли эти ясны изъ всей дѣятельности ферейна, и всѣ въ краѣ знаютъ ихъ. Эти цѣли—возвращеніе Прибалтійскаго края „германскому отечеству“. По всему Прибалтійскому краю раскинулась густая черная сѣть начальника, низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, Deutscher Verein,а, готовящихъ изъ русскаго матеріала, изъ русскихъ подданныхъ—нѣмцевъ, гражданъ съ пангерманистской психологіей. Мирно завоевательныя тенденціи нѣмцевъ однако не удовле-

творяются одними этими школами. Въ послѣднее время открываются учительскія семинаріи (въ Юрьевѣ—женская, въ Митавѣ—мужская), чтобы внутри Имперіи подготовить кадры преподавателей въ германскомъ духѣ ¹⁾).

Школы ферейна можно раздѣлить на два типа: одни содержатся иждивеніемъ ферейна, другія считаются частными и получаютъ отъ ферейна только субсидіи. А такъ какъ фереинъ въ свою очередь субсидируется изъ-за границы, то какъ тѣ, такъ и другія находятся подъ несомнѣннымъ германскимъ вліяніемъ.

Въ настоящее время (по свѣдѣніямъ ферейнскаго календаря за текущій годъ) въ Прибалтійскомъ краѣ насчитывается 64 школы, содержимыя на средства ферейна; распределены онѣ слѣдующимъ образомъ:

Въ Лифляндской губ. начальныхъ — 15, среднихъ — 9. Изъ этого числа въ Ригѣ 6. Въ Курляндской: начальныхъ — 24, среднихъ — 2, высшая — 1. Изъ этого числа въ Митавѣ — 3. Въ Эстляндской — начальныхъ — 8, среднихъ — 5. Изъ этого числа въ Ревелѣ — 7.

Обучается въ этихъ школахъ: въ Эстляндской губ. — 1.766 ч., въ Курляндской — 890 чел. Въ Лифляндской губ. точныхъ статистическихъ данныхъ не показано, извѣстно, впрочемъ, что въ одной Ригѣ обучается до 1.200 дѣтей.

Изъ этого краткаго отчета видно, съ какой опасной, глубоко внѣдрившейся въ нашъ отечественный организмъ, болѣзнью приходится бороться русскому правительству ²⁾).

Помѣщикамъ-балтамъ фереинъ поставляетъ изъ Германіи всѣхъ нужныхъ имъ служащихъ—и мелкихъ, и крупныхъ, и простыхъ лѣсниковъ, и директоровъ заводовъ, все это по большей части резервисты германской арміи. И если бы вы знали, сколько въ здѣшнемъ краѣ набралось этихъ людей!

Сколько по имѣніямъ въ краѣ имѣется ставленниковъ „Deutscher Verein'a"—это видно особенно теперь по волнѣ ихъ, которая потекла изъ края съ начала минувшаго іюля. Въ Курляндіи лѣсничіе и лѣсники въ имѣніяхъ до сихъ поръ лишь за небольшими исключеніями были выписаны изъ Германіи. До чего это стало установившимся порядкомъ въ краѣ, видно

¹⁾ „Новое Время“ отъ 29 авг. с. г.

²⁾ „Новое Время“ отъ 25 авг. с. г.

изъ того, что не такъ давно одинъ изъ дѣсниковъ явился давать показанія въ формѣ—германскаго резервиста! ¹⁾“.

Разсказываютъ также, что будто бы въ Прибалтійскомъ краѣ въ нѣкоторыхъ баронскихъ семьяхъ одни члены семьи служатъ въ русской арміи, а другіе—въ германской.

31 августа. Наконецъ-то получилось, приводимое въ подлинникѣ, донесеніе о разгромѣ австрійскихъ армій.

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Рѣшительная побѣда надъ красникской и томашовской австро-венгерскими арміями.

Сила участвовавшихъ въ галиційской битвѣ австрійскихъ войскъ опредѣляется свыше 40 пѣхотныхъ и 11 кавалерійскихъ дивизій съ многочисленными милиціонными формированіями и нѣсколькими германскими дивизіями, всего около милліона человекъ при 2.500 орудій.

Главная масса нашихъ противниковъ до 600 тысячъ развернулась на фронтѣ Завихость — Томашовъ для наступленія на фронтѣ Люблинъ — Холмъ. Правый флангъ ея охранялся арміей въ районѣ Львова до 200 батальоновъ, а лѣвый флангъ группой въ районѣ Радома изъ нѣсколькихъ австрійскихъ и германскихъ дивизій.

12-го августа, чтобы отвести занесенный надъ Восточной Пруссіей ударъ, австрійскія арміи перешли въ рѣшительное наступленіе. Наше развертываніе на фронтѣ въ нѣсколько сотъ верстъ еще не было закончено и потому мы могли противопоставить австрійцамъ на сѣверномъ направленіи лишь значительно меньшія силы. Первыя атаки противника были направлены на Красникъ, но скоро центръ тяжести австрійскихъ усилій перемѣстился въ районъ Томашова, куда стекались австрійскія подкрѣпленія.

21-го августа, ко времени взятія Львова, австрійское наступленіе получило наиболѣе полное развитіе. Непріятельскій фронтъ тянулся отъ Ополе на Быхаву, подходилъ на пушечный выстрѣлъ къ станціи Травники, захватывалъ Красноставъ, Замостье и Грубешовъ. У Юзефова были наведены два моста черезъ Вислу, по которымъ перетягивалась на поле сраженія радомская группа.

Въ ожиданіи результатовъ дѣйствій генерала Рузскаго нашъ планъ былъ основанъ на быстромъ усиленіи праваго крыла, съ

¹⁾ „Новое Время“ отъ 29 августа с. г.

каковой задачей справились весьма успешно наши желѣзныя дороги. Недостаточно сильныя и растянутыя войска въ районѣ Холма, противъ которыхъ былъ направленъ главный ударъ австрійцевъ, не получили подкрѣпленій въ виду того, что проникновеніе австрійцевъ даже къ Холму только увеличило бы въ конечномъ результатѣ итоги ихъ пораженія при нашемъ успѣхѣ на флангахъ. Несмотря на малую численность нашего центра, наши войска и здѣсь не ограничились обороной, а завязали встрѣчный бой и одержали крупный успѣхъ у Лашева, гдѣ въ теченіе шести дней отбивали непрерывныя атаки непріятели и лишь 20 августа въ силу полученнаго приказанія были отведены нѣсколько назадъ, что дало намъ болѣе охватывающее положеніе на всемъ фронтѣ.

22 августа развитіе успѣховъ генераловъ Рузскаго и Бруслова обусловило нашъ общій переходъ въ наступленіе.

Австрійскій центръ былъ разбитъ у Суходолья и быстрымъ натискомъ въ направленіи на Туробинъ и Замостье намъ удалось порвать связь между краснической и томашевской группами.

24 августа отходившая томашевская группа была атакована генераломъ Рузскимъ съ юго-востока и принуждена къ бою на три фронта. Контръ-атаки краснической группы были нами отражены и къ 27 августа позиціи непріятели на фронтѣ Ополе — Туробинъ протяженіемъ въ 60 верстъ были взяты стремительной атакой нашихъ войскъ. Австрійцы бѣжали, бросая оружіе. Въ то же время австрійцы продолжали отчаянныя атаки на наше лѣвое крыло съ цѣлью одержать успѣхъ на львовскомъ направленіи. Однако къ 30 августа мы и здѣсь перешли въ наступленіе. Въ настоящее время продолжавшаяся 17 дней галиційская битва заканчивается. Преслѣдованіе ведется.

Закончился разгромъ австрійской милліонной арміи. Теперь, по микроскопическимъ, официальнымъ даннымъ о забранныхъ трофеяхъ трудно судить о силѣ погрома.

Это выяснится еще не скоро и по другимъ даннымъ во время войны, а можетъ быть и сдѣлается яснымъ по ея окончаніи.

Честь и слава Верховному Главнокомандующему, Его штабу и всѣмъ главнымъ вождямъ. Какіе вожди вели бои на Варшавскомъ фронтѣ, мы не знаемъ.

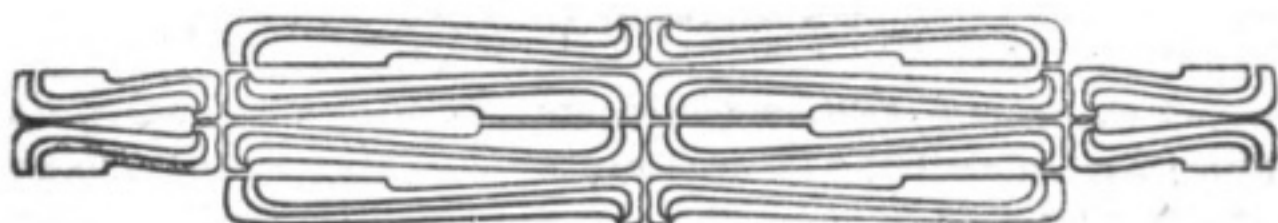
Имена вождей на галиційскомъ фронтѣ уже извѣстны: генераль Ивановъ, кievскій—Обручевъ, генераль Алексѣевъ, генералы Рузскій, Брусиловъ, и современный Наполеонъ -- Радко Дмитріевъ. Хвала имъ великая.

Но гдѣ же еще герои великаго сраженія миллионъ бойцовъ? Ихъ можно назвать однимъ общимъ именемъ: русскій генераль, русскій офицеръ, русскій солдатъ и весь великій русскій народъ.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Завѣты молодому поколѣнію.

(Изъ книги А. Ѳ. Кони „Отцы и дѣти судебной реформы“. Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ 1864—1914).

Есть мысли, дѣйствіе которыхъ болѣе глубоко и продолжительно, чѣмъ это можно предвидѣть въ минуты ихъ появленія; есть книги, содержаніе которыхъ шире и значительнѣе ихъ предполагаемой, ближайшей цѣли. Къ такого рода книгамъ относится вышедшій на дняхъ сборникъ очерковъ А. Ѳ. Кони о составителяхъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и дѣятеляхъ судебной реформы ¹⁾. По словамъ автора, онъ имѣлъ въ виду дать „посильное оживленіе представленія о времени введенія судебной реформы и ея пионерахъ“, однако матеріалъ, включенный имъ даже и въ эти юбилейные очерки, представляетъ собою итоги богатѣйшаго опыта не только судебного дѣятеля, но также и ученаго, художника-писателя, не ограничившагося областью одной спеціальности, а соприкасавшагося всѣми гранями своей души съ разнообразными явленіями русской жизни за многія десятилѣтія. Дарованія А. Ѳ. Кони и самое главное изъ нихъ, по извѣстному выраженію „человѣческой талантъ“,—хорошо извѣстны нашему обществу; здѣсь намъ хотѣлось бы лишь упомянуть о рѣдкомъ свойствѣ его, какъ писателя,—обладаніи въ равной мѣрѣ „памятью“, какъ ума, такъ и „сердца“. Мало кому также дано соединить въ себѣ умъ мыслителя, умѣніе проникнуть въ глубь вещей и познать человѣка съ сердечною теплотою и свѣжестью чувства, не утраченными за рядъ годовъ, полныхъ далеко не однѣми

¹⁾ Настоящій сборникъ образовался изъ тѣхъ очерковъ, которые были помѣщены, между прочими статьями, въ его же книгахъ: „Очерки и воспоминанія“, „За послѣдніе годы“ и „На жизненномъ пути“ и здѣсь дополнены предисловіемъ и послѣсловіемъ.

только радостями. Обращаясь своимъ духовнымъ взоромъ къ прошлому, А. Ѳ. Кони даетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ страницы глубокаго общественнаго смысла и художественнаго значенія, за которыми, безъ преувеличенія, можно признать одно изъ лучшихъ мѣстъ въ русской мемуарной литературѣ.

Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, а въ этой замѣткѣ попытаемся дать лишь общее о ней понятіе для тѣхъ, кто почему-либо будетъ лишенъ возможности лично съ ней знакомиться.

„20 ноября настоящаго года, говоритъ авторъ въ предисловіи, исполняется пятидесятилѣтіе со дня обнародованія Судебныхъ Уставовъ. Эти Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаниемъ отвѣтственности составителей ихъ передъ Россіей, жаждавшей правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи и проявленіи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и его способности пріять новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и непосредственнымъ въ нихъ участіемъ. Въ этомъ смыслѣ работы *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ — настоящій памятникъ ихъ любви къ родинѣ“... „Первые дѣятели новаго суда „со страхомъ Божиимъ и вѣрою“ смотрѣли на свое служеніе Судебнымъ Уставамъ,—видѣли въ нихъ своего рода „скинью завѣта“ и съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ стремились примѣнить ихъ къ жизни. Между ними и творцами этихъ Уставовъ была живая связь,—они старались проникнуть въ мысль и глубину намѣреній послѣднихъ и своимъ поведеніемъ при отправленіи правосудія осуществить тѣ этическія требованія, которыя слышались и чувствовались за статьями новаго закона. Какъ нельзя отдѣлить, поэтому обнародованія Судебныхъ Уставовъ отъ введенія ихъ въ дѣйствіе и первыхъ шаговъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье быть призваннымъ къ осуществленію высокихъ началъ, которыми они были проникнуты,—такъ, вспоминая это время, нельзя отдѣлить работы отцовъ судебной реформы отъ дѣятельности *дѣтей*, т. е. ихъ ближайшихъ учениковъ и практическихъ приложителей этой реформы къ жизни...

Автору настоящаго сборника выпалъ завидный жребій знать лично и по службѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ *отцовъ* и многихъ изъ *дѣтей* — и посвятить имъ въ разное время приводимыя здѣсь воспоминанія. Не всѣ изъ этихъ „поминокъ“ относятся къ дѣтелямъ первыхъ шаговъ судебной реформы, во введеніи

которой въ Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ судебныхныхъ округахъ ему пришлось участвовать въ 1866, 1867, 1870 годахъ, но ему казалось умѣстнымъ помѣстить очерки, относящіеся къ нѣкоторымъ судебнымъ дѣателямъ позднѣйшаго времени, на служеніи которыхъ Судебнымъ Уставамъ явно отразились завѣты и направленіе творцовъ судебной реформы.

„Книга посвящается молодымъ судебнымъ дѣателямъ, съ горячимъ желаніемъ, чтобы они, въ своемъ служеніи родному правосудію на почвѣ Судебныхъ Уставовъ, умѣли проникнуться идеями *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*.

Эти уставы были выработаны не для пустого пространства. Будучи вызваны требованіями самой жизни, къ ея потребностямъ они и должны примѣняться. Въ основу многаго въ нихъ были вложены широкія и твердыя упованія, но не предшествующій опытъ, за невозможностью его полученія и провѣрки. Поэтому обнаруженіе и исправленіе нѣкоторыхъ частичныхъ въ нихъ недостатковъ не только возможно, но было и неизбежно. Добросовѣстная критика *частностей*—можетъ только содѣйствовать внѣдренію въ общественный и государственный укладъ тѣхъ *общихъ* началъ, которыя были, съ глубокимъ сознаніемъ ихъ важности, заложены въ фундаментъ Уставовъ. Но это допустимо лишь при соблюденіи вниманія и уваженія къ трудамъ и завѣтамъ *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ, съ безусловнымъ сохраненіемъ во всемъ новомъ или измѣняемомъ основѣ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности. Этого требуютъ память о лучшихъ дняхъ нашего общественнаго прошлаго и вѣра въ дальнѣйшее духовное и гражданское развитіе родины.

Пусть будетъ дано немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, съ благоговѣйнымъ упованіемъ привѣтствовавшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ появленіе Судебныхъ Уставовъ и радостно шедшимъ имъ на служеніе—получить возможность, глядя на образъ дѣствій и трудъ *молодыхъ* судебныхъ дѣателей, повторить имъ историческія слова: „въ новизнѣ вашей намъ старина наша слышится“!..

Статья о Д. А. Ровинскомъ, которою начинается собраніе очерковъ, представляетъ собою единственную до сихъ поръ монографію объ этомъ своеобразномъ, выдающемся человѣкѣ, дѣятельность котораго равноцѣнна въ области суда, науки, права и исторіи русскаго искусства. Здѣсь, какъ и въ другихъ очеркахъ, собрано много фактовъ изъ прошлаго нашего суда и общества, яркихъ и запоминающихся. Ровинскій, сдѣлавъ

шись губернскимъ прокуроромъ, когда ему было еще только 29 лѣтъ, принесъ на эту должность всю свою молодую жизненность и отзывчивость. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ букввальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона въ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою на этой должности.

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳ. П. Гааза, отдавашагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшеніи ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ официальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебного преобразования, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „спѣшите дѣлать добро“. Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ замѣчательнаго и памятнаго ему столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполне понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предствательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ.—„Вы все говорите, Ѳеодоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ, значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвинистическій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... „Да вы о Христѣ позабыли, владыка!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе Невиннаго.

Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ „нѣтъ, Ѳеодоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ“!.. благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи страпчихъ и секретарей мѣстныхъ—уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привлекала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы („батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“ говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) приобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить.

Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“ производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно не слушаться, да и „втереть ему очки“ нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжаетъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частные дома“ съ ихъ такъ называемыми „сѣзжими“. Тамъ почти постоянно можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. Въ доброе старое время, вспоминаетъ Ровинскій въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“,—„сѣкуція“ производилась въ частныхъ домахъ по утрамъ; части Тверская и Городская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барынину собачку, выплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ

за то, что баринъ дѣласть ей глазки—и той всыплють сотню:—барыня-де особенно попросила частнаго, никому не было спуска, да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виновать,—присланъ поучить, значить, и виновать—ну, и дери кожу. Хорошее было время: стоишь и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки. Если Городская и Тверская части пріобрѣли себѣ особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашель семь, немедленно имъ уничтоженныхъ, подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами“ и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (между прочими почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ“. Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла спеціальнѣйшій „клоповникъ“ для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Изданіе давно и страстно ожидаемаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе „наказа судебнымъ слѣдователямъ“ было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ, еще не испорченнымъ рутинною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, породившаго въ послѣднемъ сначала недоувѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода расчетомъ съ начинающимися разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго.

Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, когда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Большая часть изъ васъ, господа, только-что окончила образованіе. Вы еще не опыты въ дѣлѣ. Но намъ дорога Ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно

жизни. Опытности вамъ научиться недолго, если вы рѣшитесь вполне отдаться вашему дѣлу.

„Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличить и оцѣнить трудъ и способности. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ,—дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

„Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

„Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками“...

„Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна зоря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зорю отмѣны рабства смѣняла зоря настоящаго правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ и послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду“...

Большую роль сыгралъ Ровинскій, когда возникъ споръ о возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. „Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебного преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣтъ имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣрїи къ ихъ развитію. Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ“... „Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего

онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе. „Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовного суда,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія, и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замѣть дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія“. „Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетью и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаванія вещами и деньгами — это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи и уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія“... „Эти прекрасныя строки, говоритъ А. Ѳ. Кони, проникнуты искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстаті въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскихъ народныхъ картинкахъ“ есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному“.

А. Ѳ. Кони подробно разбираетъ и оцѣниваетъ участіе Р. въ

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
РОВИНСКІЙ.

Участникъ въ составленіи, Судебныхъ Уставовъ.
Первый Прокуроръ Московской Судебной Палаты.
(1824—1895).

Въ предстоящему 50-ти лѣтію Судебной реформы.

судебной реформѣ и всю его дальнѣйшую плодотворную дѣятельность, дополняя очеркъ прекраснымъ обзоромъ работъ Р. по исторіи графическихъ искусствъ; изъ обзора этого интересно, между прочимъ, привести слѣдующую отмѣтку въ „Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ“, о Елисаветѣ Петровнѣ. Представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы, Ровинскій замѣчаетъ, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета „за стѣнами своего дворца вела настоящую русскую политику“, результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій областной городъ, чеканка въ немъ русской монеты, даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, при чемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: „быть по сему“, оставивъ за собою право „удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, любовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе“. Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Говоря о появленіи новыхъ судовъ и общественной атмосферѣ того времени, А. Ө. Кони вспоминаетъ:

„Тѣ, кто пережили это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ является образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены палаты, губернаторы въ предсѣдатели окружнаго суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти... Это была

первая общественная любовь для многихъ... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впоследствии жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное, не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее...

Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него „судебное вѣдомство“ есть одно изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь, и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а невольное сожалѣніе о томъ, что „тѣмъ низкихъ истинъ“ такъ скоро и прочно смѣнили „насъ возвышающій обманъ“...

Не имѣя возможности передать хотя бы и краткое содержаніе интереснѣйшихъ очерковъ о главномъ изъ творцовъ судебныхъ уставовъ—С. И. Зарудномъ, о Н. И. Стояновскомъ, Н. А. Буцковскомъ, Д. Н. Замятнинѣ и др., статьи о мировыхъ судьяхъ (воспоминанія), о кн. А. И. Урусовѣ и Ѳ. Н. Плевако о старомъ и новомъ судѣ въ изображеніи И. Ѳ. Горбунова, мы обратимся теперь къ заключительнымъ строкамъ изъ вновь написаннаго послѣсловія, гдѣ высокочтимый авторъ высказываетъ свой взглядъ на судьбу Судебныхъ Уставовъ.

„Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино, кое-кто преждевременно устааетъ и утрачиваетъ широту и независимость взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными судебными учрежденіями слабѣетъ, рутина то тутъ, то тамъ пытается усѣсться на мѣстѣ живого дѣла, быстрота производства замѣняетъ глубину и достоинство спокойствія, — иногда служеніе призванію уступаетъ стремленію къ служебному повышенію,—чуждая правосудію „злоба дня“ просачивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отправленіе послѣдняго, и подчасъ образъ *судебнаго дѣятеля* затемняется образомъ *судейскаго чиновника*.“

Судебные Уставы явились своего рода островкомъ среди текущей дѣйствительности съ ними несогласованной,—явились своего рода *insula in flumine nata*. Ихъ духу и смыслу была противоположна и часто упорно противопоставляема неподвиж-

ная въ своей организаціи, застарѣлыхъ источникахъ и приемахъ усмотрѣнія администрація,—имъ оставалось чуждо огромное крестьянское населеніе, осужденное на то, что можно назвать самобезсудіемъ, — на нихъ сыпались всякія измѣненія въ мѣропріятіяхъ при политической смутѣ. На этомъ островкѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ зажженъ впервые, какъ маякъ огонь настоящаго правосудія. Но когда наступили тяжелыя времена, и волны вражды и вольнаго и невольнаго невѣжества стали заливать берега этого островка, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ, съ него стали повторяться случаи бѣгства на болѣе спокойный, удобный и выгодный старый материкъ, а число тѣхъ, кто съ прежней вѣрой, но съ колеблющеюся надеждой, поддерживалъ огонь и проливаемый имъ свѣтъ, загораживая его собою отъ вѣтра, стало замѣтно уменьшаться. Для нихъ, вслѣдствіе пагубнаго невнанія миеологіи, *Θемида* была, какъ выразился *Снасовичъ*, „*Афродитой*, вышедшей изъ пѣны морской“. Но, несмотря на то, что враги и ложные друзья искажали ея чарующій образъ, и что ея станъ согнулся, чистое чело покрылось морщинами, и здоровый цвѣтъ лица смѣнился чахоточнымъ румянцемъ, это меньшинство оставалось ей вѣрнымъ, потому что и въ частной и общественной жизни первая любовь, вошедшая въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти. Въ послѣднія десятилѣтія намѣченные первоначально типы судебныхъ дѣятелей блѣднѣютъ и искажаются, и за ихъ чертами, уже не ясными, видѣются другія черты, чуждыя идеалу отцовъ Судебныхъ Уставовъ, часто неудачно заимствованныя отъ худшихъ чужеземныхъ образцовъ, несвойственныхъ природѣ русскаго человѣка.

Встрѣчаются случаи, когда съ предсѣдательскаго мѣста раздаются властныя замѣчанія и заявленія, нежелательныя даже въ устахъ представителей состязующихся сторонъ; когда государственные обвинители, забывая начертанную уставами роль *юворящаю суды*, замѣняютъ спокойствіе доводовъ нервною страстностью и, искажая свою задачу, не брезгаютъ недостойными своего званія выходками противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, обращая обвиненіе не въ служеніе самодовлѣющей *цѣли* правосудія, а въ *средство* постороннихъ послѣднему соображеній. Не менѣе печальныя явленія замѣчаются и въ адвокатурѣ, гдѣ встрѣчаются случаи, когда нравственное чувство лучшей части общества со справедливой тревогой вынуждено осуждать приемы уголовной защиты, направленные къ тому, чтобы защиту преступника обратить въ защиту *преступленія*, при чемъ потер-

пѣвшаго и виновнаго, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляють помѣняться ролями. Такую тревогу и сопряженное съ нею уже несправедливое обобщеніе вызываютъ и тѣ случаи, когда широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю беззащитныхъ, развратителю невинныхъ и расхитителю чужихъ сбереженій, или когда дѣйствительные интересы обвиняемаго приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени.

Будущее Судебныхъ Уставовъ зависить не только отъ правомѣрной дѣятельности органовъ и охранителей правосудія отъ высшихъ и до низшихъ, но и въ отношеніи къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ тѣхъ, кто будетъ посвящать себя судебной дѣятельности въ ея различныхъ проявленіяхъ. Имъ слѣдуетъ помнить о необходимости обезпечить себѣ въ будущемъ свѣтлыя минуты душевнаго удовлетворенія. Онѣ бывають тогда, когда на закатѣ своей трудовой жизни, вспоминая отдѣльные ея эпизоды, судебный дѣятель имѣеть возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія—ничто не заглушало въ немъ сокровеннаго голоса совѣсти, не измѣняло его *искренняю* убѣжденія и не свело его съ указаннаго Судебными Уставами пути дѣйствительнаго правосудія.

Вотъ почему настоящая книга посвящена *молодымъ судебнымъ дѣятелямъ*. Въ нихъ, во *внукахъ*, такъ хочется видѣть людей, которые проникнутся завѣтами *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*“...

По поводу невольныхъ сожалѣній автора можно вспомнить его же слова изъ другого мѣста той же книги, гдѣ, говоря о возведеніи величаваго зданія Судебныхъ Уставовъ, онъ выражается слѣдующими вдохновенными словами:

„Когда оно воздвигалось — скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да, это такъ... Эти божества назывались — равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитой, независимостью судей и т. д. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ. И его гармоническія мраморныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ, и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослед-

ствіи рѣжуція глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли, и чудный куполь, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по-прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Пускай внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что и пристроено—оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя и черезъ его куполь, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ“!.. Что касается *внуковъ*, то молодому поколѣнію остается точно также привести А. Ө. Кони его же надежды, высказанныя въ другомъ мѣстѣ. „Провидѣніе ведетъ нашу родину дорогою тяжелыхъ испытаній, но пути къ проявленію силъ и способностей по немногу все-таки расширяются. Поэтому должны, не могутъ не явиться новыя ихъ носители! Они *были*, и хочется думать, что Тургеневскій Уваръ Ивановичъ, поигравъ перстами и задумчиво поглядѣвъ вдаль, скажетъ еще разъ: „будутъ“!

Мы назвали нашу замѣтку „завѣтами молодому поколѣнію“; это потому, что книга эта нужна не только молодымъ „судебнымъ“ дѣятелямъ. Она нужна всѣмъ, кому дорога наша общественная жизнь, ея нравственное и духовное развитіе.

В. Я.

Въ чужой странѣ ¹⁾.

Послѣ „умилительной“ сцены мы не замедлили выпить по второй, а потомъ и по третьей; хотѣли выпить и по четвертой, но я чувствовалъ уже, что съ холода напитков началъ уже оказывать на мнѣ свое дѣйствіе, на душѣ стало какъ-то веселѣе; люди начали казаться всѣ такими добрыми и хорошими: Чанъ-фу преобразился въ моихъ глазахъ въ преданнѣйшаго мнѣ человѣка, готоваго положить свой китайскій животъ въ пользу моихъ русскихъ интересовъ; „маль-мало земля копай“ вдругъ превратился изъ гордаго и несообщительнаго человѣка—въ человѣка угнетеннаго житейскими невзгодами и потому мрачнаго и печальнаго; „писарь начальникъ“ въ красавца мужчину; его колоссальный носъ—въ какое-то чудное по своей красотѣ мраморное изваяніе, а толстыя, мясистыя губы—въ два пунцовыхъ бутона, полныхъ свѣжести и красоты. „Шарообразный юноша“,—изъ обыкновеннаго прислуживающаго за столомъ человѣка, преобразился въ какого-то добраго генія, который напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы всѣмъ намъ дать столько добра, сколько каждый изъ насъ вмѣститъ можетъ; въ его рукахъ уже не металлическій кувшинчикъ, а рогъ изобилія, изъ котораго онъ намъ будетъ подливать свой живительный нектаръ. Такъ мало-по-малу всѣ мы начали приходить въ нѣкоторое возбужденіе отъ этого, живительнаго нектара;—возбужденіе, выразившееся прежде всего тѣмъ, что у всѣхъ насъ слегка покраснѣли носы, зарумянились щеки и въ глазахъ начали свѣтиться какія-то особенныя искорки. Признаюсь, что мнѣ не хотѣлось, чтобы такое умиротворенное состояніе замѣнилось бы какимъ-либо инымъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ, а потому я и рѣшилъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, октябрь 1914 г.

не воспринимать больше этого „живительнаго нектара“ и ограничился поглощеннымъ уже количествомъ, но фудутунъ и слышать не хотѣлъ объ такомъ ограниченіи и только послѣ оживленныхъ по этому поводу преній разрѣшилъ замѣнить этотъ нектаръ болѣе слабымъ напиткомъ—въ видѣ бѣлаго китайскаго вина. Вино это цвѣтомъ совершенно походило на бѣлое крымское вино, но на вкусъ оно очень кисло и, чтобы уничтожить эту чрезмѣрную кислоту, оно пьется въ подогрѣтомъ видѣ и съ китайскимъ сахаромъ, напоминающимъ собою нашъ такъ называемый, постный сахаръ. Я забылъ упомянуть, что та водка, которую мы только-что пили (суля или хонъ-шикъ) пьется также въ подогрѣтомъ видѣ. Приходилось слышать отъ многихъ, что эта суля представляетъ собою нѣчто отвратительное, какъ по вкусу, такъ и по запаху; ничего подобнаго. Я никогда не замѣчалъ (положимъ, что и вкусы-то вѣдь разные бываютъ) и по-моему суля въ общемъ все же недурное средство для поддержанія въ организмѣ утраченныхъ силъ и энергій. Конечно, если злоупотреблять этимъ напиткомъ и пить его въ неумѣренномъ количествѣ, то организмъ человѣка скорѣе подвергнется всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ отъ отравленія алкоголемъ, такъ какъ процентное содержаніе этого вещества—въ сулѣ значительно превышаетъ процентъ спирта въ водкѣ, къ тому же и сивушное масло, котораго въ сулѣ, по-видимому, не мало, не можетъ быть полезно для организма; но если принимать этотъ напитокъ въ маломъ количествѣ, то дѣйствіе, имъ причиняемое, не производитъ никакого особеннаго и замѣтнаго вреда организму; выпитая на морозѣ, суля быстро подбадриваетъ и согрѣваетъ человѣка. Китайцы почти всѣ пьютъ эту сулю и пьютъ ее изъ очень маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ вмѣстимостью не больше половины маленькой рюмки и за все время моего пребыванія въ Китаѣ—мнѣ не пришлось наблюдать не только ни одного пьянаго, но даже и захмѣлѣвшаго человѣка, и лишь только солдаты позволяютъ себѣ излишества въ этомъ отношеніи, что происходитъ, надо полагать, потому, что въ солдаты, насколько извѣстно, поступаетъ самый неблагонадежный элементъ населенія—элементъ, къ которому масса народная относится не совсѣмъ доброжелательно.

Продолжая закусывать, я рѣшилъ отвѣдать понемногу всего, что стояло на столѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ усиленнаго моціона и долгаго пребыванія на холодѣ разъигравшійся аппетитъ требовалъ значительнаго количества пищи;—да и всѣ сидящіе

за столомъ видимо проголодались, потому что въ воздухѣ неустанно мелькали палочки, которыя, ловко забирая изрядныя порціи съ разныхъ блюдъ, совершали безпрестанныя путешествія отъ этихъ блюдъ ко ртамъ и обратно. — Моя ложка каждый разъ предупредительно нагружалась всевозможными яствами любезнымъ хозяиномъ и всѣми гостями. — Чанъ-фу также улавливалъ иногда моменты и успѣвалъ помѣстить въ ложку какой-нибудь кусочекъ и хотя всѣ эти куски были и неособенно пріятно жевать послѣ того, какъ ихъ держали замусоленными палочками, но приходилось смириться съ этими пустяками и отбрасывать въ сторону всякую брезгливость. Все, что я пробовалъ, казалось мнѣ необычайно вкуснымъ и дѣйствительно все было очень вкусно и пикантно. Шарообразный юноша частенько наполнялъ наши чашечки теплымъ виномъ, и мы пили, увѣряя другъ друга во взаимной дружбѣ и симпатіяхъ — и мнѣ казалось, что въ данный моментъ всѣ эти увѣренія были совершенно искренни, какъ это всегда бываетъ за стаканомъ вина, когда всѣ пріобрѣтаютъ способность вѣрить всему тому, что имъ говорятъ и что сами они говорятъ. Фудутунъ совершенно откровенно началъ увѣрять меня въ томъ, что онъ не придаетъ никакого значенія всѣмъ тѣмъ вздорнымъ слухамъ, которые циркулируютъ въ народѣ о томъ, что будто бы русскіе помогаютъ японцамъ, и въ это время онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что говорилъ. „Она говоли, что худой человѣкъ болтай—русски. Японски помогай; она умна, холоса человѣкъ; худой человѣкъ худой скажи:—наша Фудутунъ шипко его ругай есть“—говорилъ Чанъ-фу, передѣлывая почему-то Фудутуна въ женщину, на что послѣдній улыбался и добродушно кивалъ головой, какъ-бы соглашаясь на подобную метаморфозу.

Когда всѣ закуски были уничтожены, то начался и самый обѣдъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ вкусно приготовленныхъ блюдъ. Все это были различные супа и соусы, подаваемые въ очень небольшихъ количествахъ, благодаря чему и являлась возможность ознакомиться почти съ каждымъ изъ этихъ блюдъ. Нѣтъ возможности, конечно, перечислить произведенія китайской стряпни, да это, полагаю, было бы и излишнимъ. Когда пишутъ рецензію о художественныхъ выставкахъ, то перечисляютъ только выдающіяся произведенія кисти, о прочихъ же говорятъ только вскользь; такъ и въ данномъ случаѣ: упомянемъ о такихъ произведеніяхъ кулинарнаго искусства, которыя могутъ быть названы выдающимися.

Вотъ появляется на столѣ въ небольшой металлической мисочкѣ нѣчто съѣдобное. Снимается покрывавшая мисочку крышка, и изъ миски клубомъ валитъ ароматный паръ и уже по одному этому аромату можно убѣдиться во вкусовыхъ достоинствахъ содержимаго, каковое и оказывается супомъ изъ трепанговъ. Не подумайте, что это какая-нибудь отвратительная гадость, которую и въ ротъ взять противно;—нѣтъ, вы попробуйте и почувствуете тогда, что такое этотъ трепанговый супъ;—вы ощутите прекрасный вкусъ его крѣпкаго—ароматнаго бульона и увидите самыхъ трепанговъ, которые нарѣзаны мелкими кусочками и плаваютъ въ бульонѣ. Правда, некрасивы и отвратительны эти трепанги, если наблюдать ихъ въ ихъ естественномъ видѣ—это большіе морскіе черви, достигающіе четверти и даже болѣе въ длину—вся поверхность ихъ мягкаго, склизкаго тѣла покрыта какими-то остроконечными бородавками, что и дѣлаетъ внѣшность безобразной и весьма неказистой. Но эти мягкотѣлые употребляются въ пищу въ засушенномъ видѣ, при чемъ ихъ предварительно распластываютъ на четыре части вдоль тѣла и затѣмъ эти части сушатъ. Для приготовления же супа эти куски еще разрѣзаются на кусочки и варятся съ разными корнями и спеціями. Само по себѣ трепанги особаго вкуса не имѣютъ и напоминаютъ собою мягкій хрящъ. Вотъ въ слѣдъ за этимъ супомъ въ такомъ же сосудѣ вносится „ласточкино гнѣздо“, которое плаваетъ въ какомъ-то жидкомъ и вкусномъ содержимомъ. Гнѣздо напоминаетъ собою вермишель, но только волокна ея студенисты и полупрозрачны: особеннымъ вкусомъ они не отличаются и скорѣе ихъ можно назвать даже безвкусными. Какъ трепанги, такъ въ особенности ласточкины гнѣзда считаются едва-ли не самымъ лакомымъ блюдомъ у китайцевъ и фигурируютъ на съѣздахъ только у зажиточныхъ людей. Подавались еще горячія блюда изъ обыкновенной капусты и изъ морской капусты, и эти блюда имѣли много общаго съ нашими капустными супами; и къ нимъ подавались очень маленькіе пирожки, — всѣ пропитанные какимъ-то жиромъ—такъ что возьмешь такой пирожекъ въ ротъ, а онъ уже и растаялъ и нѣтъ его. „Петръ Петровичъ Пѣтуховъ“ навѣрно бы скушалъ сотни двѣ такихъ пирожковъ и этимъ бы только заложилъ фундаментъ передъ своей знаменитой кулебякой и прочими достопримѣчательностями своей стряпни. Много, много подавалось вкуснаго и хорошаго, и все было замѣчательно, чисто приготовлено и подано. Вообще китайцы могутъ смѣло гордиться своимъ кулинарнымъ искусствомъ и той чистотою,

каковая царить въ китайской кухнѣ; полагаю, что не будетъ нескромнымъ выразить при этомъ пожеланіе многимъ нашимъ хозяйкамъ стараться въ этомъ отношеніи хотя бы немного подражать китайцамъ. Наши кухарки да и повара также по большей части грязны и чумазы и почему-то не имѣютъ обыкновеніе совершать омовенія своихъ рукъ во время стряпни:— Сойдетъ, молъ, и такъ. Китаецъ же поваръ, какъ кажется, болѣе добросовѣстенъ въ этомъ отношеніи. Всѣ подаваемые жидкія и горячія кушанья уничтожались непосредственно изъ сосуда, ихъ заключающаго. Предварительно обѣдающіе вылавливали изъ супа всѣ тѣ вещества, которыя можно было взять палочками, бульонъ же или соусъ каждый наливалъ въ свою чашечку и выпивалъ ее черезъ край, помогая при этомъ иногда палочками. Чашки и вообще всѣ приборы ни разу не мѣнялись въ теченіе всего обѣда—такъ что изъ одной и той же чашки приходилось ѣсть всѣ кушанья, и это послѣднее обстоятельство, внѣ всякаго сомнѣнія, должно смущать непривычныхъ къ этому людей.

Въ концѣ обѣда на столѣ появился сосудъ особаго устройства и въ общемъ осуществляющій собою идею нашего самовара. Сосудъ этотъ состоялъ изъ металлическаго, имѣющаго до двухъ вершковъ въ діаметрѣ полного цилиндра, къ окружности котораго приспособлена широкая и глубокая чаша, закрываемая сверху крышкой. Въ цилиндрѣ были наложены горячіе угли, а чаша почти до краевъ была наполнена водою, которая уже кипѣла ключемъ, когда сосудъ этотъ былъ водворенъ на столѣ. Вслѣдъ за появленіемъ этого сосуда на столѣ появилось множество тарелочекъ, съ тонко и изящно наръзанными ломтиками разныхъ сортовъ сырого мяса; тутъ было мясо фазана, курицы, индейки, дикаго козла (гурана) изюбря — и прочей разной дичи, при этомъ была подана на особыхъ тарелочкахъ разнаго сорта зелень. И вотъ когда тарелочки съ мясомъ и съ зеленью были установлены живописной группой вокругъ самаго самовара, сидящіе за столомъ начали своими палочками опускать ломтики мяса въ кипятокъ, добавляя туда и зелени.—Не прошло и двухъ минутъ, какъ тоненькіе ломтики обваривались и затѣмъ извлекались изъ воды и уничтожались, а имъ на смѣну сейчасъ же подкладывались все новыя и новыя ломтики, и присутствующіе расправлялись съ ними съ удивительнымъ усердіемъ. Надо было удивляться —откуда у этихъ людей, поглотившихъ передъ этимъ изрядное количество нищевыхъ продуктовъ, могъ оказаться

запасъ аппетита. дающаго имъ возможность продолжать это поглощеніе. Что касается до меня, то я, проглотивъ одинъ ломтикъ такого мяса и найдя, его очень вкуснымъ, пришелъ къ заключенію, что этотъ ломтикъ былъ тѣмъ послѣднимъ человѣкомъ, котораго пропускаютъ въ биткомъ набитое помѣщеніе какого-нибудь масленичнаго балагана. Нельзя, нельзя, господа, не напирайте, прошу васъ, говорить стоящій у двери привратникъ: мѣста нѣтъ больше, и вслѣдъ за этимъ затворяются двери и больше никого въ балаганъ не пускаютъ. --- Я могъ только сидѣть, смотрѣть и удивляться. Китайцы иногда цѣлыя часы проводятъ вокругъ такого самовара, курятъ при этомъ свои трубки, ведутъ оживленную бесѣду и затѣваютъ свои любимыя застольныя игры, которыя еще болѣе сближаютъ между собою обѣдающихъ и устанавливаютъ между ними совершенно простыя и не натянутыя отношенія, они вообще большіе любители и мастера хорошо покупать и, зная толкъ въ гастрономіи, они знаютъ и понимаютъ, такъ сказать, психологію ѣды, они знаютъ, что пріятное и веселое настроеніе способствуетъ и хорошему пищеваренію, и въ силу этого стараются о поддержаніи за столомъ самой непринужденной искренней веселости, чего и достигаютъ вполне. И теперь за этимъ обѣдомъ и въ особенности за этимъ „самоваромъ“ эта непринужденная веселость проявилась въ полной мѣрѣ, и всѣ, не исключая даже мрачнаго „малъ-мало земля копай“, забыли, быть можетъ, хотя въ теченіе этихъ немногихъ часовъ, всѣ невзгоды житейскія и сознали, что всѣ они братья между собою, связанные одними общими стремленіями ко всему доброму и хорошему.

Хозяинъ предложилъ начать игры, и гости конечно охотно на это согласились.

Игры за столомъ бываютъ самыя разнообразныя, но самая общеупотребительная игра ведется на пальцахъ, и состоитъ она въ слѣдующемъ: одинъ изъ игроковъ назначаетъ себѣ всѣ четныя числа въ первомъ десяткѣ, а другой всѣ нечетныя. Условившись такимъ образомъ, игроки выставляютъ другъ передъ другомъ кулаки правыхъ рукъ и начинаютъ сосредоточенно смотрѣть другъ другу въ глаза. Потомъ они одновременно встряхиваютъ руками и, разжимая при этомъ нѣкоторые пальцы, громко выкрикиваютъ число показываемыхъ пальцевъ. Если общая сумма даетъ четъ, то пьетъ штрафъ взявшій себѣ нечетныя цифры, а если нечетъ, то наоборотъ. Выкрикивая число разжатыхъ пальцевъ, игроки выкрикиваютъ при этомъ иногда

остроумныя и возбуждающія общій смѣхъ импровизаціи, или же высказываютъ при этомъ другъ другу хорошія пожеланія. Мнѣ говорили, что при этомъ между игроками очень не рѣдко встрѣчаются такіе импровизаторы, которые говорятъ свои импровизаціи стихами, возбуждая общій интересъ въ публикѣ. Проигравшаго, принужденнаго выпить штрафъ, награждаютъ громкимъ добродушнымъ смѣхомъ, и онъ самъ смѣется отъ души, выпиваетъ, дѣлаетъ угрожающіе жесты своему партнеру, — снова проигрываетъ и снова выпиваетъ при общемъ истерическомъ хохотѣ. Смѣются даже люди, прислуживающіе за столомъ, и всѣмъ хорошо и весело. Другая игра ведется при помощи зажженной бумажки: кто-либо зажигаетъ клочекъ бумаги и старается какъ можно скорѣе передать ее сосѣду, — тотъ передаетъ ее слѣдующему и т. д. — до тѣхъ поръ, пока бумага окончательно не сгоритъ, и тотъ, въ чьихъ рукахъ она догорѣла, пьетъ штрафъ, при общихъ аплодисментахъ и взрывѣ хохота. Играютъ также въ кости и на орѣхи, — на четъ и нечетъ, и проигравшіе всегда аккуратно вышиваютъ свои штрафы изъ маленькихъ чашечекъ.

Былъ уже поздній вечеръ, когда мы встали изъ-за стола въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Фудутунъ, простившись съ гостями, пошелъ со мною въ отведенное для меня помѣщеніе, состоящее изъ одной комнаты съ обыкновенными теплыми нарами и съ неизмѣнной жаровней. Чанъ-фу также помѣстился въ этой же комнатѣ. Вслѣдъ за нами былъ внесень чай и разныя бисквитныя печенья, и фудутунъ, отпивая маленькими глотками горячую жидкость, бесѣдовалъ про войну съ японцами и жаловался съ тоскою въ голосъ на тѣ неудачи, которыя терпѣли китайцы въ этой несчастной войнѣ. Но мало-по-малу, въ голосъ его начали звучать какія-то особыя нотки, выражающія собою какъ-бы надежду на лучшее будущее. Онъ говорилъ, что „ихъ царь“ низачто не согласится кончить эту войну миромъ; хоть 10 лѣтъ придется воевать—онъ не отступится отъ своего твердаго намѣренія и будетъ воевать (съ чѣмъ же, съ какими средствами, подумалъ я при этомъ), такъ какъ солдатъ у него столько, „сколько маковыхъ зеренъ въ 10 пудахъ мака“; говорилъ, что имъ получены утѣшительныя уже извѣстія, подающія нѣкоторыя надежды на перевѣсъ въ будущемъ счастія на сторону китайцевъ, и что у японцевъ будто бы нѣтъ уже денегъ на то, чтобы продолжать войну, что они напрягаютъ уже послѣднія силы и что „ихъ царь“ рѣшилъ продать даже 10 какихъ-то городовъ англичанамъ („англи-

чанка“), дабы на вырученныя деньги возможно было продолжать войну. Откуда до него могли дойти подобныя басни? Всего вѣроятнѣе, что все это были или отголоски народной молвы, или же, просто „баснописцемъ“ въ данномъ случаѣ былъ мой злополучный Чанъ-фу, который, надо правду сказать: изрядно таки „нагрузился“ и, пребывая въ какомъ-то осовѣломъ полу-сознаніи, былъ способенъ къ бреду и къ бреднямъ.

Такимъ образомъ мы провели съ часъ времени, и послѣ этого фудутунъ, пожелавъ мнѣ покойной ночи, удалился. Чанъ-фу моментально же послѣ этого разоблачился и, покрывшись своей теплой шубой, пустилъ носомъ какую-то музыкальную руду и тѣмъ возвѣстилъ, что онъ уже находится „въ объятіяхъ Морфея“.

Ко мнѣ пришелъ урядникъ Дементьевъ и доложилъ, что ихъ помѣстили въ казармѣ вмѣстѣ съ солдатами; „однако, хорошо накормили“ и что въ общемъ, слава Богу, все обстоитъ благополучно. Услышавъ эту радостную вѣсть, я рѣшилъ, что и мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ лечь и постараться уснуть, хотя надежда на это, по правдѣ говоря, была плохая, слишкомъ уже много было воспринято новыхъ впечатлѣній, которыя обыкновенно не способствуютъ къ поддержанію спокойствія. И дѣйствительно: помню, что долго мнѣ не удавалось уснуть, и я въ темнотѣ ворчался съ боку на бокъ и завидовалъ Чанъ-фу, который несомнѣнно проводилъ время болѣе цѣлесообразно, нежели это удавалось мнѣ. Я слышалъ, какъ уже поздно вечеромъ заиграли на какихъ-то трубахъ вору; трубамъ этимъ вторили въ разныхъ концахъ города барабаны, и всѣ эти разнообразныя звуки, слившись въ какую-то дикую и нестройную какофонію, покрывались звукомъ, исходящимъ отъ равномерныхъ ударовъ въ какой-то, надо полагать, очень большой барабанъ,—слышно было, что въ этотъ барабанъ ударили гдѣ-то по близости и онъ звучалъ мрачно и глухо. Потомъ раздался пушечный выстрѣлъ, и моментально вслѣдъ за этимъ замолкла вся эта дикая какофонія, замолкъ и барабанъ, и настала тишина, нарушаемая только поколачиваніемъ ночного сторожа въ колотушку. Порою мнѣ начинало казаться, что я нахожусь среди какого-то необъятнаго, совершенно темнаго пространства,—въ дали отъ всего живого, и лишь только руды, пускаемая Чанъ-фу, да колотушка сторожа пробуждали меня къ дѣйствительности; потомъ, помню, за стѣной раздались голоса людей, которые о чемъ-то начали спорить; слышался смѣхъ и разговоры, и мнѣ показалось страннымъ,

почему эти голоса такъ какъ-то сразу начали звучать; то молчали и не было ничего слышно,—то вдругъ сразу начался шумъ.—Должно-быть солдаты, подумалъ я;—ходили къ зорѣ, а теперь вернулись въ казарму и балагурять.—Такъ подъ ихъ болтовню я и уснулъ.

Утромъ я былъ разбуженъ такими же дикими и нестройными звуками, которые, помню, не сразу привели меня въ сознаніе. Я началъ какъ-то смутно слышать эти звуки, не отдавая себѣ отчета—откуда они исходятъ, и вдругъ сразу вздрогнулъ и проснулся. Въ воздухѣ еще какъ бы звучалъ гулъ отъ какого-то мощнаго звука, который и привелъ меня въ сознаніе: это опять пушки, подумалъ я;—утреннюю зорю, значить, играли. И дѣйствительно то была утренняя зоря. Было 8 часовъ, и солнце бросало свой свѣтлый лучъ черезъ стекло, вставленное въ оконный переплетъ. Было холодно. Чанъ-фу по-прежнему продолжалъ сопѣть и хрипѣть на разные лады. За ночь онъ какъ-бы усовершенствовался въ этомъ упражненіи, и теперь рулады, имъ пускаемыя, были просто артистичны.—То свищетъ, то пускаетъ трели, то нытитъ, какъ паровозъ, то играетъ на свирѣли его чудо-юдо носъ. Пушечный выстрѣлъ даже не возвратилъ его къ той жалкой и прозаичной обыденности, которая называется у насъ жизнью, и онъ все еще виталъ въ сферѣ „волшебныхъ“ мелодій и трелей. Наконецъ, обуреваемый сквернымъ чувствомъ зависти къ человѣку, слишкомъ долго испытывающему наслажденія, я толкнулъ его въ бокъ и этимъ вывелъ его изъ міра грезъ и фантазій, хотя и не сразу. Я увидѣлъ, какъ послѣ этого толчка начала приподниматься та часть шубы, которая приходилась надъ головой, и наконецъ узрѣлъ и самую эту голову, по выраженію глазъ которой прямо можно было заключить, что она пока еще не вмѣняема. Вскорѣ изъ-подъ шубы вынырнули двѣ руки, которыя тутъ же и занялись протираніемъ глазъ, послѣ чего эти послѣдніе приняли нѣсколько болѣе осмысленное выраженіе, показывая тѣмъ, что и голова, мало-по-малу, возвращается къ сознанію. Руки, покончивъ съ глазами, снова исчезли подъ шубой, но вмѣсто нихъ ротъ началъ напоминать о своемъ существованіи и показывать, насколько широко онъ можетъ быть раскрытъ при процессѣ зѣванія. Покончивъ съ протираніями и зѣваніями, выполнивъ неизбѣжный при подобныхъ обстоятельствахъ процессъ потягиванія и вообще продѣлавъ все то, что продѣлываетъ каждый благонамѣренный человѣкъ при пробужденіи,—Чанъ-фу окончательно пришелъ въ себя и

началъ одѣваться. Въ комнатѣ появился молодой человѣкъ — высокій, стройный съ пріятной, привѣтливой фізіономіей, и Чанъ-фу, быстро сообразивъ, что этотъ юноша получилъ назначеніе быть прислужникомъ, началъ сразу, что называется, фордыбачить и разыгрывать изъ себя барина, имѣющаго своего слугу и могущаго имъ повелѣвать. Прежде всего онъ приказалъ молодому человѣку подать воды для умыванія. Приказаніе его было тотчасъ же выполнено съ полнѣйшей охотой и предупредительностью, и молодой человѣкъ принесъ тазикъ, наполненный водой, отъ которой клубился паръ. Опустивъ въ эту воду палецъ, я убѣдился, что она была нагрѣта приблизительно градусовъ до 50 по Реомюру. Молодой человѣкъ улыбнулся мнѣ, желая какъ-бы сказать этой улыбкою: „у насъ всегда умываются такой теплой водой“, и дѣйствительно въ послѣдствіи я убѣдился, что китайцы изъ простонародія, да вѣроятно и интеллигентные тоже, всегда умываются теплой водой, при чемъ процессъ умыванія очень простъ: умывающійся садится на карточки передъ чашкой, наполненной такой теплой водой, и полощетъ въ ней безъ мыла свои руки, и когда вода сдѣлается черной отъ смыванія съ рукъ грязи, то этой же водой обмывается лицо и выполаскивается ротъ. То же самое воспроизвелъ теперь и Чанъ-фу—и, покончивъ съ умываніемъ, онъ выразилъ желаніе привести въ порядокъ свою шевелюру, для чего потребовалось уже содѣйствіе парикмахера. Кутить такъ кутить, думалъ онъ, вѣроятно, отдавая приказаніе молодому человѣку о томъ, чтобы онъ привелъ сюда парикмахера. Молодой человѣкъ, съ полнымъ желаніемъ услужить, бросился исполнять приказаніе импровизированнаго барина, и черезъ 10 минутъ „парикмахеръ“ былъ на-лицо. Этотъ парикмахеръ, который теперь предсталъ передъ нами въ почтительной позѣ, имѣлъ конечно очень мало общаго съ тѣми похожими на конфектныя картинки юношами, которые умѣютъ производить своими ножницами такія же чириканья на головѣ стригомага субъекта, какія производятъ веселая стая воробьевъ, добывая себѣ пропитаніе изъ навозной кучи. Нѣтъ, представшій передъ нами субъектъ не умѣлъ „чирикать“ по-воробьиному и главнымъ образомъ потому, что съ нимъ даже не было необходимыхъ для этого чириканья ножницъ. Это былъ обыкновенный, одѣтый въ синюю дабу манза, грязный, бѣдный и повидимому очень меланхолическій; лобъ его былъ покрытъ отросшей и давно не бритой щетиной, при взглядѣ на которую, невольно припомнилось, что сапожникъ очень часто бываетъ безъ сапогъ,

портной безъ панталонъ и т. п.; на спинѣ у него болталась тоненькая и коротенькая косичка, въ которую, для ея удлинненія, былъ вилетенъ шнурокъ, служившій ея продолженіемъ. Въ доказательство того, что его трудъ былъ сопряженъ съ неустаннымъ хожденіемъ по грязи и навозу, онъ принесъ на своихъ ногахъ эти „элементы“ и разбросалъ ихъ въ живописномъ беспорядкѣ по полу. Кромѣ этихъ элементовъ онъ принесъ на бамбуковомъ коромыслѣ два небольшихъ шканчика, при чемъ изъ одного изъ нихъ былъ извлеченъ бритвенный приборъ и кувшинъ съ горячей водой, а изъ другого мѣдный тазъ, который приставляется къ горлу и имѣетъ на своей боковой поверхности соответствующій для сего вырѣзь. Тутъ же былъ извлеченъ на свѣтъ Божій и громадный роговой гребень съ большими и рѣдкими зубцами. Чанъ-фу, важно разваливъ въ креслѣ и завѣшенный простыней, ждалъ, когда парикмахеръ окончитъ свои приготовленія и приступитъ къ „священнодѣйствию“. И вотъ онъ наконецъ приступилъ, и тутъ я сразу по первымъ же приемамъ убѣдился, что онъ артистъ своего дѣла. Прежде всего онъ взялъ сальную и грязную косу своими руками и началъ ее разглаживать и разминать. При этомъ онъ проявлялъ такую нѣжность и мягкость въ движеніяхъ, что у меня невольно явилась мысль довольно игриваго характера, и я сравнилъ своего Чанъ-фу съ Джульетой, и державшаго въ своихъ рукахъ его косу человѣки—съ прекраснымъ Ромео, любующимся волосами своей возлюбленной. Послѣ этого коса была расплетена и начался довольно долгій процессъ расчесыванія. „Онъ ее чешетъ, онъ ее гладитъ—волосъ къ волосу кладетъ“, напѣвалъ я мысленно во время этой процедуры, и вотъ наконецъ коса уже заплетена и отъ совершенныхъ съ нею манипуляцій—она приняла чистый и опрятный видъ и начала лосниться. Тогда было приступлено къ бритью передней части головы, и это было продѣлано съ подобающею ловкостью, округленностью и мягкостью въ движеніяхъ. Бритье производилось безъ мыла и только при посредствѣ горячей воды, при чемъ самая бритва была широкая и короткая и напоминала собою тотъ осколокъ косы, которымъ, если вѣрить рисунку Г. Трутовской,—одна малороссіанка брила когда-то бороду своему мужу. Туалетъ такимъ образомъ былъ законченъ, и парикмахеръ, получивъ за свой трудъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ съ четырехугольными отверстіями по срединѣ (чохъ), удалился.

Конечно, первой мыслью этого дня у меня было то, чтобы познакомиться съ городомъ и его достопримѣчательностями и

затѣмъ сегодня же ѣхать дальше. Не хотѣлось беспокоить хозяина и пользоваться его гостепріимствомъ въ такой широкой мѣрѣ. Еще вчера за обѣдомъ я говорилъ ему, что желалъ бы уѣхать, но онъ все время упрашивалъ меня остаться, пожить здѣсь, посмотреть городъ и вообще отдохнуть передъ трудной дорогой. Не знаю, были ли всѣ эти доводы вполнѣ искренни, но излагались они такимъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что какъ-то не хотѣлось имъ не вѣрить, и я обѣщалъ остаться. Сегодня, вспомнивъ объ этомъ обѣщаніи, я отчасти и пожалѣлъ о томъ, что далъ его, потому что какъ-то не хотѣлось сидѣть на мѣстѣ, да и день выдался такой теплый и ясный, что невольно хотѣлось двигаться и двигаться. Я уже хотѣлъ было измѣнить своему слову и приказать моимъ казакамъ собраться, но, вспомнивъ о томъ, что необходимо размѣнять имѣющіеся у насъ серебряные рубли на вѣсовое серебро, невольно рѣшилъ предоставить дѣло его собственному теченію. Едва только промелькнула у меня эта мысль, какъ на порогѣ комнаты предсталъ предо мною „тугой парень“, тотъ самый, что такъ ловко перемѣщать свои брови отъ переносицы къ шапкѣ и обратно. Сдѣлавшись сразу похожимъ на кипящій самоваръ, онъ возвѣстилъ, вскинувъ бровями, что фудутунъ ждетъ уже меня съ завтракомъ въ своихъ апартаментахъ. То же самое, вслѣдъ за этимъ, возвѣстилъ и „жирный незнакомецъ“, ввалившійся въ комнату вслѣдъ за своимъ предшественникомъ. На сей разъ завтракъ былъ сервированъ не тамъ, гдѣ мы вчера обѣдали, а въ слѣдующемъ флигелѣ — черезъ дворъ. Флигель этотъ, по словамъ хозяина, занимали жены прежняго фудутуна. Комната, въ которой былъ сервированъ столъ, была большая, свѣтлая и просторная.—Разница въ обстановкѣ заключалась въ томъ, что здѣсь вдоль стѣнъ не стояли стулья, а тянулись убранныя коврами нары; стѣны были украшены развѣшаннымъ на нихъ оружіемъ:—ружьями, шашками и пистолетами. — Между ружьями были очень древнія — чуть что не съ фитильными замками, а были экземпляры и новѣйшихъ системъ, украшенные художественно выполненной рѣзбой. Повидимому, фудутунъ былъ большой любитель оружія; онъ снималъ каждую вещь и, какъ бы захлебываясь отъ восторга, давалъ соответствующія объясненія (переводилъ „тугой парень“). И видно было по всему, что это доставляло ему истинное наслажденіе, какъ любителю. На нарахъ въ углахъ помѣщались громадныя лакированныя и обитыя мѣдью супдуки, съ висѣющими на нихъ мѣдными китайскими замками, очень остро-

умной системы.—Одинъ изъ этихъ сундуковъ, размѣромъ своимъ уступавшій всѣмъ прочимъ, привлекъ мое вниманіе, въ силу того обстоятельства, что на немъ было навѣшено 5 такихъ замковъ. Фудутунъ, видя мое любопытство, самъ открылъ эти замки и приподнялъ крышку, и тутъ я увидѣлъ, что весь сундукъ былъ наполненъ слитками серебра, замѣняющими собою денежные знаки въ этой странѣ.—Слитки эти были величинной съ хорошій кулакъ и имѣли форму англійской шляпы, которая слыветъ у насъ подъ кличкою „здравствуй и прощай“; поверхность ихъ была поздраватая и пористая, что позволяло судить о томъ, что слитки, будучи вынуты изъ формы, не подвергались никакой отдѣлкѣ, да это и лишнее, такъ какъ для обращенія они разрубаются на куски разной величины,—отъ одного золотника до $\frac{1}{2}$ фунта, и конечно объ какой-либо отдѣлкѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Расплата такимъ серебромъ производится при помощи вѣсовъ, которые имѣются въ наличности почти у каждого обывателя. Не скажу, чтобы въ то время, когда мнѣ пришлось быть въ предѣлахъ Маньчжуріи, обыватели принимали отъ насъ только это рублевое серебро; правда, они всегда предпочитали его другимъ денежнымъ знакамъ, но охотно брали также и наши рубли: имъ нравилась ихъ красивая чеканка и въ особенности прекрасно исполненное изображеніе Государя.—Если какой-либо обыватель соглашался принять отъ насъ эти рубли, то предварительно онъ ихъ строго контролировалъ,—для чего взявъ монету за ея центръ двумя пальцами (указательнымъ и большимъ) и дунувъ сильно на ея ребро, онъ подставлялъ ее къ уху; если монета издавала звонъ—значить, она не фальшивая и принималась охотно.

Нѣсколько разъ я пытался воспроизводить то же самое, дунувъ чуть не изо всей силы на ребро монеты, и никогда она у меня не издавала даже и признаковъ звона;—китаецъ же, кажется, и не очень сильно дунетъ, а монета у него зазвенитъ такъ, что и сидя рядомъ съ нимъ можно слышать этотъ нѣжный—„малиновый“ звонъ. Вѣроятно, секретъ заключается въ способѣ держанія монеты, и къ этому-то я не могъ приспособиться. Расчеты на вѣсовое серебро почти всегда приводили меня въ какое-то уныніе и главнымъ образомъ въ силу сознанія, что въ данномъ случаѣ находишься совершенно во власти Чанъ-фу. Какъ его милость положить, такъ и будетъ, думалъ я всегда, вынимая мѣшокъ съ серебромъ. И „его милость“ всегда уже положить такъ, что и себя не забудеть. Счетъ всегда

велся на какіе-то золотники, по вѣсу своему совершенно не соответствующіе вѣсу нашего золотника. Бывало, спросимъ передъ выѣздомъ съ какого-нибудь почлега:—сколько слѣдуетъ получить съ насъ хозяину?—Чанъ-фу беретъ счеты и начинаетъ на нихъ высчитывать: „20 снопъ чумицза,“—говоритъ онъ,—одна золотникъ; два банка бобы—два золотникъ, лапша казака кушай одна золотникъ и т. д.—Усе шисти золотникъ“,—говоритъ онъ и принимается вѣшать. Я сижу съ вытаращенными глазами и смотрю въ пространство и слышу, что присутствующій тутъ же хозяинъ, смотря на все это, что-то говоритъ Чанъ-фу, и мнѣ кажется, что онъ непремѣнно говоритъ: валяй, валяй, братъ, присчитывай, накидывай: все равно баринъ твой смотритъ какъ сова на свѣтъ и ничего не видитъ.— Я сижу, и въ головѣ у меня кто-то повторяетъ: „по рюмочкѣ—5 рюмочекъ—5 р. 20 к., по пирожку—7 пирожковъ 7 руб.“ и т. д., и въ концѣ концовъ приходится конечно раскошеливаться и соглашаться со всѣмъ.—Въ другой разъ, на слѣдующемъ почлегѣ, Чанъ-фу считаетъ, считаетъ и скажетъ совершенно другую цифру, несмотря на то, что количество забраннаго не измѣнилось. Тогда я начинаю протестовать:—что же ты, братъ, на предыдущей станціи за все это насчиталъ 6 золотниковъ, говорю я, съ надеждой поймать хитреца, а теперь зачѣмъ же кладешь 8;—вѣдь, цѣна-то одна. Но Чанъ-фу не смущается и въ оправданіе свое говоритъ, что цѣна на серебро въ разныхъ мѣстахъ разная, что онъ меня не обманываетъ, а служить мнѣ вѣрой и правдой, что онъ бѣденъ, но честенъ и въ жизнь свою никогда никого не обманывалъ и т. п., и снова приходится соглашаться. Свои доводы Чанъ-фу старается подкрѣпить руганью по адресу китайцевъ, съ которыми такъ, молъ, трудно вести денежные счеты.—„О барыня, нашъ люди шипко худой;—зачѣмъ серебрушки, считай—рубли не понимай;—шипко большой дурака наша люди есть“. Такъ заканчивалъ онъ обыкновенно свои филиппики—противъ косности своихъ собратій, благословляя въ то же время какъ эту косность, такъ равно и свою судьбу, которая поставила его въ столь благопріятныя для обогащенія обстоятельства.

Завтракъ былъ тотъ же обѣдъ, только въ миниатюрѣ:—подавались тѣ же блюда, разговоры были приблизительно тѣ же.

Послѣ завтрака были розданы каждому изъ участниковъ тряпицы, намоченныя въ теплой водѣ, и этими тряпицами каждый обтеръ свое лицо, какъ бы обтирая потъ послѣ трудовъ праведныхъ. Я сначала не понялъ, что надлежитъ дѣлать съ

положенной мнѣ на колѣни мокрой тряпичей, но, видя, что фудутунъ и присутствующій за завтракомъ „писарь начальникъ“ преспокойно учинили этими тряпичами „смази“ по своимъ физиономіямъ, я, не желая нарушать установленный обычай, — не замедлилъ и себѣ учинить такую же „смазь“.

Послѣ завтрака фудутунъ ушелъ въ свой кабинетъ, говоря, что у него есть дѣло, а мнѣ предложилъ совершить прогулку по городу и посмотрѣть на его достопримѣчательности, сказавъ, что онъ назначилъ въ провожатые такихъ людей, которые все покажутъ и расскажутъ. Этими людьми впоследствии оказались: фудутуновъ братъ и „жирный незнакомецъ“. — Послѣдней прогулка, видимо, не могла доставить особеннаго удовольствія и онъ заранѣе уже пыхтѣлъ и вытиралъ свое лоснящееся отъ жира лицо. Эти два „знатока китайскаго быта“ и должны были разъяснять всѣ вопросы, кои могли бы показаться интересными. Въ качествѣ же истолкователей мысленій — отправились: Чанъ-фу и „тугой парень“. Четыре здоровенныхъ солдата, одѣтыхъ въ красныя куртки и вооруженныхъ длинными, особаго начертанія дубинами, должны были, очевидно, играть роль охранителей и предупредителей всевозможныхъ покушеній какъ на мою „драгоцѣнную жизнь“, такъ равно и на мой не очень драгоцѣнный кошелекъ. Конечно, почти не вѣроятно было бы допустить возможность подобныхъ покушеній, тѣмъ болѣе среди бѣлаго дня, и думаю, что эти войны были назначены просто для представительности, и фудутунъ, заботясь о таковой, предлагалъ мнѣ даже совершить прогулку въ китайскомъ паланкинѣ, отъ чего я наотрѣзъ отказался. Я прихватилъ съ собою моего урядника Дементьева, который ухарски заломилъ на правое ухо папаху и закрутилъ къ верху свои черные усы, готовый вѣроятно „пронзить“ этими данными кого слѣдуетъ, и мы пошли.

Во время этого торжественнаго шествія прежде всего пришлось убѣдиться въ томъ, что тѣ самыя дубины, которыми были вооружены сопровождавшіе насъ войны, занимаютъ вѣроятно не послѣднее мѣсто въ спискѣ всѣхъ китайскихъ изобрѣтеній, и подобное заключеніе явилось тогда, когда я увидѣлъ, съ какою поспѣшностью уличная толпа разступалась передъ нами, давая дорогу. Тутъ же я пришелъ къ заключенію, что эти дубины придуманы со спеціальною цѣлью для общенія съ человѣческой спиной, такъ какъ, придя въ соприкосновеніе съ послѣдней, онѣ издаютъ даже какой-то особенный звукъ, похожій и на поцѣлуй влюбленнаго, и на ударъ лопатой объ мягкую гливу.

Имѣя около 2¹/₂ аршинъ длины, дубины эти на половину круглы, а на половину лопаткообразны, при чемъ эта послѣдняя половина слегка изогнута, дабы соприкасаться возможно большимъ числомъ точекъ своей поверхности съ частями человѣческой спины. Приходится только пожалѣть о томъ, что до сихъ поръ подобнымъ хитроумнымъ изобрѣтеніемъ не снабжены наши урядники;—было бы и внушительно, и не бесполезно. Мы шли по главной улицѣ города, которая была и узка, и грязна.—По бокамъ ютились—одна возлѣ другой такія же несчастныя и бѣдныя лавченки, которыя я уже видѣлъ при вѣздѣ въ городъ. Товаръ въ нихъ былъ самый дрянный, и по всему видно было, что Хунгунъ не ведетъ никакихъ крупныхъ торговыхъ оборотовъ. Нѣтъ въ немъ ни банковъ, ни конторъ, ни хорошихъ магазиновъ. Обыватели, повидимому, живутъ тихо, скромно и монотонно, хотя, Богъ ихъ знаетъ,—быть можетъ и даже вѣроятно, что эта кажущаяся на нашъ взглядъ монотонность для нихъ не является таковой и, живя такой повидимому неприглядной, сѣренькой и черезчуръ уже будничной жизнью, они испытываютъ конечно и горе, и радость;—словомъ, живутъ и находятъ прелесть и цѣнность своего существованія. Мы прошли по всей длинѣ главной улицы, которая тянется на протяженіе около одной версты и уперлась снова въ ворота окружающей городъ стѣны. Эти ворота выводили на нинчутскій трактъ, и за ними видѣлись грязныя фанзы городского предмѣстья, расположенныя по обѣимъ сторонамъ дороги и по берегу протекающаго тутъ же и заваленнаго навозомъ и разными отбросами ручья. Единственное, что бросилось въ глаза во время нашего шествія по главной улицѣ, и что производило довольно пріятное впечатлѣніе—это нѣсколько мясныхъ лавокъ, въ которыхъ мясо (главнымъ образомъ свинина) было нарѣзано большими кусками и развѣшено на крюкахъ на соблазнъ публики. Лавки эти содержались въ чистотѣ и опрятности, и это-то и производило пріятное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ лавченкахъ можно было встрѣтить и предметы нашего русскаго издѣлія: попадались, напримѣръ, стеариновыя свѣчи, спички, эмалированная посуда, простыя висячія лампы;—были и ситцы какой-то русской мануфактуры;—сахаръ, папирсы и даже попались два-три покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли самовара; но всѣ эти предметы имѣли очень залежалый видъ, и по словамъ купцовъ сбытъ ихъ былъ очень плохъ. „Наши люди русски товара покупай нѣтъ: наши люди своя любви“ переводилъ мнѣ Чанъ-фу показанія купцовъ о

сбытъ заграничнаго товара.— „Китайски люди зачѣмъ это покупай, говорилъ онъ, указывая на ситецъ, — китайски люди даба (синяя ткань китайскаго изготовленія) покупай, эта нѣтъ любви; чешунча покупай, фанза покупай—эта шипко холоса — китайски бабушка усе фанза, — чешунча ходи, — эта нѣтъ ходи (китайскіе женщины любятъ наряжаться въ фанзу и чешунчу, а въ это не любятъ). То же самое говорилось и про свѣчи, про папиросы, про посуду, про сахаръ и самовары; — все у китайцевъ есть свое, и къ этому своему они уже привыкли и предпочитаютъ это свое всему чужому. — Китайская сальная свѣча горитъ тускло и издаетъ непріятный запахъ, но китаецъ къ ней привыкъ, да ему и свѣта-то сильнаго не надо: — нѣтъ у него свѣчи, такъ онъ зажжетъ первобытнаго устройства свѣтильникъ и довольствуется его свѣтомъ и копотью. И такой взглядъ онъ, повидимому, имѣетъ по отношенію всѣхъ предметовъ иноземнаго производства и, относясь къ нимъ критически, онъ пока предпочитаетъ исключительно только свое; къ нему онъ уже привыкъ и съ нимъ освоился настолько, что не имѣетъ никакого желанія мѣнять это свое на что-нибудь чужое, хотя и лучшее.

Подойдя къ воротамъ, мы рѣшили, что не стоитъ возвращаться по прежнему пути, а что будетъ удобнѣе совершить вмѣсто этого прогулку по городской стѣнѣ и полюбоваться съ ея высоты на все окружающее. Такъ мы и сдѣлали и, взобравшись по крутой каменной лѣстницѣ, ведущей на стѣну около башни, построенной надъ воротами, мы очутились на дорожкѣ, проторенной поверхъ стѣны, стѣна имѣла до $2\frac{1}{2}$ аршинъ въ ширину и около $1\frac{1}{2}$ —2 сажень въ высоту. По наружному ея гребню вытянулся безконечный рядъ каменныхъ зубцовъ, возвышающихся надъ ея поверхностью почти въ ростъ человѣка, и между этими зубцами получались такимъ образомъ бойницы, изъ-за которыхъ китайскіе воины съ удобствомъ могли бы „разить“ врага“, если бы таковой появился передъ городомъ, съ намѣреніемъ овладѣть имъ. Событія 1890 года показали однако, что китайскіе воины не были воодушевлены столь похвальнымъ намѣреніемъ и оказали весьма слабое сопротивленіе подошедшему къ городу непріятелю, который и завладѣлъ имъ безъ чувствительныхъ потерь.

Дорожка, на которую мы теперь вступили, вѣроятно, служила для обывателей мѣстомъ для совершенія пріятныхъ прогулокъ въ часы досуга съ подобающими думами, мечтаніями и созерцаніями; намъ встрѣтилось нѣсколько такихъ гражданъ,

гуляющихъ по стѣнѣ и пребывающихъ почему-то въ грустной меланхоліи. Да и дѣйствительно можно было удариться въ такую, совершая прогулку, потому, что видъ со стѣны былъ унылъ, печаленъ и однообразенъ:—съ наружной стороны, разстилалась широкая и ровная долина. Кое-гдѣ мелькали одинокія фанзы, — видны были мертвыя и безжизненныя поля съ торчащими на нихъ корнями снятаго съ нихъ проса. Близъ самой стѣны красовались какія-то грязныя кучи, въ составъ которыхъ входили всевозможные отбросы человѣческаго потребленія. Виднѣлись мѣстами грязныя и бѣдныя фанзы, и только лишь далекая и красивая панорама синеватыхъ горъ ласкала глазъ нѣжностью своихъ цвѣтовъ и воздушностью перспективы. Со стороны города видъ былъ еще болѣе мраченъ и угрюмъ:— видны были темныя прокопченныя, черепичныя, или соломенные крыши фанзъ, построенныхъ въ глубинѣ грязныхъ и навозныхъ дворовъ, и отсюда несся снова какой-то приторный, пряный и масляный запахъ, вдыхая который, я всегда почему, то ощущалъ приливъ тяжелой и давящей тоски.

Видны были мѣстами синія человѣческія фигуры, которыя бродили, какъ сонныя мухи, и повидимому какъ бы безъ всякой цѣли по этимъ дворамъ, и во всемъ висѣла подавляющая и мертвая скука и неподвижность. Въ одномъ мѣстѣ къ стѣнѣ примыкалъ обширный дворъ, окруженный фанзамп. Тутъ были устроены деревянныя коновязи, и около нихъ стояли въ два ряда нѣсколько десятковъ лошадей, обросшихъ длинной шерстью, грязныхъ и нечищенныхъ. Въ общемъ эти лошади напоминали, собою водовозныхъ клячъ, унылыхъ и сосредоточенныхъ, вѣчно думающихъ о тяготахъ и превратностяхъ ихъ лошадиного существованія. Въ описываемое время клячи эти ничѣмъ не питались; газетъ же читать онѣ не могли потому, что во-первыхъ были безграмотны и во-вторыхъ и потому, что не только для нихъ, но даже и для обывателей газетъ здѣсь не печатали и не выписывали, а потому вышеозначеннымъ клячамъ и оставалось только стоять, понуря свои побѣдныя головушки, обмахиваться хвостами и думать свою крѣпкую печальную думу, что онѣ и выполняли вполне добросовѣстно. Тутъ же на дворѣ— около коновязей стояли какіе-то синіе люди, построенные въ три шеренги; на людяхъ этихъ были надѣты ватныя съ длинными рукавами безобразныя кофты, на головахъ — большія мѣховыя шапки, изъ-подъ которыхъ свѣшивались по большей части топція косички. Передъ этими „молодцами“ стоялъ какой-то также синій господинъ, одѣтый со-

вершено одинаково съ прочими, только немного почище и поопрятнѣе, и какъ-то особенно визгливо и отрывисто командовалъ, надрывая свою глотку, такъ, что можно было подумать, что вотъ, вотъ у него тамъ что-нибудь лопнетъ и онъ упадетъ и непременно начнетъ дрыгать ногами. Синіе люди исполняли его команду; вяло и флегматично поворачивались, то направо, то налево, то кругомъ, показывая такимъ образомъ обучающему ихъ человѣку то бока то спины, то вздвигали ряды, то опять ихъ выстраивали по-прежнему. Иногда нѣкоторые ворочались направо, а другіе въ то же время налево или кругомъ, и тогда обучающій выходилъ изъ себя и кричалъ еще визгливѣе, ругался, — бѣгалъ по фронту и возстановлялъ порядокъ. Синіе люди тогда какъ бы немного оживлялись, распутывались, хотя ихъ согбенныя и флегматичныя фигуры не переставали своимъ видомъ говорить: и что кричить и ругается этотъ молодецъ, — все равно, братъ, кричи не кричи, а этимъ дѣла впередъ не подвинешь.

Мнѣ удавалось неоднократно видѣть китайскихъ солдатъ въ строю во время ученья, и всегда я выносилъ какое-то грустное изъ этого впечатлѣніе. Казалось, что всѣ эти люди совершенно напрасно тратятъ время, что они только дѣлаютъ видъ, что забавляются въ какую-то игру, которая ихъ ничуть не интересуетъ, — какъ иногда забавляются взрослые люди, когда имъ рѣшительно не объ чемъ говорить между собою, игрою въ дураки, въ фофаны и въ свои козыри, ничуть не интересуясь этими играми, а желая хоть какъ-нибудь убить несносную тоску и однообразіе.

Безъ толку проводимъ время, думаютъ игроки, пощипывая и закрывая свои рты ладонями, и все-таки продолжаютъ играть, не желая уже окончательно конфузить хозяевъ. Безъ толку проводимъ время, кажется, думаетъ каждый китайскій солдатъ, поставленный въ строй и флегматично исполняющій команду своего начальника; — все равно пользы отъ этого никому никакой не будетъ. Мнѣ всегда казалось, что китайцы давно уже перестали быть воинами. Быть можетъ, они никогда таковыми и не были и относятся къ этой профессіи съ пренебреженіемъ. Думаю, что еслибы не было въ данномъ случаѣ безразличнаго отношенія и даже пренебреженія съ ихъ стороны къ военному дѣлу, они бы давно съумѣли бы создать себѣ армію, подобно тому, какъ это съумѣли сдѣлать японцы.

Фудутуновъ братъ и жирный незнакомецъ получили очевидно инструкцію отъ фудутуна объ томъ, чтобы по возможно-

сти не показывать мнѣ ничего такого, что могло бы относиться къ военному дѣлу; къ такому выводу я пришелъ тогда, когда они начали говорить, что не стоитъ смотрѣть на все это, что это не интересно, о что лучше пойти и посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ обыкновенно рубятъ головы хунхузамъ. Тутъ же они, стараясь отвлечь мое вниманіе, начали рассказывать, какъ производится эта кровавая операція, и все предлагали слѣдовать за ними, увѣряя, что интересно будетъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Оставалось только слѣдовать ихъ указанію, и мы пошли; но, придя на мѣсто, не нашли въ немъ ничего интереснаго: просто это была небольшая и грязная площадка, примыкающая къ стѣнѣ съ наружной ея стороны. Тутъ валялся какой-то мусоръ;—были видны кости, которыя по увѣренію Чанъ-фу были „человѣка кости“ и можно было видѣть большого черного пса, со злыми, налитыми кровью глазами, который, лежа на брюхѣ, флегматично глодалъ какую-то кость и не потому, вѣроятно, что думалъ найти въ ней что-нибудь вкусное, а просто, потому, что ему рѣшительно нечего было дѣлать: лаять надоѣло, спать не хочется, дай хоть эту старую кость поглужу, думалъ онъ, вѣроятно, занимаясь этимъ дѣломъ. Остановившись тутъ на минуту и сознавая, что эта грязная навозная площадка ничего, кромѣ тяжелаго впечатлѣнія, въ зрителѣ оставить не можетъ, мы пошли дальше и, дойдя до тѣхъ воротъ, черезъ которыя выѣхали вчера въ городъ, спустились со стѣны и пошли по знакомой уже намъ улицѣ восвояси.

Времени до обѣда было еще очень много, и я рѣшилъ послать моего Чанъ-фу размѣнять свои деньги на рубленое серебро. Предвидя вѣроятно изъ этой операціи хорошій для себя гешефтъ, онъ съ охотой взялся исполнить мое порученіе, и его коллега выразилъ также искреннее желаніе помогать ему въ этомъ дѣлѣ. Мною овладѣло, помню, колебаніе по поводу того, какъ это я довѣряю этимъ людямъ довольно значительную сумму денегъ;—ну а если они съ этими деньгами да улизнутъ, думалъ я,—и оставятъ меня въ положеніи рака, на мели сидящаго. Я хотѣлъ было уже пойти съ ними, но потомъ вспомнилъ, что придется при этомъ играть роль безмолвнаго лишь зрителя, котораго, если только допустить наличность желанія обмануть и обсчитать,—обмануть и проведутъ въ лучшемъ видѣ, несмотря на его личное присутствіе, да еще тутъ же, смѣясь, начнутъ острить надъ его полнѣйшимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ. Сообразивъ все это, я оставилъ свое намѣреніе сопровождать имъ и, махнувъ па все это рукой, отдалъ имъ деньги,

послѣ чего они поспѣшно удалились. Черезъ полъ-часа они вернулись, и Чанъ-фу принесъ завернутый въ бумагу свертокъ серебра и вѣсы, но кромѣ этого онъ принесъ купленную имъ на базарѣ теплую, новую, мѣховую шубу, а его коллега новую рѣзную металлическую трубку кальянъ (Сю инду), изъ которой онъ и началъ переважно покуривать, довольной тѣмъ счастьемъ, которое выпало ему на долю въ этотъ прекрасный день.

Въ 5 часовъ фудутунъ позвалъ меня обѣдать и послѣ этого подобно вчерашнему, снова навѣстилъ меня;—снова появился чай, и мы вступили въ разговоръ, который на сей разъ уже не имѣлъ минорнаго — политическаго характера, а былъ довольно игривъ и сводился къ прославленію цѣлебныхъ свойствъ корня Дженъ-Шенъ и роговъ Изюбря (пантовъ), которые, будучи принимаемы въ умѣренномъ количествѣ, дѣлаютъ якобы чудеса и самаго стараго человѣка заставляютъ позабыть про старость и дряхлость. Такъ мы продолжали до поздняго вечера, а потомъ снова:—рулады Чанъ-фу, нестройные звуки зори, безконечныя ворочанія съ боку на бокъ и тоска,—мертвящая тоска одинокаго человѣка, лишеннаго возможности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями и впечатлѣніями. Скучно и тяжело. Во что бы то ни стало завтра утромъ ѣдемъ дальше, рѣшилъ я, не находя себѣ мѣста отъ скучной бессонницы.

Въ 8 часовъ утра мы дѣйствительно были готовы къ походу. Наши лошади, осѣдланныя и навьюченныя, лѣниво подбирали около коновязи остатки корма, а Соболяка, чувствуя перспективу движенія, неистовствовалъ отъ восторга. Онъ съ визгомъ подбѣгалъ къ каждому изъ насъ,—лизалъ намъ руки, обнюхивалъ лошадиные хвосты и вообще выражалъ свой восторгъ всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами. Ну, ну—поѣдемъ, поѣдемъ, дуракъ;—съ нами поѣдемъ, говорили казаки, глядя его черную „шубу“, и Соболяка, послѣ такой ласки, положительно сатанѣлъ отъ восторга.

Но наше выступленіе задержалось на часъ, такъ какъ фудутунъ не хотѣлъ отпустить насъ въ путь безъ того, чтобы мы предварительно плотно не закусили. Онъ увѣрялъ, что небольшой завтракъ насъ долго не задержитъ и что во всякомъ случаѣ мы успѣемъ еще засвѣтло добраться до ночлега, который предполагался въ 30 верстахъ отъ города—въ деревнѣ Мицзянъ. Завтракъ дѣйствительно долго насъ не задержалъ, и черезъ какихъ-нибудь 1½—2 часа мы, напутствуемые всѣми хорошими и добрыми пожеланіями хозяина, который проводилъ насъ до паружныхъ воротъ своего дворца, тронулись въ даль-

нѣйшій путь. Теперь уже наша компанія увеличилась на 8 человекъ, благодаря конвою, который командировалъ съ нами фудутунъ.—Изъ этихъ 8 человекъ—7 были простые солдаты, а 8-й унтеръ-офицеръ, который и былъ за старшаго въ своей командѣ. Солдаты были одѣты по обыкновенію въ красныя куртки съ нашитыми на груди черными литерами, а унтеръ-офицеръ имѣлъ одежду какого-то довольно страннаго покроя. Одежда эта очень напоминала красную ливрею, въ которую имѣютъ почему-то обыкновеніе одѣваться люди „швейцарской“ профессіи. Зачѣмъ они имѣютъ обыкновеніе такъ именно одѣваться—намъ конечно неизвѣстно, и мы положительно не въ состояніи отвѣтить на этотъ „глубокомысленный“ вопросъ. Мы только можемъ сдѣлать въ данномъ случаѣ нѣкоторыя предположенія и сказать, что люди „швейцарской“ профессіи потому имѣютъ обыкновеніе рядиться въ красныя ливреи, чтобы быть во-первыхъ болѣе представительными, во-вторыхъ, чтобы быть, для кого надо, внушительными и устрашительными и наконецъ въ третьихъ—намъ кажется, что эта одежда весьма пригодна для ловкаго и незамѣтнаго прятанія полученной „пошлины“, взимаемой, какъ извѣстно, за право восхожденія и нисхожденія по лѣстницамъ. Но если это дѣйствительно такъ и если такая одежда дѣйствительно удовлетворяетъ всѣмъ вышеозначеннымъ условіямъ вообще и послѣдному изъ нихъ въ особенности, то для кавалериста она уже совершенно непригодна, ибо что можетъ быть общаго между швейцаромъ и кавалеристомъ: швейцаръ долженъ быть человекъ „съ вѣсомъ“, кавалеристъ—наоборотъ; швейцаръ долженъ имѣть степенный видъ, плавныя движенія и извѣстную тяжеловатость на подъемъ; кавалеристъ—ничего этого имѣть не долженъ, ибо если онъ будетъ таковымъ, то его назовутъ увальнемъ и будутъ надъ нимъ смѣяться.—Швейцаръ долженъ быть специалистомъ по части взиманія вышеозначенной „пошлины“ и дѣлать это такъ, что какъ будто это и не онъ беретъ, а беретъ его рука, въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ которой онъ, якобы, не воленъ, а кавалеристъ долженъ быть специалистомъ по части смѣлыхъ рѣшительныхъ дѣйствій на конѣ, твердой рукой наносить удары холоднымъ оружіемъ и вообще дѣйствовать съ полной свободой въ движеніяхъ, стремительностью и отвагой. Но едва-ли можно говорить о какой-либо свободѣ въ движеніяхъ человека, наряженнаго въ швейцарскую ливрею. И все-таки, не взирая на столь неуклюжій и совершенно несоотвѣтствующій своему назначенію костюмъ, китайскій унтеръ-офицеръ былъ въ общемъ молодець.

Онъ былъ малъ ростомъ и сухъ сложеніемъ. Его желтоватое худое и лишенное всякой растительности лицо выражало энергію, сильный характеръ и волю. Взглядъ его небольшихъ, карихъ глазъ былъ по большей части суровъ и серьезенъ, и улыбка почти никогда не свѣтилась въ нихъ, а если иногда и свѣтилась, то была похожей на искру, которая мелькнетъ и потухнетъ.

Несмотря на свою безобразную „ливрію“, онъ въ ней успѣлъ быть ловкимъ, гибкимъ и быстрымъ въ движеніяхъ. Служилъ онъ уже 10 лѣтъ, и эта продолжительная служба положила извѣстный законъ на все его существо, и сдѣлала его бравымъ солдатомъ, съ подобающей солдатской выправкой. Онъ былъ гордъ своимъ званіемъ и видимо вкладывалъ всю душу свою въ службу, исполняя всѣ свои обязанности съ полнымъ сознаниемъ дѣла. Я часто смотрѣлъ на этого молодца и думалъ, что если бы въ китайской арміи побольше было бы такихъ— не такъ бы легко доставалась бы японцамъ ихъ раздутая слава;— но, къ сожалѣнію, подобные экземпляры въ Китаѣ, повидимому, представляетъ собою очень рѣдкое явленіе и быть можетъ на тысячи равнодушныхъ и безразличныхъ къ своему дѣлу солдатъ выродится одинъ такой экземпляръ, который конечно совершенно незамѣтно растворится въ общей средѣ, какъ растворится капля меда въ бочкѣ дегтя, не произведя въ этомъ послѣднемъ рѣшительно никакихъ ощутительныхъ перемѣнъ.

Ѣздилъ онъ верхомъ прекрасно; садился въ сѣдло всегда такъ называемымъ „адъютантскимъ прыжкомъ“,—безъ помощи стремени и этимъ показывалъ, что для него, хотя уже и не очень молодого человѣка,—вскочить такимъ образомъ въ сѣдло совсѣмъ не трудно; я впрочемъ убѣжденъ, что онъ это дѣлалъ и не для показа, а просто потому, что ему это было пріятно дѣлать, потому что все, что относилось до его спеціальности—оживило его душу. Рѣчь его была отрывистая, и всегда онъ говорилъ очень громко—почти крича, что бываетъ съ людьми, привыкшими повелѣвать и сознающими за собою это право. Во время разговора, онъ постоянно жестикулировалъ руками, судорожно и сильно сокращая ихъ, при чемъ въ этой жестикуляціи принимали участіе его нервно сгибающіеся короткіе пальцы, ногти, которые имѣли овальную форму и загибались слегка вовнутрь, какъ это по большей части бываетъ у людей твердыхъ и неуклонно стремящихся къ достиженію намѣченной цѣли. Его подчиненные, надъ которыми онъ теперь начальствовалъ, относились къ нему съ почтеніемъ и панибратства

по отношенію къ нему никто изъ нихъ не позволялъ. „Орель“ говорилъ про него мой Кавалистъ; — „шипко много уцини и образована человѣкъ“ — говорилъ про него Чанъ-фу; хотя, надо правду сказать, что тотъ же Чанъ-фу не рѣдко и ругалъ его на самомъ отборномъ русскомъ жаргонѣ, каковой жаргонъ онъ, несмотря на свои слишкомъ поверхностныя знанія русской рѣчи, успѣлъ изучить почти полностью. Такими бурными филиппиками Чанъ-фу обыкновенно раздражался, обращаясь ко мнѣ послѣ того, какъ прослушаетъ основательно пламенную рѣчь унтера и сдѣлаетъ изъ ея содержанія соответствующій выводъ. Тутъ онъ обыкновенно подѣвжалъ ко мнѣ и тихонько, шопотомъ говорилъ: О барыня, — старшій худа-есть зачѣмъ усе ругай естъ“ и затѣмъ начиналъ съ своей стороны посылать, обращаясь ко мнѣ, такія словечки по адресу унтера, объ которыхъ „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать“ нельзя, передавая мнѣ, что этотъ старшій ѣдетъ и все время ругаетъ насъ заморскими чертями, которымъ слѣдовало бы срѣзать головы съ плечъ за то, что они ходятъ теперь по ихъ землѣ, намѣреваясь наводнить ее своими солдатами для того, чтобы совместно съ японцами обрушиться на нихъ и ирижать ихъ съ двухъ сторонъ. И дѣйствительно, хотя и слѣдуетъ оправдать этого молодца унтеръ-офицера какъ браваго солдата, всей душой преданнаго своей родинѣ, но я не скажу, чтобы его присутствіе доставляло бы мнѣ особенное удовольствіе, благодаря тѣмъ бурнымъ рѣчамъ, которыя онъ часто направлялъ противъ насъ. Помню, какъ только мы отѣхали отъ хунгуна, онъ сейчасъ же началъ протестовать противъ насъ, и я даже одно время хотѣлъ вернуться и оставить его въ хунгунѣ въ распоряженіе властей, но потомъ рѣшилъ, что не стоитъ этого дѣлать. Почти на каждой стоянкѣ, если таковая была въ деревнѣ, дѣло не обходилось безъ непріятныхъ сценъ. Обыкновенно, по приходѣ на ночлегъ этотъ старшій сначала сурово молчитъ, куря свою трубку; тѣмъ временемъ фанза набивается биткомъ любопытными, тѣснящимися около насъ и разсматривающими насъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Но вотъ старшій, выкуривъ нѣсколько трубокъ, начинаютъ говорить, дѣлая видъ, что онъ какъ будто бы говоритъ ни къ кому не обращаясь, а такъ, — просто, — говорить самъ съ собой; и всегда въ такихъ случаяхъ, онъ начиналъ тѣмъ, что прежде всего ехидно и злобно усмѣхался, издавая при этомъ какой-то особенный, полный омерзѣнія, носовой звукъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ, готовящійся говорить противъ того, кого онъ

въ душѣ ненавидитъ и презираетъ;—и послѣ этого онъ началъ говорить сначала тихо, но мало-по-малу голосъ его становился громкимъ и рѣчь принимала отрывистый характеръ, при чемъ безпрестанно слышались все тѣ же гордые и презрительные носовые звуки. Такъ, мало-по-малу, онъ привлекалъ на себя вниманіе всей толпы, и она видимо ему начинала сочувствовать и соглашаться съ нимъ. Смыслъ его рѣчей былъ всегда и всюду одинаковымъ и былъ направленъ противъ русскихъ вообще, которые по его словамъ должны быть порицаемы за то, что открыто стали на сторону японцевъ и помогаютъ имъ бить и безъ того угнетенныхъ и несчастныхъ китайцевъ. Переходя отъ обобщеній къ частностямъ,—онъ и къ нимъ не могъ относиться равнодушно и всю надежду возлагалъ на Гиринскаго Дуянъ-дзюня, который, какъ ему извѣстно, человѣкъ умный и, всегда умѣя отличить добро отъ зла, сумѣетъ и съ нами расправиться, и, не успѣемъ мы пріѣхать въ Гиринъ, какъ головы наши будутъ торчать на шестѣ, или валяться въ навозѣ. Въ подобной формѣ переводилъ мнѣ всѣ эти рѣчи Чанъ-фу, стараясь дѣлать это по возможности незамѣтно: онъ не хотѣлъ, очевидно, стать въ данномъ случаѣ открыто на нашу сторону, предупреждая же насъ объ опасности, онъ тѣмъ самымъ и себя ограждалъ отъ таковой. Я убѣжденъ, что онъ навѣрно помышлялъ о бѣгствѣ и если только онъ не приводилъ своего намѣренія въ исполненіе, то только ради тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя онъ извлекалъ изъ своей службы. Слушая Чанъ-фу, я присматривался къ толпѣ и замѣчалъ всегда нѣсколько неприятныхъ взглядовъ, брошенныхъ въ нашу сторону. Не скажу, чтобы такое положеніе было особенно пріятно, но что можно было предпринять въ данномъ случаѣ? Приходилось волей неволей дѣлать видъ человѣка совершенно безразличнаго ко всѣмъ этимъ разговорамъ и по возможности меньше обращать на нихъ вниманія. Чанъ-фу убѣдительно всегда просилъ меня, чтобы я ничего не говорилъ со старшимъ по поводу всѣхъ этихъ его возмутительныхъ рѣчей, потому, что старшій сказалъ ему, если онъ осмѣлится передавать смыслъ этихъ рѣчей намъ, такъ онъ ему сбредетъ своей пашкой голову съ плечъ и сбредетъ такъ, что онъ и охнуть не успѣетъ. Принимая во вниманіе рѣшительность этого человѣка, я почти убѣжденъ, что онъ всегда бы сумѣлъ привести свою угрозу въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что жизнь-то человѣческая въ Китаѣ цѣнится, какъ кажется, не на рубли, а на пятаки, и ясно, что если бы и началъ въ данномъ случаѣ протестовать.—

то этимъ бы съ головой выдалъ несчастнаго Чанъ-фу, а онъ и безъ того трясся всегда, какъ осиновый листъ и на второй же станціи отъ Хунгуна началъ проклинать себя за то, что взялся ѣхать со мной въ Гиринъ.— „О барыня, моя не знай;— они шишко худой человѣкъ. Моя знай—два пудъ золота давай—моя нѣтъ ходи“ (если бы я зналъ, такъ хоть два пуда золота мнѣ давали бы, я бы не пошелъ). За два пуда золота не пошелъ бы, а за сотню серебряныхъ рублей идетъ, смѣялся я надъ нимъ въ такихъ случаяхъ; но на это онъ начиналъ увѣрять меня, что онъ, будучи человѣкомъ частнымъ, ни за что не отступится отъ разъ даннаго имъ слова, что онъ не такъ поступаетъ, какъ прочіе и т. д. И почему знать — быть можетъ, онъ говоритъ и правду. Всегда приходилось сожалѣть о томъ что холодное время года и отсутствіе у нихъ походныхъ палатокъ не давали намъ возможности останавливаться на ночлегъ гдѣ-нибудь въ полѣ,—вдали отъ жилья и отъ толпы любопытныхъ. Примѣнять же въ данномъ случаѣ силу не хотѣлось потому, что неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончилась борьба насъ семи человѣкъ съ цѣлой толпою, подогрѣтой пламенными рѣчами китайскаго патріота и имѣющей во главѣ 8 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Если бы даже, положимъ, мы и остались побѣдителями, то путешествіе наше въ Гиринъ не могло бы состояться и задача, мнѣ дѣнная, никакимъ образомъ, не могла бы быть выполнена. Къ тому-же пришлось бы и нарушить данную мнѣ инструкцію, въ которой категорически настаивалось о соблюденіи строжайшей осторожности во всѣхъ дѣйствіяхъ, а потому въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я и рѣшилъ заpastись какъ можно большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и какъ можно меньше обращать вниманія на всѣ эти непріятности.

Изъ прочихъ китайскихъ солдатъ только одинъ относился ко всѣмъ намъ хорошо и съ полнымъ добродушіемъ; — объ немъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; пять держали себя по отношенію насъ холодно, а одинъ маленькій и плюгавенькій солдатикъ съ отвратительнымъ и злымъ лицомъ и съ вѣчно оскаленными зубами не стѣснялся при каждомъ удобномъ случаѣ выказывать намъ свою враждебность, но, будучи человѣкомъ подлымъ, низкимъ и трусливымъ, — онъ всегда это дѣлалъ исподтишка—такъ какъ будто бы нечаянно: то, проходя мимо, толкнетъ кого-нибудь изъ казаковъ, то плюнетъ какъ бы незначай въ сторону сидящаго казака, — при чемъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно казакъ молчаливо покажетъ ему кулакъ, чѣмъ и приведетъ его въ страхъ и смущеніе; а разъ, помню,

дѣло чуть не дошло до драки: одинъ изъ казаковъ несъ въ котелкѣ воду; — въ это время шелъ къ нему навстрѣчу этотъ плюгавый солдатиска и, поравнявшись съ казакомъ, сплюнулъ какъ-бы невзначай въ его сторону и попалъ казаку на полушубокъ. Не стерпѣлъ казакъ и выливъ на голову этого „война“ всю воду изъ своего котелка, да въ придачу далъ ему такого тумака, что сбиль его съ ногъ. Стоявшая тутъ же на дворѣ толпа громко захохотала, одобряя, вѣроятно, поступокъ казака. Я счелъ нужнымъ предупредить послѣ этого старшаго, что если еще разъ повторится что-нибудь подобное, то я не ручаюсь за благопріятный исходъ и боюсь, что какъ бы дѣло не кончилось чѣмъ-нибудь серьезнымъ и нежелательнымъ, а потому и просилъ его предупредить этого нахала, чтобы онъ оставилъ бы свою скверную привычку плевать туда, куда не слѣдуетъ. Старшій, сознавъ вѣроятно законность этого заявленія, задалъ изрядную головомойку своему подчиненному, послѣ чего онъ прекратилъ столь бурно проявлять по отношенію насъ свою ненависть и ограничивался только злобными взглядами и скаленіемъ зубовъ. Чанъ-фу всегда называлъ этого солдата хунгузомъ, да и дѣйствительно онъ былъ таковымъ.

Чанъ-фу трусилъ не на шутку и всегда на ночлегахъ предупреждалъ меня, чтобы я напомнилъ казакамъ о томъ, чтобы они зарядили свои винтовки и клали бы ихъ около себя — это, впрочемъ, и всегда дѣлалось безъ его предупрежденій, и самъ я всегда спалъ, подложивъ подъ сѣдло заряженный револьверъ.

И такъ мы, наконецъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный, и солнце радостно свѣтило, но въ этихъ свѣтлыхъ лучахъ не было уже теплоты, такъ какъ, по-прежнему навстрѣчу намъ тянулъ холодный вѣтеръ. Дорога на протяженіи 15 верстъ отъ города тянется по совершенно ровной долинкѣ р. Тумынь-Ула, и мѣстами эта дорога проходитъ къ самой рѣкѣ и тянется вдоль ея обрывистаго лѣваго берега. По сторонамъ всюду были видны воздѣланные поля съ уныло торчащими на нихъ корнями давно снятаго уже проса (чумицзы) и гаоляна, виднѣлись мѣстами группы фанзъ, окруженныхъ деревцами, и въ общемъ все окружающее давало чувствовать, что земля, по которой мы теперь шли, принадлежитъ трудящимся людямъ, которые съ такою любовью привыкли работать на своихъ поляхъ. Какъ хороши должны быть эти поля лѣтомъ, когда на нихъ на безконечно длинныхъ бороздахъ какъ на грядахъ высятся цѣлые лѣса гаоляна — лѣса, которые смѣло могутъ скрыть

въ своей чащѣ не только пѣшаго человѣка, но и всадника. Китайцы, передъ тѣмъ, какъ посѣять хлѣбъ, устраиваютъ на своихъ поляхъ борозды такимъ образомъ, чтобы между нихъ могла бы стекать вода, и на эти борозды, въ опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи они сажаютъ сѣмена. Такая кропотливая работа даетъ за то отличные урожаи, — такъ что получается большой избытокъ хлѣба, который и вывозится въ предѣлы Уссурійскаго края. Сущестующій въ Уссурійскомъ краѣ водочный заводъ, какъ кажется, гонитъ спиртъ исключительно почти изъ манчжурскаго хлѣба — и, надо правду сказать, — гонитъ его превосходно. Вообще въ Уссурійскомъ краѣ мы пока не въ состояніи обойтись безъ помощи, китайцевъ и, получая отъ нихъ хлѣбъ и прочіе предметы и продукты потребленія, мы и въ нуждахъ своего домашняго обихода не можемъ обойтись безъ помощи китайцевъ. Нужно ли построить домъ, мы нанимаемъ каменщиковъ, плотниковъ и столяровъ, и таковыми являются исключительно китайцы; нужно ли намъ сшить себѣ пальто, сюртукъ, витель и прочее, мы идемъ къ портному, и предъ нами появляется фигура въ характерномъ китайскомъ костюмѣ и съ неизмѣнной косой, — и эта фигура принимаетъ и добросовѣстно выполняетъ взятый ею заказъ... Понадобится ли намъ, наконецъ, выстирать наше бѣлье, и тутъ къ нашимъ услугамъ является китаецъ-прачка, и эта прачка мастерски сдѣлаетъ свое дѣло. Повара-китайцы; даже дѣтей нянчатъ — и то китайцы. — Словомъ, безъ нихъ мы, русскіе, какъ безъ рукъ, потому что пока въ Уссурійскомъ краѣ нѣтъ повидимому не только мастеровыхъ, но даже и простыхъ рабочихъ, изъ русскихъ людей, а если они и есть, то пока находятся въ „скрытомъ состояніи“. Вообще, повидимому, нужда не гонитъ еще здѣсь русскаго человѣка на работу для добыванія куска насущнаго хлѣба.

На протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ города дорога обсажена деревьями и имѣетъ по сторонамъ канавы. На 15-й верстѣ она подходитъ къ безлѣсному и широкому ущелью. Горы лишены всякой растительности и стоятъ мрачныя и угрюмыя; по мѣрѣ движенія по ущелью они все ближе и ближе сходятся съ обѣихъ сторонъ и ущелье становится уже; путь начинаетъ быть каменистымъ.

Вотъ подъ горой пріютилась одинокая фанза. Это гостиница, или вѣрнѣе постоялый дворъ. Здѣсь можно остановиться отдохнуть, покормить лошадей и самимъ закусить и подкѣпиться.

Китайскіе постоялыя дворы, въ общемъ, все строятся по одному шаблону, какъ и вообще въ Китаѣ все повидимому дѣлается по старому, давно уже заведенному шаблону, отъ котораго китайцы не хотятъ отступать, надо полагать благодаря своей народной гордости. Въдѣ вотъ, на примѣръ, китайскіе дома съ ихъ громадными окнами, заклеенными бумагой. Они, по всей вѣроятности, очень примѣнимы на югѣ, гдѣ очень жарко и очень свѣтло, надо думать, что тамъ въ такомъ домѣ и прохладно и свѣтъ умѣренный,—легко выносливый для глазъ. Но вотъ китаецъ за безземлемъ, или по какой-либо иной причинѣ выселяется изъ южныхъ широтъ и стремится на сѣверъ—въ холодную Манчжурію. И здѣсь онъ, несмотря на изобиліе лѣснаго матеріала, строитъ себѣ такую же, какъ и на югѣ, глинобитную фанзу, въ которой не можетъ сохраняться тепло и въ которой возможно жить зимою, имѣя постоянно на себѣ теплую одежду. Весьма вѣроятно, что онъ, переселяясь въ новыя страны, успѣлъ побывать и у насъ въ Уссурійскомъ краѣ, или во Владивостокѣ,—видѣлъ тамъ наши дома и быть можетъ интересовался ихъ устройствомъ, но, придя на мѣсто, онъ все-таки воздвигъ себѣ жилище по своему шаблону и живетъ въ немъ.

Китайскіе постоялыя дворы имѣютъ приблизительно слѣдующее устройство: представляютъ они длинную—глинобитную фанзу, покрытую въ большинствѣ случаевъ соломенной крышей. Фанза эта обносится—или плетнемъ, или же сложеннымъ изъ камней заборомъ, и такимъ образомъ получается дворъ; иногда по сторонамъ его устраиваются навѣсы—такъ же какъ это дѣлается и у насъ. На дворѣ устанавливаются на подставкахъ большія корыта (кояги) для закладыванія корма лошадямъ и муламъ заѣхавшихъ на постоялый дворъ путниковъ.

Со двора дверь непосредственно ведетъ въ самую гостиницу. Вы входите черезъ эту дверь и сначала ничего не видите передъ собою, потому что навстрѣчу къ вамъ стремится клубомъ цѣлое бѣлесоватое облако, въ составъ котораго входятъ дымъ, паръ и копоть, и вмѣстѣ съ этимъ одуряющій запахъ отъ бобоваго или травяного масла, опиума и т. под.—Мы несколько не преувеличиваемъ, говоря, что это облако, сквозь которое глазъ ничего не можетъ различить. До васъ доносится только изъ его бѣлесоватой среды шумъ и гамъ отъ многихъ человѣческихъ голосовъ, и изъ этого вы можете заключить, что фанза набита уже народомъ. Мы всегда останавливались на ночлеги уже позднимъ вечеромъ и всегда какъ-то носпѣвали послѣдними.—когда почти все мѣста у стоящихъ на дворѣ ко-

рыть были заняты животными и на нарахъ внутри фанзы — людьми. — Вы входите въ фанзу и тутъ мало-по-малу начинаете различать въ тускломъ полумракѣ окружающіе васъ предметы и глаза ваши начинаютъ приспособляться. Вы видите, что находитесь внутри большого помѣщенія, наполненнаго людьми, которые сидятъ, или лежатъ на нарахъ, ходятъ въ ихъ промежуткѣ, грѣются около очага и вообще ведутъ себя такъ, какъ и всюду ведутъ себя люди, собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ и не успѣвшіе еще достаточно освоиться и познакомиться другъ съ другомъ. Прежде всего вы видите, что вдоль стѣнъ помѣщенія тянутся широкія, покрытыя циновками нары; поверхность этихъ наръ нагрѣта, потому, что внутри ихъ сдѣланы дымовые ходы отъ очага, расположеннаго непосредственно у входной двери — откуда и начинаются нары. Дымоходы, проложенные подъ нарами, выведены наружу на противоположенномъ концѣ фанзы, гдѣ и возвышается утвержденная на землѣ двухсаженная, каменная труба. Мы сказали, что поверхность наръ нагрѣта, но нагрѣваніе это не равномерное, и та площадь наръ, которая находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ очагомъ, нагрѣта такъ сильно, что даже циновки подпалены, площадь же на противоположномъ концѣ — чуть только тепленькая. Отсюда понятно, что наибудобнѣйшимъ для размѣщенія мѣстомъ на нарахъ является средній участокъ, на которомъ не такъ чтобы очень холодно. Это въ своемъ родѣ — „средній умѣренный поясъ“, по сторонамъ котораго проходятъ тропики и полярный кругъ. Этотъ „умѣренный поясъ“ всегда оказывается и наиболѣе густо заселеннымъ и на каждый аршинъ этой площади приходилось обыкновенно по одному „обывателю“; — населеніе жаркаго пояса было рѣже, а населеніе за полярнымъ кругомъ было обыкновенно самое рѣдкое, почему и предоставлялось оно всегда намъ, какъ приходившимъ позднѣе всѣхъ прочихъ посѣтителей, успѣвшихъ уже прочно осѣсть на занятыхъ ими мѣстахъ. Области, находящіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ „съ экваторомъ“, оставались всегда не заселенными, такъ какъ возлежаніе на ихъ раскаленной поверхности могло сойти за своего рода подвигъ, и тотъ, кто на него бы рѣшился, могъ бы быть пожалуй приравненъ къ испанскому мученику Лаврентію, принявшему, какъ извѣстно, кончину на раскаленной рѣшоткѣ, но за то въ честь его, если не ошибается, воздвигнуть грандіозный Эскуриаль. Здѣсь же, конечно, никто не сталъ бы воздвигать вамъ „эскуриаловъ“, если бы вы поджарили свои бока на раскален-

ныхъ нарахъ, и вотъ, надо полагать—подобныя соображенія и заставляли посѣтителей избѣгать „экваторіальной зоны“.

Кое-какъ ставимъ своихъ уставшихъ лошадей къ корытамъ. Онѣ стоятъ и уныло опустивъ свои головы ждуть питаія. Казаки оглаживаютъ ихъ и внимательно осматриваютъ. Производится закупка фуража, каковой не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято у насъ подразумѣвать подъ этимъ понятіемъ. Какъ извѣстно, мы привыкли подъ нимъ подразумѣвать сѣно и овесъ, а въ Китаѣ этого-то какъ разъ и нѣтъ. Сѣна китайцы не заготовляютъ, а овса почти не сѣютъ, и вмѣсто сѣна они кормятъ свой скотъ рѣзкой изъ чумизной соломы, а вмѣсто овса—бобами, бобовыми жмыхами, или же гаолянномъ. Чумидзкая солома (солома отъ китайскаго проса) заготавливается на зиму въ видѣ сноповъ. Если дать такой снопъ лошади—конечно она не станетъ его кушать, такъ же какъ не станетъ кушать и березоваго вѣника потому, что солома слишкомъ толста и жестка и лошадинымъ зубамъ ее не помельчать. Необходимо ее порѣзать на мелкіе кусочки и для этого употребляются особые рѣзачи, состоящіе изъ деревяннаго — желобовиднаго бруса, имѣющаго аршинъ съ небольшимъ въ длину, къ одному изъ концовъ котораго на шарнирѣ прикрѣпленъ большой и широкій ножъ съ рукояткой на противоположномъ концѣ. Китайцы мастерски рѣжутъ снопы и обыкновенно одинъ работаетъ ножомъ, двигая его въ вертикальной плоскости, а другой въ это время держитъ снопъ, подсовывая его постепенно подъ ножъ; но казаки съ непривычки скоро уставали отъ этой работы и всегда работали ножомъ по два сразу, и при этомъ условіи проходило не менѣе $\frac{1}{2}$ часа времени, пока они успѣвали изрѣзать 20 — 25 сноповъ — то-есть такое количество, которое требовалось для насыщенія нашихъ лошадей. Но этимъ работа не окончилась, и въ то время, пока три казака были заняты приготовленіемъ рѣзки — остальные приготавливали къ употребленію бобы, или бобовые жмыхи. Бобы тверды, а жмыхи еще тверже, и необходимо ихъ распарить въ кипяткѣ, а потомъ уже давать въ пищу, а это также работа не малая — требуется и огонь развести, и воду согрѣть, потомъ остудить распаренныя вещества и только тогда давать ихъ въ пищу. Бобовые жмыхи приготавливаются въ видѣ большихъ, имѣющихъ $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ круговъ и приготавливаются изъ бобовыхъ остатковъ, послѣ того, какъ изъ зеренъ боба выжато масло, — эти круги настолько крѣпки, что ихъ и топо-

ромъ трудно рубить и, въ сыромъ видѣ, они не могутъ быть разрѣзаемы лошадиными зубами.

Но вотъ наконецъ кормъ для лошадей приготовленъ и разложенъ по корытамъ. Дежурный казакъ ходитъ и внимательно слѣдить—охотно ли лошади ѣдятъ;—обыкновенно онѣ съ голодухи ѣли охотно, но случалось такъ, что одна изъ лошадей—отъ усталости ли, или отъ какихъ-либо иныхъ причинъ—либо совсѣмъ отказывалась отъ корма, либо ѣла его неохотно, и тогда хозяинъ этой лошади рѣшалъ, что ее необходимо „выморозить“. Онъ доставалъ изъ колодца ведро холодной воды и выливалъ его на лошадь, доставалъ другое и снова выливалъ и такъ до тѣхъ поръ, пока вся лошадь не оказывалась мокрою и вода съ нея текла, какъ съ крыши, послѣ этого казакъ отходилъ, говоря:—„Ничего, теперь, однако, покушаешь“.—И дѣйствительно, лошадь начинала трястись какъ въ лихорадкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ у ней появился аппетитъ, и на другой день она была вполне бодра и весела. Обычай „вымораживанія“ лошадей мнѣ только и приходилось наблюдать въ Забайкальѣ; тамъ къ этому средству прибѣгаютъ очень часто и всегда, повидимому, съ успѣхомъ.—„Наши кони, однако, къ этому обычны“, говорили обыкновенно казаки. „Человѣка проморозь хорошенько,—такъ его и на ѣду погонить—такъ и скотину все одно“.

Покончивъ съ лошадьми, и сами мы водворялись на жительство въ чертѣ „полярнаго круга“, и здѣсь прежде всего приходилось убѣждаться въ томъ, что тѣ окна, которыми снабжена фанза, служатъ прекраснымъ вентиляторомъ и очень плохимъ предохранителемъ отъ стужи и холода, такъ какъ бумага въ окнахъ отъ ветхости ли, или просто отъ недосмотра, всегда имѣла на своей поверхности множество дыръ, сквозь которыя и происходилъ обмѣнъ внутренняго воздуха на наружный, причемъ если на дворѣ была мятель, то вмѣстѣ съ воздухомъ въ фанзу залетали и снѣжинки, какъ бы любопытствуя:—а что-то, молъ, тамъ за этой дырой дѣлается.

Не лишнее обратить вниманіе на то, что во всѣхъ рѣшительно своихъ домахъ, все равно будь это одинокая фанза земледѣльца, построенная среди его поля, или же фанза крестьянина, живущаго въ большой деревнѣ, или же, наконецъ, обитающе горожанина въ какомъ-нибудь Пекинѣ, Мукденѣ, Гиринѣ—вездѣ вы увидите, что окна продѣланы на южную сторону—и это, конечно, очень хорошо.

Между нарами оставленъ проходъ—около 3-хъ аршинъ въ

ширину, и тутъ посреди фанзы устроенъ каменный очагъ, съ горящими въ немъ углями, которые, по мѣрѣ своего перегоранія, пополняются изъ очага подъ нарами. Около этого очага посѣтители грѣютъ свои руки, раскуриваютъ трубки и кипятятъ воду въ чайникахъ. Тутъ же иногда поджаривается что-нибудь съѣдобное:—капуста на травяномъ маслѣ, распространяющемъ особо удушливый смрадъ; лепешечки—въ родѣ нашихъ оладьевъ, и отъ всего этого въ воздухѣ распространяются такіе „ароматы“, отъ которыхъ и чертямъ тошно, и все это вентилируется только черезъ входную дверь и черезъ дыры въ бумагѣ, которой залѣнены окна. Къ этимъ „ароматамъ“ присоединяется копотъ отъ первобытныхъ свѣтильниковъ, коими и освѣщается внутреннее помѣщеніе фанзы. Эти свѣтильники по своей простотѣ и незамысловатости—въ своемъ родѣ замѣчательны; видно, что мысль человѣческая, создавшая ихъ, быть можетъ не одну тысячу лѣтъ тому назадъ,—почему-то совсѣмъ какъ бы объ нихъ и позабыла и махнувъ на нихъ рукой, (быть можетъ и у мысли есть своего рода руки) сказала:— „свѣтитъ—ну и ладно;—пусть себѣ свѣтитъ“ и оставила его въ томъ же неприкосновенномъ первобытномъ, такъ сказать, видѣ. Свѣтильникъ этотъ очень незамысловатъ и состоитъ онъ изъ глиняной чашки, утвержденной на деревянной подставкѣ; въ чашку налито растительное масло, а въ него вложенъ фитиль, при чемъ одинъ изъ концовъ его не погруженъ въ масло, а покоится на краю чашки. Этотъ коонецъ зажигается и начинаетъ коптить и свѣтить, при чемъ свѣтъ его не сильнѣе свѣта зажженной спички, но зато копотъ его можетъ поспорить съ копотью неисправной керосиновой горѣлки. Въ нѣкоторыхъ постоянныхъ дворахъ приходилось, правда, встрѣчать висячія съ желѣзными абажурами лампы, но это было рѣдко, да обыкновенно — по одной, — много если—по двѣ лампы и всегда совмѣстно съ ними возжигались и вышеозначенные свѣтильники. Съ непривычки всѣ эти „ароматы“ дѣйствовали на насъ одуряющимъ образомъ: носъ начиналъ чихать; горло — кашлять, а голова—болѣть. Казаки, испытывая повидимому не совсѣмъ пріятныя ощущенія, частенько иронизировали на счетъ китайской отсталости, называя китайцевъ не людьми, а „тварью“ и увѣряя, что „съ ними, какъ съ воробьями каши не сварить“. Чанъ-фу также въ угоду намъ частенько негодовалъ на своихъ собратій и говорилъ, что „наша люди шибко худой дурака есть“.

Обращали также на себя вниманіе лубочныя китайскія картины, красующіяся на стѣнахъ почти каждаго постоялаго двора. Да и вообще китайцы, какъ кажется, большіе любители этихъ картинъ, и въ этомъ отношеніи они похожи на нашихъ простолюдиновъ, украшающихъ свои жилища произведеніями лубочной стряпни, но по-моему, у насъ эта стряпня будетъ похуже китайской. Въдъ только за послѣднее время лубочныя наши картины нѣсколько улучшились и изображаемыя на нихъ фигуры нѣсколько какъ бы ожили. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ: посмотримъ на какого-нибудь Еруслана, или Бову, которыхъ художникъ сплошь смазалъ красной, или синей краской, захвативъ при этомъ этимъ же мазкомъ и все, что находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними,—посмотришь и подумаешь: вотъ такъ фертъ,—ишь ты—какъ его всего вывернуло!—Или посмотришь на какого-нибудь коня, вымазаннаго для чего-то въ зеленую краску и усумнишься: — сначала выходилъ какъ будто-бы и конь, а потомъ начинаетъ уже казаться, что это не конь, а скамейка.—И ничего себѣ! сходили у насъ и такія „картины“—за картины. Китайскія лубочныя картины значительно опередили нашу лубочную мазню и хотя въ этихъ картинахъ сильно хромаетъ перспектива, но зато фигуры и выраженіе ихъ лицъ жизненны и подвижны. По большей части на этихъ картинахъ изображаются китайскіе дома, окруженные большей растительностью и цвѣтами;—видны ручейки, съ перекинутыми черезъ нихъ своеобразными мостиками, и тутъ же всегда изображено множество мужскихъ и женскихъ фигуръ, при чемъ молодые и среднихъ лѣтъ мужчины изображаются всегда особенно жизненными и подвижными. Художники не рѣдко ставятъ ихъ въ какія-то особенныя „академическія позы“: —нерѣдко они вооружены страшными мечами, или дубинами и тогда они, сохраняя эти „академическія“, полныя движенія, позы, размахиваютъ своимъ оружіемъ, съ выраженіемъ на лицѣ крайней ярости. Но съ какой цѣлью они все это продѣлываютъ,—это остается непонятнымъ и какъ бы недосказаннымъ. Зрители, знакомые съ бытомъ и культомъ китайской народности, конечно поймутъ и объяснятъ всѣ эти сцены, такъ же какъ и мы объяснимъ себѣ смыслъ картины, на которой изображенъ Ерусланъ Лазаревичъ или Иванъ Царевичъ или какая-нибудь царь-дѣвица и жарь-птица. Но такъ какъ я, къ сожалѣнію, не знакомъ съ „Иванами-царевичами“ и „жарь-птицами“ китайской національности (и они несомнѣнно есть и у китайцевъ), то и не могу

ничего сказать относительно смысла этихъ лубочныхъ картинъ. Старики на картинахъ изображаются людьми, повидимому, всѣми чтимыми и уважаемыми; нерѣдко они посажены на разукрашенныхъ коврами бѣлыхъ лошадей,—съ особенно выгнутой шеями, и въ такомъ случаѣ сидящій на лошади старикъ изображается со спокойнымъ и умиротвореннымъ лицомъ, которое какъ бы говоритъ: мнѣ не объ чемъ уже заботиться, такъ какъ за меня другіе позаботятся.—И дѣйствительно онъ можетъ быть совершенно спокойнымъ: лошадь его ведутъ подъ уздцы какихъ-то два юноши, съ выраженіемъ крайней почтительности на лицахъ, а позади него съ такою же почтительностью, несутъ большой зонтикъ, который и защищаетъ его отъ солнца.—Сиди, значить,—будь спокоенъ, наслаждайся природой, да, помахивая свсимвъ вѣромъ, отгоняй отъ себя мухъ и всякихъ „гнусовъ“, а все остальное прочее мы за тебя сдѣлаемъ, потому что молоды, а ты старъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, при взглядѣ на такія картины, что въ нихъ выражена именно подобная мораль, которую конечно нельзя назвать непохвальной. Женскія фигуры изображаются на картинахъ какими-то какъ бы сонливыми, мало подвижными, — такъ что въ этомъ отношеніи ихъ можно приравнять къ нашимъ замоскворѣцкимъ купчихамъ, всегда сонливымъ, безпрестанно зѣвающимъ и крестящимъ свои рты. Надо думать, что и китайская женщина склонна въ общемъ къ сонливости и вѣроятно такъ же часто зѣваетъ, какъ и наша купчиха; — рта только крестить не умѣетъ,—а суть-то въ нихъ, вѣроятно, одна. Повидимому, все это во вкусѣ китайцевъ. Не стали бы они уродовать ноги своихъ женщинъ, если бы не требовали отъ нихъ „тумбообразнаго“ состоянія, каковое и считается верхомъ красоты и изящества.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28-го августа по 2-е октября 1914 г.

Памяти Варвары Павловны Тарновской. Сборникъ. Спб. 1914. Изд. Комитета О-ва для доставлен. средствъ Спб. Выш. Женск. Курс. Тип. Якорь (Б. Болотная, 10). 8° (16 × 23). 133 стр. Съ портр. Вѣсь 1 ф. 2 л. 2.100 экз.

Памятная книжка Ставропольской губерніи на 1914 годъ. Ставрополь. 1914. Изд. и тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 26). IV + 134 + 40 + XXXII + 112 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 8 л.

Пиксановъ, Н. К. Хронологія русской литературы для учащихся. Спб. 1914. Тип. Якорь (Б. Болотная, 10) 8° (16 × 22). 46 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 6 л. 5.200 экз.

Постниковъ, И. Н., свящ. Записки Бѣжецкаго городского старосты. Черты городского общественнаго быта конца XVIII столѣтія. Тверь. 1914. Изд. Тверской Ученой Архивн. Коммисіи. Тип. М. В. Блинова. 8° (16 × 25). 19 стр. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Правила 16-го Археологическаго съѣзда въ Псковѣ въ 1914 г. и протоколы засѣданій предварительнаго комитета 2-го—6-го января 1912 г. М. 1914. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кв. Гагарина). 4° (22 × 30). 35 стр. Вѣсь 7 л. 200 экз.

Программа лекцій по Русской исторіи, читанныхъ на высшихъ общеобразовательныхъ курсахъ учителей Воронежскаго Земства въ іюня 1914 г. Воронежъ. 1914. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. 8° (18 × 27). 5 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Пятидесятилѣтній юбилей Волинскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Житомиръ. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (15 × 21). 43 стр. Вѣсь 4 л. 214 экз.

Русская энциклопедія. Подъ ред. С. А. Адрианова, проф. Э. Д. Гримма, проф. А. В. Клоссовскаго и проф. Г. В. Хлопина. Томъ девятый. Индуритъ до Кашъ. Спб. 1914. Изд. Русское Книжное Тов. Дѣятель (3-я Рождеств., 26). Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофск. пр., 87). 8° (19 × 26). 488 стр. съ рис. Вѣсь 2 ф. 29 л. 10.300 экз.

Священной памяти двѣнадцатаго года. Изъ рѣчей, рефератовъ и стихотвореній, прочитанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа въ день празднованія юбилея. Кавказскій учебный округъ. Тифлисъ. 1914. Изд. Кавказск. учебнаго округа. Тип. Т-ва Либерманъ и К°. 8° (19 × 25). VI + 192 стр. Вѣсь 26 л. 600 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго Общества 1913—1914 г. Выпускъ 10. Псковъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (15 × 23). 338 стр. съ рис. Вѣсь 1 ф. 1.000 экз.

Ушаковъ, Ѳ., свящ. Село Спасское, что на Углу, Калязинскаго уѣзда, Тверской губ. Историческій очеркъ. Тверь. 1914. Изд. Тверской

Ученой Архивн. Коммиссiи. Тип. М. В. Блинова. 8° (17×26). 32 стр. Съ рис. 1. Вѣсь 6 л. 600 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. XI. (XX). М. 1914. Тип. А. П. Петцманъ. 8° (18×26). LXXI + X + 171 стр. Вѣсь 47 л. 400 экз.

Александровъ, П. А. Сѣверная система. Опытъ изслѣдованія идей и хода внѣшней политики Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины II. М. 1914. Тип. Ломносовъ (1-я Тверская, Ямская, 22). 8° (17×25). 211 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 26 л. 2.000 экз.

Алексій, еп. (Дородницынъ). Полное собраніе сочиненій. Т. I. Статьи богословско-философскаго и церковно-историческаго содержанія. Саратовъ. 1914. Тип. Союзъ печати. дѣла. 8° (18×27). II+593 стр. съ портр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 5 л. 1.200 экз.

Андріановъ, П. Гангутское сраженіе 27-го іюля 1714 г. Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (25×17). 26 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 3.000 экз.

Антоній архіеп. Какъ сооружать иконостасы въ новыхъ храмахъ? Преданіе или произволь? (Продолженіе статьи объ иконостасахъ). (Отд. отт. изъ журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.) Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (19×27). 16 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Белдыцкій, Николай. Памяти родныхъ писателей. 1. О творчествѣ Мамина-Сибиряка. 2. Старая Пермь по произведеніямъ Ф. М. Рѣшетникова. 3. А. А. Дмитриевъ, какъ авторъ „Пермской Старинны“. Пермь. 1914. Изд. и тип. Губ. земства. 8° (18×26). 65 стр. съ 3 портр. Ц. 35 к. Вѣсь 8 л. 1.000 экз.

Бречковичъ, М. В. О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области историческаго изученія. Рѣчь. Казань. 1914. Изд. авт. Тип. Университета. 8° (17×25). 16 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Вашковъ, Сергѣй. Религіозное искусство. Сборникъ работъ церковной и гражданской утвари, исполненной Т-омъ П. Н. Оловяшниковъ С-ья М. 1914. Изд. 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п. с. д.). 4° (25×32). 12+188 лист. рис. Ц. 100 р. Вѣсь 13 ф. 8 л. 300 экз.

Введенскій, Александръ. Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней. Томъ I. Одесса. 1914. Тип. Л. Нитче. 8° (17×25). 334 стр. Ц. 2 р. Вѣсь ф. 1 л. 1.100 экз.

Введенскій, С. И. прот. Значеніе священнаго вѣнчанія на царство Государя Императора, въ связи съ исполнившимся трехсотлѣтіемъ славнаго царствованія Дома Романовыхъ. Симбирскъ. 1914. Изд. Епархіальн. миссіонер. совѣта. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 7 стр. Вѣсь 1 л. 600 экз.

Гоголь, Н. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Н. И. Коробки. Томъ пятый. Ревизоръ. Слб. 1914. Изд. Русское Книжное Тов. Дѣятель. Тип. Р. Шварцъ (Цвѣточная, 66). 8° (13×19). 397 стр. Вѣсь 1 л. 5.000 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 г. за 1913—1914 г. М. 1914. Тип. А. Н. Снегиревой. 8° (17×26). 130 стр. Вѣсь 18 л. 505 экз.

Голоскевичъ, Г. К. Евсевіево Евангеліе. 1283 года. Опытъ историко-филологическаго изслѣдованія. Слб. 1914. Изд. Отдѣленія русскаго

языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 ливія, 12). 4° (20 × 26). 67 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л. 613 экз.

Грунскій, Н. К., проф. Лекціи по древне-церковно-славянскому языку. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисена. 8° (19 × 26). 8 стр. 112 + 40 вен. + XVIII стр. Адр. скл. Кн. маг. А. Вальтера, Я. Рапа и К° (Рига, Театральная, 9). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 16 л. 1.200 экз.

Гуляевъ, А. А. Иллюстрированная Уфа. (Уфа въ прошломъ и настоящемъ). Уфа. 1914. Тип. Т-ва Э. Г. Соловьевъ и К°. 16° (11 × 17). 226 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 2.100 экз.

Гуменскій, В., свящ. Петро-Павловская двухкласная женская церковно-приходская школа въ гор. Златоустъ. Историческій очеркъ. Уфа. 1914. Тип. Т-ва Э. Г. Соловьевъ и К°. 8° (14 × 22). 78 стр. съ 3 портр. Вѣсъ 10 л. 500 экз.

Гурьевъ, А. Д. Исторія города Кролевеца. Кролевецъ. 1914. Тип. А. Ш. Левина. 8° (14 × 22). 35 стр. Вѣсъ 4 л. 350 экз.

Добровольскій, А. В. Раскопки кургана въ премѣстьи Одессы „Слобода-Романовка“. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 28). 25 стр. съ рис. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Дувинъ, И. П. Софievская волость Бердянскаго уѣзда, Таврической губ. Память о 21 февраля 1913 г. Симферополь. 1914. Тип. Таврическая Губернская. 8° (16 × 24). 54 стр. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Ивановъ, Ф. И. Впечатлѣнія раненаго въ русско-японскую войну. М. 1914. Изд. Г. А. Маевского. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (14 × 21). 148 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 1.500 экз.

Ивановъ, К. А. Очерки по методикѣ исторіи. Спб. 1915. Изд. Т-ва Петерб. учебн. магазина (Каменоостр., 29). 3-е. Тип. М. И. Фроловой (Галерная, 6.) 8° (16 × 22). 190 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ 52-й. (Вопросы реставраціи, вып. 13). Спб. 1914. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20 × 28). 185 стр. Съ 159 рис. + 4 табл. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 900 экз.

Иловайскій, Д. И. Историческія сочиненія. Ч. 3-я. Гродненскій сеймъ 1793 г. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Петръ Великій и царевичъ Алексѣй. Три публичныя лекціи о Руси и болгарахъ. Критическій обзоръ четырехъ частей курса русской исторіи проф. Ключевского. Вѣроятное происхожденіе св. княгини Ольги и новый источникъ о князѣ Олегѣ. М. 1914. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (19 × 27). 455 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 8.000 экз.

Кордтъ, В. Отчетъ о занятіяхъ въ Государственномъ архивѣ въ Гаагѣ лѣтомъ 1911 года. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (Вас. Остр. 9 л., 12). 4° (21 × 30). 16 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 650 экз.

Лебедевъ, М. Е. Исторія Порховскаго духовнаго училища (1814—1914 гг.). Спб. 1914. Тип. Штаба Отд. Корп. Погран. Стражи (В. О. у Биржи). 8° (17 × 25) III + 204 стр. Съ рис. Вѣсъ 22 л. 700 экз.

Меликсетъ-Бековъ, Л. М. Древнѣйшая пицунда у Понта Евксинскаго. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 27). 16 стр. Вѣсъ 4 ф. 50 экз.

Миловидовъ, А. Н. Пятидесятилѣтіе „Виленскаго Вѣстника“ русской редакціи. (Историкс-библіографическій очеркъ). Вильна. 1914. Изд.

редакціи Вилен. Вѣстника. Тип. А. Сыркина. 8° (14 × 21). 52 стр. Вѣсь 5 л. 2.000 экз.

Нейманъ, Е. В. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. 1814—3 октября 1914. Кіевъ. 1914. Изд. кн. маг. И. Я. Оглоблина (Крепцатикъ, 33). Тип. А. Я. Неймана. (Фундуклеевская, 4). 8° (14 × 21). 31 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ (на осеннее и весеннее полугодія) на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1914—1915 академическомъ году и учебные планы Факультета. Одесса. 1914. Тип. „Техникъ“. 8° (18 × 26). 29 стр. Вѣсь 6 л. 225 экз.

Оранжевая книга, сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Приложенія: Высочайшіе манифесты о войнѣ съ Германіей и Австріей. Рѣчь Государя Императора въ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г. Историческое засѣданіе Государственной Думы 26 іюля 1914 г. Спб. 1914. Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатер., 94). 8° (15 × 23). 64 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 8 л. 8.000 экз.

Отчетъ Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера за 1913 г. Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (18 × 27). 29 + 43 + 8 + 6 стр. Вѣсь 11 л. 1.010 экз.

Панченко, Б. А. Латинскій Константинополь и папа Иннокентій III. Одесса. 1914. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18 × 27). 60 стр. Вѣсь 8 л. 100 экз.

Пожерскій, О. 26-я Артиллерійская бригада въ Русско-Турецкую войну 1877—78. Историческій очеркъ. Гродно. 1914. Тип. С. Ганъ. 8° (14 × 21). 91 стр. Вѣсь 9 л. 200 экз.

Потебня, А. А. Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1914. Изд. М. В. Потебни. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (18 × 25). II + 162 + II стр. Ц. 80 к. Вѣсь 14 л. 800 экз.

Родзевичъ, С. П. Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисловіемъ профессора А. М. Лободы. Кіевъ. 1913. Изд. книгопр. И. Я. Оглоблина. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15 × 23). VI + 110 стр. Съ портр. Ц. 75 к. Вѣсь 14 л. 2.000 экз.

Ромашковъ, Д., свящ. Ученикъ объ учителѣ. (По поводу предстоящаго празднованія столѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи). (Отд. от. изъ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.) Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (19 × 17). 15 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Сборникъ Московскаго архива Министерства Юстиціи. Тсмъ VI. М. 1914. Тип. А. Снигеревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (19 × 27). IX + 555 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 3 ф. 100 экз.

Серафимъ, игумень. Торжество долга (Прославленіе святѣйшаго патріарха-патріота Ермогена и майскія торжества въ 1913 г. по случаю празднованія 300-лѣтія Царствующаго Дома Романовыхъ). Кунгуръ. 1914. Тип. М. Ѳ. Летунова. 8° (18 × 27). 524 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 5 л. 500 экз.

Серафимъ. Геромонахъ. Гангутскій бой 1714 года. Ревель. 1914. Тип. Эстляндская Губернская. 16° (13 × 19). 31 стр. съ рис. и портр. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Фоминъ, Ал. Памяти А. С. Пушкина. Къ вопросу объ авторахъ неподписанныхъ статей въ литературной газетѣ 1830 г. и статья А. С. Пушкина объ Ив. И. Кирѣевскомъ по поводу его обзора русской литературы. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 8° (19 × 36). 30 стр. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Хвостовъ, В. М., проф. Женщина и человѣческое достоинство. Историческія судьбы женщины. Природа женщины. Женскій вопросъ. М. 1914. Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева. Тип. Мысль (Петровка. 17). 8° (16 × 20). VIII + 510 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 10.200 экз.

Чайковскій, А. П. Родина народовъ Аріійской расы, гдѣ она была и отчего покинута (Матеріалы къ историко-географическому изслѣдованію аріійской проблемы). М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская. с. д.). 8° (17 × 25). VII + 406 + II стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 500 экз.

Шамбинаго, С. Пѣсни времени Царя Ивана Грознаго. Изслѣдованіе. Сергіевъ-Посадъ. 1914. Тип. И. Н. Иванова. 8° (18 × 27). XII + 303 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 600 экз.

Шюбергсонъ, Эмиль. Вопросы дня 1870-хъ годовъ. Спб. 1914. Тип. Государственная. 8° (17 × 26). 33 стр. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. 1. М. 1914. Изд. т-ва Міръ, 4-е, Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.) 8° (18 × 25). 278 стр. + 15 портр. Ц. 2 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 3.000 экз.

Андріяшевъ, А. Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1915 годъ (простой). Кіевъ. 1914. Изд. Е. Андріяшевой (Гоголевская, 15). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (14 × 21). II + 190 стр. съ картой. Вѣсъ 13 л. 40.000 экз.

Арсеній, архіеп. Митрополитъ Сочавскій Досноей въ его отношеніяхъ съ Россіей, при свѣтѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ. (Отт. изъ юбилейнаго сборника Императорской Московской духовной академіи). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Троице-Сергіевской лавры. 8° (15 × 23). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Афанасьевъ, Г. Е. 1812 годъ въ его дѣятеляхъ. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17 × 26). II + 190 стр. Вѣсъ 19 л. 40.000 экз.

Вся Екатеринославская губернія. 1913 годъ. Редакторъ Н. Г. Подковыровъ. Екатеринославъ. 1913. Изд. Губ. Статист. комитета. Тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 27). 67 + 389 стр. + 9 картъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 25 л. 6.000 экз.

Гернесъ, М., проф. Культура доисторическаго прошлаго. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. М. 1914. Изд. Издат. Фаросъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (13 × 19). 134 стр. + 1 табл. съ рис. Ц. 80 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Гернесъ, М., проф. Культура доисторическаго прошлаго. Ч. III. Желѣзный вѣкъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. М. 1914. Изд. Издат. Фаросъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская с. д.). 16° (13 × 19). 100 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. В. В. Кудрявцева. Екатеринославъ. 1914. Изд. И. М. Ротенберга. Тип. Когана. 4° (20 × 27). XXVII + 989 + VI стр. съ 128 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 5 ф. 15 л. 10.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Гоголя. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер. 11), 7-е. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (20×29). VI+799 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 14 л. 10.000 экз.

Гоголь, Н. В. Шинель. Біографическій очеркъ. Текстъ, примѣчанія. Критическія статьи. Спб. 1914. Изд. Н. И. Карбасникова. Тип. Кюгельгена, Глича и К° (Екатерингофскій, 87). 8° (15 × 20). 93 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Донесенія папскаго нунція, Іоанна Торреса, Архіепископа Адриано польскаго, о событіяхъ въ Польшѣ во время возстанія Богдана Хмельницкаго. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (18 × 27). 181 стр. Вѣсъ 25 л. 100 экз.

Дурново, Н. Программа по исторіи и діалектологіи русскаго языка. Харьковъ. 1914. Тип. М. Зильбербергъ и С-вья. 8° (19×28). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Дѣятели современности. Арабажинъ. К. И. 1 М. 1914. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (17 × 26). 24 стр. Адресъ склада: Кн. маг. Книжный міръ (уг. Петровки и Петровскихъ линій, 20/21). Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ біографіей, составл. А. фонъ-Дитмаръ и одобренной сыномъ поэта. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной (Шокровка. Лялинъ пер., с. д.). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (19×28). XV+821 + 178 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 25 л. 10.000 экз.

Зелинскій, В. Критическіе коментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 4. М. 1914. Изд. 3-е. Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 8° (16×24). 239 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Прибавленіе къ выпуску 52-му. Спб. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 229 стр. Съ 4 рис. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 900 экз.

Клименко, Ф. Изъ исторіи финансоваго строя города Дубно. (Конецъ XVII—начало XVIII в.в.). Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимирская, 43). 8° (16 × 24). 275—299 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Спб. 1914. Изд. П. Луковникова (Лешт. п., 2). Тип. Г. Шумахера и В. Брукера (Екат. к., 94). 8° (14 × 21). 157 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 3.200 экз.

Котляревскій, Несторъ. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основныя этические и социальныя мотивы и ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Спб. 1914. Изд. 3-е яспр. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 лин., 28). 8° (16 × 24). XXIV+404 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.100 экз.

Краткій обзоръ исторіи и современнаго состоянія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Кіевѣ. Кіевъ. 1914. Изд. Высшихъ Жен. Курсовъ. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17 × 26). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Кургановичъ, С. В. Діонисій Жабокрицкій, епископъ Луцкій и Острожскій. Историко-біографическій очеркъ. Кіевъ. 1914. Тип. акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 4 нел.+VII+363 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 320 экз.

Левинсонъ, Андрей. Мастера балета. Очерки исторіи и теоріи танца. Спб. 1914. Изд. Н. В. Соловьева. Тип. Сиріусъ. 8° (20 × 29). 133 стр. съ рис. Вѣсь 1 ф. 20 л. 800 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Екатеринбургъ. 1913. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. И. Когана. 4° (20×27). XLII+660+VII стр. съ 30 рис. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 28 л. 10.000 экз.

Ливронъ, де Андрей. Петропавловскій бой. (Къ 60-лѣтней годовщинѣ). Спб. 1914. Тип. Морского Минист. (Главн. Адмиралт.). 8° (16×24). 30 стр. съ рис. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Годъ десятый 1914 г. Вып. 1-й и 2-й (37-й и 38-й). М. 1914. Тип. Тов. Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (17×26). 41 стр. Вѣсь 21 л. 400 экз.

Мацѣевичъ, Л. С. Desiderata о празднованіи 300-лѣтняго юбилея Императорской Кіев. Духовной Академіи (изъ письма къ редактору). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 23 стр. Вѣсь 3 л. 75 экз.

Нейманъ, Б. В. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3 октября—1914. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18 × 26). II+136 стр.+1 табл. Адр. склада: Кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 75 к. Вѣсь 19 л. 700 экз.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій подъ ред. А. Я. Кракова. Екатеринбургъ. 1914. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. И. Когана. 4° (20 × 27). XXXV+528+VII стр. Съ 32 рис. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 11 л. 10.000 экз.

Никольскій, Н. Н. Возрѣніе В. С. Соловьева на католичество. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (15 × 23). IV+145 стр. Вѣсь 12 л. 50 экз.

Оболянинъ, Н. Каталогъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. 1725—1860 г.г. Въ двухъ томахъ. Т. I. М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 4° (25 × 34). XII+336 стр. Ц. 15 р. за 2 тома. Вѣсь 2 ф. 27 л. 530 экз.

Огольвецъ, Владиміръ. Къ вопросу о древне-русской торговлѣ. (Историческая справка). (Оттискъ изъ „Юбилейнаго сборника Историко-Этнографическаго Кружка при Университетѣ Св. Владиміра“). Кіевъ. 1914. Тип. Кіевской 2-й Артели (Владимирская, 43). 8° (17×24). 8 стр. Вѣсь 1 л. 100 экз.

Отчетъ Псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета за 1912—13 годъ. Псковъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (15×22). 15 стр. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Пальмовъ, Н. Къ матеріаламъ для жизнеописанія святителя Іосифа убіеннаго Митрополита Астраханскаго и Терскаго († 11 мая, 1761 года). Вып. 2. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 50 стр. Вѣсь 6 л. 140 экз.

Памятка войны. Последовательный перечень военных событий со дня объявленія войны. Мѣсяць I. П. Г. Тип. 1914. М. Квара (Лит. 33). 8° (17 × 25). 4 стр. Въсь 1 л. 5.000 экз.

Пархоменко, В. Къ вопросу о начальной исторіи Христіанства на Руси. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (16 × 24). 4 стр. Въсь 1 л. 25 экз.

Писаревъ, Николай, свящ. Отзывъ о сочиненіи А. И. Успенскаго „Царскіе иконописцы и живописцы XVII в.“. Казань. 1914. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго) 8° (16×24). 18 стр. Въсь 3 л. 50 экз.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Екатеринославъ. 1913. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. И. Когана. 4° (20×27) XXI+847+VIII стр. съ 46 рис. Ц. 3 р. Въсь 4 ф. 23 л. 10.000 экз.

Ростовцевъ, М. И. Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Клещевскій пер., 3). 8° (17×26). 17 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Смоляниновъ. Краткій обзоръ 50-лѣтней дѣятельности Спаскаго уѣзднаго земства Рязанской губерніи за 1865—1914 года. Рязань. 1914. Тип. Н. В. Любомудрова. 8° (17×26). 16 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Ткачевъ, Т. Я. А. И. Чеховъ. (Къ 10-ти лѣтію со дня смерти. 1904 года іюля 2-го дня). Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвничья, 14). 8° (18×26). 28 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Ульяновъ, А. Безпокойная Имперія. Краткій очеркъ исторіи Германской Имперіи. М. 1915. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×17). 32 стр. Въсь 1 л. 10.000 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Историческій смыслъ настоящей войны. Докладъ, произнесенный на засѣданіи 16 августа 1914 года Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (17×25). 6 + 1 нен. стр. Въсь 3 л. 600 экз.

Шеманскій. Битва славянъ съ нѣмцами 15 іюля 1410 г. на Грюнвальдѣ Таненбергско-Зеленомъ полѣ у Дубравны. П. Г. 1914. Изд. Перваго Военно-Издательскаго Т-ва (Бассейная, 44). Тип. Знаменская Скоропечатня (Знаменская, 20). 8° (16 × 23). 26 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Великій Князь Сергій Александровичъ. Иллюстрированный библиографическій очеркъ. Екатеринославъ. 1914. Тип. М. С. Копылова. 8° (15 × 23). 79 + 4 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к. Въсь 12 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Пятидесятилѣтіе Земства 1864 — 1914 г. Екатеринославъ. 1914. Тип. М. С. Копылова. 8° (13 × 23). 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 3.000 экз.

Адриановъ, С. А., проф. Революція передъ судомъ Достоевскаго. Конспектъ лекцій. Екатеринославъ. 1914. Тип. И. Когана. 4° (23 × 36). 4 нен. стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Александровъ, Николай, прот. Исторія Христіанской церкви. Выпускъ II. (Общая исторія церкви съ V вѣка и въ связи съ нею исторія русской церкви. Пг. 1914. Изд. Главнаго Управл. военно-учеб. завед.

Тип. Н. Д. Викторова (Демидовъ, 4). 8° (18 × 25). IV + 173 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Антикварная книжная торговля Д. Г. Смолина-Степанова въ Саратовѣ. Каталогъ № 61. Саратовъ. 1914. Тип. Л. А. Рабиновича. 8° (16 × 22). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Антикварный каталогъ русскихъ рѣдкихъ и др. книгъ № 46 книжнаго магазина И. М. Фадѣева. М. 1914. Изд. книж. маг. И. М. Фадѣева. (Моховая, д. Бенкендорфа). Тип. Крестнаго Календаря (Долгоруковская, 33). 8° (17 × 26). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Апушкинъ, В. А. Скобелевъ о нѣмцахъ. Его завѣты славянству. Пг. 1914. Изд. И. Д. Сытина. Тип. Акц. О-ва Тип. Дѣла (Изм. п., 7 рота, 26). 8° (16 × 22). 100 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 10.000 экз.

Буало. Поэтическое искусство. (L'art poétique) Редакція и вступительная статья П. С. Когана. Спб. 1914. Изд. Огни Тип. Главнаго Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (14 × 21). 60 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Донской Край въ доисторическій періодъ и въ эпоху греко-римской культуры. Листъ 7 — 24. Новочеркасскъ. 1914. Изд. И. И. Погина. Тип. А. Соколова. 8° (19 × 24). 97 — 384 стр. Вѣсъ 23 л. 100 экз.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ IV. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1913. Тип. Нижегород. печатное дѣло. 8° (17 × 25). 163 стр. Вѣсъ 13 л. 500 экз.

Ежегодникъ „Приднѣпровье“ и памятная книжка Екатеринославской губерніи на 1914 годъ. Екатеринославъ. 1914. Изд. Губерн. статист. комитета. Тип. губ. правленія. 8° (17 × 25). XXXII + 419 + XXXII стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 4.000 экз.

Извѣстія Общества Любителей изученія Кубанской области. Выпускъ VI. Подъ ред. Секретаря общества Б. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8° (19 × 28) 337 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 350 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1914 г. Томъ XIX. Книжка 1-я.

Содержаніе. Погодицъ, А. Л. Вышгородъ.—Розановъ, С. П. Житіе пр. Антонія.—Якубъ, А. Пѣсенники.—Плотниковъ, В. К. Вліяніе Эразма Роттердамскаго.—Миллеръ, В. Ф. Хинова.—Соболевскій, А. И. Востоковъ.—Бугославскій, С. А. Пр. Несторъ.—Перетцъ, В. Н. Старушичъ.—Нейманъ, Б. В. Отраженіе поэзии Козлова.—Цархоменко, В. А. Олегъ.—Его же. Житіе Антонія Печерскаго. Веселовскій, А. А. Кантемиръ.—Шляпкинъ, И. А. Хожденіе Арсенія Селунскаго.—Бугославскій, С. А. Житіе Александра Невскаго.—Перфецкій, Е. Ю. Угрославская историографія.—Дружининъ, В. Г. Авторъ Великой Науки.—Рожнецкій, С. Отвѣтъ. Сиб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 8° (17 × 24). 369 стр. Ц. 1 р. 50 к. 830 экз.

Ильинъ, А. М. Придонскія древности. Значеніе ихъ для исторіи мѣстнаго края. Краткія свѣдѣнія о Ростовскомъ на-Дону Городскомъ музеѣ и собранныхъ имъ коллекціямъ. Ростовъ н/Д. 1914. Изд. Городскаго музея. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (22 × 30). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Клочковъ, М. В., проф. Объясненіе историко-филологическому факультету по поводу отзыва проф. Багалѣя. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвчья, 14). 8° (17 × 25). 24 стр. Вѣсь 3 л. 120 экз.

Кофановъ, Х. Въ плѣну у горцевъ въ 1830 и 1831 г.г. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь губ. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 26). 11 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Красновъ, М. Просвѣтители Кавказа. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 28). 102 стр. Вѣсь 11 л. 100 экз.

Красновъ, М. Русское дворянство на Кавказѣ до 1813 года. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (19 × 28). 15 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Уроженецъ Дона писатель Данилъ Лукничъ Мордовцевъ 1830 — 1905 г.г. Ростовъ-на-Д. 1914. Изд. О-ва Исторіи и Древностей. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21 × 30). 15 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья-поэты. А. А. Фетъ. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., 3). 8° (14 × 20). 30 стр. Съ портр. Вѣсь 3 л. 7.050 экз.

Кругловъ, Ѳ. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи при бывшемъ патріархѣ Никонѣ. Спб. 1914. Изд. В. М. Скворцова. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8° (16 × 24). 29 стр. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Кубанскій Календарь на 1914 годъ. Изданіе Кубанскаго областного Статистическаго Комитета подъ редакціей Л. Т. Соколова при сотрудничествѣ А. Ст. Селевко. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областного Правленія. 8° (18 × 27). 805 стр. Съ 32 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 28 л. 1.025 экз.

Кубанскій сборникъ на 1914 годъ. Изданіе Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета подъ ред. Л. Т. Соколова. Томъ. XIX. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областного Правленія. 8° (18 × 27). 823 стр. Съ 10 портр. и 2 плана. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 925 экз.

Кюнеръ, Н. В., проф. Сношенія Россіи съ Дальнимъ Востокомъ на протяженіи Царствованія Дома Романовыхъ. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ восточномъ институтѣ 22 февр. 1913 г. по случаю трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. Владивостокъ. 1914. Изд. 2-е, испр. Тип. Восточнаго Института. 8° (18 × 27). 58 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 11 л. 1.670 экз.

М. Ю. Лермонтовъ 1814 -1914. Спб. 1914. Изд. Высочайше утвер. комитета по сооруж. при Ник. кавалер. училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (19 × 27). 50 стр. Вѣсь 25 л. 3.000 экз.

Марковичъ, Б. А. Марко Вовчокъ на Кавказѣ. Труды Ставропольской ученой Архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 28). 79 стр. Вѣсь 9 л. 200 экз.

Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома. Выпускъ 1-й, изданный ко дню столѣтняго юбилея Воспитательнаго Дома 1 сентября 1863 г. М. 1914. Тип. Штаба Московскаго Военнаго Округа. 4° (26 × 34). IV + 261 стр. + 9 чертежей. Вѣсь 3 ф. 11 л. 300 экз.

Мацулевичъ, Л. Фрагменты стѣнописи въ соборѣ Свѣтогорскаго монастыря. Пг. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20 × 28). 25 стр. + 3 таб. Вѣсъ 9 л. 90 экз.

Митропольскій, Ив. Въ отчинѣ и дѣдинѣ. Русскія войска во Львовѣ и Галичѣ. Историческое прошлое Галиціи и современное положеніе. Значеніе города Львова. М. 1914. Тип. А. Д. Плещеева (Покровка 43). 8° (15 × 23). 23 + 1 нев. стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Миртовъ, І. Ѳ. Станица Сѣверская Екатеринодарскаго отдѣла Кубанской области. 1874—1914 г.г. (Къ пятидесятилѣтнему юбилею станицы). Ст. Сѣверская. 1914. Тип. С. Казарова. 8° (15 × 23). 69 стр. съ 11 рис. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Мясоедовъ, В. Кратеры Софійскаго собора въ Новгородѣ. СПб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20 × 28). 14 стр. съ рис. + 5 табл. Вѣсъ 8 л. 90 экз.

Мясоедовъ, В. Фрагменты фресковой росписи Святой Софій Новгородской. СПб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20 × 28). 20 стр. съ рис. + 3 табл. Вѣсъ 8 л. 90 экз.

Нечмировъ, Л. П. Петръ Николаевичъ Нечмировъ. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 28). 4 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Опись дѣламъ, имѣющимъ военное значеніе, выбраннымъ Особой Комиссіей при Ставропольскомъ Губернскомъ Управленіи, при участіи Предсѣдателя Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи Г. Н. Прозрителева изъ дѣлъ Губернскаго архива по описямъ того же архива. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 27). 56 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Опись дѣлъ архива Канцеляріи Государственной Думы томъ I. Дѣла Государственной Думы перваго созыва (27-го апрѣля -- 8-го іюля 1906 г.). СПб. 1914. Тип. Государственная. 8° (18 × 26). X + 126 стр. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Орловъ, П. Сборникъ матеріаловъ для казачьей хрестоматіи Кубанскаго казачьяго войска. Томъ I. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областнаго Правленія. 8° (18 × 27). I + XIX + 649 стр. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 5.000 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго художественнаго историческаго музея за 1913 годъ. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. Г. Искольскаго. 8° (17 × 25). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Памятная книжка Области войска Донскаго на 1914 годъ. Новочеркасскъ. 1914. Изд. Областнаго в. д. статистич. комит. Тип. Ф. Туникова. 8° (19 × 29) XX + 455 + 75 + 238 + 8 стр. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф. 22 л. 900 экз.

Памятная книжка Томской губерніи на 1914 г. подъ ред. П. Т. Виноградова. Томскъ. 1914. Изд. Томскаго Статистическаго комитета. Тип. Губ. Управленія. 8° (17 × 25). 158 + 37 + 53 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 540 экз.

Прозрителевъ, Г. Древніе Тебердинскіе могильники. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 27), 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Прозрителевъ, Г. Изъ прошлаго Сѣвернаго Кавказа. Воспоминанія стараго кавказца отставнаго вахтера Мефодія Степановича Соля-

дуна. Труды Ставропольской Ученой Архивной комисси. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (18×27). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Прозрителевъ, Г. Шамиль въ г.г. Ставрополѣ. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комисси. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18×27). 9 стр. съ 3 рис. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Радинъ, Н. М. Учебникъ исторіи русскаго права. Періоды: древній, Московскій и Императорскій. Пг. 1915. Изд. 2-е перераб. и доп. Тип. К. Фельдманъ (Невскій, 118). 8° (17×24). XI+492 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Сахаровъ, П. П. Происхожденіе Донскаго Казачества. Ростовъ н/Д. 1914. Изд. О-ва Исторіи и Древностей. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (23×30). 48 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Сборникъ Дѣйствія Нижегородской губернской архивной ученой комисси. Т. XV. Вып. V. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1913. Тип. Нижегород. Печатнаго Дѣла. 8° (17×25). 148 стр. Вѣсъ 14 л. 600 экз.

Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ, подъ ред. Г. Н. Прозрителева. Томъ IX. Ставрополь 1914. Изд. губернскаго статистическаго комитета. Тип. губ. правленія. 8° (18×22). 419 стр. Съ 13 рис. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 400 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Г. I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К°, 8-е. Тип. М. Волковича (Садовая), 60). 8° (17×22). VII+252 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 7.000 экз.

Скворцовъ, Н. А. прот. Архивъ Московской Св. Синода конторы. Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Вып. II. М. 1914. Тип. Т-ва Рябушинскаго (Страстной бульв. Путинковскій пер., с. д.). 8° (19×28). VIII+811 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 900 экз.

Смирновъ, М. Очеркъ хозяйственной дѣятельности Ставропольской губерніи къ концу XIX вѣка. Изд. Ставропольскаго губернскаго статистическаго комитета. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. правленія. 8° (18×26). 91 стр. и 38 табл. Вѣсъ 14 л. 200 экз.

Тельбергъ, Георгій. Историческія формы монархіи въ Россіи. (Изъ записокъ Императорскаго археологическаго института Имени Императора Николая II). М. 1914. Тип. А. Снегиревой. 8° (17×26). 17 стр. Вѣсъ 4 л. 105 экз.

Филевскій, П. П. Конспектъ исторіи человѣчества, его дѣяній, мыслей и творчества. Въ 2 частяхъ. 1-я часть—Всемирная хронологія. 2-я часть—Алфавитъ. Таганрогъ. 1914. Изд. кн. маг. М. В. Филевской. Тип. Н. Я. Разн. 8° (15×23). 346 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 27 л. 1.000 экз.

Яковлевъ, I. Нападеніе горцевъ на ст. Темнолѣскую. По воспоминаніямъ О. П. Павловой. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комисси. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18×27). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Ястребовъ, Н. В., проф., Краткій очеркъ исторіи польскаго народа (до паденія Рѣчи Посполитой). Пг. 1914. Изд. Студенч. Изд. Комитета при Истор. филолог. фак. Петроград. университет. Тип. А. Иконникова Б. Гребенская, 19). 4° (18×28). 97 стр. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Аваліани, С. Л. Зависимыя сословія на Сѣверномъ Кавказѣ. Одесса. 1914. Тип. Техникъ. 8° (18 × 26). 36 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Аваліани, С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. III. Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (19 × 27). 111 + 180 стр. Вѣсъ 24 л. 600 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Другъ бѣдныхъ. Памяти врача-подвижника. Н. В. Лешко-Попеля. Біографич. очеркъ. Екатеринославъ. 1913. Тип. М. С. Копылова. 8° (14 × 21). 48 стр. съ 9 рис. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. первый. Содержаніе: 1) Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. 2) Бѣлинскій. 3) Тургеневъ. 4) Гончаровъ. 5) Островскій. 6) Некрасовъ. Кіевъ. 1914. Изд. 9-е. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (18 × 28) VIII + 203 стр. Складъ: Кн. маг. И. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Архивъ Ставропольской губерніи. Докладъ председателя Ставропольской ученой архивной комиссіи Г. Н. Прозрителева, читанный въ общемъ собраніи комиссіи 17-го февраля 1906 г. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго Правленія. 8° (19 × 28). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 185 экз.

Барановскій, М. Дворцовое хозяйство по дѣламъ приказа тайныхъ дѣлъ. (От. изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 38 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Барсовъ, І. Срѣтенская Владимірская пустынь (нынѣ чувашская женская община). (Отд. отт. изъ „Извѣстій по Казанской Епархіи“). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (17 × 25). 22 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Бороздинъ, А. К., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Спб. 1914. Изд. Прометей Н. Н. Михайлова (Поварской пер., 10). Тип. Печатный Трудъ (Прачешный пер., 4). 8° (16 × 23). 139 стр. Съ портр. Ц. 90 к. Вѣсъ 16 л. 3.100 экз.

Бѣлая книга. Европейскій кризисъ. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войнѣ. Августъ 1914 г. Представлена обѣимъ Палатамъ-Парламента по повелѣнію Его Величества Короля Георга V. Съ приложеніемъ: Рѣчи сэра Эдуарда Грея въ Палатѣ общинъ 3 августа 1914 г. и Извлеченія изъ парламентскихъ дебатовъ въ историческихъ засѣданіяхъ Палаты Общинъ. Пг. 1914. Изд. Освобожденіе. Тип. Тов. Грамотность (5 Рождественская, 44). 8° (16 × 21) 191 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 17 л. 4.000 экз.

Вейнбергъ, Л. О. Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій-Айхенвальдъ). Т. IV. Вып. 2-й. (Майковъ, Фетъ, Тютчевъ, гр. Ал. Толстой, Некрасовъ, Григоровичъ, Писемскій, Салтыковъ. Гл. Успенскій). Для школы и самообразованія. М. 1915. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (18 × 25). 355 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 3.000 экз.

Вершинскій, А. Н. Микулинскій соборъ, какъ памятникъ древнерусскаго зодчества. Историко-архитектурный очеркъ. Тверь. 1914. Изд. Тверской ученой архивн. комиссіи. Тип. Губернская. 8° (17 × 22). II + 33 стр. + VI табл. рис. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Вѣстникъ Общества Ревнителѣй Исторіи. Вып. I. Подъ ред. М. К. Соколовскаго. Пг. 1914. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12) 4° (23 × 30). 271 стр. съ портр. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 1.000 экз.

Еланскій, В. Г., свящ. Вольскій именитый гражданинъ Василій Алексѣевичъ Злобинъ. (Къ дню столѣтія его посмертнаго юбилея). Вольскъ. 1914. Тип. А. В. Лебедева. 8° (17 × 25). 52 стр. + 4 листа рис. Вѣсъ 9 л. 568 экз.

Ермиловъ, Владиміръ. „Бѣлый генералъ“ его геройскіе подвиги и завѣты для офицеровъ и солдатъ. М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д). 16° (12 × 17). 62 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Ермоленко, М. Эльбердовъ курганъ. II. Выходъ молодой женщины кабардинки по воду въ первый разъ послѣ замужества. III. Байрамъ въ Кабардѣ Налъчикскаго округа, Терской области. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго правленія. 8° (19 × 29). 4 + 2 нен. стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Журналъ 115 засѣданія Тверской ученой архивной комиссіи 23 декабря 1912 года. Подъ ред. И. А. Виноградова. Тверь. 1914. Тип. Губернская. 8° (18 × 23). 74 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Закржевскій, Александръ. Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1914. Изд. издат. И. Н. Самоненко. Тип. акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (18 × 27). VII + 153 стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ X, вып. I. Содержаніе. Арсеньевъ, В. К. Китайцы въ Уссурійскомъ краѣ. Очеркъ историческо-географическій. Хабаровскъ. 1914. Тип. Канцелярій Приам. генер.-губернатора. 8° (19 × 28). 2 + 203 + 4 стр. + 22 листа табл. и рис. + 6 картъ. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 500 экз.

Камскій, М. И. Какъ русскіе цари въ старину жили. Очерки домашней жизни царей въ XVI—XVII в. Библиотека Ступина. М. 1915. Изд. А. Д. Ступина (Никольская). Тип. Печатникъ (Хапиловская, 52). 16° (11 × 16). 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Коневскій, Михайлаъ, Ѳ. Краткій историческій очеркъ и описаніе Арзамасской Высокогорской Вознесенской мужской общежительной пустыни Нижегородской епархіи. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. А. Н. Муратова. 16° (9 × 16). 22 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Крыльцовъ, И. И. Очерки изъ исторіи верхняго Поволжья отъ Ярославля до Н.-Новгорода въ древнемъ и Московскомъ періодахъ. Казань. 1913. Тип. М. А. Семенова. 8° (17 × 25). 100 стр. Вѣсъ 2 л. 800 экз.

Лучникъ, М. Краткая историческая записка къ 75-лѣтнему юбилею Екатеринбургскаго Клуба. Екатеринбургъ. 1913. Тип. К. А. Андрущенко. 8° (16 × 22). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Мартыновъ, П. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Томъ V. Архивъ Павла Сергѣевича Таушева. Симбирскъ. 1912. Изд. Губернской ученой архивной комиссіи. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17 × 24). 338 + 11 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 300 экз.

Наказъ 1797 августа 7. Высочайше утвержденный экспедиціи Государственнаго хозяйства о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія. Труды Ставропольской Ученой

Архивной Комиссии. Ставрополь. 1914. Тип. Губернского Правления. 8° (18 × 27). 11 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Н о с о в ъ. Описание города Ставрополя. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Ставрополь. 1914. Тип. Губернского правления. 8° (19 × 28). 10 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Петроградскаго Университета въ осеннемъ полугодіи 1914 года и въ весеннемъ полугодіи 1915 года. Пг. 1914. Тип. Б. М. Вольфа (Волховской пер., 4). 8° (16 × 23). 39 стр. съ 1 табл. Вѣсь 6 л. 2.300 экз.

Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ L (1770 г.). Пг. 1914. Тип. Синодальная. 4° (21 × 31). VII стр. + 1146 столбца. Вѣсь 2 ф. 12 л. 900 экз.

Памятная книжка Приморской области на 1914 годъ. Владивостокъ. 1914. Изд. Прим. Обл. Статист. Комитета. Тип. Приморскаго Областного Правления. 8° (17 × 25). 15 + 229 + 47 + 66 + 4 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 13 л. 320 экз.

Переписка князя А. М. Курбскаго съ Царемъ Іоанномъ Грознымъ. (Извлечено изъ сочиненій князя Курбскаго). Пг. 1914. Изд. Имп. археологической комиссии. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 48). 4° (20 × 29). IX стр. + 160 столбц. Ц. 60 к. Вѣсь 25 л. 1.500 экз.

Поливановъ, В. Н. и Красовскій, В. Э. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Т. III. Собрание актовъ XVII и начала XVIII вв. В. П. Мещеринова, П. В. Анпенкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича, П. Я. Дашкова и др. Симбирскъ. 1902. Изд. губернской ученой архивной комиссии. Тип. А. Т. Токарева. 8° (16 × 24). V + 107 + VII стр. Вѣсь 11 л. 300 экз.

Полторацкая, Э. С. Историческій календарь на 1915 г. Пг. 1914. Изд. и тип. Отто Кирхнеръ (Пушкарская, 16). 8° (16 × 23). 365 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 28 л. 9.000 экз.

Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ подъ ред. Г. Н. Прозрительева. Т. VIII. Ставропольской Губернскій Статистическій Комитетъ. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. Правления. 8° (18 × 27). 7 + II + VI + 141 + 1 нен. + 20 + 112 + 21 + II + 108 стр. + 13 табл. Вѣсь 1 ф. 29 л. 400 экз.

Соколовъ, В. Тамань въ прошломъ и настоящемъ. Керчь. 1914. Тип. А. Г. Комисара. 8° (18 × 29). 63 стр. Вѣсь 17 л. 1.000 экз.

Указатель предметовъ къ „учрежденію о губерніяхъ“ Императрицы Екатерины II. Составленный М. В. Ключковымъ. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 4° (20 × 26). 15 стр. Вѣсь 3 л. 114 экз.

У Тронцы въ Академіи. 1814 - 1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. М. 1914. Изд. Б. воспитан. Московск. Дух. Акад. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.) 4° (20 × 28). XI + 772 стр. + 9 лист. рис. портр. и табл. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 26 л. 2.000 экз.

Шкаринъ, А. Н. Пятидесятилѣтіе Христорождественскаго Братства. Историческій очеркъ. Пг. 1914. Тип. Тов. С. А. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (15 × 23). 32 стр. Вѣсь 4 л. 200 экз.

Щербина, Ф. А. Исторія Полтавскаго Земства. Дореформенный періодъ и введеніе земскихъ учрежденій. Вып. I. Полтава. 1914. Тип. И. Л. Фришберга (ул. Котляревскаго). 8° (18 × 26). III + 1 нен. + 238 + 2 нен. стр. Вѣсь 1 ф. 2.400 экз.

Б а й а, К. (С. Bayet). Исторія искусствъ. Архитектура. Скульптура.

Живопись. Пер. съ примѣчаніями и дополненіями В. Никольскаго. Спб. 1914. Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (14 × 19). 96 стр. Съ рис. Вѣсь 9 л. 75.000 экз.

Бенешевичъ, В. Н. Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русскаго, кончая временемъ Петра Великаго. Вып. I и II. Пг. 1915. Изд. Тов. Культура и Знаніе (Площадь Александр. театра, 5). Тип. Акц. общ. тип. дѣла (7 рота, 26). 8° (17 × 25). VI + 120 + 250 стр. + 3 табл. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 20 л. 3.100 экз.

Біографіи. Чины Двора и Свиты Ихъ Величествъ. Потомственное Россійской Имперіи Дворянство. Именитое Россійской Имперіи Купечество. Вып. II. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 4° (29 × 39). 16 нен. стр. съ портр. Вѣсь 16 л. 400 экз.

Венгеровъ, С. А., проф. Источники Словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ-Ломоносовъ. Пг. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лян., 12). 8° (17 × 24). 524 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 30 л. 1.018 экз.

Георгіевскій, С. Новгородскій уѣздъ. Новгородъ. 1914. Тип. Новг. губернская. 8° (17 × 26). 55 + 7 стр. съ черт. Вѣсь 8 л. 555 экз.

Гернестъ Морицъ, д-ръ Первобытная культура. Часть II. Бронзовый вѣкъ. (Древнѣйшія времена употребленія металловъ. Мѣдный и бронзовый вѣкъ въ Европѣ на Востокѣ и въ Америкѣ). Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологій Россіи Ф. К. Волкова. Авторизованный пер., съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung ischen“), Рига. 1914. Изд. Наука и жизнь. Тип. I. А. Фрей и К°, (Александровская, 13). 16° (11 × 15). 159 стр. съ рис. Складъ кн-во К. Г. Зихмана. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Гротъ, К. Я. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Пг. 1914. Тип. Мин. Пут. Сообщенія (Фонтанка, 117). 8° (14 × 23). VI + 118 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 16 л. 6.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, сост. А. Н. Сальниковымъ. Томъ I. Пг. 1914. Изд. В. И. Губинскаго. Тип. С.-Петербургской Тюрмы. 8° (19 × 28). 1472 столбц. Ц. 3 р. 50 к. за 2 тома. Вѣсь 2 ф. 26 л. 6.500 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ 55-й. Пг. 1914. Тип. Глав. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20 × 28). 139 стр. Съ 63 рис. Вѣсь 1 ф. 2 л. 900 экз.

Иловайскіе и Донскіе казаки. Пг. 1914. Тип. Р. Шредера (Гороховая, 49). 8° (17 × 25). 97 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 18 л. 436 экз.

Исторія восточной и западной церкви послѣ ихъ раздѣленія. М. 1915. Изд. Моск. Старообрядч. Института. Тип. Рябушинскихъ (Путинков. пер., соб. д.). 8° (18 × 27). 68 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 9 л. 1.200 экз.

Исторія Московскаго Купеческаго Общества. 1863 – 1913. Тома пятого, выпуска второго. Учрежденія недвижности и капиталы Московскаго купеческаго общества. Подъ ред. В. Н. Сторожева. М. 1914. Тип. Московскаго купеческ. общества. 4° (22 × 30). 2 нен. + 319 + 806 + 145 – 250 стр. Съ рис. + 33 листа рис. и портр. Вѣсь 7 ф. 910 экз.

Исторія Христіанской церкви. Отъ временъ апостольскихъ до раздѣленія церкви на Восточную и Западную. М. 1915. Изд. Моск. Старообрядч. Института. Тип. Рябушинскихъ (Путинков. пер., соб. д.). 8° (18 × 27). 208 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсь 27 л. 1.200 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. профес. М. М. Ковалева, профес. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Книга XXXI. М. 1914. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва П. Н. Кушнеревъ и К^о (Шименовская, с. д.). 8^о. (19 × 27). 145—272 стр. Съ рис. + 4 портр. Вѣсъ 29 л. 6.100 экз.

Кони. А. О. Отцы и дѣти судебной реформы. (Къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864—20 ноября 1914. М. 1914. Изд. и тип. Тов. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4^о (23 × 29). IV + 295 + 22 + 1 неп. стр. + 27 лист. портр. Вѣсъ 5 ф. 5.000 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья поэты Я. П. Полонскій. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстный бульв., Путинковский пер., с. д.). 8^о (14 × 21). 47 + 1 неп. стр. съ портр. Вѣсъ 4 л. 7.000 экз.

Лукомскій, Г. К. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старины, составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго Кружка любителей изящныхъ искусствъ. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 8^о (14 × 19). 363 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 2.000 экз.

Марковъ, А. В. Памятники старой русской литературы (тексты и примѣчанія). Вып. I. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцел. Намѣстника Е. И. В. на К-зѣ. 8^о (17 × 25). 46 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-литературныхъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Петроградѣ въ 1914—15 учебномъ году. ПГ. 1914. Тип. А. Лаврова и К^о (Ул. Гоголя, 9). 8^о (14 × 22). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ 12-й Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1895 года по 1899 годъ. ПГ. 1914. Тип. Государственная. 8^о (18 × 26). VI + 570 стр. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.200 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1907 годъ. Спб. 1914. Тип. В. Киршбаума (Новосаакіевская, 20). 8^о (18 × 26). VII + 147 + 80 стр. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 700 экз.

Памятная книга Елисаветпольской губерніи на 1914 г. (Съ приложеніемъ таблицы объ экономическомъ положеніи населенія губерніи). Изданіе Елисаветп. губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета П. П. Бабенко. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на К-зѣ. 8^о (16 × 23). 381 = 44 стр. + 177 стр. приложения. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою Коммиссіею. Т. 22-й. Русскій хронографъ. Часть вторая. Хронографъ западно-русской редакціи. ПГ. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4^о (27 × 36). IX + 289 + II стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Половцова, С. А. Курганъ Солоха, близъ с. Б. Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ. ПГ. 1914. Изд. Гермесъ. Тип. В. Д. Смирнова. 8^о (17 × 24). 22 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Резановъ, А. С. Нѣмецкія звѣрства. Книга составлена по рассказамъ потерѣвшихъ и очевидцевъ, а также по официальнымъ документамъ. ПГ. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Ортелевъ пер., 17). 8^о (14 × 21). XXIV + 220 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.100 экз.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ. XVIII вѣкъ. Ч. I. Отъ Петра до Екатерины II-й (1698—1761 г.г.). Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновымъ.

К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. М. 1914. Изд. Книгоизд. Задруга. Тип. И. С. Ефимова (Б. Якиманка, с. д.). 8° (16 × 24). 431 + VI + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 1 ф. 18 л. 2.000 экз.

Сибирцевъ, Г. О старинномъ устройствѣ деревянныхъ церквей на Сѣверѣ въ идейномъ и эстетическомъ отношеніяхъ. (Перепечатано изъ № 13 „Извѣстій Арх. о-ва изуч. Русскаго Сѣвера“ за 1914 годъ). Архангельскъ 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25). 16 стр. Въсь 3 л. 35 экз.

Справочный указатель по программѣ изданія исторіи русской адвокатуры. ПГ. 1914. Тип. Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (15 × 22). 105 стр. Въсь 14 л. 200 экз.

Ставропигіальный воскресенскій „Новый Іерусалимъ“, именуемый монастырь. (Историческое описаніе). М. 1914. Изд. 6-ое испр. Тип. Стрѣльцова (Покров. вор., 16). 16. (13 × 17). 63 стр. съ рис. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Архіепископъ Димитрій Ковальницкій. (Некрологъ). Чтенія въ Церковно-историческомъ и археологическомъ о-вѣ при Императорской Кіевской духовной академіи. Выпускъ XII. Кіевъ. 1914. Тип. акц. общ. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 220 стр. Въсь 21 л. 400 экз.

Толстой, И. И., графъ. Византійскія монеты. Вып. VIII. Монеты Юстиніана II, Тиверія Ансимара, Филеника Вардана, Артемія Анастасія, Феодосія Адрамитянина, Льва Исаврянина и Константина Копронима. ПГ. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ. 4° (21 × 29). 833—968 стр. съ рис. + 7 табл. Ц. 4 р. Въсь 1 ф. 16 л. 400 экз.

Фетисовъ, Н. Н., свящ. Опытъ уясненія основныхъ вопросовъ науки сектоведѣнія. (Отт. изъ журнала „Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи“). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 26 стр. Въсь 4 л. 70 экз.

Худековъ, С. Н. Исторія танцевъ. Часть II. Спб. Тип. С. Н. Худекова (Владимірскій, 12). 4° (25 × 31). IX + 370 стр. Съ 299 рис. Въсь 3 ф. 5 л. 380 экз. Ц. 7 р.

Чарушинъ, А. А. Народный языкъ. (Посвящается памяти князя Вячеслава Николаевича Тенишева). (Перепечатано изъ № 16 „Извѣстій Арх. О-ва Изуч. Русск. Сѣвера“ за 1914 г.). Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25). 12 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ. Герой-авіаторъ. † 26 августа 1914 г. Библиотека великой войны. № 2. М. 1914. Изд. и тип. Московск. Печати. Пр-во В. Венгерова (Мясницкая, 20). 16° (13 × 17). 15 стр. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 4.000 экз.

Энциклопедическій словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева (†) и проф. К. А. Тимирязева. Томъ 25-й Конде-Кровоизліяніе. М. 1914. Тип. Тов. Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 24). 639 + 63 + 11 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 29 л. 15.500 экз.

Эсадзе, Семенъ. Покореніе Западнаго Кавказа и окончаніе Кавказской войны. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьѣ. 1864 г. 21-го мая 1914 г. Тифлисъ. 1914. Изд. Военно-Историческаго Отдѣла. Тип. Штаба Кавказ. Военн. Округа. 8° (18 × 25). 182 стр. съ рис. и 1 карта. Ц. 50 к. Въсь 28 л. 6.100 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Беликая Княгиня
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Августѣйшая сестра милосердія.

Телеграмма Государя Императора московскому купеческому сословию.

Москва, 20 октября.

Высочайшая телеграмма.

Сегодня въ экстренномъ собраніи московскаго купеческаго сословія была сообщена телеграмма Государя Императора:

„Передайте московскому купечеству, что Я искренно цѣню и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляю высказанныя имъ въ обращеніи ко Мнѣ чувства и что всѣ его опасенія о возможности какихъ-либо мирныхъ переговоровъ до полнаго сокрушенія нашего врага напрасны.

„НИКОЛАЙ“.

Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующее всеподданнѣйшее обращеніе московскаго купечества къ Его Императорскому Величеству:

„Выражая вѣрноподданническія чувства по поводу успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ, московское купечество не можетъ не высказать, что его волнуютъ доходящія свѣдѣнія о стремленіи нашихъ враговъ начать тѣ или иные переговоры о мирѣ. Сознавая всю историческую важность и необходимость совершающихся событій, московское купечество, какъ и весь русскій народъ, желаетъ, чтобы эта война, хотя бы съ напряженіемъ всѣхъ силъ государства, была доведена до конца и возможные переговоры могли бы начаться лишь тогда, когда наши побѣдоносныя войска будутъ находиться въ сердцѣ враждебной Германіи. Вмѣстѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ болѣя всею душой о дорогой нашей родинѣ, мы считаемъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ довести объ обуреваемыхъ нами чувствахъ до свѣдѣнія Вашего Величества“.

Въ отвѣтъ на почтительнѣйшее поздравленіе, посланное московскимъ купечествомъ по поводу успѣха русскаго оружія Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему, получена телеграмма отъ Великаго Князя Николая Николаевича слѣдующаго содержанія:

„Глубоко тронуть и сердечно благодарю московское купечество за выраженные чувства и поздравленія. Глубоко вѣрю, что съ помощью Божіей окончательно сокрушимъ враговъ Царя, родины и всего славянства.

Генераль-адъютантъ „Николай“.

Оглашеніе телеграммъ было встрѣчено восторженнымъ „ура“ присутствовавшихъ. Находившійся въ собраніи главноначальствующій гор. Москвы, свиты ген. Адриановъ поздравилъ московское купечество съ неоднократнымъ изъявленіемъ Монаршихъ милостей.

Телеграмма Государя Императора московскому дворянству.

МОСКВА, 1 ноября.

Высочайшая телеграмма.

И. д. городского головы В. Д. Брянскій удостоился получить отъ Его Императорскаго Величества слѣдующую Высочайшую телеграмму:

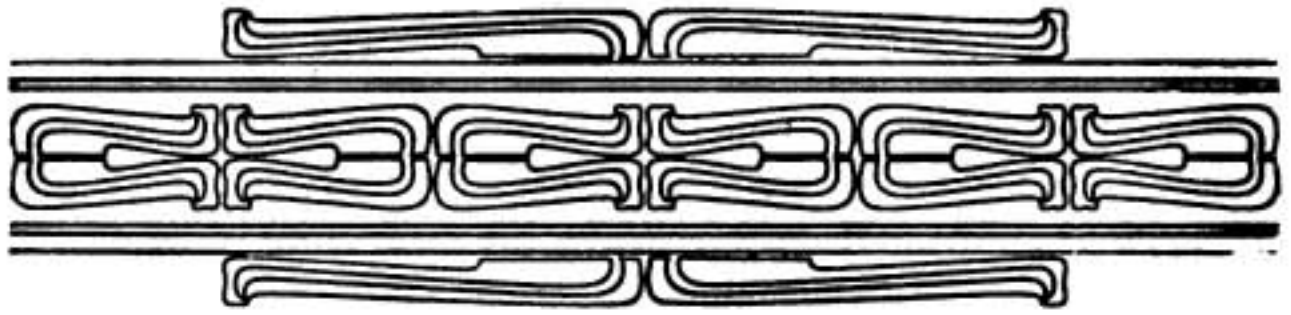
„Сердечно благодарю жителей Первопрестольной за выраженные черезъ васъ чувства. Да прекратятся сомнѣнія. Съ вѣрою въ помощь и благословеніе Всевышняго и въ силу могучаго воинства русскаго великая наша Россія мира не заключить, пока не будетъ сломлено окончательно упорство врага и достигнуто осуществленіе завѣщанныхъ Намъ предками задачъ.

НИКОЛАЙ.

Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую депешу московской городской думы, отиравленную въ послѣднемъ засѣданіи ея, послѣ оглашенія манифеста о войнѣ съ Турціей.

„Манифестъ Вашего Императорскаго Величества объ открытіи военныхъ дѣйствій съ Турціей принесъ населенію Первопрестольной столицы Вашей радостную вѣсть, что загорѣвшаяся великая война съ противникомъ, угрожающимъ всему славянству, послѣдовательно и неизбежно приведетъ къ разрѣшенію историческихъ задачъ Россіи и на берегахъ Чернаго моря. Не разъ побѣдоносное російское воинство подъ державнымъ предводительствомъ Вашихъ предковъ было у воротъ Царьграда. Нынѣ осуществленіе завѣтныхъ стремленій русскаго народа Господь влагаетъ въ руки Вашего Величества. Москва, сердце Россіи, со всѣмъ народомъ русскимъ твердо вѣритъ, что наступилъ часъ осуществленія историческихъ предначертаній, предуканныхъ Вашими предками, что мощью русскаго народа врагъ истинной культуры будетъ сокрушенъ и понесетъ справедливое возмездіе за насиліе надъ слабыми. Вздохнутъ свободно европейскіе народы, освобожденные отъ гнета германизма и милитаризма. Воспрянутъ къ новой жизни славянскіе народы, вышедшіе изъ-подъ ига турецкаго и германскаго. Ваше Императорское Величество! Москва не разъ являлась выразительницей чувствъ всего русскаго народа и нынѣ Москва прислушивается къ настроенію Россіи и молить Васъ, Государь, не влагать меча въ ножны, пока борьба не будетъ доведена до желаннаго конца. Для осуществленія этой завѣтной исторической мечты объ освобожденіи славянства отъ германскаго и турецкаго ига, русскій народъ не остановится ни передъ какими жертвами.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Казацьи кости „за 20 пфениговъ“.

Одна пруссачка купила на полѣ Лейпцигскаго сраженія участокъ земли, гдѣ происходили самые ожесточенные бои, недалеко отъ камня Наполеона.

Она выкопала изъ земли много костей, назвала ихъ казачьими костями, и передъ самымъ Лейпцигскимъ юбилеемъ, стала показывать ихъ „за 20 пфениговъ“. Народъ валилъ къ ней валомъ.

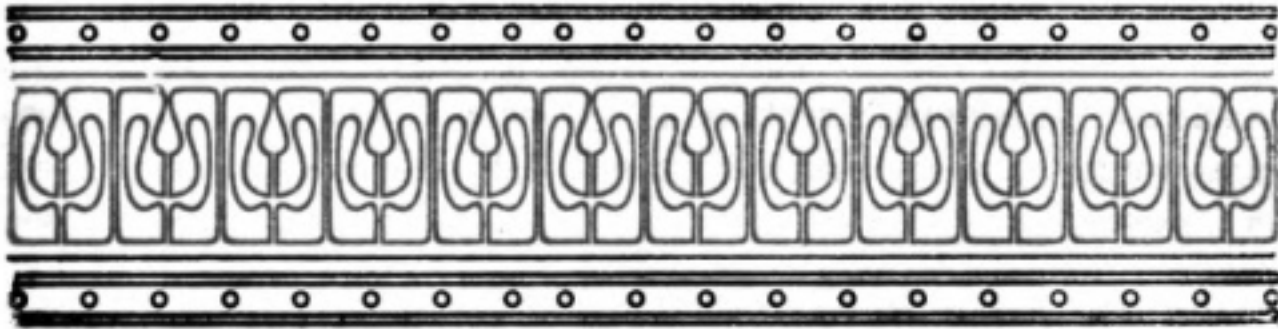
Когда комитетъ по постройкѣ памятника-храма на полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ узналъ о этой продѣлкѣ, то сталъ просить черезъ нашего посланника устранить это безобразіе. Владѣлица хотѣла получить за казачьи кости громадную сумму.

До вечера 1-го октября 1913 г. этотъ вопросъ еще не былъ рѣшенъ; 2-го октября состоялось экстренное засѣданіе Лейпцигской городской думы, и вечеромъ 2-го октября казачьи кости были перевезены и положены въ заготовленный комитетомъ гробъ для праха русскаго генерала Мантейфеля, убитаго подъ Лейпцигомъ и похороненнаго на одномъ изъ деревенскихъ кладбищъ.

Мѣстный пасторъ отказалъ въ разрѣшеніи вырыть прахъ генерала Мантейфеля и предать его погребенію во вновь созданномъ храмѣ-памятникѣ, въ виду того, что храмъ православный, а ген. Мантейфель былъ лютеранинъ.

3-го октября казачьи кости были положены въ гробъ, заготовленный для генерала Мантейфеля, и погребены въ склепъ православнаго храма.

П. Вороновъ.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIV¹⁾.

Три русскихъ издателя.

Г-жа Новикова сотрудничала, болѣе или менѣе постоянно, въ московской прессѣ 25 лѣтъ. По временамъ она писала статьи и для „Новаго Времени“. Большая часть ея статей и писемъ посвящена была главной цѣли: знакомить Россію съ Англіей. Когда ей становились противны безумія англійскаго джингоизма, ея описанія великобританцевъ были далеко не лестны; но ею всегда руководило желаніе представить русской публикѣ лучшую сторону Англии, въ надеждѣ создать расположеніе къ англо-русскому соглашенію. Русской ея работѣ соотвѣтствовала ея работа въ Англии, она была архитекторъ, строящій мостъ, одновременно, съ обоихъ береговъ рѣки.

Главный ея издатель и другъ — которому одному сначала было извѣстно, что подъ таинственными буквами „О. К.“ скрывается Ольга Алексѣевна Новикова, былъ Катковъ. Почти четверть вѣка онъ стоялъ во главѣ русской печати. Ольга Алексѣевна, не разъ публично, воздавала дань ему.

Въ 1877 г. она писала:—„Московскія Вѣдомости“—русскій „Таймсъ“, въ одномъ смыслѣ, но не въ другомъ. Это первая газета въ Имперіи, но она скорѣе руководитъ мнѣніемъ публики, чѣмъ слѣдуетъ за нимъ. „Таймсъ“ мѣняется по временамъ. Московская газета упорно придерживается своего возрѣнія.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1914 г.

„Таймсъ“ безличенъ, анонименъ. Московская же газета это Катковъ точно такъ же, какъ Катковъ — Московская газета. Хотя онъ имѣетъ очень дѣльныхъ помощниковъ, его индивидуальностью проникнута вся газета.

Очень немногіе имѣли такое огромное вліяніе на ходъ событій въ Россіи со времени освобожденія крестьянъ, какъ этотъ бывший профессоръ философіи Московскаго университета. Истинный русскій, женатый на княжнѣ Шаликовой, дочери поэта, онъ одно время такъ восхищался Англійей и англичанами, что друзья упрекали его въ англоманіи. Блестящій авторъ, ученый профессоръ, безстрашный журналистъ, онъ обязанъ своей извѣстностью тому, что онъ болѣе всѣхъ другихъ воплощалъ національныя стремленія при трехъ кризисахъ въ Русской Имперіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ особенно взывалъ къ патриотизму Россіи. Польша слова увлекалась безумнымъ планомъ, не только отдѣлится самой отъ Россіи, но и захватить одновременно въ свою власть несомнѣнную часть — Смоленскъ и Кіевъ и ввести тамъ конституцію. Естественно, что произошло сильное столкновеніе съ правительствомъ. Но имъ воспользовалась Европа для дерзкой агитаціи противъ Россіи, однимъ изъ главныхъ руководителей которой былъ Наполеонъ III-ій.

Кстати, надо припомнить, что ему за это дорого пришлось заплатить во время его войны съ Германіей, когда Россія подкрѣпила послѣднюю, отозвавъ всѣ свои войска изъ германской границы.

Недаромъ, старый императоръ Германіи, по заключеніи мира съ Франціей, послалъ русскому Монарху самую благодарственную телеграмму, напечатанную во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ.

Въ 1863 году посыпались дипломатическія депеши со всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Дѣло дошло даже до того, что маленькая Португалія и варварская Турція позволили себѣ учить насъ, какъ умиротворить Польшу. Естественно, что русскіе были глубоко оскорблены и возмущены подобнымъ вмѣшательствомъ Европы въ ея внутреннія дѣла. „Не хозяйева ли мы въ своемъ домѣ“? Что мы, вассалы запада, что ли? Эти вопросы кипѣли въ каждой русской груди, и раздраженіе было такъ велико, что все было забыто, исключая суровой рѣшимости отстаивать національную независимость. Тутъ смѣло выступилъ Катковъ, олицетворяя своими статьями мысли многомилліон-

ной Россіи и выражая ея патріотическій энтузіазмъ. Когда гроза миновала и опасность войны была совершенно устранена, благодаря независимой энергичной политикѣ, проповѣдуемой Катковымъ, смѣлый выразитель національныхъ чувствъ заслужилъ глубокую признательность своихъ соотечественниковъ; такимъ уваженіемъ не пользовался ни одинъ публицистъ въ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя Катковъ опять является на сцену. Вопросъ о классическомъ образованіи возбуждалъ повсюду всеобщій интересъ въ Россіи, и Московская газета была авангардомъ въ этой борьбѣ, кончившейся полной побѣдой партіи классицизма. Г-жа Новикова передаетъ, какъ однажды Катковъ пріѣхалъ къ ней весь взволнованный, говоря: „классическимъ языкомъ учать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы: Германіи, Англіи, Франціи и проч. Никто тамъ не думаетъ толковать, что это изученіе подрываетъ здоровье дѣтей, что его нужно избѣгать, какъ смерти. А у насъ въ Россіи, гдѣ дѣти, съ самаго рожденія, привыкли къ суровому климату и суровой пищѣ, и, конечно, не изнѣжены, вдругъ пицагъ о какомъ-то переутомленіи, о неспособности русскихъ дѣтей учиться! Ну, что можетъ быть несправедливѣе и возмутительнѣе и глупѣе этого“? Катковъ отстаивалъ это дѣло и нашелъ вѣрнаго сподвижника въ лицѣ министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Толстого. Однимъ изъ результатовъ этой побѣды было основаніе „Лицея Великаго Князя Николая, въ память покойнаго Наслѣдника Цесаревича“. Катковъ и Леонтьевъ, его alter ego, очень умный человекъ, также бывший вмѣстѣ профессоръ Москов. университета, управляли этимъ заведеніемъ; послѣ смерти Леонтьева, Катковъ завѣдывалъ имъ одинъ. „Другая заслуга немаловажная Каткова, его поддержка одной изъ выдающихся женщинъ въ Россіи г-жи Софьи Николаевны Фишеръ, основавшей, въ Москвѣ, первую замѣчательную классическую женскую гимназію. Это заведеніе служитъ доказательствомъ способности и характера Русской женщины.

Третій случай, когда Катковъ своей газетой оказалъ большую услугу Россіи, былъ при славянскомъ волненіи, во время Турецкой войны. Онъ никогда не принадлежалъ къ славянофильской партіи, но когда Сербская война вызвала у насъ подъемъ національныхъ чувствъ, онъ всецѣло отдался славянскому дѣлу. Онъ руководилъ, управлялъ и поддерживалъ, въ своей газетѣ, тревожное настроеніе русскаго мнѣнія. „Московскія Вѣдомости“ снова стали показателями національной идеи и

сохранили, до его смерти, въ 1887 году, это почтенное положеніе.

Кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ издавалъ ежемѣсячный литературный журналъ „Русскій Вѣстникъ“. Онъ былъ извѣстенъ своимъ острымъ слогомъ и мѣткостью нападокъ. Смѣлость, съ которой онъ, въ интересахъ своей страны, нападалъ иногда на правительство, вовсе не мѣшала ему получать милости отъ Государыни:

Старшая дочь его получила шифръ, онъ—4-ый классъ и ему предлагались самыя высшіе посты, отъ которыхъ онъ отказывался, чтобы не разстаться со своей газетой.

Послѣ смерти Каткова, говоритъ Стэдъ, г-жа Новикова помѣстила двѣ статьи въ Пэлъ-Мэлъ газетѣ, посвященныя его памяти. Онѣ появились 17 и 21 декабря. Слѣдующія выдержки касаются литературной и философской дѣятельности издателя:

„Катковъ родился 1-го ноября 1818 г.; едва минуло его совершеннолѣтіе, онъ далъ первый образецъ своего литературнаго таланта, пославъ въ одинъ изъ Петербургскихъ журналовъ переводъ нѣмецкой статьи Фарнгагенъ фонъ-Энса о Пушкинѣ.

„Нашъ великій поэтъ“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, „нашелъ наконецъ откликъ въ сердцахъ Германской Пруссіи. Можетъ ли не забиться отъ радости и гордости сердце каждаго Русскаго, читая дань удивленія Германскаго біографа и критика? Мало бываетъ такихъ минутъ восторга въ нашей жизни, какъ тѣ, которыя мы испытали, при чтеніи этихъ благородныхъ откликовъ Пушкину—нашему собственному, великому Пушкину! Быть можетъ у нѣкоторыхъ возбудятъ улыбку наши увѣренія, что Пушкинъ всемірный поэтъ, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ все человѣчество смотритъ съ благоговѣніемъ. Пусть будетъ извѣстно, что эти взгляды выражаются не одними нами, но иностранцемъ, не связаннымъ національнымъ пристрастіемъ или предубѣжденіемъ. Представляемая статья напечатана въ Берлинскомъ обзорѣни, подъ названіемъ: *Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik*, основанномъ Гегелемъ, этимъ великимъ философомъ, осуществившимъ сильное интеллектуальное теченіе, стремленія разума. Теперь оно издается людьми достойными своего учителя. Посредствомъ Гегеля, Германія протягиваетъ руку Россіи,—Германія, представляющая всю научную Европу, все человѣчество.

Вскорѣ молодой Катковъ сдѣлался извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, послѣ двухъ-лѣтняго пребы-

ванія въ Берлинскомъ университетѣ. Его непринужденная рѣчь, глубокія знанія, стремленіе къ высокимъ идеямъ и доктринамъ вскорѣ собрали вокругъ него много восторженныхъ учениковъ.

Къ несчастью, какія-то глупыя ограниченія въ преподаваніи философіи заставили Каткова, не колеблясь, подать въ отставку, не желая никакого компромисса съ своею совѣстью. Но человѣкъ съ его дарованіями и энергіей не могъ оставаться празднымъ! не можетъ пропадать. Въ 1856 г. онъ сталъ издавать лучшей Московскій журналъ „Русскій Вѣстникъ“. Его расположеніе къ Англіи стало однимъ изъ руководящихъ направленій журнала. Маколей и англофилъ Токвиль часто цитировали его. По этому поводу его прозвали Лордъ Катковъ. Но развитіе системы англійскаго парламентаризма, недостатокъ устойчивости въ англійскихъ правительствахъ, потокъ рѣчей, льстивое отношеніе къ избирателямъ, измѣнили англоманію его юности, раньше чѣмъ правленіе Биконсфильда уничтожило симпатію и довѣріе Россіи къ Англіи. Но тутъ въ Россіи проявилось болѣзненное стремленіе къ крайностямъ. Маколея считали недостаточно передовымъ, Токвиль былъ слишкомъ англичанинъ въ своей умѣренности“ и т. д.

„Агностицизмъ и позитивизмъ считались вдругъ послѣдними требованіями науки, какъ объ этомъ заявлялось. Катковъ понялъ съ ужасомъ всю невѣжественность такихъ взглядовъ. Онъ зналъ, что такой радикализмъ можетъ погубить Россію, онъ какъ бы предвидѣлъ нигилизмъ, развившійся впоследствии, не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ, это его огорчало и пугало въ особенности потому, что онъ хорошо зналъ впечатлительность своихъ соотечественниковъ: безпечные, самоотверженные россияне никогда не останавливаются на полпути. Эта черта, дурно направленная, можетъ сдѣлаться роковой у насъ. Вы можете часто видѣть въ Англіи и въ Германіи людей, безъ всякой религіозной или нравственной вѣры, но они никому не вредятъ своими отношеніями, просто потому, что ихъ удерживаютъ установленные авторитеты и условности.

Такія оковы не сдерживаютъ русскаго человѣка: Намъ нужно что-нибудь твердое, религіозный „категорическій императивъ“, какъ нѣмцы говорятъ. Для насъ особенно опасны ультра-радикальныя правила. Катковъ сталъ смѣло и страстно бороться, какъ только можетъ бороться человѣкъ съ сильнымъ убѣжденіемъ и съ нравственной доблестью. Онъ вскорѣ, конечно, сдѣлался ненавистенъ, обвиняемъ въ обскурантизмѣ и жестоко оклеветанъ. Несмотря ни на что, онъ продолжалъ свое дѣло,

нападая на заблужденія и иногда приводя въ ужасъ нашихъ близорукихъ цензоровъ, напрасно пытавшихся его остановить. Наконецъ покойный Императоръ Александръ II объявилъ, что онъ самъ будетъ цензоромъ Каткова. Катковъ понялъ милость Государя, но продолжалъ выражать открыто свои мысли, не щадя ни министровъ, ни учреждений.

21 декабря 1887 г.

Послѣ блистательной роли Каткова, въ Польскомъ кризисѣ, была открыта добровольная подписка на поднесеніе ему серебряной фигуры, изображающей Русскаго, древнихъ временъ, который держитъ развернутое знамя съ надписью: „Единеніе Россіи“.—Поднесеніе это было сдѣлано многочисленной депутаціей, патріотическому издателю „Московскихъ Вѣдомостей“. Катковъ былъ чрезвычайно требователенъ къ вѣрности своихъ фактовъ, взвѣшивалъ и изслѣдовалъ ихъ съ большой заботой, но разъ онъ убѣждался въ ихъ точности, онъ боролся съ неизмѣнной смѣлостью, т. к. правда всегда была на его сторонѣ, то онъ и оказывался почти всегда правъ, а его противники, какъ бы высоко ни было ихъ положеніе, всегда проигрывали. Такъ его мнѣніе получило перевѣсъ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ и въ вопросѣ Балтійскаго Порта въ Либавѣ, въ линіи Кіевъ—Варшава, противъ мнѣнія генераль-губернатора Коцебу, чѣмъ Катковъ лишилъ Кеннигсбергъ большей части его прежней торговли.

„Даръ предвидѣнія у Каткова, иногда, былъ необыкновенный. Какъ-то, въ прошломъ февралѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ. „Я, говоритъ г-жа Новикова, ему передала, что за-границей считаютъ вѣроятнымъ назначеніе Принца Кобургскаго правителемъ Болгаріи“. Но, вѣдь, это слишкомъ рискованное орудіе въ рукахъ іезуитовъ и Австріи, это невозможно“, воскликнула я.

„Конечно“, отвѣчалъ онъ, это было бы несчастьемъ для бѣдной Болгаріи, оно подвергло бы опасности ея церковь и ея національность, но я не удивлюсь, если это случится“. Увы! онъ былъ правъ. Ничто не можетъ быть больнѣе русскому человеку, какъ видѣть угрожаемой судьбу нашихъ православныхъ братьевъ и думать, что всѣ наши жертвы не спасли ихъ отъ печальнаго хаоса и анархіи. Но не будемъ отчаяваться. Политическая, какъ и частная жизнь, имѣетъ свои испытанія и борьба иногда помогаетъ выработать характеръ. Опасностей можно избѣжать только тогда, когда ихъ сознаешь. Катковъ

цѣнилъ роль Франціи и Болгаріи и видѣлъ въ ея политикѣ причину для дружескаго соглашенія съ нею; а къ Германіи, съ той минуты какъ онъ увидѣлъ ея наклонность поддерживать интриги Австріи, онъ сталъ относиться подозрительно.

„Катковъ умеръ отъ переутомленія. Онъ не позволялъ своей женѣ или друзьямъ уговаривать его дать себѣ самый короткій отдыхъ. „Нечего говорить объ отдыхѣ“, отвѣчалъ онъ, „у меня на это нѣтъ времени, у меня лицей, газета и журналъ. Не будемъ говорить объ отдыхѣ“, и такъ онъ продолжалъ работать, пока смерть не положила этой работѣ конецъ. Онъ умеръ слишкомъ рано. Россія оплакивала эту потерю съ рѣдкимъ, для частнаго лица, выраженіемъ ему уваженія и чувства. Трогательно было видѣть эти чувства народа, во главѣ съ митрополитомъ московскимъ и главнымъ духовенствомъ. Государь прислалъ депешу его вдовѣ, выражая ей свое сочувствіе и сожалѣніе и называя его смерть „національной потерей“. Въ этомъ также Его Величество показалъ себя вѣрнымъ представителемъ своего народа“.

Г-нъ Гринмутъ принялъ на себя, какъ завѣдываніе классическимъ лицеемъ Наслѣдника Цесаревича Николая, такъ и издательствомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Г-жа Новикова говоритъ:

„Несмотря на иностранную фамилію, не было болѣе преданнаго православнаго и монархическаго патріота, какъ Гринмутъ. Этимъ онъ возбуждалъ вражду, а иногда и ненависть нигилистической и конституціонной партій. Эта ненависть сильно возросла во время революціонныхъ безпорядковъ въ Москвѣ, домъ его былъ окруженъ баррикадами и кричащей чернью. Не уступая ни въ чемъ, онъ публикуетъ свою монархическую программу: „Православіе, Самодержавіе и патріотизмъ“ были его лозунгомъ. Сначала его попытка казалась безнадежной, но этотъ смѣлый, благородный человѣкъ не зналъ страха и настаивалъ на своемъ. Успѣхъ былъ такъ же великъ, какъ неожиданъ. Вокругъ него собрались не тысячи людей, а десятки тысячъ“.

Г-жа Новикова угадывала его самоотверженный патріотизмъ и всегда говорила, что онъ удивительный человѣкъ. Либералы его ненавидѣли... Мнѣ не могли простить крайніе лѣвые, говорить Стэдъ, что я написалъ статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ похвалу думѣ въ 1905 г. Они ничего не имѣли противъ содержанія статьи; вина моя, главнымъ образомъ, была въ томъ, что я ее помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Мое мнѣніе, что Гринмутъ замѣчательно способный человѣкъ.

Никто не могъ быть откровеннѣе его въ тотъ моментъ, когда онъ думалъ, что дѣло, настойчиво поддерживаемое имъ, слабо и никто изъ консерваторовъ яснѣе его не понималъ необходимости организовать и воспитать избирательное право. Онъ былъ живой человѣкъ, тогда какъ большая часть людей, называвшихся консерваторами монархической партіи, казались парализованы. Въ конституціонной странѣ должна бы непременно существовать хорошо организованная консервативная оппозиція, также какъ хорошо организованная либеральная партія. Гринмутъ видѣлъ нужду въ организаціи и основалъ свою монархическую партію, прозванную революціонерами „черносотенцами“, особенно имъ ненавистными. Это былъ очень важный шагъ.

Этотъ шагъ былъ почти первымъ, со стороны консерваторовъ, чтобы принять участіе въ поддержаніи устойчивости государства и власти Царя.

Катковъ не всегда, въ своей газетѣ, соглашался съ другимъ издателемъ Ольги Алексѣевны, Иваномъ Аксаковымъ, его газета „Русь“—органъ славянофильскій и г-жа Новикова такъ объясняла разницу между своими двумя издателями.

„Панславянское ученіе состоитъ изъ трехъ великихъ догматовъ, говоритъ она: православная церковь, зависящая единственно отъ Вселенскаго Собора, и другой главы не имѣющая; Самодержавіе, представляющее главное стремленіе нашей націи и дѣйствующее, какъ охрана нашей чести и благосостоянія; и національная партія, основанная на этихъ двухъ принципахъ, поддержать которые долгъ каждого честнаго русскаго человѣка.

„Есть оттѣнки въ ихъ мнѣніяхъ. Аксаковъ былъ болѣе экспансивенъ, болѣе силенъ и горячъ въ славянскихъ и древнерусскихъ взглядахъ и получилъ названіе славянофила, тогда какъ Каткова, благодаря его западной культурѣ, называли одно время западникомъ. Но надо помнить, что разногласіе существовало только во внутренней политикѣ. Когда Аксаковъ умеръ, Катковъ скавалъ: „Мы расходились во многомъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но никогда ни въ чемъ, что касалось чести и достоинства Россіи“.

„Чтобъ опредѣлить положеніе этихъ двухъ людей въ исторіи, необходимо правильное понятіе о ихъ времени. Въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, образованная часть русскаго общества, представленная большею частью Москвой, не интересовалась внѣшней политикой и вопросами, дня скоро преходящими. Люди мыслящіе больше интересовались вопросами философіи, богословія, наукъ, искусствъ и ихъ основаніями. Од-

нимъ изъ важныхъ предметовъ того времени—былъ вопросъ, какую роль должна играть „національность въ наукѣ“? Говорили—наука всемірна, не ограничена національностью. Славяне настаивали на противномъ. Западники держались первой теоріи. Другой предметъ былъ:—вредны ли или полезны были реформы Петра и иностранное вліяніе на развитіе и культуру Россіи“.

Славянофилы порицали ее, „западники“ защищали. Эти два противоположныя теченія боролись больше изъ-за вѣчныхъ принциповъ, чѣмъ изъ-за маловажныхъ интересовъ минуты. Глупыхъ споровъ за положеніе, карьеры, ордена, поклоненія деньгамъ мало замѣчалось у этихъ людей сороковыхъ годовъ; къ несчастью недолго длилось это блаженство. Крымская война заставила ихъ сдѣлаться практичнѣе. Аксаковъ поступилъ въ милицію. Послѣ войны онъ долженъ былъ, для своего существованія, сдѣлаться директоромъ банка, т. к. все свое состояніе онъ отдалъ матери и шести сестрамъ. Съ банковскимъ дѣломъ, мало ему свойственнымъ, онъ соединилъ издательство „Руси“.

Въ западной Европѣ онъ былъ неизвѣстенъ, говоритъ Стэдъ, пока г-жа Новикова не напечатала переводъ его воззванія къ Московскому Славянскому комитету, во время турецкой войны 76—78 г.г.

Она съ гнѣвомъ опровергала нелѣпое обвиненіе Аксакова въ лидерствѣ революціи въ Россіи. Она пишетъ: „Какъ одна изъ многочисленныхъ друзей Аксакова, я позволяю себѣ сказать, что никогда не существовало такого чудовищнаго обвиненія. Аксаковъ не придворный, но искренно вѣрноподанный. Жена его была фрейлиной Государыни Маріи Александровны и воспитательницей Герцогини Единбургской, онъ самъ, хотя оклеветанъ въ туркофильскихъ газетахъ, какъ Русскій Мазини, никогда въ жизни не пойдетъ противъ Царя. Простой, честный, восторженный, прекрасный поэтъ, Аксаковъ не злоумышленникъ, онъ представитель Русскихъ Славянъ, которыми былъ избранъ предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго комитета съ однимъ только голосомъ противъ него. Очень удивлялись и этому единственному голосу, но оказалось, что этотъ голосъ былъ его собственный.“

Упреки Аксакова по адресу русскихъ дипломатовъ, на Берлинскомъ конгрессѣ, которыхъ онъ обвинялъ въ измѣну славянскому дѣлу, возбудили требованіе объ удаленіи его, на время, въ имѣніе. Это официальное требованіе было предметомъ большого

смѣха. „Я готовъ повинаться, но, къ несчастью, у меня нѣтъ ни кола, ни двора“, сказалъ Аксаковъ, что не мало удивило чиновника. Сестра его жены Екатерина Тютчева спасла положеніе, пригласивъ его съ семьей въ свою подь-Московную. Банкъ ждалъ его возвращенія и уплатилъ жалованіе за время его отсутствія. Онъ пожертвовалъ деньги въ фондъ патриотической благотворительности.

Аксаковъ былъ честный человекъ, смѣлый, неподкупный идеалистъ. Г-жа Новикова и ея братъ Александръ Кирѣевъ остались въ числѣ немногихъ представителей его школы.

Одинъ разъ, въ Петербургѣ и разъ въ Москвѣ, говоритъ Стэдъ, многочисленныя собранія Славянскаго комитета восторженно заявили объ услугахъ, оказанныхъ ихъ дѣлу г-жей Новиковой. Она была единогласно избрана почетнымъ членомъ комитета, — честь, которой она очень дорожить. Это было совершенно неожиданно. Она сидѣла съ графиней Игнатъевой, въ числѣ слушателей, въ первомъ ряду на большомъ собраніи, въ Петербургѣ, какъ вдругъ предсѣдатель, генералъ Игнатъевъ, поразилъ ее тѣмъ, что коснулся въ самыхъ блестящихъ выраженіяхъ страстнаго патриотизма тѣхъ, кто не довольствуется дѣйствіями на пользу славянъ дома, но отправляются въ чужія земли, чтобы тамъ за нихъ бороться. Къ ея великому удивленію, онъ вдругъ обратился къ ней и, указывая собранію на нее, публично поднесъ ей значекъ комитета и сказалъ: „Гг., между нами находится одна изъ самыхъ блестящихъ и преданныхъ защитницъ нашего святого дѣла. Прошу васъ признать все, что она сдѣлала“. Несмолкаемые аплодисменты собранія доказали, что графъ Игнатъевъ справедливо передалъ чувства слушателей.

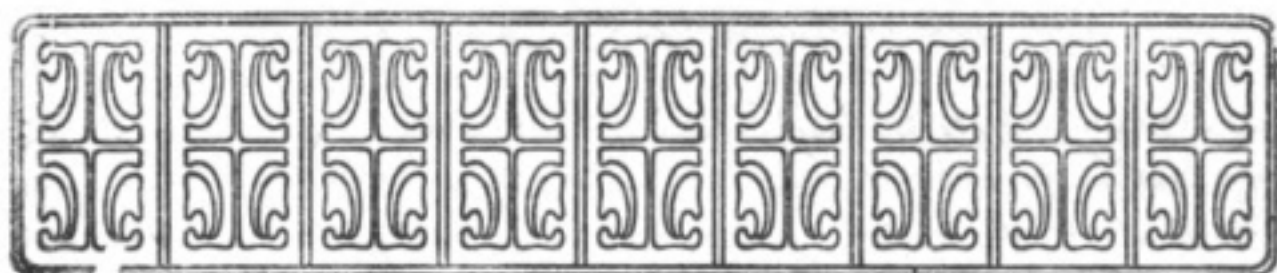
Это была заслуженная дань: Ольга Алексѣевна неустанно работала въ пользу Россіи и славянъ.

Позднѣе, такая же сцена повторилась въ Москвѣ; г. Гринмутъ, основатель монархической партіи, тоже поднесъ ей почетный знакъ своего общества.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отношеніе Н. И. Костомарова къ г. Харькову и Харьковскому университету ¹⁾.

Послѣ окончанія курса гимназіи въ городѣ Воронежѣ Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣшилъ поступить въ университетъ. Въ августѣ 1833 г., выдержавши вступительный экзаменъ, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Здѣсь онъ помѣстился на квартирѣ у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго, что часто практиковалось въ то время. Въ своей „Автобіографіи“ Н. И. Костомаровъ рассказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ такъ: „Содержаніе и обращеніе съ нами

¹⁾ Этому вопросу посвящены обстоятельныя монографіи А. С. Грушевскаго. „Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова“ (Изв. отд. русск. яз. и слов. 1911 г. кн. 1-я), и „Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1908 г., апрѣль). Но въ нихъ авторъ останавливается почти исключительно на литературно-научной дѣятельности Н. И. Костомарова въ харьковскій періодъ и мало касается жизни. Я же говорю только о пребываніи его въ Харьковѣ, основываясь какъ на его собственныхъ свидѣтельствахъ (въ „Автобіографіи“), такъ и на мемуарахъ современниковъ, свидѣтельства которыхъ не исчерпаны А. С. Грушевскимъ; въ заключеніи статьи я привожу текстуально письма Н. И. Костомарова, ясно рисующія его любовь къ Харькову и Харьковскому университету.

Этотъ новый и цѣнный матеріалъ для біографіи Н. И. Костомарова сообщенъ мнѣ моимъ отцомъ Д. И. Багалѣемъ, предложившимъ мнѣ настоящую тему, давшимъ мнѣ для нея необходимыя бібліографическія указанія и побудившимъ меня обработать ее для печати. Сознаю всю недостаточность моей обработки, и если рѣшаюсь вынустить въ свѣтъ настоящую работу, то только потому, что она заключаетъ въ себѣ сводъ фактическихъ данныхъ изъ первоисточниковъ, въ томъ числѣ и неизданныхъ.

было очень хорошее, одно только нѣсколько беспокоило меня: Сокальскій не позволялъ курить табакъ, а это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, воткнувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался, едва потушилъ и не допустилъ до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукой и сказалъ: „Лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете“.

Въ первый годъ своего пребыванія Костомаровъ усиленно занимался изученіемъ языковъ и воображеніе его сталъ сильно занимать античный міръ; однажды послѣ чтенія Иліады въ подлинникъ Костомаровъ вздумалъ разыграть цѣлую сцену, какъ Ахиллъ волочить тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Іліона. Для этого товарищи привязали его къ дѣтской повозочкѣ и стали тащить внизъ по деревянной лѣстничкѣ флигеля; на шумъ прибѣжалъ Сокальскій и бывшіе у него профессора; узнавъ, въ чемъ дѣло, всѣ стали смѣяться; но когда К. стали отвязывать, оказалось, что его голова была вся въ крови.

Въ 1835 г. К. замѣтилъ въ Харьковскомъ университетѣ начало обновленія: на кафедрѣ всеобщей исторіи появился Мих. Мих. Лунинъ, лекціи котораго отличались „богатствомъ содержанія“ и „критическимъ направленіемъ“, эти лекціи производили сильное впечатлѣніе на К.: „Я полюбилъ исторію болѣе всего“, пишетъ онъ, „и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ“. Альфонсъ Осиповичъ Валицкій, читавшій греческую литературу, былъ превосходнымъ лекторомъ.

Въ 1835 г. Н. И. переселился къ проф. русск. исторіи и малорусскому поэту П. П. Гулаку-Артемовскому, гдѣ по цѣлымъ днямъ и даже по ночамъ занимался чтеніемъ историческихъ книгъ. Со студентами вообще К. имѣлъ мало дѣла и объясняетъ это тѣмъ, что между студентами тогда вообще было мало единенія, да и общій уровень ихъ не былъ очень высокъ: среди нихъ видную роль играли сынки богатыхъ родителей, отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; ихъ обыкновенно помѣщали на квартирахъ у профессоровъ, всякими средствами, прямыми и окольными они старались получить дипломъ, „manus manum lavat“, говорили тогда профессора и весьма снисходительно относились къ пансіонерамъ своихъ товарищей; другую группу составляли молодые люди, ставившіе цѣлью своей жизни только служебную карьеру, и лишь очень небольшая часть студенчества дѣйствительно любила занятія и науку. К. много занимался и надѣялся получить степень кандидата;

но тутъ произошелъ съ нимъ забавный случай у профессора Паки-де-Савиньи. „Заведено было, что передъ экзаменами студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны“ и платили за каждый по красенькой“, т. е. по 10 руб. „Я“, говоритъ Н. И., „прошелъ одну страничку и далъ ему красенькую; „*Bien, monsieur, vous aurez optime*“. Но я замѣтилъ, что для меня нужно „*emimenter*“. Профессоръ на это сказалъ: „*pour l'emimenter il faut prendre encoqe une lecon*“. Я далъ ему еще одну красенькую. Но на экзаменѣ Паки-де-Савиньи перепуталъ фамилію К. съ фамиліей другого студента и сталъ спрашивать другое. „Постоявши немного, я сталъ говорить заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки-де-Савиньи все еще не понималъ. Наконецъ деканъ факультета шепнулъ ему на ухо, и французъ записалъ *emimenter*, но это „*emimenter*“ не помогло, такъ какъ по богословію было „*bene*“: пришлось переносить весь экзаменъ на степень кандидата.

Въ 1837 г. К. опредѣлился юнкеромъ въ Острогожскій полкъ. Но, проживая въ Острогожскѣ, онъ увлекся богатымъ архивомъ уѣзднаго суда, проработалъ тамъ цѣлое лѣто надъ казачьими бумагами и составилъ по нимъ историческое описаніе Острогожскаго слободскаго полка, приложивъ къ нему много важныхъ документовъ и приготовивъ его къ печати. Въ будущемъ К. намѣревался перебрать такимъ же образомъ архивы и другихъ слободскихъ полковъ, чтобы составить исторію всей Слободской украины. Но этотъ начатый трудъ былъ взятъ полиціей при арестѣ К. въ 1847 г. и до сихъ поръ не найденъ, несмотря на всѣ поиски его. Осенью 1837 г. К. снова вернулся въ университетъ и началъ готовиться къ магистерскому экзамену, слушалъ лекціи, читалъ много историческихъ книгъ, и тутъ же созрѣла у него мысль о необходимости изученія жизни народной массы и собиранія памятниковъ малорусскаго народнаго творчества. Этотъ промежутокъ времени между 1837 г. и 1844 г., т. е. семь лѣтъ былъ особенно благотворенъ для него; въ это время сформировались взгляды К. на малорусскую народность, пробудился интересъ къ исторіи Малороссіи и ея этнографіи.

К. принялся за чтеніе малорусскихъ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ: „Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи“, пишетъ онъ: „я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столь близкаго ко мнѣ, и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ“.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ представителями малорусскаго литературнаго движенія въ Харьковѣ были А. Л. Метлинскій, Изм. Ив. Срезневскій, Корсунъ и др. „Въ то время“, говоритъ Н. И., „отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало“. Но, не удовлетворяясь этимъ, Н. И. началъ совершать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по окрестностямъ. „Я“, сообщаетъ онъ, „слушалъ рѣчи и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, спрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себѣ пѣть пѣсни“. Свѣдѣній по исторіи Малороссіи у К. почти не было, малорусской рѣчью онъ также еще не успѣлъ овладѣть, но онъ все же сталъ писать статьи по-малорусски, издавъ ихъ впоследствии въ сборникѣ „Украинскія Баллады“.

„Я не поддавался ничему“, пишетъ все же К. „а напротивъ увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мной“, а нѣсколько дальше замѣчаетъ: „Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня, мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію“. „Бѣдя изъ Харькова въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселянъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходилъ съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и разныхъ свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ и обрядахъ“.

Въ 1840 г. былъ напечатанъ сборникъ стихотвореній Ник. Ив. подъ назв. „Вѣтка“, въ 1841 г. Н. И. помѣстилъ въ Харьковскомъ сборникѣ Корсуна „Свѣтъ“ трагедію „Переяславска Ничь“ и переводъ еврейскихъ мелодій Байрона, а въ 1843 г. снова напечаталъ въ Харьковскомъ сборникѣ Бецкаго „Молодыкъ“ (2-й вып.) 17 стихотвореній и сказку: „Торба и Лови“, а въ третьемъ вып. „Молодыка“ 3 статьи свои: „Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ поляками“, „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ“ и „Русско-польскіе вельможи“.

Въ этотъ промежутокъ времени Н. И. сильно сблизился съ цѣлымъ рядомъ представителей малорусскаго литературнаго движенія въ Харьковѣ: „Въ это время“, пишетъ онъ, „я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, такъ же, какъ я, преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы: это были—Корсунъ, студентъ Петренко, студентъ Щего-

левъ, впоследствии известный малорусскій поэтъ, семинаристъ Писаревскій и др. Квитка-Основьяненко также имѣлъ непосредственное вліяніе на К., онъ часто ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ и Корсуномъ. Имѣлъ вліяніе также на него и проф. А. Л. Метлинскій: онъ въ свое время пользовался широкой известностью. Въ его стихахъ видѣли глубину чувства, прекрасное пониманіе казацкой старины и даже художественное выполненіе. Но главная заслуга А. Л. Метлинскаго состояла въ изданіи болѣе 800 малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Студенты-малороссы, въ томъ числѣ и К., посѣщали частенько его квартиру, слушали разныя мелодіи.

Живя въ домѣ у П. П. Гулака-Артемовскаго, К. наслушался у него анекдотовъ и рассказовъ изъ народной жизни.

Первая диссертация К. „О значеніи Уніи въ исторіи западной Руси“, поданная имъ еще въ 1841 г., была, какъ известно, предана сожженію: министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ прислалъ написанный отзывъ о работѣ К. и приказалъ уничтожить всѣ экземпляры, позволивъ впрочемъ Костомарову писать другую диссертацию.

Тогда К. взялъ другую тему: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. „Предметъ этотъ“, говоритъ Н. И., „былъ давно близокъ моему сердцу, уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно“.

Эта тема встрѣтила неодобрительное отношеніе Гулака-Артемовскаго и нѣкоторыхъ другихъ, но все же факультетъ утвердилъ поданную въ 1843 г. диссертацию на эту тему.

13-го января 1844 г. К. послѣ защиты ея получилъ степень магистра историческихъ наукъ: „Только одинъ профессоръ Лунинъ (всеобщей исторіи)“, говоритъ Н. И., сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи“. Онъ предлагалъ дать К. заграничную подготовку, но не встрѣтилъ ни въ комъ изъ профессоровъ должнаго сочувствія. Недостатокъ средствъ заставилъ К. принять мѣсто субъинспектора — это была административная должность, совершенно неподходящая Н. И.: нѣсколько разъ онъ бралъ вину на себя, не желая, чтобы наказывали студентовъ: „Лучше получить замѣчаніе“ говорилъ Н. И., „чѣмъ играть роль жандарма, уличать студентовъ, подвергать ихъ строгому наказанію“.

Александръ Корсунъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, какъ онъ познакомился въ первый разъ съ Ник. Ив.: его сотрудникъ по изданію сборника принесъ ему экземпляръ

„Вѣтки“ Н. И. Костомарова: его смутило названіе чисто великорусское и дальнѣйшая неправильная орѳографія, но на него сразу повѣяло чѣмъ-то свѣтлымъ, хорошимъ. Корсунъ пошелъ знакомиться къ К., и они сразу сошлись на любви къ малорусскому языку. Въ тотъ же вечеръ К. доставилъ Корсуну свою „Переяславску Ничь“. „Я“, вспоминаетъ Корсунъ, „съ восторгомъ слушалъ прекрасное произведеніе К. и слушая чувствовалъ, какъ бѣгали у меня по спинѣ мурашки, а порою на-вертывались на глаза слезы... Да, это чтеніе оставило во мнѣ такое глубокое впечатлѣніе, что ни годы, ни житейскіе перевороты духовные и вещественные не были въ силахъ изгладить его“. Съ тѣхъ поръ я полюбилъ Н. И. Наша связь крѣпла съ каждымъ днемъ и мы часто видѣлись“¹⁾.

Интересенъ рассказъ о томъ, какъ К. и Корсунъ впервые познакомились съ произведеніями Тараса Шевченка: они шли въ соборъ на архіерейскую службу и зашли по дорогѣ въ книжную лавку. Имъ тамъ дали „Кобзарь“: „Мы присѣли на лавкѣ да и просидѣли не только обѣдню—и самый обѣдъ; всю книгу прочитали“. Въ теченіе одного года Н. И. Костомаровъ занимался въ Харьковѣ педагогическою дѣятельностью. Въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ существовалъ частный пансіонъ де-Роберти; преподавателями въ старшихъ классахъ гимназіи были тамъ нѣкоторые профессора Харьк. универ.; т. к. де-Роберти не скуился и щедро вознаграждалъ трудъ преподавателей, Ник. Ив. преподавалъ во 2-мъ классѣ въ теченіе одного года, но и за это короткое время сумѣлъ возбудить къ себѣ общія симпатіи: по отзыву его бывшаго ученика Гвоздикова онъ принесъ много пользы своимъ ученикамъ; изъ двухчасового урока Н. И. посвящалъ полчаса дружеской бесѣдѣ, рассказывалъ ученикамъ разные смѣшные историческіе анекдоты, преимущественно изъ малорусскаго быта. Всѣ слушали съ громаднымъ интересомъ. „Гуманная доброта“, кроткое простое обращеніе, душевная теплота, юморъ — все это производило магическое дѣйствіе на учащихся; рѣдко кто изъ учениковъ получалъ по его предмету—4. Всѣ старались получить 5.

Такимъ рисуется намъ Гвоздиковъ Ник. Ив., какъ педагога²⁾.

Въ послѣдній годъ харьк. жизни К. усиленно занимался изученіемъ источниковъ эпохи Хмѣльниччины: „Это занятіе“,

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890 г., кн. 10.

²⁾ „Русская Старина“ 1890 г. апрѣль.

вспоминаетъ онъ, „увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія“. Съ этой цѣлью К. принимаетъ мѣсто учителя исторіи въ Ровенской гимназіи.

Такъ кончилось пребываніе К. въ городѣ Харьковѣ: Харьковъ и его университетъ оказали большое вліяніе на К.: въ Харьковѣ Костомаровъ впервые заинтересовался малорусскимъ языкомъ, малорусской словесностью и вообще малорусской народностью. Этотъ интересъ выросъ и развился въ Харьковѣ: его первые литературные и историческіе и этнографическіе опыты относятся ко времени пребыванія въ Харьковѣ. Квитко-Основьяненко, Срезневскій, Метлинскій и нѣкоторые другіе малорусскіе литературные дѣятели оказали на него личное непосредственное вліяніе въ смыслѣ пробужденія и поддержанія интереса къ малорусскому народу.

Этотъ интересъ остался у К. и въ его послѣдующей исторической дѣятельности.

Связь съ Харьковомъ не совсѣмъ порвалась у К. и послѣ его отъѣзда: когда въ 1862 г. К. напечаталъ въ „Основѣ“ статью о томъ, что слѣдуетъ организовать печатаніе малорусскихъ научно-популярныхъ книжекъ, то „нѣкоторые“, какъ пишетъ онъ, „стали присылать мнѣ деньги для печатанія такихъ книгъ. Деньги присылались преимущественно изъ Малороссіи съ лѣвой стороны Днѣпра и особенно изъ Харьковской губерніи“.

Въ задуманной Кулишемъ и Костомаровымъ разработкѣ изданія этнографическихъ матеріаловъ должны были принять участіе Срезневскій и Метлинскій.

Въ 1864—5 г. К. долженъ былъ занять кафедру русской исторіи въ Харьк. университетѣ и только по независящимъ обстоятельствамъ не попалъ въ Харьковъ. Въ концѣ 1863 г. вслѣдствіе душевной болѣзни проф. Зернина освободилась въ Харьк. унив. кафедра русской исторіи. Среди профессоровъ возникла мысль о приглашеніи на кафедру Костомарова.

Въ очеркѣ историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета говорится о приглашеніи К. такъ: „5-го декабря 1864 г. на эту кафедру былъ избранъ единогласно (3 гол.) Н. Н. Костомаровъ согласно предложенію проф. М. И. Петрова. 11-го февраля 1865 г. Н. И. Костомаровъ отказался отъ предложенія факультета“¹⁾.

¹⁾ Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, 1908 г. X.

Въ „Автобіографіи“ Н. И. пишетъ о приглашеніи его: „Въ то время я получилъ отъ Харьковскаго университета приглашеніе занять кафедру русской исторіи, но министръ Головинъ объявилъ мнѣ, что по причинамъ возникшихъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ обвиненій меня въ украинофильствѣ, онъ не совѣтуетъ мнѣ принимать кафедру въ малорусскомъ краѣ и предложилъ попросить Высочайшаго утвержденія за мной пожизненнаго профессорскаго содержанія, уже представленнаго мнѣ, но только на 3 года. Согласно совѣту и предложенію министра я отказался отъ чести занять кафедру въ Харьковскомъ университетѣ“.

Эти краткія свѣдѣнія разъясняются письмами Ник. Ив. Костомарова къ проф. Харьковскаго университета Ивану Петровичу Сокальскому, впервые нынѣ публикуемыми.

Вотъ ихъ подлинный текстъ:

16 ноября 1863 г.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ сообщилъ мнѣ, что вы писали къ нему, что историко-филологическій факультетъ желаетъ знать: принялъ ли бы я кафедру русской исторіи въ Харьковѣ и по этому поводу нужно имѣть списокъ моихъ трудовъ по русской исторіи. Считаю умѣстнымъ сообщить вамъ, что въ настоящее время я готовъ съ удовольствіемъ посвятить себя чтенію русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, если университету угодно будетъ удостоить меня чести быть избраннымъ въ число его членовъ съ званіемъ ординарнаго профессора, которымъ я пользовался въ бытность въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Докторскую степень я имѣю. Посылаю перечень главнѣйшихъ трудовъ моихъ по русской исторіи.

Примите увѣренія въ чувствахъ глубочайшаго моего уваженія и совершенной преданности вамъ, Милостивый Государь, готовый къ услугамъ

Николай Костомаровъ“.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ, приношу вамъ сердечную благодарность за ваше доброе вниманіе. Но вотъ обстоятельство. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ передалъ мнѣ, что вы писали къ нему, что если меня выберутъ и ординарнымъ, но все-таки жалованье будутъ давать экстраординарнаго нѣсколько времени. Я ждалъ, что объ этомъ мнѣ сообщится подробнѣе, но не дождавшись рѣшаюсь писать къ вамъ и объяснить, что съ такимъ условіемъ я отнюдь не могу согла-

ситься; при настоящей дороговизнѣ этихъ средствъ было бы для меня недостаточно, тѣмъ болѣе, что перемѣщеніе въ Харьковъ будетъ сопряжено съ большими издержками, а живя въ Харьковѣ, я буду лишенъ средствъ отъ литературныхъ трудовъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенной преданностью честь имѣю пребыть вамъ, милостивый государь, готовый къ услугамъ

Н. Костомаровъ.

Январь 8 1865 г. СПБ.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ.

По полученіи отъ васъ депеши ¹⁾ я съ полнѣйшимъ согласіемъ на предлагаемыя условія, отправился на другой же день къ министру, чтобы сообщить ему о предложеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о соотвѣтствующемъ распоряженіи въ свое время, но вопреки ожиданіямъ нашелъ его рѣшительно не расположеннымъ не только утвердить представленіе Харьковскаго университета, лежавшее уже у него на столѣ, но даже вообще допустить меня къ чтенію лекцій въ какомъ бы то ни было изъ Россійскихъ университетовъ. Я затруднялся отвѣчать на депешу депешою, ибо есть причины, которыхъ излагать официально не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что министръ не желаетъ ихъ официально выставлять; и, напротивъ, хочетъ дать этому дѣлу наружное благообразіе. Прошу только принять увѣреніе, что я искренне желалъ бы служить Харьковскому университету и его вниманіе будетъ для меня всегда лучшимъ (хотя печальнымъ по результату) воспоминаніемъ. Что подѣйствовало на министра во всемъ строѣ его распоряженій и управленія—это печальное дѣло Спасовича. Въ самомъ дѣлѣ министромъ были предусмотрѣны и предприняты всевозможныя мѣры, было спрошено третіе отдѣленіе о степени благонадежности Спасовича въ государственно-политическомъ отношеніи—отвѣтъ изъ третьяго отдѣленія получился самый удовлетворительный. Доносничество Московской газетной прессы повернуло дѣло иначе. Только одинъ министръ и остался при увѣренности въ невинности Спасовича—послѣднему мало пользы отъ такой лестной увѣренности: онъ потерялъ не только кафедру, но и право на другія мѣста, да сверхъ того осрамленъ на всю Россію, ибо очень многіе (да что говорить *мноіе*, чуть ли не *почти все*)

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ этой депеши: „Сію минуту вы блистательно избраны ординарнымъ профессоромъ, горячо поздравляю. Сокальскій“.

увѣрены, что онъ принадлежитъ къ всевозможнѣйшимъ категоріямъ ...истовъ, даже такихъ ...истовъ, которыхъ значеніе развѣ одному Богу извѣстно. Къ сожалѣнію, министръ, очевидно, находитъ аналогію между положеніемъ Спасовича и моимъ. На меня уже поднимался ужасный лай, то за любовь къ украинской народности, окрещенную именемъ сепаратизма, отъ москвичей, то за перефразы изъ лѣтописныхъ извѣстій о Донскомъ, растолкованныя въ смыслѣ тайнаго намѣренія чернить имена, дорогія русскому сердцу. Понятно, что министръ, сопоставивъ меня со Спасовичемъ, считаетъ возможнымъ повтореніе извѣстной поговорки: *hodie mihi, cras tibi!* Впрочемъ, я увѣренъ, приди представленіе Харьковского университета прежде Спасовичевскаго дѣла, препятствій бы не было; и если не послѣло ранѣе, то слѣдовало бы подождать, пока не прошелъ бы чадъ, произведенный такою катастрофою, и не замѣнился бы болѣе благопріятными испареніями отъ успѣховъ. Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и преданности вамъ.

Готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

Февраль 15, 1865 г.

Все написанное здѣсь да останется между нами. Это уже письмо не считайте официальнымъ.

Напомнимъ, что Головинъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 25-го декабря 1861 года по 14-е апрѣля 1866 года. Это былъ человекъ образованный, либеральный государственный дѣятель, привлекавшій для обсужденія вопросовъ образованія общество, стоявшій за широкую гласность. При немъ прошелъ Университетскій уставъ 1863 года. Чѣмъ же объясняется его отрицательное отношеніе къ выбору Костомарова въ профессора Харьковского университета?

Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ 1865 году проявилось уже охранительное теченіе, которое привело въ слѣдующемъ году къ его отставкѣ и назначенію на постъ министра гр. Д. А. Толстого, при чемъ Высочайше повелѣно было въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина руководиться въ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія охранительными началами христіанской религіи и существующаго государственнаго строя. Спасовичъ одновременно съ Костомаровымъ былъ профессоромъ Петербургскаго университета, вышелъ оттуда въ 1861 году, а затѣмъ былъ преподавателемъ уголовного права въ Училищѣ правовѣдѣнія.

Любовное отношеніе къ Харьковскому краю, къ г. Харькову и его университету Н. И. Костомаровъ сохранилъ во всю свою жизнь.

А. Θ. Селивановъ ¹⁾ въ небольшомъ очеркѣ говоритъ о своемъ знакомствѣ съ Н. И. въ Петербургѣ. Въ 1882 году, когда онъ собирался ѣхать туда изъ Харькова и зашелъ проститься къ профессору Сокальскому, послѣдній далъ ему письмо къ Костомарову и нѣсколько №№ „Статист. Листка“, который онъ издавалъ тогда. По словамъ А. Θ. Селиванова, Костомаровъ принялъ его очень привѣтливо: „Подробно разспрашивалъ о Харьковѣ, объ университетѣ, гдѣ у него среди профессоровъ были и товарищи, и друзья. Но особенно его интересовало преподаваніе русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и исторія выбора профессора на эту кафедру“. Тогда выбранъ былъ Д. И. Багалъй).

Особое вниманіе Николай Ивановичъ обратилъ въ разговорѣ на труды по изученію Слободского Края въ историческомъ отношеніи: „Говоря о важности изученія малороссійскаго архива при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ обществѣ, Н. И. высказалъ, что для изученія вещественныхъ памятниковъ желательно было, чтобы слѣдующій Археологическій съѣздъ собрался послѣ Одессы въ Харьковѣ. По его мнѣнію Харьковская губернія и въ особенности Донская область, весьма интересны съ археологической стороны. Донская область при переселеніи народовъ служила станціей для нихъ, и въ ней и въ Слободской Украинѣ находили предметы каменнаго и другихъ вѣковъ; между тѣмъ этотъ край почти совершенно не изслѣдованъ въ археологическомъ отношеніи“.

По словамъ А. Θ. Селиванова Николай Ивановичъ собирался лично хлопотать на Одесскомъ Съѣздѣ, чтобы слѣдующій Съѣздъ былъ въ Харьковѣ. Но по болѣзни не могъ явиться на Съѣздъ. Г. Селивановъ сообщилъ доводы Николая Ивановича гр. Уварову и другимъ ученымъ, и Харьковъ былъ выбранъ мѣстомъ для Съѣзда. Но 6-го апрѣля 1885 года умеръ Костомаровъ, а вскорѣ умеръ и устроитель Съѣздовъ гр. Уваровъ.

Профессору И. П. Сокальскому Николай Ивановичъ Костомаровъ написалъ слѣдующее письмо: „Многоуважаемый Иванъ Петровичъ, отъ души благодарю Васъ за вниманіе, оказанное любезнымъ письмомъ Вашимъ и присылкой Статистическаго

¹⁾ „Русская Старина“ 1888 г. апрѣль.

Листка, который заключаетъ очень любопытныя извѣстія, касающіяся мѣстнаго края.

Г. Селивановъ говорилъ мнѣ, что у васъ предполагается предложить открыть въ Харьковѣ археологическій съѣздъ, который будетъ седьмой. Это очень пріятно слышать. Давно бы пора. Когда при окончаніи (Кавказскаго) Съѣзда было совѣщаніе о томъ, гдѣ быть слѣдующему Съѣзду, я заявлялъ мысль, что надобно было бы ему быть въ Харьковѣ; но гр. Уваровъ объявилъ, что отъ Новороссійскаго университета получено приглашеніе устроить его въ Одессѣ. Надобно, чтобы когда Богъ дастъ дождемся 6-го Съѣзда, отъ Харьковскаго Университета получено было также приглашеніе. А. Харьковскому Краю подобаешь. Тамъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніи ¹⁾ многое остается нетронутымъ. Могила, которыхъ тамъ такое множество, почти не подвергаются ученому вскрытію, а что касается до исторіи, то нѣтъ въ Европейской Россіи края, котораго судьба менѣе намъ извѣстна и изслѣдована, какъ Слободской Украйны. Вѣдь о пяти слободскихъ полкахъ едва-ли (по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно) есть что-нибудь кромѣ короткихъ брошюръ Головинскаго, Срезневскаго и еще кого-то (впрочемъ теперь ихъ не найти въ книжныхъ лавкахъ). Не можетъ быть, чтобы въ краѣ не осталось матеріаловъ какъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ данныхъ, частныхъ лицъ. Примите увѣреніе въ чувствахъ моего глубочайшаго къ Вамъ уваженія и преданности Вамъ готовый къ услугамъ

Николай Костомаровъ.

1882 г. декабрь 22.

Въ 1884 году А. Θ. Селивановъ послалъ свои замѣтки о „Купянскомъ вертепѣ“ Н. И. Костомарову и попросилъ его сообщить о своемъ здоровьѣ, послѣ того какъ послѣдній при переходѣ черезъ улицу былъ сшибленъ экипажемъ. Въ отвѣтъ на это А. Θ. Селивановъ получилъ отъ Н. И. Костомарова два письма, которыя также могутъ отчасти характеризировать отношеніе покойнаго историка къ Харькову. Благодаря за вниманіе, Н. И. К. пишетъ: „Совѣстно мнѣ, если не удастся чѣмъ-

¹⁾ Это мнѣніе Н. И. Костомарова вполне подтвердилось, когда въ Харьковѣ былъ основанъ Историко-Филологическимъ Обществомъ при Университетѣ большой Историческій Архивъ изъ мѣстныхъ документовъ, а затѣмъ, въ связи съ Археологическимъ Съѣздомъ въ 1902 году, образовался цѣлый музей мѣстныхъ древностей при университетѣ.

нибудь возблагодарить за такое отношеніе ко мнѣ *родною доро-
юю юрода*, гдѣ протекла моя юность. Пусть этотъ край цвѣтетъ
и цвѣтетъ. Пусть возрождается, пусть воскресаетъ въ немъ то,
что убито было неумолимымъ временемъ и непогодами. Пусть
поколѣнія, одно за другимъ, высказываютъ болѣе и болѣе бла-
городства, энергій, любви къ общему добру, просвѣщенію и
привязанности къ своей народности. Пусть не переводятся въ
немъ такіе люди, какъ тѣ, которые меня удостоили настоящимъ
вниманіемъ. Если ихъ что побуждало къ такому знаку уваже-
нія ко мнѣ, то разумѣется, то, что я, начавши свое воспитаніе
и первую дѣятельность въ Слободскомъ краѣ, пребылъ и, ко-
нечно, до могилы пребуду вѣренъ любви къ этой своей народ-
ности“!

Письмо къ профессору Д. И. Багалѣю также ясно указы-
ваетъ на тотъ интересъ, который сохранился у Н. И. къ Сло-
бодской Украинѣ: „Милостивый Государь, Дмитрій Ивановичъ!
Николай Васильевичъ Калачовъ, узнавши отъ меня о докумен-
тахъ, которые у васъ находятся, предлагаетъ напечатать ихъ отъ
Академіи Наукъ и проситъ прислать означенные документы
на его имя въ Академію Наукъ съ письмомъ къ нему и въ
этомъ письмѣ сообщить условія ваши, но было бы лучше,
если вамъ можно самимъ вамъ лично прибыть въ Петербургъ,
въ особенности если вы желаете, чтобъ напечатаніе ихъ совер-
шилось подъ ближайшимъ вашимъ наблюденіемъ. Сообщаю
вамъ объ этомъ для свѣдѣнія и приступленія къ мѣрамъ, какія
найдете вы для себя цѣлесообразными. Благоволите написать
ко мнѣ, какъ рѣшитесь, а Калачова адресъ: Его Императорскому
Императорскому Академику въ Академіи Наукъ или въ Археоло-
гическій Институтъ собств. домъ Калачова въ линію Васильев-
скаго острова или въ собственномъ домѣ между 13-ой 14 ли-
ніями Вас. острова на Среднемъ Проспектѣ: тамъ онъ самъ
живетъ. Куда угодно изъ этихъ адресовъ позвольте написать.

Вамъ преданный душевно Николай Костомаровъ.

Желаю отъ чистаго сердца вамъ всякаго благополучія и
успѣха въ Вашихъ предпріятіяхъ и занятіяхъ. О мнѣ же из-
вольте вѣдать, какъ о всегда готовомъ по мѣрѣ возможности
быть вамъ полезнымъ и готовымъ ко всякой услугѣ.

Дек. 7. 1884 г. Вас. Остр. I л. д. 6. кв. 3.

Отозвались профессора Харьковского университета и на
смерть Н. И. Костомарова: по иниціативѣ И. П. Сокальского,

сына того самаго Сокольскаго, на квартирѣ котораго проживалъ Н. И. въ бытность свою студентомъ Харьковскаго университета, они поручили академику Михаилу Ивановичу Сухомлинову приобрѣсти и возложить на его гробъ вѣнокъ.

Вотъ какъ рисуется этотъ актъ послѣдней почести почившему историку со стороны профессоровъ университета въ неопубликованной перепискѣ профессора И. П. Сокальскаго съ акад. М. И. Сухомлиновымъ: Къ свѣдѣнію профессоровъ, подписавшихся на вѣнокъ Н. И. Костомарову.

При семъ прилагается письмо академика Сухомлинова о заказѣ вѣнка на 60 р., какъ было сказано въ телеграммѣ на его имя. Казначей университета теперь боленъ и выдать денегъ черезъ него нельзя.

Не найдется ли въ числѣ подписавшихся настолько самостоятельный въ денежномъ отношеніи, чтобы выслать теперь же 60 р. по адресу, въ письмѣ означенному. А съ подписавшихся будетъ вычетъ 20-го апрѣля с. г.

И. Сокальскій 9 апр. 1885 г.

А вотъ отвѣтныя письма проф. И. П. Сокальскому отъ акад. М. И. Сухомлинова.

Дорого Уолли ¹⁾! Вѣнокъ Костомарову заказанъ. Погребеніе въ четвергъ, отпѣваніе въ университетской церкви. Вѣнокъ „отъ профессоровъ Харьковскаго университета“ будутъ нести съ похороннымъ шествіемъ отъ университета до Волкова кладбища.

Крѣпко обнимаю тебя

М. Сухомлиновъ.

13 апр. 1885 г.

Спѣшу увѣдомить тебя, дорогой Уолли, что на основаніи твоей телеграммы, я заказалъ вѣнокъ на могилу Костомарова „отъ профессоровъ Харьковскаго университета“, какъ я и писалъ тебѣ. Вѣнокъ этотъ былънесенъ въ погребальномъ шествіи (см. Новости 12 апрѣля). Вѣнокъ стоитъ 60 (шестьдесятъ) рублей, на это у меня имѣется росписка изъ магазина цвѣтовъ. Сегодня я слышалъ, что еще вѣнокъ былъ заказанъ, не знаю къмъ по телеграммѣ, подписанной пятью профессорами и въ томъ числѣ и тобою. Что это значитъ. Развѣ харьковскіе про-

¹⁾ Таково дружеское обращеніе М. И. Сухомлинова къ Н. П. Сокальскому.

фессора заказывали два вѣнка. Разъясни мнѣ это для избѣжанія путаницы. Въ процессіи было дѣйствительно два вѣнка отъ харьковцевъ, но на одномъ изъ нихъ, именно на томъ, который заказанъ мною, была надпись: „отъ профессоровъ Харьковскаго университета“, а на другомъ: „отъ харьковскихъ почитателей“. Не значишься ли и ты въ числѣ почитателей? Кѣмъ и у кого заказанъ вѣнокъ „отъ харьковскихъ почитателей“?—мнѣ неизвѣстно. Похороны Костомарова подробнѣе описаны въ Новостяхъ. Хотѣлъ сообщить тебѣ нѣсколько подробностей, но спѣшу въ засѣданіе Академіи Наукъ.

Искренній твой Сухомлиновъ.

18 апр. 1885 г.

Любезный другъ Уолли!

Вчера я получилъ твое письмо со вложеніемъ 60-ти руб. на вѣнокъ Костомарову и вчера же сдѣлалъ изъ нихъ должное употребленіе, въ доказательство чего и прилагаю счетъ изъ магазина. Вчера же мнѣ пришлось говорить и о самой существенной части твоего письма, именно о твоёмъ благомъ намѣреніи написать свои воспоминанія о Костомаровѣ. Такъ какъ ты одинъ изъ немногихъ, знавшихъ К. еще студентомъ, то воспоминанія твои объ этомъ времени должны быть весьма интересны. Я говорилъ объ этомъ съ Шубинскимъ, редакторомъ Историческаго Вѣстника. Онъ весьма и весьма охотно помѣститъ твои статьи, если ты пожелаешь. Его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы статья не была велика по объему—листа полтора, не больше. И надо поспѣшить со статьей; разнаго рода воспоминанія уже стали поступать въ редакцію и чѣмъ скорѣе появится твоя статья, тѣмъ лучше. Твою статью встрѣтятъ съ тѣмъ большимъ радушіемъ, что ожидаютъ отъ нея вѣрнаго, умѣлаго и безпристрастнаго изложенія дѣла чуждаго всякой претенціозности. Опасаются, чтобы съ Костомаровымъ не повторилось того, что было съ Тургеневымъ послѣ его смерти: въ разныя редакціи стали посылать о Тургеневѣ въ такомъ изобиліи, что отказывались не только печатать присланное, но и читать его. Твое письмо, посланное до полученія моего, не разъясняетъ вопроса о томъ, до какой степени сильно сочувствіе Костомарову въ Харьковскомъ университетѣ. Но судя по тому, что ты пишешь о подписанномъ листѣ, можно думать, что подписалось болѣе пяти лицъ, отъ которыхъ прислана телеграмма. До сихъ поръ не разъяснилось и другое обстоятель-

ство—именно почему Костомаровъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, тогда какъ мать похоронена на Смоленскомъ и для самого Костомарова было куплено тамъ мѣсто. Съ нетерпѣніемъ жду статьи твоей, дорогой Уолли.

Душевно преданный тебѣ

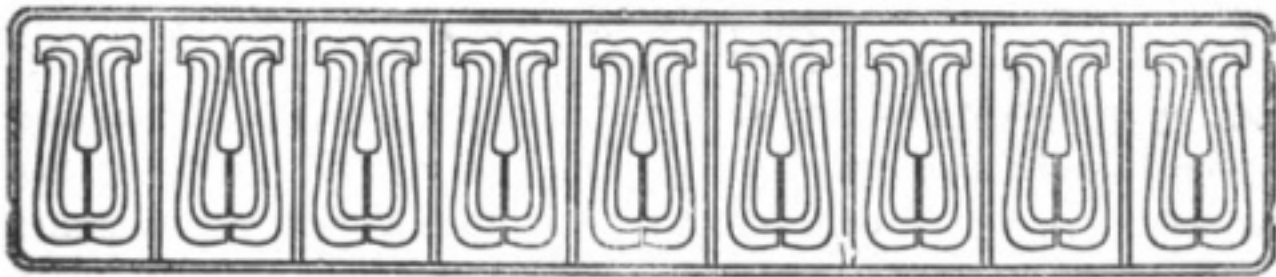
М. Сухомлиновъ.

Передай искренній привѣтъ супругѣ твоей.

Къ сожалѣнію, нынѣ покойный, какъ и М. И. Сухомлиновъ, И. П. Сокальскій не осуществилъ своей мысли написать воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ; но все же теперь воспроизводится его переписка съ покойнымъ историкомъ, бросающая свѣтъ на одну изъ неясныхъ, но характерныхъ страницъ изъ его жизни.

Ольга Багалъй.

Въ чужой странѣ ¹⁾.

Частенько, заинтересованный смысломъ той, или другой картины, я обращался за разъясненіями къ Чанъ-фу, думая, что этотъ „знатокъ китайскаго быта“ разъяснить мнѣ мое недоумѣніе. Но „знатокъ“ оказывался не на должной высотѣ своего назначенія. Онъ прежде всего начиналъ смотрѣть на меня не то съ удивленіемъ, не то съ насмѣшкой, и выраженіе его лица ясно говорило: — вотъ, молъ, чудакъ и нашелъ о чемъ спрашивать, и послѣ этого онъ обыкновенно отвѣчалъ: „моя не знай, барыня; — другой люди можетъ знай. — Твоя скажи; моя не знай“, а когда я къ нему приставалъ уже со своими вопросами, то онъ обращался къ кому-либо изъ постороннихъ и вступалъ съ ними въ переговоры, при чемъ я замѣчалъ, что посторонній давалъ всегда свои объясненія съ серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ самодовольнымъ лицомъ: — Знай, молъ, нашихъ: — какія у насъ картины-то рисуютъ; — не чета поди-ка вашимъ! — И онъ старался, видимо, объяснить содержаніе картины моему Чанъ-фу, — водилъ по ней пальцемъ, — тыкая имъ и въ сонливыя лица женщинъ (бабушекъ), и въ самодовольныя лица стариковъ, и въ поставленныя въ „академическія позы“ молодыхъ людей. Ну ужъ теперь-то Чанъ-фу объяснить, думалъ я, слушая и наблюдая за объясненіемъ посторонняго человека. — Ну что? спрашивалъ я его, приготавливаясь слушать. — Но не тутъ-то было: — ничего я отъ него не узнавалъ и всегда онъ говорилъ только: „О, барыня! — это наша, малъ-мало, театръ играй“. Да что же „театръ играй“! — Ты мнѣ толкомъ-то Расскажи, — допытывался я, начиная уже злиться. „Театръ играй“;

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1914 г.

вотъ другой человѣкъ скажи театръ играй;—моя почему знай"! И послѣ этого онъ становился нѣмъ, складывалъ свои губы въ ниточку, а я ругалъ его мысленно дуракомъ, и тѣмъ кончались наши переговоры.

Помню изъ всѣхъ видѣнныхъ мною картинъ,—меня въ особенности поразила одна, такъ какъ сюжетъ этой картины былъ таковъ, что, глядя на нее, невольно я задавался вопросомъ: Неужели художникъ изобразилъ „Св. Благовѣствованіе“. Пресвятая Дѣва и явившійся къ ней Ангелъ съ цвѣткомъ хризантемы—все это было здѣсь, но, конечно, типы и костюмы были китайскіе. Какъ я жалѣлъ, что Чанъ-фу и про эту картину дальше: „малъ-мало театръ играй“ не пошелъ въ своихъ объясненіяхъ.

При каждомъ постояломъ дворѣ непременно имѣется свой поваръ, на обязанности котораго лежитъ удовлетвореніе гастрономическихъ потребностей посѣтителей. Повара обыкновенно—очень расторопные ребята и всегда повидимому относятся къ исполненію своихъ обязанностей съ большой охотой и усердіемъ, несмотря на то, что дѣла у нихъ, какъ говорится:—хоть отбавляй.—Иной разъ на постоянный дворъ ввалится человѣкъ 50 разныхъ извозчиковъ, погонщиковъ, гуртовщиковъ и прочаго рабскаго и голоднаго, послѣ трудовъ праведныхъ, люда. Надо ихъ всѣхъ накормить;—надо и посуду приготовить и вымыть ее; наконецъ и самое кушанье изготовить по желанію cadaго посѣтителя, и все это дѣлаетъ одинъ поваръ, вертеться какъ бѣлка въ колесѣ и не теряя, несмотря на это, своего веселаго вида. Положительно всѣ встрѣчаемые нами на постоянныхъ дворахъ повара поражали меня тою любовью, съ которой они относились къ своимъ обязанностямъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что китайцы, возводя їду въ своего рода культъ, относятся съ извѣстнымъ уваженіемъ и къ служителямъ этого культа, и эти послѣдніе, цѣня это уваженіе, съ такой охотой и любовью приносятъ себя въ жертву. Что касается до вопросовъ питанія, то къ таковымъ китайцы дѣйствительно относятся съ нескрываемымъ уваженіемъ и выдвигаютъ эти вопросы повидимому чуть ли не на первый планъ. При встрѣчѣ, вмѣсто нашего: „какъ ваше здоровье“ или „какъ вы поживаете“, китаецъ спроситъ: „обѣдали ли вы сегодня“, зная, что если человѣкъ имѣлъ возможность пообѣдать, то слѣдовательно онъ долженъ быть и здоровъ и счастливъ.

Самымъ обыденнымъ кушаньемъ китаецъ - простолюдина является каша изъ чоумицзы и къ ней что-нибудь горячее—

въ родѣ нашихъ капустныхъ суповъ. Эти кушанья всегда имѣются уже въ готовомъ видѣ, при чемъ въ одномъ котлѣ упрѣвается разсыпчатая и желтоватая чоумица и въ другомъ супъ. Повару, слѣдовательно, остается только наливать эти кушанья и подавать ихъ посѣтителямъ. Но нѣкоторые изъ нихъ не желаютъ довольствоваться этими скромными и простыми блюдами и предъявляютъ свои требованія на что-нибудь повкуснѣе:—одинъ, положимъ, заказываетъ себѣ лапшу, другой—пельмени,—третій проситъ поджарить маленькіе кусочки свинины съ капустой, четвертый—еще что-нибудь заказываетъ, и т. д., и вотъ тутъ-то начинается работа. Приготавливается и лапша, лѣнятся пельмени и жарится мясо.—Поваръ, обливаясь потомъ, работаетъ неустанно и въ то же время обмѣнивается еще иногда веселыми шуточками съ посѣтителями, смѣясь самъ и заставляя и ихъ смѣяться тоже. Все поспѣваетъ у него съ замѣчательной быстротой и проворствомъ.

За всю дорогу намъ приходилось питаться исключительно китайскойстряпней, мы ѣли всегда лапшу, иногда пельмени,—пробовали и мясо въ капустѣ и все это ѣли съ большимъ аппетитомъ,—все казалось намъ вкуснымъ. Единственное блюдо, которое мнѣ не понравилось и которое также пользуется почетомъ у простонародія—это такъ называемый „Тоу-фанъ“. Приготавливается онъ, кажется, изъ бобовой муки, при чемъ изъ тѣста рѣжутся ромбообразныя фигурки, которыя и варятся въ водѣ.—Тоу-фанъ прѣсенъ и въ общемъ безвкусенъ, такъ что мы всѣ не понимали, какъ можно его ѣсть съ такимъ аппетитомъ,—но, вспомнивъ истину относительно разныхъ вкусовъ, успокаивались. Единственно въ чемъ ощущался недостатокъ—это въ хлѣбѣ, такъ какъ китайцы не имѣютъ обыкновенія печь хлѣбъ и они скорѣе варятъ его, для чего изъ пшеничнаго тѣста дѣлаются небольшія кругленькія или продолговатыя булочки (кіандзы, или ман-тоу), затѣмъ ихъ кладутъ на рѣшето и держатъ таковыя подъ паромъ кипящей въ котлѣ воды. Тѣсто приготавливается безъ соли и безъ всякой закваски, отчего оно совершенно прѣсно и безвкусно и въ общемъ скорѣе напоминаетъ какую-нибудь резину, чѣмъ хлѣбъ. Казаки обыкновенно клали такія булочки въ горячую золу и тогда корка пропекалась,—середина же оставалась по-прежнему резиноподобной.

Обыкновенно наше появленіе на постояломъ дворѣ производило въ своемъ родѣ сенсацію между его обитателями, и всѣ они стремились за „полярный кругъ“, дабы посмотрѣть на заморскихъ людей (въ описываемое время появленіе русскихъ

офицеровъ, а тѣмъ болѣе въ присвоенной имъ формѣ одежды, было большою рѣдкостью въ предѣлахъ Маньчжуріи, теперь, конечно, китайцы къ этому привыкли). Мы располагались на нарахъ—всѣ въ повалку, заказывали себѣ чего-нибудь поѣсть и въ ожиданіи, пока пища будетъ готова, каждый изъ насъ припирался за какое-нибудь дѣло: казаки чинили аммуницію,—одежду, протирали и чистили оружіе и т. п. Я доставалъ свои книги, зажигалъ свѣчу, предполагая приступить къ процессу чтенія—но этого большею частію не удавалось. Вокругъ насъ плотнымъ кольцомъ уже стояла толпа, и слышно было, какъ входная дверь то и дѣло отворялась, скрипя своимъ блокомъ и впуская все новыхъ и новыхъ любопытныхъ, которымъ очевидно уже кто-нибудь успѣвалъ сообщить о нашемъ приѣздѣ. Всѣ эти люди сначала почти безмолвно смотрѣли на насъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ;—слышались только тяжелые вздохи, покашливанія,—да иной разъ кто-нибудь передаетъ въ полголоса свои впечатлѣнія товарищу. Конечно, при условіи нахождения подъ „разстрѣломъ“ сотни глазъ, читать невозможно, и я начиналъ въ свою очередь посматривать на этихъ людей и замѣчалъ, что многіе изъ нихъ смотрятъ какъ-то напряженно и съ выраженіемъ даже какого-то страха, смѣшаннаго съ недоумѣніемъ и ожиданіемъ. По всѣмъ этимъ взглядамъ дѣйствительно можно было придти къ заключенію, что эти люди принимаютъ насъ какъ бы за выходцевъ изъ иного, невѣдомаго для нихъ міра, къ каковому они относятся и съ любопытствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ со страхомъ,—какъ, вѣроятно, относятся спириты къ появившейся передъ ними материализованной фигурѣ.—Чего бѣльма пучать?—говоритъ какой-нибудь казакъ.—Ну и народъ:—Людей, однако, не видали.—Кавалистъ не рѣдко при этомъ кроилъ уморительныя рожи и этимъ приводилъ толпу въ еще большее смущеніе,—она не знала, какъ къ этому слѣдуетъ отнестись, не сдѣлаетъ ли, молъ, этотъ человѣкъ какой-нибудь вредъ, или же онъ просто добродушно смѣется. Кавалистъ не смущаясь продолжалъ выкраивать рожи изъ своего подвижного лица, и тогда толпа начинала уже понимать, что этотъ человѣкъ только добродушно шутитъ, и сама начинала добродушно посмѣиваться. Шанго, шанго, говорили эти люди;—шанго!-сянь-хау-ла! (хорошо! мы друзья—братья).

— То-то—шанго, говорилъ Кавалистъ, а то ишь въ одно мѣсто сгрудились, нѣтъ тебѣ ни ходу, ни выходу—и стоятъ, да какъ совы смотрятъ.—Русскій человѣкъ всегда, братъ, шанго, гово-

рилъ онъ, хлопая по плечу какого-нибудь парня, — который испуганно бросается въ толпу, стараясь въ ней спрятаться.

Слышится общій смѣхъ.

-- Эхъ ты, парень, — я къ нему, однако, съ лаской, а онъ и труса задалъ — говорилъ Кавалистъ.

Снова одобрителный смѣхъ.

И такъ, мало-по-малу, завязывается общеніе. Нѣкоторые подходятъ къ Чанъ-фу и, многозначительно указывая на меня глазами, что-то спрашиваютъ въ полголоса. Чанъ-фу принимаетъ на себя важный и оффиціальнй видъ и отвѣчаетъ: „Санжъ-у“. Это значитъ — спрашивали о томъ — сколько мнѣ лѣтъ и онъ отвѣтилъ, думаю я, — затѣмъ слышится еще какой-то вопросъ, и Чанъ-фу по-прежнему съ важнымъ видомъ говорить: „Сюнъ-фу“. — Это значитъ — спрашивали — какой у меня чинъ, и онъ снова удовлетворилъ любопытство вопрошающаго. Послѣ этого слышится неоднократно это Санжъ-у и Сюнъ-фу, потому что каждый подходящій считаетъ почему-то первымъ долгомъ спросить о моихъ лѣтахъ и о чиновности. — Затѣмъ чаще всего при такихъ разговорахъ повторялось, слово „Уолось“, это уже относилось до народности, и толпа слѣдовательно любопытствовала о нашей національности. — Повторялись также очень нерѣдко, слова: Индза, тѣнъ, іенъ, то-фа ей-до, мэй-мо, янъ-дипъ, пиза, -хуза и т. д. словомъ, выраженія, показывающія, что спрашивающіе любопытствовали о томъ, сколько я получаю денегъ, и дѣлали подробный разборъ и оцѣнку моей внѣшности: — волосъ, усовъ, носа, глазъ и т. д. Чанъ-фу, съ видомъ знатока, читалъ этимъ людямъ цѣлыя лекціи, и они слушали съ вниманіемъ, покачивая въ знакъ согласія головами и выражая свое удивленіе словами: шанго шанго-уля, а то и просто издавали звукъ похожій на це, це, це.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Чанъ-фу разыгрывалъ передъ этими людьми роль директора какого-нибудь звѣринца, выставленнаго на показъ „почтеннѣйшей публики“. И надо правду сказать, что „директоръ“ старался выставить передъ зрителями своихъ „звѣрей“ не какъ зловредныхъ хищниковъ, которыхъ надо бояться, потому что они кусаются, а какъ такихъ, къ которымъ можно смѣло подходить, не рискуя быть укушеннымъ, и дѣйствительно онъ достигалъ этого вполнѣ. Толпа начинала держать себя не съ прежнимъ принужденіемъ; разговоры дѣлались громче; чаще и чаще на лицахъ появлялись пріятныя и радостныя улыбки. — Находились, наконецъ, такіе смѣльчаки, которые рѣшались подойти поближе, и тутъ прежде

всего они разсматривали подробно наши одежды, пробуя руками драпъ и сукно на пальто, щупая каждую пуговицу, разсматривали погоны, шашки и пр. Сдѣлавъ такимъ образомъ самый подробный „инспекторскій смотръ“ нашей внѣшности, они начинали осматривать кое какія вещи, и здѣсь ихъ вниманіе прежде всего приковывалось зажженной стеариновой свѣчей, къ которой они всегда относились почему-то съ чувствомъ глубокаго уваженія и изумленія: имъ вѣроятно казалось страннымъ и необъяснимымъ, какъ это можетъ существовать на свѣтѣ такая свѣча, которая даетъ такъ много свѣта, что ихъ убогія сальныя конусообразныя свѣчи и масляные свѣтильники конкуррировать съ этимъ хитрымъ заморскимъ изобрѣтеніемъ никакъ не могутъ.—Свѣча ходила по рукамъ, ее осматривали; ощупывали и чуть ли даже не облизывали и потомъ съ благодарностью возвращали ее мнѣ, выражая свой восторгъ и удивленіе.—Интересовали ихъ и книги, и я, видя, что кто-нибудь намѣревается поближе познакомиться съ тѣмъ—какія бываютъ у заморскихъ людей книги, бралъ таковую и начиналъ показывать толпѣ. У меня было съ собою полное сочиненіе одного изъ нашихъ великихъ писателей съ его портретомъ. Я показывалъ имъ этотъ портретъ и старался объяснить, что вотъ этотъ человѣкъ написалъ всѣ эти книги. Смотрящіе удивлялись, покачивая головами, и буквально вперяли свои глаза въ портретъ,—тѣснясь и смотря другъ другу черезъ плечи, причемъ всѣхъ почему-то поражала борода и усы на лицѣ писателя. Всегда въ толпѣ находилось много грамотныхъ, такъ какъ грамотность въ Китаѣ вообще между народомъ имѣетъ повидимому большее распространеніе, нежели у насъ. Я просилъ кого-нибудь изъ грамотныхъ взять листъ бумаги и изобразить мнѣ на немъ нѣсколько словъ съ помощью іероглифовъ.—На это всегда охотно соглашались, и каждый наперерывъ старался щегольнуть своими знаніями. Появлялись сейчасъ же на сцену тушь и кисти, и взявшійся писать садился на нары и начиналъ выводить замысловатые іероглифы, читалъ ихъ, а Чанъ-фу переводилъ прочитанное слово на русскій языкъ. Я писалъ подъ іероглифами ихъ значеніе по-русски, и удивленіе толпы доходило до предѣла по поводу того—какъ это, молъ, можно написать цѣлое слово съ такой быстротой и не отрывая руки отъ бумаги. Писалъ я имъ и цѣлыя фразы и заставлялъ Чанъ-фу переводить эти фразы на китайскій языкъ, и толпа просто повидимому не вѣрила—какъ можно такъ скоро писать. Листокъ съ написаннымъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и

удивленію этихъ людей не было конца. Эти добрые люди, мало-по-малу, совершенно съ нами осваивались, подходили къ казакамъ,—разсматривали ихъ винтовки, ихъ папахи и по поводу всего выражала свой восторгъ и удивленіе. Да и какъ же было имъ не удивляться—вѣдь большинство изъ нихъ ничего не видѣли и дальше своей деревни нигдѣ не бывали, а потому и слѣдовало всегда быть снисходительнымъ къ нимъ и прощать имъ ихъ дѣтское и подъ часъ и надоедливое любопытство. Все бы это было хорошо и всегда вечеръ, такъ мирно начинаемый,—такъ бы мирно и кончился, но все дѣло портилъ строгій китайскій унтеръ. Ему, очевидно, было непріятно, что толпа относится къ намъ съ такимъ сочувствіемъ, и онъ своими рѣчами начиналъ смущать этихъ, готовыхъ повѣрить рѣшительно всякому вздору, людей, и многіе изъ нихъ расходились по своимъ угламъ и домамъ уже какъ бы разочарованными въ своей чрезмѣрной, какъ имъ могло казаться, къ намъ довѣрчивости. Было очень непріятно, когда иной разъ приходилось остановиться на ночлегъ вмѣстѣ съ различными командами солдатъ, которые по случаю ли войны, или ужъ такъ—по заведенному порядку шли командами изъ Нинчуты въ Хунчунъ, или въ Гиринъ.—Вотъ тутъ уже приходилось держать ухо остро и дѣлать видъ человѣка, относящагося совершенно индифферентно ко всему, что только ни говорятъ,—а говорилось очень много непріятнаго—по нашему адресу, какъ объ этомъ и сообщалъ мнѣ всегда шопотомъ мой Чанъ-фу. Я просилъ его передать этимъ людямъ, чтобы они не говорили разнаго вздора и не вѣрили бы тому, что русскіе помогаютъ японцамъ, и Чанъ-фу, передавая все это, въ концѣ концовъ обращаясь ко мнѣ, говорилъ: люди шибко худой-же сміеть моя (все надо мною смѣются), зачѣмъ моя русски ходи—говолы моя чики, чики надо;—моя не знай что дѣлай (зачѣмъ я служу русскимъ—говорять, что мнѣ надо голову отрубить—я не знаю, что мнѣ и дѣлать).

И такъ мы продолжали нашъ путь. Сдѣлавъ небольшой привалъ на постояломъ дворѣ, одиноко пріютившемся среди безжизненнаго и мрачнаго ущелья, мы поѣхали дальше. Дорога дѣлалась все болѣе и болѣе каменистой, ущелье суживалось и горы становились все выше и мрачнѣе. Вотъ высится лѣвѣе дороги громадная пирамидальная и скалистая гора, вершина которой покрыта уже бѣлой шапкой, а за ней видны и другія вершины и на нихъ залегъ уже холодный снѣжный покровъ и пролежалъ такъ до самой весны. Дорога мало по малу поднимается въ гору. А вотъ впереди виднѣется горный кражъ,

который и преграждаетъ намъ путь. Это переваль Цень-линь. Дорога крутыми зигзагами взбирается на его вершину и тамъ она прорѣзана уже въ скалѣ въ видѣ глубокой и широкой траншеи. Тутъ съ нами встрѣтился обозъ изъ нѣсколькихъ арбъ, нагруженныхъ бобовыми жмыхами. Арбы жалобно скрипѣли; погонщики хлопали своими длинными бичами и понукали своихъ лошадокъ, съ подстриженными гривами, издавая при этомъ звукъ на подобіе i-o! i-o! Китайцы обыкновенно запрягаютъ въ свои арбы не менѣе 6 лошадей, при чемъ одну, самую сильную,—они ставятъ въ корень—въ оглобли, а остальныхъ пристегиваютъ тройками, или парами на выносъ. Китайская арба, по своему устройству, напоминаетъ турецкую: тѣ же два массивныхъ колеса, та же деревянная и плохо смазанная ось,—тотъ же жалобный и однообразный скрипъ и пискъ, оглашающій окрестности, по поводу котораго кавказскіе обыватели говорятъ, что онъ оглашаетъ воздухъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что по дорогѣ ѣдетъ честный человѣкъ. Арбы завывали, погонщики кричали, бичи хлопали и вообще на вершинѣ перевала была суматоха, которую человѣкъ всегда и всюду вноситъ своимъ появленіемъ. Въ этой суматохѣ — движеніе, а въ движеніи—жизнь. А наверху было чистое голубое небо,—безмолвное, тихое, спокойное, но вѣчно живущее и вѣчно чарующее небо. Тамъ, въ этомъ небѣ,—также было движеніе, но болѣе величественное, въ сравненіи съ человѣческой сутолокой и суетой. Тамъ въ вышинѣ казалось все было свято и чисто. Чудная панорама горъ вырисовывалась впереди, и эти горы громоздились другъ надъ другомъ,—тѣснили другъ-друга, какъ бы ведя вѣчную борьбу изъ-за обладанія мѣстомъ. Казалось, что онѣ такъ загромоздили собою землю, что между ними и не пройти такой несчастной мошкѣ, какъ человѣкъ, но эта несчастная мошка, какъ извѣстно, всегда и всюду найдетъ себѣ лазейку, всюду пройдетъ и проберется, такая она уже, видно, настойчивая въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что становится у нея на пути. Надъ самыми дальними горами повисла тяжелая и мрачная туча, и казалось, что она думала:—идти ей дальше, или остаться отдыхать на этомъ мѣстѣ. Позади картина также была хороша. Пройденное нами ущелье извивалось мрачной бездной,—а дальше виднѣлась громадная и ровная, какъ столъ, Хунчунская равнина и на самомъ горизонтѣ — далеко-далеко видна была прозрачная, нѣжно-фіолетовая дымка. Тамъ вѣроятно былъ Хунчунъ. За этой дымкой — еще дальше высились горы и это были уже наши родныя горы. Вонъ за

той горой,—наше урочище Новокиевское, а вотъ у подошвы этой большой горы пріютилась штабъ-квартира нашей пограничной сотни;—тамъ мы были недавно, и тогда эти горы не казались намъ такими синими,—такими прекрасными. Теперь всѣ мы, остановившись на вершинѣ перевала, чтобы перевести духъ, смотрѣли больше туда—назадъ—на родную сторону, и всѣ смотрѣли какъ-то грустно и сосредоточенно, какъ смотреть человѣкъ, расставаясь съ тѣмъ, что ему дорого, и не будучи вполне убѣжденъ въ томъ, что онъ снова вернется къ этому дорогому. Каждый изъ насъ, я увѣренъ въ этомъ, въ душѣ помолился о томъ, чтобы Богъ сохранилъ бы его отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій и помогъ бы цѣлымъ и невредимымъ вернуться на родную землю.

Ну, братцы,—впередъ!

Мы снова трогаемся въ путь, ведя своихъ лошадей въ поводу, потому что сейчасъ уже начинается крутой спускъ. Китайскіе солдаты продолжаютъ сидѣть. Имъ должно быть не жаль своихъ маленькихъ лошадей, которыхъ они не считали нужнымъ облегчить ни на подъемѣ, ни на спускѣ. Спускъ короче подъема, и вотъ мы уже снова у подножія перевала и, сѣвъ на лошадей, тянемся по каменистому и довольно широкому ущелью. Жаркой затягиваетъ своимъ высокимъ теноромъ какую-то грустную мелодію. Сначала онъ поетъ въ полголоса, но, мало-по-малу, голосъ его крѣпнетъ;—онъ начинаетъ увлекаться и воодушевляться, и грустная мелодія переходитъ въ разухабистый и залихватскій мотивъ. Китайцы слушаютъ, но повидимому остаются совершенно индифферентны къ пѣнію, не понимая въ немъ конечно той сути, которая не всѣмъ и каждому понятна одинаково.

Ущелье извивается между каменистыми склонами горъ, и дорога постепенно спускается все ниже и ниже. По сторонамъ встрѣчаются рѣдкія и совершенно одинокія фанзы и не видно около нихъ ничего, кромѣ голыхъ камней. Ихъ обитатели не занимаются видимо земледѣліемъ, да и негдѣ имъ заниматься, потому что на камняхъ пахать невозможно. И эти фанзы смотрятъ мрачно и бѣдно;—должно быть, ихъ обитателямъ не очень-то легко живется на бѣломъ свѣтѣ.

На протяженіи около 12 верстъ дорога тянется по такому ущелью, и вотъ мало-по-малу начинаетъ появляться растительность: сначала видны какіе-то кустики, а потомъ начинаютъ попадаться и небольшія деревья. Вскорѣ дорога входитъ въ рѣдкій небольшой лѣсъ. Слышно бурленіе какой-то рѣчки,

воды которой не скованы еще льдомъ. Темнѣетъ. А вотъ и самая рѣчка;—она довольно широка, но повидимому мелка. Мы переходимъ ее въ бродъ и въѣзжаемъ въ деревню, расположенную на ея берегу. Это Мацзянъ,—первая деревня отъ Хунчуна. Здѣсь мы должны ночевать. Пора, да и лошади утомились, ступая все время то по камнямъ, то по мерзлой почвѣ. Деревня грязная. Видны глинобойныя фанзы, соломенные крыши,—высокія стоящія на землѣ трубы, заборы, заклеенныя бумагой окна и навозъ, навозъ, навозъ. Въ общемъ грустно.

Мы остановились на постояломъ дворѣ подобномъ вышеописанному; для меня сначала отвели какую-то отдѣльную отъ казаковъ каморку, грязную, холодную и неудобную. Скучно было одному, а въ сосѣднемъ помѣщеніи за стѣной,—слышался уже смѣхъ и говоръ собравшейся толпы. Это казаки заводили знакомство съ китайцами. Пойду и я туда: лучше въ тѣснотѣ, да на людяхъ, чѣмъ одному съ мрачной думой.—И я не раскаялся. Было хотя и тѣсно, и грязно, и дымно, но можно было наблюдать нѣчто еще новое, невѣдомое, которое всегда интересно для человѣка и которое живить и ободряетъ его душу.

Рано утромъ передъ солнечнымъ восходомъ я услышалъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Это по объясненію Чанъ-фу „человѣкъ малъ-мало нѣтъ сыпи; ружье стрѣлай—хунгуза пугай“ (ночной караульщикъ, который не спалъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ, чтобы пугать хунгузовъ). „О барыня, добавилъ Чанъ-фу—люди шипко худой, шипко много хунгуза есть; наши люди, шипко боися хунгуза“.

Утро было хорошее: воздухъ чистъ и спокоенъ, и по холодку мы бодро тронулись въ путь. Дорога протекла по небольшой въ нѣсколько квадратныхъ верстъ равнинѣ, покрытой воздѣланными полями. Окружающія эту равнину горы мрачны, каменисты и мѣстами были уже покрыты снѣгомъ. Слѣва тянулся кряжъ, отдѣляющій китайскія владѣнія отъ корейскихъ. Пройдя верстъ пять по долиинѣ, мы снова въѣхали въ ущелье, и здѣсь съ лѣвой стороны, на выступѣ горы, виднѣется какая-то бѣдная лачужка, съ поставленнымъ около нея шестомъ, на которомъ развѣвался какой-то флагъ. Это, какъ мнѣ сказали, корейскій карауль.—Не знаю, такъ ли это,—быть можетъ и такъ. На протяженіи 5—6 верстъ дорога тянется этимъ ущельемъ, которое послѣ этого какъ-то сразу заканчивается отдѣльной отъ прочихъ горъ громадной скалой—и передъ глазами открывается снова огромная равнина, на которой видны деревни, фанзы, деревья, поля. Вотъ впереди—верстахъ въ 3 видна

большая деревня—это Лянъ-Сюй-Чуанъ-цза (въ переводѣ источникъ холодной воды), въѣхавъ въ которую, мы останавливаемся на привалѣ.

Еще не доходя одной версты до деревни, мы услышали въ сторонѣ отъ дороги ружейный выстрѣлъ. Признаюсь, въ первое время я готовъ былъ повѣрить въ существованіе здѣсь какихъ, нибудь злоумышленниковъ, для которыхъ могло быть почему-либо нежелательнымъ наше земное дальнѣйшее существованіе; но, посмотрѣвъ по направленію, откуда послышался выстрѣлъ, я увидѣлъ человѣка, спѣшащаго куда-то, и впереди его вмѣстѣ съ нимъ, туда же спѣшила его, вертящая хвостомъ, бѣленькая собачка. Очевидно, человѣкъ этотъ былъ „злоумышленникъ“—но только не противъ нашихъ жизней, а противъ жизней безчисленнаго множества фазановъ, которые паслись цѣлыми стаями на вспаханныхъ поляхъ, отыскивая на нихъ оставшіяся зерна. Заслышавъ выстрѣлъ, Соболька нашъ остановился, пріосанился и, вертя хвостомъ, взглядывалъ то на насъ, то на выстрѣлившаго человѣка и его собачку и какъ бы спрашивая:—куда ему прикажутъ теперь бѣжать и если только туда, гдѣ стрѣляютъ, то онъ, Соболька, готовъ уже со всѣмъ своимъ собачьимъ усердіемъ исполнить наше приказаніе. Но такъ какъ такого приказанія не послѣдовало, то онъ и принужденъ былъ остаться только при своемъ желаніи, и ограничиться жалобнымъ попискиваніемъ, какъ бы говоря этимъ—на что же это, въ самомъ дѣлѣ, похоже: — тамъ люди стрѣляютъ и фазановъ бьютъ, а они и ухомъ не ведутъ, странные, право, люди.

Въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ мы остановились въ одномъ изъ домовъ, который быстро наполнялся любопытными. Толпа окружила и разсматривала насъ съ жаднымъ любопытствомъ. Между всѣми этими людьми мнѣ бросился въ глаза одинъ какой-то блѣдный, съ горящими черными глазами молодой человѣкъ, одѣтый въ какой-то своеобразный, отличающійся отъ прочихъ костюмъ, который состоялъ изъ тонкаго чернаго халата. Взглядъ его черныхъ и блестящихъ глазъ былъ какой-то какъ бы созерцательный, и казалось, что онъ, глядя на васъ,—не видитъ васъ, а смотритъ куда-то далеко—далеко, какъ бы что-то улавливая. Онъ долго и неподвижно смотрѣлъ на меня такимъ образомъ и вдругъ почему то подошелъ къ стоящему тутъ же столику и, взявъ небольшой клочекъ лежащей на немъ китайской бумаги, началъ водить по ней кистью, обмакнувъ таковую предварительно въ растертую тушъ. Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ съ этимъ листомъ и подалъ его мнѣ въ руки. На листкѣ ока-

залось довольно не дурно изображенная физиономія какого-то китаецъ съ косою, съ раскосыми глазами и съ добродушной улыбкой. Сдѣлавъ все это и не ожидая моего приговора, молодой человекъ протѣснился сквозь толпу и исчезъ; больше я его и не видалъ. Чанъ-фу,—на вопросъ—что это должно обозначать, заявилъ мнѣ, что „эта человекъ—малъ-мало голова худой“.—Быть можетъ это было и такъ, но онъ мнѣ почему-то показался какимъ-то созерцателемъ, какимъ-то, какъ говорится, человекомъ „не отъ міра сего“ и почему знать, быть можетъ это былъ какой-нибудь геній, которому не суждено было высказаться.

Былъ тутъ въ толпѣ и другой „экземпляръ“, при взглядѣ на котораго никакъ уже нельзя было заподозрить въ немъ присутствіе какой-либо геніальности. Экземпляръ этотъ былъ очень высокъ ростомъ, худъ и съ огромнымъ выдающимся впередъ животомъ. Животъ этотъ обрисовывался у него съ особенной ясностью, благодаря тому обстоятельству, что этотъ незнакомецъ кромѣ одной грязной рубахи, свѣшивающейся почти до самыхъ пятъ, ничего не имѣлъ на своемъ брентомъ тѣлѣ и, принимая во вниманіе стоящій на дворѣ морозъ, можно было придти къ заключенію, что онъ или философъ діогеновской школы, или же по-просту юродивый, и такъ какъ физиономія его къ тому же не говорила въ пользу его философскаго склада мышленія, то, по всей вѣроятности, второй изъ этихъ выводовъ и надлежитъ считать наиболѣе въ данномъ случаѣ вѣроятнымъ.

Этотъ „долговязый экземпляръ“ совместно съ прочими людьми, составлявшими окружавшую насъ толпу, былъ повидимому очень заинтересованъ нашимъ появленіемъ и свою любознательность онъ выражалъ тѣмъ, что нѣсколько разъ выходилъ изъ толпы, останавливался противъ меня и начиналъ туго меня осматривать; — потомъ онъ издавалъ какое-то дикое мычаніе и исчезалъ въ толпѣ, а потомъ снова появлялся,—опять смотрѣлъ, опять мычалъ и исчезалъ и т. д.

Толпа, повидимому, не хотѣла его пускать, но онъ тогда протестовалъ довольно громкимъ и дикимъ крикомъ и все же лѣвъ впередъ, безцеремонно расталкивая стоящихъ людей. У этого, по выраженію Чанъ-фу: голова была уже не малъ-мало худой, а „шипко худой, башка“. Повидимому, это былъ безвредный сумасшедшій, къ которому всѣ уже привыкли и перестали обращать на него вниманіе.

Вскорѣ окружающая насъ толпа зашевелилась и, разступив-

шись, дала дорогу какому-то необыкновенно высокому и должно быть сильному человѣку, на головѣ котораго была надѣта громадная мѣховая шапка, съ отвороченными наушниками, и эта шапка придавала его фигурѣ еще болѣе внушительный видъ.— Человѣкъ этотъ, поздоровавшись со мною, сѣлъ тутъ же на нарахъ и сейчасъ же началъ что-то говорить. Онъ повидимому былъ еще молодъ, лѣтъ такъ 30—35; — все лицо его было изрыто оспой и принадлежало къ категоріи тѣхъ лицъ, на которыхъ черти забавлялись игрою въ свайку. вмѣстѣ съ тѣмъ лицо это было не безобразное, и мнѣ оно показалось даже очень симпатичнымъ и главнымъ образомъ потому, что было снабжено парюю умныхъ и добрыхъ глазъ, а также и ртомъ, который складывался чисто въ добродушную улыбку. По всему было видно, что этотъ человѣкъ рѣдко когда скучалъ и всегда и при всякихъ обстоятельствахъ умѣлъ сохранить въ себѣ веселость и хорошее расположеніе духа. (Драгоцѣнная черта характера и счастливы тѣ, кто ею обладаетъ). Онъ держалъ себя совершенно непринужденно, видимо этимъ не бравируя, а дѣлая это естественно. Казалось,—что если бы онъ разговаривалъ съ какимъ-нибудь китайскимъ Дзянь-дзюнемъ, а быть можетъ и съ самимъ китайскимъ богдыханомъ, — то разговаривалъ бы съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, нисколько не умаляя передъ этими сильными міра сего своего человѣческаго достоинства. Впрочемъ, быть можетъ, заключеніе это и слишкомъ скороспѣлое, такъ какъ каждому вѣроятно нерѣдко приходилось встрѣчать въ жизни такихъ людей, про которыхъ какъ-то невольно подумаешь: ну, этотъ человѣкъ никогда и ни передъ кѣмъ не спасуетъ и никогда не уронитъ своего человѣческаго достоинства.—И что же! не только при разговорѣ съ высокопоставленными людьми, но даже съ простыми смертными, стоящими ступени на двѣ выше, человѣкъ этотъ начиналъ лебезить, сюсюкать и всячески извиваться, такъ что посмотришь на него и подумаешь: однако, братъ, и гусь же ты порядочный, а я-то думалъ и т. д. Быть можетъ, и пришедшій великанъ принадлежалъ къ породѣ такихъ „гусей“;—не знаю, но только первое впечатлѣніе на меня онъ произвелъ очень хорошее, какое производитъ всякій простой безхитростный человѣкъ. Онъ съ первыхъ же словъ разговора, видимо, нисколько не удивился тому обстоятельству, что я — русскій офицеръ и странствую теперь по ихъ землѣ. Онъ даже не поинтересовался узнать — зачѣмъ я собственно ѣду въ Гирицъ, да и извѣстіе-то объ этомъ какъ-то пропустилъ мимо ушей, какъ будто бы и не

стоило даже говорить объ этомъ. Идетъ, молъ, человекъ, значитъ, ему нужно идти, а зачѣмъ идетъ, — да не все ли это, молъ, равно. Онъ оживленно началъ рассказывать мнѣ про то, что служить въ Хунгунѣ (онъ былъ офицеръ, какъ это оказалось) и что оттуда его съ отрядомъ солдатъ послали сюда, — въ эту деревню, дабы охранять жителей отъ хунгузовъ, которые въ послѣднее время начали появляться большими шайками и грабятъ не только отдѣльныя фанзы, но и деревни. Про ходъ военныхъ дѣйствій онъ не могъ рѣшительно мнѣ ничего сообщить, не зная даже — гдѣ въ настоящее время воюютъ и какъ воюютъ. Воюютъ, ну, и пусть ихъ воюютъ, коли имъ это правится, — такъ, надо думать, рассуждалъ онъ. Толпа, при его появленіи, почти вся исчезла; осталось только нѣсколько человекъ и между ними „человекъ съ большимъ животомъ“. Онъ все время пребывалъ около двери, стоя, какъ солдатъ, на вытяжку, опустивъ руки по швамъ и сохраняя на своемъ лицѣ какое-то важное и сосредоточенное выраженіе. Быть можетъ, онъ воображалъ себя въ это время какимъ-нибудь стражемъ, охраняющимъ входъ во дворецъ самого богдыхана. Мало ли чего иной разъ не воображаетъ даже и здоровая человѣческая голова, про больную же и говорить нечего. Нѣтъ предѣла ея фантазій. — Вскорѣ по приходѣ этого офицера пожаловалъ и другой, — на видъ уже совсѣмъ старикашка, — маленькій, худенькій, желтенькій и сгорбленный. Надо думать, что онъ изображалъ собою нѣчто подобное нашему ротному командиру, при чемъ высокій весельчакъ былъ у него въ подчиненіи и былъ весьма вѣроятно у него въ качествѣ субалтернъ-офицера. Чанъ-фу, указывая на старичка, заявилъ, что „она малъ-мало сто солдата начальникъ“, а она (указывая на высокаго) „50 солдата начальникъ“. Изъ этого я и вывелъ вышеозначенныя заключенія, которыя, быть можетъ, хоть отчасти подходятъ къ истинѣ.

Старичекъ этотъ, какъ болѣе умудренный и искусившійся на жизненномъ поприщѣ, — сразу началъ высказывать свою подозрительность и недовѣріе. Началъ онъ съ того, что оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, какъ-то особенно подозрительно и тяжело — и затѣмъ, пожевавъ губами, какъ это всегда дѣлаютъ подозрительные старики, — спросилъ — не японецъ ли я. — И узнавъ, что я русскій и ѣду въ Гиринъ, онъ снова началъ жевать, взглядывая на меня съ меньшей подозрительностью и ворча что-то себѣ подъ-носъ. — „Она говоли, — перевелъ мнѣ Чанъ-фу воркотню старика, — зачѣмъ люски человекъ китайски земля ходи, — люски — японска помогай; — люски человекъ ки-

тайски земля нѣтъ ходи“ (зачѣмъ русскіе люди ходять по китайской землѣ, русскіе помогаютъ японцамъ и имъ незачѣмъ ходить по китайской землѣ). На сколько было возможно, я конечно старался убѣдить этого подозрительнаго старика, который въ общемъ сильно походитъ на Плюшкина, въ томъ, что его подозрѣнія ложны и совершенно не основательны, но онъ мнѣ не повѣрилъ и, прощаясь съ нами, онъ продолжалъ такъ же подозрительно жевать своими тонкими губами, мысленно посылая намъ, вѣроятно, недобрыя пожеланія на дорогу.

Быль уже первый часъ, когда мы тронулись въ дальнѣйшій путь. До ночлега, по словамъ сопровождавшихъ насъ китайскихъ солдатъ, оставалось еще не менѣе 30 верстъ (60 ли. У китайцевъ дорожною мѣрою служитъ „ли“, при чемъ 1 ли равняется почти нашей полуверстѣ). Надо было торопиться, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло перевалить довольно трудно доступный и лѣсистый хребетъ Гао-Линъ.

За околицей деревни,—въ сторонѣ отъ дороги, видѣлись группы людей, которые что-то работали на вспаханномъ полѣ. Завидѣвъ насъ, они всѣ побросали свою работу и бѣгомъ бросились къ дорогѣ, чтобы посмотреть на насъ, когда мы будемъ проѣзжать. Любопытство и здѣсь превозмогло, и эти люди чуть ли не съ разинутыми ртами глазѣли на насъ,—когда мы проходили мимо нихъ. Въ сторонѣ отъ дороги—иной разъ почти въ непосредственномъ съ нею сосѣдствѣ, а иной разъ шагахъ въ 50—во 100 отъ нея видѣлись какіе-то громадныя массивныя ящики. Это были гробы, въ которыхъ почивали вѣчнымъ сномъ покончившіе свой земной путь странники. Было холодно и потому эти гробы и не распространяли отъ себя никакого зловонія, но, говорятъ, лѣтомъ проѣзжать мимо нихъ не совсѣмъ пріятно и часто приходится зажимать носъ, дабы не чувствовать черезчуръ уже сильнаго „аромата“. Китайцы хоронятъ своихъ покойниковъ, не предавая ихъ землѣ. Конечно, мы не можемъ сказать—существуетъ ли подобный обычай во всемъ Китаѣ, или же онъ примѣняется только въ Маньчжуріи, гдѣ около каждой деревни и даже около отдѣльныхъ фанзъ можно видѣть эти массивныя ящики, иной разъ полуразвалившіеся отъ ветхости. Эти ящики дѣлаются изъ очень толстыхъ деревянныхъ пластинъ, имѣющихъ въ толщину до трехъ вершковъ. Сколачиваются это пластины по большей части деревянными нагелями, и затѣмъ на получившійся такимъ образомъ ящикъ наколачивается такими же нагелями толстая и массивная крышка. Такая чрезмѣрная массивность гробамъ придается съ тою цѣлью,

чтобы предохранить заключенные въ нихъ трупы отъ растерзанія собаками и волками, которыхъ въ этой странѣ не мало. Для и койника быть можетъ и пріятно прохладяться на свѣжемъ воздухѣ въ толстомъ и прочномъ гробѣ, и въ этомъ отношеніи китайскіе покойники находятся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, нежели наши, опускаемые въ глубокія и сырыя могилы мертвецы, которымъ и въ гробу тѣсно и темно, да и сверху давить тяжелый и толстый пластъ земли, но зато для живыхъ людей столь близкое общеніе съ покойниками должно бы быть не совсѣмъ пріятнымъ, и если оно на самомъ дѣлѣ имѣетъ примѣненіе, то его, кажется, слѣдуетъ объяснить такъ распространеннымъ среди китайцевъ культомъ поклоненія предкамъ—и если китаецъ, живущій въ Маньчжуріи, почему-либо принужденъ будетъ покинуть эту страну и вернуться на свою родную землю—куда-нибудь въ Шань-Дунъ, или въ Сычуань, то онъ ни за что не броситъ костей своихъ умершихъ родственниковъ, а, вынувъ ихъ изъ гробовъ, заберетъ съ собою на свою родную землю.

Проѣхавъ верстахъ въ двухъ отъ деревни черезъ очень каменистое русло рѣки, мы поднялись на довольно значительную возвышенность, съ вершины которой открывался видъ на печальную, имѣющую около 4—5 верстъ въ ширину долину съ пріютившимися на ней 3—4 отдѣльными фанзами. За этой долиной былъ виденъ покрытый лѣсомъ горный хребетъ. Это и былъ Гао-Линь, подъемъ на который длиненъ и труденъ, въ силу того, что дорога усѣяна камнями, которыхъ очевидно никто не желаетъ убирать; вѣроятно ждуть того, чтобы сами они убрались съ дороги. Долго взбирались мы на Гао-Линь; дорога почти все время шла по крутому лѣсистому склону горъ вдоль оврага, на днѣ котораго булькалъ ручеекъ, вѣроятно, въ большую воду превращающійся въ бурный горный потокъ. Къ солнечному закату мы были на вершинѣ перевала и здѣсь остановились передохнуть около громадной кучи мелкихъ камней, неизвѣстно кѣмъ и для чего сложенной. Какъ потомъ пришлось убѣдиться, на каждомъ перевалѣ китайцы набрасываютъ камни въ видѣ аккуратно сложеннаго конуса. Это жертвенники, у которыхъ путники останавливаются и молятся. На многихъ перевалахъ построены даже кумирни со скульптурными изображеніями разныхъ боговъ.

По ту сторону снова громоздились синѣющими силуэтами горы, и между ними видѣлась одна очень красивая гора съ совершенно плоской и какъ бы срѣзанной вершиной.

До ночлега еще оставалось около 10 верстъ и когда мы спустились къ подножью Гао-Лина, то мракъ уже почти вполнѣ покрылъ землю и мы двигались позади китайскихъ солдатъ, не видя, что находится впереди и по сторонамъ. Помню, что перевалили еще разъ черезъ небольшую возвышенность прошли черезъ какое-то замерзшее кочковатое болото и усталые и голодные подошли наконецъ къ воротамъ одинокой фанзы, въ которой заночевали. Фанза была биткомъ набита народомъ. Это были по преимуществу грузовые возчики и ихъ тяжело, нагруженные арбы заняли собою почти всю внутренность двора. Всѣ эти люди, повидимому, были утомлены не меньше нашего, и потому они смотрѣли на насъ довольно холодно и равнодушно. Нѣкоторые изъ нихъ лежали уже на нарахъ и накрывшись своими шубами храпѣли на разные лады; нѣкоторые докуривали свои трубки, и человекъ 5 сидѣли у пылающаго костра, который они развели тутъ же въ фанзѣ въ стоящемъ по срединѣ каменномъ очагѣ, вся внутренность фанзы была наполнена ѣдкимъ дымомъ. Эти люди кейфовали около огня: они сняли съ себя рубахи и, грѣясь на огнѣ, долго растирали свои мускулистыя и сильныя руки, поворачиваясь къ огню разными сторонами тѣла;—потомъ они начали что-то искать въ своихъ рубахахъ,—что-то такое находили и, безпрестанно поднося рубахи къ губамъ, они зубами кусали то, что находили, при чемъ безпрестанно слышался характерный трескъ. По всему было видно, что они артистически выполняли то, что дѣлали, и въ искусствѣ „казни“ превзошли того самаго ночного сторожа, который, по словамъ одного нашего писателя, стоя на своемъ посту отъ скуки полѣзъ къ себѣ за воротникъ, поймалъ тамъ какого-то звѣря и казнилъ его лютой казнью на собственномъ ногтѣ. Они долго продолжали свой кейфъ, безпрестанно пощелкивая зубами и ведя между собою какую-то тихую, дѣловую бесѣду. Освѣщенные красноватымъ свѣтомъ догорающаго костра, они со своими обнаженными мускулистыми торсами походили на какихъ-то бандитовъ, совѣщающихся о какихъ-нибудь отважныхъ предпріятіяхъ. Я долго не спалъ и все смотрѣлъ на этихъ людей, и порою мнѣ начинало казаться, что они какъ будто-бы что-то дѣйствительно противъ насъ замышляютъ. Они изрѣдка и какъ бы подозрительно касались въ нашу сторону, и казалось, что старались нарочно говорить такъ, чтобы ихъ никто не могъ слышать. Казаки мои, покончивъ свои дѣла, храпѣли, какъ у себя дома, а Чанъ-фу, не смотря на усталость, долго ворочался съ боку на бокъ, повторяя:

„О Господи!—худо народъ есть“, и этимъ еще больше настраи-валъ мою подозрительность по отношенію этихъ людей,—подозрительность, которая вѣроятно не имѣла бы мѣста,—не будь этого красноватаго отблеска, мерцающаго среди мрака, не будь этого разнообразнаго храпа, несущагося изъ всѣхъ угловъ фанзы, и этого пропитаннаго дымомъ, копотью и разными міазмами спертаго воздуха. Наконецъ усталость взяла свое, и эти люди, и костеръ, и мракъ, и храпъ—все это для меня перестало существовать. Китайскій унтеръ былъ очень утомленъ, а потому онъ сегодня, какъ только основался на своемъ мѣстѣ,—тотчасъ же и уснулъ и никакихъ разглагольствованій съ его стороны не послѣдовало.

На слѣдующій день утро было морозное и ясное. Всюду лежалъ иней, искрящійся на первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Воздухъ былъ чистъ и совершенно неподвиженъ, и наши лошади бодро прокатили по замерзшей дорогѣ. Свѣжесть и прозрачность воздуха дѣйствовала на всѣхъ насъ ободряюще и настраивала мысли на веселый ладъ. Китайскіе солдаты пересмѣивались другъ съ другомъ, и даже суровый унтеръ какъ бы сбросилъ обычный мракъ со своего лица. Да и дѣйствительно хорошо было въ полѣ:—всюду свѣтъ, чистота и прозрачность и главное просторъ—просторъ—безъ конца. Фазаны цѣлыми стаями взлетали изъ покрытой инеемъ травы и, полетавъ немного, снова опускались на землю гдѣ-либо въ сторонѣ отъ дороги—въ болѣе дальнемъ отъ нея сосѣдствѣ; но нѣкоторые изъ нихъ высказывали болѣе довѣрчивости къ людямъ и, сидя шагахъ въ 50—100 въ сторонѣ, проводили насъ, испуганно поворачивая за нами головы и прижимаясь къ землѣ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ они выказывали больше свою лѣнь и неподвижность, нежели довѣрчивость къ людямъ, такъ какъ довѣрчивость въ чистомъ такъ сказать видѣ и въ полномъ значеніи этого слова, едва-ли когда-нибудь существовала и существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ всего живого на землѣ и всегда она смѣшана съ какой-нибудь низостью и пошлостью.

Соболька все время выходилъ изъ себя и надрывался, стараясь поймать фазана. Иной разъ ему дѣйствительно удавалось подкрасться къ фазану на такое разстояніе, что оставалось сдѣлать только прыжокъ, чтобы схватить птицу, которая обыкновенно въ такихъ случаяхъ отлично видѣла его продѣлку и съ своей стороны приготавливалась, чтобы принять всѣ мѣры къ послѣшнему бѣгству—именно тогда, когда это потребуется. И дѣйствительно: Соболька съ разинутой уже пастью дѣлалъ

этотъ отчаянный и послѣдній натискъ на врага, но именно въ это время послѣдній-то и обращался въ бѣгство, и тутъ-то начиналась скачка съ препятствіями черезъ камни, кусты и канавы, — скачка, сопровождаемая лаемъ, визгомъ и прочими признаками безсильнаго бѣшенства, и дѣло кончалось тѣмъ, что фазанъ, наглумившись въ волю надъ своимъ четвероногимъ врагомъ, садился на какой-нибудь высокій кустъ, а Соболя съ высунутымъ на четверть аршина влажнымъ и краснымъ языкомъ и съ виноватымъ видомъ возвращался къ намъ. Что, братъ, не будешь больше, смѣялись казаки надъ неудачею добродушнаго пса, но онъ, отдохнувъ немного, снова пускался на охоту, и снова попытка его кончалась такъ же неудачно.

Множество дичи соблазнило одного изъ китайскихъ солдатъ, и онъ, передавъ свою лошадь товарищу и зарядивъ свой винчестеръ, началъ стрѣлять по живой цѣли.—Долго и часто онъ палилъ; то и дѣло воздухъ оглашался рѣзкимъ звукомъ выстрѣла, послѣ котораго слышно было, какъ сверлила выпущенная въ пространство пуля.—Въ небо, однако, палить, парень, говорили казаки, подсмѣиваясь надъ неудачею китайскаго воина. Они къ этому дѣлу, должно, не обычны. И дѣйствительно: сколько онъ ни палилъ, ни одинъ фазанъ не лишился отъ этого своей жизни.

— Ваше Высокоблагородіе! послышался позади голосъ Дементьева:—дозвольте мнѣ фазана стрѣлить.—Разрѣшеніе было дано, и Дементьевъ, передавъ лошадь товарищу, выбралъ себѣ сидящаго шагахъ въ 100 отъ дороги фазана и нацѣлился въ него.—Смотри, Дементьевъ, однако, не подгадь, говорили ему другіе казаки; ты съ колѣна-то — съ колѣна стрѣли: ловчѣй, однако, будетъ, совѣтывали ему, но Дементьевъ цѣлилъ стоя. Я также мысленно посылалъ Дементьеву пожеланія попасть въ цѣль:—Хотѣлось, чтобы китайскіе солдаты посмотрѣли бы — какъ умѣютъ стрѣлять русскіе казаки; я видѣлъ, что китайцы дѣйствительно были заинтересованы этимъ и, остановившись, они внимательно смотрѣли и ожидали, что будетъ. Скорѣй стрѣли!—скорѣй!—говорили отъ нетерпѣнія казаки:—ввайдетъ фазанъ-то... Выстрѣлъ раздался. Пуля взрыла землю около самаго фазана и, пронзивъ его, уложила на мѣстѣ. Казаки были въ восторгѣ; ихъ собратъ не ударилъ лицомъ въ грязь.—Китайцы также одобряли, говоря: шанго, шанго—уля и при этомъ выставляли большіе пальцы правыхъ рукъ въ знакъ выраженія особой похвалы. Чанъ-фу сіялъ отъ восторга: теперь навѣрно китайскіе солдаты будутъ относиться къ нему съ боль-

шимъ уваженіемъ, такъ какъ они убѣдились, съ какими людьми онъ, Чанъ-фу, водить компанію. Навѣрно, подобное соображеніе и привело Чанъ-фу въ восторгъ, и онъ сталъ насъ увѣрять, что русскій казакъ „шибко холоса уцъни, и китайскій казакъ шибко худой и ничего не понимаесть“. Цѣлый часъ не прошло послѣ этого общее оживленіе. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, нужно человѣку для того, чтобы заставить его радоваться, или привести его въ печаль.—И въ радости и въ печали человѣкъ одинаково жалокъ.

Вскорѣ веселая и разухабистая русская пѣсня оглашала окрестности и всѣмъ было какъ-то легко и радостно.

Мы спускались по склону пологой возвышенности, покрытой рѣдкимъ кустарникомъ.—Я залюбовался чудной панорамой впереди. Не хотѣлось вѣрить, что находимся въ какой-то мало кому извѣстной Маньчжуріи; все казалось, что странствуемъ или по Кавказу, гдѣ на каждомъ шагу — природа—чудно хороша, или же гдѣ-нибудь въ предгорьяхъ Альпъ, гдѣ, по словамъ бывавшихъ тамъ людей, природа такъ прекрасна, что просто глазъ отъ нея не хочется оторвать. Здѣсь, я убѣжденъ въ этомъ, она была не менѣе прекрасна, потому что она, кажется, дала все, что только могла дать для того, чтобы открывающіяся передъ взоромъ горныя панорамы ласкали его мягкостью, нѣжностью и воздушностью своихъ тоновъ. Чудныя дѣйствительно мѣста! Будь только здѣсь климатъ не столь суровъ,—они бы были еще лучше для живущихъ здѣсь людей. Залюбовавшись такимъ образомъ открывшимся съ возвышенности видомъ, я былъ выведенъ изъ созерцательнаго настроенія возгласомъ Кавалиста: Ребята! китаецъ-то нашего нѣтъ!

Оглянувшись назадъ, я дѣйствительно убѣдился въ томъ, что Чанъ-фу отсутствовалъ. Первая мысль была та, что онъ просто сбѣжалъ отъ насъ, прихвативъ съ собою и лошадь. То же самое подтверждали и казаки, высказывая свои предположенія.

Сбѣжалъ парнишко-то, однако.

Такъ и есть, надо полагать, что сбѣжалъ.

И ловокъ же—ой, ой—и какъ это намъ-то никому не въ примѣту было.

Коня-то — увелъ. Ты вотъ, что, парень, посуди. — Нужно было дѣйствовать. Я остановилъ казаковъ и послалъ Замблаева и Кавалиста назадъ поискать бѣглеца. Они хлопнули нагайками по своимъ лошадямъ и скорѣе исчезли за кустами. Китайскіе солдаты, не останавливаясь, продолжали свой путь,

спѣша въ находящуюся не въ далекой фанзу, гдѣ необходимо было остановиться на привалѣ.

Прошло 10—15 минутъ въ томительномъ ожиданіи. Оставшіеся казаки стояли молчаливые и угрюмые. Ихъ веселость—какъ рукой сняло. Они чувствовали себя виноватыми и сконфуженными за то, что вшестеромъ не могли досмотрѣть за однимъ человѣкомъ. Понимая причину ихъ удрученія, я и не счелъ нужнымъ имъ выговаривать, да и что выговаривать, все равно, этимъ дѣло не поправишь, соображалъ я.

Всѣ мы ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланныхъ на розыски казаковъ.

— Однако,—ѣдутъ—послышалось замѣчаніе.

— И парнишка съ ними.

— Поймали стало быть.

— За косу бы его оттащить,—чтобъ не бѣгалъ впередъ.

— А ты и оттащи.

— И впрямь оттащу.

Но оказалось, къ общему благополучію, что виновныхъ въ данномъ случаѣ не было. Казаки сообщили, что нашли Чанъ-фу въ сторонѣ отъ дороги въ кустахъ, а онъ подтвердилъ это, сказавъ: „моя шибко животъ боли;—моя малъ-мало земля сидѣ“. Все дѣло въ концѣ концовъ кончилось только смѣхомъ, и мы, продолжая нашъ путь, подѣхали вскорѣ къ фанзѣ, въ которой и остановились на привалѣ. Въ этой фанзѣ стоялъ небольшой отрядъ для защиты окрестныхъ обывателей отъ хунгузовъ. Къ намъ не замедлилъ пожаловать начальникъ этого отряда. Онъ представлялъ собою совершенную копию со старичка ротнаго командира въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ и разница между ними заключалась только въ томъ, что тотъ былъ похожъ на Плюшкина,—этотъ же, напоминая собою Плюшкина, вмѣстѣ съ симъ ужасно походилъ и на хищную птицу, при чемъ это сходство увеличивалось еще тѣмъ, что его тонкіе, цѣпкіе и покрытые желтымъ „пергаментомъ“ пальцы были вооружены огромными загнутыми вовнутрь ногтями, что и придавало имъ сходство съ птичьей лапой, вооруженной острыми и крѣпкими когтями.

Вопросы, которые онъ мнѣ задавалъ, были совершенно тѣ же самыя, что и въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ: онъ такъ же недовѣрчиво и тяжело обмѣривалъ меня своимъ взглядомъ, — также жевалъ своими тонкими прорѣзанными извилистой ниточкой губами и въ общемъ своими разговорами и своимъ тупымъ упорствомъ и нежеланіемъ вѣрить тому, въ чемъ я его старался убѣдить, онъ навелъ на меня тяжелую грусть.

Тутъ же въ фанзѣ работалъ какой-то молодой человѣкъ, по облику совершенно не похожій на китайца. Онъ работалъ коробъ для китайской орды и, постукивая топоромъ, все время чутко прислушивался къ нашему разговору.—Мнѣ почему-то онъ показался подозрительнымъ и быть можетъ это былъ и не китаецъ, а какой-нибудь иностранецъ, бѣжавшій изъ своей страны отъ преслѣдованія закона. На мои попытки заговорить съ нимъ онъ отвѣчалъ кратко и лаконически: „бутунда“ (не понимаю) и продолжалъ постукивать обухомъ своего топора объ долото, пробивая имъ гнѣздо для шина. — На вопросы Чанъ-фу онъ даже и не обращалъ никакого вниманія и оставлялъ ихъ совершенно безъ всякаго отвѣта.

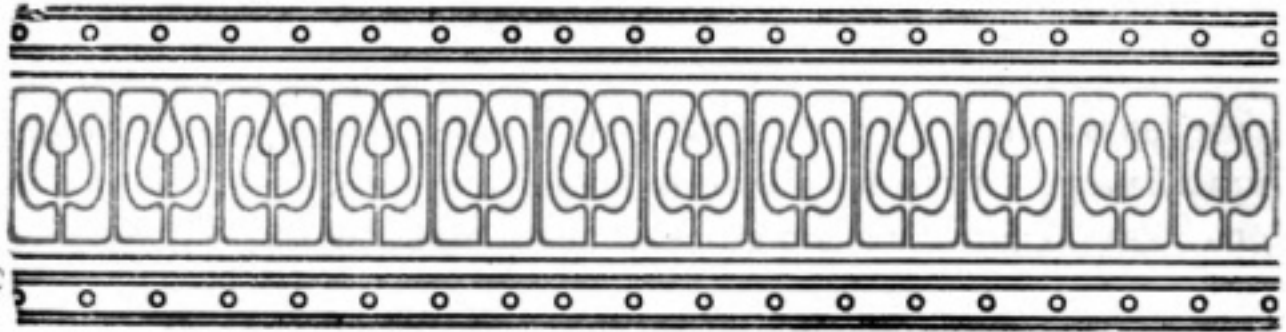
Покормивъ лошадей, мы тронулись дальше. Дорога пролегла по долинѣ, имѣющей 10 верстъ въ длину. Тамъ и сямъ въ сторонѣ видѣлись фанзы и поля. Впереди насъ, одѣтый въ новую сивую куртку, гарцевалъ на прекрасной сытой лошади какой-то молодой человѣкъ, съ необыкновенно длинной и толстой косою. По словамъ Чанъ-фу это было „старсыникъ“ (старшина—вѣроятно, что-нибудь въ родѣ нашего волостного старшины). Откуда взялся этотъ „старсыникъ“, положительно я не могъ понять; онъ какъ-то сразу выросъ впереди насъ вмѣстѣ со своею лошадыю, на которой и носился въ карьеръ отъ фанзы къ фанзѣ, при чемъ хвостъ его лошади стлался по воздуху трубой, а его собственная коса развѣвдалась на подобіе ползущей по песку змѣи. Я сначала никакъ не могъ понять — къ чему собственно человѣкъ этотъ проявлялъ такъ много прыти, но Чанъ-фу вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ: „она малъ-мало фанза ходи люди зови—смотрели кака люскя казака ходи“ (оповѣщалъ жителей чтобы посмотрѣли на русскихъ казаковъ) и дѣйствительно: около каждой придорожной фанзы толпились мужчины, женщины и дѣти и смотрѣли на насъ съ добродушнымъ изумленіемъ. Такъ провожаемые любопытными взорами окрестныхъ поселянъ, мы добрались до конца этой долины, и здѣсь скакавшій въ карьеръ „старсыникъ“ куда-то исчезъ. На сей разъ онъ какъ будто бы сквозь землю провалился. Переправившись четыре раза въ бродъ черезъ быструю и каменистую рѣчку Гая-хе, мы уже совсѣмъ въ сумеркахъ подъѣхали къ маленькой и бѣдной фанзѣ и здѣсь остановились на ночлегъ. Фанза стояла особнякомъ и обитателей ея составляли уже пожилой хозяинъ, его жена въ возрастѣ уже преклонномъ и двое дѣтей, при чемъ одинъ былъ еще совсѣмъ маленькій, неумѣющій даже ходить. Этотъ карапузъ безпрестанно пицалъ

и все время звалъ свою мать, выговаривая совершенно чисто: „мама, мама“. Странно какъ-то было слышать это слово изъ устъ китайскаго младенца, но, насколько извѣстно, корень этого слова почти на всѣхъ языкахъ общій, что вѣроятно и можетъ служить признакомъ общности различныхъ народностей, которыя быть можетъ всѣ происходятъ отъ какого-нибудь общаго родоначальника. Хозяева фанзы были очень бѣдны;— всюду была ужаснѣйшая грязь и нищета, а живописные лохмотья и заплаты на одеждахъ этихъ бѣдныхъ людей показывали, что они ведутъ тяжелую борьбу за свое существованіе. Несмотря на всю неприглядность обстановки, я былъ очень доволенъ, что удалось остановиться въ этой одинокой фанзѣ и избавиться хотя на время отъ назойливаго любопытства толпы. Такъ какъ наши лошади были достаточно уже утомлены труднымъ походомъ, да и сами-то мы уже пристали, необходимо было навести нѣкоторый порядокъ въ нашей одеждѣ и снаряженіи, то я и рѣшилъ передневать тутъ съ тѣмъ, чтобы хорошо отдохнуть и набраться силъ для дальнѣйшаго похода.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника Гакетгаузена о царствованіи Петра III и переворотъ 1762 года.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой ¹⁾.

С.-Петербургъ, ^{29 декабря 1761 г.}
9 января 1762 г.

Ваше превосходительство, съ чувствомъ искренней благодарности я сознаю, какъ безконечно обязанъ я вамъ за доброту, съ которой вы исходатайствовали мнѣ разрѣшеніе короля порвать опасную связь съ Императрицей, образовавшуюся у меня вслѣдствіе посредничества въ ея секретной перепискѣ ²⁾. Я воспользовался бы уже съ радостью этимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ, если бы меня не останавливали нѣкоторыя видимыя соображенія. Способъ взяться за это дѣло, который ваше превосходительство любезно указали мнѣ, безспорно очень хорошъ, и я не поколебался бы привести его въ исполненіе самымъ точнымъ образомъ, если бы не опасался живости характера Ея Величества, которая никогда не простила бы мнѣ этого поступка, и если бы я не нашелъ другого способа. Предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства принять или отвергнуть его, но я смѣю надѣяться, что именно этимъ способомъ все произошло бы не иначе, какъ съ одобренія самой Императрицы, безъ всякой отвѣтственности съ моей стороны и

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1914 г.

²⁾ Рѣчь идетъ о перепискѣ Императрицы Екатерины II съ бывшимъ польскимъ посланникомъ въ Петербургъ, впоследствии королемъ польскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, который пользовался расположеніемъ Екатерины во время пребыванія своего въ Петербургѣ.

безъ возможности заподозрить, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ нашъ дворъ. Между тѣмъ, если бы поступить по способу, предложенному вашимъ превосходительствомъ, то Императрица не только была бы задѣта за живое тѣмъ, что ее лишили возможности поддерживать интересующую ее переписку, но и была оскорблена, получивъ отъ меня неожиданно извѣщеніе объ этомъ.

Ваше превосходительство соблаговолили обратить вниманіе, по моему письму отъ 7-го августа, что это г. Шумахеръ пишетъ ей всякій разъ, когда есть письма, которыя надо ей передать, и что, слѣдовательно, я участвую въ этомъ дѣлѣ только косвенно, черезъ слугу, доставляющаго письма и котораго я содержу. Это обстоятельство, тѣмъ не менѣе, не умаляетъ той опасности, которой я подвергаюсь въ случаѣ, если бы дѣло открылось.

Итакъ, Императрица, получивъ отъ меня подобное извѣщеніе, стала бы желать мнѣ зла и для того, чтобы отомстить, изыскивала бы, конечно, средства повредить мнѣ и усугубить неприятность и затруднительность моего положенія; ея гнѣвъ обратился бы не противъ одного меня, такъ какъ она слишкомъ умна, чтобы тотчасъ же не сообразить, что я не сдѣлалъ бы подобнаго того по собственному почину, не получивъ на то приказанія или разрѣшенія.

Для того, чтобы отвлечь подозрѣнія Императрицы отъ насъ, самымъ лучшимъ средствомъ, какъ мнѣ кажется, было бы—сообщить ей это извѣстіе черезъ посредство г. Остена, съ которымъ у меня условленъ шифръ. При этомъ необходимо, чтобы ваше превосходительство приказали ему сообщить Императрицѣ, какъ-бы подъ большимъ секретомъ, что ему достоверно извѣстно, что я буду отозванъ отсюда и что онъ считалъ своимъ долгомъ предупредить ее объ этомъ для того, чтобы она, въ виду настоящаго критическаго положенія, не продолжала бы посылать свои письма черезъ посредство г. Шумахера, такъ какъ теперь за нимъ и за мной слѣдятъ больше, чѣмъ когда-либо, что онъ очень затрудняется найти какой-либо другой вѣрный путь для ея переписки, но что, тѣмъ не менѣе, онъ не теряетъ надежды найти такой путь, а тѣмъ временемъ будетъ ожидать высочайшихъ распоряженій и указаній, какой способъ она находитъ наилучшимъ для этой цѣли.

Несомнѣнно, что она приметъ это извѣстіе отъ г. Остена лучше, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого, и онъ можетъ даже сдѣлать видъ, что съ его стороны это—заслуга, и сказать,

что онъ полагалъ своей обязанностью, по чувству привязанности къ ней и своему усердію, сообщить ей это извѣстіе.

Есть еще другой способъ благополучно покончить съ этой опасной перепиской, но мнѣ кажется, что способъ этотъ представляетъ нѣкоторыя опасности и затрудненія. Онъ заключался бы въ слѣдующемъ: я отправилъ бы слугу, который передаетъ письма, въ Данію, послѣ чего г. Шумахеръ написалъ бы Императрицѣ, что такъ какъ этотъ человѣкъ показался намъ подозрительнымъ, то мы вынуждены были въ виду сохраненія тайны поскорѣе удалить его отсюда. Этотъ способъ извернуться казался мнѣ сначала наиболѣе удобнымъ, но затѣмъ я долженъ былъ признать трудности его выполненія. Этотъ человѣкъ родился здѣсь и не имѣетъ никакого желанія переселиться въ другое мѣсто, и такъ какъ онъ уѣхалъ бы отсюда противъ своего желанія, то кто могъ бы поручиться, что, прежде чѣмъ покинуть Россію, онъ не раскрылъ бы всего этого дѣла, или же, послѣ того, какъ онъ отсюда уѣхалъ бы, онъ ненашелъ-ли бы возможности вернуться обратно для того, чтобы выдать тайну? Если бы даже при помощи денегъ и обѣщаній -- и удалось бы уговорить его уѣхать, то онъ могъ бы отправиться только моремъ и слѣдовательно не ранѣе мая или іюня.

Изложивъ такъ подобно свои соображенія, я предоставляю вашему превосходительству рѣшить, какой изъ этихъ способовъ я долженъ буду избрать. Но если вы предполагаете, что пребываніе мое здѣсь будетъ кратковременнымъ, то, мнѣ казалось бы, что самымъ лучшимъ было бы не прибѣгать ни къ одному изъ тѣхъ способовъ, которые я предложилъ, и предоставить дѣлу идти своимъ порядкомъ, но при отъѣздѣ отсюда взять съ собой того человѣка, о которомъ я говорилъ. Но если ваше превосходительство думаете, что мое пребываніе здѣсь продлится болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ сообщить мнѣ, желаете ли вы, чтобы я или г. Шумахеръ написали Императрицѣ согласно вашимъ указаніямъ, или же вы предполагаете воспользоваться моею мыслью, поручивъ это сдѣлать г. Остену, или же, наконецъ, вы предпочитаете, чтобы я порвалъ связь съ Императрицей, отославъ слугу, о которомъ идетъ рѣчь.

Мнѣ остается еще сказать вашему превосходительству, что пользуясь этими сношеніями съ Императрицей, г. Шумахеръ, въ согласіи со мной, сдѣлалъ послѣднюю попытку узнать—нельзя ли изъ этой опасной переписки извлечь пользу для нашего дѣла. Съ этой цѣлью онъ отправилъ Императрицѣ предлагаемые

два документа, но, къ несчастію, вслѣдствіе того, что она не пользуется довѣріемъ Государя, своего супруга, и не имѣетъ на него вліянія, документы эти имѣли столько же успѣха, какъ и всѣ предъидущія попытки дѣйствовать черезъ посредство Императрицы.

Судить объ этомъ ваше превосходительство можете на основаніи писемъ Государыни за № 1 и 2; будьте такъ добры обратить вниманіе, что письмо № 1—отвѣтъ на письмо, которое вы написали Императрицѣ съ послѣднимъ курьеромъ.

Такъ какъ въ значительной своей части письмо это было написано еще за три мѣсяца до смерти Императрицы, то я долженъ замѣтить, что теперь мы подвергаемся еще большей опасности, и тайна можетъ быть легче обнаружена, такъ какъ я предвижу, что эта переписка не только не сократится, но станетъ еще болѣе оживленной, и такъ какъ я имѣю основаніе предполагать, что теперь за каждымъ шагомъ моимъ будутъ слѣдить больше, чѣмъ когда-либо, то подозрѣнія, которыя возбудятъ такія частныя шифрованныя письма Шумахера нашему посланнику въ Польшѣ, могутъ повести къ раскрытію истины.

Итакъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ самыя точныя приказанія короля и тѣмъ самымъ придать увѣренности моимъ поступкамъ.

Притиска. До сихъ поръ, какъ ваше превосходительство должны были ясно видѣть, наша связь съ Императрицей еще не порвана.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, $\frac{30 \text{ дек. } 1761 \text{ г.}}{10 \text{ янв. } 1762 \text{ г.}}$

Ваше превосходительство, до отъѣзда настоящаго курьера, который не могъ выѣхать до сихъ поръ отсюда, вслѣдствіе того, что у него не было паспорта, мнѣ удалось узнать еще слѣдующія новости.

Императоръ рѣшилъ и уже отдалъ приказаніе—отпустить на свободу всѣхъ прусскихъ плѣнныхъ, предложивъ имъ вступить въ ряды его голштинскаго войска, которое постепенно будетъ увеличено двѣнадцатью полками.

Ходятъ слухи, что Императоръ просилъ уже у прусскаго короля разрѣшенія пройти чрезъ его владѣнія 70-тысячной Русской арміи ¹⁾, но я полагаю, что эта новость недостаточно обоснована или, по крайней мѣрѣ, преждевременна.

¹⁾ Для похода въ Датскія владѣнія. Гакстгаузенъ хорошо зналъ, что Петръ III мечталъ о войнѣ съ Даніей, чтобы отобрать отъ нея для Голштиніи Шлезвигъ.

Уже ходять по городу слухи, что Императоръ недавно, въ присутствіи двора, сказалъ мнѣ нѣчто очень рѣзкое и непріятное, но между тѣмъ это совершенно ложно.

Князь Дашковъ, офицеръ гвардіи, beau-frère M-lle Воронцовой посланъ въ Константинополь.

Графъ Гордтъ ¹⁾ со вчерашняго дня пользуется свободой.

Кромѣ денегъ, Императоръ подарилъ m-lle Воронцовой ²⁾ болѣе чѣмъ на 50 тысячъ рублей драгоценностей.

Генералъ Панинъ ³⁾, братъ оберъ-гофмейстера великаго князя, назначенъ генералъ-губернаторомъ прусской провинціи вмѣсто генералъ-поручика Суворова ⁴⁾.

Русскій посланникъ при польскомъ дворѣ генералъ-поручикъ Воейковъ ⁵⁾ получилъ чинъ маіора гвардіи.

Вчера камергеръ Шуваловъ въ первый разъ послѣ кончины Императрицы исполнялъ свои придворныя обязанности.

Императоръ объявилъ старшему Разумовскому, фельдмаршалу, что онъ сохраняетъ за нимъ всѣ его должности и чины и предоставляетъ ему и на будущее время владѣть всѣми его имѣніями и большими земельными угодьями, какими онъ пользовался до настоящаго времени, при чемъ Императоръ приба-

¹⁾ Графъ Гордтъ, шведъ по рожденію, полковникъ прусской службы, оставилъ „Записки“.

²⁾ Графиня Елизавета Романовна Воронцова (1745—1792), по общему отзыву современниковъ, не отличалась ни красотой, ни умомъ. Толстая, съ грубыми чертами лица, Воронцова умѣла однако привлечь къ себѣ Петра III, отличавшагося казарменными вкусами, и сдѣлалась его любовницей. Въ это время она была еще слишкомъ молода (ей было всего 16 лѣтъ), чтобы играть самостоятельную роль, и была орудіемъ другихъ опытныхъ въ интригахъ лицъ. По своей наивности, въ ссорахъ своихъ съ Петромъ III, она даже обращалась иногда за содѣйствіемъ къ самой Императрицѣ, своей соперницѣ. По восшествіи своемъ на престолъ Императрица Екатерина отнеслась къ „Романовнѣ“ снисходительно и выдала ее замужъ за камергера Полянскаго, а рожденную отъ этого брака дочь пожаловала фрейлиной.

³⁾ Генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789), впоследствии генералъ-аншефъ, отличившійся боевыми заслугами въ битвахъ съ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, братъ Никиты Ивановича Панина. Оба брата Панины, воспитанные въ Лифляндіи матерью-нѣмкой, извѣстны были нѣмецкими своими симпатіями и не пользовались расположеніемъ Екатерины II.

⁴⁾ Суворовъ, Василій Ивановичъ (1705—1778), отецъ генералиссимуса.

⁵⁾ Федоръ Матвѣевичъ Воейковъ (1703—1778), генералъ-аншефъ, впоследствии кievскій генералъ-губернаторъ.

вилъ, что если бы у него было еще какое-либо желаніе, то ему стоить только его выразить и оно будетъ исполнено ¹⁾).

Отставка гофмаршала графа Сиверса ²⁾ болѣе или менѣе предрѣшена.

Императоръ послалъ въ подарокъ принцу Георгу Голштинскому 10 тыс. рублей, съ приказаніемъ немедля ѣхать сюда. Великій князь Павелъ Петровичъ, какъ говорятъ, опасно боленъ.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, 1—12 января 1762.

Надѣюсь, что курьеръ Петерсенъ, котораго третьяго дня вечеромъ я имѣлъ честь отправить къ вашему превосходительству, пріѣхалъ благополучно и задолго до отправленія настоящаго письма. Я могъ бы его отправить на 24 часа раньше, если бы дѣла канцлера, которыхъ теперь у него такъ много, не мѣшали ему выдать курьеру паспортъ своевременно.

Хотя я и очень подробно сообщалъ вашему превосходительству о замѣчательныхъ событіяхъ, совершившихся за послѣднюю недѣлю, и обо всемъ, что я имѣлъ возможность узнать и передать вашему превосходительству, однако мнѣ остается сообщить вамъ еще нѣсколько любопытныхъ происшествій и обстоятельствъ, а также исправить и дополнить тѣ изъ нихъ, которыя я не могъ достаточно хорошо уяснить за краткостью времени и обиліемъ другого, болѣе важнаго матеріала. Поэтому я прошу ваше превосходительство извинить меня за то, что въ распредѣленіи матеріала, сообщаемаго мною въ послѣднихъ депешахъ, нѣтъ того порядка, который я хотѣлъ бы соблюсти.

Тотчасъ послѣ того, какъ наступила смерть Императрицы, Императоръ, наканунѣ ужинавшій у камергера Шувалова и уже

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій (1709—1771), генералъ-фельдмаршалъ, фаворитъ и, если вѣрить преданію, даже морганатическій супругъ Императрицы Елисаветы Петровны. Во вторую половину ея царствованія замѣщенъ былъ въ ея милостяхъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Добродушный, но малограмотный хохолъ, Разумовскій вовсе не вмѣшивался въ дѣла правленія, жилъ широко и весело, сосредоточивая свои заботы на возвышеніе и обогащеніе своихъ малороссійскихъ родичей. Изъ нихъ младшій братъ его, графъ Кириллъ Григорьевичъ, получилъ европейское образованіе и изъ доли пастуха возвысился до званія президента академіи наукъ, сана генералъ-фельдмаршала и былъ гетманомъ малороссійскимъ.

²⁾ Графъ Карлъ Ефимовичъ (1710—1774), генералъ-поручикъ. Возвысился изъ званія простаго кафе-шенка при дворѣ Елисаветы Петровны.

въ теченіе двухъ дней пользовавшійся потайнымъ ходомъ, который ведетъ изъ комнатъ Императрицы въ помѣщеніе камергера Шувалова, увидѣвъ, что тетка его скончалась, вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ находились новые фавориты,—князь Трубецкой¹⁾, г. Глѣбовъ²⁾ и другіе, чтобы сообщить имъ объ этомъ важномъ событіи. Тогда князь Трубецкой палъ передъ нимъ ницъ, провозгласилъ его Императоромъ и, поднявъ руку, первый принялъ присягу. Его примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе, числомъ отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ. Императоръ, сопровождаемый ими, направился въ залу, гдѣ уже находился сенатъ въ полномъ своемъ составѣ и другіе вельможи. Впереди Императора шелъ князь Трубецкой; въ энергическихъ выраженіяхъ онъ объявилъ именитому собранію о томъ, что Императрица Елисавета скончалась и что ея племянникъ—Петръ III, давно предназначенный быть ея преемникомъ, взшелъ на престолъ и что онъ и вся свита уже присягнули новому Императору; тогда все собраніе, поднявъ руку по мѣстному обычаю, безъ чтенія присяжнаго листа, присягнули новому Императору, затѣмъ впустили для принятія присяги избранныхъ лейбъ-кампанцевъ, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ, участвовавшихъ въ революціи, возведшей покойную Императрицу на престолъ.

Послѣ этого Императоръ прошелъ, въ сопровожденіи первыхъ вельможъ, къ гвардейскому караулу, гдѣ преклонили передъ нимъ, въ знакъ своего вѣрноподанничества, знамена и солдаты три раза прокричали: „да здравствуетъ новый Императоръ Петръ III“,—здѣсь это равносильно присягѣ.

Когда эта церемонія была окончена, Императоръ сѣлъ на лошадь, уже сутки стоявшую подъ сѣдломъ, и проѣхалъ по фронту четырехъ гвардейскихъ полковъ, которые, впрочемъ, собраны были не въ полномъ составѣ, такъ какъ отъ каждаго полка было лишь по одному батальону, всего приблизительно до трехъ тысячъ человѣкъ. Изъ Преображенскаго полка явились роты гренадеръ и бомбардирская; на нихъ

¹⁾ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (1699—1767), генералъ-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, креатура Бирона, извѣстный своей жестокостію и корыстолюбіемъ.

²⁾ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, генералъ-прокуроръ, изъ темныхъ дѣльцовъ возвысившійся до этого званія вслѣдствіе брака своего на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, Маріи Симоновнѣ Гендриховой, въ 1-мъ бракѣ Чоглоковой, страстно въ него влюбившейся. При Екаторинѣ онъ былъ отставленъ за взятки и поборы.

и на конную гвардію Императоръ, какъ говорятъ, надѣялся больше всего. Поручикъ князь Голицынъ, бывшій въ этотъ день въ караулъ, выстроилъ эти двѣ роты, безъ вѣдома своего капитана, прежде чѣмъ стало извѣстно о кончинѣ Императрицы — въ то время, когда внутри дворца вельможи принимали присягу, — чѣмъ онъ и заслужилъ себѣ повышение и орденъ Александра Невскаго ¹⁾).

Когда Императоръ, при радостныхъ крикахъ солдатъ, объѣхалъ войска, командовавшій этими войсками генераль-поручикъ отъ имени всей гвардіи поздравилъ Императора и сказалъ, что теперь они могутъ умереть спокойно, такъ какъ исполнилось то, чего они, въ теченіе тридцати лѣтъ, такъ сильно желали, а именно имѣть своимъ шефомъ Императора.

Нельзя достаточно надивиться тому, съ какимъ полнымъ порядкомъ, съ какой быстротой и спокойствіемъ все здѣсь произошло и какъ предусмотрительны, осторожны и разумны были всѣ мѣры, предпринятыя для того, чтобы обезпечить успѣхъ этой важной перемѣны. Я полагалъ, что большую долю участія имѣла въ этомъ Императрица, но меня увѣряютъ, что все это надо приписать исключительно вліянію и распорядительности князя Трубецкого, Глѣбова и Мельгунова ²⁾; они всѣ трое — люди съ умомъ и способные на смѣлыя предпріятія.

На другой день послѣ своего восшествія на престолъ, Императоръ давалъ обѣдъ всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, на третій день — вельможамъ первыхъ четырехъ классовъ и, наконецъ, на четвертый — офицерамъ своего голштинскаго корпуса, число которыхъ, сравнительно съ числомъ солдатъ, очень значительно.

Должность подполковника Преображенскаго полка, которую занималъ Императоръ, будучи великимъ княземъ, теперь передана фельдмаршалу князю Трубецкому. Шефомъ кадетскаго корпуса, обяванности котораго Его Императорское Величество также благоволилъ исполнять, предложено было быть, какъ говорятъ,

¹⁾ Князь Иванъ Федоровичъ Голицынъ, родной дядя извѣстной своими „Записками“ графини Варвары Николаевны Головиной, р. 1731 г., † 1798. По возвращеніи Петра III, онъ уволенъ былъ въ отставку, но Павелъ I возвратилъ его на службу съ чиномъ генераль-отъ-инфантеріи. При Павлѣ же кн. И. Ф. Голицыну пожалованъ былъ Александровскій орденъ. Гакстгаузенъ, сообщая о пожалованіи ему этого ордена, подразумѣвалъ, вѣроятно, любимый Петромъ III голштинскій орденъ св. Анны I-й степени.

²⁾ Мельгуновъ, Алексѣй Петровичъ, генераль-поручикъ, любимецъ Петра III (1722—1788). при Екатеринѣ ярославскій генераль-губернаторъ.

камергеру Шувалову, но онъ отказался, настаивая на полной отставкѣ, которая теперь, какъ полагають, будетъ ему дарована.

Графа Петра Шувалова ¹⁾ вчера соборовали; врачи говорятъ, что часы его сочтены. Бригадиръ графъ Брюсъ ²⁾ назначенъ маіоромъ Измайловскаго полка и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

Французская драматическая труппа, которую содержалъ дворъ, будетъ отпущена.

Сегодня день новаго года по старому стилю. Ихъ Величества принимали поздравленія, приносимыя по этому случаю только отъ русскихъ вельможъ и мѣстной знати.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ (1711—1762) возвысился женитьбой своей на подругѣ Императрицы Елисаветы, Мавръ Егоровиъ Шепелевой, и поддержкой племянника своего, фаворита Императрицы И. И. Шувалова. Прославился необычайной даже для того время стяжательностію, пользуясь для этой цѣли монополіями и откупами.

²⁾ Графъ Брюсъ, Яковъ Александровичъ (1729 — 1791), впоследствии генералъ-аншефъ, московскій генералъ-губернаторъ. Жена его, графиня Прасковья Александрова, сестра графа Петра Александровича Румянцова, пользовалась дружбой Императрицы Екатерины II.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. ¹⁾

Глава XXXII.

Рауть, затѣянный губернаторшей, не удался, и вотъ что произошло.

Къ назначенному времени гости собрались; пришла также Лулу, рассказчица арабскихъ сказокъ, явилась и Зера—ханумъ, самая почетная дама гаремнаго общества, какъ бывшая фаворитка султана.

И дѣйствительно, она была великолѣпна: на щекахъ у ней цвѣли розы „безъ шиповъ“, конечно, а бюстъ ея изображалъ собой ходячую витрину драгоценныхъ украшеній. Для апоѳеоза ждали еще баядерокъ.

Евнухи стали разносить на огромныхъ подносахъ кофе, шербеты, фрукты, папирсы, и мы ѣли, пили, курили, забавляясь между дѣломъ перемываніемъ косточекъ нашихъ ближнихъ, тѣмъ болѣе, что это не запрещено Магометомъ для житейскаго обихода.

Какъ вдругъ... толчекъ, затѣмъ другой, и картина веселой пирушки сразу мѣняется: дрожать стѣны, точно въ лихорадкѣ, звенять оконныя рамы, летятъ стаканы и чашки; двигается мебель, качается полъ, срывается люстра...

— Драконъ трясеть землю! Аллахъ! Аллахъ! — несутся вопли; но меня гонитъ паника внизъ, откуда я, не помня себя, бросаюсь къ выходу на улицу.

Тамъ уже водоворотъ людей: все населеніе города бѣжитъ подъ открытое небо, чтобы не быть раздавленнымъ въ своихъ жилищахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

Но вотъ какое-то грандіозное движеніе совершается въ облакахъ: еще нѣсколько моментовъ, и оттуда летитъ ураганъ, наполняя всю атмосферу бѣшеннымъ ревомъ.

Не знаю, что произошло затѣмъ; но я открыла глаза уже въ своей комнатѣ и увидѣла доктора, наблюдавшаго за біеніемъ моего пульса. Словомъ, меня подобрали въ числѣ другихъ жертвъ на аренѣ борьбы грозныхъ стихійныхъ явленій и принесли домой.

Жестокая, тупая боль въ головѣ затемняла мое сознаніе: я вся была во власти кошмаровъ и страшныхъ видѣній, а то, что находилось за этими предѣлами, не доносилось ко мнѣ. Такъ прошелъ сентябрь, и я вычеркнула его изъ книги моей жизни.

Наконецъ, всѣ призраки нервной горячки покинули меня, а на смѣну имъ въ мой организмъ хлынула волна здоровья и могучей радости бытія.

Съ притокомъ новыхъ силъ возвращались мечты и грезы: образъ любимаго существа оживалъ въ томъ же неотразимомъ очарованіи, какъ и прежде; но тутъ же, точно изъ бездны мрака, поднимались со дна души упреки и сомнѣнія:

— Ахъ!—вскрикивала я, просыпаясь отъ глубокаго сна,— онъ уѣхалъ, не сказавъ мнѣ даже „прости“, не поцѣловалъ меня, не повторилъ словъ любви!..

Но въ слѣдующую минуту я сама находила ему оправданіе, лишь бы только удалить отъ него всякую дурную мысль. Такова логика любви, и ничего здѣсь не подѣлаешь!..

Однако, я не извинилась еще передъ моими читателями за длинный перерывъ этихъ воспоминаній, и если кому-нибудь изъ нихъ будетъ интересно узнать причину такой съ моей стороны неисправности, то вотъ она. Въ 1912 году, словомъ за 2—3 мѣсяца до начала балканской войны, я получила однажды изъ Константинополя письмо, которое перевожу здѣсь дословно: „Madame, цѣль настоящаго посланія моя горячая, усердная просьба къ вамъ и надѣюсь, да благословитъ васъ Богъ, что вы не оставите ее безъ вниманія.

„Я турокъ и очень вѣрующій мусульманинъ; но люблю Европу и ея цивилизацію. Отъ времени до времени мнѣ приходится ѣздить въ Одессу по дѣламъ закупки лошадей въ Россіи для нашей арміи. Какъ-то я былъ приглашенъ на вечеръ въ общественный клубъ и познакомился тамъ съ однимъ чрезвычайно образованнымъ русскимъ господиномъ, прекраснымъ лингвистомъ, владѣющимъ также и нашимъ языкомъ.

Мы разговорились на тему о симпатіяхъ и расовыхъ предразсудкахъ народныхъ массъ. За что,—спрашивалъ я его,—русскіе ненавидятъ и презираютъ насъ? За славянъ? Ну, тогда пусть Боснія и Герцеговина скажутъ вамъ правду... Или вы просто не желаете ее знать только потому, что швабы христіане? Я читаю въ переводахъ всѣ отзывы вашей прессы о нашихъ дѣлахъ и правахъ; но, видитъ Богъ, сколько тамъ заблужденій! А между тѣмъ, если бы Россія хотѣла, то пріобрѣла бы въ лицѣ турецкаго народа вѣрнаго себѣ друга, преданнаго ей до послѣдняго дыханія жизни.

„Но она этого не желаетъ и позволяетъ швабамъ ¹⁾ грабить наше имущество.

„Мой собесѣдникъ выслушалъ меня, а затѣмъ потребовалъ изъ клубной бібліотеки какую-то книгу, развернулъ ее передъ собой и перевелъ мнѣ оттуда нѣсколько страницъ на турецкій языкъ и отчасти на французскій. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ: мнѣ казалось, что онъ шутилъ. Но это была правда!.. Мое сердце переполнено глубокимъ и необъятнымъ чувствомъ благодарности за ваше доброе, справедливое и ласковое слово въ пользу оттоманскаго народа. Повторяю мою горячую просьбу и умоляю васъ, разрѣшите мнѣ перевести вашъ дневникъ на турецкій языкъ для того, чтобы каждый мусульманинъ прочелъ драгоценныя строки. Я самъ авторъ, и надѣюсь, что въ моемъ переводѣ вашъ рассказъ не потеряетъ своего колорита. Довѣрьте мнѣ на совѣсть и честь оригиналъ съ его продолженіемъ еще не изданнымъ русскимъ журналомъ, а мѣсяца черезъ два или три не болѣе вы получите его обратно“...

Дальше идутъ комплименты, пожеланія въ турецкомъ стилѣ и т. д.

Мнѣ улыбнулась эта мысль, и послѣ недолгихъ колебаній я отправила въ Константинополь весь мой литературный багажъ...

Отъ времени до времени мой турецкій корреспондентъ уведомлялъ меня о результатахъ нашего общаго съ нимъ дѣла, я отвѣчала ему исправно и такъ продолжалось до объявленія балканской войны.

Затѣмъ начинается уже другая исторія, подробности которой не могутъ входить въ рамки настоящаго разсказа, и мнѣ остается лишь добавить къ этому, что оригиналъ своего дневника я получила изъ Константинополя не въ опредѣленный

¹⁾ Швабами называютъ въ Турціи и германцевъ также; но здѣсь мой корреспондентъ говоритъ о Босніи и Герцеговинѣ.

между нами срокъ, а только недавно, въ концѣ августа текущаго года. Но правда обязываетъ меня удостовѣрить, что мой корреспондентъ здѣсь не при чемъ, и если такъ случилось, то не по его винѣ, а по другимъ болѣе сложнымъ причинамъ, о которыхъ еще не время говорить...

Извиняюсь опять передъ моимъ читателемъ и продолжаю съ того мѣста, гдѣ остановилась.

Итакъ, воля капризной судьбы меня перебросила въ другую колею. Миѣ даже не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ, и дни моего выздоровленія тянулись въ печальномъ, уныломъ существованіи.

Наконецъ, миѣ разрѣшили выходить изъ комнатъ на свѣжій воздухъ; но прогулки мои были ограничены верхней террасой на крышѣ и балкономъ по южному фасаду дома.

Стоялъ бурный октябрь: надъ Эгейскимъ моремъ проходили караваны тучъ, а изъ нихъ вылетали штормы и воронки смерча, поднимая воду на удивительную высоту.

Въ одинъ изъ такихъ дней наканунѣ большого католическаго праздника моя набожная тетюшка завернулась въ широкій, дождевой плащъ, вооружилась зонтомъ и, сопровождаемая нашимъ кавасомъ, отправилась къ вечернему богослуженію въ общину Доминиканскихъ монаховъ: въ данномъ случаѣ религиозный экстазъ одержалъ верхъ надъ соображеніями о погодѣ...

Дядя также вышелъ куда-то по дѣламъ службы. На рейдъ зашелъ австрійскій „Лойдъ“, и нашъ агентскій баркасъ привезъ оттуда Константинопольскую почту. Я развернула „Stamboul“, органъ Мидхатъ-паши.

Это была самая популярная тогда газета на Востокѣ; но ею зачитывались до одуренія даже въ Европѣ.

Нѣсколько строкъ привлекли къ себѣ мое исключительное вниманіе, и я прочла: „Напрасно генералъ Игнатьевъ морочить людей, симулируя невинность, такъ какъ онъ прекрасно знаетъ, что война между Турціей и Россіей уже стала вопросомъ всего лишь нѣсколькихъ дней“...

— А что, если это правда?!—мелькнула жуткая мысль, и сердце упало,—война!.. Боже мой! Боже мой!— и что-то ледяное охватило меня со всѣхъ сторонъ...

— Теперь ясно, почему его такъ внезапно откомандировали въ армію,—размышляла я,—значить, все кончено, и мы никогда, никогда больше не увидимся?!.. какая жестокая насмѣшка судьбы!.. Но, нѣтъ! войны не будетъ—это просто шумиха, которую поднимаютъ наемные писаки, чтобы запугать Россію... Ахъ

если бы мнѣ повидать Хассапа-Эфенди или Ваферъ-бея: я увѣрена, что Тафти, прежде чѣмъ уѣхать, оставилъ тому или другому письмо для меня; но какъ его получить? кому довѣриться?..

Рѣзкій, отчетливый стукъ въ двери параднаго хода огласилъ тишину дома.

— Барышня! отъ губернатора пришелъ секретарь,—доложила горничная,—что ему сказать?..

Но я уже мчалась къ лѣстницѣ...

— А! mademoiselle!—окликнулъ меня Ваферъ-бей,—поднимаясь наверхъ,—имѣю честь кланяться! Да вы, кажется, совершенно оправились, Машаллахъ! Машаллахъ! и цвѣтете, какъ роза..

— Благодарю васъ! — былъ мой короткій отвѣтъ на его привѣтствія, а дальше не хватило голоса. Но минута замѣшательства прошла, и ко мнѣ вернулась способность владѣть собой.

— Ахъ, извините меня, Ваферъ-бей!—спохватилась я,—войдите, пожалуйста! мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ, а здѣсь это неудобно...

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь и дѣлая шагъ впередъ, чтобы слѣдовать за мной.

Въ коридорѣ прислуга сняла съ его плечъ мокрый плащъ и распахнула передъ нами двери въ пріемную, а затѣмъ удалилась.

— Ваферъ-бей,—вадыхаясь, шевельнула я губами,—Тафти пишетъ вамъ иногда?..

— Ну, можно ли такъ волноваться и такъ ужасно разстраивать себя?!—въ тонѣ дружескаго упрека заговорилъ онъ,—а между тѣмъ онъ шлетъ вамъ горячій привѣтъ любви и увѣдомляетъ черезъ меня о своемъ близкомъ возвращеніи изъ командировки сюда, опять къ намъ въ Хіосъ!

— Въ Хіосъ?! — какъ эхо повторила я, и мнѣ стало вдругъ казаться, что бѣненіе моего сердца наполнило всю комнату адскимъ шумомъ. А тѣмъ временемъ точно издали Ваферъ-бей говорилъ мнѣ:

— Вы опять заболѣете, ваши нервы еще не окрѣпли, надо успокоиться. Не знаю, какъ вы будете жить въ нашей средѣ при такой сложной машинѣ, какъ ваша душа?! Ахъ, эти европейки! Онѣ покоряютъ насъ и дѣлаютъ своими рабами; но малѣйшій толчекъ, и вы умираете!.. Я люблю Тафти, какъ брата, и мнѣ страшно за него! Но что опредѣлено волею неба, тому, значить, и быть!

Я слушала его съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ и не находила словъ, чтобы возразить ему...

Затѣмъ, по ассоціаціи идей моя мысль вернулась къ вопросу о войнѣ.

— Съ кѣмъ Турція будетъ воевать? переспросилъ онъ, точно не довѣряя своимъ ушамъ.

— Съ Россіей!—повторила я,—и даже очень скоро, на этихъ дняхъ, какъ увѣряетъ „Stamboul“.

— А! Stamboul“?—улыбнулся Ваферъ-бей—ну, знаете, я не принадлежу къ сторонникамъ „Молодой Турціи“ и не раздѣляю ихъ бредней—они плохіе мусульмане, цареубійцы, казнокрады, грабители, а потому все, что пишутъ они, мнѣ кажется грубой ложью и фальсификаціей голоса народныхъ массъ...

— Охота же вамъ читать всякую дрянь!—прибавилъ онъ, озлоблясь. Это меня ободрило, а мой собесѣдникъ продолжалъ:

— И такъ, я напишу, чтобы онъ пріѣзжалъ, какъ можно скорѣй—да?...Вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что рѣшаете въ данную минуту?..

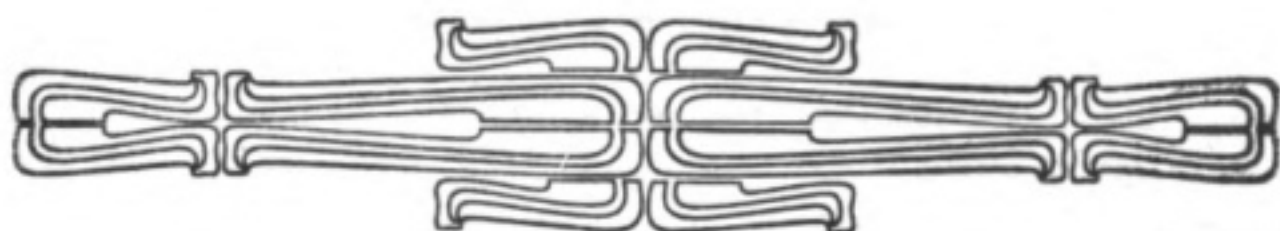
— Да!—отвѣтила я съ увѣренностью любви и не узнала своего голоса: вѣроятно, что-то еще другое, но для меня самой неуловимое и непонятное прозвучало въ немъ...

Такъ совершился переломъ въ моей душѣ на границѣ новой жизни, куда влекла меня капризная, своенравная богиня судьбы.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г. ¹⁾.

7 августа. Воскресенье. Поѣхалъ во дворець. Видѣлъ Биронъ, которые возвратились изъ города. Обѣдалъ во дворець и послѣ обѣда была небольшая работа. Получилъ отвѣтъ отъ Саблукова относительно процентовъ Великаго Князя Константина. Написавъ ему, т. е. Великому Князю, письмо, затруднился въ подписи. Тутолминъ ²⁾ говорилъ, что „подданиѣйшій“, а Шевичъ ³⁾ увѣрялъ, что надо писать „всенокорнѣйшій слуга“; я рѣшился взять среднее и подписалъ „всенижайшій“. Балашовъ ⁴⁾ сказалъ мнѣ, что дѣла въ Турціи идутъ не хорошо, что штурмъ Рущука былъ отбитъ. Что одинъ генералъ раненъ, другой убитъ. Онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что напрасно объявили присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, и на мое замѣчаніе, что его заставили, вѣрно, наши друзья, онъ отвѣтилъ, что посольство Коленкуръ понукалъ, говоря: „это пойдетъ легче потомъ“. Императрица мнѣ ничего не сказала про вечеръ, а я бы не разсердился, если бы пришлось остаться. Поѣхалъ домой. Пришелъ Чихачевъ ⁵⁾ и говорилъ о дурномъ расположеніи духа Императрицы въ отношеніи его и не знаю ли я причины? Я отвѣчалъ ему, что Императрица сказала мнѣ; ей не нравится, что онъ говоритъ о ея собственныхъ дѣлахъ, о гатчинскихъ, всѣмъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

²⁾ Тутолминъ, Иванъ Васильевичъ, тайный совѣтникъ, почетный опекунъ, шталмейстеръ (1762—1815).

³⁾ Шевичъ, Иванъ Георгіевичъ, генералъ-лейтенантъ.

⁴⁾ Балашовъ. Александръ Дмитриевичъ, министръ полиціи, пользовавшійся въ этомъ званіи большимъ значеніемъ.

⁵⁾ Чихачевъ, Александръ Петровичъ, почетный опекунъ.

напр., графу Головкину; что, если ему что нужно сказать, го онъ можетъ обратиться прямо къ Ней, или ко мнѣ, или къ Вольфу ¹⁾. Онъ увѣрялъ, что ничего не говорилъ гр. Головкину ²⁾, кромѣ оффиціального письма относительно лѣса, развѣ, что онъ его благодарилъ за сдѣланное сообщеніе объ удовольствіи Императрицы, по поводу приѣма посла въ Гатчинѣ. Императрица мнѣ поручила высказать ему это.

8. *Понедѣльникъ*. Прибылъ во дворецъ. Императрица пожелала видѣть Кабанова. Сказала ему много милостивыхъ словъ, нашла, что онъ очень хорошо выглядить, по-моему все-таки надо лѣчиться. Но, когда онъ ушелъ, она нашла, что онъ очень похудѣлъ. Я сказалъ ей слышанное отъ Балашова про Руцукъ. Она отвѣтила, что знаетъ, и назвала имя убитаго генерала, это былъ Сиверсъ ³⁾. Я обѣдалъ во дворцѣ, приѣхалъ Императоръ. Когда послѣ обѣда Императрица возвратилась отъ Великой Княгини Екатерины, она застала меня въ приемной за чтеніемъ поэмы Пріора. Она спросила, чтѣ ли бумагъ и что я читаю. Я отвѣтилъ: „англійское сочиненіе“. Она спросила: „эта книга М-ше Воеводской?“

Я ушелъ въ садъ, надѣясь встрѣтить Биронъ, желая видѣть Луизу послѣ моего письма г-жѣ Адлербергъ. Мнѣ показалось вчера по ея сконфуженному виду, что Адлербергъ говорилъ ей объ этомъ. Она меня благодарила, но, кажется, только за гатчинскую газету.

9. *Вторникъ*. Утро провелъ дома, принималъ просителей, между прочимъ, купца Третьякова, эконома коммерческаго училища, желающаго представиться Императрицѣ.

Пришелъ Вольфъ и говорилъ о необходимости обезпечить воспитательный домъ, такъ какъ идетъ рѣчь объ уничтоженіи всѣхъ банковъ, для устройства одного съ фондами звонкой монеты и что это, въ связи съ прогрессивнымъ уничтоженіемъ ассигнацій, будетъ причиною изъятія всѣхъ капиталовъ изъ нашего банка, и потому необходимо обезпечить себя относительно безсрочныхъ вкладовъ, которые могутъ быть потребованы немедленно. Онъ обѣщалъ прислать довѣренный ему *финансовый планъ*.

Я вышелъ изъ дому по дѣламъ и, возвращаясь домой, остановился у дворца, глядя на приближавшуюся черную, дож-

¹⁾ Секретарь Императрицы.

²⁾ Графъ Петръ Гавриловичъ, оберъ-егермейстеръ.

³⁾ Сиверсъ, Яковъ Карловичъ, ген.-маіоръ артилл. † 22 іюля 1810.

девую тучу, на начинавшійся вихрь, предвѣстникъ дожда, на бѣгуція огромныя облака, сильный шумъ и гулъ, но меня удерживала другая мысль... Я былъ подъ окнами... Вошелъ, въ минуту сталъ накрапывать дождь, скоро превратившійся въ ливень. Получилъ приказаніе пріѣхать и привести Третьякова къ 5-ти часамъ, а также для того, чтобы получить порученіе отъ Государя къ Гурьеву ¹⁾.

Прибылъ къ 5-ти часамъ во дворецъ, Императрица вышла и приняла Третьякова. По уходѣ она спросила меня, какъ думаю я,—какое ея мнѣніе о Третьяковѣ. Я отвѣтилъ, что она его не считаетъ самымъ честнымъ гражданиномъ... „О, конечно“, возразила она, „это плуть“ ²⁾. Я ожидалъ порученія къ Гурьеву и спросилъ, въ которомъ часу ѣдетъ она въ городъ, чтобы узнать, ѣду ли я съ ней. Она сказала: въ половинѣ девятаго и что она не будетъ имѣть удовольствія видѣть меня завтра. Я отвѣтилъ, что это зависитъ отъ ея приказанія. Значитъ, было рѣшено, что я не ѣду съ ней. Получивъ письмо Государя, которое она передала мнѣ, я поѣхалъ домой.

Въ 8 часовъ меня снова потребовали къ Императрицѣ, которую я нашелъ у Великой Княгини Екатерины, для того, чтобы сказать мнѣ, что я завтра сопровождаю ее въ городъ, такъ какъ узнали, что дѣло о конфискаціи рѣшено, и я долженъ былъ переговорить съ Гурьевымъ относительно процентовъ въ пользу мануфактуры. Дома прочиталъ финансовый планъ, присланный Вольфомъ.

Вотъ нѣкоторыя выдержки:

Къ началу 1810 г. государственный долгъ ассигнаціями

577.000.000 руб.

Заграничныя 100.000.000 „

Итого . 677.000.000 руб.

Расходъ предвидѣлся свыше . . . 193.000.000 рубля

Приходъ всѣ съ предполагаемыми 127.000.000 „

Дефицитъ. . 66.000.000 ассиг.

Для сокращенія расходовъ предлагали:

Пересмотрѣть расходъ на дороги, на починку дорогъ около столицы, издерживаемый ежегодно по 1.000.000 рублей.

¹⁾ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, графъ, министръ финансовъ, членъ Государственнаго Совѣта (1751—1825).

²⁾ „Non certes, repliqua-t-elle, c'est un fourbe“.

Уничтожить Главное Почтовое Правленіе, какъ установленіе совершенно и во всѣхъ случаяхъ бесполезное.

Уничтожить комерцъ-коллегію и суммы причислить къ казначейству.

Прекратить всѣ расходы по Мальтійскому ордену и домъ взять въ казну.

Приостановить долгъ Австріи, болѣе 1.900.000 руб. (NB. этого я не понимаю).

Во внутреннихъ долгахъ, по военнымъ департаментамъ съ 1805 по 1807 гг. сдѣлать отсрочку съ положеніемъ процентовъ и 10-й части капитала (т. е. разсрочка на 10 лѣтъ). Повысить пошлину на отпускаемые товары, какъ-то: ленъ, пеньку, сало и поташъ. Всѣ экономическія суммы всѣхъ департаментовъ обратить въ казначейство. Тоже всѣ остатки по всѣмъ департаментамъ отъ прежнихъ отпусковъ, хранящихся въ банкѣ на счету департаментовъ.

На случай войны и для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ:

1. Военная такса на имѣнія въ видѣ займа.
2. Продажа казенныхъ земель и лѣсовъ. Еще замѣчательный параграфъ, требующій объясненія.

§ 41. Раздѣленные операціи разныхъ банковъ согласить между собою такъ, чтобы всѣ онѣ соображаемы были вообщемъ и въ совокупности, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не могли препятствовать общему плану погашенія бумагъ, коихъ кредитъ во всѣхъ банкахъ есть одинаковъ и основанъ вообще на кредитѣ государственномъ.

Все это помѣщено въ 1-й части, которая заключаетъ въ себѣ временное устройство финансовъ, что же касается до постоянной системы финансовъ, то я ее не достаточно понялъ. Она заключаетъ въ себѣ три проекта займовъ, и всѣ три отличны отъ того, который производится въ настоящее время, затѣмъ идетъ рѣчь объ уничтоженіи всѣхъ банковъ и сдѣлать одинъ, основанный на звонкой монетѣ.

10. Среда. Въ 8^{1/2} часовъ утра прибылъ во дворецъ, и въ 9 часовъ уѣхали. Въ большой каретѣ сидѣли графъ Литта ¹⁾. М-ме Сибургъ ²⁾, Давыдовъ ³⁾ и я. Прибыли въ 11 часовъ въ Зимній дворецъ, я отправился къ Гурьеву. Онъ мнѣ сказалъ,

¹⁾ Графъ Литта, Юлій Помпеевичъ, оберъ-камергеръ (1763—1839).

²⁾ Воспитательница великихъ княженъ, бывшая въ это время при великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ.

³⁾ Давыдовъ, Петръ Львовичъ, камергеръ.

что ничего не знаетъ, не принявъ еще министерства торговли, что журналъ совѣта былъ подписанъ въ понедѣльникъ, но не утвержденъ Государемъ, что все дѣло о конфискаціяхъ находится у барона Кампенгаузена ¹⁾. Императрица настаивала, чтобы я говорилъ о дѣланной Ею уступкѣ $1\frac{1}{2}$ предполагаемаго груза, которые мы имѣемъ право выписать, не платя пошлины, если его назначать для мануфактуры, какой-либо процентъ отъ конфискованныхъ товаровъ. (Уступка весьма смѣшная, потому что съ одной стороны выгода не вѣрная и можетъ обратиться въ потерю, а съ другой стороны могутъ намъ сказать: „сохраните лучше вашу привилегію и пользуйтесь ею, значить, вамъ нѣтъ надобности въ возмѣщеніи потерь, если вы такъ звоните и кричите объ уступкѣ, которая, конечно, представляетъ выгоду“).

Я сообщилъ объ этомъ Гурьеву, не особенно впрочемъ настаивая.

Онъ отвѣтилъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, увѣряя о своемъ усердіи и готовности сдѣлать угодное Ея Величеству, прибавивъ, что Императрица сдѣлала бы еще лучше, если бы переговорила съ Государемъ. Возвратившись во дворецъ, я передалъ Императрицѣ разговоръ съ Гурьевымъ, его совѣтъ переговорить объ этомъ съ Государемъ, такъ какъ дѣло тогда пойдетъ лучше. Она поручила мнѣ передать Гурьеву, что она, конечно, переговоритъ съ Государемъ, и дастъ ему по этому дѣлу записку и т. д. Я подождалъ пріѣзда Гурьева и передалъ ему данное мнѣ порученіе... Пока Императрица находилась у молебна, я съѣздилъ къ сестрѣ и, едва успѣлъ возвратиться во дворецъ, какъ сказали, что меня ждутъ къ отъѣзду, и, дѣйствительно, я засталъ всѣхъ сидящими въ экипажѣ. Къ 2-мъ часамъ мы возвратились въ Павловскъ и застали Императрицу за столомъ, за который сѣли и мы. Во время обѣда Великій Князь Константинъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Императрицею, сказалъ, что въ табели о рангахъ есть въ 14-мъ классѣ надворный антикваріусъ и надворный балбиръ, всѣ смѣялись, предполагая, что это выдумка Великаго Князя, но онъ попросилъ меня приказать принести изъ канцеляріи эту табель. Послѣ обѣда разсмотрѣвъ въ табели о рангахъ, мы нашли, что Великій Князь былъ правъ. Императрица покончила съ утренними бумагами, и я уѣхалъ домой.

¹⁾ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, баронъ. дѣйств. тайный совѣтникъ, государственный контролеръ (1772—1823).

11. *Четвертъ*. Всталъ поздно, написалъ нѣсколько бумагъ. Приѣхалъ Чихачевъ вслѣдствіе приказанія явиться къ часу къ Императрицѣ. Я боялся, чтобы меня не потребовали туда и, проработавъ до часу, ушелъ гулять, чтобы избѣжать посланнаго. Во время отсутствія, за мной не присылали. Послѣ обѣда получилъ записку отъ Вольфа съ просьбой зайти къ нему для прочтенія проекта управленія Краснымъ Селомъ.

12. *Пятница*. Около 10 часовъ поѣхалъ во дворецъ и встрѣтилъ Императрицу, гуляющую съ М-ле Бенкендорфъ по болѣзни М-ле Дивовой. Она поручила мнѣ принять вещи отъ Великой Княгини Екатерины. Исполнивъ порученіе, возвратился назадъ, и мнѣ сказали, что Императрица спрашивала меня, и что она пошла къ ваннѣ. Я взялъ ярлычки изъ жести, которые служили этикетками для деревьевъ Императорской фамиліи, принесенныхъ утромъ Асмусомъ, и пошелъ искать Императрицу. Въ галлерей встрѣтилъ княжну Луизу Биронъ; она сказала мнѣ, что идетъ къ Нелидовой. Это мѣсто свиданія, и, дѣйствительно, я узналъ, что она гуляла съ Нелидовой и Давыдовымъ. Дойдя до ванны, я нигдѣ не видѣлъ Императрицы. Подвязавъ этикетки къ деревьямъ, я прошелся въ окрестности, но не нашелъ Императрицы. Возвратился во дворецъ и, въ ожиданіи Императрицы, усѣлся за чтеніе. Наконецъ она возвратилась, бумаги были окончены къ 3-мъ часамъ, и я обѣдалъ у ней вмѣстѣ съ Вольфомъ, который былъ потребованъ для чтенія переписки Лунина ¹⁾ по дѣлу Извольскаго и Постникова. Послѣ обѣда пошелъ навѣстить Дивову вмѣстѣ съ Давыдовымъ. Давыдовъ, между прочимъ, употребилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій противъ М-ле Бенкендорфъ, видно было, что причина злобы та же, что М-ле Луизы Биронъ. Онъ сказалъ, что идти къ М-ле Кочетовой доказательство, что я былъ правъ, замѣтивъ 27-го іюля, что тамъ мѣсто свиданій. Я узналъ также, что онъ, гуляя сегодня утромъ съ Нелидовой, встрѣтилъ Императрицу съ М-ле Бенкендорфъ, которая такимъ образомъ имѣла хорошій случай оказать услугу бѣдной Луизѣ.—Жаль, что М-ле Нелидова имѣетъ также безстыдство покровительствовать свиданіямъ у себя. Это достойно порицанія въ отношеніи ея, но еще болѣе несчастливо для бѣдной Луизы.—Оставшись нѣсколько минутъ послѣ ухода Давыдова, мы поговорили съ М-ле Дивовой объ этомъ предметѣ. Вернувшись домой, я дописалъ журналъ съ 10 до сегодня.

¹⁾ Луинъ, Александръ Михайловичъ, предсѣдатель Московскаго опекунскаго совѣта, дѣйств. тайный совѣтникъ.

13. *Суббота*. День рожденія жены. Во время чая пришелъ посланный отъ Императрицы, я его направилъ къ Вольфу, такъ какъ не былъ дежурнымъ. Явился другой посланный. Я одѣлся, но былъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и отправился во дворецъ, Императрица гуляла, я пошелъ ей навстрѣчу. Она приказала придти къ ней черезъ $\frac{1}{4}$ часа. Она гуляла съ Бенкендорфъ. Я прождалъ довольно долго. Въ 12 часовъ она потребовала къ себѣ, чтобы сказать, чтобы я ѣхалъ въ Гатчину, такъ какъ Рюль ¹⁾ нашелъ въ домѣ для бѣдныхъ пищу дурной и многихъ слѣпыхъ, которыхъ можно вылѣчить, а также осмотрѣть работы дворца въ Рѣзинѣ. Я позавтракалъ, въ 1 ч. 20 м. отправился въ Гатчино.

Я отказался отъ обѣда у Чихачева, осмотрѣлъ оранжереи, постройки въ Рѣзинѣ, въ богадѣльнѣ у слѣпыхъ и въ 9 часовъ уѣхалъ домой.

14. *Воскресенье*. Во дворецѣ былъ въ 10 час. Императрица гуляла. Когда она возвратилась, то сказала мнѣ, что опять подымается вопросъ о милліонѣ приданого. Она дала мнѣ прочесть, пока дѣлала свой туалетъ, отвѣтъ Великой Княгини на записку, полученную ею по поводу проекта объ истребованіи капитала. Вотъ она:

Павловскъ 29 іюля 1810 г.

Отвѣтъ на замѣчаніе представленной Великой Княгинѣ записки од енежномъ оборотѣ, предлагаемомъ ей насчетъ милліона ея приданого.

Не хватить жизни Великой Княгини, чтобы доказать всю глубину ея благодарности Императору. Она руководится слѣдующими принципами, которые должны быть извѣстны всѣмъ:

Честная личность имѣетъ только одинъ способъ дѣйствія и никогда не удаляется отъ справедливости. Приданое дано Великой Княгинѣ безъ какихъ-либо ограничительныхъ, условій и потому она могла, получивъ его, употребить, размѣнять или сдѣлать съ нимъ оборотъ по своему усмотрѣнію, лишь бы оно не было растрчено.

Ажіотажъ есть незаконная выгода; перемѣна же суммы на билеты ассигнаціонные публично есть дѣйствіе не только дозволенное, но утвержденное правительствомъ.

Намѣреніе покойнаго Императора въ постановленіи объ Императорской фамиліи было только одно—упрочить благосо-

¹⁾ Рюль Фридрихъ-Людвигъ, лейбъ-медикъ, инспекторъ по медицинской части учрежденій Императрицы Маріи (въ Россіи 1784 г.).

стояніе своихъ потомковъ. Онъ повелѣлъ вносить приданное въ Императорскіе банки, какъ въ мѣста вѣрныя, чтобы предупредить растрату; предлагаемая мѣра не только не уменьшаетъ состоянія Великой Княгини, но удваиваетъ его. Покойный Государь опредѣлилъ пять процентовъ, потому что это былъ высшій процентъ, который давали Императорскіе банки. Государство открываетъ выгодный заемъ. Великая Княгиня, дѣйствуя соотвѣтственно намѣренію законодателя объ Императорской фамиліи, должна заботиться о выгодахъ своихъ потомковъ. Каждая мѣра, предпринятая и гарантированная государствомъ, внушаетъ полное довѣріе. Если бы Великая Княгиня вынула свое приданое изъ Императорскихъ банковъ, чтобы вложить въ какое-либо предпріятіе, государствомъ не гарантированное, то она поступила бы противъ намѣренія законодателя положенія объ Императорской фамиліи. Она вынимаетъ приданое изъ одного публичнаго учрежденія, что бы вложить въ такое же.

500 тысячъ рублей, половина приданаго другихъ Великихъ Княгинь, помѣщенные подъ обезпеченіе имѣній ихъ новыхъ семействъ, не находятся въ банкахъ; эта мѣра имѣетъ другія причины; 500 тысячъ, помѣщенные въ Императорскихъ банкахъ русскихъ, находятся совершенно въ соотвѣтственномъ положеніи, какъ и милліонъ Великой Княгини и, безъ сомнѣнія, Наслѣдный принцъ Мекленбургскій¹⁾, какъ опекунъ и управляющій имѣніемъ своихъ дѣтей, и Великая Княгиня Марія, если бы находилась здѣсь, сдѣлали бы такой же шагъ.

Соображая огромную прибыль, которая получится отъ новаго помѣщенія приданаго Великой Княгини, она буквально придерживается выраженія „въ пользу своихъ наслѣдниковъ“.

Установленный законъ отсрочки не можетъ быть измѣненъ. Великая Княгиня никогда не думала о возможности вынуть немедленно и сразу такую большую сумму, но взять его согласно правиламъ банка въ условленные сроки.

Не произведя этой финансовой операціи, Великая Княгиня и ея наслѣдники теряютъ милліонъ и даже болѣе.

Нѣтъ ни одного предпріятія, дозволеннаго и гарантированнаго Правительствомъ, которое бы давало пятнадцать процентовъ. Приданое есть даръ неограниченный и ничѣмъ не связанный. Удвоить его значитъ дѣйствовать согласно охранительныхъ намѣреній автора положенія объ Императорской фамиліи.

¹⁾ Супругъ Великой Княгини Елены Павловны, дочери Императрицы Маріи.

Никто не подавалъ мысли Великой Княгинѣ объ этой операціи, она возникла совершенно естественно, какъ она пришла бы каждому, кто имѣлъ бы капиталъ въ звонкой монетѣ и свободный для размѣна. Эта операція, очень простая и утвержденная правительствомъ, не можетъ считаться вредною репутаціи Великой Княгини.

Капиталы Великой Княгини въ ассигнаціяхъ, происходящіе отъ экономіи, не представляли другой выгоды, кромѣ одного лишняго процента, и потому объ изъятіи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Ни одному честному существу не придетъ въ голову вредить публичному учрежденію. Остается только знать, въ теченіе какого времени воспитательный домъ можетъ, безъ ущерба своего благосостоянія, а равно и частныхъ лицъ, возратить сумму въ одинъ милліонъ звонкой монетой и въ какіе сроки? Необходимо знать, не будетъ ли первый заемъ покрытъ въ теченіе этого времени, и не противорѣчитъ ли правиламъ этого займа замедленіе во взносѣ денегъ?

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на эти вопросы, Великая Княгиня желаетъ всѣ суммы, состоящія въ звонкой монетѣ, составляющія доходъ съ этого милліона, помѣстить въ новый заемъ.

Списокъ облигаціямъ воспитательнаго дома въ Петербургѣ въ звонкой монетѣ.

Эти облигаціи доходятъ до	111.497 р. 20 к.
Въ Москвѣ	25.000 „ — „
Итого	136.497 р. 20 к.

Уходя къ обѣднѣ, Императрица поручила мнѣ составить опроверженіе. Я написалъ черновое, въ которомъ я привязался къ объясненію ажіотажа и налегалъ на гнусность спекуляціи такого рода, потому что я нахожу, что это единственное возраженіе, которое можно было сдѣлать противъ этой операціи. Она одобрила. Собрался совѣтъ. Императрица говорила объ этомъ Саблукову подъ большимъ секретомъ. Я остался обѣдать. Она поручила мнѣ переговорить съ Гурьевымъ. Я однако не зналъ, въ какомъ смыслѣ. Передъ обѣдомъ я его не видѣлъ, а послѣ обѣда, поговоривъ съ Воланомъ¹⁾, я былъ позванъ къ Императрицѣ, но былъ отпущенъ, чтобы говорить съ Гурьевымъ. Я его пошелъ разыскивать и встрѣтилъ идущимъ отъ Ливена

¹⁾ Деволанъ, Францъ Павловичъ, инженеръ-генералъ, въ описываемое время директоръ и управляющій путями сообщенія подъ вѣдѣніемъ принца Георга Ольденбургскаго, супруга Великой Княгини Екатерины Павловны.

къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ. Я говорилъ съ нимъ, но его отвѣтъ былъ почти что ничего. Я передалъ его Императрицѣ, и она послала за нимъ. Она съ нимъ говорила очень долго, а, когда онъ ушелъ опять къ Великой Княгинѣ, она позвала меня къ себѣ, чтобы сказать, что она большаго не узнала. Я думаю: да что же и было узнавать! Она мнѣ возвратила бумаги для передѣлки, находя, что это слишкомъ пространно. Это было сказано, чтобы только сказать что-нибудь и заставить меня передѣлать, потому что, когда она возьмется сокращать бумаги моего сочиненія, которыя она находитъ длинными, то онѣ всегда выходятъ длиннѣе. Я возвратился домой, гдѣ и засталъ Гревница ¹⁾ и сына моего Александра.

15. *Понедѣльникъ.* Праздникъ Успенія Богородицы. Я передѣлалъ отвѣтъ Великой Княгинѣ и отправился послѣ обѣда во дворецъ, къ часу, согласно приказанія Императрицы. Записку она спрятала въ свою черную шкатулку. Позвавъ Вольфа, она говорила о предположеніи Тутолмина ²⁾ на счетъ сокращенія во вдовьемъ домѣ, съ цѣлью поберечь капиталы воспитательнаго дома. Мы тоже нашли, что лучше давать вдовамъ по 100 руб. и предоставить жить, гдѣ хотятъ, чтобы сократить число ихъ, я предложилъ назначить число лѣтъ, которое долженъ былъ отслужить мужъ, чтобы вдова имѣла право на помѣщеніе во вдовій домъ. Императрица одобрила эту мысль. Говорили тоже о дѣтяхъ и о средствахъ для ограниченія пріема. Я сказалъ, что есть средство весьма простое—уничтожить тайну или дозволить спрашивать, откуда принесли. Императрица возражала, ссылаясь на основной законъ.—Я отвѣтилъ, что основные законы почти всѣ измѣнились, что основной или главный законъ дома есть сохраненіе дѣтей и, что если берутъ больше, нежели могутъ сохранить, то дѣйствуютъ противъ основного закона. Относительно вопроса, откуда приносятъ дѣтей, я представилъ, что эта тайна намъ мѣшаетъ принять дѣйствительныя мѣры, потому что не знаютъ источника, откуда они являются, что держать повивальныхъ бабокъ, платить имъ и все напрасно, что однако отдача дѣтей родителямъ и плата за ихъ содержаніе противны основному закону. Затѣмъ намъ сообщили новую мысль относительно зданія вдовьяго дома, чтобы помѣстить туда незаконныхъ дѣтей. Я предложилъ: если не хватить

¹⁾ Фридрихъ, баронъ виртембергскій уроженецъ, въ описываемое время управлявшій дворцомъ и городомъ Павловскомъ.

²⁾ Тутолминъ, Иванъ Акинфиевичъ, директоръ Московскаго воспитательнаго дома.

мѣста, то выстроить рядъ комнатъ внутри двора такъ, чтобы корридоръ остался по серединѣ. Она предполагала выстроить для помѣщенія мѣщанокъ и для лазаретовъ на другой сторонѣ, тамъ гдѣ Охтенскій перевозъ, а два старые дома отдать подъ помѣщеніе воспитательнаго дома, вслѣдствіе неудобства раздѣлять мѣщанокъ. Капиталь для постройки долженъ былъ получиться отъ продажи домовъ Разумовскаго и Бобринскаго ¹⁾. Ее затрудняла еще церковь, я предложилъ выстроить ее тамъ, гдѣ корридоръ, сообщающій старое и новое зданіе. Еще оставался садъ. Отнять его у дворянской половины казалось невозможнымъ. Я предложилъ обратить въ садъ пространство, находящееся между старымъ институтомъ и окружающей его аллеей для дѣтей, и оставить старый садъ дворянской половинѣ. Наконецъ порѣшили приказать Брозину ²⁾ составить общій планъ Смольнаго и представить намъ. Она говорила еще о запискѣ, которую хотѣла представить Государю, относительно предоставленія 5% изъ суммы отъ продажи конфискованныхъ товаровъ, и поручила мнѣ составить обзоръ пользы, приносимой воспитательнымъ домомъ, говоря, что, конечно, она бы не поднимала бы вопроса о томъ, но большіе убытки заставляютъ ее сдѣлать это. Записку велѣно написать по-французски, а кромѣ того официальную по-русски. Вечеромъ я написалъ французскую записку, которая очень удалась.

16. *Вторникъ*. Я дежурный. Переписавъ записку для Государя, я отправился во дворецъ; Императрица нашла записку превосходной. Потомъ она приказала мнѣ передѣлать отвѣтъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ. Она измѣнила начало и немного во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ, добавила 4-й и въ концѣ въ родѣ воззванія къ нѣжности дочери. Этимъ она думала произвести большой эффектъ. Я полагаю, что это послужитъ главной причиною для Великой Княгини, чтобы отказаться отъ своего милліона, но она говорила также о возвращеніи 180 тысячъ въ звонкой монетѣ, которыя она имѣетъ кромѣ своего приданаго, хотя всѣ разсужденія вертятся на неприличіи пользоваться ажіотажемъ, который совершенно одинаковъ, какъ въ отношеніи 100 тысячъ, такъ и милліона ³⁾.

¹⁾ Дома эти и нынѣ принадлежатъ вѣдомству Императрицы Маріи въ домѣ Разумовскаго помѣщается Николаевскій сиротскій институтъ а въ домѣ Бобринскаго—Воспитательный домъ. Наружный свой видъ дома эти почти не измѣнили.

²⁾ Экономъ Смольнаго института.

³⁾ Странное повидимому сопротивленіе Императрицы Маріи Феодоровны законному желанію ея дочери Великой Княгини Екатерины Па-

Она наставила много своеобразныхъ фразъ, что даетъ запискѣ довольно странную пестроту. Такъ какъ всѣ измѣненія и добавки были написаны карандашемъ, она желала, чтобы это было переписано; я взялся за это. Я успѣлся въ ея кабинетѣ въ нижнемъ этажѣ; ожидали Государя къ обѣду, и потому я успѣлъ кончить переписку къ 4-мъ часамъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я догналъ Императрицу, когда она шла въ свои другіе апартаменты къ дѣтямъ. Она удивилась, что записка была готова, и приказала мнѣ спрятать въ ея черную шкатулку. Наконецъ, пріѣхалъ Государь, и сѣли обѣдать. Послѣ обѣда ожидалъ Императрицу, бывшую у Великой Княгини Екатерины, когда она возвращалась въ 7 часовъ, она сдѣлала видъ удивленной, что я ее ждалъ, и пригласила ужинать и придти послѣ ужина.

Я вернулся домой, но, не заставъ жены, немедленно отправился въ общество. Заходилъ къ Дивовой, которая, наконецъ, выздоровѣла отъ своихъ ревматизмовъ. Зайдя по дорогѣ въ канцелярію, я нашелъ письмо Саблукова ¹⁾ со счетомъ капиталовъ Великой Княгини Екатерины и счетъ ожидаемымъ поступленіямъ звонкой монеты. Изъ этихъ свѣдѣній выяснилось, что капиталъ въ 186 тысячъ можетъ быть выключенъ въ первой трети 1811 года. Я взялъ письмо съ собой и 5091 р. остатокъ нашего запаса. Придя въ общество, я всталъ всѣхъ на мѣстахъ. Видя князя Оболенскаго ²⁾ за столомъ лото дѣвицъ я присоединился къ этой партіи. Луиза Биронъ была задумчива и грустна. Давыдовъ въ городѣ. Пріѣхала его жена или должна пріѣхать. Передъ ужиномъ М. Арсеньева сказала мнѣ:

.....
 вловны помѣстить принадлежавшій ей, какъ приданое, капиталъ въ миллионъ рублей въ бумаги комиссіи погашенія государственныхъ долговъ, съ цѣлью увеличить его доходность, объясняется исключительно заботами Императрицы о процвѣтаніи ея учреждений, содержавшихся въ значительной своей части на доходы сохранныхъ казенъ С.-Петербургскаго и Московскаго воспитательныхъ домовъ. Въ это время Россія переживала финансовый кризисъ, вызванный отчасти присоединеніемъ къ континентальной системѣ Наполеона, а такъ какъ миллионъ Великой Княгини находился въ сохранныхъ казнахъ, то изъятіе изъ ихъ оборота такой огромной суммы могло, по мнѣнію Императрицы Маріи, печально отразиться на ихъ дѣятельности и доходахъ. Для Императрицы выгоды ея учреждений были гораздо важнѣе выгодъ членовъ ея собственнаго семейства.

¹⁾ Саблуковъ, Александръ Александровичъ, почетный опекунъ и членъ Государственнаго Совѣта (1749—1828), отецъ автора извѣстныхъ „Записокъ“ объ Императорѣ Павлѣ. Саблуковъ завѣдывалъ сохраннымъ казною СПб. Воспитательнаго дома.

²⁾ Оболенскій, кн. Александръ Петровичъ, камергеръ, впоследствии почетный опекунъ (1782—1855).

„Вы работаете тоже, чтобы вылѣчить нашу добрую Луизу“. „Что же дѣлать?“ спросилъ я ее. Она предполагала, что это сильная страсть. „Посмотрите“, сказала она, вѣдь, она ни съ кѣмъ не говоритъ и какъ она отвѣчаетъ тѣмъ, кто обращается къ ней, я увѣрена, что онъ запретилъ ей разговаривать изъ ревности. Это очень жаль. Во время игры зашла рѣчь о г-жѣ Давыдовой и о ея красотѣ. М-лле Нелидова особенно утверждала, что она была такъ хороша и теперь тоже. Луиза во все время разговора смотрѣла въ лорнетъ на Нелидову, закрывъ рукой другой глазъ, такимъ образомъ, все лицо было прикрыто; мнѣ показалось, что это дѣлалось, чтобы скрыть смущеніе или красноту ¹⁾).

Я пошелъ послѣ ужина къ Императрицѣ и показалъ письмо Саблукова. Она хотѣла имѣть еще другое, писанное и подписанное имъ, и приказала мнѣ послать нарочнаго къ нему, съ такимъ расчетомъ, чтобы тотъ вернулся къ послѣ-обѣду.

Она сказала мнѣ, что Бернадотъ избранъ шведами въ наслѣдники престола. Это прекрасно? и мы его допустили до этого? Императоръ, сообщая это извѣстіе ей, прибавилъ: „Видите, моя политика хороша, я завладѣлъ Финляндіей, теперь море между нами“. Императрица отвѣтила ему: „Напротивъ, это по случаю присоединенія Финляндіи Бернадотъ попалъ туда, такъ какъ безъ этой войны король не лишился бы престола“. Я вполне согласенъ съ этой мыслью, потому что начало этой войны королемъ и было главной причиной неудовольствія противъ него подданныхъ, а побѣжденная Финляндія совсѣмъ не представляетъ намъ оплота, а именно оттуда насъ будутъ атаковать, дѣйствуя на жителей, которымъ мы не имѣемъ возможности предоставить какихъ-либо выгодъ, чтобы сдѣлать наше обладаніе ими болѣе легкимъ, нѣтъ торговли и пр. „Напротивъ“, отвѣтила она, „мы даемъ имъ торговлю, ту, которую они имѣли“. Она отпустила меня въ 11^{1/2} часовъ, приказавъ придти завтра въ 10^{1/2} часовъ утра ²⁾).

¹⁾ Принцесса Луиза Биронъ, воспитывавшаяся также въ Смольномъ институтѣ и бывши фрейлиной Императрицы, была влюблена въ камергера Давыдова, уже женатаго, и это не скрылось отъ зоркихъ глазъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Судя по всему, Г. И. Вилламовъ очень симпатизировалъ принцессѣ Луизѣ и сожалѣлъ о ея увлеченіи. Принцесса Луиза впоследствии вышла замужъ за гр. М. Ю. Вельгорскаго.

²⁾ При этомъ разговорѣ съ Вилламовымъ Императрица Марія Теодоровна не могла не помнить, что этотъ самый Бернадотъ, при посѣщеніи его и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ Парижа въ 1782 г.

17. *Среда.* Я всталъ, какъ вчера въ 6 час. Написалъ Саблукову, чтобы онъ сдѣлалъ расчетъ уплатамъ, которыя можно сдѣлать по капиталамъ Великой Княгини, и отправилъ письмо въ 8 часовъ. Я написалъ записку для Государя, относительно 5% съ конфискованныхъ товаровъ, и въ 10 часовъ прѣхалъ во дворецъ. Подождавъ Императрицу, бывшую у Великой Княгини, я былъ позванъ къ ней, и она приказала мнѣ продиктовать ей отвѣтъ Великой Княгини Екатеринѣ. Доложили о приходѣ Вольфа; она его позвала присутствовать при диктовкѣ. Когда все было окончено, она просмотрѣла бумаги и отнеслась съ большою похвалою относительно составленной мною записки для Государя о 5% съ конфискацій, одобрила ее вполне, и я ушелъ обѣдать домой.

Тотчасъ послѣ обѣда я получилъ отвѣтъ отъ Саблукова съ новымъ расчетомъ платежей по капиталамъ Великой Княгини и отправился немедленно къ Императрицѣ. Я усѣлся съ трубкой въ бесѣдкѣ за чтеніе, ожидая, что меня потребуютъ. Такъ и случилось, приглашали къ 6 часамъ. Я поѣхалъ во дворецъ; Великая Княгиня страдаетъ зубною болью, Императрица смотритъ на это, какъ на предвѣстіе родовъ. Она была у Великой Княгини. Возвратясь, она позвала меня къ себѣ, нашла, что расчетъ Саблукова удовлетворительный, прибавила собственноручныя замѣтки и просила меня переписать и прислать ей. Вечеромъ я писалъ немного этотъ дневникъ и легъ въ 11 часовъ.

18. *Четвертъ.* Будучи дежурнымъ, я отправился во дворецъ въ 10 часовъ. Передъ отъѣздомъ мнѣ подалъ прошеніе, вѣроятно, сумасшедшій портной Нѣриконъ, въ которомъ онъ приглашаетъ всю Императорскую фамилію на свою свадьбу, какъ жениха, отца и мать, невѣсту, отца и мать и Бонапарта тоже. Прибывъ во дворецъ, я узналъ, что Императрица у Великой Княгини, у которой въ 8 часовъ начались роды. Графъ Головкинъ былъ въ пріемной, и мы дожидались до 3 часовъ. Наконецъ, пошли обѣдать; послѣ обѣда я поѣхалъ домой и, возвратясь въ 5 час., я узналъ, что у Великой Княгини родился сынъ¹⁾. Узнавъ, что графъ Головкинъ въ пріемной у Великой Княгини, я пошелъ и засталъ тамъ Княгиню Про-

стоялъ въ качествѣ рядового солдата, на часахъ у ихъ помѣщенія и за это получилъ отъ нихъ въ подарокъ серебряные часы. Часы эти будущій король шведскій хранилъ всю свою жизнь.

¹⁾ Этого старшій братъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго скончался въ младенчествѣ.

зоровскую ¹⁾, М-ше Нелидову и графа Головкина. Этотъ послѣдній, какъ и Крыловъ ²⁾, рассказывали, что Императрица была внѣ себя отъ радости, крича только: „сынъ! сынъ!“ Прогшелъ принцъ Голштинскій ³⁾, и мы его поздравили. Прибыли еще гр. Литто, Строгановъ ⁴⁾ и Давыдовъ. Прождавъ долго, наконецъ, гр. Головкинъ предложилъ намъ уйти, приказавъ камердинеру Императрицы доложить ей, что мы были. Я вернулся домой, переодѣлся въ бѣлые чулки и поѣхалъ во дворецъ. Въ пріемной я встрѣтилъ Великаго Князя Константина и поздравилъ его. Я усѣлся въ зеленой галлерей и сталъ читать. Наконецъ, пришла Императрица, и я поздравилъ ее. Такъ какъ отправляли курьера къ герцогу Голштинскому ⁵⁾, который долженъ былъ проѣхать черезъ Веймаръ, Императрица хотѣла послать съ нимъ векселя на 10 тысячъ рублей, которые были у меня для Великой Княгини Маріи. Я сдѣлалъ на нихъ надписи и, отдавъ камердинеру для передачи Императрицѣ, ушелъ домой, вмѣстѣ съ Вольфомъ, съ которымъ встрѣтился въ саду. Онъ ушелъ отъ меня въ 9 часовъ; я сѣлъ за дневникъ, написалъ отъ 15 до сегодняшняго дня, и окончилъ въ 11^{1/2} часовъ. Возвращаясь изъ пріемной Великой Княгини, я увидѣлъ двѣицъ Биронъ у окошка, поклонился и, указавъ въ сторону окошекъ Великой Княгини, сдѣлалъ знакъ, что я ихъ поздравляю, и сказалъ имъ, что все окончилось, но къ моему великому удивленію я услышалъ голосъ М-ше Бенкендорфъ, которая сумѣла снова попасть къ нимъ.

Въ числѣ именъ новорожденного принца должны были быть Карлъ, Александръ, Петръ, Георгій и др. Священникъ, который давалъ молитву Великой Княгинѣ, не произнесъ ни одного, сказавъ только „новорожденный“, такъ какъ онъ долженъ быть лютераниномъ.

19. Пятница. Я былъ одѣтъ въ сапогахъ и поѣхалъ на

¹⁾ Княгиня Прозоровская, Анна Михайловна, статсъ-дама, урожденная княгиня Волконская, супруга генералъ-фельдмаршала князя А. А. Прозоровскаго, р. 1747, ум. 1824, одна изъ симпатичнѣйшихъ женщинъ, составлявшихъ дворъ Императрицы Маріи.

²⁾ Камердинеръ Императрицы Маріи Θεодоровны.

³⁾ Принцъ Георгія Ольденбургскій, супругъ великой княгини Екатерины Павловны, въ описываемое время генералъ-губернаторъ тверской и ярославскій (1787—1812).

⁴⁾ Графъ Строгановъ, Александръ Сергѣевичъ, оберъ-камергеръ, президентъ академіи художествъ (1738—1811).

⁵⁾ Великій герцогъ Ольденбургскій Петръ, отецъ принца Георгія Ольденбургскаго, въ то время еще владѣвшій Ольденбургомъ.

дрожкахъ во дворецъ и передалъ въ кабинетъ Императрицы дорожные часы, присланные мнѣ Дювалемъ¹⁾. Потомъ прошелъ въ пріемную Великой Княгини и спросилъ о здоровьѣ. Мнѣ сказали, что спала хорошо и все шло отлично. Я сдѣлалъ прогулку и, возвратившись, узналъ, что Императрица послала за мной. Я тотчасъ же поѣхалъ, и когда она возвратилась отъ Великой Княгини, то дала мнѣ порученіе къ Дювалю и приказала приготовить письма съ извѣщеніемъ о рожденіи молодого принца, М-лле Адлербергъ²⁾, Брейткопфъ³⁾ и М-лле Васмутъ⁴⁾ (въ отвѣтъ на ея донесенія), гр. Завадовскому⁵⁾, генералу Клингеру⁶⁾, Лунину и Нелединскому⁷⁾. Она сказала мнѣ, что французы истратили 8 милліоновъ на избраніе Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола. Еще она сказала, или лучше, кажется, у ней сорвалось съ языка, что герцогъ Голштинскій помѣщаетъ свои капиталы въ новый заемъ, и спросила: какъ же это можно, кажется, туда принимаютъ только ассигнаціи. (*Comment cela se pouvait par ce qu'elle croyait qu'on n'y reçoit que des assignations*). Я замѣтилъ, что рассчитывали на иностранные капиталы. Она мнѣ приказала идти за ней къ Великой Княгинѣ и снести дорожные часы, и между тѣмъ запечатала въ конвертъ отвѣтъ Великой Княгинѣ съ приказаніемъ передать ей послѣ 9 дня. Позвала Вольфа, чтобы окончить спѣшыя дѣла и, наконецъ, пошла къ Великой Княгинѣ, а я за ней, неся часы. Я довольно долго ждалъ въ пріемной, наконецъ, она вышла съ герцогомъ Голштинскимъ, показала ему часы, онъ сказалъ, что они совершенно похожи на

¹⁾ Придворный ювелиръ.

²⁾ Адлербергъ, Юлія Θεодоровна, урожд. Багговутъ (1760—1839), воспитательница великихъ княженъ, съ 1803 года начальница Смольнаго института, статсъ-дама.

³⁾ Брейткопфъ, Анна Ивановна, начальница Екатерининскаго института въ Петербургѣ (1747—1823).

⁴⁾ Васмутъ, Елисавета Антоновна, директриса дѣвичьяго училища Военно-Сиротскаго дома (нынѣ Павловскій институтъ) въ 1810—1819 гг.

⁵⁾ Завадовскій, графъ Петръ Васильевичъ, извѣстный фаворитъ Екатерины II, министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, членъ совѣта Смольнаго института (1738—1812).

⁶⁾ Клингеръ, Θεодоръ Ивановичъ (Максимиліанъ-Фридрихъ), нѣмецкій романистъ и драматургъ, генералъ-лейтенантъ, директоръ военно-учебныхъ заведеній. Поступилъ на службу въ Россію еще въ 1778 г., по ходатайству отца Императрицы Маріи Θεодоровны, герцога Виртембергскаго Фридриха-Евгенія.

⁷⁾ Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, почетный оекунь, писатель (1752—1829).

его собственные. Они назначены для Государя. Она передала ихъ на мое попеченіе и отпустила писать письма. Было около двухъ часовъ. Я написалъ письма и прибавилъ еще Саблукову, о которомъ она мнѣ не упомянула. Къ 3-мъ я окончилъ 8 писемъ и снесъ ихъ къ Великой Княгинѣ, приказавъ передать ихъ. Ждалъ очень долго. Пришелъ гр. Головкинъ и сказалъ Императрицѣ, что гр. Разумовскій ¹⁾, Козодавлевъ ²⁾ и князь Голицынъ ³⁾ (изъ Синода) пріѣхали также, какъ и канцлеръ ⁴⁾, который впрочемъ еще работаетъ у Государя. Она приняла ихъ. Когда они уѣхали, она свела гр. Головкина и меня къ новорожденному и показала его намъ. Потомъ приказали еще написать Муханову ⁵⁾ и Ланскому ⁶⁾, увѣдомляя ихъ о благополучномъ разрѣшеніи. Написавъ, я снесъ къ ней. Она скоро вышла со всѣми 10 письмами, подписанными, и благодарила меня, что я подумалъ о Саблуковѣ. Еще писалъ въ канцеляріи и вернулся домой въ 4^{3/4} часа.

Послѣ обѣда пошелъ къ Гревницу передать приказаніе Императрицы относительно занавѣсей въ рѣшетчатой галлерей, ведущей къ Великой Княгинѣ. Тамъ встрѣтилъ графиню Головкину (дѣвницу) съ М-ше Водовой, Кильхенъ и Круковской. Мы играли въ дурачки, и вернулся домой въ 9 часовъ. Вскорѣ пріѣхали за мной отъ Императрицы, и я узналъ отъ ея камердинера Цирхольда, что она спрашивала письмо короля Виртембергскаго насчетъ его брата. Я вернулся домой, искалъ,—но тщетно. Вечеромъ я написалъ все это въ дневникъ. Страшный дождь и теперь сильнѣйшій вѣтеръ.

20. *Суббота.* Я былъ дежурнымъ. Меня потребовали въ 9^{1/2} часовъ утра. Императрица была у Великой Княгини. Я пошелъ туда узнать о здоровьѣ. Потомъ усѣлся читать въ пріемной. Камердинеръ Цирхольдъ пришелъ за бумагами. Пришла

¹⁾ Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія въ описываемое время, членъ Государственнаго Совѣта, родоначальникъ побочной линіи Перовскихъ (1748.—1822).

²⁾ Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ, сенаторъ, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Россійской Академіи (1752—1819).

³⁾ Александръ Николаевичъ Голицынъ, князь, оберъ-прокуроръ Синода, другъ Императора Александра I (1773—1844).

⁴⁾ Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, государственный канцлеръ, покровитель изученія русскихъ древностей, основатель Румянцовскаго музея.

⁵⁾ Мухановъ, Сергѣй Ильичъ, оберъ-штабмейстеръ, другъ царскаго семейства.

⁶⁾ Сергѣй Сергѣевичъ Ланской, дѣйств. камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта (1761—1814).

М-ле Нелидова. Черезъ два часа пришла Императрица, которая передала мнѣ бумаги одну за другой со своими замѣчаніями. Она мнѣ передала: 1) копию съ письма, писаннаго ею королю Виртембергскому ¹⁾ о герцогѣ Александрѣ ²⁾ (то, которое я напрасно искалъ вчера, а оно находилось у ней). 2) Отвѣтъ короля. 3) Копію съ письма, которое оно писала брату своему Александру, о томъ, чтобы онъ рѣшился или покинуть Россію, или остаться служить въ Россіи, и тогда отказаться отъ содержанія, которое король прекратитъ, если онъ останется на службѣ въ Россіи и 4) Отвѣтъ герцога Александра, который рѣшается остаться, но съ претензіями и протестами. 5) Письмо королевы Неаполитанской ³⁾. Все это передано, чтобы представить Государю, съ приказомъ сказать, что она со своей стороны не имѣетъ особаго желанія, чтобы братъ оставался, и Государь можетъ рѣшить, какъ ему угодно. Она сказала мнѣ, что Государь предполагаетъ, что супруга его вернется въ понедѣльникъ, между тѣмъ она увѣдомила Императрицу, что выѣзжаетъ изъ Риги 19-го и рассчитываетъ пріѣхать въ Петербургъ, въ четвергъ 25, и удивлялась, что Императрица Елисавета не написала этого Государю ⁴⁾. Мужъ однако долженъ быть увѣдомленъ первымъ. Она передала Государю письмо Императрицы, въ которомъ это было написано. Я отправился къ Государю и ждалъ до 4-хъ часовъ вмѣстѣ съ Гурьевымъ. Балашовъ вышелъ отъ Государя, и камердинеръ намъ передалъ, чтобы мы прибыли послѣ обѣда. Я вернулся въ канцелярію и написалъ Виолье ⁵⁾, чтобы онъ устроилъ заемъ въ

¹⁾ Старшій братъ Императрицы Маріи Фридрихъ I, милостію Наполеона первый король виртембергскій. Онъ былъ въ русской службѣ при Екатеринѣ II, но возбудилъ ея неудовольствіе своимъ поведеніемъ и жестокимъ обращеніемъ съ женой, принцессой Августой (Зельмирой) и былъ высланъ изъ Россіи. Изъ всѣхъ виртембергскихъ принцевъ онъ выдѣлялся своею черствостію, чревоугодіемъ и скупостію.

²⁾ Герцогъ Александръ Виртембергскій, младшій братъ Императрицы Маріи, состоялъ на русской службѣ сначала витебскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ главноуправляющимъ путями сообщенія въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи (р. 1771, † 1833). Братья Императрицы доставляли ей немало хлопотъ и горя.

³⁾ Каролина, королева Неаполитанская, дочь Маріи-Терезіи и сестра Маріи-Антуанеты, извѣстная своимъ легкомысліемъ. Одно время она нашла пріютъ себѣ въ Одессѣ.

⁴⁾ Императрица Елисавета Алексѣевна провела часть лѣта на купаньяхъ на Курляндскомъ побережьи.

⁵⁾ Виолье, Гавріиль Петровичъ (Gabriel, François) — третій секретарь Императрицы.

50.000 р., какъ мнѣ приказала Императрица. Я имѣлъ намѣреніе сказать Государю, если будетъ случай, что Императрица желала попросить у него 50 тысячъ руб., но что не имѣла духу (какъ она мнѣ не разъ говорила), и что она поручила мнѣ ѣхать въ городъ и достать эту сумму займа. Я пошелъ къ Императрицѣ, чтобы сказать, что я не видѣлъ Государя, но она была у Великой Княгини. Отобѣдавъ во дворцѣ, я поѣхалъ къ Государю. Я ждалъ долго. Гурьевъ былъ принятъ и вышелъ отъ Государя около 9 часовъ. Я ждалъ еще, но ровно въ 10 часовъ Государь уѣхалъ, а я вернулся въ пріемную Великой Княгини и отдалъ вышелоименованныя письма камердинеру Цирхольду для передачи Императрицѣ, доложивъ, что я не видѣлъ Государя. Я узналъ, что она здѣсь. Императрица велѣла мнѣ подождать. Наконецъ, она вышла, расспросила меня, я ей доложилъ о моемъ долгомъ ожиданіи. Она спросила меня, что теперь дѣлать съ этими письмами, которыя ее затрудняютъ, и не послать ли ихъ Государю. Я отвѣтилъ, что это будетъ самое простое рѣшеніе. Она мнѣ приказала это сдѣлать. Она приказала подать мнѣ ужинать, заставила кушать клубнику и вишни, и отпустила въ 11^{1/2} часовъ, и дала переписать письмо къ герцогу Александру, такъ какъ оно было писано мною наскоро, и тамъ была подчистка, съ приказаніемъ прислать письмо завтра къ 8 часамъ утра.

Между прочимъ мы еще говорили сегодня о воспитательномъ домѣ. Я настаивалъ на томъ, чтобы уничтожить тайну приноса, и замѣтилъ, что хотя этимъ ничего нельзя разъяснить совершенно, но все-таки увидятъ болѣе ясно. Я выразилъ мнѣніе, что большая часть дѣтей приносится изъ домовъ высокопоставленныхъ лицъ и частныхъ людей, рожденныя ихъ прислугами, чтобы избѣгнуть затрудненій, и потому всѣ мѣры, принимаемыя нами, остаются безъ послѣдствій. Я сказалъ ей, что такъ какъ эти дѣти, собственно, не принадлежатъ дому, гдѣ ихъ не примутъ или, если пожелаютъ, чтобы ихъ приняли, то требовать по 50 руб. съ ребенка. Она находила, что это недостаточно для ихъ содержанія: я замѣтилъ, что 1000 дѣтей доставятъ 50 тысячъ рублей дохода, между тѣмъ теперь не получаютъ ничего. Она говорила о мысли, высказанной Саблуковымъ, требовать ото всѣхъ тѣхъ, кто просилъ отсрочки въ платежѣ звонкой монетою, чтобы они вносили въ сохранную казну сумму пропорціональную въ ассигнаціяхъ, напр. 2 руб. за каждый серебряный рубль, впредь до уплаты. Эта мысль ей понравилась, хотя въ первую минуту она, повиди-

тому, испугалась (это было въ письмѣ, въ которомъ Саблуковъ прислалъ счетъ капиталамъ Великой Княгини и которые онъ хочетъ требовать). Но съ первой минуты я ее поддержалъ, и она поняла пользу, потому что, во 1-хъ, это заставить должниковъ подумать серьезно объ уплатѣ и, во 2-хъ, если придется приступить къ продажѣ и не выручится сумма для уплаты звонкой монетой, вложенныя деньги дополнять разницу; кромѣ того, и должникамъ легче прибавить немного къ внесеннымъ деньгамъ, для покупки звонкой монеты, нежели собрать сразу всю сумму, потому что безъ этого они, вѣроятно, истратили бы деньги, которыя могли бы внести, и по окончаніи срока останутся въ томъ же затруднительномъ положеніи. Она съ этимъ согласилась. Говоря о предполагаемомъ снятіи блокады Британскихъ острововъ, т. е., отмѣны Наполеономъ двухъ декретовъ, которыми запрещался входъ кораблямъ, принадлежащимъ Англій, или, которые заходили въ Англію, равно и съ грузомъ колониальныхъ товаровъ. Она мнѣ показала газету, гдѣ сказано, что эта отмѣна конфиденціальная, т. е., Англія дѣлаетъ то же, что выражено въ нотѣ американскому посланнику въ Парижѣ, которая объявлена въ „Монитерѣ“.

Гурьевъ показалъ мнѣ тоже сообщеніе одного банкира (по почерку я узналъ Раля) объ этой отмѣнѣ съ указаніемъ на новый тарифъ, по которому колониальные товары допускаются къ привозу. Я сказалъ, что это примѣръ, которому хорошо и намъ послѣдовать. Наконецъ, я ушелъ домой и, снявъ копию съ письма герцогу Александру, легъ въ часъ ночи.

21. *Воскресенье*. Всталъ позже 8 часовъ, отправилъ тотчасъ же вчерашнія копии къ Императрицѣ. Написавъ нѣсколько бумагъ, я пошелъ узнать о здоровьѣ Великой Княгини. Оно вполне удовлетворительно. Я пошелъ гулять и вернулся къ полудню, чтобы не быть дома на случай присылки за мной. Въ часъ я ушелъ изъ дому съ тою же цѣлью и зашелъ навѣстить бѣднаго Ушакова, потерявшаго жену и поселившагося у Гревница ¹⁾).

Вечеромъ пересматривалъ учрежденіе воспитательнаго дома, чтобы найти тотъ знаменитый основной законъ, о которомъ мнѣ постоянно говорятъ. Въ 8^{1/2} часовъ пріѣхалъ Вильсонъ ²⁾

¹⁾ Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, впоследствии генералъ-отъ-инфантерій, воспитатель Великаго Князя Николая Павловича (1779--1853).

²⁾ Вильсонъ, Александръ Яковлевичъ, директоръ Александровской мануфактуры, впоследствии инженеръ-генералъ, пользовался особымъ довѣріемъ Императрицы Маріи (1776--1866).

съ планомъ проекта новыхъ построекъ въ Александровскѣ, т. е. церкви и классовъ при Мануфактурѣ. Онъ мнѣ представилъ свои соображенія на счетъ мануфактуры, я нашелъ ихъ прекрасными. Уѣхалъ въ 10 часовъ, а я написалъ дневникъ 20-го и сегодня.

22. *Понедѣльникъ*. Всталъ поздно въ 7^{3/4} часовъ и, будучи дежурнымъ, отправился къ 10 часамъ во дворецъ. Поднявшись къ Императрицѣ въ 11 часовъ, я узналъ, что она была у Великой Княгини. Возвратившись, она приняла Крейтона ¹⁾, а я между тѣмъ прошелъ въ пріемную Великой Княгини, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ; оно хорошо. Возвратившись, я спрашивалъ Рюля, который мнѣ подтвердилъ слышанное ранѣе отъ Гревница, что она кормить грудью ребенка не будетъ, и что теперь сильно хлопчуть остановить у ней молоко, такъ какъ появились отвердѣнія на грудяхъ, и боятся нарыва. Императрица вышла и сказала мнѣ, чтобы я шелъ съ ней на прогулку. Она еще разъ зашла къ Великой Княгинѣ и, возвратившись, пошла гулять. М-ле Дивова, Гревницъ и я слѣдовали за ней. Въ аллеѣ близъ дворца мы встрѣтили гр. Головкина, и Императрица пригласила его идти съ ней, потомъ встрѣтили М-ле Арсеньеву, Коховскую и Катцерину, которую Императрица подозвала, чтобы благодарить ее за поднесенную ею картину. Мы обошли Константиновскую площадку. Возвратясь, Императрица прочла бумаги. Она получила письмо отъ своего брата Александра, которое ее оскорбило. Дѣйствительно, онъ говоритъ весьма неприличнымъ тономъ о своемъ „приличномъ“ назначеніи (*sur son placement „convenable“*) и какъ онъ надеется, что не замедлится и т. д. Императрица написала ему отвѣтъ, котораго онъ стоитъ, совѣтуя ему не забыть, что Императоръ Александръ, хотя ея сынъ, но Императоръ всея Россіи, и что ему нельзя предписывать законы для ожидаемыхъ отъ него отвѣтовъ. Она поручила мнѣ показать графинѣ Ливенъ ²⁾ какъ письмо, такъ и отвѣтъ. Императрица мнѣ говорила, что ея братъ очень горячился, говоря о поставленной ему альтернативѣ выбора остаться на службѣ въ Россіи или оставить ее съ тѣмъ, чтобы сохранить свой удѣлъ въ Виртембергѣ, кото-

¹⁾ Крейтонъ, лейбъ-медикъ Императрицы Маріи Феодоровны.

²⁾ Шарлотта Карловна, впоследствии свѣтлѣйшая княгиня, урожденная баронесса Гаугребенъ, воспитательница дочерей Павла I и Императрицы Маріи, близкій другъ Царской Семьи и Императрицы Маріи (1742—1828). По общимъ отзывамъ, женщина замѣчательнаго ума и твердаго характера. Считалась главой придворной нѣмецкой партіи.

рый онъ терялъ въ первомъ случаѣ. Онъ находилъ, что Императрица поступила дурно, предоставивъ королю Виртембергскому право подписывать условія для полученія удѣловъ своимъ братьямъ ¹⁾. Потомъ она мнѣ дала письма для приведенія ихъ въ порядокъ; все это заняло время до 3½ часовъ. Потомъ я зашелъ къ графинѣ Ливенъ. Она нашла письмо герцога слишкомъ горькимъ, а отвѣтъ прекраснымъ.

Я долженъ былъ дожидаться; наконецъ, въ 4 часа былъ потребованъ Императрицей, которая была у Великой Княгини, и приказала мнѣ приготовить письмо къ Калинину ²⁾, чтобы тотъ отправилъ письмо по эстафетѣ въ Веймарнъ, а другое въ Ольденбургъ. Я написалъ, привелъ въ порядокъ письма и былъ дома около 5-ти часовъ. Тамъ я засталъ вятя моего Ланского ³⁾ съ сестрой, м-ше Арсеньеву (Александрю) съ сестрой, м-ше Арсеньевой и Катцериной. Мы сѣли обѣдать. Во время обѣда пришла м-ше Дивова. Въ 6 часовъ я ушелъ во дворецъ по предчувствію, которое меня не обмануло, потому что на Большомъ мосту встрѣтилъ ѣздового, ѣхавшаго за мной. Это было для отправленія названнаго письма къ Калинину. Это было сдѣлано. Императрица, поговоривъ со мной, отпустила въ 7 часовъ.

Въ 9 часовъ засѣлъ въ кабинетѣ, написалъ это, послѣ чего началъ переписывать записку для Государя относительно 5% съ конфискаціи, такъ какъ Императрица сказала мнѣ: „однако, надо намъ заняться записками для Государя (il faut pourtant que nous nous occupions de Notes pour l'Empereur), значитъ, я имѣю надежду ѣхать въ городъ. Переписавъ записки для Государя, я началъ переписывать для себя возраженіе и отвѣтъ Великой Княгини на счетъ обмѣна ея приданнаго, такъ какъ я ее написалъ въ полстраницы, дабы на другой половинѣ написалъ измѣненія, сдѣланныя Императрицей и которыми она ее искажила.

23. *Вторникъ*. Всталъ въ 8½ часовъ. Въ постели мнѣ подали приглашеніе на похороны м-ше Ушаковой. Я отправился къ нимъ въ домъ, оттуда на кладбище. Возвратился сильно растроганнымъ. Составилъ проектъ отвѣта кн. Алексѣю Кура-

¹⁾ Братья Императрицы Маріи считали, что слишкомъ снисходительна къ старшему своему брату, быть можетъ, по воспоминаніямъ дѣтства.

²⁾ Калининъ, Николай Игнатьевичъ, Спб. почтъ-директоръ, т. с. † 1820.

³⁾ По сестрѣ Г. И. Вилламова, извѣстной писательницѣ, Луизѣ Ивановнѣ Ланской (1764- 1843).

кину ¹⁾; поѣхалъ во дворецъ; зашелъ въ пріемную Великой Княгини справиться о здоровьѣ и вернулся домой. Едва я успѣлъ переодѣться, какъ пріѣхалъ за мной ѣздовой. Было позже 3-хъ часовъ, но я долженъ былъ еще дожидаться. Наконецъ, меня позвали и послѣ многихъ извиненій и многихъ вопросовъ относительно похоронъ, Императрица поручила мнѣ запечатать свои письма, надписать адреса и написать письмо молодой княгинѣ Ливенъ, съ препровожденіемъ письма ея *belle mère*. Вернулся въ 4^{1/2} часа.

24. Среда. Я былъ дежурнымъ и отправился во дворецъ ранѣе 10 часовъ. Въ канцеляріи я приготовилъ три отвѣта на поздравленія о счастливомъ разрѣшеніи Великой Княгини, которыя я забылъ вчера: Тутолмину, m-lle Васмутъ и Віолье. Написалъ также проектъ приказа о постройкахъ въ Александровскѣ, которыя должны были строиться на счетъ суммъ воспитательнаго дома, а именно: церковь, классы и рекреационное зало и погреба; по полученнымъ отъ Вильсона планамъ эти постройки должны были обойтись въ 155.269 рублей. Я поднялся на верхъ съ бумагами и ждалъ до 2-хъ часовъ. Императрица была у Великой Княгини и потребовала меня по возвращеніи въ 2 часа. Она мнѣ дала записку съ именами двухъ сыновей Ушакова, помѣщенныхъ Государемъ въ пажи, и которыхъ Императрица приказала, если будетъ необходимо, содержать на счетъ Великихъ Князей, а также письмо Ахвердова ²⁾, который проситъ о помѣщеніи въ пажи своего племянника, за котораго платитъ намѣрена сама Императрица.

Окончили бумаги около 3-хъ часовъ, и я отправился къ Государю. Я увидѣлъ въ пріемной портфель Сперанскаго ³⁾, который впрочемъ скоро вышелъ отъ Государя, и я былъ позванъ. Государь приказалъ мнѣ написать князю Голицыну ⁴⁾ о трехъ пажахъ, но прибавилъ, что они будутъ только записаны, такъ какъ по неимѣнію мѣстъ приняты быть не могутъ, а при открытіи ваканціи они поступятъ въ число комплектныхъ и

¹⁾ Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (1759—1829), генералъ-прокуроръ при Павлѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I, членъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Ахвердовъ, Николай Исаевичъ, воспитатель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, генералъ-лейтенантъ (1755—1817).

³⁾ Гр. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, впоследствии графъ и членъ Государственнаго Совѣта, въ описываемое время всесильный государственный секретарь и любимецъ Императора Александра I (1772—1789).

⁴⁾ Князь П. А. Голицынъ состоялъ при цесаревичѣ Константиנѣ, начальникъ военно-уч. заведеній.

потому за нихъ платить не надо. Онъ мнѣ передалъ корреспонденцію Императрицы съ герцогомъ Александромъ, которую мнѣ было поручено спросить, и сказалъ, что онъ только-что хотѣлъ самъ отвезти. Онъ назначилъ мнѣ докладъ на понедѣльникъ послѣ обѣда вмѣсто субботы, сказавъ, что онъ не знаетъ, будетъ ли дома въ субботу. Отпущенный такъ скоро, я возвратился въ канцелярію и написалъ порученный мнѣ отвѣтъ м-ше Адлербергъ, пошелъ въ большой кабинетъ Великой Княгини, гдѣ я отдалъ пакетъ, полученный отъ Императора, для передачи Императрицѣ. Тамъ, узнавъ, что Государь у нея, я пошелъ внизъ къ обѣду, гдѣ засталъ всѣхъ за столомъ, но для меня былъ накрытый приборъ. Черезъ нѣсколько времени пришли за мной отъ Императрицы. Я ей передалъ отвѣтъ Государя относительно 3-хъ пажей и вернулся обѣдать. Она мнѣ отдала на храненіе корреспонденцію съ ея братомъ. Послѣ обѣда я положилъ на столъ къ Императрицѣ письмо къ г-жѣ Адлербергъ.

Увижу, удастся ли мнѣ въ понедѣльникъ сказать Государю, что Императрица нуждается въ деньгахъ. Я ушелъ домой, а оттуда къ Гревницу. Туда пришли за мной отъ Императрицы. Приѣхалъ курьеръ изъ Веймара и желали ему дать часы или табакерку въ 200 руб. Я нашелъ табакерку въ эту цѣну и далъ ему. Онъ мнѣ привезъ письмо отъ барона Энде ¹⁾, въ которомъ онъ говоритъ объ убыткахъ, которые несетъ Великая Княгиня на процентахъ своего приданого, которые рассчитываются по 36^{1/2} стувера. Дѣло въ томъ, что проценты платятся монетою, а такъ какъ мы не имѣемъ курса на звонкую монету, то оцѣниваютъ по цѣнѣ дня на ассигнаціи, то рубль и не выходитъ по 36^{1/2} стуверу. Я не знаю, какъ помочь этому. Надо устроить, чтобы казначейство покрыло потерю этого года, а впредь, чтобы брали векселя на звонкую монету на 25.000 руб. по 36^{1/2} стуверу за рубль. Вернулся домой и написалъ это.

25 Четвертъ. Всталъ въ 7^{1/4} часовъ. Было очень холодно, такъ какъ ночью былъ морозъ, но погода ясная. Я написалъ нѣсколько писемъ и отправился въ 10^{1/2} часовъ во дворецъ, передалъ мои бумаги, зашелъ справиться о здоровьѣ Великой Княгини; сказали, что оно было хорошо; но я послѣ узналъ отъ Гревница, который слышалъ отъ княгини Волконской ²⁾,

¹⁾ Гофмейстера Великой Княгини Маріи Павловны, Великой Герцогини Саксенъ-Веймарской.

²⁾ Княгиня Волконская, Александра Николаевна, урожд. княжна Рѣпина, статсъ-дама, оберъ-гофмейстерина (1757—1834), мать декабриста, кн. Сергѣя Григорьевича.

что у Великой Княгини вчера была сильная лихорадка. Въ 11 часовъ я ушелъ изъ дворца и отправился гулять вдоль рѣки до деревяннаго моста, между Пилемъ и Елисаветинскимъ, павиліономъ хотѣлъ идти далѣе, но, увидавъ на другомъ берегу дамъ, я перешелъ мостъ. Оказалось, что это были Крыловы. Я возвратился черезъ новую Сильвію и, увидавъ у старой фермы дамъ, я узналъ голоса Давыдова и М-ше Бенкендорфъ. Я повернулъ назадъ, увидалъ Давыдова съ женой, подошелъ и поговорилъ съ ними, потомъ увидѣлъ М-ше Бенкендорфъ, М-ше Нелидову, двухъ Биронъ и Кочетову. Это большое общество, съ присутвіемъ г-жи Давыдовой, дѣлало мое присутвіе менѣе значительнымъ, и я очень радъ за Луизу, которая не могла быть совершенно довольна. Я оставилъ ихъ, зашелъ во дворецъ, выбралъ табакерку для Рейнбота ¹⁾, за его уроки въ Маріинскомъ институтѣ, и возвратился домой.

26. Пятница. Я былъ дежурный и пошелъ въ канцелярію въ 10 часовъ утра. Написалъ пару писемъ, снесъ ихъ наверхъ и ушелъ домой. Продолжалъ выписки изъ устава о воспитательномъ домѣ; онъ печатный, но не исполняется. Въ часъ вернулся во дворецъ. Скоро возвратилась Императрица, и мы занялись бумагами. Она ожидала Императрицу Елисавету, которая должна была уже быть въ городѣ. Обѣдалъ во дворцѣ; послѣ обѣда, проводивъ М-ше Нелидову, я ушелъ домой и продолжалъ чтеніе печатнаго устава воспитательнаго дома. Пришелъ Гревницъ, пилъ чай, а по уходѣ его я сдѣлалъ выписки изъ письма Великой Княгини Маріи, гдѣ говорится о потерѣ болѣе 1.300 экю, потому что ей не послали 25.000 р. процентовъ съ приданаго по расчету 36^{1/2} стевера, но по ассигнаціонной стоимости. Еще третьяго дня я получилъ письмо отъ барона Энде по тому же вопросу, которое я и показалъ вчера Императрицѣ, которая приказала мнѣ переговорить съ Гурьевымъ, когда мы будемъ въ городѣ. Окончивъ копію, я пересмотрѣлъ балансъ; присланный Вильсономъ, принятыхъ имъ коммерческихъ дѣлъ; онъ присоединилъ къ нему другой, гдѣ всѣ суммы въ иностранныхъ монетахъ, золотыхъ и серебряныхъ, рассчитаны по настоящему курсу; множимъ 270 на 100, это даетъ дефицитъ въ 1.156.703 р.; прибавляя къ этому разные убытки, въ томъ числѣ Брелиссъ, Щепкина и Липранди, все составляетъ 1.474.108 р. Въ этомъ одного лажу почти на

¹⁾ Рейнботъ, Фридрихъ-Тимоей Николаевичъ, генералъ-супергъ-интендентъ, пасторъ церкви св. Анны (1781—1837).

1.200.000. Если сосчитать суммы по цѣнности звонкой монеты, какъ говорятъ по 4 р. 25 к. асс. рубль, это прибавляетъ 50%, т. е., на 360 тысячъ 180 тысячъ, значитъ, все составляетъ болѣе 1.650.000. Я написалъ записку, приложивъ къ балансу, чтобы объяснить этотъ дефицитъ. Герцогиня Александра Виртембергская ¹⁾ пріѣхала сегодня.

27. *Суббота*. Всталъ въ 7 часовъ, прошелся съ трубкой въ своемъ саду. Было очень холодно, ночью сильно морозило. Написалъ нѣсколько писемъ и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ балансомъ въ канцелярію. Потомъ сѣлъ чинить перья для Императрицы, вслѣдъ за тѣмъ Императрица прислала за мной. Пріѣхалъ во дворецъ. Императрица гуляла. Я зашелъ расписаться къ Великой Княгинѣ. Императрица возвратилась. Просмотрѣла записку, приготовленную для Государя, и сдѣлала поправки по-своему. Позвала Вольфа, прочла намъ двумъ и поручила мнѣ сдѣлать исправленія и вставки, и ушла къ Великой Княгинѣ, а мы остались въ кабинетѣ. Сдѣлавъ поправки, я положилъ записку въ ея черную шкатулку. Возвратясь, она просмотрѣла балансъ и передала его мнѣ, равно какъ другія бумаги. Я пошелъ внизъ, написалъ отвѣты г. Адлербергъ и Брейткопфъ, которые и передалъ Вольфу, и ушелъ домой, гдѣ снова началъ дѣлать выписки изъ устава воспитательнаго дома.

28. *Воскресенье*. Былъ дежурнымъ; отправился во дворецъ въ 10 часовъ. До обѣдни не было ничего особеннаго. Присутствовалъ послѣ обѣдни на пріемѣ и потомъ принять былъ Совѣтъ. Былъ вопросъ о мѣрѣ, предложенной Саблуковымъ, т. е. требовать отъ всѣхъ просящихъ отсрочки платежа капитала въ звонкой монетѣ двойную уплату ассигнаціями. Потомъ говорили о мѣрѣ, предложенной мною, объ уничтоженіи тайны при пріемѣ дѣтей въ воспитательный домъ.

Саблуковъ сдѣлалъ возраженіе, указывая на трудность исполненія, но согласился при нѣкоторомъ измѣненіи. Эти пререканія кончились уже послѣ обѣда, такъ какъ онъ былъ приглашенъ обѣдать во дворецъ. Послѣ обѣда были разсужденія съ кн. Шаховскимъ ²⁾ и Саблуковымъ насчетъ дѣтей и плановъ, приказъ о которыхъ предполагался быть подписаннымъ завтра.

Саблуковъ далъ прочесть проектъ представленія въ Государственный Совѣтъ относительно русскихъ, которые живутъ

¹⁾ Т. е. супруга герцога Александра Виртембергскаго, Антонина-Амалия (1778—1824).

²⁾ Кн. Шаховской, Николай Леонтьевичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, почетный опекунъ (1758—1836).

и путешествуютъ за границей. Я замѣтилъ двѣ вещи. Одну—относительно университетовъ, что эта страсть, бывать за границей, дѣлаетъ то, что они не процвѣтаютъ, другую я нашелъ, что предложеніе платить за отъѣздъ 10 р. въ казну, слишкомъ умѣренное, когда продаютъ имѣніе, чтобы уѣхать за границу. Императрица, отпуская меня, ничего не сказала о балѣ. Это меня задѣло неприятно, я желалъ быть на немъ, чтобы наблюдать за Биронъ. Я пошелъ передать бумаги Саблукову и остался до девяти часовъ и видѣлъ Давыдова, очень задумчиваго, точно влюбленный. Луиза тоже, но поклонилась мнѣ очень мило.

29. *Понедѣльникъ*. Вслѣдствіе полученнаго приказанія я отправился во дворецъ въ 8 часовъ утра, чтобы приготовить письмо Государю. Въ 8^{1/2} часовъ вышла Императрица купаться, сказавъ: „вернусь черезъ полчаса, погуляйте пока“. Я ушелъ въ канцелярію написать два слова, возвратился, пошелъ наверхъ и ждалъ до 10 часовъ. Въ этотъ промежутокъ я зашелъ расписаться къ Великой Княгинѣ. Императрица возвратилась и прошла къ Великой Княгинѣ. Наконецъ, въ 11 часовъ она повзвала меня, передала нѣкоторыя бумаги и въ концѣ концовъ сѣла за писаніе записки, потребовавъ къ этому и Вольфа. Я диктовалъ; наконецъ, она кончила. Она мнѣ передала дорожные часы, назначенные для Государя, равно какъ и свою черную шкатулку для починки. Въ ^{3/4} перваго я уѣхалъ. Дома было все готово. Въ 1 час. 20 мин. я поѣхалъ. Къ 4 часамъ я пріѣхалъ въ городъ, переодѣлся и въ другой каретѣ поѣхалъ на Каменный островъ, по дорогѣ я заѣхалъ къ Дювалю, отдать шкатулку и къ часовому мастеру для поправки стрѣлокъ у часовъ. Пріѣхалъ на Каменный островъ. Государя не было дома. Я велѣлъ доложить о себѣ Императрицѣ Елисаветѣ и поздравилъ ее съ благополучнымъ возвращеніемъ; я передалъ списокъ дѣвицамъ, не попавшимъ по баллотировкѣ въ Московскій институтъ, для выбора пенсіонерокъ и указалъ ей на двухъ, въ которыхъ принимаютъ участіе Нелединскій и княгиня Прозоровская. Показалъ также письмо Бутурлиной, урожденной Воронцовой, написанное по поводу нѣкоей Яннадорвской. Она мнѣ сказала, что трудно выбирать и лучше довѣрить жребію и въ концѣ возвратила письмо Бутурлиной, не прочитавъ, на что, я полагаю, есть учтивый отказъ, такъ какъ она такимъ образомъ не знаетъ имени той, о комъ просятъ. Я возвратился на верхъ ожидать Государя. Послѣ 7 часовъ пріѣхалъ Государь. Между тѣмъ

пріѣхалъ маркизь де-Траверее ¹⁾ и былъ позванъ первымъ. Наконецъ, позвали и меня. Государь прочелъ записку и сказалъ: „не короче ли будетъ сдѣлать расчетъ, сколько не достанетъ доходовъ въ концѣ года на содержаніе воспитательнаго дома и другихъ заведеній (Ne serait il pas plus court de faire un calcul de ce qui à la fin de l'année manquerait aux revenus pour l'entretien de la M. D. E. T. et autres établissements). Я отвѣтилъ, что еще доходовъ хватитъ, но что дѣла въ потерѣ на капиталѣ воспитательнаго дома, и потому вслѣдствіе уменьшенія его, уменьшаются также доходы. Я говорилъ объ Александровскѣ и о долгѣ въ звонкой монетѣ и пр. Наконецъ, онъ сказалъ, что онъ рассчитываетъ и увидитъ, что можно сдѣлать, „но“, прибавилъ онъ, „эти конфискаціи уже приняты въ расчетъ съ открытіемъ навигаціи, но за то есть расходы, на которые не рассчитывали“. Когда все было окончено, я просилъ Государя позволенія поговорить о другомъ предметѣ, и сказалъ ему, что Императрица намѣревалась много разъ попросить у него денегъ, но не имѣла смѣлости, такъ что, наконецъ, рѣшилась занять 50 тысячъ рублей, которые мы еще не нашли. Государь спросилъ: „развѣ ваши дѣла идутъ не хорошо?“ Я отвѣтилъ, — нѣтъ, что Императрица говорила, можетъ быть, не сдѣлаетъ ли Государь подарокъ къ своимъ именинамъ и замѣтила, что она всегда отказывалась отъ подарковъ и пр. Государь сказалъ: для этого нечего дѣлать расчетовъ, я возьму деньги въ кабинетѣ и дамъ (Pour ceci il n'y a pas de calculer à faire, je prends l'argent au cabinet et le donne). Онъ говорилъ потомъ о способѣ, какъ бы это устроить; онъ хотѣлъ прислать ихъ мнѣ и предоставить устроить, какъ знаю. Я замѣтилъ, что лучше бы было написать, а если не угодно, то переговорить съ нею и пр. Наконецъ, онъ сказалъ: „устроимъ“ (nous l'arrangerons), и я уѣхалъ. Я заѣхалъ къ Моро за часами и возвратился во дворецъ, куда пріѣхалъ Государь, въ ту минуту, какъ я подъѣзжалъ; я скорѣе поднялся на верхъ и передалъ часы камердинеру, который понесъ ихъ Государю, который былъ у матери. Когда онъ ушелъ, я вошелъ къ Императрицѣ и доложилъ обо всемъ. Она приказала тотчасъ идти къ Гурьеву, чтобы предупредить его. Я отправился, но онъ былъ на дачѣ.

¹⁾ Маркизь Иванъ Ивановичъ де-Траверее, адмиралъ (1754—1830) былъ въ это время морскимъ министромъ. По его титулу Невская губа стала называться Маркизовой лужей.

30. *Вторникъ.* Праздникъ Александра Невскаго. Я отправился къ Гурьеву, онъ наговорилъ много обычныхъ для него любезностей, что какъ только Государь передастъ ему записку, онъ наведетъ всѣ справки и пр. Я ему говорилъ о письмѣ Великой Княгини Маріи и онъ взялъ выписку изъ ея письма, чтобы заняться этимъ дѣломъ. Я поѣхалъ во дворецъ и видѣлъ Императрицу передъ ея отъѣздомъ въ Невскій монастырь и доложилъ объ исполненіи ея порученія. Зашелъ къ сестрѣ и условился съ Сергѣй Сергѣевичемъ Ланскимъ ѣхать въ субботу въ Александровское для производства опыта пряжи изъ пеньки, приготовленной нами. Послѣ обѣда поѣхалъ во дворецъ просить разрѣшенія остаться въ городѣ для поѣздки въ Александровское. Императрица говорила мнѣ о своемъ братѣ Александрѣ, который жалуется, говорить о жертвахъ, приносимыхъ имъ Россіи, которыхъ у него не просятъ, потому что предоставляютъ ему на волю оставаться въ Россіи или оставить службу для пользованія удѣльнымъ содержаніемъ, которое ему король Виртембергскій возвращаетъ при этомъ условіи. Записка, написанная Государемъ по этому случаю герцогу Александру, отлично составлена. Императрица разрѣшила мнѣ остаться до субботы, рекомендуя ежедневно заходить къ Гурьеву. Когда я былъ отпущенъ и вышелъ въ залъ, то увидѣлъ обѣихъ Биронъ—Луизу, сидящую на диванѣ съ Давыдовымъ. Поговоривъ съ Дивовой, княгиней Прозоровской и Екатериной Биронъ, я ушелъ. Позже увидѣлъ г-жу Адлербергъ, мы говорили о Луизѣ, и она сказала мнѣ между прочимъ, что она ничего не замѣтила особеннаго въ отношеніяхъ Давыдова къ Луизѣ. Я замѣтилъ, что видѣться, говорить при данныхъ случаяхъ довольно опасно, даже если бы они говорили о вещахъ вполне обыкновенныхъ, и рѣшилъ написать Луизѣ по этому поводу. Потомъ былъ въ театрѣ въ Эрмитажѣ, давали пьесу: „10 лѣтъ супружества“ (10 ans de mariage), прехорошенькая музыка Больдье (Boieldieu), потомъ балетъ-феерія. Вечеромъ возвратились домой; вымывъ голову, не буду пудриться до субботы.

31. *Среда.* Былъ въ канцеляріи и послалъ Императрицѣ для подписи заемное письмо Раллю на 50 тысячъ рублей, занятыхъ у него Императрицею. Написалъ также Вольфу увѣдомленіе о моей завтрашней поѣздкѣ въ Александровское. Обѣдалъ у Дюваля вмѣстѣ съ Виолье и Больдье. Былъ разговоръ о франкмасонствѣ. Виолье много говорилъ объ этомъ и приглашалъ меня поѣхать въ ложу сегодня же вечеромъ. Я отговорился

недостаткомъ времени, имѣя всего два дня отпуска. Пѣли ма-
сонскіе гимны. Вечеромъ провѣрилъ книги личной кассы и
гардероба Императрицы и сдѣлалъ нужныя выписки.

1 сентября. Четвергъ. Отправился во дворецъ, чтобы отпра-
вить личныя деньги Императрицы и книги. Пріѣхалъ въ Але-
ксандровское. Все было готово для опыта; пенька была выбѣ-
лена, но опытъ не удался, волокнистости не было; пропущенная
черезъ машину она падала изъ цилиндровъ, какъ пухъ. Смѣ-
шали ее съ хлопчатой бумагой, дѣло пошло лучше, и мы до-
бились, что она прошла всѣ операціи до нитки. Человѣкъ,
приготавливающій пеньку, нѣкто Кочетовъ, убѣдился теперь въ
невозможности обрабатывать на нашихъ машинахъ. Обѣщаль
достать болѣе длинную пряжу. Вернулся изъ Александровска
въ 8 часовъ вечера.

2. Пятница. Былъ у Саблукова, онъ еще не вернулся изъ
деревни; потомъ у Гурьева, который не получилъ еще записки,
поданной въ понедѣльникъ Государю. Въ канцеляріи написалъ
Императрицѣ донесеніе объ опытахъ въ Александровскѣ. Въ
первомъ часу зашелъ къ Балашову, который мнѣ назначилъ
свиданіе въ 6 часовъ послѣ обѣда. Отправляя донесеніе Импе-
ратрицѣ, я упомянулъ о слухахъ, что Бернадотъ, избранный
наслѣдникомъ шведскаго престола, долженъ пройти черезъ Пе-
тербургъ съ 30 тысячами войска. Газета объявляетъ офици-
ціально о состоявшемся его избраніи. Въ понедѣльникъ въ приѣм-
ной Государя Горголи ¹⁾ мнѣ рассказывалъ эту новость объ из-
браніи Бернадота, канцлеръ объявилъ, что это сказки и город-
скія сплетни. Черезъ два дня послѣ разговора гр. Р. сказалъ:
„Ну, что же, я въ этомъ не вижу ничего худого“ (En
bien, je ne vois pas de mal à cela). Что же видитъ этотъ
милый человѣкъ?

Обѣдалъ у кн. Голицына. Послѣ обѣда обошли часть заве-
денія, видѣли успѣхи дѣвицъ въ классѣ французскаго языка,
произношеніе прекрасное. Прошли въ садъ, а въ 6 часовъ я
былъ уже у Балашова. Балашовъ былъ занятъ, у него сидѣлъ
сенаторъ Борщовъ ²⁾, который около года мучаетъ его изъ-за
смѣшного процесса по поводу нѣсколькихъ аршинъ земли. Въ
приемной я увидѣлъ экспедитора, который мнѣ представился,
какъ жилецъ въ моемъ домѣ.

¹⁾ Иванъ Саввичъ Горголи, д. т. с., сенаторъ, писатель. Одинъ изъ
клевретовъ графа Палена въ мартѣ 1801 г. Р. въ 1770 г., т. 1862.

²⁾ Борщовъ, Сергѣй Семеновичъ, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ
(1745—1837).

Наконецъ вышелъ Балашовъ, жалуясь на сенатора. Я говорилъ ему о предложенной мѣрѣ для уменьшенія приноса дѣтей въ воспитательный домъ, т. е., уничтоженіе тайны приноса для воспитательнаго дома, или, лучше сказать, для экспедиціи, опрашивая тѣхъ, которые приносятъ дѣтей и, назначивъ полицейскаго чиновника, который бы помогалъ розыску. Онъ нашелъ это прекраснымъ, а на мое заявленіе, что я бы желалъ вовсе закрыть этотъ домъ, объявилъ, что раздѣляетъ вполне мое мнѣніе. Онъ посоветовалъ установить правило, требовать паспорта отъ тѣхъ, кто приносить дѣтей, а у кого не окажется, отсылать къ назначенному чиновнику для наведенія справокъ о нихъ, дѣлая это по принятіи ребенка. Онъ полагалъ, что это отвадитъ многихъ. Онъ былъ того мнѣнія, чтобы ничего не публиковать объ этомъ, но приказать къ исполненію воспитательному дому для того, чтобы можно было отмѣнить эту мѣру, если она не принесетъ пользы. Но онъ думаетъ, какъ и я, что польза должна быть. Потомъ я спросилъ о прохожденіи 30 тысячъ войскъ съ Бернадотомъ. Онъ сказалъ, что слышалъ то же, но болѣе этого ничего не знаетъ, потому что никто и ничего ему не говорилъ, и что онъ будетъ принужденъ обратиться по этому поводу къ канцлеру. Вообще онъ былъ очень недоволенъ ходомъ дѣла. Онъ до сихъ поръ не знаетъ круга своихъ обязанностей, хотя онъ назначенъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ. Когда онъ желаетъ знать то или другое, ему отвѣчаютъ: „это можно оставить“. Онъ просилъ Государя опредѣлить границы его власти, представляя, что кругъ его обязанностей можетъ быть малый, средній или большой, что онъ не только не просился быть министромъ полиціи, но что онъ былъ противъ учрежденія этого министерства, но если Государь желалъ, чтобы онъ былъ министромъ, то ему надо указать предѣлы его власти. Государь отвѣтилъ: „чѣмъ больше, тѣмъ лучше“, а, когда онъ спрашивалъ, что такой-то предметъ входитъ ли въ его вѣдѣніе, ему отвѣчали: „это можно оставить“. Государь ему сказалъ, что онъ предполагалъ, что Балашовъ, занятый своимъ новымъ министерствомъ, попроситъ увольненія отъ должности военнаго губернатора. Онъ отвѣтилъ, что это вполне зависитъ отъ воли Его Величества. „Не сейчасъ“ возразилъ Государь, „я думаю черезъ мѣсяць или два“. Кромѣ странности слышать, что подобнаго рода вопросъ могъ идти отъ Государя, надо еще замѣтить, по словамъ Балашова, что недѣли двѣ ранѣе этого, говоря о революціи 12-го марта, Государь замѣтилъ о неудобствѣ соединенія слишкомъ большой

власти въ одномъ лицѣ, приписывая причину революціи этому соединенію въ рукахъ Палена ¹⁾). Балашовъ возразилъ, что дѣло не въ соединеніи, а въ выборѣ лица, и въ рукахъ Палена это, конечно, было опасно, но, имѣя дѣло съ другимъ лицомъ, это дать средство человѣку помѣшать революціи.

Не кажется ли, что Государь, который, повидимому, почтилъ его особой довѣренностью, считаетъ его за человѣка, которому опасно дать много власти. Вообще, говоритъ Балашовъ, что несмотря на то, что ему показываютъ особое довѣріе, отъ него скрываютъ многія вещи, которыя было бы полезно знать, а другія ему повѣряютъ вполне. Но это полудовѣріе.

Говоря о Паленѣ, онъ мнѣ передалъ то, что тотъ самъ ему рассказывалъ, а именно, что онъ всегда держалъ на запасъ арестованныхъ какихъ-нибудь пьяницъ или мошенниковъ и, когда Императоръ Павелъ гулялъ и, если напримѣръ, кто-нибудь въ голубомъ сюртукѣ ему не поклонился, и требовалось найти такового, онъ всегда находилъ у себя въ запасѣ человѣка въ голубомъ сюртукѣ. Утромъ онъ докладывалъ Императору, а несчастнаго вели на площадь, гдѣ онъ получалъ 100 ударовъ палками для того, чтобы Государь только видѣлъ, что былъ голубой сюртукъ (*pour se que l'Empereur vit qu'il y avait un surtout bleu*).

„Этотъ человѣкъ былъ вполне безчестный, прибавилъ онъ (*c'était un homme sans foi, ni loi*)“.

Я его спросилъ, разрѣшены ли масонскія ложи, прибавивъ, что я получилъ приглашеніе туда. Онъ отвѣтилъ, что онъ только мнѣ скажетъ, въ чемъ дѣло, что онъ формально не разрѣшены, но ихъ оставляютъ въ покоѣ, наблюдая за ними; что онъ надѣлалъ много шума и о нихъ много говорятъ, что правительство имѣетъ виды на эти ложи и хотятъ ими воспользоваться для того, о чемъ первые чины мнѣ даже не могутъ сказать, такъ какъ не знаютъ, но желаютъ ими пользоваться и занимаютъ имп. Пока 3 или 4 дня тому назадъ, воспретили приѣмъ новыхъ членовъ, ограничиваясь прежними, что если будутъ приняты какія-либо мѣры, онъ меня увѣдомитъ, а пока умнѣе воздержаться и обождать. Онъ прибавилъ, что говоритъ это только мнѣ.

Я, конечно, буду соображаться съ его совѣтомъ. Вечеромъ

¹⁾ Известный глава заговора противъ императора Павла, петербургскій военный генераль-губернаторъ, графъ Пётръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ (1744—1826).

я былъ у сестры, гдѣ дѣти давали спектакль. Написалъ письмо Луизѣ Биронъ.

3. *Суббота.* Я отправился къ Саблукову, но его не всталъ. Зашелъ въ канцелярію и отправилъ деньги Великой Княгини Анны въ совѣтъ воспитательнаго дома. Собирался вновь къ Саблукову, но въ эту минуту получилъ отъ него приглашеніе обѣдать на дачу. Сѣвъ въ яликъ, я отправился къ нему. Я ему передалъ, что приказано Императрицей представить докладъ о его предложеніи, о платежѣ заемщиками 2-хъ рублей ассигнаціями вмѣсто 1-го звонкою. Онъ обѣщалъ прислать завтра проектъ доклада. Вечеромъ пріѣхалъ въ Павловскъ.

4. *Воскресенье.* Я отправился въ 10 часовъ во дворецъ. Императрица была на прогулкѣ. Она меня спрашивала о городскихъ новостяхъ. Я ей передалъ часть разговора съ Балашовымъ. Относительно Бернадота она сказала, что онъ садится на суда въ Любекъ. Она тоже сказала: „канцлеръ увѣряетъ, что слухъ о союзѣ наступательномъ и оборонительномъ между Франціей и Австріей лишень всякаго основанія“. Я замѣтилъ, что тотъ, кто считаетъ избраніе Бернадота счастливымъ для насъ событіемъ, не есть человекъ, на котораго можно полагаться. Никто изъ членовъ нашего совѣта не явился сегодня. Почти не было дѣла съ бумагами. Я обѣдалъ во дворцѣ. Луиза Биронъ была дежурной, а Давыдовъ сидѣлъ на противоположномъ концѣ стола. Не знаю, съ намѣреніемъ ли, но она за столомъ была очень разговорчива. Послѣ обѣда ничего замѣчательнаго не было, но я получилъ приглашеніе на балъ. Я зашелъ домой, чтобы переодѣться во фракъ, но, къ счастью, вспомнилъ, что это канунъ праздника, и хорошо сдѣлалъ, что остался въ мундирѣ, такъ какъ всѣ были также одѣты. Я сыгралъ нѣсколько партій въ шахматы съ графомъ Литта и генераломъ Бетанкуромъ ¹⁾. У перваго я выигралъ, когда подали ужинъ. Въ 10^{1/2} часовъ я возвратился домой.

5. *Понедѣльникъ.* Именины Императрицы Елисаветы. Я отправился во дворецъ, куда меня потребовали. Послѣ обѣдни были большія разсужденія съ Саблуковымъ по поводу доклада. Императрица поручила мнѣ видѣться съ Кампенгаузенемъ, если онъ пріѣдетъ къ обѣду, и спросить его, передалъ ли ему Государь записку прошедшаго понедѣльника. Я отправился въ залу, но Кампенгаузена не было. Было много народа. Я уѣхалъ обѣдать

¹⁾ Бетанкуръ, Августинъ Францовичъ, инженеръ-генералъ, главный директоръ путей сообщенія (1758—1824).

домой и послѣ обѣда возвратился во дворецъ съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ обществу, когда пойдутъ отъ обѣда въ залу. Это удалось. Императрица поручила мнѣ взять отъ Саблукова переписку съ Гурьевымъ, относительно даннаго кредита воспитательному дому въ два милліона въ прошломъ году, и которые Гурьевъ не могъ выдавать съ тѣхъ поръ, какъ въ банкѣ нѣтъ капиталовъ, а новыхъ ассигнацій не дѣлаютъ. Она спросила, говорилъ ли я съ Гурьевымъ. Я отвѣтилъ „да“ и сочинилъ отвѣтъ согласно тому, что онъ мнѣ говорилъ въ городѣ, то что онъ не можетъ располагать никакой суммой, кромѣ поименованныхъ въ бюджетѣ. Взявъ бумаги у Саблукова, я послалъ за указомъ о кредитѣ, котораго у него не было, и присоединился къ обществу; но напрасно. Семейство собралось, чтобы идти въ театръ, и я отправился домой, гдѣ остался въ мундирѣ, ожидая, что меня потребуютъ. Написалъ письмо къ Энде съ препровожденіемъ счета Дюваля и свой, такъ какъ молодой Крафтъ увѣзжаетъ въ Парижъ, а Императрица хотѣла послать съ нимъ письмо къ Великой Княгинѣ Маріи. Около 10 часовъ я пошелъ во дворецъ, чтобы поймать Гурьева прежде, нежели онъ увидитъ Императрицу, чтобы предупредить его, если возникнетъ разговоръ. Онъ мнѣ отвѣтилъ то, что я ранѣе сказалъ Императрицѣ. Я спросилъ его, на что можетъ быть ассигнованъ кредитъ, если таковой назначать. Онъ не зналъ, что отвѣтить. Возвратился домой, ожидая призыва напрасно до полуночи.

6. *Вторникъ*. Отправился во дворецъ. Императрица приготавливала подарки, которые назначались по случаю сегодняшнихъ крестинъ молодого принца Голштинскаго. Она меня послала къ Государю въ Царское Село съ бумагами относительно кредита. Я отправился, ждалъ довольно долго и былъ, наконецъ, принять послѣ 12 часовъ. Государь сказалъ, что это глупости. Гурьевъ не правъ и не имѣетъ права примѣнять указъ, о которомъ Государь хорошо помнитъ, что онъ долженъ бы былъ, въ крайней мѣрѣ, доложить ему о томъ, что указъ будетъ приведенъ въ исполненіе не позже четверга. Я напомнилъ относительно записки объ Александровскѣ; Государь сказалъ, что онъ не забылъ и занимается этимъ. Онъ поѣхалъ на крестины въ Павловскъ. Я возвратился и дожидался до 2^{1/2} часовъ въ кабинетѣ Императрицы. Завтракъ былъ у Великой Княгини. Императрица приказала вчера положить на имя молодого принца 10.000 руб., котораго называли Фридрихъ, Павелъ, Александръ, до достиженія имъ 21 года, а сегодня я получилъ уже билетъ

сохранной казны. Императрица возвратилась, я передалъ ей отвѣтъ Государя, и она приказала написать Саблукову „успокоиться (d'être tranquille), что все устроится“.

Я ему написалъ, что послѣ словесныхъ объясненій съ Ихъ Величествами совѣтую, чтобы онъ воздержался отъ отвѣта Гурьеву до новаго приказанія.

Императрица мнѣ передала для раздачи подарки, а именно; перстень въ 1.400 руб., 2.000 руб. ассигнаціями—Крейтону, перстень князю Гагарину ¹⁾, такой же Ликтону въ 1.200 руб., тоже Гарри, но меньшей цѣнности; 2.000 руб. и фермуаръ повивальной бабкѣ. Табакерку въ 1.000 руб. графу Головкину, перстень пастору Фальбергу, крестившему ребенка. Я передалъ подарки Крейтону, онъ взялъ отдать тоже и Гарри. Пошелъ въ столовую и передалъ табакерку графу Головкину, а прежде того передалъ перстень князю Гагарину и всѣмъ остальнымъ. Вернулся домой, купилъ черепаховую табакерку для моего тестя къ завтрашнему дню его рожденія и Лизѣ игольникъ къ именинамъ. Г-жа Вольфъ пришла проститься, завтра уѣзжаетъ изъ Павловска. Написалъ разныя письма съ препровожденіемъ денегъ въ институты, переданныя мнѣ Віолье, и написалъ дневникъ съ 31-го по 6-ое включительно.

7. *Среда*. Въ четверть перваго я выѣхалъ въ дрожкахъ изъ дому, проѣхалъ мимо оконъ Нелидовой, но никого не видѣлъ. Переѣхавъ мостъ Крика, я хотѣлъ ѣхать къ Елисаветинскому павильону и увидалъ Императрицу, направляющуюся туда же, и потому поѣхалъ прямо, пріѣхавъ къ новому Шале и оттуда на ферму осматривать декоративную живопись, которой Гонзаго²⁾ маскировалъ видъ на деревню Глазову; рисунокъ представлялъ городскія ворота съ колоннадой по обѣимъ сторонамъ, а наверху рожденіе Геркулеса, задавливающаго двухъ змѣй, намекъ на рожденіе молодого принца Голштинскаго; слѣва другія ворота, по бокамъ которыхъ укрѣпленія съ башнями. Я вошелъ на ферму и смотрѣлъ видъ съ балкона. Увидѣлъ Императрицу около новаго Шале. Потомъ я отправился по дорогѣ въ Глазову и повернулъ къ Елисаветинскому павильону, и далѣе на новую Сильвію и къ монументу. Тамъ встрѣтилъ Гревница и Маршана и, войдя въ монументъ, увидѣлъ Великаго Князя Михаила съ

¹⁾ Гагаринъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, сенаторъ, шталмейстеръ (1771—1832).

²⁾ Гонзаго, Петръ Ѳедоровичъ, перспективный живописецъ придворнаго театра, декораторъ и архитекторъ, † 1831 г. Ему Павловскій паркъ обязанъ многими своими украшеніями.

Ахвердовымъ и Маркевичемъ. ¹⁾ Пробывъ тамъ нѣкоторое время, я вышелъ за ограду и, разговаривая съ Гревницомъ, увидѣлъ Давыдова, идущаго съ дамой, которую я принялъ за его жену, но лицо, платье и голосъ мнѣ показались, къ великому удивленію, похожими на Луизу Биронъ. Но когда они подошли ближе, я убѣдился, что это была его жена съ которой, хотя она имѣла видъ довольно грустный, онъ игралъ роль добраго мужа. Но я былъ очень доволенъ, увидѣвъ ихъ въ это время въ отдаленіи отъ Луизы. Присутствіе жены перерветъ, можетъ быть, на время ихъ свиданія и дастъ время Луизѣ поразмыслить о моемъ письмѣ. Я прошелъ мимо дома Багратионъ, театра и дома М-ше Нелидовой, куда, какъ я увидѣлъ *послѣ*, Императрица возвращалась съ прогулки въ обществѣ, въ которомъ, мнѣ показалось, была и М-ше Бенкендорфъ. Я вошелъ во дворецъ. Императрица возвратилась и поручила мнѣ написать письмо Васильчикову, новгородскому губернатору, прося его доставить 1.000 липокъ для новой аллеи, которая должна пересѣкать Константиновскую дорожку. Подписавъ это письмо, она приказала мнѣ передать принцу Голштинскому, чтобы онъ отправилъ его по эстафетѣ. Она спросила меня, написалъ ли я Саблукову? Я отвѣтилъ: „да!“ „Чтобы онъ написалъ Гурьеву для представленія дѣла (о кредитѣ) въ совѣтъ?“ Я сказалъ „нѣтъ, напротивъ, что бы онъ не отвѣчалъ Гурьеву, до новаго увѣдомленія“. Она предполагала, что сказала мнѣ именно, что онъ долженъ отвѣтить Гурьеву, съ которымъ условлено, что онъ внесетъ это дѣло въ совѣтъ. Я замѣтилъ, что разъ Государь хотѣлъ лично говорить съ Гурьевымъ, то я думалъ, что не можетъ быть уже рѣчи о совѣтѣ. Она приказала написать Саблукову, чтобы онъ спросилъ Гурьева о результатахъ его разговора съ Государемъ, что я и исполнилъ.

Императрица, возвращаясь отъ принца Голштинскаго, что бы идти обѣдать, и увидѣвъ меня въ пріемной, спросила, буду ли я обѣдать у нея. Я поклонился. Она прибавила, что ея обѣдъ такъ же хорошъ, какъ и мой, хотя я и горжусь. Я пошелъ къ обѣду. Послѣ обѣда Императрица говорила графу Головкину, что она видѣла въ календарѣ, что имѣніе его жены назначено описать. Онъ поспорилъ, а она приказала мнѣ отыскать календарь, который я и принесъ, и тамъ дѣйствительно было напечатано, что имѣніе графини предполагалось секвестровать. Воз-

¹⁾ Маркевичъ, Андрей Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, директоръ 2-го кадетскаго корпуса, писатель (1769—1832).

вратившись домой, я нашелъ у себя семейство Гревницъ. Гуляя со мною въ саду, Гревницъ мнѣ еще разъ говорилъ о неприятности, которую онъ имѣлъ по поводу постройки госпиталя, за то, что онъ не заботился о ней, между тѣмъ дѣло это специально поручено Гваренги ¹⁾, а управленіе не имѣетъ даже плана. Вечеромъ я получилъ отъ Императрицы приказаніе явиться къ 8 часамъ для сопровожденія ея въ Гатчину. Я написалъ этотъ дневникъ 3-го по 6-е включительно.

8. *Четвертъ*. Всталъ въ 6 часовъ, а въ 8 отправился согласно приказанія. Когда я былъ позванъ къ Императрицѣ, она сказала, что курьеръ проѣхалъ черезъ Гатчину,—Небольсинъ, адъютантъ Каменскаго ²⁾; и привезъ извѣстіе, что одержана большая побѣда этимъ генераломъ. Корпусъ въ 100.000, шедшій на помощь Руцуку, разбитъ совершенно. Сераскиръ убитъ. Трехбунчужный паша съ 5.000 взятъ въ плѣнъ. Взято 16 пушекъ и 167 знаменъ. Она поручила мнѣ написать Барклаю-де-Толли ³⁾, чтобы спросить курьера, не привезъ ли извѣстій отъ принца Евгенія Виртембергскаго ⁴⁾ и не принялъ ли онъ участія въ сраженіи. Она пошла въ церковь, такъ какъ былъ праздникъ Рождества Богородицы. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы написать Лунину, официально воздержаться отъ употребленія кредита до новаго увѣдомленія, а конфиденціально, чтобы объяснить ему причины. Написалъ также сестрѣ въ отвѣтъ на полученное отъ нея вчера письмо, гдѣ она пишетъ, что Саша не удовольствовался переговорами черезъ посланнаго, а пришелъ лично просить написать ему стихи, чтобы продекламировать ихъ дядѣ въ день рожденія. Сергѣю Сергѣевичу вчера исполнилось 49 лѣтъ, а Степану Сергѣевичу ⁵⁾ сегодня минетъ 50. Мы, наконецъ, поѣхали въ Гатчину въ 11 ч. 25 м., при отличной погодѣ: Императрица, Дивова, гр. Головкинъ и я. Ночью былъ морозъ и, когда я всталъ, трава была покрыта

¹⁾ Гваренги, или Кваренги, Джакомо, архитекторъ, членъ Академіи художествъ (1744—1817). Это былъ любимый архитекторъ Императрицы Маріи, и ему преимущественно поручала возведеніе зданій для своихъ учреждений, а также садовыхъ сооружений въ Павловскѣ.

²⁾ Графа Николая Михайловича, главнокомандующаго дунайской арміей. Рѣчь идетъ о рѣшительномъ пораженіи турокъ при Батинѣ.

³⁾ Генералъ-отъ-инфантерій Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, впоследствии фельдмаршалъ, герой 1812 года, былъ въ это время военнымъ министромъ.

⁴⁾ Принцъ Евгеній Виртембергскій, племянникъ Императрицы Маріи (1788—1857), находился въ дунайской арміи въ чинѣ генералъ-маіора.

⁵⁾ Ланскому.

инеемъ, и было холодно. Но теперь день былъ прекрасный. Приѣхавъ въ Гатчину, мы высадились въ дѣтской больницѣ, потомъ пошли въ главный воспитательный домъ и, наконецъ, во дворецъ; послѣ обхода разныхъ мѣстъ, гдѣ производились работы, былъ поданъ завтракъ. Обѣдали въ кабинетѣ покойнаго Государя, а потомъ поѣхали въ линейкахъ въ оранжереи, потомъ на ферму и черезъ паркъ на дорогу въ Павловскъ, гдѣ мы и сѣли въ карету. Мы приѣхали въ 6 часовъ. Императрица пошла къ Великой Княгинѣ Аннѣ, которая была нездорова. Я ждалъ ея возвращенія, чтобы получить приказанія. Она мнѣ приказала придти къ 8 часамъ утра для прогулки съ нею. Я бы хотѣлъ сегодня быть на вечерѣ, но мнѣ не сказали ни слова, и я вернулся домой. Выпилъ чашку чая, гулялъ въ саду, и потомъ записалъ въ журналъ это. Я хотѣлъ лечь раньше спать. Въ 10 часовъ взялъ трубку, пошелъ къ женѣ, сыгралъ съ ней партію въ пикетъ и легъ въ 11 часовъ.

9. Пятница. Согласно приказанія, я приѣхалъ къ Императрицѣ въ 8 часовъ утра. Наконецъ, въ 10 началась наша прогулка. Съ Императрицей были: М-ше Дивова, Гревницъ, садовникъ Асмусъ и я. Мы обошли маленькій садъ и вышли изъ калитки близъ дворца, прошли вдоль укрѣпленія и къ театру. Тамъ остановились для осмотра проекта новой аллеи, которую она хотѣла черезъ Константиновскую площадку и противъ чего высказался *de-Воланъ*.

Ей замѣтили, что такъ какъ мѣстность ниже того мѣста, гдѣ кончается старая, то изъ дворца увидимъ только верхушки деревьевъ. Наконецъ, она оставила этотъ проектъ. Мы прошли вокругъ Константиновской площадки и вышли въ Сильвію, прошли ее до большого каскада и далѣе къ памятнику, обошли все это мѣсто и вышли, чтобы пройти всю новую Сильвію до новой Александровской дороги, по которой пришли къ Елисаветинскому павильону, куда мы поднялись черезъ большую Трафоніевскую пещеру (*la grotta grande di Trafonio*). Тамъ завтракали хлѣбомъ съ масломъ и молокомъ. Оттуда пошли большой дорогой въ старый садъ, въ которомъ Императрица мнѣ показала сосны, посаженныя къ террасѣ, потомъ прошли вдоль липовой дорожки, ведущей къ старому Шале, прошли егс и большой дорогой дошли до дворца ¹⁾. Императрица нашла,

¹⁾ Этотъ маршрутъ прогулки Императрицы Маріи Феодоровны былъ однимъ изъ любимыхъ ея путей обозрѣнія Павловскаго своего парка. Въ старости, не имѣя уже силъ ходить долго, она совершала свои прогулки по парку въ колясочкѣ, возимой лакеями.

что было поздно слушать мой докладъ объ управленіи Краснымъ Селомъ, отложили его до 6 часовъ, послѣ обѣда, пригласивъ меня къ обѣду, если я желаю. Я заѣхалъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ обѣду во дворецъ.

За обѣдомъ были между прочими: кн. Юсуповъ ¹⁾, Николаи ²⁾, Бортнянскій ³⁾, Крейтонъ. Послѣ обѣда Императрица позвала меня, чтобы отправить на почту ея письма къ Императору и Императрицѣ и позвала Николаи и Юсупова, чтобы показать картину; она сказала, чтобы я ожидалъ ее наверху и далъ знать ей (какъ она выразилась), чтобы я послалъ за пей (on comme elle dit la faire chercher) къ Великой Княгинѣ. Но въ 6^{1/2} часовъ она пошла на верхъ и отпустила насъ, отложивъ чтеніе до завтрашняго утра. Я пошелъ съ Гревницомъ и Вольфомъ. Первый насъ оставилъ, а второй дошелъ со мною до дому и пилъ у насъ чай. Жена была не въ духѣ и въ 8 часовъ ушла съ дѣтьми въ баню къ Гревницу, а я записалъ все это. Сегодня я узналъ изъ письма Императрицы герцогу Голштинскому относительно побѣды надъ турками: было взято, если не ошибаюсь, 300 верблюдовъ (Вольфъ говорилъ 400) и весь лагерь, около 11.000 человекъ убито на мѣстѣ. Раненъ былъ Сергѣй Николаевичъ, но легко. Императрица говорила, что принцъ Евгенийъ Виртембергскій пріѣхалъ въ моментъ сраженія и еще ничѣмъ не командовалъ, но находился при главнокомандующемъ. Я приготовилъ приказъ Шаховскому уничтожить тайну принятія дѣтей въ воспитательный домъ.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Князь Юсуповъ, Николай Борисовичъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, извѣстный знатокъ и любитель искусствъ, собравшій въ подмосковномъ своемъ имѣніи Архангельскомъ цѣлый музей, пользованія особымъ вниманіемъ Императрицы Маріи, также любившей искусства и художества (1750—1831).

²⁾ Баронъ, Андрей Львовичъ Николаи, родомъ изъ Страсбурга, преподаватель и секретарь Великаго Князя Павла Петровича, тайный совѣтникъ, президентъ академіи наукъ въ царствованіе Павла (1737—1820).

³⁾ Бортнянскій, Дмитрій Степановичъ, директоръ придворной пѣвческой капеллы и композиторъ.

Наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 г.

Переводъ съ письма изъ Санктъ-Петербурга отъ обучающагося тамъ медицинѣ студента Эберса, писаннаго къ родственникамъ своимъ въ Вильну отъ 11-го ноября 1824 года.

Съ 6-го на 7-е число сего мѣсяца ночью возсталъ сильный вѣтеръ съ моря, рѣка Нева ужасно воздымалась; и волны играя съ вѣтромъ, кромѣ пріятнаго глазамъ зрѣнія ничего вреднаго не предвѣщали; но 7-го числа въ 10-ть часовъ утра буря возымѣла другой видъ и часъ отъ часу дѣлалась опаснѣйшею; волны увеличивались; сперва начало отрывать имѣвшіяся у береговъ лодки, боты, барки и тому подобное; тогда мы были на лекціи.—Увѣдомляемъ о семъ профессора и онъ велитъ намъ какъ наискорѣй выходить изъ класса, но уже поздно.—Вода заняла дворы, и волны неменѣе какъ и на Невѣ, угрожаютъ переправѣ; мы едва успѣли перелѣзть черезъ заборъ къ морскому госпиталю на второй этажъ, какъ вдругъ цѣлый дворъ заняло водою выше сажени; разрываетъ заборъ, черезъ который мы перелѣзали, разсыпаетъ приготовленныя на зиму дровяныя запасы, словомъ, дворы представлялись озеромъ покрытымъ дровами,—вѣтеръ неуставая срывалъ желѣзныя крыши и тѣмъ еще болѣе дѣлалъ зрѣлище сіе ужаснѣйшимъ,—тѣ желѣзныя крыши силою бури свернутыя въ трубы съ трескомъ бросаю въ воду угрожая разрушеніемъ балокъ.—Приближаемся къ окнамъ ведущимъ къ Невѣ, но что же представляется глазамъ нашимъ! каменныхъ береговъ не видно, возвышенная вода покрываетъ оныя; тысячи сорванныхъ съ якорей барокъ лѣтять на жертву неусмиряющейся бури; волны ломаютъ ихъ въ дребезги, а частицы несенныя къ берегамъ, въпадаютъ въ окна первыхъ этажей.—Мосты разрываются съ своихъ якорей; неисчисленное множество разрушенныхъ деревянныхъ домовъ волны уносятъ;

корабли съ людьми тонуть въ глазахъ нашихъ, а нѣкоторыя изъ нихъ сошедшія съ корыта Невы, плаваютъ по улицамъ и дворамъ; вода заливааетъ берега и нижнія жилища—счастливы если кто спасетъ жизнь свою!..—Когда сіе происходитъ на нашей сторонѣ, какая же тревога въ городѣ! Улицы всѣ залиты, первыя этажи затоплены, отломки кораблей, мостовъ и барокъ, несетъ какъ по рекѣ.—Бѣда тому кто въ сіе время былъ на улицѣ! вода все похищаетъ; тысячи людей, лошадей и разнаго рода скота тонетъ и гдѣжь? въ собственномъ домѣ, или на улицѣ. Сколько же сожалѣнія заслуживаютъ люди жившія въ деревянныхъ домахъ, всю потеряно и не спасено ни одной души.—Нѣкоторыя изъ нихъ видя прибавлявшуюся воду искали спасенія на печахъ, но и тамъ не нашли онаго; печь рассыпается, а вмѣстѣ съ собою забираетъ и цѣлую фамилію.—Часть города Гавань на Васильевскомъ острову, въ одинъ этажъ застроенная изъ дерева, опредѣленная солдатамъ на казармы, истреблена до остатку и только двадцать душъ спасло жизнь свою.—Стрѣльная за три мили отъ Петербурга отстоящая, въ которой квартировали гвардейскія уланы затоплена, и теряетъ весь полкъ улановъ съ лошадьми.—Тысячи очевидныхъ примѣровъ доказываютъ всемѣстное опустошеніе.—Въ фабрикахъ находятъ по нѣскольку сотъ людей вмѣстѣ съ лошадьми и скотомъ утопшихъ.—Ужасное зрѣлище матерей спасавшихъ дѣтей своихъ, наиболѣе возбуждаетъ слезы зрителя; несчастная безъ малѣйшаго спасенія, среди тысячи людей и скота найденная, кажется прижимаетъ еще къ грудямъ своимъ дитя,—лицо ее оказываетъ въ послѣдней минутѣ жалость и попеченіе, но неумолимое наводненіе поглощаетъ равно и чувствительныхъ матерей.—Деревни унесенныя, неоставили даже и слѣду своего бытія.—Остатки кораблей, барокъ и мостовъ не оставляютъ по себѣ никакого слѣда кромѣ руинъ и развалинъ; великолѣпный Лѣтній Садъ представляетъ только разрушенныя свои украшенія, а деревья поломанныя и вырванные съ корней дѣлаютъ теперь противный видъ той пріятности, какую представляли въ лѣтнее время.—Но увы! даже погребенныя отъ нѣсколькихъ лѣтъ тѣла умершихъ, не находятъ для себя спокойствія, свесенныя памятники оныхъ валяются по улицамъ.—Однимъ словомъ опустошеніе въ наивызшемъ степени! Стоны и нареканія несчастныхъ послѣ потери фамиліи и имѣніе въ своихъ, жалкое воспоминаніе и сожалѣніе надъ оными, есть предметомъ разговоровъ въ компаніяхъ, но вознаградить никто не въ состояніи!—Всѣ претерпеваютъ, всѣхъ коснулось несчастье,

и всѣ были свидѣтелями и жертвою онаго!—МОНАРХЪ наиболѣе себя чувствуетъ, въ его глазахъ все сіе происходило, онъ свидѣтель и жертва величайшая! Смотритъ на несчастныхъ со слезами, раздѣляетъ ихъ отчаяніе, но не въ состояніи утѣшить. — Потеря казны доходитъ до ста милліоновъ рублей; но сколько-жъ превышаетъ потеря обывательская.—Пропали всѣ купеческія запасы, на одной только биржѣ пропало товаровъ на двадцать милліоновъ рублей; теперь же собственныя потери купцовъ имѣвшихъ каждый почти запасу на нѣсколько десятковъ милліоновъ, а нѣкоторые и болѣе. Словомъ, что только находилось на землѣ и подъ землею все то унесла вода.—Всѣ лавки были затоплены, не исключая ни одной, и въ каждой всю пропало.—Теперь только найденныхъ мертвыхъ тѣлъ считается десять тысячъ; но сколько же теченіе воды унесла въ море! лошадей и рогатаго скота утонуло въ десять разъ болѣе.—однимъ словомъ нельзя было ничего спасти.—не одинъ купецъ для своего авантажу имѣлъ по нѣсколько тысячъ рогатаго скота, но вмѣсто обогащенія одно отчаяніе и едва жизнь ему осталась.—Въ кавалеріи лошадей едва нѣкоторую часть спасено.—словомъ потеря никогда не вознагражденная!—жизнь нимѣнии утратили многіе особы, но здоровье гораздо болѣе! Я напрасно хочу исчислить потери сего произшествія; не подобно даже вообразить того въ мыслѣ, и что жъ теперь описывать? отъ перваго до послѣдняго, каждый терпятъ, каждый свидѣтель, каждый жертва несчастія.— Былъ правда затопленъ Петербургъ въ 1792-мъ году и были неисчисленныя потери въ цѣломъ городѣ; но они ни чѣмъ не есть въ сравненіи съ нынѣшними; выше полтора аршина отъ тогдашняго выше посягало, и болѣе подѣлало потерь; вода надъ обыкновенное теченіе поднята была на четыре сажени, постигала за 10-ть верстъ отъ города и вездѣ развореніе и развалины оставляла.—но довольно уже говорить о столь ужасномъ приключеніи, Всевышній Богъ испосылаетъ щастіе и нещастіе; безъ Его воли и волосъ съ головы не спадаетъ; а затѣмъ да будетъ Благословенна Его воля.—

Сооб. Э. Л. Радловъ.

Дневникъ И. М. Снегирева ¹⁾).

Сентябрь.

1. Написалъ поздравит. письмо къ именинницѣ, Марфѣ Афан. Татарин. и послалъ на ихъ дворъ для доставленія въ Тюфел. рощу. Былъ у обѣдни, послѣ коей заходилъ навѣстить больную Аграф. Нерон. Цвѣтаеву. У Кн. Черкасской послѣ своего урока, стоялъ водоосвященіе, послѣ коего проѣхалъ къ Бобар., Николинъка за нездоровьемъ своимъ не учился; Мар. Вас. была на крестинахъ. Я между тѣмъ навѣстилъ больную Авдотью, далъ ей 5 руб., отъ нея проѣхалъ къ С. Глинкѣ, который разсказалъ мнѣ о Петербургск. своей поѣздкѣ, о поклонѣ мнѣ отъ брата его Феодора; о желаніи его служить при Моск. Универс. хотя истопникомъ или азбучнымъ учителемъ. Съ П. О. Миллеромъ обѣдалъ у него. У Мар. Вас. засталъ еще обѣдъ, и Я. Е. Арсеньевъ тотчасъ послѣ обѣда отправился въ Универс. на экзам. студентовъ и занимался вмѣстѣ съ проф. Ризенко и Щепкинымъ до 9 час. вечера; экзаменовалъ изъ Зак. Бож. Истор., Геогр. и Рус. языка. Отослалъ съ солдатомъ къ Гаврилову, Хитровск. статью *Посольство во Франц. 1801.*

2. Какъ вчера такъ и нынѣ погода пасмурна: утромъ услышалъ я о кончинѣ Аграф. Нерон. Цвѣтаевой, скончав. вчера ввечеру въ 9 час., она совершенно приготовилась по христ. долгу. Съ маменькою я ходилъ навѣстить мужа плачущаго; онъ сказалъ мнѣ: вотъ, Иванъ Мих., вы лишились своей себе-сѣдницы!—Докторъ Канту со слезами разсказывалъ мнѣ о ея кончинѣ. Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Маловъ и жаловался на интриги и казни Давыд., называлъ его адскимъ человѣкомъ: я молчалъ, давая волю ему говорить, какъ чуждый, ихъ замы-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1914 г.

словъ. Предвижу, что затѣи И. И. Давыд. не добромъ кончатся и на голову его обратятся. М. боится, что Д. овладѣетъ умомъ А. А. Писар. и будетъ отдалять отъ него другихъ и что этому будетъ помогать замѣчаемое имъ въ Пис. тщеславіе. Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Въ 10 часу разстались.

3. Утромъ дождливымъ я занимался своими дѣлами. Былъ на погребеніи Цвѣтаевой, оплаканной чужими; мужъ ея въ постели боленъ. Отпѣвалъ Архиманд. Иннокентій, по моему убѣжденію говорилъ надгробное слово, Инстит. Протоіер. Васил. Иван., тронувшій присутствовавшихъ до слезъ. Тамъ видѣлся съ Мерзляк., Двигуб. Гробъ до церкви я съ Маловымъ¹⁾, Ивашковс. и Аллартин. несли на рукахъ: провожали до Дор. кладбища, гдѣ протоп. Иванъ Дмитр. очень плакалъ о покойницѣ; я его взялъ съ собою въ коляску и довезъ до Цвѣтаева—тамъ обѣдали. Я ближе познакомился съ Над. Петр. Гориной, дочерью Щепкина, она ко мнѣ показала себя благоклонною. Послѣ обѣда отправился на экзаменъ въ Универс. до 9 часовъ вечера.

4. Послѣ уроковъ въ В. Д. я имѣлъ разговоръ съ Черихск. на счетъ новаго субинспектора Вейденгаммера, и о неприличіи находиться мнѣ подъ его начальствомъ: онъ старался мнѣ представить это въ благовидномъ образѣ. Былъ въ опекун. Совѣтѣ за дѣлами Бартеновой; обѣдалъ у П. П. Чернявск. и первый далъ урокъ въ Университ. послѣ вакаціи; гдѣ взялъ жалованья 165 руб. Послѣ урока меня пригласилъ къ себѣ И. Давыдовъ—разговоръ былъ о сплетняхъ. Вечеромъ навѣстилъ печальнаго Цвѣтаева, который просилъ меня не забывать его; я сказалъ ему: „Забвенна буди десница моя, аще ты забуду“.

5. Написалъ два письма въ Ярославль одно къ Бартеновой, о ея дѣлахъ, а другое къ полицм. Алексѣеву съ предложеніемъ Губернат. поставить скромный памятникъ Патріарху Никону на Туговой горѣ, гдѣ онъ умеръ. Былъ у Л. А. Цвѣтаева, встрѣтился тамъ съ Побѣдоносцевымъ²⁾ и Сокольскимъ, который обѣщалъ доставить мнѣ собраніе пословицъ Екатерины II, писанныхъ ея рукою. Видѣлся съ Гориной и шутилъ: обѣдалъ у Бѣлопольской; всюнощную слушалъ въ своемъ приходѣ.

¹⁾ Михаилъ Яковлевичъ Маловъ, проф. нравственно-политическихъ наукъ (1790—1849).

²⁾ Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, проф. русской словесности отецъ покойнаго оберъ-прокурора (1771—1843).

6. Утромъ прїѣзжалъ Кухинъ кварт. съ Кетчеромъ и сынов. просить за дѣтей, держащихъ экз. въ Студент. Обѣдню стоялъ въ Чудовск. мон. у праздника; тамъ видѣлъ именинника Малова, который звалъ меня къ себѣ въ гости. Былъ на часъ у Д. А. Соколова; шедши отъ него, видѣлъ у церкви Св. Уара много вырытыхъ череповъ и костей человѣч. Смотри на нихъ, я подумалъ—объ участи человѣка, и просилъ работниковъ, собравъ кости, зарыть въ особомъ мѣстѣ. Съ другой стороны сей церкви на рѣку я замѣтилъ открытые своды подземныхъ проходовъ, примыкающихъ къ оной. Тутъ встрѣтился я со шведомъ ривъ, бывшимъ при М. Платонѣ, Герасимѣ, Ефимѣ, жившемъ въ домѣ Шуваловой: онъ сказывалъ мнѣ, что при церкви Уара былъ Патріаршій домъ, коего крестовая церковь была Благовѣщенія, на житномъ дв. я ссылаюсь на старый планъ Москвы, хранящійся въ старой Цоливіи и въ Кремлев. Экспен. При вступленіи Платона на Москов. Іерархію Императрица пожаловала ему для ношенія бархатную фіолетовую мантию и алтабасный саккосъ. Платонъ сдѣлалъ надъ гробницами Государей въ Арханг. Соборѣ мѣдныя доски съ надписями, означающими время рожд. и кончины погребенныхъ, устроилъ изъ старыхъ новые покровы, пообралъ изъ церквей вальные образа, собранные въ Чудовск. монастырѣ, уничтожилъ многія домовыя церкви и раннихъ священниковъ, устроилъ приходы такъ, чтобы прихожане самовольно безъ довольной причины не переходили отъ одного священ. къ другому. Обѣдалъ у Дурасова; тамъ встрѣтился съ Кн. Шалик., который говорилъ мнѣ о своемъ представленіи въ стих. къ 8 классу. Андрей Зинов. сказалъ, что Писарева трудно провести—онъ самъ прошелъ школу нужды. Оттуда пѣшкомъ пошли домой черезъ садъ Александр., гдѣ встрѣтили П. и. Дмитриева, который, обласкавъ меня, называлъ меня литераторомъ полезнымъ своими трудами и заслуживающимъ хвалу. Я на это отвѣчалъ, что пишу по заказу и награждаюсь эпиграммою отъ сочленовъ своихъ. Дмитриевъ замѣтилъ, что духъ прежде между писателями былъ лучше и что они соединялись взаимнымъ уваженіемъ; чего теперь нѣтъ. Раскланявшись съ ними, пошелъ къ Малову, у коего провелъ время до полночи: ѣхавши дорогой, замѣтилъ родъ кометы съ хвостомъ, обращеннымъ къ востоку,—измытъ лучемъ тусклымъ.

7. Послѣ урока Д. И. Валева отправился въ Унив., отдалъ Чумакову отчетъ визит. и списокъ за книги, взялъ свое жалованье, а въ Воспитат. домѣ добавочныя деньги Шушеринной; изъ коихъ 100 руб. заплатилъ по ея запискѣ Шарапову. Обѣ-

далъ у Гусева зятя Никол. Матв. и у Лебедева, коего извѣстилъ объ экзаменѣ его сына. Отъ нихъ на полчаса въ Универ. Пансіонъ, оттуда на экзаменъ въ Университ., послѣ него ко всенощной въ Рождеств. мон., много потеряно времени, которое лучше бы употребить на дѣло.

8. Утромъ пошелъ къ Нечаеву и съ нимъ поѣхалъ въ старый Симонов.: это былъ день Куликовс. битвы; мы собрались поклониться праху Пересвѣта и Осляби; осматривали ихъ памятникъ, сооруженный въ 1794 году, по повелѣнію Императрицы, Митропол. Платономъ; Селивановскій сказывалъ, что будто Государыня отпустила на это 10 тысячъ: но Платонъ испросилъ дозволенія употребить часть оныхъ денегъ на другія Богоугодныя дѣла. Въ церкви я встрѣтился съ П. П. Бекетовымъ, который просилъ взять на себя цензурованіе новыхъ басенъ Дмитріева: я обѣщалъ. Съ Нечаевымъ зашли къ Бекетову, который показывалъ намъ синодикъ, гдѣ Пересвѣтъ и Ослябя, коимъ мы служили панихиду, наименованы *Святыми*. Замѣчено, что есть довольно Святыхъ, не означенныхъ въ Минеи и Мѣсяцесловѣ. Разговоръ былъ о критикахъ по той роли, какую они играютъ предъ публикою. Потомъ зашли къ Селиванов., позавтракали. На возвратномъ пути говорили о старинѣ и новизнѣ; я держался первой. У квартиры Нечаева, я, разставшись съ нимъ, поѣхалъ на обѣдъ къ М. В. Бобарыкиной. Обѣдалъ и просидѣлъ у ней до вечера.

9. Цѣлый день дома за своими дѣлами по причинѣ дурной погоды и кашля; написалъ письмо къ дядѣ А. П. К., утромъ пріѣзжала ко мнѣ Г-жа просить о сынѣ и племянникѣ Лотковск. Вечеромъ былъ Чулковъ и занимался съ нимъ грамматик., логикою и музыкою. Прочелъ Рейсову рѣчь; продолжалъ Броневскаго записки 2 части цензуровать.

10. Заѣзжалъ къ Ширяеву заплатить деньги за *Бесѣду на гробѣ младенца*, которую отдалъ 7 Сентябр. Г-ну Полуденскому. Ширяевъ вызвался купить у меня остальные экземпляры Біографіи Августина. Былъ у Кн. Шаликова начетъ его журнала. Первую далъ лекцію послѣ вакаців.

13. Былъ на освященіи церкви Никиты муч. въ Басманной; служилъ и проповѣдывалъ Филаретъ; присутствовали Пресв. Викарій, Кириллъ и Досифей Груз: я съ ними вмѣстѣ вѣшалъ по приглашенію Протопопа Васил. Богдан. къ Протоіерею Ивану Савв. знакомому съ батюшкою. Обѣдалъ у М. Н. Гусева съ Т. Е. Соколовымъ. Всенощную слушалъ на Троиц. Подворьѣ.

14. Обѣдню и проповѣдь слушалъ въ Пансіон. церкви, гдѣ былъ праздникъ; видѣлся и говорилъ съ Попечителемъ и обѣдалъ: за трапезою витѣйствовалъ Мерзляковъ о различіи Повѣи съ Матем., противорѣчилъ Давыдовъ, поддерживалъ перваго Василевскій ¹⁾, посредникомъ былъ Попечитель. При питіи за здоровье Государя Дружининъ закричалъ: ура; нѣсколько голосовъ къ нему пристали. Послѣ обѣда Давыдовъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ; тутъ очутились К. Каллайд. ²⁾ и П. Строевъ ³⁾, слово зашло о древностяхъ Русскихъ. К. Каллайд. что одна рукопись у Рихтера доказываетъ, что Петръ I родился въ Измайловѣ; я возразилъ, что эта рукопись моя. Моденская Богородица въ Касиновѣ не есть-ли Мадонна, привезенная изъ Италіи Греками Итал. вмѣстѣ съ Софією Фомин. Съ Василевскимъ я говорилъ объ Исторіи Русск. витѣйства: можно полагать три школы: Кіевс., Москов., и С-Петербург. Платонъ, въ Москов. Академ. основалъ свою школу и первый сталъ писать простымъ яснымъ словомъ, примѣненнымъ къ общему понятію, избѣгая впрочемъ словъ престонародныхъ и низкихъ, какія находимъ у Феоф. Прокоп.: онъ воспиталъ многихъ ораторовъ. Разѣхались въ 8 часу: А. А. сказалъ мнѣ, что завтра желаетъ со мною видѣться. Профессора старш. были довольны обращеніемъ новаго Попечителя и чувствовали удовольствіе отъ сообщенія дружескаго.

15. Утромъ ѣздилъ къ попечителю съ поздравленіемъ; засталъ его; онъ пенялъ, для чего я не дамъ ему своихъ книжекъ; я отрекся застѣнчивостью. Разстались съ нимъ до свиданія ввечеру. Обѣдню слушалъ въ Успенск. Соборѣ; Вицъ-Губернаторъ ⁴⁾, ученикъ моего батюшки, звали меня къ себѣ: я обѣщаль исполнить его волю. Обѣдалъ у А. П. Дурасовой которая праздновала въ этотъ день свою свадьбу. Отъ нея проѣхалъ домой; пріѣзжала Киличичка, благодарить за дочь свою. Вечеромъ отправился къ попечителю, который спрашивалъ, что мнѣ надобно, какой награды; я отвѣчалъ, что ничего не смѣю о себѣ просить; *и полагаюся на волю моею начальства.* Ему это показалось странно; однакожъ онъ спросилъ у меня и записалъ, какія должности я занималъ при университет. и сколько

¹⁾ Дмитрій Ефимовичъ Василевскій, проф. „правъ политическаго и народнаго“ (род. 1781).

²⁾ Константинъ Федоровичъ Калайдовичъ, археографъ и филологъ (1792—1832).

³⁾ Павелъ Михайловичъ Строевъ, археографъ и филологъ (1796—1876).

⁴⁾ Иванъ Семеновичъ Храповицкій.

времени. Я просилъ его о представленіи къ наградѣ Арсеньева и Поварова: обѣщалъ и записалъ. Пріѣхалъ Нечаевъ С. Д. просить о представленіи къ чину Красильникова и И. Каллайдовича. Говорили о дѣлахъ университет.

16. Послѣ уроковъ въ В. Д. былъ на студенч. экзаменѣ; экзаменовавшихся было 60 человекъ.

17. Утро провелъ съ Степ. Васил. Руссовымъ, который хвалилъ добродушіе и вѣжливость англичанъ, обѣщалъ просить обо мнѣ Вилламова ¹⁾ и доставить въ Истор. Общ. свои пьесы о Рюрикахъ и для Истор. Журн. ст. о чел. Минхенѣ. Заѣзжалъ къ Надеждѣ Петр. Бориной поздравить ее съ Ангеломъ: она приняла меня ласково и звала на вечеръ къ себѣ. Обѣдалъ и провелъ вечеръ у Бобарыкиной.

19. Звалъ къ себѣ обѣдать Тит. Сов. Абиетскій, и сказалъ мнѣ о смерти М. Рагозиной: обѣдать не поѣхалъ, дома; была Анна Алекс. Платонова и сказывала, что будто Цвѣтаева жена за день до смерти просталась съ пріятельницами. Она просила о сынѣ, поступающемъ въ универ. студентомъ.

20. Послѣ ранней обѣдни пріѣхалъ Е. П. Телепневъ и привезъ мнѣ письмо отъ матери, гостинецъ въ ананасахъ и пряникахъ; я уговорилъ его ѣхать со мною въ Люблино къ попечит. и съ Руссовымъ; въ 11 час. отправились; погода изрядная. Пріѣхавши въ Люблино, узнали, что хозяина нѣтъ дома; но лишь только проѣхали мостъ и въѣхали въ мѣсъ, какъ услышали звонъ колокольчика; я догадался, что это хозяинъ пріѣхалъ; Руссовъ говорилъ, что это звонокъ къ столу лакейскому: за споромъ послали кучера и узнали мою правду. А. А. принялъ насъ ласково, говорилъ съ Руссов. о Рюрикахъ, кои хъ сей насчитываетъ до 50, полагая гнѣздо Славянъ или Руси, въ Пруссіи обѣ Аннѣ Ярославовнѣ; А. А. далъ основательно замѣтить, что напрасно мы на себя принимаемъ чужую вину; не мы Русскіе, но Французы первые стали утверждать, что Анна дочь Ярослава была за Генрихомъ I. Съ Телепневымъ мы остались обѣдать. Послѣ я просилъ о представленіи къ чину Я. Е. Арсеньева—обѣщано; радъ, что его племянникъ былъ свидѣтелемъ. Я читалъ свою біограф. Митр. Платона: Попечитель хвалилъ и самъ вызвался ходатайствовать о напечатаніи оной, и представить ее министру Шишкову. Разстались ввечеру поздно—дорогой Т. рассказывалъ свои семейн. дѣла; за-

¹⁾ Стат.-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ (1771—1842).

ѣхали ко всенощной въ Драги, на память св. Дмитрія Ростов.

21. Былъ не здоровъ и повтому не выѣзжалъ изъ дому ни куда.

Октябрь.

1. Утро у А. А. Писарева, обѣдалъ у Давыдова.

3. Послалъ двѣ тетради біогр. М. Платона при письмѣ, къ преосвящ. Псковскому Евангелію.

5. Видѣлся съ П. П. Свинынымъ, который, возвратясь изъ своего путешествія по Крыму, показывалъ мнѣ собранныя рѣдкости, состоящія въ монетахъ, рукописяхъ, и вырытыхъ обломкахъ урнъ, Пантикап. Онъ бросаетъ свой странническій посохъ. Я убѣждалъ его написать отчетъ о своемъ археолог. путешествіи, для Истор. Общ.: обѣщался. Обѣдали съ нимъ у М. В. Бобарык. съ Я. Е. Арсеньев. и М. Я. Толст.

6. Послѣ классовъ въ В. Д. обѣдалъ у Дурасова: рассказывали о поединкѣ Новосильцева съ Черновымъ, о смерти поединщиковъ, и о жестокой горести Новосильцевой, которая провожаетъ въ Москву изъ С. П. тѣло своего сына и на плечахъ держитъ мундиръ, облитый кровію сына, и цѣлуетъ: при всякой церкви останавливается и поетъ панихиду о душѣ его. Прощанье съ Ольг. Дмитр., которая отправляется въ Воронежъ съ отцемъ.

7. Утромъ былъ у Свинына, рассматривали съ нимъ его монеты, между коими есть одна найденная въ Херсонѣ съ крестомъ на одной и Б. В. на другой сторонѣ: полагаютъ, что это Владимирова, выбитая въ память его крещенія. Онъ читалъ мнѣ начало своего отчета. Послѣ уроковъ въ универс. и у Бобар., съ коею имѣлъ разговоръ насчетъ ея отзыва обо мнѣ, будто я ее не уважаю; отправился къ Гусеву на именины Целаг. Васил. и засталъ обѣдъ. Отправилъ письмо къ митр. Кіевскому Евген. въ С. П. въ немъ просьба о позволеніи напечатать его имя, объ изъясненіи скуделенъ и о подпискѣ на книгу Платона въ Церк. Ист.

10. Послѣ уроковъ въ В. Д. навѣщалъ больного Матвѣева Г. Е.; послѣ обѣда былъ у Полевого, гдѣ встрѣтился съ Свинынымъ, Кн. Одоевс. и Соболевс. ¹⁾ Рассказывали анекдоты о Комендантѣ Башуцкомъ, который спросилъ въ уѣзд. учил. у ученика: *что есть Богъ?* Ученикъ запнулся. Б. сказалъ ему:

¹⁾ Сергій Александровичъ Соболевскій, библіографъ (1803—1870).

эхъ, братецъ, ты этакоей дряни не знаешь!—Когда Кн. Кутузову поручили начальство надъ арміею въ 1812 г. и когда онъ задумавшись сидѣлъ облокотясь: зять его, Ф. Опочининъ спросилъ его: о чемъ вы задумались? вѣрно о томъ, какъ бы разбить Наполеона?—Нѣтъ, мой другъ, я не о томъ думаю, какъ бы разбить его, на это нужна такая же армія, какъ у него; а о томъ, какъ бы его обмануть!

11. На вечеринкѣ были у А. Я. Сокольскаго съ Л. А. Цвѣтаевымъ. Хозяинъ забавлялъ насъ анекдотами и далъ мнѣ для прочтенія, Екатериною II собранныя *пословицы и сказки ея о дворѣ Цар.*

12. Послѣ класса въ Универс. Пансіонѣ, я принималъ у И. А. Двигуб. ¹⁾ бумаги Истор. Общ. по 1821 г. Разсуждая объ искушеніяхъ жизни, И. А. замѣтилъ, что злословіе не надобно принимать горячо къ сердцу и быть хладнокровнѣе. Пріѣхавъ домой, нашель у себя Я. Е. Арсеньева, который ждалъ меня: посидѣли, поговорили и распростились пріятельски.

13. Послѣ урока въ Универс. заѣхалъ къ Кн. Черкасской, чтобы возвратить ей подарокъ; однако она упросила со слезами принять его. Послѣ урока у М. Б. домой къ обѣду; на вечеръ по приглашенію у Попечителя: тамъ были Д. С. С., А. А. Витовтовъ²⁾, Давыдовъ, Ивашковъ и Полевой. Витовтовъ читалъ свои положенія изъ Логики на разсужденіе наше: начинается съ знаковъ мыслей, мысль опредѣляется знакомъ предмета, безмолвнымъ словомъ, изъ соединенія *мысли* (подлеж.) и *помысла* (сказуем.) по отношенію предметовъ составляетъ *смысль*, изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ составл. *размышленіе*. Давыдовъ возразилъ, что мысль не есть знакъ предмета; но совокупность всѣхъ дѣйствій ума. Иное мыслить, иное наблюдать, описывать. Колумбъ заключалъ объ антиподахъ — мыслилъ; Ботаникъ разсматривалъ свойства и признаки растеній, *описываетъ*; Историкъ описалъ происшествія и выводъ изъ нихъ причины и дѣйствія—и *наблюдаетъ* (описываетъ) и *мыслить*. Пониманіе, разсужденіе ума.—Замѣчаніе о смыслѣ словъ *помысль*, *помышленіе*, и чтеніе языкомъ и глазами; разница въ средствахъ, коими доставляются представленія душѣ.—Витов. просилъ насъ сообщить ему письменно возраженіи на его положенія. Я подалъ свою просьбу Попечителю о выдачѣ мнѣ путевыхъ

¹⁾ Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, проф. естествознанія (1771—1839).

²⁾ Александръ Александровичъ Витовтовъ былъ статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II.

денегъ по моей визитаціи въ Ярославль. Оставшись одинъ у него, разсуждалъ о дѣлахъ Общ.-Ист. и о засѣданіи; читалъ ему переводъ Бобар. изъ писемъ Фонтенеля къ Петру I; жалѣлъ, что нѣтъ отвѣта Петра I. Предлагалъ завести въ Универс. книгу для вписыванія именъ знаменитыхъ посѣтителей и жаловался, что разглашаютъ зломыслящія, будто я дѣлаю ему дурныя внушенія насчетъ Университетскихъ. Совѣтывалъ презирать.

14. Утромъ былъ Е. П. Телепневъ и Багалаевъ, говорили о своихъ дѣлахъ.

15. Дома, за нездоровьемъ, —занимался, однако, своимъ дѣлами.

16. Послѣ урока въ Университ. Панс. принялъ остальныхъ дѣла Истор. Общ. У И. А. Двигубск. и въ приѣмѣ росписался. Въ собраніи Истор. Общ. былъ Малиновскій и Свиньинъ, кромѣ другихъ членовъ. По прочтеніи журнала, я читалъ Васильева ст. о *правезъ*. Малиновскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, кои просилъ сообщить сочинителю, а именно, о Лѣтописи Желябутскаго въ Туман. изд. Читалъ Свиньинъ свой *отчетъ* объ археолог. путешествіи по Россіи; возражали ему Строевъ и Каллайд., онъ опровергалъ истинность Тмутараканскаго камня; предложилъ въ почетные члены графа Растопчина, кн. Юсупова и кн. Е. А. Волконскую, въ дѣйств. члены полковника Стетковскаго. Согласились и выбрали. Полевой читалъ свое мнѣніе о лѣтосчисленіи въ нашихъ Лѣтописяхъ и сравненіи Истор. Никифора патріар. съ Несторомъ, чтобы открыть источникъ, откуда почерпалъ свѣдѣнія нашъ лѣтописатель—и имена договаривающихся лицъ въ договорахъ Олега и Игоря съ греками. Погодиянъ возразилъ гласно Полевому, что онъ воспользовался его мыслию, стоившею ему многихъ наблюденій и что онъ напишетъ самъ объ этомъ въ Вѣстн. Европы. Полевой запыртался и смутился; наконецъ, даже сказалъ, что уничтожаетъ свою пьесу; однако, предсѣдатель и ректоръ его удержали. Строевъ читалъ свое мнѣніе объ изданіи двухъ типогр. лѣтописцевъ, доставленныхъ обществу изъ Св. Синода; Антонскій замѣтилъ, что надобно исключить рѣзкія выраженія противъ Синода, напечатать въ Лѣтопис. Общ. Я представилъ собранію о сдачѣ мнѣ Двигубскимъ дѣлъ, реестръ опытн. и отпечатанный на трехъ листахъ бумаги I лист. Тр. Общ. III ч. Ректоръ взялся сдѣлать соображеніе и рѣшеніе. Разсуждали, наконецъ, о торжественномъ собраніи Общ. и не рѣшивъ, развѣхались въ 10 час.

17. По утру былъ у попечителя, отвезъ ему своего изданія

книги, о коихъ онъ давно просилъ; онъ благодарилъ; между прочимъ сказывалъ, сдѣланное ему замѣчаніе А. Ф. Мал. о П. П. Свиньинѣ, чтобъ его остерегаться, какъ шпіона высшей полиціи. Я просилъ его свести меня съ граф. Растопчинымъ, чтобы съ нимъ поговорить о происшествіяхъ 1812 г. Ал. Алек. совѣтывалъ отвезти мнѣ самому дипломъ къ кн. Волхонской и говорить съ нею по-латински.

По пріѣздѣ Антонскаго я уѣхалъ въ В. Д. послѣ уроковъ обѣдалъ на именинахъ у А. А. Озерецковскаго; тамъ видѣлся съ бывшимъ студентомъ Орловымъ, который обѣщалъ доставить мнѣ послѣднюю лекцію моего батюшки, имъ записанную. По возвращеніи домой, былъ у Яинова, потомъ у всеобщей, послѣ коей прочелъ рукописи: военные подвиги Неклюдова, писанные С. Глинкою.

18. Былъ на освѣщеніи церкви у Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ, придѣла св. Ивана Воина, освященнаго преосвящ. Филаретомъ; въ церкви видѣлся съ М. В. Бобарыкиной стоялъ вмѣстѣ съ ея сыномъ Николинкой, и по просьбѣ ея заѣхалъ къ ней, видѣлся еще съ Пелаг. Лук. и говорилъ о поѣздкѣ своей въ Ярославль, не хотя обѣдалъ и игралъ въ карты; вечеромъ домой, опечаленный вѣстію о кончинѣ сестры Авд. Павловны, извѣстной по дорогѣ въ Москву изъ С.-Петербурга съ Новосильцевой, провожавшей тѣло сына своего.

19. Утромъ дома, прочелъ и подписалъ полученные отъ П. П. Бекетова *аполон* ¹⁾ И. И. Дмитріева, а также Неклюдова. Послѣ панс. урока домой. Чтеніе журнала С. О. На другой день завозилъ самъ *аполон* къ Дмитріеву; не заставъ его, не оставилъ.

20. Послѣ урока въ университетѣ отправился къ М. В. Бобарыкиной, занимался съ Николинкой, обѣдалъ и послѣ обѣда игралъ въ карты съ М. В., которая изъ моего насморка и боли въ горлѣ заключила, будто я боленъ дурною болѣзнью и для того не позволяла брать табакъ изъ своей табакерки. Пустословіе М. В.

Заѣзжала А. Е. Бобарыкина съ Полиной, которая пѣла и играла. А поздно домой.

21. Послѣ урока въ В. Д. навѣстилъ больного Ульрихса ²⁾, который просилъ прочесть меня. корр. его словаря въ нѣм. хрестом. и разсуждалъ со мною объ исторіи. Не заставъ г. Ци-

¹⁾ „Аполонъ въ четверостишіяхъ“ были изданы въ Москвѣ, въ 1826 году.

²⁾ Юлій Петровичъ Ульрихсъ, авторъ нѣсколькихъ учебныхъ трудовъ по исторіи въ языковѣдѣніи.

сарева, по просьбѣ ген. Хитрова проѣхалъ къ сему послѣд-
нему; засталъ его не здороваго, видѣлъ у него кн. Шаликова,
которому Хитровъ выгов. за что назвалъ дѣвицу Офренъ *со-*
трудницей Екатерины II. Уняли меня обѣдать; разговаривали
о свѣтл. Кутузовѣ и Августинѣ. Х. просилъ меня написать
письмо къ Государю къ его книгѣ Словарь св. писанія. Анна
Мих. обѣщала доставить мнѣ письмо г-жи Шталь-Гольштин-
ской ¹⁾ къ свѣтл. Кутузовой. Я пѣшкомъ было пошелъ, но мнѣ
дали лошадь и я заѣхалъ къ А. А. Писареву, съ коимъ про-
сидѣлъ и проговорилъ вечеръ.

22. Отвезъ *аномом* И. И. Дмитриеву, не заставъ его, оставилъ
его человѣку; оттуда заѣхалъ къ П. П. Свиньину, который
подозрѣвалъ меня, будто я сочинилъ сатиристическій на счетъ
его *разговоръ* для дамскаго Журнала. Я увѣрялъ, что никогда
сего не дѣлалъ, онъ притворялся, будто не вѣритъ, зная меня;
однакожъ не сказавъ, кто ему внушилъ эту мысль, признался,
что объ этомъ говорилъ Антонскому. Обѣдалъ съ нимъ, потомъ до-
мой, только на минуту. Навѣстилъ больного сосѣда Черлик.

23. Послѣ урока въ В. Д. проѣхалъ къ М. В. Бобары-
киной, дорогой сломался экипажъ мой, нанялъ извозчика и для
нея и Свиньина принужденъ былъ прогулять панс. урокъ;
разговаривали и играли въ карты до 9 час. вечера. Отвезли
меня домой въ каретѣ ховяйки; дома нашелъ ожидающагося
А. А. Писарева, съ коимъ сидѣлъ и говорилъ до 11 ч. ночи.
Предлагалъ ему написать отъ Истор. Общ. образъ Нестора Лѣ-
тописца, на что онъ и согласился. Говорено объ образахъ въ
факультетахъ и въ комнатахъ студентовъ. Я званъ на обѣдъ
Попечителя.

24. Послѣ урока въ В. Д. былъ у праздника Всѣхъ Скорбя-
щихъ; Алекс. Афан. Долг. зазвалъ къ себѣ на обѣдъ, за коимъ
было много гостей разнохарактерныхъ. Я сидѣлъ съ Забѣли-
нымъ, говорилъ съ архим. Гермогеномъ и казанск. протоіереемъ,
который сказалъ мнѣ, что до митр. Платона были благочинныхъ
заказчики, коимъ давалось письменное *уложеніе* изъ Консисто-
ріи. Платонъ первый учредилъ благочинныхъ въ Моск. Епар.
и напечаталъ *Инструкцію* для нихъ съ реестромъ церквей, кои
причислялись къ приходамъ по окрестностямъ домовъ и земель.
Заѣхалъ въ Университ. Панс. дать темы для разсужденій.

25. Утромъ былъ у Цвѣтаева, казалъ ему письмо Псковск.
Архіеп. Евгенія ко мнѣ. Былъ у Попечителя обѣдъ для

¹⁾ M-me de Stael.

Университ. Професс., кои прѣхали всѣ въ мундирахъ, приглашены были два студента Университ. и три Панс. воспитан. Тамъ я познакомился съ Штатсъ-Секрет., Витовтовымъ (Алекс. Алекс.), съ коимъ заводилъ о Логикѣ, о пословицахъ Русскихъ; разъѣхались въ 7 часу.

26. Заѣхалъ проститься съ П. П. Свинынымъ и просилъ его засвидѣтельствовать мое почтеніе и признательность Митр. Евгенію, отъ котораго на другой день получилъ письмо съ объясненіемъ о *Скудемницѣхъ* и съ вызовомъ сдѣлать замѣчанія на сомнительныя для него мѣста въ Біогр. моей Преосв. Августина, его современника и соученика.

27. Въ день Преп. Нестора Лѣтописца, заѣхалъ къ живописцу Скороспѣлову, котораго просилъ написать для Историческаго Общества образъ сего Свят., коимъ Предсѣдатель хочетъ благословить Общество. Скороспѣловъ принялъ на себя это съ восхищеніемъ; объ этомъ я на другой день извѣстилъ Попечителя, которому привозилъ показать и первый *Уставъ* Моск. Университ., переведенный мною съ Латин. на Русск.: онъ поручилъ мнѣ доставить ему переписанный для доставленія въ Министерство Языкову, коему онъ объ этомъ уже писалъ.

29. Послѣ урока въ Универ. у М. В. Бобар. провелъ остатокъ дня; на другой же такимъ же порядкомъ: послѣ Панс. урока занимался съ Чулковымъ.

30. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ у Ген. Дурасова, пилъ чай и смотрѣлъ пробу вина у Засса; всюнощную слушалъ на Троиц. Подворьѣ, дома нашелъ присланные мнѣ отъ Попечителя дипломы книги для Княгини Волхонской и Граф. Ростопчина.

Ноябрь.

1. Былъ на освященіи предѣла Св. Николая у Трифона заходилъ къ доктору Зейделеру, побесѣдовалъ съ нимъ и его женою; обѣдалъ у Попечителя, у коего былъ И. И. Давыдовъ съ двумя Пансіонерами и двумя Студент.

2. Утро провелъ у А. А. Писарева по дѣламъ, заѣхалъ поздравить П. И. Кутузова съ ангеломъ, отъ него въ церковь трехъ радостей, отслужилъ молебенъ, и къ М. В. Бобар. и въ Унив. Пансіонъ. Потомъ съ Е. П. Телепневымъ поѣхалъ на освященіе церкви Михаила Арханг., приходъ Писарева; оттуда къ имяннику нашелъ у него Пр. Цвѣтаева; разговоръ былъ объ училищ. уѣздн. и приходск. Обѣдало много, въ томъ числѣ два Пансіонат. и два Студента. У Князя Шаликова съ Цвѣтаевымъ былъ споръ о Полевомъ.

5. Послѣ класса университет. отвезъ дипломъ на званіе поч. чл. и труды общества, княгинѣ Волхонской, которая приняла меня очень ласково, говорила со мною полчаса, о древностяхъ Русск. и Общ. Историковъ, о пѣсняхъ и пословицахъ Русск.— 7 ноября отвезъ дипломъ и труд. Графу Ростопчину, который, ва болѣзнію, меня не принялъ. Отъ него поѣхалъ къ Рагозину Вас. Гавр., который просилъ меня исходатайствовать ему мѣсто Экзекутора въ Университ.: я извинялся, что не могу на себя принять этого, могу только сказать о немъ доброе слово. Видѣлся съ Цемшевой дочерью, выданною за Поруч. Гладнова; она очень показалась мнѣ любезною. Отъ нихъ ко всеобщей.

9. Вечеръ просидѣлъ у Сен. Малиновскаго—видѣлся у него съ Кн. Гагариновымъ: говорили о критикахъ.

10. Послѣ урока въ Университ. заѣхалъ къ Гаврилову, отдалъ ему Преосв. Діонисія ст. Земницкаго о Калугѣ и еще двѣ мал. ст. кн. Кутузовѣ. Отъ него къ Цедергольму Пастору, который читалъ мнѣ свое изъясненіе на блюдѣ Аракчеева надписи и совѣтовался со мною о напечатаніи отысканнаго имъ *Сказанія о Дмитріи Донскомъ*. Графъ Румянцевъ ему отказалъ; я совѣтывалъ предоставить сіе Истор. Обществу. Не заставъ М. В. Бобарык., бывшей въ Симоновс. монас. для поминаенія мужа, скончавшагося въ сей день, я пѣшкомъ отправился къ Я. Е. Арсеньеву и обѣдалъ у него.

14. Отвезъ къ Попечит. А. А. П. переведенную мною на Латинс. *ею рѣчь* вступительную въ Общество испыт. природы предсѣдателемъ и мой же переводъ *проекта Московск. Университ.* 1775 г., то и другое принялъ онъ съ благодарностію. Говорилъ въ пользу Котельницкаго, чтобы оставить его гонимаго Мудровымъ съ Универ. квартиры: А. А. сказалъ, что оставить его въ покоѣ. Пріѣхалъ Давыдовъ и механикъ Лебедевъ, просящій въ Университ. Давыдовъ возражалъ противъ этого. Оставшись наединѣ съ Попеч. и занимались дѣлами своими. Въ Воспит. домѣ я между тѣмъ пропустилъ урокъ. Домой пріѣхалъ въ 3 часу, обѣдалъ съ маменькой, было заговѣнье: всеобщую слушалъ на Троицк. Под.

15. Поутру заѣхалъ до обѣдни къ Матушкину просить у него письма Грегуаровы ¹⁾ къ Митр. Платону; обѣщалъ дать списать: хотя, все опасался выпустить изъ рукъ; однако сказалъ хорошо. Обѣдню слушалъ у Спаса на Бору, гдѣ праздникъ

¹⁾ Аббатъ Грегуаръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей изъ французской революціи, въ то же время былъ человѣкомъ глубокой религіозности.

Гурія, Самона и Авива; у обѣдни было много господъ; видѣлъ тамъ Марисова дочь—довольно милостивую дѣвушку съ матерью. Оттуда зашелъ къ Діамиду Соколову, который былъ мнѣ радъ, оставлялъ обѣдать; но я обѣдалъ у И. Я. Мальцева вмѣстѣ съ Горчаковымъ и Совѣтн. Никифоровымъ. Послѣ обѣда былъ разговоръ съ молодежью о новой Философїи: я съ Вас. Иван. утверждалъ, что она противна религіи. Сказывали, будто Псковск. Евгеній переводится на Tobol. Епарх. Капитолина М. утверждала, чтобы спокойно жить, надобно всѣхъ любить и предпочитать неизвѣстность; а вечеромъ домой.

16. Утромъ рано занимался своими дѣлами, прочитавъ впередъ гл. Еванг. Матфія на Греч. и Русск. Урокъ въ Университ. пансіонѣ.

17. Получилъ въ университет. 193 р. путевыхъ издержекъ на визитацію въ Ярославль. Лекція въ Универ. и урокъ у Бобарыкиной.

18. Послѣ уроковъ въ В. Д. былъ въ банѣ, и въ рыбномъ ряду, купилъ рыбы на 16 р., винъ на 17 р. Погода сырая.

19. Послѣ урока въ Университ. былъ у М. В. Бобар. съ Я. Е. Арсеньевымъ и по просьбѣ Николинки, не бывавши пять лѣтъ въ театрѣ, поѣхалъ съ нимъ и его маменькою втроемъ. Играли водевили; въ одномъ изъ нихъ осмѣяли Полевого, который рукоплескалъ, когда пѣли, *не надо Полевой*; однако публика раздѣлилась: одни хлопали, другіе шикали. Въ балетѣ танцовщицы очень карячили ноги. Мы сидя въ ложѣ, шутили и смѣялись.—Я видѣлся съ Елагинымъ и Кирѣевскими, съ Полевымъ, и Кн. Одоевск. Театръ кончился въ 1 часу за полночь.

20. Выпалъ снѣгъ и сталъ зимній путь. Послѣ уроковъ въ В. Д. отправился къ М. В. Бобарык., отъ нея въ Университ. Пансіонъ и къ Чулкову, потомъ на Троиц. Подв. ко всеобщей.

21. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ былъ у Л. А. Цвѣтаева. Послѣ обѣда занимался продолженіемъ *жизни Митр. Платона*.

24. Не былъ ни у одной изъ своихъ имениницъ, и былъ скученъ. Остатокъ дня провелъ у М. В. Бобарыкиной, ѣздилъ кататься съ Николинкой ввечеру.

26. Послѣ урока въ университет. далъ другой, Н. Н. Бобар. послѣ обѣда съ нимъ катались, заѣхали къ С. Глинкѣ, который принялъ насъ ласково; я читалъ ему отрывокъ изъ жизни митр. Платона; онъ доволенъ былъ повидимому и хвалилъ. Пріѣхавъ къ М. В., я замѣтилъ ея неудовольствіе, что завозилъ Николинку къ Глинкѣ. Отъ нея проѣхалъ я къ Л. А.

Цвѣтаеву на рожденіе его сына; часа два посидѣлъ и побесѣдовалъ. А. О. Сокольскій сказывалъ, что въ Андреевскомъ мон. подъ сводомъ одной церкви хранятся орудія пытки.

27. Изъ В. Д. къ М. В. Бобар. потомъ въ пансіонъ университет. заходилъ на часъ къ А. Антон. Было слово о женитьбѣ.

28. Послѣ уроковъ въ В. Д. заѣхалъ къ А. П. Дурасовой, которая, пеняла мнѣ, что я забылъ ее. Послѣ обѣда мы собрались съ А. Е. и Танеевымъ ѣхать къ Турніеру въ манежъ; но представленіе было отказано; мы догадались, что должна быть сему какая-либо важная причина. Простясь съ почтеннымъ Генер., поѣхалъ ко всеобщей на Троицкое Подворье.

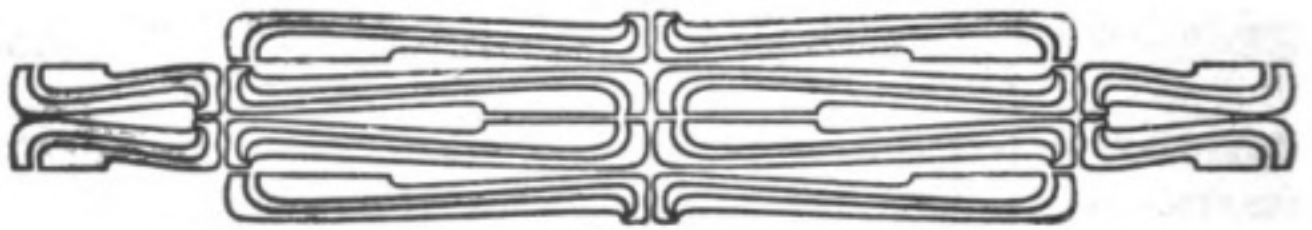
29. Послѣ ранней обѣдни, напившись чаю съ маменькой, поѣхалъ къ Скороспѣлову посмотреть, пишетъ-ли для Истор. Общ. образъ Св. Нестора; засталъ у него Разлуцкаго—и услышалъ съ прискорбіемъ о внезапной кончинѣ Государя Александра I въ Таганрогѣ 19 ноябр.; въ этотъ день былъ въ Москвѣ громъ и ощутительное землетрясеніе. Всѣ говорятъ: вотъ комета не даромъ явилась. Обѣдалъ у попечителя, котораго засталъ въ слезахъ и всѣ гости были печальны. Прообѣдалъ, уѣхалъ домой; вечеръ провелъ дома съ кумою дьяк. Зачатія Анны профес. Цвѣтаевымъ, Сокольскимъ и Е. П. Телпневымъ.

30. По призыву былъ въ Успенскомъ Соборѣ, куда собралось въ мундирахъ все Московское дворянство и чины. Государств. присягу послѣ молебна читалъ преосв. Филаретъ: всѣ держали вверхъ руку правую сложенную крестомъ. Я съ Каченовскимъ подписалъ въ алтарѣ. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ какую-то суетню, а не печаль о великой утратѣ. Эгоизмъ. Съ Щепкинымъ проѣхалъ къ Давыдову: толки о происшествіи этомъ.

Сообщ. В. Андерсонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разсказъ семидесятилѣтняго старика о Императорѣ Николаѣ I-мъ.

До настоящей минуты я никогда не писалъ для печати. Служилъ на разныхъ службахъ и отдавалъ имъ все свое время. Теперь же, будучи свободнымъ отъ службы, мнѣ захотѣлось разсказать о тѣхъ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые могутъ служить дополненіемъ къ характеристикѣ грознаго рыцаря XIX вѣка Императора Николая I-го.

Мы—столбовые дворяне Курской губерніи, обѣдѣвшіе отъ процесса моего прадѣда съ богатыми родственниками, захватившими у него много земли и лѣса. Процессъ этотъ, затертый въ судахъ того время, былъ при жизни моего дѣда дважды возобновляемъ по приказанію самого Государя Николая, но все-таки до смерти дѣда не довелъ ни до чего и тѣмъ дѣло кончилось.

Дѣдъ мой Ефимъ Михайловичъ Звегинцовъ былъ отправленъ своимъ отцомъ, живущимъ въ деревнѣ, въ Петербургъ служить рейтъ-нажемъ при дворѣ Императрицы Екатерины II-ой. У дѣда была одна страсть—любовь къ лошадямъ, не ослабѣвшая до его смерти. Отправляя дѣда въ Петербургъ, отецъ его далъ сыну: 1) письмо къ гр. Орлову, котораго почему-то зналъ, 2) хорошую лошадь, 3) два золотые, 4) образокъ и 5) завѣтную нагайку, которую дѣдъ хранилъ до своей смерти, какъ святыню. На прощанье прадѣдъ хорошо всыпалъ дѣду нагайкою, приговаривая: „служи хорошо Царицѣ, иначе ты мнѣ не сынъ“.

Какъ протекала жизнь моего дѣда и его служба, не знаю. Изъ разсказовъ его старшему сыну, моему отцу, знаю только, что его очень любилъ гр. Орловъ за его силу и что они про-

бовали ударомъ кулака между рогами сбивать съ ногъ воловъ, въ чемъ дѣдъ первенствовалъ, хотя дѣдъ былъ, какъ и всѣ мы, роста средняго, но широкъ въ плечахъ.

Въ моментъ воцаренія Императора Николая I-го дѣдъ былъ уже давно унтеръ-шталмейстеромъ, и Императоръ, въ несчастный день 25-го декабря, поручилъ ему приготовить перевозку изъ Зимняго дворца въ Аничкинъ своего первенца, будущаго Императора Александра II.

Насколько Императоръ Николай могъ быть добродушень, справедливъ и любилъ людей, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Не всегда онъ былъ суровымъ деспотомъ.

По своей должности дѣдъ являлся ежедневно въ 7 часовъ утра къ Государю въ его кабинетъ за приказаніями. Однажды дѣдъ засталъ въ кабинетѣ Государя прибывшаго раньше В. К. Михаила Павловича. Оба чему-то смѣялись. Отдавъ приказанія дѣду, Государь вдругъ сказалъ ему:

„Правду ли говорятъ, что ты неимоვნно силенъ?“

„Ваше Величество, теперь я старъ, а когда былъ молодъ, то пробовалъ ударомъ кулака въ лобъ сбивать съ ногъ вола“.

„Шутишь, старый“, сказалъ Государь, и, мигнувъ Михаилу Павловичу, прижалъ вмѣстѣ съ нимъ дѣда въ уголъ печки.

„Ну-ка отбойрся“, сказалъ Государь.

„Боюсь сдѣлать больно, Ваше Величество“.

„Шутишь, старый, попробуй“ и Государь засмѣялся.

Тогда дѣдъ взялъ Государя и Великаго Князя за руки выше локтей, и оба отскочили.

Государь ни на слѣдующій день, ни послѣ не вспоминалъ дѣду про эту шутку, но В. К. Михаилъ Павловичъ, встрѣтивъ на слѣдующій день дѣда во дворцѣ, добродушно сказалъ ему: „Спасибо, Ефимъ Михайловичъ, я какъ вчера снялъ мундиръ, увидалъ на рукѣ твою память—пять кровавыхъ пятен“.

Насколько Государь бывалъ иногда милостивъ, видно изъ слѣдующаго.

Императоръ почти ежедневно выѣзжалъ изъ Зимняго дворца около полудня, или просто кататься, или для посѣщенія институтовъ, корпусовъ и разныхъ учреждений. Ѣздилъ онъ большею частью одинъ: лѣтомъ въ дрожкахъ или коляскѣ, зимою въ одиночныхъ саняхъ. Ѣздить онъ любилъ скоро. Зимой, проѣздивши нѣкоторое время, онъ часто заѣзжалъ въ Аничкинъ дворецъ, гдѣ для него имѣлись всегда наготовѣ сани со свѣжею лошадыю и однимъ и тѣмъ же молодымъ кучеромъ.

Однажды зимою, перемѣнивъ экипажъ въ Аничкиномъ дворцѣ, онъ поѣхалъ по направленію къ Казанскому собору и на самомъ углу Невскаго и Казанской велѣлъ повернуть налѣво по Екатерининскому каналу. Поздно ли было отдано приказаніе, или что попало подъ полозъ саней, но на поворотѣ сани опрокинулись, и Государь выпалъ изъ нихъ. Вскочивъ сейчасъ же на ноги, онъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ дальше. Сѣвъ въ сани, сказалъ кучеру: „дуракъ“.

Проѣздивъ нѣкоторое время и подъѣзжая къ Зимнему дворцу, Государь приказалъ кучеру: „не смѣть докладывать Ефиму Михайловичу, что ты меня опрокинулъ“.

Кучеръ, ожидавшій, Богъ знаетъ чего, за свою оплошность (онъ самъ мнѣ разсказывалъ этотъ случай, бывши уже кучеромъ при Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ, дочери Императора Александра II, и подтверждалъ этотъ разсказъ мой покойный отецъ), высадивши Государя, вернулся въ Аничкинъ дворецъ, гдѣ во флигелѣ жилъ и дѣдъ; по заведенному порядку явился къ нему и доложилъ, что все благополучно. Страшно было (разсказывалъ онъ мнѣ) соврать Ефиму Михайловичу: вранья онъ шибко не любилъ, онъ былъ добръ, но держалъ всю конюшню Царя, ой, въ какихъ ежевыхъ рукахъ, и старшихъ и младшихъ; но всѣ его любили за справедливость. Зналъ я, что онъ обо всемъ узнаетъ и тогда можетъ быть мнѣ худо, но не смѣлъ ослушаться Царя.

Въ тотъ же день, вскорѣ послѣ этого, дѣдъ, любившій самъ покупать закуски къ обѣду, пошелъ въ излюбленный 2-й номеръ Милютинныхъ лавокъ.

Купцы съ соболѣзнованіемъ стали разспрашивать его про случай съ Государемъ, бывшій на ихъ глазахъ. Дѣдъ сейчасъ же вернулся домой, гдѣ узналъ отъ кучера, почему тотъ ему совралъ, доложивъ, что все благополучно.

Явившись сейчасъ же въ Зимній дворецъ, дѣдъ изъ устъ Государя услышалъ: „кучера ты не трогай, я самъ виноватъ; я и далѣе буду съ нимъ ѣздить“.

У Государя были и фантазіи, которыя понятно надо было исполнять.

Зная, что у дѣда при большой семьѣ (2 сына и 3 дочери) средствъ кромѣ жалованья нѣтъ, Государь подарилъ ему въ Царскомъ Селѣ, противъ дворцоваго парка, участокъ земли для постройки дома и сказалъ, что самъ посмотритъ домъ. Домъ былъ быстро построенъ, деревянный, двухъэтажный, довольно

большой. Строилъ его мой отецъ, тогда еще военный инженеръ. По окончаніи постройки Государь, дѣйствительно, заѣхалъ осмотрѣть домъ, остался въ общемъ доволенъ, но не понравилась ему деревянная лѣстница во 2-й этажъ и онъ велѣлъ сдѣлать вмѣсто нея каменную. Это, понятно, было исполнено, стоило дѣду очень дорого, и явился деревянный домъ съ каменною лѣстницею.

Доказательствомъ, насколько Государь любилъ и цѣнилъ вѣрныхъ ему людей, служить слѣдующее.

Дѣдъ умеръ скоропостижно въ конторѣ своей въ Аничкиномъ дворцѣ, только-что вернувшись изъ Царскаго Села, гдѣ тогда жилъ Государь. Государь и въ Царскомъ ежедневно ѣздилъ кататься и часто спрашивалъ у кучера „что новаго“. Такимъ образомъ онъ иногда узнавалъ вещи, объ которыхъ никто бы ему не рассказалъ. И въ день смерти дѣда онъ задалъ кучеру тотъ же вопросъ.

„Скверная новость, Ваше Величество, Ефимъ Михайловичъ умеръ“.

„Если ты совралъ, то въ солдаты. Ворочайся во дворецъ“.

Оказалось, что извѣстіе привезъ фельдшеръ, пріѣхавшій передъ самою отправкою Государя на прогулку, и ему еще объ этомъ не доложили. Выслушавъ докладъ, Государь сказалъ:

„Завтра кататься не поѣду. Чтобы всѣ (конюшенные) были на панихидѣ старика“.

Ефимъ Михайловичъ жилъ, какъ я уже упоминалъ, въ Аничкиномъ дворцѣ во флигелѣ, въ 3-мъ этажѣ по довольно скверной лѣстницѣ, но въ большой квартирѣ въ 7 комнатъ.

На панихидѣ по дѣду на слѣдующій послѣ его смерти день квартира понятно была переполнена.

Когда присутствующіе разошлись и у гроба оставался мой отецъ одинъ, въ прихожую вдругъ открылась дверь и вошелъ Императоръ, въ сопровожденіи гофмаршала Аничкина Наслѣдника Цесаревича дворца (живущаго тамъ же), сбросилъ на полъ шинель и, увидѣвъ гробъ, не сказавъ ни слова, подошелъ къ тѣлу покойнаго, опустился на одно колѣно, довольно долго молился, поднялся на катафалкъ, откинулъ кисею, закрывавшую лицо покойника, поцѣловалъ его въ лобъ,—перекрестилъ, самъ опять закрылъ кисею, сошелъ съ катафалка и, увидѣвъ приведенную старуху (жену дѣда), поклонился ей.—Обернувшись тогда къ моему отцу, служившему уже въ то время въ личной конторѣ Наслѣдника Александра Николаевича казначеемъ, и котораго Государь зналъ еще по Инже-

нерному департаменту, какъ отличнаго чертежника, Императоръ сказалъ:

„Чтобы обо всемъ, что нужно семьѣ, ты доложилъ мнѣ, она будетъ обезпечена;—похороны за мой счетъ“.

Выходя изъ квартиры покойнаго, Государь громко сказалъ ожидавшему его гофмаршалу:

„И по такой лѣстницѣ долженъ былъ ходить мой старикъ,—спасибо, д.....“

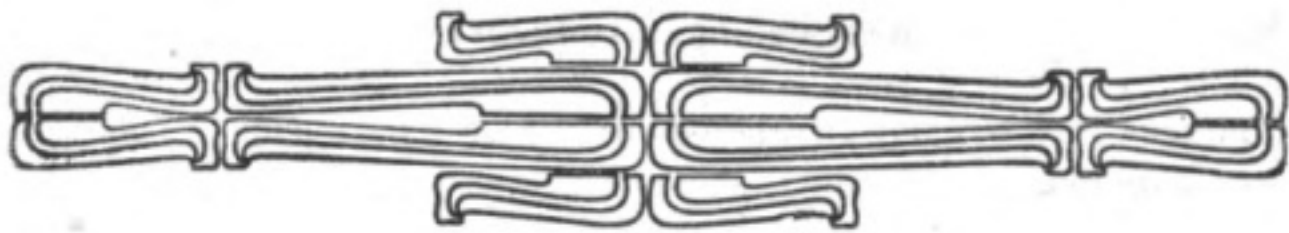
Я родился въ 1844 г. и понятно обо всемъ вышензложенномъ знаю только 1) изъ разсказовъ и записокъ моего отца (къ сожалѣнію пропавшихъ при моихъ многочисленныхъ переездахъ) и 2) изъ разсказовъ кучера, вывернувшего около Казанской Императора, который до своей смерти приходилъ поздравлять моего покойнаго отца съ Новымъ Годомъ и Пасхою.

Да! Таковъ былъ Императоръ Николай Павловичъ—рыцарь-деспотъ.—Онъ зналъ людей, умѣлъ оцѣнить ихъ—жертвовать ими, когда это, по *его* взглядамъ, нужно было, но и умѣлъ жертвовать *собою*, когда это оказывалось нужнымъ для пользы Россіи.

Написалъ по воспоминаніямъ и разсказамъ

А. Звегинцевъ.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ¹).

(Изъ его воспоминаній и воспоминаній о немъ).

Здѣсь будетъ умѣстно рассказать случай, вышедшій въ самомъ началѣ дѣйствій училищной конференціи Александровскаго училища. Б. А. Шванебахъ являлся человекомъ чрезвычайно мягкимъ и въ самой высокой степени деликатнымъ, не говоря о томъ, что онъ не могъ представить себѣ мысли о появленіи въ стѣнахъ училища пьянаго юнкера или о практикованіи въ училищѣ пьянства,—онъ, кромѣ того, съ глубокимъ оскорбленіемъ чувства собственнаго достоинства взиралъ на проявленія какой бы то ни было грубости въ обращеніи юнкеровъ между собой или съ кѣмъ-либо вообще и всякими путями, со свойственнымъ ему тактомъ, искоренялъ малѣйшій намекъ на него.

Однажды, послѣ того, что даже его долготерпѣніе начало истощаться, онъ, высказавъ предупрежденіе, не выдержалъ, когда вновь лично натолкнулся на то, что одинъ изъ юнкеровъ—Меселовъ, выругалъ отборно неприличными словами своего товарища Орлика, отъ котораго получилъ еще менѣе приличную отвѣдь,—Б. А. тотчасъ же передалъ это дѣло на обсужденіе конференціи. Въ надеждѣ на то, что указаніе, которое выйдетъ отъ нея, заставитъ юнкеровъ быть сдержаннѣе, приличнѣе и благоразумнѣе, Б. А. съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня засѣданія конференціи.

Подробности того, какъ все въ этомъ засѣданіи произошло, намъ тогда извѣстны, конечно, не стали, но каково было наше удивленіе и пораженіе, когда въ результатѣ разбора дѣла оказалось рѣшеніе,—обоихъ юнкеровъ,—и Меселова и Орлика,—исключить изъ училища, предоставивъ имъ самимъ избрать

¹) См. „Русск. Стар.“, ноябрь 1914 г.

для себя что угодно—отправление домой или переводъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ юнкерами же?

Прошло нѣсколько дней, не было конца толкамъ и рѣшеніямъ среди насъ объ этомъ случаѣ, сдѣлавшемся событіемъ первой важности. Мы вспомнили о томъ, что столь жестоко пострадавшіе были не только самые близкіе товарищи одного корпуса—1-го Московскаго, въ которомъ шли вмѣстѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ, но они были земляки,—оба съ Кавказа, гдѣ были знакомы домами и малютками видѣлись, какъ родные, еще находясь въ родительскихъ домахъ;—все это, какъ намъ казалось, должно было бы вызвать больше снисходительности къ ихъ поступку и заставить конференцію взглянуть мягче на взаимно нанесенныя ими другъ другу обиды.

Нѣкоторые ротные офицеры, не выдавая ничего изъ того, что произошло на засѣданіи конференціи, старались выяснить намъ, какимъ большимъ проступкомъ противъ чести считается вообще нанесеніе однимъ офицеромъ другому обиды и насколько непозволительно оставленіе такого поступка безъ самаго строгаго отвѣта.

Третьей роты командиръ—л.-гв. конно-гренадерскаго полка шт.-ротмистръ Александръ Германовичъ фонъ-Бринкманъ и ротный офицеръ—л.-гв. егерскаго полка штабсъ-капитанъ Григорій Васильевичъ Крюковъ дополняли это поясненіе тѣмъ, что конференція могла бы снизойти къ полному незнанію провинившимися всей важности такого дѣла, но вообще такое незнаніе въ извѣстные годы считается большой и неизвинительной наивностью.

По прошествіи нѣсколькихъ дней былъ назначенъ сборъ всѣхъ ротъ для выслушанія рѣшенія конференціи; нѣкоторые съ горькимъ чувствомъ говорили, что предстоитъ „приведеніе этого рѣшенія въ исполненіе“ (сентенція).

Мы собрались въ залъ, игравшемъ по-корпусному роль троннаго; каждая рота, составляя одинъ фасъ, стояла при ротныхъ офицерахъ со своимъ ротнымъ командиромъ во главѣ; тутъ же находился батальонный командиръ подполковникъ Лобода, а также инспекторъ классовъ полковникъ Слуцкій и его помощникъ поручикъ Юшеновъ. Осужденные Меселовъ и Орликъ, имѣя крайне печальный видъ, стояли на серединѣ зала, въ самомъ центрѣ образовавшагося такимъ образомъ каре.

Прибылъ Б. А. Шванебахъ и, коротко объявивъ суть рѣшенія конференціи, началъ въ довольно пространной рѣчи выяснять значеніе продѣланнаго приговоренными поступка, при

БОРИСЪ АНТОНОВИЧЪ
ШВАНЕБАХЪ.

этомъ онъ больше всего винилъ себя въ томъ, что не сумѣлъ достаточно внушить намъ съ самаго начала, какое тяжкое обвиненіе ложится на каждого, рѣшающагося нанести оскорбленіе сослуживцу или вообще товарищу; затѣмъ какъ бы обращаясь къ офицерамъ, онъ сказалъ: взгляните, господа, на эти двѣ жертвы моей вины, если бы я съ большею твердостью изощрился разъяснить юнкерамъ все касающееся этого рода поступковъ,—Меселовъ и Орликъ не были бы доведены до такого положенія, въ какое поставлены теперь моей неумѣлостью, моимъ промахомъ, т. е. всецѣло моей виной, которую исправить я теперь не могу найти и не нахожу способовъ.

Затѣмъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ, не спуская глазъ съ осужденныхъ: господа офицеры, господа члены конференціи, дайте мнѣ возможность поправить мою вину, а главное поправить тяжкую бѣду, въ которую я втянулъ эти двѣ жертвы! дайте свое согласіе на отмѣну нашего рѣшенія, уничтожимъ его, возвратимъ все понесшимъ несчастную кару, забудемъ случившееся, поставимъ все въ такое положеніе, какъ будто ничего не вышло, дадимъ имъ возможность начать новую жизнь, повѣримъ, что не только съ ними ничего подобнаго никогда въ жизни не случится, но и никто у насъ впредь не продѣлаетъ ничего даже похожаго на свершившееся; я васъ прошу, дайте мнѣ ваше согласіе ради этихъ двухъ молодыхъ существъ, виновныхъ положительно моей виной, принявшихъ на себя мое преступленіе.

Б. А. замолкъ и обвелъ глазами офицеровъ; они поклонились, при этомъ среди нихъ послышались глухимъ голосомъ произнесенныя слова: согласны, мы согласны; у нѣкоторыхъ юнкеровъ навернулись слезы, а приговоренные, слыша совершенно неожиданную вѣсть о внезапной перемѣнѣ ихъ участи, протянули другъ другу руки и залились горькими слезами; казалось, то были слезы раскаянія.

Вся эта трогательная сцена представлялась тяжкою для всѣхъ и лишь исходъ ея облегчилъ душу каждого. Многіе изъ насъ никогда ее не забыли.

Черезъ полгода послѣ этой исторіи и Меселовъ, и Орликъ, оставшись нашими товарищами, были произведены въ офицеры по первому разряду; оба они впоследствии прекрасно служили на Кавказѣ и съ отличіемъ участвовали въ освободительной войнѣ 1877/78 гг., при чемъ Орликъ командовалъ въ одномъ изъ славныхъ боевыхъ кавказскихъ пѣхотныхъ полковъ ротой, заслужившей боевыя отличія, а Меселовъ, переведенный въ

артиллерію, командовалъ дивизиономъ и все время отличался, нанося не мало поражений турецкимъ отрядамъ своей особливо мѣткой стрѣльбой въ многочисленныхъ стычкахъ съ врагомъ. Было принято за правило,—посылать орудія подъ его командой въ болѣе трудныя, опасныя мѣста,—объ этомъ много рассказывали кавказцы между собой и въ военное время, и впоследствии при мирномъ допoлненіи изученія курса стрѣльбы въ учебныхъ батареяхъ, и въ учебной артиллерійской школѣ въ Царскомъ Селѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда изъ Меселова выработался особо удачный батарейный командиръ, тѣмъ дававшій немало удовольствовенія Б. А. Шванебаху, всегда вспоминавшему свой порывъ, приведшій къ спасенію пары повздорившихъ между собой юнкеровъ его училища.

* * *

Какъ-то весной 1864 года, когда всѣ мы готовились къ экзаменамъ, Б. А., въ веселомъ расположеніи духа, обошелъ роты и объявилъ, что экзамены будутъ держать только юнкера младшаго класса; старшій же классъ будетъ немедленно произведенъ въ офицеры безъ экзамена.

Это было на страстной недѣлѣ; 23-го мая того года состоялся Высочайшій приказъ о производствѣ, вообще по военно-учебнымъ заведеніямъ; въ послѣдніе дни мая мы перешли въ старшій классъ по экзамену, а вскорѣ къ намъ было переведено изъ кадетскихъ корпусовъ до ста семидесяти новыхъ товарищей—юнкеровъ младшаго класса; въ тотъ годъ переводъ въ Александровское училище состоялся изъ двухъ — 1-го и 2-го московскихъ корпусовъ, а также изъ Владимірскаго-Кіевскаго и изъ Петровскаго-Полтавскаго.

Въ началѣ іюня, вновь сформированный батальонъ училища двинулся въ лагерь на Ходынки подъ свою музыку и съ такими пѣснями, какія онъ за годъ передъ тѣмъ пѣлъ въ присутствіи Государя въ лагерь подъ селомъ Коломенскимъ у Савкина оврага ¹⁾).

На лѣвомъ флангѣ пѣхотнаго армейскаго лагернаго расположенія на Ходынскомъ полѣ для насъ за оврагомъ былъ разбитъ аккуратный, небольшой лагерь, при чемъ самъ Б. А. Шванебахъ смотрѣлъ за его постройкой; ручьемъ, который протекалъ по дну оврага, онъ, расширивъ это дно, прекрасно, какъ военный инженеръ, воспользовался для того, чтобы вы-

¹⁾ См. „Русск. Старина“ 1914 г. январь, стр. 163.

рыть для насъ довольно глубокой и просторной прудъ съ прочной ключевой водой, а на берегу его возлѣ шлюзъ выстроилъ намъ баню.

— Чистота,—говорилъ онъ,—первое дѣло въ жизни; купайтесь въ озерѣ и мойтесь въ банѣ во всякое время; воды тамъ имѣется въ изобиліи, вамъ разрѣшается брать ее, сколько захотите; добывайте себѣ чистоту и держите подаренную вамъ драгоценную постройку тоже въ полной чистотѣ.

Это было дѣло, на которомъ онъ впервые показалъ свою необыкновенную практичность; впоследствии оказалось, что онъ вообще ею славился.

* * *

Показалось ему, что мы въ строевомъ отношеніи мало дѣлали успѣховъ. Б. А. не разъ говаривалъ: я хочу положительно, чтобы вы преуспѣвали не только по дѣлу, которое держать въ рукахъ излюбленные вами профессора, но хочу и обязанъ видѣть ваши успѣхи и въ специальности, для которой мы собраны.—т. е. по фронту и вообще въ чисто военномъ отношеніи.

Разговаривая нерѣдко на эту тему, Б. А. исходатайствовалъ черезъ Н. В. Исакова о командированіи знатока фронтовой части полковника Михайлова къ намъ въ лагерь на лѣто отъ образцоваго полка. И вотъ два лагерныхъ сбора—1864 и 1865 г. этотъ почтенный штабъ-офицеръ, фронтовикъ, носившій мундиръ л. гв. Семеновскаго полка, проживалъ у насъ на Ходынкахъ, имѣя квартиру въ мѣстѣ расположенія нашего лагеря;—обучалъ онъ насъ фронту и посѣщалъ всѣ наши ученья, а также смотры,—а затѣмъ дѣлалъ свои замѣчаніи, которыя намъ высказывалъ въ назиданіе и въ поученіе.

Оба года у насъ на царскомъ смотре все сошло прекрасно; мы представлялись одновременно съ армейскими полками, не отставая отъ нихъ и на парадѣ, и на линейномъ ученьи, и на маневрахъ;—Государь все время хвалилъ насъ и очень благодарилъ какъ Б. А. Шванебаха, такъ и нашихъ офицеровъ. Однажды, выслушавъ отъ Государя благодарность, Б. А. при насъ рѣшился доложить Его Величеству, что больше всѣхъ старался насъ учить полковникъ Михайловъ. Государь, разсмѣявшись, сказалъ: знаю, знаю, ты всегда и во всемъ найдешь кого-нибудь больше тебя заслуживающаго; успокойся, Михайлова я особо поблагодарю за его старанье на вашу пользу.

И, дѣйствительно, милостью Государя, онъ былъ награжденъ въ то лѣто орденомъ, а въ слѣдующее подаркомъ по чину.

* * *

Въ первое лѣто по поводу нашихъ смотровъ случился небольшой эпизодъ, въ связи съ которымъ вышла крупная неприятность.

Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда Государя изъ Москвы исправляющій у насъ обязанности казначея шт. капитанъ л. гв. Егерскаго полка Григ. Вас. Крюковъ получилъ распоряженіе явиться въ Московское комендантское управленіе за деньгами для юнкеровъ и ему тамъ была передана нѣкоторая сумма, изъ которой онъ долженъ былъ выдать каждому юнкеру болѣе трехъ рублей. Какъ онъ ни отговаривался отъ этихъ денегъ, полагая тутъ недоразумѣніе,—получить ихъ ему пришлось и онъ пріѣхалъ съ ними въ училище. Доложили Б. А. Шванебаху.—Онъ сообразилъ, какая это сумма, и объяснилъ, что „выдали ее съ непривычки“; дѣло въ томъ, какъ онъ объяснялъ,—что представляясь Государю на смотрахъ, мы были вносимы въ общій строевой рапортъ; Государь, объявляя „нижнимъ чинамъ“ спасибо, назначалъ имъ за каждый смотръ извѣстную сумму въ награду; общее количество денегъ выводилось по тому рапорту на всѣхъ, значившихся въ немъ; никто не обратилъ вниманія на то, что въ списокѣ нижнихъ чиновъ, между прочимъ, стоитъ до 250 человекъ училищныхъ юнкеровъ, которые хотя и считались нижними чинами, но такого довольствія получать не должны были. Разрѣшая это дѣло по существу Б. А. нашелъ, что возвращать тѣ деньги не приходится, ихъ, нужно принять и потому онѣ въ тотъ же день были розданы намъ по списку.

На другой день утромъ, Б. А., прибывъ по обыкновенію къ намъ, между прочимъ держалъ намъ такую рѣчь: по поводу того, что ходатайство мое объ увеличеніи намъ денежнаго отпуска на улучшеніе обуви, обѣщаютъ удовлетворить не ранѣе, какъ черезъ два года,—когда вы (т. е. теперешній составъ училища) не будете имѣть возможности воспользоваться этимъ, а переданныхъ мною вамъ на руки денегъ, составляющихъ нормальное ассигнованіе на это дѣло, дѣйствительно мало,—я надумалъ вамъ порекомендовать воспользоваться случайно доставшеюся намъ суммою за царскіе смотры: истратить ее недолго и на фрукты, и на арбузы, а лучше было бы, если бы она пошла въ расходъ именно на болѣе щегольскую обувь, въ которой мы теперь болѣе всего испытываемъ нужду.

Намъ эта мысль понравилась, три рубля сумма такая, ко-

тору на улицѣ не поднимаешь, а добавленная къ девяти рублямъ, составляющимъ годовой отпускъ на сапоги, она увеличиваетъ его на цѣлую треть, т. е. сдѣлаетъ изъ 9 рублей—12. Большинство изъ насъ приняло это рѣшеніе и стали строить планы на этотъ счетъ.

Не прошло двухъ-трехъ часовъ, какъ по училищу разнесся слухъ, который скоро, къ ужасу для насъ, оправдался: трое юнкеровъ были ночью застигнуты полиціей выходящими въ пьяномъ видѣ изъ „доскутнаго трактира (на Тверской улицѣ); фамиліи ихъ были узнаны и объ нихъ прислано подробное, крайне тяжелое, донесеніе Б. А. Шванебаху. Такого событія перенести онъ не былъ въ состояніи; послѣ нѣкотораго разслѣдованія, онъ отъ попавшихся несчастныхъ узналъ, что они на отпущенныя деньги отправились въ большой театръ, а послѣ спектакля, „слегка поужинали“ въ доскутномъ трактирѣ.

Безъ промедленія былъ собранъ составъ конференціи и тотчасъ же три юнкера изъ бывшихъ кадетъ: 1-го Московскаго корпуса Рушковъ, 2-го Московскаго Бѣдняковъ и Орловскаго Слеторскій, получили распоряженіе конференціи выбрать и объявить о томъ, какъ захотятъ рѣшить свою участь?

Всѣ трое пожелали выйти домой и были выпущены.

Лично мнѣ Рушковъ былъ тѣмъ близокъ по корпусу, что въ 1854 году насъ двухъ—тогда семилѣтнихъ мальчиковъ въ одинъ день, 19-го августа, доставили для опредѣленія въ малолѣтнее отдѣленіе 1-го Московскаго корпуса—такъ мы вмѣстѣ, всѣ десять лѣтъ, шли по классамъ до самаго этого злополучнаго дня.

Отъ времени до времени онъ, уже уволенный, заезживалъ въ училище на свиданіе съ болѣе близкими изъ своихъ бывшихъ друзей; мы вообще, жалѣя его, какъ добраго товарища, охотно проводили время въ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ проживалъ въ Спасскихъ казармахъ на Садовой улицѣ на квартирѣ своего старшаго брата, вышедшаго въ офицеры изъ 1-го Московскаго корпуса въ Ростовскій Гренадерскій полкъ за годъ до образованія военныхъ училищъ.

Съ теченіемъ времени оказалось, что, не желая терять время даромъ, Рушковъ умудрился, при помощи этого брата, подготовиться и поступить въ Московскій университетъ, въ которомъ и слушалъ лекціи; мы это очень одобряли; не нравилось намъ лишь то, что онъ наряжался въ цвѣтную рубаху съ косымъ воротомъ; это тогда преслѣдовалось быть можетъ менѣе, чѣмъ

теперь, но вообще считалось крайне непорядочнымъ и предосудительнымъ.

Однажды, придя къ намъ черезъ нѣсколько недѣль, помнится, въ дни масленицы, онъ оказался нѣсколько выпившимъ, при чемъ настойчиво просилъ насъ выслушать его и помочь ему снять съ его совѣсти то, что, оставаясь на ней, угнетало его до невозможности.

- Я не могу себѣ простить, что не высказалъ объ этомъ нашему Борису Антоновичу тогда же, когда мы попались; съ Бѣдняковымъ мы не разъ про это говорили; онъ также хочетъ явиться въ училище, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать объ этомъ заявленіе.

Дождавшись прихода ихъ вдвоемъ, мы узнали, что они, покутивши въ лоскутномъ, въ сущности, продѣлали это не въ первый разъ; имъ это было въ привычку, но Слеторскій рѣшительно никогда не пилъ и въ тотъ разъ, пойдя съ ними въ трактиръ изъ театра, рѣшительно отказывался пить; они же, выпивши немного, посмѣялись надъ нимъ, пристыдили его, назвавъ бабой, и, такимъ образомъ, какъ бы принудили выпить; съ двухъ рюмокъ онъ совершенно опьянѣлъ; въ этомъ, можно сказать, была вся суть нашего несчастья, говорили они; мы сами не такъ опьянѣли, чтобы не добраться въ училище на твердыхъ ногахъ; его же пришлось почти тащить,—онъ упрямился, спорилъ, шумѣлъ, отъ этого и городской обратилъ на насъ вниманіе. Все это вынуждаетъ насъ сдѣлать по совѣсти заявленіе и хлопотать объ несчастномъ, такъ какъ онъ собственно пострадалъ зря изъ-за насъ.

Б. А. Шванебахъ очень горячо принялъ къ сердцу это сообщеніе, далъ ему вѣру и значеніе, энергично взялся за дѣло и очень скоро, списавшись съ родителями Слеторскаго, обернулъ все такъ, что они получили распоряженіе доставить несчастнаго обратно въ училище къ началу предстоявшаго лагернаго сбора, т. е. къ началу іюня мѣсяца: Слеторскій былъ вновь опредѣленъ въ училище, прекрасно шелъ по классамъ и былъ выпущенъ въ сфицеры черезъ годъ, потерявъ его такимъ образомъ, въ сравненіи со своими сверстниками, изъ-за этой „лоскутной“ крайне нецрїятной исторіи.

Вспоминая этотъ эпизодъ впоследствии во время нашихъ обѣдовъ, Б. А. всегда высказывалъ большую радость: чтобы такъ спасти человѣка, надо было громадное счастье; не могъ я благодариться и нарадоваться добросовѣстности покутившихъ съ нимъ товарищей, говорилъ Б. А.; были моменты, въ которые

являлась у меня мысль,—прийти въ чемъ-нибудь и имъ на помощь, но они наотрѣвъ отказывались отъ всего: Рушковъ не хотѣлъ бросить свою университетскую дорогу, которая у него пошла съ большой удачей, а Бѣдняковъ, внезапно оказавшись очень богатымъ наследникомъ своего родного дяди и получивъ отъ него большое состояніе, зажилъ себѣ помѣщикомъ въ одной изъ центральныхъ губерній.

Возвращаясь къ вопросу о сапогахъ, нельзя пропустить, что сумма, случайно пожалованная намъ Государемъ, послужила для насъ большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ нашего щегольства обувью. Швенебахъ же, въ ожиданіи отсрочки въ долгій ящикъ добавленія намъ ассигновки на сапоги, умудрился изыскать путь къ улучшенію этого дѣла: съ новаго 1864 года,—когда юнкера, по его распоряженію, сами начали завѣдывать своимъ продовольствіемъ, онъ предложилъ изъ суммъ, отпускавшихся на нашу пищу, удерживать ежедневно съ каждаго юнкера въ особый запасный капиталъ по три копѣйки для расходовъ на разныя хозяйственныя нужды училища.

— Въ московскихъ корпусахъ на ваше продовольствіе отпускалось по 14 коп., говорилъ Б. А.; если вся эта сумма расходовалась полностью, то и тогда выходило въ день на человѣка восемью копѣйками меньше противъ того, что мы готовимся теперь тратить при уменьшеніи здѣшняго отпуска на 3 коп., — можно имѣть улучшенную пищу и надѣлать многое по хозяйственной части.

Мы съ полною готовностью изъявили на это свое согласіе и потому сами же тратили и выводили на свою пищу лишь по 22 коп. ежедневно на юнкера.

* * *

Описаніе этихъ легкихъ случаевъ показываетъ, съ какою внимательностью Б. А. относился къ нуждамъ юнкеровъ; имъ можно было вообще считать себя его излюбленными дѣтьми; строгость, проявлявшаяся въ его обращеніи, была отеческою и еще болѣе приравнивала тѣ чувства къ родительскимъ.

Не менѣе внимательно онъ относился и къ училищнымъ офицерамъ; всегда отъ нихъ можно было слышать рассказы о той заботливости, которую онъ, тщательно и съ полною дели-

катностью, проявлялъ относительно служебнаго положенія каждаго изъ нихъ.

Стараясь относиться ко всѣмъ одинаково ровно, онъ отличалъ большимъ вниманіемъ поступившаго въ училище въ началѣ 1864 года шт. капитана л. гв. Егерскаго (тогда полкъ назывался л. гв. Гатчинскій) полка Григорія Васильевича Крюкова.

Въ короткое время этотъ офицеръ сдѣлался также любимцемъ юнкеровъ, которые всегда говорили, что у Шванебаха онъ отличенъ по высокимъ заслугамъ своимъ.

Интересно отмѣтить отзывъ о немъ Б. А. Шванебаха.

— Достойнѣйшій Григорій Васильевичъ Крюковъ, говорилъ онъ, чисто русскій человекъ, славится своею православною религіозностью, всесторонне полонъ христіанскихъ чувствъ, человекъ, въ высшей степени нравственный и при своей отмѣнной скромности, — орелъ; это въ особенности Б. А. подчеркивалъ находя въ Крюковѣ задатки прекраснаго, не только строевого, но и чисто боевого офицера; объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ высказывалъ, какъ бы въ видѣ предсказанія.

Скоро онъ провелъ его въ должность командира роты Его Величества, а затѣмъ, не менѣе старательно, при производствѣ въ полковники, повысилъ его на постъ батальоннаго командира въ училищѣ. Вспоминая всю жизнь объ Г. В. Крюковѣ, Б. А. вообще говорилъ въ дополненіе къ вышеприведеннымъ отзывамъ о немъ:—Двѣнадцать лѣтъ я могъ быть совершенно спокойнымъ за состояніе большей части моего училища: шесть лѣтъ подъ его здравымъ руководствомъ находилась Государева рота, а слѣдующія шесть лѣтъ онъ имѣлъ заботу также объ моихъ юнкерахъ, занимая должность командира училищнаго батальона...

Велика же была радость Б. А. Шванебаха, когда онъ узналъ во время войны 1877/8 г.г., что его предвидѣніе сбылось; такъ какъ тотъ самый Крюковъ оказался однимъ изъ наиболѣе отличившихся въ Плевненскихъ дѣлахъ штабъ-офицеровъ.

— Только-что успѣлъ Григорій Васильевичъ получить въ командованіе 12-ый Гренадерскій Астраханскій Наслѣдника Цессаревича Александра Александровича полкъ (впослѣдствіи полкъ Его Величества) и въ октябрѣ пріѣхалъ подъ Плевну, съ ликованіемъ рассказывалъ Б. А.,—а уже 28-го ноября передъ славнымъ подкомъ молодецки заслужилъ георгіевскій

крестъ; и сколько высокихъ похвалъ своему командиру-герою въ одинъ голосъ расточали офицеры - однополчане, передавая рассказы объ его храбрости и объ его боевыхъ подвигахъ, проявленныхъ съ полкомъ въ дѣйствіяхъ противъ Осман-паши при взятіи укрѣпленій Плевны и при плѣненіи самого паши!

* * *

Какъ юнкера, такъ офицеры вообще очень скоро привыкали къ Борису Антоновичу и всегда обращались къ его содѣйствию во всевозможныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ каждому охотно приходилъ на помощь добрымъ совѣтомъ въ имущественныхъ, семейныхъ и во всякихъ другихъ дѣлахъ; всякій несъ къ нему все свое и простое и самое сокровенное съ полнѣйшимъ довѣріемъ, съ полной надеждой получить отъ него совѣтъ, утѣшеніе и облегченіе.

Нерѣдко онъ самъ, видя кого-либо въ затруднительномъ положеніи, прилагалъ свои старанія къ тому, чтобы выяснить обстоятельства, а затѣмъ во-время дружески помочь добрымъ словомъ и указаніемъ наиболѣе удобнаго и легкаго выхода.

Главнымъ образомъ къ нему привлекало именно то, что онъ всегда во всемъ проявлялъ необыкновенную находчивость и съ замѣчательною легкостью изъ всего просто находилъ самый удачный исходъ.

Не всегда при этомъ онъ могъ всюду разсѣивать одно лишь добродушіе: въ его совѣтахъ и отвѣтахъ преобладала серьезность, граничившая съ суровостью, — иначе и быть не могло при томъ условіи, что онъ въ своихъ сужденіяхъ шелъ открыто и держась исключительно на правдѣ; поэтому говорилъ онъ обо всемъ безъ всякаго стѣсненія, изъ-за этого нерѣдко проскальзывала горечь; важнѣе всего было то, чтобы соотвѣтственно обстоятельствамъ, въ концѣ концовъ, выходили благіе результаты.

Хотѣлъ бы рассказами относительно такихъ дѣлъ подѣлиться съ читателями, но не приходится теперь переполнять статью эту сообщеніями массы мелочныхъ воспоминаній, имѣющихся на этотъ счетъ, хотя въ нихъ много содержится чрезвычайно интереснаго; но все это нужно отложить до болѣе удобной минуты. Статья эта и такъ вышла слишкомъ длинною.

Высказывая въ заключеніе взглядъ на Б. А., не могу не упомянуть, что характеръ его, даже судя по нѣкоторымъ разсказаннымъ здѣсь случаямъ, можетъ представиться черезчуръ

мягкимъ и слишкомъ расплывчатымъ; такое мнѣніе можетъ основаться хотя бы на подробностяхъ описанія конца эпизода, вызваннаго крайне строгимъ осужденіемъ двухъ юнкеровъ, нанесшихъ другъ другу оскорбленія. Но нельзя не подчеркнуть, что все это лишь кажущееся; громадная деликатность правдиваго и высокочестнаго Б. А. Шванебаха создавала въ свое время представленіе объ мягкости его характера;—все, что дѣлалъ Б. А. въ своей службѣ и жизни, являлось всегда ясно въ немъ установленнымъ, во всемъ обрисовывалась его устойчивость; онъ не былъ способенъ отступать отъ разъ принятаго и намѣченнаго;—во всемъ у него проглядывала та опредѣленность, которая характеризуетъ начальника съ твердыми убѣжденіями и человѣка, на рѣшеніе котораго можно всегда во всемъ положиться.

Все это въ немъ держалось при полной, свойственной ему, симпатичной мягкости и при отличавшей его необычной, тонкой деликатности...

Въ заключеніе не могу забыть и пропустить бесѣды, которыя мнѣ случилось вести со многими изъ даннихъ товарищей-александровцевъ вскорѣ послѣ появленія въ январской книгѣ „Русской Старины“ начала очерка воспоминаній о нашемъ первомъ начальникѣ Александровскаго военнаго училища.

— Вотъ по истинѣ доброе дѣло придумалъ, спасибо, что вспомнилъ нашего Бориса Антоновича, говорили одни.

— Стоитъ, стоитъ увѣковѣчить на страницахъ нашихъ историческихъ изданій память о такомъ дорогомъ человѣкѣ и начальникѣ, съ искренностью произнесъ другой.

— Продолжай пожалуйста, не медли, съ большимъ нетерпѣніемъ буду ждать продолженія, просилъ третій.

Эти и подобныя рѣчи довелось мнѣ выслушивать отъ товарищей, съ которыми въ тѣ дни пришлось при случайныхъ встрѣчахъ, мимолетно разговаривать по поводу мелочи, появившейся въ той книжкѣ.

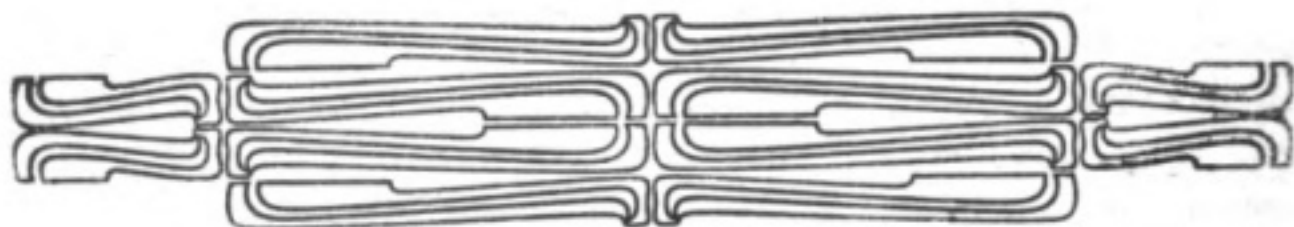
Каждый изъ тѣхъ товарищей, встрѣчавшихся и разговаривавшихъ со мной тогда, несомнѣнно самъ вспомнить о нашемъ разговорѣ; не такъ давно онъ происходилъ.

И же теперь, доведя кое-какъ послѣ долгаго промежутка времени, до конца эту памятку о человѣкѣ, дѣйствительно цѣнившимся нами во дни нашей юности, не знаю, удастся

ли свидѣться еще и скоро ли, — обращаюсь въ этой замѣткѣ къ тѣмъ самымъ, встрѣчавшимся и находившимъ нужнымъ бесѣдовать со мной, товарищамъ и прошу ихъ принять мою сердечнѣйшую благодарность за то, что они меня ободрили довести до конца этотъ мой, какой ни на есть, трудъ и дали мнѣ возможность его исполнить; благодарность моя сама собой увеличится до безконечности, если кто-нибудь изъ нихъ же или изъ другихъ товарищей, найдя у себя что-либо болѣе значительное, болѣе подробное, продолжить и дополнить мое писанье о достойнѣйшемъ дорогомъ всѣмъ намъ, доброй памяти заботливомъ Борисѣ Антоновичѣ Шванебахѣ...

Е. Андреевскій.

Письма героя Шипки—Г. Г. Радецкого изъ Германія въ 1885 году.

Въ августъ мѣсяцѣ 1885 года генераль-адъютантъ Радецкий былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію для присутствованія на большихъ Императорскихъ маневрахъ близъ Карлсруэ, гдѣ и оставался до конца сентября, посѣтивъ на обратномъ пути въ Россію Мюнхенъ и Вѣну.

Поездка эта описана имъ довольно подробно въ письмахъ къ его второй женѣ, Серафимѣ Петровнѣ Радецкой, дочери известнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба и одного изъ первыхъ редакторовъ „Русскаго Инвалида“—генераль-лейтенанта П. С. Лебедева. Такъ какъ указанная письма представляютъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ, чтущихъ память славнаго героя и сподвижника незабвеннаго Царя-Освободителя, то мы и приводимъ ихъ ниже безъ всякихъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были найдены въ бумагахъ доблестнаго Федора Федоровича, послѣ его смерти.

Вчера въ 3 часа телеграфировалъ тебѣ въ Варшаву о томъ, что я совершенно благополучно прибылъ въ Берлинъ—телеграфировалъ: Новый Свѣтъ 39, кварт. Гечевичей.

Вѣроятно эту телеграмму тебѣ вчера же вечеромъ принесли, такъ что я удостоился отъ тебя похвалы.

Вчера мы прибыли сюда въ 7 часовъ утра. Меня встрѣтилъ Бутаковъ ¹⁾ и объявилъ, что Вильгельмъ уѣхалъ куда-то и что, по всей вѣроятности, придется представляться ему въ

¹⁾ Русскій военный агентъ въ Берлинѣ.

Карлсруэ, но если я очень хочу здѣсь кромѣ того представиться, то онъ черезъ Долгорукаго ¹⁾ выхлопочетъ это.

Сегодня я буду въ 11 часовъ въ посольской церкви у обѣдни и если увижу тамъ Долгорукаго, то поговорю съ нимъ объ этомъ.

Вчера, напившись въ Петербургскомъ отелѣ, гдѣ мы остановились, чаю, я со своими коллегами отправился въ Тиргартенъ, очень хорошей и большой, а оттуда—въ Зоологическій садъ, гдѣ видѣлъ представленіе индѣйцевъ со слонами и разныхъ звѣрей; потомъ на конкѣ поѣхали обратно въ городъ—видѣли памятникъ въ воспоминаніе войнъ 66 и 70 годовъ, очень красивый и колоссальный. Позавтракавши въ Тиргартенѣ, отправились назадъ въ городъ, гдѣ я отдалъ свою телеграмму на телеграфную станцію. Пообѣдали въ отелѣ, а потомъ отправились въ опереточный театръ, гдѣ давали „Grand Mogol“ по-нѣмецки. Голоса довольно хорошіе, но содержанія совсѣмъ не понялъ, потому что скороговорка нѣмецкая отъ меня ускользаетъ.

Мы здѣсь останемся до среды; въ среду вечеромъ отправимся въ Карлсруэ, куда прибудемъ въ четвергъ къ 2-мъ часамъ дня. Сегодня вечеромъ пойдемъ въ Королевскій оперный театръ, гдѣ дадутъ „Виндзорскія кумушки“.

Забылъ тебѣ написать, что вчера кромѣ того видѣлъ Берлинскій акваріумъ, огромный и очень интересный, и панораму Седана, въ моментъ послѣдней отбитой конной атаки французовъ,—вродѣ нашихъ Плевненской и Карской, которыя ты видѣла.

Затѣмъ, душа моя, цѣлую тебя отъ всей души. Поцѣлуй Ольгу ²⁾ и всѣхъ твоихъ, которымъ тоже передай мой сердечный привѣтъ.

Цѣлую тебя О. Радецкій.

Напишу тебѣ послѣ завтра, т. е. во вторникъ.

Хотя я и писалъ, что слѣдующее письмо напишу во вторникъ, но не утерпѣлъ и пишу тебѣ сегодня—въ понедѣльникъ. На желѣзной дорогѣ встрѣтилъ меня Бутаковъ, нашъ военный

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Долгорукій, состоявшій при особѣ германскаго императора.

²⁾ Вторая дочь О. О.—Ольга Ѳедоровна, впоследствии Розальонъ-Сошальская.

агентъ, а вчера я познакомился съ Долгорукимъ, состоящимъ при императорѣ Вильгельмѣ. Онъ угостилъ насъ обѣдомъ въ ресторанѣ, потому что, по его словамъ, квартира его мала, такъ что не можетъ вмѣстить всѣхъ дорогихъ гостей. Вечеромъ были въ оперѣ, гдѣ давали „Виндзорскія кумушки“; музыка знакомая, но тѣмъ не менѣе очень милая, куда лучше „Ойѣгннхъ“ и „Демоновъ“. Пѣвицы и, въ особенности, пѣвцы съ голосами, и вообще спектакль прошелъ хорошо.

Днемъ я видѣлъ Вильгельма, катающагося въ коляскѣ; сегодня утромъ онъ уѣхалъ на маневры въ окрестностяхъ Берлина.

Въ церкви познакомился съ здѣшнимъ нашимъ генеральнымъ консуломъ и сегодня отдалъ ему визитъ. Потомъ буду въ музеѣ, который, говорятъ, очень интересенъ, а вечеромъ—въ балетѣ „Мессалина“, который, говорятъ, тоже интересенъ.

До свиданія, душа моя. Цѣлую тебя и всѣхъ, а равно и милую нашу Ольгу.

Любящій тебя крѣпко О. Радецкій.

Понедѣльникъ. Берлинъ.

Вчера утромъ не писалъ къ тебѣ, потому что рано утромъ мы поѣхали въ Потсдамъ и цѣлый день до вечера тамъ все осматривали. Потсдамъ—совершенно Царское Село или Гатчино, какъ будто по одной мѣркѣ сдѣланы. Тѣ же дворцы, тѣ же уланскія и гусарскія казармы, та же стрѣлковая школа, тѣ же картинныя галереи,—но все это содержится еще съ большею тщательностью, чѣмъ у насъ. Былъ въ Санъ-Суси гдѣ все содержится въ томъ же порядкѣ, какъ и при Фридрихѣ II. Познакомился я здѣсь съ Кудрявцевымъ, Арсеньевымъ, Муравьевымъ и Катархтомъ. Это—все чиновники при здѣшней миссіи. У Кудрявцева даже третьяго дня пили чай и играли три роббера въ вистъ; къ нему пріѣхала племянница и тамъ же я засталъ пѣвицу-контральто, подвизающуюся за границей—Карганову—дочь моего стариннаго, нынѣ уже умершаго, товарища, сестру того Карганова, котораго я представилъ тебѣ въ Харьковѣ, тенора и чиновника, провожавшаго по Россіи Тамберлика. Не вздумай, пожалуй, ревновать меня къ ней: я съ ней сказалъ только нѣсколько словъ о томъ, какъ я у отца ея принималъ роту въ Кавказскомъ саперномъ баталіонѣ и о ея братѣ.

Сегодня вечеромъ въ 8 часовъ ѣдемъ въ Карлсруэ. Тамъ васъ только завтра ждутъ, и завтра будутъ ириготовлены для насъ квартиры, лошади и экипажи. Такъ что раньше туда и незачѣмъ было ѣхать.

Завтра будемъ тамъ въ 12 часовъ дня, и первымъ дѣломъ сѣзжу на почту, чтобы получить тамъ твое письмо, которое вѣрно ждетъ меня тамъ. Въ тотъ же день представляюсь императору, наслѣдному принцу и великому герцогу Баденскому, а на другой день, кажется, начнутся парады и маневры.

Цѣлую тебя, душа моя, крѣпко и остаюсь любящій тебя

Э. Радецкій.

Поцѣлуй Ольгу и всѣхъ родныхъ.

Среда, 28-го августа. Берлинъ.

Телеграмма изъ Карлсруэ въ Варшаву.

11 августа 1885 года.

Генеральшѣ Радецкой.

„Arrivé ici fort bien, porte parfaitement Radetzky“.

Карлсруэ, 11 августа 1885.

Моя милая фигура, какъ ты себя называешь и чего бы я самъ, конечно, никогда не осмѣлился бы выговорить, потому что собственно ты не фигура, а—восхитительное созданіе. Вчера я сюда пріѣхалъ утромъ, но такъ замотался съ визитами и проч., что не успѣлъ не только тебѣ написать, но и телеграфировать. Вчера вездѣ росписывался, оставлялъ карточки и проч. Сегодня былъ большой парадъ. Погода переменная: то дождь, то ясно; совсѣмъ какъ въ Петербургѣ. Вѣтеръ сильнѣйшій. Кайзеръ былъ въ коляскѣ, такъ что я съ нимъ не говорилъ, а обѣдать буду у него въ 5 часовъ и тогда уже выложу ему фразу о поклонѣ, посланномъ ему нашимъ Государемъ.

Я здѣсь получилъ два твоихъ письма отъ 25 и отъ 26. Цѣлую тебя за нихъ и Ольгу—за ея приписку. Наташа ¹⁾ все-

¹⁾ Младшая дочь Э. Э.—Наталья Федоровна: умерла въ Омскѣ, заразившись тифомъ отъ переселенцевъ, за которыми ухаживала въ качествѣ сестры милосердія.

таки—чучело гороховое, что сама не догадалась написать въ Петербургъ.

Пишу тебѣ въ полной формѣ, придя съ дипломатическаго завтрака и готовясь ѣхать во дворецъ, и потому не распространяюсь. Скажу только, что совершенно здоровъ и веселъ.

Цѣлую тебя, Ольгу и всѣхъ твоихъ.

Твой Э. Радецкій.

12 сентября новаго стиля. Карлсруэ.

Сегодня, душа моя, я получилъ твое письмо отъ 28 августа изъ Варшавы съ припиской Ольги, которую за это цѣлую. Маневры на сегодня отмѣнены по случаю скверной погоды; поэтому я успѣлъ быть у Деля ¹⁾, который очень тебѣ кланяется, объявилъ, что онъ у васъ былъ годовымъ докторомъ и восторженно говорилъ о тебѣ, какая ты милая, образованная и красивая. Размѣнялъ по его указанію у здѣшняго его знакомаго банкира 500 рублей на 1000 и 10 марокъ—совершенно какъ въ Петербургѣ—и купилъ себѣ папирсы.

Потомъ всѣ мы, иностранцы, какъ-то: французы, итальянцы, русскіе, англичане и проч. и проч., ѣздили сниматься группою. Это практикуется здѣсь каждый годъ. Вслѣдъ за этимъ получилъ приглашеніе отъ Вюртембергскаго короля на маневры въ Штутгартъ, которые продолжатся до 22 сентября новаго стиля. Такъ что видишь, душа моя,—мнѣ не придется 8-го быть въ Варшавѣ, и этотъ день мы проведемъ не вмѣстѣ.

Вчера былъ большой обѣдъ у императора Вильгельма, было до 300 персонъ, и наконецъ-то послѣ обѣда мнѣ удалось передать ему поклонъ отъ нашего Государя.

На парадѣ я былъ представленъ императрицѣ Августѣ, съ которой сказалъ нѣсколько словъ. За обѣдомъ очень много говорилъ съ Маріей Максимиліановной ²⁾, которая была очень любезна и пригласила завтра къ себѣ въ церковь. Очень милые люди съ сыномъ, готовящимся быть кавалеристомъ, и дочерью, которая много рассказывала мнѣ о Петербургѣ, гдѣ она была зимою и все видѣла, кромѣ снѣга.

Императоръ былъ очень любезенъ, но онъ подряхлѣлъ значительно съ 79 года, когда я его видѣлъ въ Александровѣ.

¹⁾ Дель, Федоръ Францовичъ, докторъ, долго практиковавшій въ Петербургѣ.

²⁾ Принцесса Марія Баденская.

Сегодня—обѣдъ-гала у Баденскаго великаго герцога въ 5 часовъ, и вечеромъ въ 7 часовъ въ оперѣ дается „Кармень“—куда мы всѣ приглашены, т. е., въ театръ герцогскій до 16 сентября.

Жалѣю, что бѣдная Таня ¹⁾ проболѣла такъ долго. Поцѣлуй за меня ручку у Александры Сергѣевны ²⁾ и Миму ³⁾ Лидію ⁴⁾, бѣдную Таню и вѣрь глубокой преданности твоего деспота

О. Радецкаго.

Милая моя птица, я только-что вернулся отъ принца Вильгельма Баденскаго и Маріи Максимилиановны, гдѣ слушалъ обѣдню и потомъ завтракалъ. Церковь—маленькая, пѣвчіе изъ оперы хорошо поютъ, но, разумѣется, плохо выговариваютъ русскія слова. Принцесса очень хорошо, т. е. совершенно хорошо, говорить по-русски и въ обращеніи была просто обворожительна. Онъ—очень милъ и у нихъ сынъ и дочь, лѣтъ 17-ти или 18-ти, очень милые сюжеты.

Вчера былъ обѣдъ у великаго герцога Баденскаго. Я разговаривалъ съ великой герцогиней и доѣхалъ до того, что ихній министръ внутреннихъ дѣлъ оказался мнѣ родственникомъ вотъ по какому случаю: онъ женатъ на племянницѣ жены Федора Францовича Деля, а мой братъ Котя былъ женатъ на дочери Александра Францовича Деля, слѣдовательно: и проч., и проч. По-русски называется—седьмая вода на киселѣ. Не могъ это имъ перевести по-французски.

Завтра пріѣдетъ сюда нашъ посланникъ въ Штутгартѣ, и завтра рѣшится окончательно вопросъ, поѣдемъ ли мы туда на маневры или нѣтъ. Если нѣтъ, то я въ субботу поѣду на Вѣну, гдѣ проведу два дня, въ Варшаву; если же да, то въ четвергъ поѣду въ Штутгартѣ и тамъ пробуду до 23 сентября новаго стила.

Цѣлую тебя отъ души, душа моя. Твой О. Радецкій.

Напишу два слова къ Эллерсу ⁵⁾.

Воскресеніе, 13 сентября новаго стила 1885. Карлсруэ.

¹⁾ Свояченица О. О.—Татьяна Петровна Лебедева

²⁾ Теща О. О.—Александра Сергѣевна Лебедева.

³⁾ Свояченица О. О.—Марья Петровна Лебедева.

⁴⁾ Свояченица О. О.—Лидія Петровна Лебедева.

⁵⁾ Начальникъ штаба Харьковскаго военнаго округа.

14 сентября, Hôtel Germania, Карлсруэ.

Вчера вечеромъ былъ театр-гала въ полной формѣ. Давали посмертную оперу Галеви, доконченную авторомъ „Карменъ“, зятемъ Галеви, подъ названіемъ „Ной“. Въ первыхъ двухъ актахъ совершались беззаконія, вызвавшія потопъ. Въ третьемъ—самый потопъ, плаваніе ковчега Ноева и, наконецъ, возвращеніе на землю: голубь, миртовая вѣтка и законное препровожденіе времени людей, вышедшихъ изъ ковчега.

Первый актъ очень хорошъ; музыка прекрасная и исполненіе, что касается женщинъ,—хорошо, но мужчины плохи.

Второй и третій акты—ерунда порядочная. Клонило ко сну. Обыкновенно вечеромъ послѣ разныхъ придворныхъ пертурбацій, часу въ 11-мъ, я возвращаюсь домой и съ удовольствіемъ пью двѣ чашки чаю съ молокомъ.

Сегодня въ 8 часовъ утра мы выѣхали на маневры и тамъ пробыли до 2-хъ часовъ, потомъ закусили и вечеромъ послѣ обѣда, который будетъ въ 6 часовъ, отправимся въ циркъ; а завтра—опять на маневры. Чувствую себя очень хорошо. Въ Штутгартъ поѣдемъ 18-го, а 17-го свободны. Впрочемъ, думаю съѣздить въ Баденъ; часъ ѣзды.

Цѣлую тебя, моя хорошая. Будь благонадежна.

Твой Э. Радецкій.

Милая моя птица. Кончили здѣсь послѣдніе маневры. Сегодня въ 6 часовъ обѣдъ парадный у Гросъ-Герцога, и затѣмъ мы надѣваемъ штатское платье. Вечеромъ думаю пойти къ Делю, а завтра утромъ поѣду въ Баденъ, гдѣ промаячусь цѣлый день, потому что иначе нельзя явиться въ Штутгартъ, какъ 18 сентября. Такъ что 18 сентября рано утромъ, я сяду на желѣзную дорогу въ Баденъ, мимоѣздомъ здѣсь въ Карлсруэ захвачу сундукъ и Григорія ¹⁾ и двинусь дальше въ Штутгартъ. Тамъ, кажется, маневры продолжатся до 23, а 24 сяду на дорогу и черезъ Вѣну, гдѣ пробуду два дня для разныхъ закупокъ и для театра, вернусь въ Варшаву. Изъ Вѣны буду тебѣ телеграфировать. Поцѣлуй Ольгу и вѣрь моей вѣрности.

Твой Э. Радецкій.

16 сентября. Карлсруэ.

¹⁾ Камердинеръ Э. Э.

Телеграмма изъ Бадена въ Варшаву 17 сентября 1885 года.

Генеральшѣ Радецкой.

„*Bien arrivé mercredi à Bade. Radetzky*“.

Распрощался съ Баденскимъ Дворомъ въ Карлсруэ 16-го сентября, а вчера 17-го поѣхали мы цѣлой компаніей въ Баденъ-Баденъ, гдѣ весь день провели въ осмотрѣ гористыхъ окрестностей, которыя напоминаютъ нѣкоторыя мѣста Кавказа. Вечеромъ обѣдали въ курзалѣ и слушали очень хорошую музыку, а потомъ разошлись спать. Сегодня утромъ (теперь 8 часовъ), выспавшись, встали, принялись за *café au lait* и готовимся ѣхать въ Штутгартъ, куда прибудемъ въ 2 часа дня и сейчасъ же надѣнемъ форму для разныхъ визитовъ. Маневры кончились очень хорошо, и императоръ Вильгельмъ далъ мнѣ брилліантовые знаки *Gross Kreuz* Краснаго Орла, такъ что хватить ихъ на тебя, на Олю и на кого хочешь.

До свиданія, душа моя. Я совсѣмъ здоровъ.

Твой Е. Радецкій.

Баденъ-Баденъ, 18 сентября.

20-го—т. е. 8-го сентября. Штутгартъ.

Цѣлую тебя, моя хорошая жена, за то, что ты сегодня сочеталась съ твоимъ деспотомъ, и за то, что ты такая хорошая вообще.

Много тебѣ было хлопотъ съ болѣзнию бѣдной Тани. Я сначала получилъ здѣсь твое письмо о Завадскомъ и удивился, что ты не обратилась къ Карвовскому ¹⁾. Потомъ уже вечеромъ получилъ твое предыдущее письмо. Изъ первыхъ ничего не видно было, что она, бѣдная, такъ серьезно была больна.

Приѣхалъ сюда, какъ писалъ тебѣ изъ Бадена, въ 2 часа дня, немедленно переодѣлся и отправился по мытарствамъ. Городъ—небольшой, такъ что въ 6-мъ часу все кончилось, пообѣдалъ въ гостинницѣ и вечеромъ присутствовалъ при громаднѣйшемъ факельцугѣ, который устроилъ здѣшній городъ для кайзера. По утру вчера собрались на парадъ въ Людвигсбургъ, гдѣ былъ собранъ весь Вюртембергскій корпусъ. Въ 5 часовъ былъ парадный обѣдъ у короля, который самъ, впрочемъ, на обѣдѣ не былъ. Была королева, когда-то знаменитая красавица Ольга Николаевна, которую я видѣлъ въ 39 году семнадцати-

¹⁾ Извѣстный докторъ въ Варшавѣ.

лѣтней великой княжной. Неудачная жизнь сдѣлала изъ нея высокую, чрезвычайно худую старуху, но все-таки она имѣетъ видъ настоящей королевы. Послѣ обѣда она сказала намъ нѣсколько словъ, я представилъ ей моихъ спутниковъ, а вечеромъ въ 8¼ часовъ былъ Запфенштрейхъ, т. е. общая заря съ церемоніей, но только не въ лагерь, а—передъ дворцомъ.

Сегодня въ 10 часовъ къ обѣднѣ въ русскую церковь. Потомъ къ Вѣрѣ Константиновнѣ ¹⁾, хотя вчера и представлялся ей за обѣдомъ. Потомъ—обѣдъ у корпуснаго командира, а вечеромъ—театръ гала.

Завтра—маневры и 24-го—конецъ. Я еще тебѣ буду писать отсюда и, хотя ты писала, что больше писать не будешь, все таки надѣюсь получить отъ тебя еще два письма здѣсь. 25-го я отсюда выѣду не шнеэльцугомъ, гдѣ нѣтъ третьяго класса, но обыкновеннымъ поѣздомъ въ Мюнхенъ, а 27-го вечеромъ надѣюсь быть въ Вѣнѣ. Тамъ пробуду дня два для покупокъ и оттуда уже о выѣздѣ въ Варшаву буду тебѣ телеграфировать въ Пулавы, вѣроятно, 27-го или 28-го, а 1-го октяб ря также вѣроятно, обниму тебя очень крѣпко.

До свиданія, душа моя хорошая. Цѣлую тебя крѣпко.

Твой Э. Радецкій.

Ольгѣ пишу особо, потому что она оскорблена тѣмъ, что Наташа не отвѣчаетъ на ся письмо къ ней. Нѣтъ ли чего отъ Борьки ²⁾.

Милая птица. Сегодня 21-го — первый день маневровъ. Теперь 4 часа. Мы только-что вернулись, а въ 5½ будемъ обѣдать. Сегодня вечеромъ мы въ Нѣмецкомъ Шаушпилѣ; вчера вечеромъ были въ оперѣ, гдѣ давали „Оберона“. Декорации отличныя, но въ общемъ — не важно. Завтра и послѣ завтра—опять маневры, въ четвергъ — еще какая-то штука, а въ пятницу—„марширъ нахъ гаузе“.

Цѣлую тебя. Дай Богъ, чтобы Таня скорѣй поправилась.

Цѣлую тебя. Твой Э. Радецкій.

Я здоровъ.

21-го новаго стила. Штутгартъ.

¹⁾ Принцесса Вюртембергская.

²⁾ Младшій сынъ Э. Э.—Борисъ Ѳедоровичъ, впоследствии убитый въ русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Наконецъ-то, душа моя, здѣсь все кончилось къ общему благополучію, и я сегодня послѣ проводовъ императора и принцевъ съ королемъ, надѣваю штатское платье и завтра утромъ отсюда выѣду въ Мюнхенъ, куда прибуду завтра вечеромъ 24-го. Осмотрѣвъ Пинакотеку или какъ ее тамъ къ чорту звать, 26 ѣду въ Вѣну, куда прибуду не знаю когда, но по прибытіи навѣщу Каульбарса ¹⁾, поклонюсь Стратегин ²⁾ и, вѣроятно, застану тамъ письмо твое. Изъ Вѣны буду тебѣ телеграфировать о выѣздѣ въ Варшаву.

Въ Варшавѣ ты меня завезешь къ Фадѣеву ³⁾; я тамъ возьму ванну, чтобы очиститься отъ всей здѣшной военной пыли и грязи, и мы переночуемъ вдвоемъ, а на слѣдующій день—въ Пулавы. Итакъ, я 26-го — въ Вѣнѣ или утромъ 27-го, и оттуда тебѣ телеграфирую.

Поцѣлуй Олю и всѣхъ своихъ. Я думаю, что Таня поправляется. До свиданія. Твой О. Радецкій.

23-го, 6 часовъ вечера. Штутгартъ.

25-го сентября. Мюнхенъ.

Вчера вечеромъ прилетѣлъ сюда въ 7^{1/2} часовъ. Погода была прекрасная. Пообѣдали и, вмѣстѣ съ Фохтомъ ⁴⁾,—прочіе развѣхались, кто въ Парижъ, кто въ Страсбургъ,—такъ вмѣстѣ съ Фохтомъ отправились въ Колизей, гдѣ шло представленіе въ родѣ какъ въ циркѣ, только безъ лошадей, и была одна нѣмецкая пѣвица. Сегодня поѣдемъ по городу, будемъ въ разныхъ картинныхъ галереяхъ, національныхъ музеяхъ и проч., а завтра въ 6 часовъ утра двинемся въ Вѣну, куда прибудемъ вечеромъ завтра же. Зайду на почту, нѣтъ ли письма отъ тебя. А послѣ завтра утромъ, т. е. 27-го, поѣду къ Каульбарсу, который укажетъ, гдѣ что купить. Потомъ, душа моя, протелеграфирую тебѣ о времени выѣзда и прихода въ Варшаву. Не забудь, что вокзалъ на Маршалковской улицѣ. Идетъ небольшой дождь.

Цѣлую тебя, душа моя. Я пробуду въ Вѣнѣ дня три.

Цѣлую тебя. Твой О. Радецкій.

¹⁾ Флигель-адъютантъ баронъ Николай Васильевичъ Каульбарсъ, русскій военный агентъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Дочь барона Каульбарса — Елизавета Николаевна.

³⁾ Бани въ Варшавѣ.

⁴⁾ Офицеръ генеральнаго штаба, состоявшій при О. О. во время его поѣздки въ Германію.

Телеграмма изъ Вѣны въ Варшаву 27-го сентября 1885 г.
Генеральшѣ Радецкой.

„Arrivé heureusement, point lettre, Kaulbars point. Installé hôtel Metropol, attends télégramme. Radetzky“.

Вчера вечеромъ, душа моя, получилъ твою телеграмму. Вчера было воскресенье и всѣ лавки закрыты. Сегодня пойду сначала въ часовой магазинъ, поищу часы для тебя и для Ольги и потомъ—въ разные магазины, чтобы набрать разныхъ разностей для твоихъ сестеръ. А если останутся деньги, то куплю полотна и платковъ. Каульбарса не засталъ, онъ съ семействомъ на дачѣ въ Тиролѣ; я оставилъ ему карточку, а ей—тоже карточки, твою и свою, которая загнулъ.

У меня, кромѣ русскихъ денегъ, остались 100 марокъ золотыхъ и 350 гульденовъ; надо ихъ истратить здѣсь на покупки—не везти же въ Россію австрійскія деньги.

Что Таня? Меня беспокоитъ, что ты объ ней ничего не пишешь, а сама переѣхала въ Варшаву къ Гечевичамъ.

Цѣлую Ольгу и тебя, моя очень хорошая штука.

Твой Э. Радецкій.

28-го сентября, Вѣна, 8 часовъ утра.

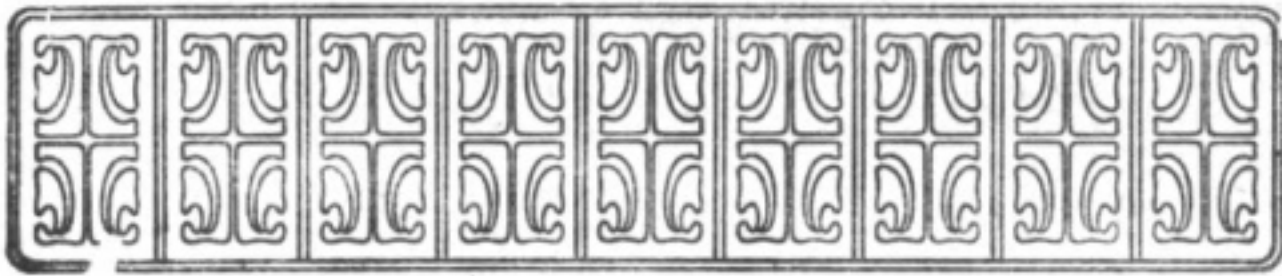
Когда выѣду, то буду телеграфировать. Здѣсь до Варшавы, кажется, 2 дня пути. Сейчасъ справлюсь. До скорого свиданія.

Телеграмма изъ Вѣны въ Варшаву. 30-го сентября 1885 г.
Генеральшѣ Радецкой.

„Arrive demain mercredi 9 heures soir. Radetzky“.

А. Вольноходовъ.

«Сумнительный рублевикъ».

(Изъ архивныхъ курьезовъ) ¹⁾.

Э то было сто лѣтъ назадъ.

— Не потеряй, смотри, деньги-то—говорилъ валдайскій купецъ Матюнинъ своему сынишкѣ, посылая его 20 іюля 1813 года въ мелочную лавку за солью, и мальчикъ бережно держалъ монету, стоя у прилавка.

— Ну-ка, покажи твой рублевикъ,—грозно обратился къ нему бывший тамъ представитель внутренней стражи, рядовой Осетровъ.

— Ээ, да онъ у тебя сумнительный,—рѣшилъ, не долго думая, Осетровъ и взялъ монету.

Вечеромъ въ квартирѣ городничаго было цѣлое собраніе. Осетровъ доказывалъ „сумнительность“ рубля, Матюнинъ его дѣйствительную цѣнность, пока серебряныхъ дѣлъ мастеръ Тереповъ и поручикъ Милюковъ не признали рубля настоящимъ и не возвратили купцу.

— Какъ ни говори, а рублевикъ у тебя сумнительный,—стоялъ на своемъ Осетровъ, идя обратно.

Надо маіору показать.

Купецъ не рѣшился противорѣчить охранителю порядка и снова отдалъ рубль. Осетровъ снесъ его къ начальству.

На слѣдующій день взволновалось событіемъ городническое правленіе и потребовало отъ маіора рубль для освидѣтельствованія.

Маіоръ рубля не далъ.

Прошло три дня. Городническое правленіе снова повторило требованіе.

¹⁾ Дѣло Канц. Гр. губ. № 1153. 1813—14 г.г. „О сумнительномъ серебряномъ рублевикѣ“.

— Новгородскому коменданту Петрову отослалъ,—коротко отвѣтилъ маіоръ.

Городническое правленіе было оскорблено: Маіоръ держалъ рубль у себя три дня „безъ всякой надобности“ и не пожелалъ объяснить, почему такое своеволие имъ „учинено“.

Немедленно былъ составленъ доносъ губернатору Сумарокову и просьба вернуть рубль въ правленіе для изслѣдованія, ибо „правленіе остается въ неизвѣстности, тотъ ли самый рубль отъ Симанова отосланъ, который былъ свидѣтельствованъ господиномъ Маланьинымъ съ прочими, поелику онъ хранился у означеннаго Симанова *безъ всякой масности* трои сутки“.

Губернаторъ распорядился взять рубль у коменданта и отослалъ Валдайскому городничему съ предписаніемъ—„сообща съ уѣзднымъ стряпчимъ и начальникомъ внутренней стражи проинвестировать по онымъ по самой справедливости надлежащее изслѣдованіе“.

Снова собрались къ городничему указанная лица и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ.

Городничій со всякою торжественностью предъявилъ собранію монету.

Подержалъ ее въ рукахъ Симановъ, повернулъ разъ, другой стряпчій и передалъ мѣдныхъ дѣлъ мастеру. Послѣдній потеръ монету подпилкомъ, прикинулъ на вѣсахъ и объявилъ:

— Вѣсу $5\frac{1}{2}$ золотниковъ.

— А какъ же насчетъ сумнительности?—спрашивали прочіе.

— Этого не могу знать, какихъ онъ металловъ, а насчетъ серебра сказать невозможно, потому что мы не обучены, какъ серебро пробовать.

Результатъ изслѣдованія сообщили губернатору уже черезъ мѣсяць и „за неимѣніемъ въ Валдаѣ инструментовъ“, рубль снова вернулся въ Новгородъ къ губернатору, а отъ него въ губ. правленіе съ предложеніемъ „сдѣшнему пробирному мастеру освидѣтельствовать въ присутствіи правленія“.

По „учиненной пробаціи“ рубль оказался 72 пробы, $5\frac{1}{2}$ з. вѣсомъ, вычеканенный въ царствованіе Екатерины II, но неизвѣстно котораго года. Отъ всякихъ „пробацій“ наружность рубля настолько измѣнилась, что Сумароковъ счелъ необходимымъ отослать его въ правленіе Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка съ просьбою выслать взамѣнъ другой, для возвращенія владѣльцу, чтобы „не подвергать хозяевъ его невинному подозрѣнію“.

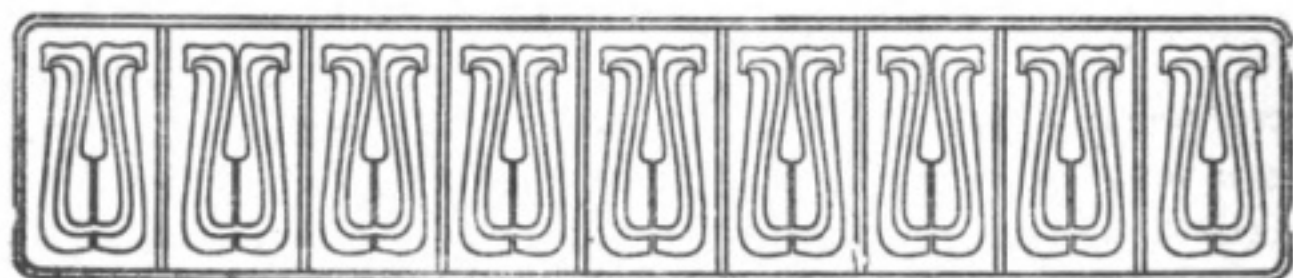
Казалось, дѣло было исчерпано, но злоключенія рублевика не кончились.

Столица не уступала провинціи въ волокитѣ. Правленіе Банка отправило рубль въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ „на его разсмотрѣніе. Рубль былъ подвергнутъ еще одному испытанію“ на Монетномъ дворѣ, признанъ настоящимъ, но отжившимъ свой вѣкъ и оставленъ тамъ для переплава.

За 10 мѣсяцевъ странствованія по всевозможнымъ учрежденіямъ, „по начальству“ и специалистамъ онъ обратился уже согласно рѣшенію Департамента Горн. и Сол. дѣлъ въ $94\frac{3}{4}$ коп., за удержаніемъ на Монетномъ дворѣ изъ чистой цѣнности серебра $97\frac{3}{4}$ коп. трехъ копѣекъ на „плавильные и передѣльные расходы, а вопросъ о возвращеніи владѣльцу $94\frac{3}{4}$ коп. перешелъ на разсмотрѣніе экспедиціи государственныхъ доходовъ.

3. Слезкинская.

Изъ исторіи Тамбовской епархіи.

I.

Съ 1788 года по 1811 года Тамбовской епархіей управлялъ епископъ Теофилъ. Своими высокими внутренними качествами и характеромъ административной дѣятельности этотъ архипастырь рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ тамбовскихъ архіереевъ. Для своего времени хорошо образованный, энергичный, съ твердымъ характеромъ, Теофилъ, вступивъ на Тамбовскую кафедру, сумѣлъ поднять и оживить всѣ стороны церковной жизни Тамбовскаго края. Самъ человекъ учительный, онъ располагалъ и подчиненное ему духовенство проповѣдывать съ церковной кафедры; изъ тамбовскихъ епископовъ первый обратилъ серьезное вниманіе на образованіе кандидатовъ священства; требовалъ, чтобы духовенство учило своихъ дѣтей въ духовной семинаріи, для которой онъ не жалѣлъ ни своихъ трудовъ, ни собственныхъ средствъ; неустанно и зорко слѣдилъ за правомѣрнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ консисторіи; заботился о благолѣпнн церковнаго богослуженія не только въ городахъ и монастыряхъ, но и въ селахъ; часто ѣздилъ по епархіи для личнаго знакомства съ церковной жизнью на мѣстахъ. Во все Теофилъ вникалъ, всюду вводилъ порядокъ и вносилъ живую иниціативу. Достойныхъ дѣятелей изъ духовенства онъ поощрялъ, а лѣнивыхъ и порочныхъ каралъ безъ снисхожденія.

Особеннымъ вниманіемъ и любовью преосвященнаго пользовались монашествующіе. Монашеству Теофилъ придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. И, любя этотъ институтъ, онъ со всей строгостью требо-

валъ, чтобы жизнь монашествующихъ вполнѣ отвѣчала ихъ назначенію. Монастыри, по мысли преосвященнаго, предназначены для жизни однихъ „избранныхъ“. „Если въ монастыряхъ не будутъ избранные, — говорилъ онъ, — а одни званые какими-нибудь судьбами, то какая отъ нихъ будетъ польза. Плохой монахъ ни къ чему не будетъ потребенъ, но, по Евангелію, токмо да изсыпанъ вонъ“.

Изъ двѣнадцати монастырей, бывшихъ въ вѣдѣніи Теофила, только въ трехъ пустыняхъ—Саровской, Санаксарской и Скановой находилъ онъ внутреннюю жизнь хорошей; остальные же обитатели, по его мнѣнію, далеки были отъ совершенства.

Письма епископа Теофила, сохранившіяся въ одномъ изъ монастырскихъ архивовъ, даютъ возможность представить отрицательныя стороны жизни монастырей его времени и отношеніе къ нимъ преосвященнаго автора.

II.

Прежде всего надо замѣтить, что по отношенію къ лицамъ, нарушающимъ монашескіе обѣты, преосвященный былъ строгъ и каралъ безъ снисхожденія. „Я сколь люблю монашество, — говорилъ онъ, — столь намѣренъ вооружиться противъ тѣхъ, кои не помнятъ и не исправляютъ обѣта монашескаго; и какъ скоро таковые окажутся, тотчасъ буду требовать, чтобы они подавали прошенія объ увольненіи себя изъ монашества, дабы таковыя шелудивыя овцы не вредили безславіемъ избранное стадо монашеское“. Хотя на дѣлѣ эту угрозу Теофиль не часто примѣнялъ, однако, порочныхъ монаховъ онъ не щадилъ и наказывалъ безъ милосердія, имѣя въ виду не только исправить провинившихся, но и „для страха другимъ примѣръ сдѣлать, а иначе, — замѣчалъ онъ, — монастыри передѣлаются въ вертепы разбойниковъ“.

Изъ пороковъ, которыми часто страдала братія нѣкоторыхъ монастырей, особенно выдѣляется пьянство. Последнее, кажется, болѣе всего было развито въ Трегуляевомъ монастырѣ. Расположенный вблизи Тамбова, онъ наиболѣе сильно подвергался вліянію городской жизни. Пьянственный порокъ здѣсь свилъ прочное гнѣздо и постоянно поддерживался, благодаря тому, что сюда ссылались пьяницы-монахи изъ другихъ обителей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда монахъ, благодаря своей склонности къ вину, становился не выносимъ въ какомъ-либо монастырѣ, Теофиль обыкновенно совѣтовалъ такому уйти въ дру-

гую епархію, замѣчая, что „у меня негдѣ ему быть болѣе, кромѣ Трегуляева монастыря“. И въ этой обители подъ вліяніемъ вина совершались такія печальныя явленія, какъ самоубійство монаховъ. „Недавно, — пишетъ преосвященный, — въ Трегуляевѣ іеромонахъ Германъ въ кельѣ повѣсился и предалъ себя вѣчному суду. Вотъ плоды хмеля!“ Но въ 1800 году до слуха Теофила доходитъ вѣсть, что и въ Саровской пустыни среди монаховъ начинается употребленіе спиртныхъ напитковъ. Преосвященный немедленно шлетъ строителю Исаіи ордеръ, въ которомъ внушаетъ, какъ можно, скорѣе припятъ мѣры „къ прекращенію этого порока и къ приведенію обители въ то благое состояніе, какое было при покойномъ строителѣ Пахоміи“. О. Исаія обѣщала „всемѣрно стараться общебратственно то зло и всякій соблазнъ искоренить“. „Слава Богу, — заключаетъ Теофилъ, — тако дѣйствующему Своею благодатію въ сердце вашемъ. Да воздѣйствуетъ Онъ тако и всей вашей любезной братіи“. Преосвященный обѣщала покрыть своей любовью случившееся въ Саровѣ въ той надеждѣ, что монастырское начальство постарается общими силами „не навлекать на обитель такихъ пороковъ, а главный пьянственный, который не только предъ очами Божиими, но и предъ очами монаршими есть мерзокъ и всегда отвращаемый“. „Вы можете, — пишетъ онъ, — сами признаться, коль грустно смотрѣть на пьянаго мужика деревенскаго, такъ сносно ли смотрѣть на чернеца, видомъ святыни покрытаго, и не погребеннаго мертвеца, хмелемъ зараженнаго. Это есть чучело изъ чучель, въ свѣтѣ наиужаснѣйшее!“ „И же, — замѣчаетъ онъ въ другой разъ, — никогда не успокоюсь, ежели подобныя прежнимъ слухи будутъ до меня доходить. Я знаю и понимаю мой долгъ и званіе и что требуется отъ меня. А потому паки молю васъ всемѣрно святому вашему мѣсту святостью елико возможно, соотвѣтствовать и прошу васъ ни капли хмельныхъ напитковъ не допускать до обители и не представлять смѣшного и поруганія достойнаго извиненія, будто бы вино потребно для больныхъ. Еще въ свѣтѣ не слыхано ни аптекъ, гдѣ бы вмѣсто лекарства вино продавали, ни докторовъ, которые бы предписывали виномъ лечиться, которое, впущенное въ желудокъ вмѣсто лекарства, душѣ дѣластъ язву, а тѣло совсѣмъ расслабляетъ. Вотъ вино, что дѣйствуетъ, яко орудіе ко всякому злу! И демонъ, губитель человѣческихъ душъ, лучшаго орудія, какъ вино, противъ насъ не имѣетъ“.

Что касается средствъ воздѣйствія на недугующихъ сла-

бостью къ вину, съ цѣлью исправленія ихъ, то преосвященный Теофилъ выработалъ и предложилъ монастырскимъ настоятелямъ и настоятельницамъ для примѣненія въ жизни цѣлую систему нравственныхъ мѣръ, которыя должны были направить слабыхъ на правый путь. При чемъ онъ рекомендовалъ имъ въ борьбѣ съ этимъ порокомъ прибѣгать даже къ фискальству. Система эта подробно изложена въ опредѣленіи Теофила, разсланномъ по всѣмъ монастырямъ епархіи въ 1801 году. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Преосвященный узналъ, что во многихъ его монастыряхъ не только мужскихъ, не даже въ женскихъ, распространяется новая доселѣ обителямъ чуждая страсть, именно куреніе табаку. Онъ возмущенъ духомъ и пишетъ грозное наставленіе монашествующимъ. „Къ довольному прискорбію нашему извѣдали мы, что не только бѣлые священно-церковно-служители, но и монашествующіе упражняются въ злой привычкѣ къ табаку и къ вещи, приличной только свѣту. Кто же не вѣдаетъ, что, 1-ое, монахъ есть непогребенный мертвецъ, который и по присягѣ своей предъ Богомъ и предъ людьми и по виду своему долженъ мертвъ быть ко всѣмъ слабостямъ міра, а паче къ соблазну его; 2-ое, что монахъ своей собственной волей избралъ уединенную жизнь; такъ не беззаконно ли ему сообщаться съ обычаемъ обращающихся въ міръ людей? 3-е, что монахъ почитается и долженъ почитаться по жизни своей примѣрнымъ въ христіанскомъ обществѣ; такъ пристойно ли ему упиваться табакомъ, отъ котораго, кромѣ соблазна для многихъ непорочныхъ свѣтскихъ людей, никакой пользы ему быть не можетъ, которую вмѣсто табака ему можетъ учинить совершенный постъ и молитва; 4-ое, что монахъ въ ближайшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ почитается не только царскимъ, такъ какъ питается его хлѣбомъ, но и всего общества богомольцемъ; поелику единственно за единое тое отъ него покровительствуется и уважается; такъ можно ли быть монаху истинно расположеннымъ богомольцемъ, когда мозгъ его забить табачными парами, которые наклоняютъ его болѣе ко сну и къ праздникамъ, безполезнымъ мыслямъ, нежели къ собранію мыслей и въ чистотѣ предстоять Богу? Сіе уважая, благоговѣйный монахъ можетъ укрощать самъ себя и пребыть въ пристойномъ благоустройствѣ и въ подражательной жизни“. Для исправленія порочныхъ преосвященный предписывалъ, чтобы начальники монастырей завели „цензоровъ или смотрителей, явныхъ и потаенныхъ, которые бы испытывали и всячески извѣдывали, не имѣетъ ли

кто изъ монашествующихъ или послушниковъ склонности и привычки къ табаку или къ хмелю, и ежели кто таковой окажется, то, первое, кротко и благоразумно увѣщевать его именемъ Бога и Христа Его, всесильная благодать Котораго можетъ отвратить его отъ соблазна и злого навыка; потомъ, ежели не укротится, увѣщевать при всемъ братствѣ, обще, въ церкви или трапезѣ; ежели же и затѣмъ не уймется, то опредѣлять такового въ монастырскіе труды, особенные противу другой братіи, а иногда переводить таковыхъ въ кельи, худшія, противу непорочныхъ, и понижать мѣстами какъ въ церкви, такъ въ трапезѣ, а иногда и совсѣмъ трапезы лишать. Сверхъ того, таковыхъ, въ которыхъ сей навыкъ примѣчается, къ посвященію въ іеродіаконы и іеромонахи отнюдь не представлять. Наконецъ, ежели за всѣмъ тѣмъ, кто окажется непреклоненъ отстать отъ такового злого навыка, о таковомъ намъ лично представлять, со описаніемъ обстоятельствъ его упорства; и тогда мы для такового будемъ сыскивать мѣры такія, какія и поневолѣ внушатъ ему склонность отстать отъ злой привычки". Архипастырское наставленіе о курящихъ предписано было во всѣхъ монастыряхъ разъ въ мѣсяцъ прочитывать въ трапезѣ въ присутствіи всей братіи.

III.

Особенно много хлопотъ причиняли какъ преосвященному Θεофилу, такъ и монастырскому начальству „подначальные“, нравственно испорченные монахи, которые для исправленія посланы въ лучшіе монастыри. Такъ никогда такіе монахи не переводились въ Саровъ. Сюда посылали ихъ Синодъ, Московская синодальная контора и епархіальные архіереи. „Скажу вамъ мысли Святѣйшаго Синода о вашей пустыни, — пишетъ Θεофилъ въ Саровъ; онъ такъ думаетъ, что пустынь ваша служитъ образцомъ монашеской жизни, и для того де къ вамъ порочныхъ посылать должно, чтобы научились по-вашему жить“. „Дѣло въ свѣтѣ великое, — замѣчаетъ онъ, — если человѣку предстоитъ хорошій примѣръ жизни, какового въ вашей пустыни нѣтъ недостатка, по общерусской пословицѣ „влетѣвши между воронъ, надо такъ и жить, какъ они“. Консисторія также ни гдѣ, кромѣ Сарова, не находила лучшаго въ епархіи мѣста для исправленія провинившихся какъ по множеству тамъ людей, такъ и по отдаленности монастыря отъ мѣсть, могущихъ служить развратомъ“. Много „подначальные“ монахи вносили со-

блжна въ живнѣ обителей, не мало и доставляли огорченій настоятелямъ. Отсюда понятно, что монастырскіе настоятели часто просили епархіальнаго преосвященнаго избавить ихъ обители отъ „подначальныхъ“ людей. Но Теофилъ не въ состояніи былъ всегда исполнять ихъ просьбы. „Буду стараться“, — пишетъ онъ на подобное ходатайство саровцевъ, — просьбѣ вашей удовлетворить. Но куда мнѣ этихъ безпутныхъ шалуновъ дѣвать? Не могу прибрать мѣръ, ибо и другіе монастыри ими переполнены. Вы скучаете, что не можете упасти своего стада, а поэтому и можете уважить, каково-то мнѣ пасти свое стадо“. Преосвященный слишкомъ вѣрилъ въ силу и мощь Саровской обители по части исправленія порочныхъ монаховъ. „Вы гуртомъ своимъ сумѣете ихъ угомонить“, — говорилъ онъ саровцамъ. „Со вѣтую со псалмопѣвцемъ не бояться страха, идѣже нѣсть страха, — писалъ онъ саровцамъ въ отвѣтъ на ихъ опасеніе, какъ бы опредѣленный къ нимъ „подъ начало“ іеромонахъ Іоанникій не возмутилъ братіи; — я увѣренъ, какъ и прочіе, что ваша обитель состоитъ въ благомъ учрежденіи и все ваше стадо единомысленно и единодушно; слѣдовательно, одному Іоанникію у васъ противодушно дѣйствовать трудно. Я съ тѣмъ его къ вамъ и опредѣлилъ, чтобы онъ у васъ научился жить въ союзѣ любви братіи и познавать себя въ сущей монашеской должности, чему если онъ у васъ не научится, то я его почту уже сущимъ буяномъ“. — Посылались для исправленія въ монастыри и бѣлые священно-церковно-служители. Такъ въ 1807 году въ Саровскую пустынь былъ сосланъ тамбовскій священникъ Илья, страдавшій порокомъ пьянства. „Сей хотя и падохъ къ вину, — писалъ о немъ Теофилъ, — но, кажется, надеженъ къ исправленію, наипаче потому, что онъ человѣкъ ремесленный, столяръ; если занять его симъ ремесломъ, которое и для обители не бесполезно будетъ, то и мысли его могутъ направиться къ лучшему, и черезъ то онъ можетъ прекратить привычку къ вину“. — Во времена Теофила были въ Тамбовскихъ монастыряхъ „подъ началомъ“ и лица, занимавшія болѣе или менѣе высокое положеніе въ русской церкви. Такъ въ 1801 году въ Саровѣ проживалъ бывшій ректоръ Рязанской духовной семинаріи, архимандритъ Евграфъ, присланный сюда для исправленія Святѣйшимъ Синодомъ. Намъ не извѣстно, въ чемъ заключалась вина о. Евграфа, приведшая его съ административнаго поста „подъ начало“ въ пустынный монастырь. Синодальный указъ предписывалъ смотрѣть за нимъ „прилежно и строго“. Интересно, что преосвященный Теофилъ склоненъ былъ

къ нѣкоторой снисходительности по отношенію къ опальному архимандриту, котораго онъ находилъ способнымъ къ исправленію. Препровождая о. Евграфа въ Саровъ, Теофилъ пишетъ настоятелю: „Я надѣюсь, что вы не оставите употребить такое ваше благоразуміе, которымъ и, его испытавши въ жизни, будете имѣть возможность безъ досады его спокойствіе соблюсти, и себя оградить въ томъ, чтобы во время вашего о немъ, по окончаніи епитиміи, свидѣтельства, не оставить для себя худыхъ и опасныхъ слѣдствій. Мнѣ кажется, что онъ человѣкъ и самъ благоразумный и искренній; къ своему благополучію постарается и васъ и себя сохранить впередъ отъ искушенія. Одинъ Богъ безъ грѣха. Для того исправляя брата, по повелѣнію Его, духомъ кротости, должно помнить, что и мы искушеніямъ, иногда и нечаянно, подвергнуться, яко человѣки, можемъ“.

Особнякомъ отъ порочныхъ монаховъ, которые такъ обычны въ каждой обители, стоитъ личность саровцевъ о. Палладія (Лаврова), тоже далеко не покойнаго члена монастырскаго братства. Человѣкъ болѣе или менѣе образованный, будучи уже въ чинѣ подпрапорщика, онъ въ 1778 году принимаетъ въ Саровѣ монашество и такимъ образомъ оказывается въ обществѣ людей съ горячей вѣрой, но по уму простецовъ.—Обуреваемый всякаго рода сомнѣніями, онъ въ окружающихъ людяхъ не находитъ себѣ помощи для рѣшенія разныхъ занимавшихъ его душу вопросовъ. Наоборотъ, монастырская жизнь даже часто давала ему матеріалъ для развитія его, и такъ односторонне критически настроеннаго ума. Въ результатѣ получился рѣзкій обличитель, недовольный сложившимися формами церковной и общественной жизни. Свой публицистическій талантъ о. Палладій сталъ проявлять въ писаніи обличительныхъ бумагъ, которыми засыпалъ Святѣйшій Синодъ. Преосвященный Теофилъ съ своей стороны по отношенію къ нему принималъ нѣкоторыя мѣры нравственнаго вразумленія, лично писалъ ему, но безуспѣшно. Палладій все продолжалъ свою публицистическую дѣятельность, крайне компрометирующую Саровскую обитель въ глазахъ высшаго правительства. Тогда Теофилъ рѣшилъ примѣнить къ нему суровую кару, чтобы хотя страхомъ наказанія удержать его отъ писанія бумагъ. „Смирите его,—въ 1792 г. внушаетъ преосвященный саровцамъ,—тюрьмою, содержа его на хлѣбѣ и водѣ черезъ двѣ недѣли, или велите ему два дня при трапезѣ и два дня въ церкви на обѣдняхъ полагать по пятидесяти земныхъ поклоновъ, ибо въ монашескомъ, а паче

въ общежительномъ чинѣ монахи должны бросить всѣ свои привилегіи мірскія и въ молчаніи и кротости пребыть до смерти; если же и за симъ пребудеть непреклоненъ къ монашескому благоговѣнію и не уважить того мирнаго пропитанія, какое онъ въ обители имѣетъ съ приобщеніемъ добраго примѣра спасенія души, то оставить ему на волю: избрать для себя любое мѣсто и просить насъ о переведеніи туда“.

Палладій и послѣ этого продолжалъ писать, пока не попалъ въ монастырскую тюрьму. 8-го декабря 1794 г., по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго оберъ-прокурора, Императрица Екатерина II приказала монаха Палладія, писавшаго „дерзновенныя, наполненныя нелѣпостями бумаги, перевести изъ Сарова въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ и содержать его подъ присмотромъ, не давая ему ни бумаги, ни чернилъ, а въ случаѣ дерзости или упрямства, наказывать заключеннаго по обычаю монашескому“¹⁾. Такъ саровскій публицистъ съ пустыннаго раздолья дремучихъ лѣсовъ попалъ въ тѣсныя казематы монастырскаго острога, оказавшись здѣсь однимъ изъ первыхъ въ длинномъ доходящемъ до нашихъ дней рядѣ монастырскихъ узниковъ, этихъ рѣдко нравственно испорченныхъ, по всегда „безпокойныхъ“ искателей правды на землѣ.

О средствахъ и мѣрахъ, принимавшихся въ монастыряхъ къ исправленію „подначальныхъ“ монаховъ, Теофилъ пишетъ: „Конечно, надо предавать ихъ силѣ и благодати Христа и Бога нашего, пусть Онъ, какъ благоволитъ, направляетъ ихъ; но по челоуѣчеству иногда нужно и побить ихъ палицею, въ силу Слова Божія: кротость ваша разумна будетъ всѣмъ челоуѣкомъ; здѣсь требуется, чтобы не была она безумной“. По отношенію къ порочнымъ монахамъ настоятели должны быть строги до послѣдней возможности, примѣняя къ нимъ такія даже для того времени суровыя наказанія, какъ, напр., заковываніе провинившихся въ желѣза. Въ своихъ наставленіяхъ настоятелямъ относительно „подначальныхъ“ Теофилъ особенно настаивалъ „съ ними не поступайте снисходительно, пока не угомонятся“, или: „поступайте съ ними, какъ возможно, строже, налагая на нихъ всякіе, по вашему разсмотрѣнію, труды и ежели окажутся буянами, содержать ихъ въ желѣзахъ“. Лица, въ священномъ

¹⁾ Архив. Св. Синода. Копіи съ Высочайш. указовъ 1794 — 1797 стр. 18, № 27.

савѣ сущія, при опредѣленіи „подъ начало“, обыкновенно, за-прещались къ священнослуженію, а иногда съ нихъ даже снимали монастырское одѣяніе до тѣхъ поръ, пока монастырское начальство не одобряло ихъ поведенія. Если наказаніе, налагаемое на порочнаго монаха, достигало своей цѣли: онъ началъ чувствовать свою вину, и „больше не было нужды наказывать, то, по словамъ преосвященнаго, слѣдовало употребить и ласку. Я видѣлъ,—свидѣтельствовалъ онъ,—такіе случаи въ Новгородѣ, когда люди симъ способомъ очень исправлялись“. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда „подначальные“ не обнаруживали признаковъ исправленія, Теофилъ часто отсылалъ такихъ въ другіе монастыри, а иногда предлагалъ уйти въ другую епархію. „Ежели вы, — пишетъ онъ саровскому строителю о присланномъ къ нему „подъ начало“ іеромонахѣ, — искусивъ его, ощутите какія-либо буйственныя и коварныя затѣи противъ вашего общежителства, то вы можете доношеніемъ представить о всѣхъ его затѣяхъ, и я буду принужденъ наградить его такимъ мѣстомъ, которое поневолѣ уговоритъ его и сдѣлаетъ благорасположеннымъ“. Въ 1807 году много порочныхъ монаховъ было „подъ началомъ“ въ Черніевомъ монастырѣ. Здѣсь они по-прежнему вели себя худо, не обнаруживая никакихъ признаковъ исправленія. Тогда Теофилъ рѣшилъ удалить ихъ оттуда. „И изъ Черніева монастыря, — писалъ онъ, — всю эту сбродню разсыплю по разнымъ мѣстамъ; да, можетъ быть, и строителю достанется; сей монастырь меня оскорбляетъ“. Если и эта мѣра не дѣйствовала, то преосвященный часто принужденъ былъ исключать неисправимыхъ изъ духовнаго званія. Говоря о саровскомъ монахѣ, за дурное поведеніе сосланномъ въ Вышенскую пустынь „подъ начало“, онъ замѣчаетъ: „можетъ быть тамъ онъ почувствуется, ибо ему сдѣланъ уже послѣдній искусъ; и если окажется негоденъ, то его ожидаетъ судьба другая. по крайней мѣрѣ, красная шапка; пусть еще тамъ попробуетъ своей удачи“.

И какъ преосвященный радовался, когда узнавалъ объ исправленіи провинившагося инока. „Объявите ему, — писалъ онъ саровцамъ объ одномъ такомъ, — мое истинное усердіе и благословеніе, объявите, что я, по себѣ смекая, истинно совѣтую ему то и впредь продолжать, ибо старость наша и дорога предъ глазами убѣждаютъ насъ хотя и въ единонадесятый часъ достойно поработать Христу и Богу нашему“. Но въ общемъ, кажется, больше огорченій, чѣмъ радостей, причиняли своему архипастырю эти недостойные члены его избранной паствы.

„Подлинно справедливо Божіе слово: много званыхъ, но мало избранныхъ Искренно признаюсь вамъ,—говорилъ онъ,—что я много мучаюсь этими хлопотами и не знаю, какъ съ развращенными управляться“.

IV.

Нѣкоторые тамбовскіе монастыри изстари владѣли болѣе или менѣе крупными участками земли; изъ нихъ сверхштатные удержали за собою землю и по утвержденіи штатовъ. Обладаніе недвижимыми имуществами всегда служило причиной и источникомъ великаго зла, бѣдствій и порицаній на монашество и монастыри, и прежде всего оно вносило большое разстройство во внутреннюю жизнь обитателей. Неизбѣжные споры изъ-за владѣнія съ сосѣдями, непріятности съ рабочими, возможная при этомъ волокита въ судахъ,—все это отвлекало монашествующихъ отъ главной цѣли ихъ жизни и непременно искажало духъ истиннаго монашества, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ лицахъ, которыя близко стояли къ управленію монастырскими имуществами.

Саровская пустынь, владѣя громаднымъ участкомъ земли, силой вещей часто втягивалась въ споры и судебные процессы съ сосѣдями, по необходимости переживая всѣ непріятности, съ этимъ соединявшіяся. Понятно, это причиняло большое огорченіе прежде всего ея настоятелямъ, которые, охраняя достоинство своей обители, принуждены были отвлекаться въ сторону чисто мірскихъ дѣлъ и часто портить добрыя отношенія съ другими людьми. Не мало скорбѣлъ по сему поводу и преосвященный Теофилъ, который любилъ монашество, поскольку оно преуспѣвало въ нравственной жизни, и не могъ равнодушно относиться ко всему, что задерживало его внутреннее совершенствованіе. Во всѣхъ случаяхъ, когда въ Саровѣ начинались какія-либо недоразумѣнія изъ-за владѣнія землей, онъ всегда взывалъ къ благоразумію монашествующихъ, всячески располагалъ ихъ къ возможной уступчивости, лишь бы спорное дѣло не довести до суда и въ самомъ началѣ затушить разгоравшіяся страсти спорящихъ. Къ сожалѣнію, не всегда это ему удавалось. Такъ въ 1789 году у Саровской пустыни обострились отношенія съ крестьянами селеній Аламасова и Нарышкина, Нижегородской губерніи, которые захватили ея владѣнія. Теофилъ тогда совѣтовалъ саровцамъ употребить благоразуміе и терпѣніе, чтобы отвратить судебное дѣло. Но обстоятельства сложились такъ, что безъ суда обойтись не удалось. Дѣло это

кончилось весьма печально для крестьянъ, которые, по опредѣленію суда, за проявленное ими грубое насиліе были подвергнуты тѣлесному наказанію. Извѣстіе объ этомъ прискорбномъ фактѣ произвело тяжелое впечатлѣніе на преосвященнаго. „Со страхомъ и болѣзнію,—пишетъ онъ,—читалъ я сообщеніе объ этомъ“.

Изъ-за обладанія разными угодіями нарушался миръ даже между цѣлыми обителями, которые нерѣдко вступали между собой въ споръ о границахъ владѣній, начинали другъ противъ друга судебные процессы; отношенія между двумя монастырскими братствами въ такихъ случаяхъ обострялись, и безъ взаимныхъ ссоръ дѣло не обходилось. Въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія возникъ споръ между Саровской пустынью и Санаксарской обителью изъ-за рыбныхъ ловлей. Тому и другому монастырю, между прочимъ, принадлежали рыбныя ловли по рѣкѣ Мокшѣ. Такъ какъ по обычаю того времени границы земельныхъ владѣній отмѣчались весьма неопредѣленно, то недоразумѣнія на этой почвѣ всегда были неизбѣжны. И вотъ одной изъ обителей показалось, что другая владѣетъ ей принадлежащими рыбными ловлями; ссылаясь на планы и толкуя ихъ неясныя указанія въ свою пользу, она стала требовать возвращенія себѣ яко бы ей принадлежащаго владѣнія и всячески препятствовать другой пользоваться имъ. Дѣло это тянулось очень долго. Преосвященный Теофилъ, узнавъ о возникшей распрѣ между монашествующими, пишетъ Саровскому настоятелю: „съ прискорбіемъ моимъ воображаю я, что діаволь своей хитрой козвнью почитаемыя святыя мѣста въ обителяхъ вашихъ сѣяніемъ своихъ плевелъ омрачаетъ и раздираетъ. Сіе непріятное эхо и свѣтскимъ устамъ къ разнымъ язвительнымъ изыграніямъ подаетъ причину, какъ то мнѣ случаи были слышать. Постарайтесь, любезный брате, сіе своимъ благоразуміемъ утишить, да свѣтъ вашихъ мѣстъ не затмевается предъ человѣки“. „Желаю вамъ,—пишетъ онъ въ другой разъ саровцамъ,—съ сосѣдями помириться; о семъ молю Бога. Санаксарскихъ я не оставляю увѣщевать, чтобы они поменьше держались приказныхъ завязокъ“. Благодаря наставленіямъ архипастыря и благоразумію саровскаго строителя Пахомія, обѣ спорящія стороны вскорѣ же путемъ взаимныхъ уступокъ стали склоняться къ обоюдному соглашенію. Нечего говорить, какъ пріятно было слышать объ этомъ преосвященному, который, какъ только получилъ объ этомъ извѣщеніе, немедленно писалъ Саровскому настоятелю: „получилъ я пріятное ваше письмо

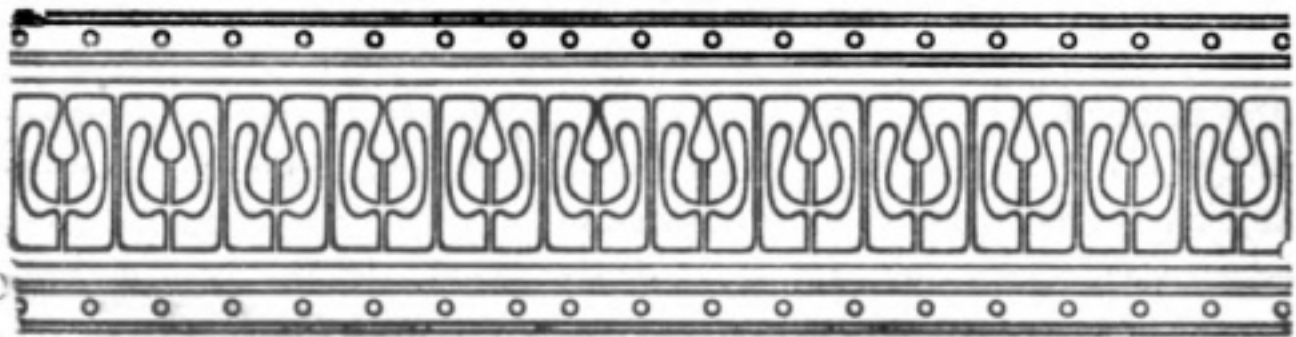
съ изъясненіемъ о вашемъ вступленіи въ благое дѣло мира и согласія съ обителью Санакарской. Сердцемъ радуюсь и благодарю васъ за сей гостинецъ и желаю, да водворится навсегда миръ Христовъ въ сердцахъ вашихъ: что добро, что красно, еже жити братіи вкупѣ“. Но до окончательнаго примиренія на этотъ разъ дѣло не было доведено. Наоборотъ, взаимная распря, на время затихшая, вскорѣ еще болѣе усилилась. Тогда саровцы стали просить архипастыря, чтобы онъ самъ разобралъ ихъ дѣло и указалъ, кто изъ спорящихъ правъ, обѣщаясь всецѣло подчиниться его рѣшенію. Но такъ какъ спорное дѣло было весьма сложное и по характеру своему чисто юридическое, требовавшее спеціальныхъ знаній, чтобы въ немъ разобраться, то преосвященный уклонился отъ разбирательства. „Я искренно желаю вамъ, яко духовной братіи, мира и сіе всегда совѣтовать буду,—писалъ онъ имъ; но разбирать вашихъ письменныхъ дѣлъ по спорамъ вашимъ, не обѣщаюсь, ибо въ семъ пунктѣ не поставилъ меня Богъ дѣлителемъ надъ вами, кромѣ дѣлежу по любви“. Въ то же время онъ продолжалъ увѣщевать какъ саровцевъ, такъ и санакарцевъ, склоняя ихъ къ взаимному примиренію. „Что касается до меня,—сообщалъ онъ саровцамъ,—то я какъ вамъ писалъ и пишу, прося васъ о соглашеніи, такъ и къ нимъ то же дѣлалъ и дѣлаю. Но что дѣлать, когда духъ кротости моей въ семъ не успѣваетъ. Съ палицей пришелъ бы я къ вамъ, но не вѣдаю въ тѣлесныхъ и внѣшнихъ вашихъ дѣлахъ силы и писанія; можно ли мнѣ строгость употребить?“ Между тѣмъ время шло, а обители все не приходили къ добровольному соглашенію. Преосвященный продолжалъ держаться прежней своей тактики по отношенію къ спорящимъ сторонамъ, по-прежнему избѣгая властнаго вмѣшательства въ ихъ дѣло. У него были къ тому новыя побужденія. Теофилъ уже успѣлъ разобраться въ предметѣ спора и видѣлъ, что обѣ стороны не безъ вины. „Ежели бы мнѣ,—писалъ онъ саровцамъ,—вмѣшаться въ ваши дѣла, которыя теперь я уже разумѣю, то необходимо должно будетъ ударить въ лицо не только Санакарскую пустынь, но и Саровскую“. Изъ глубокаго уваженія и любви, которыя онъ питалъ къ Саровской пустыни, этого ему дѣлать не хотѣлось. Поэтому преосвященный предоставилъ спорное дѣло естественному теченію. „Авось и безъ нашего шума,—рѣшилъ онъ,—Богъ мира умиротворитъ взаимно сердца и дѣла ваши. Сіе будетъ лучше, ибо я въ миротворствѣ лицемѣрить не могу“. Уже шестой годъ проходилъ во взаимныхъ спорахъ Саровской пустыни съ Санакарской оби-

телью, а примиренія между ними, судя по обстоятельствамъ, и въ ближайшемъ будущемъ нельзя было ожидать. Тогда преосвященный поручилъ консисторіи тщательно разсмотрѣть спорное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. „Но и она,—пишетъ Теофиль саровцамъ,—ничего больше не придумала, какъ только то, что закономъ слѣдуетъ вамъ разбираться въ Межевой канцеляріи. Но сіе,—замѣчаетъ онъ,—не безъ труда и не безъ обоюдной обиды. Да что дѣлать! Какъ заварили кашу, такъ и доваривать надо. А наилучше бы я далъ вамъ совѣтъ, которымъ пастырской моей любовью молю васъ о Господѣ оставить всѣ взаимныя неудовольствія; примиритесь терпѣливо и тѣмъ побѣдите подстрекающаго врага душъ нашихъ и утѣшите Христа, ожидающаго отъ любезнаго вашего стада взаимной любви и божественнаго единомыслія; симъ украсите предъ всѣми людьми прославляемый повсюду монашескій подвигъ и явите слѣды ваши по Христу достойными славы его и званія“. „Молю васъ усердіемъ моимъ пастырскимъ,—въ другой разъ увѣщаетъ онъ саровцевъ,—сдѣлать Санаксарской обители, яко недостойнѣйшей, свое снисхожденіе и благосердіе“. „Старайтесь, Бога ради, духомъ кротости уговорить сіе ваше несогласіе, ибо во всю землю изыде вѣщаніе взаимныя злобы и раздоровъ между вами“. Такъ „свѣтскіе начальники вотъ что говорятъ мнѣ: ежели и между свѣтскими людьми несносна жадность, то между духовными она совсѣмъ де незаконна и нетерпима; саровскіе де монахи у нищаго послѣднюю суму отнимаютъ“. Чтобы побудить обѣ стороны къ соглашенію путемъ взаимныхъ уступокъ, преосвященный, между прочимъ, указываетъ имъ и на возможные вредныя послѣдствія распри для ихъ матеріальнаго состоянія. „Не хочу и не могу быть врагомъ,—пишетъ онъ,—а угадать могу навѣрно, что сіе междоусобіе до того доведетъ оба монастыря, что тотъ и другой будетъ сожалѣть о потерѣ хлѣба и въ бѣдности, нищетѣ останется невозвратно“. „Вмѣсто маленькаго кусочка земли или воды, всего вы должны будете лишиться. Тогда вы вспомните мое слово, но уже поздно будетъ вернуть потерянное“. Видя, что соглашеніе между обителями никакъ не налаживается, Теофиль уже былъ не прочь приписать Санаксарскій монастырь къ Саровской пустыни и тѣмъ устранить самую причину раздора. „Ежели бы сіе состояло въ моей волѣ,—писалъ онъ,—то я бы, конечно, въ такомъ случаѣ оба монастыря воедино совокупилъ, но сіе стоитъ высоты, а не нашего мудрованія“. Исчерпавъ всѣ возможные средства нравственнаго воздѣйствія на спорящихъ и не достигнувъ желаемаго результата,

преосвященный въ концѣ концовъ пришелъ къ такому заключенію, что споръ ихъ такого рода, который требуетъ прекращенія не духовнымъ, но плотскимъ орудіемъ. Вотъ до чего дошло между монахами! — замѣчаетъ онъ. Впослѣдствіи дѣло не обошлось безъ вмѣшательства свѣтскаго суда, который, наконецъ, на основаніи документовъ выяснилъ права каждой обители на спорныя владѣнія, и тѣмъ была прекращена болѣе чѣмъ восьмилѣтняя распря между монастырями.

Николай Орловъ.

Два письма Аракчеева.

Въ семейныхъ бумагахъ Николая Никитича Сеславина (брата партизана 1812 г. А. Н. Сеславина) въ с. Алексѣевскомъ Вышневолоцкаго у., Тверской губ. имѣются, между прочимъ, два письма Аракчеева къ С. П. Гурьевой. Ей, какъ извѣстно, Аракчеевъ обязанъ пособіемъ на воспитаніе, отецъ его былъ управляющимъ имѣніемъ Гурьевой.

Третье письмо Д. Н. Сеславина—двоюроднаго или троюроднаго брата партизана.

Конвертъ.

Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ бабушкѣ Софьѣ Павловнѣ Гурьевой.

Сургучная печать—дворянская.

Ваше Превосходительство

Милостивая Государыня матушка бабушка Софья Павловна.

При сей верной оказіи я более ничего не имѣю писать, какъ только, что я и Григорій Николаевичъ слава Богу здоровы и живемъ въ селѣ. Васъ вспоминаемъ очень часто; въпрочемъ желаю Вашему Превосходительству добраго здоровья. Пребуду навѣки моимъ высокопочитаніемъ, Ваше Превосходительство, Милостивая Государыня, верный и покорный слуга

Баронъ Аракчеевъ.

7 Сентября 1797 г.

На оборотѣ:

и Вамъ, Милостивая Государыня, матушка тетушка Анна Николаевна, свидѣтельствую мое должное высокопочитаніе, прошу Васъ удостоить меня, своего племянника, своимъ письмомъ, за что обѣ ручки целую. Пребуду на вѣки мои усерднымъ Вашимъ слугою, вѣрный и усердный племянникъ и слуга баронъ Аракчеевъ. Матушкѣ Аннѣ Ивановнѣ мое усердное почтеніе.

Конвертъ.

Ея Превосходительству Милостивой Государынѣ Тетушкѣ Аннѣ Николаевнѣ Гурьевой въ сельцѣ Алексѣевскомъ.

Отъ графа Аракчеева. Очень нужное письмо. Прошу отослать вѣрнѣе.

Сургучная печать: щитъ. Верхняя половина двуглавый орелъ, нижняя правая сторона—пушка,—лѣвая натянутый лукъ со стрѣлою. По лентѣ: безъ лести преданъ.

Ваше Превосходительство, Милостивая Государыня тетушка Анна Николаевна.

Во первыхъ поздравляю Васъ, матушка, тетушка снаступившимъ празникомъ Христова Воскресенія, который желаю отъ искренняго сердца препроводить и въ радости дожидаться будущаго.

Во вторыхъ приношу мою благодарность за письмо ваше отъ 24 Марта, которое я получилъ сего Апреля 10 числа; я смололѣдства привыкъ ваши приказанія исполнять, то и нынѣ всегда съ охотою стараюсь выполнить, деньги я свои оставилъ у любезнаго брата Григорія Николаевича, если ему угодно до будущаго 1804 года, до 1 Генваря и я на него сердить, что онъ ко мнѣ обо семъ не писалъ прямо, ибо ему стыдно со мною церемонится.

Милостивой Государынѣ Марьѣ Михайловнѣ свидѣтельствую мое должное высокопочитаніе и благодарность за ея обо мнѣ напamятованіе такъ же прошу матушка когда и любезный другъ Павль Николаевичъ пріѣдетъ къ Вамъ объявить мое усердное почитаніе.

Если матушка мое письма не застанутъ Григорія Николаевича, то прошу къ нему оное отослать по вернее, въ прочемъ пребываю моимъ должнымъ высокопочитаніемъ

Ваше
матушка тетушка
вѣрный племянникъ и покорный
слуга Графъ Аракчеевъ.

12 Апрѣля 1803.
Село Грузино.

Отвѣчалъ 23 Декабря.

С.-Петербургъ 17 Декабря 827 г.

Любезный братъ Николай Никитичъ.

Пришла наконецъ и моя пора попенять милости Вашей и пошевелить Вашу сельскую небрежность. Кажется ты обѣщаль мнѣ написать по прїѣздѣ, но можетъ быть за недосугами—осенью въ деревнѣ дѣла пропасть. Однако, оставя шутки, вотъ въ чемъ дѣло и мой долгъ по обѣщанію. Стряпчій Вашъ Господинъ Чаусовъ объявилъ мнѣ, что онъ говорилъ о Вашемъ дѣлѣ съ оберъ Секретаремъ и онъ отвѣчалъ, что противная сторона имѣетъ также повѣреннаго, что дѣло Ваше и тотъ и другой конецъ имѣть можетъ и наконецъ сказалъ прямо, что Фемида не смотритъ уже нынѣ прямо на стрѣлки на вѣсахъ, но глядитъ болѣе на доски, гдѣ болѣе куча и ярчѣе. Однимъ словомъ, по его требованію нужно: 2000 руб. на сенатскую челядь и двухъ дѣвокъ ему по окончаніи дѣла. Изъ сихъ 2000 надобна хоть половина теперь, чтобы отдать оберъ Секретарю и завалить входъ въ двери противникамъ, иначе онъ говоритъ, что если допустимъ взять съ противниковъ, то послѣ онъ по неволѣ откажетъ намъ.

Вотъ вамъ полное извѣстіе, распоряжайтесь сами, какъ знаете, а я мое обѣщанное сдѣлалъ.

Поздравляю отъ души Васъ съ праздникомъ и съ новымъ годомъ желаю начать и кончить такъ, какъ сами хотите. Не забудьте насъ напишите что нибудь, ибо Вашъ стряпчій требуетъ моего отвѣта.

Прощайте, любезный Николай Никитичъ. Жена и всѣ мои свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтеніе, а я прїобщаясь къ нимъ, прошу сказать таковое же отъ всѣхъ почтеннѣйшей сестрицѣ и перецѣловать малютокъ пажей и всѣхъ.

Желаю Вамъ всѣхъ истинныхъ благъ съ полнымъ чувствомъ родственной любви и дружбы. Остаюсь всегда, нынѣ и присно преданнѣйшій слуга и братъ

Дмитрій Сеславинъ.

Если захотите писать, вотъ адресъ: у Спаса Преображенія, во второмъ Спасскомъ переулкѣ въ домѣ Грицкаго подъ № 510.

Не хотите ли пошевелить должника Вашего Сухозанетъ. Напишите мнѣ, мнѣ есть нужда быть у него; я деликатно обдѣлаюсь. Впрочемъ, немного полагайтесь на петербургскихъ баричей для дѣтей, какъ Вы говорили

Сообщилъ **Ив. Мѣщаниновъ.**

Посольство Марины къ шаху Аббасу.

(Эпизодъ изъ исторіи смутнаго времени) ¹⁾.

Прекратившееся съ воцареніемъ юнаго государя Михаила Ѳедоровича Романова въ сердцѣ Руси волненіе нашло себѣ откликъ на отдаленныхъ окраинахъ, куда еще не успѣли дойти вѣсти о совершившемся въ Московскомъ государствѣ событіи. Особенно сильно проявилось оно въ разноплеменной Астрахани, гдѣ на просторѣ многоводной Волги издавна уживались безпокойные элементы русской голытьбы и вольницы, сходявшіеся туда со всѣхъ сторонъ Верховья и Низовья, для широкаго разгула и легкаго прокормленія, гнѣздившіяся постоянно въ жителяхъ порочныя склонности воспрянули еще больше, когда среди нихъ поселилась вдова перваго самозванца Марина Мнишекъ съ „губителемъ душъ христіанскихъ“, Иваномъ Заруцкимъ. Потерпѣвши полное пораженіе отъ московскихъ войскъ, внутри Россіи самозванная царица бѣжала сюда осенью 1613 года, въ надеждѣ, съ помощью своего возлюбленнаго и его сообщниковъ, возстановить здѣсь свою поправную власть.

Завладѣвъ, благодаря пособничеству буйныхъ стрѣльцовъ и астраханскихъ жилецкихъ казаковъ, всѣми крѣпостными сооруженіями въ городѣ и оружіемъ и подчинивъ своему вліянію тамошняго воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина, — вновь созданный царскій совѣтникъ, „бояринъ“ Заруцкій сталъ разсылать по окружнымъ поселеніямъ—на Волгу, Терекъ, Яикъ—отъ лица Марины и ея сына обвѣстительныя грамоты, съ требованіемъ не только покорности ей, „царевичу“ и себѣ, но и

¹⁾ По документамъ Главн. Москов. Архива М-ва иностр. дѣлъ, кабардинскія № 1—5 и персидскія кор. 1 № 2 и корд. 4 № 2.

присылки „многихъ ратныхъ людей“, намѣреваясь весною, собравшись съ силами, идти на Самару, Казань и Москву, чтобы добиться признанія ихъ царственныхъ правъ. Онъ увѣренно обѣщаль „вольнымъ“ казакамъ богатую добычу и такихъ наградъ и почестей, „какихъ они и не чаяли“.

Увы, напрасны были ожиданія! Ликъ совсѣмъ ничего не отвѣтилъ на „царицынъ“ призывъ. Волжскіе казаки, подъ вліяніемъ полученныхъ съ Дона и Москвы увѣщательныхъ грамотъ, разбились надвое и никакъ не могли окончательно рѣшить, что предпринять имъ. Только уже въ апрѣлѣ слѣдующаго 1614 года прибыло изъ нихъ въ Астрахань 560 человекъ. Но больше всего огорчилъ Заруцкаго Терекъ, на который была вся его надежда, ибо, кромѣ ротныхъ людей—стрѣльцовъ, вольныхъ казаковъ и черкесскихъ мурзъ и узденей, онъ надѣялся получить оттуда хлѣбные припасы, въ чемъ особенно ощущался у него недостатокъ.

По словамъ выходцевъ изъ мятежнаго полона, во время хозяйничанія Марины и Заруцкаго въ Астрахани, пудъ пшеницы дошелъ до 10 алтынъ; тогда какъ на Терекѣ его продавали по гривнѣ. Пищальнаго зелья хотя было много, но не изъ чего было готовить ядра и пули. Едва съ трудомъ добывали на базарѣ за 4 алтына фунтъ свинца.

Подъ давленіемъ воеводы Петра Петр. Головина, терцы не только отказались подчиниться самозванной царицѣ и „цѣловали крестъ“ „прирожденному государю“ своему, но еще отправили въ Астрахань увѣщательныя грамоты къ стрѣльцамъ и казакамъ, чтобы они, „помня души свои и милость божію и милосердіе и жалованье государево“, отъ вора Заруцкаго и отъ „ворухи“ Маринки отстали и „царю бы доби́ли челомъ и вины свои принесли“.

Къ мятежному предводителю пристали только нагайскій князь Иштерекъ съ своими мурзами и улусами, Яранаслановскіе и Юртовскіе татары, да мѣстная вольница. И хотя этой разношерстной рати собралось у него до 5 тыс. человекъ, но добрая половина изъ числа 2 тыс. русскихъ жителей не сочувствовала замысламъ Марины.

Повидимому, и самъ Заруцкій да и лжецарица также сознавали, что рискованно пускаться въ дальній походъ съ такимъ малонадежнымъ и плоховооруженнымъ воинствомъ, жаждавшимъ только грабежей и широкаго разгула, не имѣя при томъ же ни казны денежной, ни припасовъ „вогненныхъ“, ни запасовъ продовольствія.

Они рѣшили обратиться за помощью къ Персидскому шаху Аббасу I, который не разъ, во время междоусобицы, присылалъ на Москву къ „цесарю Дмитрію“ свои дружескія грамоты. Въ отмѣнно ласковыхъ и льстивыхъ выраженіяхъ собственноручно писала Марина повелителю Востока о своемъ горестномъ положеніи, что лихіе московскіе люди мужа ее убили, а ее и сына ее лишили достоянія предковъ—царства російскаго. Грамотку свою она вручила преданному ей астраханцу Якову Глядкову, котораго снабдила еще тайнымъ наказомъ, какъ и что говорить шаху, дабы добиться его сочувствія.

Съ своей стороны „воръ Ивашка“ уполномочилъ казанца, сына боярскаго, Ивана Хохлова передать Аббасу, что онъ готовъ уступить ему Астрахань и всѣ ниже ея лежащія мѣстности до города Терка включительно, если послѣдній пришлетъ ему помощь войскомъ, деньгами и хлѣбомъ.

Насильно посланный Хохловъ согласился слѣдовать въ организуемомъ посольствѣ только потому, что его убѣдительно просилъ бывшій воевода астраханскій князь Хворостининъ свезти „потихоньку“ къ шаху грамоту и рассказать ему объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Астрахани и на Руси, чтобы Аббасъ „вору Заруцкому не вѣрилъ и помощи казною и ратными людьми не давалъ“.

Для большаго успѣха задуманнаго предпріятія Марина упростила жившаго въ Астрахани персидскаго купца Хузя-Муртазу съѣздить съ отправляемыми гонцами въ Тавризъ и убѣдить отъ себя „шахъаббасово“ величество заступиться за несправедливо лишенную трона бѣдную вдову. Купца привели „на коронѣ къ шерти“, что онъ вѣрно и неизмѣнно будетъ стараться въ ея пользу и въ пользу сына „царя Дмитрія Ивановича“. Въ качествѣ переводчика въ составъ посольства былъ включенъ только-что выпущенный Заруцкимъ изъ астраханской тюрьмы, аманатчикъ мурза Салтангуль, сынъ Тюменскаго князя Салтанея; а „для письменныхъ дѣлъ“, какъ быть должно, нарядили подъячаго Богдашку Накрачеева.

Въ сопровожденіи пяти астраханскихъ стрѣльцовъ, выступило посольство это „филиповымъ постомъ“ 1613 года на Дербентъ и Баку, гдѣ Хузя-Муртаза застрѣлъ, по его словамъ, для устройства нѣкоторыхъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Остальные послѣдовали дальше. Въ началѣ марта гонцы прибыли въ Гилянъ, гдѣ шахъ спѣшно формировалъ свои войска для похода въ Грузію, которую хотѣлъ наказать за то будто бы, что царь Теймуразъ Давыдовичъ передался на сторону турецкаго султана.

Конечно, онъ былъ хорошо освѣдомленъ и ранѣе прихода „воровскаго“ посольства о внутреннихъ въ Россіи неурядицахъ и объ истощеніи Московскаго государства мятежами и волненіями. Поэтому-то понимая, что, при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, Россія не можетъ оказать какой-либо помощи едино-вѣрной ей и находившейся подъ ея покровительствомъ Иверіи, онъ и предпринялъ на нее походъ, чтобы завладѣть обезсиленнымъ постоянными неурядицами государствомъ. Ему неизвѣстно было только то, что на тронѣ Московскихъ царей укрѣпился избранный народомъ государь, потому что извѣстительная о вступленіи Михаила Ѳедоровича на престолъ грамота не могла во-время достигъ его, вслѣдствіе астраханскаго возмущенія когда всѣ пути въ Персію были преграждены воровскими шайками Заруцкаго. Объ этомъ сообщилъ повелителю Ирана Иванъ Хохловъ при врученіи ему грамотъ отъ „вора Ивашки“ и князя Хворостинина. Однако, несмотря на это, Якушка Глядко-въ „со слезами билъ Аббасу челомъ“ и „лежалъ у ногъ“ его, чтобы онъ Марину пожаловалъ, далъ ратныхъ людей „ближней своей думы“ человекъ съ пятьсотъ, казны денежной и запасовъ хлѣбныхъ“.

— Да что жъ ты говоришь мнѣ объ этомъ словами?—возразилъ на его просьбу шахъ,—когда въ грамотахъ о томъ ничего не писано?

— Потому сказываю тебѣ,—оправдывался Яшка,—что такъ наказала мнѣ царица—вельми лихи на нее Московскіе недруги и боялась она, чтобы грамоту ту по дорогѣ не отбили у насъ ея вороги.

— А ежели ты, шахаббасово величество,—отъ лица Марины продолжалъ Якушка,—войскомъ намъ не поможешь и казны и хлѣба не отпустишь, то изъ Москвы рать придетъ вскорѣ и Астрахань осадятъ; тогда изъ Астрахани насъ не выпустятъ. А коли поможешь намъ, мы Астрахань тебѣ отдадимъ и, собрався, Москву возьмемъ и отъ литовскихъ людей ее очистимъ.

Рѣчь Глядкова пришлась шаху по сердцу. Разомъ заговорила въ немъ восточная алчность. Предложеніе было слишкомъ заманчиво, чтобы имъ не воспользоваться. Владѣльцу Кизылбашской земли ¹⁾ льстила пріятная перспектива овладѣнія подъ шумокъ, почти безъ боя, ближайшимъ къ его поселеніямъ богатымъ и торговымъ городомъ, хотя бы на зло своимъ

¹⁾ Кизылбашами называютъ Персію турки, потому что тамошніе жители красятъ свои головы; кизылъ—красный, баша—голова.

исконнымъ врагамъ султану турецкому и хану крымскому, которые со временъ царя грознаго имѣли попытки къ возвращенію древней татарской столицы.

Салтангуль-мурза сильно расхваливалъ аббасовымъ приближеннымъ ея благоустройство, устройство Терка и боевыя способности жившихъ тамъ русскихъ людей. По его словамъ, столица стояла „на острову“, а городъ каменный, людей въ ней тысячъ съ десять. „А въ дракѣ русскіе люди—бойцы и на полѣ дратся горазды; бой у нихъ волпяной. Только русскихъ людей у лѣсу будетъ сто человекъ, а противъ нихъ иноземцевъ пятьсотъ надобетъ“. „Терекъ городъ стоитъ у моря, промежъ водъ; около него рѣки зашли, и камыши и озера; а приходъ къ нему воинскимъ людямъ добре тяжель“. „И людей въ немъ многожь... А по Теркѣ рѣкѣ и инымъ рѣчкамъ живутъ вольные многіе люди казаки“.

Говорилъ Салтангуль и про Марину, что она молода и „вельми хороша“, а сынъ ея „не великъ“.

Это извѣстіе еще больше возбудило въ шахѣ желаніе воспользоваться удобнымъ моментомъ... Заиграла въ немъ жгучая кровь восточная при разказахъ о прелестяхъ царицы. Въ этомъ случаѣ едва-ли не больше имѣло вліянія на его скорое рѣшеніе удовлетвореніе низменныхъ своихъ удовольствій, чѣмъ соображенія политическаго характера о расширеніи предѣловъ государства и народномъ благополучіи. Напрасно приближенные отговаривали его отказаться отъ безумной затѣи,—Аббасъ былъ непоколебимъ. Онъ издалъ повелѣніе—собрать съ Гилянскій провинціи 12 тыс. „тюменей“¹⁾, приказалъ готовить отборное войско и запасы хлѣбныя.

— Для чего ворами въ Астрахани казну давать?—говорили вельможи.—Коли Московское государство устроится и будетъ тамъ государь,—совѣтывали они ему,—тогда будетъ у тебя съ московскимъ царемъ и дружба, и братство, и любовь, и казною вспоможеніе... А нынѣ ворами казны посылать нечего зря!..

Но шахъ имѣлъ другой умыселъ. Войско, деньги и хлѣбъ онъ хотѣлъ отправить въ Астрахань съ своимъ кречетникомъ Полуханомъ, коему поручилъ захватить съ собою „многія питія“ для того, чтобы, по приѣздѣ туда, сначала роздать астраханцамъ жалованіе и хлѣбныя запасы, а потомъ, перепойвъ ихъ виномъ, перебить всѣхъ, городъ взять на его имя, Ма-

¹⁾ Тюмень, или туманъ стоилъ въ то время на наши деньги 6 руб.

рину прислать къ нему („которую онъ намѣревался оставить у себя для своей потѣхи“) и, поставя на Терекѣ городъ каменный, посадить въ немъ Заруцкаго съ сообщниками.

Изъ боязни, должно быть, чтобы гонецъ Хохловъ своими рассказами о состояніи Астрахани и дѣйствіяхъ Заруцкаго не возбудилъ въ приближенныхъ болѣе сильнаго протеста противъ его намѣреній, Аббасъ велѣлъ отправить Ивана вмѣстѣ съ подъячимъ Накрачевымъ и тремя стрѣльцами въ Мешедъ „за приставы“, а Яшку Глядкова и Салтангула взялъ съ собою на войну въ Грузію.

Когда, два мѣсяца спустя, раззоривши всю Иверскую землю, возвратился Аббасъ въ Казвинъ побѣдителемъ, туда прибылъ изъ Баку и Хузя-Муртаза. Повелитель Ирана сейчасъ же потребовалъ его къ себѣ, чтобы точнѣе разузнать отъ вѣрнаго своего слуги о заинтересовавшихъ его обстоятельствахъ.

— Ну, какова Марина? хороша ли? Былъ ты у ней?— забросалъ онъ его вопросами.

— Былъ, и она меня изъ своихъ рукъ угощала виномъ. Только я не пилъ; принялъ чарку и отдалъ своему человѣку Старъ ужъ я для вина!..

— А горячи у ней руки?

— Примѣтилъ довольно—руки горячи!..

— Чѣмъ же она подарила тебя?—не унимался шахъ.

— Дала для тебѣ двѣ склянки отмѣннаго вина!..

— Тащи скорѣе!..

Наливъ бокалъ принесенной жидкости, Аббасъ пилъ за здоровье вдовицы.

— О, теперь!.. молвилъ онъ, но не докончилъ предъ своимъ подчиненнымъ затаенной мысли...

Муртаза передалъ шаху просьбу самозванной царицы, что мужа ея, который назывался Дмитріемъ, на Москвѣ убили и Московскимъ государствомъ Москва завладѣла, а она, Марина, съ сыномъ и Заруцкимъ съѣхали для береженія въ Астрахань, и ему бы, шаху, за нихъ вступиться!..“

Въ концѣ мая, съ Якушкой Гляковымъ былъ командированъ крестникъ Пулунбекъ провѣдать, что „въ Астрахани дѣется“. Съ нимъ были посланы Маринѣ подарки „четыре бархаты черныхъ и четыре черныхъ камки да мелякъ черный же“. Заруцкому шахъ велѣлъ передать иноходца, саблю да „покровецъ конскій нарядный“.

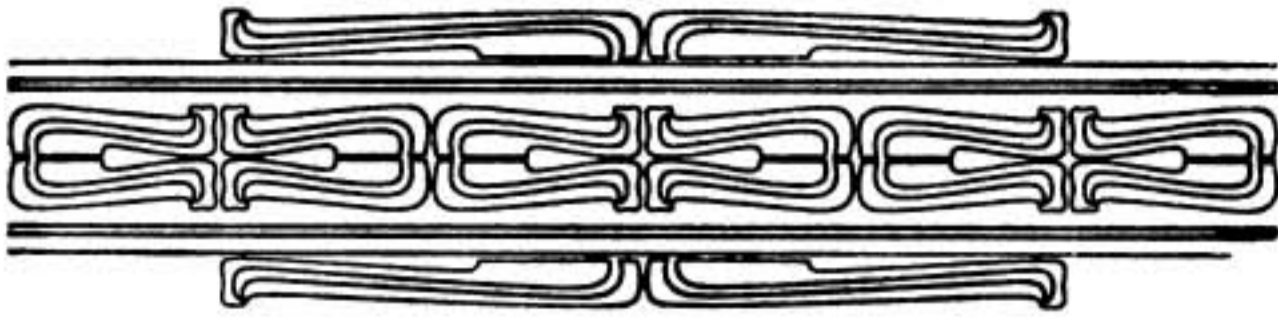
Но въ Дербентѣ посланные получили извѣстіе, что Астрахань отъ мятежниковъ очищена прибывшимъ изъ г. Терка

стрѣleckимъ головою Васи́лемъ Хохловымъ съ терскими служилыми людьми и вольными казаками. Заруцкій и Марина бѣжали на Яикъ. Попытка шаха такимъ образомъ не увѣнчалась успѣхомъ!..

Чтобы обѣднить себя въ этихъ своихъ вазорныхъ дѣйствіяхъ передъ царемъ Русскимъ, Аббасъ въ томъ же 1614 году отправилъ въ Москву посольство во главѣ съ вышепоименованнымъ купцомъ Муртазой, которому было наказано говорить тамъ, что Астраханью шахъ завладѣть не желалъ, хотя де и предлагали ему ее воры, и войсками имъ не помогаль, а только снабжалъ голодныхъ жителей сорочинскимъ пшеномъ...

П. Юдинъ.

Рубль Пугачева.

Въ исторіи извѣстно, что Пугачевъ съ своими шайками переправлялся черезъ р. Волгу, идя изъ г. Царевко-кокшайска въ Цивильскъ, въ с. Маломъ-Сундырѣ Козмодемьянскаго уѣзда, ниже города въ 15 верстахъ, и здѣсь конечно была остановка. А мнѣ по дѣламъ службы пришлось быть въ 1905 году въ этомъ селѣ, и случайно у одного чувашенина приобрѣлъ я серебряную монету величиною съ рубль нашъ, но очень потертый и съ дырочкой, и видно было, что его носила въ шულгамѣ (ожерелье) чувашка, и были замѣтны: изображеніе бородатаго мужчины въ шапкѣ и буквы Б. М. а на оборотѣ 8 конечный крестъ и слова Воля, а въ низу Яикъ, въ верху же „рубль“ и больше ничего, а такъ какъ я занимался нумизматикой, то и былъ очень радъ приобретениемъ такого рубля, думая какъ-нибудь узнать, что это за монета, но въ 1907 г. за мое отсутствіе мой домъ въ г. Козмодемьянскѣ былъ сожженъ со всѣмъ имуществомъ и въ огнѣ погибли вмѣстѣ съ имуществомъ и мои цѣнности археологическія. И я позабылъ объ этомъ рублѣ, но, читая въ 1911 г. приложение „Свѣточъ“ къ „Русскому паломнику“, увидѣлъ, что у меня былъ рубль Пугачева, и что гальванопластическій снимокъ съ этого рубля былъ высланъ въ 1904 г. отъ инспектора Екатеринбургской торговой школы г. Вышемірскаго въ церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи. Я переписался и узналъ, что г. Вышемірскій одинъ можетъ все выяснить, а его уже перевели въ г. Луганскъ директоромъ женскаго коммерческаго училища, затѣмъ мною было получено любезное письмо отъ г. Вышемірскаго съ подробностями объ рублѣ Пугачева.

Г. Вышемірскій, живя въ г. Екатеринбургѣ, разъ въ концѣ 1903 г. и началъ 1904 г. зашелъ починить часы къ часовщику Тихоцкому и видитъ у него Пугачевскій серебряный рубль, наподобіе нашего рубля, и по вѣсу тоже одинаковъ съ послѣднимъ, хотя и потертый, но все-таки ясно все изображеніе и надписи, а когда г. Вышемірскій хотѣлъ узнать, кому принадлежитъ этотъ рубль и не продасть-ли его владѣлецъ ему, то часовщикъ объяснилъ слѣдующее: рубль данъ ему однимъ богатымъ раскольниковъ изъ Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи, а фамиліи владѣльца и селенія часовщикъ не могъ назвать, продать же его владѣлецъ не соглашается, а только далъ ему часовщику для снимка гальванопластическаго для одного знакомаго старовѣра, но послѣ долгихъ разговоровъ,

Рубль Пугачева.

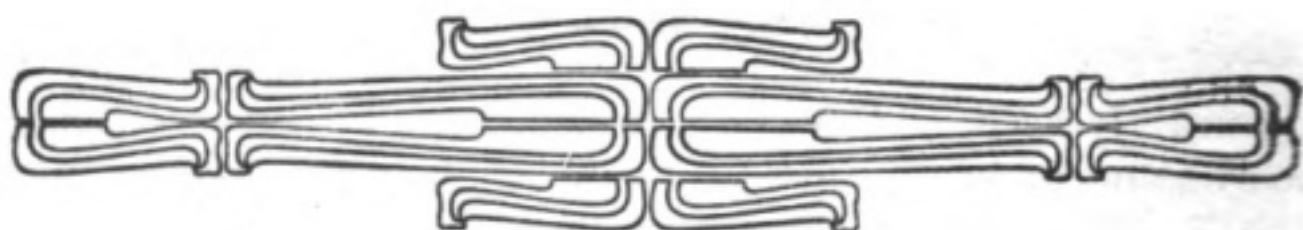
часовщикъ согласился и для г. Вышемірскаго снять два снимка гальванопластическихъ, изъ коихъ онъ отослалъ одинъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной академіи, о чемъ въ Свѣточѣ я и прочелъ, а другой сохранилъ у себя.

Для яснаго ознакомленія съ дѣйствительностью, мною предлагается два снимка съ гальванопластическаго передней—лицевой стороны и задней стороны. Но подлинномъ, видѣнномъ имъ серебряномъ рублѣ, какъ онъ пишетъ, „на лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ русскаго мужчины въ возрастѣ 40 лѣтъ, съ жирными усами и большой бородой, въ мѣховой пышной шапкѣ съ остроконечнымъ верхомъ, въ мундирѣ и эполетахъ (полковника) съ слѣдами ленты черезъ правое плечо и надписью“. Надпись ясна на оборотѣ и на фотографическихъ снимкахъ вышла. Затѣмъ я вспомнилъ сгорѣвшій у меня рубль, и оказался онъ точно такимъ рублемъ, и еще подтверждается пере-

правой Пугачева у с. Малаго Сундыря, гдѣ его приспѣшники и пустили въ народъ рубль „Батюшки“. И по моему предложению г. Вышемірскій прислалъ гальванопластическій снимокъ въ музей университета, а мнѣ разрѣшилъ снять фотографіи съ него и передать въ даръ эти снимки въ городской музей, и церковно-археологическое общество казанской анархіи, и мнѣ одинъ экземпляръ, каковой я прилагаю при сей запискѣ въ общее пользованіе.

В. Грузинцевъ.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1 сентября. Въ теченіе второй половины августа, войска генерала Ренненкампа, тѣснимыя, превосходными силами германцевъ и угрожаемыя обходомъ съ лѣваго фланга, послѣ боевъ, дорого стоящихъ непріятелю, были по словамъ официальной телеграммы „къ первому сентября выведены изъ труднаго положенія и заняли исходныя позиціи для дальнѣйшихъ операцій“.

Дальнѣйшія операціи наступающихъ въ восточной Пруссіи германскихъ войскъ совершенно ясно опредѣлялись постройкой нѣмецкихъ желѣзно-дорожныхъ путей къ нашей западной границѣ. Какъ 12 щупальцевъ идутъ двѣнадцать нѣмецкихъ желѣзно-дорожныхъ путей къ нашей территоріи между Гродной и Остроленкою, при чемъ каждый желѣзно-дорожный путь предназначается для перевозки цѣлаго корпуса. Эти пути, тщательно оборудованные еще въ мирное время, точно указывали ихъ назначеніе бросить значительное количество нѣмецкихъ войскъ, для того чтобы отрѣзать нашъ варшавскій раіонъ отъ сообщенія съ сѣверомъ. Было бы странно, если бы германцы не использовали этого тщательно ими подготовленнаго театра военныхъ дѣйствій.

На австрійскомъ фронтѣ у Равы Русской взято 8.000 плѣнныхъ и 30 орудій и, по словамъ официального донесенія, особенно генераль Брусилловъ отмѣчаетъ выдающуюся дѣятельность „генерала Радко Димитріева“.

Такимъ образомъ, поступившій на русскую службу, болгарскій Наполеонъ, герой Лозенграда, Бунаръ-Гиссара и Люле-Пургаса, появляется въ лѣтописяхъ русской военной исторіи.

Недавно въ „Бѣлой книгѣ“ великобританскаго правительства была напечатана телеграмма англійскаго посла въ Берлинѣ о его переговорахъ съ германскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ

фонъ Яговымъ и имперскимъ канцеромъ Бетманъ Гольвегомъ относительно неприкосновенности нейтралитета Бельгiи.

Фонъ Яговъ отвѣтилъ англичанину, что нейтралитетъ Бельгiи не будетъ неприкосновененъ, такъ какъ черезъ Бельгiю идетъ единственный, кратчайшiй и удобный путь для вторженiя во Францiю, иначе германцамъ надо брать сильную линiю французскихъ крѣпостей, на что потребуется значительное время, въ которое Россiя успѣетъ привести свои войска на военное положенiе.

Лояльный англичанинъ отвѣтилъ, что, послѣ этихъ словъ, ему остается только одно—выѣхать изъ Берлина и все-таки рѣшилъ получить отвѣтъ отъ самого имперскаго канцлера.

Отвѣтъ Бетманъ Гольвега былъ такой: „и неужели изъ-за пустого звука, изъ-за одного слова нейтралитетъ, которое не разъ ни во что не ставили въ военное время, неужели изъ-за простого клочка бумаги Великобританiя станетъ воевать съ родственной нацiей, единственное желанiе которой жить съ нею въ дружбѣ“.

Клочекъ бумаги былъ международный договоръ, обеспечивающiй нейтралитетъ Бельгiи, договоръ, который былъ подписанъ и Германiей.

Въ этихъ разговорахъ точно выяснилась, какова есть современная Германiя въ лицѣ ея высшихъ представителей.

А каковы представители германской армiи въ видѣ калишскаго коменданта маiора Прейскера, про то рассказываетъ г. Збиевскiй, хозяинъ лучшаго ресторана въ Калишѣ ¹⁾: онъ рассказываетъ про одну учительницу коммерческой школы. „Это была красивая дѣвушка, всѣми уважаемая, отлично образованная, воспитанная, большой духовной чистоты. Прейскеръ потребовалъ ее къ себѣ, солдаты поволокли ее къ нему на квартиру... Разнузданный пьяный мерзавецъ тѣшилъ надъ нею всю ночь, а утромъ выгналъ:

— Пошла вонъ... Ты не можешь угодить прусскому офицеру... Даже дѣвкой не умѣешь быть прiятной... Должна за честь считать...

Учительница, помертвѣвшая, блѣдная, съ безумными глазами, кое-какъ добралась къ себѣ и тотчасъ же приняла ядъ...

Прейскеръ не позволилъ ее хоронить:

— Это будетъ похоже на демонстрацiю!..

И велѣлъ ее зарыть, какъ собаку...

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 1 сент. с. г.

Вообще, всякія похороны жертвъ своего неслыханнаго варварства великолѣпный нѣмецкій маіоръ считалъ „демонстраціей“.

Онъ приказалъ разложить на площади нѣсколько убитыхъ дѣвочекъ-подростковъ, сначала изнасилованныхъ имъ и его офицерами. И поставилъ часового.

— Если кто-нибудь изъ родныхъ придетъ за трупами—въ штыки. Какъ говядину, колите!..

Бродячія, голодныя собаки поотѣдали этимъ дѣвочкамъ-мученицамъ щеки, превративъ личики въ обглоданныя кровавыя маски.

Часовые не только не отгоняли собакъ, а смѣялись:

— Вотъ разукрасили, — теперь и отецъ съ матерью не узнаютъ своихъ дочерей“!..

2 сентября. Государь Императоръ пожаловалъ Георгія 4 степени генералъ-лейтенанту Радко-Дмитріеву за отличія въ дѣлахъ противъ непріятели.

Одна дама, пріѣхавшая изъ Берлина, рассказывала, что Императоръ Вильгельмъ увѣрилъ всѣхъ нѣмцевъ, что сама Россія объявила войну Германіи. Въ Берлинѣ всѣ рассчитывали на пьянство при нашей мобилизаціи, на смуту, на забастовки, на возстаніе Польши, Кавказа, Финляндіи и Прибалтійскихъ губерній и на всеобщее, по всей Россіи, пьянство.

4 сентября. Государь Императоръ соизволилъ пожаловать орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 степени—Королю Бельгіи Альберту и Сербскому наслѣдному королевичу Александру. На Галиційскомъ фронтѣ взяты Сендомиръ, укрѣпленія Кржешова, у Яворова взято 5.000 плѣнныхъ и 30 орудій.

Въ нашихъ замѣткахъ отъ 29 августа было упомянуто, что нами былъ отраженъ глубокой обходъ германцами отступающихъ изъ восточной Пруссіи войскъ генерала Ренненкампа. Обходъ германцевъ былъ обнаруженъ незначительнымъ отрядомъ нашихъ стрѣлковъ, двумя баталіонами съ четырьмя орудіями, выдвинутыми отъ Граева, близъ границы Сувалкской губерніи, на прусскіе города Бялу и Іоганенбургъ къ Мазурскимъ озерамъ для обнаруженія силъ противника.

Незначительный отрядъ этотъ, усиленный еще 4 баталіонами, во второй половинѣ августа началъ энергичное наступленіе.

Нѣмцы, не подозрѣвая о присутствіи русскихъ и количества ихъ силъ, были сбиты съ передовыхъ позицій и отошли за Іоганенбургъ. Пользуясь отступленіемъ непріятели, наша конница обнаружила у Мазурскихъ озеръ 1½ корпуса германцевъ,

затѣмъ нашъ отрядикъ, искусно отступивъ, донесъ о скопленіи 1½ корпусовъ германцевъ на флангѣ войскъ генерала Ренненкампа, и далъ возможность парировать готовящійся обходъ.

Разсказывали интересныя подробности объ уничтоженіи въ началѣ войны запасовъ спирта на винномъ заводѣ близъ Липно, почти на самой нашей границѣ, недалеко отъ нѣмецкой крѣпости Торна. Запасы были такъ велики, что ихъ сначала начали выливать въ сосѣдній прудъ. Спиртъ не скоро смѣшивался съ водой, и крестьяне его черпали ведрами и тутъ же пили. Но не только одни крестьяне упивались спиртомъ, къ этому занятію пристроились лошади, коровы, гуси и утки, и алкоголь и на нихъ оказалъ свое несокрушимое вліяніе. Коровы, задравъ хвосты кверху, весело покачивались и подпрыгивали, а лошади, вытянувъ шеи, съ веселымъ ржаньемъ, отчаянно скакали. Пьяные утки и гуси не могли ходить, и все время падали. Это повальное пьянство людей, животныхъ и птицъ было прекращено лишь тогда, когда догадались выливать спиртъ на поля оврага и рвы и тѣмъ не дать возможность нѣмцамъ овладѣть этими запасами для крѣпости Торна.

5—9 сентября. Генералъ Ренненкампа окончательно задержалъ наступленіе германцевъ, а на галиційскомъ фронтѣ наши войска взяли Синяву, Самборъ, обстрѣливали Ярославъ, Пржемысль, а въ районѣ Сендоміра взяли 3.000 плѣнныхъ и 10 орудій, а девятаго сентября взяли Ярославъ. Вообще на Галиційскомъ фронтѣ дѣйствія нашихъ начальниковъ и войскъ будутъ впоследствии изучаться, какъ классическіе образцы.

Августѣйшая сестра милосердія.

Однимъ изъ самыхъ трогательныхъ событій настоящей войны выдается особый сердечный уходъ за ранеными нашихъ сестеръ милосердія. Въ числѣ сестеръ милосердія находятся много Августѣйшихъ особъ. Сестра Государя Императора Великая Княгиня Ольга Александровна первая поѣхала въ Дѣйствующую армію, и вотъ какимъ образомъ, по словамъ корреспондентовъ, она несетъ этотъ не легкій крестъ ¹⁾.

„Если вамъ удастся увидѣть кого-либо изъ раненыхъ офицеровъ, побывавшихъ въ Ксеніинской общинѣ Краснаго Креста, то вамъ непременно разскажутъ о порядкахъ этого госпиталя, уходѣ въ немъ за ранеными, о пицѣ, обстановкѣ,—словомъ, обо всемъ, что дѣлаетъ этотъ лазаретъ, выдающійся во всѣхъ

¹⁾ „Новое Время“ 7 сентября с. г.

отношеніяхъ. Но больше всего и съ особеннымъ чувствомъ вамъ разскажутъ о той особенной нѣжности и ласкѣ, о томъ материнскомъ, согрѣвающимъ сердечномъ теплѣ, съ какимъ относятся въ этомъ госпиталѣ августѣйшая сестра милосердія, великая княгиня Ольга Александровна, и остальные сестры, руководимыя ея высочествомъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ ротнаго командира.

— Я былъ раненъ: двѣ пули, одна въ палецъ лѣвой руки и другая въ лѣвую ступню не дали мнѣ возможности продолжать наступленіе. Больше всего я опасался за свой участокъ: мнѣ была дана самостоятельная задача и хотѣлось довести ее до конца; судьба рѣшила иначе: роту повелъ мой поручикъ и, какъ я потомъ узналъ, выбилъ противника изъ окопа. Я уже, стащивъ сапогъ, перевязалъ на-скоро ногу и прилегъ, такъ какъ шелъ бой и я не могъ пройти на перевязочный пунктъ. Въ это время шальная пуля ранила меня въ плечо; я схватился за него, но въ ту же минуту впалъ въ обморокъ, и что было дальше, не знаю. Очнулся я на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ было много раненыхъ. Послѣ подачи мнѣ помощи, меня въ числѣ многихъ отправили въ лазаретъ великой княгини Ольги Александровны. Я не видалъ никогда ея высочество и когда ко мнѣ подошла сестра милосердія, небольшая, худенькая, съ лицомъ прекраснѣйшей доброты и нѣжности,—я не зналъ, кто была она.

— Нога вотъ..., говорю, да и плечо..., а рука—это пустое.

— Снимите рубаху, я осмотрю вашу рану,—сказала тихо и просто сестра.

Я раздѣлся. Сестра осторожно сняла бинтъ, отмочила повязку, позвала врача и минутъ черезъ десять меня повели въ операционную. Я былъ тамъ не одинъ. Когда до меня дошла очередь, начали очищать рану. Сестра, которая меня встрѣтила, стояла около; тутъ же былъ фельдшеръ и другія сестры; дальше—шли другія операциіи. Плечо сильно болѣло, кость была разбита и выниманіе кусочковъ доставило мнѣ не мало боли.

— Пожалуйста, ваты,—сказалъ докторъ.

Сестра подала.

— Мало...

Сестра подала громадный кусокъ, намоченный какой-то жидкостью. Далѣе—это были уже настоящія команды, которыя исполнялись сестрой безпрекословно, въ то же время, какъ другая держала тазъ и полотенце, третья кипятила инструменты, а фельдшеръ держалъ руку и голову.

— Ваты! Воды!.. Ножицы № 6... Скорѣй! Примите руку.. Ваты!.. Дайте шприць... скорѣе!..

Все это исполнялось моментально, безъ малѣйшаго смущенія и волненія; на меня въ упоръ смотрѣли два добрыхъ глаза, полныхъ нѣжности, состраданія и, какъ мнѣ казалось,—печали; въ то же время, эти глаза смотрѣли строго и притягивали къ себѣ, заставляя на секунды отвлекаться отъ боли. Очистка кончилась.

— Можете сейчасъ же терпѣть перевязку ноги?—спросилъ докторъ.

— Могу,—сказалъ я.

Сестра развязала бинтъ и въ тазу, поданномъ фельдшеромъ и другой сестрой, начала мыть мою рану; послѣдняя была не велика, но пуля прошла насквозь, кость не дала излучинъ и рана была довольно легкая. Но отъ долгаго времени снаружи начиналось нагноеніе, которое надо было очистить. Мягкими, нѣжными, осторожными руками сестры была промыта рана, и докторъ сдѣлалъ, что нужно. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала перевязка пальца. Странанія обезсилили меня и въ безсознательномъ состояніи меня перенесли на кровать. Я не помню, что произошло потомъ, но часовъ около восьми я очнулся. Ко мнѣ подошла другая сестра; спросивъ, не надо ли чего, она бережно укрыла меня вторымъ одѣяломъ, поправила подушки и принесла чаю съ виномъ. Раны мои ныли, но были терпимы. Та же сестра принесла тазикъ съ теплой водой, отерла мнѣ лицо, руки, шею; я почувствовалъ себя свѣжѣе и бодрѣе. Я только-что собирался приподняться, чтобы пить чай, какъ подошла та сестра, что мыла мнѣ рану, и подхвативъ подъ здоровое плечо, помогла подняться. Затѣмъ она сѣла на край кровати, налила въ блюдечко чаю и стала меня поить. Я совершенно ободрился.

— Вы семейный?—спросила сестра, — дѣтки есть? — Ну, что жъ, поѣдете ихъ провѣдать, а потомъ опять?..

Я отвѣчалъ, что черезъ мѣсяць я, должно быть, вернусь къ ротѣ.

— А вы очень любите свою роту?—спросила сестра и, не дождавшись отвѣта, сказала:

— Вамъ надо спать, уже поздно, девять часовъ, а завтра поговоримъ...

Затѣмъ сестра встала, мягко провела рукой по моимъ волосамъ и какъ-то по матерински, какъ помню въ дѣтствѣ мнѣ мама говорила, сказала:

— Ну, спите, будьте умницей...

— Сестра!—остановилъ я,—скажите: въ этомъ лазаретѣ работаетъ великая княгиня Ольга Александровна?..

— Да, а что?..

— Мнѣ бы повидать...

— А вамъ зачѣмъ?—улыбнулась сестра.

— Да какъ же,—говорю,—вѣдь Царская сестра и вдругъ такую работу исполняетъ... да и потомъ говорить, она такая хорошая, добрая;... мнѣ бы ручку поцѣловать великой княгинѣ...

— А вы мнѣ обѣщаете спать, если я это вамъ устрою?

— Обѣщаю,—сказалъ я, ободрившись.

— Ну, цѣлуйте скорѣе и спите,—сказала сестра и ладонью закрыла мнѣ ротъ.

Я обомлѣлъ въ первую секунду. Затѣмъ, схвативъ руку, прижалъ ее къ губамъ.

— Ваше императорское высочество...

Сестра тихо отвела руку и сказала:

— Зовите меня „сестрой“ и помните, что вы дали обѣщаніе спать.

Съ этими словами она отошла. Я не отрывалъ глазъ отъ сестры, которая медленной походкой обходила койки раненыхъ, поправляла, что нужно, и потомъ скрылась въ дверяхъ. Последующіе дни, когда я пользовался лаской, уходомъ, вниманіемъ и любовнымъ отношеніемъ къ моимъ ранамъ со стороны великой княгини,—эти дни были для меня настоящимъ праздникомъ и до могилы не забудутся. Уѣзжая, дрожащими руками, забывъ свои раны, припалъ къ рукѣ сестры, и она говорила:

— Желаю вамъ здоровья и семьѣ вашей всего, всего лучшаго...

Пожилой штабъ-офицеръ рассказываетъ.

— Когда я былъ раненъ тремя пулями пулемета, меня, по приѣздѣ съ поля сраженія, направили въ ровненскій госпиталь, въ которомъ работаетъ великая княгиня Ольга Александровна.

Я увидѣлъ ея высочество въ первый же вечеръ, когда насъ привезли. Великая княгиня, въ бѣломъ халатѣ и такой же наколкѣ, съ краснымъ крестомъ на груди и полотенцемъ черезъ плечо, стояла возлѣ раненаго въ бокъ офицера, которому врачъ дѣлалъ перевязку. Я послѣ перевязки поклонился августѣйшей сестрѣ милосердія; она милостиво протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Сестра усадила меня на табуретъ, распро-

сила о ранѣ и, поручивъ другой сестрѣ, вышла. Былъ уже вечеръ, когда меня перевязали и уложили въ постель. Въ 7 часовъ утра на слѣдующій день ея высочество подошла къ моей кровати, сѣла и стала спрашивать о раненіи, о боѣ, о семьѣ.

Я тихо отвѣчалъ на вопросы, не отрывая взора отъ ласковыхъ глазъ великой княгини. Рядомъ со мной лежалъ серьезно раненый капитанъ. Онъ повернулъ голову въ нашу сторону; великая княгиня наклонилась къ его лицу и тихо спросила, не надо ли ему чего; затѣмъ она медленно и нѣжно стала глядеть капитана по головѣ, по лицу и говорила:

— Вамъ сегодня хорошо, вотъ мы сейчасъ помѣряемъ температуру.

Затѣмъ взяла со столика термометръ, сама поставила его больному и отмѣтила минуты.

Въ это время въ госпиталь вошелъ большого роста адмиралъ, который обходилъ раненыхъ и подошелъ къ намъ.

— Леля,—обратился онъ къ великой княгинѣ,—ты вѣдь совсѣмъ съ ногъ свалишься, иди спать, а то я самъ тебя уложу; иди отдохни.

Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ великій князь Александръ Михайловичъ.

— Ну, какъ дѣла, капитанъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ моему сосѣду?

— Да ничего,—отвѣтилъ тотъ,—вотъ беспокоитъ меня одна мысль, а рана—это ничего, заживаетъ.

— Какая?—спросилъ великій князь.

— Да вотъ, уѣхалъ и не знаю, принять ли въ корпусъ сынишка, попалъ ли...

— Ну, попалъ навѣрное,—сказалъ его высочество,—это вамъ сегодня же сообщать...

— Какъ же это?—спросилъ капитанъ.

— Да вы ужъ не беспокойтесь, какъ ваша фамилія? Какъ сына зовутъ?

Капитанъ заплакалъ. Великая княгиня достала платокъ, вытерла лицо ему и, сказавъ что-то по-французски великому князю, вынула термометръ.

— Вотъ и молодцомъ вы сегодня,—сказала она.

Великій князь вышелъ, а великая княгиня подозвала сестру, сказала ей подать чай и пошла къ другимъ койкамъ. Цѣлый день и видѣлъ ея высочество то здѣсь, то тамъ. То отдавались распоряженія, то дѣлались перевязки, то она утѣшала

и ласкала раненыхъ, то снова шла въ операционную; видѣлъ я ее съ лѣкарствами и тазомъ въ рукахъ, видѣлъ во время операций. Я видѣлъ великую княгиню днемъ и ночью, рано утромъ и во время обѣда и чая; я всегда и постоянно видѣлъ ее нѣжную, ласковую, успокаивающую, худенькую фигурку, которая появлялась въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ нужна помощь и утѣшеніе. Одно присутствіе ея высочества, съ ея манерой матери, любящей и нѣжной, вливало бодрость раненымъ и терпѣніе переносить страданія боли. Эта сестра утѣшенія была предметомъ нашего благоговѣнія и безконечной любви къ ней.

Вечеромъ капитанъ получилъ телеграмму, которую принесъ ему великій князь Александръ Михайловичъ.

— Сынъ вашъ принятъ въ кадетскій корпусъ,—прочиталъ его высочество, и капитанъ залепеталъ слова благодарности.

— Молчите, молчите,—строго сказалъ великій князь,—вамъ нуженъ покой, не плачьте; сестра сердится, что вы плачете...

Дней черезъ десять меня перевели.

Уѣзжая, я подошелъ къ великой княгинѣ, поблагодарилъ за все. Она протянула мнѣ руку, взяла за голову и, погладивъ по лицу, сказала:

— Ну, будьте умницей, будьте здоровы!

Слезы стояли на моихъ глазахъ.

— Ваше императорское высочество,—обратился я,—удостойте написать мнѣ на память что-нибудь.

Великая княгиня взяла листокъ бумаги и карандашомъ написала: „*На добрую память подполковнику N-ю полка NN, Великая княгиня Ольга Александровна*“.

Я храню, буду хранить и заповѣдаю хранить своимъ дѣтямъ эту надпись, какъ драгоценнѣйшее воспоминаніе о лазаретѣ и нашемъ „ангелѣ-утѣшителѣ“, какъ называютъ раненые Государеву сестру, сестру милосердія“.

10 сентября. Мнѣ рассказывали, что во время сраженія при Равѣ Русской произошло такое событіе.

Двѣ австрійскихъ дивизіи съ особой энергіей наступали на фронтъ русскихъ войскъ. Одинъ изъ высшихъ русскихъ начальниковъ приказалъ нѣсколькимъ полковымъ оркестрамъ музыки приблизиться къ боевымъ линіямъ; когда они подошли, то австрійцы уже были недалеко отъ русскихъ войскъ.

Русскимъ войскамъ отдано было приказаніе прекратить огонь, а полковымъ оркестрамъ приказано играть: „Гей, Славяне“.

Когда наступавшіе австрійцы, среди которыхъ было много славянъ, услышали любимый напѣвъ, они остановились, затѣмъ прекратили огонь. Изъ австрійскихъ рядовъ стали выходить сначала кучки, а затѣмъ и цѣлыя толпы славянъ. Они бросали ружья и приходили безоружными друзьями въ братскіе ряды тоже славянскихъ, русскихъ, войскъ. И очень мало осталось въ австрійскихъ рядахъ неславянъ, которые крайне поспѣшно отступили.

Въ Петроградѣ находятся много общинъ сестеръ милосердія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принимаютъ сестеръ по особой протекціи и при обученіи выгоняютъ нещадно за ничтожныя провинности, а въ результатѣ получается кончающихъ очень малое количество, тогда какъ теперь спросъ на сестеръ громадный и впослѣдствіи будетъ еще больше. Ночью одна сестра дежуритъ при ста больныхъ. Раненые чувствуютъ своимъ сердцемъ, кто болѣетъ больше о нихъ, не особенно любятъ прежнихъ старыхъ сестеръ, и очень просятъ ухода сестеръ, только-что кончившихъ курсъ.

Тяжело-раненные желаютъ, чтобы эти недавнія сестры производили имъ вспрыскиваніе, а умирающіе просятъ этихъ сестеръ сняться у ихъ изголовья и послать эту карточку туда, на родину къ женѣ, матери и дѣтямъ. Ни одной услуги такой сестры шопотъ умирающаго раненаго не оставлялъ безъ признательныхъ словъ: „спасибо, сестрица“.

Автору настоящихъ замѣтокъ приходилось при тяжелой болѣзни близкаго существа пользоваться уходомъ старыхъ сестеръ, бывшихъ очень злыми.

Особенно не любятъ раненые услугъ патронессъ,—разсказываютъ, что у одного раненаго въ обѣ руки патронессы обтерли лицо одеколономъ въ одинъ день 60 разъ и онъ на слѣдующій день взмолился старшему врачу о переводѣ его въ другой лазаретъ, безъ патронессъ.

Вчера получена телеграмма о бомбардированіи германцами Реймскаго собора, прикрытаго флагомъ Краснаго Креста, такъ какъ въ соборѣ находились раненые. Нѣмцы обстрѣляли соборъ пятьюстами бомбами; извѣстныя всему міру башни разрушены и соборъ былъ объятъ пламенемъ. Отъ огня въ соборѣ погибли: вся замѣчательная рѣзная работа по дереву, хоры, превос-

ходныя окна, картины изъ цвѣтныхъ стеколъ, знаменитая статуя Иисуса Христа благословляющаго базилику, и многія замѣчательныя картины уничтожены.

Съ Галиційскаго фронта получаютъ корреспонденціи о героѣ настоящей великой войны, генералѣ Радко-Димитріевѣ.

Онъ тамъ творить чудеса. Офицеры и солдаты его боготворятъ. Онъ всегда при войскахъ, всѣ его видятъ и при походѣ и во время самаго горячаго боя въ боевыхъ линіяхъ. Распоряженія его изумительно прекрасны.

По словамъ очевидцевъ, только онъ одинъ могъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ, съ которыми ему приходилось сражаться.

Разсказывали про плѣнныхъ, сосланныхъ въ Вологду. Тамъ очень много богатыхъ, прекрасно одѣтыхъ, вначалѣ ссылки державшихъ себя крайне нахально.

Одинъ изъ этихъ нѣмцевъ толкнулъ очень сильно крестьянина, закатившаго нѣмцу изрядную оплеуху. Послѣ этого случая нѣмцы были усмирены, и теперь они ходятъ только по срединѣ улицы и укротили свои аппетиты и вожделѣнія.

12—20 сентября.

Оттѣснивъ войска генерала Ренненкампа изъ восточной Пруссіи, германцы, подъ начальствомъ генерала Гинденбурга, рѣшили использовать для наступленія въ Россію прекрасно оборудованную свою сѣть дорогъ, чтобы отрѣзать войска Варшавскаго раіона отъ сообщенія съ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ. Они предположили, взявъ Осовецъ, идти на Бѣлостокъ, а также прогнать русскихъ за Нѣманъ.

12 августа началось энергичное наступленіе германцевъ на Осовецъ, къ Сопоткину и Друскеникамъ.

Въ теченіе трехъ дней (12, 13, 14) они яростно пытались форсировать переправу черезъ Нѣманъ у Друскеникъ, Трена и Средниковъ при усиленной подготовкѣ огнемъ полевой и тяжелой артиллеріи.

Переправу нѣмцы совершали по наводимымъ понтоннымъ мостамъ и на плотамъ; но были повсюду отражены сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи, пулеметовъ и пѣхоты. Тѣла убитыхъ нѣмцевъ плыли по Нѣману въ Германію, а воды этой рѣки были такъ насыщены германской кровью, что сохраняли розовую окраску въ теченіе трехъ дней.

Подъ Осовцемъ непріятель началъ обстрѣль крѣпости съ 14 верстъ, затѣмъ придвинулся на 7 верстъ, для того, чтобы начать наступленіе по единственному желѣзнодорожному пути, т. к. по сторонамъ были болота. Въ теченіе трехъ дней продолжался съ обѣихъ сторонъ артиллерійскій бой.

По тщательно развѣданнымъ тропинкамъ была направлена въ обходъ нѣмцевъ колонна нашихъ войскъ, которая рѣшила участь боя. Нѣмцы поспѣшно отступили.

Во время бомбардировки Осовца особенно отличился ш.-кап. Мартыновъ. Онъ былъ при развѣдкѣ раненъ и пуля еще не была извлечена. Въ то время, когда всѣ сидѣли подъ закрытіемъ, онъ забрался на вышку, уцѣлѣвшую чудомъ, т. к. всѣ деревья около были разщеплены. Въ теченіе трехъ сутокъ этотъ офицеръ сидѣлъ на вышкѣ, сообщая по телефону куда надо направлять стрѣльбу. Лишь только прекратилась стрѣльба, Мартыновъ заснулъ и былъ снятъ съ вышки цѣлымъ и невредимымъ въ состояніи глубокаго сна.

Къ вечеру 14 сентября наши войска перешли повсюду въ наступленіе, и начались жестокіе бои за Августовскіе лѣса, отличавшіеся особымъ упорствомъ въ районѣ Симна и Рачекъ.

Къ 20 августа нѣмцы съ громадными потерями были выгнаны изъ предѣловъ Сувалкской и Ломжинской губерній.

Упомянутое выше селеніе Рачки находилось между озерами и мѣстность была сильно укрѣплена и занята значительными силами нѣмцевъ. Нашу артиллерію невозможно было подвести по болотистой мѣстности и дѣйствовать приходилось пѣхотѣ. Германцы частью переходили въ энергичныя контръ-атаки.

Бой рѣшили наши казаки. Обойдя озеро съ лѣвой стороны, двѣ сотни Донцовъ начали ночью переправу черезъ озеро, и нѣмецкіе патрули замѣтили казаковъ только тогда, когда они были на другомъ берегу.

„Среди нѣмцевъ, сообщаетъ ¹⁾ участникъ боя, началась паника и смятеніе, когда они увидали нашихъ казаковъ у себя въ тылу. Они были такъ перепуганы и растеряны неожиданной атакой сзади, что не помышляли даже о сопротивленіи, думая лишь о спасеніи собственной жизни.

Видъ мокрыхъ казаковъ на покрытыхъ тиной и водорослями лошадахъ былъ такъ ужасенъ, что часть нѣмцевъ кинулась впередъ, къ нашимъ окопамъ. Наши встрѣтили ихъ щетиной штыковъ, и завязался послѣдній рѣшающій бой въ ночной тем-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 30 окт. с. г.

ночь. Нѣмцы, подпираемые казаками съ тыла, стали сдаваться сотнями.

Въ это время другой казачій отрядъ работалъ уже далеко въ тылу у бѣгущихъ нѣмцевъ, преслѣдуя ихъ, отбирая у нихъ орудія, не снятыя съ передковъ, и обозы.

Нѣмцы обратились въ паническое бѣгство по направленію къ дому, и наши вели непрерывное ихъ преслѣдованіе въ теченіе 18 часовъ, прогнавъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома пруссаковъ на 40 верстъ“.

20 августа Государь Императоръ отбылъ въ Дѣйствующую Армію, 22-го прибылъ къ арміи, 25-го посѣтилъ крѣпость Осовець, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки, а 26 сентября воротился въ Царское Село.

Во время Высочайшаго пребыванія въ районѣ военныхъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ принимать доклады какъ въ Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго, такъ и отъ Главнокомандующихъ арміями генераль-адъютанта Рузскаго и генераль-адъютанта Иванова и посѣтилъ, кромѣ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, города: Ровно, Брестъ Бѣлостокъ, крѣпость Осовець и Вильну.

Въ городахъ Ровно и Вильнѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и „Краснаго Креста“.

Германскія войска продолжали отступать на восточномъ фронтѣ, задерживаясь на позиціяхъ у Бакаларжева, Вержболова и Филиппова, а на лѣвомъ берегу Вислы въ царствѣ Польскомъ обнаруживается наступленіе непріятели по направленію къ Ивангороду и Варшавѣ.

Передъ побѣдоносно окончившимся для насъ Августовскимъ сраженіемъ поручикъ Р., съ цѣлымъ полуэскадрономъ, въ 11 часовъ вечера, 18 сентября видѣлъ на небѣ Божию Матерь съ Иисусомъ Христомъ на рукахъ, другая рука Богоматери указывала на западъ. Всѣ нижніе чины смотрѣли на видѣніе на колѣняхъ. Видѣніе измѣнилось въ большой крестъ, а затѣмъ исчезло ¹⁾).

27 сентября. Удивительно звѣриная, нѣмецкая нація. Она покрыла себя такимъ позоромъ въ эту войну, что этого позора имъ никогда не отмыть отъ пакостныхъ страницъ ихъ дѣяній. Отчаянный грабежъ всякаго чужого имущества, начиная отъ

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 25 сент.

самыхъ высокихъ лицъ германской арміи до самаго послѣдняго солдата, варварское уничтоженіе памятниковъ науки и искусствъ, безцѣльное разбитіе въ мелкіе клочки имущества мирныхъ гражданъ, поворное его оскверненіе и запakoщиваніе— это— неизмѣнные поступки германскихъ войскъ на всѣхъ непріятельскихъ земляхъ, гдѣ они ставятъ свою подлую, германскую ногу.

Мужчинъ, женщинъ и дѣтей безпощадно разстрѣливаютъ; бывали случаи, когда заставляла пить кровь убитыхъ. Насилія надъ женщинами производятся ужасныя, какъ германцами, такъ и венграми. Приведемъ два ¹⁾ описанія изъ позорныхъ дѣяній. Первое изображаетъ такую картину:

„Передъ р. Саномъ послѣдніе на нашей землѣ непріятельскіе окопы были полны трупами австріяковъ и пруссаковъ. Къ этому привыкли, и не почернѣвшія лица нѣмцевъ поразили тѣхъ, кто первыми приблизился къ мертвымъ окопамъ. Разбирая трупы, слышали слабый стонъ; приподняли блиндажъ— и нашли женщинъ. Сперва одну, затѣмъ другую, третью...

Ихъ затащили въ окопы нѣмцы изъ польскихъ деревень, держали подъ обстрѣломъ, а ночью измывались надъ беззащитными, предаваясь разврату и гнусностямъ. Женщинъ нашли полуживыми, истерзанными, истекавшими кровью, голодными— задохавшимися въ трупномъ зловоніи. Почти всѣ онѣ вскорѣ умерли, но двѣ пока выжили“...

Другое,—въ разказахъ холмскаго священника,—повѣствуетъ слѣдующее:

„Въ эту ночь начались насилія. У одного крестьянина была шестнадцатилѣтняя дочь. Почти весь взводъ совершилъ надъ ней насиліе. Отецъ бросился на-земь, цѣловалъ имъ сапоги и просилъ: „Убейте меня, не трогайте только ее“. Но ничего это не помогло. Мадьяры крестьянина убили, а надъ дѣвушкой совершили гнусное насиліе до полного обморока. Бѣдную дѣвушку въ обморочномъ состояніи держали двое за руки, двое за ноги на воздухѣ и насилывали. Когда другія женщины увидѣли эти издѣвательства, на нихъ напалъ паническій страхъ“.

Съ нашими ранеными германцы обращаются самымъ варварскимъ образомъ:

Вотъ что пишутъ съ театра войны ²⁾.

¹⁾ „Новое Вр.“ 18 и 27 сент. с. г.

²⁾ „Новое Вр.“ 6 сен.

Отбитые у нѣмцевъ наши раненые являютъ собою яркіе примѣры жестокости и варварства „просвѣщенныхъ соотечественниковъ Шиллера“.

„Казакъ Семень Анохинъ получилъ въ одномъ изъ сраженій нѣсколько тяжкихъ ранъ. Наши должны были отступить передъ подавляющими силами германцевъ и не успѣли подобрать раненыхъ. Анохинъ былъ забранъ нѣмцами, которые отнесли его въ сарай и начали надъ ними издѣваться. Обезумѣвшіе нѣмцы вымещали на несчастномъ раненомъ казакѣ свою злобу: били его прикладами и каблуками по головѣ, груди, лицу. Послѣ этихъ побоевъ Анохинъ потерялъ сознание.

Въ довершеніе всего нѣмцы вырвали изъ его бороды всѣ волосы и буквально содрали съ его лица всю кожу.

У поручика Смирнова, попавшаго въ плѣнъ къ нѣмцамъ, они отрѣзали носъ. Когда Смирновъ лежалъ тяжело раненый на полянѣ, мимо него проходила нѣмецкая рота. Каждый нѣмецъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ Смирнову и ударить его или ногой или винтовкой. Нѣкоторые въ какомъ-то остервенѣніи или оцѣпенѣніи хватали поручика за носъ и трясли, скаля зубы и съ злобною радостью шипѣли „O russische Officier“. Одинъ изъ солдатъ не удовольствовался этимъ и, выхвативъ тесакъ, отрубилъ поручику носъ...

У рядового Хатепсиса, послѣ его кратковременнаго плѣненія нѣмцами, оказался вырѣзаннымъ языкъ. Какимъ образомъ это произошло, Хатепсисъ не могъ рассказать“.

Другого раненаго германцы стали спрашивать про наши войска и когда онъ отказался давать свѣдѣнія, то начали его пытать. Вотъ какія показанія онъ давалъ:

— Послѣдній разъ говоримъ, — будешь отвѣчать, о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ стали они меня колоть ножикомъ. Всадить ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучить, чтобы больнѣй было. Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди подъ ногти загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучали, помучали они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ, — бросили... Опять остался одинъ ¹⁾.

Третій разсказъ раненаго солдата таковъ:

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 20 сентября.

Солдатъ разсказалъ, что 13-го сентября онъ былъ раненъ и въ безсознательномъ состояніи остался на полѣ сраженія. Когда онъ очнулся, то кругомъ было тихо. Хотѣлъ приподняться и тотчасъ же замѣтилъ проходившаго вблизи нѣмецкаго офицера. Увидя его, офицеръ подошелъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ сказалъ:

— Ты, русская собака, еще не сдохла за сутки?

Выхвативъ револьверъ, онъ два раза выстрѣлилъ, ранивъ вождата въ правое плечо и въ бокъ. Видя, однако, что русскій еще живъ, офицеръ со словами:

— Русскихъ собакъ вѣшать нужно! — схватилъ лежащую по близости винтовку, прикладомъ ударилъ раненаго по головѣ. Послѣ того нашъ солдатъ впалъ въ безсознательное состояніе, пока его не подобрала наша санитары.

Положеніе раненаго тяжелое ¹⁾.

Въ деревнѣ Саенки близъ Августова нашли обгорѣвшій остовъ казака-урядника, котораго облили керосиномъ и живого сожгли. У взятыхъ въ плѣнъ и раненыхъ вырѣзываютъ лампы вмѣстѣ съ мясомъ.

Дальше этого идти трудно.

Отношеніе германцевъ къ нашимъ курортникамъ, задержаннымъ въ Германіи и платившимъ за свое лѣченіе большія деньги, было самое жестокое: нѣкоторыхъ изъ нихъ били, разлучали членовъ семей, сажали въ камеры для каторжныхъ, сажали въ тѣсныя помѣщенія и мужчинъ и женщинъ, и нигде не выпускали долгое время, сажали въ звѣринцы и въ не топлённые помѣщенія, всячески издѣвались надъ ними и держали впроголодь.

Тѣхъ же изъ русскихъ, которыхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ принимали за шпионовъ, нещадно разстрѣливали, безъ всякаго обслѣдованія ихъ вины.

Якобы добродушное нѣмецкое населеніе встрѣчало такимъ образомъ плѣненныхъ вмѣстѣ съ госпиталемъ нашихъ сестеръ милосердія.

Во время путешествія по желѣзной дорогѣ имъ не давали пить и держали въ запертомъ вагонѣ.

Въ Виленбургѣ мѣстные жители приносили пищу, издѣвательски показывали ее русскимъ раненымъ, поднося ко рту, а затѣмъ вырывали и давали нѣмецкимъ раненымъ.

На станціи Ортельсбургъ собралась масса нѣмцевъ посмо-

¹⁾ „Вечернее Время“, 28-го сентября.

трѣть на русскихъ раненыхъ. Женщины страшно злобствовали. Увидѣвши русскихъ, нѣмки съ кулаками и ругательствами бросились на русскихъ, которые едва-едва скрылись въ вагонѣ¹⁾.

Во Франкфуртѣ на Одерѣ громадная толпа слѣдовала сзади плѣнныхъ съ угрозами и насмѣшками.

Вотъ каковы культурные нѣмцы.

29 сентября. Въ Витебскѣ скончался Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ отъ раны, полученной въ сраженіи во время кавалерійской атаки.

Мнѣ передавали рассказъ одного раненаго въ Августовскихъ бояхъ офицера. Онъ рассказывалъ, что духъ нашихъ войскъ выше всякой похвалы. Наступательный порывъ настолько великъ, что его невозможно удержать. Любовь солдата къ офицеру дивная. Солдатъ видитъ офицера всегда впереди, ощущаетъ на себѣ его неизмѣнную попечительность, а потому всѣми своими силами бережетъ жизнь и здоровье офицера, постоянно заботится о его довольствіи и удобномъ помѣщеніи.

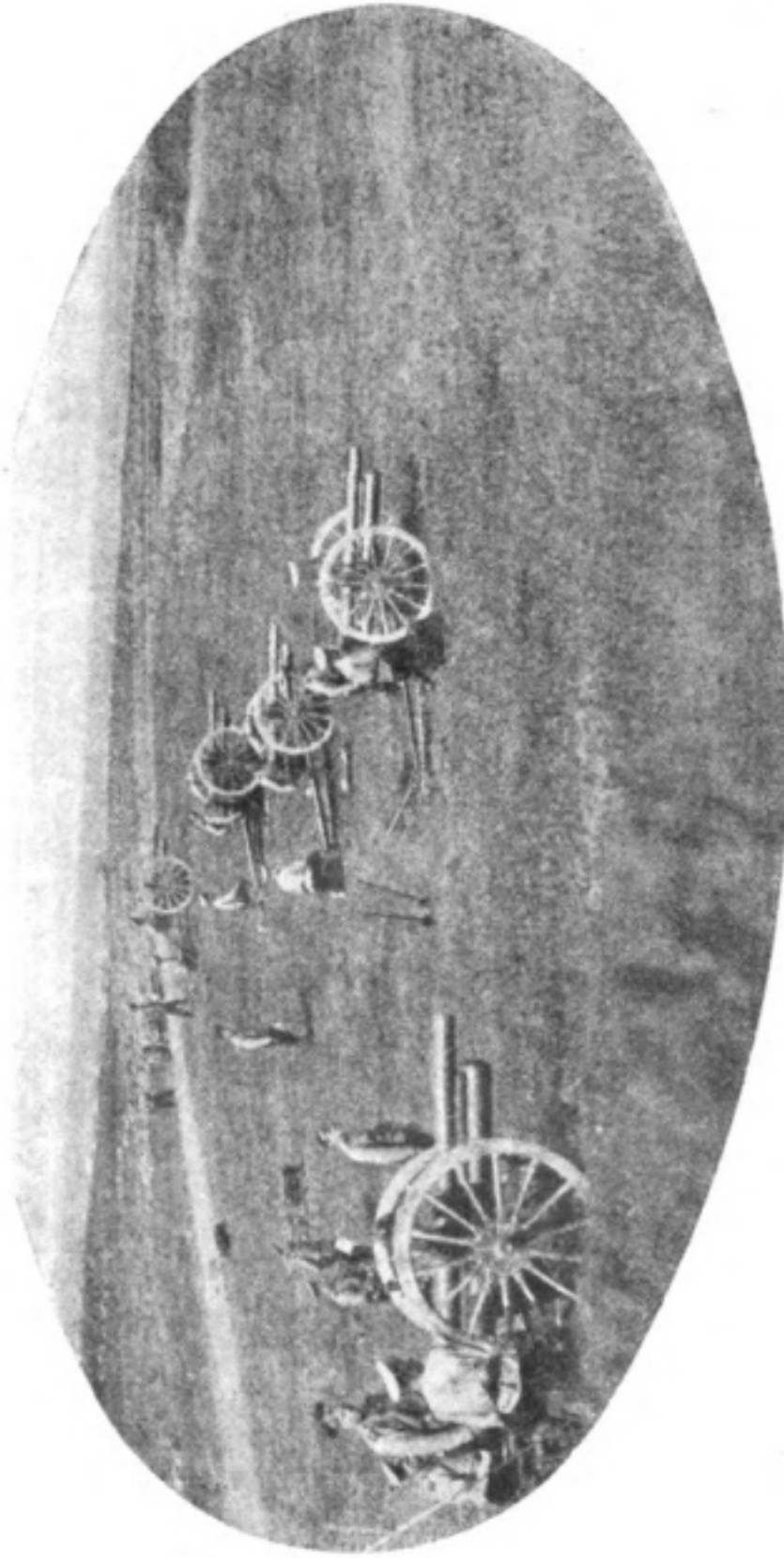
Нашъ солдатъ замѣчательно выросъ умственно послѣ японской войны, все онъ понимаетъ и войну ведетъ вполне сознательно и разумно. Онъ очень ревнивъ къ сбору патроновъ и постоянно отбираетъ патроны отъ раненыхъ и убитыхъ. Питаніе патронами идетъ прекрасно: патронные двуколки очень хороши.

Сами нижніе чины прекрасно приспособляются и недурно устраиваются, часто удивляютъ смѣтливостью: какъ-то нашли брошенные жителями брезенты—немедленно изъ нихъ солдаты накроили себѣ непромокаемыхъ плащей.

Находчивость нижнихъ чиновъ и казаковъ бываетъ изумительная. При расположеніи на совершенно открытой мѣстности надо было замаскировать отъ наблюдательныхъ пунктовъ неприятеля и аэроплановъ батарею. Солдатики поѣхали за крупными вѣтвями въ дальнюю рощу, привезли этихъ вѣтвей въ такомъ изобиліи, что устроили готовую рощу, въ которой укрыли орудія, а передки были скрыты въ складкахъ мѣстности. Интересно было знать, что думалъ нѣмецкій летчикъ о высокихъ кустахъ, не нанесенныхъ на его планъ.

Казачья, спѣшиваясь, очень часто укрываютъ своихъ лошадей въ ближайшемъ стадѣ.

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“, 16-го сентября.

Въ бою: батарея на позиціи.

Въ бою: наблюдательный пунктъ для стрельбы артиллеріи.

Дружба всѣхъ родовъ оружія замѣчательна. Особенно между пѣхотой и артиллеріей. Пѣхота очень часто громко привѣтствуетъ артиллерію за ея несравненную стрѣльбу.

Организація службы связи между штабами, частями полковъ, пѣхотой и артиллеріей налажена въ настоящей войнѣ очень высоко. Такой службы связи въ русскихъ войскахъ еще никогда не бывало.

Особенно искусно организуется передача донесеній и приказаній между расположенными на позиціи батареями, стрѣлковыми цѣпами и наблюдательными за артиллерійской стрѣльбой пунктами. Мотки полевого телефона, носимые въ ранцахъ, быстро устанавливаютъ службу связи.

Пополненіе убыли въ бояхъ совершается необычайно быстро, но преимущественно земляками, что имѣетъ громадное вліяніе на духъ воинскихъ частей.

Прекрасно организовано взаимодѣйствіе госпиталей и санитарныхъ поѣздовъ дворянскихъ и земскихъ организацій съ такими же военными учрежденіями.

Наши солдаты очень любятъ Верховнаго Главнокомандующаго, обходящаго линіи окоповъ и умѣющаго говорить съ солдатами.

Нѣмцы ведутъ войну безпощадно для мирныхъ жителей Россіи. Во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не существуетъ селеній и жители живутъ въ землянкахъ, часто расположенныхъ между воюющими сторонами.

Пришлось проходить замокъ польскаго магната, въ которомъ только квартировалъ штабъ германской пѣхотной дивизіи.

Замокъ былъ разграбленъ, разбитъ и запакощенъ. Оставлены постели, застланныя чуднымъ бѣльемъ, и середина постели загажена экскрементами. То же сдѣлано со шкафомъ съ бѣльемъ въ тѣхъ мѣстахъ шкафовъ, гдѣ были выдвинуты полки и оставлено бѣлье.

Мужскіе портреты чудной фамильной галлерей были разрѣзаны, у нихъ выколоты глаза, а у портретовъ женщинъ намазаны горчицей усы.

Въ числѣ взятыхъ плѣнныхъ былъ прусскій гвардейскій офицеръ, крайне нахальнаго вида. Онъ сталъ отдѣльно отъ другихъ плѣнныхъ и хотѣлъ закурить папиросу, но у него нѣ

было огня. Нашъ молодой офицеръ подалъ свое огниво. Офицеръ инстинктивно сначала закурилъ папиросу, а затѣмъ съ презрѣніемъ бросилъ и огниво и папиросу на землю.

Въ августовскихъ лѣсахъ висѣлъ трупъ казака. Онъ былъ повѣшенъ за правый палецъ, а лѣвая рука была привязана къ спинѣ. Всѣ суставы были страшно вытянуты, а лицо его было ужасно.

В. П.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2-го октября по 20-е ноября 1914 г.

А в ч и н н и к о в ъ, А. Г. Пятидесятилѣтіе земства 1864—1914. Иллюстрированный очеркъ для земскихъ школъ. Екатеринбургъ. 1914. 2-е испр. и доп. Тип. М. Копылова. 8° (14 × 21). 32 стр. съ 2 рис. Ц. 20 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

З е л е н и н ъ, Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ первый. ПГ. 1914. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общества. Тип. А. В. Орлова (В. О., Средній пр., 6/13). 8° (17 × 24). X + 483 стр. Вѣсь 1 ф. 29 л. 550 экз.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ редакціей профессоровъ М. Ковалевскаго и К. Тимирязева. Выпускъ пятнадцатый. Спб. 1914. Изд. Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4° (20 × 27). 65—144 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсь 20 л. 3.200 экз.

К а р п о в ъ, С. М. Евгений Болховитиновъ, какъ митрополитъ Кіевскій. (Оттискъ журн. „Труды Императорской Кіевской духов. Академіи“). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). VI + 273 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 28 л. 200 экз.

Лѣтописи Императорской Александровской Кіевской гимназій. Томъ III. 1913—1914 г. Кіевъ. 1914. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4, соб. д.). 8° (20 × 28) VII + 312 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 7 л. 200 экз.

Н е й м а н ъ Б. В. Жизнь и поэзія Лермонтова. Къ столѣтію со дня рожденія. Для семьи и школы. Кіевъ. 1914. Изд. книгоизд. И. И. Самоненко. Тип. А. Я. Неймана (Фундуклеевская, 4). 8° (14 × 22). 32 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

О в с я н и к о - К у л и к о в с к і й, Д. Н. Собрание сочиненій. Томъ IX. Исторія русской интеллигенціи. Часть III. Спб. 1914. И. Л. Овсянко-Куликовской. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 24). 212 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 22 л. 7.000 экз.

О с т р о г о р с к і й, Викторъ. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Для чтенія юношества. М. 1915. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 17-е (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 22). VII + 175 стр. съ портр. Ц. 50 к. Вѣсь 18 л. 10.000 экз.

Отчетъ Императорскаго Московскаго и Румянцевскаго музея за 1913 годъ, представленный директоромъ музея г. Министру народнаго Просвѣщенія. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16 × 24). 94 + 221 + XV + 81 + 24 стр. + 11 табл. и рис. Вѣсь 1 ф. 25 л. 850 экз.

Отчетъ о дѣятельности Нижегородской Учебной Архивной комиссіи за двадцать шестой годъ ея существованія съ 22-го октября 1912 года по 22-е октября 1913 года. Личный составъ комиссіи. Нижній-Новго-

родъ. 1914. Тип. Нижегород. Печатное Дѣло. 8° (17 × 26). 30 стр. Складъ: Ниж. Учен. Арх. Комиссія Н. Новг., зданіе Городской Думы. Вѣсь 5 л. 500 экз.

Отчетъ Церковнаго Историко-археологическаго общества Казанской епархіи за 1912--13 годъ. (Отд. от. изъ журн. „Правосл. Собесѣдн.“ за 1914 г.). Казань. 1914. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 5 стр. Вѣсь 1 л. 400 экз.

Падалка, Л. В. Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Исслѣдованія и матеріалы. Полтава. 1914. Изд. Полтавск. Учен. Архивной Комиссіи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла (Александровская). 8° (17 × 25). X+237+1 нев. стр. съ картой. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 1 ф. 3 л. 600 экз.

Покотилова, О. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ 1814—1841. Жизнь. Личность. Творчество. Со вступительной статьей проф. В. В. Синовскаго. Для старшихъ классовъ средн. учебн. заведеній ПГ. 1914. Изд. Н. П. Карбасникова. Тип. Кюгельгенъ, А. Гличъ и К° (Екатерингоф. 87). 8° (16 × 22). 167 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 17 л. 5.000 экз.

Русская Литература XX вѣка. 1890—1910. Подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Книга II. М. 1914. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (19 × 28). 129—256 стр.+7 лист. портр. Вѣсь 30 л. 3.000 экз.

Саводникъ, В. Краткій курсъ исторіи русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М. 1915. Изд. 2-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (17 × 24). IV + 484 стр. Съ рис. + 3 листа рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 23 л. 6.000 экз.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Томъ XX. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8° (17 × 24). XXIV + 17—188 + IV + 52 + 40 + 36 стр. + 1 листъ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 8 л. 425 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Гончаровъ. Редакція Н. Д. Носкова при сотрудничествѣ С. И. Поварнина и Н. А. Саввина. Вып. 9-й и 10-й Спб. 1914. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17 × 26). 367 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 9 л. 3.000 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Побѣжденный демонъ. Памяти М. Ю. Лермонтова. Къ столѣтію со дня рожденія поэта. 1814 г. 3-го октября 1914 г. Оттискъ изъ журн. „Труды Императорскаго Кіевск. духов. Академіи“. Кіевъ. 1914. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крециатикъ, 40). 8° (17 × 25) 63 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 7 л. 500 экз.

Фуксъ, К. Исторія города Казани. Изъ русскихъ и татарскихъ лѣтописей. Казань. 1914. Изд. 5-е Тип. Умидъ. 8° (16 × 23). VII + 23 стр. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Харламовичъ, К. Библиографическая замѣтка. Александро-Невская Лавра 1713—1913 г. (Отд. от. изъ журн. „Правосл. Собесѣдн.“ за 1914 г.). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24) 8 стр. Вѣсь 1 л. 25 экз.

Хогартъ, Г. Давидъ. Шесть лекцій, прочитанныхъ въ Лондонскомъ университетѣ. Юнія и Востокъ. Переводъ съ англійскаго П. В. Латышева. Подъ ред. и предисловіемъ Б. В. Фармаковскаго. Извѣстія Имп. Археологической комиссіи. ПГ. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20 × 28). 112 стр. Вѣсь 27 л. 975 экз.

Федоровскій, П. А. М. Ю. Лермонтовъ. (Изд. области забытыхъ

литературныхъ вопросовъ). Кіевъ. 1914. Изд. Кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 46 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Антикварная книжная торговля П. Шибанова, Комиссіонера Императорской Публичной Библіотеки и Имп. Общ. Люб. Древн. Письменности (Москва, Никольская). Новыя приобрѣтенія. № 167. (Каталогъ). М. 1914. Изд. П. Шибанова. Тип. Т-ва Рябушинскихъ. 16° (13×18). 50 стр. Вѣсъ 4 л. 1200 экз.

Бергманъ, Ф. Г., проф. Скины, предки германскихъ и славянскихъ народовъ. Ихъ социальное положеніе, нравы, интеллектуальная жизнь и религія. Этнографическій и историческій очеркъ. Перевелъ В. А. Канскій. Ростовъ н/Д. 1914. Изд. о-ва исторіи, древностей и природы. Тип. Ф. А. Закройцева 4° (21×29) 10 стр. Вѣсъ 3 л. 30 экз.

Вилліамъ, Г. и П. Яценко. Словарь иностранныхъ словъ вошедшихъ въ русскій языкъ, содержащій болѣе 30.000 словъ, изъ которыхъ многія лишь въ самое послѣднее время проникли въ русскую рѣчь вмѣстѣ съ нововведеніями научными и общественными. Пг. 1915. Тип. М. В. Гутмана (Свѣчной пер., 23). 8° (16×24). 495 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 10.000 экз.

Военная Энциклопедія. Подъ редакціей К. П. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ Шульца. Вып. XXXIII. (Нитроглицеринъ - Орловы: А. Ф., гр. и кн.). Пг. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (М. Пятницкая, с. д.), 8° (19×28). 160 стр. Съ рис., чертеж., план., и портр.+21 листъ рис., чертеж., план. и портр. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 4.000 экз.

Военная Энциклопедія. Подъ ред. К. П. Величко, В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ Шульца XXXIV, Орловы: А. Ф., гр. и кн., В. П.—Патронъ, Пг. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19×28). 161—320 стр. Съ рис., портр., чертеж. и план.+26 лист. рис., портр., план., картъ и чертеж. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 4.000 экз.

Волны вѣчности въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Религіозно-Философскаго о-ва. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Караваевская 5). 8° (18×25). VIII+519 стр. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 2.050 экз.

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. 1914. Изд. т-ва В. В. Думновъ, насл. бр. Салаевыхъ. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. 8° (16×24). 384 стр. Ц. 2 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 3.100 экз.

Гернестъ, Морицъ, проф. Первобытная культура. Часть III. Желѣзный вѣкъ (Галльштаттскій и Латенскій періоды въ Европѣ. Первое появленіе желѣза въ другихъ частяхъ свѣта. Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Ѳ. К. Волкова. Авторизованный пер. съ послѣдняго нѣм. изданія Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Göschen“). Рига 1914. Изд. Наука и Жизнь. Тип. А. Фрей и К° (Александровская, 13). 16° (11×18). 3 нен.+148 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Голубцова. М. А. Письма гр. В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ дуэли. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (24×32). 11 стр. Вѣсъ 6 л. 50 экз.

Гольмстенъ, В. В. Лунницы Императорскаго Россійскаго Исто-

рическаго Музея Имени Императора Александра III. М. 1914. Тип. Синодальная, 4° (24×32). 20 стр.+1 табл. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Гоццусъ, П. Къ воспоминанію о просвѣтителѣ Галицкой Руси о протоіереѣ Іоаннѣ Наумовичѣ. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (15-23). 10 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Городцовъ, В. А. Смоленскій Древній Свѣтець (Даръ Е. Н. Клетновой). М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (24×32). 15 стр. Вѣсъ 6 л. 50 экз.

Иванцовъ, С. А. Къ вопросу объ объединеніи г.г. членовъ Московскаго Литературно-художественнаго кружка. М. 1914. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (16×24). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Кашинъ, Н. П. Библиографическія замѣтки. 1-2. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (24×32). 5 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Мінерва. Сборникъ, издаваемый при Историко-филологической семинаріи Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° 16×23). VI+159 стр. Вып. 3-й. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 210 экз.

Обозрѣніе преподаванія на осеннее полугодіе 1914 года Историко-филологическаго факультета Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Кіевѣ. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 16° (11×17). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1913 годъ. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (24×32), 124+1 нен. стр. съ рис.+1 листъ рис.+1 портр.+ X табл. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 600 экз.

Петровскій, М. А. Инкунабулы библиотеки Императорскаго Россійскаго Историческаго музея Имени Императора Александра III. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (24×32). 5 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Пѣтуховъ, Е., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Рига. 1914. Изд. кн-ва Ф. И. Трескиной. Тип. Э. Вюльфрингъ (Бл. Соборная, 6). 8° (15×22). 39+1 нен. стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Учебная книга русской исторіи. М. 1915. Изд. Т-ва „Н. И. Думновъ, наследн. бр. Салаевыхъ“, 14-е. Тип. С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковск. п., д. 9). 8° (15×22). 378+II стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Старина и повизна. Историческій сборникъ издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 17-я. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 428+2 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 1.200 экз.

Юбилейный сборникъ статей Студенческаго Историко-Этнографическаго Кружка при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимірская, 43). 8° (17×25). 336 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 400 экз.

Ангвикарная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ 561. Спб. 1914. Тип. Аригольда (Литейный, 59). 8° (17×25). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Антоній, епископъ Горійскій. Религіозно-этнографическій очеркъ Пшаво—Тулшно—Хевсуретин. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцеляріи Намѣст. Е. И. В. на Кавказѣ. 8° (18×26). 35 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Бобдѣйскій Св. Равноапостольной Нины женскій монастырь. Къ 25-лѣтнему юбилею монастыря). Тифлисъ. 1914. Изд. монастыря Тип. Канцелярїи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ. 8° (16×24). 20 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Бороздинъ, А. К., проф. Собраніе сочиненій. Т. 2. А. С. Пушкинъ. ПГ. 1914. Изд. Прометей (Поварской пер., 10). Тип. Печатный Трудъ (Прачешный пер., 4). 8° (16×22). 127 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Брандтъ, А. А. Забѣтки по археологїи Крыма ПГ. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20×28). 9 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Бруснянинъ, В. В. Дѣти и писатели. Литературно-общественныя параллели. (Дѣти въ произведенїяхъ А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова). М. 1915. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×22). 272 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Бѣляевъ, Н. В. Дубъ—дѣвѣроу въ славно-русской письменности. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцелярїи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ. 8° (18×26). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Годуновъ. Памятка Двинца. Ревель. 1914. Тип. А. Миквиць. 8° (15×25). 4 нен. стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 1 л. 1.500 экз.

Граменицкїй, А. Старорусскїй уѣздъ. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (16×23). 28 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Докладъ № 1 Вятской губернской земской управы губернскому земскому собранію юбилейной экстренной сессїи: Краткїй очеркъ дѣятельности Вятскаго губернскаго земства за истекшїй періодъ его существованїя. Вятка. 1914. Тип. М. Шкляевой 8° (18×27). 50 стр. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Дьяконова, Александра. Тихоновскїй общежительный мужской монастырь (скитъ). Отд. от. изъ журн. „Кормчїй“ № 32 (августъ). М. 1914. Изд. 8-е И. Сурикова. Тип. Обществ. Польза (3-я Тверская Ямская, 34). 8° (15×26). 4 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Кочергинъ, П. Краткїй курсъ русскаго гражданскаго права. Выпускъ 1. Общая часть и вещное право. Кїевъ. 1915. Изд. Книжн. маг. К. К. Семинскаго. Тип. Л. П. Кринскаго (Б. Васильковская, 38). 8° (15×23). 95 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Краткїй очеркъ дѣятельности Старооскольскаго земства за 50 лѣтъ. (1864—1914 г.г.). Курскъ. 1914 Тип. Курскаго губ. земства. 8° (17×26). 38 стр. Вѣсъ 5 л. 326 экз.

Марковъ, А. В. Отношенїя между русскими и Мордвою въ исторїи и въ области народной поэзїи, въ связи съ вопросомъ о происхожденїи великорусскаго племени. Съ приложенїемъ свидѣтельства персидскаго географа X в. пѣсенъ о племенахъ Буртасъ и Бердасъ и обрусѣвшей Мордвы Нижегородск. уѣзда. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцелярїи Намѣстника Е. И. В. на К-зѣ. 8° (18×25). 62 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 600 экз.

Симоновъ, И. С. Педагогическїй сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ 1864—1914. Краткїй историческїй очеркъ. ПГ. 1914. Изд. Главн. Упр. военно-учеб. завед. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×24). 85 стр. Съ портр. Вѣсъ 13 л. 250 экз.

Шинкина, О. Князь Скопинъ-Шуйскїй или Россїя въ началѣ XVII столѣтїя. Въ четырехъ частяхъ ПГ. 1914. Тип. Государственная.

8° (18 × 24). 120 + 147 + 127 + 165 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 4 л. 200 экз.

Геттау-фонъ, баронъ. Отъ Мукдена до Портсмута. Поученія и выводы изъ Русско-Японской войны. Съ нѣмецкаго перевелъ М. Грузевъ. Выпускъ XXXII. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. Тренке и Фюсно (Максимил., 13). 8° (16 × 23). 107 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 12 л. 2.050 экз.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссiи. Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ III. Н. Новгородъ. 1914. Тип. Ниж. печ. дѣло. 8° (17 × 25). 12 + 64 + 14 + 25 стр. Вѣсь 11 л. 500 экз.

Историческiй календарь съ гербами городовъ Россiйской Имперiи на 1915 годъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 16° (10 × 14). 730 стр. съ рис. Вѣсь 19 л. 10.000 экз.

Каталогъ изданiй отдѣленiя русскаго языка и словесности Императорской Академiи Наукъ. III. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17 × 24). 24 стр. Вѣсь 3 л. 213 экз.

Лисовскiй, Н. М. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. (Библиографiя и графическiя таблицы). Вып. IV (дополнительный). III. 1916. Изд. автора. Тип. Г. А. Пшумахеръ и Б. Д. Брукера (Екатерин. кан. 94). 4° (24 × 35). XIV + 193 — 267 стр. + 16 лист. нен. Вѣсь 1 ф. 12 л. 250 экз.

Павловскiй, И. Ф. Полтавцы iерархи, государственные и общественные дѣятели и благодѣлатели. Опытъ краткаго биографическаго словаря Полтавской губернии съ половины XVIII в. Полтава. 1914. Изд. Полтавской ученой архивной комиссiи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла (Александровская ул.). 8° (17 × 25). XV + 294 стр. Съ 182 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 13 л. 600 экз.

Пичета, В. И. Историческiй очеркъ славянства. Iоксимовичъ, Ч. М. Составъ современнаго славянства. (Славянская библиотечка, № 1). М. 1914. Изд. „Вѣстника Мануфакт. Промышленности“. Тип. И. Дундорфъ (Срѣтенскiя ворота. 1). 8° (14 × 20). 184 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 16 л. 5.000 экз.

Рождественскiй, Димитрiй, свящ. Преосвященный Иоаннъ епископъ Смоленскiй. Сергiевъ-Посадъ. 1914. Тип. Троице-Сергiевой Лавры. 8° (17 × 26). 98 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 21 л. 100 экз.

Троицкiй, I., прот. 50-лѣтiе Киевскаго Св.-Владимiрскаго братства (1864 г.—15 iюля—1914 г.). (Краткая записка). Киевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерияговская, 6). 8° (16 × 24). 24 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссiи 1897—1898. Выпускъ I. Черниговъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Губ. Земства. 8° (17 × 25). 64 + 48 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 12 л. 200 экз.

Фармаковскiй, Б. В. Милетскiя вазы изъ Россiи. М. 1914. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. 9). 4° (27 × 35). 17 стр. + 6 табл. Вѣсь 18 л. 100 экз.

Черняева, М. (Козлова). Когда и какъ Волга стала русскою рѣкой. Подъ ред. К. В. Сивкова Историческая комиссiя учебнаго отдѣла общ. распр. технич. знанiй. Популярная историческая библиотечка. Вып. I. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Н. Кушверсъ и К° (Пименовская, с. д.), 2-е. 8° (13 × 20). 124 + 2 нен. стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 13 л. 5.100 экз.

Ч и с л о в ъ, П. И. Курсъ исторіи русскаго права. Вып. I. Введеніе. Исторія источниковъ права. Изъ ученыхъ записокъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая за 1914 годъ. М. 1914. Тип. А. Скосыревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8° (17 × 25). 160 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 18 л. 1.200 экз.

А с о в ъ, Н. Синодическій списокъ монарховъ. Съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Кіевъ. 1914. Изд. Книгоизд. И. И. Самоненко. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 23). 34 стр. Адр. Скл.: Кн. маг. Л. Пдзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

З а в и т н е в и ч ъ, В. З. Русскіе славянофилы и ихъ значеніе въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Кіевъ. 1914. Изд. Книгоизд. И. И. Самоненко. Тип. Акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 46 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 1.600 экз.

Н. К. Тарасъ Шевченко. Къ 100-лѣтію со дня его рожденія. Черниговъ. 1914. Тип. Губернскаго Земства. 16° (11 × 14). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 40 экз.

К и р и л о в ъ, А. прот. Монастырь св. Архистратига Михаила въ гор. Архангельскѣ. (Церковно-историческій очеркъ). (Изъ Арханг. Епарх. Вѣдом. 1898 года). Архангельскъ. 1914. Тип. Насл. Г. И. Заворохина. 8° (15 × 22). 62 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

К о в а л е в с к і й, П. И., проф. Кавказъ. Исторія завоеванія Кавказа. Томъ II. ПГ. 1915. Изд. 3-е. Тип. М. И. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 8° (15 × 23). 270 + II стр. Съ 70 рис. и карт. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1.500 экз.

Московское купеческое собраніе. Историческій очеркъ. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., соб. д.). 4° (20 × 28). 243 + 4 нен. стр. съ 34 рис. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 1.500 экз.

Н о в и ц к і й, В. И. Выборное и большое дворянство XVI—XVII вѣковъ. Кіевъ. 1915. Изд. автора (Караваяевская, 23). Тип. 1 Кіевск. артели печатнаго дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (18 × 23). II—178 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 1.000 экз.

О х о т с к і й, Б. Черты русской жизни XVII в. по свѣтскимъ повѣстямъ. (Отд. от. изъ журн. „Вѣстникъ Образованія и Воспитанія“ за 1914 г. №№ 4, 5, 6, 7 и 8). Казань. 1914. Изд. Управленія учебнаго округа. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (18 × 28). 39 стр. Вѣсъ 8 л. 50 экз.

П а з у х и н ъ, А. А. Родословная Пазухинныхъ и родословные матеріалы Пазухинскаго архива. СПб. 1914. Тип. Николаевской военной академіи (Суворовскій, 32). 8° (18 × 27). 91 стр. Вѣсъ 19 л. 500 экз.

П л о т н и к о в ъ, К. Исторія и обличеніе русскаго сектантства (мистическаго и рационалистическаго). ПГ. 1914. Изд. 2-е, перер. Тип. М. И. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 8° (16 × 24). 340 + IV стр. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 2.000 экз.

П р о х о р о в ъ, Г р и г о р і й. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи свящ. Я. Н. Кгитарева „Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ XIX вѣка“ (стр. 1—323), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія. ПГ. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (16 × 24). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 25 экз.

С и п о в с к і й, В. В., проф. Исторія русской словесности. Часть 3. Вып. 2 (Очерки русской литературы XIX столѣтія) 40—60-хъ годовъ.

ПГ. 1914. Изд. 4-е, испр. Я. Башмакова и К°. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (17 × 22). XVII + 344 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 2 л. 10.000 экз.

Троицкій, В. И. Словарь. Мастера-художники золотого и серебрянаго дѣла, алмазники и сусальники, работавшіе въ Москвѣ при патриаршемъ дворѣ въ XVII вѣкѣ. Томъ XXXVI. М. 1914. Изд. Москов. Археол. Инст. Тип. А. Снегиревой. 8° (18 × 27). 194 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 7 л. 100 экз.

Харузина, В. Этнографія. Вып. II. Приемы изученія явленій матеріальной культуры. Курсъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Московскомъ археологическомъ институтѣ. М. 1914. Изд. Археологическаго института. Тип. А. Снегиревой. 8° (18 × 27). VII + 467 стр. Вѣсь 2 ф. 12 л. 600 экз.

Шахъ-Пароніанецъ, Л. М. Графъ Л. Н. Толстой, какъ военный писатель по его „Севастопольскимъ рассказамъ“. ПГ. 1915. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерин., 45) 8° (16 × 22). 15 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 4 л. 720 экз.

Өирсовъ, Н. Н., проф. Разиновщина какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. ПГ. 1914. Изд. 2-е и тип. тов. М. О. Вольфъ (Невскій, 13). (В. О., 16 л.). 8° (15 × 22). 50 стр. Съ портр. Ц. 20 к. Вѣсь 9 л. 2.000 экз.

Браиловскій, С. Н. М. Ю. Лермонтовъ. О жизни и творествѣ поэта. По поводу столѣтія со дня его рожденія (2 октября 1814—2 октября 1914). Одесса. 1914. Изд. Управл. Одесск. Уч. Округа. Тип. Е. И. Фесенко. 8° (14 × 21). IV + 100 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 8 л. 35.000 экз.

Бѣлецкій, А. И. Стихотворенія Симеона Полоцкаго на темы изъ всеобщей исторіи (Отд. от. изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій, 3). 8° (17 × 25). 84 стр. Вѣсь 11 л. 200 экз.

Дурново, Н. Н. Легенда объ Авдакеѣ святой мученицѣ. (Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 6 стр. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Ильинское Приходское Начальное Училище въ г. Нижнемъ-Новгородѣ. Историческій очеркъ (12 Апрѣля 1814 г.—12 Апрѣля 1914 г.). Н.-Новгородъ. 1914. Тип. К. М. Филипповой. 8° (17 × 26). 32 стр. Вѣсь 4 л. 300 экз.

Историческій каталогъ музея Севастопольской обороны. ПГ. 1914. Изд. 4-е, испр. и доп. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 16° (13 × 18). 186 стр. Вѣсь 14 л. 4.100 экз.

Кадлубовскій, А. П. Галицко-русскій вариантъ сказанія о крестникѣ. (Отдѣльные оттиски изъ Сборника Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1913. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 13 стр. Вѣсь 3 л. 215 экз.

Лебедевъ, Ф. Къ 50-ти лѣтнему юбилею покоренія Западнаго Кавказа и окончанія Кавказской войны. (Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи). Ставрополь. 1914. Тип. Губ. правленія. 8° (17 × 26). 16 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Маслаковецъ, Н. Г. Нѣмецкій торговый справочникъ — путево-

датель начала XVIII вѣка по Россіи. (И. Я. Марпергеръ о русской торговлѣ). (Оттискъ изъ „Университетскихъ извѣстій за 1914 годъ“). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 22 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Масловъ, Петръ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства отъ первобытныхъ временъ до 20-го столѣтія. ПГ. 1914. Изд. Жизнь и Знаніе (Фонтанка, 38). Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линия, 28). 8° (15 × 22). VIII + 361 + 48 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.200 экз.

Металловъ, В., прот. Очеркъ исторіи Православнаго Церковнаго пѣнія въ Россіи. М. 1914. Изд. 4-е испр. и доп. Тип. Снегиревой. 8° (18 × 27). 150 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 22 л. 3.100 экз.

Моисеевъ, А. П. Первобытная Археологія (Краткій курсъ). Н.-Новгородъ. 1914. Изд. А. П. Моисеевой. Тип. Т-ва Трудъ и Ко. 8° (14 × 21). 69 стр. + 1 таб. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1911 годъ. ПГ. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (29 × 39). 123 стр. съ 143 рис. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 650 экз.

Проектъ. Учебные планы Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Харьковскаго Университета и правила къ нимъ. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій, 3). 8° (14 × 22). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 350 экз.

Риттеръ, П. „Облако-вѣстникъ“ (Megho-dûta) древне-индійская элегія Калидосы. (Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 46 стр. Вѣсъ 7 л. 250 экз.

Сборникъ. Томъ XVII. Вып. II. Дѣйствія Нижегородской Губернской Архивной Комиссіи. Н. Новгородъ. 1914. Тип. Нижегородское Печатное Дѣло. 8° (13 × 26). 20 + 5 + 32 + 6 + 47 + 10 стр. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Сборникъ статей (Студенческій Историко-этнографическій кружокъ при Императорскомъ Университетѣ Св. Владимира подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго). Вып. III. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерунговск., 6). 8° (17 × 25). 136 стр. Вѣсъ 15 л. 500 экз.

Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи Вып. V. 1913 г. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. правленія. 8° (19 × 29). 18 X 11 + 32 + 6 + 3 + 4 + 4 + 3 + 2 + 3 + 2 + 4 + 10 + 17 + 11 + 16 + 4 + 56 + 10 нен. стр. Вѣсъ 24 л. 400 экз.

Фармаковскій, В. В. Аканѣевая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова. (Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Цяглеръ фонъ, М. Старинные пчеловоды. (Отд. оттискъ изъ 5-го вып. „Вѣстника Харьковскаго Историко-Филологич. Общества“). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (16 × 25). 6 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Шиповичъ, Л., свящ. О границахъ бывшей Брацлавщины, исторической жизни въ ней и отношеніи Брацлавщины къ Подоліи. Винница. 1914. Тип. Городскаго управленія. 8° (16 × 24). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Ө. В. Р. Тевтонскіе Крестоносцы. (1410—1910). Историческая справка въ 500-лѣтнюю годовщину Грюнвальдскаго боя. Н. Новгородъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Т-ва Н. М. Машистова. 16° (12 × 17). 23 стр. Ц. 10 к. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Абдуль-Гази, Хивинскій ханъ. Родословное древо тюрковъ. Переводъ и предисловіе Г. С. Саблукова, съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Н. Ө. Катанова. Казань. 1906. Тип. Университета. 8° (17 × 25). XVI + 336 стр. Въсь 1 ф. 17 л. 350 экз.

Актовая книга Стародубскаго городского уряда 1693 года. Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1914. Изд. Черниговской Губ. Ученой Архивной Комиссіи. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 26). 2 нел. + 136 стр. Въсь 16 л. 300 экз.

Байбаковъ, Е. И. Происхожденіе эллинистическаго культа парей. (Отд. оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. И. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 27 стр. Въсь 5 л. 200 экз.

Барвинскій, В. А. Забѣтки по исторіи финансоваго управленія въ Гетманщинѣ. (Отд. оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. И. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 4° (17 × 26). 18 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Бой подъ Гумбиненомъ. Одесса. 1914. Изд. М. И. Новика (Вознесенскій пер., 3). Тип. Л. Нитче. 8° (15 × 23). 8 стр. съ рис. Въсь 1 л. 10.000 экз.

Брусининъ, В. Поэты-крестьяне: Суриковъ и Дрожжинъ. Библіотека для семьи и школы. М. 1915. Изд. Ред. журн. Юная Россія, 3-е (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меншова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 16° (13 × 19). 80 стр. съ портр. Ц. 15 к. Въсь 6 л. 4.800 экз.

Бубликовъ, М. и Гольденбергъ, Н. Краткій учебникъ теоріи словесности, съ приложеніемъ образцовъ различныхъ видовъ словесныхъ произведеній и біографій русскихъ образцовыхъ писателей. Вильна. 1915. Изд. 9-е, авторовъ. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (16 × 24). 87 стр. Ц. 50 к. Въсь 10 л. 3.000 экз.

Бубликовъ, М. и Гольденбергъ, Н. Русская школа. Книга для обученія русскому языку, въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ поступающіе не умѣютъ говорить по-русски. Съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и объяснительнымъ словаремъ. Въ трехъ частяхъ. Часть третья. Книга для чтенія. Вильна. 1914. Изд. 12-е. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (17 × 24). 176 стр. съ рис. Ц. 50 к. Въсь 16 л. 10.000 экз.

Война безъ ума! Самыя послѣднія новости. Экстренныя телеграммы. Вѣрныя всѣхъ газетныхъ сообщеній. Военный юмористическій альманахъ. М. 1914. Тип. С. А. Аляничкова (Домниковская, 2). 8° (18 × 27). 7 стр. Съ рис. Ц. 1 к. Въсь 1 л. 4.000 экз.

Геройскій подвигъ русскихъ полководцевъ и окончательный разгромъ австрійской милліонной арміи. Одесса. 1914. Изд. М. И. Новика (Вознесенскій пер., 3). Тип. Л. Нитче. 8° (15 × 22). 8 стр. Съ портр. Въсь 2 л. 10.000 экз.

Гордѣевъ, Д. П. Матеріалы для художественной лѣтописи гор. Харькова. I. Памяти Д. П. Безперчаго. II. Каталогъ работъ Безперчаго

(Отд. оттиски изъ V выпуска „Вѣстника“ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (18 × 26). 44 стр. + 3 листа рис. Вѣсь 10 л. 100 экз.

Горькій, М. Дѣтство. Сочиненія. Томъ 20-й. ПГ. 1915. Изд. Жизнь и Земля (Фонтанка, 38). Тип. Д. Я. Гинзбурга (Мытнинская ул., 11). 8° (13 × 19). 340 + 64 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 25 л. 10.400 экз.

Два императора въ положеніи „хуже губернатора“. Султанъ Магометъ продаетъ свой гаремъ. Юмористическіе и фантастическіе военные рассказы. М. 1914. Тип. С. А. Алянчикова (Домниковская, 2). 8° (16 × 25). 16 стр. Съ рис. Вѣсь 1 л. 2.000 экз.

Дэвисъ, Г. Средневѣковая Европа. Переводъ съ англійскаго С. М. Штейна, съ предисловіемъ А. П. Карсавина. Библиотека знанія. Спб. 1914. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (14 × 20). 150 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 14 л. 3.000 экз.

Есиповъ, В. В., проф. Славяне, нѣмцы и турки. „Культурная“ Германія, Галиція и Польша. Исторія повторяется. Отклики войны. ПГ. 1914. Тип. А. Бенке (Новый пер., 2). 8° (16 × 23). 56 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 8 л. 1.000 экз.

Жасминовъ, Л. В. Съ кѣмъ мы воюемъ. Харьковъ. 1914. Тип. Печатникъ (Рыбная, 28). 16° (13 × 17). 23 стр. Вѣсь 3 л. 500 экз.

Кавалеръ 5-ти Георгіевъ Унтеръ-офицеръ А. Н. Волковъ и другіе доблестные герои 2-й великой отечественной войны 1914 года. М. 1914. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій проѣздъ, д. Человѣколюбив. о-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 8° (18 × 27). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Каталогъ музея Псковскаго Церковно-Археологическаго Комитета. Псковъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (16 × 24). 27 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Конецъ Германской Имперіи по нѣмецкимъ предсказаніямъ Германа Майнцкому и Финсбергскому, собраннымъ и комментированнымъ Ж. Ливоръ. Съ французскаго перевелъ Н. М. Лаговъ. ПГ. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14). Тип. В. Безобразовъ и К° (В. О., Большой просп., 61). 8° (14 × 20). 87 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 11 л. 3.000 экз.

Косаткинъ, В. В., прот. Дмитріевскій соборъ въ губ. гор. Владимірѣ. Владиміръ. 1914. Изд. Владимір. учен. Архивн. Комиссія. Тип. Губернск. Правл. 8° (17 × 26). XVI + 39 стр. + 7 лист. рис. + 1 портр. Вѣсь 12 л. 130 экз.

Краткій Путеводитель по Нижегородскому Городскому Историческому музею. Н. Новгородъ. 1914. Изд. Комитета Музея. Тип. Н. Сѣркина. 16° (11 × 17). 25 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Критскій, П. Великая Галиційская битва. (Библиотека Войны. № 37). М. 1914. Изд. и Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 16° (14 × 18). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 1 л. 6890 экз.

Легенды о Московскомъ царствѣ. III. Вильна. 1914. Тип. Промель. 8° (16 × 23). 15—21 стр. Вѣсь 1 л. 80 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. 1814—1914. Біографическій очеркъ. Одесса. 1914. Изд. и Тип. Бланкоизд. М. Шпендера. 8° (15 × 22). 46 стр. съ рис. + 1 листъ рис. Вѣсь 6 л. 500 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. Одесса. 1914. Изд. и тип. Бланкоизд. М. Шпендера. 8° (15 × 22). 37 стр. Вѣсь 5 л. 500 экз.

М. Л. Словарь современной Войны. Объясненіе: военныхъ, политическихъ, географическихъ терминовъ и выраженій, встрѣчающихся въ литературѣ военнаго и мирнаго времени. ПГ. 1914. Тип. Бр. В. и И. Лингикъ (Невскій 125). 16° (11 × 15). 48 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Мирбо, О. Сверхъ-Императоръ (Вильгельмъ II) и его маленькіе сосѣди. Перев. съ франц. съ предисловіемъ и портретами автора. ПГ. 1915. Изд. Рубиконъ. Тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла (7 рота, 26). 8° (19 × 22) 156 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 19 л. 5.000 экз.

Нашествіе на Святую Русь нѣмецкаго Чингисъ-Хана. Харьковъ. 1914. Изд. Н. Е. Лукьянова. (Б. Москалевская, 36). Тип. Печатникъ (Рыбная, 28). 8° (17 × 26). 15 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Новый энциклопедическій словарь. Томъ 21. Карнитянтъ-Кноррингъ ПГ. 1914. Изд. и тип. Акц. Общ. Издательск. дѣло 6. Брокгаузъ-Ефронъ. (Прачешный, 6). 8° (19 × 27). 956 стр. съ рис. и карт. Вѣсъ 2 ф. 25 л. 16.000 экз.

Нѣмцы въ Россіи. (Приднѣпровскій Край № 5286). Екатеринославъ. 1914. Тип. С. И. Барановскаго. 16° (13 × 17). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 2.010 экз.

Памяти о. Александра Раева, священника Трехъ святительской церкви въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. В. Ройскаго и И. Карнѣва. 8° (14 × 20). 12 стр. + 1 порт. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Подробная карта театра военныхъ дѣйствій въ Европѣ. Вильна. 1914. Изд. и тип. Х. И. Ласкова. 1° (72 × 57). 1 листъ. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Поповъ, В. И. „Отблески“. Книга для чтенія и изученія роднаго языка. Часть I. ПГ. 1914. Изд. 4-е. Тип. Тов. А. Ф. Марксъ (Измайловскій пр., 29). 8° (17 × 24). 421 + 44 + VII стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 18.000 экз.

Православная Карелія. Очеркъ. ПГ. 1914. Тип. Государственная. 8° (17 × 26). 143 стр. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Примѣрные перечни книгъ для снабженія лазаретовъ для раненыхъ воиновъ. ПГ. 1914. Изд. Учн. Сов. при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная. 16° (11 × 17). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Противъ хулиганства, озорства и буйства молодежи. (Бесѣды и размышленія). Кіевъ. 1915. Изд. Журн. Духовная Бесѣда. Тип. 1-й Кіевской. Артели Печатнаго Дѣла (Трехсвят., 5). 8° (18 × 25). 78 + 2 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Прохоровичъ, Андрей Васильевичъ. Какъ Вильгельмъ до черта въ адъ попалъ, что живыхъ людей онъ въ землю зарывалъ, керосиномъ обливалъ и на огнѣ людей сжигалъ, какъ чортъ шилъ сапоги для Вильгельмовой ноги. М. 1914. Изд. автора (Лефортово, Всѣхсвятская слободка, 19). Тип. Московск. Труд. Артели. 16° (12 × 19). 12 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Пуля-дура, штыкъ-молодецъ! Разсказъ участника русско-нѣмецкой войны. Кіевъ. 1914. Изд. И. Т. Губанова. Тип. Акц. Общ. И. Т. Корчакъ-Новицкаго. 16° (14 × 17). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 8.000 экз.

Пушкинъ. Сочиненія Томъ II. Исторія Пугачевскаго бунта. ПГ. 1914. Изд. и тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (19 × 28) VIII + 482 + 364 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 25 л. 3.114 экз.

Разсказы героевъ казаковъ. ПГ. 1914. Тип. П. С. Курочкина (Телѣжный, 3). 8° (14 × 21). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 1 600 экз.

Саккетти, А. А. проф. Исторія музыки всѣхъ временъ и наро-

довъ. Вып. 2. Спб. 1914. Изд. Шиповникъ. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (23 × 30). 105—200 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 11 л. 4.300 экз.

Сикорскій, И. А., проф. Современная всесвѣтися война 1914 года. Причины войны и устраненіе ихъ. Кіевъ. 1914. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (15 × 23). 28 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 3.000 экз.

Сѣрая книга. Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г. 24 іюля—29 августа. ПГ. 1914. Изд. Мелье и К°. Тип. А. Н. Лавровъ и К° (ул. Гоголя, 9). 8° (15 × 21). 75 стр. Ц. 50 к. Въсь 8 л. 3.500 экз.

Цезарь, Ю. Записки о Галльской войнѣ. Латинскій текстъ, словарь, грамматическій разборъ, русскій переводъ и комментаріи къ тексту. Перевелъ на русскій языкъ, снабдилъ словаремъ, грамматическимъ разборомъ и комментаріями. І. Вайсблитъ. Книга 1-я. Кіевъ. 1914. Изд. 3-е, П. И. Бонадурера, и тип. П. И. Бонадурера (Татарская, 35—37). 8° (15 × 22). 238 стр. Ц. 50 к. Въсь 17 л. 3.000 экз.

Э. Ш. Записки военноплѣннаго. Шестъ недѣль у нѣмцевъ. ПГ. 1914. Тип. Екатерингофское Печатное Дѣло (Екатериин. 7). 8° (13 × 20). 31 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 5.500 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М.	59—69, 335—352, 455—464
II. Изъ воспоминаній о генералѣ М. Д. Скобелевѣ. Петра Агатьева.	81—86
III. Изъ „Записокъ“ графа Ѳ. Г. Головкина. Сообщ. Е. С. Шумигорскій.	106—108
IV. Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. В. Г. Смородинова.	109—128
V. Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ. К. Андреевскаго	139—146, 353—363, 581—593
VI. Въ чужой странѣ Л. Н. Бѣльковича	161—202, 398—432, 481—503
VII. Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина. Сообщ. Е. С. Шумигорскій	296—301

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. Къ портрету Радко-Дмитріева. Ред., октябрь	I—V
II. Вильгельмъ Второй на Лейпцигскихъ торжествахъ въ 1913 году.	VI

III. Вильгельмъ Второй на Нарвскихъ маневрахъ въ Россіи въ 1890 году	VII
IV. Міровоззрѣніе германцевъ на историческія событія въ 1813—1814 г.г. П. Воронова. .	VIII
V. Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. В.	3—4
VI. Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ.	5—58
VII. Донесенія датскаго посланника Гакстаузена о царствованіи Петра III и переворотъ 1762 года. С о о б щ. Е. С. Шумигорскій 70—80, 262—283,	504—512
VIII. Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. М. А. Мурзанава	87—105
IX. Младенчество и первая юность Одессы въ разсказѣ итальянцевъ-современниковъ. Александра Амфитеатрова.	129—138
X. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 гг. Е. А. Раговиной.	147—160, 513—518
XI. Лермонтовъ и „Московскій Вѣстникъ“. Б. В. Неймана	203—205
XII. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П. 206—215, 364—384,	636—654
XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 7 по 29 августа 1914 г.	216—224
XIV. Высочайшій манифестъ 20 октября с. г.	ноябрь I
XV. Высокомѣрное отношеніе германскихъ высшихъ начальниковъ къ австрійскимъ на лейпцигскихъ торжествахъ, въ октябрѣ 1913 г.	II—III
XVI. Планъ войны Германіи съ Россіей въ 1913 г. П. Воронова	IV
XVII. Историческое засѣданіе Государственной Думы 26 іюля 1914 г.	227—261
XVIII. Его Высочество князь Олегъ Копстантиновичъ. В. Т. Судейкина	284—287
XIX. Послѣдняя въ родѣ графовъ Скавронскихъ В. А. Бернацкаго.	288—295

XX. Дневникъ И. М. Снегирева. Сообщ. В. Андерсонъ.	302—330,	561—575
XXI. Исторія и судьба. Клѣтка Пугачева. Н. И. Соловьева		331—334
XXII. Завѣты молодому поколѣнію. В. Я.		385—397
XXIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28 августа по 2 октября 1914 г. .		433—450
XXIV. Телеграмма Государя Императора московскому купеческому сословію		451—453
XXV. Казачьи кости за 20 пфениговъ.		454
XXVI. Отношеніе Н. И. Костомарова къ г. Харькову и Харьковскому университету. О. Д. Багалъй		465—480
XXVII. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. Сообщ. Н. А. Вилламовъ.		519—557
XXVIII. Наводненіе въ Петербургъ въ 1824 г. Э. Л. Радлова.		558—560
XXIX. Разсказъ семидесятилѣтняго старика о Императорѣ Николаѣ I-мъ. А. Звегинцева. .		576—580
XXX. Письма героя Шипки—Θ. Θ. Радецкаго изъ Германіи въ 1885 году. А. Вольноходова. .		594—604
XXXI. „Сумнительный рублевикъ“. З. Слезкинской		605—607
XXXII. Изъ исторіи Тамбовской епархіи. Николая Орлова		608—621
XXXIII. Два письма Аракчеева. Сообщ. Ив. Мѣщаниновъ.		622—625
XXXIV. Посольство Марины къ шаху Аббасу. П. Л. Юдина.		626—632
XXXV. Рубль Пугачева. В. П. Грузинцева. . .		633—635
XXXVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2 октября по 20 ноября 1914 г.		655—667

Приложенія.

- I. Портретъ Радко-Дмитріева (при 10-й книгѣ).
- II. Портретъ Его Высочества князя Олега Константиновича (при 11-й книгѣ).
- III. Портретъ графини Самойловой (тамъ же).
- IV. Портретъ Д. А. Ровинскаго (тамъ же).
- V. Портретъ Августѣйшей сестры милосердія Вел. Княгини Ольги Александровны (при 12-й книгѣ).
- VI. Портретъ Бориса Антоновича Шванебахъ (тамъ же).
- VII. Два рисунка къ статьѣ „Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны“.

Библиографическій листокъ.

1. С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Выпускъ IV и V. Времена Императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. Новгородъ. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к. (На обложкѣ октябрьской книги).
2. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изданіе второе, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей и указателемъ. Изданіе фирмы „Сотрудникъ школъ“. М. 1909—1910 гг. (Тамъ же).
3. И. И. Орловскій. Смоленскъ въ исторіи Дома Романовыхъ. Изд. 2-е Смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1913. (Тамъ же).
4. Столѣтіе военнаго министерства. Императорская главная квартира. Исторія Государевой свиты. Царствованіе Императора Александра II. 1914. (На обложкѣ ноябрьской книги).
5. М. В. Португаловъ. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX в. (1823—1876). Вступительная статья и избранные отрывки изъ произведеній. Издательство „Энергія“. Спб. 1914 г. (Тамъ же).¹
6. Н. Бутовскій. Повѣсти изъ современной офицерской жизни. Изд. В. Березовскій. 1914 г. (На обложкѣ декабрьской книги).
7. Б. Л. Модзалевскій. Альбомъ О. Милюковой. Спб. 1913 г. (Тамъ же).

8. В. А. Ашикъ. Памятники и модели въ память боевых подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и въ память Императора Александра I. Снимки памятниковъ, медалей и гравюръ. 393 стр. Спб. 1913 г. (Тамъ же).

9. Анатолій Егоровъ. (Конспаровъ). Страницы изъ прожитаго, въ двухъ частяхъ. Одесса. 1913 г. (Тамъ же).

10. Григорій де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть I, томъ I. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1913 г. (Тамъ же).

11. Источники русской исторіи. Русь до-Петровская. Посobie для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Составилъ С. В. Фарфоровскій. Томъ I и II. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1913 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ 157—160 ТОМАХЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1914 года.

А.

- А батуровъ, Пав. Петр., директ. Яросл. гимн. 1825 г., CLX, Нояб., 313.
- Аббасъ, персид. шахъ, 1614 г., т. CLX, дек., 626—632.
- Абызовъ, Вас., оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 176.
- Аверкіевъ, Алексѣй, оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Авраамій, еп. тобольск. 1849 г., т. CLIX, авг. 299, 302.
- Агапѣевъ, И. Еф., воинск. нач. въ Минскѣ 1882 г., т. CLX, окт., 84.
- Агапеевъ, Петръ Ер., сообщ. „Изъ воспоминаній о генералѣ М. Д. Скобелевѣ“, т. CLX, окт. 81—86.
- Адлербергъ, гр-ня Юлія Ѳед., рожд. Багговутъ, † 1839 г., нач-ца Смольн. инст., т. CLIX, авг. 277, 278, 279 т. CLX, дек., 520, 534, 542, 547.
- Адлербергъ, гр., Алсд. Влад., мин. двора † 1889 г., т. CLVII, мартъ 495, 523.
- Адольфи, Гольдинг. город. голова 1904 г., т. CLVIII, апр., 181.
- Адриановъ, ген., главноком г. Москвы. 1914 г., т. CLX, дек., 452.
- Адрианъ, патриархъ, т. CLIX, июль, 63—65.
- Айвазовскій, И. К., художн., т. CLIX, июль, 20.
- Аклечеева, Алина, въ зам. фонъ деръ Вейде, т. CLIX, авг., 245.
- Аксакова, воспитат-ца герцогини Единбургской, т. CLX, дек., 463.
- Аксаковъ, И. С., † 1886 г., т. CLVII, янв., 211, т. CLVIII май, 383—409, т. CLIX, авг. 288, 289, т. CLX, дек., 462—464.
- Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. CLVIII, май, 339.
- Александра Павловна, вел., княг., палатина венгерская, † 1801 г., т. CLVII, янв., 30, т. CLIX, сент. 419.
- Александра Петровна, великая княгиня, т. CLVIII, апр., 85, 86, 87.
- Александра Ѳеодоровна, императрица, т. CLVII, мартъ, 517, т. CLVIII, апр., 86.
- Александръ I, императоръ, т. CLVII, янв., 29—35, 47, 50, 52, 84—94, 135—157, 198, 209, февр., 306—342, 368—377, 386—395, 470, мартъ, 479—490, 618—630, т. CLVIII, апр., 95, 133, 137, 149—158, май, 289, июнь, 460—467, т. CLIX, сент., 389—401, 418, 419, 455, т. CLX, окт., 129—137, нояб., 291, 300, 301, 308, 325, дек., 521—557.
- Александръ II, императоръ, т. CLVII, янв., 159, 160—170, 209, февр. 425, мартъ, 495, 520, 522, 531, т. CLVIII, апр. 86—119, май, 221, 388, 297—300, 313, 388, июнь, 484, т. CLIX, июль, 84, авг., 196, 233, сент., 390, 545, 548, т. CLX, окт., 81, 140, нояб., 362, 363, дек., 460, 577, 578, 579.
- Александръ III, императоръ, т. CLVII, янв., 72, 73, 183, мартъ, 495—502, 691, т. CLVIII, апр., 97, 98, 103, 233, май, 220—237, 349, июнь, 484, 488, 490, 515—519, т. CLIX, авг., 249—268, 360—368, сент., 531, т. CLX, окт. 60, 61.
- Александръ Михайловичъ, вел. князь, 1914 г., т. CLX, дек., 643, 644.

- Александръ, Королевичъ сербскій 1914 г., т. CLX, окт., 11, 32, 42, 43.
- Алексѣевъ, ген. 1914 г., т. CLX, нояб., 384.
- Алексѣй Александровичъ, вел. князь, т. CLVIII, апр., 90.
- Алексѣй Михайловичъ, царь, т. CLVII, мартъ, 475.
- Алексѣй Михайловичъ, вел. князь, † 1895 г., т. CLIX, авг., 370.
- Алопеусъ, послан. въ Берлинъ, 1807 г., т. CLVII, авг., 87.
- Альбединскій, П. Н. Виленск. ген.-губ., † 1883 г., т. CLVIII, июнь, 605, 606.
- Альбертъ, управл. имѣніемъ герцога Ангальтъ-Кетенскаго 1826 г., т. CLVIII, май, 357—361, 362.
- Альбовскій, Е. А., сообщ. „Шестъ мѣсяцевъ въ Курляндіи“, т. CLVIII, апр., 173—203.
- д'Альмодоваръ, супруга Голланд. посла 1762 г., т. CLX, окт., 71.
- Амфтеатровъ, Алсд., сообщ. „Младенчество и первая юность Одессы въ разсказѣ итальянцевъ-современниковъ“, т. CLX, окт., 129—138.
- Ангальтъ, гр., Фридр., (Фед. Евстаф.), директ. сухоп. шляхетн. корп., р. 1732 † 1794 г., т. CLX, окт., 106—108.
- Ангальтъ-Кетенскій, герцогъ, Фердинандъ, т. CLVIII, май, 358, 361, 362.
- Андерсонъ, В., сообщ. „Дневникъ И. М. Снегирева“, т. CLX, ноябрь, 302—330; дек., 561—575.
- Андреевъ, Петръ Петр., 1877 г., т. CLVIII, апр., 90.
- Андріановъ, И. М., полков. ген. штаба, 1910 г., т. CLVIII, апр. 204.
- Андреевскій, А., сообщ. „Инженеръ-генераль Борисъ Антоновичъ Шванебахъ“, т. CLVIII, апр. 159—169, т. CLX, окт., 139—146, нояб., 353—363, дек., 581—593.
- Аникѣевъ, кн., миров. посредн. 1861 г., т. CLVII, янв., 98.
- Анна Іоанновна, императрица, т. CLIX, нояб., 316.
- Анна Павловна, великая княгиня, т. CLX, дек., 556.
- Анненкова, Вѣра Ив., см. Бухарина.
- Анненковъ, Мих. Ник., строит. Закасп. ж. дороги, т. CLVII, февр., 347, т. CLVIII, апр., 137.
- Анненковъ, Ник. Ник., Госуд. контролеръ, † 1865 г., т. CLVIII, апр., 137.
- Анненковъ, Пав. Вас., писатель, † 1887 г., т. CLVII, февр., 406.
- Анненковъ, ген., отъ-инф. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Анстеть, Ив. Осип., д. т. с., † 1835 г., т. CLX, нояб., 300, 301.
- Антокольскій, скульпт., т. CLVIII, июнь, 490.
- Антонскій, проф., т. CLX, дек., 569, 571.
- Анучинъ, Дм. Гавр., т. CLVII, мартъ, 674, 675.
- Апраксинъ, гр., Петръ Фед., г.-л., † 1813 г., т. CLVIII, июнь, 537.
- Апраксинъ, гр., Фед. Матв. ген.-адм. 1714 г., т. CLIX, июль, 52, 53.
- Апухтинъ, Алсд. Львов. попечит. Варшав. учебн. окр., 1891 г., т. CLIX, сент., 488, 489, 497, 509, 513, 519, 546, 547, т. CLX, окт., 110.
- Аракчеевъ, гр., А. А., т. CLVIII, апр., 152, т. CLIX, сент., 419, т. CLX, дек., 622—625.
- Аргутинскій - Долгоруковъ, кн., ген. 1848 г., т. CLVII, янв., 53.
- Аркасъ, капит. 1849 г., т. CLVII, янв., 57, 59.
- Арсеньева, Мар. Мих. въ зам. Лермонтова, т. CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, Алсд. Вас., шт. кап. 1837 г., CLX, окт., 87, 92, 98.
- Арсеньевъ, В., сообщ. „Письмо имп. Александра I къ неизвѣстному о пріѣздѣ въ Россію шведск. короля Густава IV Адольфа, 1810 г. CLIX, сент., 418—419.
- Арсеньевъ, Вас. Вас., ст. сов. 1837 г., CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, Григ. Вас., 1837 г., т. CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, И. А. литерат. 1860 г., т. CLVIII, февр., 437.
- Арсеньевъ, Ник. Дм., прап., 1837 г., т. CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, Ник. Вас., маіоръ 1837 г., т. CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, Никита Вас., г.-м. 1837 г., т. CLX, окт., 87.
- Арсеньевъ, Як. Евграф., д. с. с. † 1839 г., т. CLX, нояб., 303, 305, 307, 308, 312, 316, дек., 561, 568.
- Арсеньевъ, ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 104.
- Артамоновъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Артуровъ, Г., сообщ. „Встрѣча“, т. CLVII, февр., 438—443, „Одинъ изъ многихъ“, т. CLVIII, мартъ, 577—581.
- Архаровъ, Ник. Петр., р. 1742 † 1814 г., т. CLVIII, май, 247.
- Арцимовичъ, В. А., сенат., т. CLVII, мартъ, 547, т. CLVIII, май, 249, 257.

- Афремовъ, Вас. Иллр., помѣщ. † 1837 г., т. CLX, окт. 87.
 Афремовъ, Евдокимъ, родонач. фамилія Афремовыхъ, т. CLX, 87.
 Афремовы, т. CLX, окт., 88.
 Ахвердовъ, Ник. Исаев., воспитат. в. кн. Николая Павл., г.-м., р. 1775 † 1817 г., т. CLX, дек., 541, 554.
 Ашенбреннеръ, оф., т. CLVIII, апр., 162.
 Аѳанасьевъ, г.-м. 1898 г., т., CLVIII, июнь, 498.
 Аѳанасьевъ, Ѳедоръ, Священ. въ Угличѣ 1591 г., т. CLIX, авг., 281.

Б.

- Бабствъ, Ив. Конд., проф., † 1881 г., т. CLX, окт., 145.
 Багалъя, Д. И., проф., т. CLX, дек., 465, 475.
 Багалъя, Ольга Дм., сообщ.: „Отношеніе Н. М. Костомарова къ г. Харькову и Харьков. университету“, т. CLX, дек., 465—480.
 Багратіонъ, княгиня, т. CLVII, янв., 139.
 Багратіонъ, княг., Ек. Пав., см. Скавронская.
 Багратіонъ, кн. Петръ Ив. † 1812 г., т. CLVIII май, 309—311, т., CLX, нояб., 290.
 Бажановъ, В. Б., 1862 г., свящ., т. CLVII, февр., 430.
 Баженовъ, ст. сов., 1871 г., т. CLVIII, май, 384, 386, 388.
 Балакиревъ, Мил. Алекс., композит., т. CLVII, янв., 175—196, т. CLVIII, май, 312—332.
 Балашевъ, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 252.
 Балашовъ, Ал. Дм., мин. полиціи, 1810 г., т., CLX, дек., 519, 536, 549, 550.
 де'Бальменъ, гр., директ. сухоп. шляхетн. корп., т. CLX, окт., 107.
 Барановскій, проф. артил. акад., ген., т. CLVII, янв., 81.
 Барановъ, Виленск. ген. губ., т. CLVIII, июнь, 581, 582.
 Баранокъ, адъют. Скобелева, т. CLX, окт., 85.
 Барантъ, 1830 г., т. CLX, нояб. 292.
 Барклай-де-Толли, кн. М. Б., † 1818 г., т. CLVII, янв., 153, 154, 156, февр., 461, дек., 555.
 Баркъ, мин. финанс. 1914 г., т. CLX, нояб., 239—243.
 Барсуковъ, Алсд. Платон., р. 1839 † 1914 г., т. CLIX, сент., 460—464.
 Барсуковъ, Ив. Платон., писат., р. 1844 † 1906 г., т. CLIX, 460.
 Барсуковъ, М., сообщ.: „Александръ Платон. Барсуковъ“, т. CLIX, сент., 460—464.
 Барсуковъ, Ник. Платон., писат., р. 1832 † 1906 г., т. CLIX, сент., 462.
 Барыкова, воспит-ца в. княж. Маріи Максимилиановны, т. CLVII, мартъ, 520.
 Барятинская, княг., см. Голштейнъ Бекская принцесса.
 Батюшковъ, К. Н., писат., † 1855 г., т. CLVIII, апр., 68.
 Безакъ, чинов. мин. вн. дѣлъ 1854 г., т. CLVII, янв., 50.
 Безобразова, Матрена (Маргарита) Ив., рожд. Нечаева, т. CLVIII, апр., 22, 28, 31.
 Безобразова, М. В., сообщ.: „Розовое и черное изъ моей жизни“, т., CLVII, янв., 221—233, „Дневникъ академика В. П. Безобразова“, февр., 343—351.
 Безобразова, нач-ца патріотич. инст., т. CLIX, авг., 231.
 Безобразовъ, Алсд. Мих., Яросл. губернат. 1825 г., т. CLX, нояб., 314.
 Безобразовъ, В. П., акад., т. CLVII, февр., 343—351.
 Безобразовъ, помѣщ., т. CLVIII, апр., 22.
 Бекетовъ, П. П., 1825 г., т. CLX, нояб., 327.
 Бекъ, М. А., см. Столыпина.
 Бельгардъ, Карлъ Алсд., ген.-лейт. 1865 г., т. CLVIII, 287, 288.
 Бемъ, Ел. Мерк., художница, р. 1843 † 1914 г., т. CLIX, сент. 486—487.
 Беневскій, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Бенкендорфъ, посолъ въ Англию 1914 г., т. CLX, окт. 20—58.
 Бенкендорфъ, гр., А. К., шефъ жанд., † 1844 г., т. CLVII, февр., 332—334, т. CLIX, июль, 185.
 Беннигсенъ, гр., Л. Л. † 1826 г., т. CLVII, янв., 153.
 Бергъ, О. Ф., сообщ.: „Смерть генерала Кондратенко“, т. CLVII, янв., 171—174.
 Бергъ, гр. Ѳ. Ѳ, намѣстн. Ц. Польскаго р. 1744 † 1874 г., т. CLVIII, май, 297, 298.
 Бергъ, ген. 1762 г., т. CLX, окт., 71, 72.
 Бердяевъ, Ив. Пав., чинов. 1890 г., т. CLIX, сент. 465—484.
 Бернядскій, воен. врачъ 1882 г., т. CLX, окт., 85.
 Бернацкій, В. А., сообщ.: „Послѣдняя въ родѣ графовъ Скавронскихъ“, т. CLX, нояб., 288—295.

- Берхольцъ, Ѳед. Пав., чл. Калишск., по крестьян. дѣл. присут. 1870 г., т. CLVIII, май, 303.
- фонъ-Беръ, дипломатъ 1826 г., т. CLVIII, май, 358—362, 366.
- Бестужевъ (Марлинскій), А. А., т. CLVIII, май, 374.
- Бестужевъ, гр., Алексѣя Петр., канцл., † 1767 г., т. CLX, нояб., 272, 273.
- Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., проф., истор., † 1897 г., т. CLVIII, май, 220—222.
- Бетанкуръ, Авг. Фр., гл. директ. пут. сообщ. р. 1758 † 1824 г., т. CLX, дек., 551.
- Бецкій, И. И. † 1795 г., т. CLIX, авг., 318, 320, 323, 324, 325, 333, 336, 338.
- Бильдерлингъ, А. А., г-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 476—493.
- Биронъ, принцес., Луиза, въ зам. Вильгорская, т. CLX, дек., 520—524, 545, 547, 556, 554.
- Бисмаркъ, герм. канцл., т. CLIX, сент., VI, VII, 390, 402—407.
- Битяговскій, Дан., дьякъ 1591 г., т. CLIX, авг., 282, 285.
- Бихнеръ, Е. А., старш. зоологъ Акад. наукъ 1896 г., т. CLIX, июль, 22.
- Блудовъ, гр., Андр. Дм., дипломатъ 1865 г., т. CLVIII, апр., 55.
- Блюмеръ, генер. консулъ въ Пештѣ, т. CLVIII, май, 338, 339, 340, 344, 348, 353, 354.
- Блюхеръ, ген. 1812 г., т. CLVII, февр., 461, т. CLVIII, май, 309.
- Боборыкина, А. Е., т. CLX, дек., 570, 571, 574.
- Боборыкина, Марія Вас., р. 1776 † 1860 г., т. CLX, нояб., 303, 312.
- Бобриковъ, ген., т. CLVIII, май, 236.
- Бобринская, гр-ня С. А., т. CLVII, янв., 34, 36.
- Богдановичъ, Ип. Ѳед., писат., † 1803 г., т. CLVIII, апр., 75.
- Богдановъ, П. Д., т. CLVII, янв., 211.
- Боголюбовъ, гл. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Болдырева, Е. Павл., см. ф. деръ Палень.
- Болдыревъ, Арк. Африкан., т. CLX, нояб., 291.
- де'Больто, г-м. 1803 г., т. CLX, окт., 137.
- Большаковъ, С. Т., букинистъ 1887 г., т. CLVII, февр., 343, 344.
- Боратынскій, Е. А., писатель, т. CLVIII, апр., 68—84, май 372—382, июнь, 501—513, т. CLIX, июль, 39—48.
- Борзаковскій, протоіер. 1828 г., т. CLVIII, июнь, 585.
- Боровитиновъ, поруч. гусар. полка 1871 г., т. CLVIII, май, 384, 385, 390.
- Бородулинъ, докт., т. CLVIII, май, 322.
- Бороздинъ, Дм. Алекс., ст. сов. † 1825 г., т. CLX, нояб., 304, 305.
- Бортнянскій, Дм. Степ., директ. пѣвч. капел., т. CLX, дек., 557.
- Борщовъ, Серг. Сем., сенат. р. 1745 † 1837 г., т. CLX, дек., 548.
- Босси, худож. 1835 г., т. CLX, нояб., 295.
- Боткинъ, Вас. Петр., писат., † 1869 г., т. CLVII, февр., 405, 429.
- Боткинъ, Ник. Петр., т. CLVII, февр., 421.
- Боткинъ, Серг. Петр., лейбъ-мед., † 1889 г., т. CLVII, янв., 175, 176, т. CLVIII, май, 322.
- Бошнякъ, полковн. 1778 г., т. CLVIII, апр., 25—27.
- Бравчинскій, докт., 1865 г., т. CLVIII, май, 430.
- Браницкая, гр., М., т. CLX, нояб., 295.
- Брауншвейгъ, нач. ликвидац. комис. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 257.
- Брейткопфъ, Ан. Ив., нач. Екатерин. инст. 1747—1823 г., т. CLX, дек. 534.
- де Бретейль, супруга фр. посла 1762 г., т. CLX, окт., 71.
- Бретейль, бар., фр. посолъ 1761 г., т. CLVIII, июнь, 543, 544, т. CLX, окт., 71—79, нояб., 270—275.
- Брешко-Брешковскій, Н., журналистъ 1914 г., т. CLX, нояб., 377.
- ф. Бринкманъ, Алсд. Герман., шт.-ротм., т. CLX, дек., 582.
- Броглю, гр-ня, рожд. Левашева, † 1837 г., т. CLVII, янв., 34.
- Брозинъ, экономъ Смольн. инст. 1810 г., т. CLX, дек., 529.
- Броневскій, Вл. Богд., морск. писатель, р. 1784 † 1835 г., т. CLX, нояб., 303, 305.
- Броневскій, повѣрен. въ дѣлахъ въ Германіи 1914 г., т. CLX, окт., 12—58.
- Брусиловъ, ген. 1914 г., т. CLX, нояб., 383, 384, дек., 636.
- Брюлловъ, Карлъ Пав., р. 1799 † 1852 г., т. CLX, нояб., 292, 293.
- Брянскій, и. д. москов. город. головы 1914 г., т. CLX, дек., 451.
- Брюсъ, гр. Як. Алсд. р. 1729 † 1791 г., т. CLX, дек., 512.
- Брюсовъ, Валерій, писат., т. CLVIII, апр., 71, июнь, 503.

Буальдье, композит. т. CLX, дек., 547.
 Будиловичъ, Ант. проф., т. CLVIII, май, 346.
 де Буйссерэ - Стеенбеке - де-Бларенгенъ, гр., Конрадъ, бельг. посланникъ т. CLX, окт., 211, нояб., 234, 238.
 Буковинскій, презид. г. Калиша 1914 г., т. CLX, окт., 213.
 Буксгевденъ, бар., Радомск. вице-губерн. 1885 г., т. CLIX, авг., 367.
 Бутаковъ, лейт. 1848 г., т. CLVIII, май, 305—308.
 Бутенева, рожд. гр-ня Хребтовичъ, т. CLVII, янв., 61.
 Бутеневъ, посоль въ Константинополь, т. CLVIII, янв., 61.
 Бутеневъ, (гр. Бутеневъ-Хрептовичъ), М. А., дипломатъ, т. CLVII, мартъ, 674.
 Бутурлина, рожд. Воронцова, 1810 г., т. CLX, дек., 545.
 Бутурлинъ, А. Б., фельдм. 1761 г., т. CLVIII, июнь, 545, т. CLX, нояб., 274.
 Бутурлинъ, Д. П., дирек. имп. пуб. библ. 1843 г., † 1849 г., т. CLVII, янв., 201, 202, 207.
 Бухарина, Вѣра Ив., въ зам. Анненкова, т. CLVIII, апр., 133, 137.
 Бухарина, Ел. Ѳед., рожд. Полторацкая, т. CLVIII, апр., 130.
 Бухаринъ, Ив. Наумов., воевода 1569 г., т. CLVIII, апр., 128.
 Бухаринъ, Ив. Яков., р. 1772 † 1858 г., т. CLVIII, апр. 129—138.
 Бухаря, Григ. Наумов., родонач. Бухариныхъ, т. CLVIII, апр., 128.
 Буцковскій, Н. А., т. CLX, нояб., 394.
 Бычковъ, А. Ѳ., акад. † 1899 г., т. CLVII, янв., 205, 211.
 Бычковъ, Н. А., угличск. купецъ 1892 г., т. CLIX, авг., 305.
 Бьюконенъ, Дж., англ. посоль 1914 г., т. CLX, окт., 211, нояб., 238.
 Бѣгичевъ, Дм. Никит., сенат. 1842 г., т. CLX, окт., 89, 91.
 Бѣдняковъ, кад. 2 москов. корп, т. CLX, дек., 587.
 Бѣлинскій, Вас. Гр., писат., † 1848 г., т. CLVIII, апр., 70.
 Бѣлова, Н. А., т. CLVIII, июнь, 539—547, т. CLX, окт. 70—80, дек. 504—512.
 Бѣлоголовый, Н. А., д-ръ, т. CLVIII, апр., 81, 83.
 Бѣлозерскій, М., сообщ.: „Блестящее дѣло, открывшее дорогу къ штурму Карса въ 1877 г.“, т. CLIX, июль, 77—85.

Бѣлозерскій, дѣят. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 254, 267.
 Бѣлковичъ, Л. Н., сообщ.: „Въ чужой странѣ“, т. CLX, окт., 161—202, нояб., 398—432, дек. 481—503.
 Бѣлявцевъ, ген. 1854 г., т. CLIX, авг. 246.
 Бюлеръ, бар., К. Ѳ., помощ. команд. войск., птгр. окр. 1866 г., т. CLVIII, мартъ, 547.
 Бюсси де Рабютенъ, клас. дама, т. CLIX, авг., 234.

В.

Валевскій, Петр., Ив., оф., † 1904 г., т. CLIX, июль, 175, 176, 177.
 Валентина, игуменья Новодѣв. монаст. въ Птгр., 1900г., т. CLVIII, май, 327.
 Валицкій, Альф. Осипов., проф., 1835 г., т. CLX, дек., 466.
 Валуевъ, П. А., мин. вн. дѣлъ, т. CLVII, февр., 301, 302, мартъ, 495, 539, 644, т. CLVIII, апр., 170, 171, т. CLX, нояб., 332.
 фонъ Вальстейнъ, гр-ня, Марія, 1764 г., т. CLIX, авг., 337.
 Вальтеръ, Соф. Алсд., рожд. Градовская, т. CLVIII, февр., 287.
 Вальтеръ, проф., т. CLVII, февр., 286.
 Вальцъ, докт. 1860 г., т. CLVII, февр., 407.
 Ванновскій, Петр. Сем., воен. мин., т. CLVII, янв., 76—83, т. CLVIII, апр., 103, июнь, 484, 491—497, т. CLIX, июль, 146, сент., 535, 537, т. CLX, окт. 85.
 Василевскій, Дм. Ефим., проф., т. CLX, дек., 565.
 Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., мин. фин., т. CLVIII, июнь, 525.
 Васильчиковъ, Ольга, рожд. гр-ня Олсуфьева, т. CLVII, мартъ, 523.
 Васильчиковъ, кн., т. CLVII, янв., 72.
 Васичъ, юнкеръ 1863 г., т. CLXа птгр. 355, 356, 357.
 Васмундъ, Г. Р., нач. штаб, ноя окр., 1890 г., т. CLX, VII.
 Васмутъ, Елис. Ант., директ-а жен. учил. воен. сирот. дома. (впосл. Павл. инст.), 1810—1819 г., т. CLX, дек., 534.
 Васмундъ, адъют. 1878 г., т. CLVIII, май, 227.
 Введенскій, С. Н., сообщ.: „Изъ архивныхъ документовъ“, „Непригодія рѣчи о патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ“ 1630 г., „Демонскіе лики въ Рязани“, 1671 г., т. CLVII, февр., 463—467.

- Велепольскій, гр., 1863 г., т. CLVIII, май, 299, т. CLX, окт., 109.
- Величко, ген.-отъ-инф., 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Вельяминовъ, Н. Н., ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 103.
- Вельяшевъ, 1842 г., т. CLX, окт., 99.
- Вельяшевъ, И., 1889 г., т. CLVII, янв., 73.
- Вендрихъ, А. А., ген., т. CLVII, янв., 170.
- Веневитиновъ, Д. В., его поэма „Освобожденіе Скальда“, т. CLVIII, апр., 120—127.
- Верстовскій, Ал. Н., композит., р. 1799 † 1862 г., т. CLX, нояб., 307.
- Вестманъ, тов. мин. ин. дѣлъ, т. CLVII, янв., 54, т. CLVIII, май, 333, 334, 336.
- Вигинсъ, капит. англ. службы 1880 г., т. CLIX, сент. 430—440.
- Виже-Лебрень, художница, 1790 г., т. CLX, нояб., 290.
- Вилламовъ, Григ. Ив., ст. секрет., его дневникъ, т. CLX, дек., 519—557, уп. 566.
- Вилламовъ, Н. А., сообщ.: дневникъ ст. секр. гр. Ив. Вилламова, т. CLX, дек., 519—557.
- Вилліе, Як. В., лейб.-мед., т. CLVII, февр., 316.
- Вильгельмъ II, имп. герман., т. CLIX, сент., VI, VII, т. CLX, окт., VI, VII, 60, нояб., II, III, 367—376 дек., 596, 598, 601, 638.
- Вильсонъ, Алсд. Як., директ. Александр. мануфакт., инж.-ген., р. 1776 † 1866 г., т. CLX, 538, 543.
- Виртембергская, герцогиня, Антони-Амалия, р. 1778 † 1824 г., т. CLX, дек., 544.
- Виртембергскій, герцогъ, Алсд. главноупр. пут. сообщ. р. 1771. † 1833 г., т. CLX, дек., 536, 538, 539, 542, 544.
- Виртембергскій, принцъ, Евгений, г.-м., † 1857 г., т. CLX, 555, 557.
- Вистингаузенъ, Луиза Ѳед., нач.-ца патриотич. инст. съ 1818 по 1847 г., т. CLIX, авг., 230.
- Витгенштейнъ, гр., Л., фельдм., † 1843 г., т. CLVII, янв., 150, 154.
- Витовтовъ, Алсд. Алсд., ст.-секр. т. CLX, 568, 572.
- Витте, Ѳед. Ѳед., попечит. Варшав. уч. окр., т. CLIX, сент., 513.
- Витте, гр., Серг. Юл., чл. гос. сов., т. CLVII, янв., 211.
- де Виттъ, Ив. Яковл., ген. 1784 г., т. CLVII, февр., 468, 469.
- ф.-Виттъ, г.-м. 1828 г., т. CLVIII, июнь, 498.
- Витторсъ, В. П., бригад. команд. 1887 г., т. CLVII, февр., 351.
- Віардо, Паулина, пѣвица, т. CLVIII, апр., 52.
- Віельгорскій, гр. М. Ю., т. CLX, дек., 531.
- Віоле, Гавр. Петр., секрет. имп. Маріи Ѳеодоровны, 1810 г., т. CLX, дек., 536, 553.
- Владиміровъ, чиновн., 1860 г., т. CLVIII, июнь, 594, 595, 596.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь, р. 1847 † 1909 г., т. CLVII, мартъ, 495, т. CLVIII, апр. 97, май, 219—237, т. CLX, нояб., 290.
- Владиславлевъ, П., сообщ.: „Подонки родины“, т. CLVIII, июнь, 470—475.
- Водовозова, Е. Н., писат., т. CLIX, авг., 229.
- Воейковъ, Пав. Дм., т. CLVII, мартъ, 491—516, 667—673, т. CLVIII, апр., 35—47, май, 238—246, июнь, 443—458, т. CLIX, сент., 402—407.
- Воейковъ, Ѳед. Матв., ген.-аншефъ, послан. при польск. дворѣ, 1762 г., р. 1703 † 1778 г., т. CLX, дек., 508.
- Волковъ, актеръ, т. CLX, нояб., 315.
- Волконская, княжна, А. М., см. Прозоровская.
- Волконская, княг., Екат., т. CLX, дек., 569—573.
- Волконская, княг., Алекд. Николаевна, рожд. княж. Рѣпина, ст.-дама, об.-гофмейст., р. 1757 † 1834, мать декабриста, т. CLIX, июль, 181, 182 т. CVX, дек., 542.
- Волконская, княг., Марія Ник., рожд. Раевская, жена декабриста, т. CLVIII, апр., 134, т. CLIX, июль, 184.
- Волконская, княг. М. В., сообщ.: „За 38 лѣтъ“, т. CLVII, янв., 175—196, т. CLVIII, май, 312—332.
- Волконскій, кн., Мих. Никит., 1750 г., т. CLIX, авг., 315.
- Волконскій, кн. фельдмарш., т. CLVIII, июнь, 488, 489.
- де Воллантъ, Марія Яковл., рожд. де Виттъ, т. CLVII, февр., 468.
- Де-Волланъ, Францъ Пав., инж. ген., 1810 г., т. CLX, дек., 527.
- де-Волланъ, Григ. А., сообщ.: „Эпизодъ изъ жизни имп. Павла I. Изъ зап. И. Я. де Витте“, т. CLVII, февр., 468—469. Изъ его записокъ, т. CLVIII, май, 332—355.
- Вольноходовъ, А., сообщ.: „Письма героя Шипки — Ѳ. Ѳ. Радецкаго изъ Германіи“, 1885 г., т. CLX, дек. 594—604.
- Вольскій, полков. образцов. пол. 1865 г., т. CLX, нояб., 362, 363.

- Вольфъ, секретарь им-цы Маріи Феодоровны, 1810 г., т. CLX, дек., 520.
- Воронова, Евг. Ник., рожд. Вережкина, † 1912, т. CLVII, февр., 288—290.
- Вороновъ, П. Н., г.-л., сообщ.: „Мировоззрѣніе германцевъ на историческія событія 1813—1814 г.“, т. CLX, окт., VIII, „Планъ войны Германіи съ Россіей въ 1913 г.“, нояб., IV, упом. янв., 170, 288, нояб. III.
- Воронцова, гр. Анна Карл., рожд. гр. Савронская, т. CLX, нояб., 270, 272.
- Воронцова, гр-ня, Елис. Романов., въ зам. Полянская, т. CLVIII, июнь, 541.
- Воронцовъ, гр., Ив. Лар., ген.-поруч., р. 1719, † 1786 г., т. CLVIII, июнь, 533.
- Воронцовъ, кн., Мих. Сем., намѣстн. Кавказ. 1848 г., т. CLVII, янв., 52, 216, 217.
- Воронцовъ-Вильяминъ, Н. П., помощ. попечит. Варшав. учеб. окр. 1884 г., т. CLIX, сент., 497.
- Воронцовъ-Дашковъ, гр., т. CLVII, янв., 72.
- Воротынская, княг., Анаст. Львов., т. CLIX, июль, 63—65.
- Вронченко, мин. фин., т. CLVIII, июнь, 607, 608.
- Всеволожскій, А. И., директ. театр., т. CLVII, янв., 116.
- Всеволожскій, Ив. Алсд., директ. Имп. театр., т. CLII, янв., 124.
- Вълузгинъ, Елизаръ, думн. дякъ 1591 г., т. CLIX, авг., 284.
- Высоцкій, Н. Г., сообщ.: „Изъ бытовой исторіи древней Руси“, т. CLIX, июль, 63—65.
- Вышемірскій, директ. жен. ком. учил. въ Луганскѣ, 1914 г., т. CLX, дек., 633—635.
- Вышеградскій, И. А., мин. финанс., т. CLVII, февр., 347.
- Вѣра Константиновна, вел. княг., принцесса Виртембергская, т. CLX, дек. 602.
- Вяземская, М. А., см. Столыпина.
- Вяземскій, кн., Ник. Григ., сенат., р. 1769, † 1846 г., т. CLX, нояб., 305.
- Вяземскій, кн., Пав. Петр., секрет. посольства въ Константиноп. 1849 г., т. CLVII, янв., 61, 62.
- Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., † 1878 г., т. CLVII, янв., 62, т. CLVIII, июнь, 502, т. CLIX, июль, 39.

Г.

- Гаазъ, Э. П., докт.-филантропъ, т. CLVII, февр., 282, т. CLX, нояб., 388, 389.
- Гавриловъ, Матв. Гаврил., проф., р. 1759, † 1829 г., т. CLX, нояб., 306.
- Гавриль Константиновичъ, Князь, 1914 г., т. CLX, нояб., 285.
- Гагаринъ, кн., Ив. Алексѣев., шталмейст. р. 1771 † 1832 г., т. CLX, 553.
- Гагаринъ, кн., 1889 г., т. CLVII, янв., 73.
- Гагенъ, клас. дама, т. CLIX, авг., 234.
- Гакстгаузенъ, гр., датск. послан. въ Птгр., 1762 г., т. CLVIII, июнь, 539—547, т. CLX, окт., 70—80, нояб., 262—283, дек., 504—512.
- Галкинъ, А. С., предсѣд. отдѣла Геогр. об-ва въ Ташкентѣ, 1913 г., т. CLVII, мартъ, 656.
- Галля, Алсд. Алсд., гофмарш. 1877 г., т. CLVIII, апр., 90, 91, 107, 109, 116.
- Гамалѣя, Платонъ Яков., 1813 г., т. CLIX, сент., 448.
- Гамбургеръ, чинов. мин. ин. дѣлъ, т. CLVIII, май, 333.
- Ганецкій, ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 106.
- Гацкевичъ, Е. П., педаг. 1885 г., т. CLIX, авг., 354.
- Гваренги, архит., † 1817 г., т. CLX, дек., 555.
- Гвоздевъ, Алсд. Васил., 1825 г., т. CLX, нояб., 330.
- Гвоздикъ, т. CLX, дек., 470.
- Гедеонъ, еписк., викарій Варшав. епарх., 1895 г., т. CLIX, авг., 370.
- Гейденъ, гр., Фрицъ, т. CLVII, янв., 55, 57, 61.
- Гейденъ, гр., Эед. Логин., нач. гл. штаба, т. CLVIII, июнь, 482, 499.
- Гене, Алексѣй, сообщ.: „Виленскія воспоминанія“, т. CLVIII, май, 418—434, июнь, 580—610.
- Гензельтъ, артистъ, т. CLVIII, май, 312.
- Генкель, Серг. Ив., т. CLVII, янв., 219, 220.
- Германъ, генер. 1785 г., т. CLVIII, май, 414.
- Германъ, инспект. Смольн. инст., т. CLIX, авг., 279.
- Гернъ, К. И., т. CLVIII, май, 306.
- Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, Филиппъ, ген. 1818 г., т. CLVII, янв., 86, 94.
- ф. Гетцендорфъ, Конрадъ, австр. ген. 1914 г., т. CLX, нояб., II.

- Гильяровъ, С. А., ред. „Современ. Извѣстій“; педагог., т. CLIX, июль, 103—105.
- Гильяровъ-Платоновъ, Н. П., т. CLIX, июль, 104.
- Гинденбургъ, герман. ген. 1914 г., т. CLX, дек., 646.
- Гирсъ, Н. К., мин. ин. дѣлъ, т. CLVIII, май, 336, июнь, 515, 517, 523, т. CLIX, сент., VII.
- Гладстонъ, госуд. дѣят. Англии, т. CLIX, авг., 249—268, т. CLX, нояб., 336—352.
- Глазовъ, В. Г., ген., т. CLVII, янв., 170.
- Глинка-Мавринъ, г.-ад. 1878 г., т. CLVIII, апр., 119.
- Глотовъ, Алсд., морск. оф. 1821 г., т. CLIX, июль, 50—62.
- Глуховской, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Глѣбова, Мар. Симон., рожд. Гендрикова, въ 1-мъ бракѣ Чоглокова, т. CLX, дек., 510.
- Глѣбовъ, Алд. Ив., ген.-прокур. 1761 г., т. CLX, нояб., 268, дек., 610.
- Глѣбовъ, С., сообщ.: „Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ“, т. CLVII, мартъ, 667—673.
- Гнусинъ, С. С., писат. старообряд. 1812 г., т. CLVII, янв., 51.
- Гогель, артил. оф., т. CLVIII, май, 421.
- Гогенлоэ - Ингельфингенъ, принцъ, Крафтъ, прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ въ 1853 г., † 1899 г., т. CLVII, мартъ, 559—576.
- Годневъ, чл. Гос. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 253.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. CLIX, авг. 282, 284, 285, 287, 291, 293, 294, 297, 300.
- Голицына, княг., Анаст., 1704 г., т. CLVIII, апр., 172.
- Голицына, княг., Вѣра Аркад., рожд. Столыпина, т. CLVII, янв., 61, 62.
- Голицына, княж., Екат. Леонид. въ зам. гр. Игнатъева, т. CLVII, мартъ, 520.
- Голицынъ, кн. Алсд. Мих., р. 1723, † 1807 г., т. CLX, нояб., 280.
- Голицынъ, кн., Алсд. Ник., т. CLX, дек., 535.
- Голицынъ, кн., А. Ѳ., 1860 г., т. CLVII, мартъ, 528, 530.
- Голицынъ, кн., А., об.-гофм. 1820 г., т. CLVII, февр., 393.
- Голицынъ, кн., А. Н., т. CLVII, янв., 199, 200, 201, февр., 309.
- Голицынъ, кн., Давыдъ Ѳед., секрет. мис. въ Константиноп. 1849 г., т. CLVII, янв., 61, 62.
- Голицынъ, кн., Ив. Ѳед., капит. Преображ. полка, р. 1731 † 1798 г., т. CLX, нояб., 268, дек., 511.
- Голицынъ, кн., Н. Н., т. CLVIII, май, 284, 285, 288, 292, 303.
- Голицынъ, кн., П. А., нач. воен. учебн. завед., 1810 г., т. CLX, дек., 541.
- Голицынъ, кн., т. CLVII, февр., 355.
- Головина, гр. Варвара Ник., т. CLX, дек., 511.
- Головина, гр-ня, въ зам. принцесса Голштейнъ-Бекская, т. CLX, нояб., 274.
- Головинъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Головкина, гр-ня, Ек. Ив., рожд. Ромодановская, т. CLX, нояб., 289.
- Головкина, Ек. Ник., кл. дама Минск. гимназ., 1882 г., т. CLX, окт., 86.
- Головкинъ, гр., Петръ Гавр., об.-егерм. 1810 г., т. CLX, дек., 520, 533, 535.
- Головкинъ, гр., Ѳ. Г., послан. въ Неаполь 1790 г., изъ его „Записокъ“, т. CLVII, мартъ, 631—641, т. CLX, окт., 106—108, нояб., 296—301.
- Головинъ, министръ, т. CLX, дек., 472, 474.
- Голомбѣвскій, А. А., т. CLIX, сент. 419.
- Голубевъ, И. Я., предсѣд. Госуд. Совѣта 1914 г., т. CLX, нояб., 228—230.
- Гольдманъ, депут. Гос. Думы 1914 г., т. CLX, окт., 211, нояб., 248.
- Голштейнъ-Бекскій, принцъ, губернат. Ревеля, т. CLX, нояб., 283.
- Голштейнъ-Бекская, прицесса, въ зам. княг. Барятинская, т. CLX, нояб., 274.
- Гонзаго, Пет. Ѳед., худож. архит., † 1831 г., т. CLX, дек., 553.
- Гончаровъ, Ив. Алсд., писатель, его письма къ Никитенко, т. CLVII, февр., 403—437, мартъ 538—551, т. CLVIII, апр., 48—59.
- Горбатовскій, ген. 1904 г., т. CLVII, янв., 173, 174.
- Горбовскій-Заранекъ, Ив., оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Горбуновъ, И. Ѳ., артистъ, 1887 г., т. CLVII, февр., 344, т. CLX, нояб., 394.
- Горголи, Ив. Сав., сенат., писат., р. 1770 † 1862 г., т. CLX, дек., 548.
- Гординскій, докт. 1829 г., т. CLIX, сент., 421.
- Гордтъ, прусск. полков., 1762 г., т. CLX, дек., 508.
- Горина, Над. Петр., рожд. Щепкина, т. CLX, дек., 562.
- Горемыкинъ, И. Л., предсѣд. сов. мин., 1914 г., т. CLX, окт., 210, нояб., 234.

- Горловъ, Мих. Пав. чл. ликвидац. комис. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 257, 259, 264, 265, 267, 271, 283, 292, 300, 301.
- Горностаевъ, акад., т. CLVII, янв., 208.
- Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., канцл., т. CLVII, мартъ, 495—516, 531, 532, т. CLVIII, апр., 12, 15, 101, май, 241—245, 336, июнь, 447—449, 582, 583 т. CLIX, июль, 5, 14, 15, 66, 68, авг., 196—206, т. CLX, окт., 152, 153.
- Гоуденъ, Ек. Пав., см. Скавронская.
- Гофманъ, М. Л., сообщ.: „Лирика Е. А. Боратынскаго“, т. CLVIII, апр., 68—77, май, 372—382, июнь, 501—513, т. CLIX, 39—48.
- Граббе, гр., Пав. Христоф., г-ад. 1849 г., вполн. атам. войска Донскаго, т. CLVII, янв., 52, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 62, 63, 64, 68, 69, 70, 71.
- Градовская, Ол. Влад., † 1912 г., т. CLVII, февр., 283—287.
- Градовскій, Алсд. Дм., проф., т. CLVII, февр., 283, 284, 285, 286.
- Граевскій, ксендзь 1887 г., т. CLIX, сент., 550.
- Гребневскій, священ. 1826 г., т. CLVII, мартъ, 609.
- Гревсдонъ, худож., 1825 г., т. CLX, нояб., 295.
- Гревницъ, бар. Фридр., управл. г. Павловска, т. CLX, 528, 535—539, 554—556.
- ф. Гренингенъ, Дидрихъ, 1249 г., т. CLVIII, апр., 173.
- Григоровичъ, морск. мин. 1914 г., т. CLX, нояб., 253.
- Гриневицъ, педаг., т. CLIX, июль, 115.
- Гринмутъ, издат. Москов. Вѣд., 1887 г., т. CLX, дек., 461—464.
- Гроссъ, Андр. Леонт., † 1765 г., т. CLX, нояб., 280.
- Гротъ, Альфредъ Карл., об.-шенкъ, т. CLVII, мартъ, 523.
- Гротъ, Н. Я., т. CLVII, янв., 227—229.
- Гротъ, Як. К., акад., т. CLVII, февр., 292, 419, 423.
- Грузинская, княг. Ек. Пав., см. ф. деръ Палень.
- Грузинскій, кн., Ив. Григ. т. CLX, ноябрь, 291.
- Грузинцевъ, В., сообщ.: „Рубль Пугачева“, т. CLX, дек., 633—635.
- Грюнеръ, комис. по крестьян. дѣламъ, 1865 г., т. CLVIII, май, 285.
- Губастовъ, К. А., 1908 г., т. CLVII, мартъ, 668.
- Гудовичъ, гр., ген. 1791 г., т. CLVIII, май, 415, 416.
- Гулакъ-Артемовскій, П. П., проф., 1835 г., т. CLX, дек., 466.
- Гулевичъ, Анат. Венедикт., поруч. 1857 г., т. CLVIII, апр., 160.
- Гурко, I. В., Варшав. ген.-губ. 1883 г., ген.-губ., т. CLVIII, май, 237, т. CLIX, сент. 509.
- Гурьева, Соф. Пав., дек., 622.
- Гурьевъ, гр., Дм. Влад., мин. фин. р. 1751 ÷ 1825 г., т. CLX, дек., 521, 536—538, 543—553.
- Густавъ-Адольфъ, кор. шведскій, † 1837 г., т. CLIX, сент., 418, 419.
- Гучковъ, Ѳед. Алексѣев., старообр. 1812 г., т. CLVII, янв., 49, 50, 51.
- Гюббенетъ, мин. пут. сообщ., т. CLVIII, май, 434.

Д.

- Давыдова, Алсд. Ив., рожд. Потапова, т. CLIX, сент., 441—443.
- Давыдовъ, Алсд. г-м. 1826 г., т. CLIX, сент. 441.
- Давыдовъ, Вас. Львов., декабристъ, т. CLIX, сент., 441—443.
- Давыдовъ, Петръ, тн. сов. 1826 г., т. CLIX, сент., 441—443.
- Давыдовъ, И. И., проф. 1794, ум. 1863 г., т. CLX, ноябр., 304, 305, 306.
- Давыдовъ, миров. посредн. 1865 г., т. CLVIII, май, 253.
- Давыдовъ, Петр. Льв., камергеръ, т. CLX, дек., 522, 523, 530, 531, 533, 543—551.
- Дадіани, княг., Елис. Пав., см. ф. деръ Палень.
- Дайнези, ген. 1849 г., т. CLVII, 55.
- Дандевиль, ген.-отъ-инф. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497, т. CLIX, окт., 83, 84.
- Даниловичъ, Гр. Гр., т. CLVIII, май, 321, 322.
- Даниловъ, Никол., оф., † 1877 г., т. CLIX, июль, 175.
- Данненбергъ, Яковъ, 1750 г., т. CLIX, авг., 315.
- Дантесъ-Геккернъ, т. CLVII, мартъ, 527, 528.
- Данъшичъ, Д. Д., уполномоч. Красн. Креста 1914 г., т. CLX, V.
- Дау, художн., т. CLVII, янв., 209.
- Дашковъ, кн., оф., 1762 г., т. CLX, дек., 508.
- Дашковъ, П. Я., т. CLVIII, май, 309.
- Двигубскій, проф., р. 1771 † 1839 г., т. CLX, дек., 568.
- Дель, Ѳед. Франц., врачъ, т. CLX, дек., 599, 600.

- Дельви́гъ, бар., А. А., писатель, † 1831 г., т. CLVIII, апр., 74.
- Деляновъ, И. Д., мин. нар. просв., т. CLVII, янв., 209, 210, 211, т. CLIX, сент. 448—491.
- Деменитръ В., чл. Одесск. окружн. суда, 1910 г., т. CLVIII, апр., 65.
- Демидова Санъ Донато, княж., рожд. княж. Мещерская, т. CLVII, мартъ, 520.
- Демидовъ Санъ Донато, кн., А. Н., т. CLVII, мартъ, 528.
- Демидовъ, Вас. Ив., 1748 г., т. CLIX, авг. 311.
- Демуть Малиновскій, худож., т. CLVII, янв., 209.
- Денисовъ, полков., 1877 г. т. CLVIII, апр. 91.
- День, Курск. губернат., т. CLVIII, май, 292.
- Деревницкая, М. Н., см. Щербатова.
- Державинъ, Гавр. Ром., † 1816 г., т. CLVIII, апр., 75, т. CLX, ноябр., 290.
- Детловскій, Гуго Робертъ, пом., нач. уѣзда въ Гольдингенъ 1904, т. CLVIII, апр., 174—177.
- Дехтеревъ, ген. 1814 г., т. CLVII, мартъ, 627.
- Дибичъ, гр., † 1830 г., т. CLIX, июль, 188.
- Дмитревскій, актеръ, т. CLX, ноябрь, 315.
- Димитрій, царевичъ, † 1591 г., т. CLIX, авг., 282.
- Димитрій Сѣменовъ, митроп. Новгород., 1764 г., т. CLIX, авг., 328, 329, 333, 335.
- Дитмаръ, О. А., инж. путей сообщ. 1905 г., т. CLVII, мартъ, 586.
- Дмитріевъ, И. И., писатель, т. CLX, дек., 571.
- Дмитріевъ, М. П., депутатъ Гос. Думы, 1914 г., т. CLIX, IV.
- Дмитріевъ, ген. 1914 г., см. Радко-Дмитріевъ.
- Добровольскій, В. М., нач. Радомск. учеб. дирекц., 1885 г., т. CLIX, авг., 369.
- Добровольскій, Я. И., педагогъ, 1855 г., т. CLIX, авг., 353.
- Довнаръ, студ., т. CLVII, янв., 20.
- Довре, нач. штаба гр. Витгенштейна 1801 г., т. CLVII, февр., 449.
- Долгорукая, княж. Анна, нач. Смольн. инст., 1764 г., т. CLIX, авг., 320, 335.
- Долгорукій, кн., И. М., писат., т. CLIX, ноябрь, 289.
- Долгорукій, г.-ад., 1885 г., т. CLX, дек., 595, 596.
- Долгоруковъ, кн., Алексѣй Ал., мин. юстиц. 1828 г., т. CLIX, июль, 188, 189, сент., 442, 443.
- Долгоруковъ, кн. В. А., Моск. ген.-губ., 1865 г., т. CLX, ноябрь, 333.
- Доливо - Добровольскій, т. CLVII, февр., 461.
- Долина, Мар. Ив., пѣвица, т. CLVII, янв., 125, 129.
- Дометти В., сообщ. „Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ“, т. CLVII, янв., 72—75.
- Доппельмейеръ, ген. - интенд., 1842 г., т. CLVII, янв., 57.
- Доронтъ, аптек. Смольн. монаст. 1790 г., т. CLIX, авг., 317.
- Драгомировъ, М. И., Кіевск. ген.-губ., т. CLVIII, апр., 98, июнь, 591, 611—614.
- Дризенъ, бар., ген.-лейт. 1877 г., т. CLVIII, май, 227, 229.
- Дружининъ А. В., писат., † 1864 г., т. CLVII, февр., 406.
- Дружининъ, Петръ Мих., директ. учил. москов. губ., † 1827 г., т. CLX, ноябрь, 304.
- Дубровинъ, Ник. Ѳед., акад., т. CLVII, мартъ, 653, июнь, 497.
- Дубянскій, Ѳед. Як., протоіер. † 1771 г., т. CLX, ноябрь, 271.
- Дудышкинъ, С. С., писат., т. CLVII, февр., 406, мартъ, 545.
- Дураковъ, Алсд. Петр., поруч. 1837 г., т. CLX, окт. 87, 88.
- Дурова, Маргарита Алсд., монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 330.
- Духонинъ, ген. 1882 г., т. CLX окт., 86.
- Дюваль, придворн. ювелиръ 1810 г., т. CLX, дек., 534, 552.
- Дюгамель, ген. 1849 г., т. CLVII янв., 54.

Е.

- Евгеній, архіеп. ростовск. 1850 г., т. CLIX, авг., 289.
- Екатерина I, императрица, т. CLX, ноябрь, 288.
- Екатерина II, императрица, т. CLVII, янв., 29, 30, 209, 212, 220, февр., 468, т. CLVIII, апр., 128, 129, 137, июнь, 461, 525, 534—538, 539—547; т. CLIX, авг., 269, 270, 317, 319, 327, 335, 354. т. CLX, окт. 130, ноябрь, 262—283, 289, 296, 297, 306, 325. т. CLX, дек., 504, 512, 576.

Екатерина Павловна, вел. княгиня, герцогиня Ольденбургская, во 2 бракъ Кор.Виртембергская † 1819 г. т. CLVII, янв., 136, 142, мартъ, 484, т. CLIX, сент., 391, 400, т. CLX., дек., 520—557.

Елена Павловна, в. княг., † 1883 г. т. CLX, дек., 526.

Елецкой, кн., Вас. Ѳед., 1704 г., т. CLVIII, апр., 206.

Елисавета Алексѣевна, императрица, т. CLVII, янв., 142, февр., 393, т. CLX, дек., 543, 545, 551.

Елисавета Петровна, императрица, т. CLIX, авг., 309, 312, 314, 316, 336; т. CLX, окт., 70—80; ноябрь, 262—283, 289, 312, 393.

Еракова-Данилова, Вѣра Алсд., т. CLVII, февр., 282.

Ермолинскій, Н. Н., воспитат. авг. дѣтей в. кн. Константина Константиновича, 1914 г., т. CLX, ноябрь, 285.

Ермоловъ, поруч. артил. 1849 г., т. CLVII, янв., 70.

Ершовъ, арт.-пѣвецъ, т. CLVII, янв., 125.

Ефимовичъ, офиц. 1878 г., т. CLVIII, апр., 103, 117.

Ж.

Жареновъ, И. А., угличск. гражд. 1892 г., т. CLIX, авг., 304.

Жареновъ, М. А., углич. город. голова 1892 г., т. CLIX, авг., 304.

Жданъ-Пушкинъ, Ив. Викент., ген.-м. 1863 г., т. CLVII, янв., 163, 165, 166; т. CLVIII, апр., 162.

Желтухинъ, В. П., ген.-лейт. 1862 г., т. CLVII, янв., 160, 168.

Желтухинъ, Ив., оф. † 1905 г., т. CLIX, июль, 175.

Желтухинъ, Петръ Ѳед., ген. 1828 г. т. CLVII, янв., 160.

Жербина, Лид. Мих., рожд. Яковлева, т. CLVIII, май, 337.

Жерве, т. CLVII, мартъ, 517.

Жилинскій, нач. ген. штаба 1914 г., т. CLVIII, июнь, 497, т. CLX, ноябрь, III.

Жомини, бар., Алсд. Генрих., дипломатъ, † 1888 г., т. CLVII, мартъ, 495; т. CLVIII, апр., 15.

Жоффриъ, ген., франц. главнокоманд. 1914 г., т. CLX, ноябрь, 368, 370, 371.

Жуковскій, Вас. Андр., писат., т. CLVIII, апр., 68, 74, 75, 76.

Жуковскій, Пав. Вас., художн., т. CLVII, февр., 292.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Парф., госуд. дѣятель, † 1881 г., т. CLVII, мартъ, 544.

Забѣлина, въ зам. Яковлева, т. CLIX, авг., 245.

Забѣлинъ, И., археологъ, историкъ, т. CLIX, авг., 295.

Завадовскій, гр. Петр. Вас., мин. просв., р. 1738 † 1812 г., т. CLX, дек., 534.

Зайцевъ, капит. 1863 г., т. CLX, ноябр., 353.

Зайцовъ, ген.-лейт. 1897 г., т. CLVII, июнь, 497.

Закревская, А. Ѳ., т. CLVIII, май, 382.

Закревскій, И. П., т. CLVII, февр., 259, 279.

Зальца, бар., помѣщ., 1861 г., т. CLVII, янв., 97.

Залусскій, Юсифъ, † 1774 г., т. CLVII, янв., 197, 199, 200, 201.

Замятинъ, тн. сов., 1865 г., т. CLX, ноябрь, 332.

Замятинъ, Д. Н., мин. юст. † 1881 г., т. CLX, ноябрь, 394.

Зарудная, Зоя Алсд., т. CLVIII, май, 337.

Зарудный, Серг. Ив., т. CLVIII, май, 337, т. CLX, ноябрь, 394.

Заруцкій, приближен. самозванца, 1614 г., т. CLX, дек., 626—632.

Зассъ, нач.-ца Патріотич. Инстит., т. CLIX, авг., 231.

Звегинцевъ, А., сообщ.: Разсказъ семидесятилѣтняго, старика о императорѣ Николаѣ I-мъ", т. CLX, дек., 576—580.

Звегинцевъ, Ефим. Мих., рейтъ пажъ при Екатеринѣ II, т. CLX, дек., 576—580.

Зедгенидзе, воен. инж. 1904 г., т. CLVII, янв., 174.

Зенгеръ, мин. нар. просв., т. CLIX, авг., 366.

Зернинъ, проф. 1864 г., т. CLX, дек., 471.

Зерчаниновъ, Алексѣй, священ., т. CLVII, янв., 194.

Зиловъ, проф., 1899 г., т. CLX, окт., 112, 113.

Зиновьевъ, М. А., поруч., т. CLVIII, апр., 167.

Зиновьевъ, директ. азіат. деп-а мин. ин. дѣлъ 1885 г., т. CLIX, авг., 260, 261, 265.

Золотаревъ, полков. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.

Зубовъ, кн. Плат. Алсд., † 1822 г., т. CLVII, янв., 30.

- Зыбинъ, Н. Ѳ., завѣд. Радомск. лѣснич. 1887 г., т. CLIX, сент. 535.
Зыковъ, С. П., ген.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.

И.

- Иванова, Елис. Самсон., т. CLVII, янв., 220.
Ивановъ, Аѳанасій, священникъ, Свѣдѣнія о его потомствѣ, т. CLVIII, апр., 207, 208.
Ивановскій, Мих. Іоаким., протоіер, законоучит. Радомск. гимназ. 1884 г., т. CLIX, сент. 497, 503, 504.
Ивановъ, Зиновій, свящ., т. CLIX, июль, 63—65.
Ивановъ, М. Л., архитект. акад., 1890 г., т. CLVIII, июнь, 489.
Ивановъ, ген. 1914 г., т. CLX, ноябр. 384, дек., 648.
Ивашковскій, Сем. Мартын., проф., р. 1774—1850 г., т. CLX, ноябрь, 305.
Игнатъевъ, гр., Н. П., посолъ въ Константиноп., мин. вн. дѣлъ, его записки: „Поѣздка гр. Н. П. Игнатъева по европейскимъ дворамъ передъ войной 1877—1878 г.“, т. CLVII, мартъ, 491—516, т. CLVIII, апр., 35—47, май, 238—246, июнь, 443—458; т. CLIX, июль, 5—18, авг., 195—206, сент., 402—407, упом. янв., 53, мартъ 667—673, апр., 4—19, 111, 114, авг., 263, окт., 141, дек., 464.
Игорь Константиновичъ, князь, 1914 г., т. CLX, ноябрь, 285.
Извольскій, посолъ во Франціи, 1914 г., т. CLIX, июль, 66, т. CLX, окт. 29—58, 68.
Извъковъ, А. С., педагогъ, 1855 г., т. CLIX, авг. 353, 363.
Имеретинскій, кн., Варшав. ген.-губ. 1890 г., т. CLVIII, май, 260, т. CLIX, авг. 368; сент., 492, 545—548, т. CLX, окт., 110.
Иракліоновъ, П. М., 1825 г., т. CLX, ноябрь, 305.
Исаенковъ, В. Д., попечит. москов. учебн. окр., 1891 г., т. CLIX, сент., 488, 489.
Исаковъ, Никол. Вас., гл. нач. воен. учебн. завед. р. 1821 г., † 1881 г., Изъ его записокъ, т. CLVII, янв., 52—71, упом. т. CLX, окт., 139—146, дек., 585.
Исаковъ, П. Н., сообщ: „Изъ воспоминаній прусскаго военнаго агентъ въ Вѣнѣ въ 1853—1854 г.“, т. CLVII, мартъ, 559—576.
Исаковъ, Пав. Вас., т. CLVII, янв., 71.

- Истоминъ, И. А., углич. гражд., 1892 г., т. CLIX, авг., 304.
Истоминъ, фл. ад. 1849 г., т. CLVII, янв., 54, 55, 56, 58, 60, 68, 69.
Ичасъ, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, ноябрь, 249.

І.

- Іевреинова, Алсд. сообщ: „Письмо А. І. Іевреинова о сооруженіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ“, т. CLVIII, апр., 204—205.
Іевреиновъ, А. І., ген.-отъ-инф. т. CLVIII, апр., 204, 205.
Іеронимъ, проіер. варшав. 1902 г., т. CLIX, авг., 370, 371.
Іонаванъ, архіеп. Ярослав. 1888 г., т. CLIX, авг., 302.
Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, † 1764 г., т. CLX, ноябрь, 273.

К.

- Казанскій, Б. В., сообщ: „Къ столѣтію Имп. Публ. Библиотеки“, т. CLVII, янв., 197—211.
Казанскій, полков., 1853 г., т. CLX, ноябрь, 353.
Казанскій, управл. консульствомъ въ Прагѣ 1914 г., т. CLX, окт., 24.
Казн, Мих. Ильичъ, 1883 г., т. CLVII, мартъ, 667.
Казнаковъ, Н. Г., воспитатель вел. кн. Владиміра Александровича, т. CLVIII, май, 219, 222.
Казначеевъ, А. Н. тн. сов., 1848 г., т. CLVII, янв., 217.
Калайдовичъ, Конст. Ѳед., археологъ, р. 1792 † 1832 г., т. CLX, дек., 565.
Калининъ, Ник. Игн., птг. почтъ директ., † 1820 г., т. CLX, дек., 540.
Каменскій, гр., Н. М., фельдм., т. CLX, дек., 555.
Каменскій, совѣтн. кіевск. казен. палаты, 1820 г., т. CLVIII, апр., 136.
Кампенгаузенъ, бар., Балтаз. Балтаз., госуд. контрол., р. 1772 † 1823 г., т. CLX, дек., 523, 551.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мин. фин., т. CLVIII, май, 358.
Каподистрія, Гр. І., мин. ин. дѣлъ, т. CLVII, янв., 86, февр., 369, 370, 373, 374, 376.
Капустинъ, Мих. Ник., проф., т. CLX, окт., 144, 145.
Карабанова, А., см. Каховская
Карамзинъ, Н. М., т. CLIX, авг., 292.

- Карамышевъ, помѣщ., т. CLVII, февр., 299—305.
 Карасевъ, и. д. об.-прокур. синода 1850 г., т. CLIX, авг., 289.
 Каратыгинъ, П. А., артистъ, т. CLVII, мартъ, 688.
 Касторскій, артистъ, т. CLVII, янв., 125.
 Катериничъ, кievск. вице-губернат. т. CLVIII, апр., 134, 135.
 Каткова, рожд. княж. Шаликова, т. CLX, дек. 456.
 Катковъ, М. Н., † 1887 г., т. CLVII, февр., 349; т. CLVIII, апр., 82, май, 350; т. CLIX, авг., 251, 256, 258, 259, т. CLX, дек., 455.
 Каульбарсъ, бар., Ник. Вас., воен. агентъ, въ Вѣнѣ, т. CLX, дек., 603.
 Каульбарсъ, баронес., Елис. Ник., дек., 603.
 Кауфманъ, А. Е., сообщ: „Оклеветанный сатирикъ“, т. CLVIII, апр., 78—84.
 Кауфманъ, Анжелика, художница, р. 1741, † 1807 г., т. CLX, ноябрь, 290.
 Кауфманъ, К. П., Виленск. вполн. Туркест. ген.-губ. т. CLVII, янв., 210, т. CLVII, май, 434, июнь, 580, 594.
 Кауфманъ, М. П., т. CLVIII, июнь, 580.
 Каховская, А., рожд. Карабанова, т. CLVII, февр., 444.
 Каховская, Агаѳ. Андр., рожд. Храповицкая 1788 г., т. CLVII, февр., 444.
 Каховскій, Б. В., сообщ: „Записки ген. Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 г.“, т. CLVII, февр., 444—462, мартъ, 676—685.
 Каховскій, Ив. Тимоѳ., помѣщ. 1788 г. т. CLVII, февр., 444.
 Каховскій, Мих. Ив., ген., Слободо-Украин. губернат., † 1840 г., его записки, т. CLVII, февр., 444—462.
 Кахонскій, Петръ Дем., ген.-м. 1814 г., т. CLVII, февр., 445.
 Каховскій, ген. 1814 г., т. CLVII, мартъ, 676—685.
 Качаловъ, Никита 1591 г., †. CLIX, авг., 282.
 Каченовскій, М. Тр., проф., т. CLX, ноябрь, 306.
 Кашиновъ, В. Н., Угличск. гражд. 1892 г., т. CLIX, авг., 304.
 Кейтъ, анг., послан. 1762 г., т. CLX, ноябрь, 270, 272, 281.
 Келлеръ, чиновн. 1835 г., т. CLVII, мартъ, 534, 535.
 Кенигъ, Анна Ив., т. CLVIII, май, 347.
 Керенскій, чл. Гос. Думы 1914 г., т. CLX, ноябрь, 245.
 Клининскій, Янъ, сапожн., участн. въ польск. возст. т. CLIX, сент., 537.
 Киприянъ, перв. тобольск. еписк., 1620 г., т. CLIX, авг., 293.
 Кириченскій, Е. И., педаг., 1885 г., т. CLIX, авг., 354.
 Кириakovъ, М. М., сообщ: „Историч. записка о принятыхъ мѣрахъ осторожности по случаю открывшейся въ окрестностяхъ г. Одессы чумной заразы“, 1829 г., т. CLIX, сент., 420—429.
 Кириakovъ, Мих. Мих., † 1839 г., т. CLIX, сент., 420.
 Кирмаловъ, Викт. Мих., т. CLVIII, апр., 57.
 Кирмалина, Алсд. Алсд., т. CLVII, февр., 432.
 Кирсановъ М., сообщ: „Въ Задонскихъ степяхъ“, т. CLVIII, июнь, 548—579.
 Кирѣевъ, Алсд. Алсд., ген. 1887 г., т. CLVIII, июнь, 515, 517, 520. т. CLIX, дек., 464.
 Кирѣевскій, И. В., т. CLVIII, апр., 70.
 Киселевскій, купецъ, т. CLVIII, апр., 134, 135.
 Киселевъ, гр., Пав., Дм., мин. госуд. имущ., † 1872 г., т. CLVII, мартъ, 523, 524, 526, 527, 531; т. CLVIII, апр., 132, 133; т. CLX, окт., 96.
 Киссель, Ѳед. Харитонов., смотрит. Угличск. город. училищъ, † 1852 г., т. CLIX, авг., 287—290.
 Кисловскій, А. Е., дир. канц. м-ва нар. просв. 1860 г., т. CLVII, февр., 427, 428.
 Кладищевъ, Дм. Петр., фл.-адм. 1877 г., т. CLVIII, апр., 93, 94, 98, 99, 100, 101, 103, 108.
 Кламъ-Мартиницъ, гр., маіоръ 1818 г., т. CLVII, янв. 86—94.
 Климовичъ, Станисл., оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 176.
 Клеменсъ, Д. А., т. CLIX, июль, 22.
 Клигеръ, Ѳед. Ив., писат., директ. воен. учеб. завед., 1810 г., т. CLX, дек., 534.
 Кдугъ, герм. ген. 1914 г., т. CLX, ноябрь, II.
 Клюнфель, шт-ротм. 1860 г., т. CLVII, мартъ, 521.
 Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы:
 Съ 1 янв. по 12 февр. 1914.—Ки. мар., 703—710
 „ 12 фев. „ 6 март. — — „ апр., 210—216
 „ 6 „ „ 27 „ — — „ май, 435—440
 „ 27 март. „ 1 мая — — „ июнь, 623—627
 „ 1 мая „ 22 „ — — „ июль, 190—192
 „ 22 „ „ 12 июня — — „ авг., 37—84
 „ 12 июня „ 7 авг. — — „ сент. 554—572
 „ 7 авг. „ 28 „ — — „ окт., 216—234
 „ 28 „ „ 2 окт. — — „ нояб. 433—450
 „ 2 „ „ 20 нояб. — — „ дек. 655—672

- Книперъ, педаг., т. CLIX, июль, 120.
 Кобеко, Д. Ѳ., писатель, директ. публ. библ., т. CLVII, янв., 211.
 Ковалева, Виталія, сектантка, т. CLVIII, апр., 60—67, т. CLX, окт. 12—19.
 Ковалевъ, Ѳ., сектантъ, т. CLVIII, апр., 60—67.
 Ковалевская, Анна Ѳед., рожд. Кожевникова, т. CLVII, янв., 177, 178.
 Ковалевскій, Евгр. Петр., мин. нар. проsv. 1860 г., т. CLVII, февр., 417, 423, 427, т. CLX, окт., 140, 141.
 Ковалевскій, Пав. Мих., писат., 1860 г., т. CLVII, янв., 177, 179, февр., 417.
 Кожевниковъ, Вас. Ѳед., консулъ въ Іерусалимѣ, т. CLVII, янв., 178.
 Козловъ, Н. М., фабрикантъ 1887 г., т. CLVII, февр., 345, 348.
 Козловъ, П., сообщ.: „Памяти Николая Мих. Пржевальскаго“, т. CLVII, мартъ, 650—666. „Аскавія - Нова въ ея прошломъ и настоящемъ“. Історія Ангальтской колоніи въ южной Россіи, т. CLVIII, май, 356—371, т. CLIX, июль 19—38.
 Козодавлевъ, Осипъ Петр., мин. вн. дѣлъ 1752 † 1819 г., т. CLX, дек., 535.
 Козьминъ, Серг., 1764 г., т. CLIX, авг., 336.
 Коленкуръ, Фр., послан. въ Петр. т. CLVII, янв., 156.
 Кологривовъ, Анд. Сем., комендатель г. Павловска, 1796 г., т. CLIX, сент., 419.
 Колюбакинъ, Б. М., г.-м., сообщ.: „Матеріалы по изслѣдованію войны 1812 г. Отзывъ г.-л. Тормасова кн. Багратіону“, т. CLVIII, май, 309—311. „Къ 200-лѣтію Гангоутской побѣды“, т. CLIX, июль, 50—62; упом. т. CLX, ноябрь, III.
 Кондратенко, Ром. Исид., ген. 1904 г., т. CLVII, янв., 171—174.
 Кондратовичъ (Сырокомля), поэтъ, т. CLVIII, июнь, 594.
 Кони, Анат. Ѳед., сообщ.: „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“, т. CLVII, янв., 5—26, февр., 243—280. „Житейскія встрѣчи“, фев., 281—296, упом. ноябрь, 385—397.
 Константинъ Константиновичъ, вел. князь, т. CLIX, июль, 179, т. CLX, ноябрь, 285.
 Константинъ Николаевичъ, вел. князь, т. CLVII, мартъ, 495, 519, т. CLVIII, май, 287, июнь, 515, т. CLIX, сент., VI, т. CLX, ноябрь, 287.
 Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, т. CLVII, янв., 86—94, февр., 309, 310, 311, 312, 318, т. CLVIII, июнь, 586.
 Коробковъ, Мих., оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 175, т. CLX, дек., 519, 523.
 Корольковъ, Ив., оф., † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
 Корольковъ, М. Я., сообщ.: „Шейхъ Мансуръ Анапскій. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа), т. CLVIII, май, 410—417.
 Корсакова, В., сообщ.: „кн. П. С. Мещерскій“, т. CLVIII, июнь, 532—538.
 Корсаковъ, Н. С., т. CLVII, февр., 348.
 Корсунъ, Алсд., т. CLX, дек., 468—470.
 Корфъ, бар., нач. полнц. въ Петрогр. 1762 г., т. CLX, ноябр., 275.
 Корфъ, бар., М. А., т. CLVII, янв., 203, 204, 205, 206.
 Костомаровъ, Н. М., историкъ, т. CLX, дек., 465—480.
 Кохановская, писат., т. CLVII, февр., 293.
 Коцебу, Варшав. ген.-губ., т. CLX, дек., 460.
 Кочубей, Аркад. Вас., т. CLVII, янв., 61.
 Кочубей, Ек. Арк., см. Столыпина.
 Кочубей, Никол. Аркад., фл. ад. 1849 г., т. CLVII, янв., 54, 61, 69.
 Кошелевъ, т. CLVIII, май, 249, 257.
 Краевскій, Андр. Алсд. † 1889 г., т. CLVII, февр., 405, 435.
 Крейтонъ, лейбъ-мед., т. CLX, дек., 539, 553, 557.
 Крестовскій, Всеv., Влад. писат. т. CLVII, янв., 23.
 Кречетниковъ, Саратов. губерн. 1774 г., т. CLVIII, апр., 20, 25.
 Кристинъ, Фердинандъ, т. CLVII, янв., 27—38.
 Кроніортъ, шведск. полков. 1698 г., т. CLIX, авг., 306.
 Кротова, Елпидиф. Ив., монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 330, 332, 335.
 Крузе, Н. Ф., земскій дѣятель 1865 г., т. CLVIII, апр., 52.
 Круковецкій, ген. 1820 г., т. CLVII, февр., 393.
 Крупенскій, А., послан., сообщ.: „Въ редакцію Рус. Старины“ (по поводу дневн. Анучина), т. CLVII, мартъ, 674—675.
 Крыжановскій, Туркест. ген.-губ., т. CLIX, авг., 267.
 Крыловъ, И. А., † 1844 г., т. CLVII, янв., 199, 200.

- Крыловъ, камердин. имп. Маріи
Феодоровны 1810 г., т. CLX, дек.,
533.
- Крюгеръ, худож., т. CLVII, янв.,
209.
- Крюковъ, Гр. Васил., шт.-кап., т.
CLX, дек., 582, 586, 593.
- Крючковъ, Фед. Ив., чянов. 1890 г.,
т. CLIX, сент., 466—484.
- Кублицкій, г.-м. 1897 г., т. CLVIII,
июнь, 498.
- Кудашевъ, повѣрен. въ дѣлахъ въ
Австро-Венгріи 1914 г., т. CLX, окт.,
14—58.
- Кудринъ, С. В., юристъ, т. CLVII,
февр., 244.
- Кудрицкій, Н. Ф., т. CLVII, янв.,
220.
- Кудрявцевъ, В. В., т. CLX, ноябр.,
328, 329.
- Куза, арт-ка. т. CLVII, янв., 125.
- Кузнецовъ, Мих. Дм., сторожъ
Преображ. собора въ Угличѣ 1591 г.,
т. CLIX, авг., 281.
- Кузьминъ, Констант. Никол., поруч.
1857 г., т. CLVIII, апр., 159, 160,
161.
- Кузьмичъ, Семень, старообр. 1812 г.,
т. CLVII, янв., 48, 49, 50, 51.
- Кукольникъ, Несторъ Вас., писат.
т. CLVIII, июнь, 593.
- Кукольникъ, Пав., проф. Виленск.
унив. 1830 г., † 1884 г., т. CLVIII,
июнь, 593, 594.
- Куломзинъ, А. Н., сообщ.: „Сооб-
щеніе въ память Е. и. в. вел. князя
Владимира Александровича, сдѣлан-
ное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 г.,
Имп. Русск. Историч. Об-ва“, т.
CLVIII, май, 219—237.
- Купріяновъ, маіоръ 1796 г., т.
CLIX, сент., 419.
- Купчинскій, оф., т. CLVIII, апр.,
162, 163—166.
- Куракинъ, кн., А. А., т. CLX, ноябр.
295.
- Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген-
прокур., р. 1759 † 1829 г., т. CLX,
дек., 541.
- Куропаткинъ, А. Н., главнокоманд.
1904 г. т. CLVIII, июнь, 497, т. CLIX,
июль, 154, 179.
- Курута, ген. 1813 г., т. CLIX, сент.,
401.
- Кутузовъ - Смоленскій, кн., М. И.
† 1813 г., т. CLVII, янв., 153, т.
CLIX, сент., 392, 393, 394, 395, т.
CLX, ноябр., 330.
- Кучевскій, ген. 1877 г., т. CLVIII,
апр., 103.
- Кюстеръ, бар., директ. театр., т.
CLVII, янв., 119.

Л.

- Лаврентьева, С., сообщ.: „Свѣтъ
не гасимый“, т. CLVII, мартъ, 536,
537, „Жрица чистаго искусства. Е. М.
Бемъ“, т. CLIX, сент., 486—487.
- Лавровъ, Дм., сообщ.: „Угличскій
ссылный колоколъ“, т. CLIX, авг.,
281—305.
- Лагарпъ, Фр.-Сез., † 1838 г., т.
CLVII, янв., 32, 140, февр., 339, 389,
391, мартъ, 485, 489, апр., 150, 153, 154.
- Ладыгинъ, В. Ф., т. CLVII, мартъ,
663.
- Ладыженская, Екат. Алексѣев.,
рожд. Шахматова, т. CLVIII, апр.,
21, 25.
- Лазарева, А., сообщ.: „Воспомина-
нія воспитанницы патриотическаго
института дореформеннаго време-
ни“, т. CLIX, авг., 229—248.
- Лазарева, Татьяна Мих., фрейлина
1860 г., т. CLVII, мартъ, 520.
- Лазаревъ, Мих. Петр., адм., т.
CLVII, янв., 61, 71.
- Лазаревъ, ген. 1877 г., т. CLIX,
июль, 81.
- Лазаревъ - Станищевъ, миров.
посредн. 1861 г., т. CLVII, янв., 97,
т. CLVIII, июнь, 530.
- Де-Лазари, жанд. подполк., 1887 г.,
т. CLIX, сент., 508.
- Лалаевъ, ген., т. CLIX, июль, 150.
- Ланская, Луиза Ив., рожд. Вилла-
мова, р. 1764 † 1843 г., т. CLX,
дек., 540.
- Ланской, гр., Серг. Серг., камерг.,
р. 1761 † 1814 г., т. CLX, дек., 535,
555.
- Ланской, гр., Серг. Степ., мин. вн.
дѣлъ, † 1862 г., т. CLVII, февр., 304,
338.
- Ланской, Степ. Серг., т. CLX, дек. 555.
- Ласковскій, офиц. 1877 г., т.
CLVIII, апр., 99, 100.
- Лассель, сэръ Франкъ, англ. по-
соль въ Петгр., 1895 г., т. CLX, нояб.,
339.
- Лаффероне, гр., фр. посоль 1830 г.,
т. CLX, нояб., 292.
- Лацинскій, А. С., сообщ.: „Торже-
ства въ честь имп. Александра I и
Наполеона I и др. коронован. особъ,
происходившія въ Веймарѣ и въ Іенѣ
6 и 7 окт. 1808 г.“, т. CLVII, февр.,
307—323.
- Лачиновъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII,
июнь, 497.
- Лебедевъ, Андр. Ив., священ.,
1825 г., составитель словарей, т. CLX,
нояб., 308.
- Лебедева, Алд. Серг. т. CLX, дек.,
599.

- Лебедева, Лидія Петр., дек., 599.
 Лебедева, Марія Петр., дек., 599.
 Лебедева, Татьяна Петр., дек., 599.
 Лебедевъ, П. С., проф., т. CLX, дек., 594.
 Лебединскій, А. И., инж. путей сообщ. 1905 г., т. CLVII, мартъ, 582.
 Лебцельтернъ, австр. послан. въ Петр. 1820 г., его донесенія, т. CLVII, февр., 368—377.
 Левашева, въ зам. гр-ня Броглию, т. CLVII, янв. 34.
 Левашовъ, ген., т. CLVII, февр., 249.
 Левинсонъ, Василій, сообщ.: „Поездка въ Наблусъ (Сихемъ). Дневникъ профессора В. А. Левинсона 1860 г.“, т. CLVII, май, 392—409.
 Левицкій, фотогр., т. CLVII, февр., 404.
 Левицкій, худож., т. CLVII, янв., 209.
 Лееръ, Ген. Ант., ген.-отъ-инф., т. июнь, CLVIII, 497.
 Лейхтенбергскій, Г., герцогъ, сообщ.: „Семейное преданіе“, т. CLVII, мартъ, 475—482.
 Лейхтенбергскій, герцогъ, Евгений, † 1823 г., т. CLVII, мартъ, 480, 481.
 Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимилианъ, т. CLVII, мартъ, 481.
 Леляновъ, кандид. правъ 1914 г., т. CLX, нояб., III.
 Леоновъ, Степ. Степан., ген., † 1899 г., т. CLVIII, май, 228.
 Леонтій, архіеу. варшав. 1885 г., т. CLIX, авг., 368—371.
 Леонтьева, Ек. Ник., т. CLX, окт., 141, 143.
 Леонтьевъ, А., сообщ.: „По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драгомировъ — генераль-губернаторъ“, т. CLVIII, июнь, 611—614.
 Леонтьевъ, проф., т. CLX, дек., 457.
 Леонтьевъ, мин. въ Абиссиніи, т. CLX, окт., 143.
 Лермонтова, Аграѳ. Ив., рожд. Орлова, во 2 бракъ гр. фонъ-деръ-Паленъ, † 1810 г., т. CLX, нояб., 291.
 Лермонтова, Мар. Мих., см. Арсеньева.
 Лермонтовъ, Всев. Никол., директ. 1-го москов. корп. 1862 г., т. CLVII, янв., 160, 163, 164, 165, 166, 168, 169.
 Лермонтовъ, М. Ю., писат., т. CLX, окт., 3, 4, 87—105.
 Лернеръ, сообщ.: „Освобожденіе Скальда“, скандинавская повѣсть. Д. В. Веневитинова, т. CLVIII, апр., 120—127.
 Лесневскій, И. В., инж. пут. сообщ., т. CLVII, мартъ, 586.
 Лессаръ, инженер. 1885 г., т. CLIX, авг., 263, 265, 266, т. CLX, окт., 66.
 Лестокъ, лейбъ-мед., т. CLX, нояб., 272.
 Лефортъ, церемонійм. 1761 г., т. CLVIII, июнь, 546, т. CLX, нояб., 268.
 Ливень, гр-ня. Шарлот. Карл., рожд. баронес. Гаугребенъ, воспит-ца дочерей Павла I, р. 1742, † 1828 г., т. CLVII, янв., 35, т. CLX, дек. 539, 540.
 Лидеръ, ген. 1849 г., т. CLVII, янв., 54, 55, 56.
 Лилеевъ, П. И., профес. 1825 г., т. CLX, нояб., 328.
 Линдебергъ, педаг., т. CLIX, июль, 114.
 Липранди, клас. дама, т. CLIX, авг., 233.
 Лисинъ, попеч. варшавс. уч. окр. 1882 г., т. CLX, окт., 110.
 Литвиновъ, педаг., полков., т. CLIX, июль, 118, 120.
 Литта, гр-ня, Ек. Вас., см. Энгельгардъ.
 Литта, гр., Юлій Помпеевъ, об.-камергеръ, р. 1765, † 1839 г., т. CLX, нояб., 290, 291, дек., 522, 533, 551.
 Лихачева, авт. „Матеріалы къ истор. женск. образов. въ Россіи“, т. CLIX, авг., 276, 277, 278.
 Лобановъ, кн. Алексѣй Борис., дипломатъ, 1895 г., т. CLX, нояб., 338—352.
 Лобановъ - Ростовскій, кн. Дм. Ив., мин. юстиц. 1810 г., т. CLVII, мартъ, 613, 614; т. CLIX, июль, 184, 185, 186, 187, сент. 442.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., тобольск. воевода 1591 г., т. CLIX, авг., 287.
 Лобко, ген.-лейт. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Лобода, полков., т. CLX, дек., 582.
 Логиновъ, М. Н., т. CLVIII, апр., 70.
 Логиновъ, докт. 1899 г., т. CLVIII, май, 317.
 Лодеръ, Христ. Ив., проф., мед., р. 1753, † 1832 г., т. CLX, нояб., 306.
 Лодія, инспект. Смольн. инст., т. CLIX, авг., 279.
 Локушанскій, Н. Я., ген., т. CLVII, янв., 170.
 Лунина, Е. С., см. Уварова.
 Лунинъ, Мих. Серг., декабр., т. CLVII, мартъ, 606—618.
 Луникъ, Мих. Мих., проф., 1835 г., т. CLX, 466, 469, 524.
 Лунинъ, Никол. Алрд, т. CLVII, мартъ, 607—618, т. CLX, дек. 534, 555.

- Лѣнивцевъ, Вл., оф. 1904 г., т. CLIX, июль, 176.
 Лѣсницкая, В., сообщ.: „Воспоминаніе о Бухариныхъ“, т. CLVIII, апр., 128—138.
 Любимовъ, Л. Н., сообщ.: „Изъ жизни инженера путей сообщенія“, т. CLVII, февр., 352—367, мартъ, 582—605.
 Любошинскій, Марк. Ник., сенат., † 1889 г., т. CLVII, февр., 431, т. CLVIII, апр., 49.
 Люцъ, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 251.
 Лядовъ, композиторъ, т. CLVII, янв., 118.
 Ляпуновъ, Сер. Мих., т. CLVII, янв., 182, 183, 192, т. CLVIII, май, 321.
 Лясковскій, проф., т. CLX, окт., 145.
 Ляхмайеръ, Флоріанъ, гл. тобольск. губерн. статист. комит. 1889 г., т. CLIX, авг., 300, 304.
 Ляцкій, Евг., писат., т. CLVII, февр., 407.

■.

- аиковъ, Мих. Алдр., директ. Демид. учил. въ Ярославль 1825 г., т. CLX, нояб., 318.
 Макаровъ, И. К., художн. 1890 г., т. CLVIII, июнь, 489.
 Макаровъ, адм. 1904 г., т. CLVIII, апр., 115.
 Максимовичъ, инспект. патриот. инст. 1854 г., т. CLIX, авг., 240.
 Максимовъ, Н. В., писат., т. CLVIII, апр., 80, 81, 84.
 Максимовъ, Н., сообщ.: „Не дошедшее по адресу письмо“, т. CLVIII, июнь, 525—527.
 Максимовъ, П. Б., дипл. 1876 г., т. CLX, окт., 152, 154.
 Макшеева, Н., сообщ.: „Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко“, т. CLVIII, май, 305—308,
 Макшеевъ, А. И., т. CLVIII, май, 305—308.
 Макшеевъ, капит. 1856 г., т. CLVIII, июнь, 479.
 Макшеевъ, полков. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
 Маловъ, Мих. Як., проф., р. 1790 † 1849 г., т. CLX, дек., 562.
 Малоземовъ, инспект. Смольн. инстит. 1810 г., т. CLIX, авг., 273, 279.

- Мальцанъ, датск. послан. † 1757 г., т. CLX, нояб., 269.
 Манкошевъ, исправн. 1861 г., т. CLVII, мартъ, 644.
 Мансуръ, шейхъ Анапскій, † 1794 г., т. CLVIII, май, 410—418.
 Мантейфель, ген. 1913 г., т. CLX, дек., 454.
 Марина Мнишекъ, жена самозванца, т. CLX, дек., 626—632.
 Марина, М. М., сообщ.: „Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія“, т. CLVII, мартъ, 686—702.
 Марія Александровна, вел. княгиня, въ зам. герцогиня Эдинбургская, т. CLX, дек., 578.
 Марія Александровна, императрица, т. CLIX, авг., 245.
 Марія Максимилиановна, вел. княг., принцесса Баденская, † 1914 г., т. CLVII, мартъ, 520—533, т. CLX, дек. 598, 599.
 Марія Николаевна, въ зам. герцогиня Лейхтенбергская, т. CLVII, мартъ, 481, т. CLVIII, май, 222, 224, июнь, 582, т. CLIX, авг., 243, 244,
 Марія Павловна, вел. княгиня т. CLVIII, май, 225, 235, т. CLX, дек., 526, 533, 543, 547, 552.
 Марія Θεодоровна, императрица, супруга имп. Александра III, т. CLVII, мартъ, 691, т. CLIX, авг., 269—280, 317—351.
 Марія Θεодоровна, императрица, † 1828 г., т. CLVII, янв., 34, 35, мартъ, 606, т. CLX, нояб., 291, 325, дек., 519, 557.
 Маркевичъ, Андр. Ив., директ. 2-го кадет. корп., р. 1769 † 1832, т. CLX, дек., 554.
 Маркевичъ, Болесл. Мих., писатель, т. CLVIII, апр., 138.
 Маркіановичъ, Вас. Θεом., директ. Радомск. гимназ. 1884 г., т. CLIX, сент., 494.
 Марковичъ, А. Ф., миров. посредн. 1861 г., т. CLVII, мартъ, 644.
 Марковичъ, Ф. Я., т. CLVIII, апр., 170.
 Марковъ 2-й, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 252.
 Марковъ, Ив., старообряд. 1814 г., т. CLVII, янв., 41—51.
 Маркусъ, чл. комис. по крестьян. дѣламъ 1870 г., т. CLVIII, май, 302.
 Масловскій, Д., авт. соч.: „Русская армія въ семилѣтнюю войну“, т. CLIX, сент., 387, 388.
 Матушенскій, Апол. Мих., худож. критикъ, т. CLVII, янв., 177, 178.

- Махотинъ, Н. А., ген. 1881 г., т. CLVIII, июнь, 499, т. CLIX, июль, 118, 170—173.
- Маціевскій, полков. 1881 г., в посл. пом. команд. войск. Туркест. окр., т. CLVIII, июнь, 499, 500.
- Мезенцовъ, ген., шефъ жанд., т. CLVII, мартъ, 669.
- Мейендорфъ, Егоръ Ѳед., т. CLVII, мартъ, 534.
- Мейснеръ, Я. И., инспект. Радомск. гимназ. 1884 г., т. CLIX, сент. 497.
- Мельгуновъ, Алексѣй Петр., ген.-поруч., Ярослав. ген. губ., т. CLX, окт., 74, 78, т. CLX, дек., 511.
- Меншиковъ, кн., ген.-фельдм. 1714 г., т. CLIX, июль, 60.
- Мерзляковъ, Алексѣй, Ѳед., проф., р. 1778, † 1830 г., т. CLX, нояб., 304.
- Меселовъ, юнкеръ, т. CLX, дек., 582.
- Метлинскій, А. Л., проф., 1835 г. т. CLX, дек., 468.
- Меттернихъ, дипломатъ, т. CLVII, янв., 86—94, 153, февр., 342, 369—377, 388—395.
- Мещерскій, кн., И., т. CLVII, янв., 72.
- Мещерскій, кн., П. С., т. CLVIII, июнь, 532—538.
- Миллеръ, Ал. Ив., миров. посредн. 1865 г., т. CLVIII, июнь, 528, 529.
- Миллеръ, О. Ѳ., проф., т. CLVIII, Мапр., 58.
- Милорадовичъ, гр., М. А., † 1825 г., т. CLVII, янв., 70, 71.
- Милюкова, Епафродита, монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 330, 331.
- Милюковъ, Пав. Ник., писат., чл. Госуд. Думы, 1914 г., т. CLX, нояб., 250.
- Милютина, Д., сообщ.: „Памяти Николая Николаевича Обручева“, т. CLVIII, июнь, 476—500.
- Милютинъ, Алексѣй Дм., оф., р. 1844 г., т. CLX, нояб., 359.
- Милютинъ, гр., Дм. Ал., воен. мин., т. CLVII, янв., 52, 164, мартъ, 495, т. CLVIII, апр., 96, 162, июнь, 479, 480, 482, 494, 495—499, 589, т. CLIX, июль, 145, т. CLX, нояб., 359—362.
- Милютинъ, Ник. Алекс., т. CLVIII, май, 248, 249, 255, 299.
- Миндербъ, Ив. Григ., докт. медиц. 1808 г., т. CLVIII апр., 146—148.
- Мицловъ, т. CLVII, янв., 208.
- Митрофанія, игуменья, т. CLVII, февр., 261.
- Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., т. CLVIII, июнь, 483, т. CLIX, июль, 178.
- Михаилъ Павловичъ, вел. кн., т. CLVII, мартъ, 485, т. CLVIII апр., 86, т. CLVIII, июнь, 580, т. CLX, дек., 577.
- Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, т. CLVII, февр., 396—402.
- Михайловскій, писат., т. CLVIII, апр., 80, 83.
- Михневичъ, Н. П., ген., т. CLVII, янв., 170.
- Михневичъ, полков. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
- Мицкевичъ, писатель, т. CLX, окт., 112.
- Мишковскій, А. Я., 1830 г., т. CLX, нояб., 292.
- Модестъ, еписк., викарій Варшав. епарх. 1885 г., т. CLIX, авг., 370.
- Молчанова, въ зам. Кочубей, т. CLVII, янв., 69.
- Мольтке, нач. герман. генер. штаба 1914 г., т. CLX, нояб., II, III, 368.
- Моравскій, полков. 1877 г., т. CLVIII, апр., 92.
- Моранскій, полков. 1877 г., т. CLVIII, апр., 92.
- Мордвинова, гр., Анна Алдр. въ зам. княг. Имеретинская, 1870 г., т. CLVII, мартъ, 520.
- Мордвиновъ, И., сообщ.: „Изъ времянь царя Михаила Ѳеодоровича“, т. CLVII, февр., 396—402.
- Мордвиновъ, полков. 1750 г., т. CLIX, авг., 315.
- Моріе, Викторъ, 1888 г., т. CLIX, сент., 430—440.
- Моріе, Робертъ, англ. послан. въ Россіи 1880 г., т. CLIX, сент., 430—440.
- Морковъ, Аркад. Ив., дипломатъ, † 1827 г., т. CLVII, янв., 30, 32, 33, 34.
- Морозовъ, Н., сообщ.: „Люди и нравы за полвѣка“, т. CLVII, февр., 378—385, т. CLIX, июль, 86—105, авг., 207—228, т. CLX, сент., 412—417.
- Морозовъ, Тим. Сав., т. CLVII, февр., 344, 345, 349, 350.
- Мосоловъ, Х. Н., т. CLVIII, апр., 140.
- Мудровъ, проф. 1825 г., т. CLX, нояб., 328.
- Муравьевъ - Виленскій, гр., М. Н., т. CLVIII, июнь, 581, 582, 585, т. CLX, окт., 112.
- Муравьевъ, Н. В., мин. юстиц., т. CLVIII, апр., 64.
- Муравьевъ, Никита Мих., т. CLVII, мартъ, 610.
- Муравьевъ-Амурскій, Н. Н., т. CLVII, мартъ, 669.

- Муравьевъ - Карсскій, Н. Н., т. CLVII, мартъ, 484, т. CLIX, сент., 400.
- Муравьевъ, юристъ 1872 г., т. CLVII, февр., 269.
- Мурзановъ, Н. А., сообщ.: „Къ биографіи декабриста М. С. Лунина“, т. CLVII, мартъ, 606—618, „Къ биографіи декабриста кн. Серг. Григ. Волконскаго“, т. CLIX, июль, 181—189, „Къ биографіи декабриста В. Л. Давыдова“, сент., 441—443, „Къ биографіи М. Ю. Лермонтова“, т. CLX, окт., 87—105.
- Муромцевъ, А. С., попечит. Петгр. учебн. окр. 1891 г., т. CLIX, сент., 488.
- Мусинъ-Пушкинъ, гр., чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 252.
- Мухановъ, Серг., Ильичъ, об.-штал. т. CLX, дек., 535.
- Мѣщаниновъ, Ив., сообщ.: „Изъ воспоминаній стараго Казанскаго студента“, т. CLVIII, апр., 139—145, „Два письма Аракчеева“, дек. 622—625, упом. май, 393.
- Мюнхеймеръ, оф., т. CLVIII, апр., 162.
- Мятлевъ, Вл. Ив., т. CLVII, 521, 522, 524, 527, 531, 532.
- Мятлевы, т. CLVII, янв., 72, 73.
- Н.**
- Назимовъ, А. А., миров. посредн. 1861 г., CLVII, янв., 95, т. CLVII, мартъ, 646, 648.
- Наполеонъ I, императоръ, т. CLVII, янв., 39—51, 146—157, февр., 307—323, 336—342, февр., 369, мартъ, 483—490, т. CLVIII, апр., 149—158, май, 289, т. CLIX, сент., 390—401, 421—447, т. CLX, окт., VIII, нояб., 289—300, 419, дек., 454.
- Наполеонъ III, императоръ, т. CLVII, мартъ, 525.
- Направникъ, Эд. Фр., композиторъ, капельмейст. русс. оперы 1904 г., т. CLVII, янв., 114—131.
- Нарышкинъ, Алсд. Львов., об. шенкъ, 1762 г., † 1745 г., т. CLX, окт., 108.
- Нарышкинъ, Семень Кирил., гоф-марш. 1762 г., † 1775 г., т. CLX, нояб., 268.
- Нассау-Зигенъ, принцесса, Шарлотта, рожд. Готска, въ 1 бракъ княг. Сангушко, т. CLX, нояб., 297—301.
- Нассау-Зигенъ, принцъ, Карлъ-Генрих., адм., р. 1743, † 1808 г., т. CLX, нояб., 296—301.
- Наталія Алексѣевна, великая княгиня, т. CLX, нояб., 325.
- Наумовъ, предс. зем. управы 1887 г., т. CLVII, февр., 344.
- Небольсинъ, цензоръ 1863 г., т. CLVIII, июнь, 597, 598.
- Небольсинъ, адъют. гр. Каменскаго, т. CLX, дек., 555.
- Нейманъ, Б. В., сообщ.: „Лермонтовъ и „Московскій Вѣстникъ“, т. CLX, окт., 203—206.
- Неклюдовъ, Ник. Адриан., тов. мин. вн. дѣлъ, т. CLVIII, май, 383, 384, 388.
- Некрасовъ, Ник. Ал., † 1877 г., т. CLVII, февр., 421, т. CLVIII, апр., 79, 82.
- Некрасовъ, команд. л.-гв. Павлов. полка, 1913 г., т. CLIX, сент., VII, VIII.
- Нелединскій-Мелецкій, Юр. Алсд., почетн. опекунъ, писат., р. 1752 † 1829 г., т. CLX, дек., 534.
- Нелидова, Екат. Ив., фрейлина, 1800 г., т. CLIX, авг., 276, т. CLX, дек., 524, 531, 536, 543.
- Ненадкевичъ, А. Ф., правит. канц. Варшав. учеб. окр., 1887 г., т. CLIX, сент., 515, 816.
- Непокойчицкій, Арт. Адам., ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 93, 101, 103, 105, 107, 118, 119.
- Нессельроде, гр., Карлъ Вас., † 1862 г., т. CLVII, янв., 54, 153, 156, февр., 339, 369, т. CLVIII, май, 359.
- Нечаева, Matr. Ив., см. Безобразова.
- Нечасва, Праск. Ив., см. Шахматова.
- Нечасвъ, Н. П., оф., т. CLVIII, апр., 167.
- Нечаевъ, С. Д., 1825 г., т. CLX, нояб., 328, дек., 565.
- Никитенко, Алсд. Вас., проф., † 1878 г., письма къ нему Гончарова, т. CLVII, февр., 403—437, мартъ, 538—551, т. CLVIII, апр., 48—59, т. CLIX, авг., 279.
- Никитенко, Казимира Казим., т. CLVII, февр., 405.
- Никитенко, Соф. Алсд., т. CLVII, февр., 423, 426, 427.
- Никитинъ, ген., 1863 г., т. CLVIII, июнь, 603, 604.
- Никифороки, г.-м. 1871 г., т. CLVIII, май, 384—391.
- Никифоровъ, А., старовѣръ 1812 г., т. CLVII, янв., 48, 50.
- Николаи, бар., Андр. Львов., през. акад. наукъ, р. 1737 † 1820 г., т. CLX, дек., 557.
- Николай I, императоръ, т. CLVIII, янв., 52—71, 132—134, 161, 201, 209, 220, февр., 425, мартъ, 481, 485—490,

- 528, т. CLVIII, апр., 158, май, 358, 368, июнь, 450—469, 477, 478, 491, 519, 586, 587, 588, т. CLIX, авг., 241, 242, сент., IV, 390, 499, т. CLX, нояб., 292, 362, 363, дек., 451—453.
- Николай II, императоръ, т. CLIX, июль, 36, 173, авг., 299, 361, 362, т. CLX, окт., 32, 33, 42, 60, 63, нояб. I, 228—233, 244, 256, 284, 364, 369, дек., 648.
- Николай Михайловичъ, вел. князь, т. CLIX, нояб., 290, 292, 294, 295.
- Николай Николаевичъ, вел. князь, † 1891 г., т. CLVII, мартъ, 517—533, т. CLVIII, апр., 85—119, т. CLX, дек. 648, 653.
- Николай Николаевичъ, вел. князь, главнокомандующій 1914 г., т. CLX, дек., 452.
- Новикова, О. А., рожд. Кирѣева, писат-ца, т. CLVII, мартъ, 547, ея воспоминанія и переписка, т. CLVIII, июнь 514—524, т. CLIX, июль, 66—77, авг., 249—268, сент., 430—440, т. CLX, окт., 59—69, нояб., 335—352, дек., 455—464.
- Новиковъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. CLVIII, май, 338, 348, т. CLX, авг., 195.
- Новоселовъ, ген. 1865 г., т. CLVIII, июнь, 603.
- Норовъ, А. С., мин. нар. проsv., т. CLX, окт., 141.
- Носовъ, И. А., штурманъ 1914 г., т. CLX, нояб., 372.
- О.**
- Обермиллеръ, А. Л., докт. 1878 г., т. CLVII, мартъ, 521, 524, 527, т. CLVIII, апр., 90, 115.
- Оболенскій, А. Ѳ., т. CLVII, мартъ, 647.
- Оболенскій, кн., Алсд. Петр., почетн. опекунъ, р. 1782 † 1855 г., т. CLX, дек., 530.
- Оболенскій, миров. посредн. 1861 г., т. CLVII, янв., 97.
- Оболенскій, кн., дир. москов. архива, т. CLVII, янв., 207.
- Обручева, Марія Лукин., рожд. Колотова, т. CLVIII, июнь, 477, 478.
- Обручева, Мар. Никол., рожд. Millet, т. CLVIII, июнь, 481.
- Обручевъ, Аванас. Ѳед., артил., т. CLVIII, июнь, 477.
- Обручевъ, Ник. Аванас., офиц. 1830 г., т. CLVIII, июнь, 477.
- Обручевъ, Н. Н., нач. гл. штаба, р. 1830, † 1904 г., т. CLVII, февр., 410, т. CLVIII, апр., 107, июнь, 476—500.
- Обручевъ, ген. 1848 г., т. CLVIII, май, 306, 307.
- Обручевъ, ген. 1914 г., т. CLX, нояб., 384.
- Овсянниковъ, т. CLVII, февр., 261.
- Огрызко, Юсафать, польск. революционеръ, т. CLVIII, май, 421.
- Одоевскій, кн., Вл. Ѳед., писатель, т. CLX, нояб., 304.
- Ожаровскій, гр., Адамъ Петров., т. CLX, нояб., 291.
- Озерниковъ, инж. кап., 1863 г., т. CLX, нояб., 353—359.
- Озерова, Ек. Петр., т. CLVII, янв., 180, 181.
- Озеровъ, Алсд. Петр., † 1900 г., т. CLVIII, май, 331.
- Озеровъ, Давидъ Алсд., т. CLVIII, май, 324, 331.
- Ознобишинъ, Полтав. губернат. 1849 г., CLVII, янв., 53.
- Олегъ Константиновичъ, князь, † 1914 г., т. CLX, нояб., 284—287.
- Оленинъ, А. Н., презид. акад. худож., † 1843 г., т. CLVII, янв., 197, 198, 200, 201, 202.
- Олизаръ, гр., Густавъ, т. CLVIII, апр., 134, 135, 136.
- Олсуфьева, гр., Алсд. Вас., въ зам. гр. Зубова, 1860 г., т. CLVII, мартъ, 520.
- Олсуфьева, гр-ня, Дар. Вас., въ зам. Моро, т. CLVII, мартъ, 520.
- Олсуфьева, гр., Мар. Вас., въ зам. бар. Мейендорфъ, т. CLVII, мартъ, 520.
- Олсуфьевъ, Адамъ Васил., кабинетъ секрет. им-цы Елизаветы Петровны, † 1784 г., т. CLVIII, июнь 541.
- Олсуфьевъ, гр., Алексѣй, сообщ.: „Вел. князь Николай Николаевичъ въ 1860 г., въ Парижѣ“, т. CLVII, мартъ, 517—533.
- Олсуфьевъ, 1762 г., т. CLX, нояб., 273.
- Олсуфьевъ, фл.-ад., 1808 г., т. CLVII, февр., 309.
- Ольга Александровна, великая княгиня, 1914 г., т. CLX, 639—644.
- Ольденбургскій, принцъ, Георг. тверск. и ярослав. ген.-губ., р. 1787 † 1812 г., т. CLX, дек., 533.
- Ольденбургскій, принцъ, Ник. Петр., 1860 г., т. CLVII, мартъ, 521.
- Ольденбургскій, Петръ, вел. герцогъ, владѣт. принцъ, т. CLX, дек., 533.
- Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георг., т. CLX, дек., 532.
- Ону, дипломатъ 1878 г., т. CLX, окт., 153.

- Опочининъ, Ф., т. CLX, дек., 568.
 Ореусъ, И. И., г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Орлова, Ек. Вас., въ зам. гр. фонъ-деръ-Паленъ, † 1853, т. CLX, нояб., 291.
 Орлова-Давыдова, Мар. Ег. гр.-ня, рожд. гр. Толстая, т. CLVII, мартъ, 520.
 Орловъ, Ник., сообщ.: „Изъ исторіи Тамбовской епархіи“, т. CLX, дек., 608—621.
 Остенъ-Сакенъ, бар., дипломатъ, т. CLVIII, май, 334, 346.
 Отрепьевъ, Григ., т. CLVIII, апр., 209, 210.

П.

- Павелъ I, императоръ, т. CLVII, янв., 30, 31, февр., 468, 469, т. CLVIII, май, 247, июнь, 536, т. CLX, окт., 75, 77, нояб., 268, 290, 305, 309, 325, дек., 531, 550, 557.
 Павелъ Александровичъ, вел. князь, т. CLVII, янв., 72, т. CLVIII, апр., 104.
 Павловъ, ген.-отъ-инф., 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Паки-де-Савиньи, проф., 1835 г., т. CLX, дек., 467.
 Палемъ, Ольга, т. CLVII, янв., 20.
 Фонъ-деръ-Паленъ, А. И., см. Лермонтова.
 Фонъ-деръ-Паленъ, Ек. Вас., см. Орлова.
 Фонъ-деръ-Паленъ, Ек. Пав., въ зам. княг. Грузинская, т. CLX, нояб., 291.
 Фонъ-деръ-Паленъ, гр., Елена Пав., въ зам. Болдырева, т. CLX, нояб., 291.
 Фонъ-деръ-Паленъ, Елис. Пав., въ зам. княг. Дадіани, т. CLX, нояб., 291.
 Фонъ-деръ-Паленъ, гр., Пав. Петр., р. 1775, † 1834 г., т. CLX, нояб., 290.
 Фонъ-деръ-Паленъ, гр., Петръ Алексѣев., птгр. воен. губернат., р. 1745, † 1826 г., т. CLX, нояб., 290, дек., 550.
 Фонъ-деръ-Паленъ, гр. Юлія Ив., рожд. баронесса Шепингъ, въ 2 бракѣ гр. Ожаровская, т. CLX, нояб., 291.
 Фонъ-деръ-Паленъ, гр. Юлія Пав. (последняя въ родѣ Скавронскихъ), по 1-му мужу гр. Самойлова, во втор. бракѣ Пери, р. 1803, † 1875 г., т. CLX, нояб., 288—295.
 Палеологъ, Морисъ, фр. посолъ 1914 г., т. CLX, окт., 211, нояб., 238.
 Панаевъ, И. И., писат., т. CLVII, февр., 421.
 Панинъ, гр., В. Н., мин. юстиц., т. CLX, окт., 95, 96, 103.
 Панинъ, гр., Петръ, Ив., † 1789 г., т. CLIX, авг., 336, т. CLX, дек., 508.
 Панкевичъ, Мих. Ив., препод. матем. москов. унив., р. 1757, † 1812 г., т. CLX, нояб., 309.
 Панкратовъ, А., сообщ.: „Старообрядцы и Наполеонъ“, т. CLVII, янв., 39—51.
 Пантелѣевъ, помѣщ. 1865 г., т. CLVIII, июнь, 529, 530.
 Паниютинъ, ген. 1882 г., т. CLX, окт., 83, 84.
 Папулинъ, Н. А., старообряд. дѣятель 1824 г., т. CLVII, 51.
 Паскевичъ, кн., И. Ѳ., намѣстн. Ц. Польскаго 1840 г., т. CLVII, янв., 70, т. CLIX, авг., 356, сент., 507.
 Пассекъ, Вадимъ Вас., т. CLVII, мартъ, 536.
 Пассекъ, Татьяна Петр., писат-ца, т. CLVII, мартъ, 536, 537.
 Перекусихинъ, Вас., премьеръ-маіоръ 1750 г., т. CLIX, авг., 315.
 Перетерскій, ст. сов. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
 Пери (Péru), пѣвецъ, † 1846 г., т. CLX, нояб., 294—295.
 Перовскій, В. А., г.-ад. 1848 г., † 1857 г., т. CLVIII, май, 307.
 Перовскій, гр., Борисъ Алексѣев., воспитат. имп-ра Александра III, † 1881 г., т. CLVIII, май, 220, 221.
 Перовскій, гр., Левъ Алекс., мин. вн. дѣлъ, † 1856 г., т. CLVII, янв., 134.
 Персіани, Викт. Ив., чинов. мин. ин. дѣлъ, т. CLVIII, май, 335.
 Петренко, студ. Кіев. унив. 1835 г., т. CLX, дек., 468.
 Петровъ, г.-м. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
 Петръ I, императоръ, т. CLVII, мартъ, 534, 535, т. CLVIII, апр., 146—148, 206, т. CLIX, июль, 106, авг., 308, 310.
 Петръ III, императоръ, т. CLVIII, июнь, 539—547, авг., 310, т. CLX, окт., 70—80, нояб., 262—283, дек., 504—512.
 Пиленко, А. Л., т. CLX, нояб., 376.
 Пинко, И. А., учит. рисованія Радом. гимназ. 1885 г., т. CLIX, авг., 359, 360, 361, сент., 526.
 Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, т. CLVIII, июнь, 615—622, т. CLIX, июль, 161.
 Писаревъ, Алсд. Алсд., г.-л., попечит. москов. унив., р. 1780, † 1848 г., т. CLX, нояб., 303, 329, 330, дек., 571—572.

- Пихлеръ, богословъ, т. CLVII, янв., 210.
 Піери, полков. 1785 г., т. CLVIII, май, 412, 413.
 Плакида, А. Е., инж. п. с., 1905 г., т. CLVII, февр., 354.
 Платонова, Анна Ал., 1825 г., т. CLX, нояб., 305, 307.
 Платонъ, митр. москов., 1812 г., т. CLVII, мартъ, 479, т. CLX, нояб., 325, 326, 329, дек., 563—573.
 Плевако, Ѳ. Н., адвокатъ, т. CLX, нояб., 394.
 Плетнева, Алсд. Васил., † 1901 г., т. CLVII, февр., 290, 291, 292, 293, 294, 296.
 Плетневъ, П. А., рект. птгр. унив., † 1865 г., т. CLVII, февр., 290, 292, т. CLVIII, апр., 77.
 Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., об. прокур. синода, т. CLVII, февр., 343, т. CLVIII, апр., 63, 64, май, 337, июнь, 515, 520.
 Побѣдоносцевъ, Петръ Вас., проф. р. 1771 † 1843 г., т. CLX, дек. 562.
 Подгородниковъ, И. Г., радомск. губернат. 1490 г., т. CLIX, сент., 493.
 Покровскій, акад. 1914 г., т. CLX, нояб., III.
 Полевой, Никол. Алсд., писат., † 1846 г., т. CLX, нояб., 304.
 Полевой, Николай Ксеноф., сообщ.: „Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишскою комиссією по крестьян. дѣламъ 1865—70 гг.“, т. CLVIII, май, 248—304.
 Полевой, Серг. Никол., полков. 1865 г., т. CLVIII, май, 259, 260.
 Поливановъ, педагог., т. CLIX, июль, 114, 120.
 Половцова, А. А., сообщ.: „Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова“, т. CLVII, янв., 95—103, февр., 297—305, мартъ, 642—649, т. CLVIII, апр., 170—171, июнь, 528—531, т. CLIX, сент., 408—411, „Кадеты императора Николая I“, янв., 132—134.
 Половцовъ, Алсд. Андр., миров. посредн. 1861 г., CLVII, янв., 95—103, февр., 297—305, мартъ, 642—649, т. CLVIII, апр., 170, 171, май, 222, 224, июнь, 528—531, т. CLIX, сент., 408—411.
 Полозовъ, полков. жанд. управл. 1871 г., т. CLVIII, май, 385.
 Полторацкая, Ел. Ѳед., см. Бухарина.
 Полторацкій, Ѳед. Марков., т. CLVIII, апр., 130.
 Полуденскій, П. С., 1825 г., т. CLX, нояб., 328.
 Поль, кап.-лейт., т. CLVIII, май, 422, 423.
 Полѣновъ, художн., т. CLVIII, июнь, 488.
 Понятовскій, Станиславъ, кор. польскій, т. CLX, нояб., 262, 276.
 Попелло-Давыдовъ, кап. л.-гв. москов. пол. 1853 г., т. CLX, нояб., 356, 357.
 Поповъ, В. А., попечит. Варшав. учеб. окр. 1890 г., т. CLIX, сент., 492.
 Поповъ, Н. А., проф. 1887 г., т. CLVII, февр., 343, 344.
 Поповъ, жанд. подполков. 1878 г., т. CLVIII, май, 391.
 Поповъ, адм. 1878 г., т. CLVIII, апр., 115.
 Поставскій, К. И., г.-м. 1887 г., т. CLIX, сент., 508.
 Потапова, Алсд. Ив., въ зам. Давыдова, т. CLIX, сент., 441—443.
 Потапова, Екат., † 1870 г., т. CLVIII, июнь, 584.
 Потаповъ, Виленск. ген.-губ. 1865 г., т. CLVIII, май, 248, июнь, 582, 583, 584, 585.
 Потемкинъ, кн., Григ. Алсд., т. CLVII, янв., 212, 213, 214, т. CLX, окт., 107, нояб., 289, 291, 296.
 Потемкинъ, Пав., т. CLVIII, июнь, 532.
 Поццо-ди-Борго, послан., т. CLVII, февр., 339, 376.
 Проссе, саксон. послан. 1762 г., т. CLX, нояб., 270, 272.
 Пржевальскій, Ник. Мих., путешествен., т. CLVII, мартъ, 650—666, т. CLIX, июль, 21, 37.
 Пржецлавскій, чл. гл. управл. цензуры 1860 г., т. CLVII, мартъ, 543.
 Прежбяно, К., полков. 1889 г., т. CLVII, янв., 73.
 Приселковъ, воен.-медиц. инспект. 1878 г., т. CLVIII, апр., 115.
 Прозоровская кн., Ан. Мих., рожд. княжна Волконская, ст.-дама, т. CLX, дек., 533, 545.
 Прозоровскій, кн., ген.-фельдм., р. 1747 † 1824 г., т. CLX, дек., 533.
 Прозоровъ, д-ръ, Л., сообщ.: „Петръ Великій—лѣкарь“, т. CLVIII, апр., 146—148.
 Прокоповичъ-Антонскій, А. А., рект. моск. унив., † 1848 г., т. CLX, нояб., 306, 329.
 Прокофьевъ, инж. пут. сообщ. 1905 г., т. CLVII, мартъ, 590.
 Протасовъ-Бахметевъ, гр., ген.-ад. 1997 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Протопоповъ, чл. Гос. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 254.
 Прохорова, Максимилия, монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 330.

- Проценко, А., г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Пугачевъ, Емельянъ, т. CLVII, апр., 20, 23, 25, 28—34, т. CLX, нояб., 331—334, дек., 633—635.
 Пуришкевичъ, депутат. Гос. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 236.
 Пурталесъ, герман. посолъ въ Птгр. 1914 г., т. CLX, окт., 53, 206.
 Путята, г.-м. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
 Путятинъ, гр., Ефим. Вас., мин. нар. просв. 1862 г., т. CLVII, февр., 423, 425, 426, 427, 428, 429.
 Пушкинъ, А. С., † 1837 г., т. CLVII, янв., 206, мартъ, 534, 535, т. CLVIII, апр., 68—84, 127, май, 374, 378, июнь, 507, 508, т. CLX, окт., 204, нояб., 307, дек., 658.
 Пущинъ, адм. 1772 г., т. CLVIII, апр., 128, 129.
 Пущинъ, ген., т. CLVII, янв., 133, 134.
 Пыляевъ, М. И., т. CLX, нояб., 302.
 Пятковский, А. П., биографъ Д. В. Веневитинова, т. CLVIII, апр., 126.

Р.

- Рагозина, Е. А., сообщ. „Изъ дневника русской въ Турци передъ войной въ 1877—1878 гг.“, т. CLX, окт., 147—160, дек., 513—518.
 Рагозинъ, Ник. Павл., чл. ликвидац. комис. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 265, 266, 267, 271, 285, 288, 292, 294.
 Раденъ, баронес., Эдита Ѳед., т. CLVII, февр., 282.
 Радецкая, Нат. Ѳед., т. CLX, дек., 597.
 Радецкая, Ольга Ѳед., въ зам. Розальонъ - Сошальская, т. CLX, дек., 595—604.
 Радецкая, Сераф. Петр., рожд. Лебедева, т. CLX, дек., 594—604.
 Радецкій, Борисъ Ѳед., оф., † 1905 г., т. CLX, дек., 602.
 Радецкій, Ѳ. Ѳ., ген. 1877 г., т. CLVIII, апр. 98, 107, т. CLX, дек., 594—604.
 Радзивиллъ, кн., Левъ, т. CLVII, мартъ, 528, 530.
 Радко-Дмитріева, Ольга Никол., т. CLX, окт., II.
 Радко-Дмитріевъ, ген. 1914 г., т. CLX, окт., I—V, нояб., 370, 384, дек., 636—638.
 Радловъ, Э. Л., сообщ.: „Наводненіе въ Петербургъ въ 1824 г.“, т. CLX, дек., 558—560.
 Радушкевичъ, докт. 1865 г., т. CLVIII, май, 430.
 Раевская, М., см. Волконская.
 Раевскій, Ник. Ник., ген., 1820 г., т. CLVII, янв., 71, т. CLIX, июль, 182—189, сент., 441—443.
 Раевскій, священн. 1887 г., т. CLIX, сент., 508, 509.
 Разумовскій, гр. Алексѣй Григ., ген.-фельдм. † 1771 г., т. CLX, нояб., 266, 273, дек., 509.
 Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., мин. просв., р. 1748 † 1822 г., т. CLX, дек., 535.
 Разумовскій, гр., Кир. Григ., гетманъ, † 1803 г., т. CLX, окт., 71, 77.
 Рарогова, Аркадія, монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 332.
 Расбацкій, О. Ф., препод. пѣнія Радом. гимназ. 1884, т. CLIX, сент. 497.
 Растопчинъ, гр. Ѳед. Вас., т. CLVII, янв., 27, 28, 47, 48, т. CLX, дек., 569—573.
 Растрелли, гр., архитект. 1750 г., т. CLIX, авг., 314, 316, 318, 335.
 Рахмановъ, тн. сов., 1826 г., т. CLIX, июль, 184.
 Рашевскій, военн. инж. 1904 г., т. CLVII, янв. 171—174.
 Ребиндеръ, Н. Р., т. CLVII, февр., 421, 428.
 Редигеръ, г.-м. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
 Рейнботъ, Фридр., ген. суперинтендентъ, р. 1781 † 1837 г., т. CLX, дек., 543.
 Рейтернъ, Е. Е., т. CLX, ноябр., 295.
 Рейтернъ, Мих. Христоф., мин. фин., † 1890 г., т. CLVII, март., 495.
 Реммертъ, Адольфъ Алсд., военн. мед. инспект., т. CLVII, янв., 80.
 Ренненкампфъ, ген. 1914 г., т. CLX, нояб., 367, 376, дек., 636—639, 646.
 Ретивцевъ, врачъ, т. CLIX, июль, 114.
 Рибопьеръ, гр., 1809 г., т. CLIX, авг., 274.
 Ризенко, Вас. Пав., проф., р. 1784 г., † 1827 г., т. CLX, нояб., 329, дек., 561.
 Римскій-Корсаковъ, ген. 1822 г., т. CLVII, февр. 470.
 Рихтеръ, ген.-ад. 1887 г., т. CLVIII, июнь, 515, 519, т. CLIX, авг., 299.
 де Ришелье, герц., губернат. Одессы † 1822 г., т. CLX, окт., 130, 137.
 де-Роберти, содержат. пансіона въ Харьковѣ, 1835 г., т. CLX, дек., 470.
 Ровинскій, Д. А., перв. прокур. москов. судебн. палаты р. 1824 † 1895 г., т. CLX, нояб., 387—395.
 Роговскоя, Алсд. Ив., оф. 1877 г., вполн. директ. правовѣд., т. CLVIII, апр., 110, 116, 118.

- Рогуля, капит. 1878 г., т. CLVIII, апр. 115.
- Родзянко, Мих., предсѣд. Гос. Думы, 1914 г., т. CLX, нояб., 228—231, 259—261.
- Рождественскій, протоіер. 1861 г., т. CLVIII, май, 220.
- Рождественскій, адм. 1904 г., т. CLVII, март. 554, 557.
- Розенъ, бар., полков. 1882 г., т. CLX, окт. 84, 85.
- Розенъ, клас. дама, т. CLIX, авг., 233.
- Розенъ, Романъ Романов., дипломатъ, т. CLVIII, май, 334, 335, 355.
- Романовскій, Виф. Сем., т. CLX, нояб., 328.
- Россинъ, Борисъ, оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Ростовцевъ, Як. Ив., т. CLVII, янв., 163, февр., 425, т. CLVIII, апр., 86, т. CLX, окт., 140, 141.
- Рубецъ, Алдр. Гавр., рожд. Шидянская, т. CLVII, янв., 219.
- Рубинштейнъ, Ант. Григ., артистъ, т. CLVII, янв., 117, 122, июнь, 130, т. CLVIII, янв., 522.
- Рубинштейнъ, Н., артистъ, т. CLVIII, май, 312.
- Рузскій, ген. 1914 г., т. CLX, нояб., 369, 382, 383, 384, дек., 648.
- Румель, С., т. CLVII, февр., 298.
- Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канцл., † 1826 г., мин. ин. дѣль, т. CLVII, февр., 309, т. CLVIII, апр., 129, т. CLX, дек., 535.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алсд., р. 1725, † 1796 г., т. CLVIII, апр., 204, 205, июнь, 533, 534, т. CLX, окт., 71—75.
- Русановъ, Д. Я., педагогъ 1885 г., т. CLIX, авг., 354.
- Русовъ, Степ. Вас., акад., † 1842 г., т. CLX, нояб. 327, дек., 566.
- Рутценъ, предсѣд. Калишск. комис. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 265, 266, 285, 292.
- Рушковъ, кадетъ 1-го москов. полка, т. CLX, дек., 587.
- Рыбниковъ, Пав. Ник., калишск. вице-губернат. 1867 г., т. CLVIII, май, 293, 294, 295.
- Рыкачевъ, Ст. В., команд. л.-гв. Волынск. полка 1882 г., т. CLX, окт., 81—86.
- Рылѣевъ, ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 103.
- Рычковъ, Ник. Дм., чл. ликвидац. комис. по крестьян. дѣламъ 1865 г., т. CLVIII, май, 271, 272, 283, 284, 285, 288, 292.
- Рѣпинъ, кн., 1814 г., т. CLVII, мартъ. 620, 621.
- Рюль, банкиръ 1810 г., т. CLX, дек., 538, 539.
- Рюль, Фридр., л.-мед., 1784 г., т. CLX, 525.
- Рязановъ, педаг., т. CLIX, июль, 121.

С.

- Саблуковъ, Алсд. Алсд., почетн. опекунь, р. 1749 † 1828 г., т. CLX, дек., 530—554.
- Сазоновъ, Никол. Ѳед., артистъ, т. CLVII, янв., 72, 73.
- Сазоновъ, Серг. Дм., мин. ин. дѣль, т. CLIX, сент., I—V, т. CLX, окт., 10—58, 207, 210, нояб., 236—239.
- Салвиати, генер. консуль въ Фиуме 1914 г., т. CLX, окт., 35.
- Салтовскій, Ив., оф. 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Салтыковъ (Щедринъ), М. Е., т. CLVIII, апр., 78—84.
- Салтыковъ, гр., Петръ Сем., фельдм. 1772 г., т. CLIX, авг., 322, 324, 325, 326, т. CLX, нояб., 274.
- Сальдернъ, послан. 1762 г., т. CLX, нояб., 274, 283.
- Самаринъ, Юрій Ѳед., т. CLVIII, май, 249, 257.
- Самгинъ, Н. А., инж. путей сообщ. 1905 г., т. CLVII, мартъ, 589.
- Самойлова, гр.-ня, Юл. Пав., см. фонъ деръ Палень.
- Самойловъ, гр., Алсд. Ник., ген. прокур. р. 1744 † 1814 г., т. CLX, нояб. 291.
- Самойловъ, гр., Ник. Алдр., фл.-ад. † 1842 г., послѣдн. изъ рода гр. Самойловыхъ, т. CLX, нояб., 291.
- Самсоновъ, ген. † 1914 г., т. CLX, нояб., 367, 368, 369.
- Сандуновъ, И. М., проф., р. 1769 † 1832 г., т. CLX, нояб., 306.
- Сапири, австро-венгер. посоль въ Петрг. 1914 г., т. CLX, окт., 58.
- Сарандовъ, капит. 1787 г., т. CLVII, янв., 212.
- Сафроновъ, протоіер. 1887 г., т. CLIX, сент. 508, 509.
- Сахаровъ, В. В., воен. мин., т. CLVII, янв., 170, т. CLVIII, июнь, 497.
- Свербеевъ, посоль въ Германіи 1914 г., т. CLX, окт., 45.
- Свиньинъ, Пав. Павл., ред. „Отеч. Зап.“, т. CLIX, июль, 50, т. CLX, дек., 567—672.
- Свитова, Памфиля 1764 г., т. CLIX, авг., 332.
- Свѣтова, помѣщица, т. CLVII, февр., 299.
- Святополкъ-Мирскій, ген. 1878 г., т. CLVIII, апр. 100.

- Севастопуло, повѣренн. въ дѣлахъ во Франціи 1914 г., т. CLX, окт., 12—58.
- Селивановъ, А. Н., ген., т. CLVII, янв., 170.
- Селивановъ, А. Ѳ., т. CLX, дек., 475, 476.
- Семевскій, Мих. Ив., т. CLVII, февр., 288, т. CLIX, сент., VII.
- Семеновъ, Вас. Алекс., т. CLVII, февр., 351.
- Сенатовъ, В., старообр. 1812 г., т. CLVII, янв., 48.
- Сергѣй Александровичъ, вел. князь, т. CLVII, янв. 72, 73, т. CLVIII, апр. 93, май, 231.
- Сергѣй Максимиліановичъ, князь † 1877 г., т. CLVIII, май, 231.
- Серебренниковъ, Васил. Ив., † 1885 г., Углич. мѣщанинъ, т. CLIX, авг., 287—290.
- Серебренниковъ, Ив. Петров., угличскій мѣщанинъ 1849 г., т. CLIX, авг. 287.
- Серебряковъ, Конст. Терент., арт. пѣвецъ, т. CLVII, янв., 125.
- Сеславинъ, Д. Н., дек., 622—625.
- Сеславинъ, Никол. Никит., дек., 622—625.
- Сибуръ, воспитат-ца в. княж. Анны Павловны, т. CLX, дек., 522.
- Сиверсъ, гр., Карлъ Ефим., гофмарш. † 1774 г., т. CLX, нояб., 268.
- Сиверсъ, кап. флота 1714 г., т. CLIX, июль, 59.
- Сиверсъ, гр., главном. въ Варшавѣ, 1813 г., т. CLVII, февр., 337, 338.
- Сиверсъ, гр., Карлъ Ефим., р. 1710 † 1774 г., ген. поруч., т. CLX, дек., 509.
- Сиверсъ, гр., Як., Карл., г.-м. арт., † 1810 г., т. CLX, дек., 520.
- 1754 † 1830 г., морск. мин., т. CLX, дек., 546.
- Симонъ, Кирил., Бѣлозер. архим. 1764 г., т. CLIX, авг. 335.
- Симонъ, архіеп. псковск. 1748 г., т. CLIX, авг., 311.
- Скавронская, гр-ня, Ек. Вас., см. Энгельгардъ.
- Скавронская, Ек. Павл., въ 1 бракѣ княг. Багратіонъ, во 2 бракѣ Гоуденъ, т. CLX, нояб., 290.
- Скавронская, гр-ня, Марія Ив., 1714 г., т. CLX, нояб., 288.
- Скавронская, гр-ня, Мар. Ник., рожд. баронесса Строганова, р. 1731 † 1805 г., т. CLX, нояб., 289.
- Скавронская, гр-ня, Марія Павл., въ 1 бракѣ гр. фонъ деръ Паленъ, т. CLX, нояб., 290.
- Скавронскій, гр., Карлъ Самуилов., 1714 г., т. CLX, нояб., 288.
- Скавронскій, гр., Мартынъ Карл., р. 1714 † 1776 г., т. CLX, нояб., 288, 289, 295.
- Скавронскій, гр., Пав. Мартынов., послѣдній изъ Скавронскихъ по мужск. линіи, послан. въ Неаполѣ, р. 1757, † 1793 г., т. CLX, нояб., 288, 289, 290, 295.
- Скалонъ, Д. А., ген. 1878 г., т. CLVII, мартъ, 517, т. CLVIII, апр. 118.
- Скарятинъ, фл.-ад. 1849 г., т. CLVII, янв. 55.
- Скворцовъ, В. М., редакт. „Колокола“, т. CLVII, янв., 48.
- Скобелевъ, М. Д., т. CLVIII, апр., 95, 102, 106, 110; т. CLIX, июль, 67—75, авг. 265; т. CLX, окт., 81—86.
- Скобельцынъ, Н. М., ген.-лейт., т. CLVII, февр., 298.
- Скорбневъ, В. И., смотрит. тобольск. уѣздн. учил. 1850 г., т. CLIX, авг. 288.
- Скоринъ, Георг., топографъ 16-го в., т. CLX, нояб., 309.
- Скороспѣловъ, худож., т. CLX, дек., 572, 575.
- Скугаревскій, А. П., ген., т. CLVII, янв., 170.
- Славлевъ, сообщ. „Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры“, т. CLVII, янв., 104—113, февр., 324—331, мартъ, 552—558.
- Славянскій, Д. А., т. CLIX, сент., 530, 531.
- Слезкинская, З., сообщ. „Сумнительный рублевикъ“, т. CLX, дек. 605—607.
- Слеторскій, адъют., т. CLX, дек., 587, 588.
- Словцовъ, Григ., протоіер. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
- Слуцкій, Серг. Алсд., инспект. александр. военн. учил. 1863 г., т. CLVII, янв., 164, 167, т. CLVIII, апр. 167, 168, т. CLX, нояб. 356, дек., 582.
- Случевскій, В. К., предсѣд. спб. окружн. суда 1789 г., т. CLVII, февр., 244, сообщ. „Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ“, т. CLVIII, апр., 60—67.
- Случевскій, К. К., писат. 1877 г., т. CLVIII, май, 234.
- Слюсаренко, Ник. † 1905 г., т. CLIX, июль, 175.
- Смирновъ-Платоновъ, протоіер., редакт. журн. „Дѣтская Помощь“. 1881 г., т. CLVII, янв. 53.
- Смирновъ, Г. Е., старообрядецъ, т. CLVII, янв., 41.
- Смиттенъ, Ек., въ зам. Христіани, т. CLIX, авг., 245, 247.
- Смольяниновъ, прап. 1904 г., т. CLVII, янв., 173.

- Сморodinovъ, В. Г., сообщ. „Время службы моей въ Варшавскомъ учебн. округѣ“, т. CLIX, авг., 352—371, сент., 488—553, т. CLX, окт., 109—128.
- Снегиревъ, Ив. Мих., проф., цензоръ, р. 1793 † 1868 г., т. CLIX, авг., 291, 292, т. CLX, нояб., 302—330, дек., 561—575.
- Соболевскій, Серг. Алсд., библиогр., † 1870 г., т. CLX, дек., 567.
- Собольщниковъ, библиотекаръ пуб. библ., т. CLVII, янв., 202, 208.
- Соколовъ, П. Н., сообщ. „Межевой“, повѣсть изъ жизни землеустроителей 90-хъ годовъ, т. CLIX, сент., 465—484.
- Соколовъ, управл. казнач. въ Калишѣ 1914 г., т. CLX, окт., 213.
- Соколовъ, докт. 1865 г., т. CLVIII, май, 430.
- Сокольскій, А. О., т. CLX, дек., 575.
- Сокольскій, А. Я., т. CLX, дек., 568.
- Сокольскій, Петръ Ив., проф., 1833 г., т. CLX, дек. 465—478.
- Соллогубъ, г.-л. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.
- Соловьевъ, Леонидъ Ѳед., углич. гражд. 1887 г., т. CLIX, авг. 297, 300, 303, 304, 305.
- Соловьевъ, Н. И. сообщ. „Исторія и судьба“, Клѣтка Пугачева, т. CLX, нояб. 331—334.
- Соловьевъ, Серг. Мих., проф., т. CLX, окт., 143, 144.
- Соловьевъ, С. Ѳ., купецъ, т. CLVII, янв., 202.
- Соловьевъ, Як. Алдр., чл. редакц. комис., т. CLVIII, май, 249—303.
- Сольская, Марія Алдр., т. CLVIII, апр. 85.
- Сольскій, Д. М., госуд. секрет., 1878 г., т. CLVIII, т. CLVIII, апр., 85, 89.
- Сорокинъ, А., единовѣрецъ 1812 г., т. CLVII, янв., 48.
- Сосняковъ, Никол. Адрианов., т. CLX, сент., 507.
- Спалайковичъ, М. И., сербск. посланн. 1914 г., т. CLX, окт., 211, нояб., 233, 234.
- Спасовичъ, В. Д., юристъ, т. CLX, нояб. 395, дек., 473, 474.
- Сперанскій, гр. М. М., т. CLVII, февр., 309, 316, т. CLX, дек., 541.
- Спичаговъ, чиновн., т. CLVIII, июнь, 583.
- Срезневскій, Изм. Ив., проф., 1835 г., т. CLX, дек., 468.
- Срѣтенскій, Д. И., педагогъ 1885 г., т. CLIX, авг., 354, 355.
- Стааль, Е. Е., дипломатъ, т. CLVII, мартъ, 674.
- Станиславскій, М. В., сообщ.: „Эд. Фр. Направникъ“, т. CLVII, янв., 114—131; „Мысли, воспомина- ния и эпизоды изъ эпохи наполео- новскихъ войнъ“, янв., 146—157, февр., 336—342, мартъ, 619—630, т. CLVIII, апр., 149—158; „Воспомина- ния иностранцевъ о пребываніи Имп. Николая I за границей“, май, 459—469.
- Стасюлевичъ, М. М., публицистъ 1865 г., т. CLVIII, апр., 55, т. CLIX, авг., 243.
- Стахивъ, Алдр. Стахив., секрет. русск. мисси въ Копенгагенѣ 1761 г., т. CLX, нояб., 265.
- Стаховичъ, комис. по крестьян. дѣламъ 1867 г., т. CLVIII, май, 294.
- Стаховичъ, 1889 г., т. CLVII, янв., 72, 73.
- Стенбокъ-Ферморъ, гр., шталм., т. CLVII, мартъ, 521.
- Степановъ, П. И., сообщ. „Таин- ственный преступникъ“, т. CLVII, февр., 332—335.
- Столпына, Вѣра Аркад., см. Го- лицына.
- Столпына, Екат. Аркад., въ зам. Кочубей, т. CLVII, янв., 62.
- Столпына, Мар. Аркад., по перв. мужу Бекъ, по второму княг. Вязем- ская, т. CLVII, янв., 62.
- Столпынъ, шталмейст. 1865 г., т. CLVIII, июнь, 608.
- Стойновскій, Н. И., т. CLVII, янв., 6, т. CLX, нояб., 394.
- Стоюнинъ, проф. 1861 г., т. CLVIII, май, 220.
- Стравинскій, Ѳед. Игн., артистъ, т. CLVII, янв., 126.
- Страховъ, П. Н., т. CLX, нояб., 307.
- Стремоуховъ, Петръ Ник., чиновн. мин. ин. дѣлъ, т. CLVIII, май, 333—337, 342, 355.
- Строганова, баронес. М. Н., см. Скавронская.
- Строгановъ, гр., А. С., дир. имп. библиот., † 1811 г., т. CLVII, янв., 197, 198, т. CLX, дек., 533.
- Строевъ, Пав. Мих., археогр., р. 1796 † 1876 г., т. CLX, дек., 565, 569.
- Струкова, рожд. Арбузова, т. CLVIII, апр., 86.
- Струковъ, А. П., сообщ. „Изъ се- мейной хроники“. Мои воспомина- ния о турецкой войнѣ 1877—78 гг., т. CLVIII, апр., 85—119.
- Стрѣльбицкій, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.

- Стуартъ, Дм. Фед., дипломатъ, т. CLVIII, май, 334, 335, 343, 349, 351.
 Студзинская, въ зам. Лазарева, т. CLIX, авг., 245.
 Стуколкинъ, танцмейст., 1860 г., т. CLIX, авг., 244.
 Стунѣва, Дометіана, монахиня, 1764 г., т. CLIX, авг., 332.
 Стэдъ, 1900 г., т. CLX, окт., 59—68, нояб., 336—352, дек., 458, 461, 464.
 Субботинъ, проф., т. CLVII, янв., 48, 50.
 Суворова, Алдр. Богодаровна, нач. Радом. гимназ. 1885 г., т. CLIX, авг., 367.
 Суворовъ, И., сообщ.: „Буйство иноземца въ г. Вологдѣ“, т. CLVII, апр., 206; „Указъ о заготовкѣ провіанта въ началѣ Великой Сѣверной войны 1702 г.“, т. CLIX, июль, 106—109.
 Суворовъ, кн., А. В., † 1800 г., т. CLVII, янв., 197.
 Суворовъ, Вас. Ив., ген.-поруч. р. 1705 † 1776 г., т. CLX, дек., 508.
 Судейкинъ, В. Т., сообщ. „Его Высочество князь Олегъ Константиновичъ“, т. CLX, нояб., 284—287.
 Сулоцкій, А., протоіер., археологъ, т. CLIX, авг., 292, 295.
 Суслинъ, Евд. Фед., т. CLVII, мартъ, 608, 616.
 Сухомлиновъ, Вдмр. Алекдр., военн. мин. 1914 г., т. CLX, нояб., 253.
 Сухомлиновъ, М. И., акад., т. CLVII, мартъ, 545. т. CLX, дек., 472—480.
 Сѣровъ, композиторъ, т. CLVII, янв., 120.

Т.

- Тальони, танцовщица 1853 г., т. CLVII, мартъ, 570—572.
 Таранъ, С. С., 1865 г., т. CLVIII, июнь, 530.
 Тарновская, Варв. Павл., т. CLVII, февр., 282.
 Тарновская, Прасков. Ник., т. CLVII, февр., 282.
 Татаровъ, Н. В., протоіер. 1891 г., т. CLIX, сент., 488.
 Татищевъ, Алексѣй Данил., ген.-полиційм., т. CLIX, авг., 312.
 Татищевъ, Алсд. Ив., ген.-отъ-инф., 1820 г., т. CLIX, июль, 184.
 Татищевъ, Леон. Дм., ген.-лейт., † 1881 г., т. CLVIII, май, 230.
 Татищевъ, Серг. Спиридонов., т. CLVIII, май, 349, 350, 351.
 Татищевъ, дипломатъ 1812 г., т. CLVII, февр., 372.
 Телепневъ, Е. П., т. CLX, дек., 566.
 Тенишевъ, кн., Астрах. гражд. губернат. 1805 г., т. CLVIII, июнь, 526, 527.
 Теренинъ, Мих. Ник., т. CLVIII, апр., 86.
 Тернеръ, т. CLVII, февр., 351.
 Тетцманъ, управл. имѣніемъ Асканія-Нова 1833 г., т. CLVIII, май, 366—368.
 Тимашевъ, мин. вн. дѣлъ 1871 г., т. CLVIII, май, 386.
 Тимофеевъ-Рясовскій, В. В., инж. п. с. 1805 г., т. CLVII, февр., 354.
 Тимофеевъ, свящ., т. CLVII, февр., 247.
 Тимофеевъ, драгоманъ 1849 г., т. CLVII, янв., 58.
 Тимофѣевъ, ген.-лейт., † 1889 г., т. CLIII, май, 229.
 Тимофеевъ, митроп. москов. 1764 г., т. CLIX, авг., 328.
 Тимошукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Донесенія австр. посланн. при русск. дворѣ Лебцельтерна“, т. CLVII, янв., 84—94, февр., 368—377; „Имп. Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ“, янв., 135—145, февр., 386—395; „Записки графа Н. П. Игнатъева“, т. CLVIII, апр., 35—47.
 Тирпицъ, герман. адмир. 1914 г., т. CLX, нояб., II.
 Титова, рожд. гр-ня Хребтовичъ, т. CLVII, янв., 61.
 Титовъ, А. А., т. CLX, нояб. 302.
 Титовъ, Влад. Павл., посланн. въ Константиноп. 1849 г., т. CLVII, янв., 59, 60, 61, 62, 64, февр., 406.
 Тихвинскій, Андрей, протоіер. 1825 г., т. CLX, нояб., 323.
 Тихоцкій, директ. I-го кадет. корп., т. CLVIII, апр., 162, т. CLVIII, апр., 162.
 Ткаченко, Дм., оф., † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
 Тологановъ, Радом. губернат., т. CLIX, авг., 356, сент., 508, 509.
 Толстой, Алек. Ник., 1860 г., т. CLVII, мартъ, 523, 531.
 Толстой, гр., Д. А., т. CLVIII, апр. 81—84, т. CLX, дек., 457.
 Толстой, Ив. Матв., т. CLVII, мартъ, 523.
 Толстой, гр., Левъ Никол., писат., т. CLVIII, апр., 149.
 Толстой, гр., Ф. А., сенат., 1830 г., т. CLVII, янв., 200.
 Толстой, гр., об.-гофм. 1808 г., т. CLVII, февр., 309.
 Тормасовъ, г.-л. 1812 г., т. CLVIII, май, 309—311.
 Тотлебенъ, Эд. Ив., военн. инж., † 1884 г., т. CLVII, янв., 151, т. CLVIII, апр., 107.

Де-Траверсе, И. И., маркизь, р. Трейблютъ, д. ст. сов., т. CLIX, авг., 318.

Третьяковъ, Данил., 1591 г., т. CLIX, авг., 282.

Тройницкій, Алдр. Григ., статистикъ 1862 г., т. CLVII, февр., 433, 435, 436, т. CLVIII, апр. 55.

Тройницкій, В. А., Тобольск. губернат. 1888 г., т. CLIX, 302.

Трофимовъ, В. Н., помѣщ. 1861 г., т. CLVII, мартъ, 645.

Трубецкая, княж., Над. Алексѣев., Фрейлина 1860 г., т. CLVII, мартъ, 520.

Трубецкая, княг., Ел., т. CLVII, мартъ, 523.

Трубецкой, кн. Никита Юрьев., ген., фельдмаршл. р. 1699 † 1767 г., т. CLX, дек., 510.

Трубецкой, кн., Петръ Никит., т. CLVII, мартъ, 523, т. CLIX, авг., 336.

Трубецкой, кн., фельдм. 1762 г., т. CLX, нояб., 274.

Туганскій, свящ. 1887 г., т. CLIX, сент., 509.

Тургеневъ, Ив. Серг., т. CLX, дек., 479.

Тургеневъ, Ив. Серг., † 1883 г., т. CLVII, февр., 405, 406, т. CLVIII, апр., 52, 81, т. CLX, дек., 479.

Тургеневъ, Мих. Борисов., помѣщ. 1865 г., т. CLVIII, май, 253, 261, 269, 270.

Тургеневъ, Никол., т. CLVII, мартъ, 625.

Туркестанова, княжна, Варвара Ильин., р. 1775, † 1819 г., т. CLVII, янв., 27—38.

Турцевичъ, Осипъ Антон., инж. путей сообщ. † 1901 г., т. CLVII, мартъ, 583, 584, 591, 592.

Тутолминъ, Ив. Акинф., директ. москов. воспит. дома, 1810 г., т. CLX, дек., 528.

Тутолминъ, Ив. Вас., почетный опека., р. 1762 † 1815 г., т. CLX, дек., 519.

Тюмень, З. И., сообщ. „Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника“, т. CLVIII, апр., 207—208.

Тютчева, Екат., т. CLX, дек., 464.

Тюринъ, художн., т. CLVII, янв., 209.

Тютчевъ, Ѳед. Ив., поэтъ, т. CLVII, янв., 61, февр., 292.

У.

Убри, Посоль въ Берлинъ 1877 г., т. CLVII, апр., 11, 15.

Уварова, Ек. Серг., рожд. Лукина, т. CLVII, мартъ, 608, 618.

Уваровъ, гр., т. CLX, дек., 475, 476.

Уваровъ, Ѳед. Алсд., т. CLVII, мартъ, 608.

Ульрихъ, Юлій Петр., авторъ учебниковъ по исторіи, т. CLX, дек., 570.

Урбанскій, ксендзь 1887 г., т. CLIX, сент., 550.

Урусовъ, кн., А. И., т. CLX, нояб., 394.

Уссаковскій, г.-м. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 498.

Ушаковъ, Пав. Петр., воспитат. в. кн. Николая Павловича, р. 1779 † 1853 г., т. CLX, дек., 538.

Ушинскій, К. Д., педагогъ, т. CLIX, авг., 229, 246, 247.

Ф.

Фальбергъ, паст. 1810 г., т. CLX, дек., 553.

Фальць-Фейнъ, Эд. Ив., т. CLIX, июль, 19.

Фальць-Фейнъ, Ив. Ив., помѣщ., родонач. Фальць-Фейновъ, т. CLIX, июль, 19.

Фальць-Фейнъ, Софья Богдан., т. CLIX, июль, 20.

Фальць-Фейнъ, Ѳед. Эд., владѣлецъ Асканіи-Нова, р. 1863 г., т. CLVIII, май, 356—371, т. CLIX, июль, 19—38.

Фарфаровскій, С., сообщ.: „Выписки изъ синодика Никейскаго собора“, т. CLVIII, апр., 209, 210.

Федоровъ, В. П., сообщ.: „Исторія повторяется. Рескриптъ в. кн. Константину Павловичу за собственноручной подписью имп. Александра I“, т. CLVII, февр., 470, „Изъ далекаго прошлаго“. Письмо княг. Голицыной къ Я. Ѳ. Долгорукому 1704 г., т. CLVIII, апр., 172.

Федоровъ, Новорос. ген.-губерн. 1849 г., т. CLVII, янв., 58, 71.

Фейнъ, Елиз. Ѳед., въ зам. Фальць, т. CLIX, июль, 19.

Фейнъ, Ѳед. Ив., 1856 г., т. CLIX, июль, 19.

Фельдманъ, Ф. А., ген., т. CLVII, мартъ, 653, т. CLVIII, июнь, 497.

Фелькерзамъ, бар., чл. госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 247.

Ферморъ, гр., ген. 1750 г., т. CLIX, авг., 315, т. CLX, окт., 71.

Фигнеръ, Медея, арт-ка, т. CLVII, янв., 125.

Фигнеръ, Н. Н., арт.-пѣвецъ, т. CLVII, янв., 125.

- Филаретъ (Дроздовъ), митр. москов., т. CLX, нояб., 303, 305, 388, дек., 575.
 Филаретъ Никитичъ, патриархъ, т. CLVII, февр., 463—467.
 Филевичъ, проф. 1899 г., т. CLX, окт., 112.
 Филипповъ, С. Т., т. CLIX, сент. 463, 464.
 Философова, Анна Пав., т. CLVII, февр., 282.
 Фишеръ, Соф. Ник., основатца 1-й женск., классич. гимназ. въ Москвѣ, т. CLX, дек., 457.
 Флавіанъ, архіеп. Варшав. 1894 г., т. CLIX, авг., 370, 371.
 Флоровъ, поруч. 1904 г., т. CLVII, янв., 172, 174.
 Фохтъ, оф. генер. штаба, 1885 г., т. CLX, дек., 603.
 Францъ-Іосифъ, имп. австрійск., т. CLIX, сент., VI—VIII.
 Францъ - Фердинандъ, австр. наслѣд. престола † 1914 г., т. CLX, нояб., III.
 Фредериксъ, Мар. Петр., фрейл. 1860 г., т. CLVII, мартъ, 520.
 Фрезе, А. А., ген. 1877 г., т. CLVIII, апр., 106, 112, 113, 116, 118, 119.
 Фрейгангъ, Алдр. Васил. ген.-м. 1863 г., т. CLVII, янв., 161, 162.
 фонъ-Фрейгангъ, ст. сов. 1826 г., т. CLVIII, май, 357, 358.
 Фрейлебенъ, членъ комис. по крестьян. дѣламъ 1885 г., т. CLVIII, май, 285.
 Фридландеръ, О., сообщ.: „Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ“, т. CLVII, янв., 76—83.
 Фридманъ, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 249.
 Фроловъ, г.-м. 1898 г., т. CLVIII, июнь, 498.

Ж.

- Халчинскій, совѣт. посольств. въ Константиноп. 1849 г., т. CLVII, янв., 59, 61.
 Ханджерли, кн., драгоманъ въ Константиноп. 1879 г., т. CLVII, янв., 62, 64.
 Ханенко, Мих. Осип., проф., р. 1779 † 1839 г., т. CLX, нояб., 319.
 Ханыковъ, диплом. 1808 г., т. CLVII, февр., 316.
 Хаустовъ, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 246.
 Хворостининъ, кн., Ив. Дм., воевода 1614 г., т. CLX, дек., 626—632.

- Хитрово, Н. М., сообщ.: „Мои отношенія къ штабу отдѣльн. корп. жандармовъ въ 1871 г., шефу жанд. гр. Шувалову и извѣстн. публицисту славянофилу г. Аксакову“, т. CLVIII, май, 383—391.
 Хитрово, ген. 1825 г., т. CLVII, февр., 309, т. CLX, нояб., 328, дек. 571.
 Хитровъ, г.-м., почетн. чл. москов. унив., 1825 г., т. CLX, нояб., 330.
 Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат. † 1860 г., т. CLVII, янв., 194, 195.
 Храповицкій, Ив. Сем., т. CLX, дек., 565.
 Хребтовичъ, гр-ня, см. Бутенева.
 Хребтовичъ, гр-ня, см. Титова.
 Хрущовъ, чл. сов. мин. нар. просв. 1891 г., т. CLIX, сент., 488, 489.

Ц.

- Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣев., проф., † 1835 г., т. CLX, нояб., 304, 305, 326, 327, 329, дек., 568.
 Цинглеръ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
 Циціановъ, кн., Астрах. воен. губернат. 1805 г., т. CLVIII, 526, 527.
 Цуриковъ, офиц. 1877 г., т. CLVIII, апр., 99, 100.

Ч.

- Чайковскій, Петръ Ильичъ, композиторъ, т. CLVII, янв., 127.
 Чапони, маіоръ, 1787 г., т. CLVII, янв., 212.
 Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. т. CLVII, янв., 137, 141, февр., 388, т. CLIX, сент. 392.
 Чевилевъ, профес., т. CLVIII, май, 221.
 Чепелевскій, полков., артил. 1863 г., т. CLX, нояб., 353.
 Чепчуговъ, Степ. Никиф., воевода 1613 г., т. CLVII, февр., 396—402.
 Черепнинъ, авт. историч. очерка Смольн. инстит., т. CLIX, авг., 275, 277, 278, 280.
 Черкасскій, кн., Вл. Алдр., † 1878 г., т. CLVIII, май, 249, 257.
 Черчесова, Нат. Ник., 1860 г., т. CLVII, мартъ, 520.
 Чернышевъ, ген. 1762 г., т. CLX, нояб., 279.
 Чернявскій, синод. чиновн. 1764 г., т. CLIX, авг., 332, 334.
 Черняевъ, М. Г., ген. 1878 г., т. CLVII, февр., 352, т. CLVIII, июнь, 603, т. CLIX, авг., 256, 260.

- Черняевъ, драгоманъ въ Константиноп. 1879 г., т. CLVII, янв., 64.
- Чертковъ, Варшав. ген.-губ., т. CLX, окт., 127.
- Чехъ, Ан. Гавр., рожд. Шидянская, т. CLVII, янв., 219.
- Чехъ, И. С., т. CLVII, янв., 217.
- Чехъ, С. С., сообщ.: „Елена Ивановна Шидянская“, т. CLVII, янв., 212—220.
- Чихачевъ, Д. Н., сообщ.: „Добрыничскій семейный архивъ Чихачевыхъ“, т. CLIX, сент., 444—459.
- Чихачевъ, Алсд. Петр., почетн. опекунъ, 1810 г., т. CLX, дек., 529.
- Чихачевъ, Ник. Матв., ген. 1805 г., т. CLIX, сент., 444—459.
- Чумаковъ, Ѳед. Ив., проф. матем., р. 1782 † 1837 г., т. CLX, нояб., 303.
- Ш.**
- Шавельскій, протопресв. 1914 г., т. CLX, нояб., III.
- Шаликова, княжна, въ зам. Каткова, т. CLX, дек., 456.
- Шаликовъ, кн., писат., т. CLX, дек., 563, 572.
- Шамшинъ, Г. И., сенат. 1912 г., т. CLVIII, май, 392.
- Шамшинъ, И. И., т. CLVIII, апр., 89.
- Шарнгорстъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Шароновъ, Вас. Семен., арт.-пѣвецъ, т. CLVII, янв., 125.
- Шахматова, Праск. Ив., рожд. Нечасва, т. CLVIII, апр., 22, 28, 31, 32.
- Шахматова, Мар. Степан., рожд. Вышеславцева, т. CLVIII, апр., 21, 25, 26.
- Шауфусъ, Никол. Конст., мин. пут. сообщ., т. CLVII, янв., 170, мартъ, 582, 584, 586.
- Шахматовъ, Алексѣй Лукичъ, т. CLVIII, апр., 21.
- Шахматовъ, Артам. Лукичъ, т. CLVIII, апр., 22, 28, 29.
- Шахматовъ, Вячеславъ, сообщ.: „Страничка семейной хроники“, т. CLVIII, апр., 20—34.
- Шахматовъ, Ник. Алексѣев., т. CLVIII, апр., 21, 29, 31, 32.
- Шахматовъ, акад., т. CLVII, февр., 286, 287.
- Шаховскоя, кн., Ник. Леонт., почетн. опекунъ, р. 1758 † 1836 г., т. CLX, 541.
- Шмидтъ, Ѳед. Андр., проф. 1825 г., т. CLX, нояб., 320.
- Шмидтъ, инспект. Демид. учил. въ Ярославлѣ, р. 1766, † 1845 г., т. CLX, нояб., 319.
- Шпановъ, земск. нач., т. CLVII, февр., 249.
- Шпилевскій, Серг. Мих., проф., директ. Ярослав. лицея, т. CLX, окт., 144.
- Шредеръ, И. Н., скульпт. 1888 г., т. CLVIII, июнь, 490.
- Штакельбергъ, гр., послан. въ Туринѣ, 1860 г., т. CLVII, мартъ, 519, 528, 532.
- Штейнъ, бар., госуд. дѣят., † 1831 г., т. CLVII, февр., 342, 389, мартъ, 620, 622, 623, 624, т. CLVIII, апр., 90, 92, 99.
- Штрандтманъ, повѣрен. въ дѣлахъ въ Сербіи 1914 г., т. CLX, окт., 5—58.
- Штубендорфъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Шубинова, Алд-а, монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 332.
- Шубинскій, ред. „Историч. Вѣсти.“, т. CLX, дек., 479.
- Шувалова, гр-ня, рожд. княж. Одоевская, † 1761 г., т. CLVIII, июнь, 543.
- Шуваловъ, гр., Андрей Петр., земскій дѣят. 1865 г., т. CLVIII, апр., 52.
- Шуваловъ, гр., И. И., камергеръ, т. CLX, дек., 509—512.
- Шуваловъ, гр., Пав. Андр., т. CLVII, мартъ, 523, 524, 527, 528.
- Шуваловъ, гр., Петръ Андр., дипломатъ, † 1889 г., т. CLVII, янв., 4—13, мартъ, 674, т. CLVIII, май, 241—246, 383—409, июнь, 444—458, т. CLIX, июль, 5—18, авг., 197—206, сент. VII.
- Шуваловъ, гр., Петръ Ив., ген.-фельдм., р. 1711, † 1762, т. CLVIII, июнь, 542, 547, CLX., окт., 76, нояб., 266—279, т. CLX, дек., 512.
- Шулькевичъ, Серг., оф. † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Шуйскій, Вас. Ив., царь, т. CLIX, авг., 284, 285.
- Шумахеръ, 1762 г. т. CLX, дек., 505, 506.
- Шумигорскій, Евг. Севастьян., сообщ.: „Фердинандъ Кристинь и княжна Туркестанова“, т. CLVII, янв., 27—38, „Письмо имп. Александра I императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа“, мартъ, 483—490, „Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина“, мартъ, 631—641, „Къ исторіи императора Павла“, т. CLVIII,

- май, 247. „Донесенія датскаго посланника гр. Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотъ 1762 г.“, июнь, 539—547, т. CLX, окт., 70—80, нояб., 262—280, дек., 504—512. „Смольный институтъ и его роль въ исторіи женскаго образованія въ Россіи“, авг., 269—280. „Основаніе Смольнаго монастыря“, авг., 306—351. „Кто освободилъ Пруссію въ 1813 г.“, сент., 389—401. „Изъ неиздан. записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина“, т. CLX, окт., 106—108, нояб., 296—301.
- Шванебахъ, Борисъ Ант., инж.-ген., † 1906 г., т. CLVII, янв., 158—170, т. CLVIII, апр., 159—169, т. CLX, окт., 139—146, нояб., 353—363, дек., 581—593.
- Шебеко, посолъ въ Австро-Венгрію 1914 г., т. CLX, окт., 33—58.
- Шевичъ, Ив. Георг., ген. 1812 г., т. CLX, окт., VI, VII, дек., 519.
- Шевченко, Т. Г., писат., т. CLVIII, май, 305—308.
- Шельтингъ, кап. флота 1714 г., т. CLIX, июль, 53, 58.
- Шереметьевъ, гр., С. Д. полковн., 1878 г., т. CLVIII, май, 230.
- Шестаковъ, Виленск. губернат., т. CLVIII, июнь, 582.
- Шестовъ, Ив. Ив., единовѣрецъ 1887 г., т. CLVII, февр., 346.
- Шешковскій, нач. тайн. экспедиц. 1791 г., т. CLVIII, май, 415, 416.
- Шидловскій, Вл. Дм., помѣщ. 1867 г., т. CLVII, февр., 284.
- Шидловскій, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, нояб., 255.
- Шидянская, Ел. Ив., капитанъ амазон. роты 1787 г. † 1849 г., т. CLVII, янв., 212—220.
- Шидянскій, Гавр., т. CLVII, янв., 219.
- Шильдеръ, Н. К., воен. инж., историкъ, † 1902 г., т. CLVII, янв., 211.
- Шишковъ, госуд. секрет., т. CLIX, сент., 393, т. CLX, дек., 566.
- Шлиппенбахъ, Конст. Антон., т. CLVII, янв., 134.
- Шмелингъ, Ив., оф. † 1905 г., т. CLIX, июль, 175.

Щ.

- Щебальскій, редакт. Варшавск. Дневника, т. CLIX, сент. 504.
- Щегловитовъ, И. Г., об.-прокур. кассац. деп. сената 1901 г., т. CLVII, янв., 11, февр., 269.
- Щегловъ, студ. Кіев. унив. 1835, т. CLX, дек., 468.

- Щепкинъ, Пав. Степ., проф., р. 1793 † 1836 г., т. CLX, нояб., 329, дек., 561, 562.
- Щербатова, княг., М. Н., рожд. Деревницкая, т. CLVIII, май, 288.
- Щербатовъ, кн., Алдр. Петр., ген.-лейт., Калишск. губернат. 1867 г., т. CLVIII, май, 287, 288, 293, 294, 298.
- Щербатовъ, кн., Г. А., попечит. петгр. окр. 1857 г., т. CLVII, февр., 404.
- Щербачевъ, Д. Г., нач. акад. ген. штаба, т. CLVII, янв., 170.
- Щербовъ - Нефедовичъ, г.-л. 1897 г., т. CLVIII, июнь, 497.
- Щербовъ - Нефедовичъ, П. О., т. CLVII, янв., 170.

Э.

- Эберсъ, студ. 1824 г., т. CLX, дек., 558—560.
- Эвальдъ, профес. 1861 г., т. CLVIII, май, 220.
- Энгельгардъ, Ек. Вас., по 1 мужу гр-ня Скавронская, во втор. бракъ гр. Литта, р. 1761 † 1829 г., т. CLX, нояб., 289, 290, 291, 295.
- Энде, бар., гофмарш. в. княг. Маріи Павловны, 1810 г., т. CLX, дек., 542, 543.
- Эрдели, адъют. Скобелева 1882 г., т. CLX, окт., 85.

Ю.

- Юдинъ, П., сообщ.: „Посольство Марини къ шаху Аббасу“, т. CLX, дек., 626—632.
- Юзвизкій, Алексѣй Алдр., т. CLVIII, апр., 160.
- Юзвизкій, Вл. Алдр., поруч. 1857 г., т. CLVIII, апр., 159, 160, 161.
- Юнгерь, полковн. 1774 г., т. CLVIII, апр., 25.
- Юсуповъ, кн., Ник. Борис., сенат., р. 1750 † 1831 г., т. CLX, дек., 557.
- Юсуповъ, кн., 1861 г., т. CLVII, янв., 117, 128, 129.
- Юшеновъ, Пав. Ник., поруч. артл. 1863 г., т. CLVII, янв., 167, т. CLVIII, апр., 167, т. CLX, дек., 582.

Я.

- Языковъ, Мих. Алдр., директ. стеклян. завода 1860 г., т. CLVII, февр., 405.
- Языковъ, Ник. Мих., поэтъ, † 1843 г., т. CLVIII, июнь, 505, 506.
- Яковлева, Зоя Юрьев., т. CLVIII, май, 337.

- Яковлевъ, В., сообщ. примѣч. къ письмамъ Гончарова къ Никитенко, т. CLVII, февр., 403—437, мартъ, 538—551, т. CLVIII, апр., 48—59.
- Яковлевъ, Савва Мих., т. CLVIII, май, 337.
- Яковлевъ, Дмитр. Васил., полковн., воен. инж. 1914 г., т. CLX, нояб., III.
- Якубовичъ, Н., директ. Симбир. кадет. корп. съ 1878 по 1903 г., сообщ.: „Лѣтопись и мысли стараго педагога“, т. CLVIII, июнь, 615—622, т. CLIX, июль, 110—180.
- Яронскій, чл. Госуд. Думы 1914 г., т. CLX, окт., 211, нояб., 247.
- Ярошенко, художн., 1890 г., т. CLVIII, июнь, 492.
- Ярченко, Ник., оф., † 1904 г., т. CLIX, июль, 175.
- Яцынина, Евг. Мих., монахиня 1764 г., т. CLIX, авг., 330.

В.

- Ваворскій, Мих. Петр., священ., т. CLIX, сент., 412.
- Ваддеевъ, полков. 1877 г., т. CLIX, июль, 78—85.
- Веодоръ Іоанновичъ, царь. т. CLIX, авг., 284, 285.
- Веодосій Янковскій, архіеп. петгр., † 1750 г., т. CLIX, авг., 311.
- Веокистовъ, Е. М., т. CLVIII, апр., 52.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

